ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И

ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

МОРИЦА КАРРЬЕРА.

Переводъ Е. Корша.

ТОМЪ V

и послѣдній.

ПОРА ДУХОВНАГО РАЗСВѢТА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

ИСКУССТВО

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ОБЩИМЪ РАЗВИТІЕМЪ КУЛЬТУРЫ

И

ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

МОРИЦА КАРРЬЕРА.

Переводъ Е. Корша.

ТОМЪ V

и послѣдній.

ПОРА ДУХОВНАГО РАЗСВѢТА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ осьмнадцатомъ вѣкѣ господствующей силою выступилъ разсудокъ, чѣмъ отчасти объясняется и то, что историки этого вѣка особенно выдвинули впередъ вліяніе литературы на жизнь народовъ. Вслѣдъ за Виллъменомъ и Шлоссеромъ, изобразившими въ такомъ смыслѣ культурное развитіе Англіи и Франціи, Гервинусъ присоединилъ къ тому Германію, а Геттнеръ изложилъ литературное движеніе всей западной Европы вообще въ подробномъ сочиненіи, съ которымъ въ эстетическомъ отношеніи я по большой части согласенъ, хотя организмъ моей книги вынуждалъ меня къ бо̀льшей сжатости, да притомъ основно̀е начало и цѣль жизнеразвитія представляются мнѣ иначе. Какъ этимъ предшественникамъ за осьмнадцатый вѣкъ, такъ равно за литературу девятнадцатаго обязанъ я во многомъ Гиллебранду и Шерру, Юліану Шмидту и Готтшаллю; основательныя сужденія этихъ, да равно и другихъ писателей приводилъ я охотно и съ благодарностью, не говоря уже о томъ, что лѣтъ тридцать принималъ и самъ дѣятельное участіе въ критической оцѣнкѣ поэзіи и искусства. Въ теченіе осьмнадцатаго вѣка преобладали философія и критика, въ девятнадцатомъ — естествовѣдѣніе, историческій смыслъ и признаніе совершившихся фактовъ; съ этой точки зрѣнія я и набросалъ свою картину.

Съ хорошимъ примѣромъ Англіи и съ блистательнымъ успѣхомъ Франціи передъ глазами, медленно подростала между-тѣмъ Германія; но зато, благодаря Лессингу и Канту, благодаря Гёте и Шиллеру, она овладѣла потомъ умственнымъ верховодствомъ въ Европѣ. И то что̀ изъ хода этого развитія я только думалъ еще предсказать, то самое, къ сердечной моей радости, совершилось уже на дѣлѣ: въ сильной и единой Германской имперіи пріобрѣли

мы наконецъ общее отечество; такъ точно надѣюсь я что скоро сложится у насъ крѣпкое убѣжденіемъ научное и нравственно-религіозное міросозерцанье въ которомъ образованность совершенно примирится съ христіанствомъ: вотъ помоему цѣль нашей разнообразной умственной борьбы; если культурѣ нашей не суждено вконецъ распасться и погибнуть, она непремѣнно должна одолѣть и поповскій іезуитизмъ и матерьялизмъ головы и сердца.

Оканчиваю съ чувствомъ благодарности и невольной грусти книгу, которая занимала меня столько лѣтъ. Я задумалъ ее еще въ Гисенѣ, свѣжимъ, начинающимъ юношей, а къ выполненію приступилъ въ Мюнхенѣ, посреди семейнаго счастія и самаго живаго общенія съ мастерами искусства и науки. Съ тѣхъ поръ не стало многихъ близкихъ и дорогихъ мнѣ лицъ! Не стало моей жены, не стало второго отца моего, Юста Либига. Но надо благодарить судьбу и за то, если она дастъ кому возможность окончить такую обширно-затѣянную работу; и при всемъ моемъ стараньи выставлять вездѣ одну сущую правду безъ предубѣжденія, я тѣмъ не менѣе могу сказать, что въ этой книгѣ отразились моя мысль и моя воля. Продолжительное общеніе съ прекраснымъ и великимъ, съ высшими идеалами человѣчества, утѣшало меня и ободряло на жизненномъ пути; оно самого меня исправляло и подымало, и лучшею наградой за свой трудъ почелъ бы я то, произведи онъ и на другихъ подобное же дѣйствіе.

Морицъ Карреръ.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Стран.

Стран.

ГЁТЕ И ШИЛЛЕРЪ.

СОВРЕМЕННИКИ КЛАССИКОВЪ. ЖАНЪ-ПОЛЬ. ГУМБОЛЬДТЪ.

ЦВѢТЪ МУЗЫКИ. ГАЙДНЪ; МОЦАРТЪ; БЕТХОВЕНЪ.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ АНТИКА. КАРСТЕНСЪ; ШИНКЕЛЬ; ТОРВАЛЬДСЕНЪ; ДАВИ́ДЪ.

ФРАНЦУЗСКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦІИ И ИМПЕРІИ.

ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ СОЗНАНІИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. ВОЙНА ПРОТИВЪ НАПОЛЕОНА ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ. ФИХТЕ.

ПОПРАВКИ.

Стран.	332	вмѣсто: равностью	должно быть: ревностью
—	448	— береговъ	— — береговъ

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе о духѣ не мыслимо безъ трехъ основныхъ, изначально обусловливающихъ его моментовъ: духъ прежде всего долженъ быть, существовать на лицо, имѣть реальную или естественную дѣйствительность; онъ долженъ ощущать себя, самъ себя внутренно чувствовать; онъ долженъ себя сознавать и сознавать вмѣстѣ окружающій его міръ, такъ-какъ вѣдь и себя самого онъ постигаетъ все же не иначе, какъ лишь въ различіи отъ другого (то-есть относительно и сравнительно). Самосознаніе безъ самочувствія и безъ предметной дѣйствительности было бы невозможно: оттого-то человѣкъ, по существу своему, есть вмѣстѣ природа, сердце и духъ; онъ родится дитей природы, онъ пробуждается къ самочувствію, онъ исподоволь восходитъ къ познанію міра и самого себя. Отсюда, историко-философскимъ путемъ, мы можемъ провести основныя общія черты для всего поступательнаго развитія человѣчества: сначала оно является подъ владычествомъ природы, оно упорно съ нею борется и потомъ воплощаетъ, отчеканиваетъ живущій въ немъ духъ въ своей собственной тѣлесности; оно обрѣтаетъ этимъ само себя, входитъ въ глубь своего внутренняго чувства и отнынѣ руководится предпочтительно ужь имъ; но затѣмъ переходитъ къ познанію, и тогда беретъ самосознательную мысль основнымъ началомъ и путеводною звѣздой своей дѣятельности. Это мы и называемъ эпохами природы, сердца и самосознающаго ума или (выражаясь однимъ словомъ) духа.

Идя объруку съ опытомъ мы видѣли, какъ, при первыхъ зачаткахъ бытоcразвитія, человѣчество стояло подъ могучей властью природы, усматривало и воплощало въ ея явленіяхъ самое божество, осуществляло естественный идеалъ въ Греціи и позднѣе въ Римѣ. Затѣмъ, когда Іисусъ и вслѣдъ за нимъ Могаммедъ возвѣстили міру единаго, духовнаго уже Бога, новые народы, надѣленные особенно сильной сердечностью, приняли къ сердцу это вѣроученіе, и вотъ на преданіи древняго міра возникло и выросло новое искусство,

въ которомъ воплотился сердечный идеалъ и гдѣ точно такъ же преобладали элементы живописный и музыкальный, какъ прежде на Востокѣ архитектурный, а въ Греціи—пластическій. Въ этомъ именно смыслѣ разсматривали мы Средніе Вѣка, а потомъ время Возрожденія и Реформаціи. Теперь Декартъ вводитъ насъ въ эру духа, въ эру самосознательнаго ума.

Для того чтобы начаться этой эрѣ, для того чтобы ей проявить свой идеалъ, необходимо было наукѣ лечь въ основу новѣйшаго искусства и стать главнымъ его условіемъ, точно такъ же какъ въ прежнія времена идеи высказывались сперва въ народной миѳологіи, а потомъ въ откровенной религіи, и только уже вслѣдъ за тѣмъ онагляживались подъ рукой поэтовъ, ваятелей и живописцевъ. Самобытное, безпредположительное мышленіе должно опереться на само себя, стать рѣшительно на свои ноги, чтобы постичь свободную отъ всякихъ предположеній истину, руководясь только своимъ собственнымъ разумомъ и опытомъ. И вотъ, у самаго порога нашей эры мы находимъ двухъ мыслителей, которые важны вмѣстѣ и какъ естествовѣды, находимъ одного математика и естествовѣда, который въ тоже время и сильномыслящая голова,—мы встрѣчаемъ Спинозу, Лейбница, Ньютона, которыхъ умственный трудъ озаряетъ своимъ свѣтомъ все семнадцатое столѣтіе и образуетъ исходную точку его развитія. О ближайшихъ ступеняхъ послѣдняго можемъ мы заранѣе умозаключать по самому существу дѣла, и нашъ домыслъ на этотъ счетъ вполнѣ подтвердится наблюденіемъ. Разсудливый умъ, самосознаніе естественно выдвинутся, знаменіемъ эпохи, на первый планъ и притомъ не безъ нѣкоторой вначалѣ односторонности: критика рѣзко обратится противъ преданія и распространитъ просвѣтительные лучи свои, смѣлый идеализмъ примется строить міръ изъ самого себя или же превратитъ его въ отблескъ своей внутренней природы. Потомъ человѣчество пріймдетъ къ уразумѣнію того, что не льзя всего создать изъ одного самосознанія и что надобно понять міръ въ его объективности, такимъ каковъ онъ дѣйствительно есть, признать и вѣрно постичь внѣшнюю природу и исторію въ своеобразномъ ихъ характерѣ, наполнить умъ свой ихъ содержаньемъ; вотъ почему предъидущій періодъ дополнится періодомъ преобладающаго реализма. Но это самое и поставитъ намъ теперь дальнѣйшей цѣлью идеально-реалистическое направленіе.

Въ дѣйствительности, культурный трудъ перваго изъ указанныхъ періодовъ раздѣляется главнымъ образомъ между Англіею, Франціей и Германіей въ исторически-преемственномъ порядкѣ. Въ Англіи основалась религіозная и политическая свобода, и реформація разработывалась тамъ далѣе путемъ строгаго различенія между естественною и разумною религіей и между уставами оффиціальнаго священства, путемъ наблюдательной науки и путемъ литературы, держащейся на общественномъ быту. Послѣдній, то-есть главнымъ образомъ англійскій парламентъ, придаетъ здѣсь литературѣ ея характеръ, тогда какъ во Франціи господствующій литературный тонъ обусловливается остроумною бесѣдой гостиныхъ, а въ Германіи университетскою и церковною каѳедрой. Франція пускаетъ въ ходъ выкованное въ Англіи оружіе: благодаря Вольтеру, Монтескьё, Дидрò, пріобрѣтенное тамъ становится общимъ достояніемъ всего образованнаго міра; медленно пробиваетъ себѣ трудовую

дорогу Германія, до тѣхъ поръ пока Фридрихъ Великій и Лессингъ не завоевали ей подобающаго положенія. Подъ владычествомъ разсудка, поэзія была средствомъ для достиженія одной главной цѣли,—пріятно излагать и сколько можно распространять новую мысль; между тѣмъ фантазія и сердечность преобладали въ сильно упавшемъ изобразительномъ искусствѣ, да и въ лишенной истинно-поэтическихъ талантовъ музыкѣ; наконецъ Гендель, Бахъ, Глуккъ спасли искусство и честь Германіи въ первой половинѣ 18-го вѣка. Тогда идеализмъ чувства прорвался наружу изъ душевной глубины, роздался призывъ Жанъ-Жака Руссо къ природѣ, и въ оставшейся юною Германіи восторженная, бурно-рьяная молодежь развила новый опять цвѣтъ искусства, который стремился къ идеалу всечеловѣческаго и чисто-человѣчнаго образованія, и въ Наѳанѣ Лессинга, въ гётевскомъ Фаустѣ и въ Позѣ Шиллера создалъ свои идеалы духа, опираясь при этомъ на формальную красоту и на благородную соразмѣрность антика, подобно тому какъ въ эпоху Возрожденія опирались на нихъ Рафаэль, Микель-Анджело и Тиціанъ. И какъ нѣкогда на ряду съ Фидіемъ и Праксителемъ стояли еще Пиндаръ, Эсхилъ и Софоклъ, такъ теперь на ряду съ поэтами явились Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ, а въ противень Сократу и Платону—Кантъ съ своими преемниками. Но духовнѣйшее изъ всѣхъ искусствъ, поэзія, становится теперь верховоднымъ, господствующимъ. Вершинной всемірно-исторической точки въ идеальной области достигаетъ Германія, тогда какъ Франція на реальной почвѣ проводитъ требованія духа своей революціей не только настойчиво, но можно сказать и опрометчиво: свобода, опершись на терроръ и военный деспотизмъ, правда сокрушаетъ путы феодализма, но даетъ при этомъ человѣчеству строгій урокъ въ томъ, что не все можно создать однимъ здравымъ разсудкомъ, что законы природы и самородный элементъ въ исторіи требуютъ себѣ безотмѣннаго признанья, и что дѣйствительная жизнь должна быть понята въ изначальной своей разумности. Поворотъ этотъ знаменуетъ собой романтика, которая отъ выродившагося въ матерьялизмъ вольномысленнаго просвѣщенія повернула опять къ христіанству, и отъ прежнихъ разрушительныхъ стремленій перешла къ наблюденію сплошного органическаго роста въ человѣчествѣ. На первый планъ выступаетъ теперь дѣятельность историческаго смысла, но, силясь понять и оправдать прошлое въ своеобразномъ его значеніи, онъ сбивается на путь реакціонныхъ стремленій, отрицающихъ свободу и право движенія впередъ. Послѣднія между тѣмъ такъ сильны, что ихъ не угомонишь и не уймешь, тѣмъ болѣе что они находятъ себѣ опору и могучее поощреніе въ изслѣдованіи природы, постигающемъ законы и силы ея теоретически и употребляющемъ ихъ для житейскихъ пользъ на практикѣ. Естествознаніе и основанныя на немъ техника и народное хозяйство,—вотъ чѣмъ новый нашъ міръ существенно разнится отъ античнаго. Какъ въ дни просвѣтительнаго разсудка, такъ точно и теперь, художественное творчество стоитъ позади неослабной борьбы, происходящей въ государствѣ и въ Церкви, и позади научныхъ работъ по части исторіи и естествовѣдѣнія: самыя народности преимущественно цѣнятся по послѣднимъ; тѣмъ не менѣе Байронъ и Гейне, Вальтеръ Скоттъ и Жоржъ Сандъ, Корнеліусъ и Делакруа служатъ вѣрною порукой въ томъ, что промеѳеевскій огонь творящей фантазіи все-таки не угасаетъ. Отъ этого обращенія къ реальному мы, Германцы,

добились покамѣстъ хоть того, что у насъ есть общее отечество; а что успѣшная сама по себѣ политическая и хозяйственная работа готовитъ здоровую народную почву для свободной религіозности, для искусства и науки,—это составляетъ теперь надежду и вмѣстѣ задачу нашу въ будущемъ.

СПИНОЗА. ЛЕЙБНИЦЪ. НЬЮТОНЪ.

Наступилъ философскій вѣкъ; прійдетъ время, когда спасительная истина дерзнетъ показываться вездѣ безъ страха, пишетъ Лейбницъ и вторитъ великимъ современникамъ своимъ въ томъ, что Богъ и природа всегда основаны на разумѣ, что ни что въ мірѣ не должно остаться непонятымъ или случайнымъ и безпричиннымъ, что должны быть отысканы и признаны законы для всего,—законы вѣчные и необходимые, потому что они составляютъ природу вещей и существо разума.

Когда Нидерланды завоевали себѣ независимость (отъ испанскаго господства), они стали пріютомъ для настойчиво-искательныхъ умовъ. Гонимые инквизиціей Евреи переселились сюда изъ Испаніи и Португаліи, и въ одной такой семьѣ родился въ 1632-мъ году Барухъ Спиноза. Путеводными свѣтилами его юности были Джордано Бруно относительно содержанія, единства всякой жизни и присутствія Бога во вселенной, а относительно формы и математическаго доказательства истины—Декартъ. Раввины предлагали ему пожизненную пенсію, если онъ останется вѣренъ Синагогѣ; онъ отвѣчалъ что ищетъ правды, а не денегъ. Тогда они предали его анаѳемѣ, но наперекоръ ихъ проклятію онъ назвалъ себя Благословеннымъ, Бенедиктомъ; гонимый своими, Іудей нашелъ себѣ прибѣжище у гонимыхъ же пуританскихъ христіанъ. Чтобы оберечь свою независимость онъ принялся за ручной трудъ, за шлифовку оптическихъ стеколъ, отстранилъ отъ себя приглашеніе на каѳедру въ гейдельбергскій университетъ, и велъ безстрастную, созерцательную, тихую жизнь мыслителя вплоть до спокойной своей смерти въ 1677-мъ году. Страдая грудью съ юныхъ лѣтъ, онъ однакожь поставилъ себѣ за правило: Свободный человѣкъ всего менѣе думаетъ о смерти, и мудрость его состоитъ въ помыслахъ не о томъ какъ умереть, а о томъ какъ жить. Онъ именно былъ свободный человѣкъ новаго времени, не связанный ни преданіемъ, ни обрядомъ, ни школьнымъ предразсудкомъ. Сущность чистаго непредубѣжденнаго умосозерцанія выразилъ онъ классически въ словахъ: Людскія дѣйствія не должны вызывать въ насъ ни жалобы, ни насмѣшки, ни отвращенія, а только одно пониманье; я буду изслѣдовать ихъ, равно какъ и всѣ человѣческія пожеланія, точно такъ же, какъ будто бы дѣло шло о геометрическихъ линіяхъ или плоскостяхъ. Будь для насъ весь порядокъ природы вполнѣ ясенъ, мы нашли бы въ немъ все столько же необхо-

димымъ, какъ и любое математическое положенiе; вотъ почему Спиноза хочетъ познать взаимную связь вещей въ общемъ ея единствѣ и изложить въ строгой послѣдовательности расчлененную цѣпь тѣхъ опредѣленiй, которыя обнимаютъ собой цѣлое. Онъ хочетъ начать съ общихъ основныхъ началъ и вывести изъ нихъ все частное. Но положенiя, слѣдующiя напримѣръ изъ природы треугольника, содержатся въ ней отвѣка; поэтому онъ думаетъ, что и все разнообразное должно быть неизмѣннымъ порядкомъ вещей въ единомъ. Отсюда Спиноза видитъ во всемъ только причину и слѣдствiе, не допуская ни какой свободы самоопредѣленiя и ни какой ровно цѣли. Что есть такiе законы природы какъ и такiе законы духа, которые не установлены произволомъ, а суть необходимыя формы бытiя и мысли,—это несомнѣнная истина; но что они одни полносильны, и что должно отрицать все то, что изъ нихъ не слѣдуетъ,—это уже личный предѣлъ или предразсудокъ Спинозы; жизнь развивается вѣдь только по этимъ законамъ, а вовсе не отъ нихъ исходитъ; самость, самоличность не результатъ или не плодъ какой-бы то ни было причинной связи, но собственное творческое дѣло воли, которое для своего осуществленiя такъ же точно связано природными условiями, какъ наоборотъ и тѣ уряжены для него. То существо Бога, изъ котораго все слѣдуетъ съ такой же необходимостью, какъ равенство радiусовъ изъ природы круга, есть не весь еще Богъ, а только лежащая въ основѣ его совокупность вѣчныхъ истинъ. Что возможно (то-есть мыслимо) одно лишь безконечное и вѣчное бытiе, въ которомъ и благодаря которому все существуетъ,—эту коренную истину Спиноза утвердилъ какъ нельзя сильнѣе и рѣшительнѣй для наступившей теперь новой эпохи. Богъ для него это единство, эта единственная субстанцiя, эта общая сущность всѣхъ вещей, ихъ присная, нутродѣйственная, а не внѣшняя причина. Мыслитель не выводитъ изъ субстанцiи, а находитъ въ ней опытомъ два существенныя свойства: протяженiе и мышленье; въ первомъ заключается весь мiръ вещественный, а въ послѣднемъ—мiръ духовный. Двоякимъ этимъ способомъ или путемъ открывается одна и та же субстанцiя (основная сущность); порядокъ и взаимная связь идей и вещей сoͦотвѣтствуютъ другъ другу, но одинъ на другой не дѣйствуютъ, такъ какъ они вѣдь двоякое только выраженiе одной и той же дѣйствительности; чтó душа въ быту и строѣ мысли, то самое—тѣло во внѣшней реальности, душа есть понятiе плоти для разума, плоть — протяженная душа для чувственной подмѣты. Но и тѣлà и дýши, подобно всему частному, находятся во всеобщемъ: это — его видообразованiя или конечныя, ограниченныя явленья. Всѣ тѣла суть частныя лишь формы въ предѣлахъ общаго протяженiя, которое простирается сквозь нихъ всѣ и всѣ ихъ въ себѣ заключаетъ; всѣ души—частные побыты божескаго мышленiя, объемлющаго собою всѣ ихъ сплошь. Вся природа—одно недѣлимое, котораго части, тѣла, разнообразно измѣняются, тогда какъ цѣлое пребываетъ, оставаясь все однимъ и тѣмъ же; всѣ въ совокупности умы составляютъ вѣчный и безконечный разумъ божiй. Мiромъ называемъ мы раскрытiе существа, Богомъ—единство послѣдняго, но оба они вѣдь одно, и одно въ другомъ заключается. Безконечная причина, Богъ, есть вмѣстѣ и безконечный рядъ дѣйствiй той причины, каждая вещь—звено этой цѣпи, опредѣленное общей связью цѣлаго; и этимъ порядкомъ природы для Спинозы исчерпывается все; „брошенный камень, который вообра-

зитъ себѣ что онъ летитъ, вотъ человѣкъ, мнящій себя свободнымъ и независимымъ"; но тутъ не объясняется одно: откуда происходитъ это странное воображеніе. Мыслящее созерцаніе, начиная отъ представленія отдѣльныхъ вещей, постепенно восходитъ къ постиженію общей между ними связи, ко всеобщему міропорядку, и такимъ образомъ мы разсматриваемъ конечныя существа съ точки зрѣнія необходимости или „въ свѣтѣ вѣчности", мы мыслимъ ихъ въ Богѣ, а это и есть истинное познаніе. Все случайное, одиночное разрѣшается здѣсь въ Единомъ и общемъ его порядкѣ. Только этого рода познаніе можно назвать настоящимъ, вполнѣ соотвѣтственнымъ познаваемому. И подобно тому какъ свѣтъ проявляетъ не только самъ себя, но и окружающую его тьму, такъ точно истина служитъ оказательствомъ не только себѣ самой, но и сопротивному ей заблужденью.

Каждая вещь силится удержаться въ своемъ бытіи и отстоять себя; а сознательное это стремленіе слыветъ волей или пожеланіемъ. Что̀ споспѣшествуетъ ему, то мы называемъ добромъ, а противоположное тому — зломъ. Чувство удовлетвореннаго стремленія есть радость, черезъ него духъ переходитъ къ бо́льшему совершенству. Онъ хочетъ избыть все печальное и гнетущее, и напротивъ добиться того, что̀ ему споспѣшествуетъ; послѣднее мы любимъ, а первое ненавидимъ; любовь и ненависть суть ощущенія пріятности или непріятности, сопровождаемыя представленіемъ ихъ внѣшней причины. Надежда и боязнь возникаютъ отъ ожиданія пріятнаго или непріятнаго чувства. Мы страдательны, поскольку подвержены дѣйствію другихъ; мы дѣятельны и свободны, когда подтверждаемъ свое собственное существо и положительно его отстаиваемъ, мы стало-быть дѣятельны и свободны въ мышленіи, гдѣ выходимъ единственною причиною совершающагося въ насъ процесса; когда же дѣйствуютъ на насъ вещи, или когда страсти одолѣваютъ насъ, мы, напротивъ, несвободны. Лучшая способность наша— ясное познаніе; благодаря ей, мы созерцательно паримъ надъ круговоротомъ нашихъ чувствъ и ощущеній. Наша воля есть способность утверждать и отрицать, мы утверждаемъ то, что возвышаетъ нашу жизнедѣятельность, и стараемся упрочить это за собою, стараемся избѣжать всякихъ переходовъ отъ пріятности къ непріятности. Это и возможно для насъ, когда мы направимся къ безконечному и вѣчному, когда счастіе свое станемъ находить только въ немъ. Величайшее благо духа—богопознаніе; оно освобождаетъ насъ отъ конечнаго и тлѣннаго, руководя понимать все въ мірѣ какъ звено непреложнаго міропорядка. Ни что не можетъ ублажить насъ, кромѣ Бога; когда мы познаёмъ въ немъ и самихъ себя и все сущее, мы ощущаемъ постоянное блаженство и любимъ его, какъ единое, что̀ любви достойно. Познавая божественное и его только желая душою, мы единимся съ нимъ вполнѣ, и когда мы сами принадлежимъ къ существу его, любовь наша къ Богу есть часть любви Бога къ самому себѣ. Въ Богѣ заключаемъ мы мысленно, и сердечно любимъ всѣхъ людей, и блаженство наше въ этой сознательной любви не есть награда добродѣтели, а именно сама добродѣтель.

„Безумецъ мечется туда и сюда, влекомый внѣшними причинами и чувственными вожделѣньями, и никогда не достигнетъ истиннаго спокойствія души, потомучто живетъ темнымъ самому себѣ, не видя ясно ни Бога,

ни міра, и послѣдній мигъ страдательной и жалкой его судьбы есть вмѣстѣ и конецъ его существованія; тогда какъ, напротивъ, истинный мудрецъ не волнуется страстію, а разсматриваетъ и самого себя, и Бога, и міръ въ свѣтѣ вѣчной необходимости, а потому никогда не перестаетъ быть, но всегда обладаетъ истиннымъ духовнымъ покоемъ. Если путь къ этой цѣли и кажется затруднительнымъ, то все же его можно отыскать. Въ самомъ дѣлѣ высоко и трудно должно быть то, что такъ рѣдко кому дается. Да и возможно ли, чтобы почти ни кто не обращалъ на это высшее благо ни какого вниманія, будь оно всѣмъ такъ близко, всякому открыто и доступно безъ малѣйшаго труда? Все превосходное такъ же трудно-достижимо, какъ и рѣдко". Такъ заключаетъ Спиноза великое произведеніе свое о Богѣ и о мірѣ, которое онъ назвалъ Этикой, потомучто цѣль духа, спокойствіе души, онъ нашелъ для себя путемъ собственнаго мышленія и хотѣлъ облегчить доступъ къ нему другимъ людямъ. Но, вѣрный своему началу, онъ не выдаетъ этого пути за долгъ, за идеалъ, за обязанность: для него все это лишь развитіе природы, раскрытіе божественной искры въ насъ самихъ. Верховное благо есть познаніе единства нашего духа со вселенною. Вѣруемъ мы въ мнимыя блага міра,—тогда мы сами отдаемся на жертву треволненіямъ страстей, и насъ постигаетъ страхъ и трепетъ передъ земными невзгодами; но если безкорыстнымъ строемъ мыслящаго духа мы углубимся въ вѣчное, тогда убѣдимся и въ собственной вѣчности; предавшись неизмѣнно-единому, мы станемъ сопричастны его покою. Въ этомъ смыслѣ Гёте называлъ Этику Спинозы своимъ прибѣжищемъ, въ этой „атмосферѣ мира" унимались всѣ бури страстной души, и онъ пріобрѣталъ житейскую мудрость самоотверженія и покорности передъ неизбѣжнымъ; вмѣстѣ съ Куно Фишеромъ припоминаемъ мы здѣсь слово его Фауста:

Уснули дикія влеченья,
Уснулъ ихъ буйный вихрь въ крови;
Любви настало пробужденье,
Къ Творцу и къ ближнему любви.

Спиноза издалъ еще трактатъ о государствѣ и о религіи (Tractatus theologico-politicus). Въ природѣ, говоритъ онъ, право каждаго простирается на столько, на сколько достаетъ у него силы; въ естественномъ быту человѣкъ поступаетъ, влекомый побудомъ отстоять себя, расширить и улучшить свое существованіе; тутъ наталкивается онъ на другихъ, дѣлающихъ то же, что̀ и онъ; себялюбивая сила страсти порождаетъ войну всѣхъ противу всѣхъ, общую необезпеченность всѣхъ положеній и всѣхъ личностей, и ведетъ этимъ къ желанію сохранить себя, обезопасить свою жизнь и свое добро, что̀ возможно только черезъ соединеніе отдѣльныхъ личностей въ одну общественную мощь и власть, черезъ установленіе одного общаго для всѣхъ права. Тогда уже это цѣлое, то-есть государство, царитъ надъ гражданами, подчиняющимися ему ради своего самосохраненія и своей безопасности; законами опредѣляется то, на сколько каждый долженъ ограничить самого себя, для того чтобы его собственное благо могло существовать на ряду съ благомъ другихъ; они доставляютъ внѣшнюю безопасность, они вынуждаютъ къ ней

волею и неволей, но оставляютъ свободнымъ то, что не вынудимо ни какою внѣшней силою, то-есть убѣжденіе, образъ чувствъ и мыслей: религія, искусство, наука остаются вольнымъ дѣломъ каждой особи. Согласіе и миръ—основное понятіе государственнаго строя. Мы при этомъ отнюдь не должны забывать что разумъ—общее всѣмъ намъ начало, а потому верховная власть должна исходить отъ общаго всѣмъ согласія, и лучшее государство—то, которое, опираясь на общую волю гражданъ, обезпечиваетъ имъ духовную и добродѣтельную жизнь. Сила единичныхъ лицъ ростетъ вѣдь соединеніемъ, и разумный человѣкъ не желаетъ для себя ни чего такого, чего бы не желалъ и не предоставлялъ равномѣрно и другимъ; самое желательное для него то, чтобы въ тѣсномъ союзѣ между собою всѣ граждане составляли какъ бы одно тѣло и одинъ духъ, и всѣ стремились къ общему благоденствію.

Государство должно охранять свободу убѣжденій; богослужебныя формы, религіозная община, какъ община, подчинены ему, но религіозный образъ чувствъ и мыслей отъ него независимъ. Сущность религіи—богопреданность, единеніе и примиреніе души съ Богомъ въ сердечной любви, а богословіе установляетъ правила богопознанія и, объявляя преступнымъ всякое отъ нихъ уклоненіе, тѣмъ самымъ нарушаетъ миръ. Если государство уничтожитъ свободу мысли въ пользу какого бы то ни было вѣрогосподства, этимъ оно дастъ пищу гоненіямъ и остановитъ развитіе истинныхъ понятій о религіи, которая вовсе не есть вѣра въ тотъ либо другой историческій фактъ, а напротивъ самая жизнь въ вѣчномъ. Существо божіе равняется его могуществу и раскрывается въ порядкѣ природы; перерывъ этого порядка чудесами и сверхъестественнымъ откровеніемъ кажется Спинозѣ невозможнымъ, такъ какъ онъ противорѣчилъ бы самому божіему существу. Библейскія книги, говоритъ онъ, должно разсматривать исторически, изслѣдовать время, мѣсто и цѣль ихъ сочиненія. Спиноза самъ и начинаетъ подобное изслѣдованіе именно тѣмъ, что для ветхозавѣтныхъ книгъ видитъ въ Эздрѣ человѣка, который, по разборѣ и очисткѣ дошедшихъ до него матерьяловъ, привелъ ихъ въ нынѣшній ихъ видъ. Моисей, въ глазахъ его, человѣческій законодатель, желавшій доставить могущество своему народу, Іисусъ Христосъ—чистый мудрецъ, котораго свѣтлой и мирной душѣ была присуща религіозная истина, такъ что мы называемъ его устами божьими и можемъ съ вѣрою сказать, что въ лицѣ его человѣкъ искупленъ отъ себялюбія и вполнѣ примиренъ съ Богомъ.

Бертольдъ Ауэрбахъ приводитъ между прочимъ сравненіе съ современнымъ Спинозѣ искусствомъ; да кстати замѣтить, Спиноза и самъ прекрасно рисовалъ. „Неисторично было бы утверждать, говоритъ Ауэрбахъ, чтобы картины Рембрандта дѣйствовали на воззрѣнія Спинозы или же наоборотъ; но все таки однако не безъ значенія то обстоятельство, что въ то самое время и въ томъ самомъ городѣ, когда и гдѣ Рембрандтъ задумалъ ветхозавѣтныя картины такимъ образомъ, что могъ ввести въ нихъ бывшихъ у него подъ рукой мужиковъ и мѣщанъ, Спиноза, въ свою очередь, указалъ на тѣ простыя житейскія условія, среди которыхъ происходили переданные въ Библіи разсказы и жили сами ихъ сочинители. Этимъ не то чтобы уничтожался тотъ идеалистичный ореолъ, какимъ библейскія фигуры озарялись какъ въ представленіи

вѣрующихъ, такъ и въ прежнихъ художественныхъ изображеніяхъ; а только внѣшній его блескъ психологически превращался въ особенную подвижность физіономіи".

Въ эпоху начинающагося естествознанія, природа вещей и общій ея порядокъ—вотъ что было въ глазахъ Спинозы божественно. Но у него нѣтъ начала дѣятельнаго различенія въ самой субстанціи, — начала, по которому ея видоизмѣненія, особенные характеры или типы вещей, выходили бы ея же самоопредѣленіями; а потому безконечное и казалось ему неопредѣленнымъ. Правда, ни что особенное не то, что сущее внѣ его другое, и безконечное не можетъ быть единымъ обокъ съ многими; оно лишь такое единое, которое все собой объемлетъ: но при этомъ оно все-таки вѣдь можетъ оставаться и само въ себѣ; оно не оконечится тѣмъ, если ему присущи будутъ воля и самосознаніе, а оконечится напротивъ въ случаѣ ихъ недостатка, въ томъ случаѣ, когда оно найдетъ себѣ въ нихъ свой предѣлъ. И волю и самосознаніе Спиноза приписываетъ только видоизводамъ субстанціи, единичнымъ живымъ душамъ, а никакъ не ей самой: но откудажь взялись бы они въ дѣйствительности и дѣйствіи, не будь ихъ напередъ въ причинѣ? Любовь поистинѣ невозможна безъ самочувствія, она живая связь самосознающихъ личностей, и слѣдовательно въ своей божественной любви Спиноза самъ переступилъ уже за грань принятой имъ системы *. Вотъ почему, въ виду цѣлаго моря бытія, гдѣ всѣ существа являются лишь вздымающимися и падающими волнами, Лейбницъ и напираетъ такъ сильно на коренное начало разности, различія: на небѣ и на землѣ нѣтъ двухъ вещей совершенно равныхъ между собою, вселенная—это система индивидуальныхъ живыхъ силъ, саморазвивчивыхъ и отстаивающихъ свою особность, свою разность, — „Спиноза былъ бы правъ, не существуй монадъ".—Спиноза взглянулъ на опредѣляющую грань только отрицательно, по скольку она исключаетъ изъ чего бы то ни было все другое; Лейбницъ понялъ ее положительно: всякая вещь есть и существуетъ всилу своей различной отъ другихъ особности.

Многоподвижной дѣятельностью достигъ Лейбницъ блестящаго значенія (1646—1719); увлеченный честолюбіемъ въ круговоротъ мірскихъ дѣлъ, онъ служилъ мелочнымъ интересамъ мелкихъ государей, съ тѣмъ чтобы заинтересовать ихъ въ пользу своихъ великихъ идей; то благодаря за одолженія, то подслуживаясь и ластясь, вездѣ пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, на мѣсто какого-нибудь большого систематически-связнаго труда онъ успѣлъ написать бездну писемъ, разсужденій и статей, подлаживающихся къ тѣмъ, кому они предназначались: такъ былъ онъ совершенной противоположностью Спинозѣ и въ этомъ отношеніи. Вездѣ, и въ жизни, и въ мышленіи, онъ постоянно стремился улаживать и примирять; ему хотѣлось привесть въ надлежащее соотношеніе: цѣль съ дѣйствующею причиной, разумъ съ христіанствомъ, различныя вѣроисповѣданія и различные интересы европейскихъ народовъ между собою. Полузнайки, на его взглядъ, собственно и есть настоящіе ревнители безъ оглядокъ; кто понялъ дѣло основательно, тотъ знаетъ что у него

* То-есть системы бездушной самобытной сути, субстанціи.

обыкновенно двѣ стороны, а не одна. Лейбницъ идетъ вмѣстѣ и въ ширь и въ глубь; тѣ, говоритъ онъ, кто гонится въ наукѣ за однѣми частностями, готовы пренебречь отвлеченныя изслѣдованія, направленныя ко всеобщему, а другіе, которые уходятъ въ разъисканіе началъ, рѣдко хотятъ вникнуть въ особенности; я, съ своей стороны, равно высоко цѣню и то и другое. По мо́ему ни что въ мірѣ не бездѣлица; ни кто въ критикѣ такъ мало не брезгливъ какъ я; бо́льшую часть вещей я одобряю, и во всемъ найду что-нибудь хорошее; въ сочиненіяхъ другихъ людей я вижу не столько ихъ недостатки, сколько ту пользу, какую они приносятъ моему собственному развитію. — Самообразованіе и школа идутъ у него рука о́бруку; онъ вмѣстѣ полигисторъ (энциклопедистъ) и философъ, многознай и самобытный мыслитель, юристъ и богословъ, политикъ и историкъ, математикъ и языковѣдъ; онъ учится вездѣ и у всѣхъ, всюду разбрасываетъ новыя идеи, вездѣ прилагаетъ руку, вездѣ плодотворитъ. Жизнь, думаетъ онъ, непремѣнно должна извлекать пользу изъ знанія.

Когда мы припомнимъ себѣ тѣ религіозные и политическіе раздоры и ту рознь частныхъ интересовъ, то суевѣрное поклоненіе передъ чужимъ и ту цѣпкость ко всему несущественному, вздорному, ту взаимную ругань перекоряющихся партій и то опустошеніе Германіи въ эпоху, когда выступилъ на сцену Лейбницъ, то онъ представетъ намъ однимъ изъ тѣхъ боговдохновенныхъ великихъ людей, которые посылаются народамъ во дни мрака и бѣдствія, да пробудятъ они ихъ къ новой жизни, и поднимутъ. Онъ могучій начинатель 18-го вѣка, но лишь преимущественно для Германіи. „Дѣло не въ томъ, что̀ твое, что̀ мое, а что̀ на пользу всѣмъ нашимъ“ было его девизомъ, „держи всегда уду на готовѣ, а рыба найдется, пожалуй, и тамъ, гдѣ вовсе ея не чаешь!“—„Каждому народу его честь и почетъ; только соревновать между собой должны мы какъ бѣгуны на ристалищѣ, не мѣшая одинъ другому и не перекоряясь.“ — „Германія не перестанетъ быть поживой для своихъ и чужихъ кровопролитій, пока не проснется, не соберется опять воедино и не лишитъ всѣхъ сватающихся къ ней жениховъ окончательной надежды заполучить ее“.

Еще юношей, отъ имени министра Бойнебурга на службѣ курфюрста Майнцскаго, пишетъ онъ о прочномъ огражденіи германской имперіи. Онъ тогда уже требуетъ имперскаго войска, имперской казны, имперскаго общаго совѣта; иначе, говоритъ онъ, отечество наше будетъ тѣломъ безъ членовъ, безъ крови и безъ души. Затѣмъ, хочется ему направить французскую политику на Востокъ, на Египетъ, и когда это не удалось, онъ пишетъ противъ Людовика XIV-го манифесты, полные ѣдкой ироніи и вмѣстѣ серьёзной дѣльности. Благосостояніе народа слѣдуетъ, по его мысли, поднять взаимнымъ страхованіемъ отъ огня и наводненій, такими рабочими домами, гдѣ трудъ бѣднаго не приносился бы въ жертву капиталу, наконецъ отмѣною барщинъ и крѣпостной зависимости вообще. Онъ, правда, пишетъ по-латини и по-французски, съ цѣлію быть понятымъ и подѣйствовать не только у себя дома, но и за границей; однакожь онъ настаиваетъ на употребленіи родного языка и называетъ его однимъ изъ доказательствъ яснаго отъ природы мышленія; „замысловатый и богатырскій языкъ нашъ, говоритъ онъ, не принимаетъ въ

себя легкой пѣны праздныхъ мыслей".—Вестфальскій миръ былъ наружно заключенъ, но Лейбницу хотѣлось внутренняго примиренія на религіозной почвѣ; различныя вѣроисповѣданія должны были пообточить свои острые углы и сблизиться между собой выставкою на первый планъ одной общей имъ истины. Дошло до настоящихъ о томъ переговоровъ; со стороны Франціи дѣло католицизма велъ Боссюэтъ, но его надменный тонъ и узкая церковная предубѣжденность разстроили всѣ соображенія Лейбница. Чѣмъ кто невѣжественнѣе, тѣмъ причастнѣе онъ преимуществу деревяшки, быть безгрѣшнымъ и безошибочнымъ; не слѣдуетъ подавлять благородной свободы, истина все таки важнѣе чѣмъ какой бы то ни было авторитетъ,—таковы были его коренныя правила, сколько ни готовъ онъ былъ къ соглашеніямъ и уступкамъ. Начиная съ 1676-го года онъ получилъ мѣсто въ Ганноверѣ; черезъ принцессу Софію Шарлотту, ставшую потомъ первою королевой Прусской, дѣйствовалъ онъ отсюда на Берлинъ и зачастую бывалъ тамъ, нося званіе пожизненнаго президента новооснованной Академіи. „Не жалѣйте обо мнѣ, сказала королева на смертномъ одрѣ: я иду удовлетворить свое любопытство о такихъ вещахъ, которыхъ никогда не смогъ объяснить мнѣ и Лейбницъ, — о пространствѣ, о безконечномъ, о бытіи и о ничтожествѣ; а королю, моему мужу, дамъ я этимъ случай справить пышныя похороны". Самъ Лейбницъ, состоя библіотекаремъ въ Вольфенбюттелѣ, какъ потомъ и Лессингъ, провелъ конецъ дней своихъ, подобно ему, одинокій и забытый; вѣдь оба они вездѣ искали только истины, а потому оба были противны и непонятны ограниченнымъ сектантамъ-самодурамъ; провозвѣстника германской національной церкви не проводило до могилы ни одно духовное лицо.

Въ понятіи силы, изъ своей собственной основы самобытно развивающейся и завершающейся дѣятельности, постигаетъ Лейбницъ единство мысли и матеріи; ни душа не одно только сознаніе, ни тѣло не одно только протяженье *; душа есть самоуглубленіе внутрь, а тѣло самопроявленіе наружу,— оба стало-быть моменты одного и того же существа. Существо это индивидуально, особенно, различно ото всѣхъ другихъ. Вселенная—система такихъ живодѣятельныхъ, существенныхъ въ себѣ единицъ или монадъ. Монады не безкачественные, чисто-страдательные атомы; въ нихъ заложенъ кладъ безконечной полноты жизни, и онѣ осуществляютъ его своей собственною дѣятельностью; единство ихъ остается тою уряжающею и формодатною силой, которою обусловлено всяческое ихъ развитіе и видоизмѣненье. Ни одна сила не утрачивается вовѣкъ, она сохраняется во всѣхъ возможныхъ переходахъ дѣйствія. Даже когда два шара, пущенные съ противоположныхъ сторонъ столкнутся вмѣстѣ и остановятся, то движеніе продолжается и тутъ въ сотрясеніи малѣйшихъ частицъ ихъ внутренности; это только промѣнъ крупной монеты на мелочь. Какъ опредѣленный или ограниченный самоуладъ и самоставъ, каждая сила исключаетъ изъ себя другую, и въ этомъ косномъ ея отпорѣ или сопротивленіи лежитъ начало вещества. Непроницаемое, сплошное и постоянное дѣйствіе монады въ какой-нибудь опредѣлен-

* Какъ думали Декартъ и Спиноза.

ной сферѣ бытія есть протяженіе, ея самопостигающая внутренняя дѣятельность есть представленіе, мышленіе и волѣнье. Въ человѣческомъ организмѣ развернулось и достигнуто именно то, что́ было заложено въ его зародышѣ; совершившееся было изначала цѣлью совершенія, всего жизненнаго хода; такимъ образомъ зародышъ выходитъ цѣлеставною, цѣледѣйственною силою, а это возможно только тогда, если онъ былъ самъ душевная и представляющая себѣ вещи дѣятельность. Поэтому, монада есть самоизложеніе и самопредставленіе, хотя и въ сплошномъ, непрерывно связномъ ряду постепенностей, начиная отъ безсознательно грезящей дремоты до ступени самосознательнаго мышленія. Каждая монада — опредѣленное звено въ ряду существъ; различная отъ всѣхъ другихъ, она въ необходимомъ со всѣми соотношеніи; ограничивая ихъ съ своей стороны, она и сама ими ограничивается и опредѣляется; во всеобщемъ порядкѣ природы монады непремѣнно отвѣчаютъ одна другой, „любая вещь въ идеальномъ смыслѣ изначала содѣйствовала тому конечному рѣшенію, какое Богъ постановилъ относительно бытія всѣхъ вещей въ совокупности, любая монада въ правѣ требовать, чтобы при уряженіи цѣлаго (вселенной) на нее обращено было должное вниманье“ (чтобы и она принята была въ расчетъ). Благодаря этому единство царитъ въ безконечномъ разнообразіи, слышится общее согласіе множества отдѣльныхъ голосовъ, и порядокъ природы является всемірною гармоніей. Каждая монада несетъ въ себѣ свое прошлое и свое будущее, и развертывается она изнутри; но, представляясь сама себѣ звеномъ въ общемъ ряду существъ, она представляетъ себѣ въ то же время и міръ ее окружающій, такъ что самосознаніе и міросознаніе въ ней неразрывны. Каждая есть микрокозмъ, зеркало вселенной, и въ малѣйшемъ, ничтожнѣйшемъ изъ существъ проницательный взглядъ смогъ бы прочесть всю послѣдовательную исторію всяческаго существованія. У каждой монады есть свое мѣсто, у каждой стало-быть своя особая точка зрѣнія и свой особенный образъ міра. Каждая, развивая собственную свою силу по всеобщимъ законамъ, подлаживаетъ въ этомъ всѣмъ другимъ, дѣлающимъ въ свою очередь то же самое. Только потому, что понятіе различія Лейбницъ взялъ слишкомъ односторонно и заставилъ каждую монаду развиваться безъ всякаго внѣшняго вліянія, безъ окошка на другія, а единственно лишь изнутри,—только оттого, что онъ изначала порознилъ монады, не постигнувъ при этомъ общаго предвѣчнаго ихъ единства, онъ и пришелъ къ отрицанію той гармоніи, которую онѣ постоянно производятъ своимъ взаимнодѣйствіемъ, и сдѣлалъ изъ послѣдней нѣчто предопредѣленное, такъ что мысли и движенія вещей ладятъ въ ней между собою точно такъ же, какъ одинаково устроенные часы бьютъ одинъ и тотъ же часъ независимо другъ отъ друга. Монады, въ глазахъ Лейбница, были сотворенныя субстанціи, Богъ-Творецъ—верховная монада изъ монадъ, какъ сказалъ уже до него Бруно. Богъ—всемірная гармонія не только въ смыслѣ общаго соотношенія и закона всѣхъ вещей, но какъ всеуряжающее начало, какъ самосознательно волящая субъективность (какъ лицо); монады однакожь и не что-либо сдѣланное извнѣ, со стороны, а потому онъ однажды называетъ ихъ проблесками Божества, зарницею Вѣчнаго. Мы выведемъ изъ этого полную истину тогда, когда скажемъ что онѣ живыя силы божеской природы, уряжаемыя и отпускаемыя духомъ на свободу, и что этимъ об-

щимъ своимъ корнемъ или жизнеисточникомъ стоятъ онѣ во взаимнодѣйствіи и другъ съ другомъ и съ Творцомъ.

Богъ—центральная монада, царящая надъ всѣми прочими (какъ все живящее и все осмысливающее начало); неорганическое бытіе—дѣло скученныхъ монадъ, а въ органическомъ они собраны вокругъ извѣстнаго средоточія подобно тому какъ наша душа является господствующей главою множества дѣйственныхъ въ тѣлѣ физическихъ силъ. Всѣ монады вмѣстѣ выражаютъ собой вселенную, всѣ онѣ—представляющія себѣ нѣчто силы, но въ различной степени совершенства каждая. Представленіе остается темнымъ, когда сила не знаетъ ни о себѣ, ни о другомъ; оно проясняется, когда различаетъ себя отъ другого. Подобно тому какъ шумъ моря слагается въ одно общее ощущенье, въ которомъ мы не подмѣчаемъ уже отдѣльно ни единичныхъ волнъ, ни единичныхъ капель воды его порождающихъ, такъ точно и въ каждой монадѣ, какъ зеркалѣ міра есть только темное общее чувство ея состоянія, которое Лейбницъ называетъ смутнымъ въ ней представленьемъ; оно остается и тогда, когда какая нибудь частная единичность ясно выступитъ въ сознаніи. Представлять себѣ и желать сознательно значитъ вѣдать и хотѣть, что̀ вмѣстѣ неразрывно образуетъ понятіе личности, понятіе духа; но духъ сохраняетъ основно̀й тонъ своей данной природы, составляющей его свойство, изъ котораго и выходитъ все особенное, всякая особность. Духъ — изначально богатое въ себѣ существо, и опираясь на ту истину, что ни что не входитъ въ насъ извнѣ непосредственно и прямо, что оттуда получаемъ мы только вызовъ самостоятельно разработывать въ себѣ мысли и волерѣшенія, Лейбницъ говоритъ, что духъ не опредѣляется извнѣ, а опредѣляетъ самъ себя развитіемъ своихъ изначальныхъ способностей; такъ какъ онъ не только различаетъ, но и рѣшительно порозняетъ между собой монады, то онъ естественно не принималъ уже въ расчетъ всѣхъ затрогивающихъ насъ условій внѣшняго міра. Если заложенныя въ природѣ духа идеи онъ называетъ врожденными, то и онѣ не лежатъ вѣдь совсѣмъ готовыя въ душѣ: познавательная дѣятельность должна отыскать ихъ, оформить и привесть въ сознаніе. Если Локкъ говоритъ: въ душѣ нѣтъ ни чего, кромѣ того, что пришло въ нее изъ внѣшнихъ чувствъ, то Лейбницъ прибавляетъ къ этому: но отсюда до̀лжно исключить самоё душу, ея мышленіе и ея опредѣленья.

Одно изъ величайшихъ открытій Лейбница составляетъ введеніе имъ въ философію понятія безсознательныхъ представленій; они присущи намъ, они постепенно выступаютъ на порогъ сознанія, освѣщающаго то одно изъ нихъ то другое поодиначкѣ, но вѣдь они всѣ кружатъ и тѣснятся въ глубинѣ души и дѣйствуютъ на мышленіе и волю помимо сознанія; всѣ впечатлѣнія вещей темно отзываются въ нашихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, наша хоть или нѐхоть обусловлены тѣмъ настроеніемъ, въ какое приведена ими душа наша. И когда мы ощущаемъ гармонію міра, въ которую мы вчувствовались, втянулись, то это и есть въ насъ радость изящнымъ, красотой.

Воля есть сознательное стремленіе, но она опредѣляется бездною темныхъ побудовъ, подобно тому какъ стрѣлка компаса незамѣтно-мелкими струями магнитнаго тока направляется къ сѣверу. Свобода есть внутренняя самодѣятельность, и мы никогда не бываемъ въ совершенно равнодушной

неопредѣленности, а въ постоянномъ, напротивъ, напряженіи всѣхъ жизненныхъ силъ, откуда и происходитъ чувство тревоги, жажды дѣйствій, желанія рѣшить задачу нашего бытія; и это вполнѣ вѣрно постигъ Лейбницъ. На его взглядъ, въ изначальной способности человѣка содержатся уже всѣ его волерѣшенія и дѣла, онъ опозналъ идеальный центръ характера, и совершенно въ его смыслѣ Валленштейнъ говоритъ у Шиллера:

Нѣтъ, мысли человѣка и дѣла
Не то, что море волнъ легкоподвижныхъ;
Ихъ глубоко лежитъ таинственный родникъ.
Міръ внутренній души—вотъ общій ихъ источникъ.
Какъ дереву его природный плодъ,
Такъ свойственны они любому человѣку;
Ихъ случая игра не измѣнитъ;
И если въ душу я кому успѣлъ проникнуть,
Того ужь ясны мнѣ и воля и дѣла.

И поэтому Лейбницъ сказалъ бы опять вмѣстѣ съ Шиллеромъ: „Въ твоей груди судьбы твоей звѣзда." Полносильность необходимой природной основы не только въ матерьяльной, но и въ духовной сферѣ высказалъ также Гёте въ тѣхъ орфическихъ словахъ, какими объяснилъ онъ демонское начало въ смыслѣ Гераклита, признававшаго своего демона въ нравственной природѣ (ѳосѣ) человѣка:

Кàкъ въ день, когда родился ты на свѣтъ,
Стояло солнце къ каждой изъ планетъ,
Такимъ и росъ ты по судебъ закону.
Такимъ ты неизбѣжно долженъ быть,
Тебѣ себя вовѣки не избыть.
Такъ изрекли пророки и сивиллы;
Ни время, ни какія въ мірѣ силы
Не властны формы сокрушить,
Живымъ развитіемъ сложенной
И имъ навѣкъ запечатлѣнной.

Подобно Спинозѣ, Лейбницъ излагаетъ теперь природную опредѣленность духа и свободу его помысловъ. Мы жаждемъ радости и бѣжимъ скорби. Продолжительная радость — счастіе; что на радость намъ, то добро; въ радости мы ощущаемъ свою силу и совершенство, въ скорби, напротивъ, ихъ стѣсненіе. Но цѣль развитія нашей силы есть сомосознаніе, ясность мысли, а свобода — воля, соотвѣтственная разуму. „Если свобода состоитъ въ томъ, чтобы свергнуть съ себя иго разума, тогда вамъ прійдется стать вѣдь дураками, простофилями. Ныньче правда есть люди, которые считаютъ за признакъ остроумія возставать на разумъ и трактовать его какъ будто бы онъ былъ педантъ. Говорить противъ разума значитъ говорить противъ правды, противъ своего собственнаго блага, тогда какъ все дѣло въ томъ, чтобы лучше познать послѣднее и стараться его достигнуть." Вотъ почему источникъ добра лежитъ для Лейбница въ просвѣщеніи: мы непремѣнно должны знать, чтò намъ поистинѣ на пользу; а это именно то и есть, чтó на пользу тому цѣлому, котораго мы части. Наше собственное благоденствіе выигрываетъ отъ благоденствія другихъ; оттого и слѣдуетъ радѣть ему,

какъ собственному нашему. Чужое благо считать своимъ и отъ души имъ радоваться,—вотъ что Лейбницъ называетъ любовью. Свобода есть освобожденіе отъ себялюбія и отдача себя любви. Полная любви воля ищетъ осуществленія всемірной гармоніи. Какъ члены одного великаго организма обрѣтаемъ мы свое счастіе въ счастіи другихъ, во благѣ цѣлаго. Тутъ опять припоминаются слова поэта:

Разумъ твой—цѣлаго голосъ, а сердце твое—ты сам̀ъ лично:
Благо тебѣ, если разумъ найдетъ въ твоемъ сердцѣ пріютъ.

Заслуга Лейбница вопервыхъ та, что онъ устранилъ безпричинный произволъ въ душѣ, точно такъ же какъ и случай во внѣшнемъ мірѣ, что законъ достаточнаго основанія онъ поставилъ или выдвинулъ впередъ вездѣ; вовторыхъ еще та, что онъ настойчиво указалъ въ духѣ темное владычество природной основы; но полнаго понятія свободы нѣтъ еще и у него. По его мысли, мы хотимъ того, къ чему мы наклонны, что̀ выходитъ слѣдствіемъ нашей собственной природы; что наше *я* возвышается надъ самимъ собо́й и беретъ свои природные побуды за матерьялъ, который оно обдѣлываетъ посво̀ему, что духъ опредѣляетъ самъ себя и даетъ себѣ нравственный законъ свободы (отъ слѣпыхъ природныхъ влеченій),—это уже выводъ позднѣйшаго времени; Кантъ первый поставилъ началомъ міра нравственнаго самозаконность или автономію воли.

Лейбницъ видѣлъ во всемъ міропорядкѣ счастливую, свѣтлую можносказать необходимость, такъ-какъ порядокъ этотъ—выраженіе разума, такъ какъ во всякой винословной связи царитъ мысль, такъ-какъ дѣйствіе природныхъ силъ отвѣка разумно уряжено и изнутри выполняетъ цѣль вселенной, міровую гармонію. Этотъ полноцѣльный порядокъ міра требуетъ, по закону достаточнаго основанія, міроуряжающаго духа, точно такъ же какъ и вѣчныя истины должны же вѣдь мыслиться въ какомъ-нибудь вѣчномъ и необходимомъ умѣ. Стремленіе къ Богу, помыслъ объ изначальномъ, цѣломъ, совершенномъ, врожденъ человѣческой душѣ; она сама должна его себѣ выяснить и стараться о возможномъ его познаніи, хотя бы и никогда не постигла его вполнѣ, потому что низшее конечно можетъ вполнѣ пониматься высшимъ, но не высшее наоборотъ тѣмъ, что̀ ниже. Природныя истины суть вмѣстѣ и божественное откровеніе; мыслящее созерцаніе познаётъ и уразумѣваетъ Творца по дѣламъ его и ведетъ вмѣстѣ къ боголюбію и къ человѣколюбію, а это и есть общій для всѣхъ народовъ законъ и общая для всѣхъ вѣра, естественная религія, вѣра разума.

Опираясь на это основаніе, Лейбницъ старался доказать свою правовѣрность, но вмѣсто того чтобы прямо обратиться къ Евангелію, онъ вздумалъ разбирать готовые церковные догматы, съ тѣмъ чтобы отыскать въ нихъ желанный для него смыслъ или подсунуть здѣсь свое собственное воззрѣніе. „Онъ высѣкалъ изъ кремней огонь, а не пряталъ своего огня въ кремни“ — хотѣлось бы намъ сказать вмѣстѣ съ Лессингомъ; но мы не можемъ ни пропустить молчаніемъ, ни отринуть того, что онъ слишкомъ ужь приноровлялся къ чуждымъ мнѣніямъ и, кажущимся только согласіемъ, нерѣдко замѣнялъ

отсутствіе настоящаго. Онъ долженъ былъ допустить что чудо противуестественно, такъ-какъ оно прерываетъ виновную связь міра, что оно противоразумно, такъ-какъ A не можетъ въ то же время быть не A; но онъ говоритъ тутъ и о какихъ-то особаго рода явленіяхъ, заключавшихся будто бы въ общемъ планѣ міра и потому собственно говоря не чудесныхъ. Безвыходное представленіе неугасимыхъ адскихъ огней очень плохо ладитъ съ его понятіемъ о мірѣ, какъ лучшемъ изо всѣхъ возможныхъ. Лейбницу хотѣлось бы установить разность между противуразумнымъ и сверхразумнымъ. Когда Бейль (Bayle) сталъ утверждать, что разумъ и вѣра противорѣчатъ другъ другу, то онъ смѣшивалъ вѣру съ догматическими уставами, и дѣлалъ видъ, какъ будто бы отдаетъ разумъ вѣрѣ въ узники, тогда какъ въ дѣйствительности онъ только выдавалъ церковный догматизмъ; а Лейбницъ о главныхъ ученіяхъ церкви старался показать, что они по крайней мѣрѣ мыслимы, умственно возможны. Догматическое богословіе осѣняло своей тѣнью его философію, и примыкая къ богословскимъ положеніямъ Лейбницъ правда становился общепонятнѣе Спинозы и производилъ болѣе непосредственное дѣйствіе, но это сопряжено было съ тѣмъ неизбѣжнымъ зломъ, что если общедоступный, экзотерическій Лейбницъ сталъ популяренъ, зато настоящій, эзотерическій остался тайною, открытою лишь для немногихъ мыслителей.

Важнѣйшимъ явленіемъ была здѣсь его Ѳеодикея, то-есть Богооправданіе, въ виду бездны мірскихъ бѣдъ и золъ. Доброжелательная душа Лейбница была глубоко проникнута вѣрой въ благость божію, въ разумность міра, въ окончательную побѣду добра, что̀ и естественно должно было стать одушевляющею надеждой для наступавшей теперь новой эпохи, полной высшаго стремленія. Препираясь съ Бейлемъ, настойчиво указывавшимъ на всѣ болячки и противорѣчія дѣйствительности, развиваетъ онъ свои идеи. Онъ попрежнему стоитъ на томъ, что все естественное, все духовное, есть дѣло самодѣйственныхъ силъ; но монады хотя и носятъ въ себѣ самихъ основной источникъ своихъ дѣйствій, однакожь отнюдь не источникъ своего бытія; онѣ божіи созданія, Богъ—источникъ и цѣль міра, зодчій и владыка его; въ міропорядкѣ открываются его всемогущество, премудрость и благость. Природа, это—какъ бы сооружаемое имъ зданіе, міръ духовъ—царство, въ которомъ онъ властвуетъ, потомучто этотъ міръ входитъ вѣдь въ наше сознаніе: онъ можетъ познавать Бога и любить, онъ составляетъ градъ божій въ природѣ, семейство въ дому его, царство благодати, ибо духи надѣлены благодатью свѣта, познанія и свободы.

Есть конечно необходимыя истины и необходимые законы вещей, которые не могутъ ни быть, ни мыслиться иначе, но многое другое могло бы, пожалуй и не быть или по крайней мѣрѣ мыслимо не въ томъ видѣ; это и есть та данная дѣйствительность, для которой мы ищемъ и спрашиваемъ достаточнаго основанія. Послѣднее для дѣйствительнаго міра именно есть божіе существо. По благости своей, изо всѣхъ возможныхъ міровъ Богъ избралъ и вызвалъ къ существованію наилучшій; онъ поддерживаетъ его въ постоянной дѣятельности творческой силы. Но какъ же теперь свобода относится къ предопредѣленію божію, какъ несчастіе относится къ его благости, какъ относится зло къ святой его волѣ?

Тутъ Лейбницъ указываетъ вопервыхъ на предѣлъ, лежащій въ самомъ понятіи конечнаго; оно что-нибудь есть только вѣдь въ различіи отъ другого; этимъ ограничены его волѣніе и его мощь; такимъ образомъ въ самомъ существѣ созданія лежитъ уже его несовершенство, недостаточность во многомъ другомъ, потому именно что оно обладаетъ и пользуется свойственною ему особностью. Міръ безъ недостатковъ и границъ былъ бы міромъ безъ опредѣленныхъ силъ, безъ особей и безъ свободы. Надо стать на надлежащую точку зрѣнія, и тогда увидишь, что скорби и страды—необходимыя въ картинѣ тѣни, необходимые диссонансы въ музыкѣ, безъ которыхъ невозможно художественное созданіе и которые въ цѣломъ обращаются въ отраду. Это средства для добра, подобно тому какъ гроза очищаетъ воздухъ и плодотворитъ землю; они будятъ силу: безъ борьбы и сопротивленія нѣтъ и побѣднаго торжества. Такъ вину Адама можно назвать счастіемъ, потому что ею обусловлено искупленіе наше Христомъ; такъ безъ совершеннаго надъ Лукреціей злодѣйства Римъ не сдѣлался бы міродержавною республикой. Да притомъ же всякое земное бѣдствіе кратковременно, а души безсмертны; смерть только переходъ къ новому житію. „Бейль видитъ на свѣтѣ однѣ лишь тюрьмы да больницы, а между тѣмъ вѣдь гораздо болѣе жилыхъ домовъ“. Въ сочиненіяхъ Шафтсбёри, полныхъ сочувствія къ красотѣ, Лейбницъ съ удовольствіемъ нашелъ опять любимыя свои мысли; мы увидимъ далѣе, какъ стихотворенія Поппа, Уца, Галлера примыкаютъ къ обоимъ. Премудрая благость божія захотѣла возможности зла и горя, но какъ средства и условія добра; безъ искуса зломъ не было бы и ни какого нравственнаго достоинства, не было бы свободы, не было бы ни какой заслуги въ дѣйствіяхъ по правдѣ и совѣсти. Богъ допускаетъ зло ради добра; міръ—громадная лѣстница развитія, восходящая все къ высшему совершенству дѣйствіемъ своихъ же собственныхъ силъ. Но самоопредѣленіе наше ни мало не терпитъ отъ прозрѣнія его Богомъ, лишь бы оно совершалось такъ, какъ онъ его мыслитъ или замыслилъ впередъ; Богъ и предвидитъ поступки наши, какъ свободные. Его премудрость и благость вступаютъ въ міръ уряжающимъ промысломъ на мѣсто слѣпой судьбы или случайности, и такимъ образомъ есть нравственная, счастливая необходимость, всилу которой мы являемся конечными существами, предназначенными для самоусовершенія. Счастіе наше должно заключаться не въ спокойной радости, въ которой изсякло бы всякое стремленіе и отупѣлъ бы нашъ духъ, а напротивъ въ неослабномъ поступательномъ ходѣ или прогрессѣ все къ новымъ радостямъ и къ новымъ совершенствамъ.

Разумная необходимость вмѣсто случая и произвола, убѣжденіе что законами мысли правится міръ, и что есть вѣчныя истины, не только созерцаемыя въ умѣ, но и лежащія въ основѣ всего дѣйствительнаго,—вотъ что можемъ мы назвать общимъ добыткомъ и достояніемъ Спинозы и Лейбница. Начиная съ 16-го вѣка человѣчеству открылся взоръ на природу, и мѣсто особыхъ боговъ и духовъ, властно жившихъ собою вещи и ихъ отношенія, мѣсто чародѣйства и вѣдьмовства, переносившаго чертовщину своихъ выдумокъ во вселенную и видѣвшаго въ ней то дѣйствіе бѣсовскихъ силъ, то чудеса и самодурство произвола, мѣсто фантастическихъ этихъ грезъ заступило чаяніе непреложной общей связи, необходимаго порядка

вещей, законности лежащей въ самомъ существѣ дѣла; математика древнихъ Грековъ выступила тутъ надежнымъ вожакомъ, она указала въ строгой послѣдовательности цѣлый неразрывно-связный міръ самоосновныхъ истинъ, не содержащихъ въ себѣ ни чего, кромѣ чисто-разумной необходимости. Какъ ни кѣмъ не установленъ законъ, чтобы три угла всякаго треугольника равнялись двумъ прямымъ, а квадраты катетовъ квадрату гипотенузы, какъ ни кто даже и не спрашиваетъ, для какой цѣли это именно такъ есть, подобно тому стали теперь доискиваться и въ природѣ неизмѣнныхъ свойствъ всякой матеріи, какъ проявляются они въ соотношеніи самыхъ различныхъ между собой вещей, въ нагнетѣ и толчкѣ, въ косности, движеніи и тяжести,—доискиваться съ тѣмъ, чтобы найденное такимъ образомъ на опытѣ въ то же время математически доказать и вывести, какъ чисто разумную необходимость: вотъ что сдѣлалось великою задачей времени, общимъ во всѣхъ образованныхъ странахъ стараніемъ изслѣдователей и мыслителей, пока геній Ньютона не открылъ той свѣтлой мысли, которая внесла ясность и единство въ неисчерпаемую бездну различныхъ явленій и дала возможность вывести законы ихъ изъ понятія о самомъ дѣлѣ, заключить о нихъ изъ разума. Теперь мы видимъ, что передъ безтолочью прежнихъ астрономическихъ гипотезъ Альфонсъ Кастильскій не совсѣмъ напрасно отозвался; „Спроси меня Господь Богъ заранѣе, я бы сказалъ ему какъ можно все это устроить гораздо проще";—что́ естественно, что разумно-истинно, то просто.

Напомнимъ о двухъ великихъ предшественникахъ Ньютона, о Кеплерѣ и Галилеи (IV, 52 и слѣд.). Кеплеръ отыскалъ форму планетныхъ орбитъ, законъ ихъ то умедляющагося, то ускоряющагося движенія и тѣсную связь времени обращенія съ величиною пробѣгаемаго пространства, но не задавался еще вопросомъ о причинѣ и единящемъ началѣ такой гармоніи; для того чтобы отвѣчать на это, потребна была механическая физика или динамика, которыхъ основанія познанъ первый Галилеи, а разработалъ далѣе Гейгенсъ. Для этого надо было наторѣть новѣйшей экспериментаціи, умѣющей устранить или точно вычислить различныя противодѣйствія, встрѣчаемыя чистымъ закономъ явленія въ природѣ, напримѣръ сопротивленіе воздуха падающему тѣлу, треніе катящагося шара и т. д.; надо было созрѣть въ умѣ положительной рѣшимости, давать о природѣ вещей только такія объясненія, которыя оказываются какъ-разъ въ мѣру дѣйствительности, такъ чтобы она надѣлѣ подчинялась выставленному закону, чтобы законъ всегда подтверждался опытомъ. Причину, почему тѣло падаетъ все быстрѣе и быстрѣе, почему маятникъ все скорѣе идетъ внизъ и все медленнѣе вверхъ, открыли въ постоянно дѣйствующей силѣ притяженія къ средоточію земного шара; понадобился только геніальный взглядъ Ньютона, чтобы и въ падающемъ съ дерева плодѣ и во вращающемся около земли мѣсяцѣ опознать одинъ и тотъ же законъ тяжести, и во взаимномъ притяженіи массъ или такъ-называемомъ тяготѣніи найдти общую причину для открытій Кеплера относительно формы орбитъ и быстроты планетнаго движенія, чѣмъ въ сознаніе человѣчества введена была идея о всеобщей подзаконности природы.

Въ годъ смерти Галилеи родился Ньютонъ (1642—1727). Онъ смѣтилъ еще въ молодыхъ годахъ, что математикѣ, въ тогдашнемъ ея состояніи, не

подсилу рѣшать задачи естествовѣдѣнія, и начавъ съ разсмотрѣнія постоянно-измѣняющейся кривой, дошелъ до анализа (математическаго) безконечнаго, который, съ другой стороны, придумалъ для себя Лейбницъ и назвалъ дифференціальнымъ вычисленіемъ, такъ какъ непрерывные переходы отъ одной монады къ другой и отъ одного ихъ состоянія къ другому требовали исчезающихъ (въ одиночку) разностей или безконечно-малыхъ „дифференцій." * Еще въ молодости Ньютонъ попалъ на мысль о тяготѣніи, но вычисленія его не сошлись тогда съ фактами, и онъ обратился къ изслѣдованію свѣта и цвѣтовъ. Онъ былъ профессоромъ въ Кембриджѣ, и въ 1682-мъ году, въ одномъ засѣданіи Лондонскаго Научнаго Общества услыхалъ нечаянную для себя новость: измѣреніе градуса во Франціи показало, что поперечникъ Земли долженъ быть болѣе, чѣмъ до тѣхъ поръ предполагали, и вотъ онъ принялся опять за разборъ старыхъ своихъ бумагъ, за новыя по нимъ вычисленія, и нашелъ, что все такъ и выходитъ, какъ онъ прежде думалъ; теперь, исходя отъ того понятія, что всѣ тѣла взаимно притягиваются соразмѣрно своей толщѣ, онъ не только смогъ объяснить движеніе планетъ или морскіе приливы и отливы, но даже и тѣ мелкія уклоненія отъ строгости кеплеровыхъ законовъ, какія подмѣчены были наблюденіемъ, оказались вполнѣ необходимыми, такъ какъ не одно вѣдь солнце притягиваетъ къ себѣ планеты, а и всѣ онѣ взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, смотря по своему разстоянію и по своей величинѣ.

Но Ньютонъ не хотѣлъ ограничиться однимъ лишь сообщеніемъ міру новооткрытаго факта, онъ хотѣлъ представить его разумно-законнымъ выводомъ изъ понятія самой вещи, и вотъ онъ написалъ свои Начала Естественной Философіи, въ которыхъ изъ различныхъ положеній механики и динамики, въ томъ видѣ, въ какомъ успѣлъ ихъ обработать, онъ съ удивительно вѣрнымъ взглядомъ выбралъ первыя и основныя и вывелъ изъ нихъ потомъ всѣ прочія. Такимъ образомъ сталъ онъ настоящимъ основателемъ этой науки, подобно тому какъ Эвклидъ органически связалъ геометрическія положенія. Исходя отъ того, какъ силою и движеніемъ своей руки мы обработываемъ внѣшнія намъ вещи, Ньютонъ идетъ къ понятію о цѣлой наукѣ движеній и порождающихъ ихъ силъ. Что матерія (т. е. всякое вещество) упорно пребываетъ въ своемъ состояніи и мѣняетъ его только вынужденно, что движеніе всегда стало-быть имѣетъ свою причину и постоянно продолжается, если только будетъ устранено всякое препятствіе, это высказалъ и доказалъ еще Галилеи. Сюда примкнуло положеніе, что когда къ существующему уже движенію присоединится новое, оба они сливаются въ одно; если направленія ихъ при этомъ совпадаютъ, то ихъ слѣдуетъ просто сложить, а если они противоположны, то надобно ихъ одно изъ другого вычесть; то, что, при различномъ направленіи, они порождаютъ изъ себя середнюю линію, такъ-называемый параллелограммъ силъ, это присовокупилъ уже Ньютонъ, и изъ намековъ Гёйгенса добылъ третье положеніе, что дѣйствіе

---

* Ньютонъ болѣе тридцати лѣтъ работалъ надъ своимъ открытіемъ, и все-таки не рѣшился бы еще выступить съ нимъ передъ свѣтомъ, еслибъ не узналъ вдругъ неожиданно, что на ту же самую мысль напалъ, независимо отъ него, другой. Прим. перев.

и противодѣйствіе равны между собою, что всякій предметъ оказываетъ какъ разъ столько сопротивленія, сколько мы производимъ на него нагнета, что лошадь въ той именно мѣрѣ задерживается везомой тяжестью, сколько она употребляетъ силы чтобы подавать ее впередъ; что не только Земля притягиваетъ камень, но, съ своей стороны, и камень Землю, по соразмѣрности ихъ толщъ. Основныя эти положенія Ньютонъ ставитъ во главу цѣлой системы и развиваетъ изъ нихъ всеобщее ученіе о движеніи тѣлъ, какова бы впрочемъ ни была ихъ фигура, будь они притомъ одиночны или въ связи́, тверды или жидки, свободно рѣющи или оперты на какую-нибудь поддержку, и потомъ, въ видѣ примѣра, основываясь на понятіи взаимнаго притяженія толщъ, онъ излагаетъ систему міра, причемъ изъ данныхъ массъ и движеній выводитъ законы Кеплера и всѣ наличныя соотношенія солнца, планетъ и лунъ. Что брошенный съ башни камень падаетъ на́земь, это зависитъ отъ притяженія Земли; но какъ притягательная сила дѣйствуетъ постоянно, то во вторую секунду онъ по необходимости будетъ двигаться быстрѣе или пройдетъ бо̀льшее пространство нежели въ первую, потомучто быстрота, достигнутая имъ во время послѣдней, пріумножится вѣдь продолжающимся притяженіемъ; въ каждую единицу времени опишетъ онъ двумя единицами пространства болѣе противъ предъидущей; пространства, пробѣгаемыя падающимъ тѣломъ въ различныя времена съ самаго начала движенія, содержатся между собой какъ числовые квадраты временъ; если въ первую секунду пробѣжитъ оно 15 футовъ, то во вторую трижды 15, а въ обѣ вмѣстѣ четырежды 15, въ третью пять разъ 15, а во всѣ три—девять разъ 15 (135 фут.). Если тѣло получитъ еще при этомъ толчокъ, если мы далеко отшвырнемъ камень, бросая его съ башни, то наша сила верженія присоединится къ притягательной, обѣ будутъ дѣйствовать тогда совмѣстно, и камень опишетъ въ своемъ пути кривую линію, которую математики называютъ параболой. Вообразимъ себѣ теперь одно ме́ньшее тѣло свободно парящимъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ другого бо́льшаго; тогда притяженіе повлечетъ ихъ одно къ другому, и ме́ньшее непремѣнно упадетъ на бо́льшее; но если первое получитъ притомъ толчокъ, то оно прежде всего неослабно полетѣло бы по направленію этого толчка, не влекись оно тяжестію къ бо̀льшему; въ случаѣ, что обѣ силы (то-есть силы толчка и тяжести) равны и толчокъ прійдется посерединѣ, тѣло пойдетъ въ ходъ, но не приближаясь къ бо̀льшему и не удаляясь, а вращаясь вокругъ него, при чемъ въ равныя времена будутъ описываться имъ вокругъ притягательной точки равныя площади. Это и совершаютъ планеты, какъ гласитъ второй кеплеровъ законъ; но онѣ движутся и должны двигаться въ эллипсисахъ, если гонящая ихъ сила пришлась не отвѣсно къ направленію притяженья, если быстрота ихъ нѣсколько больше или меньше той, какая закономъ паденія обусловливалась для становой точки тѣла (или тогдашняго мѣста его въ пространствѣ). Солнце стоитъ въ одномъ изъ фокусовъ яйцеобразной линіи, и въ дальнемъ отъ него разстояніи планета движется впередъ медленнѣй, а въ близкомъ, наоборотъ, скорѣе; но, благодаря именно этому, въ равныя времена всегда описываются ею равные отрѣзки эллиптической площади; гдѣ эллипсисъ меньше, тамъ линіи отъ центра къ окружности становятся длиннѣе, и наоборотъ. А отсюда слѣдуетъ, наконецъ, и третій законъ Кеплера, что квадраты времени обращенія нѣ-

скольких планетъ содержатся между собой какъ кубы ихъ большой оси,— слѣдуетъ по необходимости, когда одинъ и тотъ же центръ притягиваетъ дальнѣйшія и ближайшія тѣла, а притягательная сила, по закону паденія, убываетъ вмѣстѣ съ квадратомъ разстояній. Не отъ особаго свойства планетъ, а только отъ ихъ массы и разстоянія зависитъ то, что одна идетъ быстрѣе, другая медленнѣй. Мѣсяцъ отстоитъ отъ насъ на 60 полупоперечниковъ земного шара; на поверхности послѣдняго, стало-быть не далѣе одного полупоперечника, скорость паденія равняется 15-ти футамъ въ секунду; по расчету квадрата растояній, тѣло, удаленное отъ Земли на 60 полупоперечниковъ, падаетъ только на $^{15}/_{3600}$ футовъ, и настолько именно простирается уклонъ мѣсяца отъ направленія движенія его въ одну секунду. Одно и то же тяготѣніе, съ математическою, разумно-необходимою строгозаконностью даетъ намъ средство точно измѣрить быстроту падающаго съ дерева яблока, подъема морскихъ приливовъ, движенія мѣсяца вокругъ Земли и опредѣленныхъ путей планетъ вокругъ солнца; всѣ тѣла притягиваютъ другъ друга соразмѣрно своей массѣ и въ обратномъ содержаніи квадрата разстояній; всѣ дѣйствуютъ на всѣ; многосложно-перепутанный рядъ небесныхъ явленій сведенъ такимъ образомъ на одинъ простой принципъ и подчиненъ явно-необходимой, вполѣ связной въ себѣ законности, которая правитъ и земнымъ нашимъ движеніемъ. Планета идетъ точно тѣмъ путемъ, какой предписываетъ ей вычисляющій математикъ, а если встрѣтится какое-нибудь уклоненіе, онъ заключаетъ изъ этого о какой-нибудь равно законной причинѣ, опредѣляетъ ее по мѣрѣ того возмущенія, какое внесла она въ систему міра, предначертанную помимо ея, и телескопъ открываетъ потомъ причину эту (то-есть новое какое-нибудь тѣло) въ небесномъ пространствѣ. Гдѣ прежде властвовали темныя, таинственныя могуты, руководимыя (человѣкообразно) симпатіей и антипатіей, гдѣ прежде духи или геніи подгоняли небесныя сферы, тамъ царитъ теперь одинъ законъ, и всѣ могуты и духи разрѣшились въ простое понятіе величины массъ, въ понятіе земной тяжести.

Короткій срокъ, въ какой Ньютонъ написалъ великое свое твореніе, припоминаетъ собой тѣ немногіе мѣсяцы, какіе понадобились Микель Анджело для росписи Сикстинскаго потолка изображеніями міросозданія и пророковъ; въ обоихъ случаяхъ величіе плана, самоувѣренность исполненія равно изумительны по своей дивной возвышенности. Да въ нихъ видна и равная мощь фантазіи. Хотя заодно съ Лапласомъ мы и не назвали бы книгу Ньютона величайшимъ созданіемъ человѣческаго духа вообще, потомучто во многихъ областяхъ познанія, воли, искусства, есть вѣдь также высшее, измѣримое только своей особою мѣрой, однакожь мы охотно согласимся съ Филиппомъ Іолли (Iolly) въ томъ, что сліяніе изобрѣтательности и устойчивости мысли съ такою силою математической фантазіи въ той мѣрѣ какъ у Ньютона не было и не проявлялось въ дѣйствіи рѣшительно ни у кого. Силы, время, пространство, все выразилъ онъ въ линіяхъ и плоскостяхъ и разрѣшилъ самыя спутанныя задачи геометрическимъ построеніемъ, тогда какъ основанный потомъ Эйлеромъ аналитическій методъ, этотъ столь точный и простой вмѣстѣ языкъ математическихъ знаковъ, много облегчилъ намъ изложеніе. Тѣмъ блистательнѣе выходитъ на свѣтъ обильное фантазіей Ньютоново остроуміе. Юэлль (Whewell) справедливо говоритъ: „Съ нѣмымъ удивленіемъ возводимъ мы взоры къ че-

ловѣку, умѣвшему орудовать важнѣйшимъ изъ инструментовъ, синтезомъ, этимъ истинно-гигантскимъ снарядомъ, который стоитъ теперь праздно среди памятниковъ прошлаго, и спрашиваемъ въ изумленіи, къ какой породѣ принадлежалъ тотъ, кому подсилу было владѣть этимъ исполинскимъ мечомъ". Столь же классическимъ изложеніемъ, по геометрическому, синтетически-поступательному и все выводящему изъ началъ способу, отличалась въ то же время и Этика Спинозы, ясная безъ прикрасъ, всегда мѣтко попадавшая въ суть дѣла вѣрнымъ выраженіемъ. Но Спиноза перенесъ въ философскую область форму, свойственную математикѣ: геометръ выставляетъ впередъ свое опредѣленіе, и когда потомъ принимается строить свои фигуры, онъ тутъ же и показываетъ вѣрность этихъ построеній; Спиноза же съ поставленными имъ во главѣ системы умственными опредѣленіями поступаетъ вовсе не какъ съ мыслями, которыхъ дѣйствительность и разумную необходимость слѣдуетъ еще доказать, онъ считаетъ ихъ выясняющими все дѣло истинами, и строитъ на нихъ дальше, тогда какъ дѣйствительно онѣ были бы доказаны только тогда, если бы исчерпывали собой все богатство жизни и разрѣшали бы всѣ задачи, какія въ ней представляются. Но этого здѣсь вовсе нѣтъ, и когда истины Спинозы оказываются недостаточными, онъ просто отрицаетъ то, чего не сможетъ изъ нихъ развить,—свободу духа, цѣль въ природѣ, самосознательно-волящую субъективность Всевышняго. Трудъ Ньютона достославнѣйшее подтвержденіе той идеи, что законы нашего мышленія вмѣстѣ и законы вселенной. Что было открыто геніальнымъ воображеніемъ Кеплера, многоразличнѣйшими наблюденіями древнихъ и новыхъ временъ, и наконецъ самыми тщательными опытами Галилеи, обо всемъ этомъ Ньютонъ доказалъ, что оно прямо вытекаетъ изъ понятія о притяженьи; общая связь дѣйствительности отвѣчаетъ здѣсь общей связи мыслей, чисто-разумная необходимость математики, которую умъ породилъ изъ самого себя, даетъ ему ключъ къ уразумѣнію небесныхъ явленій, и свѣтила идутъ тѣми путями, какіе онъ имъ предписывалъ, такъ-какъ вѣдь форма орбиты слѣдуетъ изъ природы силы, и это выражается въ законѣ, который выводится умомъ изъ понятія о движеніи и изъ той мысли, что каждое дѣйствіе непремѣнно должно имѣть свою причину и свое противодѣйствіе. Ибо то, что покой или движеніе безъ какой-либо измѣняющей ихъ причины пребываютъ постоянно, именно и есть тотъ логическій законъ, что каждая вещь равна сама себѣ, $A = A$, а то, что степень притяженія соразмѣрна массѣ, это означаетъ вѣдь опять только одно, что бо́льшее больше ме́ньшаго. Но дѣйствующая вдаль основна́я сила всѣсторонно расходится въ пространствѣ, которое въ свою очередь также всесторонно ширится вокругъ дѣйствующей точки, прибывая стало-быть въ видѣ постоянно возростающихъ сферическихъ (шарообъемныхъ) плоскостей; оттого одинъ и тотъ же запасъ силы конечно расходится въ дальнѣйшемъ разстояніи на бо̀льшее пространство, и дѣйствіе силы убываетъ стало-быть по мѣрѣ его расширенія. Сферическія плоскости содержатся между собой какъ квадраты ихъ радіусовъ, полупоперечникъ (радіусъ) обозначаетъ разстояніе отъ центра силы, слѣдовательно послѣдняя убываетъ 'въ прямомъ содержаніи квадрата разстояній. Такимъ образомъ законъ паденія или тяжести лежитъ въ понятіи пространства, и исходя отъ этого понятія Ньютонъ успѣлъ вывести и доказать мысленную необходимость

того, чтó предшественники его добыли путемъ наблюденій и геніальныхъ наглядныхъ созерцаній; законъ природы—разумъ самой вещи, ея собственная суть, отнюдь не чье-либо произвольное установленіе, а выраженіе вѣчной истины, идущее изъ глубины духа.

Уже Кеплеръ сказалъ о Коперникѣ: „Онъ неоспоримо чрезвычайно геніальный человѣкъ, но—что въ этого рода вещахъ всего важнѣе—онъ притомъ и свободный духомъ человѣкъ". И дѣйствительно свободнымъ въ душѣ надлежало быть тому, кто наперекоръ видимости и слѣдуя только разуму пустилъ не солнце вокругъ Земли, а Землю вокругъ солнца, и этимъ измѣнилъ понятіе не только о цѣломъ мірѣ, но и о самомъ Богѣ. Потомучто, Земля, около которой все дотолѣ вращалось, которая слыла какой-то особой цѣлью божескихъ судебъ, вступила теперь звѣздой между звѣздами въ общій хороводъ свѣтилъ и стала вдругъ каплей въ морѣ безконечнаго. Въ глазахъ же Церкви, благодаря совершившимся на землѣ грѣхопаденію, боговочеловѣченію и общенію искупленныхъ въ царствѣ небесномъ, была она единственнымъ пріютомъ верховнѣйшихъ цѣлей божіихъ, и еще Меланхтонъ положительно заявлялъ, что Іисусъ Христосъ умеръ и воскресъ только однажды и что по одному этому уже не можетъ быть многихъ, подобныхъ Землѣ, міровъ. Если впослѣдствіи даже еще Декартъ и Бейль дѣлали иногда такой видъ, что при какомъ-нибудь противорѣчіи между наукой и догматомъ отдавали разумъ въ плѣнъ вѣроученью, то, напротивъ того, теперь на прочность могла расчитывать только уже такая вѣра, которая обопрется на познаніе вещей и прійдетъ съ нимъ въ соглашеніе. Паскаль говоритъ: „Іезуиты выхлопотали папскій указъ, осуждающій ученье Галилеи о движеніи Земли; но это все напрасно: если міръ дѣйствительно ходитъ кругóмъ, то и все вмѣстѣ человѣчество не сможетъ помѣшать ему въ этомъ, да и удержаться самó отъ круговращенія съ нимъ вмѣстѣ". Ньютонъ вывелъ математически и доказалъ какъ вѣчную истину то, чтò дотолѣ могло слыть только предположеніемъ; благодаря ему, точное изслѣдованіе природы вошло въ свои неотъемлемыя права, и этимъ новая эпоха человѣчества обособилась отъ древности и отъ средневѣковья. Наука дѣйствительности стала на мѣсто символовъ и миѳовъ, изъ которыхъ фантазія человѣчества ткала до тѣхъ поръ одежду истинъ, а суевѣріе, плохо распознавая смыслъ и образъ этой одежды, принимало ее за самоё истину. Стремленіе къ просвѣщенію стало теперь на твердую, незыблемую почву, и когда оно обращается противъ суевѣрія, ему по временамъ сдается что будто бы оно разитъ или уничтожаетъ вмѣстѣ съ нимъ и вѣру. Послѣдняго вовсе не лежало въ личной волѣ Ньютона, а также и отнюдь не льзя сказать, чтобы это было безусловнымъ слѣдствіемъ его міросозерцанья.

Самъ Ньютонъ говоритъ, что всеобщимъ тяготѣніемъ объясняются небесныя явленія; съ математика и естествовѣда довольно уже того, что существуетъ тяжесть, что изъ ея закона познается движеніе планетъ. Но за тѣмъ остается еще вопросъ, какъ возможно всеобщее тяготѣніе. Что тѣло дѣйствуетъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, что на разстояніи цѣлыхъ милліоновъ миль оно притягиваетъ къ себѣ другое, это опять новая задача, требующая рѣшенія. Оно, какъ прибавляетъ философствуя самъ Ньютонъ, должно предполагать всепроницающую причину, властвующую отъ звѣзды къ звѣздѣ безъ

умаленія своей силы какимъ бы то ни было разстояніемъ. Постоянно дѣйственное въ двухъ разныхъ тѣлахъ, тяготѣніе оказывается во власти одного высшаго единства. Такъ же точно понятія предполагаютъ разумъ, и разумъ божій есть источникъ вѣчныхъ истинъ. Премудрость Создателя установила прекрасную связь небесныхъ тѣлъ между собою, его мощь придала имъ надлежащее движеніе. Такъ-какъ изъ косности бытія не слѣдуетъ ни какого движенія, то оно требуетъ себѣ виновника, творца. Строй организмовъ въ свою очередь указываетъ на зиждительный разумъ, на такого Бога, который своей волею властенъ двигать тѣла въ безпредѣльномъ своемъ чувствилищѣ и тѣмъ самымъ слагать и преобразовывать части вселенной такъ искусно, какъ намъ никогда не распорядиться тѣлесными своими членами.

Такимъ образомъ для Ньютона все живетъ благодаря только божію естеству или его всепроницающей премудрости, его вездѣприсутствію, и не только все имъ живетъ, но все въ немъ и движется. Въ своихъ заключительныхъ мысляхъ къ Началамъ философіи природы и къ Оптикѣ, Ньютонъ положительно выдвинулъ впередъ эти идеи. Бытіе божіе всегдашне и повсемѣстно; если уже малѣйшая частица пространства пребываетъ и если каждый мигъ находится вездѣ, то виновникъ и урядитель всего міра не можетъ не быть нигдѣ или никогда; напротивъ, существуя всегда и вездѣ, онъ именно представляетъ собой вѣчную длительность и безконечное пространство. Подобно тому какъ наша душа одна и та же во всѣхъ членахъ и во всѣхъ смѣняющихся ощущеніяхъ, такъ и Богъ все одинъ и тотъ же всегда и вездѣ, не только что своей силою, но и своей субстанціей, самымъ своимъ существомъ; все въ немъ заключено и все въ немъ живетъ и движется. Самъ присутствуя во всѣхъ вещахъ, онъ не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ чувствахъ для ихъ познанія, само пространство—его всеобъемлющее чувствилище; онъ—весь воспріимчивость и внутреннее чувство, разумность и энергія. Но мало назвать его душою міра, онъ его владыка, и конечно не былъ бы имъ безъ царства, имъ же онъ властвуетъ и правитъ. Изъ его властительства, то-есть изъ цѣлаго міропорядка, явно слѣдуютъ для насъ его премудрость и благость; ибо мы познаемъ его по его дѣламъ, по его цѣлямъ. Безъ цѣли и провидѣнія онъ былъ бы только роковой судьбою и природой. Но изъ слѣпой необходимости, всегда и вездѣ остающейся однимъ и тѣмъ же, не истекаетъ ни какой перемѣны вещей, ни какого въ жизни разнообразія; разность міра смотря по мѣсту и времени могла возникнуть только по мысли и волѣ необходимо-сущаго.—Въ душѣ Ньютона лежитъ мысль, что Богъ вмѣстѣ и въ мірѣ и надъ міромъ, что онъ вмѣстѣ природа и духъ, субстанція и субъектъ (самосущность и самоличность); необходимое, реальное составляетъ фундаментъ и условіе для свободнаго, идеальнаго. Провести это вполнѣ—задача настоящей эпохи. Для этого надобно напередъ Канту поставить нравственный законъ внутри насъ на ряду съ строгимъ чиномъ звѣзднаго неба надъ нами, и высказать великое слово: потому именно и есть Богъ, что природа даже и среди хаоса поступаетъ законно и строгочинно.

Тою законченною основой, какую Ньютонъ далъ астрономіи, начинается теперь непрерывный ростъ естественныхъ наукъ: здѣсь нашли онѣ себѣ примѣръ и первообразъ. Современникъ Ньютона, астрономъ Голли (Halley),

тотчасъ оцѣнилъ высокое значеніе главнаго его труда, и написалъ введеніемъ къ нему хвалебные стихи. Кто первый, говоритъ онъ, обезопасилъ жизнь и собственность гражданскими законами, кто впервые взростилъ хлѣбъ и выжалъ сокъ изъ гроздій винограда, кто первый натянулъ на лиру струны, и тотъ не выше поднялъ человѣчество, не болѣе двинулъ его впередъ, чѣмъ изслѣдователь, научившій его познавать непреложный урядъ природы.

Смертный, возстань, ободрись и покинь всѣ земныя заботы!
Истины вѣчной открытелю, Ньютону, честь ты воздай;
Музъ онъ любимецъ; повѣрь, въ души его чистомъ жилищѣ
Неба вселился посолъ, просвѣтитель божественный, Фебъ:
Ни кому изъ людей не былъ данъ столь близкій доступъ къ небеснымъ.

Поппъ написалъ слѣдующую эпиграмму:

Туманъ и ночи игла объяли цѣлый свѣтъ;
Богъ рекъ: да будетъ Ньютонъ!—и бысть свѣтъ.

Самъ Ньютонъ, напротивъ, откровенно говоритъ, что въ виду безконечнаго ему кажется, будто со всѣми своими открытіями онъ не болѣе какъ мальчуганъ, черпающій раковинками воду изъ Океана; а на вопросъ, какъ смогъ онъ такъ много найдти въ наукѣ, онъ прекрасно отвѣчалъ: да я постоянно только объ ней и думалъ.

БАХЪ И ГЕНДЕЛЬ.

Въ то время, какъ эра духа начинается съ того, что научный умъ воспреобладалъ теперь на мѣсто сердца, и въ поэзіи на первыхъ порахъ выступаетъ впередъ сознательный умыселъ просвѣтительства и условной правильности, на ряду съ реалистическимъ воззрѣньемъ; человѣчество не зависитъ уже больше отъ одного созерцанія, отъ одной наглядки, живопись поэтому упала, но художественность и фантаэія не угасли же вѣдь оттого совсѣмъ; онѣ только перенесли владычество свое въ Музыку, въ искусство сердечности, которое, запасшись всѣми средствами и благодаря силѣ духа, дерзаетъ стремиться къ высшему и достигаетъ своей цѣли. И какъ нарочно, въ знакъ того, что не только всецѣлость нашего существа сохранилась и въ новѣйшее время, хотя иная совсѣмъ сила стала во главѣ его, но что и вообще никогда не утрачивается вполнѣ ни одно достояніе человѣчества, сколь бы ни сильна была борьба противъ какой-нибудь устарѣлой или недостаточной его формы,—какъ нарочно, говоримъ мы, религіозное чувство находитъ

себѣ въ музыкѣ законченное свое выраженіе именно теперь, когда опровергается и разлагается самый догматъ. Призваніе это выпало въ удѣлъ двумъ Германцамъ, двумъ протестантамъ, именно потому что вопервыхъ Германія совершила реформацію и взяла на себя мученичество войнъ за вѣру, а вовторыхъ— требовалось наглядное свидѣтельство того, что протестантизмъ теперь носитель прогресса и что онъ не безхудожественъ. Быть вмѣстѣ народнымъ и вѣрнымъ жизни, вмѣстѣ художественно образованнымъ и идеальнымъ, то-есть то самое, чего поэзія достигла какъ своей цѣли только подконецъ этого столѣтія, въ первой половинѣ его явилось уже въ музыкѣ; ея цвѣтъ предшествуетъ цвѣту стихотворства, какъ нѣкогда архитектура предшествовала пластикѣ; и вотъ, вмѣстѣ съ Лейбницемъ, два великіе музыканта служатъ намъ порукою за то, что ядро нашего народа осталось невредимо среди раззора и опустошенія и что въ лучшемъ будущемъ оно дастъ еще добрый отъ себя ростъ.

Тогда какъ многоголосная церковная музыка и свѣтская опера воздѣлывались въ Италіи, у насъ въ Германіи сохранились религіозные гимны общины и народная пѣсня, и когда душа народа прямо изъ ужасовъ Тридцатилѣтней войны укрылась въ эту святую святыхъ искусства, она обрѣла себѣ здѣсь и примиреніе, и надежду на лучшіе потомъ дни. Самъ Лейбницъ писалъ однажды, что неимовѣрную важность музыки могутъ не признавать развѣ только тѣ, кому неизвѣстно, какимъ глубокимъ восхищеніемъ исполняется ею даже и самый черный народъ, и что нѣтъ такого ремесленника, такой няньки, которые не услаждали бы себѣ пѣньемъ работу и трудъ.

Одна тюрингенская семья къ концу 16-го столѣтія воротилась ради вѣры изъ Венгріи на старое свое пепелище; это были ремесленники, но они занимались надосугѣ музыкой, и молодые сыновья рѣшились однажды прямо сдѣлаться музыкантами; такимъ образомъ третье по возвратѣ на родину поколѣніе Баховъ составило изъ себя общество органистовъ, у котораго ежегодно бывалъ свой семейный праздникъ и которое лелѣяло серьёзно-глубокое чувство протестантскаго церковнаго стиля, и въ противоположность заносному разврату и обмельченію поддерживало крѣпкою добросовѣстностью семейность и богобоязненность нѣмецкаго средняго сословія. Севастьянъ Бахъ (1685 — 1750) родился въ Эйзенахѣ, гдѣ отецъ его былъ городовымъ музыкантомъ (Stadtmusicus); самъ онъ проживалъ и служилъ канторомъ (уставщикомъ) въ Лейпцигѣ. Гендель (1685—1759) былъ родомъ изъ Галле, путешествовалъ для образованія себя въ Италіи и изъ Гамбурга проѣхалъ въ Англію, гдѣ и пріютился сперва въ званіи опернаго директора, а потомъ творца своихъ знаменитыхъ ораторій. Такъ оба стоятъ близко одинъ къ другому, ни дать ни' взять какъ Дюреръ съ Гольбейномъ; у Баха совершенно ужь національный элементъ, для котораго главное дѣло истина, но у котораго изъ твердой силы характерности и глубокомыслія выбивается потомъ сама собою красота; у Генделя болѣе космополитскій смыслъ, усвоивающій себѣ граціозность юга и этимъ ясно и завершительно освящающій выраженіе глубокой собственной искренности. У Баха видимъ мы ветхозавѣтную патріархальность, у Генделя героизмъ Эллинства; такъ идутъ они бокъ-обокъ представителями Реформаціи и Воз-

рожденія; Бахъ, съ мѣщанскою простотой, крѣпко держался за обычай предковъ, а полный нравственнаго достоинства Гендель завоевалъ себѣ свободное въ жизни положеніе у единоплеменнаго народа.

Севастьянъ Бахъ образовалъ себя игрою на органѣ, и подобно тому какъ въ церкви онъ извлекалъ у него сильные, громовые звуки, такъ и все вообще дѣлалъ онъ во славу божію; благочестивая торжественность, ядреная и сочная твердость, полносодержательная свѣжесть были основнымъ тономъ его созданій. Онъ совершенно овладѣлъ гармоническою наукой и игралъ съ величайшей виртуозностью; современники удивлялись его „дьявольскому искусству", но гдѣ другіе, фантазируя, выбирали на память мелодическіе обороты и фигуры, сметывая ихъ на живую нитку какъ пестрые лоскутки, тамъ онъ постоянно выдерживалъ одно какое-нибудь чувствованіе и послѣдовательно развертывалъ изъ своей темы то неисчерпаемое обиліе формъ, въ которомъ онъ является всегда новымъ, такъ что каждое произведеніе его выходитъ вполнѣ своеобразнымъ и что съ каждымъ, которое мы узнаемъ вновь, ростетъ наше благоговѣйное удивленіе къ его генію. Одинъ современникъ сказалъ о немъ: „Когда увидишь крѣпкій складъ головы и черные глаза его, такъ вотъ и кажется, что брызнетъ сей часъ огонь изъ каменнаго кряжа." Баха можно назвать Дантомъ музыки; подобно Данту онъ умѣетъ реалистически очеркнуть все, но тутъ же и отнести все къ вѣчному и преодолѣть мірское, чтобы найдти успокоеніе и миръ въ пожертвованіи всякой себялюбивой похотью и въ созерцаніи божественной сущности; про него можно повторить то, что̀ поэтъ вложилъ о себѣ въ уста другому:

Хоть смыслъ рѣчей твоихъ на первый разъ
Покажется иному слишкомъ строгимъ,—
Его поймутъ, прилежно вразумясь;
Въ нихъ пищу жизни ты, повѣрь, оставишь многимъ.

Или, пожалуй, это напоминаетъ намъ мистику Якова Бёме, созерцающую вѣчное существо среди сумятицы и треволненій „родниковыхъ духовъ" всякой жизни, и однакожь все объятое тишью субботняго покоя; что̀ Бёме силится выразить своимъ фантастично-философскимъ лепетомъ, то самое Бахъ высказалъ полнымъ фантазіи музыкальнымъ языкомъ. Оба были воскрешены въ наше время, и Риль называетъ Баха однимъ изъ тѣхъ удивительныхъ людей, которые, какъ Сидъ, побѣждаютъ еще и умирая. Это геніальная, мощная натура, полная строптивой силы; надо самому обладать твердымъ и зрѣлымъ духомъ, чтобы понимать его; съ нимъ надо бороться, но за то онъ и дастъ намъ тогда свое благословеніе. Равномѣрно занимаясь и инструментальной и вокальной музыкой, онъ научилъ первую стоять на собственныхъ ногахъ; предтеча Бетховена и другихъ великихъ мастеровъ конца того вѣка, первый основатель такой музыки, которая не держится робко за слова, а вошла уже настолько въ силу, что способна въ чистыхъ звукахъ одною мелодіей и гармоніей выражать красоту всякаго совершенія или процесса, органическій ходъ любого жизнеразвитія какъ въ немъ самомъ, такъ

и во взаимодѣйствіи съ окружающею природой,—способна проявлять идею, какъ внутренно уряжающій, и душу, какъ внутренно формирующій принципъ въ потокѣ времени и въ процессѣ борющихся силъ бытія, подобно тому какъ пластическое искусство пространственно передаетъ и онагляживаетъ въ сложившемся уже организмѣ идеальный элементъ, характеръ съ его чувствованіями или помыслами. Непосредственныя, основныя настроенія всѣхъ человѣческихъ душъ вообще, а отнюдь не что-либо частно-субъективное, оформливаетъ Бахъ въ полножизненныя мелодіи. Однакожь Карлъ Марія Веберъ утверждаетъ, что характеръ его, при всей своей строгости, собственно романтическій и существенно германскій, въ противоположность болѣе античному складу и духу Генделя. Бахъ не только перелагалъ духовную инструментовку на фортепіано для домашняго музыкальнаго обихода, онъ писалъ для этого инструмента и для оркестра и вполнѣ самостоятельныя произведенія, гдѣ, какъ въ готической архитектурѣ, по простому и прочному грунту развиваются обильнѣйшія украшенія и гдѣ великая мысль всесторонно излагается въ ритмическомъ громозвучіи полифоніи и въ мелодіяхъ переплетающихся и сливающихся одна съ другой. По мнѣнію такого знатока, какъ Риль, Бахъ пророчески заключаетъ въ себѣ все позднѣйшее развитіе; какъ ни возьмешься за его фортепьянныя піэсы, всякій разъ найдешь новое сродство съ которымъ нибудь изъ позднѣйшихъ мастеровъ музыки, но всегда оно замкнуто въ истую крѣпкую основную форму старика Баха. „Развѣ мягкая лирика лучшихъ нашихъ романтиковъ не заключена какъ въ почкѣ цвѣтка въ пѣніи второй „бурреи" такъ называемой *H*-мольной Партиты? или мендельсонова женственная грація—въ *A*-дурной прелюдіи ко второй части Wohltemperirten Claviers? или потомъ бурная страсть Бетховена—въ строптиво-вскипающей первой *C*-мольной фантазіи? или созерцательная, наивная разсказчивость Гайдна—въ аріи четвертой Партиты (Д—дуръ), или наконецъ весь разнузданный паѳосъ и вся своевольная игра формами новѣйшей бравуры—въ хроматической фантазіи и фугѣ (Д-молль)?"

Въ пѣніи умѣлъ онъ превосходно выразить любое созерцаніе и любое чувство, но избытокъ своихъ мыслей онъ всего охотнѣе примѣняетъ къ библейскимъ словамъ и къ религіозному гимну. Онъ живо созерцаетъ міръ въ его бѣдахъ, онъ чуетъ въ себѣ скорбь конечности и знаетъ источникъ спасенья, тотъ свѣтъ, которому необходимо пронизать лучами земную дѣйствительность, если только она хочетъ воскреснуть въ красотѣ; равно великолѣпно изобразилъ онъ и мглистую ночь грѣховной муки и ликующее блаженство спасенія. Онъ не терялъ изъ виду словъ литургіи, высказывающихъ бѣдствіе богопокинутой души, вопль твари о помилованіи, полную упованія исповѣдь вѣры, надежду на вѣчное блаженство и на неизреченную славу божію; написанныя имъ, протестантомъ, обѣдни (миссы)—истинно-христіанскія созданія; вѣдь спеціально-католическаго въ миссѣ только и есть что внѣшняя магія такъ-называемой безкровной жертвы и пресуществленія, да еще сопровождающая ее наружная благочинность; это замѣнялось у Баха выраженіемъ глубочайшаго самопережива вѣрующей души. Далѣе, онъ музыкально воскресилъ средневѣковыя рождественскія мистеріи и Страсти, но не въ драматическомъ стилѣ, а въ эпическомъ; то же самое найдемъ мы и у Генделя: этимъ оба они отличаются отъ драматиковъ,—Моцарта и Бет-

ховена. Они оставляютъ за слушателемъ настроеніе спокойнаго созерцанья, передъ которымъ проходитъ и оживаетъ, какъ въ эпосѣ, нѣчто объективное, вѣчно сущее или же возникшее къ бытію; въ то время какъ драматическая опера затягиваетъ насъ въ напряженный ходъ слагающагося еще дѣйствія, указываетъ со страхомъ и надеждою на будущность и исподоволь порождаетъ гармонію только изъ лирически смѣняющихся возбужденій,—эпическая ораторія останавливается, напротивъ, на всемъ привлекательномъ и передаетъ не столько внутренніе и внѣшніе конфликты единичныхъ лицъ, сколько выдвигаетъ впередъ въ хорахъ голосъ цѣлаго: народъ несетъ на плечахъ своихъ героя, своего главнаго ходатая и дѣльца. Въ рождественской музыкѣ у Баха сама община слышитъ вѣсть о нарожденіи Спасителя; хоръ ликуетъ за нее надъ разсказомъ евангелиста, примѣшивая къ нему въ аріяхъ и хоралахъ свои собственныя соображенія; въ музыкѣ Страстей Господнихъ проходятъ передъ нами страданія и смерть Іисуса Христа. Въ музыкѣ къ евангелію Іоанна Бахъ высказалъ смыслъ текста съ реалистическою силою, а высшее идеальное освященіе мысли изложилъ на ряду съ этимъ въ пѣснопѣніяхъ. Самое мощное и великолѣпное изъ его созданій — Страсти по Матѳею.

Какъ у Грековъ трагедія была въ сферѣ поэзіи богослужебнымъ, очищающимъ душу торжествомъ, такъ это повторяется и здѣсь въ области музыки; Отто Линднеръ даже положительно указалъ на эсхилову Орестію, къ которой можно достойно приравнять единственное твореніе Севастьяна Баха. Что въ глубокомъ душевномъ конфликтѣ и въ примиреніи ужаснаго разлада совѣсти у Ореста изложено вначалѣ со всей рѣзкою истиной сказанія о прошломъ, — то самое выступаетъ къ концу съ потрясающею силой передъ всѣмъ народомъ уже въ видѣ пророчества о его собственной судьбѣ, да держится онъ крѣпко за святую вѣчную правду и за неизмѣнную богобоязнь; слушателямъ становилось ясно, какъ съ прочностію государственнаго порядка связано благо и бѣдствіе каждаго отдѣльнаго лица, весь народъ привлеченъ былъ къ сочувствію, трагедія предназначалась для того, чтобы обновить, возродить въ Аѳинянахъ утраченное сознаніе права и правды. Такъ точно Бахъ, и притомъ именно вначалѣ, ведетъ христіанскую общину къ Голгоѳѣ, да видитъ она божественнаго агнца, вземшаго грѣхи ея; какъ идеальный зритель-очевидецъ, обнимаетъ она все въ душевномъ чувствѣ, и познавъ на опытѣ, какъ любовь идетъ за нее на вольную смерть, сама этимъ освящается и искупляется; совершившееся прошлое навсегда вѣдь присуще, Христосъ побѣждаетъ міръ въ самихъ насъ, и божественный миръ его утѣшительно нисходитъ на потрясенную этимъ душу. Вотъ почему всего приличнѣе давать это произведеніе на Страстной недѣлѣ въ церкви или въ вечеръ великой пятницы въ концертномъ залѣ. Пѣвецъ излагаетъ сперва речитативомъ разсказъ евангелиста; словамъ Іисуса и другихъ говорящихъ лицъ отведены особые голоса; когда заговорятъ между собой или поднимутъ кличъ ученики, книжники, толпа народа, тогда это выполняетъ хоръ; а въ промежуткахъ, при дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствія, во всѣ рѣшительные моменты настроеніе общины высказывается то одиночнымъ пѣніемъ въ аріяхъ, то хоромъ и въ хоралахъ. Инструментальный аккомпаниментъ облегаетъ пѣніе, ни дать ни взять какъ тонкое покрывало струится по слезному лицу, или

какъ священная ореола обрамливаетъ Спасителя. Партія евангелиста выдержана съ полнымъ простоты достоинствомъ, и только мѣстами вровень съ текстомъ возвышается до потрясающей или трогательной декламаціи; слова Христа преисполнены мистической глубины, благородны въ скорби, пропитаны и дышатъ кроткимъ величіемъ. Въ хорахъ жрецовъ и народа господствуетъ мрачный колоритъ; въ нихъ раскрывается темная сторона человѣческой природы, которой свѣтъ противенъ, не по душѣ; но нигдѣ не переступаетъ мастеръ за черту изящества, за ту мѣру, какой требуетъ священное величіе цѣлой піэсы; все созданіе пронизано единствомъ религіознаго настроенья, которое даетъ себя знать и въ тѣхъ перемѣнныхъ тонахъ, какими община сопровождаетъ ходъ дѣйствія. Упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ. Когда ученики начинаютъ спрашивать, кто предатель Іисуса: „Не я ли, Господи?“ тогда община поетъ: „Я, это я, и мнѣ нести бы покаянье“, и хотя сердце ея готово все излиться въ слезахъ,—при учрежденіи Тайной Вечери она чувствуетъ себя утѣшенной и готова вполнѣ отдаться Іисусу. Она бдитъ и сокрушается въ Геѳсиманіи, а когда Спасителя берутъ подъ стражу, она съ отчаяніемъ спрашиваетъ: „Ужели нѣтъ громовъ и молній въ облакахъ?“ И вотъ гроза и буря разражаются въ звуковыхъ массахъ оркестра, а надъ ними подобно огневымъ лучамъ сверкаютъ тамъ и сямъ поющіе голоса. Безъ всякаго шума выходитъ самый величественный эффектъ. И однакожь ни мало не уступитъ ему вслѣдъ затѣмъ выраженіе искреннѣйшей скорби въ душѣ раскаивающагося Петра, когда онъ выходитъ плача горькими слезами, и когда община исповѣдуется вмѣстѣ съ нимъ въ винѣ. Мелодія хорала „Чело въ крови и язвахъ“ пронизываетъ своими пятью строфами всю піэсу. Когда наконецъ Іисусъ умеръ на крестѣ и погребенъ, когда община отдала ему послѣднее прощанье, тогда, послѣ всѣхъ этихъ потрясеній, благодаря художественному ихъ просвѣтленію, внутри насъ настаетъ совершенная ясность и тишина, мы чувствуемъ себѣ членами этой общины: „Мы всѣ садимся со слезами, взывая въ гробъ къ тебѣ: усни, покоемъ сладкимъ отдохни!“ Потому что и на насъ самихъ низошелъ покой, въ насъ самихъ уснули всѣ дикіе порывы себялюбія, мы искуплены, избавлены отъ неустанной земной тревоги, мы стали сопричастны божественному миру вѣчной любви, что́ и самъ первосвященникъ искусства еще высказываетъ намъ подконецъ тихозамирающими аккордами.

Если въ своихъ операхъ Гендель выполнялъ тамъ гдѣ-нибудь—монологъ въ мелодическомъ речитативѣ, здѣсь—арію съ необыкновенно-выразительною красотой, или иной хоръ съ захватывающею душу силой, то говоря вообще онъ все еще держался въ предѣлахъ старообычнаго, и его предрасположенная къ высокому и важному природа достигла настоящей своей сферы только тогда, когда онъ примкнулъ къ нравственно-религіозному направленію, продолжавшему жить въ Англіи со времени пуританской революціи и нашедшему въ Мильтонѣ своего поэта. Оперы были для него подготовкой къ ораторіямъ, какъ у молодого Шекспира комедіи и поэтическіе разсказы предшествовали трагедіямъ, что̀ и дало имъ обоимъ возможность сохранить свѣтлую художественную ясность даже и въ потрясающемъ. Расиновы библейскія драмы съ хорами естественно вели къ тому, чтобы и самый разговоръ перелагать на пѣніе; потомъ лучшія поэтическія силы предлагали вели-

кому музыканту тексты самые подходящіе. Онъ всего выше въ спокойно разсматривающемъ предметъ созерцаніи эпика, всего могучѣе въ хорахъ, въ искусствѣ владѣть массами, которыя то противостоя одна другой, то вмѣстѣ и заодно выражаютъ голосъ народа, излагаютъ музыкальное содержаніе міроваго событія въ разнообразныхъ, но всегда стройныхъ мелодіяхъ; возьмемъ напримѣръ ораторію „Израиль въ Египтѣ"; тамъ, будто верхи горнаго хребта, расположены неразрывной цѣпью хоры, дивно изображающіе бѣдствія Іудеевъ, язвы, низведенныя на ихъ враговъ, переходъ черезъ бушующее море, и только уже вслѣдъ за тѣмъ навстрѣчу этимъ объективнымъ образамъ выступаетъ субъективное чувство и, пѣснью Моисея, даетъ имъ снова лирически прозвучать въ возбужденной душѣ, славящей и хвалящей Бога. Разсказывая и слѣдя за словами въ речитативахъ по пятамъ, Гендель умѣетъ запечатлѣть смыслъ этихъ словъ въ глубинѣ нашего сердца, пѣснопѣніями и аріями онъ характеристически выражаетъ любое настроеніе въ постепенномъ его ходѣ или въ противоборствѣ многихъ различныхъ между собою чувствъ; но какъ ни обиленъ, какъ ни вдохновенно-провидчивъ онъ въ этого рода передачѣ, какъ ни шекспировски-удачно перелагаетъ онъ различные аффекты въ самыя свойственныя имъ мелодіи, здѣсь онъ иногда платитъ дань своему времени, то пускаясь въ чисто-внѣшнюю музыкальную разрисовку, то въ подборъ руладъ и колоратуръ, обыкновенно требуемыхъ исполнителями-пѣвцами. Гервинусъ идетъ въ этомъ сравненіи еще далѣе и припоминаетъ также не всегда одобряемыя вкусомъ „шекспировскіе тропы и каламбуры", и подобно тому какъ созрѣвшій потомъ поэтъ пользовался ими для изображенія страстей или характеровъ, такъ точно въ свою очередь и музыкантъ придавалъ желанные звукоизводы и прикрасы трепетному ожиданію, улещающей ласкѣ, своенравному всклику нетерпѣнья или гнѣвному раздраженію, тамъ гдѣ вызоветъ ихъ движеніе души.

Каждое изъ мастерскихъ произведеній Генделя—вполнѣ округленное въ себѣ цѣлое съ свойственнымъ ему внутри ядромъ; въ этомъ видно глубокомысліе обокъ съ естественнымъ самодовольствомъ творческой силы. Это уже не богослужебныя созданія, но равно и не такія, которыя расчитаны только на потѣху глазъ и внѣшнихъ чувствъ; они выводятъ музыку изъ церкви и изъ театра прямо въ свѣтскій обиходъ, и изъ набожныхъ звукосочетаній первой и изъ потѣшныхъ или занимательныхъ пріемовъ послѣдняго создаютъ новый музыкальный языкъ жизни умственной. Гендель благочестивъ по природѣ, какъ Кеплеръ, Лейбницъ и Ньютонъ; въ немъ дѣйствуютъ заодно просвѣщеніе и истинная религіозность; не связанный догматомъ, онъ смѣло выдвигаетъ впередъ вѣчное содержаніе жизни; онъ столько же виденъ насквозь въ „Геркулесѣ" и въ „Кирѣ", какъ въ „Давидѣ" и въ „Маккавеяхъ". Подобно народному эпосу, Гендель видитъ въ судьбахъ человѣческаго рода власть божію, нравственный міропорядокъ; онъ открываетъ ее людямъ, очищая и вознося къ ней сердца́. Самосознательный духъ новаго времени заявляетъ себя тотчасъ же и въ немъ: онъ начинаетъ вѣдь богатырское свое поприще „Празднествомъ Александра", и могущество музыки прославляетъ тѣмъ, что самъ подвизается въ этомъ искусствѣ; онъ самъ выступаетъ передъ насъ, какъ его Тимоѳей передъ Александра, и когда онъ поетъ намъ объ отрадѣ полнаго виномъ кубка и тутъ же о низложе-

ніи персидскаго могущества, поетъ лидійскую свадебную пѣсню и пробуждающій отъ дремоты вызовъ на подвиги, мы переживаемъ всѣ эти настроенья и въ то же время познаемъ, какъ любое истинное чувство развертывается въ строгоуряженной послѣдовательности звуковъ и какъ полносмысленно и вмѣстѣ наглядно художникъ передаетъ намъ въ музыкѣ это его органическое образованіе и сложенье. А когда въ добавокъ къ этимъ мірскимъ дѣйствіямъ музыкальныхъ звуковъ раздастся вдругъ гимнъ Цециліи съ аккомпаниментомъ органа и такъ же вознесетъ насъ къ небу какъ возносятъ столпы и своды соборныхъ церквей, то не явно ли уже здѣсь у Генделя то сліяніе эллинскаго элемента съ христіанско-германскимъ, какое мы встрѣтимъ позже у другихъ художниковъ. Въ близкомъ этому родствѣ „Аллегро и Пенсерозо", композиція на мильтоново стихотвореніе, проводящая передъ нами настроенія оптимистически-бодраго и меланхолическаго духа въ посмѣнныхъ противоположностяхъ; Гендель придалъ имъ отъ себя еще конецъ, выражающій полное мѣры спокойствіе благородной и возвышенной природы.

Съ подобною-то подготовкой, онъ создалъ такое произведеніе, какъ его Саулъ, начинающееся радостнымъ торжествомъ побѣды надъ Голіаѳомъ, откуда выводится потомъ омраченіе царевой души той темною мыслію, что молодого Давида славятъ громче. Любовь послѣдняго къ Михоли (Мельхолѣ), дружба его къ Іонаѳану, какъ противоположны онѣ злымъ ковамъ Саула, пока онъ не приступилъ къ заклятію тѣни самуиловой! Потомъ искупаетъ онъ вину свою героической смертью, и вотъ раздался тотъ погребальный маршъ, состоящій весь изъ простыхъ основныхъ тоновъ, дивное изображеніе скорби съ ея утѣшеніемъ, съ ея торжественнымъ превознесеньемъ. Давидовъ псаломъ, сѣтующій по Іонаѳанѣ и Саулѣ, и исполняемый различными голосами, сливается въ одну столько же разнообразную картину жизни, и за тѣмъ душа цѣлаго народа воспаряетъ къ небу въ сознаніи, что Давидъ будетъ править и блюсти царство крѣпко и богобоязненно. Эту третью часть ораторіи я слышалъ въ самый тотъ день, когда скорбь по павшимъ во Франціи сливалась у насъ съ радостнымъ чувствомъ новообрѣтеннаго отечества; мнѣ казалось, какъ будто бы самъ Гендель посылаетъ свое художническое благословеніе этой великой годинѣ. Когда онъ давалъ въ первый разъ своего Іуду Маккавея, одинъ современникъ, Весли (Wesley), писалъ по этому случаю, что если подобная музыка, музыка боговдохновеннаго героизма и любви къ родинѣ привьется у какого-нибудь народа, то народъ этотъ, если и впадетъ когда въ бѣдствіе, можетъ смѣло ожидать такого же освобожденія, какое прославляютъ хвалебные эти гимны. Такъ понимали Генделя въ Англіи, гдѣ народъ дожилъ до свободнаго самоопредѣленья. Подъ его вліяніемъ возникли національныя пѣсни Rule Britannia и God save the king. Зато Самсона написалъ онъ, опять примыкая къ драмѣ Мильтона, и въ хорахъ поклонниковъ Дагона умѣлъ превосходно изобразить сродную ваалову служенію оргистическую страстность бурной чувственной силы, а въ хорахъ поклонниковъ Ягвы простое величіе, коренящееся въ уповаліи на духовнаго Бога и Творца. Надо вообще сказать, что Гендель, подобно Микель-Анджело и Мильтону, отдалъ полную справедливость возвышенности Ветхаго Завѣта и изукрасилъ ее, между прочимъ въ лучшихъ изъ псалмовъ, чуднымъ великолѣпіемъ красокъ и благозвучія. Тутъ Реформація и Возрожденіе такъ же сли-

лись у него въ полный, нераздѣльный строй, тутъ коренная народная сила живетъ, движется и дышетъ въ идеальныхъ формахъ.

Его „Мессія“ столь же совершенное художественное прославленіе христіанства музыкой, какъ творенія Леонардо, Рафаэля и Тиціана—живописью; въ выразительнѣйшей красотѣ видимъ мы здѣсь наглядно примиреніе божескаго съ человѣческимъ, сверхчувственнаго съ чувственнымъ. И здѣсь ораторія рѣшительно ставитъ насъ на эпическую точку вдумчиваго созерцанія и проводитъ передъ нами въ великихъ картинахъ великія былы спасенія; Гендель беретъ по большой части самыя полновѣщія мѣста изъ Пророковъ, чтобы проявить потомъ исполненіе ихъ во Христѣ. Утѣшься народъ мой! Этимъ словомъ божіимъ начинается пѣснопѣніе; и восхожденіе свѣта въ темнотѣ, отрадная надежда искупленія подготовляетъ насъ къ рожденію Спасителя; въ милѣйшей пасторали привѣтствуютъ пастухи Рождество, и хоръ обращаетъ между тѣмъ голоса ангеловъ въ голоса всего человѣческаго рода: Слава Богу въ вышнихъ, миръ на землѣ и человѣкомъ благоволѣніе! И вотъ самъ Іисусъ является добрымъ пастыремъ, благодѣтелемъ, утѣшающимъ наставникомъ; иго его благо и бремя его легко. Вторая часть рисуетъ картины страданія, жертвенной смерти, прославленія; ибо одинъ Богъ правитъ міромъ, ему и его Сыну принадлежитъ вся сила и власть. Въ третьей части воскресшій Христосъ является порукою намъ за жизнь вѣчную, за блаженство въ любовномъ союзѣ конечнаго съ безконечнымъ, и отрадный трепетъ этого блаженства открывается намъ въ трогательно-прекрасныхъ звукосочетаніяхъ; міръ и смерть побѣждены, земное просвѣтлено въ небесное, въ счастливѣйшую гармонію приведены духъ и природа. И здѣсь музыка достигла уже того, къ чему до сихъ поръ стремится наука, и что̀ предлежитъ еще поэзіи неразрѣшенною задачей: достойное, удовлетворяющее разумъ и сердце, свободномысленное и однакожь религіозно-прочувствованное изображеніе Іисуса Христа и его дѣла. И неся въ душѣ память объ этихъ художественныхъ созданіяхъ, „Страстяхъ по Матѳею“ и „Мессіи“, смѣло идемъ мы навстрѣчу борьбѣ отрицанія, матерьялизма; мы знаемъ, что она будетъ очистительнымъ огнемъ, а что̀ должно окончательно утвердиться для науки и для жизни, то стоитъ уже и теперь въ искусствѣ исполнившимся пророчествомъ.

БОРЬБА ВОЛЬНОМЫСЛЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ АНГЛІИ.

Деисты и масоны. Локкъ. Шафтсбёри.

„Я буду отстаивать протестантскую религію и вольности Англіи!“ Такова была надпись на адмиральскомъ кораблѣ, привезшемъ Вильгельма Оранскаго въ 1688-мъ году въ Англію. Онъ признавалъ, что получилъ корону по народному выбору, и обѣщалъ управлять въ согласіи съ парламентомъ, не взымая помимо его ни какихъ налоговъ. Всѣ исключительные суды были устранены, установлены равенство передъ закономъ и свобода печати, изданъ актъ о вѣротерпимости. Возникло конституціонное государство новаго времени, конституція стала развиваться въ немъ борьбою соревнующихъ между собою партій, и историкъ Голламъ могъ съ радостной бодростью утверждать; „Мы чувствуемъ гордость и достоинство республиканцевъ и вмѣстѣ ту устойчивость, ту спокойную непрерывность, которая обыкновенно свойственна только монархіи“. Во внѣшнихъ дѣлахъ Англія снова завоевала себѣ то могущественное положеніе, которое Стуарты такъ позорно выдавали Людовику XIV-му. Благодаря промышленности и торговлѣ возростало благосостояніе, а въ нравственномъ отношеніи изъ оргій реставраціи и терпкой строгости пуританства народилось равновѣсіе гражданской чести и чтивости. Наука и жизнь стали въ благодатный союзъ одна съ другою. Ньютонъ представлялъ оксфордскій университетъ въ парламентѣ, избравшемъ Вильгельма Оранскаго на тронъ; главное твореніе его было величавѣйшимъ „утреннимъ подаркомъ“ освобожденному отечеству. Какъ въ природѣ, такъ теперь и въ государствѣ, на мѣсто произвола долженъ былъ царить законъ, выходящій изъ человѣческой сущности и изъ общей воли народа. То обстоятельство, что дворъ былъ равнодушенъ къ литературѣ и не хотѣлъ заправлять ею какъ во Франціи, послужило ей къ добру; она стала развиваться снизу-вверхъ и сдѣлалась вожакомъ народнаго сознанія, выраженіемъ общественнаго мнѣнья. Вильгельмъ былъ исключительно политикъ, (преемница его) королева Анна потѣшалась болтовней и сплетнями знатныхъ круговъ, а Георгъ I особенно любилъ крѣпкій пуншъ и полнотѣлыхъ женщинъ. Но въ гостиныхъ остроумныхъ дамъ и потомъ въ кофейняхъ предметомъ разговоровъ была литература, и благодаря еженедѣльнымъ и ежедневнымъ листкамъ писатели пріобрѣтали себѣ возростающее вліяніе на общество. Журналистъ Аддисонъ былъ призванъ въ министерство, такіе аристократы-политики, какъ Темпль, Голлифаксъ, Болинброкъ соревновали беллетристамъ, подобно тому какъ впослѣдствіи свѣтила парламентскаго краснорѣчія, Бёркъ и Шериданъ, блистали, одинъ въ ряду эстетиковъ, другой въ числѣ драматурговъ. Эта тѣсная связь литературы съ общественною жизнью—отличительная черта Англіи; изо всѣхъ большихъ державъ, въ ней первой народъ добылъ себѣ политическое самоопредѣленіе, здѣсь и учредился настоящій оружейный заводъ для достославной борьбы за освобожденіе человѣчества,—борьбы, которую предстоитъ намъ теперь описать.

Подлѣ Вильгельма Оранскаго стоитъ Локкъ (1632—1704), какъ подлѣ Кромвеля Мильтонъ. Образовавшись въ университетѣ, въ путешествіяхъ, въ школѣ жизни, Локкъ ушелъ отъ гнета свѣтобоязненнаго деспотизма въ Нидерланды, и оттуда прибылъ опять въ Англію вмѣстѣ съ новымъ королемъ. Онъ указывалъ наукѣ путь наблюденія, и вызывалъ человѣка начать съ изслѣдованія самого себя. Предтеча Канта, въ виду противоборства разныхъ мнѣній, выставилъ онъ требованіе, чтобы мы вникли напередъ въ свои собственныя способности съ цѣлію открыть, докуда идетъ достовѣрное, надежное познаніе, найдти границу между постижимымъ и непостижимымъ. Въ то время какъ Спиноза хотѣлъ вывести изъ началъ разума рѣшительно все, и Лейбницъ утверждалъ что извнѣ ни чего не входитъ въ душу, а все развертывается извнутри, Локкъ выступилъ съ необходимымъ дополненіемъ, настойчиво указывая на опытъ. Тогда много толковали о врожденныхъ идеяхъ, какъ о формахъ и понятіяхъ, лежащихъ въ сознаніи совсѣмъ наготовѣ, какъ объ отпечаткахъ божескаго духа въ духѣ человѣческомъ. Локкъ, въ противоположность этому, настаивалъ на томъ, что мысль наша пробуждается къ дѣятельности впервые лишь чувственными впечатлѣніями, и постановилъ кореннымъ началомъ, что знаніе основывается на опытѣ. Чувства должны доставить смыслу впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, прежде чѣмъ онъ примется ихъ разсматривать и сравнивать для образованія такимъ способомъ общихъ понятій. Вѣдь самые взгляды на добродѣтель и на пристойность различны у разныхъ народовъ и мѣняются по временамъ; одинъ совѣстится такихъ поступковъ или мыслей, которыя для другого ни почемъ; и тутъ стало-быть образованіе—постепенно совершающійся процессъ, и человѣчество только исподволь вникаетъ въ то, что хорошо и полезно ему дѣлать, только мало по малу узнаетъ оно изъ опыта, въ какой связи между собою добродѣтель и счастье. Прогрессъ культуры именно и состоитъ все въ болѣе ясномъ и точномъ опредѣленіи того, что хорошо и справедливо: такова, мнѣ кажется, истинная сторона Локкова воззрѣнія; только не надо при этомъ забывать, что различеніе добра отъ зла никогда не дается намъ внѣшнимъ міромъ, а всегда изначально лежитъ въ насъ самихъ. Впрочемъ, Локкъ не думалъ отрицать и этого. Опытъ для него двоякъ,—внутренній и внѣшній. Послѣдній, то-есть чувственное впечатлѣніе, приноситъ намъ образы міра, а первый обращенъ на насъ самихъ и учитъ насъ познавать дѣятельность нашей мысли и воли. Душа, думаетъ Локкъ,—бѣлая доска; она исписывается приливающими на нее внѣшними впечатлѣньями; обработывать ихъ—дѣло смысла, разсудка. Онъ изъ созерцаній образуетъ понятія, которыя не даются намъ извнѣ; напротивъ, внутренній нашъ смыслъ неоспоримо источникъ всѣхъ идей, но опытъ долженъ возбудить его и дать ему матерьялы; тогда изъ фактовъ (данныхъ опыта) умозаключаетъ онъ о причинахъ и законахъ. Знаніе наше должно основываться на наблюденіи какъ природы, такъ и духа. Это наблюденіе показываетъ намъ, какъ цѣлые пуки созерцаній разныхъ близкихъ между собой вещей мы вяжемъ въ одно представленіе, и если эти составленныя нами общія понятія мы хотимъ запомнить, если хотимъ выражать и передавать ихъ другимъ, то необходимо чтобы слова служили имъ носителями и знаками. Дитя, какъ и все человѣчество, должно научиться говорить. Что есть само по себѣ истинное и благое, что есть полносильные всегда и вездѣ законы для па-

шихъ воли и мышленія, Локкъ этого никогда не отрицалъ; онъ оспоривалъ лишь одно, что будто бы они лежатъ въ насъ готовыми понятіями; напротивъ, только благодаря нашей дѣятельности и потомъ благодаря вдумчивому ея разсмотрѣнію, они входятъ въ наше сознаніе. Вотъ почему философствовать должны мы исходя отъ опыта и на его прочной основѣ, вмѣсто того чтобъ выпрядать свои системы изъ унаслѣдованныхъ изстари догматовъ или изъ самодѣльныхъ идей. Вдумываясь въ міръ и въ себя самихъ, мы тогда возносимся надъ собой къ понятію о Богѣ, о вѣчномъ существѣ, потому что изъ небытія ни чего произойдти не можетъ, и притомъ о мыслящемъ, вѣдающемъ существѣ, такъ-какъ только именно такое можетъ быть источникомъ разума и въ насъ, да и въ вещахъ.

Отсюда Локкъ начинаетъ продолжать дѣло реформаціи, ставя разумъ во главу всего, и вотъ почему онъ заявляетъ такъ рѣшительно, что ни чего противорѣчащаго разуму не льзя выставлять за вѣроположенье. Ибо откровеніе, по его словамъ, даетъ только ранѣе и безъ труда тѣ самыя истины, до которыхъ разумъ дошелъ бы позже и труднѣе самъ собою, — слово, какъ извѣстно повторенное и дальше разработанное Лессингомъ. Поэтому и въ Библіи должны мы различать вѣчную истину отъ временной оболочки или іудейской накипи. Въ ней есть много легендарнаго, чудеснаго, но не въ этомъ ядро ея; главное дѣло въ божественной волѣ и любви, открывающейся намъ особенно въ жизни и ученіи Христа Іисуса, и когда мы дѣйствительно примемъ къ сердцу то и другое, мы искупимся отъ заблужденія и грѣха.

Но въ этомъ различеніи существеннаго отъ преходящаго и внѣшняго Локкъ требуетъ терпимости на религіозной почвѣ. Онъ глашатай безусловной, истинной и справедливой свободы, онъ отстаиваетъ актъ о Вѣротерпимости Вильгельма Оранскаго и выводитъ то слѣдствіе, что въ гражданскихъ правахъ евреи и мусульмане должны быть приравнены христіанамъ. Потомъ оспориваетъ онъ утвержденіе Фильмера, будто власть перешла къ государямъ по наслѣдству отъ Адама, и право Вильгельма на англійскій престолъ прямо выводитъ отъ народнаго избранія; въ государствѣ видитъ онъ общій союзъ всѣхъ и договоръ для охраны и блага каждаго. Ради обезпеченія свободы, благоденствія, собственности, люди сходятся на извѣстныхъ потребныхъ къ тому законахъ общежитія, и этимъ законамъ, а вовсе не чьему-либо произволу, подчиняемся мы, вступая въ государственный союзъ. Державство идетъ только отъ народа и связано съ нормами, договорнаго характера. Законодательная власть остается за народомъ, который отправляетъ ее черезъ выборныхъ представителей; для выполненія законовъ учреждается исполнительная власть, ей ввѣряется забота о правосудіи и управленіи государствомъ; во главѣ ея стоитъ государь. Такъ основываетъ Локкъ теорію конституціонализма, выработанную потомъ Монтескьё. Онъ является точно такъ же предтечею Руссо, Базедова, Песталоцци, возставая противъ безтолковаго затверживанія непонятыхъ вещей и требуя чтобы ребенокъ усвоивалъ себѣ познанія наглядкою и опытомъ и чтобы его непремѣнно пріучали владѣть собою; тѣло надобно оздоровлять на вольномъ воздухѣ, въ незатѣйливомъ платьѣ, вездѣ пробуждать самодѣятельность ребенка, между прочимъ и тѣмъ, чтобы

не всегда дарить ему готовыя игрушки: пусть его самъ дѣлаетъ для себя то и другое; онъ долженъ учиться полезному и примѣнять къ дѣлу то, чему научится.

Лордъ Гербертъ офъ-Чербёри уже и прежде указывалъ рядомъ съ внѣшнимъ чувствомъ на внутреннее, на разумъ, какъ на источникъ нашего познанія; способность, говорилъ онъ, отличать истинное отъ ложнаго, лежитъ въ собственномъ нашемъ духѣ, хотя конечно внѣшніе предметы и идущія отъ нихъ впечатлѣнія необходимы ему для возбужденія и притомъ какъ матеріялъ; въ естественномъ чувствѣ, въ инстинктѣ разумности онъ попадаетъ на настоящій, правый путь, что̀ и доказывается всеобщимъ согласіемъ. Этою же дорогой пошелъ далѣе другъ Ньютона, извѣстный Кларкъ. По его мнѣнію, коль скоро не отвлекаютъ насъ наши похоти, не примѣшивается къ дѣлу нашъ личный интересъ, то внутренній смыслъ дѣйствуетъ вездѣ съ достовѣрностью и ясностью математическаго мышленія. Такъ-какъ ни что не можетъ произойдти изъ ничего, то Кларкъ заключаетъ отсюда о вѣчномъ самобытномъ существѣ, какъ первоисточникѣ всякой жизни, и съ тою же разумною необходимостью отстаиваетъ онъ противъ Спинозы положеніе, что существо это должно быть разумнымъ и волящимъ, ибо, утверждалъ онъ, то, что̀ является въ дѣйствіи, непремѣнно лежитъ уже и въ причинѣ, иначе она не была бы настоящей причиною. Мысль, внутреннее, совсѣмъ не то, что матерія, внѣшнее; движеніе, впечатлѣніе на мозгъ, это конечно матерьяльные, вещественные процессы, но вѣдь только внутренняя подмѣта дѣлаетъ ихъ ощущеніемъ, и какое же сходство между иглой и болью отъ укола, между отпрядываніемъ мячика и смысломъ наблюдающаго эти прыжки человѣка? Субъективно-познающее необъяснимо изъ предметнаго; оно требуетъ своей собственной основы въ коренномъ началѣ бытія, или же начало это должно само быть мыслящимъ и волящимъ для того чтобъ произвесть цѣлый міръ самосознательныхъ и свободныхъ въ хотѣніи своемъ существъ. Цѣлесообразность и строгозаконный порядокъ міра указываютъ на цѣлеуставную, всеуряжающую премудрость божію. Вотъ почему ни кто не заложилъ такихъ глубокихъ и прочныхъ основаній естественной религіи, какъ Ньютонъ. Его мысль о дѣйствительномъ вездѣприсутствіи Бога во всемъ сущемъ, Кларкъ отстаиваетъ противъ Лейбница. Дѣйствіе въ даль, говоритъ онъ, стало теперь, благодаря тяготѣнію, взаимному притяженію свѣтилъ, неоспоримымъ фактомъ; философія должна не отрицать его, а отыскать ему причину.

Къ Локку примкнули англійскіе деисты, вольнодумцы, какъ назвали ихъ по книгѣ Коллинза о вольномъ или свободномъ мышленіи. Авторъ стоитъ за право разума на полную независимость отъ всякаго внѣшняго авторитета. Изслѣдованіе истины должно отвѣчать только передъ самимъ собою. Чудеса и сверхъестественное откровеніе, имѣющія въ виду доказать намъ совсѣмъ не то, что̀ разумъ находитъ въ себѣ самомъ, приписываетъ онъ заодно съ своими единомышленниками хитрости жрецовъ и ихъ обману. Толандъ шелъ по этому пути далѣе и сочинилъ „Христіанство помимо тайнъ“ изложеніе простого евангельскаго ученія въ отличіе отъ непостижимыхъ церковныхъ догматовъ и таинственныхъ обрядовъ богослуженія. Девизомъ его было:

Въ началѣ вѣра по природѣ
Легка была и всѣмъ ясна,
Но баснями потомъ въ народѣ
Она вконецъ затемнена:
Явились жертвоприношенья,
Вкругъ нихъ обрядовъ рой насѣлъ,
Жрецы жирѣли безъ сомнѣнья,
Народъ же все мельчалъ, бѣднѣлъ *.

За нимъ послѣдовалъ Тиндаль съ своею книгою „Христіанство столь же древнее какъ міръ, или Евангеліе, какъ возстановленіе природной религіи". Послѣдняя, въ глазахъ его, не что иное какъ наклонность души дѣлать добро и этимъ угождать Богу. Тиндаль и друзья его признаютъ вмѣстѣ съ Кларкомъ прирожденный человѣчеству смыслъ къ истинѣ; всилу его, думаютъ они, разумное существовало искони, и только иногда на время затемнялось. Что религіозныя идеи пробуждаются явленіями природы и нравственными житейскими опытами, что примыкая къ нимъ фантазія образно выражаетъ ихъ въ символѣ и миѳѣ, однимъ словомъ весь миѳологическій процессъ и ростъ, постепенное развитіе понятій,—все это было еще чуждо сознанію тѣхъ изслѣдователей. Что религіозная истина нашла себѣ чистую форму въ Евангеліи, это, конечно, вѣрно; но для того потребны были духъ или геній Іисуса и на ряду съ открывающейся въ немъ божественностью также еще и культурная работа цѣлыхъ тысячелѣтій. А тогда думали напротивъ, что разумное во всей своей полнотѣ искони существовало въ человѣчествѣ и только по времени мутилось и заволакивалось. Оттого въ предсказаніяхъ и чудесахъ Морганъ видитъ, напримѣръ, только іудейско-жреческіе вымыслы, будто бы противуставшіе потомъ христіанской истинѣ, которую оборонялъ апостолъ Павелъ. А Вульстонъ силился доказать не только то, что библейскіе разсказы о чудесахъ заключаютъ въ себѣ противорѣчія и невозможности, онъ даже пытался аллегорически объяснить ихъ, утверждая что они переданы для облеченія въ нихъ религіозной истины, и что поэтому ихъ слѣдуетъ брать образно, въ переносномъ смыслѣ. Простому ремесленнику, Чоббу, хочется отстранить всѣ догматическія тонкости и ясно выдвинуть впередъ одно чисто-нравственное ядро вѣры. Онъ начинаетъ разсужденіемъ объ исключительной божественности Отца; законъ его — глубочайшая сущность всѣхъ вещей; сообразно съ этимъ въ христіанствѣ лежатъ истинныя начала нравоученія. Своей мудростью и добротой мы угождаемъ всеблагому и премудрому Богу. Христосъ пришелъ въ міръ съ тѣмъ чтобъ учинить людей блаженными; для этого возвѣстилъ онъ нравственный законъ, необходимость покаянія и исправленія для грѣшниковъ, вѣчную жизнь людямъ по мѣрѣ ихъ сердечныхъ помысловъ и поступковъ; собственная жизнь его—образецъ намъ, если мы хотимъ достигнуть спасенія. Такъ Мильтонъ и Сидней нашли себѣ въ этихъ людяхъ усердныхъ послѣдователей. Духовенство, называвшееся пра-

* Припомнимъ извѣстные стихи Фонвизина:

Овечки женятся, плодятся умираютъ,
А пастыри при томъ карманы набиваютъ.

Прим. перев.

вовѣрнымъ, силилось напротивъ отстоять унаслѣдованный догматъ, и разумѣется—малоуспѣшно тамъ, гдѣ вооружалось только грозными словами и обвиненіями въ ереси. Но когда такой ученый какъ филологъ Ричардъ Бентли изощрялъ свою научную критику надъ утвержденіями вольныхъ мыслителей, тутъ и самая борьба вела лишь къ признанію разума и обращалась ему на пользу. Такъ какъ господствующее ученіе церкви уклонялось отъ всякаго очищенія, то свѣтлые сравнительно умы попытались учредить для своего деизма новую совсѣмъ организацію. Такъ произошло масонство, существенный культурный элементъ 18-го столѣтія.

Средневѣковыя строительныя гильдіи назывались вольными каменьщиками потому, что каждая артель или ложа (loggia, lodga) имѣла свою собственную справу, свой самосудъ. Въ Англіи примыкали къ нимъ со стороны еще и строители-подрядчики, любители искусствъ и другіе образованные люди, которые назывались принятыми или припускными каменьщиками. Ложи настаивали на добропорядочность и утонченность нравовъ, на то внутреннее христіанство, какое проповѣдывали могучіе духомъ германскіе мистики; они охотно пріурочивали себя къ соломонову храмоздательству, охотно выводили отъ этого царя и отъ древнихъ Египтянъ ту таинственную мудрость и тѣ искусственные пріемы, которые ремесленникъ исполнялъ отъ руки, не вѣдая ихъ математическихъ основаній. Когда былъ покинутъ готическій стиль, строительныя ложи пришли въ упадокъ. Но такъ-какъ въ Англіи и средневѣковье и образъ его зодчества продолжались безъ насильственнаго перелома и въ послѣдующее время, то строительныя ложи въ Лондонѣ уцѣлѣли въ общественномъ быту; а въ 1717-мъ году онѣ всѣ совокупились въ одну большую ложу. Членами этого новаго союза были уже не столько ремесленники, сколько образованные люди всѣхъ сословій, которые, утомившись раздоромъ въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ, взяли себѣ основнымъ правиломъ человѣчность, терпимость и любовь къ ближнему и внесли новое это содержаніе въ старыя артельныя или цеховыя формы. Поверхъ граней, раздѣлявшихъ сословія, народы и религіозныя исповѣданія, люди эти хотѣли протянуть другъ другу братскую руку, основать внутренній, невидимый храмъ; для этого сама человѣческая жизнь должна была выстроиться (или перестроиться) царственнымъ искусствомъ. Во главѣ общества стояли вначалѣ естествовѣдъ Дезагилье́, потомокъ одного бѣжавшаго въ Англію семейства гюгенотовъ, и англиканскій священникъ Андерсонъ. Замысловато и фантазійно съумѣли они воспользоваться символами и обычаями строительныхъ ложъ и подѣйствовать на́ душу таинственностями и посвященіями напрягающими ее къ чаянію чего-то невѣдомаго, что́ наконецъ узнаешь. Общество росчленяется на учениковъ, рабочихъ и мастеровъ. Постройка человѣчества должна стать храмомъ человѣчности, столпами его должны быть сила и мудрость. Масонъ (то-есть, буквально, каменьщикъ) обязанъ признать ту религію, насчетъ которой согласны между собой всѣ вообще люди, а частныя, особенныя мнѣнія предоставить ихъ приверженцамъ на волю. Онъ долженъ быть миролюбивый гражданинъ. Только свободнымъ, добрымъ, вѣрнымъ на дѣлѣ людямъ открытъ доступъ въ ложу; въ нее не долженъ заноситься ни какой раздоръ. Каждому въ ней отдается его честь. Ученикъ исповѣдуетъ, что онъ ищетъ свѣта, который есть символъ велика-

го Мірозданія. Ему даютъ фартукъ, означающій прилежаніе къ труду; онъ бѣлъ какъ чистое сердце; ему даютъ также перчатки, чтобы онъ не пачкалъ рукъ въ неправыхъ дѣлахъ; ему даютъ наконецъ для обработки дикій камень, знакъ необразованной еще души. Украшеніями рабочимъ служатъ наугольникъ, ватерпасъ и отвѣсъ: они указываютъ на справедливость, съ какою должны соразмѣряться всѣ наши дѣйствія, на равенство всѣхъ людей между собою, на незыблемую прочность ордена, основаннаго на прямотѣ и добродѣтели. Свойствами мастера должны быть мудрость, сила и красота. Посвященный видитъ передъ собой блестящую въ великомъ свѣтѣ букву G (God, Богъ). Молоткомъ постукиваютъ для того, чтобы подобно тому какъ звучитъ подъ нимъ вещество, отзывалась бы такъ и душа на зовъ Создателя, отвѣчала бы ученіямъ мудрости, какія въ себя пріемлетъ. То, что́ называлось естественною религіей, вѣра въ единаго духовнаго Бога и обнаруживающееся на дѣлѣ человѣколюбіе, истинное братство, — вотъ исповѣданіе и обязанность ордена. Это былъ деистскій союзъ, распространившійся по всему земному шару; въ теченіе немногихъ лѣтъ питомники его появились въ Германіи, во Франціи, въ Италіи * и даже по ту сторону Океана, въ Индіи и въ Сѣверной Америкѣ; это былъ союзъ образованныхъ, добропорядочныхъ людей; всякій принадлежавшій къ нему вездѣ встрѣчалъ радушный пріемъ со стороны единомышленниковъ, вездѣ находилъ пособіе и дѣломъ и совѣтомъ. Много странностей внѣдрилось въ его обиходъ. Совершенно понятно было запрещеніе его Римомъ. Такому человѣку, каковъ былъ Лессингъ, орденъ, разумѣется, не могъ сказать ни чего новаго; тѣмъ не менѣе, въ удивительныхъ „Масонскихъ бесѣдахъ“ онъ изложилъ свои идеи о томъ, что́ такое гармоническое общество; „многіе, говоритъ онъ здѣсь, масоны, не нося этого имени; человѣчность и облагороженную общительность можно лелѣять и помимо всякихъ формъ ложи“. Но если теперь римскіе ханжи, равно какъ и протестантское поповство, такъ сильно налегаютъ опять на букву схоластики и на рознящіе людей уставы 16-го вѣка, то единодушіемъ своей ненависти и брани противъ масоновъ они доказываютъ лишь одно, что союзъ друзей свѣта къ сожалѣнію еще не совсѣмъ безцѣленъ и ненуженъ даже и теперь. „Волшебная флейта“ Моцарта—граціознѣйшее художественное представленіе масонства. Здѣсь знаменитый музыкантъ, чье умственное образованіе было вѣдь очень невелико, усвоилъ себѣ тотъ идеалъ чистой человѣчности, который онъ разработалъ въ своихъ звуковыхъ созданіяхъ, и уже изъ-за одного этого въ исторіи искусства подобаетъ масонской ложѣ то мѣсто, какое впервые отвелъ ей Геттнеръ. Въ числѣ стихотвореній Гёте есть одно, которое онъ называетъ Символомъ ложи; Карлейль говоритъ объ немъ: „Я нахожу его богобоязненнымъ, полнымъ правды, свободнымъ отъ всякой мишуры; этотъ мимолетный звукъ изъ мелодій величайшаго Германца отзывается мнѣ какъ бы строфой великой путевой пѣсни нашего великаго тевтонскаго племени, которое мощно и побѣдоносно шагаетъ впередъ сквозь неизвѣданныя пучины времени“.

---

* Вскорѣ, какъ извѣстно,—и у насъ въ Россіи. Прим. перев.

Des Maurers Wandeln
Es gleicht dem Leben,
Und sein Bestreben .
Es gleicht dem Handeln
Des Menschen auf Erden.

Die Zukunft decket
Schmerzen und Glücke
Schrittweis dem Blicke;
Doch ungeschrecket
Dringen wir vorwärts.

Und schwer und schwerer
Hängt eine Hülle
Mit Ehrfurcht. Stille
Ruhn oben die Sterne
Und unten die Gräber.

Doch rufen von drüben
Die Stimmen der Geister,
Die Stimmen der Meister:
Versäumt nicht zu üben
Die Kräfte des Guten

Hier winden sieh Kronen
Jn ewiger Stille.
Die sollen mit Fülle.
Die Thätigen lohnen!
Wir heiszen euch hoffen *.

Толандъ пытался было въ своемъ „Пантеистиконѣ" придать форму религіознаго союза спинозизму; но это не пошло въ ходъ, далеко не такъ отвѣчая, какъ масонскій деизмъ, сознанію того времени. Въ нѣкотораго рода литургіи славится у него святость истины, свободы, здоровья, призываются Музы и Граціи. Нѣтъ учителя, чьи рѣчи признавались бы безусловно, но прочитываются мѣста изъ Платона, Цицерона и разныхъ другихъ мудрецовъ, поются стихи древнихъ и новыхъ поэтовъ, превозносятся великіе мужщины и женщины и посвящается имъ родъ культа, воздаваемаго генію. Удалите прочь толпу! говорится въ заключеніе, а посвященные внемлютъ слова: „Все — едино, и единое—все. Это все единое въ самомъ себѣ есть Вѣчный Богъ. Въ немъ мы живемъ, движемся и есьмы, все изъ него произошло и все въ него возвращается, онъ—источникъ и цѣль всего сущаго".

Толандъ разсказываетъ про Шафстбёри, дѣда, будто въ одной бесѣдѣ о вѣрѣ съ майоромъ Вильдманомъ онъ пришелъ къ тому заключенію, что, не смотря на безчисленныя розни духовныхъ лицъ и на невѣжество народовъ, всѣ умные люди все-таки принадлежатъ къ одной и той же религіи. Одна дама спросила, какая это именно религія. „Сударыня, отвѣчалъ Шафтсбёри, умные люди никогда того не говорятъ".

Всѣхъ вольнѣе и вмѣстѣ изящнѣе высказывалъ Шафтсбёри младшій (то-есть внукъ, 1671—1713) тѣ идеи, которыми волновались тогда души и умы; это былъ образованный свѣтскій человѣкъ, воспитанный по началамъ Локка, такъ что и древнимъ языкамъ, какъ живымъ, выучился онъ только изъ употребленія и такимъ образомъ освоился съ мыслями (а не съ одною грамотой) классиковъ. Въ Италіи, путемъ усладительнаго созерцанія, онъ близко ознакомился съ превосходнѣйшими художественными собраніями, французскою литературой образовалъ въ себѣ чувство соразмѣрности и ясности, и будучи

* Мы не отваживаемся передать эти стихи даже и прозою. Ограничимся для незнающихъ понѣмецки простымъ указаніемъ, что здѣсь хожденіе по искусамъ новопріемлемаго или переводимаго изъ степени въ степень масона поэтически приравнивается къ жизненному странствію, къ судьбѣ и упованіямъ человѣка вообще. Прим. перев.

самъ очень милою художническою натурой, онъ изображалъ и добродѣтель, какъ милую любезность, художественно-изящнымъ языкомъ. Прекрасное—основной тонъ его характера и дѣятельности. Внутренній смыслъ, чувство истины,—вотъ что̀ было у него общею съ Кларкомъ исходною точкой; но гдѣ послѣдній идетъ въ выводахъ съ математическою строгостью, тамъ Шафтсбёри отдается полету фантазіи, потомучто энтузіазмъ, возвышенное настроеніе души, считаетъ онъ такимъ же изощрительнымъ подспорьемъ для духовнаго глаза, для умственнаго зрѣнія, какое плотскому глазу эмпирика доставляютъ микроскопъ и телескопъ. Подъ заглавіемъ „Характеристики людей, нравовъ, мнѣній и вѣко̀въ" собралъ онъ свои сочиненія, которыя любилъ излагать въ родѣ платоновскихъ Разговоровъ, такъ что онъ какъ будто пускается въ непринужденную болтовню, а между тѣмъ ни гдѣ не теряетъ изъ виду своей цѣли. Платонична въ немъ и неразрывная связь добра съ прекраснымъ. Мы любимъ, думаетъ онъ, добродѣтель ради ея красоты, она становится для насъ жизненнымъ искусствомъ. Съ этого начинали потомъ Дидро̀, Мендельсзонъ, Гердеръ, здѣсь прелюдія того самаго, чему учили философствующій Шиллеръ, и Гёте, когда онъ писалъ Вильгельма Мейстера.

Мы отъ природы надѣлены смысломъ и чувствомъ добра и правды, такъ же какъ чувствомъ и смысломъ прекраснаго и высокаго; но подобно тому какъ эбразуется эстетическій вкусъ знатока по части художествъ, такъ должно̀ образовываться и нравственное чувство до виртуозности нравственной красоты, до соразмѣрности всѣхъ дѣйствій и поступковъ. Разумъ и совѣсть—общи рѣшительно всѣмъ людямъ; поэтому тотъ строй души и хорошъ, когда всѣ склонности единичнаго лица отвѣчаютъ общему благу. Добродѣтель есть нравственная красота, счастливое равновѣсіе, благоустройство всѣхъ силъ душевныхъ, жизненная гармонія; она достигается вообще тѣмъ, если каждый подчинитъ свое себялюбіе общему благу, и въ немъ станетъ находить себѣ самоуслажденіе, въ добродѣтели свое счастье. Добродѣтель же не есть что-либо произвольное или условное, а напротивъ нѣчто существенное, основанное само въ себѣ, такъ что даже и воля божія не опредѣляетъ того, что истинно и благо, а сама имъ опредѣляется. Мы любимъ и то и другое изъ-за чудной его прелести, которая насъ одушевляетъ; но ложная религія обращаетъ добродѣтель въ мздоимную подслужницу и оставляетъ мало простора для безкорыстной честности и прямоты; кто проповѣдуетъ Бога мести, тотъ самъ легко становится изувѣромъ и гонителемъ.

Въ своемъ лучшемъ произведеніи, „Рапсодіи моралистовъ", Шафтсбёри славитъ вдохновеннымъ гимномъ предвѣчную красоту, распространенную по всему міру, разрѣшающую всѣ разладицы въ гармонію, и ведущую человѣка къ истинному счастью, когда онъ прійдетъ въ согласіе съ самимъ собою и съ міровымъ закономъ. Дѣло идетъ объ отвѣтѣ на вопросъ, откуда происходятъ горе и зло, превратность, бѣдствіе, му́ка жизни, и какъ именно преодолѣвать ихъ. Красота міра состоитъ изъ контрастирующихъ противоположностей, ни дать ни взять какъ музыкальная симфонія, какъ картина, требующая и свѣта и тѣней. Чувственная жизнь—вѣчная смѣна веществъ однихъ другими. Растенія умираютъ, но своей смертью поддерживаютъ животныхъ, и тѣ и другія поддерживаютъ людей; а люди, какъ и животныя, воз-

вращаютъ тѣло свое землѣ и питаютъ этимъ растительное царство. Воздухъ насъ окружающій, пары подымающіеся изъ воды, несущіеся у насъ надъ головами метеоры, всѣ они дѣйствуютъ сообразно своимъ законамъ и служатъ къ поддержкѣ цѣлаго; и если бури, наводненія, землетрясенья и наносятъ отдѣльнымъ созданіямъ вредъ, добро все-таки одерживаетъ побѣду, и все смертное, подверженное разрушенію, платитъ дань лучшему, самòй верховной природѣ, которая вѣчна и нерушима. Такъ отъ преходящаго возносимся мы къ непреходящему, и то, что міръ, какъ цѣлое, явно уряженъ на самоподдержку и изо всякой порухи въ частяхъ безпрерывно возстановляется снова, не доказываетъ ли это лучше всякихъ знаменій и чудесъ бытіе существа всевышняго и всемогущаго. Глубокій взглядъ, обращенный въ природу и въ самый творческій духъ, въ то цѣлое, которое въ приливѣ и отливѣ жизни, въ нарожденіи и смерти своихъ частей поддерживаетъ само себя всегда свѣжимъ и юнымъ, это созерцаніе совершенства окомъ любви и вдохновенія, назовутъ, пожалуй, мечтательностью; но поистинѣ оно — воспареніе души отъ зависимыхъ и переходящихъ вещей къ изначальному.

Вѣра въ Бога есть высшее освященіе добродѣтели. Законы, порядокъ въ природѣ необходимо вѣдь идутъ отъ всеуряжающаго и всепрозрѣвающаго начала. Какимъ образомъ мы, мелкая часть, были бы самостью, а великое цѣлое—нѣтъ? Разумъ отстаиваетъ право первородства въ нашемъ существѣ за мышленіемъ; мы увѣрены въ самихъ себѣ только вѣдь поколику мы мыслимъ; а это ручается намъ за мыслящую отвѣка силу, изъ которой произошелъ нашъ духъ; всюду разлитая душа цѣлаго живетъ въ насъ и непосредственно даетъ намъ о себѣ идею, понятіе. Богъ въ самомъ себѣ и природа, и духъ, а потому онъ и можетъ быть началомъ обоихъ: это именно заключается въ положеніи Шафтсбëри. Жалкій соръ презрѣнной матеріи * такъ же не можетъ происходить изъ чистой мысли, какъ разума и самознанія никогда не извлечь изъ простого вещества и его соединеній. Богъ—источникъ красоты, и вещи прекрасны смотря потому, насколько онѣ отъ него почерпаютъ. Кто хочетъ видѣть красоту лицомъ къ лицу, тотъ непремѣнно долженъ быть добрымъ; вѣдь познаніе порядка и соразмѣрности—прямая дисциплина и образованіе къ добродѣтели. Мракъ и запустѣніе во всемъ неразумномъ и бездушномъ; только благодаря духу входятъ въ жизнь ясность и свѣтъ, и гдѣ благороденъ и великъ самъ человѣкъ, таковы же тамъ и его поступки. Онъ зодчій своей собственной жизни, своего счастія;—что дѣло не обходится тутъ безъ возможности заблужденій и ошибокъ, что безъ сопротивленія не льзя и побѣждать, что безъ спора и безрядицы не льзя установить спокойствія и порядка,—это прибавимъ мы отъ себя, въ смыслѣ Шафтсбëри. Самъ же онъ говоритъ, что душевно образуя себя красотою вселенной мы въ этомъ образованіи именно и находимъ побудъ не вносить въ гармонію міра ни какой разладицы своими поступками. Съ охотою и любовью должны мы дѣлать то чтò слѣдуетъ; такова вѣдь истинная наша природа, да на этомъ же зиждется и наше истинное добро. Ставя благополучіе и радость побудительною причиной и цѣлью поступковъ, Шафтсбëри конеч-

---

* Если мысленно взять ее помимо царящихъ въ ней разумныхъ законовъ. Прим. перев.

но эвдемонистиченъ; но тѣмъ не менѣе добродѣтель, добро—для него необходимое условіе спасенія. Такъ какъ мы и сами звено цѣлаго, то своекорыстныя наши наклонности въ глубочайшей своей основѣ согласны съ тѣми, которыя имѣютъ въ виду всеобщее; изъ этой-то коренной гармоніи расцвѣтаютъ и добродѣтель и счастіе, послѣднее находимъ мы для себя самихъ, уготовляя его для ближнихъ, сочеловѣковъ; доброжелательство непремѣнно одушевляетъ. Мы отъ природы общительны, и потому въ семейной любви Шафтсбёри признаетъ исходную точку общества; государство для него обусловлено самымъ существомъ человѣческаго рода, который только въ сообществѣ достигаетъ своего назначенія.

Шафтсбёри выступаетъ противъ догматики съ заносчивою ироніей, но религіею онъ вовсе не шутитъ; онъ смѣется надъ глупостью и суевѣріемъ, остритъ надъ схоластикой, однакожь и это безъ горечи, безъ малѣйшаго озлобленья; свѣтлая доброжелательность юмора и восторженное радованіе всѣмъ прекраснымъ и великимъ—вотъ основной тонъ его души и его литературнаго изложенія. Этотъ превосходный писатель, говоритъ Фихте-сынъ въ историческомъ введеніи къ своей этикѣ, коснулся всего дѣльнаго и глубокаго, что̀ когда-либо мыслилось по части морали.—Въ противень начертанной имъ свѣтлой картинѣ жизни, врачъ-сатирикъ Мандевилль выставилъ тѣневую въ своей Баснѣ про пчелъ. Эти насѣкомыя въ своемъ рою живутъ у него совсѣмъ почеловѣчьи: многія трудятся, немногія пользуются, есть тутъ и надувалы и подхлебники; у любой особи, у любого сословія свои грѣхи, а государство все-таки процвѣтаетъ, внушаетъ къ себѣ страхъ и уваженіе. Благосостояніе цѣлаго пріумножается именно всилу единичныхъ пороковъ: роскошь и суетность пропитываютъ ремесленника, поощряютъ промышленность, зависть подстрекаетъ къ соревнованію. Но моралисты—тѣхъ мыслей, что край такимъ образомъ неминуемо погибнетъ; они принимаются молить Юпитера, да ниспошлетъ онъ добродѣтель и справедливость. Богъ исполняетъ ихъ желаніе, и вотъ тысячи рукъ являются вдругъ праздными, потому что судебныхъ засѣданій нѣтъ, нѣтъ воровъ, которыхъ приходилось бы сажать на̀ цѣпь, мода ни на что не мѣняется, ни одинъ скряга не копитъ богатства, ни одинъ мотыга не пускаетъ его въ оборотъ. Промышленность совершенно гибнетъ, потомучто ни для кого нѣтъ необходимости служить другимъ, и у пчелъ остается только одно,—сознаніе своей добродѣтели. Поэтому не́чего и думать о соединеніи величія съ честностью и правдой; порокъ необходимъ для государственнаго богатства, а безъ честолюбія нѣтъ и міродвижныхъ дѣлъ.

Если намъ суждено жить въ подобномъ мірѣ, такъ воспользуемся же имъ для нашихъ цѣлей, для нашего благополучія! Такъ именно и думаетъ Болинброкъ, прозванный новѣйшимъ Алкивіадомъ; блестящее, даровитое, многихъ восхищавшее явленіе, столько же смѣлый и хитрый политикъ, какъ очаровательный въ обществѣ своимъ остроуміемъ и пріятной утонченностью, вольномысленный и безпутный, онъ и въ качествѣ писателя породилъ много хорошихъ и дурныхъ вліяній. Предтеча и образецъ Вольтера, прикасается онъ съ легкой шуткою къ затруднительнѣйшимъ проблемамъ науки, и въ Парижѣ, какъ прежде въ Лондонѣ, дѣлаетъ ихъ доступными высшему обществу; онъ просвѣща-

етъ и приводитъ его въ восторгъ, на́чисто выдавая ему его тайну, что пружина всѣхъ дѣйствій этого круга одинъ себялюбивый расчетъ. Будучи безвѣромъ самъ, онъ говоритъ, что не существуй религіи, ее бы надо было выдумать, такъ-какъ это самый лучшій намордникъ для толпы; и подлыхъ неумытыхъ рылъ никогда не слѣдуетъ разнуздывать, а напротивъ надо сострунить ихъ покрѣпче. Вотъ почему ратуетъ онъ противъ свободныхъ мыслителей и требуетъ безоговорочнаго признанія государственной Церкви, къ ученію которой самъ же онъ примѣнилъ ходячій тогда отзывъ о грекоримской миѳологіи: что трудно будто бы постичь, какъ подобные пустяки могли такъ долго находить себѣ вѣру. Очень успѣшно возставалъ онъ противъ широковѣщательной безвкусицы, противъ легковѣрной учености тогдашнихъ историковъ; онъ настаивалъ на исключеніи всякихъ басенъ и извѣстій о чудесахъ, хотѣлъ, чтобы исторія сдѣлалась наставницей въ политикѣ. Отъ Болинброка идетъ тотъ вольнодумно-просвѣщенный прагматизмъ, который всѣ событія выводилъ изъ благоразумнаго расчета или изъ страстей человѣческихъ и утверждалъ, что законодатели только потому облекали свои уставы въ ореолъ сверхъестественнаго откровенія, что они такимъ образомъ легче принимались и прочнѣе укоренялись среди народныхъ массъ.

Поэзія на основаніи французскихъ правилъ; Попъ.

Для тогдашняго поколѣнія Англичанъ главнымъ дѣломъ была работа мысли и политика; не до игры воображенія было тамъ, гдѣ на первомъ планѣ стояло отысканіе дѣйствительныхъ законовъ природы и жизни человѣческой, выясненіе уму, что́ такое онъ самъ; только уже впослѣдствіи фантазія могла художественно оформить новое міросозерцанье. Вотъ почему и не находимъ мы въ Англіи ни одного художника, ни одного поэта, стоящаго въ уровень съ какимъ-нибудь Ньютономъ или Локкомъ; а тѣ изъ нихъ, которые все-таки еще порываются впередъ, держатся и здѣсь за то, что́ „раціонально“, т. е. за дознанный законъ; только онъ стыскапъ не въ сущности искусства, а является условнымъ правиломъ, вродѣ тѣхъ, какія по античнымъ образцамъ выставилъ во Франціи Буало̀ и какимъ слѣдовали стихотворцы вѣка Людовика XIV-го. Попъ, это—англійскій Буало̀, подобно ему дидактикъ, сатирикъ, переводчикъ. Онъ выросъ изъ Драйдена. Англичане называютъ его правильнѣйшимъ своимъ стихотворцемъ, и онъ дѣйствительно таковъ въ томъ отношеніи, что все слишкомъ могучее, бьющее черезъ край, съ одной стороны, и все пошлое или вялое, съ другой, были равно чужды какъ провѣренной разсудкомъ соразмѣрности его мыслей и сюжетовъ, такъ и отборному его языку, который въ изящно-округленныхъ стихахъ его выливается такъ сдержанно, что полнозвучная риѳма всегда замыкаетъ собой и смыслъ. Вся рѣчь расчленяется у него въ положенія и противоположенія одинаковой длины и изукрашается поддѣльными цвѣтами. Но у Попа нѣтъ довольно творческой силы для созданія литературнаго цѣлаго сколько-нибудь покрупнѣй и для вывода живыхъ характеровъ среди господствующей надо всѣмъ этимъ красоты дѣйствія; перевѣсъ у него всегда на сторонѣ описательной или

сентенціозной, онъ щеголяетъ заманчивыми подробностями, блестящими мѣстами, которыя за частую только фразы, не болѣе, и на мѣсто полной, свободной, теплой жизни, вырабатывающей себѣ естественную свою форму изъ напора внутреннихъ соковъ и силъ, передъ нами сухая щегольская правильность взятаго извнѣ шаблона.

Своимъ переводомъ Иліады Поппъ и обогатился и прославился. Великаго мастера естественной пѣсни облекъ онъ въ одежду утонченнаго искусственнаго стихотворства, и простую красоту старался принарядить модною шумихой риомованныхъ блестокъ. Его „Похищеніе локона" разсказываетъ въ тонѣ героической поэмы и со всевозможною обстановкой миөологическимъ баснословіемъ, какъ одинъ лордъ Питръ отрѣзалъ у прелестной миссъ Арабеллы Ферморъ ея локонъ; тутъ выводятся на сцену хитрость и насиліе, опасеніе и испугъ, раздоръ вспыхиваетъ между семьями, и примиреніе достигается только тѣмъ, что локонъ перенесенъ наконецъ въ кругъ звѣздъ небесныхъ. Комизмъ долженъ заключаться въ контрастѣ мелочного сюжета съ возвышеннымъ стилемъ изложенія; хороши здѣсь только очерки аристократическаго общества. Въ ученые круги ведетъ насъ „Дёнсеяда", или пѣснь о глупцахъ, сàтира на попповыхъ противниковъ. Его „Опытъ о критикѣ" подражаетъ поэтикамъ Горація и Буалò и вмѣстѣ съ наставленіемъ о стихотворствѣ хочетъ преподать правила къ толковому разбору художественныхъ произведеній и къ образованію вкуса вообще, то-есть научить не одних только поэтовъ, но также и читателей. Всего удачнѣе его стихотворный „Опытъ о человѣкѣ", гдѣ послѣдній, въ четырехъ пѣсняхъ, изображается по положенію своему въ природѣ, по отношенію къ самому себѣ, къ другимъ людямъ и къ своему счастію. Поппъ называетъ Болинброка своимъ наставникомъ, призываетъ его даже какъ свою музу, и дѣйствительно проводитъ взглядъ его на жизнь въ своихъ вкрадчивыхъ стихахъ, по крайней мѣрѣ настолько, что цѣлью жизни ставитъ личное удовольствіе и не требуетъ самоотверженности изъ-за высшихъ цѣлей; но, на ряду съ этимъ, лучшія свои мысли беретъ онъ изъ Шафтсбёри. На первый планъ онъ выдвигаетъ то положеніе, что для человѣчества настоящимъ предметомъ изученія долженъ быть самъ человѣкъ; себялюбіе должно побуждать его, а разумъ—его обуздывать; частный и всеобщій интересъ не противорѣчатъ одинъ другому, истинная любовь къ самому себѣ требуетъ общаго блага и усердно ему споспѣшествуетъ, потомучто мы вѣдь члены одного великаго цѣлаго, котораго душа Богъ, а тѣло—природа. Вотъ образчикъ его изреченій:

Что̀ вы толкуете о формахъ государствъ?
Повѣрьте, лучшее изъ всѣхъ на свѣтѣ царствъ
То именно, гдѣ есть хорошая управа.
Пускай ревнители кричатъ до хрипоты,
Какая вѣра права иль неправа;
На дѣлѣ поступай всегда лишь право ты,
Имѣя истину въ предметѣ,
И будешь набожнѣй всѣхъ набожныхъ на свѣтѣ.
Лишь добродѣтель намъ блаженство можетъ дать;
Наука наша вся—самихъ себя узнать.
Вещей превратностью, вѣрь, мудрость управляетъ,
Лишь цѣль свою она отъ глазъ твоихъ скрываетъ.

Ко благу цѣлаго направленъ частный вредъ,
Разладица—возвратъ къ гармоньи величавой,
Борьба съ сомнѣньемъ—путь для разума побѣдъ,
И громко онъ гласитъ: что̀ вѣчно, то и право.

Напротивъ „Ночныя думы" Іонга (Young) выдвигаютъ тѣневую сторону жизни въ мрачныхъ размышленіяхъ, примыкающихъ отчасти къ мильтоновскимъ; настроеніе это отозвалось въ Германіи у Клопштока и его друзей, да и позже еще въ вертеровское время; оно внесло въ новѣйшую литературу такъ-называемую „міровую скорбь", ту плаксивую жалобу, что

Бокъ-о̀бокъ съ старостію опытъ къ могилѣ всѣхъ приводитъ насъ
Путемъ заботъ, трудовъ, опасностей, страданій,
Да убѣдимся мы, хоть въ смертный этотъ часъ,
Что жизнь-то наша вся рядъ золъ и испытаній.

Отголоскомъ мильтоновой же идилліи о райскомъ утрѣ созданія прозвучали и „Времена года" Томсона, гдѣ искусство столько же полностройной, какъ и обильной красками живописи явилось облеченнымъ въ гармоническіе стихи, и гдѣ гимнъ природѣ, воспѣтый Шафтсбѐри, былъ разнообразно проведенъ далѣе въ единичныхъ картинахъ.

Какъ ни скудна драматическая литература въ сравненіи съ вѣкомъ Шекспира, все-таки, не чета реставраціонной, она обнаруживаетъ начавшееся теперь въ Англіи улучшеніе нравовъ и воззрѣній на жизнь вообще. Относительно формы, усвоила она себѣ французскія правила соблюденія трехъ единствъ. Въ ней отражается житье-бытье настоящаго, но уже обдѣланное въ нравственно-поучительную піэсу: преступленіе карается, послѣдствія разврата выступаютъ отпугивая впередъ, гонимая невинность торжествуетъ; такимъ образомъ и здѣсь, не смотря на все распространенное въ мірѣ зло, доказывается существованіе благого Промысла. Саутернъ и Роо (Rowe) писали такого рода трагедіи, а Сибберъ и Сузанна Сентливеръ—комедіи. Въ кругу первыхъ всего выше стоитъ адисоновъ „Катонъ", образецъ героя добродѣтели; при скудости дѣйствія и индивидуальной характеристики, здѣсь много хорошо подобранныхъ декламаціонныхъ тирадъ; при всемъ томъ, патріотизмъ, готовый лучше жертвовать жизнію нежели свободой, подымалъ общественное чувство, и зрители охотно выслушивали доводы въ пользу безсмертія души, лившіеся полнозвучными стихами изъ устъ Римлянина, который, передъ тѣмъ что броситься на свой мечъ, еще только-что читалъ Платона. Изъ ряда комедій особенно выдавались Стилевы (Steel), поучавшія уваженію къ женской стыдливости и въ самомъ дѣйствіи и въ сентенціяхъ, высказывавшихъ его мораль.

Еженедѣльныя изданія. Дефо и Свифтъ. Шотландскіе мыслители; Адамъ Смитъ.

Оба эти писателя, Аддисонъ и Стиль, своими еженедѣльными изданіями гораздо лучше достигли цѣли подѣйствовать на образованіе и облагороженіе

народа. Съ 1709-го года началъ выходить „Болтунъ“ (Tatler), за нимъ вскорѣ послѣдовалъ „Зритель“ (Spectator), издававшійся нѣсколько сряду лѣтъ, а потомъ „Опекунъ“ (Guardian) и другіе. Стиль былъ редакторомъ правительственной газеты; но чтобы имѣть при этомъ просторъ для болѣе свободнаго движенія, да и не ограничиваться одною политикой, онъ сперва въ формѣ извѣстій о бесѣдахъ тогдашнихъ литературныхъ кофеенъ сталъ сообщать въ своемъ „Болтунѣ“ разсказы, описанія путешествій, наблюденія, критики литературныхъ и театральныхъ произведеній, въ чемъ помогалъ ему школьный его товарищъ, Аддисонъ. Въ качествѣ рипортера отличался тогда г. Исаакъ Бикерстоффъ,—имя, подъ которымъ Свифтъ писалъ противъ составителей календарей и предвѣщателей погоды. Мало по малу взяло верхъ стремленіе изображать характеры домашней жизни, разсматривать людскіе нравы, привычки, дурачества, толковать о вѣротерпимости и страсти къ политическимъ пересудамъ, объ игрѣ въ карты и о поединкахъ; и все это дѣлалось въ статьяхъ, которыя, благодаря надлежащей мѣрѣ шутки и серьёзности, основательности и веселонравія, сохраняютъ свою наглядную свѣжесть и до сихъ поръ. Перемѣна направленія повела и къ переименованію журнала „Зрителемъ“: острый наблюдатель края и народа воротился будто бы изъ дальнихъ странствій домой, вращается въ разныхъ лондонскихъ кругахъ и обмѣнивается мыслями съ разнаго рода типично-характеризованнымъ людомъ; слово поочереди дается и помѣщику, и купцу, и военному, и студенту, разсказы и описанія смѣняются размышленьями; есть много мастерски выполненныхъ жанровыхъ картинъ, дѣльныя знанія соединяются со здравымъ смысломъ и веселымъ юморомъ, и народный вкусъ облагороживается вполнѣ сочувственнымъ разборомъ истинно-великаго и прекраснаго, Мильтона на ряду съ Гомеромъ и Виргиліемъ, старыхъ англійскихъ балладъ на ряду съ Псалмами и Пѣснею Пѣсней. Вслѣдъ за 555-ю нумерами Зрителя появился „Опекунъ“, къ которому овдовѣвшая мать съ дѣтьми обращаются за совѣтомъ, и съ которымъ вмѣстѣ они обсуждаютъ разныя домашнія дѣла. Но этотъ новый листокъ держался уже не такъ долго и далеко не съ тѣмъ достоинствомъ какъ прежніе; потомучто Аддисонъ посвятилъ себя театру, а Стиль исключительно отдался политикѣ. Тѣмъ не менѣе, изъ Опекуна вышелъ семейный англійскій романъ, точно такъ же какъ изъ Зрителя развился романъ нравоописательный и юмористичный. Журналы эти съумѣли занять не напрягая умовъ, и тѣмъ самымъ подѣйствовать на большинство публики; ихъ переводили, имъ подражали во Франціи и въ Германіи, они все въ бо̀льшихъ и бо́льшихъ кругахъ наводили общественный разговоръ на литературные интересы, на вопросы умственные, они пріучали къ легкой ясной прозѣ, къ толковому и пріятному изложенію научныхъ предметовъ, конечно иногда въ ущербъ основательности и строгости, точно такъ же какъ въ поэзіи они напирали на дѣйствительность въ ущербъ идеалу. Свѣтлыя и тѣневыя стороны журнализма и его вліянія начались уже здѣсь; но первыя были гораздо значительнѣй потому, что дѣльность и глубина научныхъ произведеній или геніальный полетъ поэзіи ни мало вѣдь не терпятъ отъ того, что тѣ тысячи тысячъ, которыя оставались прежде совсѣмъ чужды высшаго образованія, получили теперь умственную пищу въ небольшихъ порціяхъ, отвѣчающихъ ихъ пищеварительной способности и вкусу. И едва ли преувели-

ченъ отзывъ Англичанина Дрека: Если сравнимъ общественный и домашній бытъ Англіи до этихъ еженедѣльниковъ и послѣ нихъ, то ясно увидимъ, что имъ обязаны мы благотворнѣйшимъ преобразованіемъ какъ художественнаго вкуса, такъ равно нравственнаго и политическаго воззрѣнія. Ни кто не усомнится причесть ихъ издателей и авторовъ къ числу великихъ благодѣтелей не одной Англіи, но и всего человѣческаго рода.

То же самое должно сказать о человѣкѣ, на которомъ мы видимъ, какъ въ Англіи поэты, занятые практическими вопросами общественной жизни, выростали среди борьбы за свободу ума, какъ, даже не видя въ поэзіи своего особеннаго призванья, они создавали превосходныя вещи, когда за нее брались. Основатель банковъ и страховыхъ учрежденій въ Англіи, Дефо́, былъ бы знаменитъ и тогда, еслибы весь дѣтскій міръ не позабывалъ мастера за его твореніемъ, еслибы, всѣ читатели „Робинсона" знали, что его написалъ именно онъ. Еще во времена стуартовской реставраціи онъ былъ вождемъ самостоятельнаго направленія диссентеровъ, или отщепенцевъ, разногласящихъ съ англійскою господствующею церковью, и примкнулъ къ мятежному движенію принца Мо̀нмаута съ тѣмъ, чтобы противъ гнета религіозной нетерпимости поднять рѣшительно и мечъ. Бѣглецомъ скитался онъ по Испаніи, Франціи, Германіи; воротясь, онъ призывалъ протестантовъ къ миру для того, чтобы заодно противустать королю Іакову II-му, хотѣвшему снова окатоличить англійскій народъ. За это не признала его своимъ ни одна партія, всѣ отъ него отступились. Позже, когда Вильгельмъ Оранскій узаконилъ ту терпимость, какой добивался Дефо̀, послѣдній вторично вынужденъ былъ бѣжать изъ Англіи: обанкрутилась его чулочная торговля. Въ Брюсселѣ написалъ онъ тогда Опытъ о проектахъ, въ которомъ разсуждаетъ объ учрежденіи банковъ и страховыхъ конторъ, объ улучшеніи средствъ сообщенія и торговыхъ законовъ, наконецъ о просвѣтительномъ воспитаніи народа. „Книга эта", говоритъ Фра́нклинъ, „озарила меня въ молодости, и той долей участія, какую я принялъ въ освобожденіи и устройствѣ своего родного края, обязанъ я именно ей". Король Вильгельмъ обратилъ вниманіе на Дефо̀, доставилъ ему средства удовлетворить кредиторовъ и открылъ свободный доступъ въ свой рабочій кабинетъ. Дефо̀ написалъ популярное стихотвореніе: „Истый Англичанинъ". Вильгельму часто доводилось слышать отъ противниковъ укоръ, что онъ чужакъ; противъ этого Дефо̀ живо излагаетъ ту тему, что сами Англичане народъ мѣшанный, и преимуществами своими обязаны совмѣстному дѣйствію разнообразныхъ стихій. Когда, по смерти короля, начались съизнова церковныя свары, Дефо̀ напечаталъ памфлетъ: Кратчайшій раздѣлъ съ диссентерами; иронически подражая тону церковныхъ ревнителей, онъ требовалъ, чтобы отщепенцы или переходили въ господствующую церковь, или прямо шли на висѣлицу. Осужденный за то къ выставкѣ у позорнаго столба и къ тюремному заключенію, онъ въ честь первому сочинилъ гимнъ, восхваляющій силу истины и славу, какою возвеличивается всякое изъ за нея страданіе; народъ кричалъ ему ура! женщины забросали его цвѣтами, когда онъ стоялъ у позорнаго столба; это былъ для него день почета. Въ темницѣ писалъ онъ народный листокъ, пока либеральный министръ, лордъ Гарлей, не вывелъ его оттуда и не поручилъ ему окончательно довершить политическое соединеніе Англіи съ Шотландіей въ коммиссіи изъ парламентовъ той

и другой страны. Рано состарѣвшись и обѣднѣвъ, сочинилъ онъ въ 1715-мъ году воззваніе къ чести и справедливости, въ которомъ, послѣ изображенія своей треволненной жизни, онъ заявляетъ, что съ радостію и миромъ въ душѣ, презрѣнію онъ всегда готовъ противопоставить презрѣнье. Онъ сталъ теперь созерцательнымъ мудрецомъ, онъ пишетъ свою жизнь и „Удивительныя приключенія Робинсона Крузо". * Исторія одного шотландскаго матроса легла здѣсь въ основаніе, но изъ скудныхъ разсказовъ грубаго простолюдина Дефо̀ съумѣлъ создать мастерское всемірно-литературное произведеніе.

Съ самаго открытія Америки описанія путешествій, и въ особенности морскихъ, сдѣлались моднымъ книжнымъ товаромъ покупавшимся на расхватъ; басни примѣшивались тутъ къ дѣйствительности; авторы старались вмѣстѣ и занять, и позабавить. Дефо́ этимъ не удовольствовался. Всѣ событія и всѣ дѣйствія героя такъ естественно и прямо выходятъ у него изъ его настроенія и положенья, онъ разсказываетъ все такъ просто и сообразно дѣлу, умѣетъ такъ искусно вплести тончайшія черты психологической характеристики въ тщательную и чисто-обдѣланную живопись подробностей внѣшняго міра, что мы вполнѣ переносимся на почву дѣйствительности и какъ будто сами сочувственно переживаемъ его разсказы. Вальтеръ Скоттъ, слѣдовавшій этому образцу, замѣчаетъ справедливо, что такая добросовѣстная, многотрудная обстоятельность самымъ преизбыткомъ своихъ мелочей отнимаетъ у насъ всякое сомнѣніе въ истинѣ повѣствованья; потомучто, не будь это сущая правда, откуда жь было поэту все въ такой точности узнать и къ чему ему было тратить столько труда на вымыселъ? Да разсказъ и въ самомъ дѣлѣ гомериченъ; въ Иліадѣ мы узнаёмъ, какъ именно Пандаръ натягиваетъ свой лукъ, стрѣляя въ Менелая: отчего же намъ не выслушать и того, сколько дроби и пороху взялъ Робинсонъ, чтобы впервые зарядить свое самодѣльное ружье и выстрѣлить изъ него по дикимъ? Съ нимъ вмѣстѣ ощущаемъ мы всѣ ужасы кораблекрушенія, бѣдствія совершеннаго одиночества и крайней нужды въ помощи, такъ же какъ и радость всякому добру и ту сердечную благодарность, которая, не менѣе злополучія, всегда ведетъ его прямо къ Богу. Онъ и товарищъ его, Пятница,—рыболовы и охотники; затѣмъ приходитъ потерпѣвшій крушеніе корабль съ разнымъ добромъ и снарядомъ, приходятъ потомъ англійскіе матросы, начинаются земледѣліе и ремесла, устанавливаются законы общежительства; мы видимъ, какъ, влекомый внутренней необходимостью, человѣкъ постепенно идетъ отъ грубаго естественнаго быта къ образованію и цивилизаціи; Робинсонъ отражаетъ въ себѣ для насъ весь родъ людской, его постепенное развитіе въ борьбѣ за существованье, и это благодаря именно тому, что поэтъ не надѣлилъ его ни какой особенно выдающейся способностью, ни какимъ выходящимъ изъ ряду вонъ строемъ мысли; напротивъ, такъ, какъ чувствуетъ и мыслитъ Робинсонъ, дѣлали бы и всѣ почти другіе люди, что̀ онъ изобрѣтаетъ и приводитъ въ исполненіе, то сдѣлали бы конечно и они. Геттнеръ превосходно выдвинулъ это впередъ и не могъ не изъявить своего удивленія, что въ позднѣйшемъ продолженіи разсказа Дефо̀ вдался опять въ

---

* Робинзономъ Крузе книга эта окрещена у насъ по нѣмецкому произношенію, да и извѣстна была долго лишь въ нѣмецкой передѣлкѣ Кампе. Прим. перев.

обычныя путевыя похожденія. Первоначальная же книга сводится къ тому, что одно почтенное и кроткое духовное лицо беретъ на себя руководство религіозными дѣлами на островѣ и, минуя всѣ вѣроисповѣдныя препятствія, основываетъ религію на богобоязни и любви къ ближнему. Такой идеальной основы нѣтъ у множества Робинсонадъ, вызванныхъ успѣхомъ Дефо̀ во всей Европѣ; тамъ стараются перещеголять другъ друга наборомъ всякихъ странностей и невѣроятныхъ приключеній, тогда какъ значеніе подлинника Жанъ-Жакъ Руссо оцѣнилъ и для воспитанія; онъ говоритъ: „Это такая книга, которую Эмиль мой прочтетъ первую; она долго будетъ составлять весь его книжный запасъ и займетъ въ немъ навсегда первенствующее мѣсто. Она должна быть текстомъ, отъ котораго будутъ исходить всѣ наши бесѣды о человѣческихъ изобрѣтеніяхъ и о наукахъ; она должна быть оселкомъ, на которомъ я хочу испытывать умственные успѣхи своего питомца, и пока вкусъ его останется простъ и естественъ, я знаю напередъ, что чтеніе ея всегда будетъ возбуждать въ немъ новое удовольствіе. И что же это за удивительная книга? Аристотель? Плиній? Бюффонъ? Нѣтъ, это—Робинсонъ Крузо“.

До чего политическіе интересы въ Англіи завлекали въ свою сферу лучшія силы края и какъ многоплоденъ былъ для писателей расширенный общественною жизнью кругозоръ, мы видимъ еще также на сатирикѣ Джонатанѣ Свифтѣ (1667—1745); Вальтеръ Скоттъ недоумѣваетъ, пріурочить ли его къ государственнымъ людямъ, или къ поэтамъ. Изъ бѣдности сдѣлался онъ пасторомъ, но мѣсто его было бы въ парламентѣ; нижняя палата была замкнута для духовныхъ лицъ, и оттого онъ домогался епископства, чтобы попасть въ верхнюю палату, но какъ ни подслуживался онъ нынче вигамъ, а завтра торіямъ, и какъ ни подчинялъ своихъ убѣжденій жгучему честолюбію, прославившая его сказка преграждала ему путь, и при всѣхъ усиліяхъ онъ добился только мѣста въ Дублинѣ, отъ чего и слыветъ Сентъ-Патрикскимъ деканомъ. Неудача разогорчила и озлобила его до крайности; къ этому присоединились глухота и страшныя почасту головныя боли, къ этому же въ лучшіе годы его мужества двойная любовь, которая разбила сердце двумъ дѣвушкамъ, ни какъ не хотѣвшимъ отъ него отстать,— и сестрински привязанной къ нему Стеллѣ, и страстно обожавшей его Ванессѣ, а его самого довела чуть не до сумасшествія. Тогда онъ окунулъ острое перо свое въ желчь; смѣлый и хладнокровный, безпощадный и всегда готовый къ бою, остроумный и полный свѣдѣній, вдвинулся онъ въ рядъ величайшихъ сатириковъ всѣхъ временъ и какъ первоклассный памфлетистъ внушалъ столько же заискиваній, сколько и страховъ; съ нимъ и благодаря ему началось важное значеніе газетъ при обсужденіи современныхъ вопросовъ, общественныхъ характеровъ и дѣлъ. Все величавѣе развертывалась эта его дѣятельность въ ту пору, когда, изъ аристократа ставъ вдругъ революціонеромъ, онъ выпустилъ въ свѣтъ „Письма сукнопродавца къ ирландскому народу противъ вудовскихъ фальшивыхъ мѣдяковъ“. По желанію одной изъ любовницъ короля, правительство, не спросясь парламента, выдало Вуду патентъ на битье этой новой монеты; Свифтъ прямо назвалъ это мошенничествомъ, и съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ изложилъ всѣ нанесенныя Ирландіи обиды, подкрѣпивъ свой прозаическій памфлетъ самыми ѣдкими эпиграмматическими стихами. Произведенія эти явились подъ вымышленнымъ именемъ; каждый зналъ, кто ихъ

сочинитель, но не нашлось ни одного человѣка, который польстился бы на іудину мзду, назначенную тому, кто выдастъ его передъ судьями. Въ память этого случая, Свифтъ назвалъ себя въ своей эпитафіи могучимъ поборникомъ свободы, Strenuum libertatis vindicem.

„Дѣтская сказочка" (Tale of a tub) ведетъ рѣчь о религіозномъ вопросѣ и обдаетъ щелокомъ самой ѣдкой насмѣшки различные догматы и вѣроисповѣдные раздоры. Отецъ, умирая, не оставляетъ тремъ своимъ сыновьямъ ничего кромѣ одного простого платья и завѣщанія, какъ носить его; они не должны перемѣнять въ немъ ни единой нитки, кромѣ того, что̀ положительно дозволено въ завѣщаніи. Платье совершенно просто, безъ прикрасъ, а моды между тѣмъ блестятъ великолѣпіемъ и мѣняются то и дѣло; и вотъ братья скоро ухитрились вывернуть и перетолковать гдѣ смыслъ, гдѣ слова отцовскаго завѣта такъ, что нашили на платье вздутыя оплечія, потомъ убрали его золотымъ позументомъ, красною тафтой, серебряными бахромками: это было тѣмъ легче, что кромѣ писаннаго завѣщанія нашлось еще другое, устное, которое одинъ старый слуга самъ слышалъ будто бы отъ покойника; притомъ нашлись ученые, которые отрыли гдѣ-то приписку, составленную дѣдушкинымъ собачникомъ, и гдѣ подлинное завѣщаніе прямо говоритъ: наказываю сыновьямъ моимъ никогда не носить серебряныхъ бахромокъ, тамъ благодаря аллегорическому толкованію изъ серебряныхъ бахромъ выходило метловище. Подконецъ всѣ три брата соглашаются на томъ, чтобы упрятать завѣщаніе подальше въ особый ларчикъ и обращаться къ нему только тогда, когда имъ покажется это надобнымъ. Имена братьямъ Петръ, Мартынъ и Иванъ, папежство, лютеранство и кальвинство. Петръ всѣхъ плутоватѣе: одинъ знатный баринъ даритъ ему значительную землю въ наслѣдіе; вотъ онъ съ тѣхъ поръ и возгордись; чуть не въ совершенномъ помѣшательствѣ, этотъ нахалъ и плутъ нахлобучиваетъ себѣ на̀ голову три шапки, одну на другую, за̀ поясомъ носитъ связку ключей и даетъ целовать свои ноги любому встрѣчному. При всякомъ случаѣ лжетъ онъ страшно, на пропалую, но всегда клянется въ истинѣ своей лжи, а невѣрящихъ въ нее проклинаетъ на вѣки. Два другіе брата отпираютъ ларецъ и видятъ, какъ безсовѣстно Петръ ихъ морочилъ и обманывалъ; но онъ пинками выгоняетъ ихъ съ двора долой. Тогда Мартынъ съ Иваномъ принялись ревностно вчитываться въ завѣщаніе и хотѣли сообразно ему передѣлать опять и платье. Мартынъ споролъ съ него разныя блестки и мишуру, но тамъ гдѣ позументъ сидѣлъ ужь слишкомъ крѣпко, онъ оставилъ его на мѣстѣ: не портить же въ самомъ дѣлѣ сукна; а Иванъ, на зло Петру, обрываетъ все какъ есть безъ разбора, такъ что платье превратилось въ рубище, и такъ какъ Мартынъ не хотѣлъ идти на это, то они и перессорились между собою вконецъ. Иванъ дѣлаетъ себѣ изъ завѣщанія ночной колпакъ и зонтикъ, онъ по прежнему употребляетъ его обороты и слова, и когда, слѣпо бродя по̀ свѣту, здѣсь споткнется на бревно, а тамъ упадетъ въ лужу, то говоритъ, что все это вышло по предопредѣленію отца; задумавъ какое-нибудь мошенничество, онъ такъ и закатитъ вверхъ глаза, а иконоборство доводитъ до такой степени, что во всякую росписную вывѣску готовъ кидать каменья. Иванъ идетъ разъ на мировую съ Петромъ; они хотятъ собща и заодно просверлить черепъ Мартыну; но Дворъ велитъ арестовать Петра, а Иванъ умѣетъ найдти при Дворѣ случай.... На томъ сказка и прерывается.

Композиція ея очевидно слаба, но слишкомъ частыя отступленія именно такъ и брыжжутъ остроуміемъ, и впослѣдствіи самъ Свифтъ, когда сказка случайно попалась ему подъ руку въ недобрую минуту, невольно произнесъ: „Милосердый Боже, какъ еще могучъ былъ тогда мой умъ!" Тщетно написалъ онъ потомъ Догматику противъ вольнодумцевъ, тщетно утверждалъ, что сатира направлена не на господствующую церковь, а на ея враговъ, никто ему не вѣрилъ, его насмѣшка надъ измірченіемъ церкви и надъ вѣроисповѣдными раздорами была черезчуръ ужь язвительна и мѣтка.

Еще болѣе блестящимъ произведеніемъ фантазіи были „Странствія Гулливера". Фантастическая мысль проведена здѣсь съ изумительной реалистической вѣрностью; сразу переносимся мы вдругъ въ міръ чудесъ, который изображается намъ съ такою сухой серьёзностью, такъ послѣдовательно и подробно, что мы не сомнѣваемся въ его дѣйствительности; но онъ служитъ вмѣстѣ сатирическимъ противнемъ людскихъ дѣлъ и состояній, и какъ забавное, такъ и гротескъ полны тутъ замысловатости и остроумныхъ намековъ. Матросъ Гулливеръ попадаетъ въ края Лиллипутовъ и Бробдиннаговъ, на острова крохотныхъ карликовъ и страшныхъ великановъ, и всѣ житейскія отношенія описаны здѣсь такъ естественно, что одинъ прелатъ, прочитавши это, отозвался: А все-таки есть въ этой книгѣ иныя обстоятельства, которымъ какъ-то не вполнѣ вѣришь. Свифтъ соприкасается въ ней съ Рабеле́, онъ не рѣдко его напоминаетъ, но превосходитъ своего предшественника умѣньемъ всегда выдержать чудовищное или мелкое до смѣшного. Гулливеръ является гигантомъ среди Лиллипутовъ, которые ползаютъ по немъ съ своими булавочными копьями, а Бробдиннаги возятъ его, напротивъ, въ клѣткѣ изъ города въ городъ на показъ, дотого ужь онъ кажется имъ мелкимъ. Какъ колосальны разгулъ, жранье и питье этихъ страшныхъ плотскихъ массъ безъ облагороживающаго ихъ духа, и какъ щеголевато-изящны политическія стремленія и борьбы крохотныхъ и тонкихъ Лиллипутцевъ, въ которыхъ признавали тогдашнихъ министровъ, генераловъ и партейныхъ вожаковъ Англіи! Какъ забавенъ именно этотъ контрастъ громаднаго съ ничтожно-мелкимъ,— контрастъ, отъ котораго чувство надлежащей мѣры теряетъ наконецъ и самъ Гулливеръ! Комизмъ дотого мѣтокъ, юморъ дотого удаченъ, что намъ вовсе и ненужно то особенное еще раздраженіе крѣпкою водкой сатиры, которое авторъ придалъ для современниковъ. Оно даже попортило слѣдующія за тѣмъ части. Гулливеръ попадаетъ на летучій островъ Лапуту, гдѣ все дѣлается по математически вѣрнымъ вычисленіямъ, понятно крайне замедляющимъ всякую что ни есть простую вещь; люди дотого углубились здѣсь въ свои соображенія, что ихъ надо будить трещотками и напоминать имъ объ отправленіи естественныхъ даже нуждъ. Тутъ Свифту хотѣлось подшутить надъ Естествовѣднымъ Обществомъ, надъ Ньютономъ, а также и надъ Бентли, поднявшимъ тогда книжную войну; но насмѣшка надъ наукою, надъ истинно-великимъ, всегда падаетъ на самого насмѣшника; когда остроуміе обращено противъ геніальности и идеальныхъ стремленій, оно можетъ позабавить толпу, но всегда обличитъ отсутствіе глубокаго взгляда на жизнь въ легкомысленномъ остроумцѣ. Только настоящій юморъ производитъ на насъ въ самомъ дѣлѣ отрадное впечатлѣніе, когда смѣется надъ слабостями и грѣшками, составляющими изнанку величія, но при этомъ вездѣ даетъ проглянуть прекрасному и благородному, восхищая и

трогая насъ даже и среди добродушной шутки. Шлоссеръ прекрасно говоритъ: „Понятіе Свифта о поэзіи и наукѣ обличаетъ въ немъ грубаго охотника до пуддинговъ и ростбифа; но надо въ то же время сказать, что онъ ратовалъ противъ предразсудковъ и привилегій господствующихъ классовъ, и именемъ народа настаивалъ на томъ, чтобы и ученый подлежалъ суду здраваго человѣческаго смысла.“ — Наконецъ Гулливеръ приходитъ къ Гаунгнгуммамъ. Это въ высшей степени благородные и умные кони, которые принимаютъ его съ презрѣніемъ и считаютъ за выродка обезьянъ ихъ острова. И вскорѣ онъ находитъ себя дотого похожимъ на этихъ обезьянъ и проникается такимъ уваженіемъ къ конской породѣ, что впослѣдствіи человѣческое общество въ Англіи становится для него невыносимымъ. Люди—подлое обезьянское отродье, и животныя высшихъ душой породъ всѣ лучше ихъ, да и счастливѣе—этимъ диссонансомъ заканчивается книга, и онъ очевидно прошелъ сквозь самое сердце поэта, который въ горькомъ раздраженіи говоритъ: „Не ждите отъ человѣка ни чего, кромѣ того, къ чему способно такое твореніе!“ У него прошла охота забавлять свѣтъ, ему бы только терзать его, потомучто свѣтъ самъ обратился для него въ муку.

Какая разница между нимъ и лордомъ Честерфильдомъ! Нравиться всѣмъ мужщинамъ и влюблять въ себя всѣхъ женщинъ, такова въ глазахъ послѣдняго задача жизни для того чтобы имѣть въ свѣтѣ блестящій успѣхъ и вполнѣ насладиться своимъ существованіемъ. Однакожь, назначенный намѣстникомъ въ Ирландію, онъ съумѣлъ такъ хорошо вести управленіе, что память его до сихъ поръ благословляется народомъ. Всѣ уже съ восторгомъ говорили объ его искуствѣ соблазнять, когда одна французская гюгенотка отозвалась объ немъ съ негодованіемъ, и онъ публично подержалъ пари, что одолѣетъ эту неприступную добродѣтель. Онъ и дѣйствительно въ томъ успѣлъ; но послѣ съ истинно трогательной нѣжностью привязался къ незаконному сыну, которымъ подарила его побѣжденная. Онъ самъ руководилъ его воспитаніемъ въ письмахъ, которыя шутя ознакомили отрока на первый разъ съ античною поэзіей и исторіей, съ изученіемъ новѣйшихъ языковъ; онъ внушаетъ ему прилежаніе и добродѣтель, но главное — изворотливую ловкость въ обществѣ, безъ которой пропалъ бы даромъ весь его трудъ. Впослѣдствіи онъ обязываетъ его преодолѣть врожденную ему робость тѣмъ, чтобы рѣшительно отбить у мужа одну расположенную къ юношѣ молодую даму; какъ именно этого достичь, отецъ учитъ сына по собственному опыту; женщины, говоритъ онъ, для того только и даны, чтобы наслаждаться ими и пользоваться ради политическихъ цѣлей. Сынъ рано умеръ посланникомъ въ Дрезденѣ; онъ навыкъ къ дипломатическому притворству незамѣтно для самого отца и женился отъ него потихоньку. Вдова, нуждаясь въ деньгахъ, продала одному книгопродавцу откровенныя письма лорда Честерфильда къ его сыну. Такъ и попали они въ литературный міръ. Грубовато, но тѣмъ не менѣе справедливо, отозвался объ нихъ Джонсонъ: „Не заключай они въ себѣ морали беэпутныхъ дѣвокъ и танцмейстерскихъ манеръ, щегольскую эту книгу надо бы дать въ руки каждому образованному юношѣ“. Геттнеръ называетъ ее школою хорошаго тона, сокровищемъ самыхъ тонкихъ наблюденій, но прибавляетъ къ этому что дѣйствительная любезность автора проточена

насквозь червемъ пресыщенія и слишкомъ неразборчиваго на средства свѣтскаго расчета.

Серьёзнѣе и дѣльнѣе былъ кругъ шотландскихъ мыслителей. Задачею ихъ было поставить мораль въ полную независимость отъ догматики, показать, что нравственность принадлежитъ къ человѣческому существу и обусловливаетъ его счастіе, что помимо всякаго сверхъестественнаго откровенія она просто слѣдуетъ изъ деизма. Здравый человѣческій смыслъ, общее всѣмъ людямъ чувство (common sense) — вотъ для нихъ исходная точка и первое мѣрило; свобода, вмѣняемость и долгъ, прямо указывающіе другъ на друга, суть данныя или факты нашего сознанія, нашего внутренняго опыта. Ихъ отъ природы дѣловому уму добро представляется не столько прекраснымъ, какъ лорду Шафтсбёри, сколько полезнымъ, какъ ксенофонтовскому Сократу:—не то, чтобъ намъ искать только одной собственной выгоды, а что добро само по себѣ — благо, многоцѣнно и всегда полезно и для насъ самихъ. Здѣсь вѣдь положительно говорится, что добро должно дѣлать не изъ себялюбія, не изъ своей собственной корысти; что нравственными называемъ мы тѣ только поступки, которые одобряются и непричастными къ нимъ людьми, тѣ что̀ вытекаютъ изъ доброжелательства къ другимъ безъ вниманія къ нашимъ личнымъ интересамъ. Доброжелательство въ мірѣ нравственномъ—то же самое, что всеобщее тяготѣніе въ физическомъ; такъ-какъ Богъ—сама любовь, то онъ и положилъ ее въ основу нашей добродѣтели и нашего счастья, неразрывно связалъ наше благо съ благожелательствомъ другимъ. Какъ эстетическому чувству иное явленіе нравится только ясною его формой и стройнымъ согласіемъ всѣхъ частей, такъ точно и нравственный нашъ чувъ одобряетъ или порицаетъ поступки независимо отъ ихъ пользы или вреда для насъ самихъ, а единственно во вниманіе къ общему отъ нихъ благу.

Такого рода мысли развилъ Гётчисонъ (Hutcheson); этимъ же путемъ шли потомъ далѣе Ридъ, Фергусонъ, Стьюартъ,—такіе же предтечи Канта по практической философіи, какими Локкъ и Юмъ были по теоретической. Хотя употребленное ими слово инстинктъ не совсѣмъ здѣсь кстати, но всущности они говорили истину: что намъ изначально присуща нравственная способность, что въ самой душѣ есть, въ видѣ различительной нормы, категорія добра и зла, потому что добро лежитъ вѣдь не въ реальности вещей, а въ нашемъ образѣ чувствъ и мыслей, въ волѣ и сердечномъ настроеніи, что оно можетъ быть найдено и обсуждено только тѣмъ, кто носитъ эту точку зрѣнія, это нравственное начало въ самомъ себѣ. Тутъ надо себѣ припомнить, что строгій кальвинизмъ въ теченіе 17-го столѣтія тѣсно соединился съ демократико-политическимъ стремленіемъ народа, что духовенство отстаивало свободу въ государствѣ, и тогда легко будетъ понять, отчего тамъ такъ же крѣпко утвердилась кальвинистская система, какъ римскій католицизмъ въ Испаніи, гдѣ народъ, обороняя противъ Мавровъ христіанство, завоевывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ опять свой родной край. Такъ точно и Шотландцы видѣли вождей себѣ въ священникахъ, а эти, по ветхозавѣтнымъ образцамъ, связывали торжество народнаго дѣла съ преданностью вѣрѣ, и грозили гнѣвомъ божіимъ за каждый уклонъ отъ исповѣданія отцовъ. Ду-

ховенство крѣпко держалось мрачныхъ пуританскихъ заповѣдей, даже и тогда, когда минула надобность противоставать мірской суетѣ развратнаго двора и легкомысленному торгу грѣхоотпускными; глядя подозрительно на всякую чувственную радость, на всякую новую для него мысль, богословское правовѣріе дошло наконецъ до такого деспотизма, который не давалъ развиться ни поэзіи, ни изслѣдованію природы. Не слѣдуетъ забывать объ этомъ; надобно прочесть ту картину грустной и до крайности тупой ограниченности, какую начерталъ намъ Бёкль въ своей характеристикѣ шотландскаго духа по тогдашнимъ проповѣдямъ; и только тогда мы сможемъ вполнѣ оцѣнить освобождающую силу Гётчисона и его сверстниковъ. Они разбили кандалы суевѣрія, вооружились здравымъ человѣческимъ смысломъ, показали, что добро—природное влеченіе, а счастіе—неотъемлемое право человѣка, отыскали во всѣхъ религіяхъ прекрасное ядро, а зло нашли въ исключительности и въ страсти къ гоненіямъ; они поставили нравственное лицо на собственныя его ноги, на его чувство долга и сознаніе свободы, и направили человѣка къ тому, чтобы онъ старался согласить свое самосохраненіе съ общественнымъ благомъ, съ глубокимъ уваженіемъ къ обществу.

Важнѣйшимъ мыслителемъ этого круга является Адамъ Смитъ. Личный, эгоистическій элементъ вездѣ хочетъ онъ помирить съ общественнымъ, онъ хочетъ опредѣлить мѣру всѣмъ подобающаго, приличнаго, съ тѣмъ чтобы поддержать равновѣсіе въ цѣлой жизни людского рода. Исходной точкою и цѣлью выходитъ у него симпатія, сочувственность; человѣкъ отъ природы согласенъ съ себѣ подобными и находитъ въ томъ свою радость; мы одобряемъ тотъ или другой поступокъ, если сочувствуемъ побудительнымъ его причинамъ; по этому, въ отношеніи къ нашей собственной волѣ и дѣятельности, мы сами должны становиться на точку зрѣнія сторонняго свидѣтеля и тщательно провѣрять, покажется ли это нравственно приличнымъ и ему; такимъ образомъ мы прійдемъ къ самоотверженности и къ самообладанію и поставимъ себя въ соотвѣтствіе къ другимъ. Но гораздо еще важнѣе и вліятельнѣе этой теоріи нравственнаго чувства было произведенное Адамомъ Смитомъ изслѣдованіе хозяйственной жизни народовъ; своей книгою о существѣ и причинахъ народнаго богатства (1776 г.) онъ не только сталъ настоящимъ основателемъ общественной экономіи, какъ науки, но отъ него пошло и быстрое развитіе новѣйшей всемірной промышленности со всѣмъ разнообразіемъ ея успѣховъ. Отнюдь не одна лишь благопріятность географическаго положенія, но, главное, именно развитіе народныхъ силъ среди религіозной и политической свободы,—вотъ что пособило Англіи извлечь наиболѣе выгодъ изъ открытія Америки и морского пути въ Остъиндію, тогда какъ Италія и Испанія подъ гнетомъ церковнаго и политическаго деспотизма съ тѣхъ поръ видимо обѣднѣли и обезсилѣли; не столько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько отъ умѣющаго воспользоваться ими духа, преимущественно зависитъ успѣхъ и единичнаго лица и народовъ; случаи выпадаютъ каждому, но не каждый умѣетъ изъ нихъ что-нибудь извлечь. Англія умѣла это сдѣлать, и вотъ теперь принялись объ этомъ размышлять для того, чтобы извѣдавъ настоящіе источники народнаго богатства сознательно уже возвышать благоденствіе какъ цѣлыхъ государствъ, такъ и частныхъ личностей; и здѣсь теорія не слѣдуетъ за

практикой, а рѣшительно и путепроложно идетъ впереди. Въ торговлѣ, достигшей нежданнаго прежде распространенія по всѣмъ частямъ земного шара, казалось всего ближе видѣть главный дѣятель хозяйственной жизни и ея прибытковъ, какъ и смотрѣла на нее такъ-называемая „меркантильная система“; торговля доставляла денежную прибыль не только вѣдь купцу, она и въ самый край вводила серебро и золото, а въ ту пору полагали, что народное богатство все именно и заключается въ суммѣ благородныхъ металловъ, какою обладаетъ страна; поэтому думали, что правительство должно всячески поощрять промышленность, расчитанную на вывозъ, и пещись о томъ чтобы звонкой монеты привозилось болѣе нежели идетъ за границу. Уже и Испанцы въ 17-мъ столѣтіи, а вовсе не впервые министръ молодого Людовика XIV-го, Кольберъ, заботились и трудились для этой цѣли. Напротивъ того „физіократы“, и во главѣ ихъ придворный врачъ Людовика XV-го, Кенѐ (Quesnay), утверждали положительно, что всѣ богатства, всякое добро, производятся природой, и что поэтому чистый доходъ даетъ одно лишь земледѣліе, что настоящимъ имуществомъ обладаетъ только землевладѣлецъ и что онъ единственный производящій гражданинъ, тогда какъ ремесленники и купцы не создаютъ никакихъ новыхъ цѣнностей и потому, наравнѣ съ получающимъ жалованье должностнымъ людомъ, должны причисляться къ классу непроизводительному, безплодному. Адамъ Смитъ прозрѣлъ и односторонность и значеніе обѣихъ этихъ системъ, и высказалъ то мѣроположное начало, что самъ человѣкъ съ своею духовной и тѣлесною силой есть главное свое достояніе, что трудъ его вообще — источникъ всѣхъ хозяйственныхъ имуществъ; такимъ образомъ онъ отдалъ справедливость и сельскому и городскому населенію, не возвышая одного въ ущербъ другому. Трудомъ добывается сырой матерьялъ, трудомъ увеличивается его пригодность, а вмѣстѣ съ нею и цѣнность для человѣка; желѣзо, только въ формѣ ножа, иглы, сабли и плуга, впервые служатъ нашимъ цѣлямъ, а не желѣзная руда въ томъ видѣ какъ добывается она горнорабочими; употребленный на нее трудъ опредѣляетъ цѣнность приготовляемыхъ изъ нея издѣлій, и цѣна ихъ зависитъ отъ запроса и предложенія, а не устанавливается по произволу. Расширеніе и усовершенствованіе работы пріумножаетъ доходъ, и сбереженная чистая отъ нея прибыль накопляется въ капиталѣ, который въ свою очередь даетъ опять средства для вновь предпринимаемыхъ работъ, такъ что тутъ дѣйствуютъ заодно землевладѣлецъ, рабочій и капиталистъ, и народный доходъ подѣляется между ними. Смитъ требуетъ свободы земли, промысловъ и торговыхъ оборотовъ; каждому единичному лицу должна быть предоставлена возможность употреблять свои силы такъ, какъ внушатъ ему влеченіе къ самоподдержкѣ, его собственная польза и его талантъ. Благодаря подѣлу труда и соединенію различныхъ произведеній его на фабрикѣ или заводѣ, благодаря употребленію машинъ вмѣсто живыхъ рукъ, возрастаетъ производство, и подешевѣвшія его издѣлія доходятъ теперь и до бѣдняковъ. Правда, что нравственно пропадаетъ тотъ человѣкъ, который всю жизнь свою только и дѣлаетъ что пробивать ушки въ иглахъ, заостренныхъ другимъ и отшлифованныхъ третьимъ; правда, что могущество капитала страшно увеличиваетъ разницу между неимущимъ и богачемъ, и что нашему именно времени приходится поработать надъ средствами къ смяг-

ченію и устраненію золъ, тѣсно связанныхъ съ промышленной толчеею; но изъ-за этой оборотной стороны не слѣдуетъ забывать ни прогресса человѣчества въ общемъ и цѣломъ, ни того усиленнаго наслажденія жизнію, какое доступно теперь единичному лицу. Рабство и крѣпостничество смѣнились вездѣ личною свободой; у ней есть конечно своего рода опасности, но она одна достойна человѣка, и ея зловреднымъ выходкамъ успѣшно противустаетъ добровольное соединеніе, ассосіація, взаимное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и наконецъ воспитаніе въ человѣкѣ чувства любви на ряду съ требуемымъ отъ него умѣньемъ помогать самому себѣ въ той неизбѣжной борьбѣ за существованье, которая въ природѣ, какъ и въ людскомъ быту, вызываетъ живыя силы на дѣятельность и тѣмъ самымъ ведетъ къ высшему развитію.

Жанръ въ романѣ, и въ эстампахъ Гогарта.

Что̀ такъ мастерски проявлялось въ статьяхъ еженедѣльныхъ изданій,— изображеніе своебытныхъ характеровъ, заманчивыхъ положеній въ жизни, картинъ времени и нравовъ съ сопровождающими ихъ размышленіями о вопросахъ нравственныхъ и эстетическихъ,—то̀ самое стали теперь выполнять въ болѣе обширныхъ произведеніяхъ, и такимъ образомъ возникъ романъ, который въ развитіи, судьбахъ и испытаніяхъ героя или героини связываетъ цѣлый рядъ подобныхъ картинъ, переплетая ихъ мыслями дѣйствующихъ лицъ или самого поэта. Это вѣдь то же радованіе дѣйствительностью свободнаго народа, и съ ея задушевной, и съ смѣшной ея стороны, какимъ мы наслаждались у нидерландскихъ живописцевъ, но которое является здѣсь только въ поэзіи; тамъ Тербургъ отличался вдумчивымъ, замысловатымъ чувствомъ въ изображеніи тонко-образованныхъ круговъ, а Тѐньерсъ смѣлымъ юморомъ въ обдѣлкѣ болѣе грубой натуры; подобно тому и здѣсь, рядомъ съ затрогивающею сердце задушевностью поэта выступаетъ расчитывающій на смѣшливость читателя веселый юморъ, а въ нѣкоторыхъ мастерскихъ произведеніяхъ, какъ наприм. у Стерна и Гольдсмита, оба элемента сливаются въ одно.

Одинъ мѣщански-незатѣйливый пуританскій типографщикъ ввелъ въ романъ новое направленіе и остался на вѣки памятенъ тѣмъ, что покинувъ фантастическія чудовищности любовныхъ исторій между принцами и принцессами Азіи и Африки, покинувъ древній міръ и рыцарскія времена, вдругъ пригласилъ воротиться на родину и заняться своимъ собственнымъ, домашнимъ бытомъ. Ричардсонъ (1689—1761) отважился покончить на отрѣзъ съ тѣми вздорными нелѣпостями, которыя излагались напыщеннымъ языкомъ, и первый заставилъ говорить природу; онъ изображалъ народу его собственныя страданія и радости, его собственные обычаи и нравы, и дѣлалъ это съ тѣмъ назидательнымъ оттѣнкомъ, какой вообще господствовалъ тогда въ литературѣ; его прозаичность, его широковѣщательность ни мало не поражали людей, восхищавшихся вполнѣ новымъ для нихъ жизненнымъ содержаніемъ, а нравоучительная струя служила замѣной просвѣтляющему повѣ-

ву поэтической идеальности.—Одна бѣдная молодая дѣвушка не только съумѣла устоять противъ всѣхъ ухищреній богатаго соблазнителя, но и чуть не доведенная до отчаянья и до самоубійства успѣла еще своимъ благородствомъ обезоружить и обратить своего преслѣдователя, а потомъ сдѣлалась его женой. Ричардсонъ познакомился съ этой четою дорогой въ путешествіи, и такимъ образомъ сама жизнь, среди которой онъ созрѣлъ, доставила ему содержаніе разсказа, которымъ онъ могъ подкрѣпить склонность къ добродѣтели и благочестію, могъ пріучить падкую на романы публику къ простой и здоровой пищѣ: онъ написалъ свою Памелу, или награжденную добродѣтель. Восемь лѣтъ спустя, явилась въ осьми томахъ его Кларисса, исторія дѣвушки, предназначенная, какъ гласитъ уже и заглавіе, обнять всѣ важнѣйшія отношенія семейной жизни и въ особенности изложить тѣ несчастья, какія возникаютъ отъ неосмотрительности родителей и дѣтей при брачныхъ союзахъ. Милая Кларисса нудится родителями и всей семьею отдать свою руку знатному, но противному ей жениху. Она довѣряетъ это въ письмахъ пріятельницѣ, и бѣжитъ наконецъ къ своему поклоннику, Лёвлесу *. Удивительно по мастерству изображеніе этого барина, во вкусѣ Болинброка и Честерфильда; въ его поступкахъ и въ его умѣ столько же привлекательнаго и вкрадчиваго, сколько отвратительнаго въ его суетномъ легкомысліи; себялюбивый гуляка не вѣритъ въ существованіе женской добродѣтели и хочетъ въ соблазнѣ невинности вполнѣ насладиться своимъ торжествомъ. Кларисса довѣрилась его любовнымъ клятвамъ; теперь должна она стать добычею его похоти; она сопротивляется всѣмъ его соблазнамъ, но она у него во власти, и пріемъ опіума лишаетъ ее самосознанія. Она вся извелась въ благородномъ негодованіи и въ невыносимо-горькой скорби; онъ, терзаемый совѣстью, падаетъ на поединкѣ съ ея дядей. Лёвлесъ превосходно изображенъ съ поэтической стороны, но онъ слишкомъ заинтересовалъ собой читательницъ, и тогда Ричардсонъ рѣшился противопоставить ему истинный образецъ добродѣтели въ своемъ Грандисонѣ. Это диво красоты и душевнаго благородства, съ его не нуждающеюся въ борьбѣ нравственностью, съ его счастіемъ, дающимся ему безъ всякаго труда, прозвали безпогрѣшнымъ чудищемъ; если романъ все-таки не вышелъ скучнымъ, то ужь конечно виноватъ въ томъ не герой, а то искусство живописать душу, какое Ричардсонъ выказалъ здѣсь на двухъ женщинахъ, Англичанкѣ миссъ Байронъ и Итальянкѣ Клементинѣ; обѣ любятъ героя, но тогда какъ одна обнажаетъ все свое сердце съ страстной откровенностью, другая таитъ свою склонность въ глубинѣ души, и такъ-какъ католическая религія перечитъ браку ея съ протестантомъ, то она впадаетъ наконецъ въ меланхолическое помѣшательство.

У Ричардсона есть что-то проповѣдническое, не только въ многословіи, но еще и въ слишкомъ явномъ умыслѣ наставить и исправить; онъ набрасываетъ свои композиціи и рисуетъ свои фигуры съ очевиднымъ намѣреніемъ выставить въ нихъ поученія мудрости и добродѣтели, выставить всю достолюбезность добра, и всю ненавистность порока, предостеречь отъ опасностей,

* Котораго, по французскому произношенію, зовутъ обыкновенно Ловеласомъ. Англійское Lovelace значитъ волокита, или, буквально—люболовъ. Прим. перев.

какими угрожаютъ страсть и соблазнъ, показать, какъ счастливъ благородный въ себѣ самомъ и какое онъ благо для всѣхъ окружающихъ. Онъ идеализуетъ скорѣе съ нравоучительной, чѣмъ съ художественной стороны; никогда не выведетъ онъ васъ изъ душной комнатной атмосферы, онъ утомитъ своей до мелочности обстоятельною живописью, но зато и ознакомитъ въ полной мѣрѣ какъ съ внутреннимъ бытомъ, такъ и съ обстановкою изображаемыхъ имъ людей; онъ не только приставляетъ одну картину нравовъ къ другой, но умѣетъ создать изъ нихъ по обдуманному плану одно связное въ себѣ цѣлое. Онъ до того растрогалъ и восхитилъ своихъ современниковъ, что Руссо́ поставилъ его на одну доску съ Гомеромъ и написалъ свою Элоизу отчасти по его образцу, Дидро̀ сравнивалъ его съ Моисеемъ и съ Эврипидомъ и былъ наведенъ на семейную драму его вліяніемъ, Геллертъ переводилъ его, и самъ Лессингъ не удержался отъ восклицанія: „Кому лучше Ричардсона далось знать, что̀ именно ведетъ къ образованію сердца, ко внушенію человѣколюбія, къ поощренію всякой добродѣтели, и какъ могуча надъ душой власть истины, когда она удостоитъ облечься въ очаровательныя прелести поэтическаго изложенья?“

Но у него вовсе не было юмора, который однакожь такъ сроденъ Англичанамъ, и вслѣдствіе того комизмъ естественно выступилъ дополнительнымъ къ нему противнемъ; „христоматическіе люди“ Ричардсона, такой абстрактный образецъ добродѣтели, каковъ Грандисонъ, разумѣется вызвали пародію, и полнокровная дѣйствительная жизнь противустала его нравонатачливымъ примѣрамъ; это съ сознательнымъ вполнѣ умысломъ дѣлалъ Фильдингъ (1707 — 1754) въ своихъ романахъ. То былъ довольно разгульный человѣкъ, охотнѣе посѣщавшій театръ нежели англійскую кирку, предпочитавшій веселый кабачокъ тѣснотѣ семейнаго счастія, добродушный безпутникъ, который однакожь, благодаря своему повадливому характеру, умѣлъ легко найдтись во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ треволненной жизни. Онъ прежде писалъ летучія театральныя піэски, остроумныя статьи для журналовъ и былъ готовымъ на все товарищемъ Ричарда Стиля; вдругъ ричардсоновъ блестящій успѣхъ подстрекнулъ его написать романы: Джозефъ Андрусъ и Томъ Джонзъ. Онъ мѣтко различаетъ между кажущимся и истиной, между лицемѣрнымъ ханжествомъ и настоящей религіозностью; „притворные и порядочные снаружи, но пустые и неблагородные внутри характеры разоблачаются у него безъ пощады, а непризнанные и неоцѣненные свѣтомъ милые шелопаи входятъ наконецъ въ почетъ и увѣнчиваются побѣдою,“—такъ коротко и вѣрно обозначилъ Геттнеръ сущность его романовъ; при этомъ никогда сама добродѣтель не подпадаетъ у него жалу сатиры, и поэтическое правосудіе караетъ грѣхи легкомыслія не назидательными тирадами, а тѣми затрудненіями, какія они сами себѣ готовятъ и которыя опять-таки вызываютъ остроумную насмѣшку,—другими словами ихъ караетъ самый ходъ житейскихъ дѣлъ. А съ какимъ богатымъ разнообразіемъ развертывается передъ нами вся эта картина, и отнюдь не въ карикатурныхъ чертахъ, но въ описаніи такихъ нравовъ и людей, которые, при требуемой самимъ Фильдингомъ шекспировской застѣнчивости природы, потѣшаютъ насъ своей наивной свѣжестью; комизмъ выходитъ изъ самой дѣйствительности безъ малѣйшаго пересола. При всемъ обиліи содержанія, композиція округляется ясно и граціозно въ одно строго

подчиненное плану цѣлое. Образцомъ здѣсь служили Испанцы, Сервантесъ и плутовскіе романы; ихъ въ особенности напоминаютъ похожденія головорѣза Томъ Джонза, сдающія впрочемъ также и на нидерландскую жанровую живопись какихъ-нибудь Остада и Янъ Стеэна. Тутъ люди слѣдуютъ своимъ прихотямъ, затѣямъ, грезамъ, безразсудствамъ, шалостямъ, но каждый изъ нихъ видимо счастливъ въ своей кожѣ, ни одинъ не чувствуетъ на себѣ тяготы земной, и всякъ, при случаѣ, съиграетъ свою маленькую роль на сценѣ существованія, потомучто всѣ они народъ внутренно способный; это смѣсные характеры, вродѣ напримѣръ неуклюжаго и столь однакожь честнаго въ своей мужицкой простотѣ Андруса, вродѣ радушно-чистаго, но крайне разсѣяннаго и совсѣмъ ушедшаго въ свои книги пастора, вродѣ приличнаго снаружи и такъ внутренно оподлившагося Блейфильда, вродѣ охотницки-грубаго, гордаго своимъ дворянствомъ и однакожь добросердечнаго Вестерна. Женщины носятъ на себѣ печать идеальной человѣчности въ лицѣ прелестно-цвѣтущей Фанни, въ милой и осмѣляемой любовью Софьѣ; но и оборотная сторона прекраснаго пола является намъ въ разныхъ болтливыхъ трактирщицахъ или въ аффектированныхъ и безпутныхъ свѣтскихъ дамахъ. Многое, не только грубое извнѣ, но нехорошее и внутренно, слѣдуетъ отнести не на счетъ поэта, а на счетъ вѣрно изображаемаго имъ времени; вмѣсто того, чтобъ на него пенять, мы, напротивъ, должны радоваться видя, что чистота нравовъ все-таки ростетъ съ образованіемъ, радоваться той нѣжности чувства, какую придаетъ онъ своимъ героинямъ и которая расходится отъ нихъ на весь ближайшій кругъ.

Сліяніе лучшихъ элементовъ Ричардсона и Фильдинга нахожу я въ такомъ произведеніи, которое, далеко уступая имъ по объему и богатству матерьяла, сочетало однакожь милѣйшимъ образомъ живое семейное чувство одного съ веселымъ юморомъ другого: я разумѣю здѣсь „Векфильдскаго викарія“. * Авторъ его, Гольдсмитъ, создалъ себѣ имя между современниками какъ критикъ и историкъ; его романъ упрочилъ за нимъ безсмертіе и все такъ же еще читается черезъ сто лѣтъ, какъ читался при первомъ своемъ появленіи (1766 г.). Замыселъ не отличается, правда, ни чѣмъ особеннымъ, да онъ же притомъ и не безъ невѣроятностей; но за то идиллія пасторскаго дома дѣйствуетъ такъ отрадно и живительно, характеры, каждый въ своемъ родѣ, выполнены дотого вѣрно и естественно, и возмездіе благой волѣ, которая крѣпко стоитъ за добро и подконецъ видитъ свое упованіе на Бога вполнѣ оправданнымъ, придаетъ цѣлому, помимо всякаго набожничества и педантизма, такое надежное основаніе; льнущія даже и къ благороднымъ душамъ смѣшныя иногда мелочи вплетены съ такой лукавой искренностью въ трогательный разсказъ, и во всемъ соблюдена такая строгая, отчетливая мѣра, что эпитафія, которую Джонсонъ написалъ на могильномъ камнѣ автора, его друга, могла справедливо похвалить въ немъ то, что онъ одинаково способенъ возбуждать смѣхъ и слезы, вездѣ являясь кроткимъ властителемъ сердечныхъ чувствъ.

---

* То-есть, подсвященника.

Смѣлѣе и сатирически-рѣзче самого Фильдинга выступаетъ Смоллетъ (1720—1771). Мы видимъ у него передъ собой тѣневую сторону общества, въ то самое время какъ могущество Англіи подымается и ростетъ. Въ кругахъ знати далеко не вездѣ еще исчезли безпутство и разгулъ реставраціоннаго времени; они только прикрашивали себя вольнодумнымъ просвѣщеніемъ и охотно вдавались въ тѣ соблазнительныя хитрости, какія проповѣдывалъ Честерфильдъ; по образцу парижскихъ головорѣзовъ регентства (Roués), и въ Лондонѣ существовалъ „адскій клубъ", гдѣ высокородные кавалеры и дамы кощунственно издѣвались надъ христіанскихъ богослуженіемъ; одинъ изъ нихъ, лордъ Сандвичъ, спрашивалъ товарища своего, Вилкза, какъ онъ думаетъ скорѣе умереть,—на висѣлицѣ или отъ дурной болѣзни. Тотъ сразу отвѣчалъ: это зависитъ отъ того, что̀ я болѣе себѣ усвою, — твои правила, или твоихъ любовницъ. Къ этому присоединялись не только грубыя черты тѣхъ нижнихъ классовъ, которые не брезгаютъ ни чѣмъ естественнымъ и которымъ для веселой бесѣды непремѣнно нужна приправа дешевыхъ распутницъ; въ ту пору изъ низкихъ же именно круговъ многіе, наживались взятками въ Индіи, возвращались домой въ качествѣ Набобовъ прокучивать свое богатство съ куртизанками или на игру въ кости, а потомъ мыкаться по улицамъ за вольною добычей и на худой конецъ повершать свою карьеру на висѣлицѣ. Вотъ эти-то черты быта, въ противоположность политической свободѣ и величію, нравственной строгости пуританъ и квакеровъ, чливости въ среднемъ промышленномъ классѣ, нѣжному образованію сердца и лучшимъ вообще элементамъ высшихъ круговъ, драстически-рѣзко изображаетъ намъ Смоллетъ въ своихъ романахъ: Рандомъ, Перегринъ-Пикль, Гёмфри Клинкеръ. Цѣлое держится у него, правда, только на единствѣ главнаго лица, какъ въ плутовскомъ романѣ у Испанцевъ; и въ кривомъ зеркалѣ его са̀тиры иная фигура становится просто карикатурой, своевольный юморъ врывается въ восторги чувственной любви ни съ чѣмъ несообразною часто шалью, какъ будто бы нарочно для того, чтобы затоптать въ грязь всякую общепринятую стыдливость, а съ другой стороны преступленія и порокъ клеймятся между-тѣмъ въ самыхъ потрясающихъ душу сценахъ, и черезъ весь романъ проходитъ та мысль, что счастіе человѣка зависитъ не отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а отъ свойства его собственной души. Смоллету впрочемъ далеко̀ до Фильдинга: передъ нимъ онъ грубъ съ художественной, да и съ человѣчной стороны; прошла пора, когда его читали изъ-за эстетическаго наслажденія; Фильдингъ же, напротивъ, принадлежитъ къ безсмертнымъ.

На ряду съ нимъ и Лоренсъ Стернъ (1713 — 1768), первый мастеръ юмористическаго романа въ Англіи; * безъ сатирической горечи, а напротивъ съ какою-то кроткой сердечностью смотритъ онъ на смѣшныя стороны свѣта, раскрывая по ихъ поводу лиризмъ своей поэтической души, и во всемъ, надъ чѣмъ бы онъ ни шутилъ, всегда указываетъ ту долю непод-

---

* Позволимъ себѣ замѣтить, что Фильдингъ никогда не утомляетъ излишней затѣйливостью своего юмора, какъ это случается иной разъ съ Стерномъ. Прим. перев.

дѣльной истины, которая даетъ ему право на существованье. Нигдѣ не хочетъ онъ увѣрить насъ съ озлобленнымъ презорствомъ, будто весь міръ только гнилой или пустой свищъ; напротивъ, среди иголъ и терній, онъ вездѣ высматриваетъ сладкій плодъ, благоуханный цвѣтъ, и принимая во всемъ искренное участіе обнаруживаетъ и въ незначительныхъ съ виду вещахъ то, что въ нихъ вѣчно и полноцѣнно. Циническая грубость чередуется у него съ самымъ мягкимъ чувствомъ, и давая этимъ элементамъ отражаться одному въ другомъ, онъ именно и переплетаетъ смѣшное съ трогательнымъ. Какъ очаровательны его письма къ Индіанкѣ Элизѣ! Какъ мастерски въ своемъ „Сантиментальномъ путешествіи" возбуждаетъ онъ тончайшими чертами нашъ интересъ къ любому явленію и раскрываетъ намъ, какъ много содержанія и значенья лежитъ въ самыхъ обыкновенныхъ даже людяхъ и встрѣчахъ, если мы только съумѣемъ принять ихъ какъ слѣдуетъ, вникнуть въ нихъ отъ души и вполнѣ насладиться ими! Мало есть такихъ милѣйшихъ книгъ, написанныхъ съ этимъ сердечнымъ остроуміемъ. Для мечтательныхъ душъ въ Англіи она имѣла то же самое значенье, какое Новая Элоиза во Франціи, а Вертеръ у Германцевъ. Въ романѣ Стерна „Тристрамъ Шанди" конечно много странностей, а композиція можно-сказать ничтожна; въ нѣсколькихъ томахъ поэтъ едва переходитъ за рожденіе героя; но какой обильною жемчужною струей бьетъ здѣсь неистощимый его юморъ, какъ превосходно нарисованы характеры родителей, дядя Тòби, капралъ его Тримъ и пасторъ Іорикъ, этотъ противень поэта, названный такъ по имени того королевскаго шутà у Шекспира, котораго черепъ поднялъ Гамлетъ и разсматривалъ съ грустнымъ воспоминаніемъ о шуткахъ, выходившихъ изъ цвѣтущихъ нѣкогда устъ покойника! Чтò за раздумчивый копотунъ отецъ и что за истый солдатъ этотъ окалѣченный дядя, разъигрывающій съ своимъ старымъ капраломъ въ саду любую осаду, о которой прочтетъ въ газетахъ; какъ разсудительны оба они въ своихъ глупостяхъ, какъ не надивится каждый лучинкѣ въ глазу другого, не замѣчая и бревна въ своемъ собственномъ, какъ каждый потѣшается надъ чудачествомъ товарища, и невсилахъ однакожь идти ему наперекоръ! Каждый скачетъ на своей палочкѣ, думая молодцомъ сидѣть на конѣ, и не терпи человѣкъ подчасъ отъ кое-какихъ наростовъ на добрыхъ своихъ качествахъ, у него, значитъ, и качества-то эти не совсѣмъ надежны. Когда вскорѣ послѣ Винкельмана умеръ Стернъ, у Лессинга невольно вырвался отзывъ: Вотъ и еще опять человѣкъ, которому бы я охотно уступилъ годокъ-другой своей жизни. Ближайшею ему родней по духу былъ Жанъ-Поль, и Гёте сказалъ объ немъ: Его юморъ освобождаетъ душу; почитавъ его, каждый тотчасъ чувствуетъ себя вольнѣе и прекраснѣе; онъ рисковалъ дойдти до дерзости, не уравновѣшивай всегда благородное доброжелательство его смѣлыхъ порывовъ. Уже глубокимъ старцемъ, писалъ онъ къ Цельтеру, что Стернъ и Гольдсмитъ подѣйствовали на его развитіе больше многихъ другихъ. „Эта высокая и доброжелательная иронія, эта справедливость при самомъ подробномъ и внимательномъ осмотрѣ, эта кротость передъ всякой непріятностью, эта ровность духа при всѣхъ возможныхъ перемѣнахъ, воспитали меня какъ нельзя лучше; да и надо же наконецъ сказать, что вѣдь только этого рода помыслы и возвращаютъ насъ на истинный путь ото всѣхъ житейскихъ заблуж-

деній". Мы можемъ прибавить отъ себя, что эти помыслы господствуютъ также и въ „Ученическихъ годахъ Вильгельма Мейстера", дѣйствуя опять-таки образовательно на самихъ насъ.

Драматурги Лилло и Кёмберлендъ стоятъ гораздо ниже романистовъ. Какъ ни сильно повліялъ на тогдашнюю жизнь выставленный первымъ портретъ лондонскаго купца, попавшаго въ сѣти куртизанки, дошедшаго вслѣдствіе того до преступленія и кончившаго вмѣстѣ съ ней на эшафотѣ; какъ ни превосходны кемберлендовы характеристики Еврея Схевы, капитана Айронсайда (то-есть Желѣзное ребро), мы не поднимаемся тутъ выше прозы, выше уголовнаго разсказа, выше той пошлой обыденности, для которой борьба на жизнь и смерть вовсе ужь не по силамъ. Но все же и для французской и для нѣмецкой литературы было весьма важно то, что въ передовой тогда англійской среднесословный элементъ и реалистическій способъ изложенія заступили мѣсто античныхъ и восточныхъ царей, являвшихся не иначе какъ на ходуляхъ и риторски декламировавшихъ александрійскимъ только стихомъ.

Настоящимъ ровнею Смоллету былъ Гогартъ (1697—1764), напоминающій однакожь и сатирическую рѣзкость Свифта. Англія удовлетворялась до сихъ поръ покупкою отличныхъ произведеній итальянской живописи, или вызовомъ къ себѣ такихъ художниковъ какъ Гольбейнъ и ванъ-Дейкъ. Никакой отечественной школы еще не выработалось, и потому англійская живопись колебалась между попытками безстильнаго натурализма и подборомъ художническихъ пріемовъ и средствъ различныхъ мастеровъ, а это по образцовому примѣру Рейнольдса повело къ тѣмъ вялымъ среднимъ формамъ, которыя, стараясь избѣжать случайнаго и мелкаго, утрачивали вмѣстѣ съ тѣмъ всякую индивидуальность. Въ противоположность этому Гогартъ налегъ именно на то, что̀ характеристично, и старался схватить его даже чуть не на рубежѣ карикатуры. Всего менѣе давалось ему благородство красоты, а также и простая безпредубѣжденность ненарадующагося своимъ дѣломъ художника; умыселъ, назиданіе, нравоучительность господствуютъ и у него, но надо сказать, онъ изобрѣтателенъ, остроуменъ, полонъ захватывающей васъ энергіи. Онъ документальный изобразитель нравовъ, обычаевъ, нарядовъ тогдашней Англіи; благодаря ему, передъ нами стоятъ, какъ живые, парламентскіе выборы, праздничныя попойки, пѣтушьи бой, какой-нибудь пэръ съ своей знатною леди, лордъ-мэръ и судебный сторожъ, игроки и безпутныя дѣвчонки, трактиры и исправительные дома́; онъ искалъ и находилъ въ дѣйствительности такія фигуры, которыя могутъ слыть психологическими типами; но картины его жестки въ колоритѣ, а гравюры смахиваютъ на карикатурное. Жизнь лѣнтяя и прилежнаго, Бракъ по модѣ, Судьбы развратныхъ, уже самымъ своимъ заглавіемъ указываютъ на преднамѣренность, тенденціозность, и въ исполненіи обращаются болѣе къ разсудку, нежели къ фантазіи, предоставляя первому угадывать разнаго рода намеки и соотношенія; на картины другихъ художниковъ просто смотришь, а его картины надобно читать, говоритъ Лемъ (Lamb); и геніальное остроуміе такого объяснителя какъ Лихтенбергъ дѣйствительно взялось за ихъ истолкованье, но чуть ли сообщило живописцу не болѣе, чѣмъ само отъ него получило. Странно, что по теоріи Гогартъ особенно имѣлъ въ виду формальную кра-

соту и находилъ ее въ волнистой линіи, этомъ текучемъ соприкновеніи устойчивости съ перемѣной, единства съ разнообразіемъ, предостерегая однако тутъ же не забыть, что внѣшнее явленіе должно вполнѣ отвѣчать внутреннему характеру.

Закончимъ свой обзоръ критиковъ этой эпохи Самуиломъ Джонсономъ. Путемъ труда богатырски высвободился онъ изъ-подъ гнета бѣдности и навсегда остался суровымъ чудакомъ, самодѣльнымъ человѣкомъ въ такомъ свѣтѣ, гдѣ работы предстоитъ еще бездна, а познанія крайне ограничены, врагомъ всякаго лицемѣрнаго блеска, доходившимъ до грязнаго неряшества въ собственной своей наружности, полнымъ грубоватой прямоты и, благодаря именно этому, какой-то существенной, своебытной силы. Онъ стоитъ за разсудочную ясность въ формѣ и содержаніи; восхищаясь Аддисономъ и Поппомъ, онъ порицаетъ Шекспира за то, что нравственно-высокіе помыслы встрѣчаются у него какъ бы случайно, а не съ положительнымъ преднамѣреньемъ, что онъ не соблюдаетъ правилъ искусства, многое мотивируетъ не довольно ясно; но за тѣмъ онъ въ полномъ восторгѣ отъ живой истины характеровъ и страстей; онъ признаетъ что единство времени и мѣста—только вспомогательное средство къ единству дѣйствія, а вовсе не существенный законъ драмы. Обновитель Шекспира на театральной сценѣ, Гаррикъ, былъ джонсоновымъ ученикомъ. Одинъ изъ почитателей Джонсона, Босвель, заносилъ много лѣтъ сряду въ свой дневникъ всѣ переживы, особенности и бесѣды ученаго, и составилъ изъ этого многочитаемую и донынѣ книгу. Въ 1851-мъ году англійскіе литераторы обратились въ парламентъ съ ходатайствомъ о пенсіи бѣднымъ родственникамъ Джонсона, и въ ихъ представленіи можно, мнѣ кажется, узнать карлейливо краснорѣчивое перо; тамъ между прочимъ говорится: Въ его трудахъ и въ его жизни было что-то истинно-геройское, заслуга его не ограничивается одною литературой: Словарь, писанный имъ на бѣдномъ сосновомъ бюро̀,—великолѣпное достояніе всего англійскаго народа, и онъ не филологическій только трудъ; этотъ словарь въ полномъ смыслѣ архитектониченъ: со стороны массивной прочности плана, неослабной исправности и вѣрности исполненія, геніальной прозорливости, величія характера и ума едва ли можно поставить на ряду съ нимъ какую-нибудь другую книгу; это въ своемъ родѣ тотъ же Павловскій соборъ *.

---

* Который англійскіе патріоты готовы счесть осьмымъ чудомъ свѣта. Прим. перев.

БОРЬБА ВОЛЬНОМЫСЛЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Регентство и Рококо.

Во времена Ришельё и Людовика XIV-го все во Франціи носило на себѣ величавый покрой; и жизнь и литература пріобрѣли твердую устойчивость, съ верху исходили норма, правило, а фантазія имъ подчинялась; изъ Парижа распространялись на Францію и даже на всю (западную) Европу здравый разсудочный смыслъ и образованный вкусъ. Вслѣдъ за тѣмъ регентство герцога Орлеанскаго ослабило всѣ сдержки нравственной и эстетической дисциплины. Но съ упадкомъ дворянства поднялось среднее сословіе; умъ и сердце стали высвобождаться изъ-подъ легкомысленной игры въ произволъ.

Еще за послѣдніе годы Людовика XIV-го въ смыслѣ цѣлой Франціи началъ дѣйствовать Сентъ-Эвремонъ. Изъ-за мелочныхъ язвительныхъ ссоръ іезуитовъ съ янсенистами онъ высмотрѣлъ, что тамъ и здѣсь у спорщиковъ равно прячется властолюбіе; онъ же, напротивъ, полагалъ сущность религіи въ благомысліи и въ добрыхъ дѣлахъ, а отнюдь не въ вѣроисповѣдныхъ тонкостяхъ; отъ поисковъ любопытнаго ума, отъ полетовъ заносчивой мысли, религія думалъ онъ, должна воротиться въ самую глубь сердца, вникнуть въ кроткія движенія любви. Христіанство—совершеннѣйшая изъ религій потому, что она проповѣдуетъ самую чистую нравственность. Съ другой стороны, Фонтенéль внесъ въ народное сознаніе идеи Коперника и Декарта. Его рѣчи въ память умершимъ академикамъ, помимо всѣхъ личныхъ подробностей, выходили популярною исторіею наукъ и распространяли въ высшихъ слояхъ общества энциклопедическое образованье. Онъ говорилъ, что въ виду такого множества чудесъ и необъяснимостей, надъ которыми люди или ломаютъ себѣ голову, или смиренно поникаютъ ею, надо напередъ вникнуть въ самое дѣло, прежде чѣмъ доискиваться его причинъ, а и того менѣе добиваться ихъ для такихъ вещей, которыхъ на дѣлѣ вовсе не существуетъ; онъ при этомъ любилъ повторять разсказъ о томъ, какъ въ 1593-мъ году въ Силезіи вырвали у одного ребенка золотой зубъ и какъ въ спорѣ изъ-за этого чуда написано было много толстыхъ книжицъ, пока зубъ не попалъ въ руки къ золотыхъ дѣлъ мастеру, который тотчасъ же узналъ, что онъ лишь искусственно покрытъ листочкомъ золота. Дѣло мысли въ томъ именно и состоитъ, чтобы видѣть вещи, какъ онѣ есть, вопреки ложной оболочкѣ.

Этотъ разлагающій процессъ между тѣмъ, что̀ есть и что̀ только кажется, провелъ далѣе Бейль (1647 — 1706), критическій умъ, которому бросались въ глаза недостатки, напасти и противорѣчія какъ самой жизни, такъ и общепринятыхъ ученій, и который обличалъ ихъ съ проницательной рѣзкостью. Подобно тому какъ Абелардъ въ своемъ Да и Нѣтъ нѣкогда противопоставилъ другъ другу различныя изреченія святыхъ отцовъ, какъ Оккамъ выставилъ положеніе, что одно и то же можетъ быть истинно въ бо-

гословіи, а въ философіи ложно, или же наоборотъ, такъ точно и Бейль выводилъ противъ унаслѣдованныхъ догматовъ цѣлую рать умственныхъ сомнѣній, и потомъ дѣлалъ видъ, что разумъ его отдается въ плѣнъ вѣроученію, будучи не всилахъ постичь непостижимое; а у читателя между тѣмъ все таки оставалось въ головѣ жальце, не правъ ли вѣдь пожалуй и разумъ съ своей стороны, и не льзя ли отвергнуть неразумное, какъ прямо несбыточное и невозможное. Въ мысляхъ Бейля о кометахъ уже высказано между прочимъ положеніе, что невѣріе все-таки лучше суевѣрія, такъ-какъ послѣднее всегда выступаетъ съ готовою на гоненья, ненавистливою исключительностью; а государство можетъ оказать терпимость даже и атеистамъ, въ виду того что они сами не преслѣдуютъ другихъ. Въ защиту протестантамъ написалъ онъ памфлетъ: Принудь ихъ войдти; здѣсь онъ прямо спрашивалъ: Какъ, передъ всѣми ужасами инквизиціи, посудить о христіанствѣ? Не подумаешь ли, что это самая кровожадная изъ религій, которая для проведенія своего гнета надъ совѣстью не останавливается ни передъ ложью и обманомъ, ни передъ кострами и драгонадами? Бейль началъ издавать журналъ: Новости изъ республики наукъ (Nouvelles de la république des Lettres), который обращался не къ однимъ ученымъ, какъ тогдашніе англійскіе и нѣмецкіе ежемѣсячники, а ко всѣмъ образованнымъ людямъ вообще. Но настоящимъ трудомъ всей его жизни былъ историко-критическій Словарь, эта великая оружейница для борцовъ 18-го вѣка. Здѣсь полигисторъ и скептикъ работаютъ заодно. Въ небольшихъ, живо-написанныхъ статьяхъ обсуждаются религіозные и политическіе вопросы, изображаются великіе люди древнихъ и новыхъ временъ въ ихъ дѣйствіяхъ и взглядахъ на вещи. При этомъ и утвержденіямъ философовъ, и церковнымъ ученіямъ, и историческимъ повѣствованіямъ Бейл, вездѣ противопоставляетъ свои сомнѣнія, недоумѣнія, опроверженья, разбивраетъ вещи со стороны ихъ реальности или мыслимости, выводитъ наружпротиворѣчія здравому человѣческому смыслу. Разумъ и преданіе оказывауются непримиримыми; послѣднему предоставляется для виду существоватьно внутри оно подкопано и разложено совершенно.

Если рядомъ съ бейлевымъ словаремъ мы сопоставимъ такъ-называемую Синюю Библіотеку *, то-есть сказочную литературу, въ томъ видѣ какъ пустилъ ее въ ходъ Перрò (Perrault), начавъ въ 1697-мъ году съ „Разсказовъ нашей матки гусыни“ (Contes de ma mére l'oie), и сообразимъ, какъ усердно принялись за нее вскорѣ и мужщины и женщины во Франціи, то поводъ къ этому явленію найдемъ въ томъ, что чудеса, опровергаемыя Бейлемъ, сказка откровенно превращала въ игру фантазіи, что склонность человѣка баснословить развертывалась здѣсь на просторѣ въ своей собственной области, въ области воображенья, и отстаивала ея неотъемлемыя права передъ той трезвой разсудочностью, какою въ сферѣ искусства былъ пропитанъ дворски-вѣжественный классицизмъ, и это именно тогда какъ въ дѣйствительности всѣ требовали владычества законовъ и испытующаго разума. Старокельтійскій міръ фей, былины древнихъ Франковъ перешли теперь изъ устъ простонародія въ литературу, которая со времени обновле-

* Прозванную такъ по цвѣту обложки. Прим. перев.

нія древности или позабывала ихъ, или умышленно пренебрегала. Предтеча братьевъ Гриммовъ, Перрò съ необыкновенной чуткостью выбралъ перлы сказочнаго міра,—Шиповникъ и Замарашку, Мальчика съ пальчикъ и Кота въ сапогахъ, и передалъ все это съ ребяческою простотою. Тогда ни кто еще и не гадалъ, что тутъ слышатся поздніе отголоски древнихъ вѣрованій, естественныхъ миѳовъ и старыхъ богатырскихъ былинъ; но нравственно-благородный смыслъ и граціозная игра фантазіи въ этихъ сказкахъ невольно очаровывали всѣ воспріимчивыя сердца.

Съ 1715-го года замерла во Франціи сильная рука монарха, которая подконецъ ожесточилась и отдалась на службу поповскимъ замысламъ. Іезуитамъ предоставлены были проповѣдническія каѳедры и исповѣдальни, янсенисты сами сдѣлали себя посмѣшищемъ, добиваясь своему набожничеству торжественнаго подтвержденія путемъ чудесъ, а между тѣмъ гнали Богъ вѣдаетъ за что такого благороднаго человѣка какъ Ролленъ, изложившаго исторію древняго міра съ сердечнымъ участіемъ ко всему прекрасному и указывавшаго въ ней вышній промыслъ. Во время регентства герцога Орлеанскаго аристократія дерзко сбросила съ себя личину моднаго ханжества; безстыдно выставила она на показъ все гадкое свое распутство; необузданная и вмѣстѣ раболѣпная внутри—потомучто только самообладаніе и образованность даютъ настоящую свободу, — она подпала суевѣрію разныхъ дѣлателей золота, духовидцевъ и гадальщицъ, а между тѣмъ приправляла свои оргіи богохульствомъ и кощунскими насмѣшками надъ религіей. Ктому же черезчуръ смѣлыя финансовыя операціи Лò (Law) втянули въ отчаянную биржевую игру все французское общество, и довольно было немногихъ бурныхъ лѣтъ для того, чтобы перевернуть вверхъ дномъ имущественныя отношенія, пустить пò міру тысячи богачей и наоборотъ обогатить тысячи бѣдныхъ. Третье сословіе, отличаясь сравнительной чистотою нравовъ, прилежаніемъ и производительностью, теперь замѣтно поднялось, движимая собственность пріобрѣла самостоятельное значеніе, и литература вольномысленнаго просвѣщенія получила возможность развиваться.

Вся внѣшняя обстановка тогдашней знати и форма ея искусства прозваны „рококо"; слово это очевидно кудреватый росчеркъ существительнаго гос, скалà, и означаетъ, подобно бароку и гротеску, пеструю игру линій и красокъ въ искусственномъ гротѣ изъ раковинъ, гдѣ случайные узоры природы разукрашаются на произвольный уже ладъ. Рококо, это—минутное настроеніе, геніальная прихоть, игра закономъ, шутливая мелочность въ противовѣсъ той пышной серьезности, той важной строгомѣрности, какими отличался вѣкъ Людовика XIV-го. Величавое волосяное зданіе, высившееся уступами надъ головою дамъ, и въ видѣ парика изъ одеревенѣлыхъ локоновъ надъ головою кавалеровъ, внезапно подобралось, сократилось, и нарядныя ленточки, развѣвающіяся напудреныя букольки обрамили подрумяненныя лица, которыя пестрились для контраста черно-тафтяными мушками, и самодовольно выставляли на показъ одинаковый для всѣхъ поголовно блескъ какого-то юношескаго старчества; мѣсто сильно накрахмаленныхъ воротниковъ и маншеттъ заступила легкая волна тонкихъ кружевъ, мѣсто шлейфа — топыристое въ цвѣтахъ платье поверхъ фижмъ на женщинахъ, тогда какъ мужщины жемани-

лись и выплясывали въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ, съ щегольскою шпагой при бедрѣ; все это было нарядно, кокетливо и вмѣстѣ сладострастно. Мѣсто пышной залы для великолѣпныхъ выходовъ занялъ теперь будуаръ съ мягкими, волноизгибистыми софами и креслами для тайныхъ радостей любви и для той откровенной болтовни между друзьями, которая, какъ бабочка, перепархиваетъ съ цвѣточка на цвѣтокъ. И вотъ эти-то мелочныя затѣи туалета, эта вполнѣ подходящая къ нимъ мебель, даютъ теперь тонъ всему; это ужь не отголосокъ стиля какихъ-нибудь великихъ, монументальныхъ произведеній, напротивъ—тутъ слѣдуютъ только прихотливому настроенію заказчика или техника, который смѣло идетъ наперекоръ и данному матерьялу и самой цѣли вещи, нарочно избѣгая въ виртуозности обдѣлки и въ неудержной игривости формъ всего правильнаго, спокойнаго, и отражая какъ въ зеркалѣ только одно—шаткую разнузданность современной жизни. Изъ Китая появился въ Европу фарфоръ, и его стали теперь поддѣлывать въ Мейсенѣ и потомъ въ Севрѣ; полупрозрачный, легкій, вызывающій свѣтлымъ своимъ фономъ на позолоту и на расцвѣченіе блѣдными красками поверхъ глазури; это былъ самый подходящій матерьялъ для чайниковъ, чашекъ, тарелокъ, для этажерныхъ бездѣлушекъ и художественныхъ куколокъ, которыя ставились на камины и столы. Изъ Мейсена фарфоровый этотъ стиль перешелъ въ Севръ и въ Парижъ. Вздумали и мраморъ обдѣлывать точно такъ же, какъ мягкую фарфоровую глину, и вотъ Сàтиры запировали съ Нимфами, влюбленные боги стали въ разныхъ превращеніяхъ ухаживать за земными красотками по берегамъ ручьевъ и прудовъ, въ древесныхъ кущахъ или въ гротахъ. Художникъ-столяръ, мастеръ-обойщикъ и драпировщикъ изящно украсили будуаръ, и для салона рококо дѣйствительно имѣетъ свое право и свою прелесть; декораціи его перенесли теперь и на внѣшность зданія, гдѣ роскошно-волнистыя линіи съ убранствомъ изъ раковинъ и гирляндъ закрыли отъ глазъ и разрѣшили въ однѣ прикрасы все простое, прямое, конструктивно-значительное. Ни гдѣ не выполнено это такимъ геніальнымъ образомъ, какъ въ дрезденскомъ Звѣринцѣ. Пышная декорація бальной залы выполнена здѣсь изъ камня на открытомъ воздухѣ, человѣческія фигуры и листва живо продолжаютъ собой движеніе архитектоническихъ силъ, и благодаря этому цѣлое является въ органической связи, — поистинѣ удивительный памятникъ времени Августа Сильнаго и Авроры Кёнигсмаркъ. Но настоящими мастерами той эпохи были вовсе не архитекторы, а скорѣе ювелиръ, табатерочный и опахальный живописецъ; пастухи, пастушки, амуры и разныя любовныя сцены, описанныя Овидіемъ, движутся въ рукахъ у дамъ, которыя, жаждя нѣжнаго свиданія, освѣжаютъ себѣ вееромъ грудь и щеки. Гравюра покидаетъ твердый штрихъ и подскабливаетъ мѣдную доску для свѣтовыхъ и тѣневыхъ эффектовъ, а пастельная живопись мажетъ цвѣтнымъ мѣломъ по бумагѣ для передачи мимолетной прелести тѣхъ лицъ, которыя посредствомъ пудры и притираній сами обратили въ одинъ пустой блескъ все рѣзко-опредѣленное и характерное, чѣмъ надѣлила ихъ мать-природа. Искусство дѣйствуетъ еще отрадно тамъ, гдѣ подражаетъ кисти Корреджіо, его очаровательной свѣтотѣни, его полнымъ внутренняго чувства фигурамъ, которыя какъ фигуры Хладнаго возникаютъ и зыблются на звуковыхъ волнàхъ.

Подобное настроеніе не требуетъ ни религіозныхъ, ни свѣтско-историческихъ картинъ, да ихъ рѣдко и доводится искажать тогдашней безстильности; зато безпрестанно снимаются на портретахъ щеголи-маркизы и томно-тающія дамы съ сладкими улыбками; а не то какой-нибудь Буше́ напишетъ имъ условный міръ фей, пастушескую сцену среди розовато-голубого пейзажа, безъ всякаго чутья природы, но не безъ намека на соблазнъ и съ истинно-виртуозною обдѣлкой блестокъ и шумихи. Онъ умеръ надъ картиною: Венера за туалетомъ. Настоящимъ мастеромъ той эпохи былъ неоспоримо Ваттò. Онъ былъ живописцемъ оперныхъ декорацій и выполнялъ все нàотмашь, легко, и однакожь пріятно. Какъ живописца галантерейныхъ праздниковъ, академія приняла его въ свои члены; чувственная прелесть и кокетливая миловидность соревнуютъ другъ другу въ его произведеніяхъ; тутъ высшее общество, то живописно разодѣтое въ свой собственный костюмъ, то переряженное въ аркадскихъ пастушковъ, то наконецъ въ маскахъ Итальянской комедіи, разгуливаетъ беззаботно-весело по цвѣтущимъ садамъ, гдѣ плещутъ водометы, гдѣ купы тѣнистыхъ деревъ и сладострастныя группы статуй на заднемъ планѣ такъ и манятъ къ наслажденію. И жизнь и искусство обратились теперь въ потѣшную игру, и ни кому не приходитъ въ голову, что всѣ пляшутъ на волканѣ. Патерè смѣло пишетъ даму, у которой молодой господинъ ищетъ блохъ, а Ванлоо—Сарру; которая ведетъ полунагую Агарь, какъ сводня похотливую куртизанку, въ объятія стараго восточнаго сластолюбца, а этотъ самъ указываетъ имъ на мягкую постель. Уже Дидрò находилъ, что живописецъ этотъ надѣленъ фантазіей такого человѣка, который всю жизнь свою провелъ въ публичныхъ домахъ: „Ничтожное кривлянье, миловидничанье, аффектація, румяны, мушки,—у него въ ходу весь туалетный приборъ; никогда не обратится онъ къ затишью природы, всѣ композиціи его—шумиха, и притомъ невыносимая". Въ противоположность этому, Шарденъ выступилъ художникомъ третьяго сословія; въ небольшихъ безпритязательныхъ картинкахъ изображалъ онъ мѣщански-простую семейную жизнь,—мать, которая учитъ молиться свою маленькую дочку, —хозяйку, заносящую въ счетную книгу свой дневной расходъ, — прачку, прилежно занятую стиркою, тогда какъ ея мальчуга весело пускаетъ мыльные пузыри.

Въ поэзіи, младшій Кребильіонъ изображалъ легкомысленный порокъ съ тѣмъ особеннымъ самодовольствомъ, которое смотрится въ зеркало, чтобы насытить взоръ похотливымъ чувственнымъ соблазномъ; романы его полны геніально-тонкой наблюдательности и остроумія, но онъ расточаетъ свой талантъ на грязный матерьялъ; заблужденія ума и сердца являются у него тѣмъ, чтò разумѣется само собою, и какая-нибудь „Софà" разбалтываетъ все, чтò происходило на пухлой ея подушкѣ и чего она тутъ наслышалась. Преемникъ Лафонтена, Грессè, потѣшаетъ стихотворною распущенной болтовнею. Его попугай Верверъ—любимецъ и нравственный питомецъ монахинь; но разъ послали его на кораблѣ изъ одного монастыря въ другой; тутъ перенялъ онъ у матросовъ разные словообороты и выраженія, и плутовски-лукаво описывается потомъ, дочего онъ этимъ напугалъ новыхъ своихъ хозяекъ. Какимъ образомъ въ прогнившемъ насквозь обществѣ, лишенномъ всякихъ идеальныхъ цѣлей, даровитый человѣкъ становится отъ скуки злымъ,

ищетъ удовольствія отличиться злорѣчіемъ и предательствомъ, это Грессè изобразилъ въ своей комедіи „Злецъ“ (Le méchant); въ мастерскихъ картинахъ изъ современной жизни разливаетъ онъ ту презорную шутливость, которая вошла тогда въ хорошій тонъ и легкомысленно издѣвалась надъ самыми серьёзными вещами, чтобы только выказать свое вольномысліе. Подобно тому, и аббатъ Превò (Prevost) становится выше окружающаго его свѣтскаго общества, знакомя своихъ современниковъ въ очеркахъ и анекдотахъ съ Англіей и съ ея литературой, или изображая французскую жизнь въ своемъ романѣ „Màня Лескò“ (Manon Lescot) и рисуя въ немъ картину души, истинно-типическаго значенія и поразительной правды. Онъ перевелъ Ричардсона, былъ монахомъ, бѣжалъ изъ монастыря, страстно полюбивши одну протестантку, но не отважившись вступить съ ней въ бракъ, изъ уваженія къ своимъ орденскимъ обѣтамъ; такимъ образомъ самъ онъ пережилъ ту страсть, которую такъ живо описалъ; какъ издатель многотомнаго Собранія путешествій, онъ ознакомился со множествомъ разныхъ странъ и народовъ, до дикарей включительно, и умѣлъ воспользоваться этимъ въ своемъ романѣ. Послѣдній прославляетъ вѣрную любовь одного знатнаго юноши и одной парижской гризетки; ни заточеніе, ни крайняя нужда не всилахъ разлучить ихъ другъ съ другомъ, но правда, мы при этомъ должны помириться какъ съ обыкновенной вещью, съ той низостью, что знатный кавалеръ становится шулеромъ, а его милая отдается богатому старику-сластолюбцу. Послѣ того, въ Америкѣ, Маня Лескò выходитъ добродѣтельной женою, и если подконецъ истинная любовь заявляетъ себя и въ самой смерти, то рядомъ со грѣхомъ мы видимъ здѣсь его очищеніе, да притомъ же и въ грѣхѣ господствовала любовь, такъ что весь романъ сводится къ примирительному заключенію,—а это характерическая черта настоящаго искусства.

Обòкъ съ безпутною дворянскою литературой, средній классъ находитъ словомолвцевъ себѣ въ такихъ людяхъ, которые уже явно примкнули къ Англичанамъ. Маривò, по примѣру Аддисона, издаетъ французскаго зрителя, изображаетъ въ маленькихъ картинкахъ нравовъ и въ объемистыхъ романахъ торжество добродѣтели надъ всѣми нападками соблазнительнаго порока. Детушъ ставитъ себѣ задачей очистить театральную сцену отъ легкомысленныхъ шалостей и сочиняетъ трогательныя, нравоучительныя піэсы, основывая ихъ на подлинныхъ происшествіяхъ, а Нивелль де-ла-Шоссê, наперекоръ разврату высшихъ классовъ, полагаетъ мысль о святости брака въ основаніе своимъ. Семейная жизнь третьяго сословія сдѣлалась предметомъ серьёзныхъ поэтическихъ произведеній, и унаслѣдованный изстари классическій шаблонъ уступаетъ мѣсто болѣе свободной формѣ, порождаемой самòю дѣйствительностью. Эстетики все еще тѣхъ мыслей, что для трагедіи пригодны только герои да цари, а потому всѣ серьёзные конфликты мѣщанской драмы стараются свести на веселое окончаніе, и въ такомъ случаѣ называютъ ее comédie larmoyante, то-есть „слезною комедіей“. Нѣкоторыя комедіи доходятъ однакожь и до полной свободы юмора; таковъ напримѣръ „Гордецъ“ (Le glorieux) Детуша: этому тщеславному дворянчику нѐчего перекусить, и вотъ онъ сватается къ дочери богатаго, съ большими претензіями, мѣщанина; шутка комика столько же бичуетъ ни на чемъ

не основанную спѣсь кавалера, все-таки вынужденнаго ластиться къ милліонщику, надъ которымъ онъ смѣется, какъ, съ другой стороны, и выскочку изъ мѣщанъ, который, ненавидя душой дворянство, тѣмъ не менѣе силится подражать ему; эта мелкая война двухъ классовъ общества чрезвычайно забавна. Многопишущій острякъ Пиронъ доходитъ одинъ разъ, подобно старику Кратину въ Аѳинахъ (II, 235), до веселой ироніи надъ самимъ собою, когда въ своемъ „Риѳмонеистовствѣ" (La Métromanie) онъ съ самой шаловливой рѣзвостью представляетъ въ пестрой чередѣ сценъ, какъ, изъ любви къ стихотворству, иной, то-есть здѣсь самъ авторъ, готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать.

Значительнѣйшимъ писателемъ этой поры, человѣкомъ котораго могутъ оспоривать другъ у друга и Мольеръ и литература вольномысленнаго просвѣщенія, былъ Ренѐ Лёса̀жъ (1668—1747). Классическая школа временъ Ришельё и Людовика XIV-го завѣщала ему смыслъ къ ясности, къ разсудительной мотивировкѣ и къ искусному округленію композиціи; а вліяніе Испанцевъ съ ихъ полножизненностью въ романтической драмѣ, съ ихъ живою правдой въ романѣ доставило Лёсажу неисчерпаемое богатство матерьяла и открыло ему глаза на непосредственную дѣйствительность, испортившуюся вконецъ по сю и по ту сторону Пиренеевъ. Д'Аржансонъ не даромъ говорилъ, что Франція „повапленный гробъ, въ которомъ внутренняя гниль плохо прикрывается наружнымъ блескомъ"; оттого картины современной жизни отразились въ зеркалѣ здороваго и свѣтлаго ума тою са̀тирой, которая смѣясь высказываетъ правду. Воспитанный у іезуитовъ и недолго прослуживъ младшимъ подручникомъ у государственныхъ откупщиковъ, * онъ хорошо узналъ и возненавидѣлъ оба эти класса, высасывавшіе и духовно и тѣлесно кровь изъ общества; онъ обратился тогда къ независимому писательству, переводилъ съ испанскаго романы и театральныя піэсы, а въ комедіи „Тюркарѐ" вывелъ на сцену финансистовъ; особенно же развертывалъ свой юморъ въ кукольныхъ и ярмоночныхъ піэскахъ, олицетворяя въ нихъ ходячія остроты и разныя современныя происшествія, которыхъ каррикатуру онъ прикрывалъ обстановкою и положеніями восточныхъ сказокъ. Первый рѣшительный успѣхъ пріобрѣлъ онъ своимъ „Хромоногимъ бѣсомъ"; планъ для него Лёсажъ занялъ у Гевары, но провелъ его гораздо остроумнѣе и блистательнѣй, такъ что его книга была опять-таки переведена на испанскій языкъ. Рѣчь попрежнему идетъ какъ-будто о Мадридѣ; его кровли бѣсъ снимаетъ передъ взорами ученика, такъ что оба они высматриваютъ внутренность покоевъ и при этомъ сообщаютъ побудительныя причины всего тамъ происходящаго, поясняютъ скорбныя и веселыя положенія разсказами; всущности же на виду здѣсь Парижъ, и современники даже прямо узнавали лица, о которыхъ говорится. Не меньше богатъ остроуміемъ и воображеніемъ Жиль-Бласъ; только онъ еще увлекательнѣй непрерывностью повѣствованія, постоянно затрогивающаго и удовлетворяющаго любопытство. И содержаніемъ, и формою онъ, правда, напоминаетъ плутовскіе романы, пущенные въ ходъ Мендосою въ его „Ласарильіо де-Тормесъ" (IV, 253); но какъ замыселъ, такъ

* Почти весь финансовый доходъ отдавался тогда на откупъ.

и выполненіе совершенно принадлежатъ Лёсажу, и этимъ его созданіемъ можно сказать завершается та отрасль литературы, которой начало положилъ испанскій романистъ. Его Жиль-Бласъ движется по столбовой дорогѣ свѣта и игриво-весело и мастерски; онъ человѣкъ на всѣ руки, его юмору подсилу всѣ возможныя затрудненія. Правда, что главную роль въ романѣ играютъ мошенники и пройдохи, легкаго поведенія дѣвицы и волокиты-щегольки, лицемѣрные попы и шарлатаны-медики; но тутъ же встрѣчаются и добропорядочные люди, нравственныя женщины, истинно-благородные кавалеры, и Жиль-Бласъ, повѣдывающій намъ свою исторію, переноситъ и въ насъ свой веселый взглядъ, свою шутливую иронію надъ другими и надъ самимъ собою лично. Посвящая васъ въ судьбы новыхъ своихъ знакомствъ, онъ умѣетъ вплести серьёзные разсказы между забавными анекдотами; когда онъ становится любимцемъ у министра, мы тутъ узнаемъ продажность всякихъ должностныхъ мѣстъ, участіе лакеевъ или лакействующихъ чиновниковъ въ управленіи прогнившимъ насквозь государствомъ, всю безнравственность такъ-называемыхъ знатныхъ круго̀въ; изъ бѣды и тюремнаго заключенія выручаетъ его то добро, какое успѣлъ онъ сдѣлать: онъ спасенъ признательностью своего слуги и одного высокоуважаемаго семейства; удалившись къ себѣ на дачу съ славною женой, онъ заканчиваетъ извѣстнымъ стихотворнымъ изреченіемъ:

Inveni portum; spes et fortuna valete;
Sat me lusistis, ludite nunc alios.
Вотъ и у пристани я! Надежда и счастье прощайте!
Тѣшьтесь теперь на другихъ, вдоволь натѣшившись мной.

Но этого мало: поэтъ умѣлъ такъ мастерски снова поднять нить для продолженія романа, что не только герой его, увлеченный опять въ круговоротъ свѣта смертію ребенка и жены и перемѣною въ правительствѣ, находитъ поводы къ нравственному исправленію и поступаетъ теперь съ благожелательной обдуманностью, хотя и впадая иногда въ прежній легкомысленный образъ дѣйствій, но и судьбы его слуги являются дополнительнымъ противнемъ къ его собственной исторіи, при чемъ многія изъ возбудившихъ прежде участіе наше лицъ снова выступаютъ на сцену, и исторіи ихъ въ переживахъ главнаго героя находятъ себѣ удовлетворительное заключеніе. Книга эта всегда и вездѣ нова и интересна, какъ сама жизнь, и хотя по глубинѣ идеи, юмора и характеристики не можетъ сравниться съ Донъ-Кихотомъ, однакожь, благодаря остроумію замысла и исполненія, является мастерскимъ въ своемъ родѣ произведеніемъ французской именно литературы. Вальтеръ Скоттъ назвалъ ее незабвенной книгою, къ которой всегда готовъ воротиться снова. „Получили ли мы первое отъ нея впечатлѣніе еще въ дѣтствѣ, когда насъ всего больше привлекали вертепы разбойниковъ и другія романтическія похожденія, или случилось это позже, когда ранняя молодость оставляла насъ въ такомъ простосердечномъ невѣдѣніи, что мы не смогли еще замѣтить тонкой и горькой са̀тиры, скрытой здѣсь во многихъ мѣстахъ, или тогда, когда мы были настолько свѣдущи, что понимали разнообразные намеки на исторію и на государственныя дѣла, или же наконецъ тогда, когда мы

остались настолько непросвѣщенными, что не умѣли открыть въ ней ничего, кромѣ того, что̀ она прямо излагаетъ: во всѣхъ возможныхъ случаяхъ прелесть этой книги должна была произвесть на насъ безусловное вліяніе".

Бытъ Франціи при Людовикѣ XV-мъ. Вольномысленное просвѣщеніе и салоны. Монтескье.

Людовикъ XV, еще мальчикомъ, слушалъ великолѣпныя проповѣди Масильіона, внушавшія ему уваженіе къ святости закона, котораго слугой и первымъ исполнителемъ долженъ быть король; государь, говорилъ онъ, не идолъ, воздвигнутый народами для того, чтобы всѣ передъ нимъ преклонялись, а блюститель и стражъ, котораго они поставили надъ собою въ руководцы. Но чѣмъ болѣе Людовикъ входилъ въ годы, тѣмъ болѣе склонялъ онъ ухо къ недостойнымъ льстецамъ, превозносившимъ минутную его волю надъ закономъ, тѣмъ болѣе становился онъ рабомъ своихъ прихотей и вожделѣній, подпадалъ господству своихъ „метрессъ", которыя выжимали государство для себя и для своихъ любимцевъ, заражали духовную атмосферу примѣромъ своей безнравственности, навлекали ненависть и презрѣніе государскому самовластью.

Въ самомъ началѣ вѣка геніальный мастеръ фортификаціоннаго дѣла, Вобанъ, писалъ уже такъ: Десятая часть народа доведена до нищеты и ходитъ по̀ міру, а подать ей милостыню изъ остальныхъ можетъ развѣ только половина, потому что слишкомъ многіе обременены долгами и тяжбами. Именно на рабочемъ классѣ, этой главной опорѣ государства, лежитъ теперь чрезмѣрный гнетъ, а вельможи свободны отъ налоговъ и повинностей. Одно поколѣніе спустя, маркизъ д'Аржансонъ продолжалъ въ томъ же смыслѣ: Дворянство насѣло на народъ какою-то ненасытною сатрапіей; послѣднему никогда не прійдти въ силу, пока дозволено будетъ знати его высасывать, а вѣдь и король могучъ только тогда, когда онъ властвуетъ надъ сильнымъ и зажиточнымъ народомъ; поэтому надо ему рѣшиться воспитывать народъ къ самодѣятельности, къ самоуправленію, отмѣнить продажу должностныхъ мѣстъ, не обирать провинціи черезъ королевскихъ казначеевъ и государственныхъ откупщиковъ, а предоставить имъ самимъ заботу о взыманіи налоговъ и созвать для этой цѣли выборныя областныя собранія изъ всѣхъ безразлично сословій. Но вмѣсто того дворянство отдѣлилось особой кастою отъ средняго сословія и отстаивало свои феодальныя права; а до какой чудовищности доходили лежавшія на подвластныхъ ему барщины, пусть покажетъ одно мѣсто изъ написанной Ружбіэфомъ Исторіи Франшъ-Конте́ (Franche Comté): „Еще и теперь житель здѣшнихъ горъ никогда не пройдетъ мимо развалинъ за̀мка Мэша безъ негодаванія; онъ при этомъ непремѣнно вспомнитъ, что когда мэшскіе господа выѣзжали зимой на охоту, они имѣли право вынуть внутренности изъ двухъ крѣпостныхъ, чтобы погрѣть въ нихъ озябшія ноги". Только въ достославную ночь 4-го августа 1789-го года поднялся въ Національномъ собраніи Лапуль и потребовалъ формальной и

законной отмѣны этой ужасающей душу привилегіи. Передъ революціей встрѣчались еще вездѣ остатки феодализма, мѣшавшія прогрессу человѣчества; цеховыя путы связывали рабочую силу горожанъ; за̀городомъ обѣльныя маетности крупныхъ землевладѣльцевъ дворянскаго сословія лежали обокъ съ жалкими, обремененными налогомъ, усадьбами крестьянъ. Въ половинѣ 18-го вѣка Руссо̀ говорилъ съ жаромъ истаго ревнителя: „Не всѣ ли выгоды общества предоставлены однимъ сильнымъ и богатымъ? Не имъ ли исключительно достаются всѣ доходныя мѣста, всѣ преимущества? Развѣ не остается всегда почти ненаказаннымъ тотъ знатный человѣкъ, который обманетъ своихъ кредиторовъ, или провинится въ другихъ плутняхъ? Развѣ не прикрываютъ плащомъ христіанской любви разсыпаемыхъ имъ палочныхъ ударовъ, насилій имъ совершаемыхъ, даже его преступленій и смертоубійствъ? Напротивъ того, бѣдняку заперты всѣ двери; если онъ когда и добьется правосудія, то это станетъ ему болѣе труда, чѣмъ другому исходатайствованная милость. А дойдетъ дѣло до отправленія повинностей, до выставки рекрутъ,—тутъ онъ, конечно, всегда первый. Въ добавокъ къ своимъ собственнымъ тяготамъ несетъ онъ ихъ еще за сильныхъ и богатыхъ, умѣющихъ отлынуть отъ всякихъ ношъ. Я считаю его погибшимъ человѣкомъ, если у него по несчастью честная душа, миленькая дочка, и при этомъ знатный сосѣдъ“. Католическая церковь, правда, обнадеживала небесными благами, но сама любила хорошо пожить и на землѣ. Девяносто тысячъ монаховъ и монахинь, двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ бѣлаго духовенства расчитывали смѣло на народный потъ, поддерживая массы въ невѣжествѣ и суевѣріи и направляя ихъ на кровавую нетерпимость противъ всякой свободной мысли. „Послѣ насъ хоть всемірный потопъ“! говорила смѣясь мадамъ де-Помпадуръ, королевская любовница. Родная мать, приговаривая: „Ты у меня лакомый королевскій кусочекъ“! формально воспитала ее куртизанкою, и когда впослѣдствіи король нашелъ, что она стала холодна, какъ водяная утка, она устроила для него пресловутый Оленій паркъ—изъ молодыхъ дѣвушекъ. Навстрѣчу разврату сверху шло снизу гнусное холопничество; родители для дочерей, мужья для своихъ женъ наперебой домогались мѣста королевской лейбметрессы, пока наконецъ не восторжествовала подлая Дюбари и не внесла въ придворный обиходъ языкъ домовъ разврата и харчевень. На вопросъ Людовика XV-го, отчего Франція не производитъ уже полководцевъ какъ бывало, принцъ Конти отвѣчалъ: оттого что наши барыни всѣ теперь въ объятіяхъ лакеевъ.

Надо живо представить себѣ это положеніе вещей, чтобы вѣрно оцѣнить значеніе вольнодумно-просвѣтительной и освободительной литературы во Франціи. Примыкая къ образцу англійской, она, полная отваги и надеждъ, хочетъ отворить людскому роду двери лучшей будущности. Стремленіе искусства творить изъ-за красоты отступаетъ передъ воинственнымъ пыломъ ума и сердца биться противъ предразсудковъ, снять съ плечъ народа тяжкій гнетъ, найдти для государства и религіи новыя, спасительныя основы въ естественномъ правѣ и въ разумѣ. Мысль становится во главѣ современнаго движенья; переворотъ въ литературѣ, въ воззрѣніяхъ людей, предшествуетъ политической революціи и прямо ее подготовляетъ. Что она прійдетъ, это предвидятъ всѣ писатели; но еще не разочаровавшись ужа-

сами подобнаго переворота и недочетами затѣваемаго ими новаго зданія, работаютъ они съ полною вѣрой въ быстрое и прочное торжество человѣчности. Они сильнѣе въ отрицаніи, чѣмъ въ положительномъ утвержденьи, часто вмѣстѣ съ шелухой откидываютъ они и зерно, вмѣстѣ съ выродившимся или поддѣльнымъ и самое существо дѣла. Плохо дался имъ историческій смыслъ, мало вникли они въ потребности сердца и въ могучую силу души; такъ-какъ главная способность у нихъ разсудокъ, то они готовы предполагать расчетъ и ухищреніе вездѣ, или недостатокъ разума между прочимъ и тамъ, гдѣ властвовалъ инстинктивный побудъ человѣчества и гдѣ идеальное содержаніе предчувственно вырабатывалось воображеніемъ народа. Они легкомысленны въ двоякомъ смыслѣ слова. Выросши въ такую пору, когда расшатался всякій общественный урядъ, а Кантъ, среди распаденія внѣшнихъ авторитетовъ, не провозгласилъ еще ученія о безусловной обязанности, о категорическомъ императивѣ долга, бо̀льшая часть изъ нихъ платитъ дань безнравственности и ставитъ себя выше строгаго закона; вопросы самые глубокіе и трудные, требующіе основательнѣйшаго научнаго изслѣдованія для того чтобы ихъ напередъ уяснить, они рѣшаютъ смѣло однимъ бойкимъ словомъ, блистательною остротой или внезапной геніальною затѣей. Они смѣются и шутятъ, не щадя при этомъ и священнаго, если оно предстанетъ имъ въ злоупотребленіи или въ превратномъ видѣ. Но тайна силы ихъ лежитъ въ томъ энтузіазмѣ, какимъ пламенѣютъ они къ благу человѣчества и который, даже въ легкомысленныхъ или ошибочныхъ и непомѣрныхъ стремленіяхъ этихъ людей, является одушевляющимъ и управомочивающимъ ихъ внутреннимъ по̀будомъ. Превосходно выразился объ нихъ уже Гегель: „Съ одной стороны лицемѣріе, ханжество и тиранія, видя, что добыча отнята у нихъ навѣкъ,— съ другой слабоуміе (совсѣмъ ужь ни чего не видя), могутъ теперь толковать, что французскіе эти писатели нападали на религію, на государство и на нравы. Но какая это религія! не та, которую очистилъ Лютеръ, а постыднѣйшее суевѣріе, поповство, глупость, низость чувствъ, въ особенности раздольный кутежъ временными благами въ виду крайней общей нищеты. Какое это государство! Слѣпой произволъ министровъ съ ихъ содержанками, женами и камердинерами; такъ что цѣлое полчище мелкихъ тирановъ и шелопаевъ считало какимъ-то божественнымъ правомъ грабежъ государственныхъ доходовъ и потового народнаго труда. Безстыдство и несправедливость доходили до невѣроятнаго, а нравы отвѣчали гнусному состоянью учрежденій. Мы видимъ полную безправность единичныхъ лицъ и въ судебномъ и въ политическомъ отношеніи, полную безправность въ отношеніи къ совѣсти и мысли. Съ геніальнымъ, пламеннымъ, мужественнымъ талантомъ геройски отвоевали эти писатели великое человѣческое право личнаго изслѣдованія и убѣжденья“.

Они были заступниками, словомолвцами всеобщаго образованія, они создали общественное мнѣніе и вполнѣ имъ управляли. Отсутствіе глубины именно и дѣлало ихъ понятными для средняго сословія, а ихъ занимательный остроумный тонъ привлекалъ къ нимъ также людей изъ высшей знати. Вольтеръ и Руссо̀ были оба деисты, одинъ деистъ здраваго разсудка, другой—сердца; Дидро̀ держался натуралистическаго пантеизма, Гольбахъ былъ матерьялистъ и атеистъ: такимъ образомъ нашли себѣ здѣсь представите-

лей различныя воззрѣнья, и, благодаря своей жилкѣ неудержнаго вольномыслія, Вольтеръ сдѣлался кумиромъ великосвѣтскихъ людей, тогда какъ Руссо̀ пробуждалъ благородныя чувства въ массѣ народа, ставилъ естественность и свободу лозунгомъ человѣчества. Такъ бо̀льшая часть дворянства и многія тысячи аббатовъ (этихъ духовно-мірскихъ лицъ) незамѣтно перешли къ новому направленію; лучшіе изъ нихъ радовались успѣхами самостоятельной мысли, а дрянь, позатвердивъ кой-какія ходачія шуточки, старалась отбояриться ими отъ нравственнаго закона; привилегированные классы взглянули и на свободу ума, какъ на своего рода привилегію, и не замѣчали, какъ приносимое образованіемъ равенство, вскорѣ должно было преобразовать и государственную жизнь. Напрасно деспотизмъ сыпалъ на писателей приказами сажать провинившихся въ тюрьму, напрасно цензура вычеркивала изъ книгъ все предосудительное, опасное; чего нельзя было напечатать въ Парижѣ, то появлялось въ Голландіи, или на заглавномъ листѣ только для вида показывалось чужеземное мѣсто печати; сочинители выпускали свои труды безъ имени и отпирались передъ судомъ отъ того самаго авторства, которымъ хвастали въ гостиныхъ. Шла непрерывная война хитрости противъ силы, и сами государственные сановники не могли уклониться отъ новаго направленья, которое какъ пропитанный заразительными веществами воздухъ, охватывало вѣдь и ихъ. Начальникъ книгопечатнаго управленія, Мальзербъ, сказалъ самъ въ рѣчи, произнесенной при вступленіи въ академію: „Литература и философія теперь опять завоевали себѣ ту свободу, какою онѣ пользовались въ Греціи; онѣ даютъ законодателей народамъ; всѣми умами овладѣло благородное одушевленіе; пришло такое время, когда всякій, способный мыслить и писать, чувствуетъ себя обязаннымъ направлять свои мысли къ общему благу“. Что̀ мудренаго, если этотъ славный начальникъ печати пишетъ однажды свечеру къ Дидро̀, что на слѣдующее утро будутъ опечатаны его бумаги. Дидро̀ отвѣчаетъ, что нѣтъ ни какой возможности пересмотрѣть ихъ тщательно въ одну ночь. Такъ пришлите ко мнѣ все то, что могло бы казаться подозрительнымъ или опаснымъ, говоритъ Мальзербъ: оно будетъ у меня сохранно. Герцогъ и герцогиня де-Люксамбургъ сами разбирали бумаги Руссо̀, когда велѣно было арестовать его послѣ выпуска въ свѣтъ „Эмиля“. Полицейскимъ былъ данъ приказъ схватить его въ Монморанси, а они поклонились ему съ улыбкою, повстрѣчавъ бѣглеца въ сосѣдней рощѣ. Что̀ за бѣда, что одинъ экземпляръ книги былъ преданъ сожженію черезъ палача? Сотни другихъ экземпляровъ читались вѣдь тѣмъ съ бо̀льшею еще жадностью.

Чѣмъ менѣе дворъ заботился о литературѣ, тѣмъ независимѣе отъ него становился образованный свѣтъ; въ то время какъ іезуиты, сводники и куртизанки безчинствовали и куролесили въ Версалѣ, Парижъ сдѣлался очагомъ оппозиціи, и остроумныя дамы, отличавшіяся кто богатствомъ, кто любезностью, собирали вокругъ себя такихъ мужщинъ, которые могли быть первыми говорунами въ ихъ обществѣ. Мужья видѣли какую-то особаго рода нравственность въ томъ, чтобы нарушая узы брака, хранить вѣрность къ своимъ возлюбленнымъ; такъ напримѣръ женатый Дидро̀ жилъ въ искреннѣйшемъ задушевномъ союзѣ съ дѣвицею Воланъ (Voland), которая, не будучи хороша собой, доставляла ему своей нѣжной преданностью величайшее

наслажденье; жёны, съ своей стороны, предпочитали мужу любовника, и только послѣднему хотѣли вполнѣ отдаваться. Графиня д'Удето̀ уклонилась отъ искательствъ Руссо́ не изъ-за того, что у нея былъ мужъ, а потому, что она ужь прежде была въ связи́ съ Сенъ-Ламберомъ,—тѣмъ самымъ Сенъ-Ламберомъ, который, когда забеременѣвшая отъ него маркиза дю-Шатле́ умерла вслѣдствіе позднихъ родовъ, извинялся не передъ мужемъ покойницы, а передъ Вольтеромъ, бывшимъ ея любовникомъ *.

Парижскіе салоны имѣютъ свое значеніе для исторіи культуры. Ихъ называли bureaux d'esprit, „умственныхъ дѣлъ приказами", они задавали тонъ Парижу, а черезъ Парижъ и всей Европѣ вообще. Государи, вельможи другихъ странъ, пріѣзжая во Францію, смотрѣли на эти салоны, какъ на высшую школу вкуса и образованія, и старались туда проникнуть; дворы петербургскій и варшавскій, крупныя и мелкія столицы Германіи держали тамъ своихъ корресподентовъ, которые извѣщали ихъ о томъ, что̀ происходитъ въ парижскихъ салонахъ, что̀ принято ими съ одобреніемъ и что̀ нѣтъ; благодаря этому, переписка Гримма, сына одного нѣмецкаго пастора, сдѣлалась источникомъ свѣдѣній для знакомства съ 18-мъ столѣтіемъ. Это въ своемъ родѣ бойкій фёльетонъ. Счастливое словцо, блестящая острота разносились по всему свѣту. Самымъ извѣстнымъ былъ вначалѣ домъ г-жи де-Тансенъ (de Tencin), матери д'Аламбера, котораго она однакожь подкинула, такъ что жена одного стекольщика приняла его на воспитанье. Г-жа де-Тансенъ бѣжала изъ монастыря еще молодой дѣвушкой и успѣла обогатиться во времяфинансовыхъ спекуляцій Ло̀. Бенедиктъ XIV, бывавшій у нея кардиналомъ, переписывался съ ней уже и папою; благодаря этому обстоятельству она смогла провести своего брата въ кардиналы, а черезъ него влiять и на министровъ само̀й Франціи. Ревнивый любовникъ однажды закололся у ея ногъ; ее обвиняли въ смертоубійствѣ, но она съумѣла оправдаться. Въ одномъ изъ ея романовъ умирающій траппистъ повѣдываетъ, что онъ женщина, а послѣднія эти слова̀ слышитъ тотъ самый мужщина, который, отчаявшись въ ея любви, заключился въ монастырь. Монтескьё и Болинброкъ были блестящими свѣтилами сборищъ у этой дамы. По смерти ея г-жа Жофренъ взяла къ себѣ на̀ руки „ея звѣринецъ". Кто изъ образованныхъ и знатныхъ посѣщалъ Парижъ, тотъ непремѣнно ужь бывалъ и здѣсь. Утонченная вѣжливость была высшею ея наукой, и доступъ къ маленькимъ ея ужинамъ считали за рѣдкостное счастіе, за приманчивую цѣль честолюбія, сами государи и знаменитые писатели. Соперничать съ ней старалась г-жа дю-Деффанъ (du Deffand); привлекая больше своимъ остроуміемъ, нежели молодостью и красотой, она взяла на житье къ себѣ очаровательную л'Эспинасъ; но эта вскорѣ эманципировалась, тѣсно сблизилась съ д'Аламберомъ и принимала у себя друзей его отъ 5-ти до 9-ти часовъ. Баронъ Гольбахъ слылъ тутъ метръ-д'отелемъ философіи. По воскресеньямъ и четвергамъ былъ готовъ обѣдъ человѣкъ на̀ 10 на̀ 20; за превосходнѣйшими ви́нами гости распускались въ остроумныхъ разговорахъ, иногда же просто читали цѣлыя лекціи или затѣвали формальныя словопренья. Здѣсь-то Англичанинъ Юмъ заявилъ

* Котораго она незадолго уволила по слабости его здоровья.

однажды сомнѣніе, есть ли на свѣтѣ атеисты въ самомъ дѣлѣ, а хозяинъ д'Аламберъ пустился увѣрять, что съ семнадцатью отъявленными атеистами онъ сидитъ именно теперь за этимъ столомъ. У Гельвеціуса былъ пріемъ по вторникамъ. Такъ блистательнѣйшіе умы Франціи чередовались между собою въ разныхъ кружкахъ, гдѣ послѣ урочной работы они оказывали еще вліяніе и среди общественныхъ удовольствій. Вольнодумство стало рѣшительно модою: дворяне говорили въ пользу человѣческихъ правъ, духовныя лица подтрунивали надъ христіанствомъ. При крайнемъ возбужденіи, тутъ мало сосредоточивались и углублялись; всего касались поверхностно, и ни чего не исчерпывали до конца. Прекрасно замѣчаетъ уже Геттнеръ: „Словоохотливость и непринужденность рѣчи порхаютъ съ шаловливой рѣзвостью надъ самымъ многотруднымъ и святымъ; бесѣдующіе стремятся перещеголять одинъ другого бойкостію выходокъ и дерзкой смѣлостью своихъ мыслей. Тотъ сверкающій попрыгунъ-чортикъ, который у Французовъ слыветъ умомъ, здѣсь полный властелинъ и хозяинъ. Все тутъ мигомъ оттачивается въ остроту. Важнѣйшіе вопросы порѣшаются однимъ блестящимъ словомъ". Если французская литература вольномысленнаго просвѣщенія блистательнѣй, но зато и легковѣснѣе англійской и потомъ нѣмецкой,—это отчасти зависѣло отъ того, что въ Парижѣ тонъ давался салономъ, въ Лондонѣ — парламентомъ, въ Германіи—церковною и университетской каѳедрой.

Первымъ выросшимъ изъ этихъ круго̀въ писателемъ, который пріобрѣлъ и донынѣ еще дѣйствующее европейское вліянье, былъ Монтескьё (1689—1755). Дворянинъ изъ Бреды, близъ Бордо̀, онъ въ молодости былъ уже президентомъ мѣстнаго парламента, а 32-хъ лѣтъ выступилъ авторомъ „Персидскихъ писемъ". Персіане будто бы пишутъ къ себѣ домой о тогдашнемъ бытѣ Франціи, и благодаря тому, какъ время регентства и Людовика XV-го отражается въ душѣ чужеземца, нескованнаго въ цѣпи нашихъ предразсудковъ, и противопоставляется его собственнымъ воззрѣніямъ на жизнь, тутъ выходитъ сама собою блестящая са̀тира на нравы и мнѣнія Запада, которой опору и важность придаетъ то, что въ основу ея Монтескьё положилъ свое собственное твердое религіозное и политическое убѣжденіе. Парижскія любовныя исторійки и восточные гаремные анекдоты дѣлаютъ книгу интересною для знатныхъ круго̀въ, а автору служатъ они средствомъ доставить свои взгляды на важнѣйшіе вопросы жизни прямо по адресу. Тутъ какъ нарочно освѣщаютъ другъ друга опасная и смѣшная стороны религіознаго и политическаго суевѣрія, іерархіи и деспотизма. Персіанинъ, вѣрующій въ Бога и въ безсмертіе и видящій существо религіи въ готовой на добро любви, осыпаетъ насмѣшками богословскіе перебранки за необъяснимыя положенія и чуда, трунитъ надъ монастырями, надъ судебными преслѣдованіями еретиковъ и надъ властью папы, который, говоритъ онъ, долженъ быть волшебникомъ, чтобы заставить людей вѣрить въ совершенно немыслимыя вещи, и между прочимъ въ то, что всякое худое дѣло становится хорошимъ, если оно разрѣшено имъ за денежный взносъ. Въ виду этого, онъ славитъ счастіе своихъ могаммеданскихъ единовѣрцевъ; они и знать не знаютъ гоненій за вѣру, которая держится у нихъ одною внутреннею истиной. Академія выходитъ здѣсь какимъ-то королевскимъ парникомъ литературы, гдѣ науки воздѣлываются напоказъ, а члены неустанно подхваливаютъ одинъ другого;

педанты комментаторы являются здѣсь въ томъ самомъ видѣ, какъ рисуютъ ихъ извѣстные вольтеровы стихи:

Вкусъ—сущій вздоръ, и мы по пунктамъ вамъ изложимъ,
Какъ прежде мыслилъ кто о томъ или о сёмъ;
При нашемъ знаніи намъ это ни по чемъ;
Лишь сами мы себя мышленьемъ не тревожимъ.

Финансовымъ спекуляціямъ Ло, надменной заносчивости дворянства авторъ противопоставляетъ работящій народъ Швейцаріи и Голландіи, гдѣ у всѣхъ гражданъ одинаковыя права, гдѣ поэтому преобладаетъ извѣстное равенство и въ благоденствіи. Впрочемъ роскошь и промышленность отстаиваетъ онъ ради того, что онѣ распространяютъ благосостояніе и сами имъ вызываются; ихъ не должно считать признаками растлѣнія и упадка, точно такъ же какъ и искусства или вообще тонкую образованность.

Монтескьё объѣхалъ потомъ Германію и Италію, и два года прожилъ въ Англіи, сближаясь тамъ съ первостепенными государственными людьми; подобно тому какъ Вольтеръ перенесъ оттуда во Францію деизмъ и естествовѣдѣніе, которыя литературно подготовилъ для всей Европы, такъ Монтескьё пересадилъ на материкъ либеральную политику того края; самихъ англійскихъ публицистовъ возбудилъ онъ къ основательной и раціональной ея обработкѣ; онъ собственно основалъ для Европы конституціонное государствовѣдѣніе. Въ уединенной сельской тиши онъ написалъ обѣ свои книги: о причинахъ величія и упадка Римлянъ и о духѣ законовъ. На разстояніи двухъ вѣковъ протягиваетъ онъ здѣсь руку Маккіавели и продолжаетъ начатое имъ. Подобно тому какъ сдѣлалъ Итальянецъ въ своихъ рѣчахъ о десяти первыхъ книгахъ Ливія, такъ же точно и Монтескьё указываетъ приниженному деспотизмомъ поколѣнію, какъ народъ возвеличивается свободой и любовью къ родному краю. Сознаніе и упражненіе собственной силы, трудъ, подъемлемый для отечества, военная дисциплина, борьба партій напрягающая всѣ умы, но унимающаяся въ одинъ мигъ при угрозѣ внѣшняго непріятеля для того чтобы разомъ обратить на него всѣ силы, движеніе и опасность, которыя всегда овозможиваютъ постановку на свое мѣсто самаго пригоднаго лица, привычка заключать миръ не иначе какъ послѣ рѣшительной побѣды и предоставлять почетъ тріумфа побѣдителю, а побѣжденнымъ ихъ боговъ и ихъ исконные обычаи, мужество терпѣть отъ другого врага пожалуй что-нибудь и худшее до тѣхъ поръ пока не сокрушенъ первый,—вотъ, условія, благодаря которымъ выросъ Римъ, тогда какъ, напротивъ, безмѣрное расширеніе, эгоизмъ въ междоусобныхъ войнахъ, чисто азіатская роскошь, долгая отлучка гражданъ въ покоренные ими дальніе края и наконецъ дурные императоры причинили общими силами упадокъ государства. Монтескьё вполнѣ становился на прагматическую точку зрѣнія, съ тѣмъ чтобы не только излагать ходъ событій, но разсматривать ихъ въ общей связи, доискиваться ихъ основы и слѣдствія; онъ видитъ, что судьбы народовъ подготовляются не тѣмъ или другимъ событіемъ въ одиночку и не произволомъ отдѣльныхъ лицъ; онъ дознаетъ цѣпь причинъ и дѣйствій, связывающую во всѣ времена все человѣчество. Самъ онъ положительно говоритъ:

„Всеобщія нравственныя и естественныя причины и отношенія опредѣляютъ судьбу каждаго изъ государствъ, возносятъ его, охраняютъ или разрушаютъ; всѣ событія подчинены этимъ условіямъ, и когда что-нибудь единичное, какъ напримѣръ случайный исходъ битвы, влечетъ государство къ паденію, то конечно тутъ была общая причина, овозможившая то, чтобъ государство это погибло отъ одного сраженія; словомъ сказать, совокупность цѣлаго обусловливаетъ собой всѣ частныя явленья“.—Малый объемъ геніальной этой книжки, самоувѣренный тонъ приговоровъ, отточенныхъ въ краткія положенія, порядокъ и ясность мыслей и наконецъ цвѣтистое изложеніе доставили ей вліяніе на весь просвѣщенный міръ; уроки исторіи отчеканились здѣсь въ быстролетныя слова, переходившія изъ однѣхъ устъ въ другія.

Маккіавелли прежде всего требовалъ единства народа съ государствомъ, какъ внутри такъ и вовнѣ; его „Государь“ долженъ былъ установить это единство, какъ во Франціи сдѣлалъ Ришельё, а за тѣмъ уже дать ходъ свободѣ; но какъ привесть это въ исполненіе, гдѣ найдти вѣрныя ручательства свободы, — вотъ что изслѣдуетъ теперь Монтескьё. Его „Духъ законовъ“ есть вопервыхъ сравнительное изложеніе государственныхъ устройствъ и правовыхъ отношеній у различныхъ народовъ. Во всемъ частномъ онъ признаетъ всеобщее,—идею правды, справедливости, этотъ вѣчный свѣтъ, данный разуму самимъ Богомъ; говорить, что справедливо или несправедливо только и можетъ быть то, что̀ опредѣлено положительнымъ закономъ, значитъ—утверждать, что радіусы равны только тогда, когда циркулемъ очертишь окружность. Даже и частные порядки общества не порожденія одного личнаго произвола; нѣчто необходимое, самородное есть всегда и въ нихъ. Климатъ, почва, нравы, религія, все дѣйствуетъ на законы, все обусловливаетъ формы государственнаго строенія. Такіе общіе элементы, изъ которыхъ возникли учрежденія Востока, Древности, Средневѣковья, изложилъ здѣсь Монтескьё и съумѣлъ при этомъ, поучая, занять читателя сообщеніемъ разныхъ характеристическихъ подробностей. Второе изданіе книги явилось обогащеннымъ и усовершенствованнымъ вкладами сочувствующихъ друзей науки чуть не изо всѣхъ въ мірѣ странъ. Ученость какого-нибудь Кревье́ могла и тутъ указать кое-какіе промахи и неточныя фразы, но она ни мало не потрясла цѣлаго.

Основными формами государственнаго строя Монтескьё считаетъ республику и монархію. Первая демократична тогда, когда всѣ граждане пользуются равными правами и несутъ равныя обязанности; коренное начало ея доблесть, добродѣтель; оттого и остается она рѣдко достигаемымъ и быстро исчезающимъ идеаломъ; аристократизмъ опирается на преимущество рожденія, достоянія, практическаго ума, и требуетъ умѣренности со стороны своихъ верховодовъ. Также и монархія бываетъ двоякаго рода: связанная неразрывно съ владычествомъ законовъ и образованія, она кореннымъ началомъ своимъ имѣетъ честь, тогда какъ произвольно властвующій деспотизмъ держится однимъ только страхомъ. Потомъ Монтескьё задаетъ вопросъ, какъ всего лучше осуществить и обезпечить для новой Европы главную цѣль государства, законную свободу, и такимъ образомъ доходитъ, по примѣру Локка, до того смѣшаго устройства, на какое указывалъ уже и Аристотель; монархическій и республиканскій элементы, говоритъ онъ, должны слиться

въ конституціонномъ государствѣ, первый въ лицѣ его главы, а другой въ лицѣ народнаго представительства. Чтобы сдѣлать невозможнымъ деспотизмъ надо подѣлить одну отъ другой законодательную, исполнительную и судебную власти въ государствѣ. Если законодатель въ тоже время управляетъ и судитъ, или судья вмѣстѣ и сочиняетъ законы, тогда можно опасаться, что онъ издастъ тираническія установленія для того чтобы исполнять ихъ силой; съ спокойнымъ духомъ живетъ гражданинъ только тамъ, гдѣ ему нечего бояться подобныхъ распоряженій, гдѣ одна власть постоянно ограничивается другою. Общество свободныхъ людей хочетъ жить по собственному благоусмотрѣнію, а потому самъ совокупный народъ и даетъ себѣ законы, дѣйствуя при этомъ въ крупныхъ государствахъ черезъ выборныхъ представителей, которые вмѣстѣ наблюдаютъ и за точнымъ исполненіемъ законовъ. Но какъ въ каждомъ государствѣ есть люди, стоящіе значеніемъ выше всѣхъ другихъ, то справедливо обезпечить имъ въ законодательствѣ участіе сообразное ихъ положенью; соединенные въ особую корпорацію, могутъ они также обсуждать предложенія выборныхъ отъ народа, и двойственное это обсужденіе укажетъ дѣйствительно-полезное и пригодное для всѣхъ въ томъ, на чемъ оба собранія подконецъ сойдутся, тогда какъ, напротивъ, всякая крайность со стороны одного изъ нихъ будетъ сдерживаться отпоромъ со стороны другого. Въ основаніи судейскихъ приговоровъ долженъ лежать твердый и непоколебимый законъ, судьи должны выходить изъ среды народа, и каждый долженъ быть судимъ своими ровнями. Исполнительная власть требуетъ опредѣленныхъ' рѣшеній, быстроты въ дѣйствіяхъ; поэтому она должна вся сосредоточиваться въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, и монархъ отнюдь не долженъ быть рабомъ законодателей, а имѣть право возраженія противъ того, что̀ они постановятъ; имъ же должна быть предоставлена возможность привлекать къ отвѣту правительственныя дѣйствія его совѣтниковъ по части исполненія законовъ. Такъ всѣ власти въ государствѣ неразрывно связаны одна съ другой, и побуждаемыя движеніями самой его жизни и ея вызовами къ дѣйствію, онѣ уравновѣшиваются между собою, и согласіе ихъ обезпечиваетъ свободу народа и благо цѣлаго. Но это политическое ученіе, къ которому привели мыслителя глубокое соображеніе хода мірскихъ дѣлъ и идея справедливости, осуществлено въ англійскомъ государственномъ устройствѣ, благодаря работѣ многихъ вѣковъ, мы находимъ его тамъ налицо въ полномъ органическомъ развитіи; поэтому оно можетъ считаться образцомъ для всей Европы.

И въ ученомъ кабинетѣ и въ салонѣ толковали о книгѣ Монтескьё; она вышла въ 1748-мъ году; съ тѣхъ поръ пустились въ политику и мыслители и поэты; пятьдесятъ лѣтъ позже Національное Собраніе старалось провести мысли ея во Франціи, и въ теченіе слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ онѣ были въ Германіи затребою всѣхъ патріотовъ, пока наконецъ не осуществились по крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ чертахъ; та сознательная реформа, какая подобаетъ эпохѣ ума, та идея, которая не рабски слѣдуетъ за фактами, а предшествуетъ имъ въ свободной волѣ, явились и здѣсь видимыми знаменьями новаго совсѣмъ времени. Подвергаясь нападкамъ съ двухъ разныхъ сторонъ, отъ рьяныхъ нововводителей, какъ и отъ приверженцевъ старины, Монтескьё былъ великъ именно соблюденіемъ строгой мѣры. Благо-

родный его духъ, дававшій и въ уголовномъ правѣ просторъ чувству человѣчности, повелъ къ болѣе милосердому обхожденію съ преступниками закона, и принесъ свой плодъ въ ученіяхъ Беккаріи и въ его стремленіяхъ улучшить уголовное правосудіе. Проступки противъ существующей религіи, говоритъ Монтескьё, надо карать только лишеніемъ тѣхъ преимуществъ, какія приноситъ съ собой это вѣроисповѣданіе. Письменныя произведенія не должно преслѣдовать судомъ такъ строго, какъ поступки; мысли же — отнюдь и никогда. Внѣсудебныя преслѣдованія, тайные розыски, считаетъ онъ тираническими средствами, постыдными для того, кто ихъ употребляетъ. Если народу приходится платить высокія подати, то онъ долженъ самъ облагать себя ими и самъ блюсти надъ иждивеніемъ общественной казны.

Вольтеръ.

„Когда семьи долго существуютъ, то можно замѣтить что природа производитъ наконецъ такую особь, которая объемлетъ свойства совокупныхъ ея предковъ, соединяетъ въ себѣ всѣ прежде лишь разрозненныя и зачаточныя наклонности и разомъ выдаетъ ихъ вполнѣ. То же бываетъ и съ народами, которыхъ совокупныя достоинства выдаутся иногда посчастью въ одномъ и томъ же лицѣ; такъ въ лицѣ Вольтера возникъ высшій мыслимый между Французами и вполнѣ отвѣчающій народу писатель". Это сказалъ Гёте. Мы особенно налегаемъ на слово: писатель, потомучто въ ряду писателей Вольтеръ конечно одинъ изъ величайшихъ и вліятельнѣйшихъ, какіе когда либо существовали на землѣ; Карлейль не преувеличилъ ни на волосъ, сказавъ, что его менѣе всякаго другого человѣка можно мысленно устранить изъ исторіи 18-го столѣтія; но онъ не принадлежитъ ни къ первоклассньмъ поэтамъ, ни къ первоклассньмъ мыслителямъ, у него нѣтъ творчества для новыхъ идей и идеаловъ, которые освѣщаютъ и счастливятъ человѣчество; какъ въ философѣ, въ ученомъ, въ немъ недостаетъ основательности и глубины, какъ въ поэтѣ въ немъ нѣтъ чувственной полноты созерцанія и нутроживительной характерной обрисовки. Но многосторонность и подвижность его духа изумительны, онъ геній въ изложеніи, ясенъ, заманчивъ, остеръ, мастерски владѣетъ всякою литературною формой и готовъ всякую допустить, кромѣ только одной скучной, которой онъ и не поддается ни въ какомъ случаѣ. Французскій языкъ вполнѣ выработался, французская литература стала верховодною въ литературѣ всего міра; тогда приспѣлъ Вольтеръ и сдѣлался ораторомъ, словомолвцемъ вѣка; въ теченіе двухъ сряду поколѣній съумѣлъ онъ занимать общество, въ то же время постоянно его поучая, съумѣлъ забавлять его, неустанно подстрекая; остротами и шутками съумѣлъ онъ просвѣщать его и освобождать изъ-подъ гнета произвола и предразсудковъ, „дразня нынче какого-нибудь дурака, а завтра потрясая троны" (слова Байрона); и чѣмъ менѣе удавалось ему произвесть эффектъ въ пользу своей личности, тѣмъ настойчивѣе духъ его просачивался во всѣ поры европейскихъ обществъ. Въ сферѣ философіи, естествознанія, исторіи тяжелые золотые слитки мудрости онъ перечеканиваетъ въ ходячую и красивую монету, сти-

хами и прозою, въ шутку и въ за́быль, съ энтузіазмомъ и съ крайнимъ легкоязычіемъ проповѣдуетъ благовѣстіе терпимости, того вольномысленнаго просвѣщенія, котораго онъ теперь патріархъ; за это онъ чествуется одними, а въ другихъ возбуждаетъ страшную ненависть, какъ самый ядовитый врагъ господствующаго преданья; онъ слыветъ у нихъ прямо безбожникомъ, а между тѣмъ по̀двечеръ своей долгой, многодѣятельной жизни онъ кладетъ благословляющую руку на̀ голову внуку Фра̀нклина и произноситъ только: Богъ и свобода! — Критика романтической школы отзывалась о Вольтерѣ свысока, но историки Шлоссеръ и Бѣкль признали великія его заслуги; норму эстетической ему оцѣнки установили во Франціи Вильменъ (Villemain), а въ Германіи Геттнеръ: особенно послѣдній умѣлъ хорошо подѣлить въ немъ свѣтовую и тѣневую стороны; такъ же еще Шерръ и Г. Гриммъ; книга Штра̀уса, трудъ очень дѣльный и опрятный, цѣнитъ его безъ предубѣжденія но жаль, что мало даетъ говорить самому Вольтеру, такъ что острякъ и политическій поэтъ выступаютъ здѣсь не вполнѣ ясно; послѣдняго особенно ярко обрисовалъ Эллизенъ.

Вольтеръ (1694 — 1778) былъ истое дитя Парижа, сынъ служившаго тамъ камеральнаго чиновника; изъ своего прозвища Arouet l(e)j(eune) (то-есть Аруэтъ младшій) составилъ онъ анаграмматически свое литературное имя—Вольтеръ. Учась въ іезуитской школѣ онъ такъ рано обнаружилъ строй своего ума, что одинъ патеръ тогда уже предсказалъ въ немъ будущаго коновода враговъ религіи. Нинонѣ де-л'Анкло̀, прелестной еще и въ старости, мальчикъ полюбился дотого, что она отказала ему небольшую сумму на книги. Одинъ изъ его дядей ввелъ юношу въ развратные кружки регентства, но даже и среди кутежа съ молодою знатью, которую онъ потѣшалъ язвительностью своихъ остротъ, Вольтеръ чувствовалъ бѣдственное положеніе народа, и лучшее его *я* прорывалось иногда въ стихахъ угрожавшихъ карою:

Да долголи, жь рабамъ тирановъ дерзновенныхъ
Такъ нагло попирать права сиротъ и вдовъ,
На прежнихъ нивахъ ихъ, въ пустыню обращенныхъ,
Чертоги возводить себѣ до облаковъ?
Доколѣ цементомъ для тѣхъ палатъ высокихъ
Должна служить кровь нищихъ, бѣдняковъ,
Загубленныхъ рукой властителей жестокихъ?
На вѣки ль жребій ихъ таковъ?

Знать лежитъ разслабленная, истощенная на кушеткѣ сладострастія, молодыя дѣвочки нарочно воспитываются для куртизанства, мужъ извлекаетъ барышъ изъ позора своей жены; почетныя награды достаются шпіонамъ, предатели такъ вездѣ и подстерегаютъ васъ, воротились опять времена Нерона.

Отжившая мечта, боязвь передъ тѣнями,—
Вонъ изъ сердецъ, коварный, злой обманъ!
Гоните сонъ, сковавшій васъ цѣпями!
Народъ, воспламенись, возстань какъ ураганъ!

Пророчески прошелъ я сквозь неправды стѣну,
Упало, рухнуло одно ея звено;
Неправдѣ сгибнуть суждено;
Возстань!—и право, ей на смѣну!
Схвати ты смѣлою рукой
Свободу, издавна желанную душой.

Такъ еще на зарѣ вѣка рокочетъ въ этихъ стихахъ революція, которой гроза должна была разразиться подконецъ его, къ вечеру. За подобныя строфы молодой поэтъ высидѣлъ годъ (1717) въ Бастиліи. Вскорѣ послѣ, представленіе Эдипа на сценѣ снискало ему громкую извѣстность. Граціозныя актрисы, Адріэна Лёкуврёръ и Сюзанна Ливри́, привлекли его юношеское сердце, знатныя дамы лелѣяли его въ своихъ за̀мкахъ, онъ сочинялъ для театра, онъ написалъ историческій эпосъ, Генріаду; но за свои ѣдкія остроты онъ подвергся палочной расправѣ со стороны знатныхъ господъ или ихъ слугъ, да сверхъ-того былъ еще заключенъ въ темницу, такъ что ему пришлось бѣжать въ Англію. Проведенные имъ здѣсь два года (1726 — 1728) окончательно рѣшили его судьбу. Онъ сошелся тамъ съ вольнодумцами и съ тѣхъ поръ дѣйствовалъ уже постоянно въ ихъ смыслѣ; узнавши ближе ньютонову систему міра и локкову опытную философію, онъ сдѣлалъ ихъ общимъ достояніемъ всей образованной Европы; тамъ увидѣлъ онъ драмы Шекспира, тамъ сблизился съ Болинброкомъ и напитался воздухомъ правомѣрнаго государства; все это онъ повѣдалъ міру въ своихъ Письмахъ объ Англіи. Онъ получилъ теперь направляющій толчокъ, импульсъ для своего авторства. То оскорбляемый, то лелѣемый до сихъ поръ въ обществѣ, онъ прежде всего старался теперь достичь независимаго положенія, чтобъ быть уже молотомъ, а не наковальней, чтобъ внушать страхъ и удивлять, чтобы на ряду съ благородствомъ происхожденія добыть вѣсъ и благородству ума, обставивъ его также имовитостью и вліяніемъ; только жаль, что у него не довольно было благородства сердца, мало достоинства и благоговѣнія передъ истинно-великимъ! Питомецъ іезуитовъ, разсудочно смышленый реалистъ, онъ пользовался безъ разбора всѣми средствами, и сталъ денежнымъ спекулянтомъ для того, чтобы подконецъ жить княжески въ Фернеѣ и осыпать благодѣяніями простой народъ; онъ добивался милости вельможъ и ихъ любовницъ, но при этомъ то льстилъ, то царапалъ какъ кошка, смотря по тому, что̀ оказывалось болѣе подходящимъ для его намѣреній; онъ былъ ѣдокъ, презоренъ, крайне мстителенъ къ своимъ врагамъ, но за то и необыкновенно вѣренъ друзьямъ своимъ, и его жаркая полемика содѣйствовала къ просвѣщенью міра:

Другъ въ друга камни мы бросаемъ въ жаркомъ спорѣ,
И камни тѣ, столкнувшися подчасъ,
Ужъ сыплютъ искорки вкругъ насъ;—
Пожалуй, мы отъ нихъ и свѣтъ добудемъ вскорѣ!

Спорныя статьи его обращались въ пасквили, но онѣ все-таки привели человѣчность и терпимость къ подлинно славнымъ торжествамъ. Онъ былъ суетенъ, онъ чувствовалъ себя на сценѣ міра и игралъ, какъ сродно Французу, комедію; „ему хотѣлось быть и героемъ дня, и героемъ вѣка", но жаж-

да славы и почестей сдѣлала его вождемъ въ борьбѣ за освобожденіе людского рода. Онъ вмѣстѣ готовъ былъ и признать иное свое сочиненіе, и тутъ же отъ него отпереться; но это принадлежало къ дозволительнымъ тогда военнымъ хитростямъ. Противнѣе на взглядъ насмѣшливая игра его церковью и принятіемъ святыхъ таинствъ. Раздражительность нрава, безпрерывная работа воображенія, столь необходимая постоянному бойцу въ области литературы, доводили его иногда до сумасбродствъ, до самыхъ лукавыхъ затѣй, до непристойныхъ проказъ и шутокъ. Невольно увлекалъ его французскій умъ, esprit, эта смѣсь разсудка съ бѣглой остротою, болѣе наклонная къ насмѣшкѣ и злости, чѣмъ къ серьёзной вдумчивости и сердечности; „онъ пишетъ какъ богъ, но словно какой-то каналья-богъ, обо всемъ, что̀ ни есть на свѣтѣ высокаго“, отозвался Гёте про вольтеровы Записки; „какъ жаль, что такой дивный геній связанъ съ такой пакостною душой,“ — повторялъ себѣ не одинъ разъ Фридрихъ Великій, и тѣмъ не менѣе оставался подъ чарами этого генія и еще дожилъ до того, что Вольтеръ, добившись силы и богатствъ, употреблялъ ихъ на благо угнетеннымъ. „Я сдѣлалъ немножко добра, это—лучшее изъ моихъ произведеній“, вотъ прекрасное словцо, которое Вольтеръ имѣлъ право самъ о себѣ высказать подконецъ своей жизни; оно могло бы пойдти надписью на его памятникъ.

По возвратѣ изъ Англіи, гнусная вражда завистниковъ и противниковъ, да и собственный безпокойный характеръ, бросали его туда и сюда, пока въ 1733-мъ году онъ не нашелъ себѣ мирнаго пріюта у маркизы дю-Шателѐ въ маленькомъ за̀мкѣ ея, Сиреѣ въ Шампаніи, и оставался тамъ до самой кончины своей пріятельницы (въ 1749 г.), хотя ѣзжалъ иногда въ большіе города. „Венерой-Ньютономъ“ прозвалъ Фридрихъ Великій ученую эту даму, которой мужъ потѣшался въ казармахъ и на охотѣ, отнюдь не мѣшая сношеніямъ жены съ геніальнымъ ея любовникомъ; сочиненія о Ньютонѣ въ стихахъ и прозѣ, подготовка для Исторіи Нравовъ и для Вѣка Людовика XIV-го, трагедіи: Альзира, Магометъ, Мерона, наконецъ Орлеанская дѣвственница, принадлежатъ счастливой этой порѣ.

При вступленіи на престолъ Фридриха II-го, Вольтеръ привѣтствовалъ его стихами:

Взошелъ прекрасный день, вѣнецъ моихъ желаній!
Ужь не обманъ ли то мечты мнѣ дорогой?
Но нѣтъ, ты властвуешь,—свѣтъ мудрости познаній
Съ престола потечетъ намъ яркою струёй!

Начиная съ 1736-го года онъ обмѣнивался съ наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ полными онміама письмами, въ 1740-мъ они лично видѣлись въ Клеве, а потомъ онъ ѣздилъ къ королю въ Рейнсбергъ, правда вмѣстѣ и съ недаровымъ порученіемъ отъ кардинала Флёри осторожно вывѣдать, за Австрію ли или противъ нея собирается прусское войско; Фридрихъ при этомъ случаѣ нашелъ, что забавникъ однакожь дорого обходится. Далѣе, Вольтеръ самъ говоритъ намъ, что въ 1742-мъ году герой запросто болталъ съ нимъ въ Ахенѣ какъ Сципіонъ съ Теренціемъ. Ему хотѣлось быть посланникомъ въ Берлинѣ. Мнѣ нуженъ его французскій языкъ, что мнѣ за дѣло до его

морали, отзывался король, и, по смерти маркизы дю-Шателè пригласилъ Вольтера къ своему двору, въ Сансуси, на подлинно блестящихъ условіяхъ. Вольтеръ былъ предвозвѣстникомъ фридриховой славы; величайшій король и величайшій писатель того времени подали теперь другъ другу руку, и благодаря этому Берлинъ сталъ средоточіемъ всемірной республики образованнаго люда. Но вскорѣ между друзьями вышли нелады. Каждый изъ нихъ чувствовалъ себя великою державой, и конечно не легко было Вольтеру превосходство свое въ литературной области подчинять геніальной волѣ и властительной политической мощи Фридриха, который крѣпко отстаивалъ свои державныя права и, какъ Вольтеръ писалъ къ нему самому впослѣдствіи, тогда уже постоянно находилъ злорадное удовольствіе, не только дать почувствовать жало своихъ остротъ, но и принизить своихъ собесѣдниковъ. Оттого онъ подъ старость и остался одинокимъ, въ то время когда германскіе богатыри духа выросли вокругъ него какъ на подборъ. Разладъ прежде всего внесло нечистое денежное дѣло съ Евреемъ Гиршемъ, при чемъ Вольтеръ употребилъ во зло свое положеніе, а наконецъ рѣшился даже и на поддѣлку счетовъ. Двадцатидвухлѣтній Лессингъ перевелъ по нѣмецки написанную Вольтеромъ въ защиту себѣ меморію, и разрѣшилъ потомъ въ эпиграммѣ слѣдующій вопросъ: „Отчего изъ хитрости Еврея вышла одна безуспѣшная затѣя?—Право, только оттого, что Вольтеръ плутоватѣе его“. Къ этому присоединились сплетни и переносы мелкодушныхъ завистниковъ. Государю разсказали объ отзывѣ писателя: „Не вѣкъ же мнѣ стирать черное бѣлье его стиховъ!“ а писателю объ отзывѣ государя: „Вѣдь выжмешь изъ лимона сокъ, да сухую корку и отбросишь“. Вольтера нарочно дразнили застольные товарищи *. Онъ впослѣдствіи говоритъ самъ:

Безъ воскуренья ѳиміамовъ мы съ нимъ сидимъ бывало за столомъ,
Хозяиномъ среди гостей онъ велъ себя до тонкости любезно,
Тутъ ровно ни какихъ стѣсненій. И, право, государя не найдти
Обильнѣе въ рѣчахъ язвящихъ мѣтко мошенничество, дурь и предразсудки.
Но вдругъ испортилъ все Мопертюи.

Мопертюи былъ президентомъ берлинской академіи; уже одно это недружелюбно располагало къ нему Вольтера, и когда тотъ чѣмъ-нибудь проговаривался, Вольтеръ не могъ воздержаться отъ насмѣшекъ. Въ одномъ письмѣ о развитіи наукъ Мопертюи предлагалъ пробуравить диру до средоточія земного шара, вскрыть черепъ какому-нибудь Патагонцу и поискать тамъ сѣдалища души, наконецъ—основать особый латинскій городъ, чтобы облегчить преподаванье древнихъ языковъ. Вольтеръ выступилъ противъ этого съ мастерскимъ образчикомъ самой ядовитой сатиры,—своимъ Докторомъ Акакіей. Въ предупрежденіе скандала, Фридрихъ запретилъ ее обнародовать; она однакожь была выпущена въ свѣтъ; Вольтеръ отперся отъ всякаго въ томъ участія съ такимъ неимовѣрнымъ безстыдствомъ, что король написалъ ему: Ваши сочиненія заслуживаютъ статуй, ваше поведеніе — цѣпей. Онъ велѣлъ

---

* Потѣшая этимъ короля.

сжечь пасквиль черезъ палача подъ самымъ окномъ автора. Тогда Вольтеръ отослалъ ему назадъ полученные отъ него каммергерскій ключъ и орденъ; король однакожь протянулъ ему руку на примиреніе. Но вскорѣ потомъ (въ мартѣ 1753-го года) Вольтеръ все-таки уѣхалъ изъ Потсдама. Во Франкфуртѣ на Майнѣ Фридрихъ приказалъ арестовать его, чтобы вытребовать одинъ томъ своихъ стиховъ, предназначенный только для пріятелей; неловкіе чиновники запутали и затруднили это дѣло. Когда Вольтеръ былъ наконецъ выпущенъ, онъ отомстилъ злостною картиной частной жизни Фридриха. Король простилъ ему и это, возобновилъ переписку съ нимъ, а когда Вольтеръ умеръ, онъ прочелъ въ Академіи хвалебную ему рѣчь.

Послѣ многолѣтнихъ переѣздовъ туда и сюда Вольтеръ сталъ искать себѣ надежнаго убѣжища и купилъ близъ Женевскаго озера нѣсколько помѣстій; съ 1758-го года Ферней былъ постояннымъ его мѣстопребываніемъ. Посѣщенія и переписка поддерживали связи его съ остальнымъ міромъ. Тѣломъ—слабый и болѣзненный старикъ, но полный еще мужества и свѣжести—духомъ, онъ не только продолжалъ писать драмы, романы, сатирическія повѣсти; но и непрерывная журнальная его дѣятельность развивалась тогда въ полномъ цвѣту, онъ былъ сотрудникомъ Энциклопедіи и далъ туда множество статей, собранныхъ потомъ въ его Философскомъ Словарѣ; онъ вступался за бѣдныхъ и гонимыхъ и пользовался своими связями при европейскихъ дворахъ всегда лишь на благо нуждающимся. Это—прекраснѣйшее время его жизни, онъ тогда достигъ чего желалъ,—независимости, богатства, силы, славы, и безъ всякихъ козней и ухищреній дѣйствовалъ теперь на пользу истины, права и человѣческаго благополучія. Ода къ Женевскому озеру—лучшее изъ серьёзныхъ его стихотвореній, настоящій гимнъ свободѣ. Онъ хвалитъ великолѣпное мѣстоположеніе; припоминаетъ стихи Виргилія объ итальянскихъ озерахъ, и за тѣмъ продолжаетъ:

Но озеро мое—первѣйшее изъ всѣхъ;
На берегахъ его прекрасныхъ и счастливыхъ
Живетъ богиня, вѣкъ честимая людьми,
Душа великихъ дѣлъ и доблестныхъ стремленій,
Счастливящая тѣхъ, кому далась вполнѣ,
Предметъ желанія для жаждущихъ той доли,
У всѣхъ она въ сердцахъ, у всѣхъ на языкѣ,
И даже при дворѣ тирановъ безпощадныхъ
Взываютъ тайно къ ней, моляся ей втиши;—
Богини имя той—Свобода!

Здѣсь, гдѣ гремѣли битвы подъ Земпахомъ и Муртеномъ, онъ видитъ постоянное ея мѣстопребыванье; здѣсь Альпы снова оглашаются пѣснями самобытнаго счастливаго народа, простой мужицкій трудъ не приниженъ надменнымъ презрѣніемъ, всѣ сословія равны, всѣ люди между собой братья. Онъ озираетъ потомъ Европу, радуясь что въ Англіи и Нидерландахъ свобода еще уважается, и взываетъ опять къ богинѣ:

Пріиди жь, пріиди мнѣ основать
Здѣсь жизни новую и лучшую судьбину,

Спѣши на дружбы зовъ, и съ нею заодно
Укрась ты мой пріютъ уединенный,
Сядь рядомъ съ ней на эту мураву,—
Она, какъ ты, врагъ суетности дворской,
И свѣтскихъ козней всѣхъ, и лишнихъ всѣхъ затѣй.
Васъ двухъ, и только васъ, о милыя богини,
Себѣ избралъ въ надежный я покровъ:
Одна живитъ меня, мнѣ душу возвышаетъ,
Другая—утѣшенье подаетъ:
Ни та, ни эта пусть не покидаетъ
Меня теперь, на позднемъ склонѣ дней!

Готовность Вольтера на всякую помощь всего явнѣе обнаружилась въ процессѣ семьи Каласъ. У Каласа, гюгенотскаго купца въ Тулузѣ, было двое сыновей; меньшой изъ нихъ перешелъ въ католичество, а старшій впалъ, по легкомыслію въ долги. Его однажды нашли повѣсившимся или повѣшеннымъ, и простой народъ, подстрекаемый католическимъ священствомъ, сталъ кричать, что отецъ умертвилъ его за намѣреніе возвратиться въ лоно римской церкви. Напрасно было разувѣрять тѣмъ, что отецъ мирно живетъ съ окатоличившимся сыномъ, что онъ держитъ въ домѣ служанку изъ католичекъ; всю семью заковали въ цѣпи, а отца выставили къ позорному столбу; говорили, что разныя чудеса творятся повѣшеннымъ, и тѣло его пронесли въ торжественной процессіи черезъ весь городъ; не было ни какого доказательства тому, чтобы онъ самъ не наложилъ на себя руку, тѣмъ не менѣе 68-милѣтняго отца приговорили къ колесованію, сына къ ссылкѣ, а дочь къ заключенію въ монастырь. Тщетно на мѣстѣ казни старикъ Каласъ торжественно завѣрялъ въ своей невинности, моля Бога простить гонителямъ. Путешественники передали всѣ эти ужасы Вольтеру. Онъ вызвалъ къ себѣ молодого Каласа, бѣжавшаго за границу, въ лихорадочномъ волненіи писалъ онъ туда и сюда, онъ добылъ адвоката, который въ парижскомъ верховномъ судѣ потребовалъ пересмотра процесса, и наконецъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, Каласъ съ семействомъ объявлены были невиновными, и оставшимся въ живыхъ присуждено вознагражденіе. Вольтеръ всполошилъ по этому дѣлу всю Францію, мало того—всю Европу, и взялъ его поводомъ для своего знаменитаго памфлета О вѣротерпимости. Ни одной улыбки, говорилъ онъ самъ впослѣдствіи, не сошло съ его устъ во время этой борьбы; улыбка показалась бы ему тогда жестокой несправедливостью.

Семья Каласовъ сидѣла еще въ тюрьмѣ, когда въ Кастрѣ, близъ Тулузы, совершились новыя гнусности. Мѣстный епископъ заманилъ одну изъ трехъ дочерей кальвиниста Павла Сирвена въ монастырь, съ тѣмъ чтобы сдѣлать ее католичкой; а когда она не повиновалась, ее стали сѣчь розгами, и она съ отчаянія бросилась въ колодезь. Опять принялось подстрекать священство, и опять завопилъ черный народъ, что семейство дѣвушки само ее утопило, чтобы помѣшать обращенію. Гонимые, напуганные судьбой Каласа, скрылись въ Швейцарію, прибѣгли къ Вольтеру, и послѣ многихъ усилій удалось ему и здѣсь настоять наконецъ на оправданіи этой семьи, послѣ того что мать умерла съ печали, а оставшіеся въ живыхъ были осуждены на смерть и объявлены лишенными имущества.

Не кончился этотъ процессъ, какъ 1765-го года въ Аббевилѣ, въ Пикардіи, двое молодыхъ людей, проходя мимо одной процессіи, дозволили себѣ не снять шляпъ, а вскорѣ потомъ стоявшій на мосту деревянный крестъ былъ опрокинутъ въ воду. Послѣднюю эту вину также взвалили на тѣхъ двухъ юношей, и безъ малѣйшей тѣни какихъ-либо доказательствъ одинъ изъ нихъ, де-ла-Барръ, былъ колесованъ; „я ни какъ не думалъ, говорилъ онъ передъ смертью, чтобы можно было кого-нибудь умертвить за то, что онъ не поклонился процессіи и пропѣлъ легкомысленную пѣсню". Другой, д'Эталлондъ, которому предстояло отсѣченіе языка и руки, убѣжалъ къ Вольтеру, и тотъ доставилъ ему мѣсто офицера въ прусской арміи, но былъ сильно раздраженъ возможностью преслѣдовать такія мнимыя преступленія еще жесточе, нежели настоящія злодѣйства. Онъ писалъ тогда къ д'Аламберу: „Въ Аббевилѣ сотворится мерзость, а въ Парижѣ съ минуту поговорятъ объ этомъ, да и пойдутъ себѣ въ Комическую оперу. Теперь ужь не до шутокъ; остроты некстати передъ бойнями. Конечно, стыдно мнѣ въ мои лѣта еще все такъ живо принимать къ сердцу; но не постигаю какъ мыслящія существа могутъ оставаться въ странѣ обезьянъ, такъ часто превращающихся въ тигровъ; что до меня, то мнѣ совѣстно жить даже на границѣ".

Въ виду этихъ и другихъ подобныхъ дѣлъ, въ которыя Вольтеръ вступался съ дѣятельною любовью, можно ли пенять на него за то, что онъ съ тѣхъ поръ оканчивалъ свои письма фразой: Ecrasez l'infame! Безпощадно давите мерзость! Мерзость, которую хотѣлось бы ему истребить, былъ вѣдь тотъ фанатизмъ суевѣрія и нетерпимости, который приносилъ такіе ужасающіе душу плоды; и если міръ съ того времени гораздо менѣе отъ нихъ терпитъ, то онъ не долженъ забывать, что обязанъ этимъ Вольтеру. Отъ частныхъ случаевъ восходилъ онъ къ ихъ причинѣ съ тѣмъ, чтобы просвѣщеніемъ народа и улучшеніемъ правосудія обратить ихъ въ совершенную невозможность Кондорсе сказалъ объ немъ: „Во всей Европѣ основалъ онъ союзъ, котораго былъ душою; паролемъ союза были: Разумъ и терпимость! Гдѣ ни совершись великая несправедливость, откуда ни дойди слухъ о какомъ-нибудь кровавомъ гоненіи, объ обидѣ человѣческому достоинству, Вольтеръ тотчасъ выставлялъ виновниковъ къ позорному столбу передъ Европой. И какъ часто рука притѣснителей останавливалась дрожа отъ страха передъ этой вѣрной отместкою!—Вольтеръ мало того что велъ окружающій его народъ къ благосостоянію и нравственному образованью, онъ старался, чтобы и въ другихъ мѣстахъ была отмѣнена крѣпостная неволя. Что съ своими человѣчными стремленіями онъ обращался къ государямъ, это зависѣло отъ условій его времени, эпохи просвѣщеннаго деспотизма. Такъ онъ писалъ къ Екатеринѣ II-й:

Когда державецъ глупъ,—тупѣетъ и народъ. *

Когда Густавъ III сломилъ силу шведскаго дворянства, Вольтеръ ободрялъ его взять крѣпко въ свои руки власть, говоря, что народъ охотно пой-

---

* Si le prince est un sot, le peuple est sans génie.—Посланіе къ императрицѣ Екатеринѣ въ 1771-мъ году.

детъ за нимъ на все доброе, и другіе члены тѣла вскорѣ сдѣлаются достойными отличной головы. Король отвѣчалъ: „Молю каждый божій день Всевышняго, да продлитъ онъ ваши драгоцѣнные дни ко благу человѣчества, къ водворенію царства разума на Землѣ". Когда начали борьбу Американцы, онъ также привѣтствовалъ зарю свободы ихъ восторженнымъ стихотвореніемъ.

Такъ былъ онъ еще молодъ сердцемъ, и Фридрихъ Великій писалъ къ нему съ невольнымъ удивленіемъ: „Чту въ Васъ прекраснѣйшій геній всѣхъ вѣковъ. Вы очаровательны въ бесѣдѣ, вы умѣете вмѣстѣ и распотѣшить и научить. Вы самое непреодолимое изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ существъ, каждый любитъ Васъ поневолѣ, какъ скоро Вы того захотите. Короче, Вы были бы совершенны, не будь Вы только человѣкъ". Семидесяти-семи-лѣтняго старца привѣтствуетъ онъ слѣдующими стихами:

Какимъ огнемъ, какимъ очарованьемъ владѣешь ты въ такой порѣ!
Твой вечеръ поздній не уступитъ блестящей утренней зарѣ.
Когда намъ старость леденитъ токъ жизни вялый, замедленный,
Веселья, граціи ужь нѣтъ, и умъ нашъ дремлет утомленный;
А ты все тотъ же, такъ же звонко твой голосъ слышится сердцамъ,
Ты сердцемъ молодъ какъ нарочно, на зло, наперекоръ глупцамъ.

Вольтеру было уже 84 года, когда хозяйничавшая у него племянница пристала къ нему неотступно, чтобы онъ съѣздилъ еще разъ въ Парижъ. Онъ въѣхалъ туда настоящимъ тріумфаторомъ. Въ академіи, въ театрѣ, на улицахъ, вездѣ встрѣчали его съ ликованіемъ и восторгомъ. Это истощило его силы въ нѣсколько недѣль; „меня душатъ розами", говорилъ онъ тогда не даромъ. Онъ умеръ 30-го мая 1778 г. Онъ не хотѣлъ собороваться для переселенія въ иной міръ, сказавъ шутя окружающимъ: „зачѣмъ подмазывать меня какъ телѣгу передъ поѣздкой". Онъ побесѣдовалъ съ однимъ навѣстившимъ его духовнымъ лицомъ; секретарь Вольтера спросилъ, каковъ въ виду близкой смерти настоящій его образъ мыслей; больной собственноручно написалъ: „Умираю, преклоняясь передъ Богомъ, любя своихъ друзей, безъ ненависти къ врагамъ и кляня суевѣріе". Духовенство отказалось похоронить его въ Парижѣ; тѣло однакожь только-что погребли въ аббатствѣ Сельеръ (Scellières), какъ и туда пришло запрещеніе. Во время революціи прахъ его перенесенъ былъ въ Пантеонъ.

Вольтеръ былъ болѣе великъ на подрывъ, чѣмъ на созиданіе; у него вовсе не было новыхъ идей, но для того чтобъ расчищать просторъ идеямъ и распространять ихъ онъ былъ краснорѣчивѣйшимъ борцомъ противъ суевѣрія и нетерпимости; „онъ съ глазъ народовъ снялъ повязку заблужденья". У него, какъ и у литературы вольномысленнаго просвѣщенія вообще, не было историческаго чутья и смысла; да впрочемъ той порѣ приходилось устранять слишкомъ много хламу и гнета; только уже послѣ этой черной можно-сказать работы нашелся досугъ спокойно вникнуть въ то, какъ и этотъ устраненный хламъ и гнетъ тоже нѣкогда имѣли свое право существованія; и едва только принялся нашъ вѣкъ за научное это дѣло, какъ тотчасъ же явились опять друзья мрака и попятнаго движенія, съ тѣмъ чтобы снова навьючить міру весь устарѣлый или отброшенный мусоръ на плечи. Раздражительный, ѣдкій нравъ, честолюбіе и страсть къ скандалу, критическая зоркость и бы-

стролетная острота, демоническій, бѣсовскій элементъ въ душѣ Вольтера, сослужили вѣрную службу великой задачѣ его времени, и сколько бы характеръ его ни былъ скуденъ достоинствомъ и чистотою, а талантъ—глубиной и сердечностью, именно въ своебытныхъ своихъ чертахъ онъ вѣрно отражаетъ намъ народъ свой, который, на первыхъ порахъ, легкомысленно возсталъ противъ деспотизма и поповства, но тѣмъ не менѣе первый поднялъ и несъ для всей Европы знамя свободнаго и освобождающаго ума.

Въ философіи Вольтеръ — чистый деистъ. Я существую, но не самъ по себѣ, а благодаря другому, и это, заключалъ онъ, ведетъ меня къ первичному, самосущему, къ необходимому и безконечному Существу, какъ причинѣ всего міра. Но причина эта не можетъ быть матеріей, веществомъ, потомучто вещество не мыслитъ, а изъ слѣпо дѣйствующей причины нѣтъ возможности объяснить мудраго міроустройства, порядка и цѣлесообразности вещей. Стало-быть, духовный Богъ—Творецъ и Зиждитель міра. Да притомъ Высочайшее Существо, награждающее добро и карающее злодѣйство, необходимо и для общаго блага, какъ утѣшеніе въ бѣдствіи, какъ узда для гнусныхъ вожделѣній.

Не возвѣщай намъ небеса Создателя вселенной,
Измыслить намъ его тогда пришлось бы непремѣнно.

Но Вольтеръ насмѣхается при этомъ надъ тою внѣшней теоріею цѣлей, которая все относитъ къ человѣку, какъ будто бы все на свѣтѣ только и существовало что для однихъ насъ. Такъ мышамъ приходилось бы славить Бога за то, что въ землѣ есть столько отличныхъ норокъ, такъ оселъ возгордился бы, пожалуй, тѣмъ, что міръ возникъ только ради его, что самый человѣкъ созданъ единственно для того чтобы его холить, чистить скребницей, ковать, подводить ему ослицу, и что онъ при этомъ не безъ зависти смотритъ на ослиное его счастіе. Было бы смѣшнымъ преувеличеніемъ утверждать, что носъ только для очковъ и предназначенъ, но не менѣе странно было бы отрицать и то, что глаза даны намъ для зрѣнія, что съ этой именно цѣлью они устроены сообразно законамъ свѣта.

Вольтеръ, какъ типическій сынъ своего времени, самъ является односторонно умомъ, выросшимъ на счетъ безсознательно творческой силы природы и сердечной стороны души; такъ о природѣ нѣтъ у него ни какого понятія: онъ видитъ въ ней что-то сдѣланное разсудкомъ, а не саморазвивчивое изнутри, тогда какъ это именно и есть главный признакъ различія между естественнымъ и тѣмъ, что̀ произведено искусствомъ. Глубокій взглядъ въ сокровеннѣйшій родникъ жизни не дался ему, какъ мыслителю; оттого, и какъ поэтъ, онъ не могъ черпать изъ него своихъ вдохновеній; и такимъ образомъ, вовсе того не желая, онъ ни чѣмъ не обозначилъ такъ ясно границъ своего ума, какъ именно частою выдачей за новое открытіе и за настоящій свой философскій подвигъ той мысли, что на природу слѣдуетъ смотрѣть какъ на искусственное произведеніе, что напрасно даже и назвали ее природою, когда вся она искусство. Вотъ почему и Богъ выходитъ у него великимъ механикомъ, а міръ устроенною имъ машиной; Богъ

и міръ остаются другъ другу внѣшними; только однажды встрѣчается у него проблескъ того созерцанія, что изъ Вѣчнаго Существа вытекаютъ всѣ роды и виды бытія ежемгновенно.

Вопросъ о происхожденіи въ мірѣ зла занимаетъ и его. Смолоду онъ утверждаетъ, такъ же какъ и Поппъ, что плакаться на бѣдную нашу долю—одно глупое преогорченіе, и въ отпоръ этому указываетъ на гармонію вселенной. Но вотъ напугало его страшное лиссабонское землетрясенье (1755 г.). Духовенство называетъ это карой божіей; однакожь, говоритъ Вольтеръ, „землею пожранъ Лиссабонъ, Парижъ же весело танцуетъ!" Ужели какой-нибудь злой демонъ противодѣйствуетъ благому Божеству? Но это вѣдь гнусное представленіе временъ мрака. А если мы привлечемъ сюда необходимую общую связь въ природѣ, то чѣмъ же Лиссабонцы виноваты въ томъ, что подъ ихъ городомъ лежатъ обильные пласты сѣры? Нечего обманывать себя и увѣрять, будто зла на свѣтѣ не существуетъ. Какое же общее благо составишь изъ каменной болѣзни и подагры, изъ злодѣйствъ и душевныхъ страданій отдѣльныхъ лицъ! Хотя во многомъ люди виноваты сами, однакожь намъ все-таки необходима справедливо уравновѣшивающая будущность. „Все благо, все добро—намъ говоритъ мечтанье; ко благу все пріидетъ—надежды упованье". Вотъ почему Вольтеръ крѣпко стоитъ за вѣру въ безсмертіе, хотя и не можетъ ея доказать. Онъ уступаетъ матерьялистамъ то вліяніе, какое пищеварительный процессъ оказываетъ на наши ощущенія и представленья, но изъ-за этого никакъ не хочетъ допустить, чтобы лучшіе желудки творили вмѣстѣ и величайшихъ мудрецовъ. Теоретически свобода воли остается для него загадкой; тѣмъ не менѣе онъ отъ нея не отступается, а только ограничиваетъ ее такъ: быть свободнымъ значитъ мочь, имѣть возможность дѣлать что̀ хочешь; свобода моя состоитъ въ томъ, что я могу ходить когда хочу и когда не мучитъ меня подагра, что для меня нѣтъ необходимости совершить поступокъ, который разумъ представляетъ мнѣ дурнымъ. Нравственный законъ лежитъ въ существѣ духовнаго міра точно такъ же, какъ законъ тяготѣнія въ веществѣ; идея правды и кривды свойственна природѣ души; въ каждой груди человѣческой живутъ коренныя начала морали: Дѣлай ближнимъ то, чего самъ себѣ отъ нихъ желаешь; живи такъ, какъ бы хотѣлось тебѣ при смерти, чтобъ ты прожилъ (vis comme en mourant tu voudrais avoir vécu—не знаю, стихъ ли Геллерта или проза Вольтера высказали это впервые).—Поэтому, берегись крайностей, будь благодѣтеленъ и справедливъ; не пытайся узнать, откуда пришелъ и куда идешь, а безстрашно ступай по своей дорогѣ.

Вольтеръ глубоко чтилъ христіанскую нравственность, которую находилъ и у Конфуція въ Китаѣ, и у Сократа въ Аѳинахъ, и въ Римѣ — у Марка Аврелія, но онъ можно-сказать ненавидѣлъ христіанство, оттого что смѣшивалъ его съ церковною догматикой, считалъ опорой свѣтскаго и духовнаго деспотизма, источникомъ суевѣрія и гонительства. Разница между религіей и богословіемъ настолько же ему не выяснилась, какъ и его противникамъ; христіанство кажется ему только маской, которою лицемѣріе большого свѣта прикрываетъ свою внутреннюю гниль; онъ хочетъ сорвать эту маску, хочетъ спасти человѣчество отъ напастей, въ какія повергаетъ его фа-

натизмъ. Онъ вычислилъ, будто 9,468,000 душъ погибло отъ него, начиная съ 4-го вѣка. Въ Богѣ хотѣлъ онъ любить Отца, а не безпощаднаго карателя слабыхъ отъ природы смертныхъ, часто и не слыхавшихъ даже вовсе о христіанской догматикѣ. Какое богохульство! восклицаетъ Вольтеръ. Передъ престоломъ истиннаго Бога цѣнится одна сердечная доброта; только злостныя дѣла могутъ оскорбить его, а конечно ужь не прямодушіе и искренность.

Вольтеровъ комментарій на Библію вовсе не эстетическая оцѣнка, да и не научное истолкованіе Священныхъ Писаній; это — неустанная гоньба за противорѣчіями, смѣшными сопостановками, неприличіями, безнравственными чертами или аналогіями къ языческимъ миѳамъ. У него нѣтъ ни малѣйшаго чутья къ наивнымъ образнымъ формамъ религіознаго міросозерцанія; на безсознательное былиносложеніе вообще онъ смотритъ какъ на умышленно-подложную басню, какъ на хитрый обманъ жрецовъ *.

Въ бытность свою въ Англіи Вольтеръ сближался не только съ вольнодумцами, но и съ государственными людьми того края, и вынесъ оттуда убѣжденіе, что задача времени есть именно признаніе естественнаго права и осуществленіе его на практикѣ. Свобода каждаго и равенство всѣхъ казались ему единственнымъ сообразнымъ съ природой дѣломъ. „Только трусость въ соединеніи съ глупостью, говоритъ онъ, могли породить ту недостойную комедію, гдѣ одинъ беретъ на себя роль господина, а другой раба, одинъ—роль снабжателя, а другой льстеца. Въ божественное право родовой знати увѣрую я только тогда, когда рыцари будутъ родиться со шпорами у пятокъ, а мужики съ сѣдлами на хребтахъ.“ Однакоже Вольтеръ не ждалъ никакого добра отъ массы. „Народъ всегда останется варваромъ и глупцомъ; это волы, для которыхъ необходимы ярмо, бичъ и сѣно.“ Государи заодно съ философами должны взять на себя опеку, руководить государство, достойнымъ человѣчества образомъ развивать всѣ учрежденія. Быть свободнымъ значитъ зависѣть только отъ закона. И онъ считалъ желательнымъ тотъ порядокъ вещей, чтобы королю, какъ въ Англіи, развязаны были руки на всякое добро, и связаны на зло, чтобы народъ чрезъ своихъ представителей участвовалъ въ правленіи, безъ всякихъ однако смутъ и замѣшательствъ. Такъ-какъ правительство во Франціи не приступало ни къ какимъ просвѣщеннымъ преобразованіямъ, то Вольтеръ изъ дали видѣлъ надвигающую грозу страшнаго переворота; онъ писалъ къ аббату Шовелену еще въ 1764-мъ году: „Все что дѣется вокругъ меня, сѣетъ сѣмена революціи, которая наступитъ непремѣнно, но до которой я едвали доживу. Французы всегда слишкомъ поздно достигаютъ цѣли, но все-таки наконецъ достигаютъ. Свѣтъ разливался вѣдь все болѣе и болѣе, при первомъ случаѣ послѣдуетъ взрывъ, и тогда произойдетъ адская суматоха. Счастливъ кто молодъ, славныя вещи онъ увидитъ.“

На поприщѣ исторіи Вольтеръ еще юношей заявилъ повѣствовательный талантъ свой Жизнію Карла XII-го; его особенно привлекалъ тогда элементъ

---

* Это, однимъ словомъ, совершенная противоположность новѣйшему научному взгляду на развитіе религій. Прим. перев.

отважныхъ похожденій, и въ такую пору, когда исторіи писались со всею тяжеловѣсною пустотой и сушью запыленной учености, онъ далъ вдругъ интересную, удобочитаемую книгу, хотя конечно болѣе съ романическимъ, нежели съ строго-историческимъ характеромъ. Въ противень къ ней явилась потомъ его исторія Великаго Петра, для которой русскій дворъ доставилъ ему матерьялъ, уже подготовленный въ извѣстномъ смыслѣ; а Вольтеръ, съ своей стороны, умалчивая объ одномъ и прикрашивая отъ себя другое, обратилъ все сплошь чуть не въ чистый панегирикъ. Стремленіе прикрасить видно и въ гораздо значительнѣйшемъ его трудѣ, „Вѣкѣ Людовика XIV-го". Сооруженное этимъ королемъ пышное зданіе славы и роскоши, его покровительство искусству, очаровывали Вольтера; достойными сравниться съ его временемъ находилъ онъ только эры Перикла, Августа и Медичей; что Франція затмѣваетъ своимъ блескомъ всѣ другія націи, что она идетъ во главѣ человѣческаго образованія, это впервые формулировалъ Вольтеръ и умѣлъ внушить не только своимъ соотчичамъ, но и всему остальному міру. Настоящая заслуга его въ томъ, что съ исторіею Двора, войнъ, политики онъ искусно связалъ картину нравственнаго быта, торговли, промышленности, художествъ и наукъ. „Зачѣмъ писать всегда одну исторію царей? надо наконецъ писать и исторію народовъ! Не уже ли намъ ставить ни во что наши нравы, наши законы, нашъ духъ?" Такъ спрашивалъ онъ самъ себя, и блистательно начатое въ Вѣкѣ Людовика XIV-го продолжалъ въ главномъ историческомъ трудѣ своемъ, въ „Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ". Это — картина всемірной исторіи со временъ Карла Великаго, написанная съ культурно-исторической точки зрѣнія; введеніемъ къ ней служатъ философскія мысли о человѣчествѣ и обзоръ его развитія съ древнѣйшихъ эпохъ. „Окруженное хламомъ выдуманныхъ пошлостей и анекдотовъ, только ядро великихъ событій составляетъ истинную и достовѣрную исторію." Опираясь на это изреченіе Фридриха Великаго, Вольтеръ написалъ свою. Трудъ, начатый въ Сиреѣ для маркизы дю-Шателѐ и довершенный только уже въ Ферneѣ, явился медленно созрѣвшимъ плодомъ тщательнаго прилежанія и вмѣстѣ остроумной обработки. Подруга Вольтера, близко знакомая съ естествовѣдѣніемъ, не находила ни какого удовольствія въ утомительно-скучныхъ сборникахъ ученыхъ педантовъ, представлявшихъ какую-то мутную смѣсь басенъ съ дѣйствительными фактами; она требовала яснаго отчета о воззрѣніяхъ, бытѣ и законахъ различныхъ народовъ, хотѣла знать причины измѣненій въ нравахъ и въ образованіи, хотѣла уряжающаго смысла и руководящихъ идей. Правда, Боссюэтъ написалъ риторски-блистательную книгу объ исторіи до Карла Великаго, но для древности онъ поставилъ средоточіемъ Іудеевъ, а все послѣдующее отнесъ къ христіанской Церкви исключительно, и съ богословскимъ помазаніемъ проповѣдывалъ кстати и не кстати вмѣшательство Промысла вездѣ и на каждомъ шагу. Вольтеръ хочетъ изобразить тѣ неразлучныя съ развитіемъ борьбы, путемъ которыхъ человѣчество многотрудно переходило отъ варварства къ образованію. Въ противоположность Боссюэту, онъ особенно налегаетъ на индивидуальную свободу людей, на благоразуміе или страстность дѣйствующихъ характеровъ, и часто изъ мелкихъ повидимому причинъ выводитъ очень крупныя послѣдствія. Въ исторіи онъ различаетъ постоянный факторъ или присный дѣятель отъ перемѣннаго; первый,

это—человѣческая природа, второй,—это мнѣнія и привычки людскія; что послѣднія вытекаютъ изъ природы, до этого онъ не дошелъ; по его мысли, все, что относится къ природѣ человѣка, всегда и вездѣ одинаково, тогда какъ помыслы и обычаи какъ единичныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ племенъ перемѣнчивы и разнообразны. Господствующими мнѣніями обусловлены духъ той или другой эпохи, политическія событія, искусство и нравы той поры. Такъ Вольтеръ можно-сказать возвысился до исторіи человѣческаго духа, и хотя правда, что дорогу ему проложилъ Монтескьё, однакожь при появленіи въ свѣтъ труда Вольтера, даже и такой глубокій критикъ какъ Лессингъ отозвался, что Вольтеръ идетъ новою совсѣмъ дорогой и что онъ въ правѣ похвалиться какъ одинъ изъ древнихъ: libera per vacuum posui vestigia princeps (то-есть: я первый проложилъ смѣлый слѣдъ по воздушной пустынѣ). Онъ устраняетъ изъ исторіи все несбыточное и непостижимое, онъ напускается съ своимъ остроумнымъ сомнѣніемъ на басни и на чудеса, и хотя ровно ничего не понимаетъ въ былинословженіи, надо тѣмъ не менѣе сказать, что его скептицизмъ собственно и повелъ къ той исторической критикѣ, которая различаетъ факты отъ способа воспринятія ихъ фантазіей. Вольтеръ находитъ, что коренныя основы нравственности у всѣхъ народовъ одинаковы, но что вѣроположенія нелѣпы, а богослужебные обряды очень странны. Онъ превозноситъ разсудочно-просвѣщенный бытъ Китайцевъ, а къ романтикѣ Крестовыхъ Походовъ нѣтъ у него ни на̀ волосъ чутья. Благодаря своей ревности противъ іерархіи, онъ становится несправедливымъ къ самому христіанству. Безъ всякаго предубѣжденія признаетъ онъ истину въ Исламѣ: вѣру въ единаго духовнаго Бога, преданность его волѣ, упованіе безсмертія. Законодатель мусульманъ, говоритъ онъ, человѣкъ грозной, устрашающей силы, распространялъ свое ученіе мечомъ, и не смотря на то религія его вышла полною терпимости и милосердія; божественный основатель Христіанства жилъ напротивъ въ миролюбивой и низменной долѣ, проповѣдуя всѣмъ прощеніе, а между тѣмъ христіанская вѣра повела къ жесточайшимъ гоненіямъ и преслѣдованьямъ. * Въ Реформаціи онъ видитъ только ссору изъ-за догматовъ, то-есть въ числѣ душевныхъ болѣзней человѣчества насчитываетъ еще одною больше; ослѣпленные враждой лютеранскіе попы не всилахъ были указать дорогу къ истинѣ, они только внесли смуту въ расцвѣтающую образованность Возрожденія. Представитель ея, Левъ X, болѣе по душѣ Вольтеру нежели реформаторъ Лютеръ. Онъ превозноситъ итальянскую живопись и поэзію; Освобожденный Іерусалимъ нравится ему больше Иліады, Неистовый Орландъ больше Одиссейи, поэма Тасса—по кроткой граціозности, на которой, какъ на общемъ фонѣ, тѣмъ ярче рисуется высокое, а романтика Аріоста—по своимъ веселымъ шуткамъ, по тонкой сатирѣ и тѣмъ истиннымъ, правдивымъ аллегоріямъ, которыя выступаютъ здѣсь на ряду съ неслыханными чудесами воображенія. Прямо противъ Жанъ-Жака Руссо направлены заключительныя слова Вольтера. „Вѣкъ Возрожденія также конечно не безъ напастей и злодѣйствъ, но онъ тѣмъ не менѣе высится надъ

* Тутъ самъ Вольтеръ очевидно смѣшиваетъ основной фактъ съ способомъ воспринятія его раздраженною фантазіей. Прим. перев.

другими вѣками благодаря тому блеску, какой придали ему его великіе и изящные умы, подобно тому какъ остались навсегда славны эпохи Софокла и Демосѳена, Цицерона и Виргилія. Эти люди, явившіеся учителями всѣхъ временъ, не помѣшали однакожь ни Александру убить Клита, ни Августу въ его кровавыхъ гоненіяхъ на республиканцевъ; также точно какъ Расинъ и Лафонтенъ не удержали Людовика XIV-го отъ великихъ заблужденій и ошибокъ. Несчастія и преступленія бываютъ вѣдь всегда, а эпохъ, прославленныхъ искусствомъ и наукой, было всего лишь четыре. Надо быть отъявленнымъ глупцомъ, чтобы сказать, будто онѣ-то именно и повредили нравамъ; онѣ, напротивъ того, возникли не смотря на порочность и развратъ людей и смягчали какъ самихъ тиранновъ, такъ и ихъ поступки".

Часто превозносятъ ловкость, съ какою Вольтеръ пользовался всѣми поэтическими формами для изложенія своихъ мыслей и для своихъ цѣлей вообще; но это именно и доказываетъ что онъ не былъ поэтъ въ высшемъ смыслѣ слова,—такой, у котораго душевный порывъ необходимо выливается въ ту или другую форму, или для котораго она обусловливается пластической силой содержанія; онъ, напротивъ, такъ же произвольно владѣетъ языкомъ, какъ иной виртуозъ своимъ музыкальнымъ инструментомъ, онъ при этомъ щеголяетъ умѣньемъ искусно подладиться ко всему, но отнюдь не увлекается вдохновеніемъ, не открываетъ безсознательно и безотчетно красоты; у него нѣтъ естественнаго звука, нѣжной плавности той пѣсни, которая бьетъ самородною струей изъ нѣдръ души, нѣтъ той глубины идеи, для которой ясно вѣчное во временномъ, явенъ божественный Промыслъ въ судьбахъ человѣческаго рода Изумительное разнообразіе внѣшнихъ его формъ признавалъ и Шиллеръ свидѣтельствомъ противъ поэтичности Вольтера; иначе, какъ бы ему не найдти одной такой завѣтной формы, въ которой бы онъ преимущественно изливалъ порывъ своей души. Все у него тотчасъ переходитъ въ поученіе или въ полемику, комичное становится сатирой, серьёзное—демонстраціей или доводомъ. Но въ этихъ собственно предѣлахъ онъ всегда останется однимъ изъ величайшихъ писателей, употреблявшихъ поэтическія формы. А въ нѣкоторыхъ веселыхъ и бѣглыхъ стихотвореніяхъ, гдѣ овладѣваютъ имъ внезапная геніальная затѣя или какое-нибудь мгновенное ощущеніе, гдѣ мысль съ игривой легкостью будто сама собой заостряется въ эпиграмму,—онъ тутъ поистинѣ достоинъ удивленія.

Всю жизнь свою Вольтеръ писалъ драмы, и Французы ставятъ его вслѣдъ за Корнелемъ и Расиномъ третьимъ изъ великихъ своихъ трагиковъ; можно бы скорѣе ожидать въ немъ новаго Мольера, но онъ какъ нарочно слабъ именно въ комедіи, гдѣ главное не столько остроумный разговоръ, сколько комичность положеній и характеровъ; а онъ, какъ человѣкъ разсудка по преимуществу, вездѣ гонится за смѣшнымъ во мнѣніяхъ и мысляхъ, да притомъ у него нѣтъ ни тѣни того добродушнаго юмора, который въ самыхъ даже людскихъ слабостяхъ и недостаткахъ все-таки видитъ еще доброе зерно, хочетъ своими шутками исправить осмѣиваемыхъ отъ этихъ недостатковъ, часто порождаемыхъ преувеличеніемъ хорошаго иногда свойства, и тѣмъ самымъ развлечь и развеселить насъ. Обо многихъ своихъ трагедіяхъ Вольтеръ говоритъ самъ, что онъ писалъ ихъ съ особеннымъ умысломъ; такъ въ

„Олимпіи“ искалъ онъ повода къ размышленіямъ о таинствахъ, о обязанностяхъ жрецовъ, о единствѣ Бога; такъ изъ Могаммеда дѣлаетъ онъ Тартюфа съ мечомъ въ рукѣ, имѣя въ виду показать, до какого чудовищнаго разврата доводитъ слабыя души фанатизмъ, когда овладѣетъ ими безсовѣстный мошенникъ. Благоговѣющая передъ пророкомъ невинная семья, изъ брата и сестры, увлекается имъ къ преступному кровосмѣшенію, къ убійству неизвѣстнаго ей отца, юноша погибаетъ потомъ отъ яда, а дѣвушка остается въ живыхъ, съ тѣмъ чтобы стать жертвою Могаммедовой похоти. Въ этой ужасной плетеницѣ злобы и сладострастія роль пособника играетъ Омаръ; идолопоклонникъ раскрываетъ чистый деизмъ провозвѣстнику единаго духовнаго Бога; во всемъ этомъ ни мѣстнаго колорита, ни пророчества, не видно и слѣда. „Иди далѣе; міръ предназначенъ для тирановъ, живи себѣ ты!“ говоритъ умирающая Пальмира своему палачу-мучителю; вотъ и вся очистительная жертва, все поэтическое правосудіе! При всемъ умѣньи расчленить сюжетъ и сгромоздить дѣйствіе въ пирамиду, при всей текучести рѣчи, доходящей иногда до неотразимо сильной декламаціи, у Вольтера нѣтъ глубины въ міросозерцаніи, ему чуждо искусство создавать своебытно-крупные характеры, языкъ его лишенъ свѣжей образности. Благодаря страстной любви нѣкоторыя драмы его примыкаютъ къ расиновскимъ; разработкою на сценѣ политическихъ и религіозныхъ вопросовъ въ общественной жизни онъ какъ бы подходитъ иногда къ Корнелю; но ему далеко до лучшихъ произведеній обоихъ этихъ мастеровъ. Онъ плохо зналъ Грековъ, но все таки научился отъ нихъ сдерживать слишкомъ выдающуюся галантерейность и не приплетать къ театральной піэсѣ во что бы то ни стало любовную канитель; гдѣ любовь не душа дѣйствія, думалъ онъ, туда не слѣдуетъ ее и втискивать. Онъ расширилъ кругъ сценическихъ сюжетовъ и бралъ ихъ отчасти изъ Среднихъ вѣковъ, отчасти изъ новаго даже времени. Однако все еще держался условной формы трехъ единствъ и александрійскаго стихоразмѣра, даже и послѣ того сильнаго впечатлѣнія, какое произвели на него въ Англіи полнота дѣйствія и свободная энергія изложенья у Шекспира; впрочемъ надобно сказать, что ему и тамъ больше нравились піэсы Аддисона и Драйдена простотою своей постройки и риторичностью языка. Онъ, первый, открылъ Французамъ Шекспира; хотя непривѣтно отзывался объ немъ впослѣдствіи, когда Шекспира вздумали противопоставлять ему; тутъ великому трагику пришлось отъ него плохо: онъ ругалъ его шутомъ въ лохмотьяхъ, неуклюжимъ акробатомъ, пьянымъ дикаремъ. Корнель въ сравненіи съ британскимъ поэтомъ казался ему чѣмъ-то вродѣ образованнаго барина передъ первобытнымъ мужикомъ; тѣмъ не менѣе потокъ истиннаго чувства и смѣлость дѣйствія въ Шекспирѣ увлекали Вольтера дотого, что разсужденія французскаго трагика находилъ онъ противъ нихъ ужь черезчуръ холодными. Въ лицѣ Шекспира, писалъ онъ, природа хотѣла соединить все, что способна она произвесть высокаго и великаго, съ тѣмъ что ни есть въ ней грубаго и отвратительнаго. Воротясь во Францію, онъ опять вышелъ изъ-подъ вліяній англійской сцены, хотя полученныя отъ нея возбужденія еще дѣйствовали въ немъ, отчасти и теперь, такъ что онъ взялъ нѣсколько мотивовъ и написалъ нѣсколько отдѣльныхъ сценъ прямо въ подражаніе англійскимъ и какъ бы въ соперничество съ ними; но вмѣсто того чтобы выступить реформаторомъ театра

во Франціи, онъ самъ подчинился парижскому вкусу: „Искусство мыслить кажется принадлежитъ Англичанамъ, а искусство нравиться — Французамъ; они должны покориться правиламъ нашего театра, а мы, съ своей стороны, примемъ ихъ философію“.

Въ юношескомъ произведеніи своемъ, Эдипѣ, Вольтеръ не столько соперничалъ съ Софокломъ какъ съ Корнелемъ, но далеко не сравнялся ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Подобно Корнелю, не достигъ и онъ той истинно-мастерской композиціи, благодаря которой древній Грекъ постепенно вводитъ въ сознаніе зрителя все прошлое, былое. Но Корнель въ своей піэсѣ развилъ по крайней мѣрѣ вопросъ своего собственнаго времени: насколько именно наша судьба обусловливается предопредѣленіемъ божіимъ или нашею свободою, и ему понадобилась со стороны героя новая еще вина; для этого онъ придумалъ Дирке, старшую дочь Лайя и Іокасты, единственно лишь съ тѣмъ, чтобы Эдипъ могъ отказать Тезею въ ея рукѣ; вотъ почему она хочетъ пожертвовать собою и выдать себя за убійцу Лайя, но своимъ безпощаднымъ себялюбіемъ Эдипъ самъ выводитъ наконецъ на свѣтъ всю истину и тѣмъ повергаетъ себя въ гибель. Вольтеръ, съ своей стороны, изобрѣтаетъ Филоктета, который былъ будто бы любовникомъ Іокасты до замужества ея съ Лайемъ, а потомъ удалился скорбя изъ родной страны; теперь, по смерти Лайя, возвращается онъ съ тѣмъ чтобы жениться на вдовѣ его, которую на бѣду себѣ застаетъ уже супругой Эдипа; тутъ съ самоотверженіемъ злосчастной любви хочетъ онъ пожертвовать собою, какъ вдругъ тѣнь Лайя требуетъ возмездія за постигшую его насильственную смерть. Тутъ, конечно, слѣдуетъ забыть, что у Эдипа и Іокасты есть взрослыя уже дѣти; она должна быть юною, прекрасною вдовой, и піэса заканчивается ея самоубійствомъ, невѣдомо всущности за что и про что. Для Вольтера главнымъ дѣломъ было дать ей высказать на сценѣ колкую эпиграмму:

Жрецы совсѣмъ не то, что̀ видитъ въ нихъ толпа;
Ихъ мудрость—сущій вздоръ, не будь лишь чернь глупа. *

Изъ римскихъ драмъ „Смерть Цезаря“ написана подъ шекспировскимъ вліяніемъ; Вольтеръ отваживается изобразить здѣсь народъ, но центръ тяжести всеміркоисторическаго элемента все-таки перенесенъ у него на личность: онъ дѣлаетъ Брута роднымъ сыномъ Цезарю и заставляетъ его бороться съ невольною боязнью передъ отцеубійствомъ; само собою разумѣется, что онъ не доводитъ свою драму до сраженія при Филиппи; для него всего важнѣе закончить ее бойкимъ словцомъ, что рабство не должно преодолѣть свободы. Такимъ образомъ и въ „Спасенномъ Римѣ“ главное для Вольтера патріотическій паѳосъ цицероновой рѣчи, а въ старшемъ „Брутѣ“ строгоримское его настроеніе; къ сожалѣнію, въ послѣдней этой драмѣ онъ не съумѣлъ взять за основной мотивъ привязанность молодыхъ аристократовъ къ только-что

* Положимъ даже, что это остро; но только вообразите себѣ доисторическую Іокасту, умирающею съ подобной эпиграммой на устахъ! Прим. перев.

низвергнутому царскому трону, а также у сыновей Брута гордость и страсть весело пожить; у него является тутъ, напротивъ, любовишка къ дочери Тарквинія первой движущею пружиной. Для своей „Эрифилы" Вольтеръ беретъ изъ Гамлета явленіе тѣни умершаго отца; только сынъ видитъ послѣднюю не среди страховъ ночи и не измученный заранѣе зловѣщимъ предчувствіемъ, а внезапно середь бѣла дня, въ то время какъ идти къ брачному алтарю съ невѣдомой ему матерью, и тѣнь требуетъ не пощады этой матери, но, напротивъ, ея смерти. Дочего такимъ же образомъ нелѣпо выступаетъ на сцену тѣнь Нина въ „Семирамидѣ", это порицалъ въ то время Лессингъ, при чемъ онъ указалъ и на тѣ черты, какія въ своей „Заирѣ" Вольтеръ также позаимствовалъ у Шекспира; но ревность Оросмина, замѣчаетъ онъ, развѣ лишь курящаяся головня изъ смертнаго костра Отелло, да притомъ Вольтеру знакомъ только канцелярскій слогъ любви, языкъ тонкой галантерейности, а вовсе ужь не языкъ сердца. Надо тѣмъ не менѣе сказать, что благодатный огонь внутренняго чувства господствуетъ въ этой трагедіи, какъ ни лишена она сроднаго Востоку богатства образовъ и особеннаго благоуханья; прекрасная фигура рыцаря Люзиньяна и весь вносимый ею въ піэсу эпизодъ неотъемлемо принадлежатъ Вольтеру; а при видѣ ихъ не льзя не пожалѣть, что поэтическая его жила обыкновенно такъ крѣпко была подтянута прозаическимъ направленьемъ времени и стѣснительными преданьями французской сцены. Въ „Альзирѣ" онъ противопоставилъ другъ другу Перуанцевъ съ Испанцами; и борьба любви къ родинѣ и первыхъ влеченій сердца съ узами долга и чести выставлена здѣсь эффектнымъ образомъ. Въ „Танкредѣ" начало и конецъ напоминаютъ Ромео и Юлію: любовь связываетъ два сердца наперекоръ взаимной ненависти партій, и послѣ вынужденной разлуки соединяетъ ихъ опять только уже когда было поздно, передъ самой кончиною; но неловкостью со стороны автора является здѣсь недоразумѣніе между влюбленными, тогда какъ рыцарское чувство и благородство души обрисованы имъ нѣжно и ясно. Въ этихъ романтическихъ трагедіяхъ Вольтеръ дѣйствительно трогаетъ до глубины души. Но до какой степени бѣдна реальными созерцаньями его фантазія, дочего общъ и безцвѣтенъ способъ его выраженій, это вполнѣ обнаружилось только тогда, когда Гёте обработалъ нѣсколько его піэсъ для веймарскаго театра и долженъ былъ подживлять сухость вольтерова изложенія болѣе опредѣленными пластическими чертами.

Во Франціи, какъ и у насъ (Германцевъ), была забыта средневѣковая поэзія; оттого не существовало и эпоса; но эпосъ считался принадлежностью народной славы, и вотъ молодой Вольтеръ попалъ на мысль стяжать эту славу и для самого себя, и для своего народа. И надо сказать правду, выборъ имъ сюжета былъ удаченъ; онъ остановился на героѣ, избавившемъ отечество отъ междоусобныхъ войнъ и соединившемъ его подъ одну державу,—героѣ, который рыцарственностью и веселымъ, обходительнымъ побытомъ и нравомъ пришелся народу по душѣ, а какъ основатель вѣротерпимости давалъ достаточный поводъ привязать къ его именно лицу требованія этой терпимости и для новѣйшей эпохи. Вольтеръ не смогъ однакожь равномѣрно удовлетворить и условіямъ историческаго эпоса, и тому, что̀ тутъ выросло изъ народныхъ сказаній; онъ не мастеръ былъ рисовать характеры, изложенію его недоставало чувственной созерцательности, онъ не всилахъ былъ ожи-

вить передъ взоромъ читателя ни духа, ни нравовъ, ни домашняго и военнаго быта реформаціонной эпохи; напротивъ, вездѣ у него сквозитъ начало 18-го столѣтія, вплоть до ньютоновой системы міра и до англійскаго парламента, гдѣ члены государства представляютъ собой силу и свободу цѣлаго; онъ не съумѣлъ пропитать свое созданіе реальностью, у него и тутъ перевѣшиваетъ поучающая разсудочность; уже Делилль замѣтилъ объ этомъ героическомъ эпосѣ, что, какъ ни богатъ онъ сраженіями и боевыми конями, въ немъ не найдешь даже и травы, чтобы покормить послѣднихъ, или воды, чтобы ихъ напоить. Вольтеру прежде всего нужно было написать что-нибудь рѣзкое противъ фанатизма и въ пользу вольномысленнаго просвѣщенія. Раздоръ отправляется у него прямо къ папѣ въ Римъ, тамъ точится кинжалъ для цареубійства; въ противоположность Фанатизму выставлена истинная Религія. Онъ хотѣлъ создать Французамъ искусственный національный эпосъ вродѣ тѣхъ, какими Тассо подарилъ Итальянцевъ, а Камоэнсъ Португальцевъ; но онъ далеко отсталъ отъ обоихъ,—отъ перваго—въ романтической прелести, отъ второго—въ историческомъ содержаніи и колоритѣ. При этомъ, передъ нимъ было два римскихъ образца,—Энеида Виргилія и Фарсалія Лукана. Общій планъ напоминаетъ собой Освобожденный Іерусалимъ, а Энеиду особенно морская буря, покинутая любовница, картина преисподней, предсказаніе будущихъ судебъ отечества, и подобно тому какъ Эней повѣствуетъ о разрушеніи Трои, такъ точно и разсказъ Генриха IV-го о Варѳоломеевской Ночи едва ли не лучшая изъ всѣхъ часть Генріады. Фарсалію напоминаетъ историческое содержаніе, любовь къ свободѣ, философскій взглядъ на міръ,—взглядъ, высказывающійся больше въ размышленіяхъ нежели въ дѣйствіи; какъ тамъ противопоставлены Цезарь и Помпей, такъ точно здѣсь Гизъ и Генрихъ III. Вольтеръ яснѣе, строгомѣрнѣе Лукана въ изложеніи, да и не напыщенъ какъ послѣдній; но зато у него нѣтъ ни виргиліева паренія, ни его патріотическаго паѳоса. Вмѣсто того чтобы въ судьбѣ народа и въ душахъ отдѣльныхъ лицъ раскрывать господство нравственнаго міропорядка, онъ замѣняетъ чувственно-задорный міръ древнихъ боговъ цѣлою механикой такихъ аллегорій какъ Раздоръ, Фанатизмъ, Любовь, которыя онъ ставитъ обокъ съ дѣйствіемъ и описываетъ какъ не льзя холоднѣе, тогда какъ имъ слѣдовало бы наглядно проступать въ характерахъ и поступкахъ выводимыхъ на сцену лицъ. Тутъ готовымъ образцомъ могли служить итальянскіе поэты, да и Рубенсъ въ своихъ картинахъ дѣлалъ изъ французской исторіи то же самое. Какъ бы то ни было, Генріада отвѣчала душевной суши того времени и явилась первымъ бросомъ или опытомъ въ такой области, гдѣ настоящихъ поэтовъ ждутъ и теперь еще лавровые вѣнки; Фридрихъ II видѣлъ въ ней выраженіе своей вѣры и завѣтныхъ своихъ помысловъ.

Въ поэтическомъ отношеніи несравненно выше стоитъ комическій эпосъ Вольтера, самое оригинальное изъ всѣхъ его созданій гдѣ онъ даетъ полный разгулъ своему генію, смотря по временамъ игриво перебираетъ всѣ возможные напѣвы и пестрою смѣсью кощунства и похабщины, граціозной болтовни и ядовито-гнѣвнаго остроумія вмѣстѣ и бичуетъ и потѣшаетъ знатное общество своей эпохи: я говорю объ его „Орлеанской Дѣвственницѣ", знаменитой Pucelle. У Вольтера не было ни малѣйшаго понятія о дѣйствительномъ вдохновеніи свыше, онъ не могъ себѣ психологически объяснить

ни небесныхъ голосовъ, ни какихъ-либо вообще сверхестественныхъ явленій; все казалось ему обманомъ или достойною осмѣянія мечтой, да притомъ и поселянка дѣвушка, по понятіямъ все еще дворскаго тогда французскаго вкуса, считалась предметомъ отнюдь ужь не для высокой или серьёзной поэзіи, а развѣ для какой-нибудь поэтической шутки. Въ Іоаннѣ д' Аркъ онъ видѣлъ только орудіе знати и поповъ; но все-таки противопоставилъ ее, какъ дюжую крестьянскую дѣвку, утонченному разврату высшаго общества, такъ что она столько же энергически обороняетъ у него свою невинность, какъ и бьется противъ Англичанъ. Историческое ядро поэмы, выручку осажденнаго Орлеана, обстановилъ онъ, по примѣру Тасса, любовными эпизодами, а въ тонѣ изложенія видимо подражалъ Аріосту, но далеко отсталъ отъ него въ чарахъ новеллистичной изобрѣтательности; по обилію сатирическихъ выходокъ противъ настоящаго, такъ же какъ и по разработкѣ темы половой чувственности, онъ явился предтечей Байрона, но послѣдній, въ своемъ Донъ-Жуанѣ, конечно превзошелъ его какъ поэтъ, юмористъ и живописецъ характеровъ. Въ 1656-мъ году Шапеленъ воспѣлъ Орелеанскую дѣвственницу въ правовѣрномъ старофранкскомъ эпосѣ, гдѣ на ея сторонѣ ратуютъ вои небесные, а за Англичанъ бьются демонскія силы. Его-то собственно и пародируетъ Вольтеръ. *

Не смотря на всю грязь этой поэмы, Шлоссеръ называетъ ее безподобнымъ произведеніемъ, мастерскою картиной образа мыслей и умственныхъ забавъ того круга, для котораго она была предназначена и среди котораго долго обращалась въ рукописи прежде нежели попала наконецъ въ печать; безбожная эта вещь, говоритъ онъ, чрезвычайно важна для ознакомленія съ тономъ и бытомъ европейской аристократіи; тутъ, какъ на подборъ, сосредоточены дерзновеннѣйшія остроты и самые злостные вымыслы, придуманные противъ всего того, что̀ прежде благоговѣйно чествовалось народомъ. Поэтому я и счелъ необходимымъ бросить взглядъ на содержаніе; чистая душа не запятнается, а развѣ только возмутится этимъ. Наглѣйшія изъ выходокъ переходили еще изъ рукъ въ руки въ качествѣ варьянтовъ; самъ Вольтеръ отступался отъ нихъ, но никто ему не вѣрилъ, да онѣ и включены потомъ въ собраніе его сочиненій. Знатные бары и барыни не могли себѣ въ то время представить, какъ скоро новой мудрости доведется низойдти въ простой народъ. „Можно смѣло утверждать, что стихи этой поэмы подѣйствовали на европейское человѣчество гораздо вредоноснѣе кратковременнаго неистовства демократовъ во дни террора.“ Дозволительно сказать и то, что сама революція и связанныя съ нею во̀йны были необходимою грозой для очищенія безнравственной атмосферы.

Вольтеръ написалъ еще много веселыхъ разсказовъ и стихами и прозою; даже научные вопросы умѣлъ онъ облекать въ форму повѣстей; его остроумная шутка, его беззатѣйливая болтовня часто напоминаютъ Лукіана. По примѣру Свифта, въ своемъ „Микромегасѣ“ (то-есть маловеликомъ) онъ сводитъ

---

* Мы отказываемся перевести отчетъ о содержаніи «Орлеанской Дѣвственницы», чтобы не подвергнуть и эту часть нашего перевода разсмотрѣнію Духовной Цензуры.

Прим. перев.

на Землю съ Сиріуса и Сатурна великановъ, которымъ земныя наши вещи и дѣла представляются во всей ихъ ничтожной мелкости. Часто возникаетъ и обсуждается вопросъ о томъ, что такое собственно житейская наша доля и какъ объяснить себѣ происходящее на свѣтѣ зло. Въ „Царевнѣ Вавилонской" онъ старается, напротивъ, показать, какъ легко бросаются намъ въ глаза многочисленныя злоупотребленія, тогда какъ мы часто не замѣчаемъ того добра, какое отъ нихъ происходитъ, или которое существуетъ помимо ихъ. Въ „Мемнонѣ" онъ указываетъ на различные міры, какъ на разныя ступени бѣдствія и глупости, восходящія понемногу до мудрости и счастья; нашъ маленькій земной шаръ, думаетъ онъ, хотя и нельзя прямо назвать сумасшедшимъ домомъ вселенной, но почти. Его „Задигу" всякое дѣлаемое имъ добро причиняетъ обыкновенно горе и несчастіе, а всякое зло какъ нарочно ему удается; но внутренно злые люди все же таки несчастны, и служатъ развѣ только для искуса добрыхъ, не болѣе. Вольтеръ любитъ переносить свои разсказы на Востокъ; дѣльно овинословить связь событій, выдержать психологическую правду, ему не нужно; въ пестрой чередѣ сценъ и происшествій онъ хочетъ только распотѣшить остроуміемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заронить въ человѣка свои мысли. Въ „Простодушномъ" (l'Ingénu) является противоположность нашей вѣры, нашихъ нравовъ и обычаевъ съ понятіями и бытомъ дикаря, Гурона, все это въ самомъ вольномъ и беззатѣйливомъ изложеніи. Любимую свою тему о добрѣ и злѣ Вольтеръ всего подробнѣе обработалъ въ „Кандидѣ". Это сатира на оптимизмъ. Одному истому горемыкѣ, выгнанному изъ замка въ Вестфаліи, доводится попасть на землетрясеніе въ Лиссабонъ, въ тюрьмы инквизиціи, къ американскимъ людоѣдамъ, въ войну съ Турками и въ чумный лазаретъ; а подконецъ онъ опять соединяется съ своей возлюбленной, съ своими друзьями, пессимистомъ и оптимистомъ, и предпочитаетъ всему жизнь въ сельскомъ затишьи. Пессимистъ изъ похожденій его выводитъ то назидательное заключеніе, что человѣка то теребитъ безпокойство, то одолѣваетъ смертельная скука, оттого и бросаетъ его изъ стороны въ сторону какъ какой-нибудь мячъ; а оптимистъ во всякомъ случаѣ утѣшаетъ себя тѣмъ, что мы все-таки живемъ въ наилучшемъ изъ возможныхъ міровъ, и какія бы ни встрѣчали насъ напасти и препятствія, мы все-таки достигаемъ наконецъ отрадной цѣли. „Пойдемте же обработывать свой садъ!" говоритъ Кандидъ; трудиться, не муча себя лишнимъ раздумьемъ, — вотъ лучшее средство дѣлать себѣ жизнь стерпимою. Вольтеръ часто возвращается къ этой мысли въ своихъ письмахъ: Станемъ обработывать свой садъ; все прочее пустяки, да правду сказать, и это не большое дѣло.

Въ собственно дидактическихъ стихотвореніяхъ о человѣкѣ, о законѣ природы, о естественной философіи Ньютона, образцомъ Вольтеру служилъ Попнъ; въ нихъ нѣтъ и тѣни поэтическаго вдохновенія. Несравненно лучше тѣ обращенныя къ извѣстнымъ лицамъ и полныя индивидуальности письма или посланія въ стихахъ (épitres), гдѣ пользуясь минутой благопріятнаго настроенія, Вольтеръ граціозно высказывалъ лучшія свои идеи; въ его время всѣ образованные люди повторяли ихъ наизусть. Чѣмъ вообще ближе узнаёшь этого человѣка, тѣмъ несомнѣннѣе открываешь въ немъ орудіе судьбы; природа какъ нарочно создала его такимъ, каковъ онъ былъ: иначе онъ не сдѣлался бы самымъ вліятельнымъ писателемъ своего времени. И данный

ему талантъ не зарылъ онъ въ землю, а пустилъ напротивъ въ оборотъ, и все ярче выступаютъ теперь свѣтлыя стороны его свойствъ, тогда какъ спервоначала въ глаза болѣе кидались тѣни; его слава заслужена имъ вполнѣ.

Дидро́ и Энциклопедисты.

Примѣромъ Вольтера и Монтескьё, дѣйствовавшихъ въ области государственнаго быта и исторіи, воспользовался для успѣховъ естествовѣдѣніяБюффонъ (1707—1788). Онъ такъ же обнималъ взоромъ цѣлое, онъ такъ же вполнѣ овладѣлъ всѣми знаніями своего времени, чтобы потомъ разсматривать природу въ совокупной ея связи́, и блескомъ своего изложенія распространять въ обширнѣйшихъ кругахъ охоту къ близкому ея изученью. Не даромъ пошло отъ него извѣстное словцо́, что слогъ, это—самъ человѣкъ. Въ своей „Естественной Исторіи Животныхъ“ описываетъ онъ ихъ и со стороны ихъ собственнаго образа жизни, и со стороны ихъ отношеній къ другимъ царствамъ; въ своихъ „Эпохахъ природы“ онъ даетъ намъ заглянуть въ процессы и борьбы, какіе выдержала Земля, прежде чѣмъ сдѣлаться обителью человѣческаго рода. Онъ первый возбудилъ общій интересъ къ геологіи и физіологіи, и внесъ даже въ суховатую область французской прозы элементъ живописности, тотъ великолѣпный колоритъ, который присоединяется къ ея разсудочно-ясной сторонѣ и къ свойственной ей легкой текучести изображеній. Онъ иногда черезчуръ вдается въ витійство, воображеніе осиливаетъ у него критику, и онъ готовъ жертвовать послѣднею, увлекаясь пыломъ художественно-величавой композиціи; главное для него выставить передъ читателемъ непрерывную цѣпь звеньевъ природы, строгомѣрную ея связь и основанную на этомъ красоту. Геттнеръ очень мѣтко приравниваетъ его Винкельману: оба отъ отвлеченныхъ понятій ведутъ насъ прямо въ наглядно-созерцаемую жизнь, въ среду органическаго развитія или роста, и сколько бы они теперь ни устарѣли, сколько бы новѣйшіе ни опередили ихъ въ частностяхъ, ни кто не превзошелъ ихъ широтою взгляда, искренностью геніальнаго одушевленія, невольно зажигающимъ насъ дѣйствіемъ. Открыть руководящія основы для яснаго распорядка растеній и сдѣлать Ботанику однимъ изъ образовательныхъ средствъ эпохи выпало на долю Шведа, Линнея.

Бюффонъ тщательно уклонялся отъ борьбы съ Церковью; но Эро̀ де-Сешель (Herault de Sechelles) передалъ намъ откровенный его отзывъ, что во всѣхъ его сочиненіяхъ на мѣсто Бога можно вездѣ поставить силу природы, притяженіе и движенье; сами собою, училъ онъ своихъ слушателей, соединяются органическія частицы неистребимой матеріи для образованія и порожденья живыхъ тѣлъ. Уже Толандъ толковалъ о вѣчной смѣнѣ вещества; но Англія покончила тогда съ своей революціей, оттого матерьялистическая тяга времени повела тамъ къ положительнымъ интересамъ и закончилась основаніемъ народнаго богатства и политической экономіи; тогда какъ во Франціи сила и вещество сдѣлались теперь чуть не всеобщимъ лозунгомъ противъ наличныхъ церковныхъ ученій и въ пользу переворота въ

строѣ гражданскаго общества. Ясно увидѣвъ что духовная наша жизнь обусловлена природой, думали и объяснить всю эту жизнь, какъ чистое лишь порожденье вещества; смѣло выставляемыя догадки и предположенія заступали тутъ мѣсто доказательствъ. До этого не доходилъ еще д'Аламберъ (1717—1783), отличный математикъ, секретарь Академіи Наукъ, другъ Фридриха II-го и императрицы Екатерины. Не то, чтобы ему только не хотѣлось портить себѣ этимъ беззаботное наслажденіе привольной жизнью; онъ былъ безстрастный, кроткій человѣкъ, и сознавался самъ, что не былъ надѣленъ мужествомъ, тогда какъ онъ называлъ счастливцами тѣхъ кто обладалъ имъ; но, помимо всего этого, и научно-образованный умъ останавливалъ его на томъ рубежѣ, за которымъ исчезала полная достовѣрность. Онъ всегда снова возвращался къ вопросу, занимавшему одного индійскаго царя: Зачѣмъ хоть что-нибудь на свѣтѣ существуетъ? — это казалось ему удивительнѣе всего. Благоразумнѣйшимъ считалъ онъ извѣстный монтеневъ девизъ: Почемъ знать? Присуще ли веществу разумѣніе, или оно властвуетъ раздѣльно отъ него? Все ли нами подмѣчаемое — только одно чувственное явленіе, или же есть что-нибудь дѣйствительно отвѣчающее ему внѣ насъ? Вознесись мы умомъ на небо, или погрузись въ бездну, мы вѣдь все-таки никогда не выйдемъ изъ себя самихъ; потомучто все, что бы мы ни подмѣтили, всегда вѣдь будетъ нашимъ же ощущеніемъ, нашей же собственной опять мыслью *.

Вотъ почему у Кондильяка, какъ ранѣе у Локка, а впослѣдствіи у Канта, родилась мысль, что слѣдуетъ прежде всего установить теорію познанія. Онъ обратился противъ тѣхъ философовъ, которые прямо начинаютъ со всеобщихъ понятій, вмѣсто того чтобъ исходить отъ чувственнаго наблюденія частностей, и примкнулъ потомъ рѣшительно къ тѣмъ, кто ищетъ главной и первоначальной опоры въ опытѣ. Если Локкъ на ряду съ ощущеніемъ или чувственнымъ впечатлѣньемъ отстаивалъ еще внутренній нашъ смыслъ, умственную самодѣятельность рефлекціи, и приписывалъ наши идеи общему взаимнодѣйствію обоихъ элементовъ, то преемникъ его, Кондильякъ, старается вывесть изъ чувственности и самое сознаніе, какъ порождаемую ею способность, а рефлекцію (или вникаціе) называетъ онъ только каналомъ, посредствомъ котораго нервныя впечатлѣнія вступаютъ въ сферу нашего ума. Наше представленіе основано на томъ, что ощущенія свои мы относимъ къ внѣшней намъ предметности; живыя впечатлѣнія оставляютъ по себѣ слѣды, которые удерживаетъ память; а когда мы сравниваемъ ихъ съ другими, и открываемъ между ними сходства и разности, тогда мы уже судимъ и образуемъ себѣ опредѣленныя понятія. Мы различаемъ сверхъ-того пріятныя ощущенія отъ непріятныхъ, желаемъ однихъ и отталкиваемъ отъ себя другія; это называемъ мы волею, и добрымъ и прекраснымъ слыветъ у насъ то, что̀ клонится къ нашему удовольствію; этого мы и ищемъ. Такимъ образомъ мышленіе и воля выходятъ только подвышеннымъ ощущені-

* На эту простую, но богатую выводами тему, еще не далѣе какъ въ 1872 году написалъ цѣлую книгу профессоръ гёттингенскаго университета д-ръ Бауманнъ.

Прим. перев.

емъ или только его же отголоскомъ: но гдѣ при этомъ остается или какъ тутъ возникаетъ самость, тотъ именно дѣятель, который долженъ напередъ всего обращать чувственныя впечатлѣнія въ ощущенья, долженъ ихъ удерживать и сравнивать одни съ другими? Это вѣдь не чувственное же опять впечатлѣніе, да и получаемые отъ впечатлѣній образы не соотносятся же другъ съ другомъ сами собой, не называютъ же они себя сами хорошими или дурными. На это не даетъ ни какого отвѣта Кондильякъ. Но другъ его, врачъ Кабанисъ, отвѣчаетъ за своего пріятеля. Онъ дѣлаетъ душу однимъ изъ мозговыхъ отправленій. Что головной мозгъ и всѣ его движенія также вѣдь опять предметы, а вовсе не какая-либо самость, не ощущающая и сознающая субъективность *я*, это онъ конечно обходитъ стороною. Всѣ состоянія и дѣйствія души суть, по его словамъ, только движенія и ощущенія самихъ нервовъ, такъ какъ всѣ совершаются только посредствомъ ихъ и никогда ихъ не минуютъ. Чувственныя впечатлѣнія входятъ въ головной мозгъ, который перевариваетъ ихъ и переработываетъ въ мысли, точно такъ же какъ печень выдѣляетъ изъ крови желчь. Естественный законъ матеріи именно и есть порядокъ божій. Это потомъ повторяли за нимъ многіе, тогда какъ самъ Кабанисъ пришелъ, напротивъ, къ тому окончательному убѣжденью, что душа вовсе не результатъ, не произведеніе чего-либо сторонняго, а именно возбуждающая сила и коренное начало жизнедѣятельности, безъ котораго нѣтъ возможности объяснить ни образованія чувственныхъ органовъ, ни образованія головного мозга; кто уклоняется отъ признанія мудрой цѣлесообразности въ природѣ, говоритъ онъ, тотъ по крайней мѣрѣ такъ же легковѣренъ, какъ и человѣкъ, принимающій на вѣру басни миѳологіи и талмуда.

Еще прежде, сатирикъ и весельчакъ, врачъ Ла-Меттри́, вызванный въ Берлинъ Фридрихомъ Великимъ, опредѣлилъ человѣка какъ машину, самую конечно многосложную и замысловатую во всей непрерывной лѣстницѣ земныхъ существъ. Пружины и колеса тутъ на лицо, и всѣ неизбѣжно производятъ свои дѣйствія; безъ внѣшнихъ чувствъ нѣтъ и мыслей; онѣ — порожденія нашего головного мозга, подобно тому какъ звукъ происходитъ отъ сотрясеній струны. Ла-Меттри́ писалъ риторской прозою, чтобы повозможности увлечь читающій народъ; изъ своей системы онъ выводилъ слѣдствія для практической жизни: чувственное довольство, сладострастіе почиталъ онъ цѣлью бытія, свободу—самообольщеніемъ; природное побужденіе учитъ насъ не дѣлать другимъ того, чего мы сами себѣ отъ нихъ не желаемъ; преступники просто больные, которыхъ надо отдавать на руки медику, а вовсе не палачу. Сознательная наша жизнь вся зависитъ отъ матеріи, отъ ѣды и питья; хорошая организація ведетъ и къ хорошимъ поступкамъ. Природа всѣхъ создала для счастія, но міръ не будетъ счастливъ до тѣхъ поръ пока не сдѣлается безбожнымъ; только тогда будутъ вырваны съ корнемъ вонъ религіозныя войны, сожиганія еретиковъ, преслѣдованія и гоненія; освободясь отъ священнаго яда, природа возвратитъ себѣ опять свои права, свою чистоту, и человѣкъ будетъ слѣдовать тому побужденію, которое само собою ведетъ его къ благу. Но религія, спросимъ мы, не произошла ли также отъ необходимыхъ нервныхъ движеній и плотскихъ побудовъ? И съ какой стати матерія сама собой пришла къ мечтѣ, обманывающей ее чѣмъ-то сверхчувственнымъ? Впрочемъ, большая часть матерьялистовъ лично были и тогда

гораздо лучше своей системы. Дидро̀ сказалъ о Ла-Меттри́: забавникъ, дерзкій умомъ и наглый сердцемъ, онъ и умеръ такъ какъ жилъ — съѣвши изъ ребяческой жадности и хвастовства цѣлый пастетъ съ трюфлями. Великій король тѣмъ не менѣе признавалъ въ немъ живую потребность истины, всегда веселое самодовольство; не останавливаясь долѣе на легкомысленныхъ отзывахъ Ла-Меттри́, мы лучше приведемъ прекрасное его правило: „Пиши такъ, какъ будто бы ты въ цѣломъ свѣтѣ былъ одинъ и не боялся со стороны людей ни ревности, ни предразсудковъ; иначе тебѣ не достигнуть своей цѣли“.

Сынъ пфальцскаго врача, Гельвецій, разбогатѣлъ еще юношей въ званіи государственнаго откупщика и появлялся даже иногда танцоромъ въ балетѣ; подъ вліяніемъ Мопертюи́, онъ сдѣлался геометромъ, и въ то же время хотѣлъ соперничать съ Вольтеромъ въ стихотворствѣ и въ политикѣ съ Монтескьё: тутъ все и остановилось у него на дилеттантскихъ поползновеніяхъ. Но вотъ онъ открылъ свой домъ для избранныхъ умовъ и сталъ прислушиваться къ ихъ бесѣдамъ, до тѣхъ поръ пока не снискалъ себѣ извѣстности одною книгой, именно потому, что она подверглась жесточайшему преслѣдованію со стороны полиціи и Церкви. Его сочиненіе „Объ умѣ“ выставляетъ своекорыстіе источникомъ всей нашей дѣятельности; г-жа Дю-Деффанъ, говоритъ онъ, недавно всенародно высказала то, что̀ думаетъ про себя цѣлый свѣтъ. Себялюбіе, личная своя польза — вотъ главная пружина всѣхъ людей; мы ищемъ того, что намъ пріятно, а всякой непріятности хотимъ избѣжать; вотъ причина всѣхъ движеній и перемѣнъ въ умственномъ мірѣ. Только стремленіе удовлетворять своимъ страстямъ побуждаетъ насъ къ напряженію силъ и жертвамъ; приводить людскія страсти въ движеніе и направлять ихъ,—вотъ искусство воспитанія и государственнаго правленья. Сотоварищи Гельвеція шутили надъ плоскостью и односторонностью высказанныхъ имъ смутныхъ мнѣній, но признавали въ немъ тѣмъ не меньше добраго пріятеля, и благодѣтеля бѣдныхъ людей; Руссо̀ въ „Эмилѣ“ обращается къ нему съ трогательными словами: „Напрасно хочешь ты унизить себя передъ самимъ собой; душа твоя свидѣтельствуетъ противъ твоихъ правилъ, доброе твое сердце отрицается твоего ученія“. — Сенъ-Ламберъ, военный офицеръ, котораго дамы ставили выше Руссо̀ и на ряду съ Вольтеромъ, разобралъ мужскую и женскую природу и находилъ, что счастіе для обѣихъ состоитъ въ образованіи разума, въ сопряженіи личнаго нашего блага съ благомъ того общества, котораго мы члены. Такъ впослѣдствіи и Вольней (Volney) хотѣлъ сдѣлать нравственность простымъ естественнымъ закономъ; истинное себялюбіе, думалъ онъ, главная опора общаго блага: живи для ближняго, да живетъ онъ для тебя!

Нѣмецкій баронъ Гольбахъ, рано прибывъ въ Парижъ, не только что сдѣлалъ домъ свой сборнымъ мѣстомъ философствующихъ головъ, но, опираясь на хорошее естествовѣдное образованіе, выступилъ и самъ краснорѣчивѣйшимъ провозвѣстникомъ такъ-называемаго евангелія природы, самымъ воинственнымъ рыцаремъ матеріи, которой правъ и значенія отнюдь не должно забывать, но при этомъ всегда отстаивалъ нравственныя затребы, идеальныя стремленья человѣчества съ тѣмъ чтобы какъ-можно возвысить его благо,

Гриммъ въ своей перепискѣ однажды говоритъ, что Гольбахъ и пріятель его Нежонъ (Naigeon) обдѣлываютъ атеизмъ для горничныхъ и парикмахеровъ, а Дамиронъ отзывается о послѣднемъ, что въ своемъ „Военномъ философѣ" и въ „Карманномъ богословіи" онъ съ наглою улыбкой принизываетъ одну къ другой всѣ кощунскія остроты, надуманныя скептицизмомъ. Тѣмъ не менѣе тотъ лестный отзывъ, какимъ Гриммъ почтилъ впослѣдствіи память Гольбаха, подтверждается и съ разныхъ другихъ сторонъ: „Мало, говоритъ онъ, встрѣчалъ я людей съ такимъ всеобщимъ образованіемъ, какъ Гольбахъ; и никогда не видалъ такихъ, которые при этомъ были бы менѣе суетны и славолюбивы. Не будь у него столько живой ревности къ успѣхамъ всякой науки, не сдѣлайся у него второй природою потребность сообщать другимъ все то, что̀ казалось ему важнымъ и полезнымъ, онъ бы вѣроятно никогда ни кому и не выдалъ своей начитанности. Съ ученостью обходился онъ точно такъ же какъ и съ имѣніемъ. Ни кто бы и не подумалъ, что онъ богатъ, имѣй онъ только возможность скрыть свой достатокъ безъ ущерба своему собственному наслажденію и особенно наслажденію своихъ друзей. Ему не трудно было вѣрить въ господство разума, такъ-какъ всѣ его удовольствія и страсти были таковы, что въ нихъ всегда брали перевѣсъ хорошія правила, добрыя начала. Онъ просто не могъ кого бы то ни было ненавидѣть; только, когда онъ говорилъ о сторонникахъ деспотизма и суевѣрія, врожденная его кротость переходила въ горечь и задоръ".

Главное произведеніе всего новѣйшаго матерьялизма вообще, „Система Природы" (1770 г.), идетъ преимущественно отъ Го̀льбаха; она обнимаетъ взглядъ его на жизнь въ ея цѣломъ и соединяетъ въ себѣ нѣмецкое стремленье къ основательности и дѣльности съ блестящею легкостью тогдашняго французскаго изложенія. Тутъ приложили руку и остроумный математикъ Лагранжъ, и геніальный стилистъ Дидро̀, съ тѣмъ чтобы придать книгѣ всевозможную отдѣлку. Человѣка, говорится въ ней, необходимо воротить опять къ природѣ и къ разуму; онъ презрѣлъ дѣйствительность, гоняясь за фантомами, за блудящими огнями, которые сбивали его съ надлежащаго пути и, въ мнимыхъ интересахъ неба, обрызгали, запятнали землю кровью. Дѣйствительность, это—вѣчная, самосущая и самодвижущаяся матерія; природа—великое цѣлое, которое непрестанной смѣною веществъ порождаетъ разнообразныя формы и свойства всего сущаго. Такъ-называемыя мертвыя и живыя силы однородны, и только развиваются при различныхъ обстоятельствахъ. Притяженіе и отпоръ производятъ всѣ соединенія и разложенья въ матерьяльныхъ явленіяхъ, они дѣйствуютъ точно такъ же какъ любовь и ненависть въ мірѣ нравственномъ. И здѣсь и тамъ царитъ необходимая связь причинъ и слѣдствій въ тѣсно замкнутой цѣпи естества. Все совершается по вѣчнымъ законамъ, передъ которыми невозможно противорѣчіе ни какихъ на свѣтѣ чудесъ. Человѣкъ также физическое существо, звено вомкнутое въ общій ходъ природы; будь онъ независимъ отъ него своей свободою, онъ былъ бы сильнѣе всей природы или стоялъ бы совершенно внѣ ея; всѣ ощущенія, мысли, поступки—результатъ его внутренней сущности въ ея взаимодѣйствіи со впечатлѣньями внѣшняго міра. Косность матеріи становится въ человѣкѣ побудомъ къ самоподдержкѣ, къ самохраненію; изъ необходимости его существа слѣдуетъ то, что онъ желаетъ своей пользы,

стремится къ благоденствію и счастію. Безъ внѣшнихъ чувствъ ни какого внутренняго чувства, ни какой мысли; матерія въ насъ такъ организована, что доходитъ до сознанія и самой себя и міра; разложится эта организація, —вмѣстѣ съ нею гаснетъ и личная жизнь. Нѣтъ поэтому ни души на ряду съ тѣломъ, ни Бога на ряду съ природою. Всѣ доводы въ пользу божескаго существованія „Система" хочетъ опровергнуть; человѣкъ, говоритъ она, искони обожалъ невѣдомыя ему могуты природы. Самосущее, необходимое въ себѣ бытіе и есть именно природа съ ея всеосиливающимъ порядкомъ. Такъ какъ мы въ ней движемся, дышемъ и живемъ, то настоящее наше счастье можетъ заключаться только въ добродѣтели, то-есть именно въ томъ, чтобы себялюбіе наше согласовалось съ общимъ благомъ человѣчества. Другіе, съ своей стороны, также благопріятствуютъ нашему счастію, по скольку оно не только что не въ ущербъ ихъ собственному, но напротивъ само ему въ пользу; ради своего же блага ищемъ мы ихъ дружбы и признательности; добродѣтель, это—искусство дѣлаться счастливымъ, споспѣшествуя счастію другихъ. Мы только потому и видимъ столько бѣдствій и разврата на землѣ, что отдѣльныя личности побуждаются къ злу религіями, властями и дурными примѣрами. Напрасно проповѣдывать мораль въ такомъ обществѣ, гдѣ награждаются и превозносятся пороки и преступленья, гдѣ за своевольство карается только слабый, гдѣ съ маленькаго человѣка строго взыскивается за то самое, что̀ чествится и уважается въ большомъ, гдѣ смертная казнь постигаетъ тѣхъ, кого само государство, поддерживая предразсудки, сдѣлало преступниками. Противъ подобныхъ злоупотребленій народъ въ полномъ правѣ возставать, ибо правительство обязано служить жизненнымъ его цѣлямъ, благу общему, и народъ долженъ вынудить власть къ исполненію этой обязанности. Если мы хотимъ себѣ счастья, для насъ главное — быть справедливыми, благотворительными и миролюбивыми. Природа и дѣти ея—добродѣтель, разумъ и истина,—вотъ богини, имъ же подобаетъ ѳиміамъ и поклоненіе; послѣдуемъ ея законамъ, возлюбимъ добро, презримъ порокъ, но не возненавидимъ за него порочныхъ, а только пожалѣемъ объ нихъ, какъ о несчастныхъ; станемъ помогать обездоленнымъ, и наслаждаться тою долей счастія, какая намъ дана!

Книга эта напугала тогда не одно только духовенство, противъ нея ополчились не одни только суды; она многимъ пришлась крайне не по нраву: Вольтеръ опровергалъ ее и серьёзными доводами и шуткою, Руссо̀ противопоставилъ ей всю первую половину своей Исповѣди савойскаго викарія. Какимъ образомъ многоразличное внѣшнее движенье переходитъ во внутреннее единство, въ ощущеніе и сознанье? На этотъ простой вопросъ матерьялизмъ не отвѣчалъ никогда. Ощущенія и мысли—акты внутренней жизни, дѣло того по себѣ сущаго, что̀ зовемъ мы субъективностью или самостью; только одна самость чувствуетъ вмѣстѣ и себя, и другое. Если въ неизбѣжномъ ходѣ природы собственно не можетъ быть и рѣчи ни о порядкѣ или безрядицѣ, ни о прекрасномъ или отвратительномъ, ни о добромъ или зломъ, то какъ же человѣкъ доходитъ до идеальныхъ этихъ воззрѣній и нормъ сужденія? Какимъ образомъ матерія доходитъ до того, чтобы морочить себя какъ на́смѣхъ сверхчувственнымъ міромъ свободы и нравственнаго закона и требовать, чтобы изъ-за нихъ человѣкъ жертвовалъ чувственнымъ своимъ благомъ, даже жизнію? Идея Бога, которую матерьялизмъ называетъ за-

блужденіемъ и мечтой, не есть ли, при послѣдовательной выдержкѣ самой матерьялистической системы, естественно-законный результатъ господствующихъ въ насъ силъ? Съ чего же, на какомъ основаніи, онъ считаетъ себя въ правѣ назвать ее ложной? Матерьялизмъ принимаетъ за дѣйствительность міръ чувственныхъ явленій, а между тѣмъ этотъ міръ — порожденіе нашей же только организаціи, какъ самое вещество, такъ равно звукъ и цвѣтъ, которые суть наши ощущенья. Вещество вѣдь только феноменъ силы, и внѣшнее не есть первичное, а напротивъ только проявленье внутренняго. Но что всему идеальному и духовному присуща естественная основа, что въ наружномъ своемъ проявленіи оно связано со внѣшнимъ міромъ и на него опирается, что природа не есть что-либо сдѣланное извнѣ и опредѣлимое произвольно, но живущее изъ самого себя и совершенно необходимое, за это готовы стоять и мы, какъ за истинный добытокъ матерьялизма.

Обращаемся теперь къ Дидро̀ (1713 — 1784). Онъ былъ сынъ одного ножевщика изъ Шампани, и при этомъ невольно думается о томъ, какимъ пѣнисто-сладкимъ умственнымъ напиткомъ угощаетъ онъ своихъ читателей, какъ искусно оттачиваетъ и заостряетъ онъ клинки, рознявшіе на части старое время и очистившіе просторъ новому. И въ немъ отражается намъ тогдашній французскій народъ, подымающійся изъ страшнаго упадка нравовъ благодаря богатырской борьбѣ своихъ писателей противъ церковной и свѣтской тиранніи. Онъ страстный защитникъ матерьялизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ, во всѣхъ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ, идеалистъ душой, въ своихъ сочиненіяхъ — неутомимый и часто даже утомительный проповѣдникъ морали. Розенкранцъ, посвятившій превосходную книгу его изображенію, очень знаменательно говоритъ объ немъ такъ: „Дидро̀ самъ живое противорѣчіе духа съ матеріей, природы съ культурой, цинизма съ сентиментальностью, безвѣрія съ потребностью въ вѣрѣ, сознательнаго покорства судьбѣ съ революціонной смѣлостью, разврата съ чистой нравственностью; но онъ не одно только противорѣчіе, а въ тысячѣ попыткахъ, въ тысячѣ разныхъ формъ является онъ и той силою, которая стремится разрѣшить его, стремится отважно, искренно, хотя и легкомысленно подчасъ. Истинно-французская общительная натура, онъ увѣковѣчилъ себя не великимъ, самостоятельнымъ трудомъ, но участіемъ въ сборной работѣ (въ Энциклопедіи) и тѣмъ, что умѣлъ мастерски высказать новѣйшія стремленья“. Дидро́ былъ можно сказать геній общительности. Энциклопедистъ и умница, живой, бьющій ключомъ изнутри, хватавшійся за каждый случай высказаться и нуждавшійся однакожь во внѣшнемъ поводѣ для скриталлизовки на немъ своихъ мыслей, полный критическаго воинолюбія и однакожь добродушный и кроткій сердцемъ, готовый всегда жертвовать, помочь совѣтомъ и дѣломъ, онъ находилъ и удовольствіе и силу свою въ томъ, чтобы занимать другихъ и самому заниматься въ ихъ сообществѣ;—этотъ-то именно тонъ господствуетъ и въ его сочиненьяхъ: вмѣсто исчерпывающей предметъ, систематической строгости, мы встрѣчаемъ ту непринужденную болтовню, которая, не углубляясь въ основу вещи, такъ и увиваетъ ее своимъ остроуміемъ и тонкимъ чувствомъ, но при этомъ въ случайныхъ какъ будто отзывахъ очень часто попадаетъ въ самую суть дѣла и освѣщаетъ ее тысячью блестящихъ огней. Въ искусствѣ не создалъ онъ ни какого новаго идеала, въ наукѣ не открытъ

имъ ни одинъ новый законъ; тамъ онъ только занимательный поэтъ, здѣсь —только воспроизводящій распространитель мыслей своей эпохи. Какъ веселаго и притомъ угодливаго человѣка, его рвали со всѣхъ сторонъ, и онъ самъ простосердечно говоритъ объ этомъ: „У меня не крадутъ жизнь, я самъ ее раздаю; да и что̀ могъ бы я сдѣлать лучше, не уступай я доли ея тѣмъ, кто настолько меня уважаетъ, что ея хочетъ". Но у него не оставалось бы столько времени и доступности для другихъ, поставь онъ самъ себѣ изъ глубины души болѣе крупныя задачи для возможно полнаго разрѣшенія. Ему всего больше было по̀ сердцу распускаться въ блестящемъ разговорѣ; и труды его и его стиль носятъ на себѣ фёльетонный отпечатокъ. Истинно-классиченъ онъ тамъ, гдѣ и сюжетъ и форма отвѣчаютъ его общительному дарованію,—въ небольшомъ разсказѣ, будь то деревенская исторія или свѣтская новелла, въ разговорахъ гдѣ живая характеристика соперничаетъ съ подвижнымъ обиліемъ игривыхъ мыслей, какъ напримѣръ въ „д'Аламберовомъ снѣ", въ „Племянникѣ Рамо̀". Первый философскія воззрѣнья самого Дидро̀ влагаетъ въ уста его бредящему во снѣ другу, переплетая ихъ съ разговорами его возлюбленной и сидящаго тутъ же врача; во второмъ Дидро́ такъ мастерски передалъ безпутную геніальность той отчасти растерзанной, отчасти притупленной крайнимъ раздраженіемъ эпохи, что Гегель могъ перенесть оттуда въ свою „Феноменологію духа" яркія краски для картины переходной эпохи развивающагося всемірно-историческаго сознанія вообще. Племянникъ Рамо̀—философъ страсти къ наслажденіямъ, софистъ брезгливой пресыщенности, пользующійся всѣми средствами и выгодами образованія для того чтобы самый умъ оборотить противъ ума, выставлять культуру и нравы совсѣмъ лишними, а единственными предметами желаній полагать богатство и прекрасное платье, хорошенькихъ женщинъ и отличное вино; это—какая-то смѣсь веледушія и низости, ума и безразсудства, это—подхлебникъ и вмѣстѣ строгій проповѣдникъ знатнаго круга, безстыдный обличитель, но зато не прикрашивающій и собственныхъ грѣховъ, и въ то же время поднимаемый выше общаго уровня своей страстной любовью къ музыкѣ, рѣзкостью своихъ сужденій, своимъ изумительнымъ актёрскимъ талантомъ; увлекательны, истинно восхитительны здѣсь тонкая живопись души, чудесная легкость обдѣлки, не смотря на всю гниль предреволюціонной атмосферы, безъ которой тутъ и не льзя было обойдтись, такъ какъ только она одна выгоняетъ на свѣтъ эти ярко-пестрыя болотныя зелья. — Вслѣдъ за тѣмъ можно еще поставить изліянія Дидро̀ по поводу картинныхъ выставокъ, писанныя имъ для Корреспонденціи Гримма; потомъ его письма къ Софіи Воланъ (Voland), къ ваятелю Фальконету, *—письма, въ которыхъ съ дружеской довѣрчивостью раскрываетъ онъ самымъ привлекательнымъ образомъ и благородное свое сердце и неистощимое богатство своего ума.

Въ романахъ Дидро̀ противную въ самомъ дѣлѣ роль играютъ половыя безпутства и заблужденія; это клеймы времени, въ которое онъ жилъ. Легкомысленные Bijoux indiscrets (Соблазнительныя Нещечки) онъ бы и самъ охотно уничтожилъ впослѣдствіи. Въ „Монахинѣ" вознаграждаетъ онъ по край-

* Обезсмертившему себя дивной статуей Петра.

ней мѣрѣ психологическимъ развитіемъ, а въ „Жакѣ фаталистѣ“ потѣшаетъ насъ комическій контрастъ между приключеніями барина и слуги, остроуміе и въ самыхъ происшествіяхъ и въ тѣхъ размышленіяхъ, какія они вызываютъ. Напротивъ, его драмы—сплошь трогательныя картины изъ семейной жизни, преисполненныя нравоучительной тенденціи. Онъ вѣрно сообразилъ, что сцена должна всегда онагляживать собственную жизнь и образъ мыслей настоящаго; онъ и откинулъ прочь азіатскихъ принцессъ и распудренныхъ Римлянъ, но зато, на мѣсто крупныхъ вообще сюжетовъ и исторіи, онъ постоянно держался за самую обыкновенную повседневность; онъ хотѣлъ показать Парижанамъ настоящаго отца, настоящую мать семьи, съ тѣмъ чтобы поучать и исправлять своихъ зрителей, потѣшая ихъ въ то же время.

Дидрò учился въ Парижѣ и потомъ велъ тамъ привольную, независимую жизнь. Онъ занимался языками и математикой, богословіемъ, философіей и естествовѣдѣньемъ, однимъ словомъ тѣмъ, къ чему его въ ту минуту влекло, стараясь содержать себя частными уроками, переводами и своимъ собственнымъ писательствомъ, или же носился съ мыслію, самому выступить на сцену. Его геніальныя письма о слѣпцахъ, о глухонѣмыхъ, обратили на него вниманіе общества, но зато навлекли ему и арестъ. Тутъ получилъ онъ отъ книгопродавца-издателя приглашеніе обработать по-французски одну англійскую энциклопедію; онъ соединяется съ д'Аламберомъ и становится во главѣ несравненно обширнѣйшаго труда, который долженъ былъ подвести итогъ всѣмъ человѣческимъ знаніямъ и въ то же время сдѣлать ихъ общедоступными и общеполезными, который соединилъ въ себѣ всѣ лучшія авторскія силы Франціи и распространилъ вольномысленное просвѣщеніе на всѣ области и на всѣхъ образованныхъ людей. Предполагалось отнюдь не обмелить науку, а только посредствомъ легко понятнаго и изящнаго языка сдѣлать ее общимъ достояніемъ, такъ чтобы образованіе повело къ благодѣйствію и къ свободѣ; предполагалось не только описать человѣческій трудъ, промышленность и ея технику, но и двинуть ихъ впередъ естествовѣднымъ познаніемъ. Самъ Дидрò особенно отличился обработкою ремеслъ и всего ихъ производства. Въ цѣломъ этомъ предпріятіи былъ онъ какъ нарочно созданный для него человѣкъ, многосвѣдущій, всегда и на все готовый, душа дѣла не только какъ главный сочинитель, но и какъ редакторъ, умѣвшій, благодаря своей отвагѣ, своему благоразумію, своей добросовѣстности и любезности, сначала пустить машину въ ходъ, потомъ провести сквозь всѣ грозившія ей опасности, задобрить сотрудниковъ, поддерживать ихъ въ хорошемъ расположеньи духа и въ то же время побуждать къ срочной выставкѣ статей. Въ 1750-мъ году появилась программа изданія, а въ 1765-мъ отпечатаны послѣдніе томы. Пригласительную программу составилъ д'Аламберъ и набросалъ въ ней родъ карты или плана всей умственной жизни, которая дѣлится у него на точную (положительную) науку, на искусство и на философію; мѣсто многознайства и ученаго крохоборства должны заступить здѣсь полное плана единство и послѣдовательная, вездѣ выдержанная связь. Въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ предержащія власти могли бы пожалуй заподозрить опасное для Церкви и государства направленіе, соблюдалась особая тактика, —быть какъ можно осмотрительнѣй, но зато тѣмъ острѣе отпускать лезвее критики по поводу совершенно невинныхъ повидимому предметовъ. Такимъ

образомъ нашлось вдругъ средоточіе для единодушнаго дѣйствія всѣхъ представителей новой эпохи, „Энциклопедія“ стала вмѣстѣ арсеналомъ и побоищемъ въ борьбѣ за господство закона въ природѣ, какъ и въ государствѣ,— борьбѣ противъ вѣры въ чудеса, противъ стѣсненія совѣсти и противъ деспотизма. Парижскій архіепископъ грянулъ на нее пастырскимъ посланіемъ, и тѣмъ, разумѣется, усилилъ сбытъ; состоявшійся впослѣдствіи арестъ первыхъ томовъ не остановилъ продолженія другихъ. Но то и дѣло встрѣчались какія-нибудь затрудненія съ властями, и утомленный этимъ д'Аламберъ наконецъ отступился отъ изданія, тогда какъ Вольтеръ брался напротивъ за то, чтобъ перевести его въ Берлинъ или въ Петербургъ; но Дидро считалъ для себя дѣломъ чести довершить борьбу во Франціи и смѣло отвѣчалъ на возраженья: „Да развѣ мы зовемся философами такъ, ни за что? Есть мученики за ложь, а правду будутъ проповѣдывать одни трусы? Пусть увидятъ всѣ, что насъ соединяютъ не столько ненависть и презрѣніе къ тому, что вы (Вольтеръ) называете „мерзопакостнымъ“ (infâme), сколько любовь къ истинѣ, стремленіе сдѣлать добро, жажда правды, блага, прекраснаго; мало того, знать больше своихъ враговъ, надо показать имъ на дѣлѣ, что мы лучше ихъ, что философія порождаетъ же наконецъ благородныя души.“ Втайнѣ написано было десять томовъ для завершенья цѣлаго, напечатано и разомъ выпущено въ свѣтъ. Книгопродавца посадили въ Бастилію. Но Мальзербъ благоволилъ къ энциклопедистамъ, и друзья ихъ дѣла умѣли за придворнымъ столомъ навести разговоръ короля и г-жи Дюбарри на пудру для лица и помаду, принесли касающуюся этого часть Энциклопедіи и прочли необходимыя статьи; государь и его фаворитка были оба очарованы, и тутъ же рѣшено смотрѣть на продажу изданія сквозь пальцы. Литературный забіяка и обиратель, жалкій безпутникъ, Палиссо, * написалъ противъ энциклопедистовъ комедію „Философы“. Безъ всякой индивидуальной характеристики, выставилъ онъ ихъ мошенниками всѣхъ сплошь, такъ что и комедію лучше было бы назвать просто „Негодяи“. Какая-то вдова, чувствуя расположеніе къ философамъ хочетъ выдать за одного изъ нихъ свою дочь; но та влюблена въ офицера, и вотъ горничныя и лакеи доносятъ барынѣ о всей мерзости энциклопедистовъ, на которыхъ сыплются при этомъ самыя вздорныя клеветы. Дидро уничтожилъ этого противника, давъ изобразить его Племяннику Рамо и тутъ же начертать физіологію парижской нравственной сферы, которая производитъ подобныя „отродья“,—„изъ всѣхъ прозвищъ, говоритъ онъ, самое ужасное, потомучто оно обозначаетъ посредственность и вмѣстѣ выражаетъ высшую степень презрѣнья“.

Дидро, страстный книголюбъ, хотѣлъ однакожь продать свою библіотеку, съ тѣмъ чтобы хорошенько пристроить замужъ свою дочь; тутъ выручила его императрица Екатерина: она купила книги, но оставила ихъ пока въ Парижѣ, и Дидро назначила своимъ библіотекаремъ, давъ ему хорошій пенсіонъ. Онъ ѣздилъ въ Петербургъ, благодарить щедрую царицу, которая переписывалась съ тогдашними французскими умниками, въ то самое время какъ придворный поэтъ ея, Державинъ, сочинялъ свою величавую оду Богъ:

---

* Авторъ, конечно по недосмотру, называетъ его: Паллизо. Прим. перев.

не даромъ прозвали они ее сѣверною Семирамидой. Дидрò свободно бесѣдовалъ съ ней о цивилизаціи Россіи; она не оскорбилась даже и тѣмъ, что разъ въ жару разговора онъ дозволилъ себѣ коснуться рукой ея колѣнъ: онъ клялся что она обладаетъ душой Брута въ тѣлѣ Клеопатры. Онъ составилъ ей планъ для организаціи народнаго просвѣщенія, въ которомъ указалъ за образецъ германское устройство учебныхъ заведеній, съ раздѣленіемъ на народныя училища, гимназіи и университеты, и тогда уже намекалъ на реальныя школы, какія существуютъ теперь у насъ. На возвратномъ пути видѣлся онъ также съ королемъ Прусскимъ. Но всего лучше было ему среди своихъ друзей и подлѣ своей подруги въ Парижѣ.

Намъ какъ-то странно слышать, что анаграммою Таплонъ Вольтеръ хотѣлъ назнаменовать въ Дидрò новѣйшаго Платона, но философія его все-таки заслуживаетъ нашего вниманія. Онъ началъ переводомъ опыта Шафтсбёри О заслугѣ и добродѣтели, и въ примѣчаніяхъ развилъ его воззрѣнья далѣе, говоря, что необходимо преодолѣвать въ себѣ естественную грубость и себялюбіе, но при этомъ беречь завѣтную особенность души, что должно свое благо и свое право соглашать съ общественнымъ, что добродѣтель есть любовь къ прекрасному въ поступкахъ, и что конечно она не была бы въ неразрывной связи съ благополучіемъ, еслибы порядокъ и добро не были въ самомъ дѣлѣ сущностью вселенной. Потомъ онъ написалъ свои философскія мысли, которыя парламентъ осудилъ на сожженіе. Безъ крупной страсти нѣтъ, думаетъ онъ, ничего высокаго и увлекательнаго ни въ жизни, ни въ искусствѣ; но содержаніе должно оправдывать эту страсть. Дидрò—теистъ, и радуется возростающему изслѣдованію природы, которое признаніемъ мудрыхъ законовъ вездѣ и во всемъ, наноситъ самые тяжкіе удары матерьялизму; теперь, говоритъ онъ, уже не нужно для того и всемірное тяготѣніе, чтобы сокрушить безбожниковъ достаточны крыло какой-нибудь бабочки или глазъ какой-нибудь мошки; но надожь наконецъ откинуть въ сторону чудеса и проповѣдывать здравый разумъ! Въ томъ же направленіи идетъ у него и „Прогулка Скептика“. Своекорыстіе, говоритъ онъ здѣсь, порождаетъ поповство, послѣднее плодитъ предразсудки, а предразсудки ведутъ къ войнѣ; положительныя религіи вооружаютъ одинъ народъ противъ другого; естественная религія, которая устами самого Христа учитъ насъ познавать Бога и любить ближняго, никогда не стоила ни одной слезы людскому роду. Въ письмѣ о слѣпцахъ онъ говоритъ, что матерьялисты, противъ воли и наперекоръ своимъ началамъ, восторгаются прекраснымъ, хвалятъ все доброе и настаиваютъ на немъ. Въ этомъ же именно смыслѣ написана и Энциклопедія: здѣсь положительно утверждается естественное развитіе и его законы въ мірѣ чувственномъ и духовномъ, но при этомъ отстаивается самосознающаяся основа жизни, и всюду проглядываетъ чувствительная морализація. Въ 1754-мъ году появились мысли Дидрò насчетъ объясненія природы. Онъ не хочетъ ни какого мышленія, не опирающагося на опытъ, не хочетъ и простого сборника фактовъ безъ понятія; онъ смѣется и надъ безмысленнымъ эмпирикомъ и надъ метафизикомъ безъ знаній. Онъ указываетъ на то, какъ иногда ремесленникъ, техникъ, однимъ близкимъ знакомствомъ съ особенностями обработываемыхъ ими естественныхъ предметовъ, вычуиваютъ много такого, чтò наукѣ дается только впослѣдствіи; въ теплотѣ, магнитизмѣ и электричествѣ Дидрò

предчувствуетъ одну и ту же основную силу. Онъ предостерегаетъ отъ наклонности человѣка подсовывать природѣ свои цѣли; но великолѣпіе міра увлекаетъ и его воскликнуть: небеса повѣдываютъ славу божію! „О Боже, говоритъ онъ, не вѣдаю, существуешь ли ты, или нѣтъ, но буду мыслить такъ, какъ еслибы ты смотрѣлъ мнѣ въ душу, буду такъ поступать, какъ еслибы я шелъ передъ тобою. Но даже и не существуй ты въ самомъ дѣлѣ, у меня все-таки навѣрно останутся истина, добро, прекрасное, и я все-таки буду любить ихъ отъ души!“ И такимъ образомъ Дидро никогда не былъ догматическимъ проповѣдникомъ атеизма, какъ напримѣръ Гольбахъ; онъ рѣзко критиковалъ Гельвеція и Ла-Меттри, всегда оставался восторженнымъ чтителемъ нравственности, и если сомнѣвался въ бытіи божіемъ, то не изъ легкомыслія, а потому, что напастей свѣта, скорбей и бѣдоносныхъ слабостей живыхъ существъ не умѣлъ примирить съ рѣшительной вѣрою въ премудраго и всеблагого Творца и Промыслителя. Бога произвола, тиранніи и мщенія, проповѣдуемаго тогдашними богословами, не могъ онъ ни въ какомъ случаѣ признать; но въ борьбѣ съ ними онъ утратилъ Бога любви и всеобщаго порядка и крѣпко держался за безличный законъ, за идеи добра и истины, не сообразивъ того, что они неизбѣжно предполагаютъ субъективный духъ, какъ законодавца и носителя. Въ статьѣ Энциклопедіи о Промыслѣ онъ былъ на пути къ этому соображенью. Онъ видитъ всеобщій Промыслъ уже въ самомъ порядкѣ вселенной; но въ области этого строгочиннаго порядка дѣйствуетъ вѣдь еще нѣчто особенное, что проявляется въ таинственныхъ побудахъ, выходящихъ за предѣлы всякаго расчета, что въ любви и состраданіи рѣшаетъ насъ на такіе поступки, которые совершенно внѣ нашихъ интересовъ, внѣ нашего обдумчиваго ума. Какая женщина взяла бы на себя тяготы беременности и муки родовъ со всѣми ихъ слѣдствіями по расчету одного разсудка? Потому, что есть такіе побуды, потому, что есть (упреждающее сознательность нашу) Провидѣніе, потому и существуетъ Богъ. Но за тѣмъ Дидро не находилъ уже ни какого отвѣта на вопросъ, почему люди претерпѣваютъ незаслуженныя страданія. Что бы ни говорили ему на это оптимисты, онъ обыкновенно возражалъ, что если міръ въ самомъ дѣлѣ не могъ обойдтись безъ чувствительныхъ существъ, а эти не могли обойдтись безъ скорби и боли, то лучше бы было оставить ихъ въ покоѣ (небытія) совсѣмъ. Приношеніе въ жертву людей, международная ненависть, религіозныя войны, инквизиція, костры, герой божественной любви, Іисусъ, распятый на крестѣ изувѣрными жрецами и ими же наусканною толпой, — откуда все это, если не изъ пустой мечты, что будто подобныя дѣла угодны Богу? Эту мечту со всѣми ея ужасами хотѣлъ во что бы то ни стало извести Дидро; вотъ почему онъ и оставилъ открытымъ вопросъ о бытіи самого Бога.

Въ своихъ „Салонахъ“, то-есть въ отчетахъ о парижскихъ выставкахъ картинъ, къ картинамъ, по своему обыкновенію, приплеталъ онъ многое другое; такъ однажды онъ тутъ говоритъ о дурномъ воспитаніи королевскихъ принцевъ, благодаритъ своихъ несановитыхъ родителей за то что они позаботились воспитать его лучше, и потомъ продолжаетъ: „Чего ожидать отъ взрослыхъ, когда имъ съ дѣтства прививаютъ самое несоразмѣрное понятіе объ ихъ могуществѣ? Одинъ учитель музыки давалъ уроки принцу; этотъ запѣлъ фальшиво. Учитель остановилъ его и сказалъ: Вотъ какъ должно пѣть.

„Дòлжно?“ спросилъ принцъ съ удивленнымъ взглядомъ, и жалкій учитель не осмѣлился отвѣчать: „Да—должно! Неужели вы, молъ, думаете, что гамма зависитъ отъ васъ? Есть и гораздо важнѣйшія еще вещи, которыя вовсе отъ васъ не зависятъ, и если вы будете имѣть дѣло не съ грязными душонками, то вамъ часто доведется услышать это — должно!“ Жалѣю, что для такихъ дѣторазвратниковъ нѣтъ ада, нѣтъ особеннаго мѣста кары послѣ этой жизни, которую они такъ запятнали мерзостью своихъ постыдныхъ дѣлъ и упитали нашими кровавыми слезами. Вѣдь заставляли же они насъ плакать, а не прійдется потомъ плакать имъ самимъ. Мнѣ до смерти жаль, что не могу вѣрить въ Бога. Ахъ, Господи, неужели бы ты потерпѣлъ этихъ властвующихъ надъ нами чудовищъ и тѣхъ, кто ихъ образовалъ?“...

„Д'Аламберовъ сонъ“ самъ Дидрò называетъ необузданнѣйшею шалью и глубочайшею вмѣстѣ философіей. Тутъ слышатся у него отголоски Джордано Бруно и Лейбница. Онъ признаетъ, что мертвое не можетъ породить живого; онъ видитъ изначальное въ самодвижущейся, развертывающейся изнутри, живой природѣ; саму матерію считаетъ онъ полнымъ чувства и мысли существомъ, мѣсто атома заступаетъ у него монада, восходящая къ духовному развитію путемъ разныхъ метаморфозъ и сочетаній. Природа кажется ему великимъ океаномъ жизни, гдѣ все можетъ произойдти изо всего, такъ-какъ все есть лишь развитіе единаго. Оттого вещество земли можетъ сдѣлаться растеніемъ, растеніе, какъ кормъ животнаго, перейдти въ его тѣло, а принятое въ пищу нами—обратиться въ организмъ мыслящаго существа. Безчувственное яйцо только оттого высиживается теплотой въ чувствующее животное, что жизнь происходитъ изъ матеріи изначально-приснымъ послѣдней путемъ. Обладай фортепьяно чувствомъ, оно само слышало бы себя въ своихъ струнныхъ сотрясеніяхъ; животное, это—чувствующее фортепьяно, котораго струны затрогиваются голодомъ и жаждой, горемъ и радостью. Внѣшній обликъ организма изображаетъ собой процессъ жизни внутренней, которая сама въ себѣ есть неразрывное единство; вселенная, это—система такихъ самодѣятельныхъ единствъ, вѣчно образующихъ все новыя и новыя формы проявленія.—Тутъ высказана истина матерьялизма: природа не есть что-либо сдѣланное извнѣ, со стороны, но нѣчто развивающееся изнутри, само собою; говорить же объ ея мудрости, о цѣлечинномъ урядѣ ея силъ, говорить о планѣ міра можно въ томъ единственно случаѣ, когда на мѣсто природы подставить понятіе мыслящаго субъекта. А это вѣдь духъ, и конечно притомъ не безъестественный,—единый Богъ, который есть въ то же время и все. Когда же наконецъ поймутъ это какъ слѣдуетъ?

Какъ эстетикъ, Дидрò настаивалъ на вѣрности природѣ, выдвигалъ впередъ жанръ и пейзажъ и ратовалъ противъ академической классичности. Но онъ и тутъ не былъ одностороненъ. „Кто пренебрежетъ антикомъ изъ-за натуры, тотъ рискуетъ навсегда остаться только мелкимъ, слабымъ и пошлымъ въ рисункѣ, характерѣ, выраженіи и драпировкѣ; кто пренебрежетъ натурой изъ-за антика тотъ, того и гляди, останется холоденъ и мертвъ, навсегда лишенъ тѣхъ сокрытыхъ и таинственныхъ истинъ, которыя можно найдти только въ дѣйствительности. Мнѣ кажется, надо изучать антикъ, съ тѣмъ чтобы умѣть вѣрно смотрѣть на природу“. Такъ проповѣду-

етъ онъ благовѣстіе природы противъ скучной канители условной формалистики; но онъ прямо говоритъ, что идеалъ, который долженъ одушевлять художника, принадлежитъ духу, такъ-какъ ни гдѣ во внѣшнемъ мірѣ не отыскать всепригодныхъ совершенствъ. То, что зовется геніемъ, есть творческая сила создавать изъ внутренняго элемента облики, чарующіе насъ потому, что они крупнѣе и пріятнѣе всего, подмѣчаемаго нами обыкновенно. Въ картинѣ мало одного красиваго расположенія фигуръ. Первое и важнѣйшее въ ней идея, и лучше не брать въ руки кисть, пока не отыскалъ идеи.

Дидро, какъ человѣкъ, признавалъ почетное имя философа только за тѣмъ, кто постоянно посвящаетъ себя изысканію истины и осуществленію добра на дѣлѣ: „Прелесть добродѣтели, писалъ онъ къ Софіи Воланъ, захватываетъ меня крѣпче нежели гнусность порока; я потихоньку отдѣлываюсь отъ дурныхъ людей, и такъ и лечу навстрѣчу хорошимъ. Если найдется въ какой-нибудь книгѣ, характерѣ или картинѣ прекрасная черта, на ней невольно остановится взглядъ мой; я только ее и вижу, я только объ ней и вспоминаю, остальное все почти забыто мною. Что со мною будетъ, когда все сдѣлается прекраснымъ!“ Передъ статуями аѳинскихъ мудрецовъ сердце у него бьется отъ радости, и со слезами на глазахъ допрашиваетъ онъ свою совѣсть, сдѣлалъ ли и онъ для своего вѣка что-нибудь доброе. Чувство безсмертія, говоритъ онъ самъ, никогда не проникнетъ въ пошлую и низкую душу.

Одно шуточное, но пророческое его изреченіе, ставшее грознымъ и дикимъ припѣвомъ къ революціоннымъ пѣснямъ, всущности напоминаетъ извѣстный увѣтъ Шиллера: „Порвавшій цѣпи рабъ ужасенъ, а не свободный человѣкъ!“ Самъ Дидро надѣялся на тиходѣйствующую необоримую силу просвѣщенія, онъ, вмѣстѣ съ лучшими изъ своихъ современниковъ, вѣровалъ въ вѣчность добродѣтели и правды. Въ „Разговорахъ о драмѣ“ онъ между прочимъ говоритъ: „Въ добродѣтели и истинѣ вижу я двѣ большія статуи, сооруженныя на поверхности земли и стоящія неподвижно среди общаго разрушенія и развалинъ того, что окружаетъ ихъ. Великіе эти образы заволакиваются иногда тучами; тогда люди бродятъ въ темнотѣ; это времена невѣжества, злодѣйствъ, фанатизма, завоеваній. Но настанетъ мигъ, когда раскроются облака; тогда люди падутъ на колѣни, признаютъ опять истину и воздадутъ добродѣтели подобающую честь. Все проходитъ, остаются только добро да истина“. А въ „Племянникѣ Рамо“ мы читаемъ: „Чуждый богъ смиренно присусѣнивается на алтарь къ кумирамъ края, и по маленьку становится тамъ твердою ногой; вдругъ толкаетъ онъ локтемъ своего товарища, чебурахъ! — и кумиръ лежитъ въ дребезги разбитый. Такъ, говорятъ, іезуиты, ввели христіанство въ Китай и въ Индію; и право, іезуиты эти дѣлали не дурно; мнѣ всего больше нравится этотъ политическій пріемъ, идти къ своей цѣли безъ шуму, безъ кровопролитія, безъ мученичествъ, не вырывая ни у кого даже и клочка волосъ“.

Вольтеръ писалъ Дидро: „Мы близимся теперь къ великому перевороту въ умѣ человѣческомъ, и этимъ обязаны мы преимущественно вамъ.“ Лессингъ признавался, что безъ Дидро онъ выбралъ бы совсѣмъ другое направленіе, и едвали такое, которымъ остался бы подконецъ довольнѣе; онъ пре-

возноситъ его какъ мудреца, ведущаго по темнымъ какъ ночь переходамъ къ лучезарному престолу истины, тогда какъ ученые школяры ведутъ ходами, полными воображаемаго свѣта, и приводятъ къ мрачному престолу лжи. Оба эти человѣка сродственны между собой по духу. Если Французъ, пожалуй, и выше по богатству, разнообразію и легкости своихъ дѣйствій и писаній, то Нѣмецъ превосходитъ его какъ мыслитель своей основательностью и сосредоточенностью, а какъ поэтъ онъ чище, цѣломудреннѣе, строже въ формахъ: Лессингъ зрѣлѣе, выработаннѣе, согласнѣе съ самимъ собой, между тѣмъ какъ Дидро̀, подъ вліяніемъ обильнѣйшаго внѣшняго возбужденія, пестрѣе, очаровательнѣе, блестящѣе. Въ немъ есть доля франкской еще крови. Гёте недаромъ называлъ его самымъ германскимъ изъ французскихъ современниковъ, издалъ „Племянника Рамо̀“ и „Опытъ о музыкѣ“ понѣмецки съ примѣчаньями, и писалъ къ другу своему, Цельтеру: „Дидро̀—Дидро̀ и есть, единственная въ своемъ родѣ личность; только филистеръ можетъ строго порицать его и его сочиненія. Люди подлинно не умѣютъ благодарно принимать безцѣнныхъ даровъ ни отъ Бога, ни отъ природы, ни отъ себѣ подобныхъ.“ Варнхагенъ какъ-то разъ отозвался, что у этого рѣдкаго писателя ищешь не столько новыхъ какихъ-нибудь воззрѣній и предметовъ, сколько особенныхъ его пріемовъ въ умѣньи изливаться на предметы и одѣвать ихъ этимъ въ оболочку самую блестящую.

То свѣжее чутье, тотъ свѣжій смыслъ, съ какими Дидро̀ взглянулъ на свѣтъ и постигъ жизнь, стали шевелиться и распространяться болѣе и болѣе, тогда какъ все быстрѣе гаснулъ лучъ вечерней зари, бросаемый на литературу классицизмомъ красныхъ дней монархіи. Бартелеми написалъ свое путешествіе молодого Анахарсиса по Греціи, и распространилъ свѣдѣнія о счастливыхъ условіяхъ ея быта, пробудилъ юношеское сочувствіе къ античнымъ формамъ жизни,—не къ порѣ римскихъ императоровъ, а къ эпохѣ греческихъ республикъ. Съ другой стороны Дёпласъ перевелъ драмы Шекспира и превозносилъ его какъ сердцевѣдца, владѣющаго нашими чувствами, зажигающаго и успокоивающаго страсти; смѣшныя стороны человѣка, говоритъ онъ, кисть его точно такъ же передаетъ въ тонкихъ и забавныхъ чертахъ, какъ добродѣтели въ величавыхъ и потрясающихъ. Летурнёръ прослышалъ здѣсь настоящій языкъ природы и истины, а Мерсье находилъ во Франціи, вмѣсто народнаго театра, одну пустую тѣнь, одѣтую въ багряницу и золото; онъ жалѣлъ, что создателемъ отечественной трагедіи явился Корнель, а не геній вродѣ Эсхила или Шекспира, онъ надѣялся увидѣть преобразователя,—и могъ бы еще обратиться къ нему съ привѣтомъ, но только не у себя, а въ Германіи, гдѣ Шиллеръ, сто̀я на народной почвѣ, образовался равномѣрно по Британцамъ и по Эллинамъ *. Франція не перешла за рубежъ слезливой мѣщанской драмы и правоучительной комедіи, которыя и взялись теперь за борьбу добродѣтели противъ сословныхъ предраз-

* Разумѣется, надо быть Нѣмцемъ, какъ Карьеръ, чтобы приравнивать Шиллера Эсхилу или Шекспиру; и притомъ могъ ли даже и геніальный поэтъ тогдашняго субъективнаго идеализма твердо стоять на почвѣ народной дѣйствительности, о которой не было въ то время ни какихъ вѣрныхъ понятій? Прим. перев.

судковъ; на ряду съ этимъ удержалось тамъ пристрастіе къ дидактической поэзіи. Мармонтель писалъ романы, въ которыхъ, подобно Виланду, потѣшалъ чувственность, не оскорбляя приличій; онъ умѣлъ оправдать любой грѣшокъ и омиловидить любую слабость своимъ повадливымъ сочувствіемъ. Въ музыкѣ веселая мѣщанская оперетка противустала великолѣпной большой оперѣ, въ которой Рамо̀ явился преемникомъ Люлли́; особенно звуковая живопись и оглушительные оркестровые эффекты должны были замѣнить въ ней мелодію и обрисовку характеровъ. Тогда-то Дидро̀ взялъ сторону итальянской комической оперы, самъ Руссо̀ сочинилъ своего „Деревенскаго ворожею", а Гретри́ (1741—1813), устранивъ потѣшное, забавное, старался только слить пріятную пѣвучесть Итальянцевъ съ остроумными оборотами и съ выразительною декламаціей Французовъ. Это удалось ему какъ нельзя лучше, и энциклопедисты превознесли его какъ истинно-народнаго композитора. Многія изъ его оперъ распространились по всей Европѣ.

Грёзъ былъ Дидротомъ живописи, точно такъ же какъ и любимцемъ этого писателя. Послѣдній началъ съ сладострастныхъ романовъ, а тотъ съ изображеній сладострастныхъ дѣвицъ, и за тѣмъ, подобно Дидро̀, обратился къ мѣщанской семейной жизни. Тогда написалъ онъ Блуднаго сына, покинувшаго родителей и сманеннаго вербовщиками въ солдаты, а потомъ стоящаго въ раскаяніи передъ тѣломъ своего отца. Далѣе пошли у него безпритязательныя жанровыя картинки, восхитившія весь Парижъ, Дѣвушка съ мертвой птичкой, Дитя съ разбитымъ кувшиномъ и т. п.; вѣрное природѣ выраженіе чувства далось ему вполнѣ, и онъ сталъ на ряду съ лучшими изъ семейныхъ романовъ, написавъ какъ новобрачная, оброку съ своимъ молодымъ мужемъ, покидаетъ привычный ей родительскій кровъ съ какою-то смѣсью скорби и радости. Тутъ и колоритъ вышелъ у него теплѣе.

Художественный критикъ, Дюбосъ (Dubos), призналъ въ поэзіи свободный полетъ надъ скудостью земныхъ условій, порождаемый желаніемъ возвысить чувство собственнаго бытія,—желаніемъ, которое влечетъ человѣка не только къ азартной игрѣ, но и къ посѣщенію такихъ зрѣлищъ какъ бой быковъ или совершеніе смертной казни; все дѣло въ томъ, чтобы по возможности очищать, руководить страстное это влеченіе. Но вопросъ, какъ именно это дѣлать? и Баттё даетъ на него такой отвѣтъ: надобно подражать изящной природѣ, надо, чтобы духъ постигалъ дѣйствительность, какою она можетъ быть, какою по его желаніямъ и требованіямъ она быть должна. Но и Баттё не выясняетъ себѣ сущность красоты и идеала, и оттого пускается въ брезгливо-разборчивую гоньбу за наружно-пріятными формами, не сообразивъ того, что истинная форма, „передающая правду какъ она дѣйствительно есть", обусловлена сама собою изнутри, что это самоположная мѣра идеальной пластически-зиждущей силы. Такимъ образомъ и здѣсь все приводитъ насъ опять къ нѣмецкой эстетикѣ.

Воздѣйствіе Франціи на Англію; вліяніе на Испанію, Италію, Данію.

Смѣлыя заключенія, выведенныя Французами изъ естествознанія и изъ свободныхъ мыслителей Англіи, возбудили къ дальнѣйшей дѣятельности и здѣсь. Пристлей налегъ на физіологическую сторону нашего мышленія и воленья, Беркли (Berkeley) расширилъ значеніе того взгляда, что въ ближайшемъ смыслѣ мы знаемъ вѣдь только свои собственныя ощущенія и представленья, что мы видимъ не самыя вещи непосредственно, а только зрительный образъ ихъ въ нашемъ глазу,—расширилъ, говоримъ мы, утверждая положительно, что все, кажущееся намъ внѣшнимъ, находится внутри насъ самихъ, что нѣтъ ни какой возможности доказать существованіе внѣшняго намъ міра, что вся его дѣйствительность въ нашихъ же вѣдь только представленьяхъ, что мы отнюдь не можемъ выйдти изъ своей субъективности. Давидъ Юмъ (1711—1766) старался еще тѣснѣе и рѣзче ограничить область нашего познанія нежели Локкъ. Мы познаемъ, говорилъ онъ, только наши чувственныя впечатлѣнія, идеи наши—простыя ихъ копіи, которыя мы связываемъ однѣ съ другими по ихъ подобію, по пространству и времени, по закону причинности. Но отношеніе причины и дѣйствія считалъ онъ не объективнымъ или предметнымъ, а чисто субъективнымъ: находя почасту, что явленія наступаютъ или совмѣстно или послѣдовательно одни за другими, мы привыкаемъ соединять ихъ между собой, какъ будто бы они взаимно обусловливались. Но не можемъ указать перехода отъ одного къ другому, можемъ иное явленіе объяснять изъ различныхъ причинъ, а потому не должны приписывать винословности всеобщаго и необходимаго значенья. Вотъ именно то слово, которое, по сознанію самого Канта, пробудило его вдругъ отъ догматическаго сна. Принудительная достовѣрность существовала для Юма въ одной математикѣ, которая только анализируетъ въ своихъ выводахъ, только напримѣръ разбираетъ, что̀ именно содержится въ понятіи треугольника, круга и т. д.; въ опытныхъ познаніяхъ мы дѣйствуемъ синтетически, сочетая или сопрягая, то-есть явленія природы и исторіи связываемъ одни съ другими и съ нашими пріобрѣтенными понятіями; тутъ достовѣрность ограничивается одною лишь чувственною подмѣтой. Но богословіе и метафизика, развѣ занимаются они числами и фигурами, или данными опыта? Не одна ли это плетеница пустыхъ мечтаній? Религіи ратуютъ одна противъ другой, и каждая выходитъ въ своихъ нападкахъ правою противъ тѣхъ, которыя она объявляетъ ложными. Необъяснимыя для себя событія человѣкъ выводитъ отъ существъ, представляемыхъ имъ по своему собственному образу; вотъ, думаетъ Юмъ, источникъ всѣхъ религій, которыхъ смѣнную череду онъ готовъ считать исторіею душевныхъ болѣзней. Съ этой точки зрѣнія онъ преслѣдовалъ въ своихъ книгахъ объ англійской исторіи религіозный фанатизмъ, преслѣдовалъ чудеса суевѣрія подобно Вольтеру, и подобно же ему къ политическимъ событіямъ присоединялъ изображенія культуры, общественной жизни, хода наукъ. Такъ же точно Монтескьё и Вольтеръ видимо повліяли на ту картину всемірно-историческаго положенія, которую Робертсонъ начерталъ въ

своемъ Карлѣ V-мъ. Гиббонъ (1739—1794), смолоду получивъ въ Лозаннѣ французское образованіе, тамъ же и закончилъ свой трудъ о паденіи римской имперіи. Онъ примыкаетъ къ Монтескьё, и съ его зоркостью на верховодныя идеи соединяетъ обиліе и основательность въ знаніи подробностей, чего недоставало у Вольтера, соединяетъ и то блестящее изложенье, какое было свойственно и послѣднему и Монтескьё. „15-го октября 1764-го года, въ Римѣ, сидѣлъ я, погрузившись въ думу, среди развалинъ Капитолія, а босоногіе монахи изъ ara coeli пѣли между тѣмъ вечерню въ храмѣ Юпитера; тутъ впервые возникла у меня мысль писать о принниженіи и упадкѣ Рима". Этимъ Гиббонъ даетъ намъ ключъ къ своему знаменитому творенію, завершающему бытописаніе 18-го вѣка; отношенія государства, религіи, искусства и науки при крушеніи древняго и при началѣ новаго міроваго періода предстаютъ намъ здѣсь въ совокупномъ цѣломъ; не признана только новая существенная истина христіанства: оно выдается за мутную помѣсь іудейскихъ ученій съ александрійскими, усвоенную мятежною сектой, которая будто бы помѣшала Риму въ спокойномъ его развитіи. И не случайно было то, что этотъ важнѣйшій историческій трудъ вѣка принадлежитъ именно Англіи; гдѣ самъ народъ дѣлаетъ и дѣлалъ свою исторію, тамъ ученые въ историческомъ изложеніи конечно могли стать выше нежели у всѣхъ сосѣднихъ народовъ.

По примѣру парижанокъ, открыли теперь свои литературные салоны леди Вортли Монтегю въ Твикенгамѣ, Елисавета Монтегю въ Лондонѣ; тамъ сочувствовали прогрессу образованія, въ то самое время какъ Самуилъ Джонсонъ, постоянный членъ кружковъ г-жи Визей и г-жи Тиль, сыпалъ грубоватою шуткой и бранью противъ новомодныхъ просвѣтителей, и этимъ потѣшалъ дамъ, которыя, за свою ученую небрежность къ туалету, прослыли подъ именемъ „синихъ чулковъ". Въ Англіи уже достигли религіозной и политической свободы, изъ-за которой въ остальной Европѣ шла еще борьба; отсюда понятно, что французская литература имѣла для послѣдней гораздо больше значенія.

Мы прежде упоминали о великомъ прусскомъ королѣ и о славной россійской императрицѣ; мыслители льстили себя надеждою, что черезъ этихъ вѣнчанныхъ особъ новыя идеи будутъ осуществляться съ высоты трона: просвѣщенный деспотизмъ былъ ходячимъ словомъ того времени. Исполненіе, разумѣется, не удовлетворило всѣмъ надеждамъ. Вѣдь и самый благородный государь оставался только „директоромъ машинъ", пока не содѣйствовалъ ему самъ народъ, а народъ часто оказывался толпой, притупленною и наускиваемою духовенствомъ, толпой, которою друзья мракобѣсія пользовались какъ орудіемъ для того, чтобы испортить и обратить въ ничто всѣ планы благотворныхъ реформъ со стороны государей. Тѣмъ не менѣе даже и въ Португаліи Помбалю удалось выжить іезуитовъ, удалось это также въ Испаніи и въ Италіи, когда Папа Климентъ XVI упразднилъ орденъ въ 1773-мъ году; свѣтскіе судьи, писалъ д'Аламберъ, выполнили приговоръ философовъ, которые одолѣли этихъ враговъ въ наукѣ и возстановили противъ нихъ общественное мнѣніе.

Въ Испаніи цвѣтъ искусства и литературы совершенно поблекъ и сопрѣлъ, съ тѣхъ поръ какъ народная сила истощилась подъ духовнымъ и

свѣтскимъ гнетомъ. Дѣла пошли не иначе и тогда, когда династію Габсбурговъ смѣнили Бурбоны; напротивъ, Испанецъ Серра говоритъ: Наша родина стала какимъ-то чуланомъ для всякаго хлама, а чуланомъ правилъ карточный король. Хвастливые проходимцы, фокусники и шуты толпами приходили изъ-за Пиренеевъ и навязывали намъ свои нравы и свои моды; мы перестали быть народомъ, а сдѣлались обезьянами тѣхъ самыхъ, кто дурачилъ насъ какъ ословъ. Накрахмаленныя правила французскихъ критиковъ прилагались безъ вкуса и безъ толку къ испанской поэзіи, и она превратилась въ скучную риѳмованную прозу „стиля париковъ".—Карлъ III (1759—1788), умный, дѣятельный, добросовѣстный, былъ король истинно въ духѣ своего времени, и тотчасъ же зашевелилась опять литература: де-Исла, въ своемъ „Братѣ Герундіо де-Кампасасъ" набросалъ юмористическую картину нравовъ испанскаго духовенства по образцу Сервантеса, а Рамонъ де-ла-Крусъ объявилъ сатирой войну французской драмѣ. Человѣкъ науки, графъ Кампоманесъ, могъ, въ качествѣ сановника, употребить въ пользу пріобрѣтенное имъ убѣжденіе, что Испанія обнищала не смотря на золотые южно-американскіе рудники, потомучто не искала своего благосостоянія въ обработкѣ собственной почвы и въ отечественной промышленности, а напротивъ предоставила поля свои монастырямъ, а умъ свой отдала поповству. Уже лучшіе изъ Испанцевъ стали уповать на прекрасную будущность, какъ вдругъ Карлъ IV истребилъ всѣ новыя насажденія, и тупая, обезумленная толпа смотрѣла на это ухмыляясь.

Богаче и устойчивѣй пробудился новый духъ въ Италіи; ей пособила въ этомъ именно мелкая дробность ея державъ, и одинъ такой государь какъ Леопольдъ Тосканскій далъ можно-сказать тонъ всей странѣ. Монтескьё оказалъ здѣсь сильное вліяніе. Свою книгу о Законодательствѣ Филанджери начинаетъ радостными словами: „Какъ бы ни рѣдко доводилось ученому изслѣдовать на глазахъ у государя великое государственное дѣло, а свободному философу довѣрять свои идеи перу; но можно всего надѣяться отъ такого вѣка, когда духъ науки не живетъ уже въ непримиримомъ раздорѣ съ духомъ власти и быстрый ходъ мысли не задерживается болѣе ни какими преградами". Великодушные молодые люди соединились между собой въ Миланѣ для того, чтобы по примѣру Стиля и Аддисона распространять въ народѣ образованіе журналами, чтобы пересадить въ Италію французское вольномысленное просвѣщеніе, ради человѣчныхъ его цѣлей. Справедливость и человѣколюбіе одушевляли какого-нибудь Вѐрри на борьбу противъ существовавшей еще пытки, одушевляли Беккарію въ стремленіи преобразовать уголовное право и судопроизводство. Національные экономы, какъ еще прежде ихъ Адамъ Смитъ, видѣли въ человѣческомъ трудѣ источникъ общаго благоденствія, и прибавили къ этому то дополнительное соображенье, что рабочій дѣлаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше онъ созрѣваетъ въ свободное и образованное лицо. Виллъменъ не даромъ приравнялъ благороднаго Филанджери къ шиллеровскому маркизу Позѣ; подобно этому и другой итальянскій публицистъ, Франческо-Маріо Пагано, также требовалъ для человѣчества неотчуждимыхъ его благъ, требовалъ „мужественной гордости даже и передъ престоломъ".

Еще на порогѣ 18-го столѣтія благозвучная лирика Филикайи отважилась будить Италію изъ чувственнаго ея опьяненія, изъ грѣховнаго ея сна,—будить въ такую еще пору, когда поэтическій увѣтъ его долженъ былъ звучать сдержанною только жалобой, которая именно и дѣлала ее столь вкрадчиво-убѣдительной въ теченіе полутора вѣка, вплоть до нашихъ почти дней.

Италія! о ты, въ чей бѣдственный удѣлъ
Красы чарующей ниспосланъ даръ напрасный:
Съ ней вмѣстѣ знаменьемъ страданія ужаснымъ
Злой рокъ тебѣ чело запечатлѣлъ.

Ахъ, меньше бы красы, да твердой больше силы!
Внушай ты страхъ скорѣе чѣмъ любовь
Всѣмъ тѣмъ, которые, страной плѣняясь милой,
Нещадно лить ея готовы кровь.

Тогда бы изъ-за Альпъ токъ рати дерзновенной
Твоихъ полей и нивъ вовѣкъ не наводнилъ,
Родимый По, весь кровью обагренный,
Смиреннобъ галльскихъ полчищъ не поилъ,

Не шлабъ ты въ бой чужой броней одѣта,
Не защищалась бы пришельца лишь рукой;
Съ побѣдой выйдешь ты теперь изъ брани этой,
Иль побѣжденная,—все быть тебѣ рабой *.

Здѣсь слышимъ мы лучшіе отголоски Петрарки, а Фортигверра съ своимъ Рикардеттомъ, однимъ изъ гаймоновыхъ сыновей, всего ближе подошелъ къ насмѣшливой романтикѣ Аріоста и стяжалъ себѣ пальму въ комическомъ эпосѣ; сквозь шаловливую игру изобрѣтательной фантазіи вездѣ просвѣчиваетъ сатира умной, разсудительной головы, а способъ, какимъ неотесанный витязь Феррагу обратился въ кающіеся монахи и постоянно долженъ поборать теперь все новые и новые приступы своего прежняго разгула и любострастія,—этимъ авторъ уморительно воспользовался для того, чтобы представить забавную картину чернаго или монашествующаго духовенства.

Трагедія была совершенно вытѣснена оперой; писать для нея мелодраматическіе тексты, гдѣ, при натянутомъ впрочемъ построеніи, выставлялись наружу, по образцу Французовъ, внутренніе конфликты, съ пѣвучимъ языкомъ и съ льнущимъ къ музыкѣ мягкимъ итальянскимъ благозвучіемъ, — вотъ что было задачей, которую блистательно умѣли рѣшать Дзено и, за нимъ, Метастазіо. Музыканты требовали чтобы каждый актъ непремѣнно завершался аріей, въ которой борьба чувствъ стремилась бы явно къ примиренію; особенно любовь и месть должны были противоборствовать другъ другу въ сердцѣ; а потому и въ героическій сюжетъ всегда уже вплеталась какая-нибудь сантиментальная сердечная исторія. Метастазіо дѣлалъ это съ

---

* Мы передаемъ только буквальный смыслъ этого стихотворенія, котором въ подлинникѣ дана форма превосходнаго сонета. Прим. перев.

большимъ сценическимъ искусствомъ и съ такою же мелодической прелестью языка, но конечно никогда не достигая простого величія древности и свѣжаго дыханія природы: и то, и другое одѣто у него театральною шумихой. Возьмемъ напримѣръ его Ѳемистокла. Гонимый согражданами, герой является къ персидскому двору; его дочь овладѣваетъ сердцемъ повелителя Персовъ, но сама она любитъ Аѳинянина Лисимаха, который присланъ требовать у царя выдачи ея отца. И вотъ въ сердцахъ обоихъ возникаетъ борьба любимаго предмета съ долгомъ къ роднѣ. Но, въ то же время, фаворитка царя, Роксана, горитъ ревностью къ Гречанкѣ и заодно съ своимъ любимцемъ замышляетъ низвергнуть Ксеркса, который поставилъ Ѳемистокла во главѣ своихъ морскихъ силъ. Что изгнанникъ своего народа сперва вызвался вести флотъ противъ Аѳинъ, а потомъ когда дѣло дошло до исполненія, любовь къ отечеству все-таки взяла свое, и онъ рѣшается покончить добровольной смертью,—вотъ трагическій конфликтъ, прямо лежавшій въ данныхъ обстоятельствахъ, но опера требовала чистаго веледушія, безъ примѣси, и потому Ѳемистоклъ какъ будто бы ни чего и не подозрѣваетъ до тѣхъ поръ, пока не дано ему приказа идти въ Аѳины; а тутъ онъ тотчасъ же рѣшается лучше умереть. Дочь готова отдаться царю, лишь бы только спасти родителя. Полный нравственнаго величія Ѳемистоклъ прощается съ дѣтьми въ тюрьмѣ. Уже поставленъ жертвенный алтарь, передъ которымъ онъ долженъ торжественно отступиться отъ Греціи; тогда вливаетъ онъ нѣсколько капель яду въ жертвенную чашу и подноситъ ее къ устамъ, прося себѣ только могилы въ родномъ краѣ и призывая на него благословенія боговъ. Но Ксерксъ, въ свою очередь, великодушенъ; изъ-за Ѳемистокла полюбилъ онъ вдругъ и всю Элладу, и обѣщаетъ ей вѣчный и нерушимый миръ. Онъ прощаетъ заговорщикамъ, возвращается къ своей Роксанѣ, а прелестную Гречанку отдаетъ ея Лисимаху. Все заканчивается примиреніемъ и счастіемъ. Такія оперы писались для пышнолюбивыхъ дворовъ, а потому непремѣнно должны были возвеличивать и славить на сценѣ государей.

Метастазіо изъ Неаполя вызвали въ Вѣну; преемникъ его въ званіи придворнаго поэта, Касти, обратился къ комической оперѣ, для которой Неаполитанецъ Лоренци писалъ мастерскія либретто. Самъ Касти пріобрѣлъ себѣ еще больше славы своими галантерейными повѣстями и сатирическимъ эпосомъ: Говорящія животныя. Если въ своихъ разсказахъ онъ поблажалъ необузданной шаловливости большого свѣта, то въ эпосѣ онъ мастерски воспользовался своими наблюденіями надъ государствомъ и дворомъ, чтобы ѣдко раскритиковать ихъ подъ оболочкой шутки.

Возникшая въ Англіи и Франціи характерная и нравоописательная комедія изъ круга среднесословной жизни, особенно удалась Итальянцу Гольдони, который, примыкая къ своимъ предшественникамъ, силой собственнаго таланта завершилъ начатое тамъ; послѣ обильной опытами бродячей жизни въ Италіи, онъ, въ качествѣ театральнаго поэта, явился наконецъ въ Парижъ. Вмѣсто фантастическихъ приключеній и случайныхъ путаницъ, какими такъ блистала Испанія, время требовало теперь отъ комедіи яснаго плана, благоразумной овинословки и вѣрнаго изображенія своей собственной дѣйствительности; оно требовало притомъ морали и въ самомъ нравоописаніи; оно

хотѣло, чтобы сцена, посредствомъ художественнаго представленія народа, просвѣщала и по возможности исправляла зрителей. Ни кто не могъ уравняться тутъ съ Гольдони; самъ Вольтеръ сознавался въ этомъ, и писалъ: „сыну и живописцу природы: Въ васъ такъ и виденъ честный, добрый человѣкъ, который изобрѣтаетъ фантазіей и пишетъ перомъ здраваго разсудка. Вы вырвали свое отечество изъ рукъ арлекиновъ. Я полюбилъ васъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ васъ читать.“ — Ставя на первый планъ характеры и картины нравовъ, подобно Мольеру, Гольдони естественно отодвинулъ нѣсколько назадъ интригу, живость дѣйствія, завязку и развязку конфликтовъ; однакожь въ лучшихъ его піэсахъ нравственное ядро развертывается въ постепенномъ исправленіи дѣйствующихъ лицъ, которыя во всемъ, что̀ ни постигаетъ ихъ, испытываютъ отраженіе своихъ собственныхъ дѣлъ, чувствъ и мыслей, наводятся тѣмъ самымъ на настоящій путь и очищаются отъ накипей и нагара. Если Гольдони влагаетъ въ уста своему Мольеру изреченіе, будто бы человѣкъ любитъ только то, что ему пріятно и полезно, то (историкъ французской драмы) Клейнъ думаетъ, что неоспоримая прозаичность этой комедіи зависитъ именно отъ того, что и онъ былъ зараженъ тогдашней французской психологіей, которая глубочайшую пружину нашихъ дѣйствій, въ томъ числѣ и самыхъ благородныхъ, выводила изъ мелкихъ эгоистическихъ интересовъ, между тѣмъ какъ поэзія жизни состоитъ, напротивъ, въ отдачѣ всего себя великимъ цѣлямъ, въ преодолѣніи себялюбія присущею намъ божественной искрою, и только благоволящая къ другимъ любовь ублажаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самоё себя.

Такъ богатъ на вымыселъ и на умѣнье наблюдать жизнь, такой мастеръ владѣть легкимъ разговоромъ былъ Гольдони, что разъ, всего въ одинъ только годъ, онъ поставилъ на сцену до шестнадцати хорошихъ комедій. Тотъ сознательный умъ, съ какимъ работалъ онъ, какъ истый сынъ своего вѣка, и благодаря которому преобразовалъ итальянскій театръ, самъ онъ живо передалъ намъ въ піэсѣ, которая, подъ названіемъ „Комическаго театра“, изображаетъ актеровъ въ ихъ нравственномъ и житейскомъ быту, представляя въ тоже время разнообразные отзывы о существѣ и назначеніи самой сцены. Комедія, говорится тамъ, придумана для того, чтобы подвергать осмѣянію дурные нравы и этимъ исправлять отъ порочныхъ наклонностей; пока въ выведенныхъ на сцену характерахъ зрители видѣли сами себя или своихъ знакомцевъ, они принимали въ представленіи живое участіе; но какъ скоро комедія хотѣла только смѣшить, на нее переставали обращать вниманье, потомучто она дозволяла себѣ при этомъ величайшія несообразности и глупости. Въ такомъ именно смыслѣ принялся онъ ограничивать обычныя у Итальянцевъ маски въ ихъ выходкахъ, и наконецъ совершенно превратилъ ихъ въ свои характерныя фигуры. Онъ постепенно пріучилъ публику „съ удовольствіемъ слушать умные разговоры и смѣяться такимъ шуткамъ и остротамъ, которыя возникаютъ изъ серьёзныхъ взглядовъ и которыя тогда поджигаютъ васъ самихъ, а не ограничиваются одной пустою щекоткой“. Не разсказывать на сценѣ содержаніе піэсы, а живо развивать его передъ глазами радующихся и озадаченныхъ вмѣстѣ зрителей,—вотъ въ чемъ главное дѣло. Грязныя двусмысленности, неблагопристойные жесты, все это надо отбросить въ сторону. И знаете, что̀ всегда будетъ нравиться въ театрѣ? Это—„крити-

ка“. Критику Гольдони пускаетъ въ ходъ не на однихъ лишь словахъ, но и въ самомъ дѣйствіи: въ своей „Кофейнѣ“ преслѣдуетъ онъ ею игрока, невѣрнаго мужа, легкомысленную танцовщицу, злоязычника; истинно мастерски выставляетъ онъ ее тогда, когда его веселая, граціозная хозяйка, Мирандолина, сама вдругъ пугается слѣдствій того кокетства, какимъ очаровывала она поклонниковъ, сама чувствуетъ въ глубинѣ души, какъ опасно играть огнемъ, и немедленно отдаетъ руку своему вѣрному прикащику. Другой, превосходный гольдоніевскій характеръ, „добродушный горланъ“, и теперь еще появляется на нашей сценѣ.

Изображенію мѣщанской жизни въ ея незатѣйливой обычности, умно и весело, но безъ идеальныхъ образовъ свободно-творящей фантазіи, противопоставилъ свои фантастическія волшебныя сказки аристократичный Гоцци, отъявленный противникъ Вольтера и Руссо; въ этихъ сказкахъ онъ нарочно отнималъ у чудеснаго и сверхъестественнаго всякую разумную законность или овинословку, и ставилъ его прямо обокъ съ традиціонно-забавнымъ элементомъ народныхъ маскъ, предоставляя ихъ собственной импровизаціи разыгрывать тутъ роль ироническаго или пародистическаго противня; самъ же онъ никогда его не выполнялъ. Шиллеръ сдѣлалъ это въ Турандотѣ, Гейзе— въ Счастливыхъ Нищенкахъ, и оба можно-сказать подняли этимъ Гоцци надъ нимъ самимъ. Шекспиръ, такъ же какъ Кальдеронъ и Лопе, доказали въ нѣсколькихъ мастерскихъ произведеніяхъ, какимъ образомъ односторонности Гольдони и Гоцци могутъ сопроникаться одна другою. У Гоцци превратно именно то, что онъ не спозналъ нравственнаго, разумно-истиннаго ядра, содержащагося въ народной сказкѣ, какъ побѣгѣ или отпрыскѣ миоа; что онъ не освѣтилъ и не гармонизовалъ послѣднимъ игръ сказочнаго воображенія, а напротивъ своими сценическими эффектами хотѣлъ оправдать и поднять чародѣйство наперекоръ естественнымъ законамъ, возвеличить и прославить вѣру въ чудеса передъ современнымъ образованіемъ,—однимъ словомъ, то, что онъ принялъ шелуху за сущность дѣла. Въ обращеніи къ народной сказкѣ послѣдовалъ за тѣмъ дополнительный отпоръ со стороны прозаической суши и трезвости; но онъ совершился у насъ даже еще и не Тикомъ; только геніальный живописецъ Швиндъ съумѣлъ первый передать чисто-человѣческое и вѣчное содержаніе сказки столько же трогательными, какъ и плѣнительными чертами въ граціозно-свободной игрѣ формъ.

Итальянскій театръ, въ томъ видѣ какъ онъ развился со времени Возрожденія на стародавней основѣ народной комедіи съ одной стороны, на основѣ Плавта и Теренція съ другой, и выработалъ бездну комическихъ положеній, пролагаетъ намъ переходный мостъ на сѣверъ, въ Данію, гдѣ онъ во многомъ послужилъ источникомъ для Гольберга (1684—1754),—источникомъ, которымъ этотъ таланливый писатель воспользовался однакожь такъ, что изъ него выросли цвѣты, полные самобытной жизни. Со времени реформаціи образованіе Датчанъ было германское, но оставалось болѣе въ научной только сферѣ, пока своенародное содержаніе не нашло себѣ, благодаря Гольбергу, и своенародной формы, въ духѣ вѣка. Будучи солдатскимъ сыномъ, онъ прошелъ всѣми неправдами университетскій курсъ, а потомъ пустился въ обильныя приключеніями странствія по Англіи, Франціи, Германіи, вездѣ расширяя свои свѣдѣнія литературою этихъ краевъ и свое познаніе людей

въ школѣ самой жизни. Воротясь, онъ сдѣлался профессоромъ въ Копенгагенѣ, отличился тѣмъ, что первый сталъ обработывать датскую исторію по образцу лучшихъ новыхъ бытописателей, а также еще и тѣмъ что нравственныя свои изслѣдованія сплошь пристегивалъ къ эпиграммамъ и баснямъ. Онъ вездѣ хочетъ вѣрить только тому, что согласно съ коренными истинами разума и повторною чувственною подмѣтой. Онъ попыталъ свои силы въ стихотворной комической повѣсти. По образцу Поппова „Похищеннаго локона", онъ въ своемъ путешествіи ходебщика Петера Паарса изъ одного маленькаго городка въ другой привелъ цѣлый Олимпъ въ движеніе, съ тѣмъ чтобы гдѣ помочь, гдѣ помѣшать герою. Онъ написалъ вывороченныя на изнанку Овидіевы Превращенія, гдѣ растенія и животныя становятся людьми, всегда обнаруживая при этомъ изподтишка прежнюю свою натуру: ракъ дѣлается портнымъ, лисица дипломатомъ, оселъ деревенскимъ пономаремъ, блоха— щеголемъ. Къ этимъ юношескимъ произведеніямъ Гольбергъ подъ старость присоединилъ „Подземное путешествіе Нильса Клима", рядъ сатирическихъ картинъ въ смягченной свифтовской манерѣ и съ насмѣшкою надъ духовидствомъ Сведенборга. Но въ самомъ дѣлѣ значителенъ сдѣлался онъ тогда, какъ въ 1720-мъ году къ французскому придворному театру и къ странствующимъ нѣмецкимъ труппамъ присоединился датскій театръ. Гольбергъ тотчасъ принялся за дѣло и, подъ своимъ поэтическимъ именемъ Ганса Миккельсена (Ивана Михайлова), быстро написалъ цѣлый рядъ театральныхъ піэсъ. Онъ изображалъ родные нравы и родные характеры, и это было для него главное; дѣйствіе рѣдко интересно, планъ обыкновенно не затѣйливъ, но положенія набросаны бойко и свѣжо, фигуры такъ и выхвачены живьемъ изъ дѣйствительности. Какъ сынъ своего времени, онъ возводитъ на сценѣ въ почетъ такъ называемое третье сословіе, мѣщанъ и мужиковъ, и среди всѣхъ грубыхъ выходокъ никогда не теряетъ изъ виду нравственной цѣли, повозможности исправлять и поучать. Врагъ столько же мечтателей, какъ и педантовъ, онъ вездѣ отличается здоровымъ юморомъ. Словоохотливость женщинъ отражается у него какъ въ зеркалѣ въ піэсѣ „Спальня родильницы", а его „Водотолкунъ-политикъ" вошелъ вѣдь и у насъ въ поговорку для обозначенія людей, судящихъ и рядящихъ безъ толку. Въ другихъ піэсахъ онъ бичуетъ хвастливость солдатъ, сумасбродство записныхъ ученыхъ, суетность и чинолюбіе свѣтскихъ господчиковъ. Истинно-геніальнымъ образомъ осмѣиваетъ онъ напыщенное величіе прежняго театра, заставляя комедіантовъ его въ „Улиссѣ на островѣ Итакѣ" олицетворять всю Иліаду и Одиссейю. Но въ ту самую минуту, какъ высокопарный комедіантъ хочетъ уже снова овладѣть своей Пенелопой и своимъ престоломъ, вдругъ выскакиваютъ со всѣхъ сторонъ на сцену ветошники-жиды, у которыхъ Улиссъ взялъ на прокатъ платье и не расплатился въ срокъ, отбираютъ у него шлемъ, мечъ, порфиру, и среди этой сумятицы и потасовки, сопровождаемой общимъ смѣхомъ зрителей, опускается занавѣсъ.

Іоаннъ Эвальдъ пошелъ далѣе по народному пути въ качествѣ перваго лирика и драматурга. Онъ обратился уже къ роднымъ древнимъ былинамъ, и сочинилъ національный гимнъ: „Стоялъ у высокой мачты король Христіэрнъ"—гимнъ, который своими свѣжими, богатырскими звуками и понынѣ еще отзывается въ сердцахъ Датчанъ.

Медленные потуги на подъемъ въ Германіи.

Въ то время какъ Англія и Франція примкнули свою новую литературу къ расцвѣтшей у нихъ въ 17-мъ столѣтіи, Германія не могла сдѣлать того же. Іезуитская противуреформація, застой лютеранства въ омертвѣлой догмѣ, нескончаемыя богословскія перебранки пресѣкли здѣсь бодрое развитіе еще въ 16-мъ вѣкѣ; потомъ терзала и опустошала край Тридцатилѣтняя война, она поставила его въ зависимость отъ чужевластья и, разбивъ народъ болѣе чѣмъ на триста шестьдесятъ державъ, подчинила его жалкому существованію, тогда какъ властители и знать говорили только по-французски и, по образцу Версаля, строили себѣ роскошные за̀мки, содержали толпы метресокъ и солдатъ. Мы уже видѣли, какъ эти черты быта отразились въ поэзіи, но какъ при томъ здоровая сила все-таки сохранялась еще въ нѣкоторыхъ единичныхъ душахъ и не давала угасать чаянію общаго выздоровленія, не смотря на все безвкусное педанство тогдашней учености, на буйное безпутство студентовъ, на раззореніе средняго сословія, которое, вдавшись въ пошлость и пресмыканіе, готово было забыть всякое достоинство и всю свою силу. При всемъ однакоже упадкѣ, превосходныя свойства германскаго духа блистательно заявляли себя въ нѣкоторыхъ великихъ людяхъ, съ которыми мы познакомились. Въ музыкѣ глубокое народное чувство въ связи съ художественною формой дошло у Генделя и Баха до того тѣснаго соприкновенія, которое для поэзіи оставалось еще идеаломъ, пока не явился Лессингъ; на поприщѣ науки неустаннымъ двигателемъ и будильникомъ былъ Лейбницъ; кому пришло бы на умъ выводить науку изъ наличнаго тогда быта Германіи? кто, при видѣ этого положенія, усомнится въ необходимости боговдохновенныхъ людей, героевъ, для поднятія павшаго народа?

Въ сферѣ политики примыкаетъ къ нимъ, какъ посланный небомъ богатырь, великій курфюрстъ Бранденбургскій. Если въ отношеніи къ Французамъ онъ еще и долженъ былъ, по смыслу виргиліевскаго стиха, указать только на мстителя, предназначеннаго произойдти отъ его кости, то по крайней мѣрѣ Шведовъ разбилъ онъ на̀ голову, завоевалъ самобытность Пруссіи, и своей энергіею въ ратномъ дѣлѣ, своимъ бережливымъ государственнымъ хозяйствомъ, своимъ строгоурядпымъ управленіемъ и религіознымъ либерализмомъ онъ создалъ ядро и положилъ основаніе совершенно новой германской державѣ *; между тѣмъ какъ Австрія болѣе и болѣе сросталась съ чужеземствомъ, а Баварія съ романскимъ іезуитизмомъ, сынъ великаго курфюрста увѣнчался королевско-прусскою короной и основалъ могучую династію будущей имперіи. Тогда-то сталъ обокъ съ нимъ отличнѣйшій пластикъ между Микель-Анджело и Торвальдсеномъ, Андрей Шлютеръ, съ тѣмъ чтобы положить на его столицу печать своего генія и прежде всего украсить скульптурами арсеналъ. Тамъ Мудрость изображена въ союзѣ съ Силой оружія; богъ побѣды отдыхаетъ на трофеяхъ середи фронтона, а съ обѣ-

* Выросшей на славяно-литовскомъ племенномъ корню. Прим. перев.

ихъ сторонъ обступили его двѣ великолѣпныя группы: Марсъ, окруженный узниками, воинственно простираетъ мечъ вправо, глядя въ то же время выжидательно на лѣво, гдѣ посреди воиновъ и ратныхъ доспѣховъ царитъ на тронѣ Минерва и поднимаетъ вверхъ умѣряющую длань; мудрость руководитъ силою и не дозволяетъ начать боя, пока не рѣшитъ сама, что онъ необходимъ: прежде сообразить, а потомъ разить *, какъ гласитъ и девизъ Мольтке. Война не цѣль, а только средство; ея слава достигается ужаснымъ бѣдствіемъ, что во внутреннемъ дворѣ зданія и повѣдываютъ маски умирающихъ воиновъ, олицетворенія страха и скорби, но также и побѣждающаго смерть мужества.—Прежній курфюршескій зáмокъ былъ перестроенъ съ величавой простотой, и передъ нимъ на мосту воздвигнута статуя великаго курфюрста, изображеніе полнаго знаменательности лица; сосредоточенная въ себѣ энергія антика соединяется здѣсь съ рубенсовскимъ жизнеобиліемъ; герой облеченъ въ мантію римскаго полководца, онъ носитъ ее на себѣ съ гордостью императора и съ орлинымъ повелительнымъ взглядомъ смотритъ въ даль, сдерживая фризскаго боеваго коня сильною рукою. Въ противоположность воплощенной въ государѣ властительской мощи, художникъ изобразилъ на пьедесталѣ фигуры рабовъ, представителей безмолвнаго повиновенія, какъ называетъ ихъ его біографъ, Клёденъ; намъ напоминаютъ онѣ тѣ нагія фигуры, которыми Микель-Анджело обставилъ одѣтыхъ пророковъ на сикстинскомъ потолкѣ; онѣ являются оборотною стороной тогдашняго абсолютизма, почерпавшаго свое право изъ сущей необходимости.

Время впрочемъ ни мало не благопріятствовало пластическому искусству. Въ основномъ планѣ столицъ, каковы Карльсруэ и Дармштадтъ, равно какъ и въ зáмкахъ государей, вездѣ точно такъ же царитъ прямолинейность, какъ правила приличія въ дворскомъ стихотворствѣ; въ Берлинѣ дома должны были вытягиваться въ струнку, ни дать ни взять какъ гвардейскіе полки, тогда какъ въ Дрезденѣ развертывается фарфоровый стиль рококо, и царственные сады наполняются группами похотливыхъ статуй. Однакожь въ гравюрахъ Меріана все-таки виденъ смыслъ къ естественной правдѣ. У народа сердце не лежало ни къ средневѣковью, ни къ дворскому иноземничанью; готическіе памятники разрушались или одѣвались штукатуркой; вольномысленное просвѣщеніе, въ припадкѣ разсудительной трезвости, пренебрегало религіозныя изображенья, свѣтская жизнь мало представляла изящнаго, а ужасная война разорвала всѣ связи между ремесленностью и искусствомъ.

Характернымъ для Германіи явленіемъ было то, что освободительная борьба за медленный подъемъ народа велась въ одно время и со стороны здраваго разсудка и со стороны сердечности, что вліяніе англійскихъ вольнодумцевъ при возстаніи противъ внѣшняго догматизма нашло себѣ союзника въ задушевности религіозныхъ чувствъ; умъ и сердце требовали себѣ удовлетворенья заодно, и піэтисты, хотя и враждебные раціоналистамъ, стремились къ одной съ ними общей цѣли, взаимно дополняя другъ друга. Шпенеръ, начиная съ 1670-го года, открылъ свои назидательныя бесѣды и домашнія молебствія, которыя онъ

---

* Erst wägen, dann wagen.

называлъ collegia pietatis (коллегіями набожности) и въ которыхъ общее священство и дѣла любви ставились выше всѣхъ схоластическихъ формулъ правовѣрія; Франке, основатель сиротскаго дома въ Галле, видѣлъ съ удовольствіемъ, что и практическая его дѣятельность и твердое упованіе на Бога увѣнчиваются успѣхомъ. Какъ въ среднемъ сословіи, такъ равно и среди дворянства, особенно между женщинами графскихъ домовъ, обнаруживалась та же забота о душеспасеніи, и стремившіеся къ нему люди сами себя называли „пробужденными“ или дѣйствующими втихомолку (die Erweckten, die Stillen im Lande); боязно удалялись они отъ свѣта, который, по ихъ мнѣнію, шелъ не истиннымъ путемъ, но часто подпадали при этомъ сектаторскому ханжеству, считавшему себя лучше другихъ вовсе не по праву. Графъ Цинцендорфъ собралъ вокругъ себя общину въ Гернгутѣ, и не безъ дипломатической хитрости и суетности помышлялъ сдѣлаться главой всѣхъ пробужденныхъ; поэзія его обращалась въ риѳмозвонкую игру такими словами, какъ крестный Богъ, кровь завѣта и язвенное мужество, въ кокетничанье души съ ея женихомъ, „и со всѣми тѣми тайнами, какія угодно ему совершать съ невѣстой въ брачномъ ложѣ или въ кабинетѣ“. * Прогрессивнѣе казалась рѣчь Арнольда, когда онъ находилъ у еретиковъ болѣе истиннаго христіанства нежели въ церковныхъ догматахъ, а Диппель между тѣмъ настаивалъ на продолжающемся и понынѣ откровеніи свыше, такъ какъ Богъ не измѣнился же теперь противъ прежняго. Спаситель, думалъ онъ,— Христосъ живущій въ насъ самихъ. Попытки соединенія разныхъ исповѣданій не удались потому, что догматы обсуждались не въ томъ отношеніи, по скольку человѣкъ способенъ испытать спасительную силу ихъ въ глубинѣ собственной души, и потому еще, что не хотѣли удовольствоваться собственными словами Спасителя и примѣромъ образцовой его жизни. Пока люди не воротятся къ этому первоначалу, единеніе вѣръ останется чистой невозможностью.

Пуфендорфъ и Томазій (1655 — 1728) начали борьбу за освобожденіе, подъ знаменемъ науки. Первый отдѣлилъ право и мораль отъ опекавшаго ихъ богословія, второй смѣло пошелъ тѣмъ же слѣдомъ, для того чтобы правовыя понятія вывести изъ нравственной природы человѣка; но право относится къ миру внѣшнему и всегда можетъ быть вынуждено. Томазій первый заговорилъ съ каѳедры на нѣмецкомъ языкѣ, сталъ издавать первый ученый журналъ по-нѣмецки и этимъ сломилъ стѣну, отдѣлявшую отъ жизни училище, этимъ онъ принадлежитъ къ числу новооснователей германской литературы. Латинская, вполнѣ чуждая и мертвая рѣчь, не должна болѣе исключать народъ и весь женскій міръ отъ всякаго основательнаго образованія. Онъ попеременно являлся то научно-серьёзнымъ, то юмористически-веселымъ борцомъ противъ педантства и лицемѣрія, ясный и разсудливый въ мірскихъ дѣлахъ, мистически-набожный въ глубинѣ сердца, неутомимый заступникъ всѣхъ требованій новаго времени, одинаково ревнуя противъ варварства въ школахъ и въ судахъ, гдѣ онъ настаивалъ на отмѣнѣ пытки и вѣдьмопреслѣдованія. Когда гордые своимъ цехомъ профессора выгнали его

* Собственныя слова Цинцендорфа.

изъ Лейпцига, онъ переселился вмѣстѣ съ Франке въ Галле, и быстро расцвѣлъ тамъ университетъ, именно въ томазіевскомъ смыслѣ; о причинѣ этого процвѣтанія самъ онъ писалъ новому своему державцу: Одна свобода придаетъ всякому духу подлинную жизнь; безъ нея человѣческій умъ, какими впрочемъ ни пользуйся онъ выгодами, остается какъ бы мертвъ и бездушенъ.

Ѳомазій въ самомъ Галле нашелъ продолжателя себѣ въ лицѣ Христіана Вольфа. Этотъ одоступилъ всѣмъ идеи Лейбница и подобравъ къ нимъ нѣкоторыя другія привелъ все это въ систему и съ 1712 по 1726-й годъ издалъ цѣлый рядъ видныхъ книгъ, подъ заглавіемъ „Разумные помыслы" о силахъ разсудка, о Богѣ, мірѣ, душѣ и всѣхъ вообще вещахъ, о людскихъ дѣлахъ и попущеніяхъ, наконецъ объ общественномъ бытѣ. Онъ остался дуалистомъ, какъ Декартъ; онъ не понялъ единства природы и духа, которое открыто Лейбницемъ въ понятіи монады, а потому и сопоставилъ рядомъ чувственный и умственный міры, предѣльность обокъ съ запредѣльностью; человѣкъ чистаго лишь разсудка, какими впрочемъ были и Локкъ и Вольтеръ, онъ подобно имъ великъ тѣмъ, что подвергалъ всѣ вопросы испытанію разума, что, по его мысли, философія, какъ наука возможнаго, должна была все изслѣдовать, какъ и почему оно возможно, выдѣлять истину отъ лжи во всѣхъ положеніяхъ права, нравственности, богословія, и доказывать эту истину силою разумныхъ только доводовъ. Заботясь объ установкѣ началъ, о ясномъ опредѣленіи понятій, о точной постепенности въ выводахъ, онъ, какъ справедливо хвалитъ его Кантъ, положилъ къ Германіи починъ угасшему здѣсь духу основательности; онъ вышколилъ свой народъ методически, по системѣ понятій: оттого Гегель и называетъ его учителемъ Германіи. Мы готовы согласиться съ этимъ, прибавивъ только отъ себя, что по математическому способу онъ все разлагалъ на теоремы (положенія) и доказательства и при этомъ обстоятельно уснащалъ доводами даже и обиходнѣйшія, самопонятнѣйшія вещи; согласно своей природѣ, онъ писалъ пространно, безъ вкуса, безъ фантазіи, но зато съ настойчивою ясностью *. Онъ—отецъ нѣмецкаго раціонализма, онъ можно-сказать выпрялъ изъ Лейбница нѣмецкое вольномысленное просвѣщеніе, безъ геніальной правда смѣлости, но зато и безъ всякаго глумленья. Откровеніе, говоритъ онъ, не можетъ содержать въ себѣ ни какихъ противорѣчій съ разумомъ, если оно, какъ и послѣдній, исходитъ отъ Бога; величіе Творца гораздо явнѣе въ естественныхъ событіяхъ, нежели въ разсказахъ о какомъ бы то ни было чудѣ; всякое нарушеніе порядка природы противорѣчило бы безконечной его мудрости. Философію Вольфъ назвалъ мірской мудростью (Weltweisheit); но такъ какъ онъ сопоставилъ только рядомъ Бога и міръ, то опытъ и умозрѣніе сопроникаются у него слишкомъ мало; эмпирическая психологія идетъ у него обокъ съ раціональною: оттого первая безъ всякой глубины, а вторая—безъ жизни и наглядности. А потомъ онъ хочетъ все вывести изъ ло-

* Словомъ, онъ былъ истый Нѣмецъ. Только вѣдь геніальные писатели Германіи умѣютъ избѣгать тѣхъ недостатковъ, какими одержимъ былъ Вольфъ, да еще и не давая при этомъ его ясности. Прим. перев.

гическихъ законовъ, даже разумное устройство отхожихъ мѣстъ, ширину оконъ въ жиломъ домѣ, формулы общественной вѣжливости и т. д.

Вольфъ еще въ 1721-мъ году, прежде Вольтера, превознесъ китайскую мораль; Юстъ Брейтхауптъ возсталъ на это съ проповѣдью, какъ противъ явнаго кощунства. Приватдоцентъ Штрелеръ напалъ на Вольфа письменно и такъ раздражилъ этимъ его гордость, что философъ потребовалъ отъ университетскаго сената ареста и отставки виновному. Тогда богословы не только разразились противъ него печатными отвѣтами, но и устроили еще такъ, чтобы придворный шутъ короля Фридриха Вильгельма I-го завелъ въ табачной его коллегіи рѣчь о томъ, что вѣдь „предуставленная гармонія" дѣлаетъ человѣка двойнымъ механизмомъ тѣла и души, подчиняя такимъ образомъ все слѣпой волѣ рока; и если, напримѣръ, который-нибудь изъ рослыхъ гренадеровъ потсдамской гвардіи вздумаетъ вдругъ убѣжать, то по Вольфэку и это сдѣлается всилу предуставленной гармоніи, и король не въ правѣ за то штрафовать. Тогда Фридрихъ Вильгельмъ приказалъ, чтобы „реченный" Вольфъ въ двое сутокъ по полученіи Высочайшаго ордера покинулъ городъ Галле и предѣлы королевскихъ владѣній, если не хочетъ висѣлицы. Сочиненія его запрещены подъ страхомъ крѣпостныхъ работъ. Богословы вывели отсюда прямое заключеніе, что Богъ все-таки еще внимаетъ молитвамъ. Вольфъ нашелъ себѣ готовую каѳедру въ Марбургѣ *. Съ тѣхъ поръ Европа обратила на него вниманіе, его стали хвалить за границею какъ передового бойца за свободу и принялись переводить его сочиненія, такъ что Вольфъ, съ своей стороны, увидѣлъ перстъ Промысла въ судьбѣ своей, явно послужившей къ распространенію его мыслей. Призывъ его обратно въ Галле (въ 1740 г.) былъ однимъ изъ первыхъ царственныхъ дѣлъ Фридриха Великаго, который самъ обратился къ нему съ словами: „Философы должны быть учителями всего міра и воспитателями государей; они должны правильно мыслить, а мы правильно поступать; они должны наставлять человѣчество разумными доводами, а мы своимъ примѣромъ; они должны открывать, а мы приводить ихъ открытія въ исполненье".

Мертвая ученость, наружное только многознайство, сгибли невозвратно; среднесословные слои общества приняли живое участіе въ мышленіи. Геснеръ и Христъ явились умными и полными вкуса филологами, и геттингенскій университетъ былъ основанъ для изученія древности и исторической науки. Изъ Англіи распространились между тѣмъ масоны, сочиненія англійскихъ вольнодумцевъ были переведены, выступило на свѣтъ цѣлое общество друзей истины, проповѣдывавшее съ миссіонерскою ревностью то убѣжденье, что можно удовольствоваться одною вѣрой въ Бога и въ безсмертіе, не вдаваясь въ догматическія тонкости; такъ-называемая „Вертгеймовская Библія" ** старалась перифразою и перетолками обойдти всѣ щекотливыя мѣста и приноровить какъ ветхій, такъ и новый завѣтъ къ просвѣтительной фило-

* Такъ, самая раздробленность тогдашней Германія не разъ предохраняла ее отъ умственнаго рабства или, точнѣе, отъ обезумливающаго однообразія. Прим. перев.

** Изданная на счетъ графовъ Вертгеймъ жившимъ у нихъ домашнимъ наставникомъ, К. Л. Шмидтомъ.

софіи Вольфа. Изъ піэтистическаго мечтателя Эдельманнъ обратился въ религіозно-настроеннаго спинозиста и свободнаго библейскаго критика. „Богъ есть разумъ"—такъ толковалъ онъ начало Іоаннова евангелія и на этомъ основаніи проповѣдывалъ религію разума и природы мимо всякихъ догматовъ и обрядовъ. Богъ, говорилъ онъ, присносущъ всѣмъ вещамъ; мы должны познать, что внѣ Его мы совершенное ничто, а блаженство наше въ томъ и состоитъ, чтобы добровольно отдаваться Его волѣ. Іисусъ Христосъ по духу пребываетъ въ насъ завсегда и судитъ всѣмъ живущимъ; послушаніе гласу божію въ нашей совѣсти—вотъ истинное небо.—Основаны были по англійскому образцу нравоучительные и занимательные еженедѣльники; если имъ и далеко было до „Зрителя", то все же они служили мостомъ, переводившимъ изъ литературы прямо въ жизнь; таковы были „Патріотъ" въ Гамбургѣ, „Разсужденія живописцевъ" въ Швейцаріи, готшедовы „Разумныя пересудчицы" и „Прямосердъ" (Biedermann) въ Лейпцигѣ. Лудвигъ Шнабель далъ въ своемъ „Островѣ Фельзенбургѣ" лучшую изъ всѣхъ робинсонадъ, и противопоставилъ мирное затишье счастливаго острова свѣту, полному мірского и церковнаго деспотизма. Брокесъ перевелъ поповъ „Опытъ о человѣкѣ" и написалъ цѣлые пять томовъ стихотвореній, гдѣ изобразилъ все крупное и мелкое въ природѣ съ тѣмъ чтобы вывести отсюда доказательство премудрости и благости божіей; многое тутъ педантски-пошло, но есть иногда вещи, блестящія живыми красками и полныя чувствъ. Что сердце — настоящій арсеналъ поэта, это угадалъ Дроллингеръ, высказывавшій свое природное благочестіе больше въ видѣ псалмопѣній; тогда какъ, напротивъ, Гюнтеръ *, вращаясь среди буйнаго студенчества, воспѣтаго Цахаріею въ его „Реномистѣ", постоянно колебался между грубой рьяностью и нѣжнымъ чувствомъ, но при этомъ пѣлъ и прямо отъ души, такъ что среди плоскихъ пошлостей у него слышатся иногда чисто-наивные звуки, напоминающіе Бюргера и даже юношескія пѣсни Гёте; это вырывающаяся на волю истинно-поэтическая субъективность, но еще безъ надлежащаго образованія и безъ необходимой нравственной сдержки.

И то и другое найдемъ мы у знаменитаго гёттигенскаго физіолога, Альбрехта Галлера, родомъ изъ Берна. Въ поэзіи онъ примкнулъ къ Лейбницу и видѣлъ начало зла въ томъ, что Богу угодно было создать свободный міръ, а не царство безвольнаго совершенства. Въ своихъ „Альпахъ" Галлеръ поднялся надъ миніатюрной живописью и, знакомый съ величавою природой изъ своей собственной наглядки, онъ училъ находить счастье въ тѣсномъ съ ней сближеніи. Его благовѣстіе природы можно назвать прелюдіей къ Руссо, его поэтическое описаніе—прелюдіей къ байронову Чайльдъ-Гарольду. Лемке ясно показалъ, сколь многимъ обязанъ ему Шиллеръ. Пускай онъ потомъ говоритъ, что Галлеръ, вмѣсто самыхъ ощущеній, даетъ намъ только мысли объ этихъ ощущеніяхъ, но такія мысли онъ все же почерпалъ не изъ книгъ, а изъ своей собственной души; въ нихъ царитъ мужественный, прекрасный характеръ, а своимъ изображеніемъ природы онъ умѣетъ пробудить

---

* У котораго Ломоносовъ занялъ отчасти поэтическіе пріемы и внѣшнюю форму своихъ первыхъ одъ. Прим. перев.

настроеніе и затронуть фантазію въ читателѣ, благодаря именно тому, что не все подробно описываетъ, а налегаетъ только на главное, такъ же точно, какъ онъ будитъ и размышленіе ваше тѣмъ, что опускаетъ въ своемъ собственномъ среднія звенья ради сжатой краткости. Впослѣдствіи Галлеръ сталъ прямо піэтистомъ и изобразилъ въ нѣсколькихъ романахъ различныя государственныя устройства по ихъ основнымъ началамъ и слѣдствіямъ. Въ своихъ изреченіяхъ онъ гораздо глубже Поппа; такъ напримѣръ, когда обращаясь къ человѣку, онъ говоритъ:

Узнай, что совѣсти покой—единственный источникъ счастья;
Чтобъ быть счастливымъ, для того потребенъ ты, твое участье.

Или въ обращеніи къ Богу:

Все преходящее ничтожно, ты хочешь сердца одного,
И точно такъ, какъ самъ ты вѣченъ, должна и жертва быть навѣкъ.

Къ соревновавшему Англичанамъ Галлеру присоединился Гагедорнъ, ученикъ Горація и Французовъ; веселый, обходительный, поетъ онъ легко и игриво про вино и любовь, непринужденно болтаетъ въ забавныхъ разсказахъ. Такъ внесъ онъ не мало гибкости въ языкъ и отблескъ поэзіи въ область повседневной жизни.

Готшедъ (1700—1766) былъ настоящимъ Вольфомъ въ беллетристикѣ; онъ выступилъ преобразователемъ по всѣмъ отраслямъ литературы, но дѣлалъ это не такъ какъ позже Лессингъ, то есть не изъ глубины германской своеобразности, а постоянно приглядываясь къ офранцуженному классицизму и къ Опицу; съ точки зрѣнія Буало̀ возставалъ онъ противъ напыщенности и безпутства такихъ людей, какъ Гофмансвальдау, и противъ грубости площадныхъ стихоплетовъ. Разсудокъ перевѣшивалъ у него все: онъ считалъ возможнымъ обучить писанію стиховъ и въ своей „Піитикѣ" далъ на это правила, которыя старался вывести изъ разумныхъ основаній, но допрежде уже заимствовалъ у Римлянъ и Французовъ. Такъ онъ взялъ въ строгую чопорную школу ту безформную неряшливость, которая сопровождала первые порывы свѣжей жизни, какъ напримѣръ у Гюнтера, и сначала дѣйствовалъ вполнѣ благотворно; но потомъ своими мелочными придирками сдѣлался настоящимъ школьнымъ тираномъ, и когда появились новыя молодыя силы, онъ сталъ безпощадно муштровать ихъ и требовалъ, чтобъ онѣ непремѣнно держались его правилъ; это повело его къ рѣшительному паденію, и онъ вышелъ напослѣдокъ въ исторіи нѣмецкой литературы какимъ-то педантическимъ пугаломъ, тогда какъ ранняя пора его дѣятельности заслуживаетъ благодарнаго воспоминанья. Тогда онъ усердно подрывалъ тотъ цеховой взглядъ, по которому богословы и юристы должны были писать только для своей же братіи, тогда онъ всѣми силами старался поднять званіе писателя и сдѣлать его посредникомъ между наукой и народомъ. Силезская школа, возникнувъ въ новоонѣмеченномъ краѣ, гдѣ поэтому не было племенного нарѣчія, пользовалась довольно безцвѣтно лютеровскимъ письменнымъ языкомъ, а между тѣмъ ея стихотворное искусство, побѣдоносно выступившее впередъ со временъ

Опица, пріобрѣло себѣ рѣшительное вліяніе; благодаря единодержавному почету, какимъ одно время пользовался Готшедъ, онъ вдосталь вытѣснилъ изъ литературнаго языка живой элементъ народной молви, такъ что Швейцарецъ Галлеръ очищалъ и отшлифовывалъ свои стихи по правиламъ саксонскаго профессора; однообразная письменная рѣчь установилась, почти какъ у Французовъ подъ вліяніемъ Академіи, и подобно тому какъ за сто лѣтъ ранѣе у нихъ, явились теперь и въ Германіи писатели такой величины, что труды ихъ заслуживали стать общимъ достояньемъ; а тогда Гердеру и Гёте пришлось опять ратовать противъ школярной строгости, черпать свѣжую струю изъ народнаго ключа и услаждать ею Германцевъ; впослѣдствіи, особенно для юмористическихъ стихотвореній, стали даже прямо употреблять нарѣчія нижне-нѣмецкое, пфальцское и баварское.

Готшедъ былъ профессоромъ въ Лейпцигѣ, стоялъ во главѣ беллетристическихъ журналовъ, вступилъ въ союзъ съ актёромъ Нёйберомъ для того чтобы очистить нѣмецкую сцену отъ простонародныхъ балясъ и скучныхъ „государственныхъ представленій", и замѣнить ихъ драмами въ благороднѣйшемъ вкусѣ; онъ и его жена обработывали для этого піэсы съ французскаго, самъ Готшедъ написалъ по Аддисону „Умирающаго Катона"; Илья Шлегель, Кронегкъ, Шёнайхъ ревностно помогали ему въ усиліяхъ. Первый былъ значительнѣе всѣхъ: въ предѣлахъ французской формы онъ сталъ уже переходить къ обрисовкѣ характеровъ по образцу Шекспира, и отъ александрійскаго стиха дошелъ до пятистопнаго перифмованнаго ямба, которымъ тотчасъ же мастерски и овладѣлъ. Они просто-на-просто сожгли нѣмецкаго арлекина (гансвурша), вмѣсто того чтобы художественно преобразовать его, какъ съ сожалѣніемъ замѣчалъ уже и Юстъ Мёзеръ. Такъ какъ Готшедъ хотѣлъ быть единовластцемъ и тутъ, то онъ разсорился съ женой Нёйбера, а та вывела его за это самого на сцену въ видѣ Зоила съ крыльями летучей мыши, съ потайнымъ фонаремъ въ рукѣ и съ мишурнымъ солнцемъ надъ головою. Онъ написалъ противъ одной оперетты Роста „Чертовщина, или кутерьма" (Der Teufel ist los); авторъ, секретарь саксонскаго министра, отвѣчалъ на это посланіемъ къ нему Нечистаго, и когда раздраженный профессоръ пришелъ къ министру съ жалобой, этотъ приказалъ ему прочесть пасквиль въ присутствіи автора; Готшедъ дотого налегалъ при этомъ на осмѣивающія его выраженія, что графъ Брюль сказалъ ему смѣясь: Да это вѣдь чистая шутка! Потомъ, когда свидѣлся съ нимъ Фридрихъ Великій, Готшедъ съ гордымъ самодовольствіемъ заявилъ: я написалъ 66 томовъ, все вышло вотъ отсюда; и онъ указалъ при этомъ на свою голову. А лекціи онъ переводилъ изъ Бейля и другихъ писателей — тутъ же прибавилъ кто-то изъ присутствующихъ. Да, я переводилъ, но при этомъ и поправлялъ всѣхъ, продолжалъ Готшедъ, и серьёзно подтвердилъ онъ потомъ шуточное замѣчаніе короля: Такъ вы обладаете всѣми науками въ совокупности? Когда къ престарѣлому профессору явился молодой студентъ Гёте, онъ увидѣлъ передъ собой плечистаго исполина въ зеленомъ штофномъ халатѣ на красной подкладкѣ, съ огромной, совершенно лысою головой; слуга тотчасъ же подскочилъ съ парикомъ, котораго букли спускались ему ниже локтя; Готшедъ преважно надѣлъ его лѣвою рукой, а правою далъ оплеуху бѣдному прислужнику за то что онъ слишкомъ рано впустилъ посѣтителей, и когда тотъ, какъ въ ко-

медіи, кубаремъ выкатился въ дверь, чопорный старикъ обратился къ слушателямъ съ своей рѣчью.

Готшедъ настаивалъ на томъ, чтобы стихотворный языкъ не отступалъ отъ прозаическаго словопорядка, точно такъ же какъ во Франціи; онъ придалъ ему болѣе подвижности и простоты, и на ряду съ обычнымъ тогда александрійскимъ размѣромъ пытался ввести бѣлый анакреонтическій стихъ въ короткихъ ямбахъ, отваживался даже и на гексаметръ въ переводахъ. Притомъ онъ первый вызвалъ изъ забвенія старую нѣмецкую поэзію; онъ указалъ на Рейнеке Лиса, а потомъ Швейцарцы издали въ свѣтъ Нибелунги и Миннезенгеровъ. Швейцарцы Бодмеръ и Брейтингеръ вначалѣ дружески трудились заодно съ Готшедомъ, но послѣ совершенно разошлись съ нимъ, и однимъ изъ знаменій всего этого времени вышли тотъ болѣе вѣрный взглядъ и то свѣжее художественное творчество, которые развились изъ критической ихъ схватки. Швейцарцы указывали на англійскую литературу, и особенно на Мильтона; имъ хотѣлось чтобъ поэзія рисовала картины воображенію, чтобы тутъ давался просторъ и чуду: они утверждали что соединеніе необыкновеннаго и чудеснаго съ истиннымъ достигаетъ высшихъ цѣлей, въ баснѣ, въ романѣ напримѣръ; такимъ образомъ они сводили поэзію съ дидактически-описательнаго пути на дѣйствіе, съ разсудочной колеи на фантазію; поэтъ, говорили они, долженъ чудесное изображать вѣроятнымъ; изящное, это—яркій лучъ истины, который такъ сильно дѣйствуетъ на чувства и на сердце, что становится просто неодолимымъ. Брейтингеръ былъ сдержаннѣй, разсудительнѣй, Бодмеръ же больше энтузіастъ, увлекавшійся сочувствіемъ, легкоподвижный, многодѣятельный; по появленіи Клопштока, онъ въ своемъ „Всемірномъ Потопѣ“ много распустилъ воды, но тѣмъ не менѣе видѣлъ съ радостью, что рвавшаяся впередъ молодежъ оправдывала его стремленія, примыкала къ нему, а отъ Готшеда отвернулась. Послѣдній хотя и побудилъ ученика своего, Шёнайха, сриомовать эпосъ о Германнѣ, освободителѣ Германіи, но къ нему отнеслись холодно, тогда какъ Клопштокъ трогалъ до слезъ и восторгалъ всѣхъ *. Понятно, что Бодмера изображали съ поэмой Клопштока въ рукахъ и влагали ему въ уста слова Симеона: „Нынѣ отпущаешь раба твоего съ миромъ, Господи, ибо узрѣлъ я Мессію собственными глазами!“ Дѣйствительно, онъ лелѣялъ зародышъ новой жизни и спасенія. Онъ, и вмѣстѣ Готшедъ, обозначили собой тогдашнюю задачу нашу; вслѣдъ за Англичанами съ ихъ Шекспиромъ, вслѣдъ за Французами съ ихъ Корнелемъ и Вольтеромъ вступили мы во всемірную литературу и получили тѣмъ самымъ призваніе помирить естественную силу однихъ съ выправкой и классическимъ образованіемъ другихъ, получили призваніе сочетать народность съ искусствомъ.

На первыхъ порахъ еще сатиры Лискова и Рабенера показываютъ намъ ясно, дочего узокъ и ограниченъ былъ тогдашній нашъ бытъ, дочего скудно наше существованіе сравнительно съ тѣмъ, что̀ видимъ мы у Свифта или у Вольтера, у Монтескьё, которые развились въ свободной обще-

---

* Иному покажется такой отзывъ преувеличеннымъ; но вѣдь еще въ 1816-мъ году молодой тогда Генрихъ Гейне плакалъ и восторгался надъ могилой Клопштока. Прим. перев.

ственной атмосферѣ Англіи или на всемірной сценѣ Парижа. Тогда какъ ими обсуждались крупные вопросы политической и церковной жизни, наши нѣмецкіе авторы, сами не безъ пресмыкательства или страха, сочиняли ироническія похвалы дурнымъ писакамъ, фаворитнымъ собачкамъ, разнымъ жалкимъ поздравительнымъ стихамъ; ученые педанты или неотесанные деревенскіе дворянчики, старыя дѣвы и молодыя вдовы —вотъ что составляло предметъ пошлаго забавничанья, умѣстнаго развѣ только на кофейной сходкѣ или въ какомъ нибудь кабачкѣ; обычная проза жизни, равно далекая и отъ простой естественности и отъ высотъ, достигаемыхъ человѣчествомъ благодаря внѣшней независимости и величію души, такъ же прозаически сухо обработывалась и въ литературѣ. Такъ и Геллертъ (1715—1769) страдалъ недостаткомъ геніальнаго размаха фантазіи и глубокомыслія; онъ тѣсно примыкаетъ къ чливому и дѣловому среднесословному люду, къ его здравому человѣческому смыслу, къ его незатѣйливому благочестію; онъ его исправилъ и образовалъ, онъ былъ доброжелательнымъ совѣтникомъ, вѣрнымъ пастыремъ душъ и въ то же время веселымъ собесѣдникомъ не только для своихъ лейпцигскихъ студентовъ, но и для всего германскаго народа. Правда, духовныя его пѣсни—больше риомованныя размышленія, чѣмъ невольныя изліянія чувства, но онѣ излагаютъ вѣрующій раціонализмъ плавнымъ языкомъ съ теплотою сердца, любящаго и людей и Бога, радующагося благостью Всемогущаго и чающаго высшей награды себѣ въ томъ, чтобы блаженные на небеси встрѣтили его тамъ привѣтомъ, какъ душеспасителя. Въ романѣ образцомъ для него служилъ Ричардсонъ.

Въ „Шведской графинѣ“ соблазнительныя, даже прямо порочныя сцены изъ высшаго свѣта дали ему поводъ высказать добродѣтельныя свои чувствованія. Комедіи его постоянно колеблются между пошлостью и плаксивостью. Но его басни и разсказы общепонятны, замысловаты и не лишены даже милаго лукавства. Іоанну Мюллеру слышался и здѣсь профессоръ нравоученія; Гервинусъ же говоритъ, что если Глеймъ назвалъ басню Лафонтена придворною дамой, то басню Геллерта можно назвать словоохотливою гувернанткой, а басню Лихтвера—вострухой горничной. Отсутствіе народнаго государственнаго быта видно и у Геллерта; при всей естественности чувства, при всемъ сознаніи человѣческаго достоинства, при всемъ умѣніи возвыситься надъ сословными предразсудками и разностями вѣръ, оно придаетъ ему все-таки нѣчто мѣщански-сгнетенное и слабосильное; но этого не ощущало его время, его поэзія и его ученье приходились по плечу и по душѣ тогдашнему среднему сословію, и благодаря этому онъ былъ его любимцемъ въ той же мѣрѣ, какъ развѣ потомъ Шиллеръ въ нашемъ столѣтіи. Другъ Геллерта, Кламеръ Шмидтъ, изобразилъ намъ его очень мѣтко:

Вотъ исхудалое и тощее лицо;
Не озарялъ его вовѣкъ румянецъ страсти,
Ни безразсуднаго веселья рьяный пылъ;
Вотъ образъ тотъ, который смерть сама
Какъ гостя милаго пріяла;
Глубоко-впалые глаза
Глядятъ увѣтливо, не строго,
Высказывая, какъ всегда,
Души чувствительную повѣсть,

Терпимость ангела, и вовсе не укоръ,
А развѣ лишь слезу въ увѣтъ пороку;
Но эта мягкая слеза
Сильнѣй насмѣшекъ колкихъ Свифта.

Въ издаваемыхъ Швабе „Забавахъ разсудка и остроумія", а еще болѣе въ „Бременскихъ вкладахъ", молодежь старалась освободиться отъ школярнаго готшедова жезла; изъ круга тѣсно связанныхъ между собой товарищей, которые вскорѣ послѣ разлуки стали грустно вспоминатъ о веселой университетской жизни, но сохранили непоколебимую вѣрность и другъ къ другу и къ добродѣтели, вознесся какъ дубъ среди пороста Клопштокъ. Нѣмецкая литература не опиралась ни на какую крупную общественную жизнь,—„не цвѣлъ вѣкъ Августа для германскаго искусства и не улыбалась ему благосклонность Медичей,"—сами они выработались по чужеземнымъ образцамъ изъ своихъ мелкодержавныхъ отношеній; они „сами создали себѣ цѣну", съ тѣмъ, чтобы, поднявшись и освободившись изнутри, помочь потомъ своему народу пріобрѣсть себѣ отечество и возможность новаго расцвѣта.

Проторженіе чувства. Клопштокъ и Виландъ.

Особенность нѣмецкой литературы состоитъ въ томъ, что, изначала предрасположенная ко всецѣльному объему и къ примиренію противоположностей, она и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи не давала надолго преобладать въ себѣ вольномысленному просвѣщенію и разсудку, но всегда скоро возстановляла и религіозное и мірское чувство въ ихъ неотъемлемыхъ правахъ. При всей неудовлетворительности большинства произведеній Клопштока (1724—1803), если смотрѣть на нихъ съ эстетической лишь точки зрѣнья, самъ онъ чтится высоко, какъ настоящій путепроложникъ, если цѣнить его исторически и понять то великое впечатлѣніе, какое могъ онъ произвесть на современниковъ, хотя уже и Лессингъ замѣчалъ шутя:

Кто Клопштока хвалить не станетъ? Читать,—ну это тяжкій трудъ.
А насъ пусть меньше превозноситъ, да больше пусть читаетъ людъ.

Поэтъ и человѣкъ въ немъ одно и то же; онъ поетъ, что чувствуетъ, и живетъ вполнѣ откровенно; это—цѣльный человѣкъ, еще смолоду пророчески вдохновенный и окруженный ореолой религіознаго призванія, какъ поэтъ святыни, но при этомъ—бойкій конькобѣжецъ, весельчакъ за стаканомъ вина, располагающимъ къ изливу задушевной мысли, не прочь и отъ поцалуевъ цвѣтущихъ дѣвическихъ устъ, носитель своеземнаго строя чувствъ и мыслей, который онъ будитъ какъ глашатай грядущаго величія и единства своего народа, который онъ желалъ бы вызвать еще при себѣ, прямодушно говоря въ лицо Фридриху II-му и Іосифу: „Еще одинъ только вѣкъ, и право разума восторжествуетъ надъ правомъ меча!" Онъ истый Германецъ, который, подобно своему племени, принялъ въ свою плоть и кровь христіанство и классическую

древность; его пѣсни — огненное свидѣтельство вѣры его сердца, вѣры въ Спасителя, а между тѣмъ онѣ облечены въ формы античнаго риѳма, которыми подвышенный стихотворный языкъ выноситъ насъ изъ обычной атмосферы, тогда какъ съ другой стороны полувосточная фантазія Клопштока перелетаетъ отъ представленія къ представленью, отъ образа къ образу, часто связываетъ существительное съ чуждымъ ему глаголомъ, въ тѣхъ напримѣръ случаяхъ, когда передаетъ звучныя картины бардовъ,—какую-то смутную грозу и бурю порывисто-чающихъ сердецъ! У него нѣтъ спокойно-вглядчивой пластической ясности, четкаго чувственнаго созерцанья. Смолоду громко прославясь дарованіемъ среди юношески-возбужденнаго народа, онъ почти не развивался вмѣстѣ съ нимъ ни въ лѣта мужества, ни подъ старость, но все искусственно взбирался на высоту чистосердечнаго вначалѣ восторженнаго чувства и предпринималъ развѣ неудачныя только уклоненія, когда напримѣръ отъ Горація вдругъ перешелъ къ Давиду и поставилъ библейскихъ пѣвцовъ выше Эллиновъ, а потомъ схватился за сѣверную миѳологію и тѣмъ придалъ своей поэзіи совершенно непонятную внѣшнюю прикрасу, не сдѣлавъ первую народнѣе ни на̀ волосъ. Такъ отчуждился онъ подконецъ своихъ земляковъ, тѣмъ болѣе что давно уже проживалъ на датской пенсіи въ Копенгагенѣ. Не смотря на то, глубокимъ старцемъ, привѣтствовалъ онъ съ космополитской радостью совершившійся тогда французскій переворотъ. Онъ жалѣетъ что не Германія подала блестящій этотъ примѣръ; но вскорѣ алтарь свободы былъ оскверненъ убійствомъ и пожарами, усладительныхъ золотыхъ сновъ съ ихъ утренней зарею какъ будто не бывало, и Клопштокъ запѣлъ въ скорбномъ гнѣвѣ свои бичующіе стихи. Такъ крупное содержанье жизни въ величавыхъ формахъ оды и эпоса стоитъ у Клопштока рядомъ съ чрезмѣрной мягкостью чувства растроганнаго до такой степени, что въ кристаллѣ слезы плаксивыхъ глазъ расплываются у него всѣ формы видимыхъ предметовъ; это—первое проторженіе, но зато ужь и преувеличеніе чувства, какъ нарочно въ самую эпоху фижмъ и разсудочнаго міросозерцанія; точно такъ же какъ высокопарность Клопштока въ языкѣ, крайняя смѣлость и просто насильственность въ словоразстановкѣ, были прямо направлены въ отпоръ сухой и трезвой плоскости готшедіанцевъ.

Клопштокъ — лирикъ до конца ногтей; крѣпкой волею осуществляетъ онъ то правило, что поэтъ для изображенія какого бы то ни было великаго предмета, долженъ самъ вы̀носить его въ себѣ, прочувствовать его собственной душою. Пріобрѣтенную имъ славу пѣснопѣвца называетъ онъ плодомъ своей юношеской слезы и своей любви къ Мессіи, и священная чаша христіанскихъ слезъ должна быть наградою ему передъ крестомъ Спасителя. Онъ самъ былъ музыкаленъ и вполнѣ владѣетъ настроеніемъ; уже Гердеръ ясно показалъ, какъ любая изъ его одъ отличается своимъ собственнымъ тономъ выраженья,—тономъ, который начиная съ общаго ощущенія предмета переходитъ на самомалѣйшую его черту, на выборъ образовъ и слогоразмѣра, даже на употребленіе болѣе твердыхъ или болѣе мягкихъ буквъ; надо читать стихи его вслухъ, такъ чтобы они отрѣшались отъ бумаги, оживали и превращались въ пляску стопъ, въ какую-то рѣющую то вверхъ, то внизъ мысленную фигуру; даже и въ самыхъ запутанныхъ его ходахъ, слова съ особенными ихъ звуками должны слѣдовать за нимъ, какъ скалы и камни за Ор-

феемъ, и бурный потокъ риѳма увлекаетъ ихъ волей и неволею. Отъ каждой оды вѣетъ другимъ запахомъ и другимъ духомъ. *

Какъ бы ни казалось намъ страннымъ, когда поэтъ повѣдываетъ намъ свою оставшуюся безъ взаимности любовь къ Фанни такимъ образомъ, что переноситъ насъ въ иной міръ, къ дню общаго воскресенія, гдѣ все разногласное здѣсь на землѣ сольется въ вѣчную гармонію, гдѣ и она пойметъ его душу и составитъ съ нимъ одно существо; тѣмъ не менѣе въ этомъ сліяніи возвышеннаго съ элегическимъ заключенъ весь Клопштокъ, олицетворенный союзъ плотскаго чувства съ религіозностью; и какъ просто говоритъ онъ о взаимной любви между нимъ и Метой, въ трехъ короткихъ строкахъ:

Она взглянула,—этимъ взглядомъ
Вся жизнь ея слилась съ моей,
И все вокругъ насъ стало раемъ.

Благодаря такимъ стихотвореніямъ, гдѣ сердце въ созвучіи съ природой разрѣшаетъ даже и скорбные разлады въ трогательную и отрадную вмѣстѣ грусть, и гдѣ мысли выражаются въ милыхъ образахъ, Клопштокъ сталъ утренней звѣздою нашей новѣйшей поэзіи. „Когда дубъ не зашумитъ уже отъ бури, когда ива перестанетъ шелестить листвою, и тогда еще останутся пѣсни, которыми сердца подавали вѣсть сердцамъ.“

Еще ученикомъ въ шульфортской гимназіи Клопштокъ рѣшилъ про себя, на ряду съ Потеряннымъ раемъ Мильтона поставить рай, возвращенный жертвенной смертью Іисуса; но тамъ, гдѣ Мильтонъ съ опытностью въ политическихъ борьбахъ и обладая лучшимъ образованіемъ своего вѣка, Возрожденія и Реформаціи, изъ идиллическаго зачатка человѣчества открываетъ взоръ на историческую его будущность, тамъ незрѣлый, сентиментально-патетическій юнецъ Клопштокъ смогъ передать только свои личныя ощущенія, и онѣмѣлъ передъ Безконечнымъ, о которомъ онъ такъ мало еще зналъ; онъ не отважился, какъ Дантъ и Яковъ Бёме, высказывать тайны Божества, потомучто еще ни мало не постигъ ихъ, потомучто богословская формула закрывала отъ него ходъ развитія его собственной эпохи; онъ слишкомъ уже сталъ на точку зрѣнія внѣмірнаго, запредѣльнаго Бога, чей справедливости, думалъ онъ, надлежало удовлетворить, и слишкомъ мало еще вглядѣлся въ земное человѣчество, которое, при іудейскомъ его богослуженіи, съ его греческою философіей и съ римскимъ міровладычествомъ во главѣ всего, слѣдовало бы изобразить полнымъ внутренняго недовольства и потребности спасенія, а въ то самое время Іисусъ Христосъ, подвигомъ нравственной своей воли и жертвенною изъ любви смертію, принесъ ему новое начало жизни и открылъ новообрѣтенное совѣстью сознаніе единства человѣка съ Божествомъ **. Это реальное положеніе тогдашняго міра, эти личные подвиги и судьбы долженъ былъ развернуть передъ нами лирикъ; нутровластная божеская

---

* Мы опускаемъ здѣсь нѣкоторые приводимые авторомъ примѣры, такъ какъ въ переводѣ они неизбѣжно теряютъ тѣ особенности, о которыхъ онъ говоритъ. Прим. перев.

** Широкую програму эту, только въ предѣлахъ строго-исторической науки, превосходно выполнилъ въ недавнее время гейдельбергскій профессоръ Гаусратъ. Прим. перев.

мощь должна была выясниться здѣсь въ совокупномъ ея дѣйствіи съ человѣческими стремленьями; намъ предстала бы тогда осуществляющаяся въ исторіи идея и тожественная идеѣ исторія. Это великолѣпнѣйшій, конечно, сюжетъ; имъ и воспользовались живопись и музыка, и воспользовались притомъ какъ должно. А Клопштокъ былъ до такой степени нашколенъ исключительно антикомъ, что почелъ за лишнее пересказать въ своей поэмѣ даже всю жизнь Іисуса Христа; онъ даетъ только Страсти, начиная со вшествія въ Іерусалимъ, тогда какъ намъ надлежало бы видѣть Спасителя еще и въ Галилеѣ, слышать изъ устъ его нагорную проповѣдь, его притчи о царствѣ небесномъ. Рѣшеніе идти въ Іерусалимъ, страданіемъ и смертью привесть дѣло свое къ окончательному исходу надлежало постичь въ его глубокихъ внутреннихъ побужденіяхъ; вшествіе въ столицу Іудеи, покинутость чуть не всѣми въ Геосиманіи, распятіе и потомъ воскресеніе въ вѣрѣ и духѣ присныхъ Іисусовыхъ, представляли дивныя, полныя контрастовъ картины и обильное содержаніемъ дѣйствіе. На мѣсто всего этого, Мессія на горѣ Элеонской произноситъ у Клопштока странную присягу передъ Богомъ: „Подъемлю голову къ небесамъ, подъемлю въ облака мою руку, и клянусь тебѣ самимъ собою, такимъ же Богомъ, какъ и ты, что искуплю человѣчество!“ А Богъ-Отецъ расширяетъ ликъ свой по пространству небесъ, простираетъ десницу черезъ всю безконечность и клянется отпустить людямъ ихъ прегрѣшенія. Сколько тутъ непримиримыхъ, вопіющихъ противорѣчій, этого могъ не видать одинъ только Клопштокъ, при совершенномъ недостаткѣ у него опредѣленнаго поэтическаго рисунка и ясности мыслей вообще. Мѣсто этихъ элементовъ занимаетъ въ его природѣ перевѣсъ музыкальнаго; онъ какъ будто бы и хотѣлъ соперничать съ художниками непосредственныхъ звуковъ, Бахомъ и Генделемъ, но разумѣется далеко отсталъ отъ нихъ въ ихъ области, а въ своей онъ былъ еще менѣе способенъ поравняться съ ними; — поэзіи слѣдовало бы заявить себя, напротивъ, тѣмъ, что̀ она есть, — искусствомъ сознательнаго духа (а не чувства, выражаемаго непосредственными звуками). На бѣду, онъ совсѣмъ уходитъ въ сверхчувственное, и вмѣсто человѣческихъ ощущеній мы слышимъ рѣчи и сердцеизливы нашихъ ангеловъ-хранителей, заботы и восторги блаженныхъ душъ на небеси, или же яростныя завыванія демоновъ; не прогрессивно-развивающееся дѣйствіе представляетъ намъ поэтъ, а только волненія своего собственнаго сердца. Вмѣсто величаваго мильтоновскаго Сатаны у мягкосердаго Клопштока на первомъ планѣ кающійся Аббадонна, которому такъ и хочется опять въ небеса *. Мы совсѣмъ не видимъ креста Спасителя изъ-за рѣющихъ вокругъ, слезомойныхъ ангеловъ, и если въ самой исторіи Страстей авторъ ни гдѣ не изображаетъ намъ ея въ наглядно-эпической картинѣ, а только скучиваетъ по этому поводу разнаго рода настроенія и помышленья, то все слѣдующее далѣе прямо разрѣшается у него въ чистую почти элегію, или же въ гимны. Та̀мъ, гдѣ намъ надлежало бы видѣть передъ собой дѣла и характеры, мы только слышимъ проклятія, а

---

* Не показываетъ ли одна ужъ эта черта всей неспособности Клопштока дѣйствительно подняться въ сверхчувственное? Не вноситъ ли онъ и въ него ту же опять человѣческую сантиментальность, не подумавши о томъ, до какой степени празденъ и ненуженъ тогда подобный двойникъ? Прим. перев.

не то—молитвы и пѣснопѣнья; скучные до смерти ангелы, эти „сплоченныя изъ утренней зари, воздуха и словъ, фигуры,“ какъ мѣтко называетъ ихъ Группе, и далеко незабавные также демоны не могутъ замѣнить характеровъ и дѣлъ. Клопштокъ, уже и въ зрѣлыхъ годахъ, искусственно поддерживалъ въ себѣ прежній тонъ своего смутнаго, мальчишескаго восторга, вмѣсто того чтобы органически выработать избранное имъ цѣлое. Но именно чрезмѣрность въ выраженіи душевныхъ чувствъ и отворила ему сердца тогдашнихъ читателей, его Мессіада стала назидательною книгой, въ которой молодежь искала и находила трогательныя черты высшаго благочестія. И поэтъ примкнулъ своей поэмою къ первымъ зачаткамъ нашей литературы; какъ Отфридъ открылъ средневѣковую, такъ точно и онъ открылъ собой новую поэзію Германіи; его гексаметръ, взвѣшивающій стопы по ихъ внутреннему содержанью, внесъ къ намъ пластику античнаго ритма, а народъ увидѣлъ въ немъ достоинство поэта, обращеннаго ко всему святому и высокому, въ то самое время какъ Вольтеръ писалъ свою Pucelle *.

Библейскія драмы Клопштока ничтожны до того, что не пріобрѣли даже и тѣни успѣха; иначе были приняты отечественныя піэсы, примыкавшія къ Герману освободителю. Правда, и здѣсь мѣсто характеровъ и вѣрной реальной картины германской древности заступаетъ высокопарная лирическая фраза; но все же патріотическое чувство прорывается здѣсь мощно и возбудительно. Настоящаго нерва драмы, внутренняго конфликта, завязки и развязки въ самомъ дѣйствіи тутъ нѣтъ, но по крайней мѣрѣ размашисто высказывается національное настроенье.—Страннымъ произведеніемъ явилась наконецъ его „Республика ученыхъ“, родъ поэтики подъ видомъ разсужденій на сходкѣ друидовъ; однакожь есть здоровое зерно и подъ этой незаманчивой скорлупой: бьющее изъ сердца вдохновеніе, первоначальный ключъ всякаго искусства, противопоставляется здѣсь тому что сочинено по правиламъ.

Шиллеръ очень мѣтко сказалъ о Клопштокѣ: онъ изо всякаго своего сюжета вынимаетъ тѣло, чтобы обратить его въ духъ, тогда какъ другіе поэты стараются напротивъ духовное одѣть плотью; всѣ чувства вытекаютъ у него изъ сверхчувственныхъ родниковъ; отсюда, при всей важности и силѣ, то постоянное напряженіе души, въ какомъ онъ насъ безпрерывно держитъ; онъ то и дѣло призываетъ къ оружію духъ, не давая смыслу отдохнуть на спокойномъ присутствіи какого бы то ни было предмета. Но въ ту пору это было нужно для Германіи: надо было освободиться и высказаться личному чувству, и можно назвать счастьемъ то, что Клопштокъ сдѣлалъ это такъ размашисто, что онъ наполнилъ личное чувство благороднѣйшимъ содержаніемъ, дружбою и любовью, отечествомъ, свободой и религіей. Его порывъ къ дѣлу, точно такъ же какъ и его чувствительность дѣйствовали потомъ и среди молодежи такъ-называемаго „бурнаго періода“; Клопштокъ! говоритъ гётева

---

* Это указаніе на народъ трудно помирить съ прежнимъ отзывомъ самого Каррьера о томъ, до какой степени Клопштокъ отчуждился отъ народа. Авторъ просто увлекается здѣсь желаніемъ, въ лицѣ Клопштока и Вольтера противопоставить Германію Франціи.

Прим. перев.

Лотта Вертеру во время грозы, напоминая ему весенній праздникъ, и они освящаютъ этимъ именемъ часъ первой своей встрѣчи. Что въ виду крайностей парижскаго легкомыслія онъ пѣлъ о душевной любви и душевномъ благородствѣ, это благотворно подѣйствовало на нравственный бытъ Германіи и споспѣшествовало идеалистическому взгляду на отношеніе между мужемъ и женой; что порабощенному, разорванному въ лоскутки, народу онъ указывалъ съ увѣтомъ на свободное великое отечество, это также ставитъ его въ рядъ достохвальныхъ будителей у порога новѣйшей исторіи нашей. Онъ въ правѣ былъ на старости похвалиться такъ:

Возвышенье языка,
Болѣе строгій выборъ звуковъ,
Болѣе подвижная и благородная рѣчь,
Умѣнье излагать, завѣтнѣйшая сила поэзіи,
И потомъ она и опять она—Религія,
Страшная, милая, великая, высокая религія,—
Вотъ кто создалъ мнѣ памятникъ: и стòитъ онъ крѣпко,
Посмѣваясь времени, посмѣваясь
Тѣмъ мнимо-вѣчнымъ памятникамъ,
Чтò, на зрячій глазъ, развалины уже и теперь.

Только вкратцѣ могу я коснуться здѣсь учениковъ Клопштока, которые обработывали библейскіе сюжеты эпически, на его ладъ; это называлось тогда „серафимскою поэзіей", по-нѣмецки seraphische; Готшедъ, измѣнилъ это прозвище на письмѣ въ sehr affische, то-есть въ „совершенно обезьянскую"; а противники, въ отместку за то, стали писать имя его *шедъ, находя что не слѣдъ злоупотреблять для него слогомъ *Гот*, означающимъ Бога. Онъ, конечно былъ не неправъ, возставая противъ безформныхъ и скучныхъ поэтическихъ разглагольствій, но дѣло въ томъ, что самъ онъ отстаивалъ передъ ними жестокую прозаическую сушь; Лессингъ задумалъ на ихъ счетъ комическій эпосъ, гдѣ Готшедъ и Швабе, какъ Донъ-Кихотъ съ Санчо-Пансою, должны были выступить въ походъ противъ Серафимцевъ; напавъ при этомъ на дѣтей, которыхъ рыцари приняли за ангеловъ, они были осуждены на сожженіе, но Клопштокъ выручилъ ихъ изъ бѣды, заявивъ, что по своей крайней-водянистости они просто не сожигаемы. Также умолчу я здѣсь и о томъ ревѣ новыхъ бардовъ, какой подняли Денисъ и Герстенбергъ въ своихъ одахъ съ сѣвернымъ колоритомъ, воспѣваемыхъ по клопштокову образцу. Онъ и юные его сверстники положили начало поэзіи дружбы; Глеймъ въ Гальберштадтѣ продолжалъ потомъ особый этотъ родъ, формальный культъ дружественныхъ связей, благотворный по той поощрительной помощи, какую оказывалъ онъ начинающимъ талантамъ, слабосильный въ той сантиментальности, которая съ лучами мѣсяца разсылала въ даль поцалуи милой. Мѣсто напряженной и размашистой силы Клопштока заступило сладкое любезничанье, прозванное тогда анакреонтическимъ или поэзіею грацій; эта поэзія должна была обходиться безъ риѳмъ и быть шутливо-влюбленной; въ стихахъ вошелъ въ моду увѣнчанный розами питухъ, тогда какъ авторы этихъ стихотвореній въ дѣйствительности были чуть не всѣ сплошь очень скромные водопійцы. Уцъ въ своей „Ѳеодикеѣ", І. Т. Якоби въ „Пѣсни на середу первой недѣли поста", брались иногда также и за болѣе серьезные

звуки, а первый сверхъ-того поставилъ нерѣдко повторяемый съ тѣхъ поръ вопросъ: „Долго ли еще Германіи терзать собственной рукой свою утробу?“ Геснеръ въ своихъ Идилліяхъ остался безъ содержанія и индивидуальности; риторски изукрашенная проза, усвоенная со времени Возрожденія пастушеской поэзіи, перешла теперь и къ Нѣмцамъ; Геснеръ особенно напиралъ въ ней на трогательность. Размашистѣе и свѣжѣе былъ Эвальдъ фонъ-Клейстъ, воинъ-патріотъ, павшій геройской смертью въ битвѣ подъ Кунерсдорфомъ; его „Весна“ становится въ уровень съ Томсономъ, картина природы одушевлена вполнѣ соотвѣтственнымъ ей настроеньемъ, работящій и живо-ощущающій людъ движется по вновь-зазеленѣвшимъ нивамъ и смиренно поетъ хвалу Господу, который, не смотря на бездну мірскихъ золъ, все такъ ладно благоустроилъ въ природѣ; это всущности та же „Весенняя вѣра“ Уланда: Вездѣ насталъ къ иному поворотъ! Не унывай же, сердце, въ дни такіе, когда изъ терній розаны цвѣтутъ.

Дополнительный противень себѣ Клопштокъ нашелъ въ Виландѣ (1733—1813); Гервинусъ первый понялъ его въ этомъ смыслѣ и вѣрно провелъ главныя черты сравненья между ними. Запредѣльности, тому что̀ не отъ міра сего, Виландъ противопоставляетъ свѣтскій реализмъ; слуга роскоши, угодливый собесѣдникъ знатныхъ и образованныхъ, онъ, стоя о̀бокъ съ пророкомъ, умѣлъ обезпечить землѣ и чувственности поэтическія права ихъ, внесъ легкій, вольный тонъ англійскаго и французскаго общества въ нѣмецкую литературу и привлекъ къ ней даже чопорно-изящные кружки. Клопштокъ дѣятеленъ, изобрѣтателенъ на формы, онъ все подчиняетъ своей субъективности; Виландъ страдателенъ, воспріимчивъ и легко опредѣлимъ извнѣ, онъ дотого умѣетъ приловчиться къ чуждымъ образцамъ и примѣрамъ, что Шлегели въ своемъ „Атенеѣ“ могли назначить конкурсъ кредиторовъ надъ его поэтическимъ имуществомъ и публично вызывать Горація и Аріоста, Лукіана и Вольтера, Шафтсбёри и Сервантеса, да и многихъ еще другихъ, къ предъявленію своихъ правъ на сборное это достоянье. На Новалиса стихотворенія Клопштока производили такое впечатлѣніе, какъ будтобы какой-нибудь неловкій филологъ перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ; а Виландъ самъ много занимался переводчествомъ, и тѣмъ первый сдѣлалъ Цицерона, Горація, Лукіана и Шекспира удобочитаемыми для Нѣмцевъ, но при этомъ правда заставилъ этихъ писателей говорить языкомъ 18-го столѣтія, изъ воззрѣній котораго онъ вообще никогда не могъ выйдти, все равно, бралъ ли свой сюжетъ изъ рыцарскаго міра или изъ древняго эллинства. Онъ больше былъ ловкимъ на всѣ руки сочинителемъ, нежели воодушевленнымъ поэтомъ; гдѣ Клопштокъ серьёзно и съ благоговѣніемъ углублялся въ дѣло, тамъ Виландъ просто игралъ своимъ предметомъ и нарочно давалъ замѣтить это ироническими выходками. Клопштокъ придалъ языку пареніе, а Виландъ необыкновенную гибкость. Тотъ усвоилъ нашей поэзіи достоинство и высоту, а этотъ прелесть мелочныхъ житейскихъ отношеній; тотъ былъ патріотъ, а этотъ космополитъ, который хотѣлъ жить самъ и давать жить другимъ. У Клопштока поэтъ воспѣвалъ то, чѣмъ былъ онъ какъ человѣкъ, а Виландъ, въ отпоръ упрекамъ за соблазнительные свои разсказы, особенно когда его „Идрида“ была сожжена молодыми гёттингенскими поэтами, ссылался на свою безукоризненную частную жизнь и обѣщалъ воспитать дочерей своихъ такъ,

чтобы имъ не повредили его книги. Но самъ Виландъ, и притомъ не въ молодыхъ только годахъ, платилъ дань модной тогда чувствительности и крайнему сентиментализму; дамъ называлъ онъ главною пружиной своего духа, и говорилъ что безъ нихъ онъ не излилъ бы на бумагу своихъ христіанскихъ чувствъ. Еще семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ хочетъ украсить душу обожаемой имъ Софіи Гутерманнъ; онъ желалъ бы лучше умереть у ея ногъ нежели обладать всѣми въ мірѣ царскими вѣнцами. Она вышла за Лароша, который благодарилъ его потомъ за хорошее подготовительное образованіе, какое онъ далъ его женѣ. Виландъ впослѣдствіи полагалъ, что онъ и Юлія Бондели, прекрасная подруга Галлера, восторгавшаяся книгами Руссо, были единственными созданными другъ для друга существами. Наконецъ, въ 1771-мъ году, онъ нашелъ себѣ вѣрную жену, угождавшую всѣмъ его прихотямъ. Какъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, онъ однажды свидѣлся опять съ Софіей Ларошъ, съ которой былъ въ постоянной перепискѣ, это описалъ намъ Фридрихъ Якоби. Въ волненіи, какъ бы отуманенный, подъѣзжалъ онъ къ мѣсту свиданья, и когда увидѣлъ ее, невольно затрепеталъ; онъ обернулся на одинъ мигъ въ сторону, сбросилъ дрожащею рукой съ головы шляпу и ринулся прямо къ своей пріятельницѣ. Она шла ему навстрѣчу съ распростертыми объятіями, а онъ схватилъ обѣ ея руки и погрузился въ нихъ лицомъ. „Виландъ, это вы, все тотъ же милый, дорогой Виландъ!“ воскликнула Софья, и пробужденный трогательнымъ ея голосомъ, онъ наконецъ взглянулъ въ полныя слезъ глаза своей подруги. Ни кто изъ предстоявшихъ не могъ въ свою очередь удержаться отъ слезъ. Я плакалъ на взрыдъ, заключаетъ Якоби, и до сихъ поръ не могу еще сказать чѣмъ кончилась эта сцена и какъ мы воротились потомъ опять въ комнату!

Виландъ еще мальчикомъ писалъ стихи, попалъ на колею серафиковъ и сочинилъ въ ихъ духѣ эпосъ объ искушеніи Авраама, свои „Письма покойниковъ“ и свои „Симпатіи“. Свѣтская поэзія была для него тогда охмеляющимъ душу виномъ дьявола, и онъ фанатически требовалъ гоненія на анакреонтиковъ, поноса ихъ именемъ мелкой гадины, жалкой тли. Но не одинъ Лессингъ видѣлъ напускное въ этихъ его настроеніяхъ; Николаи также называлъ музу Виланда молодою дѣвочкой, корчащей изъ себя богомолку; любопытно будетъ посмотрѣть, говорилъ онъ, какъ эта благочестивая ханжа превратится опять въ модную, веселую красавицу. Дѣйствительно, душевная лихорадка Виланда длилась очень не долго. Шафтсбёри и Вольтеръ втянули его въ свои сферы; ставъ директоромъ канцеляріи въ родномъ городѣ Биберахѣ (1760), онъ въ сообществѣ съ графомъ Стадіономъ промѣнялъ нектаръ боговъ на токайское вино, и формально принялъ на себя задачу, наперекоръ шумихѣ ложныхъ добродѣтелей и высокопарныхъ словъ, возстановить опять въ правахъ чувственность. Тутъ началъ онъ въ своихъ стихахъ превозносить свѣтскій умъ и чувственныя удовольствія передъ набожнымъ и возвышающимъ душу настроеньемъ. Романъ Сильвіо Донъ-Росальва онъ называлъ торжествомъ природы надъ мечтательностью; герой, подобно Донъ-Кихоту, вѣритъ въ фей, пока земная красавица не вывела его на истинную дорогу. Въ Агатонѣ онъ подражалъ александрійскимъ романамъ; плѣнъ отъ морскихъ разбойниковъ, рабство, разлука и возсоединеніе—вотъ полная приключеній рама для внутренней исторіи одного греческаго юноши, который,

бредя орфико-платоновскими идеалами, вдругъ попадаетъ въ соблазнительныя сѣти гетеръ, а потомъ выноситъ изъ крушенія первоначальной своей вѣры и невинности веселую житейскую мудрость, тотъ именно средній взглядъ, къ которому обратился самъ Виландъ:

Дарами пользуясь природы и судьбы,
Та мудрость и не ищетъ остальнаго;
Заблудшаго ей жаль, но какъ врага прямого
И какъ огня бѣжитъ она ханжей гурьбы.
О добродѣтели не риторствуя съ жаромъ,
Всегда готовая къ добру не изъ наградъ,
Она, при счастіи-ль, подъ горя ли ударомъ,
Не рай хоть видитъ здѣсь, да и не сущій адъ.

Книга эта была поэтическою автобіографіей, исторіею души, и въ заслугу Виланду надо здѣсь поставить то, что онъ навелъ романъ на картинную передачу образованія, развитія сердца и ума, и этимъ можно-сказать подготовилъ Вильгельма Мейстера. Впослѣдствіи, въ своихъ „Абдеритахъ“ далъ онъ презабавныя сцены быта маленькихъ германскихъ городковъ, и падкаго до наслажденій сократика Аристиппа поставилъ средоточіемъ въ историческій романъ изображающій блистательную пору Греціи, при чемъ Виландъ больше обнаружилъ свой собственный философскій взглядъ, нежели вѣрно передалъ характеръ той эпохи. Въ самомъ началѣ своего поворота къ реализму онъ злоупотребилъ греческіе миѳы о Ганимедѣ, Парисѣ и Эндиміонѣ для грязно-сладострастной перелицовки. Тутъ онъ говоритъ, что геній Ироніи, котораго онъ теперь поклонникъ, порожденъ какимъ-то Фавномъ отъ музы или граціи, Таліи. Потомъ научился онъ прилично излагать даже и самое непристойное, слегка прикрывать чувственный развратъ, для бóльшаго имъ очарованья, и такимъ образомъ сдѣлался любимымъ мастеромъ на всякій соблазнъ, не разстававшимся съ статуэткой Вольтера и увлекшимъ германскую аристократію отвѣдать и по-нѣмецки того, чѣмъ прежде зачитывалась она по-французски. Его „Музаріона“—стихотворное дидактическое наставленіе въ этомъ особенномъ пріемѣ и искусствѣ. Молодой Аѳинянинъ, безпутно прокутивъ все свое имѣнье, удаляется въ одиночество съ четой философовъ, которые должны научить его самоотверженью; тутъ посѣщаетъ его прежняя любовница, Музаріона, и въ то самое время, какъ благочестивый пиѳагореецъ и строго-добродѣтельный стоикъ спорятъ между собою, доходятъ даже до драки, а потомъ одинъ изъ нихъ поддается соблазну вина, а другой—прелестямъ кокетливой служанки, Музаріона теоретически и практически преподаетъ философію грацій, утонченное искусство наслаждаться жизнію, которое бѣжитъ излишествъ только потому что они вредны и находитъ себѣ вѣрную отраду въ чувственной и въ духовной красотѣ.

Приглашенный герцогинею Амаліей въ воспитатели къ ея принцамъ въ Веймаръ, Виландъ написалъ свое „Золотое зеркало,“ въ которомъ хотѣлъ дать извлеченіе всѣхъ полезнѣйшихъ вещей, какимъ великіе міра сего, среди образованнаго народа, могутъ научиться изъ исторіи. Политическія мнѣнія Вольтера и Руссо, очищенныя отъ всѣхъ крайностей, хотѣлъ онъ изложить здѣсь съ германской задушевностью. Философскими законами и добрымъ воспита-

ніемъ принцъ Тифанъ возстановляетъ разстроенное государство, такъ что въ какія-нибудь десять лѣтъ купцы становятся у него добросовѣстны, ученые умны, а попы сговорчивы.

Виландъ, всего болѣе цѣнимый за поэтическіе свои разсказы, выбиралъ для нихъ сюжеты изъ Среднихъ Вѣковъ, и обновивъ рыцарское стихотворство, онъ въ одно и то же время проложилъ народу своему путь къ уразумѣнію романтическаго эпоса, а себѣ — дорогу къ вѣковѣчному творчеству. Онъ старался округлить всякую композицію, онъ упражнялся „въ трудномъ искусствѣ скрывать слѣдъ прилежнаго обтачиванья подпилкомъ," онъ болѣе и болѣе усвоивалъ себѣ легкую плавность изложенія, ему все болѣе удавалось „представлять глазамъ читателей то самое видѣніе, какое рѣяло передъ его собственной душой", и въ своемъ „Оберонѣ" онъ собралъ золотой плодъ гесперидскихъ садовъ, медленно доведенный до созрѣва талантомъ и прилежаніемъ. Въ „Амадисѣ" стихи еще были небрежнѣе, положенія щекотливѣй, ходъ разсказа произвольнѣе; образцомъ служитъ здѣсь болѣе „Дѣвственница" Вольтера, нежели Аріостъ, и цѣлое выходитъ торжествомъ чувственной любви надъ душевною, платонической. Еще хуже и фавничнѣе были мелкіе разсказы, напримѣръ Комбабъ, Водяная кадка; но послѣ воздухъ поочистился, тонъ поосвѣжился въ „Лѣтней сказкѣ", а въ „Благородномъ Геронѣ" вѣрность дружбы, рыцарская честь торжествуютъ уже надъ прелестями порочнаго вожделѣнія, въ „Ганделинѣ" только самой же переодѣтой любовницѣ удается наконецъ соблазнить милаго, который вынесъ до тѣхъ поръ изъ-за нея всѣ возможные искусы. Очистившись такимъ образомъ самъ, Виландъ въ своемъ „Оберонѣ" (1780 г.) могъ обдѣлать въ благородную форму французскій матерьялъ, занятый имъ изъ былинъ о Карлѣ Великомъ, не утративъ при этомъ ни свойственныхъ его таланту веселости, ни даже плотоугоднаго лукавства.

Связь этого сюжета съ волшебнымъ кельтійскимъ преданіемъ существовала уже и до Виланда. Гюонъ умертвилъ одного изъ карловыхъ сыновей, который преслѣдовалъ его пагубными кознями; въ искупленіе вины Карлъ возлагаетъ на него слѣдующую задачу: „Ступай ты въ Вавилонъ, и въ тотъ самый часъ когда Халифъ торжественно столуетъ съ своими эмирами, войди въ его палату и тому, кто будетъ по лѣвую его руку, отсѣки голову, такъ чтобы кровь брызнула на столъ; сдѣлавъ это, подберись вѣжливо къ наслѣдницѣ его трона, сидящей всѣхъ ближе къ нему и поцалуй ее всенародно три раза какъ свою невѣсту. И пока Халифъ; который конечно не ждалъ такой сцены въ своемъ присутствіи, цѣпенѣетъ еще отъ изумленья, бросься передъ золотымъ его сѣдалищемъ по восточному обычаю на колѣна и испроси у него мнѣ въ подарокъ и въ знакъ дружбы насъ соединяющей четыре коренныхъ его зуба и пригоршню волосъ изъ сѣдой его бороды". Какимъ образомъ Гюонъ совершаетъ заданный ему урочный подвигъ съ помощью волшебной чарки, которая наполняется, какъ скоро ее перекрестишь, и съ помощью рога, отъ котораго, при тихомъ звукѣ, пускаются въ плясъ всѣ слышащіе, а при сильномъ — является Оберонъ, все это заключалось уже въ источникѣ; но Виландъ обработалъ его, мѣстами умѣряя, мѣстами поэтически связывая подробности. Заранѣе готова была уже и та черта, что Гюонъ обязанъ жить съ султанской дочерью, какъ братъ съ сестрой, пока Папа не благословитъ ихъ

брака, а они, плывя по морю, не вытерпѣли, обнялись прежде, увлекшись любовной страстью, и буря выбросила ихъ на африканскій берегъ, гдѣ Сарацыны захватили красавицу, а богатыря накрѣпко привязали къ дереву. Хотя и прогнѣванный имъ передъ этимъ, Оберонъ является однакожь его спасителемъ; удается освободить и плѣнную красотку, но у воротившихся странниковъ кто-то укралъ султанскіе зубы и клочокъ султанской бороды; ихъ схватываютъ, онъ долженъ быть повѣшенъ, а она сожжена на кострѣ, но подоспѣвшій Оберонъ опять все разъясняетъ. Тутъ Виландъ отличился не только искуснымъ выборомъ и мастерскою переработкой, но и на мѣсто дѣйствующаго въ романѣ духа, крошечнаго карлика, будто бы прижитого Юліемъ Цезаремъ отъ одной феи, онъ взялъ изъ шекспирова „Сна въ ивановскую ночь“ прелестнаго воздушнаго царя Эльфовъ и присоединилъ къ этому изъ Чосера исторію ссоры Оберона съ Титаніей. Престарѣлый дворянинъ женился на молодой хорошенькой дѣвушкѣ; онъ ослѣпъ, и своей ревностью выводитъ ее изъ себя, но однажды самъ подставляетъ плечи, чтобы ей легче взлѣзть на грушевое дерево, гдѣ забавляется съ нею его оруженосецъ; царь фей и супруга его видятъ это и вступаютъ между собой въ горячій споръ: Оберонъ вдругъ возвращаетъ слѣпцу зрѣніе, а Титанія тотчасъ влагаетъ въ уста женѣ отговорку, что именно она отчаянною борьбой съ злымъ бѣсомъ и вырвала у него исцѣленье старику. Изъ-за этого Оберонъ и Титанія разстаются у Виланда, и первый говоритъ любимой подругѣ, что онъ только тогда увидится опять съ нею, когда повстрѣчаетъ чету, связанную узами любви навѣкъ, и готовую на всѣ жертвы, на всѣ удары судьбы изъ-за одного искреннаго чувства.

Старый соратникъ, Шерасминъ, разсказываетъ это любящимся во время морского перехода. Оберона такъ и тянетъ опять къ подругѣ души; Гюонъ и Реція та чета, на которую онъ возлагаетъ всю надежду; этимъ поэтъ овинословилъ особенное расположеніе его къ герою; такимъ образомъ происшествія въ мірѣ фей тѣсно переплелись съ людскими событіями, и Виландъ не даромъ хвалится искусствомъ, съ какимъ стянуто у него въ одинъ главный узелъ все; вполнѣ достигнуто единство разнообразныхъ частностей, такъ какъ любая изъ нихъ нуждается въ другой для благополучнаго своего завершенья. Мало того: влюбленная чета принимаетъ свои несчастія за искупленіе вины и за ниспосланное свыше испытанье. Послѣ того какъ одолѣла ихъ чувственность, вдругъ разразилась буря и гроза; для укрощенія ея приходится кого-нибудь бросить въ море; на долю Гюона по жребію выпадаетъ смерть; Реція, крѣпко обнявъ его, кидается въ волны съ нимъ вмѣстѣ, и обоихъ прибиваетъ къ берегу. Назови властвующую надъ нами мощь какъ хочешь, говоритъ она: Провидѣніемъ, судьбою, Оберономъ, все равно.

Такъ вѣщее мнѣ сердце говоритъ,—
Я вѣрю этому, тверда я въ убѣжденьи:
Рука, которая средь мглы морской намъ щитъ,
Насъ не покинетъ злой напасти на съѣденье;
И если намъ когда надежда измѣнитъ,
Мы крѣпки вѣрѣ той пребудемъ благородной:
Вѣдь мигъ одинъ порой даетъ спасенья видъ
Бѣдѣ, на взглядъ нашъ безъисходной.

Такъ начинаетъ уясняться передъ нами смыслъ поэтическаго созданія, и это со стороны Виланда подлинно ужь заслуга; онъ идеально углубилъ фабулу, превратилъ ее въ исторію постепенно очищающейся души, а къ чудесамъ отнесся только съ веселою больше шуткой. Не при дворѣ Карла, а на Востокѣ уготовляетъ онъ влюбленнымъ смертныя опасности. Морскіе разбойники завезли Рецію въ Тунисъ, Гюонъ поспѣшилъ туда вслѣдъ за нею. Султанъ Альманзоръ ищетъ любви Реціи, султанша хочетъ овладѣть Гюономъ; но влюбленные остаются непоколебимы; они готовы лучше умереть нежели нарушить вѣрность и уступить грѣховному вожделѣнію. И вотъ уже сложенъ для нихъ костеръ, ихъ ужь привязываютъ къ столбу для сожженія, какъ вдругъ раздается рогъ Оберона, потерянный Гюономъ въ то время, когда онъ впалъ въ вину; пока всѣ пустились плясать, влюбленные спасаются бѣгствомъ, Оберонъ переноситъ ихъ домой, Гюонъ выполнилъ всѣ условія, судьба ублажена, Оберонъ и Титанія соединились снова, и Вѣрность является звеномъ, смыкающимъ небо съ землею. — Гёте послалъ отъ себя поэту лавровый вѣнокъ, и писалъ къ Лафатеру: „Пока поэзія останется поэзіей, золото золотомъ, а кристаллъ кристалломъ, до тѣхъ поръ виландовъ Оберонъ будетъ нравиться и восхищать, какъ отличное произведеніе поэтическаго искусства". Нація подтвердила этотъ приговоръ. Виландъ заслужилъ его, потому что не замкнулся подобно Клопштоку въ досадѣ на прогрессъ литературы, а напротивъ признавалъ его безъ всякой зависти, особенно въ молодомъ Гёте, и, благодаря этому, создалъ такую вещь, которая не только интересна исторически, какъ звено или ступень въ развитіи, восходящемъ все выше и выше, но которая и сама по себѣ доставляетъ наслажденіе.

Фридрихъ Великій и вольномысленное просвѣщеніе.

Мы не однократно уже встрѣчались съ героемъ вѣка. Отецъ его былъ и у себя дома и въ государствѣ строгимъ, бережливымъ, богобоязливымъ дядькою, полнымъ суровыхъ и до жестокости грубыхъ причудъ, который безъ устали школилъ своихъ солдатъ и пріумножалъ свое сокровище, такъ что геніальный сынъ — котораго онъ считалъ нѣжонкой и разъ чуть-было не казнилъ смертью — нашелъ наготовѣ средства ввести Пруссію въ рядъ первостепенныхъ державъ. Философъ, обитатель Сансуси, какъ впослѣдствіи прозвали Фридриха, въ юности образовался по Вольфу и сталъ исповѣдывать основанный на разумѣ и наблюденіи природы деизмъ; этого воззрѣнія держался онъ и тогда, когда заодно съ Вольтеромъ обдавалъ щелокомъ насмѣшки суевѣріе и вѣроуставные догматы, а въ священствѣ всѣхъ рѣшительно эпохъ видѣлъ только лицемѣровъ и обманщиковъ, будто бы изъ одного лишь властолюбія извращавшихъ естественную религію; но въ старости опротивѣли ему легкомысленное вольнодумство и фанатизмъ матерьялистовъ, онъ выхвалялъ тотъ здравый человѣческій смыслъ, съ какимъ народъ крѣпко держится вѣчныхъ истинъ, и самъ рѣшительно обратился къ христіанскому нравоученію. Онъ на дѣлѣ осуществилъ требованіе всеобщей вѣротерпимости;

въ его государствѣ каждому предоставлялось спасать душу на свой собственный ладъ; онъ увидѣлъ, что не льзя создать образованность и свободу по приказу, не льзя и даровать ихъ, а потому далъ умамъ полную волю и просторъ пріобрѣтать себѣ благо просвѣщенія. Эта заслуга его гораздо выше той авторской славы, какую снискалъ онъ сочиненьями; однакожь и они значительны тѣмъ, что самъ государь, совершенно въ духѣ новаго времени, старается выяснить себѣ въ нихъ задачу и цѣль жизни, съ тѣмъ чтобы понять свою эпоху и руководить ее самосознательно. Тѣ коренныя начала, которыя онъ такимъ образомъ для себя добылъ, стали движущими силами его правленія и съ тѣмъ вмѣстѣ общею основой юной жизни для Германіи.

Не какъ философъ, а какъ король, занялъ Фридрихъ свое мѣсто въ исторіи философіи. Его увлекало приложеніе идей къ дѣлу, и юношей онъ написалъ своего Антимаккіавеля. Въ душѣ его укоренились добрыя правила, какія Фенелонъ и Масильіонъ внушали французскимъ принцамъ; и какъ ни ошибочно взглянулъ онъ на флорентинскаго политика, котораго считалъ гнуснымъ проповѣдникомъ безстыдной тиранніи, онъ все-таки явился представителемъ новой государственной идеи и политики, когда сущность государской власти усмотрѣлъ въ службѣ ея государству, а въ послѣднемъ призналъ развивающійся организмъ и требовалъ чтобы своекорыстный произволъ рѣшительно уступилъ владычеству закона. Власть должна обезпечивать правомѣрный порядокъ; только для того и подчиняется ей народъ; государь принадлежитъ къ народу, надъ которымъ онъ стоитъ, какъ голова, которая мыслію и руководительствомъ трудится для всего тѣла. Государь—первый слуга государства *, благу отечества долженъ онъ жертвовать всѣми своими личными интересами; это повторялъ онъ до конца дней, да такъ и дѣйствовалъ. Онъ превозносилъ англійскіе порядки, гдѣ парламентъ посредникъ между королемъ и гражданами; онъ заключилъ дружественный союзъ съ сѣвероамериканскими штатами; Пруссію пересоздалъ онъ въ правомѣрное государство, далъ ей основанное на разумѣ и народномъ обычаѣ земское уложеніе (Landrecht), чтобы каждый могъ вести мирную жизнь подъ щитомъ закона; если же онъ самъ все-таки остался неограниченнымъ властителемъ и, какъ свой собственный министръ, вникалъ въ мельчайшія подробности, все окончательно рѣшалъ и приводилъ въ исполненье, то это зависѣло отъ величія и энергіи даровитой его природы, его проницательности и необыкновенной способности къ труду, которыя внушали ему убѣжденіе, что дѣла идутъ такъ всего лучше, всего полезнѣе для народнаго блага; при этомъ неизбѣжно прорывались иногда жесткія и ошибочныя мѣры властолюбія, такъ что и самъ онъ подконецъ земного своего пути утомился державствовать надъ безотвѣтными рабами.

Вскорѣ по появленіи „Антимаккіавеля“ и по восшествіи своемъ на престолъ, онъ долженъ былъ извѣдать на опытѣ, какъ много въ натурѣ его сродства съ дѣйствительнымъ Маккіавелли. Жажда дѣлъ, славолюбіе побудили его овладѣть Силезіей безъ особенной заботы о правахъ на этотъ захватъ; онъ

* Это сказалъ у насъ Петръ Великій еще прежде Фридриха. Прим. перев.

просто хотѣлъ завоевать своему государству такое положеніе, которое бы доставило ему самому возможность вліятельно дѣйствовать среди сильныхъ европейскихъ державъ; и то, какъ народный голосъ призналъ его дѣятельность, показало ясно, что въ темномъ стремленіи своемъ къ возрожденію германскаго отечества онъ присовокупилъ этимъ второй шагъ къ тому первому, который ступили курфюрсты, его предки. Но мало того, что онъ глубоко оскорбилъ такимъ насильственнымъ поступкомъ Марію Терезію: не питая въ своемъ мужескомъ сердцѣ ни какого чувства къ женственности вообще, онъ давалъ полную волю своимъ ѣдкимъ выходкамъ относительно вѣнчанныхъ и невѣнчанныхъ владычицъ той эпохи, и въ искупленіе за этотъ грѣхъ скопилась надъ головой его грозная туча европейскаго союза; онъ противусталъ ему совершенно одинъ, за исключеніемъ только могучаго государственнаго дѣльца Англіи, старшаго Питта; онъ надѣялся спастись тѣмъ, что предупредитъ враговъ своимъ побѣдоноснымъ и готовымъ къ бою войскомъ; и блестящіе успѣхи вначалѣ Семилѣтней войны сдѣлали его героемъ, на диво всему міру. Сами Непрусаки, чью имперскую армію обратилъ онъ въ бѣгство, съ гордостью смотрѣли на то, какъ высоко онъ поднялъ честь германскаго имени, и это настроеніе поддерживалось даже и тогда, когда левъ, обойденный со всѣхъ сторонъ охотниками, тяжко пораженный и уязвленный въ самое сердце, въ несчастіи именно и доказалъ неистощимую силу своего генія, возвысилъ свое полководческое искусство и съумѣлъ выдержать борьбу до тѣхъ поръ, пока мѣсто оскорбленной имъ россійской императрицы заняла обожавшій его Петръ III, который тотчасъ протянулъ ему руку на союзъ, Англія вступила въ сдѣлку съ Франціей, а австрійская императрица заключила миръ, оставивъ Силезію за Пруссаками. Но письма Фридриха обнаруживаютъ ясно, сколько выстрадалъ онъ въ эти года̀, видя тяжкое бѣдствіе своего края, когда печаль о смерти милѣйшихъ ему сродниковъ и друзей поглощалась у него соболѣзнованіемъ къ живущимъ, когда онъ посѣдѣлъ отъ безпрестанныхъ заботъ, и только въ повседневномъ трудѣ находилъ средство противъ скорби, удручавшей его какъ человѣка и какъ короля. Онъ лучше хотѣлъ погребстись подъ развалинами отечества, чѣмъ снова уступить славно пріобрѣтенную имъ силу; онъ лучше хотѣлъ покончить свои страданія добровольной смертью, нежели попасть въ плѣнъ или подписать постыдный миръ. Я жертвовалъ молодостью отцу, пишетъ онъ, а зрѣлымъ возрастомъ отечеству, я жилъ только для другихъ, теперь я въ правѣ умереть для себя лично. Онъ прошелъ трудную школу терпѣнія, онъ искупилъ свою вину; онъ спасся тѣмъ, что сталъ на вселенскую точку зрѣнья, гдѣ все земное казалось ему мелкимъ до ничтожности. Послѣ этого ему суждено было прожить остатокъ дней своихъ въ мирѣ, для народа. Но онъ сдѣлался одинокъ. Въ юношескомъ энтузіазмѣ, онъ слишкомъ идеализовалъ людей, а потомъ, когда его зоркій глазъ, его реалистическое правдолюбіе открыли ему слабыя стороны и недостатки дѣйствительности, онъ безпощадно злоупотреблялъ верховнымъ своимъ правомъ для шутокъ и презрительныхъ насмѣшекъ; онъ былъ своенравенъ и не терпѣлъ противорѣчія, требуя одного,—точнаго исполненія его приказовъ. Но онъ залѣчилъ раны, нанесенныя войной странѣ, онъ урядилъ управленіе Силезіей, какъ впослѣдствіи Западною Пруссіей, которую вырвалъ изъ рукъ жалкаго польскаго домохозяйства, чтобы не отдать ея во власть

Россіи. Трудъ слылъ у него отцомъ всѣхъ добродѣтелей; къ точной исполнительности военной службы и въ гражданскихъ дѣлахъ, къ бережливости и неизмѣнной вѣрности долгу, одушевлявшимъ самого Фридриха, пріучилъ онъ не только свое государственное управленіе, но и самый даже народъ. Густавъ Фрейтагъ, въ довершеніе всего этого замѣчаетъ: „Великою, но вмѣстѣ и страшной стороною дѣла было то, что благоуспѣшность цѣлаго казалась ему въ любой данный мигъ выше всего на свѣтѣ, а удобство единичной особи считалъ онъ при этомъ ровно ни во что. Какимъ-то государственнымъ рокомъ являлся онъ въ глазахъ Пруссаковъ, непредрасчислимымъ, безпощаднымъ, всевидящимъ. Съ честолюбивою душой онъ выступилъ на сцену міра въ цвѣтѣ юности, онъ исхитилъ у судьбы всѣ высокіе и великолѣпные вѣнки побѣды, но не удовлетворился ни какимъ на свѣтѣ торжествомъ. Случайною, невѣрной и ничтожной казалась ему потомъ всякая земная слава; за нимъ осталось только чувство долга, вѣчно дѣятельное. Съ утонченнѣйшимъ своекорыстіемъ жаждалъ онъ вначалѣ для себя всего, что ни есть великаго, и безкорыстно отдалъ подконецъ самого себя общему благу и счастію меньшей братіи. Ужаснѣйшія испытанія не сокрушили высшихъ его идеаловъ, а только облагородили, подняли, очистили ихъ вполнѣ; многими жертвовалъ онъ своей державѣ, но ни кѣмъ такъ, какъ самимъ собой".

Фридрихъ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ на столько, чтобъ браниться и командовать, но не на столько, чтобъ на немъ писать. Книги сочинялъ онъ по-французски. Кромѣ философскихъ и политическихъ разсужденій, уважаются многіе его военные труды, а также записки о бранденбургскомъ домѣ и объ исторіи его времени. Онъ не отступилъ здѣсь ни отъ своей правдивости, ни отъ стремленія все подчинять политической цѣли, и сталъ на ряду съ лучшими изъ тогдашнихъ историковъ. У него былъ позывъ на стихи, и такъ какъ писательство вообще служило ему отдыхомъ и освѣжало его умъ, утомленный практическою работой, то самъ онъ уподобляетъ свое стихотворство музыкальнымъ занятіямъ любителей; въ риѳмѣ и стопосложеніи разрѣшалъ онъ житейскіе разлады, полузадумываясь, полугрезя и шутя; все, что порадуетъ его или озаботитъ, вкусный пастетъ или его гончая съ одной стороны, отношеніе Бога къ міру и вопросъ о безсмертіи — съ другой, все это въ одахъ и эпиграммахъ, въ пѣсняхъ или посланіяхъ къ своимъ друзьямъ высказываетъ онъ и для нихъ, и для самого себя. Дидактическій элементъ здѣсь преобладаетъ; онъ между прочимъ учитъ и военному искусству въ стихахъ; языкъ его риториченъ, но плавенъ и легокъ. Замѣчательнѣйшимъ изъ его стихотвореній можно признать Посланіе къ маршалу Кейту, отголосокъ Лукреція.

Хотя, застрѣвъ въ путахъ французскаго вкуса, онъ подвечеръ жизни обнаружилъ въ одномъ разсужденіи о нѣмецкой литературѣ ошибочный взглядъ на новорожденныя ея силы, и даже гётевскаго Гёца назвалъ жалкимъ подражаніемъ отвратительнымъ піэсамъ Шекспира,—тѣмъ не менѣе вѣрно то, что какъ Моисей съ горной высоты онъ взглянулъ на обѣтованную землю нашей поэзіи и возвѣстилъ близость лучшихъ ея дней. „Если—такъ говоритъ Геттнеръ—Семилѣтняя война стоитъ у входа золотого вѣка нашей литературы, какъ Персидскія войны стояли у входа къ периклову, то это потому,

что она была войною и побѣдой народной самобытности и независимости, войною и побѣдой преуспѣвающаго просвѣщенія, обновленіемъ и возрожденіемъ германскаго нравообычая и образа мыслей. Едва ли старый готшедіанецъ, математикъ Кестнеръ, самъ вполнѣ оцѣнилъ всю дальнометность своего каламбура, когда въ разговорѣ съ однимъ надменнымъ Французомъ онъ перевелъ ему греческое слово Гиппокрена нѣмецкимъ Росбахъ; дѣйствительно битва эта стала неизсякающимъ кастальскимъ ключомъ нашей поэзіи". Мало того, что Рамлеръ началъ съ тѣхъ поръ писать свои оды, въ подражаніе Горацію, что Глеймъ затянулъ тогда свои полныя ядреной народности гренадерскія пѣсни; геніальная воинственность Лессинга и Канта проторглась теперь въ литературѣ и въ философіи; рано на бѣду умершій Аббтъ написалъ съ истиннымъ веледушіемъ и прекраснымъ слогомъ о заслугѣ и о смерти за отечество; а Гёте говоритъ самъ: „Настоящее и высшее жизненное содержаніе вошло въ нѣмецкое художественное творчество благодаря Фридриху Великому и подвигамъ Семилѣтней войны. Любая національная поэзія должна быть или сдѣлаться пустою, если она не оперта на чисто-человѣческія основанія, на событія, происходящія съ народами и ихъ пастырями, когда тѣ и другіе стоятъ заодно. Въ этомъ смыслѣ каждый народъ, добивающійся какого-нибудь значенія, долженъ имѣть свою эпопею, для чего не прямо необходима форма эпической поэмы. Потомучто начало и конецъ искусства, это —внутреннее содержаніе обработываемаго имъ предмета". Но прежде чѣмъ услаждаться расцвѣтомъ поэзіи, бросимъ взглядъ на предшествовавшую ей прозу.

Между тѣмъ какъ государи, подобные Карлу Фридриху въ Баденѣ, слѣдовали, только гораздо кротче, примѣру великаго короля, въ другихъ краяхъ безпутство дворовъ и придворной знати неизбѣжно вело къ столкновенію, которое то билось изъ-за самостоятельныхъ правъ городамъ или сословіямъ, то старалось навести самый деспотизмъ на лучшую дорогу. Такъ Іоаннъ Яковъ Мозеръ отнюдь не хотѣлъ приносить въ жертву исторически-сложившіяся отношенія и неустанно боролся въ теоріи и практикѣ противъ насилій, какъ отдавшійся весь праву человѣкъ; герцогъ Вюртембергскій сослалъ его прямо изъ своего кабинета въ крѣпость Гоэнтвиль, и тотъ лучше захотѣлъ высидѣть тамъ четыре года, нежели купить себѣ освобожденіе просьбою, съ признаніемъ что это будетъ милость; онъ стоялъ на своемъ правѣ, соблюдая свой благочестивый девизъ: „Безстрашнымъ долженъ всегда являться христіанинъ, гдѣ бы то ни было, все равно!" Такъ же точно и сынъ его, Фридрихъ Карлъ Мозеръ, требовалъ христіанской управы, а не произвола и солдатчины, и написалъ объ обязанностяхъ правительства свою книгу: „Владыка и слуга". Онъ находилъ жалкимъ извиненіемъ для министровъ отзывъ: не могу же я сдѣлать своего государя не такимъ, каковъ онъ есть; сановникъ вѣдь слуга государства. Съ другой стороны, Швейцарецъ Изелинъ напоминаетъ о томъ, что государство также народное вмѣстѣ дѣло, и начало это нашло себѣ въ Юстѣ Мёзерѣ (1720—1794) такого словомолвца, котораго мы смѣло можемъ поставить обокъ съ Аддиссономъ. Въ его „Патріотическихъ фантазіяхъ" германство сознало себя наконецъ въ своемъ самобытномъ характерѣ и противустало какъ чужеземничанью, такъ и космополитизму. Въ Вестфаліи онъ непосредственно видѣлъ передъ собою явные еще

слѣды старогерманскихъ обычаевъ и нравовъ, и, стоя во главѣ оснабрюкскаго управленія, старался дѣлать вразумительными народу всѣ принимаемыя тамъ мѣры, разъяснять гражданамъ ихъ права и обязанности и пробудить въ нихъ участіе къ общественнымъ дѣламъ. Превосходныя картины изъ народной нашей жизни, переданной живо и сочно безъ малѣйшихъ прикрасъ, восхищали Гердера и Гёте; мёзерова „Оснабрюкская исторія" была первою книгой, гдѣ изображеніе правового и нравственнаго быта и ходъ его развитія выдвинуты на передній планъ и гдѣ единичная провинція обличаетъ собой цѣлое племя. Онъ не могъ довольно нарадоваться всѣмъ самородно взошедшимъ, дико выросшимъ, и сталъ тѣмъ въ противорѣчіе съ духомъ вѣка, который, напротивъ, все хотѣлъ обдѣлать собственнымъ умомъ; оттого Мёзеръ и не прочь помирволить многимъ феодальнымъ преданіямъ; сколько онъ ни настаиваетъ на дѣятельности гражданина въ государствѣ, но участникомъ въ ней признаетъ не человѣка заурядъ, а только имѣющаго свой дворъ и наслѣдственнаго барщинника. Онъ осмѣиваетъ новомодныя человѣчность и чувствительность, требуетъ религіи, какъ узды для народа, нуждающагося въ сдержкѣ и которому по этой причинѣ надо и естественныя истины выдавать за положительныя, уставныя. А затѣмъ онъ превозноситъ опять напряженіе всѣхъ силъ трудолюбивой дѣятельностью, какъ въ Англіи, передъ жалкимъ классомъ праздныхъ дармоѣдовъ; ему хотѣлось бы вольной общины, сильнаго и гордаго среднесословнаго люда и крестьянства на ряду съ благородной знатью, хотѣлось бы, вмѣсто наемниковъ, видѣть подъ ружьемъ народъ.

Закъ, Шпальдингъ, Іерузалемъ проповѣдывали въ большихъ городахъ христіанство по смыслу „разума". Іисусъ Христосъ, на ихъ взглядъ, былъ первосвященникомъ естественной религіи; сказанное въ Библіи на древне-восточный ладъ мысли и выраженья, хотѣли они излагать и разъяснять употребительнымъ въ наше время языкомъ. Они также преимущественно держались морали, и старались, независимо отъ всякихъ вѣроуставовъ, указать въ самой природѣ нашей источникъ и законъ нравственности. Такимъ образомъ популярная германская философія сложилась безъ той ненависти къ христіанству, какую мы видѣли у Вольтера, и именно благодаря тому, что она выросла изъ протестантизма и восходила теперь опять къ зачаткамъ этого ученія. Она вникала въ данное существо человѣка и хотѣла, чтобы дѣйствительность отвѣчала его потребностямъ и правамъ. Первымъ вліятельнымъ ея органомъ явились журналы Николаи въ Берлинѣ. Начавъ основательною и прямодушною критикой, онъ подружился съ Лессингомъ, и въ своихъ „Литературныхъ Письмахъ" честно ратовалъ противъ всего половинчатаго и несвободнаго, расшевеливая германскій умъ изъ отупѣлой посредственности и ободряя его къ свѣжему, живому стремленію. Затѣмъ сталъ онъ издавать „Всеобщую нѣмецкую библіотеку", которая, подобно французской Энциклопедіи, только въ формѣ періодическаго листка, слѣдила за литературными явленьями, отстаивала во всѣхъ отросляхъ дѣятельности права здраваго человѣческаго ума, и хотѣла пользоваться всякимъ случаемъ для распространенія вольномысленнаго просвѣщенья. Жаль, что благотворную эту дѣятельность заставилъ онъ забыть подъ старость, когда принялся муштровать молодое поколѣніе, Гёте, Канта, Фихте, и не хотѣлъ признать, не хотѣлъ терпѣть прогресса, идущаго далѣе его. Оттого и осмѣивали потомъ Николаи, какъ над-

менную, пустую, безалаберную голову, которая воображаетъ себѣ, что передумала ужь все вѣрное и полезное по какой бы то ни было части, а что то, чему она не учила, все должно быть не годно ни куда. Но исторія обязана ему благодарностью за то что онъ сдѣлалъ въ лучшую свою пору.

Къ кругу друзей его принадлежитъ и Моисей Мендельсонъ (1729 — 1786). Еще дессаускимъ жидёнкомъ, въ горѣ и крайней нуждѣ, рѣшился онъ во что бы то ни стало доработаться самому до внутренней свободы и ясности и потомъ содѣйствовать возвышенію человѣческаго рода. Получивъ мѣсто купеческаго бухгалтера въ Берлинѣ, онъ вступилъ въ тотъ задушевный союзъ съ Лессингомъ, которому послѣдній соорудилъ великолѣпный памятникъ, написавъ своего „Мудреца Наѳана". Шафтсбёри и Платонъ стали свѣтилами его юности; подобно имъ хотѣлъ онъ сочетать прекрасное съ добромъ, хотѣлъ научиться у нихъ мастерскому изложенію; не довольно, говорилъ онъ, округлить періодъ, главная тайна въ томъ, какъ послѣднимъ завершающимъ штрихомъ мастерской руки стереть съ лица его потовыя капли искусства. Въ законахъ красоты, которые ощущаетъ геній художника, а художественный критикъ разлагаетъ въ умозаключенія, вотъ гдѣ скрыты глубочайшія тайны души; каждое правило изящества есть вмѣстѣ и открытіе въ психологіи. Съ этой точки зрѣнія сталъ онъ образцовымъ прозаикомъ для своей эпохи, однимъ изъ основателей эстетики. Лейбниціанецъ Баумгартенъ придумалъ для науки изящнаго и художественнаго подходящее это имя; оба помянутые элемента, говорилъ онъ, принадлежатъ сферѣ чувства, и хотя онъ самъ опредѣлялъ прекрасное въ смыслѣ чувственно-совершеннаго, однако все же оно входило у него въ область низшихъ силъ души, темныхъ или смутныхъ представленій въ отличіе отъ того, что̀ слыветъ яснымъ, отчетливымъ понятіемъ. Мендельсонъ указалъ на своеобразную, правомощную, творческую сторону эстетическаго созерцанія и чувствованія. Мы любуемся красой природы безъ малѣйшей тѣни вожделѣнья; здѣсь преобладаетъ спокойное безкорыстное удовольствіе, просто лишь одобряющее, помимо всякой мысли и пожеланія, свѣжо и непосредственно вытекающее изъ особой положительной силы души.

Въ своемъ „Федонѣ" Мендельсонъ присовокупилъ къ одноименному разговору Платона все то, что̀ высказано съ тѣхъ поръ наиболѣе удачнаго о безсмертіи души іудейскими и христіанскими мыслителями, и это его изложеніе, при своей независимости отъ школьныхъ системъ и схоластическаго тона, перекинуло прекрасный мостъ между философіей и общимъ образованіемъ; съ того времени Мендельсонъ прослылъ нѣмецкимъ Сократомъ. Стараясь привлечь Евреевъ къ германской культурѣ и образованности, переводя для нихъ понѣмецки Псалтырь, онъ вмѣстѣ съ этимъ требовалъ имъ доступа въ государство и въ общество безъ перемѣны ими вѣры предковъ. И государство и религія, думалъ онъ, одинаково хотятъ намъ добра, но дѣло перваго взаимныя отношенія людей между собою, а дѣло послѣдней—отношеніе ихъ къ Божеству. Хотя для государства и нуженъ хорошій образъ мыслей и чувствъ, однакожь требовать принудительно можетъ оно только законнаго образа дѣйствій; религія же знать не знаетъ ни какого дѣла помимо духа: дѣйствія безмысленныя и безчувственныя—вовсе не богослуженіе, а просто

кукольная комедія; надо чтобы всѣ поступки шли тутъ прямо отъ души. Надъ образомъ мыслей и надъ нравственными правилами ни кто не имѣетъ внѣшней власти; орудіемъ религіи могутъ быть только убѣдительные доводы. Государство не должно ставить себя судьею вѣръ, да не должно давать и Церкви мірского оружія; кто не нарушаетъ общественнаго блага, соблюдаетъ законы и поступаетъ честно и добросовѣстно, тотъ пусть ищетъ спасенія души, единенія съ Богомъ по обычаю предковъ или какъ самъ считаетъ за лучшее; гражданское право должно быть одинаково для всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Такъ, въ своемъ сочиненіи „Іерусалимъ" Мендельсзонъ требовалъ полной свободы совѣсти, и Кантъ назвалъ это благовѣстіемъ великаго медленно подвигающагося преобразованія, которое коснется не однихъ Евреевъ, но и всѣхъ религій вообще, а Мирабо̀ чуялъ здѣсь жилобіеніе такого переворота, который обновитъ все дряхлое общество. Самъ Мендельсзонъ отвергъ съ ироническою кротостью попытки Лафатера обратить его. Утвержденія Якоби, что Лессингъ былъ спинозистъ, побудили еще Мендельсзона издать его „Утренніе часы", гдѣ онъ крѣпко держится за личнаго Бога, но учитъ что между нимъ и міромъ существуетъ гораздо тѣснѣйшая связь, чѣмъ какую принималъ до тѣхъ поръ деизмъ, и гдѣ съ сердечной теплотой проповѣдуетъ разумную свою вѣру. „Безъ Бога, промысла и безсмертія, говоритъ онъ, малоцѣнны всѣ рѣшительно блага, и земная наша жизнь похожа на странствіе среди вѣтровъ и ненастья, безъ утѣшительной надежды найдти квечеру пристанище".

Парижская Сорбонна осудила мармонтелевъ романъ „Велисарій" * за то, что добродѣтельные язычники достигаютъ у него блаженства; въ то же время одинъ голландскій попъ рѣшительно затопталъ въ грязь всѣхъ героевъ древности; тогда Эбергардъ въ Берлинѣ заявилъ, что безумно ставить вѣчное блаженство въ зависимость отъ вѣроисповѣдныхъ формулъ, и направилъ свою критику противъ догматическаго ученія о первородномъ грѣхѣ, искупленіи и вѣчныхъ адскихъ мукахъ. „Подобно тому какъ лиліи и розы всѣхъ временъ обладаютъ однѣми и тѣми же благотворными силами, такъ точно, говоритъ онъ, всегда и на всей землѣ есть въ человѣческой душѣ то же расположеніе къ добру, тѣ же начала справедливости". Генрихъ Шульцъ—прозванный Шульцемъ-косичкою, оттого что онъ первый взошелъ на церковную каѳедру съ свѣтскою косой, а не въ парикѣ, усвоенномъ духовенству—самъ себя называлъ безстрашнымъ другомъ истины и смѣло отстаивалъ свои убѣжденья; онъ хотѣлъ быть христіаниномъ, не связывая себя ни однимъ изъ прежнихъ вѣроисповѣданій; какъ учитель народа, онъ считалъ себя въ правѣ пользоваться только тѣмъ, что̀ ведетъ народъ къ нравственному преуспѣянію; вѣроученіе думалъ онъ, должно вполнѣ согласоваться съ моралью. Такъ продолжали дѣйствовать въ Германіи шотландскіе философы, что̀ видимъ еще у Гарве и у Энгеля, котораго „Свѣтскій философъ" нашелъ себѣ много читателей. Гедике и Бистеръ издавали „Берлинскій ежемѣсячникъ", Кантъ посылалъ туда статьи, Ф. А. Вольфъ и Гумбольдтъ выступили тамъ впервые на

* Переведенный у насъ, какъ извѣстно, при дѣятельномъ соучастіи императрицы Екатерины II. Прим. перев.

литературное поприще. Борьба шла безъ устали, удары сыпались плашмя и лезвеемъ, все подъ знаменемъ свободы духа. Если такой омерзившійся талантъ, какъ Бардтъ, заставлялъ иногда говорить посвоему не только апостоловъ, но простиралъ дерзость и до выраженія: „Такъ сказалъ бы я, будь я Христосъ!"—зато въ лицѣ Землера явился значительнѣйшій со временъ Реформаціи богословъ, современникъ Лессинга и предшественникъ Шлейермахера, но обоимъ сродни по духу. Слѣдуя совѣту Локка, съумѣлъ отъ отдѣлить ядро отъ скорлупы и постичь самую сущность христіанства въ томъ, что служитъ къ освященію и очищенію души человѣка; по его мнѣнію, у каждаго христіанина—своя собственная личность, свое особенное развитіе, а потому и своя религія въ предѣлахъ всеобщей; каждый на своей ступени и на свой особенный ладъ становится участникомъ благодѣянія Іисуса. Землеръ обработывалъ Ветхій Завѣтъ на основаніи историко-критическаго способа, изслѣдующаго цѣнность каждой изъ его книгъ безъ всякихъ предубѣжденій; онъ видѣлъ въ Библіи воспитательную книгу подростающаго человѣчества и допускалъ просвѣщеніе свыше также и для языческихъ поэтовъ, мыслителей и законодавцевъ. Церковная догматика, говоритъ онъ, хотѣла возвести временно и мѣстно ограниченныя представленія въ вѣроуставъ для всѣхъ сплошъ, тогда какъ уже съ весьма раннихъ поръ можно различить ученіе собственно Іисуса Христа отъ языческаго и іудейскаго христіанства и подмѣтить стремленіе къ тому, чтобы освобожденное Спасителемъ человѣчество вошло опять въ колею іудейскихъ книжниковъ и языческихъ жрецовъ.

Въ католицизмѣ началась борьба за болѣе свободное церковное устройство, благодаря викарному епископу Іоанну Николаю фонъ-Гонтгейму и такъ-называемой Эмсской Пунктаціи *, которая хотя и признавала папу средоточіемъ Церкви, но распоряженія его думала обусловить согласіемъ епископовъ; однакожь и тутъ, какъ при борьбѣ феодальной знати съ монархіей, всѣ усилія остались тщетны потому, что не были признаны права общинъ. Императоръ Іосифъ II издалъ въ Австріи эдиктъ о вѣротерпимости, упразднялъ монастыри и хотѣлъ просвѣщать народъ декретами; но идеализмъ его потерпѣлъ крушенье, потомучто онъ обыкновенно ступалъ второй шагъ прежде перваго; тѣмъ не менѣе его дѣятельность не пропала даромъ, точно такъ же какъ не пропали даромъ либеральныя и художественныя стремленія Зонненфельса: не въ Вѣнѣ ли жили благочестивый поклонникъ природы Гайднъ и потомъ Моцартъ! Добрый засѣвъ не погибаетъ совсѣмъ никогда. Даже епископы, каковы напримѣръ баронъ фонъ-Эрталь въ Вюрцбургѣ и Эммерихъ Іосифъ въ Майнцѣ, ревностно заботились о народномъ образованіи. Въ Мюнхенѣ была учреждена академія наукъ, и Максимильянъ Іосифъ III, съ помощію Икштадта и Вестенридера, благопріятствовалъ новому просвѣщенію съ высоты престола. Мѣсто іезуитскаго ордена заступили воспитательные и руководящіе тайные союзы; Вейсгауптъ въ Ингольштадтѣ хотѣлъ быть Лойолою вольномысленнаго просвѣщенія; онъ основалъ орденъ Иллюмина-

* Такъ именно названы были пункты или требованія разныхъ перемѣнъ въ церковномъ управленіи, выставленныя собравшимися въ Эмсѣ депутатами отъ архіепископовъ майнцскаго, трирскаго, кёльнскаго и зальцбургскаго, лѣтомъ 1785 г.

товъ и удержалъ въ немъ много іезуитскаго: сильную власть обергенерала, взаимный другъ надъ другомъ надзоръ, стараніе протѣсниться къ вельможамъ, вступать въ связи съ богачами, съ извѣстными учеными. Цѣлью союза было поставить верховодцемъ разумъ и во всемъ споспѣшествовать товарищамъ. Прохожденіемъ черезъ нѣсколько разрядовъ ученики подготовлялись къ высшимъ степенямъ, при чемъ заманчивою обстановкой служили разныя тайнодѣйствія, свѣтослужебные и огнеслужебные фокусы. Полуэнтузіастъ, полусумасбродъ Книгге, писавшій объ обхожденіи съ людьми, затѣялъ связать этотъ орденъ съ масонами: осуществленіемъ правъ природы и разума думалъ онъ достичь всеобщаго блаженства, хотѣлъ освободить и уравнять людей вполнѣ силою вольномысленнаго просвѣщенія. Онъ приписывалъ это же намѣреніе и самому Іисусу Христу, говоря что доселѣ идеи эти дѣйствовали только втайнѣ, задерживаемыя гнетомъ деспотовъ и поповства. Зная, что герцогъ Карлъ Августъ, Гердеръ и Гёте въ Веймарѣ были членами союза, мы легко постигаемъ мотивъ кое-чего подобнаго въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ"; отсюда же, какъ произведеніе своего времени, становится намъ понятна и „Волшебная флейта" съ ея таинственнымъ жречествомъ огню, съ ея искусами и посвященьями. Благовѣстіе человѣчности облекалось въ самую фантастическую обстановку. Но вскорѣ иллюминаты подверглись преслѣдованію путемъ кабинетной расправы, когда съ воцареніемъ Карла-Теодора въ Баваріи іезуиты пріобрѣли вліяніе опять. Мы знаемъ теперь изъ опыта, что гораздо лучше всякихъ таинственныхъ продѣлокъ можно служить народному благу гласностью, свободой печати и ассоціаціями.

Гречество. Винкельманъ и Глукъ.

Совокупной дѣятельностью Англіи, Франціи, Германіи умъ освободился отъ сковывавшихъ его цѣпей, и путемъ науки добыто содержаніе для новаго искусства; теперь надо было снова пріобрѣсти элементъ чистой идеальной формы, выступившій за нѣсколько вѣковъ прежде въ Возрожденіи, но потомъ совершенно одичавшій и разрѣшившійся въ пестроту однѣхъ внѣшнихъ прикрасъ. И тутъ опять много пособила дѣлу древность, и прогрессъ совершился благодаря тому, что въ ея собственной области научились различать своеобразно-греческій элементъ, съ его вѣрной природѣ идеальностью, отъ римскаго. Человѣкъ науки указалъ путь, а музыкантъ тутъ же и пошелъ по немъ; бокъ съ Винкельманомъ стоитъ Глукъ, какъ прежде бокъ съ Лейбницемъ стоялъ Гендель, пока въ поэзіи Гёте и Шиллера сердечность и знаніе не стали уже дѣйствовать совершенно заодно*.

Возврату эллинизма предшествовала еще впрочемъ такъ-называемая „пора косы" (der Zopf). Слѣдуя увѣту А. фонъ-Цана, мы различаемъ здѣсь

* На взглядъ всякаго безпристрастнаго судьи, у Шиллера даже и въ самыхъ сердечныхъ изліяніяхъ рефлективный элементъ всегда явно преобладалъ надъ непосредственнымъ.

Прим. перев.

итальянскій барокъ и успѣшное пользованіе имъ въ 17-мъ вѣкѣ отъ расплыва его въ игру салонной декораціи при Регентствѣ, за которою оставляемъ прозвище Рококо, и отъ стиля наступающей за тѣмъ трезвости съ наклономъ уже къ антику, что мы называемъ „порой косы". Подобно тому какъ Фридрихъ I далъ своимъ солдатамъ выпрямленную и вытянутую косу вмѣсто завитого парика, такъ точно и вольномысленное просвѣщеніе сначала замѣнило роскошную пестроту какимъ-то свѣтло-сѣрымъ тономъ, а потомъ уже съ изученіемъ разныхъ отраслей археологіи, съ раскопками въ Помпеѣ постепенно наступало и то упрощенье вкуса, которое на первыхъ порахъ, при недостаткѣ творческихъ геніевъ въ искусствѣ, шло рука-объ-руку съ безсодержательностью и безхарактерностью. И этотъ недостатокъ собственной формы и художественныхъ требованій продолжался въ публикѣ еще и тогда, когда передовые умы пошли уже новыми путями; еще въ „Германѣ и Доротеѣ" у Гёте аптекарь говоритъ о своемъ садѣ такъ:

Каждый проѣзжій, бывало, сквозь красную смотритъ рѣшетку
На размалеванныхъ карловъ моихъ и на каменныхъ нищихъ.
А кого, бывало, поподчую кофеемъ въ гротѣ
(Правда, гротъ-то теперь запыленъ и почти развалился),
Тотъ не могъ нахвалиться сіяніемъ раковинъ яркихъ,
Чудно подобранныхъ. Даже не разъ знатоки ослѣпленнымъ
Окомъ смотрѣли на блескъ свинцовый, на яркость коралловъ.
Въ залѣ не менѣе нравились всѣмъ живописныя стѣны,
По которымъ гуляютъ въ садахъ разодѣтыя дамы
Съ господами, держащими въ тонкихъ перстахъ по цвѣточку.
Кто захочетъ теперь и смотрѣть-то на это? Я рѣдко
Съ горя и самъ гуляю. Теперь все должно быть иначе.
Да, какъ они говорятъ, со вкусомъ, все просто и гладко;
Всѣ скамейки изъ дерена, ни позолоты не нужно
Имъ, ни рѣзьбы: а чего выписное-то дерево стоитъ?

(переводъ А. А. Фета.)

Вотъ, вслѣдъ за пестротою рококо, та голая пустота и сушь, которая расчистила германскому духу почву для болѣе здоровыхъ созиданій, навѣянныхъ Греками.

Въ Стендалѣ родился въ 1717-мъ году мальчикъ, которому для первой наглядки служила только сапожная мастерская его отца, который проработалъ потомъ вплоть до зрѣлыхъ лѣтъ въ школахъ и пыльныхъ библіотекахъ, и которому, не смотря на то, первому удалось прозрѣть и разгадать пластическій идеалъ красоты, такъ что онъ сдѣлался для всей Европы вожакомъ въ святилище греческаго искусства,—неопровержимое доказательство того, на сколько человѣкъ обязанъ самому себѣ лучшимъ что въ немъ есть, или насколько это лучшее есть божественный даръ, неразрывно связанный съ его индивидуальностью; задача его — самодѣятельно развить заложенное въ него дарованье. Винкельманъ, будучи еще мальчишкой, пробавлялся пѣніемъ подъ окнами и читалъ одному слѣпому школяру вслухъ, чтобы самому при этомъ немножко научиться; онъ сдѣлался потомъ школьнымъ учителемъ и долбилъ азы въ паршивыя головки дѣтей бѣдняковъ; но въ то же время съ самыхъ раннихъ поръ были у него передъ глазами мощныя готическія постройки изъ кирпича въ родномъ его городѣ, и какъ въ ту пору

нѣкоторые филологи уже ревностно занимались греческимъ языкомъ, то и онъ съ восхищеніемъ погрузился въ міръ Гомера, Геродота и Софокла. Тогда еще хотѣлось ему посѣтить края древняго искусства. Вдругъ графъ Бюнау поручилъ Винкельману каталогизировать свои книги и дѣлать выписки для имперской исторіи; а онъ при этомъ знакомился съ Шафтсбёри, Поппомъ и Монтескьё, и вотъ почему его исторія искусства явилась въ нѣмецкой литературѣ будто какое-то свалившееся съ неба чудо; но подготовленная общею связью европейской литературы, она въ самомъ дѣлѣ была знаменіемъ того, что̀ довершить пришлось позднѣйшимъ уже труженикамъ. И какъ подѣйствовала на него теперь близость Дрездена, гдѣ Эзеръ (Oeser) обучилъ его рисованью, гдѣ великолѣпная галерея съ Сикстинскою мадонной Рафаэля, съ Венерой Тиціана, и слѣпки по антикамъ представали его глазамъ о̀бокъ съ зданіями въ стилѣ рококо, гдѣ Э. Л. Гагедорнъ въ своихъ „Размышленіяхъ о живописи" явился посредникомъ между публикою, наукой и художническою мастерской, гдѣ Липпертъ объяснялъ съ ученостью и вкусомъ древніе рѣзные камни! Почти во всемъ былъ я самъ себѣ руководителемъ, пишетъ онъ намъ; но уже Гёте присовокупляетъ къ этому: Древнія художественныя созданія были только соотвѣтственными противнями всему тому, что̀ заложила въ него природа; а біографъ его Юсти заключаетъ изображеніе юношескихъ лѣтъ Винкельмана тою мыслію, что серьёзный трудъ и веселое самоотверженіе, энциклопедическая перелетная многодѣльность и всегда одна неуклонная тяга къ настоящей его родинѣ, эллинству, такъ замѣчательно переплелись въ житейскомъ его пути съ измѣнчивостью разныхъ его положеній, что послѣднія стоятъ какъ бы во внутренней связи съ его личностью и выходятъ какъ бы чѣмъ-то нарочно для нея предопредѣленнымъ; череда времени, въ которой протекаетъ наше существованіе, случайности, которыя, по нашему мнѣнію, видоизмѣняютъ наши взгляды и намѣренья, съ высшей точки зрѣнія представляются только явленіемъ той сущности, которую Кантъ назвалъ „умопостижимымъ характеромъ" человѣка. Или, напомнимъ еще здѣсь о предуставной гармоніи Лейбница, въ основѣ которой лежитъ та истинная мысль, что все, въ живомъ своемъ взаимнодѣйствіи, развертывается изъ одного и того же жизненнаго корня и ведется однимъ и тѣмъ же духомъ, уряжающимъ вселенную.

Въ 1755-мъ году явились „Мысли" Винкельмана о подражаніи греческимъ произведеніямъ. Онѣ можно-сказать начали собой новѣйшее Возрожденіе, онѣ превознесли красу природы и людей въ Греціи, какъ внѣшнее, а силу ума и веледушіе художниковъ, какъ внутреннее условіе того чуднаго изящества, котораго благородная простота и смирное величіе впервые противустали здѣсь побѣдоносно-наглому огню, изысканнымъ положеніямъ, преувеличенію въ низкихъ формахъ. Когда Винкельманъ напираетъ при этомъ на аллегорическую передачу мыслей, то понятіе этой аллегоріи беретъ онъ, правда, такъ широко, что не различаетъ отъ нея ни символичности, ни подлинно идеальнаго олицетворенія, и этимъ вредно дѣйствуетъ на читателя (отчасти сбивая его съ толку). Самъ онъ перешелъ въ католицизмъ *. Ан-

* Подъ этимъ лишь условіемъ папскій нунцій въ Дрезденѣ, Арчинто, и духовникъ короля, патеръ Ра̀ухъ, обѣщали доставить бѣдняку средства на путешествіе въ Италію.

тичное отъ природы воззрѣніе, полная мѣры радость всѣмъ мірскимъ, славолюбіе, откровенность, восторженная дружба и неутолимая жажда красоты,—все это еще и Гёте называлъ языческимъ элементомъ въ Винкельманѣ; внутренно, какъ просвѣщенный питомецъ Шафтсбёри, онъ стоялъ выше всѣхъ темныхъ вѣроисповѣдныхъ предразсудковъ, и могъ не придавать ни какого вѣса различнымъ формамъ внѣшняго богопочтенія, когда, чтобы выполнить свое призваніе, ему необходимо занадобилось жить въ Римѣ. Хуже всего было то, что ревностные католики поставили ему условіемъ перемѣну вѣры, а ревностные протестанты подливали при этомъ масла въ огонь. Винкельманъ писалъ тогда къ пріятелю своему, Берендису: „Эвсевія (то-есть набожность) и Музы у меня въ спорѣ, но сторона послѣднихъ оказывается сильнѣй. Она именно тѣхъ мыслей, что изъ любви къ наукамъ можно оставить безъ вниманія нѣкоторые театральные фокусы, и что вездѣ, во всѣхъ церквахъ, истиннаго богослуженія должно искать только у немногихъ избранныхъ. Перстъ Всемогущаго, первый слѣдъ дѣйствія его внутри насъ, вѣчный законъ и общій (душевный) зовъ, это—инстинктъ нашъ; ему, и ты, и я, мы должны слѣдовать наперекоръ всѣмъ препонамъ. Вотъ отверзтый передъ нами путь. На немъ въ руководители намъ Творецъ далъ разумъ; безъ него мы растеряли бы вожжи и сбились бы съ дороги какъ Фаэтонъ. Обязанности, вытекающія изъ этого начала, соединяютъ всѣхъ людей въ одну семью.“ Онъ жилъ честно, съ чистой всегда совѣстью; онъ рѣшился на перемѣну исповѣданія, ни дать ни взять какъ въ Англіи подписываютъ 40 статей господствующей Церкви для того, чтобы занять служебное мѣсто. Въ этомъ есть доля легкомыслія и лицемѣрства, но вина существенно падетъ на тѣхъ, кто того требуетъ. Винкельманъ и подъ рясою аббата въ Римѣ продолжалъ пѣть для собственнаго назиданія тѣ же полносмысленные протестантскіе гимны и предсказывалъ за сто слишкомъ лѣтъ, что поповство (вѣра въ одну внѣшнюю обрядность) близится къ паденію, рушится какъ ветхая машина.

Благопріятныя звѣзды свѣтили ему въ Италіи. Вмѣстѣ съ живописцемъ Менгсомъ разсматривалъ онъ тамъ антики, и художникъ обмѣнивался идеями съ ученымъ, съ мыслителемъ; уже тогда набросалъ онъ свои восторженныя и восторгающія описанія бельведерскаго Аполлона и геркулесова торса, которыя вошли потомъ въ Исторію искусствъ. Онъ вступилъ въ живое общеніе съ Итальянцами, равно изучавшими древность по наглядкѣ и по книгамъ и передававшими ему въ бесѣдѣ лучшіе результаты своего знанія, открывавшими ему свои собранія и свои личныя наблюденья. Въ то время какъ въ Германіи запылала Семилѣтняя война, кардиналъ Аркинто взялъ къ себѣ Винкельмана домашнимъ человѣкомъ и предоставилъ ему въ пользованіе свою библіотеку; впослѣдствіи Винкельманъ снискалъ тѣсную пріязнь величайшаго изъ художественныхъ собирателей того времени, кардинала Альбани, у котораго онъ теперь жилъ и имѣлъ столъ, принимая близкое участіе въ устройствѣ великолѣпной его виллы и украшеніи ея произведеніями искуствъ; мало того, самъ папа назначилъ его президентомъ или главнымъ блюстителемъ древностей. Еще прежде онъ побывалъ съ лучшими рекомендаціями въ Неаполѣ, гдѣ ему открыли ревниво-таимыя сокровища Геркуланума и Помпеіи, такъ что, первый въ Европѣ, онъ могъ гласно сообщить

все, подмѣченное здѣсь его художнически-наметавшимся взглядомъ. Еще прежде богатый знаніями аристократъ, Филиппъ фонъ-Штошъ, оставившій по себѣ въ отличномъ порядкѣ собраніе древнихъ рѣзныхъ камней, пригласилъ его издать научный имъ каталогъ; стало-быть и тутъ въ руки ему попалъ хорошо подготовленный матерьялъ. Тогда-то глава римскихъ археологовъ, кардиналъ Альбани, началъ переживать съ нимъ вторую свою молодость. „Не льзя придумать, говоритъ Юсти, двухъ болѣе различныхъ путей, какими добрый демонъ этой четы провелъ ее по земному поприщу: изъ мертвой книжной учености, изъ нужды и голода вышелъ одинъ, а другой—изъ пышнаго ничтожества придворно-церковной жизни; поздно встрѣтились они, князь церкви, родомъ изъ Урбино, и сынъ сапожника, родомъ изъ Старой Мархіи (Altmark), въ пріютѣ, столь отдаленномъ отъ мѣстъ ихъ выхода,—въ греческомъ искусствѣ,—и встрѣтились какъ два родные брата. Вилла кардинала, это неподражаемое созданіе художества, природы и древности, стала поприщемъ или по крайней мѣрѣ главнымъ фономъ послѣднихъ десяти лѣтъ римской жизни Винкельмана“. По части исторіи искусства классической древности онъ написалъ нѣмецкую книгу, первую, въ которой позавидовали намъ Англичане и Французы, первую, которую они постарались себѣ усвоить; на итальянскомъ языкѣ самъ онъ изложилъ сущность этой книги въ видѣ введенія къ великолѣпному изданію, въ которомъ были обнародованы еще неизвѣстные тогда антики, и въ объясненіи этихъ памятниковъ онъ впервые побѣдоносно проложилъ путь тому взгляду, что Греки, вмѣсто историческихъ или бытовыхъ сценъ, избрали себѣ предметомъ художественной передачи ихъ идеальные миѳическіе первообразы, и что Римляне держались послѣ того же пріема. Своей потребности учить удовлетворялъ онъ тѣмъ, что былъ всѣми любимымъ вожакомъ по развалинамъ и музеямъ Рима; тутъ больше всѣхъ Англичанъ сблизился съ нимъ поэтъ Лоренсъ Стернъ, тутъ кромѣ молодыхъ Швейцарцевъ прибѣгали къ нему и германскіе владѣтельные князья, наслѣдный принцъ брàуншвейгскій, въ особенности благородный Леопольдъ Фридрихъ Францъ дессàускій, съ которыми онъ просто подружился. Брàуншвейгъ, Дрезденъ, Берлинъ готовы были радушно принять его, но онъ нашелъ себѣ въ Италіи второе отечество. Когда черезъ 13 лѣтъ онъ вздумалъ посѣтить Германію, ему показалось страшно тѣсно середи Тирольскихъ горъ. Изъ Регенсбурга повернулъ онъ назадъ черезъ Вѣну, и въ Тріестѣ палъ отъ руки убійцы *. Гёте тогда писалъ: „Мы должны считать его счастливымъ, что съ вершины человѣческаго существованія онъ вдругъ воспарилъ къ блаженнымъ, что кратковременный испугъ и быстрая боль отняли его у живущихъ. Онъ не испыталъ ни недуговъ старости, ни ослабленія духовныхъ силъ, онъ жилъ какъ мужъ и отошелъ отъ міра совершеннымъ мужемъ. Теперь въ памяти потомства пользуется онъ тою выгодой, что будетъ представать ему вѣчно полнымъ силы и дѣеспособности: вѣдь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ человѣкъ оставитъ землю, витаетъ онъ потомъ и среди тѣней.“

---

* Случайнаго спутника его, Арканджели, которому онъ въ простотѣ души показывалъ свои дорогія медали и цѣнные подарки, полученные имъ въ Вѣнѣ, и который убилъ Винкельмана, чтобы похитить ихъ, но въ послѣднемъ не успѣлъ.

Трудъ Винкельмана о древнемъ искусствѣ есть вмѣстѣ и учебникъ и исторія. Въ философскомъ, на Платонѣ воспитавшемся духѣ говоритъ онъ о прекрасномъ и о художествѣ; изъ произведеній художниковъ выводитъ онъ руководившія ихъ начала, онъ набрасываетъ эстетику скульптуры, развиваетъ идеалъ Грековъ въ его общихъ чертахъ и частныхъ потомъ типахъ, онъ описываетъ формы египетскаго и этрурскаго стилей въ ихъ различіи отъ греческаго и римскаго, и соревнуетъ Монтескьё, чтобы изобразить возникновеніе и ростъ, цвѣтъ и упадокъ искусства въ связи съ природою и національностью, съ религіею, нравами и государственнымъ строемъ. Будто утреннимъ воздухомъ новой эпохи вѣетъ на насъ, когда онъ многократно превозноситъ свободу, какъ живительное дыханіе, одно имѣющее силу доводить искусство до полнаго процвѣтанія и совершенства. Онъ дозналъ поступательный переходъ отъ строгой, оцѣпенѣлой высоты къ граціозному величію, къ игривой прелести и наконецъ къ гонкѣ за эффектомъ черезъ передачу взволнованныхъ страстей. Трудъ свой основалъ онъ прежде всего на наглядномъ изученіи, но къ памятникамъ присоединилъ потомъ и извѣстія писателей, и геніально создалъ первый цѣлостный набросъ, который, какъ именно первый въ своемъ родѣ, и донынѣ остается классическимъ, не смотря на всѣ измѣненія и поправки, какимъ подвергся онъ въ частностяхъ, благодаря многостороннему изученію за весь послѣдній вѣкъ и обильному открытію новыхъ оригиналовъ. Такіе иностранцы, какъ Висконти и Цёга, рядъ такихъ нѣмецкихъ археологовъ, какъ Отфридъ Мюллеръ и Велькеръ, Тиршъ и Фейербахъ, Отто Янъ и Бруннъ, а равно превосходные ихъ сверстники и товарищи, всѣ чтятъ въ немъ своего предтечу и свой образецъ. Онъ первый въ своей сферѣ далъ полный ходъ идеѣ развитія, первый научилъ изящно писать объ изящномъ. Съ живымъ энтузіазмомъ, многообразной, цвѣтистой рѣчью описываетъ онъ какъ поэтъ созданія художниковъ, исходя отъ идеи, которая какъ зиждущая душа порождаетъ форму,—описываетъ благозвучнымъ, торжественнымъ, полнымъ паренія языкомъ, такъ что и послѣдній является у него какимъ-то отголоскомъ эллинскаго искусства, а описаніе его производитъ то же впечатлѣнье, что и сами статуи.

Мы властны назвать односторонностію то, что онъ принималъ пластическій идеалъ, и притомъ идеалъ Грековъ, за единственный, что въ рѣзкую противоположность крайне-узорочнымъ преувеличеніямъ предшествовавшей ему эпохи онъ порознилъ изящное отъ характернаго въ столь сильной степени, что отнялъ у него всякую знаменательность и находилъ его въ такой формѣ, которая не свойственна ни какому бы то ни было особому лицу, ни особому, душевному состоянію, а подобна чистѣйшей ключевой водѣ, которая чѣмъ менѣе отзывается на вкусъ, тѣмъ здоровѣй, потому что тѣмъ она свободнѣе отъ всякихъ примѣсей. Перегнанная вода по-нашему прѣсна, и мы скорѣе приравняемъ изящество къ чистому вину, которое отдаетъ вкусомъ своего гроздья, своей почвы, у котораго свой ароматъ, но которое выбродило безъ постороннихъ примѣсей въ совершенно свѣтлый напитокъ. Винкельманъ поправился потомъ и самъ: въ добавокъ къ гармонической формѣ онъ потребовалъ еще выраженія, и если о высшемъ понятіи красоты онъ говоритъ, что оно подобно извлеченному черезъ огонь изъ вещества духу, ищущему произвесть созданіе по образу предначертанной въ мысли

божіей первой разумной твари, то этимъ онъ хочетъ лишь отстоять за творчествомъ художника свободный исходъ отъ идеи, сознавая при томъ очень хорошо, что для передачи ея ему потребны характеристическія формы природы; онъ не нарадуется тѣмъ, что природа и теперь еще ежедневно производитъ такія же совершенныя лица, какъ и тѣ, что̀ служили образцомъ Пракситѣлю или Рафаэлю. Онъ самъ, въ предѣлахъ общаго идеала, съумѣлъ ясно постичь особые типы Зевса или Аполлона, Юноны, Паллады, Венеры, не смотря на то что ставилъ кросоту выше истины, покой выше аффекта и дѣйствія, и требовалъ чтобы послѣднія согласовались съ гармоническою формою исъ умиротвореннымъ самообладаніемъ души. А какъ очистительно, какъ благотворно дѣйствовалъ онъ на вкусъ и на художественность, когда говорилъ съ вѣщимъ чаяніемъ о Фидіи и Поликлетѣ, и о̀бокъ съ чувственной прелестью и заманчиво-угодливой граціозностью ставилъ полную величія пріятность, выражая это въ такихъ словахъ, которыя смыслящему раскрываютъ тайну искусства: „Грація Фидія и его современниковъ, подобно небесной Венерѣ, вся состоитъ изъ гармоніи, постоянной и неизмѣнной. Подруга всѣхъ боговъ, она кажется довлѣющею себѣ самой, ни къ кому не набивается, а хочетъ напротивъ, чтобъ ее искали; она дотого возвышенна, что не можетъ являться очень чувственной: вѣдь высшее, какъ говоритъ Платонъ, безо̀бразно (не явно). Она бесѣдуетъ только съ мудрыми, а толпѣ является упорною и непривѣтной, движенія души замыкаетъ она въ самой себѣ и близится къ блаженному покою той божественной природы, которой образъ, по словамъ древнихъ, великіе художники стремились себѣ начертать."

Винкельманъ первый изъ всѣхъ понесъ передъ искусствомъ свѣточъ науки; это былъ вѣщій синтетическій духъ, озирающій разнообразное все вдругъ, въ совокупности, и онъ, какъ нарочно, явился о̀бокъ съ различительнымъ и точно-опредѣляющимъ умомъ Лессинга; созданія Карстенса и Торвальдсена, точно такъ же какъ и Ифигенія Гёте, суть плоды той почвы, которую онъ вспахалъ. Онъ взглянулъ на греческій міръ глазами художника, возвелъ его въ (исключительный) идеалъ человѣчески-прекраснаго и великаго и оставилъ этотъ взглядъ въ наслѣдіе классическимъ нашимъ поэтамъ.

Ближайшимъ дѣятелемъ въ Италіи явился, правда, Канова, который въ пластикѣ достигъ болѣе мягкости и пріятности, нежели силы, а въ подражаніи антику пустилъ въ ходъ простоту въ противоположность преувеличенію въ положеніи и выраженьи, и съ живописно-игривой прелестью, хотя и съ какимъ-то явнымъ самодовольствомъ, превосходно работалъ изъ мрамора; для выраженія религіозной стихіи недоставало у него глубины чувства; Венера, Геба, Граціи удались ему лучше его пресловутыхъ Борцовъ; но его Тезей все-таки богатырь, какъ слѣдуетъ. По части живописи Менгсъ на дѣлѣ показалъ, чему можно выучиться въ искусствѣ, и что̀ способенъ произвести въ немъ одинъ только хорошій вкусъ. Отецъ, при самомъ крещеніи, хотѣлъ уже посвятить его въ возстановители искусства, давъ ему имена Рафаэль Антонъ (послѣднее въ память Корреджіо). Главной цѣлью Менгса была, какъ и въ античной скульптурѣ, тѣлесная красота; внѣшняя вѣрность рисунка безъ внутренняго характера, скудость ума и чувства и бездѣйственное при томъ положеніе — вотъ общій признакъ всѣхъ его работъ; лучшее

изъ его произведеній, Парнасъ на потолкѣ въ виллѣ Альбани, представляетъ росписныя гипсовыя фигуры Аполлона и Музъ. Въ глазахъ Винкельмана, онъ гораздо выше сильнаго колориста Баттони и радостно-оживленнаго Тьеполо, двухъ достойныхъ хоть и запоздалыхъ продолжателей итальянскаго Возрожденья. Менгсъ слылъ у своихъ современниковъ философомъ-живописцемъ; онъ указывалъ имъ на идеальныя формы, точно такъ же какъ Ангелика Кауфманъ на веселыя и пріятныя. Она была одушевленнѣе и поэтичнѣе его, дѣвственно-кротка, слишкомъ слабосильна для мужескаго величія, но зато мила и искренна. Все это направленіе, кромѣ однихъ портретовъ, чуждалось жизни настоящаго, которая отразилась только въ забавныхъ и вмѣстѣ характерныхъ мелкихъ композиціяхъ Ходовѣцкаго въ Берлинѣ; онъ удачно передалъ анекдотическую сторону исторіи Фридриха Великаго, равно какъ и всю мелочность тогдашняго времени и его нравовъ, украсивъ своими иллюстраціями или по крайней мѣрѣ заглавными картинками почти всѣ значительныя поэтическія произведенія той эпохи, при чемъ онъ являлся то вдумчивымъ и выразительнымъ, то щеголеватымъ или юмористическимъ, смотря по предмету. Любителямъ охоты съумѣлъ угодить еще Ридингеръ естественной свѣжестью своей передачи животныхъ. Такъ бокъ-обокъ съ холодноватымъ идеализмомъ гомозился и здоровый реализмъ, тогда какъ въ музыкѣ греческій духъ снова возрождался въ германскомъ, и выраженіе подлиннаго, неподдѣльнаго чувства освятилъ въ ней красотою формъ.

Въ изображеніи звуками религіозныхъ сюжетовъ граунова „Смерть Іисуса", сравнительно съ высокой силою Генделя и Баха, была очевиднымъ паденіемъ въ сентиментально-просвѣщенный тонъ; для свѣтской музыки Шютцъ основалъ теперь нѣмецкую оперу; такіе города какъ Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Лейпцигъ выстроили для нея особые театры, по виландову выраженію—настоящіе райки, гдѣ въ прекраснѣйшемъ безпорядкѣ проходило передъ вами все, что только можно видѣть въ небѣ, на землѣ и подъ землею, гдѣ фейерверки и гидравлическіе фокусы потѣшали взоръ прямо въ ущербъ здравому разсудку. Въ столицахъ играли вездѣ Итальянцы, въ то время какъ сцена видимо упала, какъ труппы бродячихъ комедіантовъ разъѣзжали на подводахъ и неистовствовали по сараямъ и житницамъ, опера являлась окруженная блескомъ и роскошью, пѣвцы и пѣвицы гордо выступали въ бархатѣ и шелку, настоящими сверстниками знати. Сколь ни мало содержанія давали Итальянцы, но цвѣтъ той формальной красоты, которая восхищала какого-нибудь Гейнзе, былъ тѣмъ не меньше отголоскомъ Возрожденія, который даже и среди шумихи, среди безстыднаго волокитства, все-таки оказывалъ благотворное отчасти вліянье. И здѣсь выступаетъ впереди художественная жизнь Дрездена. Гиссе изъ Гамбурга поѣхалъ въ Венецію, женился тамъ на первой и красивѣйшей пѣвицѣ того времени, Фаустинѣ, и сталъ писать для нея много по итальянскому шаблону, какого требовалъ тогдашній вкусъ; но Фаустина была превосходна въ своемъ родѣ, а потому, основавшись въ Дрезденѣ, Гиссе все-таки сдерживалъ оттуда ту дичь, которая грозила обуять Германію, и далъ оперѣ мѣру вмѣстѣ съ прелестью. Пѣвцы еще сами импровизировали тогда речитативъ по указаніямъ композитора, и даже въ аріяхъ требовали они простора для своей бравуры, принимавшей при исполненіи ближайшую характеристику прямо на себя. Композитъ не пускался въ индивидуализацію, а давалъ

только общія положенія и ощущенья; для гордой величавой женщины, для разсвирѣпѣвшаго тиранна, для нѣжно-любящихся сердецъ требовали только случая къ подходящей аріи, а въ ней пускали уже въ ходъ извѣстныя всѣмъ формы съ самоувѣренною техникой и съ легкимъ развѣ лишь отступленіемъ отъ обычнаго всегда типа; стихи оставляли музызанту просторъ и свободу, а мелодіи были до такой степени пѣвучи, что не столько утомляли, сколько освѣжали голоса. Благородство, отмѣнное величіе Фаустины опять таки служили для Гиссе образцомъ цѣлаго направленія,—направленія къ ясности въ великолѣпномъ, къ граціи въ пышномъ и торжественномъ. Риль приравниваетъ итальянское это вліяніе ко вліянію французской трагедіи: и здѣсь и тамъ германское искусство научилось у иноземцевъ мѣрѣ, приличію, правильности; и здѣсь и тамъ получило оно въ придачу себѣ „подвязную косу“; но дѣло въ томъ что Готшедъ былъ педантъ, а Гиссе, напротивъ, художникъ: онъ водворилъ у насъ тѣ кроткія, милыя формы, которыя одушевилъ потомъ Моцартъ. Но между Моцартомъ и имъ стоитъ Глукъ (1714—1787), подобно Лессингу преобразователь всилу глубины своего взгляда на сущность искусства, такой же жрецъ эллинскаго духа, какъ и Винкельманъ.

Сынъ лѣсничаго въ Верхнемъ Палатинатѣ (Оберпфальцѣ), воспитывался онъ въ іезуитскомъ училищѣ, а въ бытность студентомъ въ Прагѣ сдѣлался странствующимъ музыкантомъ, и для того чтобъ предлагать публикѣ иногда что-нибудь новое, началъ самъ сочинять пѣсни и концертанты. Дальнѣйшее музыкальное образованіе получилъ онъ въ Вѣнѣ, гдѣ, какъ бы въ добавокъ къ строго-духовному направленію сѣвера, къ школѣ Генделя и Баха, воздѣлывалась чувственно-веселая сторона искусства. Онъ писалъ оперы въ итальянскомъ стилѣ, и здѣсь, среди суматохи политическихъ интересовъ и любовныхъ интригъ, его вѣрное добру сердце прорывалось уже вѣскимъ выраженіемъ. Семейное счастіе доставило ему покой и миръ, а стремленіе къ упрощенью формъ, къ болѣе прочнымъ драматическимъ, построеніямъ опиралось у него на близкое знакомство съ литературой, на связи съ людьми науки, особенно съ Кальцабиджи, поэтомъ, роботавшимъ заодно съ нимъ. Въ Парижѣ нашелъ онъ такую оперу, которая подчиняла музыкальную часть дѣйствію, старалась охарактеризовать представляемый сюжетъ; Глукъ приладилъ къ драмѣ текста мелодическое пѣніе. Онъ понялъ, что дѣйствіе должно быть просто и музыкально притомъ само собой, то-есть должно вполнѣ принадлежать міру сердца; каждая арія должна обусловливаться особымъ положеніемъ лица и отсюда получать свое содержаніе, а чисто-формальная красота —сдѣлаться полной выраженія, граціозное должно одушевиться. Сюжеты далъ ему греческій миѳъ, а образцомъ ясно-обозримой композиціи съ удареніемъ въ ней на одно существенное, съ отчеканкою только крупныхъ благородныхъ фигуръ, послужила греческая трагедія. Глукъ, по собственному его признанію, нарочно избѣгалъ всѣхъ злоупотребленій, внесенныхъ въ оперу ложной суетностью пѣвцовъ и пѣвицъ; отнюдь не прерывая дѣйствія и не искажая его побрякушками безполезныхъ прикрасъ, музыка должна придавать словамъ поэта чувство и колоритность; пѣвецъ не долженъ вставлять своей трели и рулады тамъ, гдѣ онѣ вовсе неумѣстны; вообще не слѣдуетъ портить дѣла изъ-за его личности: она, напротивъ, обязана служить дѣлу. Главное было добиться ясности и простоты, создать гармоническое цѣлое (а не

пеструю понизь болѣе или менѣе красивыхъ частностей). Вмѣсто прелести самодовольныхъ арій Глукъ хотѣлъ музыкальной обрисовки характеровъ, и тутъ обнаружилось живое чувство его къ величавому, къ истинному благородству души въ чистой формѣ и высокой красотѣ явленія; его Алкеста, его Ифигенія напоминали эллинскія статуи. Самый тонъ инструментовъ служилъ колориту настроенія; пляски, марши выходили прямо изъ даннаго положенія и отвѣчали ему вполнѣ; общею всему опорой и сдержкою служили хоры, эффектно высказывая то, чѣмъ былъ одушевленъ народъ. Въ основѣ каждаго его созданія лежитъ своя особенная идея, изъ которой все оно органически развивается, и Глукъ самъ принимаетъ участіе въ выработкѣ текста, который долженъ же вѣдь глубоко вникнуть въ сюжетъ съ музыкальной стороны и дать ей просторъ и поводъ вполнѣ высказаться. Речитативы онъ ограничилъ, но зато разработалъ несравненно мелодичнѣе; увертюра вступительно брала тотъ основной тонъ, на которомъ созидалось все произведеніе. Въ сравненіи съ Менгсомъ, Глукъ то же, что̀ несоизмѣримо высшій геній на ряду съ посредственнымъ дарованіемъ; но подобно тому какъ Менгсъ предпочиталъ пластическую красоту живописной, такъ точно и Глукъ старался каждой изъ своихъ фигуръ придать возможную полноту и округлость; одна поетъ вслѣдъ за другою, онѣ, какъ въ греческомъ рельефѣ, стоятъ у него всѣ врядъ; но взаимодѣйствіе ихъ другъ на̀ друга силою многоголосной музыки предоставлено было Моцарту.

Своеобразная дѣятельность Глука началась „Орфеемъ“. Торжественное погребенье Эвридики, жалобы одинокаго теперь супруга, открываютъ сцену; богъ любви утѣшаетъ его тѣмъ, что онъ снова можетъ пріобрѣсть свою милую. Все это еще только лирично, но полно выразительности и благозвучія. Какъ потомъ звуки его арфы впервые слышатся фуріямъ въ темномъ царствѣ тѣней, какъ онѣ отвѣчаютъ страшнымъ нѣтъ на всѣ его моленія, а потомъ все-таки трогаются наконецъ его пѣснью, — это уже драматично, это подлинно торжество музыки, и Глукъ является тутъ Орфеемъ, хватающимъ прямо за̀ сердце и насъ. Передъ нами открывается Элизій, супругъ находитъ дорогую свою жену, но то что онъ молчитъ и на нее не смотритъ приводитъ ее въ отчаяніе; тогда онъ обращаетъ къ ней глаза, готовый умереть вслѣдъ за нею, но Амуръ вдругъ подводитъ къ нему милую, и счастіе ихъ славятъ отраднѣйшія мелодіи.

Драматичнѣе и могущественнѣе „Алкеста“. Болѣзнь Адмета, народная печаль, прорицаніе оракула, что онъ выздоровѣетъ только въ томъ случаѣ, если другая душа пойдетъ за него въ адъ, геройская рѣшимость Алкесты на такое дѣло, все, что̀ у Эврипида только разсказывается, мы переживаемъ это здѣсь. И какъ разительно посвященіе себя смерти Алкестою въ темной рощѣ, гдѣ сама Смерть, Өанатосъ, идетъ ей на встрѣчу. Адметъ выздоравливаетъ, а между тѣмъ ея материнская скорбь невольно прорывается при послѣднемъ прощаніи съ дѣтьми; тогда онъ хочетъ лучше тотчасъ умереть, а когда она падаетъ, онъ рвется умереть вслѣдъ за нею; но вотъ богъ Аполлонъ на свѣтломъ облакѣ возвращаетъ ему милую жену: небожителямъ достаточно одной воли, одной любовной вѣрности, препобѣждающей смерть.

„Ифигенія въ Авлидѣ“ блистательнѣе, многоподвижнѣе; сила ритма, бойкость выраженія выступаютъ вездѣ съ неодолимою могутой, характеры про-

тивостоятъ другъ другу въ бо̀льшей готовности бороться, чередуются контрасты любви съ войною, душевной скорби съ побѣднымъ ликованіемъ, обозначены и внутреннія борьбы у Агамѐмнона, у Ифигеніи, у Ахиллеса; но тѣмъ не менѣе текстъ, взятый пополамъ изъ Эврипида и Расина, слишкомъ мало выдвинулъ впередъ жертву за отечество, и народный этотъ элементъ звучитъ энергично въ заключительномъ только хорѣ.—„Армида" компонована по старому тексту Кино̀ въ Парижѣ, куда Глукъ пріѣхалъ именно съ тѣмъ, чтобы и тамъ провести свою реформу; раздробленность цѣлаго на мелкія сцены и мотивы должна падать на поэта-сочинителя; но обрисовка Армиды, какъ могучей чародѣйствующей владычицы, борьба ея между ненавистью и любовью, между гордостью и преданностью, это ужь—полное романтическаго блеска дѣло Глука.

Мастерскимъ созданіемъ его явилась Таврическая Ифигенія, для которой текстъ написанъ Гильяромъ (Guillard). Шиллеръ писалъ въ 1801 г. Кёрнеру: „Никогда еще ни одна музыка не волновала меня такъ чисто и прекрасно какъ эта; это цѣлый міръ гармоніи, врывающійся прямо въ душу и разрѣшающій всю ее въ сладкую, возвышенную грусть". Глукъ нашелъ здѣсь случай сопоставить рядомъ: въ лицѣ Ореста—раздорящее съ богами духомраченіе, въ лицѣ Ифигеніи—всю высоту и кротость совершенно ясной души. Буря, которою начинается опера, сонъ Ифигеніи, терзаемый фуріями Орестъ, его благородный споръ съ Пиладомъ, кому изъ нихъ умереть за другого, чудесное и однакожь столь естественно мотивированное опознаніе другъ друга братомъ и сестрою въ ту именно минуту, когда Ифигенія заноситъ жертвенный ножъ, торжество Пилада надъ варварами, которое вдругъ всѣхъ спасаетъ,—вотъ постепенно усиливающіеся моменты, неослабно ведущіе насъ къ цѣли и концу. Глукъ не хотѣлъ ни подражать древнимъ, ни обновлять греческой трагедіи, но хотѣлъ создать такую музыку, въ которой германская правдивость слилась бы съ граціею формы Эллиновъ и, подобно поэзіи ихъ, дѣйствовала бы тѣмъ яснымъ величіемъ, тою благородною простотой, въ которыхъ Винкельманъ нашелъ главныя примѣты антика. Тутъ какъ нарочно попадаетъ ему по̀дъ руку античный сюжетъ, и при обработкѣ его онъ выдвинулъ все что было въ немъ общечеловѣческаго для нашего чувства; его Ифигенія то же самое въ сферѣ музыки, что Ифигенія Гёте въ сферѣ поэзіи, обѣ — возрожденіе эллинства въ германской душѣ, пластическая красота въ музыкальномъ звукѣ и словѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Глукъ перебрасываетъ мостъ отъ классической трагедіи Французовъ къ нѣмецкой. Тексты его были французскіе; къ ясной округленности главнаго дѣйствія и къ типической обрисовкѣ характеровъ онъ привнесъ правдивость свѣжаго чувства и полную души непосредственность; онъ былъ признанъ и Вольтеромъ и Руссо̀,—его можно назвать завершителемъ французской драмы.

Лессингъ.

Онъ—преобразователь нашей литературы, благодаря столько же научной и критической своей зоркости, сколько и своимъ художественнымъ создані-

ямъ; но знаніе предшествуетъ у него дѣлу, и вотъ почему онъ одинъ изъ вѣстниковъ утра, восходящаго въ духовной области. Дѣятельность его знаменуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ во всемірной литературѣ; подъ рукой его достигло цвѣта и зрѣлости много такого, что прежде пустило ростки въ Англіи и во Франціи, но или осталось тамъ неудовлетворительной попыткою, или же вдалось въ односторонность. Онъ отвелъ Нѣмцевъ отъ подражанія чуждымъ образцамъ, и поставилъ ихъ на свои ноги не только не поступаясь пріобрѣтенными отъ иноземщины добытками, но развивая ихъ, напротивъ, еще дальше; народный элементъ онъ умѣлъ слить съ классическимъ образованіемъ; онъ создалъ такую нѣмецкую драму, которая связала литературу со сценою именно тѣмъ, что подняла вмѣстѣ и ту и другую. Непрестанно ратовалъ онъ противъ всего кажущагося и непровѣреннаго, совѣсть побуждала его искать только одной истины, но зато искать ея цѣликомъ и вполнѣ; вотъ отчего подлинные источники духовной жизни онъ находилъ въ Гомерѣ и Шекспирѣ, въ Аристотелѣ, Лейбницѣ, Спинозѣ и наконецъ въ Іисусѣ Христѣ и его благовѣстіи, которое онъ прямо противопоставлялъ вѣроуставамъ церкви. Внутреннею независимостью не хотѣлъ онъ жертвовать даже и во внѣшнихъ отношеньяхъ, какой бы они ни налагали на него тяжелый гнетъ; онъ самъ былъ наглядныmъ доказательствомъ тому, что свобода не спокойное какое-нибудь состояніе, но непрерывный подвигъ самоосвобожденья, что мы дѣйствительно знаемъ только то, что сами себѣ создадимъ и обоснуемъ работой мысли. Это была вѣчно ищущая, добивающаяся, борющаяся натура. „Не сама та истина,—говоритъ онъ однажды — которою дѣйствительно или мнимо овладѣлъ кто-нибудь изъ насъ, а тотъ добросовѣстный трудъ, какой употребилъ онъ чтобъ ея добиться,—вотъ что даетъ человѣку цѣнность и значеніе. Вѣдь не обладаніе истиной, а только поискъ за нею расширяетъ его силы, въ чемъ собственно и состоитъ его неослабно возрастающее совершенствованіе. Обладаніе дѣлаетъ насъ спокойными, лѣнивыми и гордыми. Еслибъ Господь Богъ держалъ въ правой рукѣ всецѣлую истину, а въ лѣвой одно только живое стремленіе къ истинѣ, съ придачею даже вѣчнаго и неисходнаго блужданья, и повелѣлъ мнѣ: выбирай, я смиренно припалъ бы къ его шуйцѣ и сказалъ: Отче, дай отсюда! Чистая истина все же свойственна вѣдь одному лишь тебѣ!“ Но для чего жь бы намъ и стремиться къ ней, еслибъ она и для насъ также не существовала, и почему жь обладаніе высокимъ благомъ непремѣнно должно дѣлать изъ насъ лѣнивцевъ и гордецовъ вмѣсто того чтобы облагороживать и одушевлять насъ? Это незнаніе и стремленіе къ знанію въ сократовскомъ смыслѣ, при необычайно-остромъ критическомъ умѣ, было вмѣстѣ и геніемъ Лессинга, и его демономъ, величіемъ и гранью его природы: оно сдѣлало его доблестнымъ путепроложникомъ, неустаннымъ борцомъ за освобожденье, но побуждало его вмѣстѣ бороться и для того, чтобы показать боевое свое искусство, оно отнимало у него миръ заключительнаго вывода, систематическаго согласія въ самомъ себѣ. Выступивъ на поприще съ смѣлою юношескою отвагой, одерживая побѣду за побѣдою, онъ и на высотѣ жизни все еще остается полонъ тревогъ; признанный по заслугамъ только немногими, стоитъ онъ совершенно одиноко, завѣщая мзду своихъ дѣлъ развѣ лишь новому уже поколѣнію; и не напоминаетъ ли онъ намъ всѣмъ этимъ великаго короля (Фрид-

риха II), производя на насъ трагическое, но и возвышающее вмѣстѣ впечатлѣніе? Упражнять силу ума своего гимнастически, было у Лессинга просто любимою охотой. Съ необыкновенной проницательностью, съ летучимъ остроуміемъ нападалъ онъ на противниковъ и безсмертилъ ихъ своимъ сокрушительнымъ разгромомъ; юношеская свѣжесть и удивительное мастерство обезпечиваютъ всегдашнюю память за его полемическими сочиненьями, а также и за какими-нибудь Клотцемъ и Риделемъ, Ланге и Гёце, которыхъ онъ безпощадно обличалъ. Только путемъ противорѣчія, говорилъ онъ, истина удостовѣряется сама въ себѣ, а потому всякая борьба ей на пользу. Онъ самъ уподобляетъ себя вѣтреной мельницѣ, которая все мелетъ, пока въ нее сыплется зерно; всѣ 32 вѣтра ей подручники, а она ни чего не требуетъ кромѣ свободнаго себѣ хода; ни кто не думай остановить ее, если онъ не сильнѣе вѣтра, приводящаго ее въ дѣйствіе: иначе она такъ и вскинетъ его на воздухъ махомъ своего крыла, при чемъ не въ ея уже власти уронить чудака наземь неловко или бережно, онъ упадетъ какъ случится. Критическій же канонъ Лессинга таковъ: „Мягкость и ласка къ начинающему; осторожное восхищеніе или восхищающаяся осторожность къ мастеру; положительная острастка бездарному кропателю; презрительность къ хвастуну, и всевозможная горечь къ отъявленному козподѣю". Но, при этомъ, критика его ни когда не была чисто отрицательна и разрушительна, всегда она являлась положительною, очищающею, зиждущей. Вездѣ онъ напираетъ на ядро, съ тѣмъ чтобы отдѣлить его отъ шелухи и вылужжить, и такъ-какъ жизнь не пустой свищъ, а всегда напротивъ развитіе и самоосуществленіе идеальной сущности и силы, то и лессингова діалектика дѣйствуетъ всегда благотворно, родовспомогательно; онъ расчищаетъ хламъ и щебень предразсудковъ, рушитъ затворы себялюбія и лжи, воздвигаемые передъ правдолюбіемъ и жаждой дѣятельности и указываетъ послѣднимъ путь благоуспѣшнаго поступательнаго роста. Какъ живая бесѣда умныхъ и толковыхъ людей, разсматривающихъ вещи съ разныхъ точекъ зрѣнія, сообщаетъ мыслямъ вольный ходъ и приводитъ къ полной, всеобъемлющей картинѣ міра; такъ и Лессингъ не знаетъ ни какихъ твердыхъ предположеній заготовь, а хочетъ прежде еще отыскать истину, научить отыскивать ее и другихъ, возбуждая читателя къ самодѣятельной провѣркѣ всѣхъ данныхъ, заставляя его самого приходить къ заключенію. Вотъ почему замѣчаетъ уже и Гердеръ: Лессингъ пишетъ какъ поэтъ, то-есть не какъ писатель совсѣмъ что-то закончившій, но какъ еще дѣлающій передъ нашими глазами, не обдумавшій все заготовь про себя, но только идущій впереди нашей собственной думы.

Но если Лессингъ сознавалъ и выдвигалъ впередъ цѣнность вѣрнаго пониманія вещей для художниковъ, если подъ старость онъ противопоставлялъ юнымъ „буреносцамъ" необходимость строгой законности и хотѣлъ даже вступить въ борьбу съ геніемъ какого-нибудь Гёте, опасаясь чтобы безправильщина его Гётца не повредила опять драматическому искусству, а преизбытокъ чувства въ Вертерѣ—мужественному самообладанію, то все же онъ отнюдь не былъ чисто-разсудочный человѣкъ, полагающій будто прекрасное, истинное можно произвесть однимъ обдуманнымъ расчетомъ; напротивъ, вершину и цвѣтъ не только искусства, но и самой науки, видѣлъ онъ въ энтузіазмѣ, въ восторженности; все величайшее казалось ему дѣломъ

природнаго творчества и вдохновенія; крѣпко держась за непосредственные и живые побуды души, онъ только хотѣлъ вырабатывать ихъ въ свѣтлый образъ, въ ясную идею. Этимъ онъ шагнулъ дальше Вольтера и присовокупилъ къ его анализу сердечный кличъ Руссо̀. Онъ первый у насъ показалъ въ своемъ развитомъ талантѣ тѣсную связь искусства съ наукою,—ту связь, какою нѣкогда ознаменовалось самое начало культуры, которую поддерживать дано было только немногимъ рѣдкостнымъ умамъ, и безъ которой не явилось съ той поры ни одного первокласнаго поэта; да безъ нея онъ и не можетъ удовлетворить своему времени, если только вѣрно то, что мы вступили въ эпоху самосознательнаго духа. Силою своей діалектики, Лессингъ сталъ первымъ драматургомъ своего народа, силою своей фантазіи онъ придавалъ научному изложенію наглядную живость, усладительную свѣжесть; обиліе сравненій и метафоръ сообщало у него краткой, рѣзкой мысли необыкновенную чувственную полноту; какъ его изыскательная, такъ и поэтическая дѣятельность равно захватываетъ всего человѣка. Богословскіе противники его кряхтѣли отъ стилистической виртуозности этого комедійнаго писаки; въ веселую минуту самъ онъ говорилъ, что образовалъ свои писательскіе пріемы на театрѣ: „Стиль мой—моя логика. Не важное дѣло, какъ мы пишемъ; всего важнѣе то какъ мы думаемъ. И не станете же вы наконецъ утверждать, что подъ цвѣтистыми, о̀бразными словами необходимо долженъ таиться кривой и шаткій смыслъ? что вѣрно и опредѣленно мыслитъ только тотъ, кто употребляетъ въ дѣло одни лишь самыя обычныя, плоскія и пошлыя выраженія? что придавать холоднымъ символическимъ идеямъ хоть немножко той теплоты и живости, какою отличаются естественные знаки, рѣшительно только вредитъ истинѣ? Какъ смѣшно глубину ранъ приписывать не остротѣ меча, а его блеску! Мнѣ невѣдомъ такой отличный слогъ, который не заимствовалъ бы своего блеска болѣе или менѣе отъ истины. Одна она даетъ настоящій блескъ всему, и потому должна, по крайней мѣрѣ какъ зеркальная наводка, лежать даже подъ всякой шуткой и шалостью“.

Если такимъ образомъ драматическій талантъ явно помогалъ у него научному изложенію, то и поэтическое дарованіе Лессинга находило себѣ добрую опору въ прозорливой его критикѣ. Онъ, который въ „Гамбургской драматургіи“ вызывалъ любителей классической трагедіи Французовъ назвать ему лучшую изъ превозносимыхъ ими корнелевыхъ піэсъ, ручаясь за то, что онъ обдѣлаетъ ее лучше,—онъ самъ оканчиваетъ эту свою книгу скромнымъ заявленіемъ: „Я ни актеръ, ни поэтъ. Мнѣ оказываютъ иногда честь выдавать меня за послѣдняго, но это единственно лишь потому, что хорошенько меня не знаютъ. Изъ моихъ немногихъ драматическихъ попытокъ не слѣдовало бы выводить такого слишкомъ щедраго заключенья. Не всякъ, кто возьметъ въ руку кисть и размажетъ ею краски, тѣмъ самымъ уже и живописецъ. Старѣйшіе изъ моихъ театральныхъ опытовъ писаны въ тѣ годы, когда человѣкъ готовъ принимать за геній извѣстную охоту и легкость на руку. А что̀ въ новѣйшихъ піэсахъ вышло посноснѣе, тѣмъ — я очень хорошо это сознаю—обязанъ я единственно лишь критикѣ. Я не чувствую въ себѣ живого ключа, который проторгаясь собственною силою, бьетъ вверхъ обильною, свѣжею, ясно-лучистою струей: я все долженъ выдавливать изъ себя нагнётомъ и подъёмными трубами. Какъ былъ бы я бѣденъ, холоденъ и бли-

зорукъ, не научись я сколько-нибудь прибирать тихонько къ рукамъ чужія сокровища, робко грѣться у чужого огонька, и подкрѣплять свои глаза очками искусства. Оттого мнѣ всегда становилось грустно или стыдно, когда случалось что-нибудь прочесть или услышать во вредъ критикѣ. Она, говорятъ, придушаетъ геній, а я льщу себя мечтой, что добылъ отъ нея кое-что, очень близко подходящее къ генію. Я хромецъ, и пасквиль на костыли, не очень меня потѣшаетъ. Но правда, что и критика тотъ же костыль, который хотя и помогаетъ хромому двигаться, однако бѣгуна никогда ему изъ него не сдѣлать". Но если при состязаніи на драматическій призъ въ ряду поэтовъ нашихъ Лессингъ всѣхъ ближе подошелъ къ четѣ діоскуровъ, Гёте и Шиллеру, то конечно виной тому не одна ужь критика, а былъ тутъ еще и поэтическій геній, котораго Лессингу не изобразить бы такъ прекрасно, не обладай онъ имъ лично самъ. Во всякомъ художественномъ творчествѣ непремѣнно царятъ два элемента, вдохновеніе и обдумчивость: одинъ — мимовольный, бьющій ключомъ изъ недовѣдомой глубины и являющійся какъ бы внушеніемъ свыше, другой—произвольный, то-есть самосознательная уже выработка и осуществленіе идеальнаго вначалѣ созерцанья. Въ музыкѣ, въ лирической поэзіи обыкновенно преобладаетъ безсознательный всплывъ чувствъ, ихъ какъ бы самодѣльный переходъ въ мелодію звуковъ или рѣчи; въ изобразительномъ искусствѣ и въ драмѣ выступаетъ напротивъ болѣе дѣятельность обдумывающаго формообразованія, прпладъ частностей къ цѣлому и провѣрочная сопостановка. Только общимъ и совмѣстнымъ дѣйствіемъ обоихъ элементовъ зиждется прекрасное; у величайшихъ мастеровъ оба они стоятъ въ полномъ равновѣсіи, у другихъ же перевѣшиваетъ одинъ либо другой. Конечно у Лессинга преобладалъ разсудокъ. Онъ былъ въ полномъ и исключительномъ смыслѣ слова мужъ. Элементъ болѣе женственный, тихій и скромный ростъ подъ охраною природы, полная чаяній свѣтотѣнь душевныхъ настроеній, услажденіе чувства самимъ собой, — все это оставалось ему чуждо; у него не было блестящихъ лирическихъ переливовъ, но поэзія дѣла и мысли была кровнымъ его достояніемъ въ эпиграммѣ, въ баснѣ, въ драматическихъ сочиненіяхъ, и кто видитъ въ поэзіи искусство духа, самосознающаго ума, тотъ конечно не откажетъ ему въ поэтическомъ лаврѣ.

Готхольдъ Эфраимъ Лессингъ (1729—1781), сынъ саксонскаго пастора, изучалъ въ Лейпцигѣ богословіе и особенно писателей классической древности, но при этомъ старался развить въ себѣ и тѣлесную ловкость, старался пріобрѣсть свѣтскую опытность и знаніе людей. Театръ сильно привлекъ молодого человѣка, и къ ужасу его матери онъ даже рождественскія булки пошелъ ѣсть къ актерамъ, которые поставили на сцену первые поэтическіе его опыты. Отецъ въ свою очередь былъ озабоченъ тѣмъ, когда, вмѣсто пріисканія себѣ служебной должности, Лессингъ отправился въ Берлинъ и началъ тамъ работать для одной газеты; но старикъ скоро успокоился, увидѣвъ быстрые успѣхи сына. Увлекаемый независимостью своей природы, онъ выбралъ занятіемъ себѣ писательство, но взялся за это съ тѣмъ же величіемъ души, съ тѣмъ же серьёзнымъ настроеніемъ, съ какими въ древности Демосѳенъ образовался въ народные ораторы и всего себя посвятилъ этому призванью. Печать была его трибуной, журналы разносили крылатое его слово во всѣ концы германской земли и собирали

вокругъ него націю; онъ служилъ ей словомолвцемъ по всѣмъ дѣламъ человѣчнаго образованія, онъ просвѣщалъ ее, поджигалъ къ самобытной дѣятельности и мысли. Своей собственной правдивостью снискалъ онъ себѣ „общее довѣріе народа", какъ Гёте выразился въ похвалу ему. Какъ крѣпко сталъ онъ на стражѣ нашей литературы, ратуя противъ всего дурного и посредственнаго, поощряя все способное къ образованію, смѣло и мѣроположно обращаясь съ похвалой и порицаніемъ даже и къ такимъ свѣтиламъ той поры, какими были Клопштокъ и Виландъ, — все это подробно указали историки нашей поэзіи, и въ особенности Гервинусъ. Драматическіе опыты его юности обнаруживаютъ въ немъ живое чувство простоты и вѣрной передачи характеровъ, и если въ нихъ нѣтъ еще смѣлаго размаха въ соединеніи съ утонченностью, то напримѣръ въ „Вольнодумцѣ" виденъ уже глубокій и вмѣстѣ веселый Лессингъ: здѣсь сомнѣвающійся умъ героя находитъ себѣ спасительный противовѣсъ въ любви къ истинно-благодушной дѣвушкѣ; и если отрывокъ трагедіи „Генци" написанъ и александрійскимъ стихомъ, то все же значительнымъ шагомъ впередъ былъ уже одинъ выборъ политическаго сюжета изъ современной исторіи. Но медленно вырабатывался Лессингъ изъ путъ готшедовской школы, пока дошелъ до возможности сказать: что лучше было бы Готшеду никогда и не мѣшаться въ театральное дѣло. Обокъ съ строгой правильностью Французовъ, англійскій и испанскій театръ привлекали его своимъ бо̀льшимъ жизнеобиліемъ. Кто умѣетъ только низать риомы, не болѣе, кажется ему равно безполезнымъ какъ и тотъ, кто только и знаетъ что дудить на флейтѣ. Онъ постоянно трудится на службу наукѣ и такъ же ревностно возстановляетъ славу непризнанныхъ или оклеветанныхъ поэтовъ и мыслителей старины, какъ и громитъ своею молніеносной критикой самомнительныхъ незнаевъ. Трогательныя мѣщанскія драмы Французовъ и Англичанъ, Кларисса Ричардсона и критическіе разборы Дидро̀, всѣ содѣйствовали трагедіи Лессинга: „Миссъ Сара Самисонъ". Это исторія страданій уступившей соблазну молодой дѣвушки; трагическая судьба постигаетъ ее извнѣ благодаря козпямъ ревнивой и мстительной соперницы, — вотъ дань, какую Лессингъ еще платитъ своей эпохѣ; но вся піэса движется въ ненарушимыхъ предѣлахъ нравственной семейности, что̀ уже приноситъ ему большую честь, а вѣчно-колеблющійся Меллефонтъ и полная страсти Марвудъ суть новые вполнѣ живые характеры, а не отвлеченные герои добродѣтели или злодѣи; они все-таки человѣчны и среди самаго грѣха, а потому невольно вызываютъ у насъ сочувствіе, и это великая сторона піэсы, которая написана притомъ прозою и свободно развертывается передъ нами уже не стѣсняясь условіями трехъ единствъ. Въ то самое время какъ Генрихъ Шлегель и Бра̀ве ввели у насъ бѣлый пятистопный ямбъ, Лессингъ принялся изучать, на ряду съ Шекспиромъ, не только что Плавта, но и Софокла; цѣль, еще темно носившаяся передъ его умомъ, была та, что нѣмецкая драма должна занять середину между двумя направленіями (античнымъ и новымъ). „Филотасъ", короткая, но полная силы трагедія объ одномъ греческомъ царевичѣ, жертвующемъ собой въ плѣну, для того чтобы отечество не утратило изъ-за него плода своей побѣды, напоминаетъ и воинственную тягу того времени, и вмѣстѣ представавшій Лессингу античный образецъ. Тогда же писалъ онъ свои „Литературныя Письма", въ которыхъ берлинскіе друзья

будто бы увѣдомляютъ раненнаго офицера о замѣчательныхъ явленіяхъ на умственномъ поприщѣ.

Самъ Лессингъ отправился въ Бреславль секретаремъ при генералѣ Тауэнцинѣ. Онъ попалъ въ лагерную жизнь Семилѣтней войны; удаль и молодечество завлекли его въ офицерскомъ обществѣ къ карточной игрѣ и попойкамъ; друзья боялись за Лессинга, не зная что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ читаетъ Спинозу, Отцовъ Церкви, Винкельмана, трудится надъ „Лаокоономъ", черпаетъ прямо изъ жизни матерьялъ для своей „Минны фонъ-Барнгельмъ".

Винкельманъ рекомендовалъ ваятелямъ аллегорію, а поэты Англіи и Германіи, Томсонъ и Галлеръ, вызвали своими описаніями природы восхищеніе; у всѣхъ на устахъ было слово Симонида, что живопись—нѣмая поэзія, а поэзія—говорящая живопись; тогда Лессингъ первый провелъ между ними грань и опредѣлилъ ихъ стилевую разницу; начавъ именно сравненіемъ виргиліева разсказа съ пластическою группой Лаокоона. Онъ первый дознала, что различныя искусства разнятся не только матерьяломъ передачи, но и свойственною имъ особенно сферой содержанія и замысла, и что для любого изъ нихъ основного закона должно искать въ томъ, что каждому дается исключительно или въ наибольшемъ совершенствѣ. Въ красотѣ онъ видѣлъ общую цѣль всего древняго художества; но идеалъ плотской красоты, думалъ онъ, осуществляется чистотою формы въ ваяніи, въ поэзіи же выражается идеалъ дѣйствія, подвига, поступка. Живопись для передачи своихъ замысловъ употребляетъ фигуры и краски въ пространствѣ, а поэзія—членораздѣльные звуки во времени; такимъ образомъ первыя выражаютъ соприлежащее, а вторые то, что слѣдуетъ одно за другимъ; движеніе, дѣйствіе—вотъ настоящій предметъ поэзіи. Но тѣла существуютъ во времени и движутся въ его сферѣ; пластическій художникъ долженъ поэтому схватить тотъ чреватый можно-сказать моментъ, который въ настоящемъ положеніи тѣла раскрываетъ и предъидущее и послѣдующее; для дѣйствія и движенія потребно тѣло, какъ ихъ носитель, и если поэзія властна разомъ указать всегда на одно только свойство тѣла, на одну черту поступательнаго дѣйствія, тѣмъ не менѣе она можетъ нарисовать полный его образъ послѣдовательно: Гомеръ описываетъ намъ своихъ героевъ, говоря какъ они постепенно облекаются въ доспѣхи, или же даетъ щиту Ахилла возникать въ мастерской Огнебога на нашихъ собственныхъ глазахъ. Захоти поэтъ описать то, что является въ пространствѣ заразъ, въ одно время, то мы все-таки узнали бы это не иначе, какъ одно вслѣдъ за другимъ; слова оказываются тутъ недостаточны; именно главное-то дѣло, соприсущность разнообразнаго и его полное согласіе съ цѣлымъ, поэту пришлось бы предоставить фантазіи, а между тѣмъ пластикъ онагляживаетъ намъ все это вдругъ, такъ-какъ произведеніе его мы прямо озираемъ однимъ взглядомъ. Вотъ почему красоту Елены Гомеръ описываетъ намъ только передачею дѣйствія ея на душу. Это вѣрно, какъ любой естественный законъ; тѣмъ не менѣе, такъ какъ вторая часть Лаокона не появилась, мы все-таки не видимъ преимуществъ поэзіи для передачи духовной борьбы и не можемъ не порицать того, что живопись и пластика совершенно смѣшаны здѣсь одна съ другою, что имъ отведена только тѣ-

лесная красота, а отнюдь притомъ не душевное выраженіе, что тутъ не упомянуто о живописности въ самомъ тонѣ колорита, что пейзажъ, жанръ, историческая живопись оцѣнены вовсе не по достоинству, а скорѣе невѣрно, и что вообще антично-пластическій идеалъ односторонно перенесенъ на всѣ сплошь изобразительныя искусства. Но тогда именно нуждались въ эллинствѣ, и тѣмъ сильнѣе было вліяніе лессинговой книги. Въ ней вѣдь была высказана та основная и освободительная тогда мысль: что искусство не должно служить ни назиданію, ни нравственному исправленію, а вольно изображать прекрасное только ради его самого; однимъ этимъ уже просвѣтляется душа, облагороживаются всѣ помыслы.

Самъ Лессингъ вслѣдъ за тѣмъ обратился къ поэзіи дѣйствія, опять-таки вѣрно чуя, что культура и настроеніе времени требуютъ не эпоса, а драмы. Онъ написалъ комедію „Минна фонъ-Барнгельмъ или солдатское счастье“. Онъ пріурочилъ все дѣйствіе къ Семилѣтней войнѣ и къ закончившему ее миру, вывелъ первое естественнымъ путемъ изъ великой судьбы цѣлаго народа, причемъ сама дѣйствительность дала ему главныя черты, и онъ могъ вполнѣ расчитывать на общее участіе; онъ сочувствовалъ народному настроенію, и если затѣйливые, чуть не шахматные ходы благородства между влюбленными могутъ показаться намъ преувеличеньемъ, то исторія задумана, развернута и закончена поистинѣ превосходно, а характеры высѣчены изъ настоящаго германскаго кряжа какъ не льзя правдоподобнѣе и естественнѣй, не исключая даже и французскаго проходимца, котораго смѣшная фигура принадлежитъ къ числу освободительныхъ также подвиговъ отечественнаго духа въ ту эпоху, когда жалкое обезьянство царило у насъ еще и въ нравахъ и въ языкѣ. Какъ чудесно обрисованы Телльгеймъ и Минна, милѣйшія и цѣльныя притомъ личности, онъ—такой мягкосердый при всей строптивой бѣрежи своей солдатской чести, она — такая бодрая и свѣжая при всей своей задушевной искренности! А къ этому еще честный, бравый Вахмистръ, грубовато-вѣрный слуга Юстъ, очаровательно - говорливая служанка, до крайности любопытный трактирщикъ! Изъ постоянныхъ комическихъ ролей романскихъ народовъ тутъ удержано именно столько сколько было нужно для того, чтобы своеобразному и индивидуальному придать типическій полносильный вообще пошибъ. Когда, послѣ перваго представленія піэсы въ Лейпцигѣ, опустился занавѣсъ, то всталъ дружно весь партеръ, требуя ея повторенія на слѣдующій же вечеръ, и такъ дѣлалось двѣнадцать сряду разъ. Забилъ опять ключъ истинной поэзіи, актерамъ доставались такіе характеры, на которыхъ они могли образовать свое искусство. И донынѣ, какъ только заговорятъ о нѣмецкихъ комедіяхъ, Минна фонъ-Барнгельмъ у всѣхъ первая на языкѣ.

Тогда-то (въ 1767 г.) Гамбургъ попытался преобразовать свой театръ, и Лессинга пригласили для того, чтобы своими сужденіями о піэсахъ и о представленіи онъ воспитывалъ и актеровъ, и публику. Изъ статей его вышла „Драматургія“, одна изъ превосходнѣйшихъ книгъ нашей литературы, гдѣ здоровая голова, мужественный характеръ, свѣжее чувство сопроникаются между собою тѣснѣйшимъ образомъ, и гдѣ говоритъ такой поэтъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и основательный ученый. Прежде всего надо было пробить стѣну стародавняго механизма правилъ и строгаго французскаго благоприли-

чія, а на мѣсто ихъ поставить свободу искусства, неподрумяненную, естественную истину; это дѣлалось опроверженіемъ Корнеля и Вольтера, о которыхъ мы имѣли случай говорить, отдавая имъ должную справедливость, но вмѣстѣ и указывая на ихъ рѣзкія односторонности; это дѣлалось превознесеніемъ Шекспира, который теперь уже водворенъ у насъ вполнѣ. Къ этому присоединялось мастерское толкованіе аристотелевой Поэтики, съ яснымъ доказательствомъ того, что, если понимать ее какъ слѣдуетъ, то выйдетъ что Шекспиръ удовлетворяетъ ей гораздо лучше Французовъ; къ этому присоединялось положительное заявленіе, что законъ имѣетъ непреложную свою силу и что искусство достигаетъ своей цѣли точнымъ его выполненіемъ, а отнюдь не мнимо-геніальною безправильщиной.

И за такимъ дознаніемъ критики слѣдовало опять поэтическое дѣло. Лессингъ взялъ изъ Ливія исторію Виргиніи, которой родной отецъ вонзаетъ ножъ прямо въ сердце, не видя другого способа оберечь ее отъ вожделѣній тирана Аппія Клавдія, которому подкупной судъ присудилъ ее въ рабы; возмущенный этимъ народъ свергаетъ вслѣдъ за тѣмъ насильника. Лессингъ перенесъ событіе въ сферу настоящаго, въ новѣйшую обстановку, и былъ совершенно правъ: такимъ образомъ не возникало разлада изъ того, если онъ влагалъ въ уста дѣйствующимъ лицамъ трагедіи свои собственныя чувства и мысли, молніи глубокомысленныхъ воззрѣній на жизнь и самыя утонченныя сужденія о нравственности и искусствѣ; со сцены должна говорить намъ наша собственная жизнь. Съ смѣлымъ прямодушіемъ отразилъ онъ въ „Эмиліи Галотти", какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, все безпутство тогдашнихъ дворовъ, весь своенравный произволъ великихъ міра, которые тѣмъ не менѣе однакожь рабы своихъ любимцевъ и прихвостней. Жаль только, что для Одоарда нѣтъ ни какой неизбѣжной необходимости „срывать розу, прежде чѣмъ размычетъ ее буря и гроза", а не употребить напротивъ для защиты кинжалъ, данный Орсиною; жаль только, что тутъ нѣтъ карающаго суда исторіи, что благородные пали жертвою, а злодѣи остались по прежнему въ живыхъ *. Правда, необыкновенно тонко намекаетъ Лессингъ на зарождающуюся въ сердцѣ Эмиліи наклонность къ принцу; она совершенно запуталась въ его сѣтяхъ, она боится, чтобъ собственная природа не заставила ее измѣнить добродѣтели, и чтобы сохранить всю чистоту, она лучше жертвуетъ своей жизнью. Но что надъ тѣломъ умерщвленнаго супруга она можетъ помышлять о соблазнѣ человѣкомъ, который по крайней мѣрѣ не совсѣмъ невиненъ въ злодѣяніи, этого, при всемъ восторгѣ отъ піэсы, не понимали въ то время Энгель и Клаудіусъ, какъ не понимаемъ теперь и мы **. Впрочемъ же все въ этомъ произведеніи послѣдовательно, все въ мѣру и въ обрѣзъ, все знаменательно; каждое слово полно смысла и ума, такъ что и эпиграмматически отточенный діалогъ невольно вызываетъ на размышленіе, а прекрасно овинословленное дѣйствіе развертывается между тѣмъ быстро передъ нашимъ воображеніемъ и хватаетъ насъ прямо за сердце. Геніальная обри-

* Авторъ самъ только что передъ этимъ похвалилъ Лессинга за освобожденіе искусства отъ обязанности поучать.

** Воля автора, Энгеля и Клаудіуса, а намъ эта психологическая черта кажется совершенно понятной. Все дѣло въ томъ, что о подобныхъ вещахъ обыкновенно принято молчать. Прим. перев.

совка характеровъ, особенно—дьявольски натершагося царедворца, Маринелли, и демонически бѣшеной Орсины, ставила актерамъ самыя высокія задачи на рѣшеніе. Все цѣлое вмѣстѣ гораздо искреннѣе, фигуры индивидуальнѣе, дѣйствіе запутаннѣе нежели въ греческой трагедіи, но зато все гораздо проще и строже чѣмъ въ созданіяхъ романтической народной сцены Англіи и Испаніи. Тутъ впервые найденъ нѣмецкій драматическій стиль и въ сочиненіи и въ языкѣ; хотя трагизмъ не столько еще развивается изъ собственной природы героевъ и изъ обуревающей ихъ страсти, сколько вносится въ дѣйствіе интригою, однако само событіе все-таки выходитъ изъ внутренней существенной опредѣленности людей, и всѣ они въ свою очередь помогаютъ плести ту роковую сѣть, которая потомъ сомкнулась у нихъ надъ головою.

Лессингъ закончилъ эту трагедію въ Вольфенбюттелѣ, гдѣ онъ принялъ библіотекарское мѣсто. Тутъ полная борьбы и поисковъ жизнь его повидимому должна была достичь цѣли отраднаго успокоенія; онъ женился на вдовѣ одного пріятеля, Евѣ Кёнигъ, которая понимала его сердце и его умъ; но счастье его было кратковременно. Жена умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ при первыхъ же родахъ. Тогдашнія письма Лессинга удивительны своимъ глубоко-нравственнымъ чувствомъ и своимъ скорбнымъ остроуміемъ. Онъ пишетъ къ Эшенбургу: „Пользуюсь минутой, когда жена моя лежитъ совсѣмъ безъ памяти, чтобы поблагодарить васъ за доброе участье. Радость моя была коротка, и мнѣ такъ не хотѣлось потерять его, этого сына! Онъ вѣдь былъ у меня такой умница, такой умница!—Не подумайте однако, чтобъ немногіе часы отцовства сдѣлали меня такимъ ужь обезьяною-отцомъ. Я знаю, что̀ говорю. Не доказываетъ ли это ума, что его надо было тащить на свѣтъ желѣзными щипцами? что онъ такъ скоро подмѣтилъ въ немъ всю дрянь? Не умно ли съ его стороны, что онъ воспользовался первымъ случаемъ поскорѣй убраться? Правда, неподатливая эта головёнка извела у меня вконецъ и мать. Мало надежды, чтобы я уберегъ ее. Захотѣлось мнѣ разъ хорошо устроиться какъ и другіе люди, а вышло куда скверно.“ Десять дней промучилась жена въ безпамятствѣ. Тогда онъ написалъ къ своему брату: „Жена моя умерла; теперь я испыталъ и это. Я радъ, что уже не много такихъ испытаній предстоитъ мнѣ впереди. Ахъ, еслибъ ты только зналъ эту женщину! Но говорятъ, что похвала женѣ, это — чистое лишь самохвальство. Хорошо, я не скажу о ней ни слова болѣе. Но еслибъ ты только ее зналъ! Никогда ужь не увидишь ты меня такимъ, какимъ видѣлъ Моисей (Мендельсзонъ), вполнѣ спокойнымъ и довольнымъ въ четырехъ стѣнахъ моей комнаты. Имѣй я возможность одною половиной своей жизни купить счастіе прожить съ ней другую, какъ охотно бы я это сдѣлалъ! Но этого не льзя, и я опять долженъ брести своей дорогою одинъ. Конечно, я и не заслужилъ такого счастія.“

А между тѣмъ ему предстояли уже новыя борьбы, въ которыхъ изъ-за человѣчности и свободы духа онъ поневолѣ забылъ собственную скорбь. Для уплаты долговъ онъ распродалъ съ аукціона свои книги; но библіотека, состоявшая подъ его начальствомъ, навела его на разнообразнѣйшія изученія. Поговоркѣ: „Во всемъ понемножку, въ цѣломъ ничего“ онъ противопоставилъ изреченіе: „Кто хоть сколько-нибудь не знакомъ со всѣмъ, тотъ не смыслитъ

ни чего и въ частности". Онъ издалъ оборону средневѣкового богослова Беренгарія, радуясь тому что еретики умѣли тогда смотрѣть собственными глазами. Кантъ писалъ однажды къ Мендельсону: „Я мыслю обо многомъ съ самымъ яснымъ убѣжденіемъ и къ полному своему удовольствію, но никогда не достанетъ у меня мужества это высказать; зато никогда не скажу я того, чего не думаю самъ лично." Лессингъ держался, напротивъ, такого правила: „Не знаю, долгъ ли человѣка жертвовать счастіемъ и жизнью для истины; вѣрно по крайней мѣрѣ то, что потребныя на это мужество и рѣшимость — дары не такого рода, которые мы сами себѣ можемъ дать. Но кто хочетъ учить истинѣ, для того неоспоримо и несомнѣнно долгъ или говорить цѣликомъ всю истину, или уже вовсе не учить ей; надобно высказывать ее ясно и напрямикъ, безо всякихъ загадокъ и утаекъ, безъ малѣйшаго недовѣрія къ ея силѣ и полезности." Онъ говорилъ, что кто хочетъ привить человѣку истину, подрумяненную и прикрытую маской, тотъ можетъ, пожалуй, быть у ней сводникомъ, но любовникомъ ея никогда онъ не бывалъ. Его отнюдь не удовлетворяла схоластическая догматика; въ минуту негодованія онъ называлъ ее однажды ужаснѣйшимъ наборомъ безсмыслицы; но столь же мало удовлетворяли его и сухіе вольномысленные просвѣтители, эти попы матерьялизма, какъ по справедливости можно ихъ назвать. Чѣмъ складнѣе записной догматикъ хотѣлъ доказать ему истину христіанства, тѣмъ болѣе вооружался онъ сомнѣніемъ; чѣмъ рѣзче и побѣдоноснѣе иной просвѣтитель думалъ затоптать передъ нимъ христіанство въ грязь, тѣмъ сильнѣе стоялъ за него Лессингъ въ глубинѣ сердца. Онъ не хотѣлъ ни шитья на живую нитку малознаекъ и полуфилософовъ, ни мира и спокойствія безъ критики. Онъ отнюдь не хотѣлъ оставаться при мутной, нечистой, испортившейся водѣ, но стоялъ на томъ чтобы не выливать ея, пока не добудешь воды почище; иначе прійдется наконецъ мыть ребенка въ навозной жижѣ. Вотъ отчего ни какъ не могъ понять его хорошенько Николàи, и говорилъ что для богослововъ Лессингъ вольнодумецъ, а для вольнодумцевъ—богословъ: тутъ, какъ и всегда, новая цѣльная истина подвергается нападкамъ равно съ обѣихъ сторонъ, и часто должна слыть за половинчатость и за одно пустое посредничество. Онъ хотѣлъ протестантскаго духа свободнаго изслѣдованія и свободной провѣрки, а когда лютеранскіе же пасторы затѣвали ставить границы этому изслѣдованію, онъ первый заявлялъ желаніе лучше промѣнять многихъ мелкихъ папъ на одного большого. Онъ жаждалъ избавленія отъ ига буквы вѣроисповѣдныхъ книгъ, не исключая ни единой; онъ хотѣлъ такого христіанства, какое проповѣдывалъ бы теперь самъ Іисусъ Христосъ. Еще въ Гамбургѣ удалось ему взглянуть на одну рукопись тамошняго профессора гимназіи, Реймаруса, озаглавленную: Оборона для разумныхъ чтителей Божества. Авторъ ея былъ вовсе не пустой кощунъ или насмѣшникъ; онъ и прежде уже дѣйствовалъ въ смыслѣ просвѣщеннаго деизма, написавъ книгу о важнѣйшихъ истинахъ естественной религіи. Лессингъ издалъ теперь рядъ отрывковъ изъ этой рукописи, съ тѣмъ чтобы первымъ критически-сильнымъ нападеніемъ на слишкомъ неразборчивое тогда преданье вызвать основательное научное изслѣдованіе. Самъ Лессингъ былъ очень далекъ отъ крайнихъ односторонностей реймарусова взгляда; но противники не порознили дѣла издателя отъ дѣла автора, а первый принялъ вызовъ на борьбу, кото-

рую повели противъ него съ разныхъ сторонъ и въ которой ревностнѣйшимъ бойцомъ выступилъ человѣкъ, съ которымъ Лессингъ выпилъ прежде не одинъ стаканъ рейнвейну: это былъ упорный стражъ Сіона, Гёце, главный пасторъ въ Гамбургѣ. Въ мелкихъ летучихъ листкахъ Лессингъ вылилъ на голову своему противнику капля по каплѣ тотъ самый ушатъ помой, въ которомъ Гёце хотѣлъ утопить его. Полемика его была жестока и рѣзка, но на войнѣ для того вѣдь и стрѣляютъ, чтобъ не давать промаха; его можно назвать невѣжливымъ бойцомъ, но конечно уже не безнравственнымъ. Истина, пишетъ Лессингъ, обладаетъ силою непобѣдимой, и всѣ нападенія критики служатъ единственно лишь къ тому, чтобы выставить правду все яснѣе и яснѣе. Надо, говоритъ онъ, понять разницу между религіей и богословіемъ, между христіанствомъ и тѣмъ что̀ за него выдаютъ. Первыя (то-есть религія и христіанство)—дѣло сердца, а послѣднія (то-есть богословіе и преданіе) дѣло разсудка, практическихъ соображеній; поэтому разумъ нашъ можетъ иногда возставать противъ разсудочнаго взгляда на иное богословское ученіе, вовсе не посягая этимъ на первоначальное и подлинное его ядро; онъ только хочетъ облечь его въ болѣе разумную форму. Каковы бы тамъ ни были предположенія и доводы записного богослова, христіанинъ все-таки властенъ стоять на свидѣтельствѣ своей совѣсти въ пользу истины христіанства, на чувствѣ своего сердца, ублажаемаго вѣрою. Кто ощущаетъ благотворное дѣйствіе электричества, тотъ можетъ спокойно предоставить дальнѣйшимъ успѣхамъ науки рѣшеніе вопроса о томъ, которая изъ двухъ гипотезъ, Ноллета, или Франклина, лучше объясняетъ сущность этого явленія. Главное дѣло и основная идея христіанства неоспоримо любовь; религія Іисуса Христа, которую онъ изложилъ намъ въ своемъ собственномъ словѣ, въ своей жизни и смерти, гораздо проще всѣхъ догматическихъ измышленій; къ этой простой истинѣ и можемъ мы примкнуть, усвоивать ее себѣ лично по крайнему нашему разумѣнію и стараться согласить ее съ наукой. Только недоразумѣваемая религія можетъ отдалять насъ отъ прекраснаго; истинная и понимаемая какъ должно найдетъ для себя новое доказательство въ томъ, что будетъ вездѣ наводить насъ на прекрасное.

Въ этомъ смыслѣ, Лессингъ причислялъ себя къ защитникамъ христіанства. Онъ считалъ его истиннымъ потому, что оно удовлетворяетъ вмѣстѣ и разумъ и совѣсть. Христосъ—незыблемая основа этого вѣроученія; въ его жизни и словѣ, въ сердцахъ его учениковъ заключалось оно еще прежде всякой записи; это вѣчно свидѣтельствующая о себѣ духовная мощь. Не достаточно было бы однихъ прошлыхъ чудесъ для доказательства живыхъ понынѣ истинъ; вѣдь значенье всего историческаго только въ томъ идеальномъ содержаніи, которое оно собой представляетъ.

Лессингъ требовалъ терпимости и почета всякому искреннему убѣжденію,—для вольномыслящихъ просвѣтителей, точно такъ же какъ и для сторонниковъ преданія и для потребностей простого народа; онъ ратовалъ противъ фанатизма, храня чувство сердечнаго уваженія къ вѣрѣ отцовъ. Какъ самъ онъ преданъ былъ человѣчности, такъ и на различныя религіозныя формы смотрѣлъ всегда въ связи съ человѣческимъ развитіемъ, съ индивидуальностью разныхъ народовъ. „Наѳанъ Мудрый“ представляетъ именно ту

мысль, что религіозность—главное во всѣхъ религіяхъ, что хорошо поступать труднѣе нежели распускаться въ набожныхъ мечтаньяхъ. Въ дѣлѣ человѣчности, въ спасеніи Рехи, сходятся между собой и еврей, и христіанинъ, и мослемъ; разсказъ о трехъ кольцахъ служитъ средоточіемъ; въ его смыслѣ разрѣшаются всѣ конфликты: іудейка Реха, христіанскій храмовникъ и могаммеданинъ Саладинъ всѣ узнаютъ себя членами одной семьи; связь обще-человѣческаго единства, потемненная разноплеменностью и разновѣріемъ, снова входитъ имъ въ просвѣтленное сознаніе. Въ то самое время какъ все великолѣпіе строгаго чина природы поддержано здѣсь передъ мнимыми чудесами, долженствовавшими порушить этотъ чинъ, въ многосложномъ механизмѣ людскихъ плановъ и страстей и кажущихся случайностей раскрывается намъ единое истинное чудо духа, неутродѣйственная сила Промысла, все ведущаго къ добру. Если взять это произведеніе какъ драму дѣла, драму подвига, то ходъ дѣйствія можетъ показаться вялымъ и заключеніе не вполнѣ удовлетворительнымъ; но если взглянуть на него какъ на дидактическую вещь, на поэзію сознательной мысли, то она явится вѣнцомъ тѣхъ средневѣковыхъ „нравоучекъ", которыя завѣдомо олицетворяли нравственныя понятія и сокровенныя судьбы души. Это — примирительная драма, ведущая къ веселому исходу самыя серьёзныя столкновенія; тутъ, разумѣется, главное дѣло—мысли, но Лессингъ на столько поэтъ, что ихъ заступаютъ у него живыя личности, а изъ его собственной души, освобождающей себя этимъ изложеніемъ, выливается на цѣлое какой-то кроткій, умиряющій повѣвъ, который прямо идетъ къ сердцу, потомучто самъ онъ непосредственно сердеченъ, при чемъ авторъ выдаетъ свое собственное настроеніе даже и въ языкѣ, замѣняя прозу бѣлымъ ямбомъ съ ритмической его соразмѣрностью. Сравнительно съ поэтическими произведеніями Вольтера, на сколько лучше знаменуетъ лессинговъ Наѳанъ вершинную точку всей литературы просвѣтительства! и это именно оттого, что Лессингъ не былъ человѣкъ одного лишь чистаго разсудка и могъ вылить въ свое созданіе благородство своей собственной души!

Обрисовка характеровъ тутъ поистинѣ превосходна. Въ средоточіи стоитъ Наѳанъ. Какъ самъ Лессингъ, онъ созрѣлъ путемъ многоскорбнаго опыта, мысль стала у него душевнымъ настроеньемъ; на все глядитъ онъ въ свѣтѣ вѣчности и одушевленный чистою любовью: оттого духовное его превосходство перешло въ добросердечную иронію, въ какой-то ясный, свѣтлый юморъ. Той богодухновенной человѣчностью, которую онъ себѣ пріобрѣлъ или нажилъ, дѣвственная Реха надѣлена отъ природы и отъ воздуха, какимъ она дышала вблизи его; вотъ почему она и знаетъ, „что богопреданность вовсе не зависитъ отъ того, какъ мы гадаемъ и думаемъ о Богѣ." Какъ прекрасно противоположна Наѳану, а между тѣмъ дѣйствуетъ и тянетъ съ нимъ заодно, незатѣйливая, искренная вѣра простосердечнаго инока! Героическій Саладинъ, владыка, не презирающій голосъ своего народа, никогда не требовалъ чтобы всѣ были на одинъ солтыкъ, а сестра его Зитта жалѣетъ о гордости христіанъ, которые не хотятъ быть людьми какъ другіе; да не то же ли и Наѳанъ говоритъ храмовнику: „Развѣ христіанинъ и еврей прежде христіанинъ и еврей чѣмъ человѣкъ? Ахъ, еслибъ мнѣ найдти изъ васъ еще одного такого, съ котораго бы довольно было зваться человѣкомъ!" Молодой хра-

мовникъ является самымъ развитымъ изъ всѣхъ. Конечно, въ Крестовыхъ Походахъ научился онъ тому, что безумно навязывать свое вѣроисповѣданіе всему свѣту; съ опасностью собственной жизни спасъ онъ еврейку, не требуя за то благодарности; но когда онъ ее теперь полюбилъ, когда онъ услыхалъ, что Реха понастоящему не еврейка, онъ въ опрометчивомъ ревнительствѣ готовъ самъ вызвать противъ Наѳана власть патріарха, пока наконецъ сознаётъ свой грѣхъ и находитъ въ спасенной родную сестру свою. Такъ и служанка Дайя предана Наѳану всей душой, однако желала бы лучше жить между христіанами. Всѣмъ имъ противопоставленъ злокозненный патріархъ, мнящій что злодѣйскій поступокъ передъ людьми не будетъ злодѣйствомъ передъ Богомъ, если только онъ совершенъ всилу церковныхъ требованій, и желающій во что бы ни стало сжечь жида. Наконецъ, еще дервишъ Альгафи́, который бѣжалъ отъ житейской сумятицы, сквозь которую побѣдоносно пробивается Наѳанъ, и спасся, какъ браминъ, въ отреченіи отъ міра, повторяя: голякъ нищій собственно лишь и есть истый царь!—Только одинъ признакъ связываетъ это произведеніе съ богословскою полемикой Лессинга:* закоснѣлое, гонительское, узкосердое служеніе буквѣ представлено здѣсь въ лицѣ христіанина, патріарха, тогда какъ распространяющій свою вѣру мечомъ фанатизмъ ислама и мумійно-тягучее іудейство не отмѣчены ни малѣйшей тѣнью при свѣтлой человѣчности Наѳана и Саладина; не говорю, чтобъ эту тѣнь слѣдовало непремѣнно онаглядить въ особыхъ лицахъ, но надлежало по крайней мѣрѣ дать ее почувствовать. И если Лессингъ видѣлъ сущность религіи во всегдашнемъ глубокомъ строѣ души, если онъ повторялъ вслѣдъ за Христомъ Іисусомъ: „отъ плодъ ихъ познаете ихъ", если, сообразно этому, для узнанія подлиннаго кольца онъ требуетъ доказательства духа и силы, то вѣдь доказательство это исторія побѣдоносно дала христіанству, которое нравственно возродило своихъ исповѣдниковъ, прочно поставило ихъ носителями культуры и, во всѣхъ отрасляхъ искусства и науки, вызвало у нихъ новый никогда невиданный еще цвѣтъ. Наѳанъ—любимая книга образованныхъ Евреевъ, а въ 1842-мъ году, въ новогреческомъ переводѣ Каліургоса, ее играли также передъ Турками въ Константинополѣ, и она была принята съ восторгомъ; но все-таки она возникла среди христіанства и тѣмъ самымъ вполнѣ свидѣтельствуетъ за него. „Наѳанъ Мудрый"—идеалъ духа, впервые, самосознательно начертанный кѣмъ бы то ни было изо всѣхъ дотолѣ жившихъ поэтовъ.

Наѳанъ былъ поэтическимъ завѣщаніемъ Лессинга; книга его объ откровеніи, какъ воспитаніи человѣческаго рода, осталась его завѣщаніемъ научнымъ. Подобно всѣмъ значительнѣйшимъ людямъ своего времени онъ стоялъ подъ вліяніемъ Лейбница; къ природѣ его какъ нельзя ближе подходила мысль, что дѣятельность, самостоятельное осуществленіе способности, заложенной внутри всякаго созданія, есть задача и сущность его бытія и жизни, что Всеединое есть гармоническая, постепенно-восходящая система живыхъ силъ; его сродственный этой идеѣ умъ постигалъ каждаго человѣка и каждое произведеніе, какъ нѣчто изначально-своеобразное, единственное въ

* Но признакъ очень важный, потомучто онъ вредитъ художественной правдѣ созданія. Тутъ Лессингъ очевидно пересолилъ. Прим. перев.

своемъ родѣ, и онъ не могъ довольно нарадоваться мыслію о великомъ пріемѣ Лейбница высѣкать живой огонь изъ кремней, не основывать ни какой особой школы, а быть только вожакомъ къ истинѣ для всякаго по той именно дорогѣ, какою онъ самъ ея достигъ. Но Лессингъ же первый открылъ и того человѣка, „о которомъ издавна говорятъ лишь какъ о дохломъ псѣ", и который съ этого именно времени такъ мощно овладѣлъ нѣмецкимъ духомъ; онъ такъ выразился передъ Якоби: Единое и Все, это и моя также исповѣдь; пріійдись мнѣ назваться чьимъ-нибудь именемъ, я бы назвался Спинозой! Какъ тогда, такъ и теперь еще не рѣшенъ споръ на этотъ счетъ: Робертъ Циммерманъ дѣлаетъ Лессинга лейбниціанцемъ, а Геттнеръ — спинозистомъ; я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, заявленномъ въ моихъ „рѣчахъ на память о германскихъ поэтахъ",—при томъ мнѣніи, что онъ былъ и тѣмъ и другимъ, что онъ стоялъ въ томъ всецѣломъ взглядѣ, который выше обѣихъ противоположностей, который встрѣчался уже намъ у апостоловъ Павла и Іоанна, у философскихъ мистиковъ христіанскаго средневѣковья и у поэтическихъ—могаммеданскаго, точно такъ же какъ позже у Джордано Бруно я нашелъ общую исходную точку для Спинозы и для Лейбница. Пантеизмъ и деизмъ два равноправные взгляда на одну и ту же дѣйствительность, съ различныхъ лишь точекъ зрѣнья. Не утверждаю, чтобы Лессингъ ясно это усмотрѣлъ, чтобы онъ стремился къ примиренію односторонностей; онъ вообще былъ не систематикъ, онъ предоставилъ это намъ, его потомкамъ, но онъ стоялъ на полной истинѣ, говоря заодно съ Спинозой: Богъ единъ и безконеченъ, внѣ его нѣтъ ни чего, всѣ вещи дѣйствительно въ немъ одномъ,—раскрытія его существа, помыслы, въ которыхъ онъ порозняетъ и расчленяетъ свое всесовершенство, такъ что вселенная и возникаетъ и существуетъ только въ немъ; но изъ-за этого онъ не отрицалъ въ Богѣ ни разума, ни воли, да и всѣ вещи не обращались для него въ бѣгучія только волны единаго, вѣчнаго моря субстанціи; напротивъ, вмѣстѣ съ Лейбницемъ онъ видѣлъ во всѣхъ особяхъ нетлѣнныя монады, въ людяхъ стало-быть — безсмертныя личности, которыхъ природа проявляется въ различныхъ формахъ бытія и метаморфозахъ, такъ что даже душескитаніе было близкимъ ему представленьемъ. Но онъ отнюдь не ставилъ Бога внѣ сферы духовъ, но принималъ его за общій имъ источникъ, всѣ ихъ объемлющій и живящій. Законъ его властвуетъ вездѣ, какъ естественный и нравственный міропорядокъ; нѣтъ безпричиннаго произвола, нѣтъ ни какой случайности; однакожь ни одинъ человѣкъ не поставленъ въ необходимость непремѣнно дѣлать то, а не другое; но онъ долженъ благодарить Бога за то, что ощущаетъ въ себѣ побужденіе поступать какъ слѣдуетъ; собственнымъ волѣніемъ обязаны мы развивать въ себѣ сѣмена положенныя въ насъ Богомъ и пребывать съ нимъ въ единеніи. Богъ — высочайшій художественный геній; черезъ него въ вѣчной и неразрывной связи всѣхъ вещей выходитъ мудростью и благостію то, что само по себѣ предстаетъ намъ въ видѣ слѣпого и неумолимаго рока.

Только съ этой точки зрѣнія Лессингъ въ воспитаніи человѣческаго рода могъ найдти понятіе божескаго откровенія нераздѣльно съ развитіемъ человѣчества и тѣмъ самымъ овозможить философію исторіи и религіи, которую вслѣдъ за нимъ основали Гердеръ, а потомъ Шеллингъ и Гегель, и надъ которою наше время трудится до сихъ поръ; эта книга также предназначена

быть однимъ изъ камней для такой постройки. Вотъ чѣмъ и сталъ онъ гораздо выше своего времени, когда ограниченное правовѣріе считало забезбожную ложь все то, что не вмѣщалось въ уставы Тридентинскаго Собора или аугсбургскаго исповѣданія, а заносчивость вольномысленнаго просвѣтительства объявляла суевѣрною мечтой все, кромѣ своего разсудочнаго взгляда, вездѣ думало видѣть свой собственный только свѣтъ или же воображало себѣ, что онъ скрытъ нарочно обманомъ. Обѣ партіи или подсовывали свою собственную мудрость всѣмъ великимъ людямъ прошлаго, или же осуждали ихъ, сожалѣя, что они до нея не доросли. Лессингъ, первый, дозналъ историческое развитіе идей, постепенное раскрытіе истины, воплощеніе ея въ различныхъ формахъ, смотря по народной особенности и по соразмѣрной вѣку ступени образованія. Какъ правовѣры, такъ и вольномысленные просвѣтители находили непостижимымъ откровеніе божіе человѣчеству; только одни допускали его по крайней мѣрѣ въ видѣ чуда, а другіе отвергали наотрѣзъ. Лессингъ старался понять это откровеніе. Божественный промыслъ былъ для него нутродвижная и верховодная сила міроразвитія; люди, на его взглядъ,—возбужденные къ собственной жизни помыслы божіи, такъ что Богъ всегда пребываетъ въ нихъ дѣйственнымъ. Имъ, думалъ онъ, изначально врождена способность богопознанія, религіозная идея; они должны ее вырабатывать, все полнѣе и яснѣе выявлять ее въ органическомъ прогрессѣ. Для того чтобъ привести ихъ къ этому, Богъ открывалъ существо свое нѣкоторымъ великимъ и благочестивымъ мужамъ, озарялъ этимъ внутреннее ихъ созерцаніе и вдохновлялъ ихъ возвѣщать людямъ то, что сообразно съ божескимъ и человѣческимъ вмѣстѣ разумомъ. Откровеніе, думалъ онъ, становится воспитаніемъ людского рода вслѣдствіе того, что божественный духъ ставитъ духу человѣческому все высшія и высшія цѣли развитія и для возростающей въ немъ понятливости озаряетъ нѣкоторыхъ геніевъ новыми и новыми опять истинами, которыя человѣчество должно принять и обратить въ свое кровное достоянье. Воспитаніемъ выводится наружу то, что̀ лежитъ въ душѣ изначала, это—руководительство одной личности другою высшею; оно не даетъ человѣку ничего такого, чего бы онъ не могъ добыть изъ себя и самъ, но оно даетъ ему важнѣйшія вещи ранѣе, подобно тому какъ иной учитель математики нарочно заготовь выскажетъ ученикамъ результатъ съ тѣмъ, чтобы они руководились этимъ въ своемъ вычисленіи и легче отыскали потомъ вѣрный выводъ. Вотъ почему всеобщій разумъ почиталъ онъ источникомъ религіи, а разумное христіанство—цѣлью всей исторіи. Разработка откровенныхъ истинъ въ истины разума, думалъ онъ, совершенно необходима, если мы хотимъ чтобы родъ человѣческій воспользовался ими для себя вполнѣ.

На этомъ основаніи, заодно съ Лессингомъ, признаемъ мы въ различныхъ періодахъ и народахъ всемірной исторіи постепенный ходъ развитія, гдѣ ни начало, ни выработка религіи не предстаютъ уже плодомъ насилія и обмана, а напротивъ богоизволеннымъ порядкомъ. У средневѣковыхъ мыслителей (III, 426—427) нашелъ Лессингъ ученіе о троякомъ вѣкѣ міра, о царствѣ Отца, Сына, Духа Святаго; онъ примкнулъ къ этому взгляду и видѣлъ въ своемъ времени близкій подходъ къ тому вѣчному евангелію, на которое они только еще уповали. Въ дохристіанскомъ мірѣ, по этому представленію, царилъ Отецъ и открылъ свое единство и свою личность въ Ветхомъ Завѣтѣ; во Христѣ явился

Сынъ, истый образъ божій, отвѣка рожденный Богомъ, какъ мысль его о себѣ самомъ; чему училъ Сынъ, то самое должно быть обосновано теперь Духомъ въ видѣ свободноразумной истины, съ которою прійдетъ наконецъ въ согласіе и всякое вообще иное познанье. Воспитаніе человѣческаго рода должно̀ же вѣдь непремѣнно имѣть свою цѣль. Ужели человѣчеству никогда не суждено прійдти къ такому полному просвѣщенію и къ такому очищенію сердца, чтобы оно осуществляло и любило добродѣтель только ради ея само̀й? Ужели никогда не достигнетъ оно свободы и порядка въ жизни, никогда не научится владѣть и управлять собою безъ принужденія со стороны? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, никогда? Вѣдь было бы богохульствомъ утверждать это положительно. Вѣрно, наступитъ когда-нибудь пора новаго вѣчнаго евангелія, обѣщанная намъ въ основныхъ книгахъ Новаго Завѣта! — Этой мысли Лессинга держались и романтики, особенно Фридрихъ Шлегель въ своей надеждѣ на религіозное обновленіе, при наружномъ разложеніи религіи въ безвѣріе и суевѣрство.

Руссо́.

Люди добились новаго образованія, но въ немъ рѣшительно преобладалъ разсудокъ. Для полнаго цвѣта искусства онъ столько же недостаточенъ, какъ и одно подражаніе эллинскому образцу; искусство должно̀ возникать изъ завѣтной глуби безсознательнаго, изъ неисповѣдимыхъ стремленій природы и духа. Но среди рукотворныхъ условій цивилизаціи, среди трезваго до сухости вольномысленнаго просвѣщенья, и природныя стремленія и позывы сердца потерпѣли слишкомъ существенный ущербъ и поставлены были слишкомъ низко. Стало-быть надо имъ сперва проторгнуться снова, заявить себя въ отместку неодолимо, бурно, сокрушительно; идеализмъ сердца выступитъ теперь во всей чрезмѣрности, личная своебразность мысли и воли не захочетъ знать никакихъ границъ; съ чувствомъ строптиваго самодовольства вынырнетъ изъ этой бури новое, молодое, свѣжее, оригинальное; у начинателей часто будетъ виденъ недостатокъ покоя, мѣры и ясности, но гдѣ блага эти пріобрѣтутся всилу нравственнаго очищенія и самообладанья, тамъ дойдетъ до такой высоты, какая только возможна для этой ступени человѣческаго развитія, и создастся нѣчто поистинѣ прекрасное для всѣхъ временъ, навѣки. Первымъ, кто выступилъ на свѣтъ съ такимъ первобытно-сердечнымъ побудомъ, кто высказалъ завѣтное стремленье человѣчества и сталъ мученикомъ своей природы и своего призванія, въ то самое время какъ привелъ міръ въ новое движенье, былъ Женевецъ Руссо̀. Онъ—необходимый предтеча и политическаго переворота во Франціи, и новолитературнаго, силой добытаго образованія въ Германіи.

Въ ту самую пору какъ Парижъ не нарадуется утонченностью своихъ нравовъ и вольнодумно-просвѣщенный свѣтъ смотритъ съ гордымъ самодовольствомъ на свои мнимо-дивные успѣхи, вдругъ появляется, какъ проповѣдникъ покаянія въ жесткой власяницѣ, человѣкъ и смѣло противопоставляетъ простоту природы, даже первоначальный бытъ дикарей той блестящей цивилиза-

ціи, которой глубокія язвы и поверхностныя блестки, которой рабство и изнѣженность онъ всѣ высмотрѣлъ насквозь. Противъ матерьялизма однихъ, равно какъ противъ букововѣрія и обрядности другихъ, онъ отстаиваетъ религію сердца, идеализмъ чувствующей души; мечтательный пророкъ, но не даромъ одѣтый въ оружіе софистики, увлекаемый въ крайности страстною натурой и силящійся оправдать, прикрасить чрезмѣрность своихъ выходокъ; геніальный проповѣдникъ чувствительной любви и преобразователь воспитанія, который собственныхъ дѣтей своихъ отсылаетъ въ Воспитательный Домъ, извиняясь тѣмъ, что ихъ прачка-мать, съ которою онъ живетъ постоянно, только бы испортила ихъ своимъ попеченіемъ! Въ правдивости онъ видитъ главное условіе величія души, но вмѣсто того чтобы облагороживающимъ самовоспитаніемъ стараться образовать себя до ненужности таить свои поступки, онъ предпочитаетъ беззастѣнчиво раскрывать свои заблужденія, суетно любуясь этой неслыханною затѣей. Его „Признанія", въ которыхъ онъ разсказываетъ свою жизнь, начинаются такъ: „Я предпринимаю вещь, небывалую никогда, и которая не найдетъ себѣ подражателей. Я хочу показать своимъ ближнимъ человѣка, всего, каковъ онъ есть, и человѣкъ этотъ я самъ, я одинъ. Я чувствую свое сердце, да знаю и людей. Я совсѣмъ не то что̀ тѣ, кого доводилось мнѣ видѣть; смѣю думать, что я не похожъ и ни на одного изъ живущей братіи. Если я и не лучше ихъ, во всякомъ случаѣ я не таковъ. Зазвучи труба послѣдняго суда, когда ей будетъ угодно, я съ этой книгою въ рукѣ явлюсь передъ верховнаго судью и произнесу во всеуслышанье: Вотъ что̀ я дѣлалъ, что̀ я думалъ, чѣмъ я былъ. Я высказалъ и хорошее и дурное равно чистосердечно. Я ни чего не умолчалъ дурнаго, ни чего не прибавилъ хорошаго; и если случалось мнѣ пустить въ ходъ какую-нибудь безразличную прикрасу, то это единственно лишь для пополненія пробѣла или пустоты, порожденныхъ иной разъ безпамятствомъ. Я могъ принять за вѣрное то, о чемъ положительно зналъ, что оно могло быть вѣрно, но никогда не выдавалъ за вѣрное того, что̀ рѣшительно считалъ ложнымъ. Я показалъ себя тѣмъ, чѣмъ я былъ,—презрительнымъ и низкимъ, когда я бывалъ имъ, — добрымъ, великодушнымъ, возвышеннымъ, когда бывалъ такимъ: я раскрылъ всю свою внутренность, какъ ты и самъ видѣлъ ее, Боже Вѣчный. Собери вокругъ меня несчетную толпу сочеловѣковъ; пусть выслушаютъ они мои признанія, пусть пожалѣютъ о моихъ недостоинствахъ, пусть покраснѣютъ за мои гадкія мелкоты. Пусть каждый изъ нихъ обнажитъ съ такой же откровенностью сердце свое у подножія твоего престола, и пусть затѣмъ хоть одинъ изъ нихъ скажетъ, если только дерзнетъ: Я былъ лучше этого человѣка".

Жанъ-Жакъ Руссо̀ (1712—1778) былъ сынъ одного женевскаго часовщика, и работящая, благочестивая, простообычная жизнь въ родномъ его городѣ, торжество, одержанное тамъ надъ знатью народомъ, самоуправленіе государства мірскимъ сходомъ и его выборными, а также образы великихъ людей древности въ жизнеописаніяхъ Плутарха,—вотъ какія впечатлѣнія легли на душу мальчика и подготовили основаніе для позднѣйшаго его воззрѣнія на міръ и для всей его дѣятельности, когда онъ выросъ. Страсть къ похожденіямъ и независимому роду жизни заставляетъ его убѣжать, куда глаза глядятъ, отъ гравёра, къ которому отдали его въ ученье. Онъ случайно попадаетъ къ одной недавно окатоличившейся госпожѣ Варансъ въ Анеси́, и та

принимаетъ его у себя съ условіемъ, чтобы, какъ скоро ему наступитъ 16 лѣтъ, онъ также перешелъ въ католическую вѣру, а между тѣмъ она пристроиваетъ его въ услуженіе къ одной пожилой дамѣ. Проворовавшись тамъ сущей малостью, онъ отводитъ отъ себя подозрѣніе на горничную. Потомъ определяется лакеемъ къ графу Гувону; тотъ замѣчаетъ его способности и даетъ ему случай образоваться; но Руссо проваливается и тутъ, идетъ пѣть подъ окнами зàмковъ и хижинъ, и является къ своей маменькѣ, г-жѣ Варансъ, которая находитъ теперь, что онъ уже довольно подросъ для ея интимныхъ надобностей. Разъ какъ-то вздумалъ-было онъ снискивать свой собственный кусокъ хлѣба въ качествѣ писца или учителя музыки, но скоро воротился опять къ ней на хуторъ, сталъ заниматься втиши, самъ учась латини и математикѣ, философіи и музыкѣ, а на 30-мъ году жизни отправился въ Парижъ. Этотъ геній, носившій лакейскую ливрею, хочетъ теперь пробавляться декламаторствомъ или шахматною игрой, музыкой или нотной копировкой, и находитъ секретарскія мѣстà въ богатыхъ домахъ, сходится съ тогдашними умниками и самъ отваживается на попытки въ стихахъ и прозѣ. На одной прогулкѣ къ Дидрò, сидѣвшему тогда подъ арестомъ въ Венсеннѣ, попалась ему въ руки (1749 г.) задача на премію дижонской академіи: содѣйствовало ли очищенію нравовъ возстановленіе наукъ и искусствъ? „Въ эту минуту,— пишетъ онъ къ Мальзербу, — я почувствовалъ что умъ мой вдругъ облился тысячью свѣтовыхъ лучей, цѣлыя массы живѣйшихъ мыслей возникли во мнѣ съ такой силою и безрядицей, что я пришелъ въ невыразимое смущенье; голова отуманилась у меня какъ въ хмелю, сердце билось такъ сильно, что грудь захолонуло; я не могъ перевести дыханія, когда захотѣлъ идти дальше; я повалился подъ дерево и провелъ тамъ полчаса въ такомъ страшномъ возбужденіи, что когда всталъ, то увидѣлъ что платье измочено у меня слезами, а я и не замѣтилъ, плакалъ ли я или нѣтъ.“ Онъ, сынъ народа, носившій въ сердцѣ идеалъ человѣческаго блага и величія, насмотрѣлся въ Парижѣ на упадокъ нравовъ большого свѣта, на педантство школяровъ, на легкомысленное вольнодумство умниковъ: тутъ онъ внезапно обратился къ себѣ съ вопросомъ, дѣйствительно ли во благо народу служитъ утонченіе въ искусствѣ и наукѣ, дѣйствительно ли прекрасная статуя такъ же цѣнна какъ и доброе дѣло, и вотъ, вмѣсто историческаго изслѣдованія, онъ, лишенный всякаго историческаго чутья, далъ философскій (по тогдашнему) отвѣтъ: Нѣтъ, успѣхи искусствъ и наукъ вообще ни мало не облагородили нравовъ; напротивъ, они повели къ явному ихъ упадку путемъ роскоши, сластолюбія и суетной болтовни; риторы подкапываютъ вѣру, поэты развращаютъ невинность чарующими картинами сладострастія, и на нихъ именно сыплются награды, а человѣку благородному не достается ни чего. У насъ есть всякаго рода ученые и художники, а простого, честнаго гражданина нѣтъ ни одного. Книга эта была смѣсью истинныхъ и ложныхъ мыслей, изложенныхъ съ декламаторскою страстью ослѣпительно-блестящимъ языкомъ. Не вѣрна уже была самая постановка вопроса: тутъ слѣдовало вникнуть во взаимодѣйствіе нравовъ съ образованіемъ, потому что литература выходитъ вѣдь изъ народнаго же духа и характера, дѣйствуя потомъ обратно и на нихъ. Но книга надѣлала страшнаго шуму, Руссò сталъ разомъ знаменитостью; въ немъ чуялась новая совсѣмъ сила, необычайная вполнѣ личность, въ которой такъ и билась

страстью жила народная. Вся досельная литература стояла въ предѣлахъ моды, въ предѣлахъ взглядовъ высшихъ классовъ общества, а противъ нихъ-то и возсталъ теперь Руссо: нападки его были обращены не на одно только насиліе произвола, не на одно только суевѣріе и поповское умоомраченье, онѣ мѣтили и прямо на салоны. Это еще больше выяснилось, когда та же академія задала вопросъ: какъ возникло между людьми неравенство, и основано ли оно на естественномъ законѣ?.. Руссо нарисовалъ сперва картину райски-блаженнаго природнаго состоянія людей, и свою идиллическую грезу противопоставилъ преутонченному и односторонно образованному быту Парижа и Версаля; а затѣмъ продолжалъ: „Первый, кто огородилъ клочекъ земли и дерзнулъ сказать: это моя земля! да нашелъ притомъ людей настолько простоумныхъ, что они ему повѣрили,—онъ подлинно и былъ основателемъ гражданскихъ обществъ. Сколько преступленій, сколько войнъ, сколько ужасовъ и бѣдствій предупредилъ бы тотъ, кто вырвавъ изъ земли колья тына или заровнявъ обводные рвы, сказалъ бы тогда прямо другимъ людямъ: Не слушайте этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плодъ принадлежитъ всѣмъ, а земля ни чья!“ Вмѣстѣ съ земледѣліемъ возникли рабство и бѣдствіе, вмѣстѣ съ собственностью эгоизмъ и корысть, а отсюда произошла война всѣхъ противу всѣхъ. Думали соединиться между собой въ видахъ общей охраны каждому, собрать въ одну общую вершину всѣ силы для блага членовъ, но вершина эта сдѣлалась своекорыстна, насильственна и установила беззаконный произволъ, такъ что гражданское общество рѣшительно обратилось въ зло, и намъ должно воротиться къ естественному быту. Чему Локкъ и Сидней поучали наставнически спокойно, то самое Руссо проповѣдовалъ съ запальчивымъ преувеличеніемъ; онъ поднялъ грозный вопль, раздраженный крикъ скорби бѣдныхъ и гнетомыхъ, книга его была манифестомъ, объявленіемъ войны всему существующему порядку. Самъ онъ хотѣлъ возвести изліянія своихъ чувствъ до убѣдительной послѣдовательности и ясности, поставить естественное образованіе на мѣсто ложнаго, настоящее государство на мѣсто выжиманія большинства для пользы немногихъ. Вотъ къ чему шелъ онъ въ разныхъ сочиненіяхъ. Въ Женевѣ онъ принялъ опять протестантизмъ, на зло парижскимъ литераторамъ отсовѣтовалъ своему родному городу сооруженіе театра и подписывался съ тѣхъ поръ не иначе, какъ: женевскій гражданинъ. Его опера „Сельскій ворожея“ очень понравилась, онъ могъ бы добиться милости двора, но предпочелъ щеголять неимѣніемъ ни какихъ потребностей. Благодаря расположенію г-жи д' Эпинè, онъ нашелъ себѣ въ Монморанси эрмитажъ (уединенный домикъ), гдѣ могъ думать и сочинять на свободѣ, безъ помѣхи; тамъ написалъ онъ одинъ романъ и два научныхъ сочиненія съ тѣмъ чтобы распространить свои идеи въ народѣ вмѣстѣ и художественнымъ изображеніемъ, и путемъ изслѣдованій и доказательствъ. Онъ—человѣкъ чувства, но онъ—сынъ 18-го столѣтія; отъ раціональнаго образованія не отступится онъ никогда: это смѣсь мыслителя и поэта.

Романъ „Новая Элоиза“ (1761 г.) носитъ это имя потому, что Юлія у Руссо, подобно средневѣковой Элоизѣ, является сперва возлюбленной своего учителя, благороднымъ сердцемъ, предназначеннымъ для героизма любви, и начало книги раскрываетъ въ письмахъ любящихся такую глубокую страсть и такимъ мелодически-сердечнымъ языкомъ, какого до тѣхъ поръ еще не

слыхано въ тогдашней Франціи; упованіе и стремленіе другъ къ другу, неодолимая мощь и сладость упоенія во взаимной самоотдачѣ всего себя, въ спокойномъ и блаженномъ потомъ чувствѣ взаимной принадлежности, — всѣ эти ступени и моменты любви съ ихъ мукою и чуднымъ ликованьемъ раскрыты здѣсь въ непосредственномъ изливѣ душъ; а въ изложеніи видна мастерская рука настоящаго поэта. И какой фонъ даютъ прелестные берега Женевскаго озера этой картинѣ сердца, вполнѣ сознательно отражающейся въ природѣ и внемлющей во внѣшнемъ мірѣ отголоску своего собственнаго настроенія; кажется, какъ будто впервые открываются здѣсь человѣчеству глаза на красу пейзажа, открывается и сердце для того мечтательнаго, грезящаго самопогруженія въ таинственную жизнь и мирное затишье лѣсовъ и водъ, горъ и доловъ. Шумъ листвы, шопотъ ручья, дрожащій на волнахъ лучъ вечерняго солнца, все какъ будто не чуждо намъ, не внѣ насъ, а прямо откровеніе души міра душѣ человѣческой. Но потомъ Юлія даетъ склонить себя отцу выйдти за такого человѣка, котораго она уважаетъ, не любя его; она, въ искупленіе вины своей и какъ эпитимью, беретъ на себя обязанность быть ему вѣрною, заботливою хозяйкой, остаться ею даже и тогда, когда милый первой юности возвращается опять подъ ихъ кровлю; и Руссо проповѣдуетъ теперь, ненарушимую святость брака, послѣ того какъ самъ же онъ возвѣщалъ безпредубѣжденное право сердца и свободной вполнѣ любви; жаль только что любовь и бракъ разошлись тутъ врознь, вмѣсто того чтобъ быть нераздѣльными! Онъ рисуетъ идиллію домашней жизни съ тихимъ ея счастіемъ въ ежедневныхъ мелкихъ заботахъ и радостяхъ такъ же мило, какъ и пластически-наглядно, онъ показываетъ намъ Аркадію тутъ, середи насъ. Къ этому привходятъ письма, цѣлыя иногда разсужденія, разсматривающія то итальянскую музыку, то англійское садоводство въ различіи отъ французскихъ, то естественное воспитаніе въ противоположность модному, парижскіе нравы въ противоположность простой нравственности. Поучительно-прозаическій элементъ соприкасается здѣсь съ поэтическимъ изложеніемъ; но что всѣ эти вопросы разбирались въ романѣ, который каждый тогда прочелъ,—вотъ что было рѣшительно важно для всей европейской культуры, для преобразованія и жизни, и сердечныхъ чувствъ. Съ Юліей вступаетъ въ литературу „прекрасная душа"; она довѣряется благородству своей природы, ея чувство само собою ведетъ ее на настоящій путь, одно только доброе и истинное способно ее счастливить, она не нуждается въ стѣсненіи ни какими ровно правилами, не нуждается и въ формулахъ вѣры, при одушевляющей ее собственной богоприсности. Новая Элоиза Руссо стоитъ въ серединѣ между ричардсоновой Клариссой и Вертеромъ Гёте; Руссо писалъ изъ глубины души, онъ можно-сказать жилъ въ своемъ сюжетѣ, въ своихъ фигурахъ, но у него недоставало полной художественной свободы относительно ихъ; онъ весь въ нихъ изводился, тогда какъ совершенный поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще и паритъ духомъ надъ своими созданьями.

Систематично-политическимъ сочиненіемъ явился его „Общественный договоръ" (1762 г.). Это—провозвѣстіе свободы и равенства, чистѣйшаго демократизма, направленное точно такъ же противъ конституціонной монархіи Монтескьё, какъ и противъ тиранніи. Основаніемъ государства является

здѣсь народъ, и его державная власть есть и должна всегда быть постоянно дѣйственной, какое бы ни далъ онъ себѣ прежде или вновь государственное устройство: народу принадлежитъ никогда не отчуждимое и неотъемлемое право самому располагать собою. Человѣкъ родился свободнымъ и ни кому не уступаетъ своей свободы; онъ только соединяетъ свою силу съ силами другихъ, чтобы создать такимъ образомъ общественную мощь на защиту личности и собственности, на благо всѣмъ; поступаясь частью своей вольной воли, каждый хочетъ и долженъ отъ того выиграть. Каждый гражданинъ есть въ свою очередь носитель той совокупной воли, которая направлена къ общему добру и обезпечиваетъ его законами, которымъ принуждаетъ повиноваться, и имѣетъ право принуждать, такъ какъ всѣ и каждый участвовали въ постановленіи этихъ законовъ. Государство ведетъ беззаконный произволъ къ (правомѣрной) свободѣ; природное неравенство умовъ и способностей должно оно смягчать равноправіемъ и равною заботой о благоденствіи гражданъ, такъ чтобы всѣ имѣли сколько-нибудь достоянія, и ни одинъ не имѣлъ его слишкомъ много.

Не льзя ни кому передать своей воли, можно передавать только свою власть; оттого народъ всегда остается державцемъ, какое бы не учредилъ онъ у себя правительство. Поэтому Руссо не довольствуется парламентами, а требуетъ рѣшающихъ дѣло народныхъ собраній; выборнымъ, говоритъ онъ, поручается одно предварительное обсужденіе, а народный приговоръ устанавливаетъ конституцію, утверждаетъ законы, рѣшаетъ окончательно всѣ важныя дѣла. Правительственныя лица суть исполнительные сановники; они не владыки, а слуги государства. Простѣйшею формою послѣдняго у способныхъ и дѣльныхъ людей была бы конечно демократія; но для людей, каковы они теперь, всего лучше, кажется, выборная аристократія; преимущество монархіи заключается въ прочности и силѣ единой надо всѣмъ вершины, но она зато соединена и съ опасностью, чтобы государь не поставилъ своей личной выгоды на мѣсто общественнаго блага. Каждый государственный строй обусловленъ особенностью и образованіемъ народа и времени. Народныя собранія или сходки, какихъ требуетъ Руссо, предполагаютъ конечно, мелкія или союзныя государства; но такія именно ему и по душѣ; онъ прямо указываетъ на греческіе города, на Швейцарію и Голландію; онъ нашелъ бы и Сѣверную Америку подходящею къ его программѣ. Народное собраніе заявляетъ о томъ, хочетъ ли оно остаться при прежнемъ уложеніи, или въ немъ что-либо измѣнить. Оно рѣшаетъ большинствомъ голосовъ, заступающимъ теперь мѣсто общаго согласія: вѣдь кому не нравятся постановленія большинства, тотъ воленъ удалиться изъ союза. Руссо считаетъ религію потребною для того, чтобы гражданинъ несъ свои обязанности съ любовью; вѣра въ Бога, упованіе на вѣчную жизнь кажутся ему совершенно необходимыми, и отрицающаго ихъ должно изгонять, какъ ненадежнаго въ гражданскомъ союзѣ; впрочемъ каждый властенъ держаться того вѣроисповѣданія, къ какому лежитъ у него душа. Женевское уложеніе и политическія теоріи Мильтона и Локка приняты въ основу государственныхъ ученій Руссо; но онъ заходитъ въ своихъ слѣдствіяхъ далѣе, онъ упраздняетъ все расчлененіе общества въ его составѣ, всѣ личныя и имущественныя въ немъ различія, онъ смѣшиваетъ разумную всеобщность воли съ грубою и случайною

поголовщиной или большинствомъ рѣшающихъ голосовъ, онъ знаетъ одну только совокупную наличную массу и ставитъ временныя (иногда минутныя) ея рѣшенія на мѣсто историческаго развитія, совершающагося (вѣками) черезъ посредство великихъ подлинно дѣятелей, и на мѣсто нравственныхъ идей, присущихъ организаціи человѣчества и служащихъ ему путеводными звѣздами; по его мысли, свобода не что иное, какъ деспотизмъ массъ. Руссо былъ тѣхъ убѣжденій, что не стоитъ крови то, что приходится покупать кровью; онъ хотѣлъ отнюдь не разрушенія, а только отстройки зданія; его одушевляла пламенная любовь къ человѣчеству и къ свободѣ; но тогдашній общественный бытъ былъ испорченъ до крайности, и вотъ книга его, сборникъ короткихъ и повелительныхъ положеній, стала катехизисомъ французской революціи.

Самъ же онъ думалъ достичь лучшаго времени лучшимъ воспитаньемъ, идя и здѣсь самостоятельно впередъ, хотя и по пути, указанному обоими предшественниками его въ Англіи. Его „Эмиль" соединяетъ въ себѣ теоретическое изслѣдованіе съ нагляднымъ повѣствовательнымъ изложеньемъ; тѣсное сочетаніе романа съ учебникомъ было формою, самою подходящею дла таланта Руссо, да и самою увлекательною для его публики. И здѣсь проповѣдываетъ онъ возвратъ къ природѣ, и здѣсь смѣшиваетъ изначально существенное съ непосредственнымъ *; онъ мечтательно вноситъ въ свой естественный бытъ все нажитое образованіе, всю цивилизацію, вмѣсто того чтобы взять его только за исходный пунктъ, и цѣлью историческаго развитія, благомъ лежащимъ далеко впереди, признать то, что должно совершиться въ гармоническомъ образованіи и путемъ соотвѣтственной природѣ культуры. „Все хорошо такъ, какъ оно вышло изъ рукъ виновника всего сущаго, все вырождается подъ руками человѣка", — этимъ положеніемъ начинаетъ Руссо; какъ человѣкъ искажаетъ свою собаку и свою лошадь и прививаетъ одному дереву плоды другого, такъ точно онъ исказилъ образованіемъ, задушилъ формулами и свое собственное существо. Избавиться отъ этого можно только однимъ,—воспитывая дѣтей опять сообразно природѣ; пусть учатся они смотрѣть своими собственными глазами, чувствовать своимъ собственнымъ сердцемъ, не управляться ни какой властью на землѣ, кромѣ своего разума. Руссо внушаетъ матерямъ кормить дѣтей собственною своей грудью и самимъ руководить первоначальнымъ ихъ воспитаніемъ, такъ какъ особенно важны первыя впечатлѣнія на только что просыпающуюся, мягкую какъ воскъ душу. Потомъ всякое ученье непремѣнно должно будить самодѣятельность, а потому не представлять ни чего чуждаго, непонятнаго, а напротивъ идти отъ ближайшей обстановки и опираться на чувственно-свѣжую наглядность. Тѣло надо развивать безъ стёганыхъ шапочекъ и безъ всякихъ ночныхъ колпаковъ, имѣя въ виду здоровую его силу, которая сама умѣла бы помочь себѣ; на всякій случай и для наторѣнія въ тѣлесной ловкости, каждому слѣдуетъ вполнѣ обучиться какому-нибудь ремеслу. У ребенка надо пробудить охоту и потребность къ грамотѣ, надо сократовскимъ

* Какъ зачастую бываетъ у людей боящихся, какъ огня, строгой критики и систематики въ мысляхъ. Прим. перев.

способомъ больше извлекать изъ него самого, нежели въ него втискивать, надобно, чтобы онъ какъ можно болѣе находилъ самъ. Дѣло въ частности не обходится безъ странныхъ и искусственныхъ пріемовъ, тѣмъ не менѣе Руссо́ дѣйствительно взлелѣялъ и семейный духъ и смыслъ къ дѣтскому возросту; на мѣсто дрессировки и затверживанья наизустъ онъ дѣйствительно возстановилъ въ правахъ жизнь и самодѣятельность. Взрослымъ молодымъ людямъ совѣтуетъ онъ хранить чистоту и, не расточая чувственнаго огня, посвящать его нравственному энтузіазму. Все это принесло хорошіе плоды. Особенно воспользовалась тутъ Германія. Базедовъ, практическая личность, одаренная той степенью назойливости и шарлатанства, какая обыкновенно нужна для быстраго выполненія предпринятаго дѣла, учредилъ воспитательное заведеніе по теоріи Руссо́; дѣти у него одѣвались удобно и легко, ѣли простую пищу, скорѣе закаливались, чѣмъ нѣжились; въ нихъ не подавляли природныхъ наклонностей, а только старались ихъ направить; мертвая зубрячка была замѣнена живой наглядностью; но при этомъ конечно полезному и пригодному отдано предпочтеніе передъ тѣмъ, что̀ способствуетъ идеальному образованью. Къ этому примкнули сочиненія для молодежи Кампе, Вейсовъ „Другъ дѣтей", писанные на манеръ англійскаго „Зрителя", всего же болѣе примкнула дѣятельность Песталоцци. Если послѣдній и называлъ Эмиля сонникомъ, его юношеское одушевленіе все-таки нашло себѣ въ немъ обильнѣйшую пищу; будучи истинно народнымъ человѣкомъ, онъ и въ школѣ сдѣлался преобразователемъ народнаго обученія, основавъ его на наглядныхъ урокахъ; потомъ въ своемъ „Лингартѣ и Гертрудѣ" описалъ, какую благодать распространяетъ въ жалкой деревушкѣ одно дѣльное, хорошее домохозяйство. Подъ его руководствомъ или по его примѣру образовалось много превосходныхъ педагоговъ. Гёте называлъ Эмиля Руссо́ естественнымъ благовѣстіемъ воспитанія, и не безъ оглядокъ на него устроена педагогическая провинція въ „Годахъ странствованія" его Вильгельма Мейстера.

Эмиль поднимаетъ взоръ надъ всѣмъ земнымъ и чувственнымъ; онъ приходитъ къ благочестивому созерцанію природы и выслушиваетъ потомъ исповѣдь вѣры одного савоярдскаго подсвященника (vicaire). Здѣсь сердце съ своими потребностями и правами выступаетъ какъ противъ матерьялистовъ, такъ и противъ буквослуженія, противъ одной чистой лишь обрядности; религіозность зиждется на чувствѣ, а чувству дается ясное понятіе о немъ самомъ; вѣра—дѣло сердца, и этимъ преодолѣны всѣ ухищренныя тонкости сомнѣвающагося ума. Весь этотъ отдѣлъ принадлежитъ къ самымъ теплымъ и благороднымъ вещамъ, когда-либо написаннымъ по-французски, и заслуживаетъ стать обокъ съ кантовой критикой практическаго разума и его Вѣроученіемъ, какъ дополненіе къ нимъ со стороны сердца. Руссо́ начинаетъ взглядомъ человѣка на самого себя. Мы, конечно, знаемъ только о себѣ самихъ и объ ощущаемыхъ нами предметахъ; будь послѣдніе не чѣмъ инымъ, какъ нашими только представленьями, они и тогда были бы различны отъ нашей субъективности какъ нѣчто (предстающее ей) объективное. Мы болѣе чѣмъ совокупность нашихъ чувственныхъ впечатлѣній, потомучто мы ихъ сверхъ-того еще сравниваемъ и обсуждаемъ, относимся къ нимъ стало-быть не только страдательно, но и самодѣятельно. Какъ мы всилу своей воли выполняемъ движеніе рукой, такъ воля же есть и начало всякаго движенія въ

природѣ, и начало притомъ мыслящее, разумное, такъ какъ взаимное соотвѣтствіе всего разнообразнаго, полный цѣлей порядокъ вселенной такъ же не могутъ быть объяснены изъ неразумной основы или изъ случайности, какъ Энеиды не льзя объяснить тѣмъ, что она набросана изъ литеръ наборнаго станка какою-то слѣпою силой. Вѣчна ли, или сотворена матерія, ею во всякомъ случаѣ управляетъ духъ и воля; я вижу Бога въ его созданіяхъ, я чувствую его въ себѣ и надо мной. Я могу постичь красоту и доблесть, могу любить и дѣлать добро, и чтобы я послѣ этого приравнялъ себя къ животнымъ, которыя не дивятся даже солнцу, не употребляютъ на пользу себѣ даже и огня? Совѣсть въ душѣ—то же самое, что̀ инстинктъ въ тѣлѣ; законъ добра врѣзанъ въ сердце намъ неизгладимыми чертами. Мы чувствуемъ себя отвѣтственными передъ нимъ, мы судимъ по немъ другихъ, осуждаемъ и самихъ себя, когда его преступимъ; борьба съ чувственностью, порабощающею насъ страстямъ, высшее начало, стремящее насъ посверхъ чувственнаго къ самоотверженной доблести, къ изслѣдованію истины,—вотъ порука намъ за свободу нашего духа, который стоитъ выше матеріи и самъ себѣ господинъ. Или ужь развѣ допустить, что безкорыстное удивленіе великимъ подвигамъ, веледушная любовь къ благороднымъ характерамъ идутъ прямо изъ вещества и безсознательныхъ его атомовъ? Отымите у насъ эту радость красотой, и жизнь утратитъ все свое очарованіе; останутся только душевные трупы, ограничивающіеся своими себялюбивыми интересами. Правда, что при всей гармоніи въ природѣ человѣчество представляетъ намъ картину бѣдствій и смутъ. Но не премудрый и благой Богъ источникъ зла на земномъ шарѣ: оно выходитъ изъ злоупотребленія нашими способностями, нашею свободой. Будь справедливъ, и будешь счастливъ. Развѣ не требуемъ мы себѣ вѣнца до побѣды, награды до свершенія труда? Слава доблести, свидѣтельство, что мы сто̀имъ благополучія, если мы и сможемъ ихъ себѣ дать,—это вѣдь только приправа къ истинному счастью. Но если праведный въ этомъ мірѣ терпитъ утѣсненіе, а злостный торжествуетъ, то это явный разладъ въ общей гармоніи, требующій себя разрѣшенья и служащій намъ порукою за будущую жизнь, гдѣ наша душа, болѣе свободная отъ внѣшностей, будетъ безпримѣсно ощущать горькую скорбь самоуниженія или отраду добросовѣстности и правды. Всякое страданіе очищаетъ и ведетъ къ добру. Я чувствую себя созданіемъ и орудіемъ великаго существа, хотящаго одѣйствотворить добро своею и моею вмѣстѣ силою: да будетъ его воля! Примыкая къ нему свою и дѣлая то, что оно дѣлаетъ, я успокоиваюсь въ его благости и пріобщаюсь его блаженству.

Такъ благородный этотъ священникъ исповѣдываетъ теизмъ естественной религіи, который завзятые попы готовы смѣшать съ атеизмомъ и съ безвѣріемъ. Величайшія идеи о Богѣ, говоритъ онъ, идутъ прямо изъ разума, внимающаго внутреннему голосу сердца и созерцающаго природу. А положительные вѣроуставы прибавили къ этому непостижимыя мистеріи и нелѣпыя противорѣчія, принесли съ собою на мѣсто мира огонь и мечъ. Богъ требуетъ служенія ему сердцемъ, а не внѣшними тѣлодвиженіями и обрядами; онъ хочетъ поклоненія ему въ духѣ и истинѣ. Богъ, которому я поклоняюсь, продолжаетъ онъ, не есть Богъ тьмы, Богъ умопомраченія, онъ не хочетъ отъ меня отдачи моего разума въ плѣнъ немыслимому, онъ не наси-

луетъ ума, а только его просвѣтляетъ. Въ Евангеліи Іисуса Христа слышимъ мы голосъ самого человѣчества. Что за кротость и чистота въ его нравахъ! что за трогательная прелесть въ его поученіяхъ! что за глубокая мудрость и возвышенность въ его правилахъ! Совершенно непостижимо, чтобы многіе люди вмѣстѣ смогли измыслить что-нибудь подобное, безъ того чтобы извѣстная личность такъ именно не помышляла и не жила. Стань же крѣпко на эту основу вѣчныхъ истинъ. Будь искрененъ къ самому себѣ. Вѣрь, что праведное сердце—настоящій храмъ божій, и что существо закона—любить Бога выше всего въ мірѣ, а ближняго какъ самого себя. Но убѣгай тѣхъ, кто топчетъ ногами все священное для человѣчества, кто лишаетъ скорбящихъ послѣдняго утѣшенія, а со страстей сильныхъ и богатыхъ готовъ снять послѣднюю узду. Оставайся непоколебимо на пути правды, и не покидай его никогда изъ суетности или слабости. Смѣло исповѣдуй Бога среди философовъ, смѣло проповѣдуй человѣчность изувѣрамъ гонителямъ. Ты, пожалуй, будешь одинокъ. Но любятъ тебя или ненавидятъ, читаютъ или презираютъ твои сочиненія, что тебѣ за дѣло? Говори и дѣлай правду; надо, чтобы человѣкъ забылъ самого себя и исполнялъ свой долгъ. Насъ обманываетъ себялюбіе, а не упованіе на силу правды.

Это одинаково раздражило, съ одной стороны—духовенство, съ другой скептиковъ и матерьялистовъ. Вольтеръ выбранилъ Руссо Іудою вольномысленнаго просвѣщенія, а парижскій архіепископъ издалъ противъ Эмиля пастырское посланіе, и книга тотчасъ же была сожжена рукою палача; автору пришлось бѣжать изъ Франціи. Но всего хуже было то, что онъ не смогъ убѣжать самого себя; человѣкъ чувства, и въ хорошемъ, и въ дурномъ смыслѣ слова, человѣкъ знавшій только свои склонности и капризы, но не хотѣвшій знать обязанностей, и носившій въ своемъ сердцѣ и въ своихъ фантазіяхъ совсѣмъ не тотъ міръ, какой представляла дѣйствительность, онъ все чаще сталкивался съ послѣднею и все громче порицалъ не самого себя, а ее, когда объ нее ушибался; такъ разсорился онъ теперь съ графиней д'Удето (d'Houdetot) и съ г-жею д'Эпинè, съ Дидро и съ Гриммомъ; „кто не восторгается мной, тотъ меня не достоинъ“ сдѣлалось его лозунгомъ, и такимъ образомъ онъ больше и больше погружался въ раздумчивое одиночество, въ меланхолію, въ подозрительность и раздраженье. Необходимость бѣжать подѣйствовала на него возбудительно; Фридрихъ Великій далъ ему пріютъ въ Нёшателѣ, и тамъ онъ написалъ истинно классическія вещицы —„Письмо къ архіепископу“ и „Письма съ горы“ касательно женевскихъ дѣлъ, по поводу того что Малый Совѣтъ этого кантона заявилъ себя противникомъ Руссо. Шлоссеръ совершенно правъ, приравнивая эти письма къ англійскимъ письмамъ Юнія и къ летучимъ лесткамъ Лессинга противъ Гёце, какъ мастерскимъ произведеніямъ полемики. Подобно Лессингу, и Руссо хочетъ ужь лучше сдѣлаться католикомъ, если лютеранское и кальвинистское правовѣріе станетъ отнимать у протестантовъ право свободнаго изслѣдованія; подобно Лессингу, и онъ видитъ во внутренней правдѣ доказательство божественнаго откровенія въ лицѣ Іисуса Христа. Не смотря на то, духовенство успѣло натравить на него простой народъ, и онъ удалился отъ преслѣдованій на Петровскій островъ Билерскаго озера. Но и оттуда, гдѣ онъ наслаждался природой и спо-

койствіемъ, выгнало его правительство Бернскаго кантона. Англичанинъ Юмъ пригласилъ его къ себѣ, но это были двѣ дотого разнородныя между собой личности, что не могли долго ужиться вмѣстѣ. Въ Англіи началъ онъ писать свои „Признанія", и докончилъ ихъ въ Парижѣ, послѣ тревожнаго скитанія во французскихъ предѣлахъ, при чемъ нужда и горе чуть не довели его до сумасшествія. Маркизъ де-Жирарденъ пріютилъ его у себя въ Эрменонвилѣ; тамъ онъ какъ будто бы вздохнулъ свободнѣе подъ зеленью деревъ, но это была послѣдняя вспышка угасающаго свѣточа. Однажды поутру нашли его у отвореннаго окна мертвымъ.

Его „Признанія" напоминаютъ намъ исповѣдь блаженнаго Августина въ христіанской древности и записки Кардана въ эпоху Возрожденія. И Карданъ и Руссо оба одинаково правдивы, но первый гораздо безпредубѣжденнѣе, а второй очевидно старается выгородить себя и прикрасить; и тогда какъ Отецъ Церкви осуждаетъ съ высшей точки зрѣнія заблужденія своей юности, Руссо и подъ-старость остается все тѣмъ же чѣмъ онъ былъ. Но онъ выше обоихъ по художническому дарованію, по умѣнью рознять собственное свое сердце, по искусству душевной живописи, обнаруживающей самыя тонкія складки, самые сокровенные уголки души. Съ удивительнымъ очарованіемъ дѣйствуетъ на читателя сила краснорѣчиваго человѣка, дерзающаго высказать все напрямикъ. Его личность стоитъ въ средоточіи всего, какъ личность Гёте въ его „Быляхъ и примыслахъ", но у него нѣтъ яснаго взгляда на жизнь, нѣтъ кроткой справедливости къ окружающей его обстановкѣ. Собственныя жизнеописанія Альфіэри и Манонъ Роланъ (Roland) обусловлены примѣромъ Жанъ-Жака.

Шлоссеръ произнесъ ему строгій приговоръ: „Идея Руссо о любви была въ явномъ противорѣчіи съ его чувственностью, его идеалъ гражданской и домашней жизни вовсе не ладилъ ни съ его внѣшнею обстановкой, ни съ его суетностью и честолюбіемъ: оттого онъ такъ бѣдственно жилъ и такъ злополучно умеръ." Мы лучше готовы сказать вмѣстѣ съ Вильменомъ: „Справедливость и соболѣзнованіе къ генію Руссо!" Самъ Вильменъ, а еще больше Геттнеръ, вѣрно выполнили это изреченіе. Нѣмецкому историку литературы 18-го вѣка слѣдовало бы только посильнѣе выдвинуть впередъ мыслительность Руссо; онъ говоритъ объ немъ слѣдующее: „То внутреннее единство, которое было общимъ корнемъ его вины и его величія, тутъ явно налицо. Историческое значеніе Жанъ-Жака было то, что онъ спасъ отъ гибели идеализмъ сердца и неотъемлемыя права его поставилъ основой и мѣриломъ всякаго образованія и порядка. Но идеализмъ этотъ у него еще не вполнѣ ясенъ, какъ при первомъ пробужденіи отъ сна; онъ знаетъ только одного себя, а все встрѣчное ему считаетъ ничтожнымъ и достойнымъ уничтоженія; съ какой то судорожной робостью прячется онъ отъ суровой дѣйствительности; съ глубокимъ правомъ внутренняго чувства и свободы не умѣетъ онъ сочетать необходимости нравственнаго самоограниченія. Въ возвышеніи, но зато и въ крайней опрометчивости сердечной стороны, характеръ его пріобрѣтаетъ типичное всемірноисторическое значеніе; вся жизнь его становится исторіей болѣзни чрезмѣрной чувствительности, не ставящей законовъ дѣйствительнаго міра ни во что." У Руссо можемъ

мы ясно видѣть, до чего несходною является одна и та же личность въ своей слабости и въ своемъ величіи,—въ слабости, когда въ ней преобладаетъ одно лишь своекорыстное, земное,—въ величіи, когда она служитъ органомъ высшему духу, и самою своей особенностью открываетъ намъ какую-нибудь идею. Мы не нарадуемся въ Руссо проторженію затертой совсѣмъ природы и забытаго внутренняго чувства, когда онъ говоритъ сердечнымъ языкомъ, когда обнаруживаетъ глубокое пониманіе природы, любовно погружается въ ея объятія и открываетъ современникамъ глаза на ея красоту; мы не нарадуемся его вольной, поэтически-бродячей охотѣ къ похожденіямъ, когда онъ былъ молодъ, въ противоположность непосѣдной тревогѣ старческихъ его лѣтъ, мы ясно видимъ въ его самообразованіи и страсти къ уединенію условіе его свободы отъ школьныхъ и партейныхъ предразсудковъ, а въ его благозвучной прозѣ и въ его любви къ музыкѣ самую тѣсную связь съ духомъ его вѣка. Но мы такъ же ясно видимъ и то, дочего нѣжитъ и балуетъ онъ свое сердце, какъ поблажаетъ ему зря во всемъ, и какъ онъ отравляетъ себѣ этимъ собственное существованіе; мы видимъ, какъ одна суетность нудитъ его выставить себя героемъ романа. Онъ глубоко уважалъ Тасса, и самъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ стихахъ освобожденнаго Іерусалима нашелъ предсказаніе судьбы своей:

Я страшенъ самъ себѣ, и вѣчно
Бѣжать себя мнѣ суждено,—
Бѣжать и быть съ собой, конечно.....

Подобно Тассу пережилъ онъ весь трагизмъ единовластной силы сердца и воображенія, — силы, не сдерживаемой ни нравственною оглядкой, ни ясной разумностью. Какъ счастливъ былъ Гёте, что могъ освободиться отъ горечи этого настроенія самообузданіемъ своей воли и художническимъ изливомъ раздраженныхъ чувствъ своихъ въ Вертерѣ и въ Тассѣ! Если онъ вступилъ въ дружескій союзъ съ Шиллеромъ, то оба они обязаны этимъ не одному только поэтическому ихъ дарованію; это былъ вмѣстѣ и нравственный подвигъ, свидѣтельствующій, кромѣ гармоническаго образованія этихъ людей, также и въ пользу ихъ разумной человѣчности; тогда какъ, напротивъ, человѣкъ чувства, Руссо, и человѣкъ разсудка, Вольтеръ, при встрѣчѣ непріязненно оттолкнули другъ друга. „Я ненавижу васъ, но какъ человѣкъ еще достойный васъ любить, еслибы вы того захотѣли", писалъ однажды къ Вольтеру Жанъ-Жакъ, а тотъ назвалъ его за это архишутомъ, изъ котораго могло бы выйдти кое-что путное, дай онъ только руководить собой другимъ; онъ называлъ его также ублюдкомъ діогеновскаго пса, лающимъ изъ своей прогнившей бочки, а въ маленькомъ комическомъ эпосѣ по поводу женевскихъ сваръ, начавшихся вслѣдъ за появленіемъ Эмиля, онъ насмѣхался надъ его авторомъ, какъ надъ „чучеломъ, смётаннымъ кой-какъ изъ самомнѣнія, неблагодарности и непостоянства." Но французскій языкъ, превратившійся было у Вольтера исключительно лишь въ разсудочность и въ прозу, опять пріобрѣлъ подъ перомъ Руссо поэтическій блескъ и свѣжесть сердечности; да и вліяніе его на потомство было сильнѣе, тогда какъ Вольтеръ гораздо больше нравился современникамъ. Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ называлъ Руссо добрымъ, а Вольтера—

злымъ геніемъ своего вѣка, но по правдѣ, каждый изъ нихъ былъ отчасти и тѣмъ о другимъ. Мирабо̀, Верньіо, Сенъ-Жюстъ, не только какъ ораторы, но первый также и въ своихъ любовныхъ „Письмахъ къ Софіи", находились подъ вліяніемъ Руссо̀; нѣмецкая литература, начиная съ Гердера, въ свою очередь обнаруживаетъ вездѣ идущій отъ него могучій толчокъ, и не совершенно ли поруссо̀вски выдвигаетъ впередъ Байронъ свое *я* съ его величіемъ и невольно-грустнымъ настроеньемъ? О Сенъ-Пьерѣ скажемъ мы тутъ кстати нѣсколько словъ. Море заманило его сперва въ Америку, а потомъ среди шума революціи и войны, онъ велъ тихую жизнь, мечтая о счастливыхъ островахъ, которые въ дали отъ европейской цивилизаціи наслаждаются тѣмъ естественнымъ бытомъ, какой проповѣдовалъ Руссо̀; особенно въ „Павлѣ и Виргиніи" изобразилъ онъ тропическій лѣсъ горячимъ и свѣжимъ колоритомъ. Любовь двоихъ дѣтей прерывается у него тѣмъ, что Виргинія изъ-подъ тѣни первобытнаго лѣса уѣзжаетъ въ Парижъ къ одной родственницѣ; мы ощущаемъ съ нею вмѣстѣ тоску по отчизнѣ, мы грустимъ на ранней могилѣ ея, когда, бѣжавъ наконецъ домой, она потерпѣла крушеніе у родного берега и, цѣломудренно стыдливая, лучше рѣшилась погибнуть нежели раздѣться до нага. Въ индѣйской хижинѣ, у отшельника Паріи, странствующій герой находитъ ту мудрость, которой тщетно искалъ онъ у брамановъ: только простое сердце, говоритъ онъ, становится сопричастнымъ истинѣ, она жива въ одной лишь природѣ, и только добрымъ людямъ должно ее сообщать. Впослѣдствіи шатобріановы картины дикихъ и его эстетически-чувствительный взглядъ на христіанскую религію, элегическія думы Ламартина, гнѣвное ревнительство Ламеннѐ,—все носитъ на себѣ слѣды руссо̀вскаго же духа, и величайшая писательница новой Франціи, Жоржъ Сандъ,—прямо ученица его и въ своихъ романахъ, и въ своихъ признаніяхъ, и въ апостольскомъ стремленіи своего сердца къ общенародному добру.

Бурно-рьяный періодъ въ Германіи. Гердеръ.

Гёте передаетъ намъ, какъ, во время страсбургскаго его студенчества, ему и его друзьямъ показалась сѣра, неповадна и мертвенна появившаяся тогда Гольбахова „Система природы": они отступили передъ ней съ невольнымъ ужасомъ, словно передъ какимъ нибудь привидѣньемъ. Если авторъ увѣрялъ, что онъ, какъ отжившій старецъ, хочетъ повѣдать истину, то они смѣялись этому, думая про себя, что старость рѣдко вѣдь умѣетъ цѣнить то, что̀ именно есть милѣйшаго на свѣтѣ, и такимъ образомъ книга пришлась имъ не по душѣ, какъ квинтесенція старческой брюзгливости. Она все обращала во внѣшнюю механическую необходимость, а слово свобода звучало такъ неодолимо прекрасно въ ихъ ушахъ! Тутъ состарѣвшейся Франціи противустала молодая германская свѣжесть; чего недоставало тамъ, того здѣсь было еще вдоволь, то-есть настоящей поэзіи, которой струя и забила теперь радостно ключомъ, не выжидая себѣ предварительно разсудочнаго оправданья. Нація была еще молода сама, а потому юноши смѣло могли молвить за нее слово, увлекая ее вначалѣ своимъ неудержно-кипучимъ стрем-

леніемъ, а потомъ въ дальнѣйшемъ развитіи, научая ее точно такъ же ясности и мѣрѣ. Дòма не было у нихъ готовыхъ образцовъ, предлагаемое ими было въ самомъ дѣлѣ ново, пришлось многимъ по душѣ и цѣнилось не по какимъ либо унаслѣдованнымъ мѣриламъ, а чисто по производимому имъ впечатлѣнью. Здѣсь громко отдался краснорѣчивый зовъ Руссò къ природѣ, и здѣсь общимъ лозунгомъ стало первичное, инстинктивное, непосредственное; производящимъ, творческимъ, геніальнымъ явилось не заученное, а именно то, чтò прирожденò. „Когда дойду я до того, чтобъ истребить въ себѣ все, чтò я вытвердилъ, и самому изобрѣсти все, чтò я думаю и чему вѣрю!“ занесъ однажды Гердеръ въ свой дневникъ, и прислушивался къ звукамъ народной поэзіи въ старинныхъ англійскихъ пѣсняхъ, которыя собралъ тогда Пѐрси и, какъ настоящіе отголоски наивной природы, пустилъ въ ходъ среди оссіановскихъ туманныхъ тѣней, витающихъ пò степи въ лунномъ свѣтѣ. Макферсонъ, какъ мы уже замѣтили при изображеніи кельтійства (III, 311), привилъ свое собственное меланхолическое раздумье и сентиментальное чувство природы къ преданьямъ старины; тѣ отголоски Гомера, псалмовъ и пророковъ израильскихъ, которыми онъ дополнилъ эти преданія, были тогда приняты за доказательство того, что истинная поэзія повсюду является въ одномъ видѣ; да и расплывчатый рисунокъ, при мрачно-огненномъ колоритѣ и настроеніи, такъ же близко отвѣчалъ мечтательно-юношескому чувству, какъ и отсутствіе миѳологіи приходилось по душѣ вѣку вольномысленнаго просвѣщенья. Вотъ какимъ образомъ и вышло то, что не смотря на прямое вліяніе со стороны Англіи и Франціи, здѣсь рѣшительно проторгалась нѣмецкая своеобразность.

Изо всѣхъ на свѣтѣ богатствъ нѣтъ дороже вполнѣ принадлежащаго намъ сердца, а такихъ сердецъ на многія тысячи насчитаешь развѣ какія-нибудь два, говорилъ, плачась на такую скудость, Гёте; зато эти два рѣдкія сердца и были живительнымъ ключомъ въ мертвенной степи того времени. Но чувству было еще очень тѣсно въ данныхъ бытовыхъ условіяхъ. „Пылкую фантазію обдаетъ холодная какъ ледъ вода, васъ встрѣчаютъ отвратительный опытъ, гнусныя людскія образины, въ то самое время, когда вамъ хочется обнять своей любовью всѣхъ и все!“ вопіетъ Клингеръ съ негодованіемъ; „къ чему, подхватываетъ Гёте, это отрадное оживленіе моихъ зарождающихся идей, глохнущихъ и замирающихъ средь людской немощи?“ Непосредственно-своеобразный взглядъ на природу и основанный на немъ способъ дѣятельности,—вотъ чтò казалось желательнымъ для всѣхъ; думали найдти въ себѣ самихъ довольно матерьяла и содержанія, быть вмѣстѣ Фàустомъ и Промеѳеемъ при неудовлетворенности міромъ и наукою, при жаждѣ безконечнаго, при радостной охотѣ творить и создавать. Міровая скорбь происходила здѣсь не отъ пресыщенія или разочарованья, какъ послѣ французской революціи; чувство неудовлетворенности было полнымъ чаяній порывомъ къ будущему совершенству жизни, къ гармоніи духа съ природою. Пусть какой-нибудь Кнебель разнѣживается передъ стебелькомъ травы, пусть женская „прекрасная душа“, Лила фонъ-Зиглеръ, вынуждаетъ своихъ любовниковъ завидовать долѣ того ягненка, котораго она водитъ за собой на розовой ленточкѣ,—эта млѣющая сантиментальность, съ которою мы ознакомились еще у Виланда, уступаетъ теперь мѣсто страстной жалобѣ и упорной, могучей борьбѣ.

Любить, ненавидѣть, бояться, трепетать, надѣяться, отчаиваться до мозга костей,
Все это можетъ отравить жизнь, но безъ этого она была бы дрянь.

Такъ поетъ Ленцъ, а живописецъ (и поэтъ) Мюллеръ хочетъ написать такого Фауста, изъ котораго бы ревомъ ревѣлъ левъ ненасытности, который явился бы совершенно цѣльнымъ молодцомъ середи продувшагося вконецъ людского рода. Всякій хочетъ быть своеобразнымъ и выдвинуть эту мысль рѣшительно впередъ; одни теряются при томъ въ пустыхъ затѣяхъ, но за то другіе дѣйствительно вырабатываютъ свою особенность и ведутъ націю къ умѣнью понять всякое разнообразіе временъ и странъ; одни становятся несчастны своимъ славолюбіемъ, потому что они слишкомъ слабы, другіе, напротивъ, достигаютъ подлинной высоты.

Гётевы Вертеръ и Фáустъ—два геніальныхъ изображенія крайне замечтавшагося чувства и крайне самонадѣяннаго ума; но вѣдь даже и Фридрихъ Генрихъ Якоби писалъ къ Фихте: „Я—тотъ атеистъ и безбожникъ, который готовъ лгать передъ ничего не хотящей волею, какъ лгала умирающая Десдемона, готовъ лгать и обманывать, какъ выдающій себя за Ореста Пиладъ, готовъ убить какъ Тимолеонъ, нарушить присягу и законъ подобно Эпаминонду и Іоанну де-Витту, готовъ рѣшиться на самоубійство какъ римскій (императоръ) Отонъ, рѣшиться на похищеніе изъ храма подобно царю Давиду, готовъ даже вырывать колосья въ субботу хотя бы только изъ-за одного голода и въ виду того, что не ради закона существуетъ человѣкъ, а законъ ради человѣка. Я такой именно безбожникъ, и смѣюсь надъ той философіей, которая назоветъ меня за это безбожнымъ, смѣюсь надъ ней и надъ высшимъ ея существомъ: потомучто съ присущею мнѣ святою увѣренностью я знаю, что право миловать за такія преступленія противъ одной лишь буквы всеобщаго закона и есть подлинное право человѣческаго Величества, печать достоинства его, печать его божественной природы". Шиллеръ примѣнилъ то же самое къ политикѣ: „Законъ не произвелъ еще ни одного великаго человѣка, а свободою выводятся на свѣтъ и колоссы и крайности. Мнѣ противнымъ становится этотъ нашъ чернильный вѣкъ, когда я почитаю о великихъ людяхъ въ своемъ Плутархѣ. Поставьте меня передъ дружиной такихъ молодцовъ, какъ я, и Германія превратится въ республику, противъ которой Римъ и Спарта будутъ чтò ваши женскіе монастыри!" Гердеръ признавалъ, что исторію творятъ не трезвые благоразумцы, а одержимые бѣсомъ, полоумные, что они одни производятъ великія въ мірѣ перемѣны. Когда солнце пробудитъ сѣмячко, оно вдругъ лопается, сосуды наливаются съ неодолимой силой, и, глядишь, оно пробуравило земной слой. Надо создать цѣлый новый міръ привычекъ, а развѣ возможно это помимо страстнаго увлеченія? Свѣтъ нарождается только изъ преодолѣнной тѣни, правда—изъ осиленнаго предубѣжденія; будь человѣческій родъ безстрастенъ, онъ бы и теперь еще лежалъ въ берлогѣ пещерниковъ (троглодитовъ). Та искренность, глубина и ширь, съ какими мы воспринимаемъ, разработываемъ и распространяемъ страсть, именно и дѣлаютъ насъ мелкими или емкими ея сосудами.

Не льзя оспоривать того, что у слабѣйшихъ сравнительно умовъ появились крайняя раздражительность и избалованность до шали, что ни въ жизни, ни въ

поэзіи не нашли они надлежащей мѣры, въ искусствѣ отдались безправильщинѣ, въ поступкахъ потеряли всякую сдержку; за силу шло часто крѣпкое словцо, гонка за оригинальностью вводила въ чудачество и странность; поэзія и мысль заразились тѣмъ особымъ родомъ дури, которая ближе къ помѣшательству, чѣмъ къ глупости; этимъ, по выраженію одного изъ тогдашнихъ молодцовъ, нѣмецкая дурь будто бы и отличается ото всѣхъ прочихъ. Лихтенбергъ сказалъ въ то время шутя: многіе нажили себѣ имя геніевъ, какъ козявки ȯслики нажили имя тысяче-ножекъ, не потому чтобы у нихъ въ самомъ дѣлѣ было столько ногъ, а потому что бȯльшая часть людей просто не хочетъ перечесть до четырнадцати. Тогда же Виландъ выразился о Гердерѣ такъ: ну, этотъ будетъ или великимъ писателемъ, или ужь особеннаго рода шутомъ. Тогда и самъ Лессингъ осердился на чрезмѣрность чувства въ Вертерѣ и на распущенность формы въ Гётцѣ, гдѣ только образъ принизывался къ образу; его брала боязнь, чтобы не погибло опять драматическое искусство; вѣдь на глазахъ у него Герштенбергъ положительно утверждалъ, что потрясающія картины нравственной природы и полножизненность шекспировскихъ драмъ отнюдь не слѣдуетъ мѣрить аристотелевскимъ масштабомъ, тогда какъ самъ онъ въ своемъ Уголино на мѣсто трагическаго поставилъ ужасное со столько же необычайной силою характеристики, какъ и съ совершенной необузданностью драматическаго стиля. Тогда Кантъ предостерегъ отъ слишкомъ возростающаго самосомнѣнія, которое думаетъ стать выше логики и требованій нравственнаго чувства, а между тѣмъ ведетъ только къ пустому романическому героизму, не болѣе. Самъ Клингеръ писалъ впослѣдствіи о безумствахъ этой поры: „Теперь я готовъ смѣяться всему этому, не хуже ни кого другого; но все-таки вѣрно то, что любой юноша смотритъ на свѣтъ болѣе или менѣе какъ поэтъ или мечтатель. Ни чему не вызрѣть безъ броженія. Нашъ рьяный тогда разгулъ былъ только исканіемъ подходящей для насъ формы. И будь мы націей (то-есть государственно-объединеннымъ народомъ), мы навѣрно бы и нашли ее“. Германія кишѣла талантами въ тревожные годы, съ 1768 по 1783, и эти самородные отпрыски роскошно развивающейся народной весны всѣ разошлись потомъ разными путями; изъ нихъ выросъ между прочимъ Гёте, и если его Гётцъ примыкаетъ къ эпохѣ реформаціи, если его драматизированныя проказы и Фаустъ напоминаютъ Ганса Закса, то истиннымъ поэтомъ германскаго возрожденія явился онъ въ Ифигеніи.

Тотъ же Гёте формулировалъ задушевную исповѣдь вѣры старшаго современника своего, Гаманна (1730—88): Чтȯ бы ни предпринялъ создать человѣкъ, путемъ дѣла или слова, или какимъ бы то ни было другимъ образомъ,—все должнȯ происходить изъ совокупныхъ соединенныхъ силъ; а все одиночное ни чего не стоитъ. Гаманнъ превозносилъ слово Джордано Бруно о единствѣ противоположностей; человѣкъ, говорилъ онъ, состоитъ изъ плоти и духа вмѣстѣ, а потому (и въ воспроизводящемъ жизнь познаніи) долженъ онъ связывать природу съ исторіей, опытъ съ откровеніемъ и видѣть во всемъ слѣдъ и печать самого Бога. Богъ — изначальный, первичный поэтъ, а потому поэзія изначальный языкъ нашъ, непосредственное изображеніе жизни—первое и самое прекрасное. „Да будетъ наша рѣчь не отвлеченною разсудочной системою, а крылатымъ, летучимъ словомъ жизни; все со-

кровище человѣческаго познанія и благополучія состоитъ изъ образовъ; образы, факты, лица—это прямо божія вѣдь рѣчь. Поэзія — первичный родной языкъ человѣчества, точно такъ же какъ живопись старше буквицы, сравненія и притчи старше умозаключеній; природа дѣйствуетъ путемъ чувствъ и страстей, и если страсти бываютъ членами нечестія, то развѣ перестаютъ онѣ оттого быть оружіемъ мужества? Онѣ однѣ придаютъ руки, ноги, крылья отвлеченностямъ. Гдѣ видимъ мы быстрѣйшія умозаключенья? гдѣ родится громъ краснорѣчія, и молнія, неразлучный его товарищъ?"—Гаманнъ плохо повелъ одно коммерческое дѣло въ Лондонѣ, и во избѣжаніе стыда ринулся въ разсѣянія и безпутство; разстроившись тѣломъ и душой, сталъ онъ читать Библію, и вотъ изреченія Іисуса Христа, возвышенность псалмовъ и пророковъ равно объяли потрясенную его душу; онъ пережилъ въ себѣ духовное возрожденіе. Воротясь въ Кёнигсбергъ, онъ сталъ управляющимъ на хуторѣ; гдѣ Кантъ былъ профессоромъ, и шелъ путемъ строгаго анализа и разбора, опредѣляя границы нашихъ способностей, тамъ Гаманнъ лепеталъ въ отрывочныхъ словахъ о тѣхъ глубочайшихъ и сокровеннѣйшихъ созерцаніяхъ, въ которыхъ взаимно сопроникаются духъ и природа, и онъ въ правѣ былъ назвать свои писанія Сивиллинскими листками, такъ-какъ его странныя, причудливыя выходки съ своимъ вычурнымъ, барочнымъ стилемъ и загадочными намеками озарялись проблесками истинной геніальности. Его полныя крѣпкой лютеровской вѣры и гипохондрическаго юмора прорицанья требовали истолкованія, потому что самъ онъ не развернулъ ихъ ни до научной ясности, ни до художественной красоты; но среди тогдашняго броженія онъ сильно подѣйствовалъ на Гердера, Гёте, Якоби и на многихъ другихъ своей жаждою первичной своеобразности, не разжиженной водою библейской вѣры, богочеловѣчной жизни въ полномъ смыслѣ слова, единства идеи съ явленіемъ, и не даромъ прозвали его уже и тогда Магомъ Сѣвера. Вмѣсто того чтобъ сказать Единое и Все, онъ говорилъ „Все Онъ Самъ", разумѣя Бога не какъ субстанцію, а какъ самосознательную сущность, явную во всемъ, такъ что Богъ равно говоритъ и въ сердечномъ чувствѣ, и въ разумѣ, и въ Библіи, такъ что намъ видится и отзывается въ природѣ, до какой степени онъ благъ.

„Свѣтъ, Жизнь, Любовь" читаемъ мы на гробницѣ Гердера (1744—1803) въ Веймарѣ; въ трехъ этихъ словахъ высказаны смыслъ и цѣль всей его хоти и дѣятельности. Онъ былъ геніемъ воспріимчивости, сердцемъ и средоточіемъ людского рода, жрецомъ, который своимъ тонкимъ чувствомъ раскрывалъ себѣ и другимъ уразумѣніе всѣхъ племенъ и собралъ во всемірноисторическій аккордъ, въ одну торжественную пѣснь человѣчества различные голоса народовъ въ ихъ пѣсняхъ и въ ихъ подвигахъ. На этомъ основано его величіе, его вліятельное положеніе въ исторіи человѣческаго духа. Отъ него шла бездна живительныхъ побужденій, дѣйствовавшихъ какъ электрическіе удары на современниковъ и открывавшихъ новые пути; мало есть людей, которымъ еще въ свѣжей юности было бы дано бросить столько объемистыхъ и глубокихъ вмѣстѣ взглядовъ на сущность жизни и художества, такъ сочувственно постичь все первичное, всѣ идеальныя движущія силы, мощь фантазіи въ человѣчествѣ, и въ то же время такъ мѣтко опознать душевную своеобразность каждаго отдѣльнаго народа. Границей его было то, что попавъ на

разсвѣтно-сумеречный тонъ преизбыточнаго чувства и на образный языкъ юности, онъ такъ и не дошелъ до подѣла прозы отъ поэзіи, что стихотворство его по большой части пускалось въ размышленія вмѣсто того чтобы создавать дѣйствія и характеры, а научные труды оставались отрывками, и потому Кантъ былъ не совсѣмъ неправъ, замѣчая въ нихъ отсутствіе логической точности въ опредѣленіи понятій, недостаточное различеніе и подтвержденіе основныхъ началъ; многообъемлющій взглядъ его, говорилъ онъ, ни на чемъ не остановится подольше, вездѣ отыскиваетъ онъ аналогіи, и умѣетъ завлечь къ своему предмету со стороны сердечныхъ ощущеній, которыя возбуждаясь его великимъ содержаніемъ и давая притомъ многознаменательные намеки, заставляютъ ожидать отъ себя большаго, нежели находитъ въ нихъ потомъ холодное обсужденье; окрыляемая метафизикой и чувствомъ фантазія замѣняетъ у него наблюденіе и осмотрительный всегда разумъ. Въ годы зрѣлаго мужества Гердеръ увидѣлъ, что его переросли тѣ люди, которые какъ Кантъ, Гёте и Шиллеръ создавали классически законченныя произведенія; тогда, вмѣсто того чтобъ радостно признать ихъ успѣхъ, онъ съ досадою принялся за порицанье; онъ, наносившійся прежде бурнымъ вихремъ на все плоское, самодовольное, началъ теперь хвалить устарѣлость, посредственность и требовалъ чуть не китайской полиціи надъ образованьемъ. У него всегда былъ оттѣнокъ рѣзкости и ѣдкости, но въ молодые его годы Гёте уподоблялъ это шерстяному полотенцу, которымъ пріятно потереться выкупавшись въ холодной водѣ, а подъ старость черта эта стала обидною у Гердера и отдалила отъ него почти всѣхъ; „къ нему шли теперь, не радуясь его кротости, и уходили всегда съ занозой въ сердцѣ". Онъ отлично проповѣдывалъ и въ разговорѣ и на каѳедрѣ, но не могъ терпѣть ни какихъ противорѣчій.

Изъ трудныхъ обстоятельствъ выбрался Гердеръ на божій свѣтъ въ восточной окраинѣ Германіи; кромѣ Гаманна и Руссо̀, на него сильно подѣйствовали Лессингъ, Кантъ, Шафтсбѐри; чувство и разсудокъ достигли у него тѣснаго сопроникновенія. Оттого и могъ онъ указать вольномысленнымъ просвѣтителямъ на темныя основы первичной поэзіи, а пылкимъ мечтателямъ на разумную строгозаконность міра. Онъ нашелъ себѣ учительское мѣсто въ Ригѣ, и тотчасъ же бросилъ оттуда огненнымъ словомъ въ свой народъ. Страсть къ образованію скоро увлекла его въ большое путешествіе; дневникъ, который онъ тогда велъ, показываетъ намъ и упругость его характера, и дальній полетъ его предначертаній. Ему бы хотѣлось быть вмѣстѣ и Лютеромъ и Руссо̀, стать преобразователемъ Лифляндіи и написать книгу человѣческаго рода; онъ очевидно разгуливалъ тогда безъ устали по галереѣ величайшихъ въ мірѣ людей, собиралъ воедино потоки образованія всѣхъ временъ и народовъ. Тутъ повстрѣчалъ онъ Гёте въ Страсбургѣ, и въ кругу его распространилъ благую вѣсть о томъ, что поэзія—общій даръ всего міра и всѣхъ народовъ *; при этомъ онъ указалъ на народное пѣснопѣніе, на германское житье-бытье и искусство. Послѣ того онъ сталъ про-

---

* А не одна лишь произвольная затѣя любого способнаго къ ней лица, какъ сплошь думали еще въ то время. Прим. перев.

повѣдникомъ въ Бюкебургѣ, а позже былъ вызванъ на церковную каѳедру и въ члены консисторіи въ Веймаръ. „Кто видитъ въ дѣлѣ человѣчества свое собственное, тотъ принимаетъ живое участіе и въ судьбѣ боговъ и въ верховномъ надо всѣмъ рокѣ“—въ такомъ настроеніи охватываетъ онъ съ удивительной горячностью цѣлое мірозданье; образованіе человѣчности принималъ онъ за божественный элементъ въ людскомъ нашемъ родѣ, истинною вѣрой во Христа считалъ онъ то, чтобы вступаться за человѣчество всюду гдѣ оно связано, гдѣ страждетъ духовно или тѣлесно, терпитъ относительно условій своего земного или вѣчнаго существованія; но для успѣшнаго дѣйствія въ частности, для умѣнья найдтись въ данныхъ обстоятельствахъ, недоставало у него практическаго такта, спокойнаго и покорнаго признанія той истины, что каждый можетъ ухватить міръ только съ одного лишь извѣстнаго его края. Съ пророческимъ вдохновеніемъ славилъ онъ призваніе духовнаго лица, которому отдано въ руки воспитаніе народа, и однакожь не чувствовалъ себя счастливымъ въ этомъ званіи; Гёте и герцогъ можно-сказать силой навязали его на шею пасторамъ и школьнымъ учителямъ, а между тѣмъ его огненная реформаторская ревность встрѣчала себѣ досадный отпоръ въ тысячѣ мелкихъ дѣйствительныхъ затрудненій. Его тонкое чутье, облегчившее ему глубочайшее уразумѣніе природы и искусства, скоро обратилось въ раздражительность, не дававшую ему ни минуты покоя и прямо отравлявшую всю его жизнь; въ этомъ напоминалъ онъ собою Жанъ-Жака. Страстный порывъ волканической природы, напряженіе всѣхъ силъ понадобились для того чтобы поднять его, вынесть изъ ряду; рано признали его писателемъ путепроложникомъ, открытелемъ новыхъ совсѣмъ идей; но зато въ мужескихъ лѣтахъ и подъ старость онъ чувствовалъ себя крайне утомленнымъ, а все таки подстрекалъ къ усильной литературной работѣ; къ этому нудили его впрочемъ и тяжкія заботы о многочисленной семьѣ. Жена была ему родственна душою и предана какъ нельзя больше, но не оказывала на него смягчающаго, примирительнаго дѣйствія, а была только усиливающимъ отголоскомъ его собственныхъ душевныхъ волненій. Къ этому присоединились тѣлесные недуги, болѣзнь печени, геморрой, подагра, и отравили ему жизнь, сдѣлали ее просто мукою, ни дать ни взять какъ Свифту, послѣ того какъ друзья юности послѣдняго уже стали называть его не иначе какъ соборнымъ деканомъ. Избалованный славою и опереженный теперь другими, онъ сталъ подозрѣвать, что и самъ онъ да и вся нація лишились плода юношескихъ его подвиговъ, и жаловался на даромъ потраченную жизнь. Система, принятая государствомъ и церковью, и обращеніе романтиковъ къ католицизму стояли въ явномъ противорѣчіи съ его мышленіемъ и задушевнымъ желаньемъ. Каждый, говорилъ онъ Беттигеру, долженъ бы понастоящему оставлять по себѣ письменную память о томъ, что̀ онъ собственно считалъ въ жизни одной кукольною комедіей, но по обстоятельствамъ не смѣлъ заявлять этого гласно; за всѣми нами водятся такого рода лжи, и хорошо бы было сбрасывать ихъ съ себя по крайней мѣрѣ передъ тѣмъ что надѣнешь са̀ванъ. И онъ же написалъ потомъ слѣдующія трагическія слова̀: „У людей съ нѣжнымъ чувствомъ есть всегда что-нибудь высшее, къ чему они стремятся, идея, за которую они держатся съ неизрекомою жаждой, идеалъ, для котораго они дѣйствуютъ съ неодолимымъ побужденіемъ; отнимите у

нихъ эту идею, разбейте этотъ прекрасный образъ въ дребезги передъ ихъ глазами, вы сломите самую сердцевину ихъ растенія, и за тѣмъ останется отъ нихъ одна безсильная, вялая листва̀. Быть-можетъ, среди нашего общества такихъ замершихъ и блеклыхъ ходитъ болѣе чѣмъ мы себѣ воображаемъ, именно потому, что они-то особенно и скрываютъ грусть свою, скрываютъ даже и отъ друзей этотъ медленно-смертоносный ядъ, какъ скорбную тайну своего сердца". По словамъ жены его, Гердеръ умеръ отъ того, что его сердце, надломленное перемѣной положенія, все изъязвилось обстоятельствами той эпохи, что его нервы дошли наконецъ до крайняго раздраженія. Лежа больной на постели, онъ со вздохомъ говорилъ: „Ахъ, еслибъ откуда-нибудь пришла ко мнѣ новая великая идея, и охватила всю душу мнѣ отрадою, я выздоровѣлъ бы сразу!"

Станемъ на его точку зрѣнія; углубимся въ его нутро̀, и мы должны будемъ сознаться, что не безъ права прекословилъ онъ веймарскимъ величіямъ. То эстетическое самодовольство, съ какимъ Гёте и Шиллеръ удалились отъ смутъ дѣйствительности въ царство прекрасныхъ формъ, противорѣчило его требованію отъ поэзіи, чтобы она непремѣнно коренилась въ само̀й жизни; въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ", въ „Римскихъ элегіяхъ" представалъ ему такой чувственный разгулъ, который ни мало ужь не заботился о строгости нравственнаго закона, да нравственному его чувству конечно должно было претить и то, какъ Гёте беззазорно жилъ съ своей Христіаной Вульпіусъ, а герцогъ съ актрисою Ягеманнъ, какъ потомъ романтики увозили чужихъ женъ и обмѣнивались ими по прихоти; какъ духовное лицо, и просто какъ человѣкъ, онъ не могъ не противопоставлять серьёзность добрыхъ нравовъ такому легкомыслію. Кто жь нынче станетъ отрицать, что нравственное здоровье могло быть охранено только однимъ гердеровскимъ воззрѣніемъ? Наша гражданская, политическая, церковная жизнь, писалъ къ нему Шиллеръ, столько же противоположна поэзіи какъ проза, и преобладаніе этой прозы такъ рѣшительно, что поэтическому духу съ ней не справиться; онъ, напротивъ, самъ заразится ею и сгибнетъ такимъ образомъ вконецъ; оттого генію и нѣтъ другого спасенья, какъ совсѣмъ уйдти изъ дѣйствительности, быть гражданиномъ нашего времени только съ тѣлесной стороны, а въ духѣ создавать себѣ свой собственный міръ и путемъ греческихъ миѳовъ родниться съ отдаленной эпохою. Мы, пожалуй, можемъ еще оправдать Гёте въ томъ, что онъ не принялъ участія въ борьбѣ за независимость Германіи; но передъ взоромъ Гердера Исаія и Эсхилъ стояли, какъ живые, во всеоружіи и спрашивали напрямикъ: что̀ говорили и что̀ дѣлали бы мы въ ваше время? Отечество уподоблялъ онъ кораблю во время страшной бури; тутъ каждый долженъ помогать спасенію; онъ еще юношей писалъ: Не суди раздумчиво объ отечествѣ, а спѣши помогать ему гдѣ и какъ съумѣешь, ободряй, спасай, исправляй, хотя бы ты былъ только и гусемъ въ Капитоліи! Такъ пѣлъ онъ еще и въ половинѣ девяностыхъ годовъ:

Ты еще дремлешь, Германія? Смотри, что творится вокругъ тебя,
Что̀ самой тебѣ приключилось! Восчувствуй это, ободрись,
Пока острый мечь побѣдителя
Не снесъ тебѣ головы съ плечъ.

Въ строптивой надеждѣ на силу свою и счастіе стоятъ Россія на востокѣ, Франція на западѣ.

А ты еще медлишь воспрянуть,
Благоразумно объединиться? И ужели
Ни одинъ изъ твоихъ отцовъ,
Ужели твое собственное сердце,
Родной языкъ твоего племени не дороже для тебя всего?

Мы можемъ теперь называть счастьемъ то влеченіе Шиллера и Гёте, которое побудило ихъ бѣжать изъ своего времени и искать себѣ пріюта въ классическомъ искусствѣ; „потомучто всякій теперь согласится съ тѣмъ, что и самый живой, самый дѣятельный патріотизмъ поэтовъ нашихъ не помѣшалъ бы быстрому паденію старой имперіи, а между тѣмъ дальнѣйшее пребываніе духа въ неисправимо жалкой обстановкѣ той поры отняло бы у него возможность высшаго полета и исказило бы тѣ безсмертныя созданія, которыя будутъ для Германцевъ дорогимъ сокровищемъ всегда, пока они только живы. Тѣмъ не менѣе подобный взглядъ на жизнь былъ со стороны этихъ геніевъ великимъ заблужденьемъ; значитъ, они не умѣли оцѣнить нравственнаго момента и глубочайшей основы той самой человѣчности, къ какой они такъ горячо стремились, и человѣкъ, который раскрылъ это заблужденіе, который порывался отъ него прочь, достоинъ нашей благодарности, нашего удивленья, хотя ему и не было еще дано провозвѣстить ученіе новой эпохи съ торжествующимъ побѣду могуществомъ". Такъ говоритъ о Гердерѣ Баумгартенъ.

Жажда природы, естественности вела у Гердера не къ бѣгству отъ культуры (какъ у Руссо), а къ примиренію обѣихъ въ гармоническомъ человѣчномъ образованіи; черезъ обращенье къ первобытному онъ опозналъ въ народной пѣснѣ непосредственное выраженіе народной души и, въ противоположность всему дѣланному, смастеренному, указалъ на эти смѣлые и свѣжіе живописные звуки, о которыхъ и я говорилъ здѣсь по его слѣдамъ. Онъ собралъ такія пѣсни и на родинѣ и вчужѣ, у дикихъ и у цивилизованныхъ племенъ, на югѣ и на сѣверѣ; онъ оцѣнилъ ихъ въ связи съ породившею ихъ почвою, перевелъ съ необыкновенной чуткостію формы, тона, запаха каждой отдѣльной пѣсни, и его „Голоса народовъ" не только стали обновительнымъ ключомъ для нѣмецкой лирики, но и положили еще начало той истинно блестящей переводческой дѣятельности, которая въ теченіе одного вѣка усвоила нѣмецкому языку все прекрасное и сдѣлала литературу нашу всемірноисторическою въ этомъ смыслѣ *. Самъ Гердеръ пересадилъ еще впослѣдствіи на германскую почву изреченія Саади, поговорки брахманской мудрости и цвѣты греческой анѳологіи. Къ юношескому произведенію удачно примкнула и послѣдняя его работа, „Сидъ",—нѣчто среднее между переводомъ и вольнымъ творчествомъ. Во французской „Всеобщей библіотекѣ романовъ" появилась романтическая исторія Сида на основаніи испанскихъ

* Изумительно, сколько выиграли этимъ и широта узкаго прежде образованія и гибкость неподатливаго долго языка. Прим. перев.

романсовъ; по ней-то, въ тонѣ послѣднихъ, Гердеръ и выработалъ свой трудъ, но облилъ его вѣяніемъ собственной души своей, и на національномъ вполнѣ грунтѣ обрисовалъ въ короткихъ и яркихъ чертахъ общечеловѣческую личность героя, непоколебимую въ мужествѣ, вѣрности и любви.

Самъ онъ первый показалъ примѣръ, какъ исходя отъ народныхъ пѣсень перейдти къ вѣрному пониманію ветхозавѣтной поэзіи, Гомера и Шекспира. Онъ выяснилъ разность греческаго эпоса отъ Виргилія и постигъ эпосъ какъ цвѣтъ національнаго пѣснотворчества, жившій въ устахъ народа. Если Лессингъ прослѣдилъ общій художественный законъ у Софокла и Шекспира, то взглядъ Гердера изощрялся, напротивъ, на подмѣту разностей; онъ показалъ какъ греческая драма возникла изъ простого хорового пѣнія, а англійская—изъ обильныхъ содержаніемъ мистерій, какимъ образомъ та выработалась постепенно расширяясь, а послѣдняя, наоборотъ, упрощаясь, и что хотя у Шекспира все еще является богатое обиліе индивидуальныхъ фигуръ, сценъ и дѣйствія, однакоже всегда какое-нибудь великое главное чувство царитъ у него надъ каждымъ произведеніемъ какъ душа міра, и тамъ гдѣ древній Грекъ даетъ намъ одни крупные очерки, онъ болѣе дѣйствуетъ всѣмъ строемъ колорита и какого-то особеннаго запаха. Такъ же точно поправилъ Гердеръ извѣстное Лессингово утвержденіе, что пластика изображаетъ тѣла въ пространствѣ, а поэзія—дѣйствія во времени, добавивъ къ тому, что первая представляетъ нашему спокойному обзору нѣчто уже завершенное, готовый совсѣмъ моментъ въ его зрѣлости и полнотѣ, тогда какъ поэзія передаетъ совершающееся въ его гармоническомъ развитіи, и притомъ не одни только дѣла, но такъ же ощущенія и мысли. Потомъ онъ особенно налегъ на разностильность пластики и живописи: статуя, это—независимо стоящая бѐлая фигура, а картина представляетъ взору группы колоритныхъ фигуръ, свѣтъ и тѣнь разлитые въ пейзажѣ, воздухъ и самыя небеса; поэтому она вовсе не связана величіемъ и покоемъ тѣлесной формы и можетъ допустить всякое разнообразіе. Искусство и жизнь Грековъ, говоритъ онъ, были пластичны, ясная мѣра составляетъ ихъ величіе; новый же міръ живописенъ при своихъ безконечныхъ перспективахъ и таинственныхъ настроеніяхъ. Такъ имъ первымъ высказана была та разность обоихъ міросозерцаній, которая благодаря Шиллеру и романтикамъ стала потомъ общимъ достояньемъ. Гердеръ же постигъ и самый идеалъ, какъ нѣчто живое, развивающееся и разнообразное, и вмѣсто того чтобъ разъ навсегда прильнуть къ одной опредѣленной формѣ и имѣть въ виду единственный вездѣ законъ, онъ призналъ своебытныя красы за разными искусствами и эпохами, отдалъ справедливость и Востоку, и древности и среднимъ вѣкамъ; „кто рабски прилѣпится къ одному времени, приметъ цѣлесообразность его формъ за нѣчто вѣчное и возмечтаетъ перейдти изъ своей собственной природы въ чужую кожуру́, тотъ всегда останется далекъ отъ идеала, хватающаго черезъ всѣ народы и періоды“. Здѣсь наконецъ уяснилось и навсегда усвоилось понятіе развитія для области человѣческихъ идей, да и для самого людского рода.

Юный Гердеръ провозвѣстилъ этотъ взглядъ диѳирамбическимъ тономъ пророка въ своихъ „Отрывочныхъ замѣткахъ о нѣмецкой литературѣ“ (Fragmente zur deutscher Literatur), въ „Критическихъ лѣсахъ“, въ

„Листкахъ о германскомъ бытѣ и искусствѣ“; съ тѣхъ поръ, при всякомъ новомъ сочиненіи, у Лессинга не выходило изъ головы, что-то скажетъ объ этомъ Гердеръ. Послѣдній не написалъ обѣщаннаго труда о греческой поэзіи, но вся новѣйшая литература и исторія искусства движутся по указанному имъ пути,—пути, какимъ шелъ онъ въ своей Философіи Исторіи; и въ сужденіяхъ объ этой моей книгѣ всего пріятнѣе мнѣ былъ отзывъ Розенкранца, Шерра, Готшалля, что она писана въ гердеровомъ духѣ и даетъ притомъ развитіе изслѣдованія и мысли, совершившееся послѣ него.

Одной изъ его путепроложныхъ книгъ появилось по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько сряду томовъ, именно книги „О духѣ еврейской поэзіи“. Гердеръ научилъ здѣсь эстетическому и историческому пониманію Ветхаго Завѣта, разъяснилъ своебытную форму и все великолѣпіе восточной поэзіи, Псалмовъ и Пророковъ, Іова и Пѣсни Пѣсней, показалъ ихъ неотъемлемую цѣнность наряду съ антикомъ; здѣсь изобразилъ онъ эти пѣсни какъ прямыя изліянія вѣры и жизни народной; онъ стоитъ здѣсь въ самомъ средоточіи развертывающихся изслѣдованій, ни дать ни взять какъ Винкельманъ въ археологіи. Подготовкой къ цѣлому было „Разсужденіе о древнѣйшемъ документѣ человѣческаго рода“. Такимъ документомъ считалъ онъ Моисеевскую исторію міротворенія, и ясно показалъ что она вовсе не имѣетъ въ виду учить ни физикѣ, ни метафизикѣ, а есть просто поэтическое изложеніе того, какъ первобытное человѣчество представляло себѣ дѣло мірозданья,—восходомъ свѣта, явнымъ выступленіемъ на свѣтъ неба и земли, суши и моря, растеній и звѣрей, какъ бываетъ это каждое божье утро; онъ видѣлъ здѣсь пѣснь, въ семичленномъ риѳмѣ, воспѣтую во славу труду и субботнему отдохновенію. Въ миѳологіи вообще призналъ онъ естественный языкъ народной юности, мыслящей только въ образахъ, не иначе, и это же понятіе фантазійнаго выраженія нравственной или исторической правды онъ перенесъ какъ на Ветхій, такъ и на Новый Завѣтъ; по его мысли выходило, что не слѣдъ принимать разсказовъ этихъ сплошь въ буквальномъ смыслѣ, но не слѣдъ и глумиться надъ ними какъ дѣлалъ Вольтеръ, не слѣдъ, какъ дѣлалъ Реймарусъ, мѣрить ихъ на аршинъ нашего быта и образованія, а должно понимать какъ выраженіе народнаго духа и степени его развитія. Онъ научилъ цѣнить въ Библіи первичную документальную книгу человѣчества, сравнивъ ее съ религіозными произведеніями другихъ народовъ; онъ хотѣлъ „разъ навсегда покончить съ той ужасной несправедливостью, которая требуетъ отъ древнѣйшихъ писателей, чтобы они говорилиточно такъ же какъ и мы, а отъ насъ,—чтобы мы все представляли себѣ совершенно по ихнему“. Его необычайный историческій смыслъ явился и тутъ путепроложнымъ и цѣлеуказательнымъ. На его взглядъ прекратилась разница между священною и мірскою литературой; но зато вездѣ высматривалъ онъ человѣчески-прекрасное, цѣнное съ религіозной стороны, — высматривалъ безъ всякаго предубѣжденья и съ разумно-понимающимъ сочувствіемъ.

Исходя первоначально отъ Лейбница, какъ и Лессингъ, онъ прилежнымъ изученіемъ Спинозы выяснилъ себѣ свое богосозерцаніе (обусловливающее конечно весь основной взглядъ на жизнь). И онъ былъ противъ совершеннаго подѣла Бога отъ вселенной, и онъ чуялъ вѣчное въ глубинѣ своей соб-

ственной души, но, какъ ясно доказываютъ его разговоры о Спинозѣ, онъ видѣлъ въ Богѣ болѣе чѣмъ одну лишь субстанцію (объективно-мыслимую основу): Богъ, правда, и для него былъ нутросущею причиной всѣхъ вещей, но такъ-какъ изъ него же исходятъ и любовь и сознаніе человѣка, то его должно постигать какъ всеодушевительную мощь, раскрывающуюся во всѣхъ рѣшительно живыхъ силахъ и какъ сущую въ самой себѣ неисчерпаемую премудрость и благость. Такимъ-то образомъ Богъ живъ въ любой душѣ, такъ-то необходимо доходитъ она до его идеи: онъ самъ вѣдь раскрываетъ въ ней существо свое; такъ откровеніе его становится нашимъ опытомъ (нашимъ собственнымъ пережпвомъ), и мы выясняемъ себѣ истину вначалѣ огненнымъ языкомъ образовъ и символики, а потомъ въ простомъ (но отчетливомъ) мысленномъ созерцаньи. Въ природѣ и въ исторіи усматриваемъ мы верховодную его власть, и добываемъ изъ обѣихъ поводъ и средство высказывать его сущность: дѣло нашего собственнаго духа оформливать дѣйствіе божіе на насъ. Такимъ образомъ утренняя заря становится для насъ утреней, поемой созданіемъ Создателю, и то что̀ громко говоритъ голосъ совѣсти, то самое законодавцы понимаютъ какъ его заповѣдь, его завѣтъ, пока наконецъ во Христѣ не явилось въ человѣческомъ образѣ само нравственное существо божіе, сама истина и любовь; этимъ завершилось въ человѣкѣ богоподобіе. Поэтому человѣчность и христіанство,—это всущности одно; всякій споръ между откровеніемъ и разумомъ, между образованностью и христіанствомъ долженъ стихнуть, коль скоро не смѣшивать религіи съ догматикой, а разумѣть подъ религіей возвышеніе къ Богу, полную ему преданность. Надо, говоритъ Гердеръ, приподнять догматическій покровъ, облекающій ликъ Христовъ, надо прочувствовать божественное благоуханіе и тонкій смыслъ его рѣчи, кротость и подвижность его души, возвышенную иронію его личности. Избави Богъ стирать рѣзкія, своебытныя, восточныя черты книгъ Новаго Завѣта, но надо же научиться разумѣть не въ буквальномъ только, но и въ духовномъ смыслѣ символическія ихъ выраженія. Такимъ образомъ и евангельская критика, и всѣ работы нашего времени надъ жизнью Іисуса имѣютъ предтечею себѣ Гердера *. Самъ онъ проповѣдывалъ не языкомъ древней Іудеи, а нынѣшнимъ: онъ охотно жертвовалъ поблекшею листвой для того, чтобы вѣчно-юный духъ Іисуса Христа одѣлся опять свѣжей зеленью и цвѣтами. На христіанство онъ смотрѣлъ какъ на любовное общеніе человѣчества, обращеннаго сердцемъ къ Богу. Онъ не искалъ, подобно Руссо̀, спасенія въ естественномъ быту грубыхъ дикарей; онъ видѣлъ истинную природу человѣчества въ будущей гармонической выработкѣ всѣхъ силъ его; онъ не усматривалъ въ религіи ни чего гнуснаго, какъ Вольтеръ, а напротивъ показывалъ, что она принадлежитъ къ нашей сущности, что безъ этого сердечнаго идеализма мы навѣрно искалѣчили бы себя самихъ; завершеніемъ человѣчности было для него божіе царство Іисуса.

Опершись на это міросозерцаніе, Гердеръ, съ своимъ живымъ смысломъ ко всѣмъ особенностямъ временъ и народовъ, съ своимъ пониманіемъ раз-

---

* Укажемъ здѣсь кстати, какъ на образцовый новѣйшій трудъ по этой части, на книгу Neutestamentliche Zeitgeschichte гейдельбергскаго профессора Гаусрата.

Прим. перев.

витія, сталъ отцомъ философіи исторіи. Его „Идеи“ (съ 1784-го по 1791 годъ) дали теперь трудъ ранней его молодости (также философію исторіи) въ новой, болѣе зрѣлой разработкѣ. Тотъ самый Богъ, пишетъ Гердеръ, котораго ищу я въ исторіи долженъ быть въ то же время и Богомъ природы; и въ ней должны царить естественные законы, лежащіе въ самомъ существѣ вещей, и которыми Божество тѣмъ менѣе могло бы поступиться, что именно посредствомъ ихъ онъ открывается въ верховной своей мощи съ непоколебимо-мудрою и благою красотой. Природа наша организована такъ, чтобы собственными силами мы достигали своего назначенья, да и назначеніе это не внѣ насъ, а опять-таки въ насъ самихъ, это — просто человѣчность. Каждое живое существо радуется своей жизнію; существованіе его для него цѣль, глубокое, простое, ни чѣмъ не замѣнимое чувство бытія есть счастіе, капля изъ моря всеблаженнаго, пребывающаго во всемъ и во всемъ радостно себя чувствующаго. Любой человѣкъ, любой народъ сосредоточенъ въ своемъ счастіи, какъ любой шаръ имѣетъ свой центръ тяжести; ни одно существо, ни одна вещь не есть только средство, все въ одно и то же время средство, да и цѣль.

Человѣкъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ природой; Земля — свѣтило въ кругу остальныхъ свѣтилъ; отъ нея идутъ наши чувства, побужденія, наклонности; на ней развивается жизнь, отъ первыхъ ея движеній вплоть до человѣка, котораго ликъ поднимается наконецъ прямо и свободно обращаетъ взоръ свой и вокругъ и поверхъ себя. Всѣ другія твари достигаютъ своей цѣли на землѣ, но какъ мало людей находятъ здѣсь свое назначеніе и ясно сознаютъ его! Въ природѣ все прочее вѣдь согласно, одинъ человѣкъ стоитъ въ противорѣчіи съ самимъ собой и съ матерью землёй. Или ошибся Создатель въ нашей организаціи и въ цѣли, какую онъ ей предпоставилъ, или цѣль эта идетъ далѣе земного, чувственнаго нашего бытія, а Земля—только подготовительный пріютъ, мѣсто начальнаго упражненія. „Судьба моя примкнула не къ земной пыли, а къ незримымъ законамъ, ею управляющимъ. Мыслящая и дѣйствующая во мнѣ сила по природѣ своей такъ же вѣчна, какъ и та, которая поддерживаетъ вмѣстѣ солнца и звѣзды. Орудіе ея можетъ известись, но законы, по которымъ она существуетъ и по которымъ дѣйствуетъ и въ другихъ явленіяхъ, не измѣнятся ни когда; они вѣчны какъ разумъ божій. Строй вселенной обезпечиваетъ стало-быть на вѣки вѣчные ядро моего бытія, корень внутренней моей жизни. Гдѣ и какимъ бы я ни сталъ, я буду все тѣмъ же, что и нынѣ: силою въ системѣ всѣхъ силъ, существомъ въ необозримой гармоніи міра божія“. Къ этимъ словамъ изъ лучшихъ дней жизни Гердера присоединимъ мы нѣчто изъ многоскорбной его старости. Здѣсь говоритъ онъ о томъ, какъ Всеединое живетъ и въ насъ самихъ, какъ тысячи впечатлѣній природы, какъ чувства и помыслы великихъ людей всѣхъ временъ опредѣляютъ содержаніе нашего собственнаго чувства и мышленія, и потомъ продолжаетъ:

Когда со временемъ мой геній опуститъ свѣточъ жизни для меня,
Я попрошу его тогда быть-можетъ и о многомъ,
Не попрошу лишь объ одномъ,—о своемъ *я*.
Да что жь и далъ бы геній мнѣ по просьбѣ этой?

Что?—дѣтство? молодость? или сѣдую старь?
Все отцвѣло, я радъ испить забвенья чашу.
Пусть не сквернится мой элизіумъ
Бѣды минувшей грезой ни одною,
Ни памятью ничтожнѣйшихъ заслугъ.
Богамъ себя я отдаю, какъ Децій,
Съ благодареніемъ, съ довѣрьемъ безконечнымъ
Къ природѣ, столь роскошной на засѣвъ,
Готовой ветошь всю смѣнить обильной новью.
И что̀ отдамъ я ей, окромѣ лишь того,
Чѣмъ отъ нея самъ надѣленъ вначалѣ,
Или что̀ отъ нея же пріобрѣлъ?—
Бѣднягу *я*, одно, что̀ здѣсь моимъ и слыло.

Вмѣстѣ съ Гёте Гердеръ усматривалъ однородный планъ организаціи во всѣхъ видообразованіяхъ живого бытія; въ низшемъ заложено, но еще не развилось то, что̀ уже ясно выступаетъ потомъ въ высшемъ; всѣ существа̀—звенья одной цѣпи, и такимъ образомъ высшее можетъ происходить отъ низшаго, человѣкъ—отъ животности способенъ вознестись въ міръ духо̀въ. Законъ человѣческаго прогресса основанъ на законѣ прогрессивнаго развитія природы. Прослѣдивъ эту общую связь въ естествѣ, Гердеръ слѣдитъ ее потомъ и въ исторіи, и здѣсь держится онъ за золотую цѣпь преданія, того сплошь поступательнаго образованья, которое изъ развалинъ и обрывковъ всегда создаетъ опять нѣчто цѣлое; потомучто хотя потокъ и долженъ бойко нести бурныя свои волны для того, чтобъ не обратиться въ тину, въ болотный застой, хотя онъ многое пустошитъ и губитъ, но изъ созданій былого Провидѣніе всегда сберегаетъ то, что̀ хотѣло оно спасти, и это сохраненное живетъ потомъ въ другихъ видоизводахъ. У каждаго народа есть своя высшая точка развитія, свой завѣтный идеалъ; всѣ же они вмѣстѣ проявляютъ родовую идею въ ея разнообразномъ богатствѣ. Такъ разсматриваетъ Гердеръ восходящій путь человѣчества, слѣдя за нимъ по ступенямъ его на Востокѣ, въ Китаѣ, Индіи, Персіи, потомъ при перевалѣ въ Іудею и въ Европу. Если религія составляетъ ядро Іудейства, то Греція развертываетъ идею красоты, Римъ—идею строгаго права. Онъ умѣетъ прочувствовать индивидуальную особенность каждаго народа и превосходно ее изобразить. Онъ отдаетъ справедливость и Средневѣковью, соблюдая притомъ середину между Вольтеромъ и романтиками; онъ не нарадуется успѣхами городоваго быта. Къ сожалѣнью тутъ и прерывается его блестящее изложеніе. Относительно религіи онъ говоритъ: Драгоцѣннѣйшій перлъ найденъ; ни кому не заложить другого основанія, помимо заложеннаго Христомъ. Гердеръ знаетъ, что спасительное дѣйствіе Христа на грѣшниковъ и недужныхъ привлекло къ нему сердца простыхъ людей; онъ знаетъ, что для распространенія ученій его въ тогдашнемъ мірѣ, не довольно было одной нравственности, необходима еще была и своеобразная внѣшняя обстановка; онъ понимаетъ неизбѣжный за тѣмъ переходъ къ догматикѣ, къ іерархической власти, къ обрядности. Онъ считаетъ это однакожь несущественнымъ; главное и высшее для него—божіе откровеніе въ человѣчествѣ черезъ посредство Іисуса Христа.

Въ позднѣйшей полемикѣ своей противъ Канта Гердеръ отстаивалъ единство всѣхъ умственныхъ и душевныхъ силъ передъ необходимымъ различеніемъ научнаго анализа; ему отнюдь не хотѣлось подѣлять чувственность отъ ра-

зума, долгъ отъ наклонности, добро отъ красоты, такъ-какъ онъ еще смолоду постигъ въ языкѣ естественное выраженіе разума, живое самооглашеніе мысли. Онъ безъ толку критиковалъ частности, не умѣвъ никогда стать въ кругъ мощной силы своего противника, для того чтобы расширять его далѣе, какъ дѣлали Шиллеръ и Фихте; тѣмъ не менѣе, его во многомъ можно считать предтечей Шеллинга и Гегеля.

Не будучи творческимъ поэтомъ, Гердеръ во всемъ умѣлъ отыскать поэтическую сторону, и искусство было для него сподручнымъ средствомъ передавать его помыслы; но онъ во́все не хотѣлъ и знать его, если оно не служило правдѣ и нравственности. Въ стихотвореніи „Струнные звуки“ онъ задается, напримѣръ, вопросомъ, что̀ хватаетъ насъ за̀ сердце въ музыкѣ— голосъ природы или откликъ нашей собственной души? и отвѣчаетъ, что въ ней открывается намъ гармонія внутренняго и внѣшняго, гармонія вселенной, втягивающая и насъ въ свой чудный міровой строй.

Въ передовой стихотворческой молодежи того времени можно различить два отдѣльныхъ круга,—одинъ на сѣверѣ, котораго средоточіемъ были Гёттингенъ и Альманахъ музъ, а главнымъ свѣтиломъ Гомеръ, и другой южный кругъ, на Рейнѣ, вращавшійся около Гёте и устремлявшій глаза къ Шекспиру. Гёттингенскій университетъ былъ учрежденъ въ 1737-мъ году, не столько для богословскихъ и юридическихъ предметовъ, сколько для филологическихъ и историческихъ; (изъ профессоровъ его) Гейне въ истолкованіи древнихъ соединялъ ученость съ изящнымъ вкусомъ, математикъ Кестнеръ, физикъ Лихтенбергъ принимали дѣятельное участіе въ новѣйшей литературѣ и были завзятыми остряками въ эпиграммахъ и са̀тирахъ. Такой умница, какъ Бойе, сначала ежегодно собиралъ въ Альманахѣ Музъ всѣ лучшія стихотворенія, появившіяся въ книгахъ и журналахъ; а когда университетская молодежь стала давать ему сверхъ этого новыя, ненапечатанныя еще вещи, то здѣсь разомъ зацвѣла стихотворная весна, и сдружила народную душу съ нѣмецкой пѣснью, проникавшей своими туземными формами до глубины сердецъ. Часто студенты вступали между собой въ стихотворческіе союзы; но гёттингенскій союзъ пріобрѣлъ вліяніе и славу именно потому, что и сама нація помолодѣла вмѣстѣ съ пѣвцами: вотъ отчего въ чувствахъ и помыслахъ даровитыхъ юношей сознаніе того времени находило свой мелодическій отголосокъ. Поэзія со временъ Опица стала дѣломъ ученаго образованія, стихи надо было декламировать правильно и точно; теперь же пѣсня прямо бьетъ изъ чувства и сама напрашивается на пѣніе; что̀, по примѣру Гагедорна и Глейма, пишутъ теперь чище и ближе къ народному тону Кла́удіусъ, Бюргеръ, Гёльти, то, благодаря музыкантамъ Шульцу, Гиллеру, Химмелю и Рейхардту, находитъ себѣ свои подходящія мелодіи, и ихъ распѣваетъ младъ и старъ. Сюда присоединились даже Фоссъ и Штольбергъ, сколько ни соревновали они впрочемъ, какъ восторженные ученики Клопштока, его высокопарнымъ одамъ; этотъ „Лѣсной союзъ“ (Hainbund),—такъ окрестили они его въ семидесятыхъ годахъ,—хотѣлось имъ, дубовѣнчаннымъ бардамъ, возвести на степень верховодца и судіи въ нѣмецкой ученой республикѣ, „да содрогнутся кости чертопоклонниковъ, и да сдѣлается Германія жилищемъ свободы и добродѣтели“. Политическія стремленія нашли себѣ носите-

лей особенно въ Крамерѣ и въ Ганѣ (Hahn); первый поплатился за либеральныя идеи отставкою, и во время революціи отправился въ Парижъ. Графы Штольберги, которые вначалѣ хотѣли, чтобы Рейнъ выпилъ всю кровь тиранновъ, кровь ихъ рабовъ и коней, испугались передъ взрывомъ мятежа во Франціи; но Фоссъ и тутъ негодовалъ противъ знати, которая, сковавъ цѣпи народу въ страшныя времена междоусобицы, топчетъ въ суетномъ безуміи истинную заслугу и одна хочетъ повелѣвать въ мирѣ и въ войнѣ, невѣжественная сама, отнимаетъ свѣтъ образованія у народа и своими дикими охотами опустошаетъ нивы мужика. Даже кроткій Клаудіусъ дерзалъ на выходки вродѣ слѣдующей: Владыка да будетъ лучшимъ изъ людей, а не то пусть лучшій и будетъ владыкою. Гордыня вельможъ уймется, когда мы сами перестанемъ имъ раболѣпничать,—говорило другое изреченье; а дико настроенный простолюдинъ выражался такъ: вмѣсто того чтобъ ждать куска хлѣба изъ милости, честному человѣку надо имѣть настолько мужества и силы, чтобы прямо заморить себя голодомъ до могилы.

Готфридъ Августъ Бюргеръ (1748—94) былъ истинно поэтическою натурой, но прекрасная эта звѣзда заволоклась туманами; чувственно страстный темпераментъ рано увлекъ его въ грубый разгулъ и опуталъ сѣтью матерьяльныхъ нуждъ и бѣдствій; потомъ жилъ онъ въ двойственномъ бракѣ съ женою и ея сестрой, а по смерти ихъ обѣихъ влюбился до безумія въ одну швабскую дѣвушку, и никогда не хотѣлъ найдти въ самомъ себѣ вину своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдъ; такъ индивидуальность его и осталась неочищенной: оттого въ поэтическихъ его изливахъ, рядомъ съ глубоко прочувствованными вещами, мы находимъ пошлое и плоское и въ придачу къ тому риторическія прикрасы. Когда онъ наконецъ повелъ свою возлюбленную къ алтарю, онъ трогательно высказалъ свою исповѣдь:

Въ дни юности, когда я ликовалъ
Подъ маніемъ любви счастливой,
Я сотни, тысячи обгонялъ
Въ наукѣ, въ пѣснѣ шаловливой,
Мчась въ колесницѣ боевой.
И вдругъ, что сталося со мной?
Гдѣ тотъ порывъ и гдѣ та сила?—
Ихъ сердца скорбь похоронила!
А право, теплая весна
Роскошныя тѣ сѣмена
Вѣдь не напраснобъ пріютила.*

Ему хотѣлось чего-нибудь, вполнѣ доступнаго народу; все должно было прямо и беззакрытно бросаться въ глаза фантазіи; во многихъ своихъ пѣсняхъ онъ мѣтко попадалъ на искренные, сердечные звуки чувства, но тутъ же рядомъ онъ обрывался въ площадной разгульный языкъ, а когда затѣвалъ подняться выше, то часто портилъ естественную грацію излишнею до-

* Въ природѣ миріады роскошныхъ сѣмянъ гибнутъ даромъ, то-есть вовсе не производя того, къ чему ближе предназначены своей организаціей; но человѣкъ — и только онъ одинъ—все-таки въ правѣ спросить себя, зачѣмъ и отчего сгибли въ немъ эти сѣмена.

Прим. перев.

полнительною отдѣлкой. Какимъ благозвучіемъ обладалъ онъ иной разъ, всего лучше доказываетъ чудная вокализація первой строки сонета его къ Молли: Wann die goldne Frühe neugeboren (Рань золотая народилась снова). Изданный трудами Перси сборникъ англійскихъ и шотландскихъ балладъ вызвалъ его къ соревнующему подражанію; если многое грубѣло и расплывалось у него подъ рукой, то все же для своего времени Бюргеръ былъ человѣкомъ силы необыкновенной, и онъ не даромъ назвалъ себя кондоромъ „Лѣсного союза": другіе передъ нимъ выходили развѣ только выпями, послѣ того какъ онъ написалъ свою „Ленору". Пересадка старой былины въ настоящее, умѣнье тѣсно сплести фантастически-призрачное съ дѣйствительнымъ, живая наглядность всей картины, страстный пылъ въ выраженіи чувствъ,—все показываетъ здѣсь истинно-народнаго мастера-поэта; перемогающее душу ощущеніе становится у него трагическимъ, скорбь покинутой переходитъ въ ропотъ на Промыслъ божій, и вотъ какъ бы въ искупленіе этой вины, женихъ мчитъ невѣсту прямо къ смерти, тогда какъ первоначальная идея и въ сѣверной пѣснѣ объ Ольгѣ (Helgelied) и въ бретонской балладѣ скорѣе та, что сила любовной страсти соединяетъ вѣрныя сердца на нескончаемое, вѣчное блаженство. Стихотвореніе это упало съ неба молніей, ни дать ни взять какъ Гётцъ и Вертеръ Гёте; оно указало сверстникамъ Бюргера на поэтическіе сюжеты, на многотревожное дѣйствіе, и обокъ съ пошлой повседневностью открыло имъ цѣлый романтическій міръ.

Графы Христіанъ и Леопольдъ фонъ-Штольберги, на взглядъ тогдашняго поколѣнія, внесли въ среду передовыхъ литературныхъ бойцовъ знатность рода вмѣстѣ съ геніемъ: оба они были истые ученики Клопштока, восторженные поклонники дружбы, отечества и вѣры. Оды на античный ладъ чередовались у нихъ съ обиходными пѣснями и съ рыцарскими балладами; какъ переводчики трудились они, первый—надъ Софокломъ, второй — надъ Эсхиломъ, да онъ же перелагалъ въ гексаметрахъ и Гомера, на ряду съ бюргеровымъ переводомъ въ ямбахъ. Графы вдоволь наглядѣлись на море, и шумъ волнъ его дѣйствительно отдавался въ ихъ стихахъ; на развалины крѣпкихъ зàмковъ смотрѣли они не тѣми глазами, что мѣщанскіе ихъ сверстники; славя своихъ предковъ, они ступили этимъ первый шагъ къ тому, чтобы чувство родины связать опять съ средневѣковьемъ и снова вызвать къ жизни рыцарство, являясь и тутъ предтечами романтиковъ. Ихъ юношескій кутежъ былъ полонъ сознательно-аристократичнаго разгула; когда Гёте отправился вмѣстѣ съ ними въ Швейцарію, пріятель его, Меркъ, назвалъ это глупой шалостью и къ тому прибавилъ: „Ты неуклонно стремишься придавать поэтическую форму сущей дѣйствительности, а они хотятъ, напротивъ, осуществлять такъ-называемое поэтическое, воображаемое содержанье, изъ чего выходитъ одинъ пустякъ". Изъ двухъ братьевъ значительнѣйшимъ былъ Фридрихъ Леопольдъ. Но и у него Лафатеръ не находилъ достаточно медлящей обдуманности и основательно-изслѣдующаго глубокомыслія; онъ, по мнѣнію его, видитъ только то, что̀ хочетъ видѣть, и способенъ, пожалуй, къ искреннему сочувствію, но не къ измышленію, не къ изобрѣтенію. Вотъ отчего, не съумѣвъ никогда добиться полной свободы мысли, онъ впалъ потомъ въ набожничество, чуявшее въ протестантизмѣ какой-то злорадно-разрушительный духъ, который неминуемо ведетъ къ безбожію и котораго искуснымъ жре-

цомъ выступилъ Кантъ Тотъ самый Штольбергъ, который прежде восторгался Греками, говорилъ теперь, что лучше бы сталъ предметомъ общаго презрѣнія, нежели написать, какъ Шиллеръ, хвалебную пѣснь греческому идолопоклонству, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она принесла ему въ награду имя великаго и милѣйшаго изъ поэтовъ Гомера. Онъ перешелъ къ католичеству и вступилъ въ кругъ княгини Голицыной *, обратившейся отъ свѣтской жизни къ благочестію и сдѣлавшей свою гостиную средоточіемъ эстетичной религіозности. Штольбергъ и здѣсь указалъ путь позднѣйшимъ романтикамъ, точно такъ же какъ онъ подготовилъ шатобріановыхъ „Мучениковъ" своей Исторіею Христіанства, гдѣ съ безкритичной словоохотливостью распустилъ въ какой-то приторной сытѣ и вѣру и суевѣріе, и дѣйствительные факты и легендарные вымыслы. Какимъ образомъ Фрицъ Штольбергъ сталъ невольникомъ? гнѣвно спрашивалъ о другѣ своей молодости Фоссъ; но мы готовы напомнить здѣсь вмѣстѣ съ Гердеромъ, что и католики вѣдь христіане, и что каждому должна быть предоставлена свобода примыкать къ тому обряду и исповѣданію, которые больше его удовлетворяютъ.

Если Штольберги пѣли о старомъ рыцарѣ, передающемъ боевое копье и дворянскій обычай по наслѣдству своему сыну, зато у Гёльти старикъ-земледѣлецъ завѣщаетъ своему:

Будь вѣренъ, честенъ ты всю жизнь свою до гроба,
И божіихъ путей вовѣкъ не покидай.

Если тамъ какая-нибудь золотокудрая Агнеса разгуливаетъ по чертогамъ дѣдовъ и отцовъ, зато здѣсь колокола деревенской церкви возвѣщаютъ то свадьбу, то похороны молодой поселянки; мирты уступаютъ мѣсто яблонѣ или бузиннику, а мѣсяцъ все-такъ же ясно свѣтитъ и сквозь нихъ, такъ что Шиллеръ не даромъ говоритъ въ свою очередь: „Смотрите, солнце Гомера улыбается и намъ!" Кротко-мечтательное, идиллическое радованіе природой проникнуто у Гёльти грустнымъ предчаяніемъ ранняго конца.—Швабъ Миллеръ пѣлъ любовныя свои пѣсни, примыкая къ средневѣковымъ отчасти образцамъ, а въ своемъ монастырскомъ романѣ „Зигвартъ" далъ типическое выраженіе сладко-немощному элементу плаксивой чувствительности. Любящіеся клянутся во взаимной вѣрности надъ клопштоковою Мессіадой (!), но обстоятельства разлучаютъ ихъ, и впослѣдствіи онъ, уже монахомъ, выслушиваетъ исповѣдь увядшей отъ любви инокини, а потомъ умираетъ съ тоски на ея могилѣ самъ. Тутъ не надо искать ни огненной страсти Вертера, ни художественной силы гётевскаго изложенія; Гёте возносится, паритъ надъ своимъ сюжетомъ, а Миллеръ весь изводится въ какомъ-то бездѣйственномъ прекраснодушіи; вмѣсто отдачи себя идеальнымъ цѣлямъ, крайняя, безпредметная чувствительность милуется здѣсь съ собственнымъ своимъ сердцемъ и сама себя омрачаетъ меланхолическими мечтами. Еще одинъ позднѣйшій ро-

* Урожденной графинѣ фонъ-Шметтау, вышедшей за русскаго посланника въ Парижѣ, а потомъ въ Гагѣ, князя Дмитрія Алексѣевича Голицына, автора нѣсколькихъ французскихъ книгъ. Прим. перев.

манъ Миллеръ назвалъ „Матерьяломъ къ исторіи нѣжности“ (Beitrag zur Geschichte der Zärtlichkeit), а самъ между тѣмъ, въ званіи пастора въ Ульмѣ, добросовѣстно отправлялъ свои обязанности, преспокойно покуривая трубку.

Дѣльнѣйшимъ изо всего союза, не по поэтическому дарованію, а по силѣ характера и прилежному труду, былъ Фоссъ (1751—1826); оттого онъ и явился всѣхъ значительнѣе для нашей образованности и литературы. Сынъ мекленбургскаго мызника, онъ самъ выкарабкался изъ очень тѣсныхъ обстоятельствъ, и впослѣдствіи, при всякой встрѣчѣ съ вялостью или со спѣсью безъ заслугъ, онъ смѣло противопоставлялъ имъ строптивое чувство силы самодѣльнаго человѣка. И онъ началъ Клопштоковскимъ одопѣніемъ, но Гердеръ указалъ ему на простосердечіе народной пѣсни, а его собственный смыслъ природы навелъ его на предметную дѣйствительность; въ то же время морализирующее просвѣщеніе той эпохи втянуло Фосса въ свои круги и побудило его искать назидательнаго употребленія поэзіи, пока самъ онъ только еще учился ей у Грековъ; изъ смѣси этихъ элементовъ вышелъ такой своеобразный металлъ, который онъ выковывалъ и чеканилъ потомъ по правиламъ искусства, но ремесленнически, а не творчески. Въ противоположность дворскимъ стихотворцамъ онъ хотѣлъ занять мѣсто стихотворца земскаго, который слѣдилъ бы народъ за его работой и удовольствіями, занималъ его, поучалъ и вмѣстѣ облагороживалъ. Но онъ просмотрѣлъ тутъ одно: что народъ, когда онъ вяжетъ ленъ, жнетъ хлѣбъ, собираетъ картофель, никогда не захочетъ пѣть объ этомъ своемъ дѣлѣ, а скорѣе обратится фантазіей къ какимъ-нибудь царевичамъ и царевнамъ, которые до смерти любятъ другъ друга, а сойтися не могутъ, потому что глубока-де между ними вода. Оттого пѣсни его вѣютъ на насъ созерцаніемъ какого-то третьяго, сторонняго лица, а вовсе не голосомъ самого народа, и Фоссъ несравненно лучше тамъ, гдѣ онъ даетъ эпическія картины жизни и рисуетъ, на манеръ нидерландскихъ миніатюристовъ, простолюдство съ его побытами и нравами и съ окружающею его природой. Тутъ онъ пускаетъ иногда въ ходъ и нижненѣмецкое нарѣчіе, а на мѣсто кукольныхъ пастушковъ какой-то воображаемой Аркадіи и на мѣсто переряженныхъ въ пастушекъ модныхъ дамъ, онъ выводитъ настоящихъ мужиковъ и деревенскихъ дѣвокъ во всей ихъ грубоватой естественной свѣжести, при чемъ къ желанію вѣрно передать дѣйствительность сплошь и рядомъ примѣшивается у него умыселъ выставить наружу общественныя язвы, указать въ предостереженіе или въ насмѣшку на бѣдственное положенье крѣпостныхъ, на вредъ, причиняемый народу лоттереями, кладоисканіемъ, чертогонствомъ и другими суевѣріями. Гдѣ намѣреніе это выступаетъ не само по себѣ напрямикъ, а непосредственно достигается правдою изображенія, тамъ поэзія исполняетъ священную свою службу быть освободительницей и просвѣтительницей человѣчества. Образцомъ для Фосса былъ Ѳеокритъ, и вообще слѣдуя примѣру Грековъ, онъ пріобрѣлъ себѣ въ поэзіи художественный стиль, но къ сожалѣнію испортилъ впослѣдствіи первоначальную простоту лишнимъ преизбыткомъ подробностей и, пожалуй, болѣе правильными и благозвучными, но зато ужь и черезчуръ тяжеловѣсными гексаметрами, изъ которыхъ слышится не столько народная молвь, сколько многотрудное и хитроумное стихотворчество ученаго. Вмѣсто изящныхъ перифразъ, или обходныхъ словооборотовъ, какіе (въ

избѣжаніе повтореній) употребляютъ Римляне и вслѣдъ за ними Французы, онъ, по примѣру Эллиновъ, предпочиталъ всегда ближайшее прямое выраженіе, и часто изъ эѳирныхъ серафимскихъ областей вводилъ въ сподручную атмосферу, пропитанную запахомъ жаренаго и кофе,—атмосферу, среди которой люди досыта ѣдятъ и пьютъ. Пародируя Фосса, Шлегель влагаетъ ему въ уста слѣдующіе стихи:

Кто отъ ядущихъ гостей запирается крѣпкимъ засовомъ,—
Да не достанься тому лакомый кусъ никогда!

Вѣнцомъ всѣхъ фоссовыхъ стихотвореній осталась его „Луиза". Здѣсь поэтъ вводитъ читателя въ нѣмецкій пасторскій домъ, какъ прежде Гольдсмитъ познакомилъ насъ съ англійскимъ; мы видимъ передъ собой протестантское духовное лицо, просвѣщенное и полное терпимости, благотворно дѣйствующее среди семьи и прихода съ патріархальнымъ достоинствомъ и кротостью, живущее въ мирѣ съ самимъ собой и со всѣми другими и наконецъ благословляющее дочь свою на священный союзъ любви. Этотъ одушевляющій всю поэму смыслъ ставитъ ее на одну почву съ лессинговымъ Натаномъ; его же напоминаетъ и предлагаемая Фоссомъ притча о католикѣ, кальвинистѣ и лютеранинѣ, которые, уповая каждый на свое правовѣріе и на исключительную душеспасительность своего исповѣданія, одинъ за другимъ подходятъ къ дверямъ рая, но всѣ получаютъ отъ Петра апостола мѣсто только на лавочкѣ сбоку отъ дверей. Тутъ видно имъ, какъ блуждающія на взглядъ свѣтила всѣ уряжаются въ стройный хороводъ, тутъ слышны имъ гармоническіе хоры блаженныхъ, сердца ихъ переполняются и восхищенные поютъ они въ одинъ голосъ: Всѣ мы вѣруемъ въ единаго Бога. Тогда растворяются вдругъ врата небесныя, и апостолъ улыбаясь говоритъ: „Что̀, образумились теперь, малоумныя дѣти? Ну, съ Богомъ, войдите!" Шиллеръ находитъ, что Фоссъ своей Луизою не только обогатилъ, но и положительно расширилъ нѣмецкую литературу, а Гёте писалъ къ нему объ ней такъ: „Я еще очень живо помню тотъ чистый энтузіазмъ, съ какимъ я встрѣтилъ грюнаускаго пастора, какъ часто я читалъ его, такъ что почти всего затвердилъ наизусть, и все это пошло мнѣ въ прокъ, это удовольствіе стало у меня производительнымъ, оно и меня втянуло въ ту же область, оно породило Германна" (и Доротею). Если мы и теперь еще вмѣняемъ „Луизѣ" въ главную заслугу то, что она вызвала собой „Доротею" Гёте, то, сравнивъ ее съ этимъ мастерскимъ созданіемъ истиннаго генія, мы можемъ положительно сказать, что у Фосса нѣтъ ни дѣйствія, ни всемірноисторическаго фона, и что черезъ это онъ остается на домодѣльщинѣ и на мелкой мѣщанской почвѣ, тогда какъ поучительный умыселъ вовлекаетъ его въ чрезмѣрную словоохотливость. Произведеніе его—идиллія, а созданіе Гёте—настоящій эпосъ.

Величайшую благодарность своихъ родичей заслужилъ себѣ Фоссъ какъ переводчикъ и какъ одинъ изъ передовыхъ дѣятелей въ выработкѣ для своего отечества поэтическаго языка. Лессингъ и Винкельманъ постигли все великолѣпіе эллинства, Гердеръ учуялъ разницу Гомера съ Виргиліемъ, а Фоссъ ввелъ то и другое въ сферу общаго образованія. Отъ своихъ нижненѣмецкихъ народныхъ стихотвореній онъ постепенно дошелъ до пониманія и пе-

ревода Одиссеи размѣромъ подлинника. Мѣсто прозы и обычныхъ риѳмъ заступили у него ритмически-расчлененный гексаметръ и такая вѣрность въ передачѣ частныхъ подробностей и тона цѣлаго произведенія, которая далеко оставила за собой всѣ прежнія попытки. Онъ съумѣлъ настолько подражать греческой и латинской рѣчи въ словопроизводствѣ и въ словосочиненіи, насколько допускаетъ духъ нѣмецкаго языка; этимъ онъ рѣшительно обогатилъ его, не насилуя; лютерова библія и простонародныя нарѣчія служили для него источникомъ своеобразныхъ выраженій. И съ научнымъ сознаніемъ установилъ онъ въ нѣмецкомъ языкѣ долготу и краткость до такой степени, что въ немъ долги или облечены удареніемъ всѣ слоги, выражающіе какое-нибудь понятіе или способные играть роль самостоятельнаго слова, за исключеніемъ однѣхъ только частицъ; такимъ образомъ добился онъ спондеевъ, и черезъ нихъ—твердой сдержки и силы, а потомъ чутко изучилъ ритмическое разнообразіе въ предѣлахъ каждаго стихоразмѣра и владѣлъ имъ мастерски. Въ позднѣйшихъ его изданіяхъ и трудахъ преобладаетъ уже гоньба за полнозвучной роскошью выраженія и за строгимъ соблюденіемъ мелочныхъ даже подробностей; но первоначальный переводъ Одиссеи передалъ въ цѣломъ манеру Гомера какъ нельзя удачнѣе и былъ полонъ наивной граціи, тогда какъ Иліада, а потомъ Виргилій, Горацій и другіе поэты хотя и отличаются у него энергіей и выразительностью, но уже не безъ замѣтнаго огрубленія, не безъ тяжеловатыхъ жесткостей и не безъ преувеличеннаго подражанія греческимъ и латинскимъ своеобразностямъ. Тѣмъ не менѣе, если такая своеобразность и языка вообще и любого изъ писателей въ частности успѣшно передается понѣмецки, если искусство переводить не развилось ни у одного народа въ такой степени, то Фоссъ много сдѣлалъ для этого крѣпко опираясь на древность и помогъ тѣмъ самой послѣдней стать въ нѣмецкой литературѣ болѣе близкимъ и сильнымъ дѣятелемъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой. Соединеніе самой свѣжей естественности съ художественной идеальностью антика дѣлаетъ фоссовъ переводъ Гомера истинно безсмертнымъ подвигомъ. Эпическій языкъ лучшихъ произведеній Гёте и драматическій у Шиллера созрѣли до совершенства подъ этимъ именно вліяньемъ.

Самъ Фоссъ видѣлъ въ Лютерѣ и Лессингѣ двойное созвѣздіе судьбы своей; ему казалось что подъ лучами этого созвѣздія успѣшно зрѣетъ все, чѣмъ жизнь дорога и очаровательна; поэтому отпаденіе отъ протестантской свободы духа и ясной разумности побудило его выступить съ оружіемъ въ рукѣ, и тогда всѣ мечтательныя химеры, всѣ обуживающія умъ внѣшнія положенія нашли себѣ въ немъ самаго горячаго противника. Такъ набросился онъ на Штольберга, когда тотъ перешелъ въ католицизмъ, такъ послѣ и на Крёйцера, когда тотъ сталъ проводить восточную мистику въ миѳы Грековъ. Такъ онъ ратовалъ противъ романтиковъ и ихъ пристрастія къ средневѣковью; онъ чуялъ во всемъ этомъ союзъ поповства съ дворянчествомъ, — союзъ, который норовитъ лишить насъ лучшихъ даровъ жизни; онъ былъ передовымъ бойцомъ противъ тѣхъ самыхъ темныхъ силъ, съ которыми приходится и теперь бороться новогерманской имперіи. Но онъ былъ такимъ бойцомъ съ слишкомъ уже перепущеннымъ закаломъ, то-есть безъ всякой способности вникнуть въ чужую точку зрѣнія, и не даромъ ловкій противникъ его, А. В. Шлегель,

приписывалъ ему особенный даръ дѣлать своей личностью непріятнымъ все то, что ни возьмется онъ отстаивать; онъ, по его словамъ, и кротость хвалитъ всегда съ горечью, терпимость—съ ревностью гонителя, превозноситъ космополитизмъ какъ мелкій мѣщанинъ, свободу мысли какъ тюремный сторожъ, и какъ сѣверный варваръ—славитъ греческую образованность. Но эта мужицкая, крѣпкая на кулакъ твердость все-таки принесла намъ добрые плоды, и мы готовы заключить вмѣстѣ съ Гёте: Чтожь, развѣ быть терпимымъ и къ самой нетерпимости? Избави Богъ! Нетерпимость постоянно вѣдь дѣйствуетъ и шныритъ; ее только и можно посдержать, что такимъ же нетерпящимъ противодѣйствіемъ и шныряньемъ.

Въ дружескихъ отношеніяхъ къ геттингенскому братству стоялъ Маттіасъ Клаудіусъ, или „Вандсбекскій Вѣстникъ", какъ самъ онъ себя называлъ по издаваемому имъ еженедѣльному журналу. Самъ онъ идиллически жилъ въ бодрой всегда бѣдности, и девизомъ его были дѣтское веселье и незлобіе. Съ безобиднымъ юморомъ говоритъ онъ и о вещахъ и о людяхъ, и ни одинъ изъ членовъ братства не попадалъ въ простосердечный народный тонъ такъ хорошо, какъ попалъ онъ въ иныхъ своихъ стихотвореніяхъ, хоть напримѣръ въ пѣснѣ про рейнвейнъ, которая охотно поется еще и нынѣ. Вслѣдъ за шутливо-лукавой отповѣдью другимъ винороднымъ краямъ, трогательно звучитъ заключеніе: „И гдѣ кто ни лежи въ печали, мы подадимъ ему стаканъ того вина"; а въ похвалѣ соку рейнской лозы шевелится и національное вмѣстѣ чувство:

Его отъ сердца полноты даетъ намъ лучшая изъ родинъ:
Иначе былъ ли бъ онъ пріятенъ такъ и милъ?
Онъ былъ ли бы такъ тихъ, такъ скромно-благороденъ
И вмѣстѣ полонъ мужества и силъ?

Вечернюю его пѣсню Гердеръ помѣстилъ въ „Голоса народовъ"; съ какимъ яснымъ настроеніемъ, съ какой изящной простотой начинается здѣсь картина природы:

Вотъ и мѣсяцъ всходитъ величаво,
Заблистали звѣзды золотыя,
На небѣ такъ ясно и свѣтло;
Молча темный боръ въ дали чернѣетъ,
А съ луговъ подлѣсныхъ бѣлою волною
Поднялась тумана пелена.

Радованіе природой у Клаудіуса религіозно какъ у Брокеса, но не расплывается въ размышленія, а полно искренняго чувства и ни мало не риторично въ выраженіи; въ природѣ видитъ онъ трапезу, открытую Богомъ для всѣхъ наличныхъ существъ, въ лѣсу становится ему жутко передъ тѣмъ, кто такъ мощно роститъ деревья, Земля въ весеннемъ своемъ образѣ видитъ мимоидущаго передъ ней Бога и останавливается въ праздничномъ нарядѣ крайдороги съ ликованіемъ. Клаудіусъ крѣпко держится Евангелія; Христосъ, какъ онъ живетъ тамъ и дѣйствуетъ, — первый другъ ему и во всемъ помощникъ; онъ терпѣть не можетъ богословскихъ счетовъ и перебранокъ и на-

божно углубляясь въ мистику какого-нибудь Таубера, Ангела Силезія и родственнаго имъ Француза, Сенъ-Мартена, онъ ведетъ прямо къ тому воззрѣнію, для котораго вѣчное и временное взаимно сопроникаются въ жизни не только человѣка, но и всего вообще естества. Та дѣтская кротость и простота, съ какими и въ государствѣ и въ церкви держался онъ всегда за данное, вовлекала его въ противорѣчіе съ такими людьми какъ Фоссъ, которые настаивали на неотложномъ проведеніи права разума; да правду сказать и первоначальный способъ его изложенія современемъ превратился у него въ манеру и сталъ вовсе уже не хорошъ.

Лейзевитцъ принадлежалъ къ союзу недолго, и еще студентомъ принялся за своего „Юлія Тарентскаго“. Строгая форма этой трагедіи обнаруживала школу Лессинга, а полное страсти содержанье и выходки противъ общественныхъ золъ, напоминающія Руссо̀, принадлежатъ бурно-рьяному періоду. Два брата, одинъ — раздумчиво-чувствительный, другой — свѣтски-дѣятельный человѣкъ, влюбились въ одну и ту же дѣвушку по̀ уши, и ни какъ не хотятъ поступиться ею; тогда отецъ посылаетъ дочь въ монастырь, и при попыткѣ увезти ее Юлій погибаетъ отъ руки брата, а этотъ падаетъ искупительною жертвой отъ руки отца. Шиллеръ, въ своихъ Разбойникахъ и въ Мессинской Невѣстѣ поддался вліянію этой трагедіи, которая конечно больше даетъ размышленій, нежели художественно развиваетъ ростъ страсти и готовитъ передъ вами окончательный ея взрывъ. Рано примѣнили къ Лейзевицу поговорку о львицѣ, у которой всего одинъ дѣтенышъ, да зато ужь настоящій левъ; нельзя не пожалѣть, что онъ, достигшій высокихъ должностей на службѣ, не захотѣлъ болѣе авторствовать, что̀ впрочемъ скорѣе произошло отъ недостатка творческой силы нежели отъ досады за то, что при назначенномъ Шрёдеромъ литературномъ состязаніи, премію получилъ не онъ, а Клингеръ за своихъ „Близнецовъ“. Это и ведетъ насъ къ другому опять кругу.

Страсбургъ для югозападной Германіи сталъ навремя тѣмъ же, чѣмъ Гёттингенъ для сѣверной: это именно было тогда, когда Гердеръ гостилъ тамъ, а Гёте обучался въ тамошнемъ университетѣ; потомъ живое общеніе шло вокругъ геніальнаго поэта во Франкфуртѣ, пока наконецъ въ Веймарѣ онъ не перебѣсился и не остепенился уже вполнѣ. Клингеръ (1752 или 1753—1831), какъ и Гёте, родился во Франкфуртѣ, но будучи сыномъ рано умершаго канонира,—бѣднякомъ, для котораго, равно какъ и для всей ихъ семьи, хлѣбъ добывала прачка-мать тяжелой черной работою, онъ конечно не сближался съ дѣтищемъ франкфуртскаго патриція до тѣхъ поръ, пока не вышелъ въ люди собственною силой. Горькая борьба за существованіе рано закалила его духъ и надѣлила его на всю жизнь чувствомъ независимости; мы—владыки судьбы своей, пока сами собой владѣемъ,—было его девизомъ. Силой пришлося ему проталкиваться и протѣсняться впередъ, онъ близко узналъ тѣневую сторону дѣйствительности, ученіе Руссо̀ о первобытной высотѣ природы, о возстановленіи достойныхъ человѣка свободныхъ отношеній въ обществѣ, сдѣлалось для него евангеліемъ, а Шекспиръ сталъ для него свѣтиломъ какъ поэтъ. Еще студентомъ гисенскаго университета, началъ онъ писать драмы; „Близнецы“ скоро доставили ему общую извѣстность; онъ былъ то театральнымъ сочинителемъ при бродячихъ актерскихъ труппахъ, то поручикомъ вольнаго ав-

стрійскаго корпуса въ войну за баварское наслѣдство. Еще прежде успѣлъ онъ побывать въ Веймарѣ. Но когда одно мѣсто изъ стихотвореній Клингера, гдѣ онъ говоритъ, что пьетъ львиную кровь и ѣстъ сырое мясо, Виландъ вздумалъ примѣнить къ нему лично и къ его неистовствамъ,—мы понимаемъ, какъ Гёте могъ на это сказать, что Клингеръ для нихъ теперь воплощенная заноза, но что она непремѣнно выйдетъ у него нарывомъ. Впрочемъ оба они, питали другъ къ другу пріязнь и уваженіе вплоть до глубокой старости; Гёте впослѣдствіи писалъ къ нему:

Порогъ намъ въ жизни указалъ различные пути и цѣли для исканья;
Но благородны цѣли тѣ, итакъ прощай теперь до дружнаго свиданья!

Клингеръ думалъ было идти на войну за освобожденіе Сѣверной Америки, какъ вдругъ въ 1780-мъ году очутился чтецомъ при русскомъ Великомъ Князѣ Павлѣ, въ Петербургѣ. Онъ объѣхалъ съ нимъ Италію и Францію, душевно радуясь прекрасному въ искусствѣ и въ историческихъ воспоминаніяхъ, а за тѣмъ получилъ мѣсто при кадетскомъ корпусѣ, сдѣлался его директоромъ, далѣе—попечителемъ дерптскаго университета и наконецъ генералъ-лейтенантомъ. Онъ твердо стоялъ на скользкой придворной почвѣ, вѣрный своему характеру, не заботясь ни о козняхъ, ни о проискахъ, ни о кутежахъ; онъ хранилъ идеальную высоту въ замкнутомъ святилищѣ своего сердца. „Я могъ бы показать вамъ, говоритъ у него въ одномъ мѣстѣ поэтъ свѣтскому человѣку, какъ дѣйствительный міръ предсталъ мнѣ сначала только сквозь поэтическую завѣсу, какъ потомъ міръ поэзіи былъ потрясенъ дѣйствительнымъ и какъ однакожь онъ все-таки одержалъ наконецъ побѣду, благодаря тому свѣту, какой пролилъ отъ себя воскресшій во мнѣ самобытный нравственный смыслъ"; слова эти — прямо личная исповѣдь Клингера. Въ размышленіяхъ, завершающихъ авторскую его дѣятельность, онъ задается вопросомъ, какъ можетъ человѣкъ, самъ чуждый интригъ и лести, остаться правдивымъ и свободнымъ въ борьбѣ съ окружающимъ его негодяйствомъ, мало того—выйдти въ люди и держаться прямо даже при дворѣ; и потомъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ между прочимъ слѣдующее: „Главное, чтобъ онъ даже никогда и не помышлялъ о томъ, что̀ люди называютъ „сдѣлать фортуну", строго, энергически, прямо и безъ оглядокъ выполнялъ свой долгъ, не марая ни одного изъ своихъ поступковъ пятномъ своекорыстія; онъ долженъ беречься страсти блистать и властвовать, и являться на сцену свѣта только тогда, когда требуетъ его непосредственное призваніе, а впрочемъ жить отшельникомъ въ кругу семьи, немногихъ друзей, и среди своихъ книгъ, въ умственномъ, духовномъ царствѣ; онъ никогда не долженъ спорить о мнѣніяхъ съ людьми, у которыхъ только и есть что мнѣнія, а о себѣ самомъ говорить и думать только въ тиши, въ глубочайшей своей внутренности... Я самъ сдѣлалъ изъ себя то, что̀ и каковъ я есть, я самъ по мѣрѣ силъ развивалъ свой характеръ, и такъ какъ я дѣлалъ это серьёзно и добросовѣстно, то такъ-называемое счастіе пришло за тѣмъ само собой. Я былъ къ себѣ строже и безпощаднѣе, чѣмъ къ кому либо другому. Благодаря своему происхожденію и воспитанію, я близко узналъ бытъ низшихъ и среднихъ сословій, ихъ нужды и ихъ счастіе, а благодаря своему положенію

я ознакомился съ бытомъ высшихъ и даже высочайшихъ лицъ, съ ихъ самообольщеньями, виновностью и невинностью. Въ обширной имперіи поручались мнѣ многія дѣла, ставившія меня во всестороннія сношенія; покончивая ихъ каждый день, я проводилъ все остальное время въ глубочайшемъ уединеніи. Вотъ что́ я называю беречь въ человѣкѣ существенное его ядро, и надъ этимъ я работаю, твердо убѣжденный, что внутренній человѣкъ никогда не ста́рѣетъ, если только умъ съ сердцемъ не пойдутъ у него врозь".

Клингеръ добивался свѣта среди утреннихъ сумерекъ, а солнце между тѣмъ всходило повидимому во Франціи; но терроръ и потомъ деспотизмъ Наполеона разрушили свободу, эту дорогую для многихъ мечту. Тогда-то писалъ онъ въ раздраженіи: „Что въ природѣ человѣка есть нѣчто дьявольское, забирающее силу, коль скоро оно сможетъ,—этому видѣли мы явный примѣръ; и право, кажется, только одна эта дьявольщина и способна всколыхать трясину, въ которой валяется человѣческое отродье. Начинаютъ съ добрыми намѣреньями, а тутъ вдругъ возникаютъ гнусныя и дикія страсти, и только когда онѣ породятъ всепоглощающее чудовище, только тогда оглядываются опять на цѣль, какую добрыя намѣренія намѣчали прежде". Онъ пережилъ внезапный конецъ Императора Павла; вступленіе на престолъ Александра І-го привѣтствовалъ онъ съ радостнымъ трепетомъ своей поэтической души; а потомъ написалъ истинно-потрясающій отрывокъ о слишкомъ раннемъ пробужденіи генія человѣчества. Послѣдній молитъ передъ престоломъ Вѣчнаго, да просвѣтитъ онъ его относительно современныхъ событій, чтобъ онъ могъ разрѣшить себѣ вопіющее противорѣчіе и принесть утѣшеніе страдальцамъ;—но вотъ, вмѣсто отвѣта, царитъ ужасное, сокрушительное безмолвіе. Поэтъ не уповаетъ болѣе съ мужественною вѣрой Шиллера на побѣду идеи въ исторіи; онъ держится только уже за одно, за непоколебимую вѣрность, какую хранятъ къ ней крѣпкія, благородныя души. „Ежедневно вижу я нравственный міръ, такъ глубоко́, такъ плотно основанный на физическомъ, что ихъ едва различишь одинъ отъ другого; міръ духовный поддерживаетъ его на одномъ тонкомъ волоскѣ, да и тянетъ еще кверху. Но величайшее изъ чудесъ то, что въ теченіе столь многихъ тысячелѣтій чудовищная масса не можетъ порвать тонкаго этого волоска". Это нравственная сила тѣхъ немногихъ великихъ стоическихъ душъ, къ которымъ Клингеръ бы въ правѣ себя причислить. Съ одной стороны сила воли, поддерживающая сердечный идеалъ наперекоръ всѣмъ противорѣчіямъ дѣйствительности и свѣтскаго расчетливаго ума, а съ другой оформливающая этотъ идеалъ поэтическая фантазія, были для Клингера въ основаніи одно и то же; кто среди самыхъ печальныхъ опытовъ не теряетъ восторженнаго чувства къ праву и истинѣ, одинъ тотъ можетъ въ глубинѣ души своей создать себѣ царство красоты и свободы и жить въ немъ пріютно, какъ будто бы у себя. Герой и поэтъ помазываются на свое высокое призванье только въ святилищѣ міропобѣдной нравственности.

Клингеръ, по природной своей наклонности, кажется намъ человѣкомъ дѣла, дѣйствія; намѣреніе дѣйствовать, будить силу перевѣшиваетъ у него, какъ и у Альфіэри, чисто-художническую радость создавать, а потому лишь

только онъ взялся за сочиненіе, онъ совершенно послѣдовательно обратился къ поэзіи дѣла, къ драмѣ. Вся нація свѣжимъ своимъ сочувствіемъ къ театру подоспѣла на помощь поэтической молодежи; на нѣмецкую сцену выступилъ Шекспиръ, а съ нимъ явилась также рѣчь страсти и грубоватой шутливости, да и бойкая реалистическая характеристика въ противоположность лоску салонной и обточенной размѣренности Французовъ. На первыхъ порахъ природная сила великаго Британца заслонила собой его художественность; въ немъ видѣли одинъ только самородный геній, которому мечтали подражать, играя напримѣръ словами какъ его клауны, или выводя на сцену кровавые ужасы. Юношескія произведенія Клингера и Ленца напоминаютъ не столько Шекспира, какъ Марло и Грина; какъ первый возносится надъ послѣдними, такъ точно Гёте и Шиллеръ превышаютъ своихъ сверстниковъ чувствомъ нравственной и художественной мѣры. Столкновеніе природы съ такою цивилизаціей, которая стѣсняетъ сердечныя права, которая прямо портитъ или черезчуръ изнѣживаетъ нравы, борьба высокопарно-пылкихъ душъ съ обиходнымъ филистерствомъ, пробуждающееся стремленіе къ политической свободѣ, которое гнетущимъ мелочнымъ условіямъ современности противопоставляетъ величіе древнихъ республикъ, вольномысленное просвѣщеніе, обращенное противъ властолюбивой хитрости поповъ, вопль человѣческаго чувства противъ золъ общественныхъ порядковъ,—все это изображается тутъ въ томъ самомъ видѣ, какъ оно волнуетъ душу юности. Въ клингеровыхъ „Близнецахъ“ смѣлый, суровый Гвельфо убѣжденъ, что у него обманно отняты и право наслѣдія по первородству и суженая невѣста; онъ считаетъ себя человѣкомъ, какъ нарочно созданнымъ для того, чтобы возстановить падшее величіе Италіи, и убиваетъ кроткаго, умнаго брата, который стоитъ ему преградой на пути. Онъ выводитъ для контраста ангеловъ и дьяволовъ, какихъ-то чудищъ добродѣтели и порока, суровыхъ, твердыхъ стоиковъ и отъявленныхъ плутягъ, придворныхъ, женщинъ съ надменнымъ сердцемъ, съ геройскимъ благородствомъ души, съ отвратительнымъ вольномысліемъ. Драма „Буря и пылъ“ (Sturm und Drang) передала свое имя всему этому періоду. Старая родовая вражда доходитъ между отпрысками двухъ семей до крайности: молодой Вильдъ хочетъ натянуть на барабанъ свою собственную кожу, чтобы только какъ-нибудь расшириться, хочетъ забиться въ пистолетный стволъ, чтобы чья-нибудь рука выпалила имъ оттуда въ вольный воздухъ; вдругъ встрѣчаетъ онъ въ Америкѣ родную дочь врага своей семьи и овладѣваетъ ея сердцемъ; борьба за свободу родины соединяетъ противниковъ однимъ общимъ для нихъ дѣломъ. Въ піэсахъ этихъ много дикостей, много преувеличеній и мало психологическаго развитія; но среди этого „мѣсева ума съ очевиднымъ безумствомъ“ все-таки сверкаютъ искры великихъ помысловъ и неподдѣльной страсти. Намъ попадаются иногда отголоски Шекспира или гётевскаго „Гетца“, а съ другой стороны Шиллеръ признается самъ, что размахи Клингера произвели на него сильное вліянье. Зато и онъ подѣйствовалъ въ свою очередь на того, напримѣръ своимъ Позою на клингерова Родриго. Клингеръ собирается самъ въ себѣ, берется за античные сюжеты и пишетъ полною силы и размаха ритмической прозою. Мѣсто отрывочныхъ вспышекъ страсти заступаютъ у него связные ряды помысловъ. Значительнѣйшая изъ всѣхъ драмъ его—„Медея“. Ея страшное величіе пред-

стаетъ намъ здѣсь не только внутреннею борьбой любви и ненависти въ Коринѳѣ; послѣ убійства ею собственныхъ дѣтей, Клингеръ удаляетъ ее въ пустыни Кавказа. Тамъ, среди одинокаго самосозерцанія созрѣваетъ у ней рѣшимость искупить свое злодѣйство самоотверженными подвигами на благо человѣчества; изъ умственнаго самодовлѣнія неустанный голосъ сердца ведетъ ее опять въ среду людей; это—и благородная ея сторона, и вмѣстѣ ея несчастіе; она подвергается ударамъ судьбы, вовлекаясь въ треволненье свѣта: силою правды и любви хочетъ она освободить народъ отъ кровавыхъ жреческихъ внушеній и гибнетъ именно оттого, что пренебрегаетъ хитростью и насиліемъ; но ея жертвенная смерть тѣмъ не менѣе примиряетъ ее съ Божествомъ.

Позднѣйшія, писанныя въ Россіи, драмы переводятъ насъ къ произведеніямъ мужеской зрѣлости Клингера. Конечно, болѣе какъ мыслитель съ сознательнымъ намѣреніемъ наблюдателя и моралиста, нежели какъ поэтъ, готовый летѣть зря за творческой хотью своей фантазіи, задумалъ онъ смѣлый планъ десяти разныхъ романическихъ созданій, изъ которыхъ каждое должно было стать своеобразнымъ цѣлымъ, но съ тѣмъ чтобы всѣ они въ совокупности вели въ то же время и къ одной общей цѣли. „Эти столь различныя произведенія должны были заключить въ себѣ весь сложившійся изъ опыта и размышленія взглядъ мой на естественныя и перехитренныя отношенія человѣка, обнять весь нравственный его бытъ и коснуться всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ послѣдняго. Общество, правительство, религія, наука, высокое идеальное настроенье, сладкія грезы объ иномъ мірѣ, мерцающій лучъ надежды на какое-то чистое надземное бытіе,—все это изъ сопоставленныхъ мною картинъ должно было выйдти наружу и цѣнною и недостаточною своей стороной, въ надлежащемъ примѣненіи и въ явномъ злоупотребленьи. Всего дороже въ человѣкѣ правда и мужество; оттого и выставилъ я людей какъ въ блистательнѣйшей ихъ высотѣ, въ самомъ идеальномъ пареніи, такъ равно въ глубочайшемъ униженіи, въ самомъ жалкомъ, поскудномъ видѣ. Здѣсь ярко свѣтитъ имъ добродѣтель, тотъ единственный истый образъ божества, въ которомъ оно намъ только и открывается; тамъ гонятся они за обманчивыми пестрыми кумирами,—мечтой, которую сами себѣ создаютъ. Такимъ образомъ читатель найдетъ въ этихъ произведеніяхъ неустанную, смѣлую, безплодную часто борьбу истиннаго благородства съ призраками, порожденными силой тѣхъ кумировъ; найдетъ разныя искаженія сердца и ума; возвышенныя грезы; скотски испорченный и наряду съ этимъ чистый, подлинно высокій характеръ; геройскіе подвиги и злодѣйства; благоразуміе и отъявленное безумство; насиліе и стенящую передъ нимъ раболѣпную покорность; все человѣческое общество съ его чудесами и глупостями, съ его гнусностями и преимуществами; но тутъ же вмѣстѣ и счастіе природной простоты, ограниченности, умѣнья довольствоваться малымъ“. Можно сказать, что Клингеръ достигъ чего желалъ, но, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, онъ преимущественно бралъ крайнія противоположности, чуждаясь всѣхъ посредствующихъ оттѣнковъ, а потому и не попадая на отрадный для сердца гармоническій строй; съ неустрашимо-мужественнымъ сомнѣніемъ, со взглядомъ неподкупнаго судьи обнажаетъ онъ передъ нами всю бѣдственность существованія, всѣ нравственные грѣхи человѣчества, и хра-

нитъ странное, сокрушительное молчаніе на послѣдній вопросъ о томъ, отчего все это такъ, къ чему и на какой конецъ? „На эти вопросы, говоритъ онъ, отвѣтитъ одна только нравственная наша сила, да и она способна отвѣтить вполнѣ развѣ только чистою энергіей дѣйствія. Потомучто одно лишь это (дѣятельное) безмолвіе можетъ сдѣлать нравственный міръ нашимъ благопріобрѣтеннымъ достояньемъ, и путемъ такого пріобрѣтенія дать намъ въ заслуженную отраду сознаніе достигнутой цѣли нашего бытія". Въ самомъ дѣлѣ, спроси каждый самъ себя, возможна ли была бы его свобода, еслибъ онъ сознавалъ Бога, нравственный міропорядокъ, вѣчную жизнь съ математической и чувственно-явной достовѣрностью? не осилили бы его тогда вконецъ страхъ и надежда въ равной степени? * Муза Клингера даетъ мало утѣшенія и отрады, но она будитъ силу нашу, она зоветъ духъ нашъ къ оружію, и хочетъ чтобы путемъ нравственной дѣятельности раскрывался намъ внутренній смыслъ нашъ, чтобы высокими чувствами, великими помыслами и благородными дѣлами мы примыкали къ Божеству, которое въ томъ явно и знаменуется, что мы способны мыслить и дѣйствовать такъ самостоятельно и независимо отъ внѣшняго міра.

Первымъ въ ряду этихъ его произведеній былъ Фаустъ. Томимый жаждой истины и чувственной похотью магикъ призываетъ чорта: тотъ долженъ сорвать для него темный покровъ со всѣхъ тайныхъ пружинъ жизни, сказать ему, зачѣмъ короткія удовольствія покупаемъ мы долговременными скорбями, зачѣмъ страждетъ праведникъ, а порочный наслаждается счастьемъ? Они вмѣстѣ пускаются странствовать по Европѣ, и Клингеръ рисуетъ мрачную картину, для которой беретъ краски изъ предреформаціоннаго времени; мы видимъ передъ собой жалкій нѣмецкій бытъ подъ владычествомъ мелкихъ духовныхъ и свѣтскихъ государей, тиранію Ричарда III-го и Людовика XI-го въ Англіи и во Франціи, неистовства и мерзости папы Александра Борджіи въ Италіи. Нравственно возмущенный до глубины души, Фаустъ неоднократно хочетъ вмѣшаться въ ходъ событій, но всякій разъ узнаётъ изъ опыта что только пуще его испортилъ. На отчаянныя его проклятія чортъ отвѣчаетъ такъ: Ты видѣлъ владыкъ земли и ихъ палачей-холоповъ, лицемѣрныхъ поповъ и развратныхъ женщинъ, а не видалъ еще стенящаго подъ тяжкимъ гнетомъ тиранніи. Гордо проходилъ ты мимо хижины убогаго и скромнаго, которые, не въ примѣту другимъ, пріучаютъ душу къ доблести и силѣ. Маску, личину общества принялъ ты за естественное образованіе человѣка; ты познакомился только съ тѣми, кто свое общественное положеніе, свою власть и свою науку посвятилъ гибели, кто въ дребезги разбилъ свою человѣческую природу о кумиръ пустой мечты.—За Фаустомъ идутъ исторіи Рафаэля де-Аквиллы и Бармесида Джафара. Въ первой человѣколюбивый Испанецъ, вступившись за гонимыхъ Мавровъ, погибаетъ отъ суда инквизиціи; во второй прямодушный магометанинъ испытываетъ на себѣ всѣ муки восточнаго деспотизма. Все это яркія картины

* А съ другой стороны, могъ ли бы держаться живой, неослабный интересъ къ положительной наукѣ, знай мы точно такъ же математически достовѣрно, что она не поведетъ насъ къ рѣшенію ни одной изъ существенныхъ задачъ нашего бытія?

Прим. перев.

ужасовъ, и самъ поэтъ уподобляетъ міръ залитой кровью и наполненной стонами бойнѣ; онъ говоритъ: „Насъ давятъ два демона, созданные и раскормленные нами же самими: вопервыхъ, жалкая, эгоистичная политика нашихъ владыкъ, ни чего не видящихъ въ человѣкѣ, кромѣ слѣпого орудія ихъ прихотей, и вмѣняющихъ ему въ преступленіе всякое противодѣйство ихъ волѣ; вовторыхъ, такая религія, которая объявляетъ открытую войну силамъ духа и разума, которой сокрушительная палица то и дѣло обливается кровью безпощадно избитыхъ жертвъ и которая внушаетъ жрецу дерзость простирать руку къ тверди небесной среди славословій и пѣснопѣнія." Но надъ обоими героями его разсказовъ оказываются невластны эти демоны; сильные разумомъ и чистые сердцемъ, они смѣло идутъ противъ смерти и напасти, и спасаютъ этимъ человѣческое достоинство.

Два другія произведенія: „Путешествія передъ всемірнымъ потопомъ" и „Восточный Фаустъ" облечены въ форму восточныхъ сказокъ; умный шутъ разсказываетъ ихъ Халифу съ тѣмъ чтобъ просвѣтить его и исправить, а подконецъ самъ объявляется его изгнаннымъ прежде братомъ; тутъ авторъ какъ бы слѣдуетъ по проложенному Виландомъ пути, но терпкій сарказмъ заступаетъ у него мѣсто улыбающейся ироніи. Грѣхи цивилизаціи противополагаются здѣсь счастію простой природы. Такъ же точно и въ первородномъ сынѣ Евы, Сагирѣ,—переработкѣ прежней шаловливой сказки Клингера „О золотомъ пѣтушкѣ".

Третья группа его романовъ беретъ сюжеты изъ современности, и въ нихъ всего лучше выражаются какъ великая его душа, такъ и житейская его опытность. „Исторія одного Нѣмца новѣйшаго времени" напоминаетъ собой жизнь и судьбу Форстера. Одинъ дворянинъ, вдохновившись благодаря Руссо любовью къ добродѣтели и свободѣ, принимается за реформаторскую дѣятельность, но, непонятый посредственностью, онъ возбуждаетъ противъ себя сильную злобу; онъ становится мученикомъ своихъ стремленій и вынужденъ потомъ видѣть своими глазами во Франціи, какъ заря новаго для міра дня горитъ заревомъ убійственныхъ пожаровъ. Когда, ко всему этому, присоединяется еще невѣрность жены, онъ дѣлается мрачнымъ человѣконенавистникомъ. Все это развито у Клингера мастерски; только путь, какимъ герой его снова возвращается къ мужественной вѣрѣ въ идеалы, подведенъ слишкомъ ужь внѣшнимъ образомъ, какъ символическое дѣло наставника его молодости; впрочемъ, оно все-таки оказываетъ свой примирительный эффектъ.—Въ „Свѣтскомъ человѣкѣ и Поэтѣ" мы читаемъ бесѣды двухъ старыхъ пріятелей, которые, разставшись смолоду, встрѣчаются опять тогда, когда одинъ сталъ уже министромъ, а другой живетъ въ тихомъ уединеніи, вѣрный своему сердцу и своимъ мечтамъ. Геніально и ясно выступаютъ здѣсь, каждая въ своемъ правѣ, обѣ стороны: точки зрѣнія знакомаго со свѣтомъ реализма, не теряющаго изъ виду ни своихъ собственныхъ, ни общихъ пользъ, и взглядъ идеализма, всегда слѣдующаго внушеніямъ сердца и разума; разговоръ ведется съ большимъ искусствомъ, характеры очерчены рѣзко и хорошо; но такъ-какъ самъ Клингеръ постоянно дѣлилъ жизнь свою между дѣломъ и уединеніемъ, то и здѣсь все останавливается у него на этой противоположности, и только изъ-дали указываетъ намъ поэтъ какъ на

нѣчто высшее и истинное,—на юность сердца въ тѣсной связи съ опытностью и съ разсудкомъ, на поэтическую, оформливающую идеалы фантазію въ связи съ разумомъ и крѣпкою волей, потребными для того чтобы овладѣвать реальнымъ содержаніемъ и вести его къ высокой цѣли. Это тотъ же самый сюжетъ, который Гёте передалъ гораздо поэтичнѣе въ своихъ Тассо и Вильгельмѣ Мейстерѣ. Наконецъ, Клингеръ собралъ еще два тома размышленій о литературѣ и житейскихъ дѣлахъ, въ которыхъ его зрѣлая серьёзность, благородство его души, знаніе свѣта и неподкупная прозорливость высказываются уже ядреной, полновѣсной прозою. Тутъ онъ достойно занимаетъ мѣсто въ ряду такихъ писателей, каковы Ла Рошфукò и Паскаль.

Но намъ надо теперь снова обратиться къ порѣ его молодости, и тутъ, въ страсбургскомъ кружкѣ Гёте, мы повстрѣчаемъ Рейнгольда Ленца (1750—92), родомъ изъ Лифляндіи. Онъ обладалъ тѣмъ, чего Клингеру недоставало,—свѣжимъ юморомъ и лирикой сердца, но зато у него не было нравственной силы характера; давать себѣ полный разгулъ въ жизни и въ искусствѣ, казалось ему геніальнымъ; онъ никогда не умѣлъ обуздать въ себѣ страсти къ безразсуднымъ выходкамъ, къ самымъ удивительнымъ затѣямъ, а потому и сталъ наконецъ ихъ игрушкою; колеблясь безъ всякой твердой сдержки между самоуниженіемъ и суетной заносчивостью, онъ пришелъ въ распаденіе не только со свѣтомъ, но и съ самимъ собой. Онъ началъ переводомъ комедій Плавта и Шекспира, и при появленіи первыхъ его трудовъ всѣ надѣялись, что на ряду съ мастеромъ трагическаго искусства, Гёте, онъ выступитъ обновителемъ нѣмецкой комедіи. Онъ, первый, указалъ на то, что въ различіе отъ роковой античной драмы Шекспиръ создалъ характерную трагедію, такъ какъ у него въ природѣ самого героя лежитъ источникъ его дѣлъ и ключъ постигающей его судьбины; и задачею народнаго поэта онъ именно считалъ созданіе характеровъ, чтобы народъ, глядя на сцену, могъ сказать: вотъ это такъ люди, молодцы! И дѣйствительно, характеры—лучшее въ его піэсахъ, но къ сожалѣнію больше побочныя фигуры, нежели главныя, да притомъ нѣтъ у него и надлежащей мотивировки, онъ даетъ на мѣсто нея какую-то кутерьму отрывочныхъ, захватывающихъ васъ сценъ, съ проблесками иногда истинной поэзіи, но чаще впадающихъ въ грязь или въ странность. Не даромъ самъ онъ писалъ къ Мерку, что картины его еще безстильны, дико и небрежно набросаны одна на другую, что у него нѣтъ досуга сочинять, нѣтъ необходимой для того теплой атмосферы и внутренняго счастія: сердце, по его словамъ, лежитъ у него „запутавшись въ холодной крапивѣ судьбы, завязши на половину въ болото, и выдираясь оттуда только въ порывахъ отчаянія". Ленцъ беретъ сюжеты изъ настоящей жизни и рисуетъ ихъ бойкими чертами, заимствуя послѣднія изъ своихъ собственныхъ испытаній и настроеній. „Гувернёръ" (Hofmeister) требуетъ у него, напримѣръ, общественнаго воспитанія и доказываетъ какъ опасно для знатныхъ домовъ держать при дѣтяхъ ученыхъ лакеевъ. Онъ соблазняетъ дочь того майора изъ дворянъ, чьего сына онъ приглашенъ воспитывать; отецъ спасаетъ ее въ ту минуту, какъ она идетъ топиться; герой оскопляется, но потомъ все-таки женится на простодушной деревенской дѣвкѣ, тогда какъ первый ея любовникъ воротился вслѣдъ за тѣмъ изъ университета и сошелъ съ ума, узнавъ что его суженая успѣла уже стать матерью. Солдаты описываютъ

подробности гарнизонной своей жизни, всѣ бѣдствія, вносимыя легкомысліемъ офицеровъ въ среду порядочныхъ мѣщанскихъ семей, а поэтъ припоминаетъ здѣсь исторію Андромеды: „Я смотрю на солдатъ, какъ на чудовище, которому по временамъ добровольно должна приноситься въ жертву какая-нибудь несчастная, для того чтобъ другія жены и дочери оставались пощажены". Своей статьею о солдатской чести онъ дѣйствительно хотѣлъ установить это въ видѣ какого-то прочнаго учрежденія! Другую статью написалъ онъ въ то время о своемъ „бракѣ" съ Гёте, а въ очеркѣ литературной комедіи, Pandaemonium germanicum (Нѣмецкая чертовщина), Гёте смѣло всходитъ у него на вершину Парнаса, тогда какъ онъ самъ кое-какъ пробирается туда между голыхъ скалъ и колючекъ. Откуда ты? спрашиваетъ Гёте: останемся вмѣстѣ! Они подшучиваютъ надъ тѣми, которые, не подымаясь вверхъ, пробавляются у подошвы горы. Подконецъ Клопштокъ и Лессингъ говорятъ о Ленцѣ: Славный парень! хоть и ни чего не сдѣлаетъ, а все-таки нарохтился на большое. Гёте подходитъ и говоритъ: Я это сдѣлаю. Когда Гёте уѣхалъ изъ Страсбурга и покинулъ свою Фридерику въ Зезенгеймѣ, Ленцъ старался завязать съ ней новый опять романъ. Онъ рисуетъ ее въ стихотвореніи Деревенская любовь (Die Liebe auf dem Lande):

Дитя, тиха, блѣдна, больна она съ печали,
Но тотъ же ангельчикъ, какъ и въ былые дни;
Въ полуугасшемъ взорѣ трепетали
Все неудержные попрежнему огни,
Лишь благочестія прикрывшись пеленою,
Какъ въ ликѣ мраморномъ угодницы святой.
Паритъ еще передъ ея душою
Завѣтный образъ тотъ, что смѣлою рукой
Взялъ сердце дѣтское навѣкъ и невозвратно:
Ей смутно помнятся черты его лица,
Но сила словъ его еще донынѣ внятна,
Жива въ ней память дней, чарующихъ сердца,
Часовъ, дарящихъ насъ роями грезъ блаженныхъ,—
Грезъ, намъ, пожалуй, прирожденныхъ,
Но волѣ не подвластныхъ никогда.

Впослѣдствіи Ленцъ влюбился въ дѣвицу фонъ-Вальднеръ, а она вышла за другого. Но его любовные стихи изъ этого времени и за все время бытности въ Веймарѣ полны огня, искренности, благозвучія; изъ числа тогдашнихъ пѣсенъ, они всѣхъ ближе подходятъ къ гётевскимъ, хотя въ нихъ конечно нѣтъ той гармонической законченности, какою Гёте умѣлъ придавать всему случайному и непосредственному высшее освященіе всеобщей идеи. Они служатъ какъ бы переходомъ отъ Клопштока къ Гёте, и обезпечиваютъ автору почетное мѣсто въ ряду нашихъ лириковъ, не смотря на свою малоизвѣстность. Ленцъ пріѣхалъ въ Веймаръ тогда, когда Гёте уже сталъ заниматься тамъ государственными дѣлами и научился во всемъ блюсти мѣру; необузданныя его прихоти сносили до тѣхъ поръ, пока онъ не напроказилъ такъ дерзко или безразсудно, что задѣлъ друга своего за живое: чуть ли это былъ не наглый приступъ къ самой госпожѣ фонъ-Штейнъ. Его выслали изъ города. Трогательно изображаетъ онъ самъ себя Танталомъ, прогнаннымъ съ пирушки боговъ за то, что онъ, подобно Иксіону, возжелалъ чего-то что ни есть высшаго; теперь онъ и долженъ служить богамъ на потѣху. Въ его драмѣ

„Друзья дѣлаютъ человѣка философомъ“ герой отстаиваетъ верховное право любви, полагаемое въ полномъ и исключительномъ обладаніи возлюбленной. По знатности и богатству послѣдняя стоитъ выше его, разность ихъ положеній мѣшаетъ браку, и вмѣсто того чтобы мужественно одолѣть эти препятствія, она лучше хочетъ выйдти за одного знатнаго Француза, съ тѣмъ чтобы потомъ отдаться прежнему любовнику. Сердце его возмущено этимъ безнравственнымъ обычаемъ знатныхъ круговъ, онъ не даетъ состояться задуманному союзу, и снискиваетъ за то признательность одного пожилого аристократа, который также увивался за красавицей и за котораго она теперь выходитъ. Любовникъ хочетъ въ первую же ночь застрѣлиться у нихъ въ спальнѣ, но молодая объявляетъ тамъ своему мужу, что уважаетъ его какъ отца, а любитъ собственно другого, и когда этотъ другой является съ пистолетомъ въ рукахъ у окна, новобрачный предоставляетъ ему возлюбленную; „я буду, говоритъ онъ, супругомъ только по имени, блаженство совершить великій подвигъ стòитъ блаженства великаго наслажденія, и право, останется еще вопросомъ, кто изъ насъ достойнѣе зависти, я или вы!“ Двойной бракъ въ „Стеллѣ“ Гёте и эта комедія Ленца! какъ были тогда испорчены нравственныя понятія и условія быта, какъ потребно было очищеніе нравственной атмосферы Кантомъ, революціею и военною грозой!

Тщетно старался Ленцъ подняться на крыльяхъ своей поэтической силы; разсорившись съ своею собственною семьей, постыдно выгнанный изъ Веймара, этотъ сорванецъ впалъ въ помѣшательство, когда скончалась раннею смертью г-жа Шлоссеръ, сестра Гёте Корнелія, питавшая чистѣйшую, вѣрную дружбу къ Ленцу. Онъ воротился-было домой, онъ поправился, но крылья были пришибены у него совсѣмъ, и онъ умеръ въ Москвѣ бѣдный, всѣми покинутый. Имена Ленца, Клингера и Гёте долго разносились вмѣстѣ. Всѣ трое живо ощутили противоположность сердца со свѣтомъ, идеала съ дѣйствительностью; Гёте преодолѣлъ ее художественнымъ творчествомъ, Клингеръ нравственной силою характера; въ самоистязательномъ недовольствѣ собою порывался Ленцъ вознестись надъ пошлой обыденностью, но ни въ талантѣ, ни въ характерѣ не было у него достаточной для того силы, и ему не удалось пожать отъ своего внутренняго недовольства тотъ зрѣлый плодъ, какой Тассъ или Руссò добыли изъ своего.

Еще похожѣе на метеоръ, промелькнулъ на литературномъ небѣ Генрихъ Леопольдъ Вагнеръ. Своей „Дѣтоубійцею“, отразившею въ себѣ грубо и рѣзко прозу дѣйствительности, предупредилъ онъ трагедію Гретхенъ въ Фаустѣ, о которой Гёте случайно проговаривался заранѣе. Отчасти изъ гётевыхъ же шутокъ надъ противниками, въ особенности тѣми, которые нападали на Вертера, Вагнеръ составилъ фарсъ „Промеѳей, Девкаліонъ и Рецензенты;“ имена лицъ и журналовъ замѣнены тутъ рѣзными на деревѣ фигурками, и все написано очень бойко старомѣрнымъ нѣмецкимъ стихомъ во вкусѣ Ганса Закса.

Фридрихъ Мюллеръ, извѣстный подъ именемъ Живописца Мюллер (1750—1825), своей жизнью въ Римѣ и своими картинами былъ, къ сожалѣнію, отвлеченъ отъ литературы, а между тѣмъ его микельанджеловскіе черти или его нападки на Карстенса ни мало не вознаграждаютъ за то, что могло бы дать его вызрѣвшее поэтическое дарованіе. Къ библейскимъ идилли-

ямъ по геснерову образцу присоединилъ онъ вопервыхъ идилліи миѳологическія, въ которыхъ изъ-подъ маски сáтировъ и фавновъ говоритъ трактирное веселье Фальстафа, вовторыхъ — идилліи чисто народныя, свѣжо и наивно изображающія стрижку овецъ, лужженіе орѣховъ и оживляющія при этомъ весь міръ родныхъ сказаній и отдаленной старины; все это переплетается у него звуками простосердечныхъ пѣсенъ, и мѣсто фоссова эллински стилизованнаго гексаметра заступаютъ риѳмованные стихи, а не то — и проза. Въ своихъ драмахъ онъ принизываетъ другъ къ другу отрывочныя сцены, полныя то хватающей зà сердце поэзіи, то пошлыхъ яростныхъ фразъ или умышленно-неприличныхъ шутокъ, безъ всякой организующей идеи, безъ мотивировки, связывающей ихъ въ цѣлое. Его „Фàустъ" такъ и остался навсегда отрывкомъ; мыслитель отдается дьяволу и ведетъ потомъ безпутную, бражническую жизнь, послѣ того какъ онъ началъ-было прекрасно-жаднымъ стремленіемъ къ безконечному и недовольствомъ человѣческаго духа въ его ограниченности. Словно буря подымается въ душѣ его, онъ хочетъ расцвѣсти во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ и сучьяхъ; фантазія заноситъ его въ недосягаемую высь на золотомъ облакѣ; ему хотѣлось бы играть роль Бога, царя вселенной, и вдругъ всѣ идеалы его разсѣялись какъ пустая мечта, онъ видитъ что безсиленъ осуществить ихъ въ этомъ многопредѣльномъ земномъ мірѣ. Какъ мечи, ржавѣющіе въ своихъ ножнахъ, лежатъ передъ нимъ наклонности и стремленія юношескихъ лѣтъ его: зачѣмъ такъ безпредѣльно чувство и такъ тѣсно ограничена сила исполненія?—Въ „Ніобѣ" языкъ достигаетъ у него ритмическаго размаха, а борьба между гордостью и материнской любовью, строптивый вызовъ самимъ богамъ напоминаютъ Медею Клингера и гётевскаго Промеѳея. На „Геновефу" навелъ его Гётцъ фонъ-Берлихингенъ; изъ-за этой піесы Геттнеръ называетъ автора романтикомъ бурно-рьянаго періода, онъ хвалитъ въ ней полножизненность и сочную обрисовку характеровъ, хвалитъ контрастъ милѣйшей Геновефы, очаровательно простодушной въ сознаніи своей чистоты и вѣрности, несокрушимой и вполнѣ преданной среди всѣхъ бѣдъ,—контрастъ ея съ противоположнымъ Гòло, который, сперва мечтательно-раздумчивый какъ Вертеръ, хочетъ самоубійствомъ убѣжать отъ безнадежной любви, а потомъ, влекомый демоническою силой страсти, переходитъ отъ преступленія къ преступленію. На мѣсто шекспирствующаго тона Тикъ ввелъ тогда у Нѣмцевъ кальдероновскій; его и мюллерова Геновефа стоятъ своеобразно одна на ряду съ другой; но жаль, что оба поэта слишкомъ позабыли все то, чѣмъ мы обязаны художественному здравомыслію Французовъ.

Та же самая тяга къ непосредственности чувства, къ поэзіи чистой душевной глубины проявилась теперь и въ религіозной области; и здѣсь ближáйшимъ верховодцемъ выступилъ молодой цюрихскій пасторъ, Лафатеръ (1741 — 1801), котораго Гёте и Гердеръ встрѣтили съ восторгомъ, какъ лучезарнаго, апостольски-вдохновеннаго товарища. Ревнуя противъ трезвой суши вольномысленнаго просвѣщенія, равно какъ и противъ формулистическаго крохоборства правовѣровъ, онъ высоко поднялъ личное откровеніе и присутствіе Бога въ сердцѣ человѣческомъ, и видѣлъ въ христіанствѣ полное его освобожденіе (ото всѣхъ внѣшнихъ обузъ). Евангеліе должно пробудить то, чтò заложено въ насъ отъ природы; Богъ вложилъ и міръ и са-

мого себя въ нашу грудь; каждый изъ насъ особое лишь зеркало свѣта и Создателя; только должно блюсти это зеркало въ его своеобразной чистотѣ, чтобы и самому Богу и его безконечно-прекрасному міру пріятно было взглянуть на себя въ отраженьи. Каждый смертный видитъ частицу истины, и притомъ необходимо на свой ладъ; свидѣтельствовать о томъ, какъ представляются намъ вещи съ нашей точки зрѣнія, значитъ подлинно „царски мыслить". Но, чувствуя въ себѣ живое дѣйствіе молитвы, Лафатеръ еще школьнымъ мальчикомъ былъ увѣренъ въ томъ, что самъ Богъ поправляетъ ему заданныя темы, покрываетъ его шалости и мелкіе грѣшки, а выводитъ на свѣтъ все что̀ получше, тогда какъ тутъ конечно была въ ходу рука какого-нибудь расположеннаго къ школьнику учителя или его собственная осторожность. Стараніе выдвинуть впередъ индивидуальную сторону довело самонаблюдательность его до чудачества; онъ и думалъ и дѣйствовалъ всегда какъ бы любуясь самъ собой, всегда готовый обнародовать свои тайные, сокровенные дневники. Вѣра въ силу духа стала у него наконецъ суевѣріемъ въ призраки, въ чертогонные обряды, и неразборчивою страстью къ чудесамъ. Такіе проходимцы какъ Кальостро и Кауфманъ, которые морочили тогда весь высшій свѣтъ *, лѣченіе Гаснеромъ болѣзней посредствомъ бѣсозаклятія и магнитическія цѣленія Месмера,— всему этому вѣрилъ и поблажалъ Лафатеръ. Если, принявъ не въ шутку слова принца Карла Гессенскаго, что будто апостолъ Іоаннъ еще странствуетъ по землѣ и донынѣ, онъ всматривался потомъ въ каждаго незнакомаго ему прохожаго, не любимый ли это ученикъ Іисуса, то намъ вовсе не покажется страннымъ, что Гёте и Гердеръ покинули наконецъ такого чудака и подсмѣивались надъ нравственно-религіозно-эстетическимъ сералемъ сентиментальныхъ бабёнокъ, которыя увивались вокругъ своего пророка какъ рой падкихъ на сахаръ мухъ. Но какъ Лафатеръ началъ борьбою противъ ландфогта Гребеля ** и пѣніемъ пѣсенъ свободы швейцарскимъ мужикамъ, такъ и умеръ онъ вслѣдствіе раны, полученной въ войнѣ Русскихъ съ Французами, гдѣ онъ являлся пособникомъ всѣмъ страдальцамъ, вѣрный тому слову, что цѣлію его стремленій и дѣятельности была человѣчность, эта первая и послѣдняя изъ добродѣтелей людского рода. Если на Физіономику его смотрѣть какъ на усильный опытъ схватить непосредственное выраженіе индивидуальности и открывать ее въ чертахъ лица, то конечно это было порожденіемъ всего тогдашняго настроенья, а Лафатеръ имѣлъ сверхъ-того въ виду читать на лицахъ человѣческихъ письмена самого Бога и сочинилъ свою книгу для вѣрующихъ въ достоинство и богоподобіе человѣческой природы съ цѣлію способствовать познанію людей и человѣколюбію. Самъ онъ обладалъ необыкновеннымъ (хотя и впадавшимъ подчасъ въ смѣшныя ошибки) даромъ заключать по наружности человѣка объ его характерѣ, но онъ при этомъ забывалъ, что главную роль играетъ здѣсь всецѣлость впечатлѣнья, и что разобщая отдѣльныя части лица, пріурочивая нравственныя или умственныя свойства къ носу, ко рту, къ подбородку, онъ столько же заблуждался теорети-

* Ни дать, ни взять какъ спириты въ наше время. Прим. перев.

** Этотъ ландфогтъ или земскій исправникъ, держа сторону мѣстной аристократіи, дозволялъ себѣ притѣснять рабочій сельскій людъ. Прим. перев.

чески, какъ ошибался въ великой пользѣ мнимой своей науки и для практики. Лихтенбергъ говорилъ шутя, что такимъ образомъ прійдется вѣшать маленькихъ дѣтей прежде чѣмъ они совершатъ тѣ злодѣйства, на которыя указываютъ ихъ личики, и въ тонѣ назидательныхъ диоирамбовъ Лафатера изъ формы короткихъ свиныхъ хвостовъ онъ юмористически выводилъ заключенія о свойствахъ ихъ носительницъ. Лафатеръ излился въ хвалебныхъ восклицаніяхъ передъ силуэтами молодыхъ своихъ друзей, и Меркъ подшучивалъ надъ этими монументами будущаго безсмертія за несовершонные еще подвиги; нельзя однакожь отрицать того, что Лафатеръ вчиталъ въ эти черты, если не вычиталъ изъ нихъ, много вѣрнаго, и позднѣйшая жизнь не одного изъ разобранныхъ имъ лицъ доставила хорошій комментарій къ его указаніямъ.

Изъ застольнаго круга Гёте въ Страсбургѣ другимъ представителемъ сентиментально-религіознаго настроенья вышелъ Генрихъ Юнгъ (1740—1817), родомъ изъ Нассау-Зигена, который прозвался Штиллингомъ (то-есть Тихоней или Смирняемъ), можетъ-быть для того, чтобы назнаменовать себя словомолвцемъ всѣхъ „смирныхъ" на божьемъ свѣтѣ. Выросши въ піэтистической обстановкѣ онъ былъ сначала портнымъ, потомъ сельскимъ школьнымъ учителемъ, а тутъ захотѣлъ учиться медицинѣ и дѣйствительно сталъ хорошимъ глазнымъ врачомъ. Когда товарищи вздумали было трунить надъ старомодною его одеждой и неловкостью, Гёте рѣшительно за него вступился. Онъ премило разсказывалъ исторію своей жизни, такъ что всѣ условія ея выступали у него наглядно какъ живыя; Гёте уговорилъ его изложить ее письменно, и это вышло лучшею изъ его книгъ, — вдумчивое изображеніе мелкаго нѣмецкаго быта, схваченнаго задушевнымъ поэтическимъ дарованіемъ, для котораго ключъ поэзіи бьетъ изъ сердца самого народа, реальная идиллія вродѣ тѣхъ, какія писывалъ потомъ Жанъ-Поль о блаженствѣ дѣтскаго возраста, но своеобразная именно тѣмъ благочестивымъ чувствомъ, всилу котораго фантазія мальчугана вездѣ уже видитъ божій перстъ, а зрѣлый человѣкъ чаетъ и находитъ въ каждомъ событіи волю Промысла. При появленіи „Деревенскихъ разсказовъ" Ауэрбаха Фрейлигратъ не даромъ напомнилъ о Юнгѣ Штиллингѣ. Впослѣдствіи Юнгъ обработывалъ въ романахъ религіозные вопросы и изображалъ въ нихъ какъ подлинную мистику, такъ равно и разные уродливые наросты пустой мечтательности. Но вскорѣ онъ и самъ не оберегся отъ послѣднихъ: либеральныя стремленія въ области государства и церкви представились ему Антихристомъ, противъ здраваго человѣческаго смысла онъ вывелъ въ поле привидѣнія и написалъ формальную теорію духовидства *.

Грустной, меланхолической жаждѣ чего-то небеснаго и стоической силѣ духа, готовой презрѣть весь божій міръ, Гейнзе (1749—1803) противопоставилъ наконецъ чувственное наслажденіе и радость красотою міра со всей не-

* Извѣстно, что встарину Юнгъ Штиллингъ находилъ и у насъ въ Россіи много сочувствующихъ читателей; новѣйшимъ прозаическимъ отголоскомъ этого забытаго теперь настроенія явилась книга бывшаго профессора М. П. Погодина: «Простыя рѣчи о мудреныхъ вещахъ». Эпилогомъ къ ней такъ и просится слѣдующее, подслушанное нами, четверостишіе:

Нѣтъ, правды не докажешь чудесами.
Природа истинна, и не чудитъ ни въ чемъ;
Себя обманываемъ, лжемъ
Всегда вѣдь только мы лишь сами. Прим. перев.

обузданной страстностью рьяныхъ буреносцевъ. Онъ можно-сказать такъ же выросъ изъ Виланда, какъ съ другой стороны союзъ гёттингенскихъ поэтовъ непосредственно примыкалъ къ Клопштоку; онъ перещеголялъ Музаріону своею Лаидіоной, и въ уста этой разбитной Гетерѣ вложилъ философію неустаннаго наслажденія. Возстановить природу съ этой стороны въ правахъ ея, вотъ мысль, которую онъ самъ вычиталъ себѣ у Руссо. Потомъ пустился онъ путешествовать въ Италію и перевелъ тамъ Аріосто и Тасса; но подъ наитіемъ южнаго неба и созерцанія древности, онъ не пришелъ, подобно Гёте, къ полномѣрной ясности и къ свѣтлой высотѣ души; чувственный огонь его только разгорѣлся еще сильнѣе при видѣ обнаженной красоты антика, и какъ ни живо изображаетъ онъ въ своемъ Ардингелло природу и искусство въ Италіи, они явно остались для него только почвой и средствомъ плотскаго разгула. Кёрнеръ называлъ этотъ романъ противнемъ къ Вертеру, говоря что въ немъ духъ и сила раскрываются въ кутежѣ, точно такъ же какъ у Гёте—въ страданіи. Герой—щедро надѣленный отъ Бога геніальный человѣкъ, сіяющій граціей и юношескою силой, художникъ и побѣдитель женскихъ сердецъ; страсть его не знаетъ ни какого закона, въ наслажденіи всяческою красотой видитъ онъ исполненіе предназначеннаго для человѣка благополучія. Романъ ведется вначалѣ съ захватывающею душу энергіей, а за тѣмъ страдаетъ чрезмѣрнымъ изобиліемъ описаній и бесѣдъ; у женскихъ фигуръ нѣтъ ни чистосердечія, ни благодушной кротости, онѣ какъ вакханки вьются около мужщины, который въ опьяненномъ своевольствѣ хватаетъ одну изъ нихъ вслѣдъ за другой; все заканчивается тѣмъ, что цѣлая колонія на одномъ изъ греческихъ островов ведетъ, при общеніи женъ и имуществъ, праздную жизнь, полную приволья. Еще Шиллеръ справедливо замѣтилъ, что при всемъ поэтическомъ размахѣ, при всей огненности колорита, странное это произведеніе остается чувственной карикатурой безъ всякаго эстетическаго достоинства. Какъ здѣсь главною темой является изобразительное искусство, такъ точно въ „Гильдегардѣ фонъ-Гоэнталь“ играетъ эту роль музыка, но теорія послѣдней и нескончаемые толки объ операхъ слишкомъ обширны и дидактичны для романа. Геніальная дѣвушка очаровываетъ своего любезнаго тѣлесными прелестями и пѣніемъ, проходя въ нѣсколькихъ къ ряду томахъ сквозь самыя соблазнительныя положенія и всегда благополучно отъ нихъ отдѣлываясь. Похотливость носитъ здѣсь маску добродѣтели, что несравненно хуже прежняго вполнѣ открытаго пыла и отважной можно-сказать наготы.

Гейнзе особенно цѣненъ какъ писатель о художественныхъ предметахъ. Онъ съ полнымъ знаніемъ дѣла разсуждалъ объ итальянской музыкѣ, о старыхъ мастерахъ церковнаго стиля и о современной ему оперѣ; вѣрная оцѣнка Глука навсегда останется его заслугой. Сколь ни тонки замѣчанія его о пластическихъ произведеніяхъ, его взглядъ на живописность еще болѣе достоинъ удивленья, и „Письма о дюссельдорфской галереѣ“ чуть ли не лучшее изо всего, что онъ намъ оставилъ. Онъ первый выдвинулъ на свѣтъ пейзажъ, и абстрактному идеалу неизмѣнной красоты противопоставилъ то разнообразіе природы и то многоразличіе племенъ, которыхъ своебытность призванъ выражать художникъ; каждый видъ, каждый народъ прекрасенъ посвоему; Рюдесгеймское вино не такъ огненно-сладко и маслянисто какъ Клазоменское, а все-таки оно превосходно и букетомъ и силой. „Во всякомъ ху-

дожественномъ произведеніи главное удовольствіе для умнаго наблюдателя доставятъ всегда сердце и умъ художника“.

Шубартъ, въ Швабіи, былъ вмѣстѣ органистъ и газетный сотрудникъ, музыкантъ и въ то же время поэтъ; въ своей необузданной бѣсовской рьяности онъ постоянно метался между дикимъ разгуломъ и горькимъ сокрушеніемъ, между крайнимъ вольнодумствомъ и припадками набожныхъ восторговъ. Тщетно бросалъ онъ вверхъ шляпу, чтобы захватить ею хоть немножко англійскаго вольнаго воздуха; герцогъ Карлъ Вюртембергскій засадилъ его въ крѣпкій замокъ Гоэнаспергъ: въ своихъ стихахъ о герцогской усыпальницѣ онъ дерзнулъ слишкомъ смѣло изобразить деспотизмъ, да и на педагогическія затѣи герцога написалъ слѣдующую эпиграмму:

Діонисій Сиракузскій,
Изъ тирановъ бывъ уволенъ,
Сталъ учительствомъ доволенъ:—
Деспотизмъ же, хоть и узкій! *

Онъ собирался обруку съ Вѣчнымъ Жидомъ прогуляться по всемірной исторіи. И стихи его, и его судьба живо стояли передъ глазами того генія, который „Разбойниками“ да „Коварствомъ и Любовью“ закончилъ бурно-рьяный періодъ, начатый гётевскимъ „Гётцомъ фонъ-Берлихингенъ“.

Философомъ этой пылкой молодёжи былъ Фридрихъ Генрихъ Якоби (1743—1819), человѣкъ самымъ своимъ рожденіемъ предназначенный для гостиныхъ и для тонкообразованнаго общества, гдѣ онъ и держалъ себя необыкновенно умно, отличаясь притомъ искрометнымъ краснорѣчіемъ. Его философскія сочиненія—чистѣйшіе изливы сердца, а его романы—остроумныя изслѣдованія разныхъ проблемъ душевной жизни и нравственности, разныхъ тонкихъ недоразумѣній и скрытыхъ страданій необыкновенныхъ личностей. Основнымъ тономъ является и у него зовъ внутренняго чувства и „прекраснодушіе“ Руссо; но онъ настойчивѣе занимается наукою, не успѣвая, однакожь, достичь той гармоніи сердца съ головою, къ которой онъ стремился и которой требовалъ. Самъ онъ сознается въ этомъ такъ: „Совершенный язычникъ умомъ, и всей душою христіанинъ, я плыву между двухъ теченій, которыя ни какъ не хотятъ слиться для меня въ одно и нести меня дружно общими силами; напротивъ, какъ одно постоянно выноситъ меня наверхъ, такъ точно другое постоянно тянетъ книзу“. Онъ порывается ясно уразумѣть врожденную ему набожность, онъ носитъ идеалъ въ своемъ сердцѣ, но тщетно пытается доказать его еще и логически. И вотъ отчего опосредствованному (положительнымъ опытомъ) знанію противопоставляетъ онъ знаніе непосредственное или чисто-разумное созерцаніе и вѣру; съ

---

* Подлинникъ гораздо проще и милѣе. Вотъ онъ:

Als Dionys von Syracus
Aufhören musz
Tyrann zu sein,
Da ward er ein Schulmeisterlein.

Прим. перев.

геніальной самоувѣренностью опирается онъ въ собственномъ своемъ духѣ на вѣчное и божественное, какъ на истое первоначало, которое для него любящій и любвихотящій Богъ; но когда онъ потомъ чаетъ поставить его также и внѣ человѣка, тогда какъ вся природа какъ нарочно скрываетъ его отъ насъ, а наука какъ нарочно заинтересована его отрицаніемъ, то Якоби снова впадаетъ въ то противорѣчіе, котораго думалъ избѣжать, желая чтобы свѣточъ разума совершенно перешелъ въ руки опытнаго знанья *. Только въ непосредственной увѣренности сердца, во внутреннемъ свѣтѣ чувства открывалась ему истая самосущность; всѣ разсудочные доводы, всякое мышленіе путемъ опредѣленныхъ понятій, говорилъ онъ, даютъ лишь одни камни вмѣсто хлѣба, даютъ вмѣсто Бога живого одинъ естественный механизмъ съ роковою его необходимостью. Онъ крѣпко держался убѣжденія, что глупая случайность не можетъ породить мудрости и порядка, а безчувственное вещество—чувствительной души, любви и самоотверженія, что вообще низшее не способно изъ одnихъ только собственныхъ своихъ средствъ произвесть лучшее и высшее; какъ ни мало удалась ему постройка собственной системы (Гиллебрандъ называетъ его философію чисто дѣломъ чувства, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ мыслеотдѣлительными черточками ума), тѣмъ не менѣе І. У. Виртъ былъ въ полномъ правѣ сказать: Якоби, это — олицетворенный, самый геніальный и самый свободный вмѣстѣ протестъ противъ всякой кривдоуставной формы вѣдѣнія, въ которой погибаетъ безконечное содержаніе человѣческаго богосознанья.

Въ молодомъ Гёте Якоби видѣлъ первообразъ такого человѣка, какимъ желалъ бы быть самъ; въ этомъ настроеніи приступилъ онъ къ своему „Сборнику писемъ Алльвилля“ ** и въ послѣднемъ вывелъ блистательно-одареннаго человѣка, который права сердца и инстинктивной дѣятельности противопоставляетъ нравамъ и моральнымъ правиламъ, усвоеннымъ по преданію, проповѣдуя свой взглядъ въ кругу дамъ, которыя, въ виду опасностей необузданнаго геніальничанья, защищаютъ противъ него обычные порядки. Онъ, конечно, думалъ написать па́рникъ къ Вертеру, но, вмѣсто того чтобъ обрисовать великую и трагическую сторону вопроса въ постепенномъ развитіи внутренняго характера и въ поступательномъ ходѣ разсказа и такимъ образомъ создать единое въ себѣ художественное произведеніе, онъ далъ своимъ читателямъ только изливы чувствительной души обокъ съ разными утонченными изслѣдованіями въ довольно пестромъ безпорядкѣ; онъ и здѣсь не разрѣшилъ противоположности въ гармонію. Какъ долженъ человѣкъ поступать, по правиламъ ли, своимъ собственнымъ или унаслѣдованнымъ отъ другихъ, или же по инстинктивному внушенію, по наклонности къ добру, которая вѣдь свойственна душѣ прекрасной отъ природы? Этотъ вопросъ тянется у него черезъ всю книгу, а напрашивающагося на него отвѣта въ ней все-таки нѣтъ какъ нѣтъ,

---

* Кантъ, первый, хладнокровно понялъ разумную необходимость этого раздвоенія, какъ коренное условіе отчетливой, положительной науки, способной познавать, но не творить. Если же наука и является творческой, то конечно не познавательной своей стороною, а развѣ лишь чисто самодѣятельной, выходящей за предѣлы достигнутаго познанья, и тѣмъ самымъ раздвигающей ихъ часто далѣе. Прим. перев.

** То-есть «Всевольца».

—отвѣта, что сами правила получаютъ вѣдь личный образъ въ нравственномъ строѣ мыслей и чувствъ каждаго, или что сама свободная воля воспринимаетъ въ себя нравственный законъ, который не что иное какъ голосъ ея же собственной совѣсти. „Наслаждаться и страдать, — вотъ назначеніе человѣка. Только труса можно воздержать угрозами отъ преслѣдованія его желаній; отважный смѣется надъ ними и умѣетъ потомъ нести свою судьбу. Что̀ въ мірѣ надежнѣе сердца истинно-благороднаго человѣка? А потому предоставьте меня доброй моей природѣ, которая настойчиво требуетъ, чтобы я будилъ въ себѣ каждую способность, шевелилъ всякую человѣческую силу.“ Такова исповѣдь Алльвилля; Клеменсъ (Благодушный) называетъ его за это бѣсноватымъ, которому почти никогда не пріидется вольно поступить,—изреченіе Якоби на счетъ Гёте; дамы чувствуютъ сколько страшнаго заключается въ томъ, когда богато-одаренный человѣкъ станетъ безоглядно дѣйствовать, имѣя въ виду только самого себя; себялюбіе его будетъ терпче и жесточе всякаго другого; необузданное легкомысліе, ужасающая опрометчивость лежитъ слишкомъ глубоко въ его кипучей разбродившейся природѣ; весь человѣкъ, нравственною своей стороной, превратится въ поэзію, и можетъ дойдти до того, что утратитъ наконецъ всякое чувство правды и поддастся какому-то мистицизму отъявленной вражды къ законности. — Другой романъ, „Вольдемаръ“, появился въ виландовомъ журналѣ „Меркурій“, подъ заглавіемъ Дружба и Любовь; самъ Якоби назвалъ потомъ эту книгу естественноисторическою рѣдкостью. Это какія-то чудныя, прекраснодушныя, раздумчивыя созданія, съ явнымъ оттѣнкомъ дворянской щепетильности; герой боится взять за себя Генріэтту, чтобы бракомъ не загрязнить общенія ихъ душъ; онъ женится на другой, и вотъ дружба и любовь перепутываются тутъ многоразличнымъ образомъ, подавая этимъ поводъ къ безднѣ философскихъ размышленій. Молодой Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ находилъ, что тутъ съ психологическимъ прозрѣніемъ и большимъ поэтическимъ искусствомъ изображено все человѣчество; не человѣчество, остроумно замѣтилъ на это Фридрихъ Шлегель, а просто—все Фридрихъ-Генрихъ-Якобійство.

Юношескія произведенія Шиллера и Гёте вызвали цѣлый потопъ рыцарскихъ и разбойническихъ исторій и на сценѣ и въ романѣ. Лучшими изъ нихъ были Агнеса изъ Бернау Торринга, Отто фонъ-Виттельсбахъ Бабо и Ринальдо Ринальдини Вульпіуса. И здѣсь неудержное стремленіе къ свободѣ, къ разнузданной естественности, готовой всегда на борьбу съ цивилизаціей и закономъ, и тамъ—пылкое политическое ревнительство, выступающее съ крѣпкими словами противъ императора, противъ папы, противъ властей; вездѣ тяга къ общенародному, къ тому что̀ понятно и сподручно для народныхъ массъ. Великій актеръ Шрёдеръ былъ самъ истымъ сыномъ времени и не могъ довольно нарадоваться на поэтическое головорѣзство тогдашней молодёжи; онъ поставилъ на германскую сцену Шекспира, и если у него преобладала естественная правда, а у Флека больше восторженность и поэзія, то все же надобно сказать, что и въ томъ и въ другомъ оба эти элемента вплоть сопроникались между собою и доходили до истиннаго величія. Шрёдеръ, а послѣ него и актеръ Иффландъ, сами также писали для сцены; оба брались за среднесословную только драму, за вѣрное изображеніе обиходной жизни; но и здѣсь

не льзя не видать борьбы средняго сословія за право и достоинство человѣка: они, правда, щадятъ государей, но зато министровъ, каммеръюнкеровъ, метрессъ злорадно выводятъ театральными злодѣями, обличая всѣ ихъ плутовства. И здѣсь такъ же какъ и у Руссо выставлялась рѣзкая противоположность между природою и культурой. Въ „Исторіи нѣмецкаго театральнаго искусства“ Эдуардъ Девріэнтъ справедливо говоритъ: „Ту надменность, то сумасбродство и ту гнусность, передъ которыми приходилось изгибаться днемъ, вечеромъ, при свѣтѣ театральныхъ ламиъ, всенародно выставляли на позоръ и посмѣшище; актеръ былъ адвокатомъ угнетенныхъ, судьею и отмстителемъ за нихъ“.

Критикомъ той эпохи выступилъ дармштадскій уроженецъ, Генрихъ Меркъ, въ душѣ сочувствовавшій молодежи, благоразумный человѣкъ, настаивавшій вмѣстѣ съ Лессингомъ на мѣрѣ и ясности, другъ Гёте, которому онъ помогалъ и совѣтомъ и дѣломъ, предостерегая его, ободряя, выясняя его недоумѣнія; человѣкъ, къ которому, при многосторонности его свѣдѣній и честности характера, могли довѣрчиво примкнуть и свѣтскіе люди, и поэты, пылкіе мечтатели и трезвые сторонники вольномысленнаго просвѣщенія. Въ сатирическихъ посланіяхъ ключъ его грубовато-геніальнаго юмора билъ широкою струей старонѣмецкихъ виршей; въ повѣствовательныхъ разсказахъ, натянутости ученаго и казенно-политическаго міра противопоставлялъ онъ незатѣйливый крестьянскій бытъ, гдѣ человѣкъ, въ простой своей дѣятельности, гораздо обезпеченнѣе и счастливѣй нежели среди изнѣженной роскоши и напускного, мишурнаго блеска. Виландъ замѣтилъ однажды что Меркъ въ ряду рецензентовъ то же самое, что̀ Клопштокъ въ ряду поэтовъ, что Гердеръ между учеными, Лафатеръ между христіанами, а Гёте между всѣми человѣчными людьми.

Освобожденіе Сѣверной Америки и Французская Революція.

Что̀ въ Германіи бродило въ умахъ и подготовило переворотъ въ нравахъ и образѣ мыслей, то-есть возсозданіе человѣчной культуры на естественныхъ основаніяхъ, то самое въ общественной жизни и политическихъ отношеніяхъ Сѣверной Америки и Франціи осуществилось на государственной почвѣ.

Въ союзѣ съ Фридрихомъ Великимъ старшій Питтъ успѣлъ высоко поднять Англію и внутреннимъ развитіемъ и господствомъ надъ морями; двухъ съ ряду королей нудилъ онъ идти путемъ славы и свободы, но вотъ Георгу III-му пришло на мысль снискать себѣ неограниченную власть по примѣру материковыхъ государей и онъ принялся подчинять парламентъ своей волѣ вліяніемъ на выборы и подкупомъ, а американскія колоніи произвольно облагать податьми. Либеральные государственные дѣльцы воспротивились и тому и другому, и великіе ораторы, какъ въ древности, выступили при этомъ вождями народа. Появились „Письма Юнія“, принадлежащія вѣроятно перу Филиппа Франсиса, — зажигательные памфлеты противъ умысла коснуться

англійскаго государственнаго устава, полные горькихъ личностей противъ друзей короля и противъ его собственной особы, призывающіе народъ держать ухо остро̀; открытая подача голосовъ, гласность обсужденій, свободная печать, сходки гражданъ для всякихъ общественныхъ уговоровъ, были спасительными средствами, и Бёркъ (Burke) приступилъ къ дѣлу парламентской реформы. Старобытная природная сила одушевляла Питта-отца; при всей страстности характера, онъ мастерски умѣлъ располагать свои доводы, и не даромъ Банкрофтъ * уподобляетъ рѣчь его якорной цѣпи во время бури на̀ морѣ: молнія бѣжитъ по ней огненной струей, ни мало не ослабляя крѣпкихъ желѣзныхъ звеньевъ. Онъ и Бёркъ отстаивали право Америки, Бёркъ и Шериданъ громили Воррена Гастингса и безсовѣстное управленіе Остъиндіей, за то что взяточничествомъ и притѣсненіемъ тамошнихъ владыкъ и народовъ они позорили имя Англичанъ. Бёркъ отличался картинной высокопарностью и цицероновскою полнотой, а Шериданъ — столько же паѳосомъ, сколько и блестящимъ остроуміемъ. Бёркъ оставался все тѣмъ же, когда защищалъ англійскую конституцію, которая въ глазахъ его была выше всего, сначала отъ захватовъ верховной власти, а потомъ отъ натиска французской революціи, ея теорій и крайностей. Веледушный, милый въ обращеніи, любившій хорошо пожить Фоксъ, отстаивалъ космополитскія идеи и человѣчныя стремленія вѣка съ такою же логической ясностью, какъ и съ сердечной теплотой, а молодой Питтъ съ точки зрѣнія англійскаго патріота вооружалъ между тѣмъ Европу противъ французской республики и противъ Наполеона, еще юношею захвативъ въ твердыя свои руки кормило правленія. „Это не щепка отъ стараго бревна, а самое бревно, какъ есть“, сказалъ Бёркъ при первой парламентской рѣчи, которою сынъ тотчасъ же сталъ въ уровень съ славнымъ родителемъ. На ряду съ Фридрихъ Великимъ, это зрѣлище обороны правъ человѣчества и обсужденіе общественныхъ дѣлъ въ англійскомъ парламентѣ были предметомъ удивленія для всей Европы.

Своими изслѣдованіями о чувствѣ прекраснаго и высокаго Бёркъ принадлежитъ къ числу основателей Эстетики, а о Шериданѣ не льзя не напомнить отзыва лорда Байрона, что онъ всего лучше дѣлалъ, когда на что-нибудь нападалъ: прекраснѣйшую рѣчь произнесъ онъ за обобранныхъ и заключенныхъ въ темницу Аудскихъ царевенъ, превосходнѣйшую комедію, „Школу злословія“, онъ написалъ возставъ противъ клеветниковъ. Она дѣйствительно соединяетъ въ себѣ вѣрную жизни характеристику и летучее остроуміе англійской сцены съ умною овинословкой и хорошо округленнымъ построеніемъ, сродными французской. Въ то же время мастерскою игрой Гаррика былъ явно воскрешенъ Шекспиръ; Англичане стали возвращаться къ природѣ, не жертвуя притомъ художественностью. Грей и Коуперъ замѣнили холодный расчетъ и фразу собственнымъ сердечнымъ чувствомъ и непосредственнымъ его выраженіемъ. Шериданъ пропалъ отъ неумѣреннаго бражничанья и долговъ; не смотря на то, кисти похороннаго покрова держали надъ нимъ графы и герцоги, когда гробъ его ставили въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, и въ стихотвореніи на его смерть лордъ Байронъ обращается съ увѣтомъ

* Извѣстный авторъ «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ».

къ современникамъ, не поминать грѣховъ, неразлучныхъ съ пыломъ его души: огонь вѣдь жжется ужь по природѣ.

Его слова безсмертья искрой были!
О вы, кто драмы музой дорожитъ,
Онъ былъ учитель вамъ,—пусть будетъ и примѣромъ!
Вы, люди въ обществѣ блестящіе умомъ,
Онъ братъ вамъ,—гробъ его нести намъ помогите!
Пока великія способности души
Въ союзѣ столь разнообразно-полномъ,—
Даръ слова, поэтичность, даръ смѣшить,
Угомонитель всѣхъ заботъ смиренный,—
Намъ живо памятны и насъ влекутъ къ тому,
Чтобъ мы имъ честь по праву воздавали,
Мы будемъ долго личности искать,
Ему подобной,—долго и напрасно!
Природа только разъ такую отлила,
И форму, по отлитіи, разбила....

Въ Шотландіи Робертъ Бёрнзъ (Burns) взвился заливаясь пѣснью въ небеса, будто жаворонокъ съ нововспаханнаго поля. Изъ его устъ звучитъ настоящая народная пѣснь, музыкальная уже только своимъ ритмомъ и риѳмою, все равно, поетъ онъ идучи за плугомъ или сидя за чарочкой, славитъ ли съ задорной свѣжестью счастіе любви или грустно повѣдываетъ объ ея страданьяхъ. Онъ сочувствовалъ полевой мыши, которой гнѣздо случайно разоритъ его плугъ, цвѣтку, который сошникъ его нечаянно вырветъ съ корнемъ, но все это безъ прекраснодушнаго любованія самимъ собою, свойственнаго сантиментальности; нѣтъ у него ни чего поддѣльнаго, напущеннаго, вездѣ правда, вездѣ пережитое имъ самимъ, все прямо отъ души, просто, благородно, какъ оно вышло и сложилось на свѣжемъ воздухѣ. Это вовсе не комнатная поэзія, а звуки Эоловой арфы, выдающей каждый повѣвъ сердечнаго ощущенія. Землякъ его, Карлейль, говоритъ: „На суровыя сцены шотландской жизни онъ вовсе и не смотритъ въ аркадскомъ освѣщеніи, но среди дыма и грязи грубой дѣйствительности всегда умѣетъ найдти что-нибудь достойное любви и похвалы. Бѣдность — настоящая его спутница, но неразлучно съ нею — любовь и бодрость души; простое чувство, благородный помыслъ, живущіе подъ соломенною кровлею, дороги его сердцу и досточтимы. Его мужикъ, его другъ, его темнорусенькая дѣвчонка, — это уже не какая-нибудь мелочь, не деревенщина: они для него прямо герой и царица. Такъ самыя скромныя низины жизни обливаетъ онъ яснымъ потокомъ собственной души своей, и вотъ, то слегка заволакаясь тѣнью, то блестя яркимъ солнечнымъ освѣщеніемъ, онѣ достигаютъ такой невыразимой красоты, какая рѣдко дается и вершинамъ“. Какъ великолѣпно его чувство къ родному краю!

Я сердцемъ въ Нагорьи, я сердцемъ не здѣсь,
Я мчусь имъ за дичью бѣгучей,
За пryткой козулей несусь я имъ весь,
Куда ни закинь меня случай.
О, слава вамъ, горы, и сѣверъ, тебѣ,
Молодцовъ колыбель студеная!
Куда бы ни вздумалось нравной судьбѣ
Перебросить меня, мать родная,—

Всегда твои горы я буду любить,
Всегда ихъ высоко душою цѣнить.

А какъ ободрительно звучитъ его зовъ къ приниженнымъ и угнетеннымъ! Хотя и бѣдность вашъ удѣлъ,—чело вы подымайте смѣло! Высокій санъ — одинъ чеканъ, а золото—вѣдь люди сами!

Молитесь, чтобы было такъ,
Какъ будетъ непремѣнно,
Чтобы призналъ вездѣ и всякъ
Цѣну заслуги цѣнной!
И не смотря ни на кого,
На бездну каверзъ и содому,
Дойдетъ же дѣло до того,
Что человѣкъ одинъ другому
Дастъ братски руку на союзъ,
На пагубу для всѣхъ обузъ.

До этого и дошло въ Сѣверной Америкѣ. Тѣ англійскіе пуритане, которые изъ-за свободы совѣсти перенеслись за Океанъ и еще на кораблѣ „Ландышъ" набросали уставную грамоту, на основаніи равныхъ обязанностей и правъ для пользы общей; а потомъ Пеннъ съ своими квакерами, которые, подъ наитіемъ чистаго Евангелія считали себя связанными дружбой и равенствомъ, и многіе еще другіе переселенцы изначала обыкли въ Новомъ Свѣтѣ сами распоряжаться своими дѣлами и жить свободными подъ дисциплиной нравовъ; но связь съ метрополіей все-таки не порывали. Старый Питтъ напрасно предостерегалъ насчетъ того, что Георгъ III произвольно облагаетъ ихъ поборами и податями; лучшіе изъ тамошнихъ людей рѣшились на дружное сопротивленіе, вознамѣрившись самостоятельно вести свои промыслы и свою торговлю; когда же англійское правительство упорно отвергло всякое соглашеніе на этотъ счетъ, они провозгласили свою независимость. Славнымъ вождемъ въ геройской борьбѣ ихъ выступилъ генералъ Вашингтонъ; что мелкіе германскіе державцы продавали Англіи за деньги своихъ подданныхъ для службы противъ Американцевъ, это заклеймилъ позоромъ стихотворецъ Пфеффель, а потомъ и Шиллеръ; зато подъ знамена Вашингтона стали благородные юноши изъ Нѣмцевъ и Французовъ; побѣдоносный воинъ оказался столько же великимъ какъ государственный мужъ и патріотъ: на мѣсто владѣтельной династіи, онъ основалъ гражданскую свободу союзнаго государства. Европа общимъ кликомъ одобренія привѣтствовала Джефферсона, когда во главѣ американской конституціи онъ выставилъ манифестъ о человѣческихъ правахъ: „Мы считаемъ за ясную и вовсе не требующую доказательствъ истину, что всѣ люди по природѣ равны и надѣлены отъ Создателя извѣстными неотчуждимыми правами, къ числу которыхъ принадлежатъ жизнь, свобода и стремленіе къ благоденствію; что для охраны этихъ правъ учреждены между людей правительства, которыхъ законныя полномочія опираются па согласіе управляемыхъ ими гражданъ; что всегда, когда какое-либо правительство станетъ дѣйствовать вопреки означеннымъ цѣлямъ, народъ въ правѣ измѣнить или совсѣмъ отстранить это правительство и учредить новое на такихъ началахъ и съ такимъ урядомъ его полномочій, какія онъ найдетъ

потребными для своего обезпеченія и блага".—„Ты заря грядущаго великаго дня, освѣщающаго столѣтія; геній человѣчества вдохновляетъ тебя!" пѣлъ Клопштокъ при возстаніи Америки, а когда избранный въ президенты Вашингтонъ повелъ государственное дѣло съ простымъ величіемъ души, какъ гражданинъ среди гражданъ, въ Берлинскомъ Ежемѣсячникѣ появилась самая громозвучная ода, выражавшая живое сочувствіе Европы и пророчившая ей близко подобное же торжество. То, чему училъ Руссò, въ Америкѣ повидимому осуществилось; естественное, разýмное стало на мѣсто религіозныхъ и феодальныхъ преданій, открылась борьба не изъ-за особенныхъ мѣстныхъ цѣлей, а изъ-за общихъ человѣческихъ правъ, не изъ-за какихъ нибудь мелкихъ вольностей, а ужь прямо изъ-за свободы. Эти начала, это государственное устройство почитали возможнымъ примѣнить и провести вездѣ, забывая два главныя условія,—дѣвственную почву и на ней гражданъ, выращенныхъ подъ ферулой правовъ и самоуправленія. Впослѣдствіи старецъ Гёте говорилъ объ этомъ такъ:

Счастливѣй насъ ты, Новый Свѣтъ:
Нашъ материкъ ужь старецъ хилый,
А у тебя ни зàмковъ ветхихъ нѣтъ,
Ни скалъ базальтовыхъ, протянутыхъ какъ жилы.
Не возмущаяся внутри и въ глубинѣ,
Живешь для дней ты настоящихъ,
Безъ тщетной памяти о давней старинѣ,
Безъ тщетныхъ ссоръ, раздорами грозящихъ.
Воспользуйтесь и вы наставшею порой,
И если за перо возьмутся ваши дѣти,
Храни ихъ рокъ благой отъ неисходной сѣти
Романовъ рыцарскихъ, разбойничьихъ, какой
Сбивали съ толку насъ, пріятно развлекая,
Подчасъ и призракомъ невиданнымъ пугая. *

На ряду съ Вашингтономъ высокимъ почетомъ пользовался типографщикъ Франклинъ, самый вліятельный писатель въ Соединенныхъ Штатахъ. Здравый человѣческій смыслъ, ясный взглядъ на жизнь, теплое, благородное сердце были отличительными его качествами; его „Поговорки бѣднаго Генриха", его „Мудрость добраго Ричарда"—народныя книжки въ лучшемъ смыслѣ этого слова и примыкаютъ къ превосходнѣйшему изъ всего, чтò подобнаго написано Аддисономъ и Юстомъ Мёзеромъ; ни кто такъ ясно и такъ мило не училъ тому, какъ трудъ соединять съ наслажденіемъ, собственное благо съ общимъ, свободу съ нравообычаемъ. Когда простой этотъ человѣкъ съ своими бѣлыми волосами и въ скромномъ сертукѣ изъ коричневаго сукна явился при французскомъ дворѣ посломъ Соединенныхъ Штатовъ, съ тѣхъ поръ и тамошняя знать стала отвыкать отъ шитаго золотомъ бархатнаго наряда и отъ щегольской шпаги при бедрѣ; а когда изслѣдователь электричества вступилъ въ Академію, д'Аламберъ привѣтствовалъ его стихомъ:

Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis.
Онъ вырвалъ молнію у неба, и у тирановъ вырвалъ скиптръ.

---

* Да проститъ намъ Гёте этотъ вынужденный переводъ, передающій смыслъ, но ни мало не передающій монументальнаго впечатлѣнія подлинника. Прим. пер.

И во Франціи пришлось теперь осуществиться тому, что̀ было подготовлено литературой. Лафайеттъ бился за свободу обокъ съ Вашингтономъ, и какъ прежде англійскія идеи снискали себѣ общепригодную форму въ Парижѣ, такъ точно теперь политическія начала и добытки Америки сдѣлались тамъ же общимъ достояніемъ человѣчества. Мирабо̀ предсказалъ въ самомъ началѣ: революція обойдетъ кругомъ весь свѣтъ; и послѣ того какъ (въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка) она повидимому совсѣмъ была подавлена реакціей, у Генца * все-таки достало ума признать, что стремленія ея вовсе не ограничивались мѣстными и временными только цѣлями, но что она провозвѣстила такія начала, которыя всегда примѣнимы ко всѣмъ народамъ и разъ оживъ въ сознаніи любого изъ нихъ, никогда у него не искоренятся. Въ самомъ духѣ вѣка лежало то, что исходя отъ свободной мысли, отъ первобытныхъ правъ человѣчества, задумали основать весь государственный строй на началахъ свободы, равенства и братства; а если революція дѣйствовала только отрицательно и разрушительно, вмѣсто того чтобы все преобразовывать и развивать дальше, то виною тому были прогнившее насквозь состояніе Франціи и возстававшая противъ этого литература. Начатая съ вѣрою въ добро и съ восторженнымъ стремленіемъ ко благу людского рода, революція выполнилась съ опрометчивой поспѣшностью и была потомъ совсѣмъ загублена безпощаднымъ фанатизмомъ грубыхъ массъ, ужасами и смертоубійствомъ, наконецъ властолюбивымъ эгоизмомъ единичнаго человѣка; но и Наполеонъ остался сыномъ революціи, и при немъ во Франціи былъ открытъ таланту вольный путь, и земля и промыслы все-таки остались свободны, а когда, съ цѣлію упоить народъ славою и заставить его позабыть свободу, онъ вынесъ свое побѣдоносное оружіе за предѣлы отечества и поколебалъ всю Европу, онъ разбилъ этимъ въ дребезги и унаслѣдованную законность и феодализмъ; онъ уничтожилъ средневѣковой остатокъ германской имперіи съ ея церковными государями и крохотными державками, а Испанію и Италію расшевелилъ отъ долгаго сна; девизомъ его было, ни чего не дѣлать черезъ народъ и все дѣлать для народа, пока народъ не поднялся съ тѣмъ чтобы самому освободиться отъ мощнаго пѣстуна. Людовикъ XVI поплатился за вину своихъ отцовъ. Узкоумно добродушный, слишкомъ мало комедіантъ и слишкомъ мало властитель для своихъ Французовъ, хотѣлъ онъ облегчить ихъ тяготы, исправить условія ихъ быта; но государственное зданіе зашаталось при первомъ къ нему прикосновеньи, и ни онъ, ни прелестная, но легкомысленная его супруга не съумѣли руководить движеніемъ, не съумѣли и открыто ему довѣриться, а старались затормозить его мелочными средствами и тѣмъ вызвали противъ себя насильственный приступъ. Дворянство и духовенство владѣли безданно и безпошлинно двумя третями всего края, обложенный податьми народъ не имѣлъ ровно ни какихъ правъ, а среднее сословіе одно обладало образованіемъ. Тогда Сійесъ (Sieyès) спросилъ: Что̀ такое третье сословіе? и отвѣчалъ: Все.—Чѣмъ оно доселѣ было въ политической жизни?—Ни чѣмъ.—Чего оно требуетъ?—Стать чѣмъ-нибудь. Ему не хотѣли добромъ уступить этого „чего-нибудь", тогда оно захватило все. Представители третьяго сословія

* Одного изъ главныхъ пособниковъ реакціи.

объявили себя Національнымъ (то-есть всенароднымъ) собраніемъ, къ нему примкнули лучшія силы дворянства и духовенства, и когда присланный королемъ церемоніймейстеръ потребовалъ чтобъ они разошлись, Мирабо̀ отвѣчалъ громовымъ голосомъ: „Мы здѣсь по волѣ всего народа, и прогнать насъ можно только силою штыка". Въ достославную ночь 4-го августа 1790-го года дворянство отступилось отъ всѣхъ своихъ привилегій и отмѣнило всѣ феодальные поборы и повинности; народъ взялъ приступомъ Бастилію, а представители его провозгласили права человѣка и учредили конституціонное государство. Европа взликовала въ одинъ голосъ, и Гегель, плясавшій тогда молодымъ студентомъ вокругъ „дерева свободы", училъ еще и позже, будучи берлинскимъ профессоромъ: „Съ тѣхъ поръ какъ солнце стоитъ на тверди небесной, никогда еще не было видано, чтобы человѣкъ сталъ на̀ голову, то-есть прямо на свою мысль, и по ней созидалъ дѣйствительность. Это былъ чудный, великолѣпный восходъ солнца. Высокое потрясающее чувство охватило въ то время всѣхъ, весь міръ до мозга костей проникся душевнымъ энтузіазмомъ, какъ будто бы тутъ лишь впервые дошло дѣло до дѣйствительнаго примиренія божескаго элемента съ мірскимъ, подлуннымъ". Между тѣмъ религіозныя и нравственныя основы прежняго общества во Франціи совершенно истлѣли, управленіе и суды были продажны, Церковь отдалась однѣмъ внѣшнимъ формуламъ, вѣра была совсѣмъ разъѣдена сомнѣніемъ, а при этомъ весь государственный механизмъ какъ нарочно сосредоточенъ, и верховоднымъ всему центромъ вслѣдъ за Версальскимъ дворомъ выступали то чернь въ Парижѣ или диктатура Якобинцевъ, то военачальникъ Бонапартъ. Отсюда это крайне ускоренное движеніе, особенно при свойствѣ романскаго ума сразу и безоглядно выводить изъ новыхъ идей всѣ формальныя послѣдствія. Къ этому надо еще присовокупить характеръ Французовъ, этого народа, который, какъ обрисовалъ его Токвилль, „такъ легко перебрасывается изъ одной крайности въ другую, слишкомъ часто повинуясь минутнымъ впечатлѣніямъ и слишкомъ рѣдко какимъ-нибудь твердымъ правиламъ; народа, который становится то ниже общаго уровня человѣчества, то вдругъ гораздо выше; народа, столь неизмѣннаго въ основныхъ своихъ чертахъ, что описанія, сдѣланныя за 2000 лѣтъ, какъ разъ подходятъ къ нему еще и нынѣ, но вмѣстѣ столь подвижнаго въ образѣ чувствъ и мыслей, что иногда онъ вдругъ сдѣлается неожиданнымъ и самъ для себя зрѣлищемъ; народа, который по своему темпераменту не охотно повинуется другимъ, но скорѣе подчинится произвольной власти нежели благоустроенному правительству изъ лучшихъ собственныхъ своихъ гражданъ, который никогда не свободенъ дотого, чтобы нельзя было думать объ его порабощеніи, и никогда дотого не порабощенъ, чтобы ему не порвать цѣпей своихъ внезапно; народа, преданнаго больше случаю, насилію, успѣху, шуму и блеску нежели истинной и настоящей славѣ, одаренному больше героизмомъ нежели доблестью, больше геніемъ нежели здравымъ человѣческимъ разсудкомъ".

Чтобы вымести вонъ всю гниль, весь мусоръ и щебень прошлаго, чтобы очистить для будущности воздухъ, доступъ свѣта и просторъ, революція должна была дѣйствовать отрицательно; но, на бѣду, и литературное образованіе было, какъ мы видѣли, не столько зиждущее, сколько разлагающее. Крѣпкая водка насмѣшки, текшая съ вольтерова пера, правда, истребляла

суевѣріе и нетерпимость; но теперь не одни только аббаты, а и парикмахеры захотѣли быть атеистами, не однѣ только маркизы, но и рыбныя торговки задумали необузданно поблажать чувственности; горничныя разъигрывали роль богинь Разума, и когда Робеспьеръ водворилъ потомъ опять декретомъ Господа Бога, то не одно легкое вольнодумство считало это съ его стороны прямо глупостью. Второе поколѣніе обыкновенно уже серьёзнѣе принимаетъ матерьялизмъ, нежели его первоначальники, которые всущности руководятся еще нравственными началами лучшаго (предшествовавшаго) воспитанья; преемники же смѣло шагаютъ черезъ совѣсть и нравственность, имѣя въ виду то, что если все одна лишь смѣна вещества, а идеалы только пустое самообольщенье, то гораздо ужь лучше прямо слѣдовать внушеніямъ себялюбія. Еще не предчувствуя на какомъ волканѣ они пляшутъ, придворныя дамы и господа сами выполняли Свадьбу Фигаро̀, эту бойкую комедію Бомаршѐ, отважнаго проходимца, выпутывавшагося изо всѣхъ возможныхъ дрязгъ то съ блескомъ, то съ посрамленіемъ. Въ безпутномъ графѣ и въ графинѣ, увлеченной молодымъ пажомъ, въ этой четѣ, которая встрѣчается опять наединѣ въ то время, когда графиня приходитъ на свиданіе замѣсто горничной и въ ея платьѣ, знатное общество дружно рукоплескало своему собственному изображенію, не замѣчая при этомъ, какъ хитрый слуга, уже и въ испанской комедіи часто думавшій за барина, здѣсь положительно его перехитряетъ, какъ въ лицѣ Фигаро прямо уже вымещаетъ за себя третье сословіе; „Когда неподсилу унизить умъ, такъ донимаютъ его насиліемъ!“ говоритъ онъ напрямикъ гонителямъ передовой литературы.—„Дѣлать свою карьеру искусно и умно? Посредственность и низость вполнѣ для этого достаточны. Прикидываться что знаешь, чего не знаешь, и что не знаешь того, что очень хорошо узналъ, казаться глубокомысленнымъ когда по правдѣ ты пустъ какъ лукошко, держать на жалованьи шпіоновъ, перехватывать письма, гнаться за крупными цѣлями съ помощью самыхъ мелкихъ средствъ,—вотъ вѣдь всущности вся ваша политика!.... Вы знатный баринъ, такъ и воображаете себѣ, что нѐвѣсть какъ умны. Родовитость, богатство, сословіе и чинъ вотъ что внушаетъ вамъ такую непомѣрную гордость. А что сдѣлали вы, ваше графское сіятельство, чтобъ заслужить такую бездну преимуществъ? Вы потрудились явиться на свѣтъ, вотъ и все; впрочемъ же вы человѣкъ самый заурядный; а я, родомъ изъ простыхъ, чтобы только кой-какъ прожить, иной день долженъ былъ пустить въ ходъ больше ума и знанія, чѣмъ сколько израсходовано ихъ за сто лѣтъ на управленіе всей страною!“ Эти летучія слова были веселою прелюдіей къ революціонной трагедіи. Вѣдь у простолюдина Фигаро не было ни серьёзнаго строя чувствъ и мыслей, ни глубокаго образованія, ни нравственнаго себялюбія, потребныхъ для того чтобы создать свободное государство. Символомъ для свободы взялъ онъ красный колпакъ галерныхъ каторжниковъ. Послѣ насъ хоть всемірный потопъ, говорила ужь и прежде мадамъ Помпадуръ. Съ тѣхъ поръ не только пресловутый „Фобласъ“ подробно изобразилъ, какъ высшее общество купается въ сладострастіи необузданнаго разврата,—Ретифъ де-ла Бретоннъ прямо перешелъ къ нападкамъ на нравственные законы, Лакло̀ вывелъ одного героя, хвастающимъ въ суетномъ легкомысліи своими позорными дѣлами для того, чтобы вѣрнѣе обрисовать всю бездну гнусности, въ какой погрязала аристократія, а маркизъ

де-Садъ съ истинно-сатанинскимъ нечестіемъ глумился надъ добродѣтелью и поучалъ всѣмъ утонченностямъ порока; такимъ образомъ фантазія Французовъ была протравлена заразою насквозь, и страшная очищающая міръ гроза стала совершенно необходима, а это объясняетъ и ту смѣсь сладострастія съ жестокостью, какую мы видимъ потомъ и въ грязныхъ подонкахъ черни и у ея вожаковъ. Чистыя, свѣтлыя личности, каковы мадамъ Роланъ и Шарлотта Кордей, могутъ явиться здѣсь только мученицами, вдохновенные ораторы Жиронды могутъ прославить собой республику, но не могутъ изстари водимыхъ на помочахъ подданныхъ сразу передѣлать въ самоуправляющихся республиканцевъ, они могутъ разбить цѣпи рабства, но не могутъ остановить ярости только что освободившихся рабовъ. Какой-нибудь Дантонъ или Камилль Демуленъ пользуются этой яростью для устрашенія своихъ противниковъ, для того чтобы со смѣлостью, переходящей всѣ предѣлы, спасать свободу отъ внутреннихъ и отъ внѣшнихъ ея враговъ; но какъ скоро убійство становится имъ въ тягость, они сами должны идти подъ гильіотину,—точно такъ же достолюбезный памфлетистъ, какъ и громоносный предводитель революціонныхъ клубовъ. „Я довольно извѣстенъ въ революціи, жилищемъ моимъ скоро будетъ ничто, а мое имя останется жить въ пантеонѣ исторіи“, произнесъ Дантонъ стоя передъ палачомъ; звучная театральная фразеологія и тутъ сохранила за собой свое право. Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ хотятъ сдѣлать изъ Франціи спартанское мужицкое государство; но они сами прирѣзали всѣ лучшія силы революціи, и оттого, вслѣдъ за „краснымъ“ терроромъ наступилъ едва ли менѣе кровавый „бѣлый“, благодаря реакціи такъ-называемой „золоченой молодёжи“,— реакціи, продолжавшейся до тѣхъ поръ пока Наполеонъ не положилъ конца анархіи крутымъ военнымъ деспотизмомъ.

Космополитство 18-го столѣтія сдѣлало возможнымъ то, что въ Германіи, гдѣ у народа не было отечества, такъ-какъ страна была раздроблена на 300 слишкомъ владѣній, такой человѣкъ какъ Георгъ Ферстеръ радостно поздравлялъ Французовъ съ разрушеніемъ свѣтской власти майнцскаго епископа и съ присоединеніемъ города къ Французской республикѣ. Но какъ раскаялся онъ въ своемъ заблужденіи, когда увидѣлъ потомъ вещи вблизи: „Слѣпая ярость и свирѣпый духъ партій, никогда не достигающіе разумныхъ результатовъ; умъ и талантъ безъ силы и мужества, физическая энергія въ связи съ полнѣйшимъ невѣжествомъ! Съ тѣхъ поръ какъ я знаю, что въ революціи нѣтъ доблести ни на волосъ, революція мнѣ просто гадка. Въ-дали отъ всякихъ идеальныхъ грезъ я могъ бы, заодно съ несовершенными людьми, идти къ общей высшей цѣли, дорогою иногда падать и опять вставать, чтобъ идти снова; но съ дьяволами, и съ дьяволами безъ сердца, каковы они здѣсь, я считаю это за грѣхъ передъ человѣчествомъ, передъ святою матерью землей и передъ яснымъ свѣтомъ солнца“. Сердце надломилось у него, глядя на ужасы. Единственнымъ утѣшеніемъ ему служила мысль, что революцію не слѣдъ разсматривать со стороны человѣческаго счастья или несчастья, а должно видѣть въ ней великое средство судьбы двинуть впередъ родъ людской изъ долгаго застоя. И въ этомъ именно смыслѣ она всегда останется однимъ изъ достопамятнѣйшихъ дѣлъ во всемірной исторіи. Не явно ли божеское маніе во всеобщемъ одушевленіи къ свободѣ и человѣческому благополучію, какимъ революція началась, и не явенъ ли законъ

нравственнаго міропорядка въ томъ ужасающемъ судѣ, который постигъ растлѣнное вконецъ общество и при которомъ своекорыстныя или нечистыя орудія такъ безпощадно истребляли себя сами. Обокъ съ такими насмѣшниками какъ Вольтеръ и съ такими матерьялистами какъ Гольбахъ, въ той же самой Франціи женственно-кроткій Сенъ-Мартенъ указывалъ втиши на вѣчную жажду духа къ надземному и собирая вокругъ себя рой прекрасныхъ душъ говорилъ имъ о таинствахъ Божества въ глубокомысленныхъ образахъ нѣмецкой мистики. Въ сочиненіяхъ его нѣтъ ни какой научной связи, но они полны живопрочувствованныхъ истинъ, выраженныхъ оригинальнымъ языкомъ. Онъ видѣлъ какъ среди ужасовъ революціи рука Промысла вырываетъ слишкомъ разросшееся злое зелье, какъ она рушитъ твердыни насилія, какъ при общемъ разгромѣ всѣхъ внѣшнихъ вещей, она указываетъ людямъ на одно незыблемое, на помыслъ о добрѣ и Богѣ. Если вмѣстѣ съ Зибелемъ разсмотрѣть революцію вблизи, вооружась однимъ только здравымъ разсудкомъ пристально вглядѣться въ ея личности и цѣли, и критически разложить весь нимбъ сложившихся о ней легендъ, то за исключеніемъ Мирабо̀ и Наполеона почти все остальное представится противнымъ или низкимъ, недостаточнымъ или омерзительнымъ; если же вмѣстѣ съ Миньѐ стать поодаль и смотрѣть только на крупныя волнообразныя черты событій, то цѣлое предстанетъ могучимъ естественнымъ процессомъ во всей его логической послѣдовательности и въ величіи, невольно поражающемъ душу. Загадочное это противорѣчіе разъяснится для того, кто признаетъ что верховная воля исторіи обращаетъ всѣ индивидуальные побуды и силы въ средства для своихъ цѣлей, что всеобщіе законы быторазвитія властительно пронизываютъ собою все частное, что посверхъ стремленія и разумѣнья единичныхъ лицъ явно осуществляется духъ міра. Тогдашніе Французы были мучениками для блага будущихъ поколѣній, и были ими себѣ же самимъ на казнь *. Человѣкъ, который могъ и хотѣлъ это измѣнить, давно ужь умеръ; это былъ Мирабо̀, нанесшій самые сокрушительные удары твердынямъ застарѣлаго безправія, произнесшій самыя огненныя слова для освобожденія всѣхъ угнетенныхъ, открывшій широкіе шлюзы потоку революціи, а потомъ увидѣвшій ясно что на помощь свободѣ необходимъ порядокъ, что народъ нуждается еще въ руководительствѣ, что имъ должна править сильная рука въ предѣлахъ новоустановленнаго быта до тѣхъ поръ пока онъ навыкнетъ управляться самъ,—Мирабо̀, простершій на все это руку погибающей среди бури королевской власти. Но рука эта брала деньги, много денегъ для уплаты долговъ, въ какіе обошлись ночныя оргіи расточителя, и хотя на сценѣ общественной жизни геній всегда одерживалъ въ немъ верхъ надъ кутилой, всегда ставилъ дикую его страсть слугою великихъ цѣлей и возвышенныхъ помысловъ, однакожь и для него и для Франціи было роковымъ приговоромъ то, что страна не могла положиться въ немъ на твердость нравственнаго самообладанія, и что его чудовищная природная сила загубила непомѣрнымъ разгуломъ сама себя; человѣкъ, который въ восторженныхъ юношескихъ письмахъ изъ тюрьмы къ возлюбленной своей Софьи видѣлъ въ ней вселенную, тотъ самый человѣкъ не

* То-есть себѣ, какъ непотребной помѣхѣ всему лучшему. Прим. перев.

могъ потомъ никакъ отвязаться отъ оперныхъ танцовщицъ, и содѣйствовалъ развращенію нравовъ своими чуть не грязными романами въ то самое время какъ просвѣщалъ и воспламенялъ умы геніемъ своихъ политическихъ произведеній. Онъ не далъ себя подкупить, но былъ принужденъ выговаривать себѣ унизительную плату за то чтобы дѣлать что̀ должно и чего требовала всемірная исторія. Вотъ почему народъ его долженъ былъ пройдти сквозь Чермное море крови, и послѣ столькихъ перемѣнъ и бурь видѣть еще и теперь обѣтованную землю только изъ-дали, тогда какъ самъ Мирабо̀ возвѣстилъ и свое призваніе и новое время слѣдующими словами: „Нашимъ оружіемъ въ бою будутъ слова правды, враги наши—извинительныя предубѣжденія, наши побѣды будутъ не жестоки, наши торжества будутъ благословляться самими тѣми, кого мы поведемъ за собой въ тріумфальномъ шествіи. Исторіи къ сожалѣнію слишкомъ часто приходилось пересказывать только расправы дикихъ звѣрей, среди которыхъ рѣдко-рѣдко различишь иныхъ героевъ; намъ же свыше дано надѣяться, что мы начнемъ исторію людей, исторію братьевъ, которые отъ природы назначены счастливить другъ друга, которые согласны между собой даже еще и въ противорѣчіи, потомучто цѣль у всѣхъ одна, а разница только въ средствахъ. Горе тому, кто нарушитъ чистое развитіе и предоставитъ печальной случайности невѣдомыхъ событій судьбу міра, которая не можетъ уже быть сомнительной, какъ скоро мы единодушно рѣшимся ожидать всего только отъ справедливости и разума". Мирабо̀, по своей высокой даровитости, могъ бы осуществить идеалъ государственнаго героя у романскихъ племенъ, какъ Кромвель и Вашингтонъ осуществили его у германскихъ; но чтобы воспитать народъ къ свободѣ и черезъ это стать истиннымъ его освободителемъ, для этого необходимъ чистый характеръ: вотъ отчего Мирабо̀ вышелъ только геніальнымъ типомъ своего народа и своего времени, и трагически погибъ среди нихъ, вмѣсто того чтобы побѣдоносно ихъ возвысить.

Когда Манона Роланъ (Manon Roland), ученица Руссо̀, кровавая по̀слушница противъ господства буйной черни, писала въ тюрьмѣ свои Записки, свою самозащиту, она провидчески возвѣстила истину: „Свобода! она существуетъ только для гордыхъ душъ, которымъ смерть ни по чемъ, бездѣлица. Она не для слабосильныхъ, готовыхъ мириться хоть съ злодѣйствомъ и при этомъ выдающихъ свой эгоизмъ и свою трусость за благоразуміе, она и не для тѣхъ негодяевъ, которые встаютъ съ ложа разврата или подымаются изъ грязной мерзости только для того чтобы выкупаться въ крови, текущей ручьями съ эшафотовъ. Она—для разсудительнаго народа, любящаго человѣчность, дорожащаго справедливостью, презирающаго льстецовъ, умѣющаго распознать своихъ друзей и высоко цѣнящаго истину. Пока вы не сдѣлаетесь такимъ народомъ, о сограждане, вамъ напрасно и толковать о свободѣ! У васъ будутъ только наглость, произволъ, которыхъ жертвою вы всегда и падете. Вы попросите хлѣба, а вамъ на его мѣсто подадутъ груду мертвыхъ тѣлъ, и въ концѣ концовъ вы все-таки останетесь тѣми же опять рабами"!

Шанфоръ (Chamfort) еще передъ революціей былъ тѣхъ мыслей, что слѣдуетъ больше дѣлать и меньше размышлять; что жалкая доля человѣка

вынуждаетъ его искать въ обществѣ утѣшенія противъ страданій, наносимыхъ природою, а въ природѣ утѣшеній противъ бездны общественныхъ золъ, и что только одинъ сарказмъ избавляетъ человѣка отъ пошлости. Потомъ, во время революціи, онъ восклицалъ: миръ хижинамъ, война чертогамъ! Развѣ можно совершить революцію одною розовою водой? Но и онъ пришелъ къ скорбному убѣжденію: Когда сбросишь съ себя иго общественнаго мнѣнія и общественныхъ нравовъ, то рѣдко для того чтобы подняться выше ихъ, а почти всегда для того чтобы упасть еще ниже. Идеалисты революціи, скучившіеся около досточтимой ими Маноны Роланъ, съ ораторомъ Верніо во главѣ партіи, остались при своей вѣрѣ и не отступили отъ нея ни на шагъ; но они кровью искупили ту вину, что говорили блистательныя рѣчи, вмѣсто того чтобъ храбро и благоразумно дѣйствовать, что они только разрушали, вмѣсто того чтобы организовать. Трогательный и возвышающій душу примѣръ представляетъ Кондорсе, который, посвятивъ свой математическій талантъ народному хозяйству и общественному благу, вдругъ подвергся изгнанію, но нашелъ убѣжище у одного друга и передъ смертью написалъ книгу объ успѣхахъ человѣческаго ума, въ утѣшеніе самому себѣ и современникамъ. Онъ выдвинулъ впередъ то, какъ постепенно возростало и все болѣе обобщалось образованіе; онъ предвидѣлъ время когда оно равномѣрно разольется по всей землѣ, когда люди будутъ жить просвѣщенной жизнію, а грубость и бѣдность встрѣчаться только въ видѣ рѣдкихъ изъятій; онъ заключаетъ такъ: „Какое зрѣлище представляетъ философу эта картина человѣческаго рода, который освободясь отъ всѣхъ своихъ цѣпей, отъ господства случая и отъ враговъ своего прогресса, неослабно пойдетъ по пути истины, добродѣтели и благополучія! Какою будетъ оно для него утѣхой въ виду множества заблужденій, злодѣйствъ и несправедливостей, какими оскверняется еще земля, и которыхъ онъ еще такъ часто бываетъ жертвою. Въ созерцаніи этой картины онъ найдетъ награду своимъ стараніямъ облегчить разумный прогрессъ и отстоять свободу. Это созерцаніе—надежный для него пріютъ, гдѣ не можетъ его преслѣдовать воспоминаніе о недругахъ, гдѣ онъ мысленно живетъ съ человѣчествомъ, возстановленнымъ опять въ своемъ достоинствѣ и въ своихъ правахъ, и гдѣ онъ забудетъ обо всѣхъ тѣхъ, кто мучится и гибнетъ отъ корысти, страха или ненависти; тамъ станетъ онъ вправду жить съ себѣ подобными, въ этомъ элизіумѣ, созданномъ себѣ его разумомъ,— элизіумѣ, который при теплой любви философа къ человѣчеству, украсится для него чистѣйшимъ наслажденьемъ“. Вотъ истинный, вѣчно борющійся, страждущій и въ самомъ страданіи вѣрный себѣ оптимизмъ благородной души, который Гёте превознесъ въ нашемъ Шиллерѣ.

Лицо его все болѣе играло
Румянцемъ юности, не вянущей отнюдь,
Тѣмъ мужествомъ, чье доблестное жало
Упорству міра мѣтитъ прямо въ грудь,
Той вѣрою, что выше все стремяся,
То смѣло вспыхнетъ вдругъ, то струйкою мелькнетъ,
За мнимою побѣдой не гоняся,
Не думая морочить ей народъ,
Готовая на все для главной цѣли,—
Чтобы добро спорилось и росло,

Чтобы для доблести часы ея приспѣли,
И всѣ сердца къ ней дружно повлекло.

Часто сравнивали умственное движеніе Германіи на поворотной точкѣ двухъ вѣковъ съ политическимъ движеніемъ во Франціи; но если взять ихъ оба вмѣстѣ, то конечно никогда еще не происходило болѣе громадной борьбы за высшія блага человѣчества; Нѣмцевъ спасъ отъ ея ужасовъ „категорическій императивъ" Иммануила Канта.

Нѣмецкая философія. Кантъ.

Между тѣмъ какъ въ богословіи все еще держалась средневѣковая схоластика, какъ въ философскихъ школахъ положенія о Богѣ и его мірѣ все еще выводились изъ однѣхъ гипотезъ, а обокъ съ этимъ двигалось впередъ наблюдательное изслѣдованіе природы и распространялось свободное мыслительство, мало по малу достигъ своими учеными трудами значенія и профессуры кёнигсбергскій приватдоцентъ Иммануилъ Кантъ (1724—1804). Онъ старался подѣйствовать на народъ образовательно, выяснить вольномыслещему просвѣщенію его собственное (безотчетное) стремленье, опредѣлить границы нашего познанія вообще и отстоять какъ за разумомъ такъ и за нравственною свободой неотъемлемое ихъ право. Еще двадцатидвухлѣтнимъ юношей начерталъ онъ себѣ путь, какимъ идти, а въ зрѣломъ мужествѣ достигъ предпоставленной тогда цѣли. На ряду съ остроумными изслѣдованіями о метафизическихъ и логическихъ задачахъ уже рано шли у него трактаты о прекрасномъ и высокомъ, или Грезы Духовидца, поясняемыя метафизическими грезами, гдѣ видѣнія Сведенборга приводились въ параллель какъ съ дѣтскими сказками и монастырскими чудесами, такъ и съ идеальными построеніями философовъ, съ воздушными замками умственнаго міра, и весь этотъ интересный сводъ отличался геніальною ироніей и поразительнымъ глубокомысліемъ. Но если мы захотимъ увидать въ немъ одну изъ тѣхъ великихъ личностей, въ которыхъ германскій духъ открывается вполнѣ, то отнюдь не должны терять изъ виду, какая искренная сердечность, какая любовь къ веселой общительности были свойственны этому человѣку, строгому исполнителю своего долга, правдивому и полному научнаго смысла, основавшему добродѣтель на чувствѣ человѣческаго достоинства, положившему рубежъ между фантазіей и познаньемъ. Въ страданіи и скорби видѣлъ онъ жало, которымъ природа понуждаетъ насъ къ дѣятельности, и цѣну жизни находилъ не въ наслажденіи, а въ употребленіи ея для высшихъ нравственныхъ цѣлей; идти къ нимъ предначертаннымъ путемъ казалось ему единственнымъ вѣрнымъ средствомъ не нарадоваться жизнію и вмѣстѣ съ тѣмъ насытиться ея дотого, чтобъ даже и умереть въ хорошемъ расположеніи духа. Знаменательно удовольствіе, съ какимъ онъ всегда смотрѣлъ на опытъ, знаменательно его раннее обращеніе къ Ньютону. Кантъ писалъ о звѣздномъ небѣ и, подобно астроному Лапласу, но совершенно независимо отъ него, старался объяснить фигуру, порядокъ и кругооборотъ солнечной системы изъ свертываю-

щагося и вращающагося вкругъ своего центра эѳирнаго осадка или тумана. Далѣе онъ шагнулъ къ тому, чтобы постичь въ самой матеріи только результатъ двухъ силъ притяженія и отпора, и такимъ образомъ живою дѣятельностью замѣнить мертвое вещество; не только тогдашняя философія природы, но и все нынѣшнее мыслящее естествовѣдѣніе развились изъ этихъ его положеній. Какъ дѣйствовалъ онъ уча въ университетѣ, это вѣрно описалъ намъ Гердеръ, слушавшій его въ 1762-мъ году. „Онъ обладалъ веселой бодростью настоящаго юноши. Его открытое, созданное для мысли чело было запечатлѣно несокрушимой ясностью; шутки, остроты, проказы—все у него было подъ рукой. Съ тѣмъ же умомъ, съ какимъ разбиралъ онъ Лейбница, Вольфа, Юма, изслѣдовалъ естественные законы Ньютона, Кеплера, разныхъ физиковъ, онъ брался и за появлявшіяся тогда сочиненія Руссо, за Эмиля, за Элоизу, а равно и за всякое новое открытіе въ природѣ, которое становилось ему извѣстнымъ, оцѣнялъ его по достоинству, и всегда возвращался опять къ указанію на важность безпредубѣжденнаго естествовѣдѣнія и на нравственную цѣну человѣка. Исторія человѣчества, исторія отдѣльныхъ племенъ, исторія природы, математика и опытныя знанія,—вотъ источники, которыхъ свѣжею струей оживлялъ онъ и свои лекціи и свои бесѣды; ни къ чему достойному знанія не оставался онъ равнодушнымъ; ни какія козни, ни какія секты, ни какія выгоды, ни какіе славолюбивые виды не имѣли для него ни малѣйшей цѣны передъ однимъ чистымъ желаніемъ расширить и выяснить истину. Онъ всякаго ободрялъ и повадно нудилъ къ собственному размышленію; деспотизмъ былъ совершенно чуждъ его душѣ. Соль, какою онъ старался изощрить и очистить въ насъ и смыслъ и разумъ, могущество, съ какимъ онъ вызывалъ въ насъ нравственный законъ свободы, неминуемо принесутъ добрые плоды“.

Переворотъ, произведенный Кантомъ съ 1781-го года, съ появленія его критикъ чистаго, практическаго разума и потомъ разсудка (Urtheilskraft), совершился благодаря тому, что онъ вдругъ равномѣрно противусталъ и богословскому, и философскому, и эмпирическому догматизму (какъ дѣлу противонаучному); что онъ не дозволялъ изъ нѣсколькихъ предположеній или гипотезъ строить цѣлыя ситемы о Богѣ и о мірѣ, или утверждать что-нибудь рѣшительное о вещахъ, ни мало не подлежащихъ нашему опыту; онъ провелъ грань между научнымъ познаніемъ и тѣми чаяніями и идеальными примыслами, которыя совершенно перехватываютъ за дѣйствительность; но онъ такъ же точно показалъ, что данный міръ явленій—вовсе не дѣйствительный, а тотъ лишь его образъ, какой наше *я*, наше представленіе начертываетъ себѣ изъ ощущеній или впечатлѣній нашей чувственности. Непосредственно ощущаемъ мы вѣдь только однѣ перемѣны нашего же собственнаго состоянія; по лежащему въ насъ (изначально) закону виновловности мы ищемъ этимъ дѣйствіямъ причинъ, и находимъ ихъ для всего, не нами же вызываемаго къ дѣйствію, во внѣшнихъ намъ силахъ; мы представляемъ себѣ свои ощущенія и порождаемъ для себя этимъ міръ явленій, какъ добытокъ нашего собственнаго смысла при встрѣчѣ съ дѣйствующими на него возбужденьями. Такимъ образомъ все наше познаніе есть всущности самопознаніе, и этимъ Кантъ поставилъ субъективность всему центромъ; надобно теперь опредѣлить ту долю участія, какую сами мы, наше ощущеніе и нашъ смыслъ,

имѣемъ въ образѣ міра, существующаго въ нашемъ сознаніи, но представляемаго и созерцаемаго нами какъ внѣшній намъ объектъ. Самъ Кантъ приравнивалъ этотъ подвигъ свой къ коперникову: какъ этотъ поставилъ солнце въ средоточіе планетной системы, такъ и онъ поставилъ наше *я*, нашъ самосознательный духъ въ центръ вселенной. Нашъ міръ, это—наша познательность; иначе организованный субъектъ иначе бы представлялъ себѣ и объективность. То, въ чемъ обыкновенно думаютъ подмѣчать свойство вещей,—скорѣе только форма, подъ какою міръ нами созерцается. Образъ міра создаетъ въ насъ по собственнымъ законамъ духовная наша самодѣятельность, а въ нравственныхъ поступкахъ она опредѣляетъ по своимъ началамъ и сама себя и міръ.

Вмѣстѣ съ Локкомъ Кантъ особенно налегаетъ на право наблюденія и опыта; они должны давать содержаніе нашему познанью, но формы и законы послѣдняго, благодаря которымъ опытъ только и становится возможнымъ, идутъ не отъ него, а лежатъ въ насъ самихъ независимо и прежде всякаго опыта; такъ, вмѣстѣ съ Лейбницемъ, онъ крѣпко стоялъ за нѣчто апріорное, изначальное въ субъектѣ. Познаніе, думалъ онъ, совершается въ чувственности, смыслѣ (Verstand) и разумѣ; его „Критика чистаго разума" посвящена тщательному разбору трехъ этихъ способностей при чемъ Кантъ, правда, различаетъ ихъ гораздо рѣзче, нежели бы слѣдовало по изначальному единству ихъ въ нашемъ духѣ. *

Пространство и время, учитъ онъ, суть формы нашего внѣшняго и внутренняго чутья, въ которыя мы и ставимъ наши ощущенія или сплошь рядомъ или одно вслѣдъ за другимъ; формы эти сродны намъ изначально, мы не отвлекаемъ ихъ изъ дѣйствительности; но что онѣ только пріемы или способы нашего лишь созерцанія, а не формы въ то же время и всего реальнаго, это Кантъ допускалъ наобумъ, отчего идеализмъ его и остался субъективнымъ. Точно также онъ вполнѣ опять правъ, когда говоритъ что нашъ умъ уряжаетъ и разсматриваетъ свои представленія по своимъ собственнымъ категоріямъ, или точкамъ зрѣнія и различительнымъ нормамъ, каковы категоріи общаго и частнаго, единства и множества, всесовокупности, причины и дѣйствія, необходимости или возможности, существенности или случайности; но онъ и тутъ предоставилъ потомству ступить дальнѣйшій шагъ, то-есть признать что сама дѣйствительность также различена по этимъ категоріямъ и слѣдовательно опредѣлена присущимъ ей самой внутреннимъ смысломъ. Кантъ справедливо учитъ, что эти логическіе законы (нормативнаго различенія) сознаются нами только чрезъ упражненіе на опытѣ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ они и обусловливаютъ собой всякій опытъ. Изъ совокупнаго дѣйствія чувственности со смысломъ возникаетъ наука; необходимое, полносильное всегда и вездѣ, лежитъ въ нашемъ мышленіи, а разнообразное содержаніе даетъ намъ наблюденье; наглядныя созерцанія безъ понятій слѣпы, а понятія безъ наглядныхъ созерцаній пусты, безсодержательны. Воспріимчивость нашихъ чувствъ вмѣстѣ съ

* Одинъ изъ даровитѣйшимъ слушателей Канта, Фрисъ, замѣтилъ и постарался исправить ошибку учителя, но ни друзья, ни противники послѣдняго не обратили на это должнаго вниманьи. Прим. перев.

свободной дѣятельностью нашей мысли овозможиваютъ собой познаніе. Но какъ въ созерцаніяхъ и представленьяхъ дѣйствительность предстаетъ намъ отпечатлѣнною по мѣрѣ воспріимчивости нашихъ чувствъ, то мы и познаемъ вещи такъ, какъ онѣ намъ являются, какъ онѣ образуютъ наши представленья, а самобытное ихъ существо, бытіе ихъ само въ себѣ все таки остается для насъ сокрытымъ. Что вселенная ощущается и познается нами, что цвѣта и звуки существуютъ не внѣ насъ, а суть наши же ощущенія, переносимыя нами на внѣшнія намъ вещи, — это и тутъ пребудетъ навсегда истиной; но недостатокъ кантова взгляда тотъ, что „вещь сама въ себѣ" (Ding an sich) остается у него чѣмъ-то внѣмірнымъ и неопредѣленнымъ, что̀ даетъ только первый толчокъ нашему познанію, но отнюдь въ него не входитъ, между тѣмъ какъ физика выслѣдила уже въ движеніи атомовъ, въ дрожаніяхъ воздуха и эѳира объективныя условія звука и свѣта, теплоты и электричества и подробно развила ихъ законы. Поскольку вещи суть данный результатъ нашего міросозерцанія, кантова „вещь сама въ себѣ" собственно выходитъ противорѣчіемъ; на мѣсто ея мы должны поставить реальныя силы, которыя въ совокупномъ съ нами дѣйствіи порождаютъ для насъ образъ міра, но которыя и сами въ себѣ уряжены и дѣйствуютъ въ пространствѣ и времени по категоріямъ (мірового) смысла. *

Подробно излагая коренныя (нормирующія) понятія смысла и неразрывно связанныя съ ними формы сужденія, Кантъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что они и чувственная воспріимчивость существуютъ другъ для друга, и что категоріи полносильны только для фактовъ чувственной подмѣты, но что мы отнюдь не можемъ расширять ими нашего познанія за предѣлы данной дѣйствительности; мы ни чего не знаемъ безъ опыта, но и ни чего не испытываемъ безъ апріорныхъ (изначальныхъ) формъ мысли. Только заодно съ мыслящимъ умомъ (смысломъ) и его полносильными вездѣ законами чувственность доходитъ до познанья, только на единичныхъ ощущеніяхъ и созерцаньяхъ развиваются и сознаются нами общія понятія. Всякое чисто-умственное познаніе вещей есть только кажущееся, мнимое; истину даетъ одинъ опытъ, и онъ же удостовѣряетъ въ ней. Этимъ-то Кантъ и объявилъ рѣшительно войну какъ догматизму богослововъ, такъ и всѣмъ паутиннымъ измышленіямъ школьныхъ философовъ; этимъ онъ свелъ философію съ неба на землю, какъ Сократъ, или, по выраженію Шиллера, изъ философскаго разума возстановилъ наконецъ здравый разумъ. И однакожь мы все-таки не ограничены однимъ даннымъ; обокъ съ чувственною воспріимчивостью и смышленостью все-таки мощно дѣйствуетъ въ насъ нѣчто третіе, именно—разумъ, способность началъ и идей, восходящая отъ условнаго къ безусловному и ставящая себѣ конечной цѣлью единое, полное въ себѣ завершеніе нашего познанья. Мыслимое наше сознаніе сопровождаетъ и поддерживаетъ всѣ наши представленья; опираясь на это, разумъ требуетъ живого единства ихъ въ нашей субъективности или

* Но если и это далеко еще не объясняетъ намъ всего самаго существеннаго въ жизни природы, то не правъ ли, полно, Кантъ, ставя «вещь саму въ себѣ», какъ нѣчто недовѣдомое, къ чему приходятъ же вѣдь и теперь такіе крупные изслѣдователи какъ Спенсеръ и другіе? Прим. перев.

во внутреннемъ нашемъ мірѣ, и единство это называетъ душой. Но значило бы уже выйдти за предѣлъ науки, начни мы трактовать душу какъ особое существо, какъ предметъ нашего ощущенія и представленья, забудь мы что это идея нашего разума, и вздумай что-нибудь узнать на ея счетъ, прилагая къ ней категоріи (безсложной) простоты, нерушимости, невещественности и тому подобныя. Разумъ образуетъ себѣ также идею космоса, идею благоустроенной и связной въ себѣ вселенной, и ставитъ ее цѣлію для научныхъ изслѣдованій; но если, опираясь на это, съ идеалистической точки зрѣнія станутъ утверждать, что міръ сотворенъ во времени, ограниченъ въ пространствѣ, обусловленъ внѣмірнымъ существомъ, и что на ряду съ естественной необходимостью въ немъ есть еще и свобода, то матерьялизмъ, съ своей стороны, отрицаетъ внѣмірное существо, отстаиваетъ вѣчность и безпредѣльность міра и не даетъ въ немъ свободѣ ни какого прибѣжища. Кантъ старается показать, что доводы противъ и въ пользу этихъ воззрѣній будутъ равно неотразимы, если умозрительствовать о вселенной на такой ладъ. Разумъ нашъ запутается въ противорѣчія, коль скоро захочетъ опредѣлять такимъ образомъ идею міра изъ нея самой, вмѣсто того чтобы ставить ее только правиломъ (регулятивомъ) и цѣлью всякому частному изслѣдованію. Наконецъ, въ природѣ (всеединящаго) разума лежитъ то, что онъ ищетъ перваго и общаго начала какъ для души, такъ равно и для міра, первоосновы и послѣдней цѣли для всякой жизни, какова бы она ни была; онъ удовлетворяется только въ высшемъ этомъ единствѣ, и поскольку опредѣляетъ его какъ безусловную самосущность, постольку называетъ Богомъ; Богъ для Канта—необходимый идеалъ разума. Чтобы понять и самого себя и міръ разумъ нуждается въ идеѣ Бога, и она вовсе не произвольное какое-нибудь изобрѣтеніе, которое мы моглибы, пожалуй, обойдти; она коренится въ самой сущности разума (какъ единительной потребности и способности нашего духа). Но есть ли она дѣйствительно также и внѣ разума, объ этомъ ни чего не можетъ высказать чистый разумъ: изъ понятія онъ отнюдь невсилахъ выкропать наличнаго бытія, какъ это дѣлается въ извѣстномъ онтологическомъ доводѣ относительно бытія божія, утверждающемъ что совершенное необходимо должно и существовать, потому что безъ наличнаго существованія оно было бы не совершенно; это доказываетъ только одно, — что по понятію о Богѣ мы непремѣнно должны мыслить его сущимъ; существуетъ ли онъ дѣйствительно, этому можетъ научить одинъ опытъ. Но идеи вовсе не подлежатъ чувственному ощущенію. Кантъ уничтожаетъ этимъ обычныя школьныя доказательства бытія божія; но онъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что красота, порядокъ, цѣлесообразность міра указываютъ на зиждительный духъ; только математически-точнаго доказательства Бога нѣтъ, какъ нѣтъ и чувственнаго его созерцанія, быть-можетъ во благо практическому назначенію человѣка, какъ намекаетъ тутъ же и самъ Кантъ; а мы готовы присовокупить отъ себя въ его духѣ, что при полной увѣренности въ бытіи Бога едва ли были бы возможны свобода наша и высшая ея награда, — самобытно-достигаемая истина. Добро, дѣлаемое изъ страха передъ нимъ, а не изъ уваженія къ нравственному закону, утратило бы вѣдь всю цѣнность окончательно. И стали ли бы мы переносить свою здѣшнюю жизнь, не выдавались либы у насъ часто такія минуты, когда бы насъ неодолимо влекло въ иной міръ къ ми-

лымъ душѣ или къ успокоенію въ могилѣ, будь намъ извѣстно и то и другое съ математическою или съ чувственной достовѣрностью? И въ самомъ дѣлѣ, умозрительный доводъ въ пользу бытія божія возможенъ лишь въ смыслѣ показанія, что все наше познаніе, все наше объясненіе дѣйствительности вездѣ наводитъ насъ на нѣчто неизвѣстное и что мы способны понимать природу и исторію только при предположеніи Бога, какъ всесовершеннаго въ самомъ себѣ, какъ первоначала и цѣли всего сущаго. А это собственно и есть ученіе Канта: Богъ необходимая идея разума. Что идея эта есть свидѣтельство божіе о себѣ въ разумной душѣ человѣка, это—дальнѣйшій положительный шагъ, на который намекалъ еще Декартъ. Въ 1784-мъ году Гёте написалъ въ Брокенскомъ альбомѣ * слѣдующіе стихи:

Quis coelum posset nisi coeli munere nosse,
Et reperire Deum, nisi qui pars ipse Deorum est?
(т. е. Кто могъ бы небо опознать, не одаренный небомъ властно?
Кто могъ бы Бога отыскать, самъ божескому непричастный?) **

Но что всѣ противоразумныя догматическія ученія, изъ-за которыхъ спорятъ и обзываютъ другъ друга еретиками богословы, были съ тѣхъ поръ устранены отъ современнаго образованія и отчислены въ царство грезъ, — это было плодомъ отрицательной критики „всесокрушающаго" Канта. Онъ покончилъ со всѣми ложными пустыми мудрованьями, не основанными на опытѣ (или опытомъ непровѣримыми); мы, училъ онъ, непремѣнно должны сознавать, что въ своихъ чисто-разумныхъ заключеніяхъ всегда уже перехватываемъ за данное, что заключенія эти порождаютъ изъ себя не предметы, а идеи разума. Въ смыслѣ Канта говоритъ же опять и Гёте: „Для мыслящаго человѣка величайшее счастіе изслѣдовать то, что̀ доступно изслѣдованію, и спокойно благоговѣть передъ неисповѣдимымъ".

Есть однакоже область, гдѣ мы переживаемъ идеи эти внутреннимъ опытомъ, гдѣ изъ догадокъ чистаго разума онѣ становятся положительными затребами разума практическаго, гдѣ разумная вѣра постигаетъ и отстаиваетъ ихъ (какъ свой насущный хлѣбъ): это именно нравственная область. „Критика практическаго разума" вовсе не отпаденіе отъ „Критики чистаго разума", а только дальнѣйшее ея развитіе. *** Налегая на господство или первенство практическаго, Кантъ ставитъ свободу и нравственность превыше всего; добро дѣлается для него, какъ для Сократа и Платона, цѣлью міра, а идеи становят-

* Извѣстно, что на горѣ Брокенѣ, въ Гарцѣ, построено для путешественниковъ родъ станціи, гдѣ и былъ выложенъ этотъ альбомъ.

** Гёте перевелъ это двустишіе по своему:

Wär' nicht das Auge sonnenhaft,
Wie könnten wir zur Sonne blicken?
Lebt' nicht in uns des Gottes eigne Kraft,
Wie könnt' uns Göttliches entzücken?

*** Кантъ, обусловливая опытомъ наши познанія, ни гдѣ и ни когда вѣдь не отрицалъ состоятельности внутренняго опыта, ни гдѣ не говорилъ, что одинъ внѣшній опытъ рѣшаетъ все и во всемъ. Прим. перев.

ся мѣроположными (изъ правила или регулятора, какимъ были онѣ для чистаго разума, онѣ становятся обязательными правилами для практическаго). По нимъ, а не по обычнымъ дѣйствiямъ людей, опредѣляемъ мы сущность добродѣтели, доблесть; противоположныя данныя опыта могутъ доказать, что мы ошибочно вывели какой-нибудь естественный законъ, но эти данныя ни чего не значатъ передъ нравственнымъ закономъ; мы тутъ просто говоримъ, что имъ не надлежало быть (хотя бы они и слѣдовали изъ данныхъ же, положимъ, условiй), мы требуемъ чтобы порядки общественной жизни были измѣнены сообразно идеѣ, и отговорки толпы, ссылающейся на противорѣчащiя тому учрежденiя и случаи, прямо недостойны философа. Относительно природы опытъ даетъ намъ сподручное правило и служитъ ключомъ истины; но вразсужденiи нравственнаго закона опытъ—отецъ призрачныхъ видимостей, и почерпать правила для того что̀ мы должны дѣлать изъ того что̀ обыкновенно дѣлается, или ограничивать ихъ этой наличностью, не годится ни куда. — Въ нравственномъ лежитъ центръ тяжести кантовскаго духа (какъ ни великъ онъ также въ оцѣнкѣ внѣшняго опыта), и говорить, какъ дѣлаютъ Шоппенгауэръ и нѣкоторые другiе, будто онъ только прилаживался тутъ къ существующему порядку и къ предубѣжденiямъ толпы, значитъ обносить его клеветою. Скорѣе можно сказать, что сильно распространенному мнѣнiю людей, дѣлавшихъ и добро, и нравы, и право измѣнчивымъ выраженiемъ произвольно и условно принятыхъ положенiй, онъ смѣло противопоставилъ сознанiе долга, которое если и далеко не вездѣ осуществляется въ дѣлахъ, то по крайней мѣрѣ, въ сужденiи рѣшительно всѣми признается за единственно и безусловно похвальное, за то, что во всякомъ случаѣ должно быть. Всилу безусловной этой всеобщности не можетъ оно происходить изъ эмпирiи (наличнаго опыта), не есть нѣчто уговорное, а напротивъ вполнѣ изначально, первобытно; самое существо духа состоитъ въ различенiи добра отъ зла, и въ самой волѣ лежатъ принципъ и законъ поступковъ; цѣну имъ сообщаетъ вѣдь только образъ мыслей и чувствъ, наше внутреннее настроенiе. Здѣсь субъективность является въ своей собственной, самородной мощи; поднимаясь надъ мiромъ явленiй, воля опредѣляетъ сама себя (независимо отъ внѣшней обстановки). Она не свободна, если поддается влiянiю чувственныхъ, своекорыстныхъ основанiй; она нравственна и свободна, когда сама себѣ даетъ разумный законъ: „Поступай такъ, чтобы правило твоей воли могло въ то же время быть и началомъ общаго законодательства". Такъ какъ мы при этомъ однакожь и чувственныя существа, то нравственный законъ носитъ на себѣ форму заповѣди, но онъ полносиленъ безусловно вездѣ и всегда; этотъ „категорическiй императивъ" (то-есть властная, верходержавная норма) повелѣваетъ намъ исполнять нашъ долгъ, и соблюденiе въ поступкахъ правоты по чувству обязанности и ради нравственнаго закона есть именно характеръ нравственнаго, добраго, печать нашего духовнаго достоинства. Что̀ обязательно для хоти чувственнаго существа, то вмѣстѣ и волѣнiе существа разумнаго. Воля — законодавецъ сама себѣ, въ этомъ самозаконiи (въ этой автономiи) она отрадно для самой себя проявляетъ свою свободу, то-есть, повинуясь заповѣдямъ разума, повинуется себѣ самой, одѣетворяетъ свою собственную сущность. „Двѣ вещи, говоритъ Кантъ, наполняютъ душу всегда новымъ и все возростающимъ благоговѣйнымъ удивленiемъ, чѣмъ чаще и

пристальнѣе занимается ими нашъ помыслъ: это—звѣздное небо надо мной и нравственный законъ внутри меня", и изъ этого разумнаго факта онъ умозаключаетъ, какъ о необходимомъ его условіи,—о нашей внутренней независимости отъ естественнаго механизма, потомучто заповѣдь долга была бы немыслима безъ способности къ свободѣ. Послѣдняя вовсе не фактъ внѣшняго опыта; въ чувственномъ мірѣ вездѣ властвуетъ напротивъ связь причины съ дѣйствіемъ и все обусловлено чѣмъ-нибудь другимъ; свобода же есть идея разума, ею открывается намъ умопостижимый только, духовный міръ (die intelligible Welt), какъ необходимое предположеніе нравственнаго закона, какъ глубокое, внутреннее убѣжденье нашей совѣсти. Въ качествѣ самоопредѣляющихся разумныхъ существъ, мы принадлежимъ высшему порядку вещей въ мірѣ; въ царствѣ нравственности важно не внѣшнее дѣйствіе, а внутреннее настроенье, благость воли: чистота внутренняго побуда обусловливаетъ цѣнность всякаго дѣянія. „Долгъ, высокое и великое имя, не заключающее въ себѣ ни какого угодничества, ни какой поблажки, но требующее покорности, и притомъ однакожь не стращающее для побужденія воли къ дѣйствію, что, разумѣется, пугало бы душу и претило ей, но лишь постановляющее законъ, который самъ собою входитъ въ эту душу и самъ же противъ воли снискиваетъ себѣ уваженіе (хотя и не всегда послушанье),—долгъ, передъ которымъ нѣмѣютъ всѣ склонности, хотя втайнѣ и противодѣйствуютъ тебѣ! скажи, гдѣ достойный тебя источникъ и гдѣ отыскать намъ корень твоего благороднаго происхожденія, гордо отрекающійся отъ всякаго родства съ наклонностями? откуда вывести неотложное условіе той цѣны, какую способны давать себѣ одни только люди?" Это не можетъ быть ни чѣмъ мѐньшимъ того, что̀ возвышаетъ человѣка надъ самимъ собою, какъ часть видимаго, чувственнаго міра, что̀ связываетъ его съ порядкомъ вещей, который постижимъ только для ума (а не для внѣшняго чувства) и который въ то же время держитъ подъ собою весь чувственный міръ, обращая его въ средство для нравственныхъ цѣлей: это именно личность; существо ея—разумъ и самоопредѣленіе; этимъ принадлежитъ она къ міру, постижимому только для ума, этимъ она цѣль сама въ себѣ. Нравственно поступать значитъ дѣлать изъ чистаго убѣжденія то, что справедливо и человѣчно: вотъ какъ въ понятіи долга Кантъ добылъ научную основу для Этики, вотъ какъ сталъ онъ законодавцемъ и вмѣстѣ благодѣтелемъ не только своего народа, но и всего человѣчества, пробудивъ человѣческій духъ сознаніемъ его достоинства изъ своекорыстія, чувственности и усыпленья и поставивъ его на несокрушимую почву вѣчнаго.

Такимъ образомъ обязанность, долгъ порукою ему за Бога и за безсмертіе. Если чистый разумъ заключилъ тѣмъ, что теоретически не льзя ни доказать ихъ, ни отвергнуть, то разумъ практическій требуетъ ихъ положительно, и притомъ вмѣстѣ съ свободой; они безусловныя его затребы (постулаты), необходимыя предположенія, неразрывно связанныя съ нравственнымъ закономъ, сообщающія идеямъ разума реальность въ отношеніи ко всѣмъ человѣческимъ поступкамъ. Нравственный законъ требуетъ, чтобы воля наша вполнѣ сообразовалась съ нимъ; а между тѣмъ въ чувственномъ мірѣ долгъ борется съ наклонностью, добродѣтель наша тутъ слаба, и ни какъ ей не отдѣлаться отъ разныхъ нечистыхъ примѣсей; поэтому нравственнаго совершенства,

какъ исполненія моральнаго закона, должны мы надѣяться только въ другой высшей жизни. Притомъ совѣсть даетъ намъ ощутить высшую мощь, которая судитъ насъ внутри насъ самихъ, и сознаніе наше требуетъ благополучія для того, кто сдѣлается его достойнымъ. Идеалъ верховнаго блага или добра есть единство чистой воли съ полнымъ блаженствомъ; вотъ идея того Бога, который опредѣляетъ и природу и нравственный міръ на сопринадлежное существованіе, какъ общая имъ причина, такъ что, кто дѣлаетъ добро ради добра, тотъ этимъ самымъ и достигнетъ спасенія.

Надо перекинуть мостъ между понятіемъ природы, какъ чувственнымъ, и между понятіемъ свободы, какъ сверхчувственнымъ (по существенному своему содержанью), такъ-какъ вѣдь въ природѣ же должны осуществляться цѣли духа. Нашъ разсудокъ (Urtheilskraft) соотноситъ частное чувственнаго созерцанія со всеобщимъ элементомъ мысли, или опредѣляя частное на основаніи какого-нибудь общаго начала, или же отъ частностей доискиваясь общаго. Единствомъ въ многоразличіи выходитъ это сопроникновеніе понятія и явленья, на которое мы смотримъ какъ на цѣлесообразность, сознавая что тутъ мысль дѣйствительно осуществляется въ вещахъ. Это доставляетъ намъ удовольствіе, а противное тому возбуждаетъ недовольство. Кантъ различаетъ эстетическій разсудокъ отъ телеологическаго (цѣлемѣтнаго); первый бьетъ на красу формы, а послѣдній—на цѣлепригодность содержанія. Изящное, своей формой, гармонирующей съ нашею познавательной способностью, вызываетъ безкорыстную, для всѣхъ полносильную и неотмѣнную утѣху. Этимъ оно возвышается надъ пріятнымъ, которое только чувственно услаждаетъ то либо другое единичное лицо; а прикидывая судъ личнаго своего вкуса любому встрѣчному, мы уже тѣмъ самымъ указываемъ на то, что во всѣхъ насъ лежитъ одна общая основа сужденія, нѣчто такое, на что можно смотрѣть какъ на сверхчувственный субстратъ всего человѣчества. Изящное нравится намъ, какъ символъ добра, какъ воплощеніе той либо другой нравственной идеи, и искуство порождаетъ его въ своихъ твореніяхъ, которыя какъ созданія свободы кажутся однакожь словно естественными произведеньями. Мы разсматриваемъ природу телеологически, когда предполагаемъ мысль, выполняемую въ ней дѣйствующими причинами и ихъ стройнымъ механизмомъ, такъ что эта мысль выходитъ тутъ цѣлью, которая осуществляется ими какъ средствами. Вещи, какъ цѣли природы, суть организованныя существа, въ которыхъ всѣ части прибраны для цѣлаго и каждая обусловлена всѣми другими, обусловливая ихъ въ свой чередъ сама, почему все здѣсь можетъ назваться и цѣлію и средствомъ въ одно время; это не извнѣ сдѣланныя и движимыя машины, а самородныя и самоплодящіяся живыя силы. Строгозаконность природы и идеи ею осуществляемыя требуютъ всевидящаго, все разомъ объемлющаго ума, который не восходитъ, какъ нашъ, постепенно отъ частнаго къ общему, а усматриваетъ и видообразуетъ въ единомъ вдругъ и все многоразличное. Цѣли въ природѣ ведутъ къ умозаключенію о цѣлеставномъ, организующемъ духѣ божіемъ, если мы только не забудемъ при этомъ, что цѣль вообще не то чтобы находима была нами въ дѣйствительности, но, главное, что она принадлежитъ къ тѣмъ нормамъ и точкамъ зрѣнія, по которымъ мы неизбѣжно обсуждаемъ вещи. Такъ говоритъ осторожный Кантъ; но Г. І. Фихте справедливо вы-

водитъ отсюда слѣдствіе: Мы оттого и можемъ вычитывать изъ (частныхъ) созерцаній (общія) понятія, что изначальный творчески-мыслящій умъ заготовь соприурочилъ все созерцаемое и опредѣлилъ его по понятіямъ.

Кантъ самъ развилъ выводы своей философіи для религіозной и политической жизни, и тѣмъ еще возвысилъ свое вліяніе на образованіе и нравы народа. Осуществленіе чистой свободной человѣчности было цѣлію, къ которой этотъ уединенный труженикъ мысли стремился одновременно съ лучшими силами французской революціи; и даже когда она переполнилась ужасовъ и бѣдъ, Кантъ и тогда съ энтузіазмомъ отстаивалъ ея цѣли; пусть, думалъ онъ, и не удастся первый опытъ, но такой феноменъ никогда уже не забудется въ исторіи человѣчества, потомучто онъ раскрылъ въ человѣческой природѣ такія наклонности и способности, до которыхъ не додумался прежде ни одинъ политикъ по всему досельному ходу вещей. Самъ онъ, обокъ съ требованіемъ правъ, напередъ всего выдвинулъ заповѣдь нравственнаго долга, или, какъ сказалъ объ немъ Шиллеръ: изъ святилища чистаго разума вынесъ онъ намъ чуждый и однакожь столь знакомый всякому нравственный законъ, поставилъ его во всей святости передъ развратнымъ вѣкомъ и не заботился о томъ, есть ли налицо глаза, неспособные перенести его блеска. Этимъ благотворно подѣйствовалъ онъ на нравственное воспитаніе народа и дѣйствуетъ еще до сихъ поръ; строгая служба долгу, какой Фридрихъ Великій требовалъ въ государственномъ и военномъ дѣлѣ, стала, благодаря Канту, общежизненнымъ правиломъ, и конечно онъ былъ участникомъ тѣхъ побѣдъ, какими мы завоевали себѣ наконецъ германскую имперію.

Неустанно трудиться надъ своимъ собственнымъ усовершеніемъ и во благо другимъ, ни въ себѣ ни въ комъ другомъ никогда не унижать человѣчности до степени одного лишь средства, но всегда чтить и уважать въ ней самоопредѣлительную цѣль,—таковы были кантовы коренныя правила. Свобода, говорилъ онъ, есть самоопредѣленіе, а потому народъ самъ долженъ давать себѣ законы общежительства; тогда, повинуясь имъ, всякъ тѣмъ неменѣе останется свободнымъ. Каждому должна быть открыта та дорога къ благоденствію, какую изберетъ онъ самъ, лишь бы не нарушалась этимъ свобода другихъ въ подобномъ же стремленіи. Противъ злоупотребленія свободою должны существовать законы, установляющіе людскія права и уряжающіе государство, какъ правомѣрное общество, на основаніи идеи права; они должны сопровождаться принудительною силою для охраны отъ случайныхъ порухъ или для вознагражденія за вредъ, причиненный правонарушеньемъ. Равенство людей требуетъ того, чтобы каждому доступно было любое должностное мѣсто въ государствѣ, которое онъ способенъ занять по таланту и прилежанію. Просвѣщеніе восторжествуетъ надъ политическимъ и церковнымъ деспотизмомъ; для этого потребно одно: во всѣхъ возможныхъ дѣлахъ открыто пускать въ ходъ свободу нашего разума. Вѣрные взгляды должны быть распространяемы свободою пера, а государство должно постепенно вести къ представительнымъ формамъ правленія, гдѣ общественное благо обезпечивается общественною заботой. Тогда народы признаютъ себя различными лишь членами одного и того же человѣчества и потщатся устранять губительныя насилія войны путемъ мирныхъ сношеній; навыкнутъ посредствомъ

государственныхъ конгрессовъ уряжать свои внѣшнія дѣла. Человѣчество, какъ свободный союзъ свободныхъ народовъ,—вотъ цѣль исторіи.

Пускай философію попрежнему зовутъ служанкой богословія; главное дѣло въ томъ, несетъ ли она шлейфъ за барыней, или идетъ передъ ней со свѣчкой,—такъ выразился Кантъ въ своемъ „Спорѣ факультетовъ"; этимъ сочиненіемъ, книжечкою о вѣчномъ мирѣ, да еще трактатомъ о религіи въ предѣлахъ разума онъ заключилъ реформаторскую свою дѣятельность. Религію и поповство подѣлялъ онъ строжайшимъ образомъ. Все чѣмъ, кромѣ добра въ жизненномъ пути, человѣкъ думаетъ угодить Богу, по мысли Канта — чистая мечта и лжеслуженіе, все равно, какъ бы ни выражалось послѣднее, устною молитвой, или молитвеннымъ тибетскимъ колесомъ. Суевѣріе, дающее этому какую-нибудь цѣну, всегда прямо ведетъ къ поповскому взгляду на религію, который, какъ и самое поповство, вездѣ найдешь тамъ, гдѣ сущность составляютъ не нравственныя начала, а только внѣшніе вѣроуставы, обряды и правила. Тамъ Церковь властвуетъ надъ государствомъ, излагая догматы, руководя богослуженіемъ, причемъ навыкъ къ лицемѣрію незамѣтно подрываетъ честность и изощряетъ народъ такъ же точно суедѣйствовать и въ гражданскихъ обязанностяхъ *. Пора, говоритъ онъ, отрѣшить религію ото всѣхъ эмпирическихъ и историческихъ положеній; помочи стараго преданія, сослужившія въ свое время добрую службу, становятся не такъ нужными теперь, а главное, они превратились въ обузу; пора понять чисто-разумную религію, это божественное откровеніе, постоянно совершающееся каждой человѣческой душѣ! Истина христіанства основана на внутренней моральной исторіи человѣка, на процессѣ его нравственнаго возвышенія (черезъ отдачу себя на службу добру): своимъ полнымъ согласіемъ съ тѣмъ нравственнымъ первообразомъ, какой носимъ мы въ глубинѣ души, Христосъ завѣряется для насъ какъ мысленная цѣль святой воли и премудрости божіей, какъ вочеловѣчившійся сынъ Божій. Кто поживетъ этому первообразу, кто осуществитъ въ себѣ этотъ идеалъ, для того Христосъ воистину спаситель и примиритель, тотъ соединится съ Богомъ черезъ посредство Іисуса Христа.

Кантъ, заодно съ Лютеромъ, вполнѣ становится на нравственную точку зрѣнья, грѣхъ и искупленіе были коренными фактами и для него, почему онъ и ввелъ ихъ въ идеальную область (неизмѣнно вѣрной себѣ свободы); онъ выдѣлилъ истину изъ догматическихъ пеленъ, вмѣсто того чтобы откинуть ее вмѣстѣ съ пеленами. Онъ научно завершилъ то, что̀ энергическая душа реформатора начала въ области сердечной вѣры. Совершенно въ противоположность предразсудку своего времени, онъ призналъ въ человѣкѣ (какъ существенно ограниченномъ созданіи) коренное зло, не только въ его животночувственныхъ побудахъ, но и въ его себялюбіи, всегда пробуждающемся въ существѣ, какъ скоро оно постигнетъ себя какъ самость и различитъ себя отъ всего прочаго; это себялюбіе возростаетъ до злобы, точно такъ же

* Кантъ естественно имѣлъ ближе всего въ виду римскій католицизмъ, который въ наше время открыто призываетъ подданныхъ къ неповиновенію государственнымъ законамъ. Но къ тому же самому неизбѣжно ведетъ и всякій послѣдовательный догматизмъ.

Прим. перев.

какъ не сдержанная чувственность переходитъ въ порокъ; глупость, жестокосердіе господствуютъ въ столь превозносимомъ естественномъ состояніи, точно такъ же какъ лживость и злорадство въ цивилизаціи; грѣховность и отпаденіе отъ нравственнаго закона—природное клеймо всѣхъ людей, оттого и нужно имъ обновленіе въ глубочайшей ихъ основѣ, такого рода возбужденіе, которое искупало бы вину страдой и на мѣсто себялюбія внѣдряло любовь. Христосъ совершилъ все это въ самомъ себѣ, осуществилъ въ своей жизни, открылъ въ своемъ ученіи; его исторія—исторія нравственнаго духа, единящагося съ нравственнымъ закономъ, примиряющагося съ Божествомъ; вѣрою въ него воля наша обрѣтаетъ силу стремиться къ верховной цѣли, жить осуществленіемъ добра въ царствѣ божіемъ и стать причастною его блаженству.

Опираясь на Канта, Гезеніусъ, Вегшейдеръ, Паулусъ, Рёхъ, Бретшнейдеръ развили въ германскомъ богословіи раціонализмъ; Канта же держались и такіе юристы какъ Фёйербахъ и Цахаріэ. Общій корень чувственности и смысла для нашего сознанія Рейнгольдъ старался указать въ нашей способности представлять себѣ вещи (то-есть опредмечивать всѣ ощущенія), тогда какъ Фрисъ перекинулъ мостъ между Кантомъ и Якоби, и обокъ съ строгою наукой въ познаніи явленій, отстаивалъ также и права вѣры, права чаянія, потребность постигать вѣчное существо и окончательную цѣль міра. И сколько разъ философія ни переходила за кантовскіе рубежи, она всегда была вынуждена возвращаться къ нему снова, съ тѣмъ чтобы опредѣлить или опеленговать по немъ свое положеніе и отъ него уже идти потомъ опять дальше.

Гёте и Шиллеръ.

Особенную цѣну и можно-сказать честь придаетъ вторичному цвѣту нѣмецкой литературы то обстоятельство, что онъ вовсе не пользовался, какъ первый во времена Гогенштауфеновъ, поддержкою мощной и блистательной народной жизни, а напротивъ самъ вывелъ народъ изъ разстройства и приниженія и пробудилъ въ немъ новое самознанье,—что поднятіемъ душевной его энергіи и просвѣщеніемъ его ума онъ опять поставилъ его на стезю національнаго величія. Онъ не только отразилъ въ себѣ тогдашнюю культуру, но рѣшительно сталъ во главѣ ея мощною движущею силой. Онъ далъ идеямъ вѣка художнически-законченное выраженіе и ознаменовалъ собой зарю царства духа тѣмъ союзомъ поэзіи съ наукой, какой мы видѣли до тѣхъ поръ развѣ въ одномъ лишь Данте, а начиная съ Лессинга видимъ въ каждомъ геніальномъ стихотворцѣ новѣйшаго времени. Теперь, когда въ свободномъ союзногерманскомъ государствѣ наконецъ достигнута та цѣль, къ которой благороднѣйшія души и лучшіе умы стремились въ послѣднее столѣтіе, мы можемъ уже сообразить, что то особенное, своеродное величіе было вмѣстѣ и неизбѣжной гранью для верховодовъ литературы. Благородство и право полной и прекрасной человѣчности во всемъ ея содержаніи и во всемъ ея объемѣ, охватывающемъ цѣлый людской родъ,—этотъ идеалъ человѣчества былъ тогда поставленъ и для исторіи и для каждаго единичнаго лица, но созерцать его и воз-

создать могли только вдохновенная душа и пылкая фантазія, а онъ отнюдь не могъ быть просвѣтленіемъ настоящей, наличной дѣйствительности, не поддерживаясь ни пріятно-умягченнымъ нравообычаемъ, ни удовлетворительнымъ церковнымъ бытомъ, ни величавой гласностью жизни государственной; напротивъ онъ стоялъ посреди чисто-уѣзднаго филистерства и слабосильнаго мелкодержавства, посреди двухъ противоположныхъ крайностей прогнившаго насквозь господства старыхъ догмъ и разлагающаго эти догмы шуткой и нешуткой скептицизма, такъ что идеалу только еще предлежало подготовлять пути къ обновленію и облагороженію тогдашней дѣйствительности. Вотъ отчего поэты и не могли такъ крѣпко стоять на народной почвѣ, какъ стояли какой-нибудь Шекспиръ или Сервантесъ, вотъ отчего они не только что обучались у Грековъ, но не имѣя родного стиля подъ ногами, то пускались для опыта въ подражаніе антику, совершенно чуждое вкусу массъ, то тратили громадныя силы на сюжеты самые ничтожные, то грезы своихъ задушевныхъ желаній ставили въ юмористическій контрастъ съ превратными и смѣшными сторонами дѣйствительности. Не было тогда средоточія одной верховодной столицы, а потому публика, актеры и поэты не могли воспитывать другъ друга взаимно какъ слѣдуетъ, не могло у нихъ сложиться ни какого преданія техники и вкуса,—преданія, благодаря которому въ Аѳинахъ какъ и въ Лондонѣ, въ Мадридѣ какъ и въ Парижѣ, органически росла и выросла національная драма. Не много явилось такихъ произведеній, въ которыхъ нѣмецкимъ поэтамъ удалось примирить форму съ содержаніемъ, и отголосокъ древности выставить только свидѣтельствомъ тому, что Германцы стали истыми ея наслѣдниками. Субъективная свобода обнаруживалась такими своевольными нарушеніями нравовъ, которыя отнюдь не могли выдержать суда нравственности. Изъ-за человѣчества отступалъ иногда на задній планъ свой собственный народъ; „вы, Нѣмцы, націей напрасно быть стремитесь, потщитесь лучше стать свободными людьми“! Но кто же однако забудетъ при этомъ то, какъ прекрасно содѣйствовалъ Гёте именно подъему національнаго чувства въ Германіи, какъ Шиллеръ выработался изъ космополитизма до того глубокаго убѣжденія, что народъ всѣмъ долженъ рисковать для своей чести, что охрана своебытности—богоугодное, богожеланное дѣло, мало того: какъ онъ больше всякаго другого сообщилъ войнамъ за освобожденіе Германіи тонъ своего восторженнаго вдохновенья и какъ былъ даже и до сихъ поръ сильнымъ помощникомъ въ борьбѣ за общее отечество. Будьте заодно! будьте единодушны! не переставалъ онъ напоминать,—къ отечеству примкни ты дорогому, всѣмъ сердцемъ, всей душой его блюди, вотъ въ чемъ родникъ твоей надежной силы! Съ другой стороны, на пользу литературѣ послужило то, что ей одной тогда посвящено было вполнѣ все участіе народа, что появленіе Вертера, Разбойниковъ было всякой разъ историческимъ событіемъ, такъ какъ вѣдь ни какія крупныя дѣла ни въ Церкви, ни въ государствѣ, не требовали ни умовъ, ни рукъ, и образованнымъ людямъ той эпохи приходилось сидѣть не передъ трибуной оратора, а развѣ лишь передъ театральною сценой поэта. Оттого-то Лессингъ и могъ рѣшить на ней свой богословскій споръ Мудрецомъ Наѳаномъ, оттого Клопштокъ и Гердеръ вліяли на умы съ какимъ-то жреческимъ обаяніемъ, оттого Шиллеръ въ своемъ Донъ-Карлосѣ могъ задаться переносомъ въ область искусства самыхъ священныхъ

истинъ, которыя до тѣхъ поръ были только достояніемъ наукъ, одушевить ихъ теплотой и свѣтомъ, и какъ сродные человѣческому сердцу живодѣйственные побуды представить ихъ въ могучей борьбѣ со страстью. Вотъ почему еще Новалисъ прозвалъ его воспитателемъ своего народа. Такъ и Гёте, подвечеръ своей жизни, всего болѣе желалъ чтобы молодежь смотрѣла на него, какъ на духовнаго освободителя.

Гёте и Шиллеръ знаменуютъ собой двувершинность нѣмецкаго Парнасса; что они дѣйствовали при этомъ заодно, какъ друзья, приноситъ честь и имъ, да и ихъ народу. Совершенно разныя натуры изначала, подобно Вольтеру и Руссо̀, они только потому не оттолкнулись враждебно, что были болѣе великими, полными, истинными людьми, у которыхъ достало благородства сознать, что для изображенія человѣчности они должны взаимно дополнять другъ друга. Это былъ нравственный подвигъ съ ихъ стороны. Писалъ же вѣдь сначала Шиллеръ къ Кёрнеру, что Гёте заступаетъ ему дорогу, что самъ онъ противустоитъ Гёте съ какою-то странной смѣсью ненависти и уваженія, съ чувствомъ, подобнымъ тому, какое Брутъ питалъ, пожалуй, къ Цезарю; но скоро завоевалъ онъ себѣ дружбу того человѣка, который, великодушно преодолѣвъ самого себя, простилъ ему жесткую выходку (въ, одномъ примѣчаніи къ піэсѣ „Грація и достоинство") противъ дерзостей и неприличій, какія дозволяютъ себѣ баловни природы; и вскорѣ потомъ Шиллеръ писалъ къ Гёте о своемъ новомъ дознаніи, что превосходство — истинная мощь, и что на себялюбивыя души она только и можетъ дѣйствовать своей силою, но что для благородныхъ душъ есть къ превосходству другое, вполнѣ свободное отношеніе, именно—отношеніе любви. Гёте былъ реалистъ, онъ всегда исходилъ отъ частнаго, онъ умѣлъ, какъ прекрасно говоритъ Шиллеръ, опрятно и бережно сорвать цвѣтокъ съ поэтической стороны любого предмета, но все случайное, все личное онъ звалъ благословиться у всеобщаго; Шиллеръ былъ идеалистъ, онъ искалъ носителей и матерьяловъ для одушевляющихъ его философскихъ помысловъ, но научился пропитывать ихъ реальностью и отчеканивать въ живучихъ характерахъ. Навсегда останется мѣроположнымъ первое, написанное имъ къ Гёте письмо: „Вы ищете необходимаго, но труднѣйшимъ всегда путемъ, Вы собираете вмѣстѣ всю природу для того чтобъ освѣтить себѣ ею единичное; въ совокупности всѣхъ видовъ явленія ищете Вы для своего единичнаго объяснительной основы:—идея, истинно богатырская. Родись Вы Грекомъ, даже хоть только Итальянцемъ, и будь Вы съ колыбели окружены чудесною природой и идеализующимъ искусствомъ, путь Вашъ сократился бы этимъ до безконечности. Въ первомъ же взглядѣ на вещь Вы обрѣтали бы уже и форму необходимаго (то-есть форму идеала) и при первыхъ же Вашихъ опытахъ, въ Васъ бы развился великій (самородно идеализующій) стиль. Но такъ какъ Вы родились Германцемъ, такъ какъ греческій Вашъ духъ былъ брошенъ судьбой въ это сѣверное творчество, то Вамъ не осталось другого выбора кромѣ того, чтобы, или самому сдѣлаться сѣвернымъ художникомъ, или же силой мысли наверстывать своему воображенію то, въ чемъ отказала ему дѣйствительность, и такимъ образомъ какъ бы изнутри себя и раціональнымъ уже путемъ порождать всетаки непосредственно опять какъ порождали въ Греціи. Едвали Вы вполнѣ сознаете (геній всегда вѣдь остается величайшей тайною для самого себя) пре-

красное согласіе своего философскаго инстинкта съ чистѣйшими выводами спекулативнаго разума. Съ перваго взгляда дѣйствительно кажется, что не можетъ быть двухъ болѣе противоположныхъ крайностей, какъ спекулативный (умозрительствующій) духъ, исходяцій отъ единства, и духъ непосредственной наглядки, исходящій отъ разнообразія. Но если первый ищетъ добросовѣстно и честно опыта, а второй съ самодѣятельною и свободной силой мысли ищетъ закона, то они непремѣнно должны сойдтись на полупути. Духъ наглядки, правда, обращается только къ особямъ, а умозрительный къ родамъ. Но если наглядливый геніаленъ, если въ эмпирически-данномъ онъ разыскиваетъ характеръ необходимости, то онъ, правда, всегда будетъ производить только особи, но съ характеромъ рода на челѣ; а если геніаленъ духъ умозрительный и если, возносясь надъ опытомъ, онъ не теряетъ его однакожь изъ виду, то онъ, правда, всегда будетъ производить только роды, но одаренные жизнеспособностью и съ полномѣрнымъ всегда отношеніемъ къ дѣйствительнымъ объектамъ."

Шиллера обыкновенно называютъ субъективнымъ, а Гёте — объективнымъ поэтомъ; это вѣрно относительно формы, но относительно содержанія выходитъ оно совсѣмъ наоборотъ. Гёте отъ природы былъ наглядливъ, онъ неоднократно колебался, не призванъ ли онъ стать изобразительнымъ художникомъ, и подлинно бросилъ нѣсколько дивныхъ взглядовъ на зиждительство или пластическую дѣятельность природы; такъ же точно умѣлъ онъ чисто и ясно выдѣлять изъ глубины души образы ея фантазіи, пускать ихъ вполнѣ самобытными на божій свѣтъ, надѣлять ихъ чувственною ясностью и теплотою. Любой характеръ говоритъ у него своимъ собственнымъ языкомъ, въ каждомъ созданіи его есть особое свое настроенье, свой особый тонъ, музыкальное начало, какое я отмѣтилъ и у Шекспира; Гёте пожалуй даже разнообразнѣе въ этомъ и его. Какъ различны между собой стиль Гётца и Ифигеніи, Тасса и первыхъ отрывковъ Фауста, Вертера и Вильгельма Мейстера, Германа съ Доротеей и Сродства душъ; какъ различны мотивы его пѣсенъ, и какъ, въ самоувѣренности генія, слѣдуя одному позыву своей души, онъ всякій разъ и въ формѣ и въ языкѣ прямо попадалъ на то что наиболѣе подходило къ содержанію, и всегда однакожь выражалъ при этомъ свою особенность и манеру! Душа Шиллера вовсе не была такимъ яснымъ зеркаломъ міра; въ немъ сильно перевѣшивала субъективная энергія и вела къ преизбытку самодѣятельности; уже Вильгельмъ Гумбольдтъ замѣчалъ ему, что онъ своевольно рвется навстрѣчу природѣ прежде чѣмъ она успѣетъ вполнѣ на него подѣйствовать, что образъ ея онъ не столько почерпаетъ изъ нея самой, какъ создаетъ его заготовь своей собственною силой; самъ Шиллеръ называлъ исторію магазиномъ для своей фантазіи, говоря что предметы должны довольствоваться у него той обдѣлкою, какую онъ вздумаетъ имъ дать.

Высокій духъ властителемъ всего:
Онъ въ жизнь великое влагаетъ,
А никогда не ищетъ въ ней его!

Это его выраженіе въ піэсѣ „Привѣтственная дань искусствъ" (Huldigung der Künste) * знаменуетъ собой всю поэтическую его манеру. Идеа-

* Піэсѣ, сочиненной въ честь нашей Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ и игранной на веймарскомъ придворномъ театрѣ 12-го Ноября 1804 г. Прим. перев.

лы Шиллера всѣ держатся на строѣ его души, его характеры часто не болѣе лишь какъ органы, передающіе его собственныя мысли; свой собственный паөосъ хочетъ онъ какъ ораторъ пролить на насъ силою и риторскими прикрасами своего (обыкновенно слишкомъ пышнаго) изложенья: у Карла Моора и у Мельхталя, у Валленштейна какъ у Макса Пикколòмини и у маркиза Позы, мы вездѣ слышимъ тотъ же грудной тонъ Шиллерова голоса, и слышимъ его охотно за его благородный металлическій звукъ, потому что онъ влагаетъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ откровенія великой души своей.

Какъ знаменателенъ для формы гётевскихъ произведеній тотъ обѣтъ, который далъ онъ передъ одной картиной Рафаэля: что его Ифигенія не выговоритъ ни чего такого, чего бы не могла сказать и Святая въ ея строгой дѣвственной чистотѣ! Такъ, онъ всего лучше поясняетъ намъ содержаніе своихъ сочиненій, назвавъ ихъ сборникомъ скорбей и радостей своей собственной души, написавъ свою автобіографію положительно въ дополненіе къ тѣмъ признаніямъ, какія онъ передалъ народу въ другихъ своихъ произведеньяхъ. Тутъ онъ повѣствуетъ намъ, какъ еще смолоду навыкъ онъ переливать въ стихи все что̀ его мучило или потѣшало и тѣмъ поканчивать съ этимъ разъ навсегда. Онъ поэтизировалъ пережитое; средь бурнаго прибоя чувствъ росла свобода его духа съ твердой рѣшимостью отстоять себя отъ нихъ, и рѣшеніе это выполнялъ онъ тѣмъ, что изображалъ волновавшія его обстоятельства и приводилъ ихъ этимъ въ гармоническую красоту. Современники передаютъ, что Гёте говорилъ еще лучше нежели писалъ, а то что дѣлалъ онъ въ жизни было еще выше того, что̀ онъ говорилъ; оттого ни чья рѣшительно жизнь не возбуждала такого всеобщаго участія, и болѣе чѣмъ у кого-либо другого даетъ она ключъ къ его произведеніямъ. Онъ не старался брать сюжетъ съ своеобразной его стороны и излагать въ самобытномъ его содержаніи; онъ цѣнилъ его, насколько могъ выразить въ немъ свои собственныя чувства и желанія и въ этомъ именно смыслѣ его обдѣлать; такъ онъ поступилъ съ Эгмонтомъ и Тассомъ, такъ съ Фа̀устомъ и Ифигеніей. Но геній его дотого богатъ и гармониченъ, что когда обнаруживается вамъ великая душа поэта, вы думаете видѣть передъ собой цѣлый міръ. Съ печатью этого генія на челѣ стоялъ Гёте между сверстниками бурно-рьянаго періода, какъ прекраснѣйшая субъективность; изліяніе чувствъ его было благозвучно, выраженіе его мыслей — истинно классическое; то, что̀ онъ въ себя принялъ и потомъ воспроизвелъ, все это стало общимъ достояніемъ германской образованности. Если въ 18-мъ вѣкѣ личности сплошь занимались сами собой въ письмахъ и дневникахъ, между тѣмъ какъ насъ гораздо больше интересуютъ теперь дѣла государства и Церкви, то не льзя конечно отрицать, что Фа̀устъ и Вертеръ сообщили тому направленію печать высокаго искусства. Личность Гёте была выше всѣхъ тѣхъ фигуръ, въ которыхъ онъ раскрылъ ее по частямъ; онъ былъ умнымъ свѣтознатцемъ вродѣ Антоніо возлѣ поэтически мечтательнаго Тасса, бойкимъ Карлосомъ подлѣ мягкаго Клавиго, самодѣятельнымъ Фа̀устомъ подлѣ воспріимчиваго и податливаго Вильгельма Мейстера: оттого и могъ онъ смѣло влечь на судъ любую односторонность и любую крайность, и при этомъ стать выше ихъ, уравновѣшивая сопротивныя силы, а самъ оставаясь все тѣмъ же живымъ цѣлымъ какъ всегда.—Шекспиръ былъ еще поэтомъ неодолимыхъ душевныхъ бурь, Гёте и

Шиллеръ вознеслись надъ ними къ свободѣ духа и изображали процессъ его освобожденія и исправленья. Природный характеръ человѣка съ темными волнами вожделѣцій и наклонностей, съ аффектами и вызываемымъ ими рьянымъ отпоромъ, Спиноза называлъ рабствомъ духа, неволею; мыслію возносится онъ надъ ними въ самосознаніи, обращаетъ слѣпыя, ни чѣмъ не овиносновленныя влеченья въ побудительныя причины дѣйствій или поступковъ, и доходитъ такимъ образомъ до самоопредѣленія, до самообладанья; только тутъ становится онъ самимъ собой. Этика Спинозы была для Гёте главнымъ прибѣжищемъ, куда онъ и спасался отъ своей собственной страстности; Шиллеръ, подъ руководствомъ Канта, достигъ до той же высоты. Опираясь на личный свой опытъ, могли они теперь и поэтически изобразить этотъ процессъ духоразвитія. При этомъ они давали себѣ отчетъ въ художнической своей дѣятельности, научный разборъ шелъ у нихъ всегда обруку съ творчествомъ.

Шиллеръ, по содержанію, былъ прямо объективнымъ поэтомъ; онъ пѣлъ, „какъ ратуютъ за великіе вопросы человѣчества, за свободу и за господство“; всемірно-историческая борьба, цѣли вѣка, вотъ что одушевляетъ его, и какъ его Поза говоритъ Карлосу:

> Теперь стою я здѣсь ужь не Родригомъ,
> Не тѣмъ, что съ Вами мальчикомъ игралъ,
> А представителемъ всего людского рода
> Я обнимаю Васъ,—

такъ и онъ вездѣ прекрасенъ и могучъ, гдѣ отстаиваетъ народное дѣло, гдѣ говоритъ о скорбяхъ и радостяхъ людского племени, о всеобщихъ законахъ, о міродвижныхъ идеяхъ; но зато нѣтъ у него тонкой вѣрности руки въ изображеніи индивидуальнаго, такъ свойственной отъ природы Гёте; даже въ минуты, когда веселье и любовь переполняютъ сердце Шиллера, онъ и тутъ шлетъ поцалуй всему міру! Муза его не должна ограничиваться тѣмъ, чтобъ только украшать и тѣшить существованіе; она должна вдохновить человѣчество на упорную борьбу и только тогда высказать слово примиренія, она должна быть заступницей вѣчныхъ правъ, нерушимо свѣтящихъ какъ звѣзды на небѣ, высокія цѣли будущаго должна она ставить передъ настоящимъ, или, какъ выражается онъ самъ: Поэзія можетъ стать для человѣка тѣмъ же чѣмъ любовь для героя, она можетъ воспитать его героемъ, вызвать къ подвигамъ, вооружить доблестью на все, чѣмъ онъ долженъ быть. Вотъ почему г-жа Стааль называла музой Шиллера совѣсть, и этимъ онъ подлинно привлекъ къ себѣ народныя сердца, подѣйствовалъ на народъ образовательно: не даромъ родился онъ съ Лютеромъ и Шарнгорстомъ въ одинъ день.

„Шиллеръ проповѣдывалъ евангеліе свободы, а я также вовсе не хотѣлъ ущерба естественнымъ правамъ“, такъ мѣроположно сказалъ Гёте, этотъ баловень природы, этотъ здоровякъ, богато одаренный и душевно и тѣлесно, рожденный и выросшій подъ благопріятною звѣздой, въ счастливомъ положеніи, вознесенный волною судьбы на самыя верхи жизни, гдѣ поэтъ идетъ обруку съ государемъ; между тѣмъ какъ Шиллеру съ молодыхъ лѣтъ пришлось бороться противъ гнета обстоятельствъ, а вскорѣ и противъ тѣлеснаго стра-

данія до самой той поры, когда духовный его пылъ извелъ и истощилъ въ немъ всю жизненную силу. Подлѣ Грека-Гёте, развертывавшагося естественно-гармонически и съ свѣтлою всегда граціей, онъ былъ Римляниномъ, которому святыню поэзіи надлежало добыть себѣ полною жертвъ тяжкою борьбой. Шиллеръ былъ поэтомъ идеи, но всилу только собственнаго волерѣшенія. Идея была для него первымъ, главнымъ двигателемъ души; но онъ не видалъ осуществленія ея въ вещахъ, она властвовала только надъ его душевнымъ строемъ, какъ высшая цѣль дѣйствительности, какъ нѣчто превознесенное надъ нею, какъ недосягаемый для нея примѣръ и образецъ. Въ своей знаменитой рецензіи бюргеровыхъ стихотвореній Шиллеръ говоритъ: „Одинъ изъ необходимыхъ для поэта пріемовъ—идеализовка его предмета, безъ которой онъ перестаетъ быть достойнымъ своего имени. Ему подобаетъ то, что есть въ этомъ предметѣ лучшаго, освободить отъ грубѣйшихъ или по крайней мѣрѣ чуждыхъ ему примѣсей, разсѣянные по многимъ предметамъ лучи совершенства тщательно собрать въ одинъ, отдѣльныя, нарушающія соразмѣрность черты подчинитьгармоніи цѣлаго, индивидуальное и мѣстное возвести во всеобщее значенье. Всѣ идеалы, образуемые имъ такимъ образомъ въ частности, суть какъ бы истоки того внутренняго идеала совершенства, какой присущъ поэтической душѣ. Вѣдь поэтъ только и можетъ намъ дать, что свою собственную индивидуальность. Такъ надо же, чтобъ она была достойна выставки передъ современниками и потомствомъ. Сколько можно облагородить эту свою индивидуальность, довести ее до чистѣйшей прекраснѣйшей человѣчности, вотъ что должно быть первымъ и важнѣйшимъ его дѣломъ, прежде чѣмъ онъ дерзнетъ прикоснуться къ чему-нибудь превосходному“. Что Шиллеръ достигъ этого самъ для себя, подтверждаетъ намъ Гёте: „Шиллеръ всегда былъ полнымъ хозяиномъ великой своей природы; онъ великъ за чайнымъ столомъ, какъ былъ бы великъ и въ государственномъ совѣтѣ. Ни что его не стѣсняетъ, не обуживаетъ, ни что не тянетъ внизъ полета его мыслей; любой живущій въ немъ широкій взглядъ выскажетъ онъ всегда вольно, безъ оглядокъ и опасенія. Это былъ настоящій человѣкъ, какимъ и слѣдовало бы намъ быть! Ему отъ природы далось то іисусовское направленіе: онъ не прикоснется бывало ни къ чему пошлому безъ того чтобъ его не облагородить.“ Величіе Шиллера въ томъ и состоитъ, что онъ вездѣ зоветъ къ созерцанію святого и высшаго. Его муза внушаетъ намъ отлагать страхъ передъ всѣмъ земнымъ, отъ конечнаго смѣло парить къ безконечному и вѣчному; она хочетъ не то чтобы только перенесть насъ въ одну грезу свободы, но внѣдрить намъ прочно, какъ высшее наслажденіе, свободу духа въ полной, живой игрѣ его силъ. Народъ его могъ бы повторить объ немъ то, что Валленштейнъ говоритъ о Максѣ:

Стоялъ онъ подлѣ, какъ моя былая юность,
Дѣйствительное мнѣ онъ въ грезу превращалъ,
И утра золотымъ подергивалъ туманомъ
Всю ясность пошлую знакомыхъ столь вещей;
Въ огнѣ души его, исполненной любовью,
Вальяжнѣй какъ-то выступали для меня
И плоскія черты вседневной жизни этой.

Но предѣлъ или недостатокъ Шиллера въ томъ, что его муза слишкомъ холодна къ дѣйствительности, что идея паритъ у него поверхъ явленій, вмѣ-

сто того чтобы вполнѣ внѣдряться въ нихъ, быть нераздѣльно имъ присущей, что въ жилахъ фигуръ его вмѣсто теплой человѣчьей крови зачастую течетъ сукровица боговъ, что слишкомъ также часто воплощеніямъ своихъ мыслей онъ не придаетъ ни твердыхъ очертаній, ни естественныхъ красокъ для глаза, ни жилобіенія и теплоты индивидуальной жизни для души. Отсюда — возвышенность и вмѣстѣ грустность его поэзіи; возвышенность оттого, что онъ постоянно вводитъ насъ въ царство мысли и его свободу, а грустность отъ сдающагося и ему самому чувства, что въ сердцѣ своемъ онъ носитъ не такой совсѣмъ міръ, каковъ дѣйствительный, что полный вѣщихъ чаяній онъ жаждетъ всегда рая, гдѣ земное станетъ наконецъ небесно-вѣчнымъ и гдѣ не прольется уже ни одной слезы. Вотъ отчего и поетъ онъ съ невольнымъ вздохомъ:

Ты въ сердца тихую обитель
Бѣги отъ всѣхъ житейскихъ смутъ;
Сводоба—царства грезы житель,
Красѣ лишь въ пѣснѣ есть пріютъ.

Однакожъ онъ ободряется; онъ воспріемлетъ волей божество, и оно нисходитъ со вселенскаго своего престола, водворяется въ душѣ его; онъ живетъ ужь только въ немъ и, какъ провидецъ, возвѣщаетъ его откровенія; объ немъ самомъ можно было сказать то, что онъ говоритъ о пѣвцѣ въ „Четырехъ возростахъ міра“:

Ему дали боги души чистоту, —
Какъ въ зеркалѣ міръ въ ней глядится;
Онъ видѣлъ чтò сталось въ подлунномъ быту
И то, чтò въ грядущемъ свершится;
Въ совѣтѣ боговъ изначальномъ засѣвъ,
Внималъ онъ таинственный жизни посѣвъ.

И какъ Зевса когда-то находчивый сынъ
На щитѣ хитроумно представилъ
И землю, и море, и звѣздъ стройный чинъ,
Такъ и онъ ликъ вселенной заставилъ
Собрать всѣ черты свои разомъ и вдругъ,
И войдти во мгновенно-несущійся звукъ.

Какъ Гёте сравнивали съ Аристотелемъ, такъ Шиллера можно, пожалуй, сравнить съ Платономъ. Но такъ-какъ онъ исходилъ отъ всеобщаго въ поискѣ за частнымъ, такъ-какъ онъ всегда заранѣе старался развить себѣ предметы въ идею, то онъ и не былъ такимъ непосредственно-готовымъ поэтомъ какъ Гёте въ Вертерѣ, Шекспиръ—въ Ромео и Юліи; ему надобился длиннѣйшій путь, онъ только дорòгою становился поэтомъ, и часто у него борьба, съ какою идетъ онъ къ цѣли, привлекаетъ насъ болѣе того, чтò ею добыто, онъ поэтъ не только по природѣ, но и всилу воли. * „Родовой характеръ человѣка, говоритъ онъ, — свободная воля. То именно и дѣлаетъ его чело-

* Понятно, что эта состязательная борьба двухъ началъ должна была мѣшать цѣльной объективности поэтическаго впечатлѣнья. Шиллеръ черезъ мѣру носится съ достоинствомъ человѣческой субъективности: онъ, для поэта, слишкомъ ужь антропоморфистъ.

Прим. перев.

вѣкомъ, что онъ не останавливается на томъ, чѣмъ лишь созданъ отъ природы, но обладаетъ способностью возводить физическую необходимость въ моральную (въ нравственный долгъ), дѣло слѣпой нуды претворять въ дѣло своего выбора.“ Поэтъ и человѣкъ въ Шиллерѣ одно, поэтическая слава опирается у него на человѣческое достоинство; онъ самъ однажды сказалъ: потомство перескакиваетъ черезъ писателя, который не станетъ выше своихъ произведеній. Онъ отличенъ тамъ гдѣ славитъ силу воли, торжество духа надъ природою, въ своихъ трагедіяхъ и балладахъ; но безсознательно-благозвучнаго повѣва души въ стройной, легкой, пѣвучей пѣсенкѣ, веселой граціи, прелестнаго разгула женственности, которымъ мы не надивимся у Гёте, въ произведеніяхъ Шиллера нѣтъ почти нигдѣ. Мы готовы даже согласиться съ Гиллебрандомъ, что у Шиллера часто колетъ намъ глаза борьба съ формою, видимое усиліе, что отъ того произведенія его больше или меньше носятъ на себѣ печать добытаго трудомъ и какъ-бы нарочно потомъ сжатаго, тогда какъ созданія Гёте раскрываются передъ нашимъ взоромъ съ удивительной пріятностью и подступаютъ къ намъ съ какою-то ясной, свѣжей, искренною миной. Однако мы все-таки будемъ стоять на томъ, что Шиллеръ ощущалъ въ себѣ тотъ живой, бьющій полными струями родникъ, о которомъ такъ прекрасно говоритъ Лессингъ; только духъ его вынужденъ былъ отвоевывать часы художнической дѣятельности у терзаемаго болѣзнью тѣла, а тогда искусство для поэта выходило уже не веселою игрой, а серьезною жизненною задачей, не сибаритскимъ самоуслажденіемъ, а работой на службу Богу и человѣчеству, и когда наконецъ хирь тѣла заграждала родникъ души—онъ становился поэтомъ всилу воли, онъ пускалъ въ ходъ лессинговы гидравлическія трубы и насосы, и готовъ былъ излить хоть лучшую свою кровь. Честь же ему за то и слава!

Въ поэзіи Гёте разумѣется гораздо больше приволья и легкости: онъ поетъ вѣдь какъ птица на вѣткѣ зелени, пѣснь его распускается какъ цвѣтъ на деревьяхъ, того лишь и ждущій чтобъ жаркое солнце обратило его въ зрѣлый плодъ; но такъ какъ у поэта часто мѣнялись настроенія, то многое оставилъ онъ только отрывкомъ и много было у него такихъ вещей, которыя онъ только слегка успѣлъ связать въ цѣлое. Онъ называлъ искусство мірскимъ евангеліемъ, умѣющимъ освобождать насъ отъ тяготы земной, потѣшая и забавляя: оттого такъ и повадно намъ въ его созданіяхъ; онъ не станетъ увѣщевать насъ, какъ Шиллеръ: „Изъ предѣловъ чувства тѣсныхъ въ помысловъ просторъ чудесныхъ, отъ земли, гдѣ всякъ страдалъ, вы бѣгите въ идеалъ“; онъ напротивъ скорѣе начнетъ такъ:

На уносъ меня беретъ высшее стремленье,
Тянетъ, самъ не знаю какъ, въ звѣздныя селенья!
Но не лучшель, право, мнѣ здѣсь остаться съ вами,
И подъ пѣсни, за виномъ, бить объ столъ руками?

Онъ зоветъ насъ себѣ въ товарищи, съ тѣмъ чтобъ не охать и не кряхтѣть, отстать отъ всего половинчатаго и рѣшительно жить въ цѣломъ, добромъ, изящномъ. Умѣй жить! вотъ ободряющій увѣтъ, какой онъ даетъ намъ на мѣсто мрачнаго memento mori (помни часъ смертный), точно такъ какъ и Спиноза говоритъ, что мудрому прилично раздумывать не о смерти, а объ

жизни. Но и онъ для срочныхъ лѣтъ земного странствія беретъ девизомъ: трудъ и самоотверженность! Онъ, по собственной своей исповѣди, муштровалъ и школилъ себя строго во всю жизнь и только благодаря этому удалось ему такъ широкò и высокò возвесть пирамиду своего существованія и своей дѣятельности, безъ отдыха да и безъ спѣха, потомучто въ постоянномъ лишь трудѣ находилъ онъ свое счастіе, потомучто мыслить и дѣлать дѣло считалъ онъ за верхъ мудрости и оставался всегда на столько молодъ, чтобы учиться и учиться вновь. Въ пору гётевой юности міромъ двигало субъективное начало, проявлявшееся и въ полнотѣ сердечныхъ чувствъ и въ независимомъ разгулѣ мысли и воли; но тогда какъ, изъ необузданныхъ его сверстниковъ, одинъ успѣлъ еще современемъ перебѣситься, а другой напрасно загубилъ въ себѣ и жизнь и поэтическій даръ, Гёте нашелъ мѣру и ясность для своего характера и своей дѣятельности, именно потому, что такъ заботился достичь нравственнаго самообладанія; этимъ и успѣлъ онъ выполнить то, чего желала и къ чему стремилась нація, то-есть и въ своей собственной личности и въ поэзіи изобразить прекрасную субъективность. Но трудно было добиться этого блага. Самъ Гёте въ своихъ „Тайнахъ" говоритъ:

Кого сама природа возвеличитъ,
Не диво, что дался тому успѣхъ;
Творца могуществу хвалу воздать тутъ должно:
Оно тотъ бренный прахъ ко славѣ вознесло.
Но кто изъ всѣхъ возможныхъ испытаній
Тягчайшее прошелъ, самъ одолѣвъ себя,
Мы на того всегда укажемъ смѣло,
Примолвивъ: этотъ-вотъ рѣшительно весь свой!

Вѣдь сила всякая и въ ширь и въ даль стремится,
И жить и дѣйствовать ей хочется вездѣ;
Но волнъ мірскихъ напоръ тѣснитъ ее отвсюда,
Подмоетъ и какъ-разъ теченьемъ унесетъ.
Средь бури внутренней и средь борьбы наружной,
Душѣ невнятныя звучатъ тогда слова:
Отъ мощи той, чтò цѣпью круговою
Земныя держитъ въ рабствѣ существа,
Освободится тотъ одинъ душою,
Кто самъ успѣлъ преодолѣть себя.

Точно также Гёте былъ твердо убѣжденъ въ пагубности всего, чтò, освобождая духъ нашъ, не даетъ намъ власти надъ самими собою; это видно и изъ художественной его исповѣди:

Напрасно необузданный стремится
Достигнуть чистой выси совершенствъ.
Собравшись весь въ одно для цѣли этой,
Тотъ мастеръ лишь, себя умѣетъ кто сдержать:
Законъ, одинъ законъ свободу дать намъ властенъ.

Примирить въ человѣческомъ образованіи природу съ культурою, — вотъ что стало теперь задачей людского рода; Гёте и Шиллеръ разрѣшали ее и въ жизни, и въ поэзіи. Они стояли въ самомъ быстротокѣ научнаго движенія, и, даже не будь они поэтами, наглядчиво организованный Гёте пріобрѣлъ бы себѣ славу какъ естествовѣдъ, а многоидейный Шиллеръ — какъ

философъ. Преимущественно подъ ихъ, да еще подъ гердеровымъ и лессинговымъ вліяніемъ, научная литература въ Германіи стала наконецъ обдѣлываться остроумно и со вкусомъ. Въ стихотворствѣ, природную силу и богатство фантазіи, свойственныя Англичанамъ, и Шекспиру больше всѣхъ, повели они къ примиренію съ формально-правильнымъ искусствомъ Французовъ, какъ оно особенно проявилось у Корнеля и Расина; разсудочная ясность Вольтера и наплывъ чувства, сродный Руссо̀, пришли у нихъ въ надлежащее равновѣсіе. Лессингъ освободилъ нѣмецкую драму отъ французскаго шаблона, но при этомъ указалъ ей на законы Аристотеля, на изученіе Грековъ. Послѣ первыхъ взрывовъ бурной юности, поэты наши повернули на этотъ путь, они оба пошли въ школу эллинства, умѣрили эпическое обиліе и лицеизбытокъ англійской и испанской сцены, но дали зато больше развитія ростущему передъ зрителемъ дѣйствію, больше индивидуальныхъ характерныхъ чертъ нежели Французы, а у нихъ научились яснѣе выдвигать главный мотивъ при отчетливѣйшей постройкѣ цѣлаго. Равно и въ слогѣ (стилѣ языка) къ естественнымъ звукамъ страсти и къ реалистической опредѣленности присоединилось у нихъ стараніе о благозвучіи и строгомъ размѣрѣ, о благородствѣ тона и возвышенности; это ясно выказалось тогда, когда Ифигенію и первые акты Валленштейна они изъ прозаическаго наброска переложили въ стихи, когда принялись за самую тщательную обдѣлку рѣчи, когда стали украшать свое изложеніе лучшими ея цвѣтами или охлаждать чрезмѣрный его пылъ болѣе строгою формальностью, такъ что и Шиллеръ съумѣлъ наконецъ попасть въ своемъ Валленштейнѣ на размашистость и упругость, на огонь и полноту увлекательной и вмѣстѣ сдержанной въ себѣ дикціи, благородно стилизуя при этомъ въ устахъ генераловъ солдатскій языкъ Тридцатилѣтней войны, точно такъ же какъ въ своемъ Теллѣ онъ ухитрился слить милую простонародную рѣчь съ оттѣнками библейскихъ и гомерическихъ выраженій. Шиллеръ вообще былъ драматикомъ, тогда какъ у Гёте преобладалъ больше лирическій элементъ: онъ умѣлъ такъ же спокойно-ясно высказывать свои чувства и помыслы, какъ отражать въ себѣ и наглядно передавать міръ, его окружающій; драматическій элементъ, поэзію дѣйствія онъ охотно разрѣшалъ на составныя ихъ части, обращалъ въ лирическіе изливы душевныхъ настроеній и въ эпическія картины положеній и состояній; онъ лучше любилъ мирить, уравновѣшивать противоположности, нежели проводить ихъ во что бы ни стало и этимъ губить, между тѣмъ какъ Шиллеръ силой воли собственной души, а также своимъ направленіемъ къ идеѣ и къ внѣдренію ея въ дѣйствительность, былъ отъ природы призванъ въ драматики; для эпоса у него недостало бы кроткаго спокойствія, объективности замысла и изображенья, онъ не съумѣлъ бы исчезнуть за своимъ произведеніемъ; за то онъ умѣлъ доводить до высшей силы энергію духа и характера, умѣлъ напряженіемъ этой силы невольно напрягать и насъ, онъ по природѣ стремился къ высокому, къ трогательному и одушевлялъ сюжетъ теплотою своего сердца, уготовляя судьбу своему герою, по отношенію его къ вѣчнымъ идеямъ (вѣдь Шиллеръ увлекался ими самъ); его такъ и тянуло къ „великому, гигантскому року, который возноситъ человѣка въ то самое время какъ разбиваетъ его въ дребезги“.

Гёте, какъ лирикъ, сталъ во всемірной литературѣ третьимъ подлѣ эпика-Гомера и драматика-Шекспира. Съ дивнымъ мастерствомъ раскрылъ онъ лирически тайны сердца и глубины души, самоосвобожденіе духа въ его скорбяхъ и блаженствахъ, присовокупивъ къ темному чувству и къ могучей страсти сѣвера яснoопредѣленную форму юга и изящную мѣру древности, схвативъ въ царствѣ мысли и внутренняго настроенія кровное наслѣдіе Германцевъ и признавши въ его гармонизаціи свое особенное призванье. Оттого и сталъ онъ величайшимъ и самымъ германскимъ изъ поэтовъ нашихъ. Онъ выступилъ среди насъ какъ бы возродившимся народнымъ пѣснопѣвцемъ; всѣ прелести народной пѣсни были у него подъ рукой, и то, что̀ сквозило въ ней прежде лишь темнымъ чаяніемъ, становилось у него яснымъ исполненіемъ благодаря высокому искусству. Онъ говорилъ вмѣстѣ съ Клопштокомъ, что поэтомъ дѣлаетъ только полное, переполненное однимъ чувствомъ сердце; но духъ парилъ у него надъ буруномъ сердечныхъ волнъ, уряжая ихъ въ мелодическія гряды, и такъ какъ собственное довольство освобождавшейся этимъ гармонической души ярко свѣтилось въ живой картинѣ ея ощущеній, то все вмѣстѣ пріобрѣтало отъ того какой-то отрадный для сердца блескъ граціи. Онъ умѣлъ такъ оформить случайное, что изъ него всегда сквозило его вѣчное значенье, что каждое сердце узнаетъ свою собственную любовь въ радостномъ или скорбномъ звукѣ голоса его Клерхенъ, что когда его Миньіона поетъ про страну своего дѣтства, Италію, въ этомъ звучитъ намъ жажда рая всего человѣчества, что его пѣсня къ мѣсяцу растворяетъ и услаждаетъ душу съ нимъ вмѣстѣ и намъ:

Что̀ невѣдомо толпѣ,
Что̀ ей въ умъ не входитъ,
Все сквозь лабиринтъ души
Ночью переброднтъ.

Онъ равно великъ, возвѣщаетъ ли намъ въ гимническомъ полетѣ самосознательнаго духа божественныя слова, которыми разрѣшаются труднѣйшія загадки жизни, или намекаетъ на душевную тѣсноту только нѣкоторыми внѣшними чертами и примѣтами, какимъ нибудь пучкомъ нарванныхъ имъ цвѣтовъ, который онъ съ восторгомъ прижимаетъ къ сердцу, или кубкомъ Тулейскаго царя, символомъ всѣхъ испытанныхъ въ мірѣ радостей, носителемъ всѣхъ скорбно-сладкихъ воспоминаній, отъ котораго онъ отступится только вмѣстѣ съ жизнію. Ни гдѣ не расплывается онъ въ чисто-музыкальную неопредѣленность; образы, вынйкающіе изъ потока его чувствъ, онагляживаютъ эти чувства какъ не льзя яснѣе. Ни гдѣ не доходитъ у него дѣло до внѣшняго описанія; онъ развертываетъ передъ нами самую душу вещей, такъ-сказать мелодію предмета, все равно вьется ли у него, въ Римскихъ Элегіяхъ, наслажденіе минутой какъ зеленый плющъ по развалинамъ прошлаго и служитъ ли фономъ для поэта вѣчный городъ съ его солнечнымъ днемъ и пѣснезвучащею звѣздною ночью, съ его ликами боговъ и съ воспоминаніемъ о великихъ людяхъ древности, или пишетъ онъ на стѣнѣ въ домѣ тюрингервальдскаго лѣсничаго знаменитые стихи:

Горныя вершины
Спятъ во тмѣ ночной,

Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не шумятъ листы:
Подожди немного,—
Отдохнешь и ты. *

Уподобленіе поэзіи вину не приложимо ни къ одному въ мірѣ роду стихотворства въ такой степени, какъ сдѣлано это Вильмаромъ относительно пѣсенъ Гёте. „Виноградный сокъ перебродилъ вполнѣ и сталъ свѣтлымъ виномъ, золотистымъ и пахучимъ,—виномъ, которое такъ и отдаетъ еще своей мѣстностью, своимъ ростомъ, годомъ, своей почвою и лозой, но которое сохранило отъ всего этого одни лишь тончайшіе ароматы и совокупило ихъ въ себѣ одухотворенные въ превосходнѣйшій виноградный цвѣтокъ; тутъ есть еще чувство страсти и тревоги сердечной, но оно отзывается только уже легкимъ трепетомъ, звуками стиховъ слилось оно въ чистѣйшую гармонію, которая имъ вторитъ, подпѣваетъ; собственно тревоги и страсти въ пѣснѣ нѣтъ, онѣ не должны врываться рѣзкими своими тонами въ мелодическіе звуки, которые, какъ блаженные духи, легко и ясно рѣютъ надъ сумятицей жизни, надъ ея томительной мукой и дрязгами“. ** Какъ бабочки, порхающія вокругъ цвѣтовъ, такъ же вольно, нѣжно и граціозно движутся эти пѣсни, а между тѣмъ онѣ полны глубокомысленнѣйшаго содержанія, онѣ вызываютъ на единоборство и одолѣваютъ человѣческую судьбу, какъ испыталъ и испытываетъ на себѣ болѣе и болѣе каждый близко знакомый съ ними; стройныя, легкія, возникшія какъ-бы изъ ничто, раздаются онѣ однакожь побѣдными звуками духа, поборовшаго всѣ земныя напасти; безприкрасныя и простыя, но всегда художнически просвѣтленныя, всегда удивительно пестрыя въ своихъ формахъ, смотря по разнообразію содержанія, но всегда вѣрныя духу родного языка, всегда благозвучнѣйшія его откровенія. Лирическій элементъ, раскрытіе души настежъ господствуетъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ Гёте, напримѣръ и въ Вертерѣ, и въ Фаустѣ; онъ живописецъ сердца, котораго состоянія интересуютъ его болѣе событій міра; борьба героевъ направлена у него вовсе не наружу: и битвы, и примиренія все происходитъ и совершается внутри.

Съ этимъ тѣсно связано и то, что Гёте особенно великъ и сравнимъ развѣ только съ однимъ Шекспиромъ въ изображеніи женственности, тогда какъ Шиллеръ, напротивъ, мастеръ на мужскіе характеры. Гёте полагалъ, что женщины — единственный сосудъ, въ который новѣйшему писателю остается вливать идеальность, и въ то время какъ иныя стороны своей при-

---

* Какъ ни поэтически-прекрасенъ этотъ переводъ Лермонтова, онъ, да впрочемъ и любой возможный переводъ въ мірѣ, безсиленъ передать всю разнообразную полноту впечатлѣнія, производимаго неподражаемымъ оригиналомъ.

** Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня—
Что тревожишь ты меня?

Невольно приходятъ тутъ на память удивительные стихи Пушкина. Прим. перев.

роды онъ выставилъ противоборствующими одна другой въ мужскихъ своихъ фигурахъ,—чистую идею человѣчности высказалъ онъ въ женщинахъ; въ нихъ является ядро собственнаго его существа, высота и спокойствіе его міросозерцанія, нравственное благородство его поэзіи. Идеалъ женственности выработался вмѣстѣ съ самимъ Гёте; въ юности, это—наивное дѣтство сердца, сама себѣ невѣдомая грація; въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, это—великодушіе, граціозность образованія, самопріобрѣтенный блескъ нравственной красы. Если Шиллеръ уступалъ ему въ индивидуальной обрисовкѣ характеровъ, то все же онъ поэтически высказалъ въ Достоинствѣ Женщинъ вообще, что въ душѣ ихъ примирены изначальною гармоніей тѣ противоположности и противорѣчія, которыя властвуютъ надъ міромъ мужщинъ и приводятъ ихъ во враждебныя столкновенья. Благодаря сродной ему нравственной граціи, онъ сталъ въ особенности поэтомъ для женщинъ, тогда какъ Гёте можно назвать поэтомъ женщинъ по преимуществу. Уваженіе Германцевъ къ женщинамъ, столь различное отъ чувственно-фантастическаго женослуженія и галантерейности романскихъ народовъ, та бережность и чливость, съ какими трактуютъ ихъ поэты, изъ литературы повліяли и на жизнь, довели нравы до свободной пріятности, поставили женскій полъ въ надлежащее общественное положенье. Извѣстно, какъ много гармоническое образованіе Шиллера и Гёте было обусловлено и развито именно женскою обстановкой; Фридерика Бріонъ, Шарлотта Буффъ, г-жа фонъ-Штейнъ оказали благотворное вліяніе на Гёте, а Каролина фонъ-Вольцогенъ, стихотворица Агнеса фонъ-Лиліэнъ и сестра ея, Шарлотта фонъ-Ленгфельденъ, жена Шиллера, на этого поэта; г-жа фонъ-Кальбъ равно одушевляла и Шиллера, и Жанъ-Поля. Герцогиня Амалія была первою основательницей веймарскаго пріюта музъ; обокъ съ стихотворицей, Амаліей Имгофъ, блистала тамъ актриса, Корона Шрётеръ; рядомъ съ Каролиной Гердеръ являлась эманципированная романтичка Каролина, ставшая сперва женою А. В. Шлегеля, а потомъ Шеллинга; съ Фридрихомъ Шлегелемъ пріѣхала изъ Берлина дочь Моисея Мендельсона, Доротея Фейтъ, модель шлегелевой „Луцинды“ и сама сочинительница романа „Флорентинъ“; въ Берлинѣ, рядомъ съ подругой Шлейермахера, г-жею Герцъ, стояла умная почитательница Гёте, чуткая и глубокомысленная Рахель, вышедшая послѣ за Варнхагена, и потомъ Беттина фонъ-Арнимъ, превосходившая поэтическимъ талантомъ всѣхъ своихъ ровестницъ. Эти, да и многія другія женщины, шли навстрѣчу поэтамъ съ полной воспріимчивостью къ ихъ произведеніямъ; онѣ сами стали поборницами новаго времени, и если и здѣсь освобожденіе души, право сердца было добыто не безъ многихъ заблужденій, то все-таки побѣда осталась наконецъ за примиреніемъ нравовъ съ чистой нравственностью.

Мнѣ отъ отца достались тѣла складъ,
О жизни дѣловой забота;
Отъ матушки—веселья кладъ
И краснобайничать охота!

Такъ говоритъ Гёте (1749—1832) въ одномъ шутливомъ стихотвореніи; нешуточною прозой разсказалъ онъ намъ исторію своей молодости въ связи

съ развитіемъ нѣмецкой культуры и при этомъ замѣтилъ, что упомяни онъ тутъ обо всемъ, чѣмъ былъ обязанъ другимъ, то за нимъ самимъ осталось бы очень немного; а между тѣмъ онъ былъ творческимъ духомъ и знаменоносцемъ своего времени; податливый во всѣ стороны, онъ воспринималъ все что̀ оно ему предлагало, и художнически очищенное и обдѣланное снова высылалъ на свѣтъ; изливая во все, къ чему прикасался, любовную теплоту своей души, онъ увлекъ за собой цѣлую націю и открылъ ей глаза на цѣнность и красу живого созданія, на божественное во всемъ начало. Сказки и кукольныя комедіи пробудили въ скороспѣломъ мальчикѣ фантазію, а первая любовь къ мѣщанской дѣвочкѣ, Гретхенъ, принесла ему и раннее счастіе и раннюю скорбь. Изучая правовѣдѣніе и литературу въ Лейпцигскомъ университетѣ, онъ впервые началъ шевелить поэтическими крыльями; вѣрные природѣ отголоски чувства сопровождаютъ у него игривую во французскомъ вкусѣ пастораль: „Капризъ влюбленныхъ", которая была отраженіемъ собственныхъ его переживовъ, а „Совиновники", напоминающіе серьёзную комедію нравовъ, какъ у Мольера, тѣмъ самымъ объясняютъ уже и замѣтную увѣренность въ обдѣлкѣ. Но нѣмечество, нѣмецкій складъ и ладъ, сознательно понялъ онъ только въ Альзаціи; тамъ, обучаясь въ Страсбургѣ, нашелъ онъ нѣмецкій стиль искусства, тамъ уже полюбилъ естествознаніе, тамъ уже расхотѣлъ подѣлять міръ отъ Бога, какъ тѣло отъ души, тамъ стоялъ онъ и глядѣлъ не надивясь на чудный эрвиновъ мюнстеръ, тамъ онъ пережилъ милую идиллію съ Фридерикой, дочерью зезенгеймскаго пастора, и въ кругу полныхъ стремленій сверстниковъ испыталъ на себѣ возбудительное гердерово вліяніе, открывшее ему глаза на недостаточность французскаго образованья и прежней нѣмецкой литературы и впервые указавшее на Шекспира. Онъ воротился домой во Франкфуртъ, и тогда отецъ сталъ понемногу давать волю „чудаку", производившему своей геніально-свѣжей молодостью чарующее на всѣхъ внечатлѣнье. Въ сношеніяхъ съ такими женщинами какъ дѣвица фонъ-Клеттенбергъ, съ такими разсудительными друзьями какъ Меркъ, онъ вездѣ являлся чѣмъ-то рѣшительно высшимъ и крупнѣйшимъ. Огневымъ духомъ съ орлиными крыльями, геніемъ отъ темени до пятокъ величаетъ его Гейнзе, поэтъ чувственности; геніемъ, у котораго въ основѣ чистая любовь, зоветъ его христіански-восторженный Лафатеръ, а вдумчивый Юнгъ-Штиллингъ сожалѣетъ лишь о томъ, что такъ мало людей знаютъ сердце этого превосходнаго человѣка съ большими ясными глазами, съ великолѣпнымъ лбомъ и необыкновенно статнымъ тѣлосложеніемъ; потомство не перестанетъ дивиться, что когда-либо могъ существовать подобный человѣкъ, пишетъ энергическій Клингеръ, а поэтъ-философъ Якоби считаетъ невозможнымъ сказать что-нибудь понятное объ этомъ чудномъ созданіи божіемъ тому, кто самъ не видалъ и не слыхалъ Гёте; смѣшно, говоритъ онъ, и хотѣть чтобы онъ мыслилъ и поступалъ не такъ, какъ онъ это дѣлаетъ; не то чтобы въ немъ не было возможно ни какой перемѣны къ прекраснѣйшему и лучшему, но она возможна только такъ, какъ распускается цвѣтокъ, какъ созрѣваетъ зерно хлѣба, какъ ростетъ ввысь и завершается раскидистымъ вѣнцомъ дерево. Когда, сидя между Лафатеромъ и Базедовомъ, спускается онъ внизъ по Рейну, „Пророкъ направо и налѣво, а въ серединкѣ міра сынъ", то мы тотчасъ видимъ, какъ понимаетъ онъ каждаго изъ нихъ и каждому что-нибудь даетъ,

будучи отъ природы заложенъ на всесторонность, на полную, свободную человѣчественность, и Виландъ признается, что никогда не было въ божьемъ мірѣ лица, которое соединяло бы въ себѣ до такой степени всю доброту и силу человѣчества, такъ мощно обнимало бы всю природу, такъ глубоко внѣдрялось въ любое существо и между тѣмъ такъ искренно жило бы заодно съ цѣлымъ.

Еще въ Страсбургѣ Гёте занимался Гётцомъ и Фаустомъ, думалъ драматизировать жизнь Сократа, Цезаря; въ бытность при вецларскомъ рейхскаммергеритѣ, рядомъ съ пиндаровскими диѳирамбами вродѣ Пѣсни странника во время бури, издаетъ онъ отъ себя и кроткіе звуки для ублаженія прекрасныхъ душъ; мы видимъ, что изъ темнаго раздумья, изъ раскопокъ въ своемъ собственномъ сердцѣ и изъ любовной грезы къ невѣстѣ друга своего, Кестнера, поэтъ пробуждается наконецъ къ мудрому самообладанію. Тогда начинается у него во Франкфуртѣ (1772—75) настоящая поэтическая весна, просвѣтляющая пѣну жизненнаго броженія въ истинно-художническую красу и ясность, и дѣлающая Гёте хороводцемъ всѣхъ поэтовъ Германіи. Въ первыхъ отрывкахъ Фауста, въ Гётцѣ и въ Вертерѣ мы видимъ, какъ здоровая мужская юность одновременно переживаетъ два фазиса: съ одной стороны, полное чувство собственной силы, потребность стать на свои ноги самостоятельно, разорвать съ путами преданья и оформить міръ на свой ладъ, а съ другой—полную блаженныхъ грезъ самоотдачу одного сердца другому, восторженную сантиментальность, которая въ золотые дни первой любви строитъ себѣ въ затишьѣ души цѣлый міръ красоты и счастія. И какъ быстро созрѣваетъ въ Гёте художникъ, всего лучше видно изъ того, если появившуюся тогда въ печати переработку сравнить съ первымъ наброскомъ Гётца, обнародованнымъ только уже по смерти автора. Фигура Адельгейды, при созданіи которой старались превзойдти одинъ другого Богъ и Сатана, совершенно выходила тогда изъ рамы; сцены любовныхъ утѣхъ ея съ Зикингеномъ, съ Францомъ, ея попытка соблазнить тайнаго судью, — все это было урѣзано или отстранено, какъ лишнее, такъ же точно и великолѣпныя картины изъ крестьянской войны и изъ быта цыганской ватаги, не говоря уже о многихъ грубоватыхъ выходкахъ въ частности; цѣлое вышло гораздо объединеннѣе и упруже. Оно, правда, все-таки не сдѣлалось еше настоящей драмою; для этого недостаетъ у героя опредѣленной цѣли, нѣтъ здѣсь и разростающагося на глазахъ у васъ главнаго дѣйствія; это—драматизованное жизнеописанье, но достопамятное навсегда по свѣжему естественному изображенію нѣмецкаго побыта и нравовъ и по мастерской обрисовкѣ характеровъ. „Вотъ такъ молодцы!“ вырывается теперь изъ устъ зрителей, какъ того именно и хотѣлъ Ленцъ, и невольно припоминается здѣсь трактатъ Юста Мёзера о кулачномъ правѣ, которое онъ превозносилъ какъ пору нѣмецкой самобытной мужественности и рыцарства среди упадка имперіи, превозносилъ передъ просвѣтительнымъ многописаніемъ властей строчившихъ безъ конца меморіи на основаніи римскаго права, превозносилъ передъ загубленіемъ всего рыцарскаго трусостью, слабодушіемъ и дворскимъ холопствомъ. Такъ Гёте выводитъ человѣка, ставшаго на свои ноги и помогающаго утѣсненнымъ, какъ ему разсудится; и не обращая ни какого вниманія на высшіе порядки и права новаго времени, онъ сопровождаетъ гибель своего героя трогательно-элегическою жалобой, тогда

какъ концу его слѣдовало бы напротивъ трагически потрясти насъ и возвысить. Но какъ превосходно въ этой пестрой чередѣ сценъ прямодушный Гётцъ, благородный Зикингенъ, бравый Георгъ противопоставлены слабодушному Вейслингену, чувственно-вѣроломному Францу, Елизавета, истая домохозяйка, вѣрная и въ счастьи и въ бѣдѣ,—безсовѣстной кокеткѣ Адельгейдѣ, а рыцарскій крѣпкій зàмокъ—епископскому двору! Ура свободѣ, возглашаемое осажденными за послѣднимъ кубкомъ вина, и послѣдній вздохъ умирающаго Гётца, обращенный къ небесной шири и къ той же опять свободѣ, это былъ боевой вызовъ молодежи на борьбу противъ всего неестественнаго и тѣснящаго умъ и душу. Жаль, что не существенное достоинство піэсы, а распущенность въ формѣ ея построенія, перевѣсъ разнообразія надъ единствомъ, больше подѣйствовали тогда на гётевыхъ сверстниковъ и, къ прискорбію Лессинга, грозили замѣнить фальшивый формализмъ необузданной безформностью. Тогда не успѣли еще признать въ жизненномъ богатствѣ Шекспира своего рода художественный законъ. То, чѣмъ былъ обязанъ ему Гёте, онъ отплатилъ Англіи въ свою очередь: поэтическій духъ Вальтеръ-Скотта зажегъ вѣдь именно его Гётцъ.

Въ строго-художественномъ отношеніи, „Клавиго" былъ можно сказать шагомъ впередъ, сколько ни уступаетъ онъ Гётцу въ величіи содержанія, въ отрадности впечатлѣнья, да наконецъ и въ національномъ значеніи; вѣдь назвалъ же его Меркъ просто дрянью, какой Гёте никогда не слѣдуетъ стряпать въ другой разъ! Но вся композиція, равно какъ и развитіе судьбы изъ личностей, борьба, какую долгъ и вѣрность должны выдержать съ стремленіемъ героя подняться въ обществѣ, борьба сердца съ головой и смерть, какъ достойная мзда за оскорбленіе нравственнаго міропорядка,—все это очень хорошо; Гёте сталъ тутъ ближе къ Лессингу, и въ своемъ Карлосѣ далъ равносильнаго Маринелли сверстника, при всей впрочемъ разности между тѣмъ и другимъ; произведеніе это было вмѣстѣ исповѣдью и покаяніемъ за то, какъ самъ онъ глубоко поранилъ отдавшееся ему чистое сердце, удовлетворяя, конечно, своему поэтическому призванію, своей славѣ, своему свободному въ свѣтѣ положенью.

Увлекательную непосредственную живость Гётца и художественную округленность Клавиго Вертеръ представляетъ не только уже въ соединеніи, но и въ гораздо бòльшемъ совершенствѣ. Это—романъ, но вмѣстѣ и исторія души; поэтъ удачно избралъ форму писемъ, въ которыхъ герой самъ высказываетъ свои ощущенія и настроенья; такимъ образомъ онъ можетъ прямо онаглядить въ лирическихъ изливахъ свое страстно вспыхнувшее и потомъ сгорающее въ себѣ сердце. Мы видимъ какъ восторженно ведется здѣсь та же борьба сердца со свѣтомъ и его прозою, мы видимъ ту же эманципацію чувствъ, за которую ратовалъ и страдалъ во Франціи Руссò, видимъ мечтательную сантиментальность Стерна, темную думу Макферсона и Юнга разработанными поэтически, доведенными и выясненными до конца; а этого-то и требовало все стремленье вѣка. Удушливый зной, который освѣжить понадобилась вскорѣ гроза революціи, глубокое недовольство настоящимъ, тягостно гнели тогда всю молодежь; она охотно вдавалась въ грезы прекраснодушія, въ раздумчивую меланхолію, въ гамлетовскіе помыслы о самоубійствѣ. Гёте

высвободился изъ этой мути именно тѣмъ, что изобразилъ ее, что свои собственныя ощущенія и опыты, свою собственную любовь къ невѣстѣ пріятеля онъ умѣлъ слить въ одно съ злополучною судьбой молодого Іерузалема; такъ нашелъ онъ типъ для всей міровой скорби того времени, съ ея какъ справедливой, такъ и пагубно-чрезмѣрной стороной, и раскрылъ при этомъ въ фантастическомъ преувеличеніи ядро чистаго идеальнаго содержанья. Постепенный переходъ Вертера отъ свѣтлаго гомерическаго міра къ туманнымъ оссіановскимъ обликамъ, возростающая раздражительность его сердца въ виду обрисованныхъ твердою рукой реальныхъ условій и обстоятельствъ, присоединенный авторомъ впослѣдствіи противень вальгеймскаго слуги, который убиваетъ не себя, а своего соперника, природа, которая то отражаетъ въ себѣ какъ въ зеркалѣ настроенія души, то врывается въ самое дѣйствіе сопровождающими его аккордами,—все это, вмѣстѣ съ благозвучнымъ языкомъ, удивительно подходящимъ къ богатству созерцаній и къ пылу сердечныхъ чувствъ, представляетъ образецъ неподражаемой художественности. Извѣстно, что на эрфутскомъ съѣздѣ государей, когда Наполеонъ выразился о Гёте: Вотъ, такъ человѣкъ! Voilà un homme! онъ говорилъ съ нимъ и о Вертерѣ и порицалъ при этомъ то, что на ряду съ несчастною любовью поводомъ къ самоубійству Вертера выставлено еще и оскорбленное честолюбіе; но Гёте хотѣлъ вѣдь изобразить въ Вертерѣ весь идеализмъ чувства, на который неестественность, безсмысленныя правила и чистыя лишь условности дѣйствуютъ вездѣ стѣснительнымъ и отталкивающимъ образомъ, и который трагически сокрушается о дѣйствительность, не умѣя различать дѣла отъ пустяковъ, преодолѣвать послѣдніе и двигать впередъ первое. То что въ Альбертѣ и Вертерѣ является порознь и раздѣльно, то самое въ гармонически-ясной, дѣятельной душѣ Лотты сливается въ одно, ни дать ни взять какъ и въ самомъ поэтѣ, который къ этому все и велъ, между тѣмъ какъ болѣзненная мечтательность молодежи тутъ-то именно вполнѣ разъигралась и тѣмъ придала роману зажигательное его дѣйствіе, такъ что не только вольномысленная трезвость какого-нибудь Николаи сочла нужнымъ позалить этотъ пылъ „Радостями молодого Вертера“, но даже и Лессингъ требовалъ для охлажденія отъ автора кинической заключительной главы, что̀ конечно уже совсѣмъ не нужно для успокоившагося и образумившагося времени и что̀ однако совершенно порушило бы организмъ всего произведенія *. Главный гамбургскій пасторъ Гёце также поспѣшилъ на пожаръ и при этомъ вызвалъ на помощь полицію, указывая ей кстати и на „Франкфуртскія ученыя извѣстія“, которыя также писалъ Гёте съ своими друзьями. Самъ Гёте вывелъ въ одномъ стихотвореніи Вертера съ увѣщаніемъ: Будь мужемъ, и меня ты не бери въ примѣръ. Вскорѣ потомъ, въ „Торжествѣ чувствительности“ онъ осмѣялъ господъ, щеголявшихъ тѣмъ, отъ чего онъ теперь уже отдѣлался; но конечно еще не тогда, когда самъ писалъ свою „Стеллу“, которая какъ женственный Вертеръ пылаетъ къ Фернанду, охотно распускающемуся и дающему себя любить, пока есть на свѣтѣ сантиментальныя дѣвушки, но потомъ колеблюще-

* Не странно ли было въ самомъ дѣлѣ хотѣть, чтобы въ заключеніе «Страданій Вертера» авторъ вдругъ самъ же и поднялъ ихъ на̀ смѣхъ? Прим. перев.

муся между ею и своей женой, и наконецъ какъ другой графъ Глейхенъ, прижимающему ихъ обѣихъ къ своему сердцу: такъ это было въ первомъ изданіи, а впослѣдствіи Гёте одумался и заставилъ Фернандо застрѣлиться. Не менѣе предосудительную тему чувственной любви между братомъ и сестрой разрѣшаетъ онъ въ другой маленькой драмѣ тѣмъ, что Вильгельмъ и Маріанна оказываются подконецъ вовсе не близкими родными. Задачи этого рода такъ и носятся въ воздухѣ переходныхъ временъ. Двойной бракъ, въ какомъ чувственно жилъ Бюргеръ, былъ такъ же, какъ душевный союзъ съ четой родныхъ сестеръ, одною изъ грезъ шиллерова развитія. Гёте избавился отъ этого блужданія и шатанья благодаря тому здоровому и свѣжему юмору, съ какимъ французящее гречество онъ осмѣялъ въ „Богахъ, герояхъ и Виландѣ“, въ „Патерѣ Бреѣ“—вмѣшательство Лёйхсенринга въ семейныя тайны и въ сердечныя дѣла, въ „Прологѣ къ бардтовскимъ новѣйшимъ откровеніямъ божіимъ“—наклонность разводить Библію водою, а въ „Сатирѣ, или Апоѳеозѣ лѣсного чорта“—натуралистическую пошлость и неотесанность: „Дерево шатромъ, мурава ковромъ, каштаны сырые намъ въ пищу!.... Забывъ свое происхожденье, вы здѣсь разсѣлись какъ рабы, въ дома хорошіе забились, приличнымъ нравамъ подчинились, и время золотой поры звучитъ вамъ сказкой про былое, какъ нѣчто ужь совсѣмъ чужое!“ Эти масляничные проказы и кукольная комедія въ піэсѣ „Плундерсвейлернская ярмонка“ пріятно напоминаютъ намъ старинныя формы и языкъ Ганса Закса, и если въ первой части Фауста насъ услаждаетъ нѣмецкое просторѣчіе въ великолѣпнѣйшей художественной разработкѣ, то мы также рады и комической грубоватости, съ какою мастерски владѣетъ имъ Гёте; жаль только что онъ не пустилъ его въ ходъ и для болѣе обширныхъ комическихъ произведеній.

Гёте былъ адвокатомъ во Франкфуртѣ, но не слишкомъ заботился о тяжебныхъ дѣлахъ; мать не нарадовалась своимъ знаменитымъ уже сыномъ, какъ онъ въ порывахъ юношеской геніальности шутилъ и дурачился съ молодыми пріятелями. Въ многоподвижной его жизни довелось ему тогда узнать и жениховское положеніе: онъ сватался къ Лили Шёнеманъ въ Оффенбахѣ; связь, затѣянная съ нимъ не безъ умысла, порвалась однакожь безъ особенной боли; онъ писалъ къ графинѣ Августѣ фонъ-Штольбергъ, что подо всѣмъ этимъ вздоромъ сходитъ съ его сердца много оболочекъ, взглядъ его на міръ веселѣетъ болѣе и болѣе, обращеніе съ людьми все расширяется и становится тверже, а между тѣмъ глубина его души всегда остается преданною одной только священной любви, и благодаря тому духу чистоты, который она сама и есть, дѣлается наконецъ все чище какъ сканое золото. Его волновали тогда величайшіе поэтическіе сюжеты,—кромѣ уже начатаго имъ Фауста, Могаммедъ, Вѣчный Жидъ, Промеѳей. Аравійскій пророкъ долженъ былъ показать, какъ божественное и идеальное, воспринятое отличнымъ человѣкомъ, постепенно омірчается и злоупотребляется для земныхъ цѣлей, какъ скоро этотъ человѣкъ захочетъ распространить его во внѣ. Вѣчный Жидъ долженъ былъ не только что сойдтись съ Спинозой, но и повѣдать о своихъ странствіяхъ возвращающемуся Христу; самъ Спаситель приходитъ въ католическія земли, „гдѣ множество крестовъ такое водрузили, что изъ-за нихъ Христа и крестъ его забыли“, а между тѣмъ не обошелся безъ поповъ и протестантизмъ: „болтать они готовы всякій часъ, но меньше

дѣлаютъ гримасъ". Въ Промеѳеѣ высказалась титаническая стропотность людского духа, опирающагося на самого себя и обрѣтающаго свое счастіе только въ собственной своей дѣятельности. Драматичности нѣтъ тутъ въ самомъ замыслѣ; это существенно были только изливы душевныхъ настроеній, и оттого изъ разсѣянныхъ этихъ звуковъ Гёте могъ впослѣдствіи вылѣпить одно изъ могущественнѣйшихъ въ мірѣ поэтическихъ созданій, котораго громовый гулъ возвѣщаетъ съ непреходящимъ величіемъ сознаніе свободы, одушевляющее новѣйшую философію. Уже и за Эгмонта принялся онъ среди полнаго упоенія славой и любовью, — за Эгмонта, который такъ веледушенъ и которому живется такъ легко, въ которомъ на ряду съ чудовищною борьбой отражается и счастіе самого поэта. Тутъ подошло приглашеніе къ молодому государю, Карлу Августу, въ Веймаръ, и Гёте рѣшился, повторивъ эгмонтовы слова: „Какъ бы подстегиваемые незримыми ду́хами, солнечные кони времени несутся съ легкою колесницей нашей судьбы; и намъ не остается ни чего другого, какъ крѣпко держать вожжи и править то правѣе, то лѣвѣй, минуя камень здѣсь, и обрывъ тамъ. Куда мчишься, кто это знаетъ? Даже едва помнишь, откуда и выѣхалъ."

Если во Франкфуртѣ могучіе порывы чувствъ и строптивую юношескую самонадѣянность Гёте переносилъ изъ собственнаго сердца въ свои стихи, то сначала и въ Веймарѣ геніальность жизни нашелъ онъ въ бойкомъ, свѣжемъ, необузданномъ юморѣ и старался, заодно съ сверстниками и съ Карломъ Августомъ во главѣ, доказать любовью къ вину, къ женщинамъ и къ пѣснямъ, что они не глупые-таки люди, а это, при вольномъ ихъ разгулѣ, было не легко; но они представляли собой здоровую природу въ противень строгой дворской церемоніальности. Гёте приходилось сдабривать поэтическою приправой нескончаемый рядъ охотъ, поѣздокъ, праздниковъ, маскарадовъ, театральныхъ представленій; голова его была какъ трескучій фейерверкъ. Предусмотрительно остерегалъ ихъ старикъ Клопштокъ, чтобъ они не погубили себя дикою гульбой, предусмотрительно опасался и зоркій Меркъ, чтобы поэтическая способность Гёте не разлетѣлась въ дымъ какъ ракеты и швермеры, вмѣсто того чтобъ создавать произведенія, сіяющія вѣчными звѣздами на родномъ небѣ. Имя мое Легіонъ! отзывается на ихъ увѣты Гёте. Всѣ боевыя силы пробудились въ немъ. Онъ хочетъ посмотрѣть, къ лицу ли ему роль крупнаго въ свѣтѣ дѣятеля. На прогулкахъ съ герцогомъ поручается ему одна часть края за другою, одно дѣло или вѣдомство за другимъ. Пустившись разъ по волнѣ времени, онъ хочетъ попытать, удастся ему что-нибудь открыть, добыть что-нибудь новаго, или онъ потерпитъ крушеніе и долженъ будетъ взорваться на воздухъ со всѣмъ грузомъ. Но онъ первый же и собрался опять въ себя. Какъ скоро вступилъ онъ въ министерство, Виландъ уже превозноситъ духъ умѣренности, низошедшій на этого дивнаго, божественнаго человѣка; Гёте отвлекъ навремя самого герцога отъ веймарскаго кружка; поѣздка зимой въ Швейцарію подѣйствовала какъ крѣпительная, холодная ванна; и когда онъ воротился оттуда, къ нему можно было примѣнить его же поэтическія слова:

Мужественно сталъ онъ у кормила;
Кораблемъ играютъ вѣтръ и волны;

Не играютъ только его сердцемъ;
Властно смотритъ онъ во глубь морскую,
И, потонетъ, къ берегу ль пристанетъ,—
Уповаетъ на боговъ надежно.

Въ Веймарѣ сначала недружелюбно смотрѣли на тѣхъ самыхъ чужаковъ, которыми впослѣдствіи такъ величался городъ. Когда Гёте захотѣлъ опредѣлить туда Гердера, послѣдній долженъ былъ поскорѣе выслать свидѣтельство какого-нибудь профессора насчетъ несомнѣнности своего правовѣрія, иначе трудно было бы уладить дѣло; а на формальное представленіе противъ допущенія на службу Гёте, герцогъ собственноручно отвѣчалъ: „Люди благоразумные поздравляютъ меня съ тѣмъ, что я пріобрѣлъ такого человѣка. Его голова, его геній извѣстны всѣмъ. Употреблять геніальнаго человѣка не тамъ, гдѣ онъ самъ можетъ употребить въ дѣло необыкновенныя свои дарованія, значитъ злоупотреблять имъ. Судъ свѣта, который быть-можетъ недоволенъ тѣмъ, что я опредѣляю доктора Гёте въ свою главную коллегію, тогда какъ онъ не служилъ еще прежде ни амтманомъ, ни профессоромъ, ни камерратомъ, ни регирунгсратомъ,—этотъ судъ не измѣнитъ ни чего. Свѣтъ судитъ по предразсудкамъ, а я забочусь, какъ и всякій кто хочетъ исполнять свою обязанность, не изъ-за чужого одобренія, а изъ-за того чтобы стоять правымъ передъ Богомъ и передъ собственной совѣстью."

„Будь, человѣкъ, благороденъ, добръ и на помощь готовъ!" — это Гёте доказалъ и въ общественной своей жизни. Вездѣ все видѣть собственными глазами, самому дѣйствовать — было его цѣлью. Надо было облегчить притѣсненный простой людъ. „Ты знаешь, пишетъ онъ Кнебелю, когда травяныя вши облѣпятъ вѣтки розана и насосутся до того что разбухнутъ и позеленѣютъ, то на нихъ нападаютъ муравьи и высасываютъ изъ нихъ лишній сокъ; у насъ вверху потребляется уже гораздо больше того, что̀ можно доставить снизу." „И вотъ Ѳоадъ (Thoas) въ Ифигеніи долженъ говорить такъ, какъ будто бы ни одинъ чулочникъ въ Апольдѣ не умиралъ съ голоду!" прискорбно пишетъ онъ г-жѣ фонъ-Штейнъ съ одной своей служебной поѣздки. То, что̀ ему приходилось дѣлать по лѣсной, хозяйственной и горной части, навело его на изученіе естественныхъ наукъ. Каждая тварь въ мірѣ была для него звукъ и оттѣнокъ одной всеобъемлющей гармоніи; Этика Спинозы служила ему прибѣжищемъ въ минуты тревогъ, а свою вѣру въ безконечность самъ онъ выражаетъ словами:

Когда ты святой, изначальный Отецъ
Рукою беззлобной изъ тучъ громоносныхъ
Молніи шлешь намъ благого суда,
Цѣлую я край твоей ризы смиренно,
Въ груди дѣтскій трепетъ храня.

Напрасно думали, что первыя десять лѣтъ жизни Гёте въ Веймарѣ пропали для поэтическаго его таланта и, вмѣстѣ съ Нибуромъ, называли придворную его жизнь Далилой, остригшей этому Самсону волоса. Все-таки останется въ полной своей силѣ его изреченіе:

Сказать по правдѣ, на мои глаза,
Одна лишь жизнь даетъ образованье,
И мало значатъ тутъ слова.

Въ школѣ жизни добылъ онъ матерьялъ для поэтическихъ произведеній, которыя вскорѣ потомъ кончилъ; Ифигенія, Тассо, Вильгельмъ Мейстеръ были начаты; прекраснѣйшіе перлы лирики, такія баллады какъ „Лѣсной царь" и „Рыбакъ", запечатлѣны совершенствомъ и безсмертіемъ. Юноша созрѣлъ до ясности мужа; онъ получилъ „отъ руки правды пелену поэзіи, сотканную изъ утренняго воздуха и яркихъ лучей солнца", и на мѣсто титанической рьяности въ сознаніе его вошла мысль о нравственномъ самоограниченіи, о примиреніи сердца съ міромъ въ гармоническомъ образованіи. Въ своихъ „Тайнахъ" онъ хотѣлъ изобразить, какъ идея человѣчности выходитъ внутреннею пружиной всѣхъ религій. И не даромъ взываетъ онъ:

Ты, небесный, ты, святой,
Всѣ печали утоляющій,
Изнуренному борьбой
Облегченье посылающій!...
Утомителенъ мой путь,
Край далекъ обѣтованный....
Миръ желанный!
Снизойди въ больную грудь!

(Переводъ Михайлова.)

Со времени выхода въ свѣтъ переписки съ г-жею фонъ-Штейнъ мы знаемъ, что̀ было у него на умѣ, когда онъ писалъ къ Лафатеру: „Господь мой Богъ, которому я всегда былъ вѣренъ, втайнѣ и благословилъ меня; судьба моя совершенно скрыта отъ людей", или когда писалъ къ матери: „Всего лучше та глубокая тишь, въ какой живу я относительно свѣта, росту и пріобрѣтаю то, чего не отнять у меня ни огнемъ, ни мечемъ, ни какою въ мірѣ силой". Г-жа фонъ-Штейнъ была красою веймарскаго двора; поэту, издавна любившему граціозныхъ дѣвицъ, предстала здѣсь женственность во всемъ благородствѣ нравовъ и образованія; она унаслѣдовала любовь матери, сестры, возлюбленной; то, что она была старше его, была за̀мужемъ и имѣла семерыхъ дѣтей, то что она не могла сдѣлаться его женою,—вотъ одна изъ тѣней, всего больше омрачившихъ его жизнь. Она стала ему душево̀дицей; „добрая ночь, чистое золото!" говоритъ онъ ей разъ на прощанье: „пусть бы плавили меня въ тройномъ огнѣ, лишь бы стать мнѣ достойнымъ любви твоей. Довершай же свое доброе дѣло и поддерживай меня въ добрѣ и въ доставляемой имъ отрадѣ". А въ другой опять разъ: „Благодаря любви твоей мнѣ сдается, какъ будто бы я ужь не скитаюсь больше подъ шатрами и въ шалашахъ, а какъ будто мнѣ подарили хорошій, прочный домъ, съ тѣмъ чтобы я въ немъ жилъ и умеръ и хранилъ бы все свое достояніе.—Не говорю тебѣ, какъ вплелась ты въ каждую мою мысль, ты и безъ того это знаешь. Какъ сладкая мелодія подымаетъ насъ въ высоту, подстилаетъ нашимъ скорбямъ и заботамъ мягкое какое-то облако,—такъ и ты мнѣ существомъ своимъ и своей отрадной любовью". Этотъ внутренно-пережитой имъ опытъ, чтобы принятіемъ въ собственное сердце чистаго гармоническаго строя другой ду-

ши самому обрѣсти миръ и возродиться, онъ вѣдь наглядно изобразилъ намъ въ Ифигеніи. Но мнѣ кажется опять поистинѣ удивительнымъ тотъ нравственный ходъ жизни Гёте, какъ именно въ самую пору, теперь, онъ ощутилъ, что для художественнаго завершенія медленно ростимыхъ имъ созданій ему необходимъ полнѣйшій художническій покой, что для окончательнаго просвѣтленія его духа необходимо ему ясное небо Италіи и наглядное знакомство съ пластическими произведеніями древности. То, что тяга на югъ искони влекла туда душу Германцевъ, что для блага человѣческой культуры всемірная исторія какъ нарочно поставила Германію во взаимную связь съ Италіей, что высшее удается германскому духу именно тогда, когда онъ возрождаетъ въ себѣ эллинство, — все это Гёте долженъ былъ испытать на самомъ себѣ, какъ представитель своего народа. Тоска по Италіи одолѣла его наконецъ совсѣмъ, отъѣздъ его туда уподоблялся побѣгу, а когда веселый югъ предсталъ ему наконецъ среди яснаго дня, убранный своими красками и формами, онъ не могъ удержаться отъ восклицанья: ну, теперь опять можно увѣровать, что есть Богъ! Мысль о прочномъ созиданіи, о строгомъ и дѣльномъ трудѣ для великой цѣли, эта мысль пришла ему въ вѣчномъ городѣ; онъ праздновалъ въ Римѣ новый день рожденія, духъ его запечатлѣлся тамъ дѣловою силой, „серьёзностью безъ суши, полною радости степенностью". Какъ самъ онъ нашелъ въ себѣ опять поэта въ Италіи, такъ изобразилъ онъ поэта и въ своемъ Тассо,—человѣкомъ, который, потерпѣвъ въ жизни крушеніе, снова ободряется, опираясь на свой талантъ; какъ самъ онъ очистился духомъ, вглядываясь въ древность, такъ началъ оживать подъ его рукою теплымъ чувствомъ античный мраморъ въ Ифигеніи. Природа и искусство, равномѣрно ставшіе предметомъ непрерывнаго его изученья, тѣсно сливаются теперь въ его поэзіи. Какъ въ нравственномъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніи господствуетъ у него идея мѣры, и онъ вполнѣ усвоиваетъ себѣ высокую грацію стиля мастеровъ эллинской пластики. Ваятель, болѣе всякаго другого художника, старается выдѣлить весь лишній, безразличный матерьялъ, всякій ненужный ему придатокъ; онъ дѣйствуетъ одною только формою, одной фигурой въ ея чистотѣ; и такую-то-вотъ ясную замкнутость, такую мастерскую выработку нашелъ теперь Гёте для своихъ исполненныхъ души поэтическихъ созданій. По вѣрному замѣчанію Гервинуса, онъ какъ пластикъ обводитъ фигуры своихъ стихотвореній точно будто бы тѣлесными чертами, такъ что мы ходимъ среди нихъ ни дать ни взять какъ по залѣ гипсовыхъ слѣпковъ. Со временъ Лютера ни одинъ геній не владѣлъ такъ какъ Гёте нѣмецкимъ языкомъ; но если въ молодые его годы естественная свѣжесть при чрезмѣрномъ наплывѣ чувствъ высказывалась еще приступами и толчками, а созерцательное спокойствіе старости доходило у него въ своемъ широковѣщаніи до натянутаго формализма, то въ ту пору полной мужественной зрѣлости онъ нашелъ и для передачи своихъ фигуръ и для выраженія своихъ мыслей въ прозѣ и въ стихахъ подлинно-классическую форму германскаго искусства.

Прежде всего Ифигенія явилась свидѣтельствомъ и символомъ сочетанія германскаго духа съ эллинскимъ, такъ-какъ въ античный миѳъ Гёте привнесъ здѣсь христіанскую идею высшей благодати, внутренняго примиренія въ нравственномъ настроеніи любви. Боги говорятъ намъ голосомъ нашего

собственнаго сердца, темная судьба выяснилась здѣсь въ Провидѣніе. Въ своемъ риѳмическомъ благозвучіи хвалебная пѣснь женственности раздается вмѣстѣ и торжественнымъ гимномъ истинѣ, правдивости. Въ домѣ Агамѐмнона правда и кривда перепутались въ какой-то неразмотный клубокъ. Изъ-за политической цѣли, чтобы доставить войску попутный вѣтеръ, царь повелъ родную дочь къ жертвенному алтарю и тѣмъ возбудилъ въ душѣ жены своей скорбь материнской любви, чувство мести; воротясь изъ похода домой, онъ падетъ отъ руки Клитемнестры. Орестъ отмщаетъ за отца и государя, но для этого онъ обнажаетъ мечъ противъ матери, и изъ пролитой родной крови муки совѣсти возстаютъ ему на горе. Оракулъ обѣщаетъ ему исцѣленіе въ рощѣ Артемиды у Тавровъ. Туда богиня скрыла Ифигенію, но тамъ она должна, какъ жрица, приносить въ жертву всѣхъ пришельцевъ, хоть будь то ея братъ и другъ его Пиладъ. А не совершиться этому ужасу, такъ она должна, непремѣнно бѣжать съ ликомъ богини и съ своими, стало-быть обмануть и обокрасть Θоада, принявшаго ее радушно какъ отецъ; сдѣлать добро своимъ, купить спасеніе ихъ она можетъ только обременивъ себя тяжкою виною. Такъ попала она въ трагическій конфликтъ, въ столкновеніе двухъ противоположныхъ обязанностей; но она молитъ боговъ: „Спасите меня и спасите въ душѣ моей вашъ образъ"! Она ввѣряется силѣ правды и человѣчности, она признается во всемъ Θоаду, храня душу отъ предательства, и убѣждаетъ его искренностью своей благородно-ясной рѣчи отпустить ее въ далекій путь. Орестъ на дѣлѣ доказываетъ свое исцѣленіе, доказываетъ что свѣтъ свободнаго самосознанья воротился къ нему подъ вліяніемъ кротко-гармонической душевной ясности Ифигеніи, — доказываетъ это своимъ дивно-прекраснымъ истолкованіемъ оракула; онъ сначала передаетъ, какъ Аполлонъ возвѣстилъ ему въ Дельфахъ:

Когда сестру, которая въ Тавридѣ,
Во храмѣ, противъ воли остается,
Ты въ землю Грековъ снова привезешь,—
Съ тебя проклятье снимется.....

Подъ этимъ поняли сестру Аполлона, ликъ Артемиды, тогда какъ богъ разумѣлъ сестру Ореста. И послѣдній продолжаетъ такъ:

Теперь падутъ тяжелыя оковы,
И будешь ты своимъ возвращена.
Я исцѣленъ твоимъ прикосновеньемъ;
Въ объятіяхъ твоихъ въ послѣдній разъ
Мной овладѣлъ недугъ со всею силой
И страшно мозгъ костей моихъ потрясъ.
Но, точно змѣй, потомъ спустился въ тартаръ.
Весь обновленный, я черезъ тебя
Отраднымъ свѣтомъ солнца наслаждаюсь;
Въ величьи мнѣ является теперь
Заступничество мощное богини:
Какъ ликъ святой, что связанъ тайнымъ словомъ
Боговъ безсмертныхъ съ участью страны,
Она взяла, похитила тебя,
Спасительницу дома, сохранила
Въ святой, невозмутимой тишинѣ
На счастіе друзей твоихъ и брата.

Когда, казалось, нѣтъ спасенья намъ
На всемъ земли пространствѣ необъятномъ, —
Внезапно намъ ты возвращаешь все!
О царь, склонися къ миру, не препятствуй
Ей освятить присутствіемъ своимъ
Родимый кровъ нашъ, возвратить меня
Въ чертогъ отцовъ, съ котораго проклятье
Снято богами, на главу мою
Надѣть корону древнюю! За благо,
Сестрою принесенное тебѣ,
Воздай намъ благомъ! Дай, чтобъ насладился
Я полнотой ближайшихъ правъ моихъ!
Какъ сила дерзновенная и хитрость —
Хвала и слава высшая мужей —
Пристыжены незыблемою правдой
Ея души, — такъ дѣтское ея
Довѣрье къ благороднѣйшему мужу
Награждено да будетъ!

Тутъ не понадобилось, какъ у Эврипида, появленія богини и строгаго приказа ея Ѳоаду; взволнованныя души примирились сами собой, и все превосходно завершается послѣднимъ аккордомъ: Простите! Дай мнѣ руку на прощанье!—Когда піэса появилась въ окончательной своей отдѣлкѣ, можно было подумать, что Гёте нарочно выбралъ этотъ сюжетъ для состязанія съ греческими трагиками, для того чтобъ создать драму въ классическихъ формахъ древности; но теперь мы знаемъ, что пластичный побудъ поэтическаго содержанія развивался въ творческой дѣятельности самого автора и изъ наброска въ риѳмической прозѣ дошелъ наконецъ до такого совершенства формъ, мы знаемъ, что произведеніе сложилось изнутри, выросло органически. Самъ Гёте, подобно Оресту, стремился къ божественному лику истой красоты, прекрасной истины, и нашелъ его только тогда, когда, въ душевномъ союзѣ съ г-жею фонъ-Штейнъ, самъ пережилъ умиротворяющую силу благородной женственности. Самъ же Гёте указывалъ на юношескія свои занятія баснею о Титанахъ, гдѣ именно Промеѳей являлся ему символомъ собственнаго природнаго творчества, такъ же строптиво возстающаго противъ правилъ искусства и житейскаго нравообычая, какъ Титаны противъ Олимпійцевъ; но когда онъ научился признавать нравственный міропорядокъ, —титаническія его идеи превратились „въ воздушные призраки, морочившіе его передъ болѣе серьёзною эпохой“; рьяный духъ, порывавшійся взять приступомъ небеса, примирился потомъ съ богами; онъ отказался отъ самостоятельной работы о титанскихъ могутàхъ; „онѣ, какъ члены чудовищнаго противоборства, стали только заднимъ планомъ Ифигеніи, и конечно имъ обязана піэса эта частію того эффекта, какой ей посчастливилось произвести“. Вейсе особенно остановился на этомъ: какъ прежде символомъ настроенія души поэта были Промеѳей и Танталъ, такъ теперь явился имъ исцѣленный Ифигеніей Орестъ, и картина претерпѣнныхъ страданій, равно какъ и искупительныхъ нравственныхъ потомъ силъ, преисполнена такихъ мыслей и созерцаній, которыя свою глубину и выразительность почерпаютъ прямо изъ пережитòго самимъ Гёте. Подобно Оресту, и онъ чувствовалъ себя призваннымъ къ тяжкому и великому подвигу, къ искупленію и освобожденію поэзіи отъ преобладавшаго тогда мутно-страстнаго настроенья и отъ преступно-геніальной рьяности, которую самъ онъ питалъ и усилилъ;—

задачу эту онъ и выполнилъ новымъ своимъ произведеніемъ, въ которомъ ночныя титаническія пугалы разлетаются передъ восходящимъ солнцемъ яснаго, нравственно-чистаго художественнаго идеала.

Если Шиллеръ всего охотнѣе называлъ „душою" то, что̀, на его взглядъ, составляетъ особенное преимущество Ифигеніи, то это же самое должно сказать и о Тассѣ. Тутъ мы въ самой блистательной порѣ итальянскаго Возрожденія, когда свойственная ему радость всякой красотою съ живописи перешла на поэзію. Мелодически раскрываетъ здѣсь поэтъ всѣ сокровенныя тайны поэтическаго духа; это настоящая трагедія фантазіи, которая просвѣтляетъ міръ передъ одареннымъ ею, но зато и втягиваетъ его въ паутину своихъ грезъ, такъ что онъ живетъ въ образахъ своего внутренняго міра, въ мечтахъ, а не въ дѣйствительности, и разбиваясь о слишкомъ шероховатую оболочку вещей, наводится этимъ снова на художническое идеальное творчество. Рахель видѣла въ Тассо самый достопримѣчательный поэтическій подвигъ Гёте, потому именно, что тутъ мы ясно распознаемъ, какъ онъ смогъ творить и все прочее. Но какими зато болями покупалась эта творческая дѣятельность. Скорбная тяга страстной души, такъ неодолимо влекомой къ роковому изгнанію, проходитъ по всей піесѣ, — это замѣчаетъ самъ Гёте и напоминаетъ какъ онъ работалъ надъ нею на возвратномъ пути изъ Италіи и кровью сердца написалъ:

И ежели молчитъ иной въ бѣдѣ,
То мнѣ дано сказать какъ я страдаю.

Но это обобщилось у него и въ другихъ еще изреченіяхъ:

Мы видимъ много пропастей, вездѣ
Для человѣка вырытыхъ судьбою;
Но самая глубокая изъ нихъ
Здѣсь, въ нашемъ сердцѣ: въ мракъ ея спускаться
Отрадно и прельстительно для насъ.
Прекрасенъ божій міръ! въ его пространствѣ
Такъ много благъ посѣяно судьбой;
Зачѣмъ же эти блага передъ нами
На шагъ одинъ всегда уходятъ вдаль,
И наше боязливое желанье
Чрезъ эту жизнь, до двери гробовой,
Прельстительно все ма̀нятъ, шагъ за шагомъ?
Какъ рѣдко обрѣтаетъ человѣкъ
То, что̀ ему назначеннымъ казалось
Такъ несомнѣнно? рѣдко, рѣдко онъ
То сохраняетъ, что̀ уже схватила
Мгновенная счастливица — рука.
Что̀ намъ далось однажды въ обладанье,
Ужь рвется прочь неистово отъ насъ —
И сами же изъ рукъ мы выпускаемъ,
За что схватились съ жадностью такой!
Есть счастье, есть! — Но мы не знаемъ счастья,
А знаемъ — не умѣемъ уберечь.

И какъ потомъ горекъ взрывъ запуганной и оскорбленной души поэта:

Не могутъ люди знать себя взаимно:
Галерные невольники одни,

Что крѣпкими прикованы цѣпями
Къ одной колодѣ, жмутся въ тѣснотѣ,
Другъ друга знаютъ; нечего терять имъ,
Ни требовать взаимно; каждый тамъ
И самъ себя бездѣльникомъ считаетъ,
И въ каждомъ изъ товарищей своихъ
Мошенника находитъ. Мы жь — учтиво
Не узнавать стараемся другихъ,
Чтобъ и другіе насъ не узнавали.

Правду сказалъ Юліанъ Шмидтъ: по своей психологической глубинѣ, Тассъ, болѣе чѣмъ многія знаменитѣйшія піэсы, принадлежитъ во всемірной литературѣ къ разряду такихъ произведеній какъ Гамлетъ и мольеровъ Мизантропъ. Тутъ Гёте выступаетъ живописцемъ души въ полной мѣрѣ; тутъ искусство его проявляется въ томъ, какъ мастерски беретъ онъ изъ житейскаго и поэтическаго быта Тасса бездну такихъ именно чертъ, которыя обличаютъ одностороннее господство фантазіи со всѣми его усладами и муками, и какъ онъ переплетаетъ съ этимъ свои собственные опыты, вынесенные и изъ веймарскихъ отношеній, и изъ глубины его души, и такимъ образомъ создаетъ на совершенно реальной уже почвѣ чистые типы поэта, свѣтскаго человѣка и государя, или тонко и наглядно индивидуализуетъ идеалы, при чемъ, ловко озираясь назадъ и впередъ, сосредоточиваетъ всю жизнь Тасса въ исторію одного дня, который ясно ее прообразуетъ. Неудовлетворительна здѣсь только катастрофа, потомучто идущая навстрѣчу Тассо любовь принцессы уполномочивала бы его отстаивать право генія передъ дворскимъ нравообычаемъ до самаго конца. Впрочемъ всѣ событія и повороты судьбы развиваются прямо изъ характеровъ; а между тѣмъ всѣ ощущенія и переживы вырабатываются созерцающимъ духомъ въ помыслы, во всеобщую правду жизни. Такъ въ піэсѣ отражается культура, руководимая философіей, и поэтъ высказываетъ тутъ же, какъ понимаетъ онъ трагизмъ:

Прекраснаго должны мы опасаться,
Какъ пламени: пока на очагѣ
Оно горитъ, пока на путь намъ свѣтитъ,
Какъ радостно, спасительно оно!
Кто безъ него хотѣлъ бы обойдтися?
Но ежели расширится кругомъ,
Ни кѣмъ не охраняемое, сколько
Несчастія и горя принесетъ!

Или въ другомъ еще мѣстѣ:

Заставь червя не прясть шелковыхъ нитей,
Когда, все ближе къ смерти, онъ прядетъ;
Онъ съ болью изъ груди, неутомимо
Мотаетъ дорогую нить свою
До той поры, пока въ своей же пряжѣ
Въ своемъ гробу — не заключится весь.
О, еслибы и намъ послало небо
Завидный жребій малаго червя:
Подъ новымъ солнцемъ, средь долинъ цвѣтущихъ
Воспрянуть обновленною душой
И радостно крылами встрепенуться! *

* Всѣ отрывки изъ «Ифигеніи» и «Тасса» приведены здѣсь по прекрасной передачѣ А. Н. Яхонтова. Прим. перев.

И въ „Эгмонтѣ" предстаетъ намъ трагедія идеальной души, но такой, которая все видитъ въ розовомъ свѣтѣ и радостно облетаетъ міръ. Здѣсь юноша герой, благодаря доброй своей натурѣ, беззавѣтно наслаждается минутою, и не терпитъ морщинъ задумчивости на ясномъ челѣ даже и тогда, когда жизнь подступаетъ къ нему съ увѣтомъ не на шутку. Развѣ солнце свѣтитъ мнѣ сегодня для того, чтобы раздумывать о вчерашнемъ? Въ этихъ словахъ выражается и его характеръ, и его судьба. Съ свойственной ему безподозрительностью остается онъ на мѣстѣ даже и по отъѣздѣ принца Оранскаго (главы волненія противъ Испанцевъ), онъ открываетъ всю свою душу герцогу Альбѣ, который сталъ внезапно твердою ногой среди бойко расходившагося движенія и набросилъ неисходную сѣть на головы ошеломленнымъ Нидерландцамъ. Въ разговорахъ Эгмонта съ принцемъ Оранскимъ, съ Альбою, съ секретаремъ, въ совѣщаніяхъ регентши съ Маккіавелли, Гёте съумѣлъ ловко противопоставить принципы и характеры, изобразить тогдашнее положеніе вещей, а это свидѣтельствуетъ о зрѣломъ пониманіи того, какъ политическія событія идутъ при взаимодѣйствіи данныхъ обстоятельствъ и личностей, и представляетъ вмѣстѣ заманчивый контрастъ съ народно-бытовыми сценами, полными свѣжаго юмора, и съ трогательною сердечною исторіей Клерхенъ и Бракенбурга. Все переплетено въ одну сплошную ткань, но тѣмъ не меньше это скорѣе—романтическое изложеніе событій, душевныхъ состояній, чувствъ и помысловъ, нежели увлекательное драматическое дѣйствіе, направленное съ перваго начала къ самопоставленной имъ себѣ цѣли. Гиллебрантъ мѣтко указалъ на то, что и у Эгмонта преобладаетъ фантазія, и что оттого передъ его смертью она еще разъ вспыхиваетъ яркимъ свѣтомъ, еще разъ представляетъ ему свободу въ видѣ возлюбленной, даетъ ему еще разъ прогрезить завѣтную жизненную грезу свободы и любви. Я бы не нашелъ тутъ элемента для оперы какъ Шиллеръ, а скорѣе напомнилъ бы о томъ, какъ въ свою очередь Бетховенъ увилъ эту драму великолѣпными звуковыми узорами.

Произведенія эти Гёте вывезъ своему народу изъ Италіи. Но послѣдній ждалъ отъ него не того, ждалъ дико-геніальныхъ вещей, вродѣ Гётца и Вертера. Поэтъ впервые нашелъ въ Римѣ самого себя и, воротясь домой (1788 г.), сталъ передъ своими чужакомъ, котораго плохо даже понимали. Разбойники Шиллера и Ардингелло Гейнзе, эти побѣги бурно-рьянаго періода захватили тогда общій интересъ,—а это были созданія такой грубой природной силы и такой дерзкой чувственности, съ которыми онъ не могъ, да и не хотѣлъ тягаться: они противорѣчили идеальной и вполнѣ выработанной красотѣ новыхъ его произведеній, они подвергали сомнѣнію даже и то высшее, къ чему онъ теперь стремился. Созрѣвъ и округлившись внутренно, онъ болѣе замкнулся въ самомъ себѣ, сталъ удалять отъ себя всякую помѣху, и жилъ своими воспоминаньями, изученіями, идеями. Свободный отъ урочныхъ государственныхъ дѣлъ, онъ остался однакожь совѣтникомъ и другомъ герцога; іенскій университетъ, веймарскій театръ особенно сдѣлались предметомъ его верховоднаго участія. То успокоивающее и мягчительное очарованіе, съ какимъ прежде дѣйствовала на него г-жа фонъ-Штейнъ, прошло когда перебродили его страсти и онъ вполнѣ вышелъ изъ рабочей поры ученичества (Lehrjahre); Гёте переросъ ее; а что въ этой связи все-таки было нѣчто нездоровое,—

доказываютъ возникшая между ними размолвка и наступившій за тѣмъ окончательный разрывъ. Гётева замкнутость въ самомъ себѣ и у себя дома еще увеличилась, съ тѣхъ поръ какъ онъ взялъ къ себѣ наивно-милую дѣвочку Христіану Вульпіусъ и зажилъ съ нею въ бракѣ по совѣсти. * Онъ чувствовалъ себя довольнымъ и пристроившимся въ родномъ краѣ, онъ пѣлъ свои Римскія Элегіи, но ему не удалось изъ своей наложницы сдѣлать повѣренную своей души и своего высокаго образованія. Онъ не посмотрѣлъ на то неуваженіе, какое испытывала она въ Веймарѣ по большей части только изъ ревности и непріязни; но нравообычай не нарушается безнаказанно ни кѣмъ; Шиллеръ впослѣдствіи тужилъ „о бѣдовыхъ домашнихъ обстоятельствахъ“ своего друга; а престарѣлая мать, хотя и посылала поклоны милашкѣ дорогого сына, но при этомъ юмористически сожалѣла, что не можетъ объявлять во Франкфуртскомъ Еженедѣльникѣ о рожденіи своихъ внучатокъ. И когда въ 1806 году Гёте обвѣнчался съ Христіаной, онъ вскорѣ за тѣмъ повстрѣчалъ Минну Герцлибъ, которую воспѣлъ въ своихъ Сонетахъ, и если мы дальше узнаёмъ, что она послужила основой для образа Оттиліи въ „Душевныхъ Сродствахъ“, то намъ ясно, что ему снова предстояло тутъ много скорби и самоотверженія; не даромъ же замѣчаетъ онъ самъ, что всякій разглядитъ въ этомъ романѣ глубокую язву страсти, которая и подживая все еще не закрывается, какъ будтобы пораженное ею сердце само боялось выздоровѣть вполнѣ.

Такъ, первыя шесть лѣтъ по возвратѣ изъ Италіи прошли безъ крупныхъ поэтическихъ произведеній; тутъ же, какъ нарочно, возмутилъ поэта страшный поворотъ французской революціи, и поистинѣ досадно то, что онъ вздумалъ освободиться отъ этого впечатлѣнія такими фарсами, какъ „Великій Кофта̀“, „Гражданинъ-генералъ“ и тому подобные: ** лучше удалось ему это въ обработкѣ „Рейнеке Лиса“. Разныя поѣздки, участіе въ походѣ на Шампань, естествовѣдныя работы навремя какъ будто совсѣмъ отвлекли его отъ поэзіи. Тутъ настала для него вдругъ новая духовная весна въ союзѣ съ Шиллеромъ, который о ту именно пору, послѣ походовъ въ область философіи и исторіи, воротился опять къ поэтическому творчеству. Они порѣшили между собой смотрѣть оттолѣ на свои стремленія и свою дѣятельность, какъ на нѣчто имъ общее; Альманахъ Музъ, журналъ Horen ***, редигируемый Шиллеромъ, служили имъ сборнымъ мѣстомъ и вызывали обоихъ на срочный трудъ. Они выпустили на свѣтъ шутихи своихъ Ксеній (бичующихъ эпиграммъ), и дали въ нихъ ходъ литературному кулачному праву, занявъ вдвоемъ вершину Парнаса и объявивъ рѣшительно войну заносчивой посредственности, отсталой ветоши и дерзкой недозрѣвшей молодятинѣ. Но тутъ же задумали они

---

* Или, говоря по нынѣшнему, въ гражданскомъ.

** Принимаясь за жалкія эти произведенія, Гёте конечно считалъ себя политически зрѣлымъ человѣкомъ, и считалъ не безъ основанія: но дѣло въ томъ что бываютъ въ исторіи такія эпохи, когда созрѣвшая на одномъ *прошломъ* личность, какъ ни будь она велика̀, сбивается съ толку тѣми совсѣмъ новыми путями, на которые неожиданно вступаютъ судьбы народовъ, не говоря уже о томъ, что опытъ прошлаго собственно и никогда не покрываетъ вполнѣ того, что̀ будетъ.

*** Скоро прекратившійся за недостаткомъ подписчиковъ. Прим. перев.

сами положительныя созданія, и вотъ появились баллады Шиллера, полныя драматическаго движенья, славящія борьбу и торжество идеи въ наглядныхъ изображеніяхъ, — баллады Гёте — картины лирическихъ настроеній души или такія пластически-художественныя произведенія, какъ „Коринѳская Невѣста.“ Потомъ Шиллеръ создалъ „Валленштейна“ и вплоть до ранней своей смерти давалъ по новой крупной трагедіи каждый годъ; Гёте стяжалъ вѣнокъ славы по части эпоса: закончилъ Вильгельма Мейстера, написалъ Германа и Доротею и сверхъ-того двѣ милѣйшія идилліи Алексиса и Дору, и Новаго Павсія.

Если Вертеръ изобразилъ борьбу сердца со свѣтомъ, то „Рабочіе годы (Lehrjahre) Вильгельма Мейстера“ ведутъ насъ школой жизни къ примиренію реальнаго элемента съ идеальнымъ; это — „Одиссейя образованія“, какъ мѣтко говоритъ Геттнеръ, полное приключеній странствіе, благополучно приходящее къ цѣли, хотя бы и случилось достичь ея какъ достигъ Саулъ, который пустился искать отцовскихъ ослицъ, и нашелъ царство. Цѣли у героя собственно нѣтъ, а все вмѣстѣ полно между тѣмъ прекрасной цѣлесообразности; это — исторія образованія такого человѣка, который изъ пустого, неопредѣленнаго идеала постепенно переходитъ въ опредѣленную дѣятельную жизнь, не теряя при томъ идеализующей силы: такъ судилъ объ этой книгѣ Шиллеръ еще въ самое то время, когда поэтъ трудился надъ ея окончаніемъ. Какъ легко и просто начинается романъ, чтобы постепенно вводить насъ потомъ все въ обширнѣйшія и обширнѣйшія сферы, чтобы ставить все болѣе глубокіе вопросы и на дѣлѣ разрѣшать ихъ! Съ представляющихъ свѣтъ, театральныхъ подмостковъ мы переступаемъ на дѣйствительную сцену свѣта; хозяйство и торговля, искусство и житейская мудрость,—все находитъ себѣ здѣсь наглядное воплощеніе и самое мѣткое выраженье; даже и религія высказывается въ исповѣди прекрасной души; только о государствѣ упоминается лишь тогда, когда дѣло доходитъ до платежа налоговъ и пошлинъ, но въ Германіи не было вѣдь ни какого участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, и губительнымъ ужасамъ французской революціи Шиллеръ въ своихъ „Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи“ противопоставилъ гласно, а Гёте молча, то основное начало, что прекрасное свободное государство можетъ возникнуть только отъ прекрасныхъ свободныхъ людей, только — отъ сліянія природы съ культурой въ человѣчное образованіе, гармонически развертывающее индивидуальность, уравнивающее всѣ сословныя разности и ведущее къ достойному человѣка общественному строю. Единство въ романѣ выдержано не слишкомъ строго, композицію можно скорѣе назвать распущенной; поэтъ самъ росъ съ своимъ произведеніемъ, но богатство разнообразія поистинѣ восхитительно: обокъ со смѣющимся мірскимъ разгуломъ мы встрѣчаемъ здѣсь самыя многоскорбныя тайны души, обокъ съ бродяжествомъ Фридриха и Филины единственную въ своемъ родѣ трагику арфиста и Миньйоны; но всѣ различные цвѣта гармонируютъ въ своихъ мягко сливающихся оттѣнкахъ, въ своихъ легкихъ едва-замѣтныхъ переходахъ, а рѣющій надо всѣмъ этимъ веселый юморъ поэта даетъ любой подробности ея мѣру и мелодію; вся земная тяжеловѣсность улетучена, разрѣшена, и мы не нарадуемся прекрасной блазни цѣлаго міра явленій, который развертывается передъ нами вольною гармоническою игрой одушевленныхъ силъ, тогда какъ изъ глубины сердеч-

ныхъ настроеній выливаются звуки очаровательнаго пѣснопѣнія, которыя опять-таки обличаютъ въ поэтѣ величайшій лирическій талантъ и останутся навсегда классичны для поэзіи скорби и неодолимыхъ душевныхъ призывовъ.—Гёте совершилъ здѣсь то, чего самъ онъ требуетъ отъ поэта; вотъ слова его, вообще прекрасно высказывающія эстетическое міросозерцаніе: „Взгляни ты на людей, какъ гонятся они за удовольствіемъ и счастьемъ! И желанія, и труды и деньги,—все стремится у нихъ неустанно, а къ чему? Къ тому, что̀ поэту дано отъ природы, къ тому чтобы услаждаться міромъ, чтобы сочувствовать самому себѣ въ другихъ, къ гармоническому ладу со многими часто несоединимыми вещами. Что̀ тревожитъ людей, какъ не то, что они не умѣютъ сочетать своихъ понятій съ предметами, что наслажденіе незамѣтно уходитъ у нихъ изъ-подъ рукъ, что желанное приходитъ слишкомъ поздно, что все достигнутое и заполученное не производитъ на сердце ихъ того дѣйствія, какого вождѣленіе чаяло и́зъ дали? Словно какого-нибудь бога перенесла поэта черезо все это воля властной судьбы. Онъ видитъ сумбуръ страстей, видитъ семьи и царства въ безцѣльной передрягѣ, видитъ какъ неразрѣшимыя загадки недоразумѣній, которымъ недостаетъ для разгадки какого-нибудь односложнаго лишь словца, порождаютъ крайне пагубныя замѣшательства. Онъ сочувствуетъ всякой скорби, всякой радости въ любой долѣ. Въ то время, какъ свѣтскій человѣкъ бѣдственно волочитъ дни свои, терзаясь меланхоліей о той или другой потерѣ, или съ неудержной радостью спѣшитъ навстрѣчу своей судьбѣ, воспріимчивая легкоподвижная душа поэта идетъ себѣ подобно страннику-солнцу отъ ночи къ дню и незамѣтными переходами подстроиваетъ свою арфу и къ радости и къ горю. Самородно изъ кряжевой почвы его сердца выростаетъ прекрасный цвѣтокъ мудрости, и тогда какъ другіе грезятъ на яву и застращиваютъ себя до смерти чудовищными представленьями, онъ проживаетъ грезу своей жизни въ полномъ бдѣніи, и рѣдчайшія постигающія его встрѣчи кажутся ему вмѣстѣ и прошлымъ, и будущимъ. Вотъ отчего поэтъ въ одно и то же время наставникъ, вѣщунъ-знахарь, другъ боговъ и людей. Герой прислушивается къ его пѣснямъ и побѣдитель свѣта воздаетъ ему честь, чувствуя что безъ пѣвца его чудовищное бытіе пронеслось бы только какъ буря; да и влюбленный, въ свою очередь, желаетъ такъ разнообразно и гармонично прочувствовать свое влеченіе и свое наслажденье, какъ только смогутъ выразить одушевленныя поэзіей уста“.

О Рабочихъ годахъ Вильгельма Мейстера Гиллебрандъ замѣтилъ очень хорошо, что поэтической цыфирью передаютъ они весь итогъ порывовъ и направленій человѣческаго общества въ 18-мъ вѣкѣ, что человѣкъ научается здѣсь становиться человѣкомъ. Фридрихъ Шлегель, обсуждавшій подробно этотъ романъ, высказалъ въ парадоксальной формѣ мнѣніе, что „Наукословіе“ Фихте, французская революція и гётевъ Вильгельмъ Мейстеръ — вотъ три главныя направленія этого вѣка; тогда какъ направленія эти очевидно: самодержавность мыслящаго духа, гражданская и политическая свобода, гармоническое образованіе личности и общества въ единеніи жизни съ искусствомъ. Николаи, въ свою очередь, не дурно обозначалъ ихъ Фридрихомъ Великимъ, картофелемъ и сѣвероамериканскими штатами, то-есть вольномысленнымъ просвѣщеніемъ, заботой о народномъ благоденствіи и свободой; только тутъ конечно ничего не приходилось ужь на долю поэзіи.

Въ „Германѣ и Доротеѣ“ идиллическою темою должно было послужить одно происшествіе, случившееся въ Альтмюлѣ съ выселявшимися изъ Зальцбурга протестантами, а все вмѣстѣ явиться противнемъ къ извѣстной Луизѣ Фосса; но отсюда выросъ у Гёте настоящій эпосъ, великолѣпнѣйшій отголосокъ, какой когда-либо находила себѣ гомеровская поэзія, одинъ изъ перловъ всемірной литературы. Самъ авторъ пишетъ къ Мейеру, что выборъ сюжета необыкновенно счастливъ, что это такая вещь, которая едва ли попадется дважды на одномъ вѣку. Но матерьялъ свой изъ прошедшаго поэтъ передвинулъ въ настоящее, и такимъ образомъ могъ тутъ высказаться безъ удержу и весь. Онъ говоритъ далѣе: „Чисточеловѣчный элементъ въ быту мелкаго нѣмецкаго городка старался я выдѣлить изъ его накипей въ эпическомъ тиглѣ и тутъ же дать отразиться въ этомъ элементѣ, какъ въ маленькомъ зеркальцѣ, великимъ движеніямъ и перемѣнамъ міровой сцены.“ И то и другое ему удалось, такъ что, благодаря фону французской революціи, сфера мелкаго мѣщанства вдвинулась во всемірно-историческую. Національный сюжетъ, взятый непосредственно изъ жизни, пріобрѣлъ полную стиля, классическую форму художественности вовсе не прямымъ подражаніемъ Гомеру, а собственною органическою силою, при чемъ, конечно, Гомеръ имѣлся всегда въ виду; Геттнеръ прилагаетъ къ Гёте то, что̀ Гёте замѣтилъ о Рафа̀элѣ: нигдѣ слишкомъ не уточняя выраженія, онъ чувствуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ какъ Грекъ. Шиллеръ тотчасъ же назвалъ это произведеніе вершиной новѣйшаго искусства, Гёте любилъ его больше всѣхъ другихъ своихъ созданій и никогда не могъ читать безъ особеннаго чувства; уже и при самомъ первомъ чтеніи въ дружескомъ кругу, онъ вдругъ заплакалъ и съ улыбкою сказалъ: Такъ иногда таешь на своихъ собственныхъ угольяхъ. Мы въ самомъ дѣлѣ трогаемся вѣдь тамъ, гдѣ живо ощутимъ въ прекрасномъ такое счастіе, въ которомъ упраздняются всѣ противорѣчія дѣйствительнаго міра, когда сквозь заобычное и повседневное намъ вдругъ проглянетъ общая божественная жизнеоснова всѣхъ вещей, и черезъ это мы сознаѐмъ ихъ достоинство и цѣнность. Въ Германѣ и Доротеѣ мы видимъ въ душевной картинѣ всеобщій поворотъ времени, міровую перемѣну отразившуюся въ домашнемъ кругу; и съ тѣмъ вмѣстѣ все непосредственно-данное здѣсь удивительно первично, ядрено, полно истинной человѣчности. Германскій норовъ и обычай, духъ прочности, самосознательно держащійся во что бы ни стало за насущное добро, хранимый, подкрѣпляемый семейнымъ бытомъ, и духъ движенія, надежно притращивающій новое къ досточтимой старинѣ и ведущій впередъ культурную исторію, бытоі развитіе,—все это изображено здѣсь въ сплошномъ ходѣ дѣйствія такъ просто, благородно и ясно, съ такой искренней сердечностью, въ такихъ естественно-свѣжихъ характерахъ, съ такой наглядностью постепеннаго пластическаго роста, что Вильгельмъ Гумбольдтъ посвятилъ особую книгу развитію законовъ эпоса по Герману и Доротеѣ и ясно показалъ, какъ глубиной содержанія и богатствомъ мысли наверстывается здѣсь то, чего, сравнительно съ Гомеромъ, поэмѣ этой недостаетъ во внѣшнемъ блескѣ и въ объемистомъ величіи сюжета. Все тутъ дѣйствительно, и все въ то же время идеально; ароматъ патріархальной первобытности такъ и вьется около настоящей гражданской жизни. Черезъ все теченіе поэмы ставятся и разрѣшаются во-

просы первостепенной важности. Жажда прогресса и довольство существуютъ рука-о̀бъ-руку; движеніе—законъ міра, а наша собственно задача—упрочивать что̀ должно среди смѣны проходящаго. Наше спасеніе — въ здоровомъ прямодушіи, отстраняющемъ всякую смуту, всякое волненіе, неколебимо стоящемъ за право, но всегда открытомъ любому высшему и лучшему впечатлѣнію. Такъ хранимъ и образуемъ мы свою природу, а то что постигаетъ насъ за предѣлами нашей власти, что̀ предлагаетъ (мимо нашей воли) судьба, то даетъ намъ новый матерьялъ для дѣятельности, то служитъ для нея возбудительною пищей, и кто твердо стоитъ на своемъ прямодушіи, тотъ самъ образуетъ вокругъ себя свой міръ.

Съ этой вершинной точки художническое творчество Гёте стало постепенно идти по̀дгору. Смолоду, изъ смутнаго напора силъ постоянно стремился онъ къ пластической ясности, а зрѣлые годы привели его къ сознанію идеи въ формѣ мысли; но зато фантазія потеряла свою утреннюю свѣжесть, и пластическіе образы стали у него символами понятій; мало того: у него появилась слабость начинять поэзію разнаго рода тайнами и потѣшаться въ загадочныхъ аллегорическихъ маскарадахъ. Чувственная полносочность начала изсякать, а стиль обращался иногда въ манеру какой-то аристократичной искусственности.

Тогда какъ французскіе живописцы и поэты временъ революціи подражали Римлянамъ, Гёте и Шиллеръ все исключительнѣе указывали на образецъ Грековъ, особенно въ журналѣ „Пропилеи". Вольтеровы Могаммедъ и Танкредъ были переведены Гёте, а расинова Федра Шиллеромъ, и на ряду съ шлегелевымъ Іономъ поставлены на сцену. Въ „Ахиллеидѣ" Гёте перешелъ съ отечественной почвы въ гомеровскій міръ; но она такъ и должна была остаться художническою студіей. Въ „Пандорѣ" и другихъ драмахъ вывелъ онъ миѳологическія фигуры носителями своихъ собственныхъ затѣй, а въ „Еленѣ" попытался возпроизвесть формы античной трагедіи. Благодаря тому, что онъ присоединилъ ее послѣ къ Фаусту, это всущности отрывочное подражаніе вошло полноправнымъ членомъ въ цѣльный организмъ; какъ тутъ греческіе ритмы противопоставлены нѣмецкимъ риѳмамъ и какъ потомъ нечувствительно въ нихъ переходятъ, — этимъ онагляживается сочетаніе эллинскаго духа съ германскимъ въ нашемъ образованіи *.

Въ „Побочной дочери" Гёте хотѣлъ изобразить исторію французской революціи въ ея всеобщемъ значеньи,—аристократическія крамолы, народныя смуты, и потомъ примиреніе всего въ лицѣ Евгеніи, которая, попавъ изъ придворнаго круга силою обстоятельствъ въ низшіе слои, является подконецъ спасительницей и посредницей. Все мѣстное и временное просвѣтлено здѣсь въ чисто-человѣчное, но зато и обратилось въ какую-то слишкомъ схематическую идеальность. Мнѣ однакожь не хотѣлось бы безусловно повторить строгій отзывъ Губера: „гладко и холодно какъ мраморъ". Скорбь герцога объ утратѣ дочери, бѣдственное положеніе послѣдней, когда грозитъ

* Безпристрастный иноземецъ увидитъ въ этомъ скорѣе только намекъ поэта на подобное отношеніе, а вовсе ужь не наглядную его картину; да она, правду сказать, и не осуществима. Прим. перев.

ей невольный побѣгъ изъ родного края, переданы поразительно; при этомъ ощущенія и помыслы высказываются съ такою ясной пластичностью, въ такой мѣрно-величавой формѣ, что не даромъ же могучій мыслитель Фихте почиталъ это произведеніе за самый зрѣлый плодъ новѣйшей поэзіи. Но такъ-какъ одна только Евгенія предстаетъ подъ своимъ личнымъ именемъ, а всѣ остальные дѣйствующіе обозначены, кто герцогомъ, кто гувернанткой, кто монахомъ, кто членомъ суда, то здѣсь вообще недостаетъ индивидуальности характеровъ, они слишкомъ уже только типы извѣстныхъ бытовыхъ круговъ и житейскихъ положеній *; да піэса и потому еще не можетъ удовлетворить вполнѣ, что это не завершенное въ себѣ цѣлое, а не болѣе лишь какъ первая часть трилогіи: она только предварительно излагаетъ, даетъ планъ, изъ котораго слѣдовало бы по настоящему развиться конфликту и его рѣшенію.

„Душевныя Сродства“ явились уже по смерти Шиллера; на нихъ видно, до какой степени Гёте былъ сильнѣе въ романѣ, чѣмъ въ драматической поэзіи; это—мастерское произведеніе, въ которомъ созерцающая мысль прокалена еще теплотою чувства; осмотрительная вдумчивость творческаго духа властно уряжаетъ избранный матерьялъ, и искусство достигаетъ рѣдкой высоты въ постоянной овиннословкѣ, въ тонкомъ развитіи характеровъ, равно какъ и въ проведеніи основной мысли. Идея брака въ неприкосновенной ея святости—вотъ душа всего этого созданья; она, какъ роковая мощь, раскрывается въ грозномъ судѣ надъ тѣми, кто ее трагически оскорбилъ. Истинный бракъ долженъ опираться на личную любовь, долженъ неразрывно соединять сродственныя душой натуры. Но Эдуардъ и Шарлотта, которые въ цвѣтущіе ихъ годы всѣмъ казались парною вполнѣ четой, погрѣшили противъ сущности брака тѣмъ, что оба изъ-за внѣшнихъ цѣлей вступили сперва въ такъ-называемыя „приличныя“ супружества, а послѣ, овдовѣвъ, соединились между собой вовсе не по сердечному влеченію, а только по воспоминанію о прошлой связи. И вотъ встрѣчаются имъ теперь личности, впервые удовлетворяющія ихъ до глубины души,—но встрѣчаются слишкомъ поздно. Чета, у которой преобладаетъ ясный разсудокъ, затронута страстью не такъ сильно и преодолѣваетъ ее самоотреченіемъ; но чета, исполненная чувства, Эдуардъ и Оттилія, вполнѣ услаждается чарами осѣтившей ее любви, но вынуждена заплатить за то цѣною земной жизни, съ тѣмъ чтобы, очистясь отъ вины, принадлежать другъ другу въ иной, высшей сферѣ существованія.

Съ того времени Гёте преимущественно отдался научнымъ разысканіямъ, и Тикъ въ правѣ былъ спросить, существовалъ ли когда либо великій человѣкъ, способный и хотѣвшій усвоить себѣ въ такой степени всю сумму человѣческаго образованія. Его художническій геній проявлялся теперь въ изложеніи познаній изъ области естественныхъ наукъ, равно какъ и по части искусства и литературы. Многія изъ свѣтлыхъ и мѣроположныхъ его взглядовъ проведены здѣсь черезо весь мой трудъ, и я приношу ему за нихъ мою

* Не льзя довольно часто напоминать о томъ, что для хода впередъ драмы, равно какъ и для движенія въ исторіи, необходима именно индивидуальная личность, а не тотъ или другой отвлеченный типъ. Послѣдній вѣдь только накопившійся складъ прошлаго, а для драматическаго и историческаго прогресса всегда нуженъ элементъ свѣжей личной дѣятельности, небывалой еще новизны. Прим. перев.

благодарность. Весь душевный складъ наводилъ его больше на природу, на ея тихую и мощную органическую развивчивость, на ея ясно отчеканенныя формы, нежели на исторію и на сокровенно дѣйствующія силы ея движенія. Царство формъ и красокъ естественно влекло къ себѣ художника; морфологія, наука о пластическомъ строѣ животныхъ и растеній, обязана ему многимъ; онъ слѣдилъ строгозаконное развитіе этого строя отъ самаго зародыша, въ постепенныхъ видообразованіяхъ растенія усмотрѣлъ метаморфозы того же все листа, а въ разностяхъ анатомическаго склада животныхъ— только видоизмѣненія по мѣсту и образу жизни все одного и того же общаго основного плана. Загорѣвшійся между Кювьѐ и Жоффруа Сентъ-Илеромъ споръ о постоянствѣ или преобразуемости родовъ и видовъ казался ему важнѣе іюльской революціи, и научную лебединую пѣснь свою посвятилъ онъ великой мысли этого естественно-законнаго развитія одной формы изъ другой въ восходящемъ порядкѣ, которое введено теперь Дарвиномъ въ общее сознаніе и поставлено въ центръ всѣхъ такого рода изысканій *. Гельмгольцъ, самый правомочный судья по части естествовѣдѣнья, подтверждаетъ что именно Гёте принадлежитъ слава предусмотрѣнія верховодныхъ идей по этому вопросу, тѣхъ идей, къ какимъ приводилъ весь ходъ развитія зоологіи и ботаники и какими опредѣляется нынѣшній систематическій видъ этихъ познаній. Иначе вышло съ его „Ученіемъ о цвѣтахъ" и съ полемикой противъ Ньютона. Онъ думалъ, что природа и здѣсь непосредственно раскрываетъ внутреннюю суть въ явленіи; ему претило допустить, что чувственныя ощущенія суть только символы для бытоозначенія предметовъ, какъ письмена и рѣчевые звуки—для словоозначенія вещей, что звукъ и цвѣтъ принадлежатъ только нашему уху и глазу, а внѣ насъ все ограничивается одними лишь темными, беззвучными атомами и движеніями. Попытка его отстоять истинность чувственнаго призрака передъ объясняющею его наукой должна была остаться безуспѣшною. Но это не помѣшало какому - нибудь Александру Гумбольдту удивляться живому чувству природы, которымъ проникнуты всѣ созданія Гёте, и пѣсни, и Метаморфоза растеній, и Вертеръ, и Воспоминанія объ Италіи, это не помѣшало ему признать, что ни кто изъ современниковъ не вызывалъ краснорѣчивѣе его, возобновить тотъ союзъ, который въ юношескую пору человѣчества такъ дружно смыкалъ философію, естествовѣдѣніе и поэзію.

Въ исторіи Ученья о цвѣтахъ Гёте далъ безподобный доселѣ образецъ, какъ можно и должно излагать нѣчто спеціальное въ связи со всеобщимъ развитіемъ культуры; мы совершаемъ у него прогулку по всемірной исторіи, знакомясь съ теоріей цвѣтовъ изъ различныхъ ся произведеній. Такое же историческое мастерство показалъ Гёте въ своей собственной біографіи; это былъ первый примѣръ настоящей исторіи литературы. Онъ назвалъ ее „Правдой и поэзіей" не въ томъ смыслѣ, чтобы съ помощію разныхъ выдумокъ онъ хотѣлъ изъ своей жизни сочинить романъ, но сознавая, что каждый невольно

---

* Не надо только забывать, что это измышленный съ точки зрѣнія прогрессивнаго развитія научный идеалъ, а вовсе не вполнѣ исчерпывающее объясненіе наличной, сущей дѣйствительности. Прим. перев.

уряжаетъ, толкуетъ, преобразовываетъ себѣ въ воспоминаніи все пережитое и прошлое, что одно только искусство поэта всилахъ онаглядить внутреннюю жизнь въ тѣсной связи ея со внѣшнею обстановкой. Конечно, тутъ были указаны нѣкоторыя ошибки въ частностяхъ, да и вообще настроеніе и тонъ молодыхъ лѣтъ поэта лучше открывается намъ изъ тогдашнихъ писемъ. Гёдеке, въ своей превосходной біографіи Гёте, тщательно исправилъ ошибки по современнымъ источникамъ, но къ этому присовокупилъ самъ: „Кто изъ Правды и Поэзіи захочетъ извлечь жизнеописаніе Гёте, тотъ рискуетъ запутаться чуть не на каждомъ шагу въ неисходную плетеницу безпрестанно обрывающихся нитей; но кто не погонится за цѣлостью любой нити въ одиночку, а переработавъ въ себѣ весь внѣшній матерьялъ современной литературы, писемъ и мемуаровъ приступитъ съ такой подготовкой къ Правдѣ и Поэзіи, тотъ непремѣнно отдастъ пальму первенства изумительному совершенству этой ожившей передъ нами жизни и скажетъ заодно съ Якоби, что правда этой поэзіи часто выходитъ правдивѣе самой правды.“

Юношею, Гёте стаивалъ въ восторгѣ передъ страсбургскимъ мюнстеромъ, какъ зрѣлый мужъ онъ преисполнился въ Италіи Древностью и Возрожденьемъ, онъ былъ посвященъ въ ихъ словомолвцы, въ ихъ ораторы. Наклонность и охота вдумываться въ античное и новое искусство, въ такихъ вожаковъ послѣдняго, каковы Микель-Анджело и Рафаэль, живо ютились вокругъ него между людьми, вродѣ Фернова, Морица, Мейера; и такъ-какъ поэтъ нашелъ здѣсь полное наглядное утоленіе своей жаждѣ къ совершенству, то онъ хотѣлъ чтобы и настоящая пора примкнула къ этимъ вершиннымъ точкамъ художества, и рѣшительно противусталъ романтической живописной молодежи, когда она воротилась къ зачаткамъ староиѣмецкаго и староитальянскаго искусства и избрала себѣ благочестиво-слабосильный путь. Онъ воздвигъ Винкельману и его вѣку литературный памятникъ, и его Пропилеи, издаваемыя имъ безсрочно книжки Объ искусствѣ и древности, дѣйствовали въ этомъ духѣ и дальше. Но когда Буассерѐ внушилъ ему любовь къ произведеніямъ родного искусства изъ школы ванъ-Эйка, то Гёте самъ радовался уже силѣ Корнеліуса и указывалъ ей дорогу къ красотѣ. Для сужденія объ искусствѣ въ Германіи мысли его были можно-сказать мѣроположны, и нынѣ, послѣ всѣхъ романтическихъ односторонностей и крайнихъ увлеченій, умъ его горитъ опять какъ ясная звѣзда, на которую не мѣшало бы поглядывать новому реализму!

Думы и мысли Гёте выразились не въ доказательныхъ философскихъ произведеніяхъ, но въ цѣлой безднѣ правилъ и размышленій, которыя постоянно будутъ возвышаться въ цѣнѣ, чѣмъ болѣе на философію станутъ смотрѣть какъ на уразумѣніе дѣйствительности въ ея коренной основѣ, общей связи и цѣли, нежели какъ на вынрядку извѣстной системы изъ какихъ - нибудь отдѣльныхъ положеній, принятыхъ зря, по субъективному убѣжденію. Такимъ помысламъ любилъ онъ придавать и поэтическую форму; старческую свою жизнь онъ изложилъ такимъ образомъ въ мудрыхъ изреченіяхъ, которыя собралъ подъ названіемъ ручныхъ или смирныхъ Ксеній (въ противоположность прежнимъ, язвительнымъ).

Широко поживъ на свѣтѣ,
Съ честнымъ замысломъ въ предметѣ,
Все кой-что открыть, дознать,
То, другое основать,
Дѣлъ вконецъ не порѣшая,
Но ихъ часто округляя,
Вѣрно старое храни,
Дружно новое маня,
Съ ясною всегда душою,
Чистымъ цѣлямъ отпертою,—
Такъ не мудрено ни чуть
Перейдти не близкій путь.

Настоящею задачей жизни было для него—всегда приходить къ чистому расчету съ самимъ собой:

Когда твое вчера передъ тобою ясно,
Ты ныньче въ дѣйствіяхъ свободенъ и могучъ,
Да можешь уповать и, право, не напрасно,
Что завтра для тебя пройдетъ безъ грозныхъ тучъ.

Твердо полагаясь на прогрессивный ходъ своего образованія, онъ видѣлъ тайну вѣчной юности въ безпрерывномъ, неустанномъ развитіи, и смѣло могъ сказать:

Какъ не боишься ты? Враги со всѣхъ сторонъ
Тебѣ грозятъ въ ожесточеньѣ!
Ну, этимъ я не слишкомъ устрашонъ;
Я отдаю имъ кожу на съѣденье,
Которую сейчасъ лишь сбросилъ, какъ змѣя;
А только наростетъ на мнѣ другая,
Какъ разъ и эту сброшу я:
Вѣдь новая и молодая
Ее смѣнитъ, и въ свѣжій сонмъ боговъ
Я, возродясь, вступить готовъ.

Лирика была основнымъ тономъ всей его поэзіи; оттого и держалась она у него всего долѣе и всего чище, такъ что и въ ранней молодости и въ поздней старости она приносила ему блистательнѣйшія изъ побѣдъ. Отъ непріятностей тогдашнихъ европейскихъ отношеній охотно обратился онъ къ Востоку, пролагая потомкамъ путь и здѣсь, съ тѣмъ чтобы подышать патріархальнымъ воздухомъ въ томъ краѣ, гдѣ люди, принимая небесныя поученія на земныхъ же однако языкахъ, не ломали себѣ головы надъ ихъ толкованіемъ и разъясненьемъ. Заодно съ персидскими поэтами онъ видитъ во всемъ сущемъ откровеніе вѣчноединаго, и это доставляетъ ему безпечальную ясность и спокойствіе души; увѣренный въ окончательномъ торжествѣ добра, поетъ онъ передъ совершающимися на глазахъ у него мерзостями и подлостями: Вихрь степной и грязь сухая пусть крутятся и пылятъ! Въ промежуткѣ звучатъ у него сладчайшія пѣсни любви, возбужденныя отчасти г-жею Виллемеръ во Франкфуртѣ, которой принадлежитъ Пѣсня къ западному вѣтру. Гёте приравниваетъ себя свѣчѣ, „что̀ свѣтитъ людямъ изводяся"; онъ славитъ блаженную жажду живыхъ къ огненной смерти, къ просвѣтлѣнію и духовному воскресенью:

Смыслъ этихъ словъ: Умри, чтобъ быть! пока не ощутишь душою,
Печальнымъ гостемъ будешь ты дотоль за трапезой земною.

Онъ былъ въ правѣ первый заговорить о начинающейся всемірной литературѣ, когда увидѣлъ, какъ вліянія, принятыя Германіей отъ Англіи, Франціи, Италіи, оплачиваются распространеніемъ его созданій и германскаго вообще духа въ тѣхъ краяхъ, какъ приносятъ ему дань своего удивленія Байронъ и Манцони, какъ геніальная французская молодежь, имѣвшая своимъ органомъ журналъ Globe, образовалась подъ его руководствомъ, какъ она его славила, какъ онъ вездѣ былъ признанъ царемъ между европейскими поэтами; онъ радовался, что въ этомъ великомъ переселеніи идей Германецъ сталъ отнынѣ болѣе дающимъ нежели пріемлющимъ.

Наконецъ, Гёте приступилъ къ завершенію тѣхъ двухъ произведеній, которыя сопровождали его во всю жизнь,—къ завершенію Вильгельма Мейстера и Фауста. За „Рабочими годами" въ Мейстерѣ послѣдовали „Годы странствія". Они озаглавлены еще сверхъ-того „Самоотверженные", и конечно, ожидающимъ отъ нихъ того же чисто-поэтическаго наслажденія, какъ отъ перваго романа, пришлось бы вступить въ союзъ самоотверженныхъ. Рядъ повѣстей, въ томъ числѣ и превосходныхъ, сшитъ здѣсь на живую нитку, какъ и прежде въ Разговорахъ между эмигрантами; нитку эту составляетъ дума, охватывающая собой прошлое и будущее общественной жизни. Идея, какъ и во второй части Фауста, преобладаетъ здѣсь надъ явленіемъ, но и здѣсь какъ тамъ она глубока и прекрасна. Гармонически образованные люди должны теперь оказать на дѣлѣ свою силу и свой талантъ на пользу общества, должны своимъ союзомъ породить новое свободное государство. Вильгельмъ становится хирургомъ, Филина—закройщицей; потому-что облагороживаетъ насъ только трудъ, и человѣкъ только тогда дѣлается счастливымъ, когда неопредѣленное его стремленіе само поставитъ себѣ предѣлы. Собственность и общее благо! Единичное лицо должно имѣть собственность и пріобрѣтать, для полученія возможности дѣйствовать другимъ на пользу.

И въ Фаустѣ не предстаетъ намъ замкнутаго въ себѣ художественнаго цѣлаго, которое, держась на единствѣ душевнаго настроенья, удовлетворяло бы насъ равномѣрностью обдѣлки и исполненія; это скорѣе — поэтическій дневникъ жизни Гёте, куда онъ занесъ сладостнѣйшія изъ своихъ чувствъ и глубочайшіе изъ своихъ помысловъ, самое рѣзкое лезвее отрицанія и самые неудержные прорывы вдохновенья. Вотъ почему книга эта стала чѣмъ-то вродѣ свѣтской библіи; отрывочность возникновенія придаетъ каждому ея клочку необыкновенную силу и прелесть, но часто и оставляетъ эти клочья безъ всякой связи, не заботясь чтобы одно выходило изъ другого, а все—изъ того же сплошь основного настроенія. Впослѣдствіи Гёте справедливо не хотѣлъ переплавлять первоначальныхъ отливковъ: они были слишкомъ уже сильны, да и слишкомъ хороши; ему пришлось бы разстроить самые чудные естественные звуки своей юношеской поэзіи; онъ предпочелъ match низывать къ нимъ перлы мужественно-зрѣлыхъ мыслей въ художнически-законченномъ выраженіи, до тѣхъ поръ пока въ старости его стиль утратилъ свою чувственную свѣжесть и, правда, наружно украшалъ внутреннюю сушь странно-преувеличенными вычурами и затѣями, но уже не всилахъ былъ

вызвать изъ нея зеленой листвы. Въ первой части поэтъ самъ дорабатывается еще до чистаго и яснаго познанія, а во второй сознаніе добытой уже истины паритъ поверхъ драматическихъ фигуръ; первая часть очевидно выросла, вторая надумана рефлекціей; оттого тамъ больше непосредственности, страсти и поэзіи чувства, тогда какъ здѣсь лица скорѣе символичны чѣмъ индивидуальны; это—представители понятій, направленій, даже цѣлыхъ міровыхъ эпохъ, и въ нихъ больше высказывается уже спокойное только размышленіе. Первая часть оттого такъ сильно овладѣваетъ сердцемъ, что тутъ индивидуальная жизнь ума и души выведена въ борьбѣ съ важнѣйшими вопросами, въ полномъ ублаженіи ея любовью, въ сокрушеніи глубочайшей скорбію, тогда какъ вторая представляетъ объективныя отношенія и побыты въ какихъ движется человѣчество вообще и въ какіе единичное лицо попадаетъ мимовольно: оттого поэтъ и старается обиліе и вѣскость матерьяла одухотворить здѣсь въ маскарадныхъ играхъ или онаглядить свои мысли въ символахъ; причемъ однакожь все-таки выливается у него бездна поэтическихъ красотъ въ величавой композиціи и въ самой идеѣ цѣлаго.

Гёте въ Фа̀устѣ стоитъ равноправно и своеобразно въ ряду величайшихъ созданій глубокомысленной поэзіи, каковы Іовъ и Промеѳей, Божественная Комедія, Чудодѣйный Магъ; подобно имъ оправдываетъ онъ Провидѣніе, нравственный міропорядокъ, и изъ мрака, сомнѣнія и грѣха ведетъ къ свѣту, спокойствію, примиренью. Вотъ почему я упоминалъ объ немъ уже и тамъ и, по поводу Данте и Кальдерона, именно поставлялъ на видъ, что сынъ 18-го вѣка, Гёте, не опирается уже такъ беззавѣтно, какъ они, о прочную скалу народнаго религіознаго воззрѣнія, а смѣло становится на свободу личнаго духа, хотящаго развить изъ себя всю истину. Въ особомъ изданіи Фауста я такъ подробно изложилъ исторію этого произведенія, смыслъ каждой частности и значенье цѣлаго, что здѣсь могу ограничиться только указаніемъ на свой прежній трудъ. Замѣчу одно: оно вполнѣ вышло изъ глубины германскаго духа; на Фа̀уста и на Мефистофеля можно рѣшительно смотрѣть какъ на отголосокъ миѳолочическихъ фигуръ Оди́на и Ло̀ке, то-есть бога бурнаго движенія, вдохновенія и вѣдѣнья обокъ съ иронически-отрицающимъ и всеизводящимъ бѣсомъ.

Такъ-какъ Гёте всегда поэтически обработывалъ свои собственные переживы, то сказаніе о Фа̀устѣ послужило ему сосудомъ для того, чтобы влить въ него испытанную самимъ поэтомъ идеальную жажду человѣка къ безконечному среди тѣсныхъ границъ конечнаго существованья, изобразить то жизненное противорѣчіе, которое онъ то скорбно чувствовалъ, то юмористично побѣждалъ, со всѣми его страстными порывами, разрѣшить и выяснить себѣ задачу, да при этомъ и самому выйдти съ ней на чистоту. Старинный волшебникъ съ его проказами превратился у него въ носителя волшебной силы фантазіи, мощи генія, который хочетъ слѣдовать только одному влеченью собственнаго сердца. Гёте по опыту зналъ опасности воображенія, но какъ въ нравственной своей волѣ онъ носилъ сознаніе торжества надъ всѣми соблазнительными его чарами, то для него было ясно, что и Фа̀устъ непремѣнно долженъ быть спасенъ. Подобно дантовой Божественной Комедіи, Фа̀устъ—поэтическая автобіографія и вмѣстѣ всемірное произведенье. Какъ въ своей Комедіи Дантъ, поэтъ совершенно личный, съ огненной своей

душой, становится центромъ своихъ политическихъ и религіозныхъ опытовъ и стремленій, да вмѣстѣ однакожь и представителемъ человѣчества, которое изъ ада удаленія отъ Божества и изъ грѣховной бездны восходитъ горой очищенія и поднимается до правды и блаженства въ Господѣ, — такъ точно и Фаустъ, полный души мыслитель, съ его страданіями, борьбами и радостями, есть символъ гётева развитія и вмѣстѣ драма внутренняго человѣка, который, правда, завлеченъ свободою въ вину, но который въ упорномъ стремленіи къ истинѣ, благодаря счастію и мѣрѣ красоты, становится самосознательнымъ добротворцемъ, усерднымъ дѣятелемъ на пользу общую, примиряется съ нравственнымъ міропорядкомъ и входитъ въ царство божіей любви. Идея, съ которою поэтъ носился и которую обработывалъ шестьдесятъ лѣтъ, это — свобода духа, который можетъ порвать узы внѣшняго авторитета и твердо опереться на самого себя, не лишаясь за то благодати божіей,—духа, который можетъ сочетать мудрость съ наслажденіемъ и изъ глубины заблужденія и грѣха наконецъ достигнуть искупленья. Онъ чтитъ Бога тѣмъ, что владѣетъ и располагаетъ собой по крайнему разумѣнію. Для того чтобы онъ хорошо жилъ по собственной своей волѣ и самъ уготовлялъ себѣ судьбу, дана ему возможность дѣлать зло, какъ противорѣчіе и соблазнъ, которые онъ долженъ одолѣть собственною силой. Изъ уединенія ученаго кабинета Фаустъ вступаетъ сначала въ кружки домашней жизни, потомъ изъ частныхъ отношеній переходитъ въ сферу государственной дѣятельности; нигдѣ его идеальная природа не даетъ отвлечь себя отъ высокой своей цѣли, всесторонняго жизнезавершенія, но вездѣ осталась она неудовлетворенною, потомучто присущая ей сила всегда смѣшивала свободу съ необузданностью и не нашла еще надлежащей себѣ мѣры. Это осуществляется наконецъ только супружествомъ Фауста съ Еленою, идеаломъ красоты, которая служитъ символомъ воспринятія древности въ новое наше образованье. Сцены эти, съ одной стороны, отражаютъ въ себѣ собственное развитіе Гёте, благодаря путешествію въ Италію и изученію антика, а съ другой онѣ указываютъ на тотъ путь, которымъ народъ нашъ черезъ эстетическое воспитаніе идетъ къ политической свободѣ и къ государственному величію. Отнынѣ Фаустъ покидаетъ безцѣльность бурныхъ стремленій, и находитъ покой и счастіе въ трудѣ, идущемъ прямо къ цѣли блага человѣчества. Онъ сознаетъ, что

Послѣдній выводъ мудрости таковъ:
Свободы, жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто ежедневно ихъ стяжать трудомъ готовъ.

Въ сознаніи, что онъ сдѣлалъ кое-что добраго для современниковъ и потомства, что онъ стоитъ теперь съ свободнымъ народомъ на свободной почвѣ, онъ вырвался изъ-подъ власти духа отрицанія, рѣшительно примкнулъ къ нравственному міропорядку, и соотвѣтственное Небесному Прологу воспринятіе его въ ликъ блаженныхъ налагаетъ на его дѣла и помыслы печать вышней благодати. Какъ Господь сказалъ Лукавому, что и въ смутныхъ стремленіяхъ добрый человѣкъ все-таки выйдетъ на хорошую дорогу, такъ теперь хоры ангеловъ торжественно поютъ:

Членъ благородный міра духовнаго нынѣ отъ зла искупленъ!
Всѣхъ мы спасаемъ, кто честнымъ стремленіемъ въ жизни къ тому приведенъ.
Еслижь при этомъ и милость Всевышняго руку любви простретъ въ помощь ему,
Гостемъ желаннымъ онъ тогда явится лику святыхъ и блаженныхъ всему.

Гёте съ самого начала поставилъ духъ природы на мѣсто дьявола, съ тѣмъ чтобы тотъ далъ Мефистофеля въ товарищи Фа̀усту; этого не измѣнилъ онъ и послѣ, когда написалъ Небесный Про̀логъ и вывелъ въ немъ самого Бога по образцу библейскаго Іова. Но Богу угодно, чтобы ради свободы, какъ необходимаго условія добра, любви, возможно было и все тому противное, соблазнъ на зло, заблужденіе въ стремленьяхъ человѣческихъ. Относительно композиціи цѣлаго, надо обратить вниманіе на то, что сперва Господь и Мефистофель спорятъ объ закладъ, удастся ли послѣднему отвлечь Фа̀уста отъ его Первоисточника. Дальше слѣдуетъ другой споръ объ закладъ между Фа̀устомъ и Мефистофелемъ, и въ немъ должно различать два разные момента. Фаустъ закладываетъ свою душу не безусловнымъ образомъ: если они снова встрѣтятся въ иномъ мірѣ, тогда только Фа̀устъ на вѣки будетъ слугой Мефистофеля; но встрѣтятся ли они тамъ дѣйствительно, это вѣдь зависитъ отъ того, насколько Фа̀устъ удалится отъ своего идеальнаго стремленія и подпадетъ низкому, противобожественному элементу. Только черезъ это все цѣлое становится истинно-драматичнымъ. При этомъ Фа̀устъ говоритъ, что часъ, когда онъ почувствуетъ и заявитъ себя удовлетвореннымъ, долженъ быть часомъ его смерти; жить и стремиться для него одно. Гёте и соблюлъ это во всей точности. Но не среди чувственнаго разгула, даже не въ радости на красоту и не при видѣ вѣчныхъ сущностей, не въ объятіяхъ Гретхенъ или Елены и не въ царствѣ Матерей, а только при совершеніи добра, при полномъ любви дѣйствіи на общую пользу, ради человѣчества, онъ говоритъ летучему мгновенію: Да, погоди же, ты такъ хорошо! Это и есть послѣдній его мигъ; часы вдругъ остановились. Первое условіе договора выполнено. Но духу отрицанія не удалось стянуть героя внизъ; напротивъ, онъ все больше и больше добивался вольнаго простора, сдѣлалъ самого Мефистофеля подслужнымъ благородной своей цѣли, и именно въ часъ смерти примкнулъ всей волею и дѣятельностью къ нравственному міропорядку, сталъ самосознательнымъ звеномъ царства божія. Это подтверждается напоминающимъ Данта принятіемъ его въ ликъ блаженныхъ душъ. Адскимъ звукамъ и похотямъ Лукаваго противустоятъ здѣсь чистые небесные духи съ милыми ихъ пѣснями, и Гретхенъ, первая его любовь, становится просвѣтленною Беатриче, и тянетъ его къ небу. Господь выигралъ закладъ, задача рѣшена наглядно: Фа̀устъ, смѣлый и великій своимъ стремленіемъ къ истинѣ и къ свободѣ, увлекся въ заблужденіе и вину, но созерцаніемъ красоты постепенно обрѣлъ мѣру и ясность для своихъ поступковъ, а потомъ, творя добро, заслужилъ себѣ примиреніе съ Богомъ и небожительство. Стройное согласіе свободныхъ духовъ въ царствѣ любви божіей,—вотъ начало и цѣль всякой жизни.

Гёте не только совмѣстилъ здѣсь поэтически всѣ лучшіе добытки знанія своего вѣка; но надо притомъ сказать, что первая часть Фа̀уста и съ эстетической стороны принадлежитъ къ прекраснѣйшему, что̀ когда-либо создано искусствомъ. Контрастъ фаустовой самородной геніальности съ сухой

ученостію Вагнера, и его идеалистической души съ рѣзкою разсудочною ироніей Мефистофеля, весь характерный складъ этого плута изъ отрицательныхъ духовъ, потомъ любовныя сцены съ Гретхенъ, исторія ея сердца впротивень умственной исторіи ея милаго, наивная краса ея души и среди упоеній страсти, и подъ ударами тягчайшей скорби, даже въ помѣшательствѣ ея, какъ мимовольной убійцы своего ребенка и своей матери, — краса, которой нравственное благородство таково, что и изъ глубины нашей груди вырывается невольнымъ крикомъ голосъ свыше, возвѣщающій ей спасеніе,— все это такой великій поэтическій подвигъ, который не только не уступитъ шекспировскимъ даже и въ драматической энергіи, но можно-сказать идетъ еще дальше, какъ единственное въ своемъ родѣ сочетаніе благороднѣйшей лирики души съ самымъ зрѣлымъ идеальнымъ содержаньемъ. Это и до сихъ поръ недосягаемая вершина германской поэзіи. Только именно въ эпоху самосознательнаго духа могъ быть сочиненъ Фаустъ, и онъ донынѣ остается геніальнѣйшимъ ея созданіемъ.

По поводу Вильгельма Мейстера и Фауста всего ближе сказать нѣсколько словъ о политическомъ и религіозномъ міросозерцаніи Гёте. Онъ хотѣлъ сочетанія свободы съ порядкомъ въ спокойномъ образованіи: оттого насильственный взрывъ французской революціи пришелся ему очень не по душѣ. Но въ борьбѣ противъ нея въ Шампани онъ увидѣлъ собственными глазами всю слабость Германіи, а когда потомъ распалась Нѣмецкая имперія, на него сильно подѣйствовало демоническое величіе Наполеона, и онъ попалъ на мысль о союзѣ народовъ подъ его водительствомъ. Онъ стоялъ на порогѣ дряхлой старости, когда вспыхнула война за освобожденіе Европы. „Какъ мнѣ было взяться за оружіе безъ ненависти, какъ мнѣ было ненавидѣть безъ юности? Писать военныя пѣсни, сидя у себя въ комнатѣ? Другое дѣло —стоя на бивакѣ, гдѣ ночью слышно конское ржаніе съ непріятельскихъ форпостовъ, отъ этого бы я не прочь?“ Таковъ былъ собственный его отзывъ. Но, передъ собой, онъ видѣлъ только шатость кабинетовъ, а не народное одушевленіе, и боялся что для Германіи все дѣло ограничится одною перемѣной господина, если ей даже и удастся въ союзѣ съ Башкирами и Хорватами одолѣть Францію; и, на бѣду, онъ былъ тутъ совершенно правъ. Однакожь, когда его вызвали сочинить либретто торжественнаго представленія по случаю побѣды, то въ „Пробужденіи Эпименида“ онъ могъ вложить въ уста послѣднему прямо отъ себя:

Но я стыжусь часовъ отдохновенья,
Мнѣ лучше было бъ съ вами пострадать;
Вы вынесли всѣ скорби угнетенья,
И тѣмъ вы надо мной успѣли выше стать.

Впослѣдствіи не могъ онъ войдти во вкусъ конституціонныхъ передрягъ въ мелкихъ державахъ, * но надѣялся на объединеніе Германіи посредствомъ общаго ей войска и общихъ бытовыхъ связей. Посѣтивъ Гёте въ 1817-мъ го-

* Крупныя, какъ извѣстно, не допускали у себя тогда и мысли о конституціи.
Прим. перев.

ду, Варнхагенъ писалъ слѣдующее: „Онъ только раньше и скорѣе видитъ вещи такъ, какъ большинство увидитъ ихъ впослѣдствіи. Онъ ужь отдѣлался отъ многаго, чѣмъ мы и теперь еще себя мучимъ. И сказать, что Гёте не патріотъ? Да онъ самый истый патріотъ, какіе когда-либо бывали! Въ груди его давно уже совмѣстилась вся свобода Германіи и стала здѣсь, въ несказанное для всѣхъ насъ благо, образцомъ, примѣромъ, стволомъ нашего образованія. Всѣ мы ходимъ подъ тѣнью развѣсистаго этого дерева. Никогда ни какіе корни не проникали крѣпче и глубже въ родную нашу почву, ни какія жилы не тянули въ себя сильнѣе и неустаннѣе соковъ изъ сердцевиннаго ея нутра". Не покидая этого образнаго выраженія, мы можемъ предоставить дальнѣйшее слово Генриху Гейне: „Старовѣрамъ и правовѣрамъ было, пожалуй, досадно, что въ стволѣ высокаго дерева нигдѣ не виднѣлось кіота съ образкомъ, и имъ очень бы хотѣлось подрубить чудный этотъ дубъ священною сѣкирой; нововѣры и либералы сердились, напротивъ, что не льзя употребить этого дерева для баррикадъ, да не льзя и надѣть красной шапки на его вершину; но всѣ здравомыслящіе чтили его тѣмъ не менѣе отъ всей души: такъ оно было самостоятельно-прекрасно, такъ мило наполняло цѣлый міръ своимъ благоуханіемъ; казалось, сами звѣзды небесныя всѣ только плоды этого дивнаго великана".

Какъ глубоко Гёте, всегда болѣе заботясь о сущности нежели о формѣ, лелѣялъ въ сердцѣ и старался наглядно разрѣшать именно соціальный вопросъ, — вопросъ о свободѣ, благоденствіи и образованіи человѣчества, на это первая указала Рахель, это изслѣдовалъ Варнхагенъ „въ смыслѣ странниковъ переселенцевъ", это подробно изложили Карлъ Грюнъ и Александръ Юнгъ въ особо посвященныхъ тому сочиненіяхъ. Еще въ „Рабочихъ годахъ" Вильгельма Мейстера въ уста престарѣлой Варварѣ вложенъ скорбный вопль безпріютныхъ и бѣдняковъ, и тамъ уже раздается жалоба, что намъ не даютъ совершить многаго, что само по себѣ возможно, что любой новорожденный вступаетъ въ заграбастанный до него міръ, стѣсняющій пришельца на каждомъ шагу кучами мертваго хлама и изстари ведущимися преградами. Но не насиліемъ и ужасами революцій, а вразумленіемъ и доброжелательствомъ надо прійдти къ лучшимъ условіямъ людского быта; возвышать и облагороживать существующее, исправлять и гармонизовать міръ, идти впередъ путемъ самороднаго развитія,—вотъ что было основнымъ началомъ поэта и конечною его цѣлію: каждому въ земномъ, матерьяльномъ быту предоставить надлежащую долю обладанія и наслажденія насущными благами, а въ жизни умственной и душевной, гдѣ столь многое останется навсегда невозможнымъ, освободить отъ хрупкихъ цѣпей то, что хоть и возможно, да заказано. Призваніе и способность опредѣляютъ и облагороживаютъ любую отросль дѣятельности; воспитаніе развиваетъ природные таланты, и общество должно каждому предоставлять развиваться по своему; всякому труду почетъ, ремесло и искусство идутъ вѣдь одно за другимъ очень близко; въ подходящихъ супружествахъ разности сословій легко покрываются любовью, и совершенно исчезаетъ приниженіе женщины; дѣятельность ея даже возвышается до свободно-жрической благотворности; новая, справедливѣйшая оцѣнка вещей и способностей, свѣжее чувство красоты и добра, открываютъ путемъ обширной и благоустроенной ассоціаціи, союзомъ попол-

няющихъ другъ друга личностей, богатую перспективу человѣчества, поступательно идущаго въ трудѣ, образованiи и нравственномъ улучшеньи. Кто сообразитъ все это, тотъ пойметъ, какъ Карлейль могъ сказать: „Французская революцiя — событiе важное, но, какъ ея дополненiя и ея умственные экспоненты, важны для меня также поэтъ Гёте и нѣмецкая литература. Когда старая свѣтская жизнь сгорѣла въ огнѣ до тла, развѣ не находимъ мы въ нихъ пророчества и зари другой болѣе благородной и свободной жизни? Вопросъ: можетъ ли человѣкъ жить благочестиво, и однакожь безъ узкосердiя и слѣпоты, въ неодолимой стойкости за право, и однакожь безъ бурной горечи противъ неправыхъ, жить, наконецъ, какъ античный герой, и однакожь со всей многосторонностью, со всей усложненной талантливостью новѣйшаго человѣка? — этотъ вопросъ уже пересталъ теперь быть вопросомъ, это — несомнѣнный фактъ, нѣчто видимое нами воочiю".

Въ религiозномъ отношенiи, въ виду вѣроисповѣдныхъ догмъ, Гёте называлъ себя отъявленнымъ нехристомъ; но онъ высоко чтилъ Евангелiе и носилъ въ душѣ истинную религiозность. Онъ, между прочимъ, говоритъ:

Въ душевной чистотѣ есть завсегда стремленье
Изъ благодарности саму себя отдать
Кому-то высшему, кого, при неумѣньи
Назвать его, мы все жь хотѣлибъ разгадать.
Подъ благочестiемъ мы понимаемъ это.

А баллада о Богѣ и Баядерѣ не явно ли напоминаетъ слова Iисуса Христа?

Раскаяннымъ въ грѣхахъ Богъ съ радостiю внемлетъ,
И сонмъ безсмертныхъ силъ, рукою огневой,
Дѣтей заблудшихъ самъ на небеса подъемлетъ.

Гёте твердо стоялъ въ познанiи живого Бога, открывающагося въ природѣ и въ исторiи, въ немъ же мы живемъ, движемся и есьмы. Оттого и хотѣли выдать его за пантеиста въ обычномъ смыслѣ слова, какъ будто Богомъ былъ для него мiръ. При этомъ забывали, что онъ еще въ Вертерѣ говорилъ о блаженствѣ существа, все изъ себя порождающаго собственною силой, тогда какъ, напротивъ, море жизни, гдѣ все сущее безцѣльно колышется туда и сюда будто волна по безсознательному и безлюбному закону, — наводило на него страхъ и даже ужасъ, какъ вѣчно поглощающее и вѣчно пережевывающее чудовище. Но, разумѣется, онъ не подѣлялъ Бога съ мiромъ въ томъ смыслѣ, какъ дѣлаетъ это обыкновенный деизмъ.

Что жь былъ бы то за Богъ, толкающiй извнѣ,
Какъ бы вокругъ перста вселенную ведущiй!
Нѣтъ, мiромъ движетъ онъ внутри и въ глубинѣ,
Въ себѣ природу всю, и въ ней себя блюдущiй,
Да все, чтò въ немъ ни есть, ни дышетъ, ни ростетъ,
И духъ его и мощь въ себѣ всегда несетъ.

Всеобъемлющiй, вседержитель не объемлетъ ли, не держитъ ли онъ тебя, меня, самого себя? Да, и самого себя, — сказано въ фаустовомъ испо-

вѣданіи вѣры; Богъ во всемъ и надо всѣмъ вездѣ присенъ самому себѣ, вездѣ онъ—сердце вселенной, вездѣ—всезавершающая собой любовь.

И въ нашемъ собственномъ духѣ Гёте признавалъ сущность неистребимую, вѣчно дѣятельную, которая, какъ солнце, заходитъ только для земныхъ нашихъ глазъ, но все попрежнему сіяетъ неустанно. Убѣжденіе въ посмертномъ нашемъ бытіи вытекало у него изъ понятія дѣятельности: „вѣдь если я безпрерывно дѣйствую до конца, то природа обязана же надѣлить меня иною формою существованія, какъ скоро нынѣшней больше неподсилу выдержать духъ мой". И когда престарѣлая подруга его молодости, Августа Штольбергъ, письменно увѣщевала его обратить сердце и взоры къ тому, кто такъ охотно дается ищущему его человѣку, тогда, только что оправясь отъ тяжкой болѣзни, онъ воздалъ благодареніе Всевышнему и писалъ за тѣмъ такъ: „Когда вѣчное присуще намъ ежеминутно, то мы не страдаемъ и во временномъ. Честно, всю жизнь свою, относился я и къ себѣ и къ другимъ, и во всѣхъ земныхъ дѣлахъ и помыслахъ всегда обращалъ взоръ къ Высшему; Вы и близкіе Вамъ люди поступали такъ же. Такъ будемъ же такъ дѣйствовать и впередъ, пока свѣтитъ для насъ солнце; оно будетъ сіять потомъ и для другихъ, и они покажутъ себя при его свѣтѣ, а насъ озаритъ тогда другой, болѣе ясный свѣтъ. Въ царствѣ нашего Отца многое множество областей и участковъ, и если здѣсь онъ уготовилъ для насъ такой отрадный пріютъ, то, конечно, позаботился объ этомъ и въ иномъ мірѣ; быть-можетъ, тогда удастся намъ то, чего недоставало здѣсь: мы ближе узнаемъ другъ друга лицомъ къ лицу и тѣмъ надежнѣе взаимно полюбимъ. Не забывайте меня въ успокоенной своей вѣрности. Да встрѣтится все опять въ объятіяхъ вселюбящаго Отца!"

Такимъ образомъ, намъ прійдется заключить вмѣстѣ съ мистическимъ хоромъ вконцѣ (второй части) Фауста:

Все преходящее—притча одна.

Земныя, временныя вещи—одно только внѣшнее раскрытіе, одинъ только видоизводъ вѣчной незримой сущности; это нѐдодѣль, требующая себѣ завершенія и долженствующая обрѣсти его въ другой высшей сферѣ:

Что недокончено,—сбудется здѣсь.

Тутъ совершится то, чего мы теперь только чаемъ, что для насъ теперь еще неизобразимо, но къ чему тянетъ, возводитъ насъ сама вѣчная любовь, та гармонія бытія, которая открывается намъ во всецѣлости душевнаго нашего строя:

Да, несказанное здѣсь совершится;
Женственность вѣчная!—все къ ней стремится.

Шиллеръ (1759—1805) испыталъ на себѣ въ военной Карловской школѣ всю противуположность внутренней жизни съ внѣшнею, весь гнетъ, тяготѣющій надъ людскимъ родомъ. Онъ хотѣлъ поступить въ духовное званіе, раннею думой его было говорить народу о томъ, что̀ ни есть высокаго и священнаго; но герцогъ Карлъ Вюртембергскій потребовалъ даровитое солдат-

ское дитя въ свою академію, гдѣ занимались не богословіемъ, и гдѣ Шиллеру пришлось учиться медицинѣ; въ качествѣ полкового лѣкаря онъ долженъ былъ лѣчить солдатъ, тогда какъ ему хотѣлось, напротивъ, срывать кокетливыя мушки съ женскихъ лицъ, ахилловымъ копьемъ слова наносить язвы душѣ и потомъ исцѣлять ихъ. Въ рыцарскихъ и разбойническихъ играхъ школьной молодежи онъ обыкновенно игралъ роль атамана, предводителя, и, пока былъ въ академіи, команда и барабанный бой призывали его къ ѣдѣ, ко сну, къ занятіямъ; кудрявые его волосы заплели тамъ въ подтянутую косицу. Изящная словесность была строго воспрещена; стихи свои писалъ онъ только по ночамъ, выходя изъ себя отъ бѣшенства.—„Разбойниковъ" самъ онъ называлъ исчадіемъ противоестественнаго и незаконнаго брака генія съ военной субординаціей. На заглавномъ листѣ ихъ, подлѣ взвившагося на заднія лапы льва, стояла надпись: In tyrannos! (противъ тирановъ!). Руссо руководилъ также и Шиллера. Природа революціонно возстала здѣсь противъ существующихъ порядковъ. Францъ Моръ—мелкій тиранъ, съ легкомысленнымъ матерьялизмомъ высшаго общества. Карлъ противостоитъ міру, словно какой-нибудь Дантонъ; страхомъ хочетъ онъ доставить господство добродѣтели и свободѣ; передъ чѣмъ безсильно лѣкарство, то думаетъ онъ исцѣлить огнемъ и мечомъ. Французскій національный конвентъ возвелъ Шиллера, Клопштока, Вашингтона и Вильберфорса въ почетные граждане французской республики; одинъ изъ крохотныхъ державцевъ Германіи въ то время отозвался: Будь я Господь Богъ, и знай я заранѣе, что будутъ написаны „Разбойники", я бы лучше ужь не создавалъ совсѣмъ міра.—Разбойникъ не хочетъ знать ни какого гражданскаго порядка и надѣется только на самого себя; онъ стоитъ во главѣ шайки проходимцевъ; удаль и опасность озаряютъ выходки его романтическимъ освѣщеніемъ, и мысли бурно-рьяныхъ молодцовъ съ ихъ увѣсистыми фразами какъ не льзя умѣстнѣй въ устахъ разбойниковъ. Но поэтъ стоитъ выше своего героя, который оттого и напрашивается у него въ искупительную жертву за нравственный міропорядокъ. Безпощадный мечъ Немезиды обращается противъ того, кто вздумалъ-было противозаконно его себѣ присвоить, тогда какъ скептически-разсудительный злодѣй, Францъ, самъ давится въ своихъ губительныхъ софизмахъ, точно такъ же какъ матерьялизмъ его былъ уже самоубійствомъ духа изначала. При такомъ замыслѣ Разбойники вышли геніальной попыткою. Все буйное и грубое пародируетъ здѣсь само себя: почти ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не уходитъ честью, всѣ сплошь бѣгутъ прочь, когда Карлъ разбиваетъ себѣ голову о сучекъ дуба; но то, какъ приходитъ онъ опять въ себя при закатѣ солнца послѣ сраженія, какъ Францъ разсказываетъ свой сонъ пророческими словами и сокрушается вконецъ совѣстью, которую онъ отрицалъ, —это удивительно велико; да и вездѣ въ юношескихъ трудахъ Шиллера истинно-драматическій элементъ въ увлекательномъ ходѣ дѣйствія и въ явномъ нарощеніи аффектовъ необыкновенно силенъ, не смотря на то что двигающимъ рычагомъ у него слишкомъ уже выходитъ интрига со стороны отъявленныхъ мошенниковъ, чуть не доводимыхъ до каррикатуры.

Отъ грозившаго ему заточенія, въ какомъ томились Мозеръ и Шубертъ, Шиллеръ бѣжалъ изъ Штутгарта въ Мангеймъ. Онъ вышелъ на историческій путь трагедіей Фіэско. Его упорный республиканецъ Веррина лучше

хочетъ подвергнуться колесованію чѣмъ быть спокойно погребеннымъ въ какомъ-нибудь герцогствѣ, но онъ забываетъ что для республики необходимы строгонравные люди; онъ умерщвляетъ друга, посягнувшаго на корону, и переходитъ опять къ Андрею Доріи, противъ котораго былъ направленъ заговоръ. Но въ передѣлкѣ піэсы для сценическаго представленія, Фіэско отказывается отъ престола и становится счастливѣйшимъ гражданиномъ родной Генуи. Характеристика женщинъ вполнѣ здѣсь неудачна, страсть къ жестокости дотого еще сильна, что Фіэско не только всенародно обличаетъ безпутную Имперіали, но и губитъ безсознательно свою любящую его жену. Зато въ лицѣ негра Гассана плутовато-юмористичный противень къ Фіэско изадуманъ, и выполненъ по-шекспировски; вмѣстѣ съ капуцинской проповѣдью въ Валленштейнѣ, съ Пегасомъ въ ярмѣ и нѣсколькими остроумными Ксеніями, онъ свидѣтельствуетъ, что у Шиллера была богатая комическая жила и что онъ не давалъ ей ходу только изъ уваженія къ идеальному стилю высокой трагедіи *.

Удовлетворительнѣе Фіэско вышла трагедія „Коварство и любовь". Эпиграфомъ ей могли бы служить слова Фердинанда: „Посмотримъ, моя дворянская грамата, старше ли она первоначальнаго плана вселенной, да и гербъ мой полносильнѣе ли небесныхъ письменъ въ глазахъ Луизы: эта женщина для этого мужщины!" Но такъ дѣло и остается при громкозвучной фразѣ, что букашечьи душонки съ ихъ аристократическими предразсудками должны же какъ-нибудь взобраться выше, подымаемыя силой его чувствъ; съ мальчишеской опрометчивостью отравляется онъ самъ и отравляетъ свою милую, которая, будь она и въ самомъ дѣлѣ любовницей какого нибудь Кальба, подлинно заслуживала бы тогда только соболѣзнующаго презрѣнія, а вовсе уже не принесенія ей въ жертву благородной молодой жизни. Вотъ слабая сторона трагедіи; сильная сторона ея—конецъ второго акта, превосходная фигура скрипача, реалистично-индивидуальная, здоровая отъ природы натура, облитая ароматомъ поэзіи, — музыкантъ, хотя и ремесленнически, но все же однако живущій въ царствѣ искусства и облагороженный имъ въ душѣ. Шиллеръ заклеймилъ тутъ кстати и постыдный торгъ подданными, какой вели тогда нѣмецкіе государи, и то владычество метрессъ, которое они переобезьянничали у Версаля.

Ни одинъ крупный духъ не можетъ остановиться на отрицаніи; такъ и Шиллеръ собирался съ силами положительно изобразить истину и правду, будь это на первыхъ порахъ хоть только одна греза мечты, только задушевный помыселъ восторженной юношеской фантазіи. Онъ написалъ своего Донъ-Карлоса, историческую трагедію подобно Фіэско, пріуроченную къ порѣ первой борьбы религіозной и гражданской свободы съ деспотизмомъ; повтореніе сердечныхъ конфликтовъ „Коварства и Любви", такъ какъ отецъ вырвалъ здѣсь у сына суженую ему невѣсту, а въ лицѣ Позы выступаетъ возродившійся Карлъ Моръ, который намѣренъ передѣлать міръ уже не кинжаломъ и огнемъ, а свѣтомъ разума и мечомъ слова. Революцію должна

* Едва ли только по одной этой причинѣ. Комизмъ былъ Шиллеру не по натурѣ вообще: онъ родился черезчуръ пылкимъ проповѣдникомъ и пропагандистомъ.

Прим. перев.

замѣнить реформа. Донъ-Карлосъ—памятникъ этого самоисправленія шиллерова духа, картина очистительнаго процесса, въ немъ происходящаго, не завершающій конечно трудъ вполнѣ освобожденной гармонической души, но символъ постепеннаго ея самоподъема. Уже Гервинусъ указалъ на то, что душа Шиллера очистилась подъ ударами враждебной судьбы, какъ Гёте обновился въ Италіи подъ свѣтлою улыбкой счастья. Онъ нашелъ прибѣжище себѣ у г-жи Вольцогенъ въ Бауэрбахѣ, и эта его пріятельница, а потомъ г-жа Кальбъ, въ особенности же Кёрнеръ съ своей семьею въ Дрезденѣ, подѣйствовали на него нравственно-облагороживающимъ и успокоительнымъ образомъ. Онъ повстрѣчалъ на свое счастіе добрыхъ людей, въ Рудольштадтѣ между прочимъ ту, которой суждено было стать его женою; въ одномъ письмѣ къ свояченицѣ онъ называетъ рощею Діаны ту мѣстность, гдѣ обѣ сестры оберегали его отъ злыхъ духовъ и постепенно приводили къ душевной гармоніи, какъ Ифигенія — Ореста. Какимъ-то величіемъ охватывало его при мысли, что онъ не носитъ на себѣ другихъ узъ, кромѣ народнаго о немъ приговора, что онъ не взываетъ о правѣ ни къ одному царскому престолу, а единственно лишь къ суду человѣческой души. Подобно Гёте вчитывался онъ въ фоссова Гомера; онъ самъ переводилъ изъ Виргилія и Эврипида и очистилъ вкусъ свой благодаря тому, что усвоилъ себѣ о художникѣ высокое понятіе, какъ о призванномъ блюстителѣ человѣческаго достоинства; онъ далъ себѣ обѣтъ хранить его, возвѣщать истину какъ жрецъ прекраснаго, воспитывать и поощрять къ свободѣ. Піэса „Художники“ свидѣтельствуетъ и объ этомъ его дознаніи и о соотвѣтственномъ ему рѣшеньи. Чувственный пылъ и мірообъемлющія мысли, бурливо бродившія въ его юношескихъ стихахъ, сочетались теперь въ стройное единство, черезъ „Покорство судьбѣ“ (Resignation) возвысился онъ до „Радости“, которая, не смотря на цѣпи тирановъ и на смертные одры, не смотря ни на какія въ мірѣ бѣдствія, все-таки основа и цѣль существованія, если только мы однихъ чувствъ и мыслей съ поэтомъ:

Мужество въ скорбяхъ тяжелыхъ, помощь страдѣ безъ вины,
Вѣрность клятвамъ, справедливость всѣмъ, ктобъ ни были они,
Гордость честная предъ трономъ, братья! да, во что ни стань,
Гибель лжи исчадью гнусной, а заслугѣ—славы дань!

Донъ-Карлосъ задуманъ въ томъ же болѣзненно-оппозиціонномъ настроеніи, какъ и прежнія піэсы; это — семейная трагедія въ домѣ у тирана; трагическій кинжалъ долженъ прямо въ сердце поразить инквизицію. Но когда Шиллеръ сталъ зрѣлѣе самъ, когда отъ прозы онъ перешелъ къ стихотворной формѣ, тогда ему уже не довольно было Карлоса для высказа своихъ идей, и Поза выросъ у него глашатаемъ человѣчности и свободы *. Поэтъ насадилъ трагедію Поза на трагедію Донъ-Карлосъ, значительно стянувъ первые акты и водрузивъ въ нихъ корни послѣдующихъ. Право личности говоритъ тамъ голосомъ сердца, а здѣсь — разума; оно разбивается объ

* Столько же наклоннымъ къ фразистому проповѣдничеству, какъ и самъ Шиллеръ.
Прим. перев.

утесы встрѣчныхъ обстоятельствъ, но для того чтобы перелиться въ ихъ потокъ и торжественно въ нихъ воскреснуть. Послѣднее слово Позы: Королева! жизнь однако такая прекрасная вещь! пріобрѣтаетъ подлинное свое значеніе благодаря тому, что онъ понялъ исповѣдь любви ея и отвѣчалъ ей взаимностью, но тѣмъ не менѣе остался вѣренъ своей идеѣ. Истинно-трагично положеніе единодержавца Филиппа, когда онъ почувствовалъ себя страшно одинокимъ и взмолился Провидѣнію, да пошлетъ оно ему человѣка; онъ находитъ его въ Позѣ, и бесѣда ихъ между собою—настоящій центръ всего произведенія; она становится драматическимъ гимномъ человѣчеству, осчастливленному въ благоустроенномъ государствѣ, гимномъ въ честь свободной мысли; поэтъ высказываетъ все, чѣмъ онъ одушевленъ, Поза становится откровеніемъ поэтическаго его генія. Поставленный теперь между другомъ и королемъ, остается онъ вѣренъ первому, но, какъ сущій идеалистъ, втайнѣ и насильственно дѣйствуетъ сообразно разумнымъ своимъ цѣлямъ, избѣгая гласности и по обстоятельствамъ не ставя личность ни во что; такъ самъ онъ занутывается въ сѣть, изъ которой не видитъ другого выхода кромѣ героическаго пожертвованія самимъ собою, кромѣ того чтобъ своей смертью доказать готовую на все силу своихъ идеаловъ, чтобы этимъ воспламенить юнаго сверетника и вооружить его для ихъ осуществленья. Такимъ стоялъ Поза передъ душой Шиллера, но ему не удалось выяснить это и для зрителя піэсы; мы скорѣе думаемъ, что Поза ищетъ смерти, добиваясь удивленія, изъ одной страсти къ высокимъ порывамъ; мы ни сколько не предощущали ни роковой катастрофы, ни погибели героя. Филиппъ тиранпически вмѣшался въ любовь между Карлосомъ и Елисаветой, когда невѣсту сына сдѣлалъ его мачихой; Карлосъ, всилу дружбы и одушевленія къ свободѣ, готовъ забыть свою страсть, чтобы самоотверженно посвятить себя на службу человѣчеству. Но тутъ недостаетъ въ дѣйствіи прямого поступательнаго хода. Это зависитъ отъ первоначальнаго раздвоя цѣлаго,—переходнаго еще труда, котораго отдѣльныя выдержки успѣли однакожь нравственно возвысить, политически просвѣтить и привесть въ восторгъ многія тысячи.

Въ „Преступникѣ изъ-за потери чести“ мы находимъ разсказъ, стоящій еще въ связи съ юношескими драмами; въ „Духовидцѣ“—начало романа, направленное противъ хитрыхъ соблазновъ и преступно-властолюбивыхъ поползновеній іезуитскаго ордена, гдѣ много интересныхъ сценъ и психологической характеристики, поэтъ оставилъ безъ конца, находя что планъ уже не отвѣчаетъ болѣе его собственнымъ художническимъ требованіямъ. Онъ увидѣлъ, что для развитія своей индивидуальной личности ему нужно углубиться въ мысленный міръ философіи и наполниться реальнымъ историческимъ содержаньемъ.

Еще въ медицинской своей диссертаціи разсуждалъ онъ о связи духовной природы человѣка съ животною; свести эти противоположности къ единству позывала его поэтическая тяга его души. Философскія письма Юлія и Рафаэля, современныя Донъ-Карлосу, идутъ отъ той мысли, что и у разума есть такъ же свои эпохи и свои судьбы, какъ и у сердца; человѣкъ живетъ въ состояніи невинности, безусловной вѣры, но призванный къ свободѣ онъ

долженъ выступить изъ этого рая исполинскимъ шагомъ, чтобы подняться до повиновенія нравственному закону, царящему въ его собственной груди. Опираясь на свой личный разумъ, Юлій набрасываетъ себѣ слѣдующій очеркъ богомудрія: Вселенная, это — осуществленный помыслъ божій, проникшій ее всю насквозь, какъ организующая душа; въ мірѣ разрознено по крохамъ то, что̀ было едино въ Богѣ; любовная тяга духовъ, равно какъ и взаимное тяготѣніе вещей, возстановляютъ изначальное единство. Любовь спасаетъ вѣчное въ преходящемъ; узна̀емъ ближе единеніе всякой жизни въ Богѣ, и тогда мы братски примкнемъ одинъ къ другому.

Былъ безъ друзей, одинъ, міровъ Владыко,
И это чувствуя, онъ создалъ рой духо̀въ,
Его блаженства зеркалъ разновидныхъ.
Хотя среди ихъ всѣхъ нѣтъ равнаго ему,
Но черезъ край изъ чаши тварей сущихъ
Все жь безконечность пѣнится предъ нимъ.

Рафа̀ель, то-есть шиллеровъ пріятель Кёрнеръ, напоминаетъ о границахъ познанія; онъ говоритъ, что здѣсь необходимо провѣрить созерцанія фантазіи, изслѣдовать дальнометность собственной своей силы. Съ тѣмъ окончательнымъ изреченіемъ, что мірозданіе носитъ на себѣ отпечатокъ жизни и свободы, письма эти покидаютъ насъ на самомъ порогѣ кантовской критики. Шиллеръ по̀дъ вечеръ своихъ дней не могъ нарадоваться счастію, что они пришлись въ эпоху идеальной философіи: нравственный его энтузіазмъ нашелъ себѣ подтвержденіе въ Кантѣ, пареніе его собственной мысли для него выяснилось. Но мы отнюдь не должны позабывать того изначальнаго взгляда въ его богомудріи: оно служило заднимъ фономъ всѣмъ его помысламъ; изъ-за него онъ вездѣ отстаивалъ единительную связь для порозненныхъ Кантомъ противоположныхъ элементовъ. Мы, правда, уряжаемъ весь опытный матерьялъ своихъ чувственныхъ впечатлѣній по своимъ собственнымъ категоріямъ, но эти формы нашего мышленія суть вмѣстѣ и законы міра. Если Кантъ нарочито указалъ на противоположность духа и плоти, всеобщей разумной воли и ячества, то вполнѣ съ нимъ заодно Шиллеръ отстаивалъ „категорическій императивъ“ (верховное волерѣшенье), обязательный для всѣхъ образъ чувствъ и мыслей, какъ коренное начало нравственности; но если Кантъ полагалъ нравственность преимущественно въ побѣдоносной борьбѣ разума съ своекорыстной чувственностью, то Шиллеръ при этомъ хотѣлъ, чтобы за борьбою слѣдовалъ миръ, чтобы согласіе долга съ наклонностью, природнаго влеченія съ закономъ завершало собой какъ нравственность, такъ равно и личность: иначе, приходилось бы вѣдь съ отвращеніемъ дѣлать то, что̀ до̀лжно, не счастливь насъ при этомъ радость о совершеніи всякаго добра. „Въ прекрасной душѣ“ находилъ онъ полную гармонію. Такъ заключилъ онъ союзъ Этики съ Эстетикой въ своемъ разсужденіи „О граціи и достоинствѣ“, которое самъ кёнигсбергскій мудрецъ назвалъ мастерскимъ. Согласіе чувственности съ разумомъ Шиллеръ считалъ самороднымъ у Эллиновъ; возстановить его сознательною волей, духовно возродить въ себѣ эллинство представлялось ему нашею именно задачей. Къ гармонически-свободной игрѣ душевныхъ силъ, въ которой Кантъ нашелъ чувство изящнаго, Шиллеръ при-

соединилъ само изящное, какъ совнѣдреніе идеальнаго съ реальнымъ, согласіе внутренняго міра съ внѣшнимъ. Каждый единичный человѣкъ носитъ въ себѣ отъ природы закладку или способность чистаго идеальнаго человѣка, и задача его во всѣхъ возможныхъ ходахъ мысли и дѣятельности согласоваться съ этой неизмѣнною всегда закладкой. Съ духовной своей стороны мы вѣдь живой разумъ и воля, мы самодѣятельны, опредѣлительны, формодатны; какъ чувственныя существа, мы опредѣлимы, воспріимчивы, неволей обращены на матерьялъ; предметъ чувственнаго побуда зовется жизнью, предметъ формового побуда—фигурой или обликомъ; благодаря тому, что жизнь оформливается умомъ, что форма живетъ въ ощущеніи, жизнь и принимаетъ обликъ, а послѣдній получаетъ жизнь: красота только такъ вѣдь и можетъ возникнуть. Изъ ощущенія подымается она въ мысль, она вооружаетъ духовный элементъ чувственною силой, ведетъ законъ къ чувству, понятіе къ наглядной явности; такимъ образомъ представляетъ она духъ и матерію въ неразрывномъ единствѣ; мы вступаемъ съ нею въ царство идеи, не покидая чувственнаго явленія. Красота—вмѣстѣ предметъ нашего мысленнаго созерцанія и состояніе нашего внутренняго чувства. Она служитъ доказательствомъ тому, что страданіе и дѣятельность, ограниченіе и безконечность, природа и свобода вовсе не исключаютъ другъ друга, что форма и матерія другъ друга требуютъ, что разумъ и чувственность положительно совмѣстны между собою. Вотъ отчего человѣкъ и завершается въ красотѣ. И какъ скоро въ немъ все прояснится, — затихнетъ буря и во вселенной, и противоборствующія силы природы найдутъ себѣ покой въ постоянныхъ предѣлахъ. Истина должна пріобрѣсть силу движущаго побуда, если она хочетъ восторжествовать; это совершается брагодаря красотѣ, которая представляетъ истину достолюбезною или миловидной. Заревою дверью красоты вступаемъ мы въ край познанія и нравственности. Передачею правды въ искусствѣ рушится зданіе пустой грезы и мечты, а добро становится тѣмъ чувственно-пріятнымъ, что̀ неодолимо покоряетъ себѣ души.

Эти основные для эстетики помыслы Шиллеръ развилъ въ безподобныхъ своихъ Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи. Они обращены къ герцогу аугустенбургскому, который назначилъ ему на три года по тысячѣ талеровъ содержанія, чтобы доставить поэту, опредѣленному тогда профессоромъ въ Іену безъ жалованья, сколько-нибудь отдыха и досуга послѣ крайне-опасной болѣзни *. Уже распространилась вѣсть объ его смерти, датскій поэтъ Баггесенъ въ дружескомъ кругу справилъ на берегу моря тризну по умершемъ: Шиллеръ и въ одно и то же время Мирабо̀! съ ними будто закатились разомъ двѣ звѣзды человѣчества. Шиллеръ однакожь поправился, но никогда ужь не выздоравливалъ совсѣмъ.

Въ разсужденіи „О наивной и сэнтиментальной поэзіи“ Шиллеръ исходитъ отъ того, какъ природа посредствуется культурою; онъ развертываетъ характеръ античнаго и новѣйшаго міросознанія и вытекающаго изъ обоихъ

* Теперь даже трудно вообразить себѣ чтобы такой человѣкъ какъ Шиллеръ, всего за три поколѣнія тому назадъ, не могъ просуществовать въ Германіи своими литературными трудами. Прим. перев.

искусства; здѣсь всущности открыта категорія или различительная норма классичнаго и романтичнаго, введенная потомъ Шлегелями, здѣсь ясно обслѣдовано понятіе реализма и идеализма, царящаго во всемъ нашемъ нынѣшнемъ воззрѣніи. Въ природѣ, говоритъ онъ, мы любимъ тихо зиждущую, нутродѣйственную жизнь; мы сами были природой, а культура должна возвратить насъ къ ней опять путемъ разума и свободы, она непремѣнно должна быть естественной. Здѣсь побѣждена теперь односторонность Руссо̀, а между тѣмъ сохранено все, что̀ было справедливаго въ его взглядѣ. Только чрезъ свободное сочетаніе обѣихъ стихій, когда воля станетъ соблюдать законъ необходимости и когда при всѣхъ перелетахъ фантазіи разумъ всегда будетъ всилахъ отстоять свою норму,—только тогда можетъ произойдти божественное или идеальное. Въ стремленіи новѣйшихъ къ природѣ, къ утраченному дѣтству, лежитъ корень нашей сантиментальности; Греки, тѣ естественно ощущали все, а мы только ужь ощущаемъ естественное. Поэты—блюстители природы; они или сами въ себѣ природа, или неослабно ея ищутъ. Поэзія должна дать человѣчеству возможно-полное его выраженье, — идеализовать индивидуальное и индивидуализовать идеальное *; природа въ ея стройности и богатствѣ, — вотъ откуда идетъ наивный поэтъ, а мысль въ ея свободѣ и безконечности служитъ исходомъ для поэта сантиментальнаго; тотъ силенъ искусствомъ опредѣлительности, ограниченія, а этотъ искусствомъ безконечнаго. Такъ какъ любое созданіе становится совершеннымъ для глаза только чрезъ свою опредѣленность, то поэтому именно древніе неподражаемы въ пластикѣ; въ созданіяхъ воображенія, въ поэзіи, мы можемъ перещеголять ихъ и умомъ, и обиліемъ содержанья. Наивному поэту природа оказала милость всегда дѣйствовать передъ нимъ въ нераздѣльномъ единствѣ, быть ежемгновенно однимъ цѣлымъ, такъ что въ дѣйствительности онъ созерцаетъ и возсоздаетъ полное содержанье человѣчества; сантиментальному поэту вложила она стремленіе возсозидать изъ самого себя утраченное имъ гармоническое единство, въ самомъ себѣ пополнять человѣчество и уже изъ собственнаго нутра отливать безконечное въ чувственную опредѣленность. Шиллеръ, конечно, имѣлъ здѣсь въ виду о̀бразы Гёте и свой собственный, но онъ привелъ въ то же время бездну пояснительныхъ примѣровъ изъ литературы, и сужденіе его на этотъ счетъ сдѣлалось мѣроположнымъ для всей литературной исторіи. Его художественный идеалъ соединяетъ въ себѣ наглядный реализмъ, античную чуткость къ формѣ, съ богатствомъ мысли и съ идеализмомъ новаго времени.

Если глазъ твой здоровъ, то въ природѣ Творца онъ усмотритъ повсюду;
Если сердце здорово твое, оно міръ весь въ себѣ отразитъ.

Какъ въ философіи, такъ точно и въ исторіи, Шиллеръ, всилу крайней своей самодѣятельности, не остановился на одномъ изученьи, но пѐрешелъ и къ авторству. Нѣкоторыя изъ историческихъ статей его еще носятъ на себѣ печать того разсудочнаго просвѣщенія, которое Моисею и Солону подсовы-

* То-есть въ о̀соби раскрывать черты общаго бытія, а во всеобщемъ задатки о̀соби. Прим. перев.

ваетъ свои собственныя соображенья; но въ другихъ, какъ напримѣръ въ статьѣ о переселеніи народовъ, о крестовыхъ походахъ и средневѣковьи вообще, онъ понялъ значеніе права и обычая, убѣжденій и интересовъ цѣлыхъ массъ на ряду съ образомъ мыслей и волею единичныхъ личностей и проложилъ вмѣстѣ съ Гердеромъ дорогу къ правильной оцѣнкѣ той эпохи. Художественная композиція и обрисовка характеровъ, равно какъ и блестящее изложеніе дѣлаютъ „Отпаденіе Нидерландовъ" и „Тридцатилѣтнюю войну" цѣнными историческими трудами, которые пробудили въ то время историческій смыслъ среди образованныхъ, а ученымъ спеціалистамъ показали примѣръ изящной обработки, хотя поэтъ не располагалъ конечно ни тѣмъ обиліемъ матерьяла, да не обладалъ и тою критикой источниковъ, благодаря которымъ такъ подвинулась съ тѣхъ поръ впередъ наша исторіографія. Онъ оставался больше риторичнымъ, но рѣшительно водрузилъ знамя свободы и, поднявшись надъ всѣми вѣроисповѣдными дрязгами до кантовскихъ политическихъ и нравственныхъ взглядовъ, изображалъ ходъ мірскихъ дѣлъ съ этой именно точки зрѣнья.

Вильгельмъ Гумбольдтъ прожилъ съ Шиллеромъ свои мыслеобильнѣйшіе дни, въ то время когда, повызрѣвши надъ наукою, поэтъ собирался воротиться отъ нея опять къ стихотворству; то былъ, по словамъ его, переломъ, но едвали не самый рѣдкій изо всѣхъ тѣхъ, какіе человѣкъ когда-либо испытывалъ въ духовной своей жизни. Даже великанъ, подобный Фихте, отозвался о философскихъ стремленіяхъ Шиллера слѣдующимъ образомъ: Только одного еще недостаетъ ему,—единства; да и оно у него въ чувствѣ налицо, но еще не введено въ его систему; а войди оно туда, что̀ совершенно отъ него зависитъ, не льзя ждать такихъ крупныхъ выводовъ ни отъ какой другой въ мірѣ головы: они просто обѣщаютъ намъ новую совсѣмъ эру. Въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ какъ Шиллеръ настойчиво указывалъ въ прекрасномъ гармонію духа съ природою, какъ онъ вездѣ выдвигалъ впередъ всецѣлость человѣка, взаимное сопроникновеніе индивидуальности съ идеей, — этимъ онъ прямо выводилъ къ начатому Шеллингомъ новому философскому направленію. Но всущности онъ былъ все-таки поэтъ, а потому и не вдался въ систематизацію своихъ мыслей, а обратился къ художественному ихъ воплощенію; изъ настроеній пробивающагося впередъ духа выростали у него глубокія истины и одѣвались въ смѣлые о̀бразы; болѣе чѣмъ для всѣхъ другихъ поэтовъ мысль была для него жизненною стихіей: оттого и порождаетъ онъ идею, и видитъ, открываетъ ее другимъ въ чувственномъ явленіи. Его мыслящая лирика, его культурно-историческія стихотворенія, это—художественный плодъ его философскихъ и историческихъ занятій, это—самое полное и ясное раскрытіе его личности; единство, въ какомъ стоятъ у него разумъ и фантазія, указываетъ на изначально-существенное общеніе искусства съ мудростью; полносильное дѣло генія держится на красотѣ нравственнаго строя чувствъ и мыслей. „Когда получите это письмо, удалите отъ себя все мірское, и прочтите это стихотвореніе въ освященной тиши́", писалъ Шиллеръ Гумбольдту, препровождая къ нему „Идеалъ и жизнь". Тутъ дѣло въ томъ, чтобы всю нужу и скорбь земную пересилить вѣчнымъ, чтобы то чувственное счастіе и тотъ миръ души, которыхъ соединенный лучъ играетъ на челѣ безсмертныхъ, сплавить воедино и для людей, чтобы дать ху-

дожественную форму жизни, а идеалу осуществленіе. Въ цѣломъ рядѣ картинъ, гдѣ полное мысли содержаніе соперничаетъ съ счастливою его передачей, Шиллеръ беретъ жизнь съ ея стремленіемъ, съ ея настойчивыми поисками за истиной, съ ея нравственной борьбою за доблесть и честь, съ ея трагическимъ страданіемъ въ чувственныхъ предѣлахъ, и противопоставляетъ ее идеалу чистой красоты въ незыблемомъ его покоѣ и кроткомъ просвѣтлѣніи, съ тѣмъ чтобы постепенно примирить потомъ два разные эти міра, чтобы наглядно видѣть каждый изъ нихъ въ другомъ, для чего само божество нисходитъ здѣсь съ престола, человѣкъ пріемлетъ его въ свою волю всей душой, чувственный побудъ и разумъ граціи заключаютъ свободный союзъ между собою, и въ равновѣсіи всѣхъ силъ находятъ какъ бы блаженный покой свободы. Миѳъ Иракла вполнѣ пластически изображаетъ въ заключеніе всего это общее стремленіе изъ противорѣчія и розни къ гармоніи и блаженству. Онъ выдержалъ борьбу и несетъ теперь тяготу Земли, съ обращеннымъ къ небу взоромъ, пока Геба не подала ему кубка безсмертія. „Таковъ точно былъ путь самого Шиллера; ни гдѣ не обрисовалъ онъ такъ вѣрно и величаво своего собственнаго развитія: превосходнѣйшая изъ поэтическихъ его думъ вышла вмѣстѣ и прекраснѣйшею его апоѳеозой“. (Карлъ Грюнъ). Счастіе стоитъ однакожь равноправно обокъ съ идеаломъ и съ жизнію. Счастіе заключается вѣдь въ совпаденіи и согласіи внѣшняго міра и его хода съ глубокимъ нутромъ души, съ ея завѣтнымъ стремленіемъ и дѣятельностью; а потому эта гармонія и указываетъ на изначальное единство всякаго бытія, на вѣчную любовь, которая все обращаетъ на службу и во благо добрымъ (любящимъ). Въ картинахъ изъ греческихъ миѳовъ поэтъ развиваетъ ту христіанскую идею, что высшее достигается не строптивымъ вынужденіемъ, а только радушнымъ принятіемъ свободныхъ даровъ, что источникъ бытія—не строгое право, а милостивое благожелательство, что̀ краса цвѣтетъ незаслуженно какъ лилея, что все высшее даруется Богомъ какъ даръ любви между любящимися, какъ даръ пѣснопѣнья, что только слѣпецъ не ищущій своей выгоды, не думающій все переиначить на свой ладъ, что только вполнѣ отдающійся божественному способенъ узрѣть небо, что вѣчное постигается только чистымъ сердцемъ, простою дѣтски-свѣтлою душой. Одно завершенное само въ себѣ прекрасно; то что мы его видимъ, имъ наслаждаемся, его изображаемъ,—это опять дѣло любви, это—счастіе.

Въ „Прогулкѣ“ Шиллеръ показываетъ намъ взаимныя соотношенія природы съ культурою и стройное согласіе ихъ въ истинномъ образованіи. Описанія природы тутъ мастерскія, оттого именно, что живой человѣкъ поставленъ средоточіемъ и зеркаломъ всего міра, что сердце такъ и рвется у него къ природѣ, такъ и купается въ освѣжительной ея росѣ,—оттого что, внявъ совѣту Лессинга, поэтъ расхаживаетъ по ландшафту и, принимая на каждомъ шагу новыя впечатлѣнія, передаетъ ихъ въ картинахъ,—оттого что во внѣшнихъ вещахъ онъ обличаетъ передъ нами ихъ нутродѣйственныя душеподобныя силы. Когда съ лѣсистой горы онъ завидѣлъ вдругъ городъ, онъ тутъ же противопоставляетъ природѣ картину гражданственности, промысловъ, искусства и науки; въ то время какъ первая остается все прежнею, въ царствѣ свободы властвуетъ перемѣна, тутъ возможны упадокъ и вырожденіе, которые именно строгимъ судомъ своимъ и обращаютъ насъ опять къ природѣ.

Въ „Богахъ Греціи“ Шиллеръ сожалѣлъ о томъ, что на мѣсто олицетворенія единичныхъ силъ природы, на мѣсто вмѣшательства въ ходъ міра небесныхъ властей, наше время скорѣе готово признать въ механизмѣ вселенной непреложное господство законовъ необходимости; теперь онъ уже предчувствуетъ что это и есть прочная основа для нравственно-свободныхъ идеальныхъ стремленій, и что „солнце Гомера все попрежнему улыбается и намъ“. „Пѣснь про Колоколъ“ закончилъ онъ только по прошествіи одиннадцати лѣтъ; и здѣсь поэтъ представляетъ литье колокола въ постепенномъ его ходѣ, и благодаря тому что къ описанію работъ онъ пріурочиваетъ тѣ картины жизни, которыя колокольный звонъ сопровождаетъ отъ колыбели до могилы, ему удается очеркнуть обширнѣйшій кругъ на самомъ тѣсномъ пространствѣ и перебрать всю скàлу ощущеній человѣческихъ, къ семейному быту послѣдовательно примкнуть государственный и наконецъ небесное царство любви. На ряду съ этимъ его „Обѣтныя дщицы“ содержатъ въ отдѣльныхъ изреченіяхъ все то, чему научило его божество и что помогало ему пройдти жизненную дорогу, а въ другихъ стихотвореніяхъ слышится продолженный отголосокъ тѣхъ самыхъ звуковъ, которые затронулъ онъ когда-нибудь прежде въ своихъ крупныхъ произведеніяхъ.

Соединеніе философіи съ исторіей въ ученыхъ его занятіяхъ, влеченье души его къ нравственно-высокому, естественно обратили Шиллера къ трагедіи; въ „Валленштейнѣ“ созрѣлъ блестящій плодъ дружескаго общенія его съ Гёте, котораго самая личность носилась передъ его умомъ, когда онъ изображалъ и идеализовалъ своего реалистическаго героя. Можно-сказать что генію особенно посчастливилось избрать такой предметъ: герой изъ отечественной исторіи въ религіозную войну, герой, котораго чрезмѣру надмившееся величіе было уже само по себѣ трагично. Какъ Шиллеръ задумалъ свою тему,—объ этомъ повѣдываетъ намъ Гумбольдтъ: „Всѣ единичныя черты великаго и столь многообъемлющаго событія предположилъ онъ вырвать изъ дѣйствительной жизни и связать узами поэтической необходимости; всѣ основы, на какія смѣлый вождь хотѣлъ опереться въ опасномъ своемъ предпріятіи, всѣ утесы, о какіе онъ разбился, политическое положеніе государей, ходъ войны, состояніе Германіи, настроенье войска, — все должно было предстать глазамъ зрителей поэтически и наглядно“. И какъ мастерски это выполнено начиная съ лагеря, гдѣ вмѣстѣ съ дикой сутолокой того времени мы переживаемъ и поэзію войны въ народно-свѣжей и веселой передачѣ, до генераловъ и дипломатовъ, выдержанныхъ совершенно въ духѣ ихъ вѣка, и вплоть до главнаго вождя, въ лицѣ котораго поэтъ кстати выставилъ и предостерегающее зеркало передъ разгоравшеюся тогда звѣздой Наполеона. Валленштейнъ—реалистъ, практическій человѣкъ, употребляющій въ свою пользу обстоятельства; но въ то самое время какъ поэтъ выводитъ пагубу ему изъ его себялюбія, онъ надѣляетъ его и величіемъ самосознательнаго державнаго духа, который имперія должна чествовать какъ своего защитника, который хочетъ выгнать чужеземцевъ и водворить прочный миръ. Онъ оставляетъ за нимъ астрологическое суевѣріе, но идеализуя его мыслію о тѣсной органической связи всѣхъ сущихъ въ мірѣ вещей, всилу которой для насъ исполнимо только то, что согласно съ ходомъ цѣлой природы. Недоумѣвающій судъ исторіи онъ овиносливаетъ

колебаніемъ самого Валленштейна и развертываетъ отсюда одну, истинно-гамлетовскую черту: герой тѣшитъ себя замыслами и планами, безъ серьёзной уже рѣшимости ихъ выполнить; они рѣютъ передъ душой его, какъ чистыя лишь возможности, но благодаря именно тому, что онъ занятъ ими, они пріобрѣтаютъ надъ нимъ власть, и вдругъ неожиданно оказывается что онъ уже безсиленъ сдѣлать то, чтò хочетъ; нити, которыя запрялъ онъ тамъ и сямъ и которыя всё думалъ крѣпко держать въ рукѣ своей,—эти самыя нити роковою сѣтью опутываютъ ему голову. Вотъ звено, пріурочивающее піэсу къ созданіямъ Грековъ, а съ другой стороны для Гёте вполнѣ выяснилось близкое сродство ея съ трагедіями Шекспира, когда онъ прочелъ ее въ англійскомъ переводѣ Вальтеръ-Скотта и тогда же призналъ, что все 18-е столѣтіе не производило драмы выше этой. Различныя ступени взгляда Грековъ на судьбу выражаются здѣсь въ разныхъ лицахъ и изреченіяхъ, — и жалоба на жребій прекраснаго на землѣ и на ревность какихъ-то незримыхъ силъ, отъ насъ скрытыхъ, но съ этимъ вмѣстѣ и сознаніе, что всякая великость сопряжена съ опасностью чрезмѣрнаго самонадменія и что она вызываетъ этимъ Немезиду. Въ твоей груди судьбы твоей звѣзда, влеченье сердца—голосъ рока; это не чуждая тебѣ внѣшняя власть, она лежитъ въ самомъ характерѣ и вытекаетъ прямо изъ его дѣйствій. Кто сѣетъ клыки дракона, тотъ и пожинаетъ войну, любое злодѣйство несетъ уже ангела-мстителя у себя подъ сердцемъ въ человѣческой совѣсти. Такъ человѣкъ выходитъ ковачомъ судьбы своей, ни дать ни взять какъ у Шекспира; и поэтъ въ то же время показываетъ намъ, что не все зависитъ отъ нашей воли, что мы вынуждены принять данныя обстоятельства какъ есть, съ тѣмъ чтобы ихъ потомъ обдѣлать, что разъ сдѣланнаго уже не измѣнить, что избранный однажды поступокъ готовитъ совершителю страшную необходимость въ будущемъ. Планы Валленштейна ведутъ его недруговъ къ противодѣйствію, а ему самому внушаютъ тѣ мѣры, съ которыми онъ давно уже носился мысленно. Въ общемъ ходѣ міра осуществляются цѣли божіи посверхъ разумѣнія и воли единичныхъ лицъ ко благу цѣлаго. Шиллеровъ Валленштейнъ — трагедія реализма, который, опершись на совокупность наличныхъ данныхъ, подымается въ недосягаемую высь и провозвѣщаетъ самодержавность генія; но онъ порвалъ при этомъ связь съ идеализмомъ, своекорыстно и своевольно хватился между прочимъ и за дурныя средства, и тѣмъ самымъ подготовилъ себѣ смертельный ударъ. Такъ выходитъ онъ противнемъ къ гётевскимъ трагедіямъ идеализма, къ Тассо и къ Эгмонту. Міру затѣвущихъ на планы реалистовъ противостоитъ царство ублаженнаго въ себѣ сердца, царство идеализма души, и потому Максъ съ Теклою * вовсе не такой эпизодъ, который можно бы было откинуть „для того чтобы отъ всей піэсы пахло порохомъ“: они необходимая принадлежность ея организма; они гибнутъ оттого что слишкомъ уже мало считаются съ дѣйствительностью, но приносятъ себя въ жертву чистотѣ своей жизни и любви и возвеличиваютъ ихъ своей смертью. Цѣльная и полная человѣчественность во взаимномъ пополненіи одной ея стороны другою, — такова была цѣль Шиллера въ дружескомъ союзѣ его съ Гёте; эта же идея въ разсматриваемой нами піэсѣ рас-

* Какъ-то неловко назвать ее, какъ бы слѣдовало,—Ѳёклой. Прим. перев.

крывается трагически: Валленштейнъ и Максъ не съумѣли крѣпко ухватиться другъ за друга, взаимно усвоить себѣ каждый личные дары другого; самъ герой даже не уберегъ и тѣхъ идеалистическихъ чертъ, какія лежали въ немъ отъ природы. Валленштейнъ, дѣйствуя для цѣлаго, прежде всего ищетъ собственнаго величія и измѣняетъ правдѣ; онъ хочетъ права свободной индивидуальности для себя, но не хочетъ признать ея въ сердцахъ Макса и Теклы. Когда онъ сталъ предателемъ, чтобы сдѣлаться княземъ мира въ имперіи, тогда отступается отъ него Максъ, и добрая звѣзда его меркнетъ. Бѐтлеръ, котораго онъ думалъ приковать къ себѣ лживой хитростью, благодаря именно тому становится исполнителемъ мстящаго правосудія. Октавіо—представитель началъ порядка, но онъ избираетъ змѣиные пути, и въ погибели друга ищетъ своего личнаго возвышенія; этимъ подвергаетъ онъ единственнаго сына боевой смерти, такъ что и княжескій титулъ ему послѣ уже ни по чемъ. Композиція шире и богаче нежели въ греческой и во французской драмѣ, но она уже противъ англійской; мы стоимъ здѣсь передъ самой катастрофой, прошлое дѣйствуетъ на ея завязи, а исходъ въ своемъ развитіи является судомъ божьимъ. Равномѣрно и обрисовка характеровъ типичноидеальнѣе нежели у Шекспира, индивидуальнѣе нежели у Корнеля; языкъ не такъ условенъ какъ на французской сценѣ, и при народномъ оттѣнкѣ полонъ благородства и паренія. Шиллеръ достигъ здѣсь на сколько могъ середины между Шекспиромъ и Софокломъ, а въ „Теллѣ“ онъ удержалъ за собой это положеніе; но онъ уступаетъ Шекспиру въ непосредственной природной силѣ и живой дѣйствительности передачи, а Софоклу въ соразмѣрной, кротко-гармонической художественной законченности.

Шиллера позывало теперь на какой-нибудь сердечный сюжетъ, и потому на Марію Стуартъ онъ взглянулъ прежде всего какъ на страдалицу женщину; онъ изобразилъ очищеніе грѣховной души путемъ покаянія и скорби, и черезъ вся скàлу внутреннихъ чувствъ провелъ сердце до религіознаго возвышенія. И здѣсь, по античному опять образцу, онъ поставилъ насъ передъ самою катàстрофой; мы видимъ Марію уже въ тюрьмѣ, тогда какъ напримѣръ Шекспиръ онаглядилъ бы передъ нами ея чувственно-разгульную молодость, ея соумышленность въ убійствѣ Дарнли; но Шиллеръ превосходно съумѣлъ еще разъ возжечь страсть и надежду въ страдалицѣ: Мортимеръ хочетъ освободить ее и обладать ею, а она обращаетъ взоръ на Лесстера, и драма достигаетъ крайней своей вершины во встрѣчѣ Маріи съ Елисаветой; то, чтò обѣщало свободу, ведетъ героиню къ гибели, но мы ощущаемъ къ ней не столько скорбнаго сочувствія, сколько радостнаго восторга, когда послѣ тщетной попытки на униженіе она вдругъ поднялась полная царственнаго гнѣва и достославно разрядила стѣсненную грудь въ тѣхъ смѣлыхъ словахъ, которыя увлекли противницу къ подписанію ей смертнаго приговора. Какъ потомъ Марія обрѣтаетъ внутренній миръ и въ спокойно-кроткихъ минорныхъ аккордахъ прощается съ дорогими ея сердцу и съ жизнію,—это опять такъ же удивительно; но не льзя не упрекнуть Шиллера за то, что въ Елисаветѣ, рядомъ съ нелюбезной положимъ женщиной, онъ слишкомъ ужь мало выставилъ ея истинно-царское величіе, что онъ сдѣлалъ изъ нея лицемѣрку вмѣсто того чтобъ дать ей выдержать въ себѣ борьбу между сердцемъ и государственными пользами, при чемъ оскорбленная

суетность все-таки могла бы оказать на послѣдній исходъ свое рѣшающее вліянье. Правда, что поэзія страсти не закрываетъ въ Мортимерѣ іезуитскаго фанатизма, точно такъ же не мѣшаетъ она въ Бёрлеѣ твердому убѣжденью, что Елисавета прежде всего обязана сберечь отечеству протестантизмъ и религіозную свободу. „Да, государства благо, — вотъ верховный долгъ", говоритъ онъ, но это у него не на первомъ планѣ, и вслѣдстіе этого „Марія Стуартъ" не поднялась до высоты исторической трагедіи принциповъ.

Въ „Орлеанской Дѣвѣ" освобожденіе родного края является религіознымъ подвигомъ; Шиллеръ противопоставилъ героиню юношескому произведенію Шекспира и „Дѣвственницѣ" Вольтера въ томъ просвѣтленномъ образѣ, какой придало ей народное сознаніе: „Ты сердцемъ создана, и будешь ты безсмертна!" Онъ снова примирилъ покинутую съ ея народомъ, такъ что она умираетъ у него побѣдоносная, а не на кострѣ какъ вѣдьма, то-есть онъ поэтически внесъ въ свою трагедію пересмотръ ея процесса, состоявшійся послѣ ея смерти, и свелъ на самый короткій срокъ пору ея непризнанности, совершенно исчезающую передъ увѣнчавшею ее потомъ славой: „Печали время коротко, но радость, радость будетъ вѣчна"! Спасающая свой народъ, боговдохновенная героиня, была бы чисто лишь эпическимъ сюжетомъ,—это Шиллеръ сообразилъ очень хорошо; она могла стать драматичною только тѣмъ, чтобъ человѣчность ея пришла въ столкновеніе съ ея миссіей; выступивъ изъ женской сферы и пустившись въ войну и политику, она должна посвятить себя этой миссіи всецѣло и нераздѣльно; послушайся она голоса своего сердца, своего пола, и здѣсь тотчасъ явится ужь рознь. Только у Шиллера впереди всего идетъ иноческое воззрѣніе, что будто бы дѣвица вообще оскверняется любовью къ мужщинѣ, тогда какъ между тѣмъ именно любовь къ англійскому полководцу перечитъ ея долгу передъ отечествомъ, такъ что Іоаннѣ приходится промолчать на вопросъ отца: не врагъ ли въ сердце къ ней вселился? И любовь эта является вдругъ, безо всякой овинословки, какъ роковой какой-то ударъ, а потомъ ведетъ къ потрясающей душевной борьбѣ, полной лирической прелести, когда Іоаннѣ приходится нести хоругвь при вступленіи въ Орлеанъ и она потомъ искупляетъ вину свою побѣдой надъ собою. Искусно подготовилъ Шиллеръ ея воспріимчивость къ божественному откровенію. Онъ изображаетъ ее вѣрующею по природѣ и благочестивою христіанкой; она дремлетъ подъ тѣнью друидскаго дерева и видитъ вѣщіе сны, но при этомъ смотритъ на образъ Богоматери; въ ней, пастушкѣ, живо воспоминаніе, какъ Богъ неоднократно призывалъ пастуховъ въ пророки и въ цари; любовь къ родинѣ сливается у ней въ одно съ вѣрностію государю. Превосходнымъ контрастомъ къ идилліи сельской ея жизни выходитъ суматошная безсовѣтность королевскаго двора, куда она вступила съ богопреданнымъ величіемъ, послѣ того какъ успѣхомъ завѣрилось ея призванье. Ходъ дѣйствія подлинно героическій, блескъ дикціи, отголоски библейскаго языка совершенно подходятъ къ сюжету, все вмѣстѣ производитъ большой сценическій эффектъ.

Въ „Мессинской Невѣстѣ" новѣйшій поэтъ Шиллеръ старался соперничать съ античными; онъ вывелъ на нашу сцену даже и хоръ, позабывъ что онъ

возмѣщается у насъ обильнѣйшею умственною жизнію героевъ, фономъ участвующихъ въ драмѣ второстепенныхъ личностей и наконецъ юморомъ; притомъ онъ спуталъ понятіе этого идеальнаго свидѣтеля событій, этого носителя религіозно-нравственныхъ идей тѣмъ, что подѣлилъ его на двѣ враждебныхъ части и вовлекъ въ самую борьбу. Софокловъ „Царь Эдипъ" послужилъ ему образцомъ для композиціи. Дѣйствіе уже совершилось, и только сами дѣйствующіе начинаютъ сознавать его теперь; все уже налицо, дѣло—въ одномъ дальнѣйшемъ развитіи; и это развитіе, эта размотка крайне перепутанныхъ нитей задумана и выполнена искусно, изобрѣтательность и урядливый духъ Шиллера заявили себя здѣсь вполнѣ. Піэса можетъ смѣло выдержать сравненіе во всемъ, что̀ относится къ поэтичности положеній и къ великолѣпію языка при глубинѣ мыслей. Напомню только о томъ, какъ Изабелла хвалится, подобно Ніобѣ, своимъ материнскимъ счастіемъ непосредственно передъ роковой развязкою загадокъ и передъ внезапнымъ исполненіемъ всѣхъ повидимому противорѣчивыхъ предвѣщаній оракула; напомню о разсказахъ обоихъ братьевъ, какъ нашли они возлюбленную; напомню слова Цезаря о божественной силѣ любви и о высшемъ освященіи смертью, напомню бездну перловъ въ хоропѣніяхъ. Въ Германіи былъ уже тогда извѣстенъ Кальдеронъ, и вліяніе его на Шиллера мнѣ кажется несомнѣннымъ; онъ потягался на равныхъ правахъ и съ нимъ. Но онъ страждетъ здѣсь недостаткомъ въ индивидуальной обрисовкѣ характеровъ, недостаткомъ въ вѣрной идеѣ судьбы, которая является у него тутъ не божіимъ правосудіемъ въ тѣсной связи съ человѣческою волей, уготовляющей себѣ жребій самосознательными дѣлами, а скорѣе чѣмъ-то совершенно внѣшнимъ, готовымъ напередъ, стерегущимъ изъ-за угла, завязывающимъ любовныя узы только для того, чтобы разорвать ихъ съ презорнымъ смѣхомъ: братья вѣдь не знаютъ ни того что у нихъ есть сестра, ни того что имъ предстоитъ полюбить ее какъ невѣсту и оттого погибнуть, и право мы мало выигрываемъ слыша даже намекъ поэта, что злодѣянія предковъ караются на ихъ потомствѣ, виновато оно или нѣтъ. Вотъ почему произведеніе это вызвало у жалкихъ подражателей раздутую нелѣпицу такъ-называемыхъ роковыхъ трагедій, которыя какъ проклятое исчадіе прильнули во множествѣ къ его стопамъ. Знаменательно сказалъ Гиллебрандъ: „Человѣкъ, отдающійся слѣпой силѣ суевѣрія, справедливо становится ея жертвой и рабомъ; онъ повиненъ въ измѣнѣ разуму. Кто однажды измѣнилъ ему такою самоотдачею себя внѣшней грезѣ, оракулу, кто покинулъ внутренняго сократовскаго демона, истиннаго совѣтодавца въ своей собственной груди, тотъ по дѣламъ подпадаетъ власти неразумнаго демона внѣшней природы и всегдашняго спутника его, случая. Безсовѣтно и мимовольно ведетъ его этотъ къ погибели, которой онъ и заслужилъ своей измѣной свободѣ, разуму, верховной силѣ человѣка. Мысль эта сама по себѣ сподручна для трагической обработки; только Шиллеръ взялъ ее не съ надлежащей стороны, не развилъ ея въ психологически-нравственномъ значеніи, выставилъ не съ тѣми мотивами, которые лежатъ въ присущемъ ей внутреннемъ содержаньи."

Въ „Теллѣ" Шиллеръ спѣлъ лебединую свою пѣснь. Свободѣ, которой разбойникъ Моръ тщетно искалъ въ революціонной борьбѣ съ общественнымъ порядкомъ, за которую Поза говорилъ и умеръ реформаторомъ, —

свободѣ здѣсь не приходилось только-что возникать еще впервые; она ужь существуетъ налицо въ самородной нравственной народной жизни, которая, сбрасывая съ себя грозившее ей иго, является умѣренною въ торжествѣ.

Есть наконецъ предѣлъ тирановъ власти.
Когда гнетомые напрасно ищутъ правъ,
Когда ужь невтерпежъ имъ станетъ бремя,
Они рѣшительно рванутся къ небесамъ,
Чтобъ вѣчныя права снести оттуда,
Тамъ прочно, нерушимо, искони
Стоявшія какъ звѣзды въ горнемъ сводѣ;
Первоначальный бытъ воротится опять,
Возстанетъ человѣкъ на человѣка:
Ему послѣднимъ средствомъ данъ вѣдь мечъ,
Когда безсильны всѣ иныя средства.

Поэтому произведеніе это не трагедія, а эпическая драма, и Гёте намѣревался обработать сюжетъ эпически. Героемъ здѣсь выступаетъ цѣлый народъ, и если Шекспиръ называлъ его многоголовой, неудержной толпою, если Гёте въ Эгмонтѣ потѣшалъ индивидуальными чертами народныхъ сценъ, но заставлялъ филистеровъ боязно уходить отъ огневыхъ рѣчей Клерхенъ, то Шиллеръ, первый, изобразилъ народъ, какъ органическое цѣлое во всей его дюжести, какъ достойную опору передовыхъ своихъ вождей. Инстинктивно становится Телль за правое дѣло и спасаетъ государство отъ опаснѣйшаго врага, когда доведенному до крайности ему пришлось мстительной рукой оборонять семью; такъ же точно привязанность къ родинѣ пересиливаетъ у Руденца всѣ позывы на чужбину, возбуждаемые въ немъ любовью къ Бертѣ; здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, царитъ надо всѣмъ полное согласіе семьи съ государствомъ въ свободномъ и здоровомъ народномъ быту. И поэту удалось нарисовать настоящихъ дюжихъ дѣтей природы, какъ въ Германѣ и Доротеѣ сдѣлалъ это его другъ; для той патріархальной поры его типичная обдѣлка вышла самая подходящая; простосердечный геродотовскій тонъ Тшудіевой Хроники, вмѣстѣ съ тономъ лютеровой библіи и Одиссеи Фосса отзываются въ искренно-повадномъ языкѣ, который тѣмъ не менѣе остался чисто-шиллеровскимъ. Онъ хотѣлъ написать вещь, говорящую и сердцу, и внѣшнимъ чувствамъ народа, и въ своемъ изданіи Телля я показалъ на немъ примѣръ того, какъ выполняетъ подобную задачу геній, когда возьмется за матерьялъ, подготовленный для него въ теченіе вѣковъ задушевною фантазіей самого народа, при чемъ сказаніе или былина одѣваютъ идеальной плотью духъ исторіи. И какъ между высокими горами открывается иногда проглядь въ даль, такъ въ Аттингхаузенѣ и Мельхталѣ Шиллеръ показываетъ намъ переходъ отъ средневѣкового рыцарства и его культуры къ гражданскому быту новаго времени:

Старье падетъ, пришла пора совсѣмъ иная,
И изъ руинъ возникъ ужь новой жизни цвѣтъ.

„Да это вовсе не первый только актъ, а цѣлая піэса, и притомъ безподобная,“ отвѣчалъ Гёте, прочитавъ сцены экспозиціи или вводнаго изложенья.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ идиллически-граціозно начинается драма милыми пѣснями и звономъ бубенчиковъ у стадъ! Тутъ въ мирный бытъ народа врывается вдругъ бѣдствіе, гнетъ неудержной тиранніи; но всегда, вездѣ уже готовъ и избавитель,—гдѣ Телль вступившійся за Баумгартена, гдѣ Гертруда съ своимъ совѣтомъ Штауффахеру, покамѣстъ не состоялся союзъ трехъ мужей, образецъ для сходки трехъ кантоновъ на горѣ Рютли, порука за успѣхъ праваго дѣла, за его торжество. Ночной сходъ — мастерская вещь, точно такъ же какъ сеймъ въ трагедіи „Димитрій"; тутъ геній Шиллера заявляетъ себя въ умѣньи владѣть массами, въ его предназначеніи къ исторической поэзіи, къ крупнымъ вообще предметамъ въ общественной жизни человѣчества. Все тутъ идетъ живо. Опредѣляется и тотчасъ же осуществляется на дѣлѣ форма сходокъ, вводятся историческія воспоминанія тамъ, гдѣ нужно обосновать ими право наличной современности; совѣщаются о обезпеченіи этихъ правъ въ будущемъ, объ освобожденіи родного края, присягаютъ блюсти союзъ, и солнце восходитъ надъ утромъ народной свободы. Упоминали тутъ и о Теллѣ, но насчетъ Геслера не рѣшили ни чего; то былъ одинъ лишь намекъ на обѣ эти личности, которыя выступятъ теперь на первомъ планѣ. При стрѣльбѣ въ яблоко поэтъ даетъ намъ заглянуть въ сердце дѣйствующихъ и предстоящихъ. Потрясшую Телля душевную муку можемъ мы, пожалуй, принять за трагическое искупленіе той вины его, что онъ, сильнѣйшій изо всѣхъ, дотолѣ охотно уединялся отъ другихъ: тѣмъ тяжеле долженъ онъ зато ощутить общее бѣдствіе. Это и подожгло его на спасительное для всѣхъ дѣло. То что онъ исполняетъ послѣднее не тотчасъ по выходѣ изъ лодки, что сказаніе перенесло его съ открытой мѣстности въ узкую тѣснину, поистинѣ затрудняло поэта: Телль вѣдь дѣйствуетъ теперь ужь не подъ гнетомъ обстоятельствъ, у него есть время поразмыслить о дѣлѣ, которое онъ намѣренъ совершить какъ божій судъ. Желая особенно это выяснить, Шиллеръ некстати увлекся нравственнымъ параллелемъ съ Іоанномъ Парричидой; нравственная оцѣнка пробуждаетъ то именно сомнѣнье, которое ей надлежало бы разрѣшить; вѣдь и безъ нея наше чувство было на сторонѣ Телля.

Кто съ памятью о шиллеровомъ Теллѣ поѣдетъ по Швейцаріи, тому покажется какъ будто бы ужь онъ разъ все это видѣлъ въ свѣтломъ какомъ-то снѣ; потомъ онъ найдетъ, что все что ни скажутъ ему тамъ о краѣ, есть уже и въ трагедіи, и что нѣтъ въ ней при томъ ни одной фальшивой черты. Изъ разсказовъ Гёте, изъ хроникъ, изъ описаній природы и обычаевъ у Эбеля и Шейхцера Шиллеръ узналъ всѣ разнообразныя подробности, но онъ проплавилъ все это въ огнѣ своей великой поэтической души, и тогда изъ общаго созерцанія его фантазіи оно выросло какъ бы само собою въ видѣ цѣльнаго организма. Такъ, обращаясь къ Колумбу, онъ самъ однажды сказалъ, что берегъ, лежащій въ свѣтозарномъ блескѣ передъ геніальнымъ умомъ мореплавателя, непремѣнно поднялся бы теперь изъ водъ, не будь его даже заранѣе на мѣстѣ.

Природа съ геніемъ стоятъ въ союзѣ вѣчномъ:
Что обѣщалъ одинъ, другая совершитъ!

Поэтъ попеременно водружалъ свое знамя въ родномъ краѣ, въ Италіи, во Франціи, въ Англіи, въ Испаніи; съ „Димитріемъ" хотѣлъ онъ вступить на почву Польши и Россіи. Уцѣлѣвшіе отрывки, планъ цѣлаго, показываютъ что сила его все росла. Димитрій, побѣдоносный пока вѣруетъ въ свое право, вдругъ узнаетъ о своемъ самозванствѣ передъ вшествіемъ въ Москву; онъ низвергаетъ убійцу настоящаго Димитрія, рѣшается удержать за собою власть, но дѣйствуетъ теперь опрометчиво, то увлекаясь тиранскимъ недовѣріемъ, то заискивая расположенія къ себѣ народа, и наконецъ испытываетъ весь ужасъ лежащаго на немъ клейма, что онъ вступилъ въ свое царство съ иноземной только помощью. Этотъ поворотъ необыкновенно величавъ, и цѣлое вышло бы, пожалуй, не хуже Валленштейна.

Другъ Шиллера съ юныхъ лѣтъ, генералъ Шарффенштейнъ, какъ извѣстно говорилъ: „Не сдѣлайся Шиллеръ великимъ стихотворцемъ, ему не оставалось бы другого выбора, какъ сдѣлаться крупнымъ человѣкомъ въ общественной дѣятельности; но легко возможно, что злополучною, хотя конечно и почетною для него долей выпала бы тогда крѣпость". Благодаря однако своей героической природѣ онъ все-таки сильно подѣйствовалъ и на общественную жизнь; сотый день его рожденія отпразднованъ вездѣ, гдѣ только есть Нѣмцы, даже въ Америкѣ и въ Новой Голландіи, отпразднованъ такъ, какъ ни одинъ народъ никогда не чествовалъ своего пѣвца, и это было шагомъ къ объединенію Германіи. Карлейль былъ въ правѣ повторить относительно ранней смерти Шиллера тотъ вопросъ, какой приписываютъ Карлу XII-му объ Александрѣ: Развѣ онъ не довольно долго жилъ, завоевавъ столько царствъ? „Эти царства Шиллеръ завоевалъ не для одного какого-нибудь народа въ ущербъ другимъ, они не были осквернены кровью патріотовъ, слезами вдовъ и сиротъ; они отняты у безплоднаго царства мрака, на пользу счастія, силы и достоинства всѣхъ вообще людей: изъ безформной пустоты, изъ неопредѣленной безконечности добыты новыя формы истины, новыя слова мудрости, новые образы и сцены красоты во всегдашнее наслѣдіе всѣмъ земнымъ поколѣньямъ!" Тѣмъ, какъ изъ подъ гнета обстоятельствъ Шиллеръ неослабно стремился къ высшему, какъ неутомимо работалъ онъ, служа идеямъ, надъ образованіемъ самого себя и человѣчества, онъ сталъ образцомъ для своего народа и символомъ его историческаго назначенія, — пророкомъ, собственноручно помогавшимъ осуществлять то, что онъ возвѣщалъ. Народъ нашъ и пошелъ по указанному имъ пути,—черезъ эстетическое образованье къ политическому, черезъ красоту къ истинѣ и свободѣ.

Современники классиковъ. Жанъ-Поль. Гумбольдтъ.

Какъ сначала Гёте высился одинъ среди „буреносцевъ" и защитниковъ устарѣлыхъ правилъ, такъ высился онъ потомъ вмѣстѣ съ Шиллеромъ надъ двоякимъ слоемъ сверстниковъ по искусству: одинъ слой состоялъ изъ людей, примкнувшихъ къ классикамъ, другіе, напротивъ, были обычными представителями духа времени, и съ слабою его стороной въ занимательной лите-

ратурѣ посредственности, направленной противъ занесшагося ввысь идеализма, который не столько облагороживалъ дѣйствительную жизнь, сколько давалъ ей образцы для постановки себѣ иныхъ цѣлей. Юмористы, въ свой чередъ, потѣшались опять и самой этой противоположностью, а люди науки обработывали каждый свой предметъ со вкусомъ и умомъ, воспитавшимися теперь на великихъ поэтахъ. Если мы къ тому еще сообразимъ, что тогда же стала развиваться и романтика, то получимъ понятіе объ удивительномъ литературномъ богатствѣ; были, конечно, свои невыгоды въ томъ, что нація пробавлялась собственно одною только литературой, но зато послѣдняя имѣла весьма важное значеніе для дальнѣйшаго развитія и въ самомъ быту. На первомъ мѣстѣ стояли лирики. Зёйме, которому пришлось биться въ Америкѣ среди проданныхъ туда правительствомъ Гессенцевъ и который совершилъ потомъ прогулку въ Сиракузы; стоическимъ образомъ чувствъ и мыслей напоминалъ онъ Канта и Клингера, а восторженнымъ одушевленіемъ къ свободѣ—Шиллера и Фихте; онъ былъ серьёзенъ до тяжеловѣсности передъ сантиментальнымъ щегольствомъ какого-нибудь Маттисона, который заодно съ болѣе сильнымъ Залисомъ, ввелъ опять въ почетъ ландшафтную живопись, и передъ женственнымъ Тидге, авторомъ „Женскаго зеркала", который въ своей „Ураніи" облекалъ въ стихи идеи о практическомъ разумѣ, о Богѣ, о добродѣтели и безсмертіи съ элегическою жаждой все чего-то лучшаго въ иномъ мірѣ. Потомъ Козегартенъ и Баггесенъ на сѣверѣ, которые оба тужились парить, испытывая въ многоразличныхъ формахъ свои силы, но иногда производя и что-нибудь хорошее; а на югѣ опять пѣвецъ природы, Хебель, съ его милыми идилліями на аллеманскомъ нарѣчіи, съ его наивными и замысловатыми однакожь разсказами въ „Копилкѣ рейнскаго пріятеля",—какъ бы вновь возродившійся Клаудіусъ. Ихъ всѣхъ переросъ молодой геній Хёльдерлина; къ сожалѣнію, разладъ между идеаломъ, какой носилъ онъ въ душѣ и поэтически высказывалъ, и между суровою обиходной дѣйствительностью, не только вызывалъ у него прекрасныя элегіи, но и погубилъ его, когда душевная любовь къ одной благородной женщинѣ, его Діотимѣ, и сначала грубое обращенье ея мужа, а потомъ ея ранняя смерть, разстроили тонкую его натуру до помѣшательства.

Хорошо вамъ гулять тамъ въ свѣтлой выси
По глади мягкой, блаженные духи!
Повѣвы небесные
Струйкой блестящею
Едва лишь касаются васъ,
Какъ пальцы художницы—
Струнъ освященныхъ.
Будто спящій младенецъ,
Рока не знающій,
Небожители дышатъ легко!
Въ почкѣ стыдливой
Укрытый надежно,
Духъ ихъ божественный
Не увядая вѣчно цвѣтетъ,
И съ вѣчной ясностью
Тихо глядятъ
Ихъ блаженные очи.

Намъ же на долю дано
Покоя не знать, ни пріюта;
Люди-страдальцы
Падаютъ слѣпо,
Гибели жертвой съ часу на часъ,
Словнò вода, со скалы на другую
Бѣшено прядая,
Годы несется нѣвѣсть куда.

Эта пѣснь судьбѣ какъ-разъ подходитъ къ пѣснѣ Парокъ въ Ифигеніи и подтверждаетъ собственное изреченіе поэта: что святая мелодія нарождается въ сердцѣ только тогда, когда оно стойко перетерпитъ самую полночь печали, и что какъ пѣсня соловья всего усладительнѣе во мракѣ, такъ и пѣснь жизни міра всего отраднѣй звучитъ намъ въ страданіи. Другія его стихотворенія—въ шиллеровскомъ духѣ. Такъ, когда онъ напримѣръ славитъ великую учительницу, нужду, которая будитъ человѣка къ развитію его силъ и дѣлаетъ время школой вѣчности.

Отраду жатвы золотистой даетъ лишь солнца жгучій зной,
Лишь кровью собственной извѣдалъ боецъ, что онъ и самъ большой.
Ударомъ грознымъ, безпощаднымъ нужда свершаетъ въ день одинъ
То, чтò вѣкамъ не удавалось; и если страшный исполинъ
Громами бурными разрушитъ подчасъ и счастія пріютъ,
Порой міры повергнетъ въ трепетъ, то всежь среди ужасныхъ смутъ
Незыблемо и неприступно останется на вѣкъ вѣковъ
Чтò въ жизни истинно велико, чтò свято для самихъ боговъ.

При этомъ въ его одахъ мы находимъ какую-то благоуханную ткань изъ созерцанія природы и сердечнаго ощущенія. Какъ будто Хёльдерлинъ всегда только впервые еще глянулъ на божій міръ и не можетъ надивиться великому чуду существованія, какъ будто бы его совершенно ошеломляетъ мысль что вообще что-нибудь есть, а великолѣпіе вселенной приводитъ его въ упоеніе. Въ такомъ смыслѣ написанъ и отрывокъ трагедіи „Эмпедоклъ". Поэтъ-философъ вездѣ хочетъ обнять всею душой цѣлое для того чтобы жить и любить какъ боги, а между тѣмъ все указываетъ ему на порозненность (въ пространствѣ) и на преемственность (во времени); онъ, какъ Фаустъ, ищетъ освобожденія отъ границъ конечнаго бытія, и бросается въ огнедышащую Этну. Романъ „Гиперіонъ", подобно Вертеру, изліяніе въ письмахъ сильно возбужденной души. Гиперіонъ бьется въ неудачной войнѣ за освобожденіе Эллиновъ; контрастъ безнадежнаго-вполнѣ настоящаго съ чуднымъ великолѣпіемъ древности, — вотъ главная тема, а съ нею рядомъ идетъ упоенное красотой провозвѣстіе догмата о всеединствѣ, который друзья хёльдерлиновой юности, Шеллингъ и Гегель, проводятъ потомъ въ философской системѣ. „Быть заодно со всѣмъ,—вотъ божественная жизнь, вотъ небо человѣка. Быть заодно со всѣмъ чтò ни есть, воротиться въ блаженномъ самозабвеніи во всецѣлость природы! Быть заодно со всѣмъ чтò ни есть! Съ этими словами добродѣтель снимаетъ съ себя гнѣвную броню, умъ человѣка откладываетъ въ сторону свой скипетръ, и всѣ помыслы исчезаютъ передъ ликомъ вѣчно-единаго міра, желѣзная судьба отрекается отъ своего владычества, изъ тѣснаго союза существъ чезнетъ смерть, и вѣчная юность одушевляетъ и украшаетъ вселенную. Ея разгласія стано-

вятся только разладомъ влюбленныхъ. Въ самой ссорѣ гнѣздится уже примиреніе и все порозненное сближается опять. Расходятся и возвращаются одна къ другой жилы въ сердцѣ, и единая, вѣчно-пылкая жизнь безпрепятственно кружитъ вездѣ. Народы вышли нѣкогда изъ дѣтской гармоніи, гармонія душъ, умовъ явится опять и началомъ новой всемірной исторіи. Растительнымъ счастіемъ начали люди, и росли себѣ такъ пока не созрѣли; съ тѣхъ поръ пошло безпрерывное броженіе, а теперь-вотъ человѣчество превратилось словно въ хаосъ, такъ что голова кружится у всѣхъ, кто способенъ еще чувствовать и видѣть. Но красота изъ людской жизни бѣжитъ въ духъ; становится ужь идеаломъ то, что̀ было нѣкогда природою; и если снизу дерево подгнило и вывѣтрилось, то все же красуется оно и зеленѣетъ на солнцѣ маковкой, какъ прежде въ дни юности красовался его стволъ. Стало идеаломъ то, что̀ было природой. По этому идеалу, по возрожденной богинѣ этой, признаютъ другъ друга немногіе избранники, и они всѣ одно, потомучто идеалъ у нихъ одинъ, и отъ нихъ-то вотъ начнется новая эра міровой жизни."

Но на первыхъ порахъ поэты были окружены такой публикой, которая требовала себѣ, главное, занятности и хотѣла находить въ искусствѣ опять-таки только самоё себя, какъ бы Шиллеръ ни задавался насмѣшливымъ вопросомъ:

Но скажи же пожалуйста, другъ, что̀ съ жалкою сволочью этой
Крупнаго можетъ случиться, что̀ крупнаго ей по плечу?
Какъ что̀? А сплетни, а ссуды подъ вѣрный, надежный закладецъ,
Кража серебряныхъ ложекъ, хоть съ рискомъ попасть и подъ штрафъ.

Тутъ появился Шмидтъ фонъ-Варнёйхенъ, укладывавшій въ риѳмы самую обыденную поэзію домашняго хозяйства, но уже гораздо скуднѣе чѣмъ Фоссъ, гораздо непригляднѣе чѣмъ Маттисонъ, съ которыми А. В. Шлегель выпускаетъ его состязаться въ пѣснопѣніи.

Шрёдеръ, поставившій на германскую сцену Шекспира, Иффландъ, игравшій гётевскія и шиллеровскія характерныя лица, примкнули, какъ писатели, къ роду трогательныхъ семейныхъ піэсъ, который уже воздѣлывался тогда въ Англіи и во Франціи,—роду мѣщански-сантиментальному, но съ хорошимъ нравственнымъ ядромъ внутри. Котцебу взглянулъ на мораль гораздо распущеннѣе и вольнѣе; въ противоположность кантовской строгости, онъ извинялъ слабость податливой на соблазнъ природы, извинялъ темныя точки въ исторіи такихъ женщинъ, которыхъ мужчины принимали къ себѣ опять изъ милости, такъ какъ вѣдь не лучше-де ихъ и сами мужчины. Задушевность поэзіи замѣнилъ онъ внѣшнею театральною сноровкой, но на это онъ былъ истинный виртуозъ, изобрѣтателенъ, мастеръ мѣтко задѣвать за живое, зная вполнѣ свою публику, умѣя заманить ее и увлечь; все равно, осмѣивалъ ли онъ мелкихъ провинціаловъ или романтиковъ, самъ ли всходилъ на котурнъ романтической трагедіи, соперничая въ рыцарскихъ піэсахъ съ Ба̀бо и Тёррингомъ, а потомъ опять изображалъ будничную жизнь, онъ для минутной потѣхи равномѣрно готовъ былъ пустить въ ходъ и религію и вольнодумство, возвышенныя фразы и пошлѣйшія шуточки. Наши классики были далеко не занятны, требуя напряженія и возвышенности; тутъ-то Котцебу и единомысленные ему люди,—но онъ конечно ловчѣе всѣхъ,—кстати предложили боль-

шинству самое легкое и общедоступное занятіе. Своей безъидеальностью оскорбилъ онъ идеальныя чувства патріотической молодежи, и палъ подъ ножомъ одного фанатика-мечтателя. Какъ Шрёдеръ и Иффландъ нашли себѣ подходящій аккомпаниментъ въ семейныхъ романахъ Гермеса, такъ точно и Котцебу нашелъ его для своихъ театральныхъ піэсъ въ разсказахъ Лафонтена. Дѣльнѣе вышелъ энгелевъ Лоренцъ Штаркъ, пріятнѣе дѣйствовали народныя сказки Музеуса, хотя онъ и относился еще къ своему предмету повиландовски, съ нѣкоторою ироніей.

Не столько какъ поэтъ, сколько какъ талантливый ученый и остроумецъ, стоялъ среди сутолоки и противоположностей того времени гёттингенскій профессоръ Лихтенбергъ, ипохондрикъ-юмористъ, великій въ мелочахъ; „гдѣ онъ вздумаетъ пошутить, сказалъ объ немъ Гёте, тамъ навѣрно кроется какая-нибудь проблема“; мы не разъ упоминали о бойкихъ его замѣчаніяхъ. Тюммель былъ, напротивъ, полонъ добродушной веселости, и въ „Путешествіи по южной Франціи“ къ комическимъ изображеніямъ тамошнихъ людей и вещей онъ легко принизалъ свои дышащія удовольствіемъ замѣтки. Между ими обоими стоитъ Гиппель, въ Кёнигсбергѣ; біографія въ его „Ходахъ и поворотахъ людской жизни“ служитъ только нитью, а всущности вѣра въ свободнѣйшую, лучшую будущность человѣчества наводитъ у него вогнутое зеркало сатиры на безумія современнаго быта, и въ то же время онъ, первый, выноситъ кантовскія идеи изъ аудиторіи въ среду образованнаго общества.

Такъ исподоволь подготовился и Жанъ-Поль Фридрихъ Рихтеръ (1763—1825). Ни одинъ еще великій поэтъ не выросъ въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ; терпкая школа всякаго рода лишеній воспитала его, какъ никого, поэтомъ бѣдняковъ и покинутыхъ; и никто добросовѣстнѣе не исполнялъ утѣшительнаго, просвѣтляющаго скорбь, жречества поэзіи, никто не выставлялъ съ такой любовью на видъ, что жизнь цѣнна не внѣшнею обстановкой, а внутреннимъ содержаніемъ, тѣмъ, какъ принимаемъ мы душой и вещи и обстоятельства; ни кто глубже его не почувствовалъ и не передалъ того счастья, какимъ чистое и довольное въ себѣ сердце можетъ обладать даже и въ самомъ мелкомъ и обыкновенномъ. Освобожденіе внутренняго чувства, новое въ людяхъ мужество не стыдиться его, а напротивъ имъ услаждаться, повело къ крайней, чрезмѣрной чувствительности; Жанъ-Поль, какъ и Клопштокъ, стоялъ на ней весь, но заслуга обоихъ въ томъ, что и собственное свое сердце, и сердце народа они обращали къ святому и высокому, что содержаніемъ чувству дали они Бога и людское благо, добродѣтель и свободу, что они освятили это чувство и облагородили. Навертывающаяся иногда слеза не должна при этомъ вводить насъ въ заблужденіе, и всего менѣе у Жанъ-Поля, такъ какъ сантиментальность онъ часто вдругъ прерываетъ шуткою, а юмору вѣдь и свойственно улыбаться сквозь слезы. Въ молодости поэтъ сначала поработалъ на уксусной фабрикѣ сатиры, прежде чѣмъ распахнулъ міру любовь своего сердца, а затѣмъ оба элемента пошли у него рука-обруку, — ѣдкая острота выдѣляющая изъ нелѣпостей и противорѣчій бытія комическое веселье,—и тотъ мечтательный энтузіазмъ чувства, который паритъ къ безконечному и обнимаетъ все великое, отдаваясь ему вполнѣ самъ. Общимъ фономъ для Жанъ-Поля служитъ контрастъ идеальныхъ порывовъ чувства и че-

ловѣчнаго образованія у отдѣльныхъ личностей съ филистерствомъ, мелкодержавствомъ, съ прогнившей общественностью тогдашней Германіи; онъ такъ и остался при этомъ контрастѣ, между тѣмъ какъ Гёте и Шиллеръ, примкнувъ къ древней Греціи, выработали себѣ идеальный образъ прекрасной человѣчественности. Въ „Креэвинкелѣ" и „Флаксенфингенѣ" онъ осмѣялъ тогдашнія бытовыя условія, но въ то же время выдвинулъ впередъ ядро человѣческой души, а относительно вещей указалъ ясно, какъ и въ малѣйшей изъ нихъ все-таки есть свое добро, и этимъ, помимо всего смѣшного, дѣйствительно умѣлъ растрогать сердца читателей. Самъ онъ говоритъ: „Я всегда зналъ только три пути сдѣлаться счастливымъ. Первый идетъ ввысь: надо вырваться и подняться надъ облаками жизни дотого, чтобы весь внѣшній міръ съ его волчьими ямами, костниками и громоотводами казался изъ-дали внизу какимъ-то крохотнымъ дѣтскимъ садикомъ. Другой путь: прямо свалиться въ этотъ садикъ, и такъ угнѣздиться тамъ въ какой-нибудь бороздѣ, что если и выглянешь изъ своего теплаго жавороничья гнѣздышка, то такъ же не замѣтишь ни волчьихъ ямъ, ни костниковъ, ни вѣхъ, а увидишь одни только колосья, изъ которыхъ каждый покажется угнѣздившейся птичкѣ за дерево, за надежный кровъ отъ солнца и дождя. Наконецъ, третій, который я считаю самымъ труднымъ и благороднѣйшимъ, состоитъ въ томъ, чтобы попеременно держаться двухъ первыхъ". Въ этой перемѣнѣ, но происходящей дотого быстро, что обѣ противоположности сливаются хотя на одинъ мигъ,—въ ней-то именно и лежитъ юморъ, этотъ перевивъ возвышеннаго съ мелочнымъ, сплавъ трогательнаго со смѣшнымъ и забавнымъ. На крыльяхъ вдохновенія поэтъ высоко вздымается надъ земными облаками, спитъ какъ райская птица на лету и просыпаетъ тамъ въ высотѣ всѣ землетрясенія, всѣ буруны и прибои въ блаженно-прекрасной грезѣ объ идеальной своей родинѣ. И вотъ вдругъ онъ среди насъ, и поэзія становится въ его рукахъ увеличительнымъ стекломъ: капля воды превращается въ кипящее жизнью море, плѣсень—въ пальмовый лѣсъ, песокъ—въ блестящія груды драгоцѣнныхъ камней; но онъ оборотилъ стекло, и мы видимъ выгнутое зеркало, бросающее отъ себя на стѣну въ видѣ забавныхъ отраженій всѣ глупости, причуды, слабости и затѣи малыхъ и великихъ людей. Но прямая хода человѣка, между заоблачнымъ полетомъ въ эѳиръ и сидѣньемъ въ тепломъ гнѣздышкѣ, здоровый ясный взглядъ, подмѣчающій существенное и вѣчное въ самой дѣйствительности, усматривающій ядро человѣческой природы и вышнюю мощь Промысла въ подвигахъ героя и въ судьбахъ народовъ, эта середина жизни, это согласіе внѣшняго съ внутреннимъ, эта передача идеи въ простыхъ, крупныхъ типическихъ чертахъ и обликахъ, эта пластическая законченность формы, какія Шиллеръ и Гёте добыли себѣ изъ антика,—все это осталось недоступно Рихтеру; лучшіе цвѣты бытія казались ему словно окаменѣлостями какого-то вовсе не земного климата, поэзія его вышла тоскою духа по небу, еще всего чище отражающемуся въ невинной душѣ ребенка; эта жажда надземнаго даетъ ему какой-то милый сердцу оттѣнокъ нѣжной меланхоліи, даетъ ему религіозное освященіе, но въ немъ слишкомъ ужь расплываются всѣ опредѣленныя формы дѣйствительности въ неуловимо-эѳирный ароматъ. Однако, если и не безъ ироніи надъ самимъ собой онъ отразилъ свою личность и свою жизнь въ идилліи Сельскаго школьнаго учителя, то все же одушевляла его здѣсь апостольская можно-сказать

сила призывать людей къ истинѣ, къ добру, къ красотѣ, и многимъ спасъ онъ этимъ душу, многимъ, какъ между прочимъ и мнѣ, сталъ онъ руководителемъ въ молодые годы, не далъ имъ запятнаться низкой пошлостью и трусливой ложью.

У Жанъ-Поля нѣтъ пластической художественности, это—музыкальная натура. Строю его сочиненій недостаетъ обозримости и симметріи частей, основной планъ всегда у него скуденъ и при этомъ запутанъ, ходъ дѣйствія медленно тащится впередъ или теряется все въ новыхъ починахъ и отпрыскахъ, фабула романа обыкновенно родъ драничнаго остова, который онъ раскидываетъ кое-какъ, почти вовсе не заботясь объ его складности и мѣрѣ; онъ нуженъ ему только для того, чтобы увѣшать его пестрыми и ароматными вѣнками своихъ чувствъ и мыслей. Характеры, какъ постоянныя комическія маски, часто выступаютъ у него подъ разными именами все одни и тѣ же въ разныхъ сочиненіяхъ: рядомъ съ цвѣтущею женскою душой фигура мощной и потомъ домохозяйственной женщины, рядомъ съ тихоней, мирно довольствующимся мелкими условіями, высокій человѣкъ, который отвергся міра, чтобы направиться къ божественному, но который при этомъ такъ же мало трудится, такъ же мало дѣйствуетъ, какъ и комическій талантъ, проводящій всю жизнь въ насмѣшливыхъ шуткахъ надъ окружающимъ его свѣтомъ: изъ нихъ первый—представитель возвышенныхъ чувствъ и мыслей автора, а послѣдній—его сатирическаго разгула и остроты; наконецъ, въ добавокъ къ этимъ характерамъ, еще необдѣланный дорогой камень нуждающагося въ воспитаніи юноши и нѣсколько знатныхъ себялюбцевъ, полныхъ холодности и коварства. При этомъ, какъ нарочно, музыкальной поэзіи Жанъ-Поля недостаетъ внѣшней формы, музыкальнаго элемента стиха и риомы, а на мѣсто этого онъ привыкъ все передавать въ образахъ или присоединять къ самой вещи какое-нибудь подобіе; его смѣлость на метафоры часто ему удается, но такъ же часто намеки его остаются непонятными, изложеніе становится загадочнымъ и прямо безвкуснымъ. Когда онъ набираетъ мысль, какъ мозаикъ, изо ста коробокъ съ ярлычками, и зачастую очень далекія другъ отъ друга вещи связываетъ слишкомъ ужь изысканнымъ остроуміемъ, перерывая самъ себя вереницею новыхъ еще затѣй, то слогъ его становится черезчуръ пестрымъ и кудреватымъ; онъ не умѣлъ распоряжаться своимъ богатствомъ, въ чемъ упрекали его уже и Ксеніи. Но богатство все же тутъ налицо, и изъ-за его чудачества не слѣдъ забывать того, что въ немъ превосходно.

Всего привольнѣе было поэту въ раю ребячества; онъ не могъ разстаться съ грезой памяти о пробуждающемся бытіи, самые ранніе дни казались ему самыми прекрасными, а все послѣдующее только отзывомъ тѣхъ столь тихихъ, но и столь чистыхъ притомъ звуковъ, какими высказывалось первое жизнеощущеніе. Дѣтству единичнаго лица отвѣчаетъ идиллическій бытъ человѣчества, и Жанъ-Поль—одинъ изъ величайшихъ идилликовъ на свѣтѣ; онъ безподобно изобразилъ затишье дѣтски-гармоническихъ натуръ съ его невидкими и однакожь неистощимыми очарованьями, его школьный учителишко Вуцъ, его Квинтусъ Фикслейнъ, обокъ со многими отдѣльными лицами въ большихъ его сочиненіяхъ, останутся въ цѣнѣ навѣки. Потомъ изображаетъ онъ первый идеальный взмахъ юношеской души въ любви, въ

дружбѣ, въ религіи, въ патріотизмѣ и въ свободныхъ помыслахъ, неудержность разцвѣтающаго чувства, энтузіазмъ къ великимъ дѣламъ, и когда мечтательной, полной чаяній душѣ онъ противопоставляетъ здѣсь свѣтъ съ его ограниченіями, глазоотводами и хитростями, то доходитъ до противоположности заносчиваго идеализма съ пошлымъ или низкимъ реализмомъ, и во взаимномъ столкновеніи ихъ разъигрывается его юморъ, не отказывающійся, обокъ съ чистымъ сердцемъ ранней юности, обрисовать и то, что́ есть въ ней неуклюжаго, мечтательнаго, глуповатаго, на ряду съ честной простотой очеркнуть и простоуміе; но сколько бы мы этому ни посмѣялись, насъ невольно тронетъ и принизитъ благородство неиспорченной натуры, которая дороже всѣхъ ухищреній цивилизаціи; задачею поэта было вести юношу къ гармоническому образованью, такъ чтобы онъ, живя среди свѣта, умѣлъ съ нимъ и совладать.

Это Жанъ-Поль сдѣлалъ уже въ своей „Невидимой ложѣ“ и въ „Гесперѣ“, и лирика сердца при бьющемъ ключемъ остроуміи, возвышенность міросозерцанія, обокъ съ живописью мелочей, очаровали, не смотря на безформность этихъ произведеній, особенно прекрасный полъ. Авторъ выбрался тогда изъ своей родины въ Сосновыхъ горахъ (Фихтельгебирге) и изъ своего школьнаго учительства, чтобы отправиться въ Веймаръ и въ Берлинъ; и когда его окружили тамъ цѣлымъ роемъ прекрасныя и сильныя души, когда онъ представился великимъ сверстникамъ своимъ въ поэзіи и пошире вглядѣлся въ дѣйствительность, тогда самъ писалъ къ одному пріятелю, что судьба какъ нарочно проводитъ его черезъ испытанія огнемъ, чтобы ему лучше обработать своего „Титана“. Не даромъ Шарлотта фонъ-Кальбъ, „Титанида“, хотѣла расторгнуть изъ-за него свой бракъ, между тѣмъ какъ другія страстно по немъ вздыхали, а онъ вмѣсто геніальныхъ женщинъ искалъ и нашелъ себѣ разсудительную и теплосердечную домохозяйку. Съ нею воротился онъ домой и за̀жилъ безъ нужды, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ.

Титанъ, по своей идеѣ, самый могучій изъ всѣхъ существующихъ романовъ; жаль что, по милости вышеуказанныхъ недостатковъ поэта, многое въ выполненіи покажется намъ теперь неудобоваримымъ. Черезъ трагическую гибель титановскихъ натуръ или душъ, заблудшихся въ одностороннемъ направленіи, а также черезъ благополучіе и гармоническую выработку главнаго лица, котораго благородный металлъ постепенно очищается путемъ ошибокъ и крайнихъ увлеченій, книга эта проповѣдуетъ намъ правило, что одни только дѣла даютъ жизни ея силу, что только мѣра придаетъ ей устой и очаровательность, тогда какъ всѣ тѣ гибнутъ неизбѣжно, „кто млечный путь неправоты и радугу фантазіи затѣетъ употреблять въ видѣ сподручнаго себѣ лука, не смогши никогда натянуть на нихъ и единой струны“. Сколько самъ авторъ ни страдалъ амальгамой болѣзненнаго съ геніальнымъ, но тутъ является въ полномъ торжествѣ одно чистое здоровье; здѣсь, среди блеска усиленной фантазійной жизни, выставлены съ ужасающимъ могуществомъ также ея опасности и муки, въ то время какъ истинный идеализмъ все-таки не отступается отъ восторженной грезы юности, а напротивъ осуществляетъ ее и тѣмъ самымъ просвѣтляетъ дѣйствительность. И однакожь: Альба-

но на флаксенфингенскомъ престолѣ, развѣ это не юмористичная опять картина противорѣчій нашего тогдашняго германства, великаго въ духѣ, но столь мелкаго въ міру? Между титанами сперва нáперво Рокероль—такая личность, которая прелюдируетъ романтикѣ и байронизму слѣдующей эпохи; это юноша съ заносчивой и безсовѣстной геніальностью, скороспѣлый и преждевременно пресытившійся жизнію, потомучто заранѣе нахватался всѣхъ наслажденій, продѣлалъ дружбу и любовь прежде въ стихахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ въ жизни; оттого дѣйствительность ему теперь и не вкусна, оттого ищетъ онъ жала грѣховности, искусственнаго раздраженія себя гнилью, чтобы хоть посредствомъ ихъ, а потомъ посредствомъ раскаянія и сокрушенія снова возбудить въ себѣ притупленное чувство. Для него уже не существовало больше ни одной новой радости, ни одной новой истины, да не уцѣлѣло у него въ свѣжемъ видѣ и ни одной прежней; такъ и вышелъ онъ дупломъ, изотлѣвшимъ на фантастическомъ огнѣ деревомъ. Надменный и въ то же время невѣрующій, становится онъ выше нравственнаго закона съ тѣмъ чтобы сдѣлать себѣ жизнь эстетической потѣхою, и заканчиваетъ дѣйствительнымъ самоубійствомъ въ той трагедіи своей исторіи, какую разъигралъ самъ. Этотъ характеръ, плодъ односторонной литературной культуры, отрѣшившейся отъ дѣйствительности, отъ цѣлей и дисциплины общественной жизни, такъ необычайно глубокъ и такъ блистательно обрисованъ, что самъ только Жанъ-Поль и смогъ выставить ему противовѣсъ, всего ближе въ своемъ юмористичномъ Шоппе. Тутъ онъ успѣлъ изобразить комическій талантъ съ его безоглядно-цинической терпкостью, съ его своеобразнымъ вольномысліемъ и свободолюбствомъ, и на основѣ мягкаго человѣчественнаго сердца возвести безпощадное осмѣянье свѣта со всѣмъ его демоническимъ могуществомъ; однако и Шоппе погибаетъ, послѣдовательно заканчивая сумасбродствомъ, потомучто и онъ все думалъ обратить въ одну игру своего остроумія и такъ необузданно отдавался дикой погонѣ за вѣчною шуткой, что у него самого кружится отъ нея голова и онъ падаетъ наконецъ въ пропасть. Но хладнокровный расчетливый умъ Донъ Гаспара также видитъ крушеніе всѣхъ своихъ замысловъ, потомучто людей и судьбы людскія не льзя же все водить на ниточкахъ какъ маріонетки; они идутъ своей дорогой по собственной волѣ и по божію опредѣленію. Изъ женскихъ фигуръ противопоставлены другъ другу Ліана и Линда: одна—нѣжная бѣлая лилія, воплощенная жажда неба, сохнущая отрекшись отъ земнаго счастія, истаевающая въ своихъ слишкомъ плавкихъ чувствахъ; другая—сильная духомъ дѣвушка, смѣлая, прекрасная, полная огневой страсти, которая въ могучемъ своемъ сердцѣ носитъ не религіозную преданность, а философское мужество и отважный полетъ фантазіи. Она высказываетъ между прочимъ великолѣпное слово: „Я вовсе не знаю, что̀ такое великія дѣла, знаю только великую жизнь; дѣла вѣдь можетъ иногда совершать и любой грѣшникъ“. Однакожь и ея великая жизнь сокрушается не безъ ея собственной вины: она переходитъ границы женственности тѣмъ вольнодумствомъ, что хочетъ соблюсти полную самостоятельность въ любви и считаетъ нравственную форму супружества несовмѣстною съ благородствомъ сердца, которое-де и безъ внѣшнихъ узъ отдается вполнѣ и навсегда однажды избранному. Поэтъ такъ блистательно надѣлилъ ее, что когда она падаетъ жертвой злодѣйскаго обмана Рокероля, то

читателю, облетѣвшему съ нею и съ Альбано всѣ сферы небесныя, это кажется слишкомъ уже рѣзкимъ диссонансомъ; справедливое само въ себѣ, намѣреніе автора недостаточно овиднословлено. Идоина, которая, благодаря своей гармонической, столько же ясной какъ и искренной природѣ, становится супругой Альбано, послѣ того какъ пройдя сквозь крайности мягкосердечія и силы онъ сперва полюбилъ Ліану, потомъ Линду,—Идоина, подобно Наталіи въ Вильгельмѣ Мейстерѣ, правда не достигла у поэта той полной наглядности, какою навѣки запечатлѣны обѣ другія. Зато Альбано уберегъ въ борьбѣ со свѣтомъ сердце свое отъ всякихъ пятенъ, онъ очистилъ въ себѣ силу, преодолѣвъ страсть; пройдя сквозь разныя очарованія и скорби, онъ восходитъ подконецъ на престолъ; осмотрительно примыкаетъ онъ къ дѣйствительности и сохраняетъ вмѣстѣ съ этимъ восторженность, подымающую его надъ всѣмъ низкимъ: „ни отъ одного идеала отступаться не слѣдуетъ, иначе угаснетъ святой огонь жизни, божество умретъ и не воскреснетъ". —Мнѣ припоминается желаніе Лудольфа Винбарга, чтобы Жанъ-Поль Рихтеръ и Вольфгангъ Гёте были молочными братьями, и Вольфгангъ занялъ бы у Поля немного блаженнодушія, а Поль у Вольфганга немного художественности; тогда бы у насъ вышелъ мастерской Титанъ и титаническій по немъ мастеръ.

Сообразно двойственной своей натурѣ, Жанъ-Поль ознаменовалъ высшую точку своего творчества двоякою вершиной, присовокупивъ къ Титану „Пору шалостей"; она свѣтлѣе, идилличнѣе; собственная личность поэта разлагается въ братьяхъ Вольтъ и Фультъ на вдумчивую и юмористическую его сторону и даетъ имъ потомъ дѣйствовать собща самымъ отраднымъ образомъ. Пора шалостей такъ и осталась отрывкомъ, но быть-можетъ доставляемое ею безпримѣсное наслажденіе отъ того именно и происходитъ, что проведены только основныя черты композиціи, но зато этотъ вырѣзокъ изъ цѣлаго такъ же хорошо представляетъ его собою, какъ напримѣръ Иліада—Троянскую войну. Дѣло идетъ тутъ о наслѣдованіи Вольтомъ одного виннаго погреба, на который семеро боковыхъ родственниковъ имѣютъ свои виды; Вольтъ—благородный, поэтическій человѣкъ, одержимый мечтательнымъ идеализмомъ и неумѣлостью юноши, но столько же прямодушный, какъ и малоопытный; имѣніе достанется ему только послѣ разнообразныхъ продѣлокъ со стороны семи родственниковъ, да и то бо̀льшая часть вырученныхъ за него денегъ перейдетъ въ ихъ же-таки карманъ, но Вольтъ подконецъ окажется совершенно выработавшимся человѣкомъ, наилучшимъ кладомъ для самого себя.

Послѣ этого Жанъ-Поль потѣшалъ публику еще разными легкими шуточными вещами; и въ то же самое время, подобно Шиллеру и Гёте, онъ принялся излагать свои идеи и научнымъ образомъ. Онъ писалъ о воспитаніи, о безсмертіи, объ искусствѣ, и именно въ своей „Подготовкѣ къ эстетикѣ" (Vorschule zur Aesthetik) далъ много безподобныхъ розысканій о комическомъ и юмористичномъ, которыя сохранятъ свою цѣну навсегда. Онъ, наконецъ, принялъ дѣятельное участіе и въ политическомъ стремленіи народа. Слово его было ободрительнымъ увѣтомъ въ годину бѣдствія, да сохранитъ народъ вѣру въ самого себя, да отправитъ онъ день торжественнаго покаянія, и пусть тогда зрѣлище всѣми претерпѣнныхъ язвъ поведетъ къ

рѣшительному общему возстанью. Слово это прозвучало возбудительнымъ призывомъ, когда занялась заря освобожденія; радуясь побѣдамъ, оно желало дарованія свободы и права послѣ побѣдъ, и когда цензура не допустила напечатать посвященія его „Подготовки къ эстетикѣ" наслѣдному принцу Эмилю Саксенъ-Готскому, то самъ принцъ возсталъ заодно съ поэтомъ въ печати противъ мыслегубства и мыслеискаженія, въ пользу истины и свѣта. Подобно тому какъ Спартанцы Тиртею обязаны были побѣдою, такъ надѣялся Жанъ-Поль, что искусство и наука соткутъ ту единительную связь, которая будетъ все крѣпче и крѣпче соединять Германцевъ въ мирномъ состязаніи ихъ другъ передъ другомъ. Онъ честно помогалъ тому, чтобъ это исполнилось, онъ подготовлялъ души такъ, чтобы мысль объ этомъ обратилась въ дѣло.

Переходъ къ людямъ науки пусть проложитъ намъ Георгъ Форстеръ, который рано совершилъ съ Кукомъ кругосвѣтное путешествіе и описалъ его вмѣстѣ съ своимъ отцомъ; тутъ уже дѣльное изслѣдованіе соединилось съ искуснымъ изложеньемъ, и въ картинѣ Отаити явилась та отрадная дѣйствительность здороваго естественнаго быта, о какой только еще грезилъ Руссо̀. Потомъ въ годы зрѣлаго мужества Форстеръ написалъ свои „Нижнерейнскіе Виды", и тутъ природа и искусство сплелись у него съ размышленіями о политическомъ бытѣ въ такую книгу, которую Лихтенбергъ тотчасъ же назвалъ однимъ изъ первыхъ произведеній на нѣмецкомъ языкѣ. Я уже упоминалъ о томъ, какъ онъ радовался началу французской революціи, но какимъ страшнымъ разочарованіемъ и какимъ трагическимъ концомъ поплатился за свое заблужденіе, когда республиканскую форму вздумалъ поставить выше родного края; мнѣ должно только присовокупить что его письма, также видный памятникъ нѣмецкой литературы, раскрываютъ намъ благородство форстеровой души и за это время, какъ въ годы юношеской мечтательности, въ трудовые дни его въ Вильнѣ и въ счастливую майнцскую годину; истинно велико то, какъ онъ пользовался всѣмъ рѣшительно для развитія въ себѣ внутренняго человѣка, для самообразованія.

Спокойнѣе, больше на ученый ладъ, дѣйствовалъ Шлёцеръ, въ качествѣ публициста, на пользу преобразованій въ общественномъ быту; предпринимая что-нибудь, Марія Терезія спрашивала себя обыкновенно, что-то скажетъ на это Шлёцеръ. Лессинговъ образъ мыслей Шпиттлеръ перенесъ на исторію, и прежде всего — на церковную. Съ своей Исторіей Швейцаріи Іоаннъ Мюллеръ сталъ только Клопштокомъ этой сферы; очерки характеровъ и битвъ внушительны какъ у Шиллера, но въ основѣ нѣтъ критическаго изслѣдованія источниковъ, а на слогъ слишкомъ ужь притязательно и искусственно наведена ржавчина дальней старины. „Сорокъ книгъ всемірной исторіи" поспорятъ въ геніальности размышленій и блескѣ картинъ съ гердеровыми „Идеями". Но у даровитаго этого человѣка не было стойкости въ характерѣ, оттого честолюбіе увлекало его изъ одного лагеря въ другой и подало даже какому-нибудь Генцу случай стать выше самого себя и горько упрекнуть его за подхлебничество передъ Наполеономъ и передъ чужевластіемъ: „Что свою славу, своихъ друзей, дѣло Германіи, Вы способны были выдать въ жалкой податливости передъ побѣдителемъ, въ темныхъ съ нимъ переговорахъ, въ двуязычныхъ заявленіяхъ,—этого я ожидалъ; но чтобы Вы

отступились гласно и всенародно, такой дерзости въ предательствѣ я бы не предполагалъ въ Васъ. Весь составъ Вашего существа какой-то странный промахъ со стороны природы: необыкновенно-сильную голову соединила она ошибкою съ одною изъ самыхъ слабыхъ въ мірѣ душъ". Мюллеръ сдѣлался тогда министромъ въ наполеоновскомъ королевствѣ Вестфаліи, и сердце надломилось у него съ печали о своемъ положеніи подручника при расточителѣ Іеронимѣ. Тогда могъ онъ припомнить себѣ слова Генца, писанныя къ нему въ былыя времена: „Есть нѣчто абсолютное, нѣчто покоящееся и успокоивающее въ душѣ человѣка; въ противоположность тому прогрессивному, текущему, чѣмъ безспорно характеризуется понятіе жизни, назовите это, пожалуй, смертью; но эта смерть—живой источникъ жизни, и безъ него сама жизнь—безпредѣльное мученіе".

Ровнею и сверстникомъ нашимъ богатырямъ-поэтамъ явился на поприщѣ науки о древностяхъ Фридрихъ Августъ Вольфъ, геніальный человѣкъ, всегда весело-спокойный въ полномъ обладаніи своими знаніями и своей силой, благодаря чудному присутствію духа всегда готовый и на мѣткую остроту и на самое основательное изслѣдованіе, мастеръ критически разбирать не только отдѣльныя мѣста, но и цѣлыя произведенія древнихъ авторовъ, которыхъ онъ умѣлъ понять въ глубочайшемъ смыслѣ. Онъ снискалъ славу путепроложника въ исторіи литературы своимъ взглядомъ на Гомера, признавъ въ Иліадѣ не выполненное по задуманному плану созданіе и не изобрѣтеніе одного какого-нибудь лица, а медленно взросшее произведеніе греческаго народнаго духа, отраженіе жизни въ душѣ и фантазіи народа, высказанное пѣвцами, обдѣлавшими многоразличныя частности, которыя были потомъ связаны въ одно; этимъ открылъ онъ дорогу къ уразумѣнію народнаго эпоса и ранней юности народовъ вообще. Вольфъ обнялъ филологію въ совокупномъ ея составѣ, какъ познаніе древняго человѣчества по его письменнымъ и пластическимъ произведеніямъ, а также по его государственнымъ порядкамъ, нравамъ, религіознымъ и философскимъ идеямъ; лингвистическое направленіе, за которое взялся потомъ Готфридъ Германнъ, и бытовое, реальное, которое дальше двинулъ Бёкъ,—оба люди даровитые и благородные по характеру,—Вольфъ разработывалъ еще нераздѣльно и равномѣрно; возрожденное опять эллинство было идеаломъ образованія и для него. Посвященіемъ Гёте своего „Научно-археологическаго Музея" (Museum der Alterthumswissenschaft) онъ всенародно призналъ, какъ много сдѣлали у насъ поэты для уразумѣнія эллинства; „достойнѣйшаго изъ благородныхъ" звалъ онъ къ себѣ на помощь блюсти палладіумъ древнихъ музъ, съ тѣмъ чтобы познаніе ихъ искусствъ сохранилось у насъ неотъемлемымъ наслѣдіемъ. Онъ указалъ на сродство германскаго духа съ эллинскимъ: „изъ новѣйшихъ народовъ мы, Нѣмцы, всѣхъ охотнѣе подлаживаемся къ пріемамъ греческаго пѣснопѣнія и слога; мы всѣхъ менѣе отступаемъ передъ тѣми чуждыми чертами, которыя затрудняютъ доступъ другимъ; одни мы болѣе и болѣе отвыкаемъ прикрашивать простое достоинство ихъ произведеній, отвыкаемъ муштровать ихъ пресловутыя непристойности. Пусть же, не пренебрегая труженичествомъ ученаго только собирателя, не отталкивая отъ себя и простого любителя общаго образованія, Нѣмецъ будетъ и останется вездѣ болѣе глубокимъ изслѣдователемъ и толкователемъ всего идущаго

намъ отъ древности великаго и прекраснаго; пусть употребляетъ онъ эти сокровища на то, чтобы среди измѣнчиваго хода зыбкихъ общественныхъ отношеній оплодотворять духъ своего народа, котораго лучшіе представители изученіемъ отечественныхъ трудовъ не мало уже подготовлены къ принятію и высшаго еще посвященья".

Связанный искреннею дружбой съ Вольфомъ, какъ и съ Шиллеромъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ далъ въ своихъ „Эстетическихъ Опытахъ" плоды своего общенія съ обоими, а равно и плоды собственныхъ размышленій о поэзіи и о духовномъ образованіи нашего времени, добытомъ черезъ древность. Шиллеръ уже писалъ ему тогда откровенно, что его индивидуальное совершенство лежитъ не на пути собственнаго творчества, а на пути критическаго обсужденія и наслажденья; Гумбольдтъ больше всего заботился о самообразованіи, и ему всегда казалось что человѣкъ ни чѣмъ не можетъ такъ значительно подѣйствовать на другихъ, какъ непосредственно своей личностью; онъ не хотѣлъ покинуть жизни безъ того, чтобы оставить въ ней какъ можно менѣе такихъ вещей, съ которыми бы онъ не соприкоснулся чувствомъ или познаніемъ. Чувственная, алчная до наслажденій природа уравновѣшивалась въ немъ хладнокровно-наблюдательнымъ умомъ; счастіе, которое не только надѣлило его полной внѣшней независимостью, но еще и привело пожить въ убѣжищѣ музъ, Веймарѣ, а потомъ быть посланникомъ въ Римѣ и стать наконецъ прусскимъ министромъ,—это счастіе онъ заслужилъ самостоятельностью характера, вѣрнымъ долгу прилежаніемъ въ дѣлахъ и въ ученыхъ занятіяхъ, которымъ онъ вполнѣ посвятилъ опять вечеръ своей жизни. Въ одномъ юношескомъ трудѣ старался онъ теоретически провести возможно-тѣсныя границы дѣятельности государства, предоставляя одной индивидуальной свободѣ заботу о благосостояніи, о семейной нравственности, объ образованіи; онъ забывалъ что только въ государствѣ и благодаря уряду имъ общественныхъ отношеній мы достигаемъ всѣхъ этихъ житейскихъ благъ. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ хотѣлъ онъ представительнаго уложенія для Пруссіи, и вышелъ изъ министерства, когда состоялись „позорныя" Карльсбадскія мѣропріятія противъ либеральныхъ стремленій. У него не было жажды подвиговъ государственнаго человѣка, къ тонкому чутью мыслителя не присоединялась у него дебелая дюжесть истаго дѣльца, и потому онъ гораздо болѣе сослужилъ отечеству основаніемъ берлинскаго университета, нежели своимъ участіемъ въ Вѣнскомъ конгресѣ. Въ наукѣ онъ безсмертенъ обосновкой философіи языка. Его привлекли къ себѣ новыя тогда индійскія изслѣдованія, и отъ содержанія мыслей онъ обратился къ необходимымъ формамъ рѣчи, ихъ выражающей; ея законы, ея неразрывность съ самосознательнымъ духомъ, ея зарожденіе и ростъ не всилу измышленія или естественныхъ побудовъ, а изъ безсознательнаго чува (инстинкта) разума, простирающаяся на всѣ частности мощь цѣлаго въ организмѣ ея членовъ,—все это ему первому предстало съ полной опредѣленностью, и въ зрѣлѣйшемъ изъ своихъ трудовъ, во Введеніи къ языку Кави онъ изложилъ это отъ всецѣлой полноты своей души, и глубоко, и тепло, и ясно. Въ первой главѣ этой моей книги сохранено добытое имъ, и на этомъ возведена вся дальнѣйшая постройка. Своими „Письмами къ пріятельницѣ", своими Сонетами, Гумбольдтъ, уже старцемъ, открылъ намъ и сердечную

свою сторону, которую онъ обыкновенно заграждалъ отъ другихъ колючками отталкивающей ироніи. Форма у него не ловка, вдумчивость перевѣшиваетъ поэзію, какъ и въ прежнихъ его стихотвореньяхъ; основная мысль лежитъ въ словахъ:

Лишь въ собственной груди величье человѣка,
Свобода—веледушія цвѣтокъ.

Его собственная дѣятельность была тихимъ мерцаніемъ звѣзды небесной. И охотно смотрѣлъ онъ на звѣзды, какъ идутъ онѣ своими путями по вѣчнымъ законамъ и внушаютъ намъ думу о неизмѣнномъ, тогда какъ воздушная суматоха облаковъ представляетъ собой земныя вещества, спѣшащія на смѣну одно другому, изображаетъ то подвижное, что предстоитъ намъ сочетать съ прочно пребывающимъ.

Подобно тому какъ Вильгельмъ Гумбольдтъ опирался на Шиллера, такъ точно братъ его, Александръ,—на Гёте, и соединялъ эстетическій смыслъ къ прекрасному съ эмпирическою равностью познавать всѣ особенности природы и съ философскимъ взглядомъ на совокупную ея цѣлость. И у него первое и самое дѣйствительное въ мірѣ—многосторонно и гармонично образованный человѣкъ: такъ, долго стоялъ онъ среди изслѣдователей, воспріимчивый и сообщительный, вездѣ возбуждая и поощряя; онъ сохранялъ либерализмъ свой и при дворахъ государей, благосклонность великихъ міра употреблялъ всегда на пользу науки и человѣчности. Пристлей въ Англіи, Лавуазьè во Франціи, Берцеліусъ въ Швеціи выдвинули химію на первый планъ; разложеніе воды, воздуха повели къ опознанію процессовъ горѣнія и дыханья. Гальвани и Вольта открыли новые пути ученію объ электричествѣ. Вернеръ и Леопольдъ фонъ-Бухъ принялись изслѣдывать образовательные процессы Земли, первый особенно указывая тутъ на воду, а послѣдній на дѣйствіе огня или жара; Кювьè привелъ погибшихъ тварей въ неразрывную связь съ живущими и теперь, а формы ихъ — съ геологическими періодами. Александръ Гумбольдтъ пустился въ тропическую Америку, чтобы, какъ новый Колумбъ, вторично открыть ее для науки, и въ его мастерскихъ изображеніяхъ природы соединились теперь всѣ многоразличныя отрасли ученаго розысканья, такъ-какъ въ связи съ свойствами почвы и съ климатомъ наблюдалъ онъ также растенія и животныхъ и вездѣ старался „подчинить идеямъ наглядный матеріялъ, постичь единство въ разнообразіи, уловить таящійся подъ покровомъ явленій духъ природы“. Позднимъ вечеромъ своей жизни подвелъ онъ ей итогъ въ своемъ „Космосѣ“ и совокупилъ всѣ познанія своего времени въ одну общую картину природы, начиная отъ отдаленнѣйшихъ туманныхъ пятенъ и двойныхъ звѣздъ вплоть до земныхъ организмовъ и до человѣка,—въ картину, гдѣ острота и точность ума дѣйствуютъ заодно съ радостнымъ чувствомъ прекраснаго и съ диѳирамбическимъ пареньемъ языка. Конечно, это скорѣе пріобрѣтеніе для національной литературы нежели для науки, но оно важно какъ изложеніе всезаконности чувственнаго міра, которая становится теперь болѣе и болѣе общимъ достояніемъ сознанія.

Цвѣтъ музыки. Гайднъ; Моцартъ; Бетховенъ.

Тотъ же свободный и высокій смыслъ къ постиженію душой жизни, то же творческое стремленіе возсоздать идеалъ гармонически-образованной человѣчности, то же формальное чувство красоты въ сочетаніи германскаго глубокомыслія съ южно-свѣтлою романскою граціей, то, что̀ возвеличило нашихъ классическихъ поэтовъ, то самое проявляется и въ музыкальной области, и смѣло можемъ мы сказать, что народъ нашъ совершилъ здѣсь полносильный всемірно-историческій подвигъ, столько же единственный и важный въ своемъ родѣ, какъ греческая пластика въ перикловы времена и итальянская живопись въ эпоху Возрожденья. Къ религіозно-возвышенному и эпически-широкому или лирически-сильному стилю Генделя и Баха присоединилась теперь вольная пріятность, раскрытіе чувствъ личной души во всѣхъ ея положеніяхъ; къ музыкальному возсозданію греческой трагедіи Глукомъ въ типично-благородныхъ характерныхъ образахъ, присоединилась такая опера, которая напоминаетъ шекспировское богатство индивидуальной жизни и вмѣстѣ гётевскую идеально-стройную миловидность,— присоединилась такая инструментальная музыка,которая соперничаетъ съ глубиною мысли Шиллера и его побѣднымъ пареніемъ въ царство свѣта и свободы, и которая является чѣмъ-то совершенно новымъ въ своей законченности. Надо было напередъ обойдти тайники души и сокровенное нутро̀ природы, надо было чтобъ другія искусства напередъ раскрыли все это нашимъ взорамъ, для того чтобы всесторонно проявить это теперь въ чистой сущности, въ безсловномъ гоможеніи и схваткѣ силъ, видообразующихъ безо̀бразно, безобли́чно; зато въ этой борьбѣ и въ этомъ примиреніи духъ прямо отражается со всѣми своими скорбями и побѣдными ликованьями, преодолѣвая и просвѣтляя наконецъ земной міръ. Наша субъективная пора еще не выработала изъ добытковъ единичныхъ личностей ни какого общаго міросозерцанья и соотвѣтственно этому не нашла еще и отчеканки ему въ своеобразномъ архитектурномъ стилѣ; но мы съ гордостію можемъ утверждать, что въ этихъ симфоническихъ звуковыхъ постройкахъ создано нѣчто, не уступающее античнымъ храмамъ и средневѣковымъ соборамъ,—можемъ утверждать что новый идеалъ нашелъ въ нихъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо свое художественное выраженіе. Гётевъ Фа̀устъ выработанъ не такъ соразмѣрно, какъ С-мольная симфонія Бетховена, міровая скорбь Байрона и духъ Шиллера, торжествующій надъ всѣми земными страхами, царятъ могучимъ образомъ въ Д-мольной, и когда намъ понадобились настоящіе звуки для выраженія грусти по погибшимъ, а также и побѣднаго торжества, соединеннаго съ надеждой на учрежденіе новой общегерманской державы, тогда оказалось что они всѣ ужь налицо въ Героической симфоніи. Обокъ съ этимъ въ инструментальной музыкѣ Гайдна и Моцарта господствуетъ чистая радость красотою формъ, ни дать ни взять какъ въ изобразительномъ искусствѣ Возрожденія. Когда я высказалъ это однажды въ разговорѣ съ другомъ моимъ, I. Л. Клейномъ, онъ согласился со мною и присовокупилъ, что какъ скоро въ своей „Исторіи драмы“ онъ дойдетъ до Германіи, то непремѣнно къ изложенію поэзіи привлечетъ и музыкальную обрисовку

характеровъ, развитіе и развязку конфликтовъ у Глука и Моцарта, такъ-какъ только съ присоединеніемъ этихъ элементовъ можно отдать нѣмецкому драматическому искусству всю подобающую ему честь. И тутъ же слѣдуетъ признать кстати: что католическій югъ сдѣлалъ при этомъ свое дѣло наровнѣ съ протестантскимъ сѣверомъ, и что цвѣтъ умственнаго искусства, поэзіи, былъ возможенъ только на основѣ свободнаго философскаго образованія, а искусство души, музыка, могла, обокъ съ первою, развиться изъ природы и изъ сердца народа конечно только благодаря тому, что вѣяніе гуманной культуры одушевило также и музыкантовъ, звукохудожниковъ. При этомъ не забудемъ двухъ вещей: подобно тому какъ у поэтовъ, и обруку съ великими музыкантами идутъ даровитые сверстники, каковъ напримѣръ Диттерсдорфъ въ комической оперѣ, Рейхардтъ въ пѣснѣ, чистосердечный Вейгль въ своей „Швейцарской семьѣ", талантливый Цумштегъ въ своихъ балладахъ; между тѣмъ какъ другіе, напримѣръ Венцель Мюллеръ съ шарманочнымъ тономъ своихъ волшебныхъ оперетокъ, или Гировецъ, Розетти, Плейель и прочіе „божественные филистеры", какъ окрестилъ ихъ Риль, хлопотали о томъ чтобъ занять публику, — музыкальные раціоналисты, доступные и толпѣ, потомучто перенесли народную пѣсню даже въ квартеты. Исторія культуры съ благодарностію помянетъ при этомъ о развившейся у австрійской знати охотѣ содержать домовыя капеллы, которыя воздѣлывали инструментальную музыку и подготовляли почву для безсмертныхъ произведеній великихъ мастеровъ, воспитывая вмѣстѣ и музыкальную воспріимчивость и исполнительныя силы. Но Моцартъ и Бетховенъ, подобно Шиллеру и Гёте, должны еще были бороться съ посредственностью, рѣшительно оспоривавшею у нихъ общее одобреніе толпы, пока наконецъ потомство не произнесло своего праваго суда въ этомъ спорѣ.

Іосифъ Гайднъ (1732—1809), сынъ одного сельскаго ремесленника на венгерской границѣ, еще дитятею прислушивался къ народнымъ пѣснямъ, которыя пѣла его мать, тогда какъ отецъ подъигрывалъ ей на своей арфѣ; родители заработывали этимъ кое-что по воскреснымъ днямъ, а мальчикъ между тѣмъ понималъ народную мелодію точно такъ же какъ Гердеръ понималъ ея слова, и какъ Гердеръ обновилъ послѣдними литературу, такъ же точно и Гайднъ обновилъ мелодіею музыку. Онъ, правда, овладѣлъ вполнѣ и школьнымъ искусствомъ, но онъ вложилъ въ его формы свое собственное сердце и сердце самого народа, отчего всѣ произведенія его вышли такъ свѣжи, здоровы и веселы, что могутъ быть источникомъ отрады для всѣхъ и всегда. Одинъ школьный учитель обучилъ мальчика играть на разныхъ инструментахъ, и Гайднъ остался истымъ музыкантомъ, хотя конечно ужь не въ деревнѣ, а въ такихъ огромныхъ городахъ какъ Лондонъ и Вѣна открылось настоящее мѣсто для его творчества; это геній между музыкантами, всегда наигрывающій что-нибудь новое слушающему его людскому роду, подобный Лопе-де-Вегѣ своей неистощимой и всегда готовой производительностью, работающій такъ непринужденно и легко, расчитывающій какъ бы на минутное только впечатлѣнье, а между тѣмъ создающій для цѣлой череды вѣковъ, потомучто онъ всегда дѣлаетъ какъ можно лучше; это такой же случайный композистъ, какъ Гёте можно назвать случайнымъ поэтомъ. Съ 1760-го по 1790-й годъ стоялъ онъ во главѣ домовой капеллы князя Эстергази; онъ былъ ему и слугою и

другомъ какъ дома, въ родовомъ его зàмкѣ, такъ и при поѣздкахъ князя въ Вѣну. Зачатки, которые въ строгомъ стилѣ заложилъ Севастьянъ Бахъ, близко примыкая къ церковнымъ напѣвамъ,—сынъ его, Филиппъ Эмануилъ, продолжалъ уже въ болѣе свободномъ свѣтскомъ вкусѣ. Гайднъ отъ фортепьянныхъ піэсъ перешелъ къ скрыпичнымъ квартетамъ и потомъ къ симфоніи. Тогда было уже въ обычаѣ обработывать для инструментовъ извѣстныя пѣсни и плясовые мотивы и развивать ихъ далѣе, удовлетворять искусству музыканта какою-нибудь вводною фугою, и такимъ образомъ изъ фуги, аріи и танца сочинять нѣчто цѣлое; Гайднъ, какъ истинный художникъ, тотчасъ же постигъ, что тутъ главное—единство въ разнообразіи, что прежде всего это цѣлое должно осуществляться основнымъ общимъ настроеніемъ, какъ внутренно-одушевляющею и поддерживающею его силой. Такъ создалъ онъ форму сонаты, въ которой изъ темы, какъ изъ зародыша и зерна цѣлаго, сперва развертывается противоположность и посредствующія ее звенья, основная мысль расходится на нѣсколько частей, и чередующіяся одно съ другимъ напряженіе и успокоеніе подконецъ находятъ свою цѣль въ высшей всепримиряющей жизни. Какъ свѣжая жизненная сила бодро выступаетъ въ бытіе, такъ и анданте развертывается сначала въ прыткомъ, подмывающемъ движеніи; когда за напряженнымъ этимъ ходомъ настаетъ успокоеніе, духъ какъ бы собирается съ силой и раздумываетъ о себѣ самомъ,—мы слышимъ кроткое, полное грезъ адажіо; а финалъ сопрягаетъ воедино дѣятельность съ размышленіемъ, стремленіе къ цѣли съ ея достиженьемъ. Но помимо этой трехчленности или, пожалуй, обокъ съ нею, первая часть сонаты можетъ изобразить противоположность и борьбу, а вторая—примиреніе или за просто высказаннымъ основны́мъ настроеніемъ можетъ послѣдовать противопостановка грусти и веселья, серьёзности и бойкаго шутливаго возбужденья въ видѣ двойного середняго звена, а финалъ потомъ выйдетъ сочетаніемъ всѣхъ разнообразныхъ элементовъ въ болѣе полную, энергическую гармонію. И какъ ни одно живое существо не развивается само по себѣ въ одиночку, а всегда въ связи съ другими или въ борьбѣ съ окружающимъ за существованіе, то и соната обокъ съ простой первоначальной темою выставитъ другую, подручную или противоположную, которая являлась бы противнемъ первой даже своимъ восходящимъ или нисходящимъ ритмомъ, и обѣ развиваются поочередно до тѣхъ поръ, пока возвращеніе къ первоначальной темѣ не доведетъ цѣлое до удовлетворительнаго финала. Первая часть указываетъ за собой на вторую, но эта не то чтобы была совсѣмъ нова: она очевидно только развертываетъ далѣе заложенное уже прежде. Такъ обыкновенно обдѣлываются первая группа музыкальныхъ звуковъ, аллегро или анданте, и потомъ заключительная группа, финалъ; а середнія части, адажіо и скерцо, охотнѣе принимаютъ болѣе простыя формы одиночной пѣсни или круговой, рондò. Въ симфоніи Гайднъ даетъ первому пассажу эпически-широкую отчеканку, онъ пускаетъ въ говоръ и бесѣду много скрипичныхъ голосовъ, вплетаетъ одну въ другую разныя мелодіи и вяжетъ фугами необыкновенное богатство мыслей; за тѣмъ у него слѣдуетъ веселый или сантиментальный народный напѣвъ, развертываемый и въ затѣйливыхъ варьяціяхъ, послѣ этого — живо-возбужденный плясовой мотивъ, въ лирическомъ также родѣ; наконецъ въ финалѣ настаетъ драматическое заключеніе, всѣ противоположности разрѣшаются въ могучій

потокъ общей гармоніи, въ выраженіе достигнутой борьбою жизненной полноты. Самъ Гайднъ да и эти художественные его пріемы созрѣли до истиннаго величія только во время путешествій его въ Лондонъ и потомъ въ Вѣну, гдѣ онъ занялъ у юнаго Моцарта открытыя имъ новыя художественныя средства и формы. Еще нѣсколько терпкій и угловатый смолоду, подъ старость сдѣлался онъ мягче и округленнѣе, но всегда свѣтлый, свѣжій, полный радости, онъ не только пережилъ, но совершилъ отчасти и самъ то развитіе, которое легло между Бахомъ и Бетховеномъ; его симфоніи G и Es-dur служатъ этому блистательнымъ примѣромъ.

Гайднъ былъ весеннимъ жаворонкомъ полнаго расцвѣта музыки; какъ лѣсные и полевые цвѣты, высыпали въ душѣ его звуковыя созданія, высыпали массами, со всей самоувѣренностью и неистощимымъ обиліемъ природы; онъ былъ совершенно искренный, наивный художникъ: природно-гармоническое дѣтство, богоприсная ясность и какая-то вмѣстѣ плутовская веселость души его дозволили ему начать новое время на полномъ просторѣ правдивой передачею чисто-человѣческихъ началъ и чувствъ. Когда я помышляю о своемъ Богѣ, мнѣ всегда становится весело, говоритъ онъ самъ относительно своихъ церковныхъ сочиненій; и если люди этого столѣтія искали и чтили Бога преимущественно въ природѣ, какъ въ богословіи и въ поэзіи мы видимъ это у Томсона, Брокеса, Галлера, Клейста, то та же самая мысль нашла себѣ прекраснѣйшее художественное выраженіе въ обѣихъ ораторіяхъ, написанныхъ старцемъ уже Гайдномъ. Благочестивый отъ природы, онъ далъ въ нихъ отозваться радостію въ Богѣ каждой ноткѣ, каждой мелочи. Онъ пускается въ самую игривую живопись звуковъ, но въ своихъ звукоурядахъ онъ оттѣняетъ передъ нами движенія прядающаго тигра, пресмыкающихся гадовъ, снѣжной метелицы, онъ онагляживаетъ намъ любой предметъ, а не то— выражаетъ настроенія, сопровождающія восходъ солнца и потомъ мѣсяца. Сперва струятся у него, волнуясь и пересѣкаясь, мольные аккорды, смутное кишѣніе нарождающагося бытія, еще не сложившееся ни въ какую опредѣленную форму; потомъ мелодическій этотъ ходъ вдругъ завершается самымъ рѣшительнымъ взрывомъ, чистые и свѣтлые дурные аккорды грянули внезапно какъ молніи изъ духовыхъ инструментовъ, и—бысть свѣтъ! Самъ Гайднъ, услышавъ это, сказалъ, со слезами на глазахъ: это не отъ меня, это ужь свыше! Во „Временахъ года" передъ нами движется одна только любящаяся чета, а въ „Сотвореніи" пробудилась къ самосознательному чувству та любовь, которая открывается во всемъ, въ каждой земной твари; Адамъ и Ева, тѣ самые, какими изобразилъ ихъ Мильтонъ, не нарадуются жизнію, и ихъ чередующіяся пѣсни—свѣтлыя отраженія Бога и міра въ мощной человѣческой груди. Безподобно-величавый хоръ „Небеса повѣдываютъ славу божію" составляетъ средоточіе всего этого произведенья; вселенная вся еще одинъ лишь рай, безъ грѣха какъ и безъ принадлежности его, смерти; тѣ пропасти, въ которыя спустится потомъ Бетховенъ, покрыты еще пока цвѣтами; оптимизмъ Лейбница становится музыкой у Гайдна, вездѣ видящаго только добро и красоту.

Вольфгангъ Амадей Моцартъ (1756—91) родился въ Зальцбургѣ, такомъ краѣ, гдѣ величіе плѣнительно соединяется съ миловидностью; сынъ музы-

канта, онъ былъ чудомъ съ младенческихъ лѣтъ, и отецъ ѣздилъ всѣмъ показывать это чудо; но въ то время какъ ребенкомъ и потомъ юношей онъ привлекалъ къ себѣ сердца своей фортепьянною игрой, своими фантазіями и сочиненіями, онъ съ необыкновенною воспріимчивостью усвоилъ себѣ все добытое въ музыкальной области Италіей, Германіей, Франціей, и созрѣлъ такимъ образомъ въ того чудодѣя, у котораго космополитизмъ 18-го столѣтія потому проявился въ такой дивной полнотѣ, что музыка, по самой природѣ своей, языкъ всемірный. Но у него не только что сплавились въ одно элементы трехъ разныхъ народностей, итальянское обиліе мелодій, французская характеристика и нѣмецкая гармоническая полнота,— онъ уподобился величайшимъ мастерамъ, ставъ близко къ каждому въ его собственной сферѣ, и при всей этой универсальности оставаясь тѣмъ не менѣе всегда самимъ собой, въ томъ равновѣсіи природы и художническаго сознанія, задушевности и необыкновенной свѣжести чувства, граціозности и глубины, которое мы прославляемъ въ Рафаэлѣ; подобно ему, въ теченіе короткой своей жизни, онъ всегда былъ новъ въ каждомъ своемъ произведеніи, даже пожалуй еще разнообразнѣе; онъ напоминалъ собой также и Гёте, съ которымъ общаго былъ у него мірской преимущественно смыслъ, направленіе къ чистой красотѣ и удивительное благозвучіе. Полнѣйшею гармоніей всѣхъ силъ своихъ —гармоніей какъ между ними собственно, такъ и между его знаніемъ, образованіемъ, сюжетами, онъ производитъ то счастливящее, ублажающее впечатлѣніе, какое способенъ вызвать только геній, не нуждающійся уже въ борьбѣ и спокойно пребывающій въ невозмутимомъ, вѣчномъ мирѣ.

Онъ—полный властелинъ техники, все становится музыкой у него подъ рукою, и если въ своихъ миссахъ онъ не достигаетъ ни богослужебной торжественности Баха, ни могучихъ и великолѣпныхъ гармоній Генделя, зато богатство мелодій его и здѣсь подлинно неистощимо, а подконецъ въ своемъ Реквіемѣ онъ все-таки создалъ такое произведеніе, которое въ тѣснѣйшей связи́ вокальной музыки съ инструментальною, раскрываетъ столько возвышенной серьёзности, столько трогательной грусти, вылитыхъ въ такую притомъ благородную красоту формъ, что онъ сталъ на ряду съ тѣми мастерами и въ религіозномъ искусствѣ. Будучи самъ виртуозомъ на фортепьяно, онъ сочинилъ для этого инструмента много концертовъ и сонатъ, всегда призывающихъ къ новому опять наслажденью. По части камерной музыки вообще, въ квартетахъ для смычковыхъ инструментовъ, въ фантазіяхъ и серенадахъ для духовыхъ, онъ поспоритъ о пальмѣ съ Гайдномъ: плѣнительный потокъ благозвучія обильно разлитъ у него вездѣ. Онъ расширяетъ и организуетъ вновь оркестръ, владѣя имъ вполнѣ во всемъ многообразіи различныхъ его тембровъ, а его симфоніи соединяютъ силу съ необыкновенной миловидностью, естественную свѣжесть съ самосознательной художническою техникой; изъ числа ихъ три наиболѣе подходятъ къ бетховенскимъ,—G-мольная съ ея полною скорби страстью, Es-ду́рная со всѣмъ блескомъ радостей, бодрой силы, С-ду́рная, которую за ея величіе не даромъ прозвали Юпитеровскою симфоніей: тутъ раскрывается намъ весь Олимпъ съ свѣтлой своей стороны, тутъ водятъ свои легкіе хороводы музы и граціи, даже самъ престарѣлый отецъ боговъ готовъ кажется пуститься въ плясъ на свадебномъ пиру у Ѳетиды и маніемъ могучихъ бровей своихъ управляетъ всѣмъ ходомъ празд-

ничнаго веселья. Но истинное величіе Моцарта все-таки въ сферѣ вокальной музыки, въ оперѣ. Онъ завершилъ собой драматическій стиль; каждая фигура его стоитъ передъ нами въ полной пластической своеобразности; своею индивидуальною характеристикой и задушевностью личнаго чувства онъ въ такомъ же отношеніи къ Шекспиру, какъ Глукъ въ своихъ типически-идеальныхъ фигурахъ къ Софоклу, и подобно Шекспиру онъ равно владѣетъ и комическимъ и трагическимъ элементами, подобно Шекспиру и онъ своимъ юморомъ успѣваетъ стростить ихъ иной разъ въ одно. Моцарту первому далось завершить драматическій стиль въ своихъ ансамбляхъ (стройныхъ совокупностяхъ многихъ разнохарактерныхъ голосовъ): онъ уже не сопоставляетъ тутъ отдѣльныя лица и мелодіи только рядомъ, но даетъ имъ дѣйствовать другъ на друга совмѣстно, одновременно и заодно, — что̀ изо всѣхъ на свѣтѣ искусствъ собственно вѣдь и доступно только одной музыкѣ *. Что̀ Гендель даетъ въ эпическомъ стилѣ своихъ хоровъ, когда массы движутся у него разными извилистыми путями къ одной общей цѣли, того Моцартъ достигаетъ въ драматическомъ, выводя противоположности, перепутывая и разрѣшая потомъ индивидуальные голоса въ ихъ живыхъ мелодіяхъ подъ владычествомъ одной общей гармоніи, которая, подобно нравственному міропорядку, все держитъ въ узахъ благозвучія и заставляетъ такимъ образомъ служить цѣлому (не въ ущербъ живой энергіи частныхъ силъ). Какъ разнообразны чувства гнѣва, мести, оскорбленія у доньи Анны и у Октавіо, у Мазетто и у Церлины, и какъ они однакожь созвучны съ душевною тревогой доньи Эльвиры и съ комической трусостью Лепорелло, тогда какъ въ то же время донъ-Жуанъ противопоставляетъ всѣмъ напирающимъ на него нѐдругамъ свою строптивую отвагу! Мало того, на пиру у донъ-Жуана слышатся одновременно два разныхъ и притомъ разнотактныхъ танца, и въ этомъ проявляется разнокалиберное настроеніе съ одной стороны званыхъ, съ другой—незваныхъ гостей. Да, если въ Донъ-Жуанѣ онъ орудуетъ съ истинно-шекспировской мощью вмѣстѣ и потрясающимъ и смѣшнымъ, и трагичнымъ и комическимъ, то музыка дозволяетъ ему не только развивать эти элементы другъ за другомъ или даже прямо другъ изъ друга, но и сплетать ихъ рѣшительно въ одно; юмору, въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, Моцартъ придалъ никогда не чаянное прежде выраженіе, блюдущее черту чистой красоты даже и здѣсь. Ни у кого нѣтъ такой равномѣрной справедливости къ пѣвцамъ и къ оркестру; обѣимъ сторонамъ дается полный ходъ и вѣсъ. Пусть въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ преобладаетъ иногда тотъ или другой отдѣльный элементъ, но говоря вообще, и особенно въ величайшихъ своихъ созданіяхъ, Моцартъ соединяетъ обрисовку характеровъ, которую для нѣмецкой оперы основалъ Глукъ, съ тѣмъ ясно-опредѣленнымъ выраженіемъ частностей, которое свойственно Французамъ; онъ присовокупляетъ къ этому и итальянскую пѣвучесть, природную наклонность къ милѣйшимъ мелодіямъ; именно аріями пользуется онъ для передачи тѣхъ настроеній, которыя порождаются дѣйствіемъ, и даетъ въ нихъ высказываться характерамъ,—и нравственному благородству доньи Анны, и страданію доньи Эльвиры, обманувшейся въ своей неугасшей еще

* Благодаря слабому въ ней участію умственно-аналитическаго элемента. Прим. перев.

любви, и плѣнительно-вызывающее милованье Церлины, и мужественно сластолюбивый разгулъ Донъ-Жуана, и кроткую душу Октавіо.

Когда юноша-Моцартъ выступилъ въ свѣтъ съ своимъ „Идоменеемъ", онъ и тогда уже соединялъ серьёзную разработку Глука съ блескомъ итальянской оперы. „Похищеніе изъ сераля" было задумано въ видѣ оперетты на нѣмецкій ладъ (als deutsches Singspiel), но благодаря употребленію въ дѣло всѣхъ художественныхъ средствъ, далеко переросло ея предѣлы, и соединило въ себѣ странное на взглядъ очарованье восточныхъ сказочныхъ грезъ съ задушевной искренностью чувства счастливой любовной истомы, какую испытывалъ въ то время самъ Моцартъ. Съ „Женитьбой Фигаро" комическая опера достигла окончательнаго своего совершенства. Соименная французская комедія дала композитору группу рѣзко обрисованныхъ фигуръ, но онъ не только напиталъ ихъ неподдѣльнымъ чувствомъ, но при этомъ очистилъ и облагородилъ; политическую сторону пришлось ему совершенно опустить; зато пикантное легкомысліе, свойственное у Бомарше самой графинѣ и пажу, уступило здѣсь мѣсто идеальному повѣву трогательной супружеской любви и весеннему чувству молодости; Сусаннѣ, къ плутовской рѣзвости, придалъ онъ еще дѣвственную чистоту нравовъ, а Фигаро—веселый юморъ, и даже у увлеченнаго графа проступаетъ добрая природа, когда при удовлетворительной развязкѣ всей піэсы онъ отъ заблужденія возвращается опять къ самому себѣ. Остались нетронуты только бойкая игра интригъ, мелодическая гоньба, ухаживанія и разныя продѣлки, которыя начинаются съ самой увертюры оперы и идутъ сплошь черезъ всю драму, захватывая собой и оркестръ; но все облито поэтическою граціей, все переродилось въ чистой душѣ художника, которая излучаетъ изъ себя на радость другимъ свою собственную красоту и свое собственное блаженство.

Въ Донъ-Жуанѣ Моцартъ создалъ единственное въ мірѣ произведеніе; удержавъ вполнѣ весь свѣтлый, бьющій ключомъ разгулъ своего подлинника, онъ присоединилъ къ нему трагическій элементъ, полный нравственной серьёзности и даже религіозной торжественности; и не то чтобъ онъ сопоставилъ ихъ только рядомъ, онъ органически выростилъ одинъ изъ другого и привелъ оба элемента въ совершенно гармоничное соотвѣтствіе. Уже въ самомъ приступѣ къ увертюрѣ слышатся звуки, возвѣщающіе всю важную строгость грозной судьбы; ея неподкупные приговоры врываются въ самую среду фанфаръ, которыя трубятъ полное чувственное раздолье; продерзостный герой надѣленъ всѣмъ очарованіемъ рыцарски-геніальной личности, покоряющей ему сердца, которыми онъ потомъ безжалостно играетъ, а вокругъ него развертывается такое богатство характеровъ и чувствъ, какого не представляетъ ни одно музыкальное произведеніе; веледушіе доньи Анны, ея скорбь и ея месть, любовная истома Эльвиры даже среди горя быть покинутой, дѣвственное плутовство Церлины, такъ повидимому податливой на соблазнъ и между тѣмъ такъ чистой и непорочной, и наконецъ обокъ съ раздумчивымъ Октавіо и съ мужиковатымъ Мазетто — комическій Лепорелло; все это такъ вѣрно природѣ, простѣйшіе мотивы схвачены такъ ясно и хорошо, естественное изображено такъ благородно и граціозно, что Отто Янъ не даромъ припоминаетъ о подобномъ же художественномъ совершенствѣ у Фидія въ его

парѳенонскомъ фризѣ. Когда каменный гость пришелъ на веселую пирушку къ донъ-Жуану, тутъ только дохнуло на послѣдняго впервые таинственнымъ ужасомъ вѣчности. Въ музыкальной обработкѣ народнаго сюжета Моцартъ превзошелъ всѣхъ поэтовъ, и могъ ихъ превзойдти, потомучто главная тема лежитъ тутъ чисто въ области внутренняго чувства; но онъ такъ глубоко постигъ свою задачу и такъ счастливо ее выполнилъ, что на ряду съ трагедіею мысли, Фаустомъ Гёте, поставилъ равное ей созданіе, да притомъ и равномѣрно завершонное, вполнѣ гармоничное само въ себѣ.

Комическая опера Cosi fan tutte („Таковы на дѣлѣ всѣ женщины"), при всей своей милой нѣжности, далеко не стоитъ на высотѣ двухъ предъидущихъ, равно какъ и серьёзная опера „Титово милосердіе", которая въ великолѣпныхъ бравурныхъ аріяхъ можетъ иногда смѣло поспорить съ Итальянцами, но которой недостаетъ ни богатства, ни отчетливости въ обрисовкѣ характеровъ. Зато „Волшебная флейта" явилась опять новымъ торжествомъ искусства. Задуманная въ стилѣ обыкновенной волшебной оперы, она передѣлана потомъ въ прославленіе масонству и мѣстами очень даже пошловато; но тѣмъ не менѣе написанный Шиканедеромъ текстъ все-таки далъ мастеру случай на ряду со сказочно-фантастическимъ передать въ очаровательномъ обиліи мелодій элементъ мѣщанской задушевности и вмѣстѣ благородство добродѣтели и зрѣлаго ума. Царство ночи и свѣта, торжество послѣдняго въ борьбѣ двухъ этихъ стихій образуетъ какъ бы серьёзно-торжественную раму для забавныхъ сценъ съ уморительнымъ Папагено, а равно для похотливой чувственности Негра и для вѣрной сердечной любви Тамино и Памины; при этомъ будничная жизнь схвачена такъ же близко и искренно и выведена такъ же полностильно, какъ въ гётевскихъ простонародныхъ стихотвореніяхъ, тогда какъ въ игривой легкости отдѣлки проглядываетъ опять и духъ 18-го столѣтія, тотъ самый, какимъ весь проникнутъ „Мудрецъ Наѳанъ," — духъ человѣколюбія, просвѣщенія и нравственной свободы. Уже самая увертюра какъ будто соткана изъ свѣта, вся благозвучіе какъ есть; и — чтобы продолжать нашу рѣчь вмѣстѣ съ Геттнеромъ — какъ великолѣпенъ также и финалъ съ его кроткой серьёзностью, съ его лучезарнымъ блескомъ, какъ глубоко́ передаетъ онъ намъ безконечное счастіе новопосвященныхъ, ихъ богоподобіе, изъятое отъ всѣхъ земныхъ золъ. Это та эѳирно-чистая жизнь въ идеалѣ, которая легла основною мыслью въ философскія стихотворенія Шиллера и которую онъ хотѣлъ-было пластично-поэтически воспроизвесть, когда задумалъ идиллію о вступленіи Иракла въ выси Олимпа, но не написалъ, вскорѣ убѣдившись самъ, что это чистое спокойствіе, эта совершенная ясность переходятъ за предѣлъ изобразимаго для поэзіи. Великій музыкантъ непосредственно учуялъ то, что поэту открылось только какъ плодъ глубокаго размышленія, какъ осчастлившій его исходъ тяжелой борьбы, которою онъ съ бою пріобрѣлъ свое образованье. И музыка, въ элементарной задушевности внутренняго чувства, смогла успѣшно выполнить то, что̀ тѣснѣе ограниченной природѣ поэзіи оказалось неподсилу.—Вотъ почему именно я и сказалъ, что чудо-ребенокъ Моцартъ выросъ въ чудо-человѣка; этотъ геній, которому жилось такъ легко, который повидимому такъ вольно плавалъ по̀ верху тогдашней общественности, тѣмъ не менѣе стоялъ въ самомъ средоточіи, въ самой сердцевинѣ человѣчества, и изъ глубины божественной

своей души, всилу озарявшаго ее внутренно откровенія, становился, подобно самосознательнымъ поэтамъ, мелодическимъ глашатаемъ духа своего времени.

Не эту, блаженную грезами, самодовольную въ душѣ природу находимъ мы у Бетховена (1770 — 1827), а напротивъ сознательную энергію субъективности, вовлеченную во всѣ борьбы времени за человѣческое образованье. Родясь на берегахъ Рейна, охваченный нѣмецкимъ вольномысленнымъ просвѣщеніемъ и стремленіемъ французской революціи къ свободѣ, онъ восторгался высшими идеалами человѣчества; Клопштокъ, Гёте, Шиллеръ были поочередно вождями его души; когда онъ потомъ нашелъ себѣ постоянный пріютъ въ Вѣнѣ, онъ жилъ, непонятый толпой, въ величавомъ одиночествѣ только самъ съ собою. Если Моцарта вездѣ понимали, вездѣ услаждались имъ потому, что благодаря своей воспріимчивости къ художественнымъ особенностямъ разныхъ народовъ и своему умѣнью прекрасно сплавлять ихъ въ одно, онъ мастерски передавалъ космополитизмъ 18-го столѣтія, то Бетховенъ явился напротивъ побѣдоносно идущимъ героемъ и жрецомъ германства, упитавшагося европейскимъ образованіемъ, но за то теперь съ какою-то строптивой смѣлостью отстаивающаго прирожденную ему своеобразность и даже выводя ее рѣшительно на первый планъ. Если Моцартъ, какъ въ свою очередь Гёте, весь распускался въ той дѣйствительности, которую онъ отражалъ въ себѣ и художественно передавалъ, если онъ не нарадовался самобытной живостью всѣхъ геніальныхъ своихъ созданій, если оба они были преимущественно объективными талантами, то напротивъ того Бетховенъ былъ субъективенъ подобно Шиллеру; онъ прежде всего выражаетъ свои собственныя чувства и мысли, свою великую самость во всѣхъ сюжетахъ, какіе бы онъ ни избралъ. Если Моцартъ, ни дать ни взять какъ Рафаэль, отъ природы носитъ въ душѣ своей какъ особый даръ неба блаженство красоты, гармонію міра, и очаровываетъ граціозностью ихъ формъ, то Бетховенъ, какъ Микель-Анджело, обреченъ на борьбу и страданье; подобно ему, онъ знаетъ одно только примиреніе, которое дается побѣдою, одержанной надъ противоположностями съ боя, и паѳосъ страстно возбужденной души, сила самотерзающагося демоническаго стремленія, переполненнаго и рвущагося наружу чувства, влекутъ его къ самымъ дерзновеннымъ смѣлостямъ, которыя даютъ рѣшительный перевѣсъ духовному элементу и въ произведеніяхъ его старости даже грозятъ разбить въ дребезги соразмѣрность формы или же совсѣмъ погружаются въ сферу сверхчувственнаго. Заключившись въ уединеніе, отрѣшенный отъ міра глухотой, постигшей какъ нарочно его, только и радовавшагося что звуками, враждебный всякой низости по чистому благородству души, полный жажды любви и прискорбно отъ нея отрекаясь, когда она вспыхивала въ немъ къ женщинамъ, стоящимъ на его взглядъ слишкомъ для него высоко, преданный, оскорбляемый, мучимый родными братьями, племянниками, — такъ извѣдалъ онъ всю горечь жизни, но зато ему дано было и высказать свое страданіе; вѣрою въ идеалъ онъ внутренно примирился самъ съ собою и дошелъ до ободряющаго сознанія что истина и благо даны тому, у кого достанетъ мужества ихъ хотѣть и мыслить; онъ смѣло шелъ своей дорогою и выводилъ за собой изъ темени на свѣтъ и насъ, и насъ выручалъ онъ изъ гнета и тѣсноты,

возвращая радости и свободѣ, и этимъ все убѣдительнѣе раскрывалъ передъ нами истину, что постепенное восхожденіе человѣчества—неоспоримо путь скорби, но зато путь ведущій къ спасенію. Онъ не хотѣлъ только трогать, но, какъ самъ онъ говорилъ Беттинѣ фонъ-Арнимъ, хотѣлъ высѣкать огонь изъ мужески-твердыхъ душъ. Онъ одна изъ звѣздъ восходящихъ надъ эрой самосознательнаго духа, онъ мыслитъ и зиждетъ звуками; мысль всего могучѣе въ его созданіяхъ, философскій духъ вѣка отражается въ діалектической обработкѣ его мотивовъ, гдѣ не имѣетъ самъ по себѣ значенія ни одинъ рѣшительно моментъ и гдѣ общій ходъ цѣлаго главное всегда дѣло. Отрѣшенный отъ внѣшняго міра, глядитъ онъ въ открывающуюся передъ нимъ внутреннюю безконечность (какъ въ безбрежный океанъ); опираясь на самого себя, онъ противостоитъ съ титанической строптивостью всему только наружно-приглядному, безотчетно-обычному, низкому, и относится съ полнымъ грусти смиреніемъ къ свѣтлому блеску идеала и съ пламеннымъ, невольнымъ къ нему влеченьемъ; съ фаустовской неудовлетворенностью даннымъ на землѣ удѣломъ, съ фаустовскимъ вожделѣніемъ пережить въ собственной груди своей все благо и все горе человѣчества, расширить свою самость до самости людского рода вообще, онъ въ волнующихся массахъ звуковъ изливаетъ то таинственное, недовѣдомое, что̀ несказанно тревожитъ его душу, и въ музыкальныхъ этихъ волнахъ раскрываются намъ безсловныя чаянія и настроенія глубочайшихъ, завѣтнѣйшихъ сердечныхъ чувствъ. Такъ сталъ онъ завершителемъ инструментальной музыки и, сообразно духу времени, настоящимъ ея драматургомъ, такъ-какъ схватки и борьбы безпрерывно напирающихъ другъ на друга и бурно смѣшивающихся звукорядовъ, ведутъ у него сквозь противоположности скорби и веселья къ всепросвѣтляющему ликованію, — переходъ, котораго ни какое другое искусство не можетъ выразить съ такимъ неодолимымъ могуществомъ и съ такимъ восторгающимъ одушевленьемъ.

Бетховенъ сочинилъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ истома и блаженство любви или высокоутѣшительное упованіе на вѣчность далеко оставляютъ за собой скромныя поэтическія слова какого-нибудь Маттисона или Тидге; онъ умѣлъ отдать должное даже и такимъ вещамъ какъ стихотворенія Гёте и Шиллера. Въ полной гармонической зрѣлости своей мужественной силы написалъ онъ оперу, а подвечеръ жизни—„Торжественную миссу“ (Missa solemnis), но всего выше онъ все-таки остался въ инструментальной музыкѣ. Въ самой этой миссѣ онъ орудуетъ человѣческими голосами какъ инструментами и сопрягаетъ звуки послѣднихъ съ первыми для того, чтобы немногія слова либретто изложить и глубокомысленно истолковать въ преизбыточно-развитыхъ звуковыхъ картинахъ. Самъ онъ почиталъ ее величайшимъ своимъ произведеніемъ. Она дѣйствительно соединяетъ въ себѣ его собственное субъективное чувство и его волю съ религіознымъ преданіемъ, съ гармонической мощью и искусствомъ Севастьяна Баха; онъ исповѣдываетъ здѣсь задушевную свою вѣру съ страстною можно-сказать ревностью, и умѣетъ вмѣстѣ съ этимъ пластически онаглядить жизнь Спасителя, рожденіе его отъ Бога, его смерть и воскресеніе, онаглядить такъ, что мы переживаемъ все это въ своемъ внутреннемъ чувствѣ; скорбь человѣчества о грѣхѣ, вопль его о помилованіи и помощи, мо-

литва общины, да пошлется ей свыше миръ, въ то самое время какъ оркестръ окружаетъ ее шумомъ военной тревоги со стороны враждебныхъ народовъ,—все это неподражаемо-велико; мы вдыхаемъ въ себя воздухъ неба, ощущаемъ поцалуй небесной любви, когда раздается „Благословенъ Господь“, Benedictus, и насъ невольно охватываетъ ужасомъ безконечнаго, когда онъ даетъ намъ чаять ту полузакрытую таинственность вѣчной жизни, которой блаженство и сладостный миръ высказали съ такимъ торжественнымъ благозвучіемъ Гендель въ третьей части Мессіи и Бахъ въ заключительномъ хорѣ своей музыки Христовыхъ Страстей.

Вслушиваясь въ большую увертюру къ Фиделіо, мы видимъ передъ собой здѣсь въ символѣ инструментальной музыки и главное ядро, и весь ходъ цѣлой драмы, вплоть до врывающейся вдругъ радостно-звонкой трубы, которая возвѣщаетъ узникамъ ихъ счастіе; оркестръ выноситъ на себѣ все, опера становится драматизованною симфоніей, въ которой человѣческіе голоса ясными словами выражаютъ то, что̀ хотятъ и безъ нихъ сказать скрипки, кларнеты и роговые инструменты. Это—истинное торжество любви къ мужу, которая мало того что хранитъ вѣрность избранному, но и спускается въ темничную глубину, чтобы спасти его, и когда насъ охватываетъ тюремнымъ воздухомъ, а узники между тѣмъ поютъ о стремленіи своемъ къ вольной волѣ, когда Элеонора и Флорестанъ приходятъ въ совершенный восторгъ, свидѣвшись наконецъ вдругъ снова, и когда выраженіе ихъ чувствъ сливается съ хорами освобожденныхъ, тогда все вмѣстѣ превращается въ величественный гимнъ любви, готовой освободить вселенную. Съ свойственнымъ ему серьёзнымъ благородствомъ души Бетховенъ пренебрегъ всѣмъ легкомысленнымъ, но зато все чисточеловѣческое отчеканилъ полностильно; онъ можно-сказать освятилъ сцену: она, по его мысли, должна быть не балаганомъ для празднаго увеселенія, а истиннымъ храмомъ, какъ желалъ того юный еще Шиллеръ и какъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гёте онъ выражалъ потомъ надежду на благороднѣйшее преобразованіе оперы. Бетховенъ съумѣлъ обвить гётева Эгмонта такими музыкальными звуками, которые начиная съ увертюры и до конца сопровождаютъ веледушнаго и свѣтлаго героя свободы такъ же энергично и размашисто, какъ трогательно-прекрасно вторятъ они счастію и потомъ смерти его возлюбленной, отворяя лучезарные ворòта безсмертія обоимъ.

Итакъ, въ инструментальной музыкѣ геніальность Бетховена находила самую сродную для себя почву. Само по себѣ фортепьяно, равно какъ и оркестръ во всей своей полнотѣ, дошли, благодаря ему, до живѣйшей одушевленности, до высшей степени могучаго и полнозвучнаго эффекта. Его фантазировка на фортепьяно прославилась съ раннихъ уже поръ. Но, какъ композиторъ, онъ презиралъ чистое музыкодѣльство, распускающееся въ пріятныхъ звукоизводахъ и выражающее много-много что только пригнетенное или же осчастливленное настроеніе; онъ, напротивъ, умственно выяснялъ себѣ идеи, переживы, опредѣленныя движенія души и старался въ тематически-проведенной звуковой картинѣ дать имъ пластично-наглядное, понятное чувству выраженіе: не даромъ самъ онъ назвалъ одну изъ своихъ сонатъ „Прощаніе и опять затѣмъ свиданье“, одинъ квартетъ „Затруднительное рѣшеніе,

—до̀лжно ли? да, до̀лжно!“ другой—„Благодарственная пѣснь божеству по выздоровленіи отъ тяжкой болѣзни“; одну симфонію обозначилъ Пасторалью, а другую окрестилъ даже именемъ Наполеонъ; но тутъ пришла вдругъ вѣсть, что этотъ герой, въ которомъ Бетховенъ чтилъ европейскаго Вашингтона, сдѣлался императоромъ; тогда онъ разорвалъ уже готовое ему посвященье. Тѣмъ не менѣе характеристичнымъ остается то, что сюжетъ, который онъ съумѣлъ передать въ музыкѣ, именно—геройство въ полномъ раскрытіи его силы, со всѣми его скорбями и побѣдными радостями, все-же примыкало для него къ дѣйствительному образу, къ переживамъ его собственной эпохи. Въ одной фантазіи и потомъ еще въ девятой симфоніи человѣческое пѣніе прорывается какъ нарочно соревнуя инструментамъ, чтобы совершенно ясно показать, какія чувства волновали душу композитора.

Бетховенъ всегда оставался самимъ собою, но онъ росъ; у него была цвѣтущая пора, когда глубокомысліе шло въ его созданіяхъ обруку съ граціозностью, какъ напримѣръ въ С-мольной симфоніи, въ Фиделіо, и былъ затѣмъ позднѣйшій періодъ, когда страшно тяготѣла на немъ глухота и когда радость звуками уступила у него первенство духовному содержанію, выраженію мыслей и многоискусному веденію самостоятельныхъ голосовъ, какъ мы видимъ это въ большой миссѣ, въ девятой симфоніи, въ позднѣйшихъ квартетахъ и фортепьянныхъ сонатахъ. Смолоду примыкалъ онъ ближе къ Гайдну и Моцарту, творилъ полный свѣжести и мысли въ предѣлахъ созданныхъ уже ими формъ. Потомъ онъ углубился далѣе, въ противень адажіо поставилъ свое скерцо на мѣсто обычнаго плясового мотива въ симфоніи, и развернулъ въ немъ такой юморъ, который не ограничивается ужь одною своенравной шутливостью, а развиваетъ веселое и забавное изъ серьёзнаго же прямо содержанья. У него вполнѣ выходитъ нѣчто цѣлое, одна и та же идея развертывается какъ организующая и движущая сила, тема является зародышемъ, который пускаетъ своеобразныя вѣтви и цвѣты, и въ жалобахъ и въ радостяхъ господствуетъ одно и то же основно̀е настроенье. Своей Героической симфоніей герой царства звуковъ завоевалъ вмѣстѣ и это царство, да и самъ себя. Полный боевой смѣлости, сознавая высокія свои цѣли, онъ какъ бы съизнова вступаетъ въ жизнь, забираетъ всѣ лучшія силы и ведетъ ихъ къ побѣдѣ. Но за тѣмъ слѣдуетъ обходъ поля сраженія, слѣдуетъ погребальный маршъ въ честь падшихъ со славою, скорбь героя о неизбѣжныхъ напастяхъ бытія, о жертвахъ требуемыхъ идеаломъ, который, правда, лучезарно освѣщаетъ ночь, но по временамъ и заволакивается темными тучами. Но какъ солдатъ при первомъ свѣжемъ звукѣ походной трубы снова подымается на работу и на услажденіе житейскими благами, такъ вдругъ разстилается передъ нами лагерь съ его веселой толкотнею; тутъ гомо̀зится и кишитъ вся юношеская радость отваги и счастія, дотого полная силы и славы, что жизнь для нея копейка, хотя тутъ же слышатся, пожалуй, у иныхъ желанія вернуться во свояси, помыслы о милыхъ тамъ въ дали́, а иногда и мечты о высшихъ еще цѣляхъ. Все это совокупляетъ въ себѣ финалъ: побѣда окончательно одержана, ликующій народъ встрѣчаетъ побѣдителя, а онъ шлетъ благодарную молитву небесамъ и, въ чувствѣ добытаго съ бою безсмертія, присоединяетъ свой голосъ къ общему торжественному гимну.

Какъ мило, обокъ съ этою могучей симфоніей, становится другая, славящая идиллическое счастіе человѣка среди природы и безъискусственныхъ ея благъ! Тутъ грудь такъ и расширяется при выходѣ въ поле, тутъ раздаются птичьи голоса, призывающіе къ сладкимъ грезамъ, тутъ горланитъ и пускается въ плясъ веселящійся народъ, пока не надвинула грозовая туча, но не для того чтобъ рушить и истреблять, а для того чтобъ освѣжить все и всѣхъ и указать человѣку на высшую мощь, къ которой онъ и обращается съ благодарнымъ славословіемъ. B-дýрная симфонія даетъ картину бодраго развитія силъ; A-дýрная всегда казалась мнѣ какой-то загадочной: она очевидно имѣетъ въ виду нѣчто болѣе музыкальнаго изящества въ общемъ только смыслѣ слова; то звучитъ она веселымъ выраженіемъ самого искусства въ противоположность серьёзному дѣлу жизни, то словно съ дерзкой какой-то заносчивостью вызываетъ она судьбу, которая въ C-мольной симфоніи „ужь и стучится потомъ прямо въ двери". Человѣкъ слышитъ этотъ стукъ, но истый Промеѳей, порывающійся изъ мрака къ свѣту и свободѣ, онъ отважно готовъ на бой; и хотя ему прійдется впасть въ безконечную скорбь, такъ-какъ жизнь и любовь—одно страданіе, а идеалъ, который мнилъ онъ осуществить, возносится все выше и выше надъ жаждущей его душою, но духъ — владыка бытія, скорбь только будитъ его силу, противленье міра доставляетъ бойцу честь побѣдителя, и вотъ трубные звуки всего людского рода раздаются вокругъ генія, котораго онъ сначала не призналъ, отвергнулъ, увѣнчалъ терніемъ, и котораго славитъ теперь, освобожденный и ублаженный. Зевсъ и Промеѳей примирены, настаетъ новое утро жизни, настаетъ царство божественной любви, въ которомъ Вседержитель услаждается самъ собой, какъ гармоніей всѣхъ живоносныхъ силъ въ цѣломъ мірѣ.

Въ симфоніяхъ Бетховена открываются именно міровыя силы, идеи общечеловѣчныя, тогда какъ фортепьянныя его сонаты шевелятъ душу каждой отдѣльно личности въ завѣтной ея глубинѣ, шевелятъ полнозвучнѣе, патетичнѣе, да зато и просвѣтляютъ ея скорби, возвышаютъ ее болѣе нежели давалось это кому либо изъ прежнихъ художниковъ; сердце человѣка пущено въ борьбу, да одержитъ оно побѣду; свобода—только и есть что самоосвобожденіе; потому духъ долженъ выбиваться изъ своихъ узъ, долженъ изъ тьмы слѣпого природнаго позыва жадно стремиться къ свѣту; онъ долженъ испытать горечь бытія, да не соблазнитъ его потомъ ни какой уже обманчиво-милый призракъ, да не потеряется онъ въ лживомъ мірѣ, но да воротится къ самому себѣ и станетъ добровольно приснымъ вѣчному.

Въ послѣднемъ великомъ своемъ произведеніи, въ девятой симфоніи, грустно-одинокій и столь сильно нуждавшійся въ любви мастеръ, котораго такъ и тянуло къ человѣчеству и къ радости, вступилъ въ гигантскую борьбу съ отчаяньемъ, которое не ему одному готово истерзать сердце, но страшно близится къ каждому, кто заглянулъ въ пучины бытія, кого хоть разъ охватило жизненное бѣдствіе. Онъ хочетъ бѣжать въ область юмора, но формы смѣлаго и бодраго веселья смутно путаются у него подъ рукой и играютъ съ нимъ жестокую шутку; „тогда онъ бѣжитъ въ благочестивую преданность высшей волѣ, и это чувство лучезарно просвѣтляетъ его голову, склонившуюся передъ верховною десницей. Но вотъ снова поднимается еще громче

и сильнѣе внутренняя буря, и то, что принесло-было ему утѣшеніе, тонетъ и исчезаетъ среди напора грозныхъ волнъ“ (Отто Янъ). И тутъ однако прорывается еще жажда радости; но онъ уже не можетъ самъ по себѣ найдти шумныхъ ея ликованій: онъ обращается къ пѣсни Шиллера, которая также вѣдь сначала вызываетъ темный рой печалей для того чтобы подконецъ всетаки преодолѣть ихъ; какъ звучащая свыше вѣсть мира и блаженства отдается у него въ этихъ восторженныхъ словахъ разрѣшеніе перепутанныхъ, мучительныхъ загадокъ жизни среди пестрой ея разноголосицы: не такъ ли и распятый на крестѣ Мессія повѣдалъ міру спасительное благовѣстіе любви и повелъ насъ путемъ жертвы и страды къ искупленію?

Изобразительное искусство подъ вліяніемъ антика. Карстенсъ; Шинкель; Торвальдсенъ; Давидъ.

Преобразователемъ нашего пластическаго искуства выступилъ теперь Асмусъ Карстенсъ (1754—1798), родомъ изъ Шлезвига. Воспитывая себя самъ, научившись болѣе отъ Лессинга и Винкельмана нежели изъ хитрыхъ фокусовъ тогдашнихъ живописцевъ,—въ Римѣ, передъ созданіями древности, Микель-Анджело и Рафаэля, пришелъ онъ къ вѣрному сознательному убѣжденью, что основой каждому художественному произведенію должна служить поэтическая идея, что живописецъ долженъ прежде всего создавать характеры и наглядно изображать состоянія души. Съ серьёзнымъ чутьемъ достоинства и красоты онъ пренебрегъ всякой театральной манерностью, всякой гонкою за эффектомъ; его изначальный выходъ отъ мысли всего лучше знаменуется тѣмъ, что онъ сталъ великъ скорѣе замысломъ нежели исполненьемъ, что онъ былъ больше рисовальщикъ нежели живописецъ, что онъ терпѣть не могъ брать себѣ модели съ улицы, наряжать ихъ Пріамомъ или Авраамомъ и потомъ просто копировать, что отвращеніе это помѣшало ему даже производить студіи надъ природой для большаго усовершенствованія своихъ картинъ. Онъ обратился къ греческой древности и любилъ въ передачѣ своихъ мыслей примыкать къ ея поэтамъ; онъ рисовалъ походъ Аргонавтовъ, сцены изъ Иліады, платоновъ застольный пиръ и тому подобное. Миѳологія была для него не одною только обиходной фразой, а своебытнымъ языкомъ, сподручнымъ для выраженія смысла и содержанія въ идеальныхъ формахъ. Его „Рожденіе свѣта“, гдѣ предвѣчный творческій Духъ паритъ вмѣстѣ съ Ночью въ безпредѣльномъ пространствѣ, а порожденный ими геній радостно возноситъ пылающій пламенникъ, — эта картина своей истинной возвышенностью напоминаетъ сикстинскій потолокъ и рафаэлевскую грацію въ изображеніи Золотого Вѣка, гдѣ родъ людской представленъ въ живо-прочувствованныхъ и благородно-нарисованныхъ группахъ при ненорушенномъ еще мирѣ между духомъ и природою, между чувственностью и душевной глубиной. Карстенсъ чувствовалъ что онъ принадлежитъ человѣчеству и что только въ Римѣ можетъ онъ достичь цѣли своихъ стремленій, а министръ Гейницъ потребовалъ отъ него возврата тѣхъ путевыхъ

стипендій, которыя даны ему были какъ преподавателю берлинской академіи; вышелъ трагическій конфликтъ, и художникъ, бережно употребляя доставляемыя ему средства, среди болѣзни и лишеній создавалъ въ виду смерти такія произведенія, которыя, какъ все неподдѣльное, цѣнятся теперь потомствомъ больше и больше съ каждымъ днемъ. Карстенсъ первый выполнилъ требованіе Дидро,—изучать античныхъ мастеровъ съ тѣмъ, чтобы смотрѣть потомъ на природу ихъ глазами; онъ преимущественно возбудилъ своимъ примѣромъ и Торвальдсена. Молодой Шикъ пріѣхалъ изъ Парижа въ Римъ, и благодаря Карстенсу пустилъ свою живописную технику на службу идеальнаго направленья; его Аполлонъ середи пастуховъ, идиллическое изображеніе того, какъ поэзія дѣйствуетъ на патріархальное поколѣнье, есть цѣлый въ себѣ замкнутый и самодовлѣющій міръ, гармоничный и по замыслу и по исполненію. Вертеръ въ Штутгартѣ своимъ сокрушающимся Іовомъ показалъ, до какой степени онъ отъ природы былъ способенъ къ крупнымъ сюжетамъ; но ему пришлось снискивать кусокъ хлѣба мелкими альбомными работами. Ни одинъ изъ этихъ мастеровъ не отступался отъ нѣмецкаго пошиба, но всѣ они развились по лучшимъ образцамъ далекой старины; Англичанинъ Флаксманъ вдался болѣе ихъ въ эллинизмъ, когда въ своихъ очеркахъ къ Гомеру, Гезіоду, Эсхилу держался композиціи рисунковъ на античныхъ вазахъ и передавалъ сцены изъ древнихъ поэтовъ точно такъ, какъ сдѣлали бы пожалуй и ихъ собственные единоземцы. Такое отреченіе отъ своей народности не можетъ, конечно, распространиться вообще: надо, чтобъ искусство поддерживалось народнымъ духомъ; но надо же ему было тогда пріобрѣсть цѣломудренную простоту стиля и ритмъ линій, полный содержанія. Гораздо свободнѣе создалъ Шинкель свою живописную поэму, изображающую ходъ человѣческой культуры въ сѣняхъ берлинскаго музея, геніальную и граціозную, доставляющую въ своихъ акварельныхъ набросках рѣдкое наслажденіе знатоку древности, но слишкомъ субъективную для монументальнаго произведенія, которое всегда должно быть доступно народному смыслу.

Но важное значеніе Шинкеля (1781 — 1841) собственно заключается въ архитектурѣ. Духъ греческаго быта раскрылся наконецъ благодаря поэзіи и наукѣ; Шинкель понялъ строительныя формы антика изнутри, онъ видѣлъ въ нихъ выраженіе функціи и цѣли каждаго члена, каждой отдѣльной подробности, онъ схватился за нихъ, потомучто призналъ ихъ міровую общепригодность; сообразныя нашимъ потребностямъ задачи настоящаго старался онъ разрѣшать такъ, какъ рѣшили бы ихъ древніе, будь онѣ предложены ихъ искусству. Красота была для него перешедшимъ въ видимость разумомъ природы, которой конструктивная дѣятельность должна какъ бы продолжаться въ нашемъ зодчествѣ, и высшею своею цѣлью считалъ онъ создать что-нибудь новое, что при явной стилесообразности производило бы вмѣстѣ съ тѣмъ эффектъ первоначальнаго, наивнаго. Это удалось ему въ берлинскихъ музеѣ, театрѣ, архитектурной академіи, въ поэтическихъ чертежахъ дворцовъ для аѳинскаго Акрополя и для крымской Оріанды. Не такъ посчастливилась ему мысль упростить готику, явно ввести въ нее горизонтальную линію; тутъ природныя силы стиля скорѣе выходятъ урѣзанными, усѣченными, нежели соразмѣрными вслѣдствіе свободнаго самоограниченія.

Новое это Возрожденіе разнится отъ прежняго тѣмъ, что оно имѣло въ виду не императорскій Римъ, какъ первое, а восходило къ чистому эллинству, принимая въ образецъ его. Шинкель былъ позднерожденнымъ Грекомъ, между тѣмъ какъ Кленце, опять болѣе по-римски, отличался не столько тонкимъ чутьемъ формъ, сколько добротной силою и массовыми эффектами. Къ Шинкелю примыкаетъ бёттихерова Тектоника Эллиновъ,—книга, проложившая научный путь для надлежащаго уразумѣнія формы; впослѣдствіи Земперъ присоединилъ къ этому еще связь искусства съ ремесломъ и съ цѣлесообразнымъ употребленіемъ матерьяла равномѣрно и въ обдѣлкѣ орнамента.

Въ ваятельномъ искусствѣ Даннекеръ въ своей Аріаднѣ одушевилъ теплымъ чувствомъ формы, добытыя Кановою. Ему удалось художественно установить типъ Шиллера въ колосальномъ его бюстѣ. Опираясь на природу и на наличную жизнь, Готфридъ Шадовъ въ Берлинѣ положилъ конецъ господству „косы", старомодныхъ вообще условій; его цѣлью была правда дѣйствительности. Альбертъ Торвальдсенъ (1770—1844), родившійся на морѣ Исландецъ, нашедшій себѣ въ Римѣ отечество, а въ Копенгагенѣ—могилу, явился такимъ художникомъ, который снова пріобрѣлъ искусству общее участіе свѣта; это была свѣтлая душа, язычникъ если хотите, но набожный отъ природы какъ Фидій и Софоклъ, одаренный яснымъ живымъ взглядомъ и на сущность вещей, и на расцвѣтающую изъ силы грацію. Умѣнье передать весь сосредоточенный въ себѣ личный духъ въ полной тѣлесности, въ способномъ къ движенію покоѣ, въ равновѣсіи душевнаго элемента съ чувственнымъ,—вотъ что̀ было истинно-пластично у Грековъ; только благодаря этому создали они естественный идеалъ духа въ простомъ величіи и въ благородной простотѣ; и вотъ, послѣ сильнаго преобладанія живописныхъ элементовъ, Торвальдсенъ вдругъ попалъ опять на чисто-скульптурный стиль, особенно въ рельефѣ, гдѣ онъ сталъ великимъ мастеромъ, избѣгая перспективы и раккурсовъ и развертывая фигуры на простой плоскости вполнѣ свободно и изящно. Всего охотнѣе жилъ онъ въ мірѣ античныхъ боговъ и героевъ, для изображенія которыхъ пластика—сподручнѣйшее изъ искусствъ; но онъ вовсе не подражалъ древнимъ, мысль и живое наблюденіе доставляли ему новые мотивы: такъ, напримѣръ, для Меркурія, готовящагося убить Аргоса, послужилъ ему одинъ римскій отрокъ, котораго онъ увидѣлъ полусидящимъ на камнѣ съ нагнутымъ впередъ туловищемъ. Для мелкихъ рельефовъ любимымъ его сюжетомъ былъ Эротъ, по своими поэтическими возсозданіями Ночи и Дня, своими Временами Года сталъ онъ знаменитымъ художникомъ, а своему большому и многофигурному рельефу торжество Александра Великаго самъ онъ далъ потомъ замѣчательный противень во Вступленіи Іисуса Христа въ Іерусалимъ и въ Шествіи на Голгоѳу. Какъ самодовольно-слабоватъ стоитъ въ мюнхенской Глиптотекѣ Парисъ Кановы передъ торвальдсоновымъ Адонисомъ, который, опершись на копье и погрузясь въ любовныя грезы, ждетъ Венеру на свиданіе, вполнѣ достойнымъ ея лицомъ; нѣжная юность и навычное къ охотѣ тѣло нераздѣльно слились здѣсь съ какимъ-то легкимъ оттѣнкомъ грусти, предчаяніемъ скораго конца, какъ и естественно генію весны, обреченному столь ранней смерти. Изъ памятниковъ работы Торвальдсена удачнѣйшимъ можно кажется назвать крѣпко въ себѣ замкнутую, указывающую правою рукой путь войску и народу

конную статую курфирста Максимильяна I-го въ Мюнхенѣ; но и антично-обдѣланный Шиллеръ въ Штутгартѣ, хотя его и прозвали „понурой" (Kopfhänger), вошелъ опять въ славу, благодаря множеству напрасныхъ новыхъ попытокъ изобразить поэта.

Торвальдсенъ былъ того мнѣнія, что для украшенія протестантскимъ церквамъ идетъ болѣе скульптура, а католическимъ — живопись. Такъ задумалъ онъ и выполнилъ для фронтона каѳедральной церкви въ Копенгагенѣ проповѣдующаго передъ народомъ, Крестителя Іоанна; для Богородицкой церкви — сивиллъ и пророковъ у дверей и на паперти, далѣе у алтарныхъ столповъ — апостоловъ, какъ идеальныхъ представителей различныхъ направленій духа и различныхъ добродѣтелей, а передъ абсидой—Христа, благовѣствующаго съ воздѣтыми руками слово мира; рельефы наружныхъ фризовъ поставлены въ очевидную связь со статуями внутри. Побѣдоносный герой любви, какимъ онъ представлялъ себѣ Спасителя, вышелъ у него не вполнѣ удачно; апостолы—люди полные величія, но совершенное отступленіе ихъ отъ средневѣковыхъ типовъ, въ какихъ со временъ Джотто обыкновенно выражается нравственный характеръ душевной жизни, придаетъ имъ на нашъ глазъ что-то странное. Черезъ реставрацію Эгинетовъ Торвальдсенъ ознакомился очень близко со старобытнымъ стилемъ Фидія, и геніальнымъ пріемомъ съ его стороны можно назвать то, что онъ не только далъ отозваться въ своемъ Христѣ благородной строгости эллинскаго мастера, но такъ же точно выполнилъ и фигуру Надежды на его ризѣ, полную души, хотя еще и не развернувшуюся почку дѣвственности, которую усвоилъ себѣ Вильгельмъ Гумбольдтъ и поставилъ отлитую изъ бронзы на свой фамильный склепъ; да ее же взялъ въ сопутницы своему собственному чрезвычайно-схожему изваянію и самъ художникъ.

Какъ дѣлали Шиллеръ и Гёте во многихъ своихъ произведеніяхъ, такъ точно и Торвальдсенъ противопоставлялъ современной дѣйствительности художническій идеалъ, примыкая къ греческимъ больше формамъ; и на его взглядъ, какъ на взглядъ обоихъ поэтовъ, наличная жизнь во внѣшнемъ ея проявленіи была дотого мелка и неизящна, что онъ не могъ возвесть ее въ собственный идеалъ: онъ вынужденъ былъ создать для нея образецъ силою своего вольнаго творчества.

И Франція обратилась теперь къ антику, съ которымъ уже прежде сблизили ее драмы Корнеля и Расина, а равно живопись Пуссена, хотя правда что они больше имѣли въ виду время римской имперіи нежели эллинство и что театральный эффектъ господствовалъ у нихъ надъ вѣрностью природѣ и высшей идеальностью. Хорошія школы обучили здѣсь ремесленной сторонѣ искусства, и чутье народа къ формѣ вообще требовало непремѣнно отдѣлки, округленности, техническаго совершенства, тогда какъ, напротивъ, Нѣмцы изъ-за глубины содержанія легко мирились съ недостатками выполненья. Своимъ энергическимъ паѳосомъ, умнымъ и отчетливымъ расположеніемъ, а также и смѣлымъ размахомъ линій, Давидъ (1748—1825) далъ французскому искусству новый тонъ, и такъ-какъ молодежь еще и до революціи была подготовлена къ ней постоянною оглядкой на древнія республики и на ихъ великія дѣла, то понятно, что Давидъ произвелъ сильное впечатлѣніе своей

клятвою Горацiевъ: юноши, которымъ отецъ подаетъ мечи, своимъ мужественнымъ патріотизмомъ рѣзко выдаются противъ женщинъ, у которыхъ трогательно сквозятъ боязнь и скорбь за родныя семьи, идущія теперь другъ противъ друга на жизнь и смерть. За этимъ слѣдовалъ Старшій Брутъ подъ тѣнью статуи богини Рима, въ то время какъ приносятъ трупы осужденныхъ имъ на казнь сыновей. Тогда вспыхнула революція: дѣтямъ при крещеніи давали античныя имена, на мѣсто христіанства воздвигли богиню Разума, учредили культъ Высшаго Существа, и Давидъ, тѣсно примкнувшій къ движенію, даже прямо къ террористамъ, руководилъ теперь декораціею великихъ народныхъ празднествъ, гдѣ юноши и дѣвицы, одѣтые по древнему, сопровождали статую Вольтера, которую на богато-изукрашенной колесницѣ въ двѣнадцать лошадей торжественно везли въ Пантеонъ, тогда какъ изъ дверей театра выступали герои его трагедій и клали лавровые вѣнки на гробницу. Или, на площади Бастилліи высилась колосальная статуя природы, и народъ пилъ передъ нею изъ обновляющаго, молодящаго ключа; или еще устроивалась исполинская группа изъ фигуръ Своекорыстія, Лицемѣрія и Раздора, предсѣдатель праздника зажигалъ этотъ колоссъ, а изъ дыма и развалинъ поднималась статуя Мудрости, передъ которою ведомая Робеспьеромъ процессія воспѣвала гимнъ Высочайшему Существу. Подобные же праздники уряжались въ провинціи; аллегоріи Равенства, Братства, Республики пояснялись принадлежностями, аттрибутами: Свобода, напримѣръ, гребетъ весломъ и разбиваетъ въ дребезги иго, между грудями богини Равенства утвержденъ отвѣсъ, у Разума на верхнемъ концѣ скиптра изображенъ глазъ, а передъ грудью Республики сіяетъ лучезарное сердце; символъ народа, Геркулесъ, сидитъ на каменной глыбѣ, означающей партію горы, и члены его испещрены словами Свѣтъ, Сила, Трудъ. Такъ искусство употреблялось на службу общественности, а между тѣмъ санкюлотизмъ возвращался къ грубой и нагой природѣ. Тогда Давидъ написалъ натуралистическую картину, мертваго Марата въ купальной ваннѣ, — по словамъ Юлія Мейера, единственная, пожалуй, картина, которую онъ задумалъ съ полною силой самороднаго творчества, съ потрясающею правдивостью, и выполнилъ съ подлинно живописнымъ чувствомъ, тогда какъ обыкновенно его облики имѣютъ видъ росписныхъ гипсовыхъ фигуръ. Когда, по паденіи Робеспьерра, принялась за свои оргіи „Золотая Молодежь", и красавицы Тереза Талліэнъ, Богарнѐ, Рекамьѐ стали обнажать свои прелести въ мнимо-греческомъ костюмѣ, тогда Давидъ написалъ Похищеніе Сабинянокъ. Впослѣдствіи онъ примкнулъ къ Наполеону, и изъ-подъ кисти его вышла тогда опять прекрасная, полная жизни и символическаго достоинства картина: молодого героя, смирителя анархіи, изобразилъ онъ спокойно-ѣдущимъ на огневомъ конѣ вверхъ по Сенъ Бернарду и указывающимъ на высшую цѣль славы, на вершину горы. Не такъ отрадна была картина императорской коронаціи со множествомъ одеревенѣлыхъ статистовъ, или картина раздачи знаменитыхъ орловъ съ перепутанными плетеницами солдатскихъ рукъ и ногъ. Изъ древности взятъ Давидомъ сюжетъ Леонида, вооружающагося и убирающагося съ своими Спартанцами къ смертельному бою. Не льзя не замѣтить остатковъ прежней его силы въ тѣхъ античныхъ вещахъ, которые писалъ онъ потомъ въ Брюсселѣ, изгнанный реставраціей. Если у него вообще мало самородно-

сти, мало индивидуальной жизни въ формахъ и искренности чувствъ, то все же онъ сталъ мѣроположенъ своимъ обращеніемъ къ исторіи; онъ покинулъ фантастическую область въ миоѣ и въ религіи, точно такъ же какъ покинулъ и жанръ, а зато весь устремился къ историческому величію, изображая современникамъ подвиги героевъ въ стилѣ римскаго искусства. Онъ требовалъ отъ своихъ учениковъ чувства изящной формы и тщательнаго исполненія, а впрочемъ давалъ полную волю ихъ своеобразности, что̀ вліяло на нихъ какъ не льзя лучше.

Изображенія историческихъ личностей, задуманныя вѣрно природѣ и щегольски-выполненныя, писалъ Жера̀ръ. Свѣжѣе и смѣлѣе Дави́да въ своихъ историческихъ картинахъ современныхъ событій передавалъ непосредственную жизнь Гро (Gros), пока не вдался въ пустой паѳосъ лести единовластителю и къ дѣйствительности не сталъ примѣшивать холодныхъ аллегорій. Событіямъ и чувствамъ своего времени Геренъ (Guerin) противопоставилъ такія сцены изъ античныхъ сказаній и изъ исторіи, въ которыхъ господствовало сродственное настроенье, и съумѣлъ своимъ напоминавшимъ Дави́да композиціямъ придать новую прелесть хорошо расчитанными колоритными эффектами. Эту же особенность колорита пускалъ въ ходъ и Жиродѐ, когда, полный сочувственнаго настроенія, онъ обдѣлывалъ въ обычной тогда антикизирующей формѣ романтическіе сюжеты, какъ напримѣръ погребеніе Аталы по Шатобріану. Всѣхъ далѣе въ этомъ специфически-живописномъ направленіи пошелъ Прюдонъ (Prud'hon); когда онъ изображаетъ похищаемую Зефиромъ Психею, тутъ не льзя не признать корреджіева образца: „всѣ очертанія какъ бы исчезаютъ въ охватившемъ ихъ отовсюда колоритномъ блескѣ, теплота жизни держится въ одной плотской полнотѣ, въ мясистости, а прелестное тѣло все цѣликомъ выражаетъ уже задушевную только радость",—такъ знаменательно говоритъ о Прюдонѣ Юлій Мейеръ. Этотъ художникъ стоялъ одиноко среди обстановки, которая дала отнять у себя свободу изъ-за славы военнаго первенства и роднилась все болѣе и болѣе съ напыщеннымъ стилемъ императорскихъ бюллетеней. Недоставало почвы правды для благоуспѣшнаго развитія искусствъ, недоставало и спокойнаго приволья въ народной жизни *. Заблужденія особенно ярко выступили въ пластикѣ, когда одинъ ваятель поставилъ генерала Дезѐ (Desaix) нагимъ на площади, накинувъ ему тогу римскаго полководца не на тѣло, а только на̀ руку; другой вздумалъ остилизовать коротышность наполеонова тѣлосложенія долговязыми ногами, а третій изобразилъ въ одной церкви признаніе формально-отмѣненнаго революціею Бога такъ, что Франція, въ видѣ Минервы, наступаетъ на голову змію безвѣрія и подымаетъ на ноги небольшую фигурку Вѣры съ крестомъ и библіей въ рукѣ. Революція видѣла въ антикѣ только республиканское искусство въ противоположность дворскому рококо̀; открытіе Помпеи и Геркуланума доставило ей новыя формы стѣнныхъ украшеній и всякой утвари: мѣсто извилистыхъ и ломаныхъ линій вдругъ заступили прямая и круговая, вообще правильная ясность смѣнила собой пре-

* Это спокойное приволье обусловливается вѣдь именно только правдою, соразмѣрной справедливостью ко всѣмъ человѣчнымъ интересамъ. Прим. перев.

избытокъ всякихъ прикрасъ; но въ императорское время все стало какъ-то деревяннѣе, суше и съ тѣмъ вмѣстѣ напыщеннѣе. Для императорства главнымъ было выказать свое величіе между прочимъ и въ искусствѣ; изо всѣхъ странъ были награблены и свезены въ Парижъ великолѣпнѣйшія произведенія; такимъ образомъ искусство выходило уже государственнымъ прямо дѣломъ. Общественныя отношенія, опираясь не на идеи, а на себялюбіе и тщеславіе, обращали и искусство наполеоновской эпохи въ какую-то пустопорожнюю величину.

Французская и итальянская литература во время революціи и имперіи.

Со временъ Людовика XVI-го героевъ и государственныхъ людей древности представляли на сценѣ въ придворной одеждѣ 17-го вѣка, въ парикѣ и въ модныхъ атласныхъ башмакахъ; а теперь актеръ Тальмà, другъ живописца Давида, играя роль вольтерова Брута, впервые вышелъ на сцену въ античномъ костюмѣ, тогда какъ въ роли Карла IX-го, въ піэсѣ Варѳоломеевская ночь Шеньè, онъ создалъ такой потрясающій обликъ тирана, что Мирабò и Дантонъ оба воспользовались имъ въ борьбѣ противъ стараго королевскаго самовластія. Марія-Іосифъ Шеньè былъ больше риторъ нежели поэтъ; но ему приноситъ великую честь то, что онъ остался вѣренъ знамени свободы какъ подъ господствомъ народной толпы, такъ и при Наполеонѣ, и даже противусталъ еще теперь новопоявившемуся вдругъ пустосвятству. Братъ его, Андрей,—французскій Хёльдерлинъ; истинное гречество живетъ въ немъ живьёмъ, въ этомъ сынѣ Француза и Гречанки-матери, высказывается ли онъ намъ въ милѣйшей идилліи, или въ элегіи, все равно. Заключенный въ тюрьму и потомъ гильіотинированный терроромъ, онъ въ послѣдніе дни своей юности былъ осчастливленъ любовью одной прелестной соузницы, и ту жалобную пѣснь, какую влагаетъ онъ ей въ уста, да еще брыжжущій восторгомъ марсельскій гимнъ Ружè де л'Иля, считаемъ мы за прекраснѣйшія поэтическія произведенія той эпохи; въ той слышится мелодическій стонъ души, не хотящей умереть: вѣдь щадитъ же и серпъ только-что зацвѣтшую еще хлѣбную зелень, вѣдь вырывается же и соловей изъ сѣти птицелова, а въ гимнѣ звучитъ готовая на смерть святая любовь къ родинѣ, призывая народъ отстоять свободу, и могучее дѣйствіе сопровождаемыхъ музыкою словъ, столь прославленное въ древнихъ сказаніяхъ, подтвердилось этимъ гимномъ и для новѣйшей эпохи. Между тѣмъ какъ арія изъ „Ричарда Львиное-сердце“ Гретри: О Ричардъ, мой король! всегда снова воспламеняла сердца роялистовъ, въ то самое время народная толпа потѣшалась піэсами, вродѣ Папессы Іоанны или Драгуна и бенедиктинки, которыхъ одни уже заглавія даютъ предполагать, что тутъ обокъ съ какимъ-нибудь монастырскимъ похищеніемъ дѣло шло о томъ, чтобы осы́пать католицизмъ цѣлой кучей грязноватыхъ шутокъ. Когда сцена совершенно одичала въ нахабномъ пояспичествѣ и въ пустозвонствѣ декламацій, Монитёръ жаловался на этотъ наплывъ дрянныхъ произведеній и приписывалъ ихъ заговору Питта и Кобурга, кото-

рые будто бы хотятъ загубить не только государство, но и театръ во Франціи. Легкомысленное безвѣріе, настоявшее на отмѣнѣ христіанства, но не помѣшавшее простому люду оставаться у поповства въ поводу, нашло себѣ поэтическое выраженіе въ „Войнѣ боговъ" Парни́. Противоположность христіанства съ язычествомъ, разумнаго взгляда на природу и строгонравственной религіи съ полною разгула миѳологіей и ея поэтическою красотой серьёзно высказали Шиллеръ въ Богахъ Греціи и Гёте—въ Коринѳской Невѣстѣ; Парни же остроумно беретъ ее съ комической лишь стороны, разумѣется, какъ и Вольтеръ въ Орлеанской Дѣвѣ, проповѣдуя трезвый деизмъ, а болѣе стараясь щекотать чувственную похотливость.

Наполеону особенно хотѣлось окружить свой тронъ блескомъ драматической литературы; онъ очень благоволилъ къ актеру Тальма̀, онъ охотно водился съ театральными поэтами, онъ требовалъ стройнаго расположенія піэсы, энергіи характеровъ и языка и наконецъ монархическаго образа мыслей; онъ не возставалъ противъ того, что Ренуаръ (Raynouard) и Шеньѐ дозволяли себѣ обходить обычныя три единства и соблюдали только единство основно̀й нравственной мысли и интереса; но изъ-за одного противнаго ему стиха онъ былъ готовъ возненавидѣть всю піэсу, да не могъ притомъ и наличныхъ талантовъ превратить въ крупнѣйшіе. Ихъ прогрессъ состоялъ въ томъ, что сюжеты брали они изъ французской исторіи; указывали теперь правда и на Шекспира, но вообще говоря образцомъ для нихъ служилъ все-таки Корнель, какъ по части эффектной декламаціи, такъ и по части мѣтко-озадачивающихъ словечекъ. При императорскомъ дворѣ гораздо удачнѣе обновилъ Спонтини блестящую и героическую оперу. И онъ и Керубини были Итальянцы, образовавшіеся на свой отечественный ладъ, но оба принялись потомъ изучать Глука, и Керубини сталъ достойнымъ преемникомъ этого мастера въ его Медеѣ; особенно восторгалъ его классическій республиканскій духъ, онъ справилъ музыкальныя тризны по политику Мирабо и по воину, генералу Гошу, мелодіи его раздавались на всѣхъ революціонныхъ празднествахъ; при имперіи онъ весь ушелъ въ свою внутренную жизнь, сочинилъ милую по задушевности картину въ „Водовозѣ", а глубокимъ старцемъ писалъ прекрасную церковную музыку. Настоящимъ музыкантомъ имперіи былъ Спонтини. Опера мирилась съ тѣмъ театральнымъ паѳосомъ, который вредилъ правдѣ жизни и полнотѣ художественной гармоніи въ картинахъ Дави́да; а Спонтини былъ мастеръ изображать дѣйствія массъ на массы и давалъ при этомъ изобиліе военной пышности и звучно-характерные марши; Риль даже остроумно сравниваетъ тактику Наполеона и Спонтини: бросать какъ можно неожиданнѣй на одинъ рѣшительный пунктъ самыя большія и готовыя на бой музыкальныя массы. Его „Весталка" перенесла въ древній Римъ любимый сюжетъ революціоннаго времени, — монахиню, у которой голосъ природы одерживаетъ верхъ надъ жрическими обѣтами, и ввела въ самую среду дѣйствія тріумфъ римскаго полководца съ сопровождающимъ его хоромъ варварскихъ царей. Его „Кортесъ" возвеличилъ завоевателя и выяснилъ передъ театральной публикой многосложный шумъ сраженій. По низверженіи Наполеона, Спонтини нашелъ себѣ пріютъ въ прусской военной монархіи, но это мѣсто сперва оспоривала у него критика, а подконецъ сталъ оспоривать и народъ. Не надо однакожь забывать, что и подъ горделивой пышностью им-

періи во Франціи никогда не терялъ вполнѣ своей теплоты и свѣжести живой народный духъ. Народная пѣсня, романсъ, комическая опера держались въ веселой своей беззатѣйности талантами Далейрака, Мегюля, Боэльдьё, на сцену была выведена даже „Замарашка" (Cendrillon), символъ простой искренности въ противень надутому щегольству ея сестеръ, и Замарашка, не обставленная еще тѣмъ ослѣпительнымъ блескомъ, какой придала ей потомъ вторая имперія.

Важнѣйшею литературною величиной Франціи въ наполеоновское время была женщина, которую онъ и выгналъ изъ Парижа за ея свободомысліе; правда, что она видѣла въ немъ Робеспьерра на конѣ, правда, что она вступалась за индивидуальное право и единичныхъ лицъ и народовъ, будучи сама королевой милостію духа, то-есть энергіи и ума, и въ то же время истою женщиной по всегдашней тревогѣ сердца, по неукротимому энтузіазму чувствъ. То была дочь Некера, который, родясь сыномъ нѣмецкаго пастора въ Женевѣ, разбогатѣлъ потомъ торговыми дѣлами въ Парижѣ и былъ неоднократно призываемъ къ управленію финансами, когда королевская власть не знала уже, что̀ начать. Такимъ образомъ въ замѣчательной этой женщинѣ нѣмецкая кровь и нѣмецкій характеръ перемѣшались съ французскими; мать воспитала ее въ правилахъ женевскаго протестантизма, въ молодой душѣ дѣвушки царилъ землякъ ея, Руссо̀, среди блестящаго родительскаго дома она вскорѣ стала очаровательнымъ центромъ всего общества. Она не долго пожила въ бракѣ со шведскимъ посланникомъ, барономъ Сталемъ, и подъ его именемъ прославилась. Во время своего изгнанія изъ Франціи, г-жа Сталь, жаждя образованія, путешествовала по Европѣ, или собирала вокругъ себя въ за̀мкѣ своемъ Коппетѣ, на берегу Женевскаго озера, литературный дворъ котораго извѣстнѣйшими представителями были Бенжаменъ Констанъ и А. В. Шлегель; что̀ продолжалось до тѣхъ поръ, пока она могла опять открыть свою гостиную въ Парижѣ. Она жила съ 1766-го года по 1817-й. Гёте и Шиллеръ трунили надъ говорливостью этой самодовольной свѣтской дамы, передъ которою приходилось всему обратиться въ слухъ, надъ живостью Француженки, не способной ни на чемъ остановиться и желавшей о чемъ бы то ни было тотчасъ же услышать какое нибудь рѣшительно острое словцо; она, говорятъ они, не допускаетъ ни чего темнаго, недосказаннаго; то, что̀ у насъ слыветъ философіей, ведетъ по ея мнѣнію, къ мистикѣ и суевѣрству, а изъ поэзіи она усвоиваетъ себѣ только страстный и риторическій элементъ; поэтому приходится противорѣчить ей во всѣхъ послѣднихъ и высшихъ вопросахъ, но она очень привлекательна по характеру, а ея свѣтлый и бойкій умъ доходитъ просто до геніальности.

Г-жѣ Сталь хотѣлось чтобы поэзія тѣсно примкнула къ дѣйствительной жизни, вмѣсто того чтобъ грезить о сверхъестественномъ или возсоздавать давно отжившіе миѳы; слѣдуетъ, говорила она, изображать душу, описывать нынѣшнее общество; она вѣровала въ идеалъ человѣчества, она надѣялась что изъ философіи разовьется новая религіозная форма, которая удовлетворитъ стремленію сердца сообразно съ здравымъ человѣческимъ умомъ. Она сама написала два соціальныхъ романа. „Дельфина", подражающая Новой Элоизѣ даже и письменной своей формою, отстаиваетъ право природы, пра-

во собственной своей воли и собственнаго мышленія, противъ той силы обычая, которая проявляется въ общественномъ мнѣніи, требуетъ буквальнаго признанія вѣроученій, и потомъ точнаго соблюденія нравовъ текущаго дня и изстари ведущихся понятій о чести; психологическія проблемы, обрисовка характеровъ тутъ главное, — композиція и ходъ дѣйствія далеко не такъ удачны. Блистательнѣе вообще „Коринна", хотя и тутъ на сцену выступаютъ почти тѣ же опять типы. Англичане, Французы, Итальянцы должны посбавить своихъ національныхъ предразсудковъ, отдавать другъ другу больше справедливости. Мы странствуемъ съ авторомъ по Италіи, и въ лирикѣ ея восторженныхъ импровизацій громозвучно отдается то впечатлѣніе какое этотъ край искусства и красоты постоянно производитъ на всѣхъ образованныхъ Европейцевъ. Здѣсь сочинительница всего изящнѣе высказала сама себя, и если она при этомъ говоритъ, что изо всѣхъ способностей своей души она изведала вполнѣ одну только способность страданія, то причина этому въ ней самой: она правда могла зажечь пылкую страсть, но никогда не могла внушить любви прочной и постоянной, потомучто требовала отъ мужщины, чтобъ онъ отдался ей весь, тогда какъ не могла же она не признать, что единственнымъ достойнымъ его существованіемъ выходитъ энергическая дѣятельность съ твердыми цѣлями для общаго блага. Возлюбленный ея, Бенжаменъ Констанъ, въ романѣ своемъ „Адольфъ", многое взялъ самъ съ себя и многое съ этой женщины. Юноша, ничего еще не пережившій и воображающій что покончилъ уже со всѣмъ, который за все перехватилъ фантазіей, желалъ всего возможнаго и ни чего серьёзно не хотѣлъ, ни чего хорошенько не продумалъ, любитъ здѣсь зрѣлую женщину, старѣе себя, которая и выступаетъ съ тѣхъ поръ на первый планъ во французскихъ романахъ, смѣняя собой фигуры Гретхенъ и Клерхенъ, этихъ дѣвственно-кроткихъ и милыхъ душъ, которыя смотрятъ на выше стоящаго мужщину съ глубочайшимъ уваженіемъ. Но эта женщина, со всей ея образованностью, житейской опытностью и страстью, истекаетъ кровью въ борьбѣ противъ общества, которое хотя и даетъ правила своихъ нравовъ только для посредственности заурядныхъ людей; но правила эти все-таки для нихъ полезны, да притомъ же люди подобнаго рода составляютъ большинство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общественное мнѣніе.

Въ книгѣ своей о Германіи, какъ нѣкогда Тацитъ въ своей, г-жа Сталь хотѣла противопоставить въ увѣтъ своему народу изображеніе другого; даже и послѣ всѣхъ цензурныхъ зачерковъ бонапартовская полиція захватила книгу и уничтожила ее въ толчеѣ, какъ противофранцузскую. Въ жизни внутренняго чувства, въ поэзіи души, въ самобытныхъ индивидуальностяхъ ищетъ она желанныхъ дополненій къ тому шаблонному, заказному, механическому элементу, какимъ заражены всѣ романы вообще, и который особенно выступилъ при владычествѣ Наполеона. Она не скрываетъ того, что слишкомъ углубленная въ себя жизнь, неистребимая поэзія души доселѣ покупалась у Нѣмцевъ явнымъ ущербомъ для внѣшней обстановки, для національнаго и политическаго величія; она ясно видитъ, дочего мелкодержавность и сословная рознь вредятъ общенародному чувству, какой разрывъ вносятъ онѣ въ образованіе: у художниковъ и ученыхъ слишкомъ мало чутья дѣйствительности и умѣнья за нее взяться; у нихъ болѣе идей, нежели они

могутъ выразить, тогда какъ, напротивъ, Французъ всегда мастеръ говорить даже и тамъ, гдѣ нѣтъ у него ни какихъ собственныхъ мыслей, потомучто у него есть готовый запасъ фразъ, которыми каждый владѣетъ со смысломъ, у него есть общеобязательный для всѣхъ вкусъ; въ Германіи любой поэтъ смѣло выступаетъ съ своей особенностью и черезъ нее обращается къ индивидуальному сужденію всякаго единичнаго лица, тогда какъ Французы живутъ въ обществѣ, соображаютъ съ его требованіями каждый шагъ, и во всѣхъ своихъ созданіяхъ и мысляхъ не столько имѣютъ въ виду самое дѣло, сколько тотъ эффектъ, какой они хотятъ имъ произвести. Такимъ образомъ въ нѣмецкой драмѣ сердце, страсть выступаютъ свободнѣе и искреннѣй, но Французы несравненно искуснѣе на сценическую технику. Такъ Нѣмецъ ищетъ основаній для своихъ поступковъ въ собственной совѣсти, въ изученіи существа вещей, тогда какъ Французъ просто примыкаетъ къ общепринятому обычаю. Великіе мыслители Германіи возстановляютъ, путемъ разума завѣтнѣйшія святыни сердца; они дѣлаютъ энтузіазмъ кровнымъ достояніемъ своего народа, они снова возвращаютъ его къ вѣрѣ путемъ мысли о безконечномъ и путемъ культа безконечности. Такъ старается г-жа Сталь избавить французскій духъ отъ его односторонности, навести его больше на индивидуальность и свободу, упреждая въ этомъ школу романтиковъ; такъ знакомитъ она Францію съ нѣмецкими поэтами и философами и пролагаетъ путь взаимному пониманію другъ другомъ народовъ, исповѣдуя между тѣмъ сама полноправность національнаго элемента въ сферѣ общечеловѣчнаго образованія.

Свѣтаетъ новое утро и для Италіи, и—что̀ знаменательно для эпохи самознательнаго духа — свѣтаетъ не въ лицѣ великихъ политиковъ, а въ лицѣ поэтовъ и мыслителей, высказывающихъ идеи народности и свободы, вызывающихъ въ народномъ сознаніи жажду возрожденія и такимъ образомъ подготовляющихъ его изнутри, изъ глубины. Первый толчокъ къ перемѣнѣ далъ Витторіо Альфіэри (1749—1803). Онъ излилъ въ трагедіяхъ настроеніе своей собственной души; великой цѣлью его было сдѣлать народъ свой сильнымъ, доблестнымъ, свободнымъ, послѣ того какъ и самъ онъ успѣлъ подняться духомъ изъ грязи низкихъ волокитствъ и соблазнительныхъ похожденій, изъ бездѣятельности и невѣжества. Женоподобной мягкости и музыкальной распущенности чувства противупоставилъ онъ вдругъ мужественно-терпкій лаконичӗскій стиль въ тонѣ цѣлаго, въ изображеніи характеровъ и въ дикціи; такимъ образомъ въ драмахъ у него нѣтъ блеска и ароматности, нѣтъ свѣтлаго приволья, нѣтъ всепримиряющей кротости; но за то онъ первый огласилъ Италію призывомъ разбудившимъ ее отъ долгаго сна, и окончательное возстаніе его родины зажглось первоначальной искрой въ огненной душѣ его и не мало ею поддерживалось и направлялось. Онъ отъ природы былъ человѣкомъ дѣла, но онъ не нашелъ себѣ въ своемъ отечествѣ ни какого рѣшительно мѣста, гдѣ могъ бы дѣйствовать иначе какъ революціонеръ, чтобы двинуть время сообразно своимъ помысламъ, и тогда можно-сказать съ отчаянія онъ вдругъ сдѣлался человѣкомъ слова,—какъ однажды вѣрно замѣтилъ Павелъ Гейзе, даровитый новеллистъ. Поэтическій кругозоръ его конечно съуживается отъ того, что онъ не знаетъ другихъ страстей кромѣ любви къ свободѣ и властолюбія; но тѣмъ именно онъ и сломилъ

заклятіе сна, лежавшее на его народѣ. Когда этотъ юноша, объѣхавъ всю Европу, даже передъ Фридрихомъ Великимъ ощущаетъ только ужасъ, а не удивленіе, тогда мы конечно видимъ, что его паѳосъ—скорѣе лишь абстрактная ненависть къ тираннамъ, нежели истинное свободолюбіе, и что именно этимъ отличается онъ отъ Шиллера, хотя подобно ему почитаетъ плутарховыхъ героевъ своими. Когда сіятельный аристократъ, чуть не помѣшанный на прекрасныхъ лошадяхъ и на прекрасныхъ женщинахъ, топчетъ въ грязь чинные мѣщанскіе нравы и ставитъ себѣ въ заслугу то, что прямо избѣгалъ въ Испаніи всѣхъ добродѣтельныхъ женщинъ, то мы видимъ тутъ такую язву, которая не исцѣляется вполнѣ даже и тогда, когда онъ потомъ ревностно бьется изъ-за поэтическаго лавра, чтобы стать достойнымъ любви графини Альбани, такъ-какъ и она все же опять супруга другого лица. И однакожъ, когда въ первой своей трагедіи онъ выводитъ Антонія и Клеопатру, а самъ между-тѣмъ лежитъ въ недостойныхъ его цѣпяхъ, то и это уже рѣшительный шагъ впередъ противъ прежней драматической литературы Итальянцевъ, что поэтъ раскрываетъ въ трагедіи самого себя. Альфіэри самъ также описалъ свою собственную жизнь, и при томъ какъ настоящій мастеръ. Поэтическая его сила истощилась рановременно. Онъ убѣжалъ съ своей возлюбленной изъ Парижа, когда тамъ страшно разъигралось „тигровое хозяйство обезьянъ". Подвечеръ своей жизни принялся онъ теперь основательнѣе изучать и греческихъ поэтовъ; къ сожалѣнію образцами его молодости были Сенека и Корнѐль, а не Софоклъ или Шѐкспиръ. Политическія комедіи, которыя онъ тутъ еще затѣялъ по слѣдамъ Аристофана, вышли жалкими порожденьями тяжелаго и омраченнаго уже ума. Въ драмѣ онъ преимущественно стремился къ художническому единству, но слишкомъ узко понималъ его, отметая все эпизодическое, чѣмъ такъ часто приходится мотивировать или освѣщать главное дѣйствіе, выводя на сцену одни первостепенныя только лица и требуя крайне быстраго перехода къ катастрофѣ, которую онъ не выносилъ за сцену, чтобы потомъ только разсказать ее, а напротивъ всю непосредственно представлялъ зрителямъ въ самомъ потрясающемъ видѣ. Онъ нарочно гнался за дикимъ и ужаснымъ; любимымъ оружіемъ его былъ кинжалъ тираноубійцы; онъ непремѣнно хотѣлъ воспламенить театральныхъ зрителей любовью къ родинѣ и добродѣтели, хотѣлъ опостылить имъ всякую насильственную власть. Оттого и выводитъ онъ характеры возбуждающіе или удивленіе, или уже страхъ и ненависть: оттого избѣгаетъ всѣхъ кроткихъ, трогательныхъ изліяній чувства, равно какъ и всякой поясняющей овиносмовки предстающихъ ужасовъ; фигуры его движутся передъ нами какъ бы напирая другъ на друга съ постояннымъ напряженіемъ мышцъ; этой изнѣженной эпохѣ должны онѣ показать примѣръ рѣшительной силы въ добрѣ, точно такъ же какъ и въ злѣ. Такой образецъ мужества былъ необходимъ для закала народнаго духа Итальянцевъ, но односторонняя мужественность теряетъ въ поэзіи непринужденную грацію, теплоту чувства, все милое; она выходитъ холодна, крута, оцѣпенѣла.

Въ трагедіи „Король Филиппъ II" Альфіэри обработалъ одинъ сюжетъ съ Шиллеромъ, но безъ его обилія идей и чувствъ, безъ его богатства сценическихъ положеній. Королева въ одномъ монологѣ признается въ любви къ Донъ-Карлосу; потомъ приходитъ послѣдній и открываетъ ей свою страсть,

а она противопоставляетъ ему свою супружескую обязанность. Далѣе, Пѐресъ предлагаетъ принцу свою дружбу, но тутъ нѣтъ рѣчи о высокихъ цѣляхъ счастливящихъ человѣчество, нѣтъ искренняго веледушія маркиза Позы*. Во второмъ дѣйствіи Филиппъ поручаетъ наперснику своему, Гòмесу, наблюдать за королевой; потомъ онъ спрашиваетъ у ней, любитъ или ненавидитъ она сына его, Донъ Карлоса, и на уклончивый ея отвѣтъ говоритъ: Такъ скажи же, чего заслуживаетъ тотъ, кто сталъ заодно съ нидерландскими бунтовщиками? Она хочетъ, чтобы напередъ выслушаны были принцевы объясненія; тотъ утверждаетъ что изъ одного человѣчественнаго чувства къ народу говорилъ съ фламандскими посланцами. Король лицемѣрно внушилъ сыну и женѣ не избѣгать болѣе другъ друга; а потомъ, когда они вышли, начинается пресловутый разговоръ съ Гòмесомъ, столь знаменательный для Альфіэри по своей обрывочной краткости.

Филиппъ. Ты слышалъ?
Гòмесъ. Слышалъ.
Филиппъ. Видѣлъ?
Гòмесъ. Какъ же, видѣлъ.
Филиппъ. О ужасъ! Подозрѣнья всѣ
Гòмесъ. Всѣ въ достовѣрность обратились.
Филиппъ. И не отмщенъ еще Филиппъ!
Гòмесъ. Подумай . . . .
Филиппъ. Все ужь передумалъ!

Въ третьемъ актѣ—сцена между Карлосомъ и королевою: она говоритъ что боится сына пуще отца. Тогда Филиппъ обвиняетъ сына передъ членами своего тайнаго совѣта въ посягательствѣ на его жизнь, а повѣренный инквизиціи тутъ же обвиняетъ его въ крайнемъ вольнодумствѣ. Судьи постановляютъ смерть виновному. Пѐресъ требуетъ доказательствъ; отецъ, говоритъ онъ, не можетъ осудить сына голословно. Филиппъ притворяется обрадованнымъ: пропади и самъ онъ и государство, лишь бы остался живъ Донъ-Карлосъ! Въ четвертомъ дѣйствіи Донъ-Карлосъ поджидаетъ въ потьмахъ каммерфрау съ вѣстями отъ королевы; является король въ сопровожденіи солдатъ съ факелами, спрашиваетъ Карлоса, не за тѣмъ ли онъ шныритъ здѣсь чтобы убить отца, и велитъ взять его подъ стражу. Намъ кажется удивительнымъ, почему это случилось не прежде сцены обвиненія; въ самомъ дѣлѣ, такъ сначала и задумалъ Альфіэри, но потомъ нашелъ, что Филиппъ вызоветъ тѣмъ болѣе отвращенія и ужаса, что безъ причины обвинитъ сына; притомъ король нигдѣ не оказываетъ большой ревности, подконецъ онъ даже говоритъ женѣ, что вовсе не дорожитъ ея любовью; такимъ образомъ, только изъ слѣпой ненависти къ тираннамъ вообще Альфіэри дѣлаетъ его безчеловѣчнымъ чудовищемъ. Тогда гнусный Гòмесъ ведетъ королеву въ темницу къ Карлосу, но этотъ, чуя измѣну, боясь подслушничанья, проситъ королеву уйдти, чтобы ни какого подозрѣнія не пало на ея добродѣтель. Тутъ входитъ вдругъ король, а Гòмесъ приноситъ кинжалъ, которымъ умерщ-

* Зато нѣтъ и скучной его приторности. Прим. перев.

вленъ Пѐресъ, и кубокъ яду. Тщетно королева удостовѣряетъ въ своей невинности; Карлосъ долженъ умереть, а королева остаться жить себѣ на муку до тѣхъ поръ пока, давъ ей утѣшиться и снова возжелать жизни, Филиппъ вздумаетъ казнить ее. Карлосъ закололся уже самъ, а она, выхвативъ кинжалъ изъ ноженъ короля, вонзаетъ его себѣ въ сердце. Король говоритъ: Такъ я отмстилъ за себя вполнѣ; но сталъ ли я отъ того счастливъ? Гòмесъ долженъ сохранить втайнѣ все происшедшее.

Альфіэри отважился соперничать съ мастерскими произведеніями Эсхила и Софокла въ Агамèмнонѣ и въ Антигонѣ, и потерпѣлъ крушеніе. Выше стоитъ его „Виргинія", хотя и тутъ не далось ему радостное выраженіе паѳоса любви и свободы, дѣйствующихъ вмѣстѣ и заодно. Выше стоитъ „Саулъ", лучшее изъ его произведеній. Омраченіе души героя передано потрясающимъ образомъ и показываетъ какъ превосходно владѣлъ Альфіэри лирическими взрывами, искусствомъ освѣщать внутреннія настроенья и какъ онъ чрезмѣру чуждался ихъ всилу односторонней теоріи. Съ большимъ искусствомъ даетъ онъ прошлому отозваться въ настоящемъ, а въ символически-знаменательныхъ сценахъ передъ катастрофою умѣетъ, хотя и въ тѣсной рамѣ, онаглядить всѣ многоизмѣнчивыя отношенія Саула съ Давидомъ. „Народъ измѣнникъ, врагъ! меня найдешь ты мертвымъ, но царемъ же!" Этимъ заключаетъ Саулъ, бросаясь на обнаженный мечъ свой; нѣтъ у Альфіэри ни давидова псалма, смертнаго плача по Саулѣ и Іонаоанѣ, нѣтъ и радостнаго оживленія народа подъ благословеннымъ свыше водительствомъ давидовымъ, нѣтъ ровно ни чего, чтò такъ превосходно вышло у Генделя; онъ самъ себя не блюлъ въ чистотѣ, самъ не очистился до стройной гармоніи: потому и нѣтъ въ его произведеніяхъ того полнаго грусти примирительнаго чувства, „которое носится надъ развалинами послѣ страшной катастрофы какъ иногда надъ мѣстомъ глубокой скорби свѣтитъ тихою утѣшительницей звѣзда". (Клейнъ.)

Иначе, хотя съ одинаковымъ намѣреніемъ и къ той же самой цѣли стремился Парини, когда въ своей поэмѣ „День" онъ тонко, игриво и остроумно описывалъ современную ему Италію и житье-бытье знатнаго общества при мелкихъ княжескихъ дворахъ, когда онъ изливалъ свою сатирическую насмѣшку надъ всѣми гнусными ничтожествами погрязшаго въ рабствѣ и безсиліи народа, съ тѣмъ чтобы заставить его наконецъ опомниться. Ипполито Пиндемонте поставилъ трагедію нѣсколько свободнѣе по нѣмецкому уже образцу, и намъ какъ будтобы слышатся шиллеровскіе звуки, когда въ своемъ „Арминѣ" онъ представляетъ освободителя Германіи стремящимся къ господству и вовлекающимся этимъ въ роковую борьбу съ своимъ восторженнымъ къ свободѣ сыномъ и съ веледушнымъ женихомъ своей дочери. Джованни Пиндемонте шагнулъ еще дальше, написавъ трогательную семейную драму съ простонароднымъ сценическимъ эффектомъ, подъ названіемъ „Робертъ и Аделина". Она происходитъ въ Нидерландахъ во время Альбы испанскаго, вводитъ насъ даже въ пыточную палату инквизиціи и совершаетъ то, чтò намѣревался сдѣлать Шиллеръ и чтò недавно выполнилъ живописецъ Каульбахъ въ Германіи, который своей картиною Арбуэсъ, какъ трагическимъ кинжаломъ, поразилъ инквизицію прямо въ грудь. Самъ Богъ,

учатъ католическіе попы, есть великій инквизиторъ міра: вѣдь погубилъ же онъ Содомъ и Гоморру въ этомъ званіи; въ противоположность имъ истинно-христіанскій священникъ является утѣшителемъ любящей жены, которая хочетъ или спасти мужа, или умереть съ нимъ вмѣстѣ. Онъ спрашиваетъ:

Когда же Іисусъ Христосъ,
Когда апостолы святые,
Скитаясь изъ страны въ страну
Полунагіе и босые,
Благую вѣсть всѣмъ разнося
И къ царству Божію усильно призывая,
Когда жь они пускали въ ходъ
Темницы, палачей, оковы,
Орудья пытки и костры?
Нѣтъ, Богу истинной любви
Не могутъ быть угодны жертвы,
Гдѣ льется наша кровь рѣкой;
Не можетъ быть, чтобъ заблужденье
Въ пріемѣ совершать обрядъ
Вмѣнялъ Онъ людямъ въ преступленье,
Чтобъ лучшее свое творенье,
Его создавъ для счастія отрадъ,
Онъ Самъ обрекъ на страшное мученье!

Узниковъ ведутъ уже въ торжественной процессіи къ костру; тогда проникаетъ въ городъ знакомый имъ военачальникъ Вильгельма Оранскаго, только-что одержавшій побѣду, и несчастные спасены; народъ бросаетъ въ огонь инквизитора, а избавителя окружаетъ радостнымъ ликованьемъ.

Винченцо Монти явился пѣвцомъ настоящаго, и въ то же время восходилъ обратно, къ Данту, чтобы этого духовнаго родоначальника Италіи сблизить опять съ живущимъ поколѣньемъ; къ сожалѣнію, онъ только обладалъ блестящимъ талантомъ формы, но не былъ ни глубокимъ умомъ, ни великимъ характеромъ. Въ своей Бассвилліанѣ онъ началъ поэтическую лѣтопись эпохи, которая осталась бы единственною въ своемъ родѣ какъ и та пора, будь у него довольно внутреннихъ силъ на выполненіе этого замысла. Секретарь французскаго посольства, Гюгъ Бассвилль, затѣявшій въ Римѣ революцію, былъ тамъ умерщвленъ не задолго до казни Людовика XVI-го, и вотъ въ очистительное наказаніе бунтовщику Монти даетъ ангелу смерти перенести его душу въ Парижъ, гдѣ течетъ на эшафотѣ кровь властителя и гдѣ, какъ волки и летучія мыши въ полумракѣ, собрались духи разжигавшіе революціонный огонь,—Вольтеръ, Гельвеціусъ, Гольбахъ и всѣ другіе,—собрались посмотрѣть на ужасы, къ какимъ сами они привели; но какъ уже и здѣсь, на мѣсто полныхъ жизни фигуръ, поэтъ выводитъ передъ нами какіе-то безплотные призраки, которыхъ, по выраженію Гейзе, „онъ гоняетъ между небомъ и землей въ цѣлой бурѣ раздутыхъ чувствъ и напыщенныхъ словоизверженій", такъ и вообще нѣтъ у него ни нравственной основы, ни прозорливости, необходимыхъ для произнесенія историческаго суда надъ міровыми событіями. Сколь ни рѣзко противусталъ онъ здѣсь освободителямъ, едва республиканскія войска переступили рубежи Италіи, Монти поспѣшилъ бросить свою поэму, такъ-какъ „событія идутъ быстрѣе нежели онъ можетъ писать стихи"; мало того, онъ даже обвинялъ самого себя въ подлой лживо-

сти и утверждалъ теперь не краснѣя, что позорное клятвопреступничество Капетинга нашло себѣ заслуженную лишь мзду и что побѣдоносенъ только мечъ, разящій царственныхъ тиранновъ. Потомъ онъ сдѣлался оффиціальнымъ пѣвцомъ Наполеона, передъ которымъ слава ганнибалова блѣднѣетъ у него какъ мѣсяцъ передъ солнцемъ, который, новый Промеѳей, снова приноситъ человѣчеству утраченные имъ разумъ и свободу; вскорѣ поэту недостало уже и олимпійскихъ боговъ, онъ уподобляетъ императора душѣ міра, оживляющей Европу своимъ дыханіемъ; такъ продолжается до самаго его низверженья, а за тѣмъ опять австрійское владычество славится какъ желанный возвратъ Астреи. До такой степени поэтъ забылъ свои собственные трогательные стихи къ Италіи:

Краса твоя не прямоль роковая?
Она всегда вела тебя къ слезамъ,
Чужимъ суровымъ женихамъ
Красавицу въ рабыни обрекая.

Совершенно инымъ человѣкомъ былъ Уго Фо̀сколо, который лучше захотѣлъ ѣсть въ Англіи хлѣбъ изгнанника, чѣмъ склонить свободную душу подъ иго чужевластья; его никогда не ослѣплялъ и Бонапартъ; онъ уже въ 1797-мъ году влагаетъ своему Джакопо Ортису слова̀: „Природа создала его тиранномъ, а тиранну что̀ до отечества, да у него и нѣтъ его; отъ низкой и жестокой души я никогда не стану ждать для насъ ни чего спасительнаго и великаго“. Благозвучная, размашистая рѣчь Монти и альфіэріево веледушіе слились здѣсь какъ нарочно въ одно, чтобы подѣйствовать на сердце и судьбу народа. Меланхолическою грустью вѣетъ не въ одной гробничной его поэмѣ, гдѣ оссіановски-туманныя настроенія всѣ завершаются желаніемъ, чтобы Музы, пылкія одушевительницы помысловъ, объявили поэта возбудителемъ героизма въ сердцѣ родичей. Его трагедія „Риччарда“ также происходитъ въ семейномъ склепѣ; въ горькой картинѣ средневѣковаго быта отражаетъ она итальянскую современность; поэтъ тоскуетъ у гроба Италіи, но уповаетъ на ея воскресеніе. Важнѣйшее изъ его сочиненій примыкаетъ къ гётевскому Вертеру, который навелъ Уго Фо̀сколо на мысль изобразить подобные же собственные переживы сердца въ романѣ, который онъ назвалъ „Послѣднія письма Джакопо Ортиса“. Столь психологически вѣрное и столь подвышенное художникомъ развитіе Вертера даетъ ему больше поэтической законченности; зато Итальянецъ внесъ въ свое произведеніе политическій паѳосъ, чувство родины и свободы, движущее со временъ революціи всѣ племена, проявлявшееся тогда въ Италіи у мечтательныхъ душъ какою-то томительной тоскою и дававшее въ буряхъ сердца предчувствовать близкую историческую борьбу.

Переворотъ въ сознаніи человѣчества. Война противъ Наполеона за освобожденіе. Фихте.

У девятнадцатаго вѣка основныя начала не тѣ что у осьмнадцатаго, а другія; однако не стѣнами же подѣлены эпохи человѣчества, онѣ проростаютъ одна въ другую, и такимъ образомъ въ новую эпоху живутъ еще люди съ направленіемъ предшествующей, а съ другой стороны рано также появляются и предвѣстники того что̀ будетъ. Притомъ добытки крупной какой-нибудь работы никогда не теряются вполнѣ; они только отступаютъ временно позадь того, что̀ пробиваясь впередъ, разумѣется, одушевлено бо̀льшею, односторонною энергіей. Да вѣдь и исторія въ восходящихъ и нисходящихъ волнахъ своихъ, въ борьбѣ юности со старостью, движется то прущею впередъ, то идущею обратно спиралью, которая однакожь все болѣе расширяетъ свои обороты и такимъ образомъ достигаетъ цѣли благонадежно и основательно, какъ я развилъ это подробнѣе въ „Эстетикѣ". Въ 18-мъ столѣтіи господствовалъ идеализмъ просвѣщенія и свободы, вѣровавшій въ силу мысли и въ радостное торжество добра; господствовала идея человѣчности, рѣшительнаго космополитизма. Во французской революціи и въ нѣмецкой литературѣ завѣтное стремленье человѣчества исполнилось, образовательный побудъ осуществился. Но въ то же время обнаружилась и односторонность, опрометчивая поспѣшность. Свобода захотѣла властвовать силою и скоро перешла въ военный деспотизмъ; неслыханные ужасы краснаго и бѣлаго террора раскрыли глаза людямъ на такую бездну зла, которой не льзя было затрусить ни какими цвѣтами рѣчи. Человѣчество признало поневолѣ, что не все сдѣлаешь однимъ умомъ, что государственные строи, религіи, склады нравственнаго быта хотятъ рости медленно и органически, что умъ и воля должны примѣняться къ данному для того чтобъ развивать его дальше. Тогда всѣ обратились на изслѣдованіе даннаго. Пробудился историческій смыслъ и пошелъ то обокъ съ философскимъ, то совершенно заступая его. Перестали все мѣрять на аршинъ собственнаго ума, углубились въ особенности прежнихъ бытовыхъ отношеній и признали за ними ихъ права̀. Природу не льзя было уряжать посвоему, но можно было овладѣть ею тѣмъ, чтобы напередъ изучить ея законы и на основаніи ихъ орудовать ея силами въ пользу человѣческихъ цѣлей; такъ послѣ кратковременнаго упоя философіей природы (или натурфилософіей), на передній планъ выступило трезвое естествоиспытаніе, а реалистическая тяга времени угораздилась тотчасъ же прилагать къ житейскимъ пользамъ то, что открывалъ познавательный побудъ; паровыя машины, желѣзныя дороги, электрическій телеграфъ, химическія фабрики быстро измѣняютъ видъ міра. Космополитизмъ, міровое гражданство превратилось между тѣмъ во французское міровладычество; тогда наконецъ образумились народы, національное чувство повело къ возстанію противъ Наполеона, и съ тѣхъ поръ оно работаетъ то втиши, то сильными вдругъ ударами надъ постройкою національнаго государства среди борьбы и помѣхъ. Властители въ побѣдѣ надъ Наполеономъ увидѣли и преодолѣніе всѣхъ вызванныхъ революціею идей; общей потребностью Европы въ отдыхѣ послѣ долгихъ и изнурительныхъ военныхъ сумятицъ воспользовались они

для низкой реакціи, для сдержки существующаго въ неподвижномъ положеньи, для порабощенія народовъ государскими конгрессами. Нужда научила молиться Богу, религіозное чувство усилилось опять; но вмѣсто того чтобъ дать ему сложиться въ свѣжую, совмѣстную съ образованіемъ нашимъ форму, его затѣяли снова связать формулами 16-го столѣтія, и благо историческій смыслъ съумѣлъ оцѣнить Григорія VII-го для его времени, поповство вздумало этимъ воспользоваться и попыталось возстановить духовную власть Средневѣковья; черезъ сто лѣтъ послѣ своего изгнанія іезуиты усилились опять до того, что отваживаются на невѣроятное, и возводятъ въ догматъ папскую непогрѣшительность. Это поистинѣ было бы невозможно, не превозносись образованіе 19-го вѣка черезчуръ надменно или въ слишкомъ многихъ заурядныхъ головахъ надъ образованіемъ и стремленіями 18-го, не отнесись реализмъ слишкомъ ужь свысока къ философскому идеализму. А теперь дошедшій въ увагѣ своей къ прошлому до крайности историческій смыслъ и чрезмѣрная готовность склоняться передъ любымъ даннымъ условіемъ конечно заставляютъ опять вспомнить о здравомъ человѣческомъ разсудкѣ, его силѣ и неотъемлемыхъ правахъ. Мы дойдемъ наконецъ до разумнаго христіанства, до религіи духа, точно такъ же какъ дошли до свободной союзной имперіи.

Опять, какъ и въ первую половину 18-го вѣка, искусство стоитъ до сихъ поръ въ 19-мъ на второмъ только планѣ; первая и главная забота—организовать дѣйствительность, обосновать новое міросозерцаніе, а тогда ужь сами собой явятся прославляющія его созданія, возводящія это міросозерцаніе въ собственный его идеалъ. Мы увидимъ какъ поэзія и пластика сопровождаютъ развитіе дѣйствительности, какъ помогаютъ онѣ его ходу, какъ обильны уже первые зачатки новой эпохи и какъ замѣчательныя произведенія по временамъ ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что художественная способность вовсе еще не угасла. Но мы сами стоимъ еще такъ близко къ своей порѣ, что мелкія индивидуальныя закрути и всплески поверхъ крупныхъ очертаній волнохода часто сбиваютъ съ толку наше зрѣніе, неизбѣжно отводятъ намъ глаза; точный отборъ прочнаго отъ преходящаго не совершился еще даже и въ литературѣ разныхъ народовъ; но во всемъ разнообразіи предстающихъ намъ явленій мы можемъ однакожь взять себѣ за руководство указанную выше основную мысль.

Мы видѣли какъ на вершинной высотѣ 18-го вѣка нѣмецкіе мыслители и поэты, преемники англійскихъ и французскихъ, подвели итогъ ихъ стремленіямъ, и среди жалкихъ мелкодержавныхъ и мелкогородныхъ бытовыхъ условій создали, примкнувъ къ классической древности, безсмертныя свои произведенья, въ которыхъ противопоставили дѣйствительности и даже указали ей какъ цѣль идеальное царство человѣчнаго образованія и изящества. Тогда рухнула Нѣмецкая имперія; западъ подпалъ господству или же прямой, непосредственной власти Франціи, которая стала разсылать повелѣнія также на сѣверъ и на востокъ. Держава Фридриха Великаго осталась въ слишкомъ механическомъ еще состояніи; геніальнаго вождя не стало, а между тѣмъ въ высшія сословія проникли безпутство и надменная самоувѣренность; сила обездушилась, а духъ совершенно обезсилѣлъ; казалось на-

ціи пришелъ конецъ. Тѣмъ не менѣе она ободрилась и завоевала себѣ возрожденіе. Этимъ она стала образцомъ для будущихъ поколѣній.

Что намъ осталось? Ахъ, не тратьте словъ напрасныхъ,
Не славьте знаній ключъ, благой искусства свѣтъ!
Нѣтъ солнцевъ для рабовъ несчастныхъ,
Искусству нуженъ родины привѣтъ!

Такъ пѣлъ въ ранней молодости Теодоръ Кёрнеръ; а когда впослѣдствіи онъ на струнахъ лиры сопровождалъ общій кликъ къ оружію, ему было хорошо извѣстно, что это ужь „не коронная война, а священная, крестовый походъ въ новомъ родѣ!“ Благородная прекрасная королева Луиза Прусская и ея супругъ подавали съ высоты трона примѣръ чистоты нравовъ, патріотической преданности, готоваго на всякія жертвы мужества. Послѣ іенской битвы генералъ Шуленбургъ могъ еще провозвѣстить, что теперь спокойствіе —первая обязанность гражданина; но народъ, настоящіе государственные и военные люди, мыслители и поэты, разумѣли дѣло иначе. Понадобилась новая совсѣмъ жизнь, понадобилось неуклонное преобразовательное стремленіе внутри, понадобилась подготовка возстанія противъ внѣшняго гнета. Тутъ на дѣлѣ оказалось, что Кантъ не даромъ проповѣдовалъ самоопредѣлительность воли, категорическій императивъ обязанности, что Шиллеръ не даромъ пропѣлъ въ своей лебединой пѣснѣ гимнъ народному освобожденію. Пришлось, въ виду неминучей бѣды, призвать лучшихъ людей во главу государства, или сами они проложили себѣ туда дорогу. Баронъ фонъ-Штейнъ, котораго король уволилъ передъ тѣмъ отъ службы, какъ упорнаго, несговорчиваго дѣятеля, приглашенъ былъ верховодить Пруссіей, и его геній, его энергія, создали свободныя среднее и сельское сословіе, самоуправленіе общинъ въ городахъ. Штейнъ былъ человѣкъ, боявшійся только Бога и больше ни кого; по выраженію Варнгахена, это былъ Блюхеръ въ государственномъ совѣтѣ, могучая нѣмецкая натура. Онъ хотѣлъ, чтобъ государство стало школою характера, чтобъ свобода вела къ общей, единодушной работѣ; его цѣлью было единство Германіи и участіе народа въ законодательствѣ посредствомъ государственныхъ чиновъ, какъ залогъ лучшаго оживленія общественнаго духа *. Понадобилось нравственно поднять націю, и вотъ среди всѣхъ тогдашнихъ бѣдъ и нуждъ Вильгельмъ Гумбольдтъ успѣлъ таки организовать университетъ въ Берлинѣ и подобрать туда такихъ людей какъ Фихте, Шлейермахеръ, Ф. А. Вольфъ, Бёкъ, Са̀виньи. Шарнгорстъ выставилъ всеобщую военную повинность дѣломъ чести для каждаго истиннаго Нѣмца; такимъ образомъ войско послужило къ воспитанію народа въ дисциплинѣ и крѣпкой бодрости, такъ заложена была основа всенародному вооруженію, которое Блюхеръ и Гнейзенау, какъ недавно опять Мольтке, могли повести къ побѣдѣ. Такъ германскій духъ и германская мощь стали опять дѣйство-

---

* Странно, что авторъ не упомянулъ здѣсь ни однимъ словомъ о правой рукѣ Штейна, главномъ и дѣловомъ до геніальности сотрудникѣ его, министрѣ фонъ-Шёнѣ.

Прим. перев.

вать заодно и вмѣстѣ. Для освобожденія родного края возникъ такъ-называемый „союзъ доблести“ (Тугендбундъ); Рюкертъ, Генрихъ фонъ-Клейстъ, Фридрихъ Шлегель ободряли народъ, заранѣе обнадеживали успѣхомъ благородныя его усилія. Когда въ пожарѣ Москвы вспыхнула наконецъ заря возстанія противъ Наполеона, тогда Кёрнеръ задался вопросомъ:

Встаетъ народъ, завыла буря;
Кто жь руки склавъ, чело понуря,
Не выступитъ теперь на бой?
Гдѣ, укажите, трусъ такой?

Тутъ калишская прокламація обѣщала въ награду за борьбу государственное уложеніе, вполнѣ отвѣчающее духу германскаго народа, и народъ, устами Эрнста Морица Арндта, отвѣчалъ:

Господь, желѣзу давшій ростъ, не восхотѣлъ рабовъ безгласныхъ,
Копье и мечъ вручилъ онъ намъ не въ видѣ лишь даровъ напрасныхъ;
Вложилъ онъ мужество въ сердца и далъ намъ гнѣвъ свободной рѣчи,
Чтобъ кровію стояли мы на смерть средь бранной сѣчи.
Пылай что̀ можетъ лишь пылать, все обратися въ пламя!
Вы жь, Нѣмцы, сколько васъ ни есть, за родину подъ знамя!
Подымемъ души къ небесамъ, воздѣнемъ къ нимъ и руки,
И грянемъ въ голосъ всѣ одинъ: нѣтъ больше рабства муки!

Только гнетъ чужевластія и образумилъ наконецъ Германію, только онъ и заставилъ ее вникнуть въ самоё себя, послѣ того какъ она долго прослужила то совершенно чуждымъ интересамъ, то классической древности, то, наконецъ, плоскому космополитизму. Лессингъ, Кантъ, Гёте, Шиллеръ, Моцартъ, Бетховенъ основали нѣмецкое искусство и нѣмецкую науку, добыли намъ столько духовныхъ благъ, что за нихъ стоило побиться на животъ и на̀ смерть, тѣмъ болѣе, что новая жизнь лежала тутъ въ зародышѣ. Но въ то же время молодежь стала оглядываться на прошлое и углубилась въ первоначальные источники народности, съ тѣмъ чтобы почерпнуть изъ нихъ освѣжающей, молодящей силы, и новое примкнуть къ дальней старинѣ путемъ органическаго развитія. „Да будетъ прошлое зеркаломъ будущаго, чтобы тѣмъ самымъ время освятилось печатью вѣчности“, говорилъ тогда Фр. Шлегель. А. В. Шлегель въ восторженныхъ словахъ указывалъ на народный нашъ эпосъ, Нибелунги, Тикъ переводилъ пѣсни миннезенгеровъ, Арнимъ и Брентано въ своемъ „Дивномъ рожкѣ мальчугана“ воспроизводили съ необыкновенной свѣжестью народныя пѣсни; Яковъ и Вильгельмъ Гриммъ, еще юношами, принялись за изслѣдованіе германщины по части языка, сказаній, повѣрьевъ, обычаевъ и права. Вакенродеръ и Фр. Шлегель раскрыли современности глаза на нѣмецкую живопись, на Дюрера и старокёльнскихъ мастеровъ; Буассерѐ собиралъ картины школы ванъ-Эйковъ и пробудилъ чутье къ готической архитектурѣ. Съизнова уразумѣли Средніе Вѣка. Всѣ названныя мною лица были романтики. Изъ среды ихъ Новалисъ увлекся христіанскорелигіозною струною. Гёрресъ разъискивалъ истину въ содержаніи Восточныхъ миѳовъ и писалъ съ могучею фантазіей новаго Исаіи противъ утѣснителей и въ пользу великой свѣтлой будущности. Какъ бы ни судили

мы о смутномъ броженіи, о фантастическихъ грезахъ и парадоксальныхъ выходкахъ, какими такъ богата была передовая молодежь, мы все-таки при этомъ должны будемъ вспомнить, что она возвѣщала и открывала намъ новую опять эпоху. Чуткая на нравственную погоду Рахель занесла въ свой дневникъ слѣдующее замѣчаніе: „Чудную и дѣйствительно мистическую пору переживаемъ мы теперь: все явное для внѣшнихъ чувствъ безсильно, неспособно, даже вкорень испорчено; но сквозь души сверкнетъ иногда молнія, бываютъ предзнаменованья, бродятъ во времени мысли, въ минуты мистицизма являются передъ глубокимъ внутреннимъ чувствомъ словно какіе-то призраки, знаменующіе перерожденіе, переворотъ всѣхъ вещей, когда все прежнее такъ же исчезнетъ съ лица земли какъ послѣ землетрясенія, а изъ глубины волкановъ, изъ страшныхъ развалинъ поднимется новая свѣжая атмосфера! И средоточіемъ этого переворота будетъ все-таки Германія съ ея истинно великимъ сознаньемъ, съ ея на многое еще способнымъ сердцемъ, пускающимъ новые ростки именно теперь, съ ея странною, престранною молодежью. — Свѣтъ не дотого уже грубъ, чтобы непремѣнно нужны были великія дѣла для наученія его создавать и мыслить; это должны сдѣлать наши мудрецы и поэты; Гёте, Фихте, вотъ кто преобразуетъ теперь міръ“.

Фихте (1762—1814) тотъ именно мыслитель, который отъ 18-го вѣка переводитъ насъ въ 19-й. „Какую человѣкъ изберетъ себѣ философію, это зависитъ отъ того, каковъ онъ самъ; вѣдь философская система не мертвый какой-нибудь домашній скарбъ, который можно употребить въ дѣло, да и отложить пожалуй въ сторону, какъ слюбится: она живетъ тою человѣческою душой, которою овладѣетъ“. Это изреченіе Фихте совершенно примѣнимо къ нему самому; ученіе его — дѣло и обликъ его характера, и своимъ характеромъ онъ самъ себѣ выковалъ свою судьбу, возьмемъ ли ее со стороны временныхъ неудачъ и бѣдствій, или со стороны ея вѣчнаго величія. Самостоятельность внутренняго *я* передъ всѣми внѣшними условіями, верховное господство нравственной воли, самоосуществленіе себя разумомъ, — вотъ содержаніе и цѣль его философіи, потомучто въ этомъ собственно заключалась и его личность. Это былъ свободный духъ и человѣкъ дѣла; а потому дѣятельность, сама изъ себя текущая и сама себя уразумѣвающая жизнь, была для него кореннымъ началомъ и единственной дѣйствительностью, а природа, чувственный міръ, только средствомъ и матерьяломъ долга и нравственности, самопроявленія духа и его свободы. Самосильность внутренней сознательной жизни не допустила его отдать природѣ, реальному элементу полной справедливости, и привела къ одностороннему идеализму въ мышленіи; великій основнымъ своимъ началомъ, онъ сплошь бывалъ непрактиченъ, страненъ, насильственъ въ частныхъ замыслахъ, какіе предлагалъ для выполненія своихъ идей; неподатливая его воля не умѣла также хорошенько войдти въ чужія воззрѣнія, въ чужой смыслъ, его слишкомъ энергическая дѣятельность сама себѣ подготовляла отпоръ и противодѣйствіе, а отсутствіе въ немъ художественнаго элемента вело къ тому, что и самъ онъ рѣдко бывалъ радъ выполненію своихъ замысловъ. Но существенная добротность всей его природы миритъ насъ съ крутымъ его характеромъ; міру нужны такіе люди, полные безоглядпаго рвенья; Фихте выдер-

жалъ на свой пай добрую борьбу, и мы чтимъ въ этомъ богатырѣ духа освободителя цѣлой націи, основателя нашего народнаго сознанья. Въ этомъ смыслѣ сынъ его описалъ его жизнь и дѣятельность, въ этомъ смыслѣ Лёве справедливо сказалъ: „Система Фихте, это—онъ самъ; оттого она только единожды и возможна. Это былъ человѣкъ вполнѣ цѣльный, отлитой за одинъ разъ!"

Философскій побудъ расшевелился въ немъ вопросомъ о свободѣ; отъ Спинозы онъ пришелъ къ Канту, для того чтобы по его идеямъ начертать опирающуюся на одно общее начало систему идеализма впротивень натурализму Спинозы. Въ одномъ юношескомъ своемъ сочиненіи о критикѣ всякаго вообще откровенія онъ говорилъ, что съ возростающимъ уразумѣніемъ міровыхъ законовъ исчезаетъ вѣра въ чудеса, и что тогда божественность религіи приходится доказывать изъ согласія ея съ высшимъ нравственнымъ закономъ. Въ рѣчи, подъ заглавіемъ: требованіе возврата людямъ свободы мысли, въ его Матерьялахъ къ обсужденію французской революціи ставилъ онъ образованіе гражданъ къ самоопредѣлительности цѣлью государству, которое поэтому не должно быть неподвижно, а заключать само въ себѣ средства и пути дальнѣйшаго всегда развитія. Онъ слылъ, подобно Шиллеру, либеральнымъ вождемъ въ средѣ молодежи, и пригласить его профессоромъ въ Іену былъ со стороны Гёте смѣлый шагъ. Тамъ читалъ онъ свое Наукословіе, высшую теорію науки. Коренная основа всей его философіи — наше *я*. Это не чистое только бытіе, не одно лишь предметное, но внутренная, живая, сама себя постигающая дѣятельность; „оно только самопостановка и есть", я есмь поскольку я постигаю себя въ сознаніи, я самъ долженъ произвесть себя въ качествѣ *я*. Самородность (Spontaneität), свободная порождающая себя дѣятельность разума, какъ нравственное начало и творческая могута,—вотъ, по мысли Фихте, то, что единственно и истинно реально, божественно; зиждущая идея для него безусловное, абсолютное, и мы должны созерцать ее не внѣ себя, а быть ею, переживать ее въ себѣ самихъ. Единое, на чемъ основано все бытіе и сознаніе, это—свободная дѣятельность искони вѣчной воли, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и безконечный разумъ, сіяніе и вмѣстѣ зрѣніе, живой свѣтъ и въ то же время покоящееся на самомъ себѣ око. Это все изъ себя порождающее и все въ себѣ вѣдущее *я*, разумѣется, не человѣческая особь, а форма и самопостиженіе божественнаго; но конечный духъ есть его откровеніе или проявленье, и объединеніе обоихъ—вотъ высшая цѣль жизни, существованія. Единое опредѣляетъ само себя, само въ себѣ рознится и различается, для того чтобы созерцать себя и сознавать; *не-я*, міръ внѣшній, есть порожденіе творческой его дѣятельности, его (вольнаго) самоограниченія; понятіе о божествѣ—основа міра, онъ весь его проявленіе, средство самосозерцанія его. Вѣдь *я* постигаетъ себя какъ *я*, только различая себя отъ другого, и потому безконечное входитъ въ разнообразіе конечнаго съ тѣмъ чтобы въ индивидуальномъ и эмпирическомъ *я* (то-есть любой данной на опытѣ особи) дойдти до самого себя, до своего собственнаго сознанія. Всякое объективное внѣшнее бытіе есть лишь продуктъ субъективной внутренней силы и дѣятельности, средство для послѣдней раскрыть свое существо, стать предметомъ себѣ самой, постичь, уразумѣть себя; конечные духи суть помыслы божіи, чрезъ которые онъ вѣ-

даетъ себя самъ; въ нихъ свидѣтельствуетъ самъ о себѣ всеобщій разумъ, голосъ совѣсти; задача ихъ подняться до чистаго *я*. Мы должны принять въ себя міръ познаніемъ, должны дѣятельно претворять его по своему образу, по образу божію, который отраженъ въ насъ. Вотъ идеи, какія Фихте не переставалъ развивать въ той либо другой формѣ; онѣ не заключаютъ въ себѣ цѣлой истины, но неутратимая вовѣкъ истина идеализма изложена въ нихъ разъ навсегда.

Въ 1798-мъ году, Фихте въ своемъ Философскомъ Журналѣ снабдилъ предисловіемъ статью Форберга, утверждавшую что бытіе Бога лишено вполнѣ-доказательной достовѣрности; самъ онъ требовалъ религіи „радостнаго правдодѣланія", и говорилъ, что понятіе о Богѣ, какъ о какомъ-то особомъ внѣ насъ существѣ, исполнено противорѣчій; вѣра въ Бога—для него упованіе на безусловную мощь добра, Богъ для него — нравственный міропорядокъ. „Не только несомнѣнно, но нѣтъ ни чего вѣрнѣе того, это можно-сказать корень всякой достовѣрности, что есть нравственный міропорядокъ, что каждой особи указано въ этомъ порядкѣ опредѣленное ея мѣсто и что трудъ ея, ея дѣятельность тутъ неотмѣнно приняты въ разсчетъ, что каждая изъ судебъ этого лица, поскольку она не овинословлена его собственными поступками, есть результатъ того всеобщаго плана, что помимо его ни одинъ волосъ не упадетъ съ нашей головы и ни одинъ птенецъ съ крыши, что каждое истинно-доброе дѣло удастся и преуспѣетъ, каждое злое останется втунѣ, и что всѣ вещи на пользу только тѣмъ, кто отъ души любитъ одно добро". Сознаніе свободы, долга, нравственнаго закона было для Фихте краеугольнымъ камнемъ всякаго познанія; при исполненіи же долга человѣкъ несомнѣнно убѣждается въ реальности нравственнаго міропорядка, вѣра въ него есть неотъемлемое достояніе человѣчества; и этотъ-то порядокъ, понимаемый какъ ordo ordinans * (всеурядитель), какъ начало дѣятельное, отнюдь не какъ мертвый законъ, но какъ святая воля и гармонизующая могута, — этотъ нравственный міропорядокъ есть Богъ. Фихте ссылается при этомъ на исповѣданіе вѣры гётева Фауста и на Слова Вѣры Шиллера. Дѣйствительно, онъ отыскалъ то слово, на которомъ стоятъ религія и философія нашего времени, которымъ обозначена задача нашего нравственнаго, эоическаго мышленія. Стоило труда обратить на это вниманье свѣта, что̀ и исполнилось благодаря тому, что Фихте за его вѣру обвинили въ безбожіи, саксонскій курфюрстъ хотѣлъ запретить своимъ подданнымъ посѣщать іенскій университетъ, если не приметъ противъ атеиста мѣръ само̀ веймарское правительство. Послѣднее было расположено къ нему и охотно оставило бы дѣло безъ послѣдствій, но онъ съ вызывающей строптивостью тотчасъ же самъ аппелировалъ къ общественному суду и грозилъ начальству подать въ отставку, коль скоро получитъ отъ него хоть какое-нибудь замѣчаніе. Тогда высказался противъ него Гёте на томъ основаніи, что правительство, соблюдая свой авторитетъ, не можетъ потерпѣть вызова, какой Фихте себѣ дозволилъ. Онъ поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ сошелся съ Шлегелемъ и Шлейермахеромъ, читалъ тамъ публичныя лекціи и сталъ однимъ изъ основателей уни-

* Впротивень къ natura naturans Спинозы. Прим. перев.

верситета; самъ онъ говорилъ, что правительство было право посвоему да и онъ такъ же; тутъ вышло столкновеніе между личнымъ правомъ свободнаго убѣжденія и выраженія мысли и между государственнымъ авторитетомъ, установленнымъ порядкомъ служебной подчиненности.

Фихте все это обратилъ себѣ во благо. Отнынѣ онъ вполнѣ отдался религіозности и рѣшительно принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые словомъ и дѣломъ будили и оживляли опять христіанскій элементъ въ своей націи, ни мало не въ ущербъ самостоятельной наукѣ. Чувство зависимости конечнаго отъ безконечнаго, которое Шлейермахеръ назвалъ корнемъ всякой вообще религіи, Фихте опредѣлялъ какъ неизбѣжную нашу связанность въ духовныхъ узахъ мірового разума и наше постоянное опирательство на единую, всему общую реальную основу, на божественную жизнь и на ея всеобъемлющій порядокъ. Самымъ зрѣлымъ плодомъ дѣятельности его въ этой сферѣ явилось „Наставленіе къ блаженной жизни". Любовь стала для него теперь источникомъ всякой достовѣрности и дѣйствительности; Бога называетъ онъ единымъ истиннымъ бытіемъ, въ которомъ все существуетъ, и Богъ для него самозрящееся зрѣніе, самоощущающееся блаженство, а наше бытіе въ немъ и наша любовь къ нему не что иное какъ любовь, которою онъ самъ себя въ насъ объемлетъ. Такъ Фихте подаетъ руку Спинозѣ; и какъ у Спинозы, такъ и у него, здѣсь именно — предѣлъ познанія. Онъ, правда, указывалъ при этомъ на то, что въ безконечной дѣятельности есть также и пребываніе ея въ самой себѣ, то изначально-абсолютное, что проявляется въ разумѣ и волѣ; но и онъ не постигъ этого вѣчнаго существа, какъ самознательное въ себѣ единство: напротивъ, весь процессъ самоокопеченія и самообособленія долженъ, по мысли Фихте, именно служить къ тому, чтобы только въ немъ и черезъ него вѣчное существо представало самому себѣ и собою при этомъ сознавалось; каждое индивидуальное *я* есть одна изъ вибрацій въ движеніи божескаго жизнераскрытія и средство къ постиженію имъ самого себя. Основною его ошибкой, которую повторяли за нимъ столь многіе, было то, что будто бы хотѣть понять Бога какъ самосознательную личность, значитъ его оконечивать, такъ-какъ понятіе это необходимо ведетъ съ собой ограниченія, предѣлы; вотъ почему Богъ былъ для него хотя и святою, но все-таки безличною волею, абсолютнымъ разумомъ, который однакожь становится внятенъ себѣ только тѣмъ, что дробится на конечные духи. Я могу постичь себя какъ *я*, только различая себя отъ всего другого; это неоспоримая истина, и для конечнаго другое существуетъ лишь внѣ его, но не такъ оно для безконечнаго. Если Богъ—свободная самоопредѣляющаяся дѣятельность, то въ немъ тотчасъ же возникаетъ разность между дѣйствомъ и дѣлами, между опредѣляющей могутой и ставимыми ею опредѣленіями; а тогда абсолютный духъ неизбѣжно постигаетъ себя какъ самость и единство въ различіе отъ полагаемаго имъ разнообразія, въ различіе отъ міра и духовъ, порождаемыхъ имъ въ себѣ и изъ себя творчески, точно такъ же, какъ наше самосознаніе возникаетъ благодаря тому, что производитъ въ себѣ частныя представленія и за тѣмъ постигаетъ себя какъ ихъ источникъ, могуту и единство. Вотъ въ чемъ наше время дополняетъ фихтево ученіе, послѣ того какъ Шеллингъ и Баадеръ затребовали уже и для природы ея правъ наравнѣ съ духомъ или по крайней мѣрѣ не въ ущербъ ему: Богъ есть

раскрывающаяся въ мірѣ и вѣчно присная себѣ суть. Чего собственно хотѣлось Фихте: „оставить по себѣ такое начало, которое жило бы въ духѣ и образѣ мыслей современной эпохи", — это ему удалось: начало тѣмъ вѣдь именно себя и завѣряетъ, что развивается далѣе. Я вполнѣ согласенъ съ Фихте-сыномъ, когда о Наукословіи отца онъ говоритъ: „Простая глубина той истины, что во всемъ, какъ въ величайшемъ такъ и въ малѣйшемъ, вездѣ властвуетъ, все образуя и гармонизуя, Единое, абсолютное *я* или разумъ, и что познавать его въ вещахъ есть задача всѣхъ въ мірѣ наукъ,—это убѣжденіе обладаетъ такою восторгающею силой, зажигаетъ такой побудъ изслѣдованія во всѣ стороны, что едва ли въ царствѣ открытій можно сравнить съ нимъ что-нибудь другое: подлинно зерно всѣхъ ихъ носитъ оно въ себѣ одномъ."

При самомъ началѣ войны 1806-го года Фихте, въ званіи полкового священника, надѣялся внѣдрить въ души или укрѣпить въ нихъ высшій взглядъ на жизнь, а потомъ зимою съ 1807-го на 1808-й годъ, еще подъ бой французскихъ барабановъ въ Берлинѣ, читалъ публично свои Рѣчи къ германской націи. Путь спасенія для государства видѣлъ онъ въ обновленіи народной силы и народнаго настроенія снизу вверхъ, въ пробужденіи нравственно-крѣпкаго и свободнаго духа, въ воспитаніи народа къ самостоятельности и самоуправленію. Онъ обращался ко всѣмъ Нѣмцамъ сплошь, не принимая въ расчетъ подѣлявшихъ ихъ различій; онъ имѣлъ въ виду общее отечество, союзное государство; онъ увѣщевалъ единоплеменниковъ сообразить, что они вѣдь первобытный народъ, говорящій своимъ первобытнымъ языкомъ и обладающій въ немъ вѣчно-свѣжимъ ключомъ вѣдѣнія и поэзіи; что поэтому имъ не слѣдуетъ дольше пренебрегать своимъ собственнымъ добромъ изъ низкаго подхлебничанья иноземству. Искусство и наука, говорилъ онъ, коренятся въ почвѣ народной жизни; всякъ только своимъ народомъ понимается вполнѣ; народъ вѣдь — сообщество единоплеменныхъ людей, которые, всѣ вмѣстѣ какъ одно цѣлое, осуществляютъ извѣстную божественную идею, и могутъ осуществить ее только тогда, когда безущербно хранятъ свой собственный складъ. У человѣка есть отъ природы побужденіе переплавлять вѣчное, идею, въ свой земной поденный трудъ, въ дѣло рукъ своихъ; это всего лучше удается ему на родинѣ; и тотъ, въ чьей душѣ сопроникнутся земля и небо, видимое и невидимое, и такимъ образомъ впервые создастся истинное, настоящее небо, тотъ готовъ биться до послѣдней капли крови для того чтобъ передать послѣдующему времени дорогое это достоянье. Пусть свобода исчезнетъ на время изъ видимаго міра, — пріютимъ ее въ самой глубинѣ нашей души, пока вокругъ насъ подростетъ новое поколѣніе, у котораго станетъ силы обращать мысли въ дѣло, въ дѣйствительность. Приготовимся быть прообразованіемъ, пророчествомъ, порукою тому, что̀ должно̀ послѣ насъ совершиться. Станемъ жить по природѣ и по истинѣ; не сила рукъ, не сила оружія торжествуетъ во всемірной исторіи, а сила сердца и духа.

Еще раньше, въ „Основныхъ чертахъ настоящей эпохи", Фихте говорилъ, что, вышедши изъ-подъ авторитета разумнаго инстинкта, человѣчество шагнуло къ собственному мышленію и волѣнью, но тѣмъ самымъ подпало себялюбію, улетучило своимъ дошлымъ разъясненіемъ всѣ высшія идеи; имѣть подъ рукой извѣстный запасъ готовыхъ понятій, обсуждать все рѣшительно

по пользѣ его для того или другого лица, ко всему прилагать мѣрило своего собственнаго смысла вмѣсто того чтобъ смотрѣть на дѣйствительность какъ на задачу для уразумѣнія, — вотъ то плоское софистическое просвѣщенье, которое намъ слѣдуетъ преодолѣть тѣмъ, чтобы разумъ установилъ идеальный законъ жизни и признавалъ за истину то самое, что̀ постигнуто сердцемъ въ вѣрѣ; это вполнѣ разработанное познаніе поведетъ къ разумному искусству, къ особому устроенію міра по его понятію, къ излогу или осуществленію добра въ разумномъ государствѣ, этомъ царствѣ божіемъ, къ одѣйствотворенію въ немъ христіанскихъ началъ. Германію считалъ онъ предназначенной для этого высокаго призванья, и потому заклиналъ Нѣмцевъ образумиться, отстоять свою народную особенность, всѣмъ рискнуть для свободы, и этимъ спасти будущность человѣчества. Если прежде, въ своемъ „Естественномъ правѣ" онъ выводилъ изъ началъ разума правомѣрное государство и требовалъ господства закона, какъ верховной общей воли всѣхъ, то теперь онъ настаивалъ на необходимости государства культурнаго, которое должно̀ пещись объ образованіи и благоденствіи гражданъ. Первымъ достояніемъ человѣка, думалъ онъ, является его дѣятельность, его рабочая сила; надо, чтобы каждому возможно было жить своимъ трудомъ и имѣть досугъ для своего умственнаго развитія. Правда, въ своемъ „замкнутомъ торговомъ государствѣ", онъ сбился съ пути на такой планъ, что государство опредѣляетъ у него трудовыя сферы, назначаетъ первичнымъ производителямъ, ремесленникамъ, купцамъ ихъ положенія, ни дать ни взять какъ служебныя мѣста, установляетъ для произведеній мѣру цѣнности и надзираетъ какъ за ходомъ работъ, такъ и за ходомъ житейскихъ наслажденій, что̀, разумѣется, превращало общество въ принудительную страховую контору для обезпеченія матерьяльныхъ нуждъ; особь не значила тутъ почти ровно ни чего, все дѣло заключалось въ одной общей идеѣ. Благосостоянія, свободы, образованія, государство не можетъ ни дать, ни обезпечить ни кому; но оно должно сдѣлать эти блага доступными для всѣхъ, и заслугою Фихте все-таки останется то, что онъ схватился за эту проблему, хотя и не довелъ ея до рѣшенія, хотя могучій идеализмъ мыслителя слишкомъ мало принималъ въ расчетъ богатство жизни и думалъ обратить въ предметъ права то, что̀ навсегда останется дѣломъ личной свободы и человѣческаго доброжелательства. Да и самъ Фихте уповалъ же вѣдь на такое завершеніе нравственной жизни, гдѣ прекратится всякое принужденье и гдѣ воля божія соединитъ въ свободномъ ея признаніи всѣ стремящіяся во слѣдъ ей души. Въ наставникѣ, подготовляющемъ учениковъ на дѣло (а не на одни слова), наставникѣ, какимъ былъ онъ самъ, Фихте видѣлъ носителя этой новой міровой эпохи; къ ней прямо должно было направлять руководимое христіанствомъ народное образованіе.

Напомнимъ здѣсь о томъ, что соціальный вопросъ всплылъ во время революціи на верхъ черезъ коммунистическій заговоръ Бабёфа, а потомъ только уже въ реставраціонную пору заботу о многочисленнѣйшемъ и бѣднѣйшемъ классѣ общества принялъ къ сердцу Сенъ-Симонъ; онъ училъ, что человѣчество должно̀ организоваться въ союзъ народовъ, способнѣйшіе (les capacitès) должны стать урядителями въ челѣ общества, а все имущество должно̀ состоять въ трудѣ; пусть каждый трудится по своимъ си-

ламъ и получаетъ за то вознагражденіе. Хотя попытка общежительства въ Менильмонтанѣ отнюдь не удалась, однакожь участвовавшіе въ ней юноши вышли потомъ въ замѣчательные люди, какъ напримѣръ Августинъ Тьерри, Мишель Шевалье. За фаланстерными фантасмагоріями Фурье настала остроумная критика Прудона, который назвалъ прямо воровствомъ всякую собственность, нажитую силой или хитростью, эксплуатаціей слабаго со стороны тѣхъ, кто успѣлъ стать въ выгоднѣйшее положенье; такой блистательно-даровитый агитаторъ какъ Лассаль *, такой смѣлый мыслитель и организаторъ какъ Марксъ угрожаютъ своими односторонностями всей нашей нынѣшней культурѣ, но не въ бровь, а прямо въ глазъ указали они на темное пятно ея: бѣдствіе массъ вопіетъ о помощи, и задача общества теперь та, чтобы каждаго водворить въ его человѣчность, для каждаго овозможить развитіе природныхъ его даровъ, противодѣйствовать въ свободныхъ союзахъ напастямъ земного существованія и облегчить людямъ жизненную борьбу; задача эта стоитъ какъ сфинксъ передъ нашимъ, склоняющимся къ концу вѣкомъ, тогда какъ въ самомъ началѣ его Гёте и Фихте сказали свое слово о томъ, какъ разрѣшить великій вопросъ. Нравственное преодолѣніе маммонства любовью, поднятіе простого народа школою и общественною жизнью, признаніе что всѣ мы рабочіе, мыслитель какъ и ремесленникъ, все равно, разумное убѣжденіе, что не какою-нибудь особой панацеей, не „Моррисотовскою пилюлей", какъ говоритъ Карлейль, но прогрессивнымъ, обстояпельнымъ изученіемъ одного частнаго случая за другимъ можно и должно сoправить положеніе обществъ въ цѣломъ; все это должно дѣйствовать вмѣртѣ и заодно, религія, государство, наука должны тутъ дружно приложить суку. Истинный народолюбецъ, Шульце Делицшъ, указалъ рабочимъ настоящій путь, вступать въ вольныя товарищества, чтобы помогать самимъ небѣ въ нуждѣ,—помогать вполнѣ достойнымъ человѣка общеніемъ.

Фихте поучалъ до тѣхъ поръ пока дождался возможности прямо разъяснить своимъ студентамъ значеніе народной войны противъ Наполеона и закончить рѣшительнымъ призывомъ къ оружію. Онъ говорилъ, что человѣка съ свѣтлымъ умомъ и твердой волею, который ни чего не щадитъ для достиженія своихъ цѣлей, можно побѣдить только такимъ же точно безоглядным стремленьемъ, но не изъ-за своекорыстныхъ видовъ какого-нибудь единичнаго лица, а изъ-за общей независимости и свободы. Благородная жена его отъ ухода за раненными опасно занемогла сама; когда при первомъ лучѣ надежды на ея выздоровленіе Фихте склонился надъ нею полный неудержной любви, она повидимому заразила его на смерть. Его схватила страшная горячка; послѣдней радостью его на землѣ было то, что мальчикъ-сынъ принесъ ему извѣстіе о побѣдоносномъ переходѣ Блюхера за Рейнъ; когда сынъ хотѣлъ дать ему потомъ лѣкарства, Фихте умирая произнесъ: „Не надо этого, я чувствую что ужь здоровъ!"

Истинная реальность, самовѣдное бытіе или сущее вѣдѣніе, божественное, не должно оставаться намъ чѣмъ-то внѣшнимъ, а напротивъ охватывать насъ вполнѣ, проникать насквозь; правда не прійдетъ къ намъ, если

* Лассаля теперь уже нѣтъ, но не умерли его ученія.

мы не возвысимся къ ней сами, не станемъ ею жить и быть. Таково было фихтево дознаніе и задушевное убѣжденье, такъ объединилъ онъ въ себѣ безконечное и индивидуальное свое *я*. Онъ самъ высказалъ намъ это въ сонетѣ *.

Что̀ глазу моему такую силу да̀ло,
Что безобразное все чезло передъ нимъ,
Что солнце по ночамъ ему сіяло,
Что тлѣнье въ жизнь преображалось имъ?

Что̀ времени, пространства плетеницей
Ведетъ меня къ предвѣчному ключу
Красы, добра, и правды, и блаженства,
Чтобъ въ немъ всѣ потонить стремленія мои?

Вотъ что̀: съ тѣхъ поръ какъ въ Ураніи взорѣ
Подмѣтилъ я иль самъ я внесъ въ него
То чистое, то свѣтло-голубое пламя,
Которое насквозь такъ ясно для себя **,
Съ тѣхъ поръ взглядъ этотъ и запалъ мнѣ въ душу,—
Вѣчноединое, оно живетъ во мнѣ,
И въ зрѣніи моемъ оно же смотритъ зорко.

Романтики въ Литературѣ.

А. ВЪ ГЕРМАНІИ.

Когда въ литературу вступили братья Шлегели, они оба примкнули къ Шиллеру и къ Гёте, оба содѣйствовали къ уразумѣнію и вѣрной оцѣнкѣ этихъ великихъ писателей въ борьбѣ ихъ съ плоскими занятными писаками и съ позднаками вольномысленнаго просвѣщенія, которые затерялись въ пустой пережевочной болтовнѣ, поставили полезность высшимъ мѣриломъ въ жизни и въ художествѣ и сухою разсудочною прозою замѣнили поэтическую самородность и первобытную полноту религіозныхъ чувствъ. А. В. Шлегель (1767—1845) сблизился въ Гёттингенѣ съ Бюргеромъ, изучалъ древніе и новые языки и развернулъ уже блестящую дѣятельность по части переводовъ и характеристикъ, когда переселился въ Іену и, въ качествѣ беллетристическаго рецензента тамошней Литературной газеты, работалъ не только что прилежно, но и съ большимъ вкусомъ. Съ 1797-го года началъ онъ мастерски переводить на нѣмецкій языкъ Шекспира и сдѣлалъ единоплеменнаго Англичанина вполнѣ родственнымъ намъ поэтомъ. Фридрихъ Шлегель (1772—1829) также принялся изучать древность и, возбуждаемый Герде-

* Который мы сообщаемъ не въ сонетной формѣ, чтобы ближе передать буквальный смыслъ. Прим. перев.

** Уранія—вселённая, а чистое, насквозь ясное для себя пламя — разумъ. Прим. перев.

ромъ, Фридрихомъ Августомъ Вольфомъ, нашелъ у Грековъ вѣко-вѣчную естественную исторію прекраснаго, началъ, соревнуя винкельмановой Исторіи художествъ, изображать эллинскую поэзію и заговорилъ объ Эллинствѣ, съ такимъ энтузіазмомъ, что Шиллеру показалось это или преувеличеніемъ, или извращеніемъ его же любимыхъ мыслей, и онъ остерегалъ отъ горячки греконеистовства, готовой смѣнить собою лихорадку галломанства. Фридрихъ писалъ прежде о Шиллерѣ: Природа надѣлила его такою силой чувства, такою высотой мысли, такой пышностью фантазіи, такимъ достоинствомъ языка, такой могучестью ритма, — надѣлила грудью и голосомъ поэта, способнаго обнять душой цѣлую нравственную массу, изобразить цѣлый народный бытъ и высказать завѣтную думу всего человѣчества. Но теперь онъ нашелъ, что рецензенту надо подчасъ обнаружить свое превосходство со стороны ироніи и остроты, и о шиллеровомъ Альманахѣ Музъ отозвался уже въ такомъ расчитанно-обидномъ тонѣ, что Шиллеръ написалъ послѣ того къ старшему брату, объявляя ему формальный разрывъ. Съ тѣхъ поръ, своими нападками на Шиллера, оба брата поставили себя въ роковую рознь съ народомъ и съ правдою; чѣмъ больше они отвертывались отъ „свинцоваго нравотолка“ и хотѣли видѣть только въ Гёте настоящаго поэта Германіи, тѣмъ болѣе въ ихъ собственныхъ стихотвореніяхъ исчезалъ весь серьёзный нравственный смыслъ и ладъ. „Госпожа Люциферъ“ только еще разжигала огонь ненависти; это была остроумная, но слишкомъ ужь эманципированная вдова Бёмера, которая, сблизясь въ Майнцѣ съ Ферстеромъ, ходила за нимъ во время его болѣзни, но тутъ же и отдалась одному Французику; А. В. Шлегель рыцарски вступился въ ея дѣло и даже взялъ ее потомъ за себя; но они съ самаго начала не захотѣли ограничить своей свободы, и она впослѣдствіи развелась съ нимъ, чтобы выйдти за Шеллинга. Письма ея обезпечиваютъ ей почетное мѣсто въ этого рода литературѣ.

Независимо отъ обоихъ братьевъ развивался Тикъ (1773—1853). Изобрѣтательное воображеніе молодого гимназиста, питаемое неразборчивымъ глотаніемъ книгъ, было тогда же злоупотреблено со стороны одного учителя, который привлекъ его къ сотрудничеству въ скороспѣлыхъ разсказахъ для легкаго чтенія; общество онъ восхищалъ своимъ сценическимъ талантомъ, но самъ страдалъ отъ чрезмѣрнаго возбужденія, которое доводило его до разстройства; онъ всего отвѣдалъ прежде въ поэзіи нежели въ жизни, зато жизнь и встрѣтила его теперь безнадежною зѣвотой. Въ его „Вилліамѣ Ловеллѣ“ похотливый французскій романъ пересыпанъ фаустовскими размышленьями и нигилистическимъ презрѣньемъ къ міру. Потомъ, по вызову Николаи, писалъ онъ вольномысленные разсказы противъ всего эксцентричнаго, но постепенно дошелъ до насмѣшки надъ сушью самого вольномысленнаго просвѣщенья, и тутъ обратился къ формѣ сказки и сатирической литературной комедіи: то, какъ въ „Бѣлокуромъ Экбертѣ“ ведетъ онъ насъ въ лѣсную тишь и вноситъ въ естественную обстановку таинственный ужасъ чудеснаго, то, какъ въ „Синей бородѣ“ облекаетъ истинно-трагическія сцены въ формы кукольной комедіи, то, какъ въ „Котѣ, обутомъ въ сапоги“ драматизованную дѣтскую сказку насмѣшливо обращаетъ въ забавную сатиру на прозаичность обыкновеннаго театра и его публики. Не смотря на геніальную легкость изложенія, на обиліе блестящихъ выходокъ и сценъ, я готовъ

согласиться съ Гаймомъ: сказочное содержаніе подрываетъ драматическую форму, а драматическая форма подрываетъ наоборотъ его. „Нѣтъ ничего мелкаго въ художественномъ геніи, который умѣетъ озаботиться тѣмъ, чтобы даже и въ малѣйшихъ подробностяхъ самаго развитого организма вездѣ жила и вѣяла одна душа. Этого рѣшительно никогда не умѣлъ Тикъ. Всю жизнь свою игралъ онъ истинно жалкую роль передъ требованьями драмы. Да и не льзя создать ни чего единаго, ни одного гармоническаго цѣлаго сколько-нибудь покрупнѣе, не будучи единымъ въ самомъ себѣ, не стоя на твердомъ кряжѣ въ глубинѣ своей души и не нося въ груди завѣтнаго убѣжденія: этой надежной опоры не было у автора Ловелля. Разнообразнѣйшіе духи оспоривали другъ у друга сердце его: въ недостаткѣ единства художественной формы явенъ только недостатокъ положительнаго паѳоса, которымъ охватывался бы весь человѣкъ“. Отъ пріятеля своего, Вакенродера, занялъ онъ вѣру въ христіанскую живопись, въ нѣмецкое средневѣковье, въ Дюрера и Фіэзоле; онъ принялъ живое участіе въ сердечныхъ изливахъ одного преданнаго искусству отшельника и, по смерти благороднаго юноши, издалъ въ свѣтъ ихъ общія фантазіи объ искусствѣ.

Умные люди были оба Шлегеля, точно такъ же какъ и Тикъ; у старшаго перевѣшивалъ талантъ формы, у меньшого—стремленіе добыть для жизни и поэзіи новаго содержанья. „Ты добываешь изъ земли благородный металлъ, ты передаешь его мнѣ въ руки, а я чеканю изъ него художественные кубки“,—пѣлъ старшій младшему; но какъ первый, безъ поэтическаго творчества, относился къ нашимъ классикамъ только подражательно и стяжалъ пальму переводами съ новѣйшихъ языковъ, такъ, въ качествѣ мыслителя, меньшой стоялъ въ зависимости отъ Фихте и никогда не дошелъ до научнаго организма; но онъ мастерски умѣлъ завастривать свои мысли въ парадоксальные и броскіе отрывки, благодаря чему и сдѣлался доктринёромъ новой школы.

Въ различіе отъ антика и объективной его пластики, изъ-за которой слыветъ онъ у насъ классическимъ, субъективный, задушевный элементъ, въ болѣе фантастичной уже формѣ, мы называемъ романтическимъ и усматриваемъ въ немъ особенность какъ среднихъ вѣковъ, такъ равно и новѣйшей романской литературы. Переводчикъ, назвавъ нѣмецкаго Амадиса романомъ, хотѣлъ обозначить этимъ романское произведеніе, но тѣмъ самымъ окрестилъ такъ и всѣ прозаическіе разсказы о приключеніяхъ, которые пошли съ тѣхъ поръ въ ходъ; когда Фридрихъ Шлегель писалъ свой панегирикъ гётеву Вильгельму Мейстеру, онъ принималъ слово романтическій за обозначеніе настоящаго романа; въ этомъ смыслѣ романтическое произведенье называетъ онъ зеркаломъ всего окружающаго міра, картиной эпохи, подобно эпосу. Далѣе онъ говоритъ: „Назначеніе романтической поэзіи не то одно, чтобы опять соединить въ себѣ всѣ отдѣльные поэтическіе роды и чтобы привести поэзію въ непосредственную связь съ философіей и риторикой; она хочетъ и непремѣнно должна то смѣшивать, то сплавлять одну съ другою также поэзію и прозу, геніальность и критику, искусственную и естественную поэзію, должна оживлять поэзію и дѣлать ее общительной, а жизни и обществу придавать поэтичность, поэтизировать остроуміе, наполнять и насыщать художественныя формы добротнымъ всякаго рода содержаньемъ, на-

конецъ одушевлять ихъ вибраціями юмора.“ Впослѣдствіи романтическимъ зовется то, когда сентиментальный сюжетъ излагаютъ въ фантастической вообще формѣ; подконецъ оно просто значитъ новое въ отличіе отъ антика.

Припомнимъ, что на ряду съ гётевымъ Вильгельмомъ Мейстеромъ Фридрихъ Шлегель причислялъ къ крупнѣйшимъ тенденціямъ времени и Наукословіе Фихте. Творчество духа, налагающаго свой законъ на все, создающаго и созерцающаго объективный міръ изъ собственной своей глуби и порождающаго такимъ образомъ естественный, чувственный матерьялъ для нравственной своей дѣятельности,—словомъ выдвижка впередъ всего производительной силы воображенія сама собою вела къ слiянію философіи съ искусствомъ; но дающая себѣ свои законы свобода скоро перебросилась въ своенравный произволъ, который уже не терпитъ ни какого надъ собой закона, потѣшается всѣмъ какъ игрушкою и доказываетъ самодержавность свою именно нехотѣніемъ ровно ни чего уважить. Это и приводитъ насъ къ боевому слову Фридриха Шлегеля, къ ироніи. Въ художественномъ смыслѣ, какъ понималъ ее и Зольгеръ, обозначаетъ она противоположность восторженнаго вдохновенія, вольнаго полета фантазіи надъ избраннымъ сюжетомъ; потомъ—вообще тотъ взглядъ, что передъ *я* все только одинъ кажущійся призракъ, который оно создаетъ и уничтожаетъ по прихоти, такъ что послѣдняя заступаетъ теперь мѣсто серьёзности, съ пикантнымъ своевольствомъ проповѣдываетъ культъ наглаго сластолюбія и хочетъ доказать свою высшую натуру, свою аристократическую геніальность тѣмъ, что нравственный долгъ, чувство приличій, стыдливость выдаетъ за принадлежности тѣхъ филистеровъ, которыхъ карканье пренебрежетъ царственный орелъ, а спокойно-гордый лебедь пожалуй и вовсе не услышитъ.

Романтика становится въ прямую противоположность съ прозою насущной дѣятельности, съ чисто-разсудочнымъ просвѣщеньемъ; ея отрѣшившаяся отъ разсудка фантазія именно поэтому и переходитъ въ фантастичность. Вмѣсто того чтобъ проводить въ созданіи какой-нибудь хорошо обдуманный планъ, овинословливать дѣйствіе въ непрерывной связи его частностей, обрисовывать полные содержанія и значенья характеры, которые не шутя стоятъ за свое дѣло и за самихъ себя, здѣсь произвольно приставляется одна сцена къ другой, и поэтъ всего охотнѣе высказывается въ такихъ личностяхъ, которыя, подобно ему, махнули на все рукой и въ какомъ-то тихомъ лепетѣ или воркованьи духа лелѣютъ среди безотчетныхъ увлеченій и грезъ лишенное всякаго облика безконечное. Фридрихъ Шлегель прямо говоритъ: „Начало всякой поэзіи въ томъ именно и состоитъ, чтобы упразднить ходъ и законы дѣльно мыслящаго разума и перенести насъ опять въ прекрасный сумбуръ фантазіи, въ первобытный хаосъ человѣческой природы, для котораго нѣтъ символа изящнѣе пестрой сутолоки древнихъ боговъ“. Тикъ намѣренъ спасти милую „глупцу“ отъ притѣсненій запосчиваго умничанья, и заодно съ своими воздвигаетъ цѣлый рядъ остротъ и парадоксій противъ „гармонично-плоскихъ писателей“, съ тѣмъ чтобы опять насмѣяться надъ ними и тогда, когда они примутъ эти выходки за чистую монету. Мало того: чтобы не возникало и малѣйшей иллюзіи насчетъ того, дѣйствительно ли все что онъ изображаетъ, комическій поэтъ даже иногда нарочно перерываетъ свое произведеніе, по-

казываетъ, что все это чистая лишь блазнь, глумится надъ порожденіями своего собственнаго духа, пародируетъ самого себя. Не только смѣсь трагическаго съ смѣшнымъ, но и сочетаніе въ одномъ и томъ же произведеніи эпическаго, лирическаго и драматическаго элементовъ, слыветъ романтикой, и такимъ образомъ всякая строгость художественной формы, всякая соблюдающая мѣру ясность приносятся въ жертву расплывчатой безформности. При этомъ нѣтъ уже конечно и рѣчи о какомъ бы то ни было прочномъ, устойчивомъ впечатлѣніи: только на минуту вздуваются и блестятъ въ воздухѣ мыльные пузыри. Чудесное заступаетъ мѣсто естественнаго, арабескъ смѣняетъ твердо-опредѣлившуюся фигуру; вмѣсто того чтобъ возводить дѣйствительное въ его идеалъ, ему противопоставляется какая-то греза жизни, ночь съ ея теменью и звѣздами сплошь предпочитается бѣлому дню; Тикъ не даромъ взываетъ:

Плѣнительная, мѣсячная ночь,
Очаровательница чувствъ тебѣ послушныхъ,
Міръ сказокъ, міръ чудесъ, изъ странъ воздушныхъ
Спустися и яви ты прежнюю намъ мочь!

Сказка замѣняетъ исторію; лучшее, что̀ далъ намъ Клеменсъ Брентано, состоитъ изъ сказочныхъ отрывковъ. То, что такіе высокодаровитые юноши какъ онъ, какъ Ахимъ фонъ-Арнимъ, вмѣсто отдачи себя въ дисциплину мысли, вмѣсто расчлененія своего сюжета и стройной его выработки, распустились по ученію романтики въ чистѣйшій произволъ, — это лишило литературу нашу плодовъ превосходнаго качества. Самовластительный субъектъ, плавающій въ наслажденіи своимъ внутреннимъ чувствомъ безконечности, презираетъ пластичность какъ обузу; „настроенія, неопредѣленныя ощущенья, а не какія-нибудь опредѣленныя чувства, способны счастливить", говоритъ Новалисъ, и требуетъ отъ поэзіи только музыкальнаго эффекта. Лирика становится какимъ-то духоподобнымъ вѣяніемъ, звукомъ Эоловой арфы; нѣтъ у ней ни плоти, ни ядра:

Любовь, лишь въ сладкихъ звукахъ мыслить можетъ,
Вѣдь мысли черезчуръ ужь далеко̀!
Лишь въ звукахъ для нея и мило и отрадно
Украсить то, что̀ по̀ сердцу пришлось,—

въ звукахъ, въ ассонансахъ и въ аллитераціяхъ, въ канцонахъ и сонетахъ, въ южныхъ вообще формахъ, въ многоразличныхъ сплетеніяхъ риомъ, которыя, звеня какъ бубенчики, зачастую прикрываютъ собой одну внутреннюю пустоту.

Іена и Берлинъ, вотъ гдѣ постоянно жили Тикъ и Шлегели; тамъ вошелъ въ кружокъ ихъ Гарденбергъ, здѣсь — Шлейермахеръ, и съ обоими привился къ нему новый элементъ, именно — религіозный. Гарденбергъ (1772—1801), прозвавшій себя Новалисомъ, сблизился съ природой черезъ изученіе горнаго дѣла; получивъ благочестивое воспитаніе, онъ настроился стремленіемъ къ иному міру, когда потерялъ возлюбленную чуть еще не дѣвочкой, и снѣдаемый болѣзнью самъ, онъ своимъ поэтично-философскимъ

дарованіемъ во многомъ напоминаетъ Хёльдерлина, съ тою только разницей, что улетѣвшимъ его идеаломъ была блистательная пора среднихъ вѣковъ и крестовыхъ походовъ, а не Эллада. Лишь изподтиха въ своихъ „Бесѣдахъ о религіи“ намекаетъ Шлейермахеръ на преждевременно умершаго божественнаго юношу, у котораго превращалось въ художество все, къ чему ни прикасался духъ его, чье міросозерцаніе такъ непосредственно и становилось обширною поэмой. А вотъ что пишетъ объ немъ Адамъ Мюллеръ: „То именно непоколебимое упованье, просвѣчивающее во всѣхъ чудныхъ его произведеніяхъ, что всѣ тысячецвѣтныя явленія науки и искусства съ неисчерпаемою бездною ихъ переливовъ должны наконецъ сойдтись лучами въ одинъ фокусъ, и что этотъ фокусъ упадетъ на то самое мѣсто, гдѣ стòитъ поэтъ,— это необходимое просвѣтленіе существенной земной наличности и возвышаетъ Новалиса надъ всѣми друзьями, которые дѣйствовали съ нимъ заодно.“ Это былъ можно-сказать великій лирикъ; его Пѣснь вину, равно какъ и его гимны Спасителю, полны искреннѣйшаго чувства и ясной мелодіи рѣчи; при этомъ „святая, чудно-прекрасная Жена христіанской религіи“ становится для него символомъ любви:

Я въ сотняхъ òбразовъ, Марія, твой вижу миловидный ликъ,
Но тотъ правдивѣй всѣхъ вѣрнѣе, чтò въ глубь души моей проникъ.
Съ тѣхъ поръ—я знаю—предо мною исчезнулъ міра шумъ и чадъ,
И небо цѣлое несказанныхъ усладъ
Въ меня внѣдрилось силой неземною.

Въ Гимнахъ къ Ночи все земное дѣйствительно исчезаетъ у него передъ безконечнымъ. Небеснѣе сверкающихъ звѣздъ тѣ очи, которыя она открываетъ намъ внутри насъ самихъ, да вглядимся мы въ свою душевную глубину. Поэзія скорби изображается здѣсь по жанъ-полевски. Христосъ выступаетъ побѣдителемъ Смерти, онъ рѣшаетъ загадку, которую предлагала Ночь, и вотъ сама смерть зоветъ насъ теперь на брачное пиршество, весь звѣздный міръ распускается въ золотое вино жизни. Скорбь и наслажденіе слились воедино: отдавшійся любви верховной отъ язвъ ея не исцѣлялся ввѣкъ!

„Цвѣточной пылью“ назвалъ Новалисъ свои отдѣльныя изреченія, искры его духа, геніальные намеки, пророческія чаянія, высказанныя въ смѣлыхъ словахъ; эта пыль цвѣта его души нашла себѣ пріютъ во многихъ другихъ душахъ и подѣйствовала на нихъ благотворно; тутъ встрѣчаются между собой Яковъ Бёме, Фихте и пантеистическая философія, искусство переплетается съ мудростью; чистый ясный разумъ сгущается въ болѣе темные и богатые переливы чувства, свѣтъ самосознанія одѣвается въ какую-то мистически-туманную атмосферу или, какъ подробно указалъ Гаймъ, разсыпается въ многогранномъ хрусталѣ на тысячу разноцвѣтныхъ фантастическихъ оттѣнковъ. Но „духъ его содержитъ въ своемъ поэтическомъ созерцаніи, въ своемъ лирическомъ возбужденіи рѣшительно все то, чтò не только при его жизни, но и долго еще послѣ него, должнò по преимуществу глубоко занимать германское сознаніе, и чтò попадало прямо въ сердце его эпохѣ“; Арнольдъ Руге не сказалъ этимъ ни чего лишняго, а такъ-какъ онъ человѣкъ совсѣмъ другого направленья, то его можно принять неподкупнымъ свидѣте-

лемъ. Мысли Новалиса пропитаны, какъ благоуханіемъ, жаждой того жизнеобновленія и жизнезавершенья, котораго онъ уповаетъ отъ новаго поэтично-постигаемаго христіанства. Святыня природы, безконечность искусства и науки, все должно запечатлѣться свыше глубокой религіозностью; уже близится, говоритъ онъ, „новая золотая пора съ темными безконечными очами,— пора пророческая, чудотворная, язвоцѣлящая, утѣшительная, зажигающая вѣчную жизнь"; но къ сожалѣнію Іоаннъ-предтеча этой поры вдругъ обратился вспять и сталъ прославлять какъ образецъ эпоху крестовыхъ походовъ, когда духовный глава предводилъ народы Европы, когда поэзія и вѣра одушевляли рыцарскую мощь, и когда будто бы стройное развитіе всѣхъ природныхъ способностей, цвѣтъ торговли и всеобщее благоденствіе доказывали благотворность этого порядка вещей. Такъ онъ создалъ себѣ грезу-идеалъ изъ эпохи средневѣковья и далъ этимъ лозунгъ обращеніямъ въ католичество и феодальной реакціи. Тогда какъ и шлейермахеровы Бесѣды о религіи и Монологи самого Новалиса держались, напротивъ, на свободномъ философскомъ основаніи и указывали на такую будущность, которая не вяжетъ себя путами устарѣлыхъ догматовъ, а опираясь на живой духъ и на Евангеліе, развиваетъ далѣе протестантизмъ. Конечно, на первыхъ порахъ, больше одно „художническое пристрастіе", prédilection d'artiste, какъ говоритъ самъ о себѣ А. В. Шлегель, тянуло къ худоголюбивому католическому культу, къ поэзіи легендъ, то сливавшихся теперь съ древнимъ миѳомъ, то заступавшихъ его мѣсто. Прославляли союзъ Церкви съ искусствомъ, перелагали въ стихи сказанія и чудеса святыхъ, до тѣхъ поръ пока эта игра фантазіи, это художническое пристрастіе не перешли у многихъ въ отпаденіе отъ свободы духа. Восторженная молодежь, ни чего не вѣдавшая объ ироніи, но державшаяся вѣрнаго-таки опять взгляда, что художникъ долженъ самъ отъ полноты сердца вѣровать въ то, что намѣренъ передать, думала тѣмъ именно121 поровняться съ старыми христіанскими мастерами что примкнетъ къ ихъ вѣроисповѣданію, вмѣсто того чтобы живописать и сочинять стихи изъ глубины современнаго религіознаго сознанія, изъ сердца настоящей дѣйствительности. Даже наименѣе мечтательный изъ романтиковъ, старшій Шлегель, видѣлъ врага поэзіи въ просвѣщеніи, не питающемъ ни какого уваженія къ темнотѣ и мраку, и вовсе не радуясь тому что человѣчество освободилось отъ страховъ суевѣрія, отъ судовъ надъ вѣдьмами и отъ чертогонства, онъ напротивъ хотѣлъ чтобъ астрономія превратилась опять въ астрологію и объясняла значеніе звѣздъ и относительнаго ихъ положенья,—потому, говорилъ онъ, что взглядъ, видящій въ умоодушевленныхъ звѣздахъ какъ бы нѣкоторыя подручныя божества, оказывающія творческую свою силу на подчиненныя имъ сферы, несравненно выше того, который считаетъ ихъ за механическія массы, не болѣе. Поэзія, по его словамъ, требуетъ отъ физики магіи, господства духа надъ веществомъ для непостижимо-чудесныхъ дѣйствій, тогда какъ именно физика овладѣваетъ естественными силами черезъ познаніе ихъ законовъ и тѣмъ самымъ даетъ культурной жизни новый видъ. Вотъ такъ-то фантастичность романтиковъ открыла опять двери суевѣрію, она даже сообщила ему лоскъ въ глазахъ большого свѣта, который, вѣря привидѣніямъ и чудеснымъ исцѣленьямъ, думалъ тѣмъ самымъ пріурочиться теперь и къ умственной аристократіи.

„Многіе изъ моихъ друзей и я самъ, говорилъ А. В. Шлегель въ 1802-мъ году въ своихъ берлинскихъ лекціяхъ, всячески возвѣщали нарожденіе новой эпохи, и стихами и прозою, серьёзно и шутя". Это особенно шло изъ Іены съ 1798-го по 1800-й годъ посредствомъ журнала „Атеней"; онъ именно и соединилъ романтиковъ въ настоящую школу. Тамъ проповѣдывалось романтическое ученіе въ томъ видѣ, какъ мы его сейчасъ изложили. Поэзія не должна была плошать, и вотъ Тикъ, Новалисъ, Фридрихъ Шлегель принялись соперничать съ Вильгельмомъ Мейстеромъ, чтобы и въ романѣ показать романтическое искусство. Вслѣдъ за появленіемъ гётева произведенія Тикъ тотчасъ же задумалъ своего „Столярнаго мастера", молодого странствующаго ремесленника, который невольно затягивается въ театральныя дѣла и въ закулисныя любовныя интриги; но только уже позже онъ выполнилъ эту мысль въ одной изъ удачнѣйшихъ своихъ повѣстей. Тутъ, вмѣсто столяра, выступилъ у него на первый планъ живописецъ; въ то время онъ сблизился съ Вакенродеромъ, и лирическимъ душеизливамъ преданнаго искусству отшельника захотѣлъ противопоставить эпическую картину міра настоящихъ художниковъ.

Граціозно начинается романъ въ рабочей у Дюрера, откуда разсказъ сопровождаетъ странствующаго ученика Штернбальда въ Нидерланды и въ Римъ и передаетъ намъ весь ходъ его образованія, тѣсное сочетаніе искусства съ жизнью; но далѣе реалистично-ясная картина времени слишкомъ улетучивается въ чисто ужь туманные образы душевныхъ настроеній, фигуры становятся разговорными трубами собственно для высказа взглядовъ автора, и въ то время какъ Гёте самъ проводитъ нить композиціи черезъ пеструю череду своихъ сценъ, здѣсь явно подражаніе чувственно-похотливымъ изображеніямъ гейнзева Ардингелло, только поослабленнымъ противъ образца; легкомысленная доктрина школы утверждаетъ, будто въ свѣтлыхъ областяхъ художническаго житья-бытья вовсе недозволительна пристойность нашей обычной прозаической жизни. Страстныхъ желаній, любви, охоты къ странствіямъ, чаяній и грезъ, суесвятства, пѣсенъ и роговой музыки найдете здѣсь вдоволь, но вмѣсто поэтическаго просвѣтленія дѣйствительности вездѣ только поэзія поэзіи, искусство для искусства, и все это къ концу какъ-то распустилось, расплылось, безъ всякой прочной архитектоники, безъ ясной пластичности, безъ настоящей цѣли,—потому, думаетъ Тикъ, что вѣдь разумный человѣкъ такъ ужь и устроенъ, чтобъ цѣли собственно не имѣть ни какой.

Новалисъ яснѣе вглядѣлся въ цѣль. Гёте, говорилъ этотъ мечтательный юноша, проповѣдываетъ евангеліе экономіи, домашняго хозяйства, онъ поэзію приноситъ ему въ жертву, онъ даетъ своему Вильгельму совсѣмъ выйдти изъ области искусства и снова погрязнуть въ мѣщанскую жизнь; напротивъ новалисовъ „Офтердингенъ" долженъ передать образованіе и освященіе поэта свыше, подъемъ его изъ дѣйствительности въ чистѣйшій эѳиръ фантазіи; весь міръ долженъ обратиться въ поэзію. Первоначально онъ задумалъ осуществить свой идеальный образъ средневѣковья въ романѣ Фридрихъ II Гогенштауфенъ; но потомъ на первомъ планѣ выступилъ у него миѳическій поэтъ. Тутъ онъ могъ черпать изъ собственной души на полномъ уже просторѣ,

и не льзя не назвать удачною ту мысль, что молодому поэту приходилось у него ознакомиться съ жизнію въ странствіяхъ; но дѣло въ томъ что Новалисъ былъ слишкомъ мало эпикъ, а лирикъ ужь черезчуръ. Съ очаровательною музыкою слога онъ тотчасъ же высказываетъ устами купцовъ, горнопромышленника, крестоносца поэзію въ торговлѣ и промыслахъ, поэзію въ природѣ, поэзію въ религіозной тягѣ къ чудесамъ Востока, а потомъ рисуетъ милѣйшую картину счастливой любви одного несчастнаго семейства въ Аугсбургѣ. Но и тутъ постоянно паритъ у него надъ дѣйствительностью и просвѣчиваетъ сквозь ея оболочку горній идеальный міръ; вокругъ посвященнаго въ лучшій этотъ міръ человѣка всѣ грезы его воображенія, всѣ созданія его фантазіи оживаютъ на зарѣ какъ статуи Пигмаліона. Судьба и строй душевной глубины (Gemüth) должны быть только двумя разными именами для одного и того же понятія; мы должны ясно усмотрѣть, „какъ вездѣ гомозится и цвѣтетъ великая душа вселенной; міръ становится сонной грезою, греза міромъ, и кажущееся сбывшимся часто увидишь только еще какъ бы подходящимъ изъ-дали“. Аллегорическая сказка, передающая мысли въ лицахъ и происшествіяхъ и въ своихъ чудесахъ исполняющая всѣ завѣтныя желанья сердца,—сказка эта становится канономъ поэзіи; такую сказку пересказываетъ Клингсоръ вконцѣ первой части, это—освобожденіе короля Артура и его дочери отъ наложенныхъ на нихъ чарами узъ мрака и мертвящаго льда,—символъ возврата царства любви и поэзіи, выходъ идеальнаго міра изъ наличной дѣйствительности; къ концу второго тома, который однакожь не былъ написанъ, всѣ главныя лица романа должны были пережить эту исторію, точно такъ какъ въ поэтической душѣ Генриха Офтердингена это превращеніе земного въ небесное, это опоэтизированіе реальности происходитъ постоянно: „таинственный путь идетъ внутрь и въ глубину; въ насъ, или ужь болѣе нигдѣ, сама вѣчность съ ея мірами, и все прошлое, и все будущее“. Романъ этотъ долженъ быть апоѳеозой поэзіи и въ то же время онъ отражаетъ въ себѣ исторію души и образованія самого Новалиса, его судьбу, любимыя его мысли, но все это какъ загадочно-увлекательный, полный смысла смутный сонъ. Такъ молодой Генрихъ видитъ голубой цвѣтокъ у яснаго ключевого потока; по мѣрѣ его приближенія листья становятся все ярче, и въ глубинѣ чашечки рѣетъ нѣжное дѣвичье лицо. Когда ученикъ въ Саисѣ приподнялъ покрывало Изиды, онъ увидѣлъ передъ собой свою возлюбленную: все таинство природы—въ утоленіи завѣтной жажды любящихъ сердецъ.

Религіозно-мечтательному идеализму Гарденберга нагло противопоставила себя чувственная похотливость въ „Луциндѣ“ Фридриха Шлегеля. Романъ, со стороны композиціи, безформенъ до грубости, нѣтъ въ немъ завлекающаго дѣйствія, нѣтъ развитія характеровъ; философскія размышленія, лирическіе изливы должны все это замѣнить; цѣлое не что иное какъ сборникъ отрывковъ. „Рабочіе годы своего мужескаго возроста“ Юлій проводитъ въ развратномъ домѣ и въ легкомысленной гоньбѣ за наслажденіемъ, безъ призванія и цѣли слоняется онъ тамъ и сямъ, пока не нашелъ Луцинды, которая вскорѣ ему и отдается. „Увлекающая сила и теплота ея объятій была болѣе чѣмъ дѣвичья; въ нихъ былъ оттѣнокъ восторженности и глубины, доступный развѣ только матери“. Да у ней въ самомъ дѣлѣ есть ужь и ребенокъ, и вотъ она живетъ въ незаконномъ бракѣ съ Юліемъ. Такъ жилъ тогда и

самъ Фридрихъ Шлегель съ чужою женой, помимо „гнуснаго обряда", котораго онъ не хотѣлъ уже и потому, что Доротея семью годами его старѣе; вѣдь послѣ наступитъ время, когда онъ будетъ еще слишкомъ молодъ, чтобъ обойдтись безъ жены, а ей ужь не прилично будетъ служить ему женою! Съ преступною можно-сказать наглостью выставлялъ онъ въ этомъ романѣ на весь свѣтъ свои личныя отношенія и даже прямо проповѣдовалъ въ немъ безстыдство, требуя отъ своей возлюбленной, чтобъ она бросила всякую застѣнчивость, и указывая ей при этомъ въ образецъ на маленькую Вильгельмину, которая, лежа навзничь, вольно жестикулируетъ своими поднятыми вверхъ ножками, ни мало не заботясь ни о своей юбкѣ, ни о томъ что̀ скажетъ на это свѣтъ. Все доброе, все великое несомнѣнно осуществляется вѣдь духовною только дѣятельностью, а онъ учитъ здѣсь наоборотъ, что все доброе и прекрасное есть ужь на лицо и безъ того, что оно поддерживается своей собственною силой; а къ чему же тогда всѣ наши труды, всѣ усилія? Онъ не нахвалится чистымъ прозябаніемъ, бездѣльемъ; природный травяной ростъ заступаетъ у него мѣсто самоопредѣленія, и все остроуміе тратится на то, чтобъ довести плотское ощущеніе до утонченной сладострастности, когда мужщина и женщина почередно мѣняются ролями и все-таки наконецъ утомленные засыпаютъ въ объятіяхъ другъ у друга. Такъ на мѣсто законной свободы становится здѣсь голый произволъ, и противоборство мнимой нравственности обращается въ грязную безнравственность; вмѣсто истинной любви, духовно облагороживающей чувственное и носящей вѣрность сама въ себѣ, вмѣсто гармоніи природы съ душою, этой прекрасной цѣли искусства жить, мы видимъ какую-то отвратительную помѣсь мечтательности съ плотоугодіемъ. Напрасно Шлейермахеръ, вводя въ дѣло лучшую сторону своего *я*, искалъ идеи этого созданія въ примиреніи чувственнаго съ духовнымъ полной, всезавершающей любовью; напрасно А. В. Шлегель воспѣлъ даже и въ стихахъ высокій пылъ свѣтозарной Луцинды; это былъ блудячій болотный огонекъ, признакъ того что къ концу вѣка зараженная атмосфера существовала и въ Германіи, что и тутъ необходима была очистительная гроза. Варнхагенъ справедливо говорилъ, что во Фридрихѣ Шлегелѣ такъ и сновали привидѣнія, демоны и геніи; онъ не смогъ найдти единства ни въ своей творческой дѣятельности, ни въ своей мысли; излишекъ чувственности и недостатокъ творчества придавали и духовной его природѣ отпечатокъ дилеттантской похотливости; съ необыкновенно тонкимъ чувствомъ и съ изобразительною силою явился онъ мастеромъ только въ литературной характеристикѣ, какъ доказываютъ его статьи о Форстерѣ, Якоби, Гёте и многія прекрасныя страницы въ „Исторіи поэзіи".

Однакожь и Фридрихъ Шлегель, подобно брату своему и Тику, посягалъ еще въ свою очередь на драматическій лавръ. Его „Аларкосъ" долженъ былъ сочетать въ себѣ античный элементъ съ романтическимъ; искусственныя риомосплетенія чередуются здѣсь съ безриомными триметрами, но послѣдніе украшены при этомъ ассонансами на испанскій ладъ. Романсъ передаетъ намъ о графѣ Аларкосѣ, что его любитъ королевна, что онъ и самъ прежде ухаживалъ за нею, а теперь женился на другой; инфантина вымаливаетъ его у отца себѣ въ супруги, жена его должна умереть, но не напрасно призываетъ она виновныхъ на судъ божій. Все чуждое намъ въ условіяхъ подобнаго положенія

Шлегель нарочно оставляетъ въ сохранности, чтобы насъ тѣмъ болѣе взялъ ужасъ; но при этомъ явная перехитренность внѣшней формы также невольно обращаетъ на себя наше вниманіе, а между тѣмъ авторъ упустилъ изъ виду довести до потрясающаго выраженья то, что̀ именно лежитъ въ сюжетѣ,— борьбу тщеславія съ любовью, и этимъ психологически овиносновить данное. Такъ и братъ его совершенно просмотрѣлъ, что Гёте въ Ифигеніи не ограничился художническимъ состязаніемъ съ Эврипидомъ, но возродилъ изъ германскаго духа античный миѳъ въ общечеловѣческомъ его содержаніи; онъ же, съ своей стороны, удовольствовался тѣмъ, что остающійся для насъ чуждымъ сюжетъ постарался только изложить передъ нами сподручнѣе нежели сдѣлалъ древній трагикъ; его формальная ловкость выказалась и тутъ въ изящныхъ стихахъ, но цѣлое вышло искусственнымъ произведеніемъ безъ всякой самородной жизни. Поэзія его была чисто александрійская, и въ настоящей области Александрійцевъ, въ ученой элегіи („Искусство Грековъ", „Римъ") и въ эпиграммѣ, да еще въ пародистической характеристикѣ, онъ создалъ нѣсколько блестящихъ вещей; назову здѣсь его „Тріумфальные ворота Коцебу" и „Состязаніе между Фоссомъ, Шмидтомъ и Маттисономъ". Онъ нарохтился и на романтическій эпосъ, долженствовавшій затмить собой виландова Оберона; съ свойственнымъ ему пріятнымъ лоскомъ внѣшней формы Эрнстъ Шульце выполнилъ впослѣдствіи „Заколдованную розу", пресловутѣйшій цвѣтокъ всей альманачной поэзіи.

Истиннымъ поэтомъ показалъ себя Тикъ въ „Геновефѣ" и въ „Фортунатѣ". Счастлива была уже самая мысль хвататься за міръ германскихъ сказаній, и преступная демонически-пылкая страсть у Го̀ло представляетъ поразительный контрастъ съ чистотою души святой страдалицы; но въ нарочитый противень къ свободѣ поэтъ придаетъ ужь слишкомъ много вѣса магическому вліянію звѣздъ и цвѣточнаго аромата, всякимъ грезамъ, сердечнымъ очарованіямъ и привидѣньямъ, такъ что трагическій элементъ не можетъ удовлетворить насъ со стороны естественнаго и разумнаго развитія; притомъ извѣстная затѣя романтиковъ смѣшивать всѣ роды поэзіи безъ разбора ввела въ драматическую форму и здѣсь эпическіе разсказы и лирическія изліянія, отъ чего собственно драма болѣе или менѣе утратила свой интересъ. Къ фантастично-веселому сюжету „Императора Октавіана" скорѣе ужь идетъ то, что поэтическія формы появляются какъ на великолѣпномъ маскарадѣ и комическія сцены обиходной жизни чередуются съ тѣми душистыми аллегоріями, гдѣ самъ Романсъ выступаетъ на лицо, выступаютъ и отецъ его, Вѣра *, съ своимъ оруженосцемъ, Храбростью, и его мать—Любовь съ служанкою, Шуткой, тогда какъ съ другой стороны Роза и Лилія, символы поэзіи и любви, украшаютъ своимъ цвѣтомъ все произведеніе. Насъ пріятно тѣшатъ геніальныя частности, но цѣлое утомляетъ расплывчатою игрой воображенія, въ которой черезчуръ ужь мало серьёзности и ея зернисто-дѣльной силы.

Но картину романтики намъ слѣдуетъ еще дополнить тѣмъ философомъ, который, примкнувъ къ ней съ самаго начала, сообщалъ ей столько же воз-

---

* Вѣра по нѣмецки мужского рода. Прим. перев.

бужденія, сколько самъ отъ нея принималъ. Шеллингъ (1775—1854) прибылъ въ Іену скороспѣлымъ юношей. Его первыя статьи вращались въ кругу фихтевыхъ идей такъ вольно и смѣло, какъ будто это былъ его собственный; потомъ онъ замѣтилъ, что новая совсѣмъ эпоха наступаетъ въ естествовѣдѣніи, что въ гальванизмѣ и въ кислородѣ совершены дальнометныя открытія, что вмѣстѣ съ тѣмъ естественная исторія, всилу понятія о восходящемъ развитіи, примыкаетъ своимъ началомъ къ раннимъ періодамъ образованія Земли и ея произведеній, и тутъ охватила его со всей силою мысль Гердера познавать во всякой твари одинъ изъ звуковъ міровой гармоніи и изображать природу какъ всеобщую зиждущую мощь всего частнаго. Въ противень дуализму духа и матеріи, фантазія тотчасъ же внушила ему положительно утверждать, что природа есть видимый духъ, а духъ незримая природа. Реальное и идеальное, думалъ онъ, всущности тожественны и суть лишь двоякое проявленіе единаго, которое Шеллингъ постигалъ не въ видѣ спокойно-замкнутой въ себѣ субстанціи, какъ Спиноза, но, подобно фихтевскому *я*, какъ самоосуществляющуюся дѣятельность. Одно и то же жизненное начало развертывается во всѣхъ особяхъ и является, какъ душа міра, органическою связью всѣхъ вещей. Подобно тому какъ магнитъ порозняетъ свое начальное безразличіе на противоположность сѣвернаго полюса съ южнымъ, и совмѣщаетъ ее однакожь въ себѣ одномъ, такъ точно безсознательная и сознательная жизнь образуютъ два противоположныхъ полюса, и задача философіи въ томъ именно и состоитъ, чтобы отъ природы доходить до разумѣнія и отъ разумѣнія обратно до природы; послѣдняя является видимымъ организмомъ нашего смысла, а въ разумѣніи мы усматриваемъ какъ духъ властвуетъ въ веществѣ и какъ въ человѣкѣ объективный міръ приходитъ въ самого себя, становится самосознательнымъ. Что коренныя условія и законы природы должны быть вмѣстѣ и законами духа, для того чтобы возможно было вообще познаніе, это Шеллингъ понялъ и постигъ; но схему человѣческаго сознанія, какъ опредѣлилъ ее Фихте, онъ тутъ же непосредственно перенесъ на природу, съ тѣмъ чтобы все, по мелочи и отрывочно дознанное точнымъ изслѣдованіемъ, вывесть отважно-смѣлою комбинаціей какъ цѣлое прямо изъ первичнаго начала. Жаль, что онъ не изложилъ своихъ идей въ большой поэмѣ о природѣ; тамъ воображеніе могло бы дѣйствовать на полныхъ правахъ, тамъ оказалъ бы себя на просторѣ его блистательный даръ формы и языка, тамъ проявилось бы и стремленіе той эпохи къ единству въ тѣсномъ сочетаніи поэзіи съ философіей, и мы моглибы усладиться вкуснымъ ядромъ истины гораздо чище нежели теперь, когда Шеллингъ вздумалъ гнаться за научною формой, и однакожь на мѣсто основательныхъ доводовъ поставилъ только однѣ метафоры. Это міросозерцаніе, которымъ всегда утѣшался и Гёте, самъ онъ поэтически высказалъ въ эпикуровской исповѣди вѣры Гейнса Видерпорста, — той исповѣди, которая на Гансъ-Законъ-гётевскій ладъ рѣшительно возстала противъ романтическаго набожничанья. Тутъ изображается имъ исполинскій духъ, такъ и рвущійся во всемъ мертвомъ и живомъ къ сознанію; (daher der Dinge Qualität, weil es drin wallen und quallen thät); сила, ростящая металлы и деревья, доходитъ наконецъ въ человѣкѣ до самой себя, и этотъ можетъ сказать о себѣ и о природѣ такъ:

Я — богъ, котораго въ груди она лелѣетъ,
Я — духъ, что движетъ всѣмъ и движется во всемъ:
Отъ раннихъ пòтугъ темныхъ силъ незримыхъ
До перваго излива жизненныхъ сокòвъ,
Гдѣ сила въ силу переходитъ прямо
И вещество въ другія вещества,
Гдѣ почка наливается впервые
Луча, какимъ блеснетъ новорожденный свѣтъ
И новымъ творчествомъ ночную тьму пронижетъ,
Глазъ тысячьми все небо озаритъ
Въ денную пору и равно въ ночную, —
Отъ первыхъ тѣхъ зародышныхъ началъ
До юной силы мысли бойкой,
Чтò вновь себѣ природу возсоздастъ,
Вездѣ одна и та же прыщетъ сила,
Идетъ одна и та жь порывовъ череда,
Одно и то жь стремленье къ высшей жизни,
Влеченье все на высшую ступень.

Самъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „То, чтò мы зовемъ природою,— настоящая поэма, которая замкнута для насъ въ таинственно-чудныя письмена. Но можно бы однако разгадать загадку, признай мы въ ней Одиссейю духа, который, жертва дивнаго обмана, ища себя, самъ себя бѣжитъ; вѣдь изъ-за чувственнаго міра смыслъ сквозитъ намъ какъ изъ-за словъ, только въ полупрозрачномъ туманѣ видимъ мы край фантазіи, куда неослабно стремимся". Но вмѣсто того чтобъ обратиться къ поэзіи Шеллингъ далъ фантазіи полный разгулъ въ наукѣ и пустился въ произвольное мысленное возсозданье міра, которое мнило, что перенести схему магнитизма (полярность) на все на свѣтѣ значило уже и все на свѣтѣ понять; при этомъ его безкритичный мистицизмъ еще надѣвалъ на себя личину математическаго доказательства. „Философствовать о природѣ значитъ создавать ее, поднимать изъ того мертваго механизма, въ который она повидимому заключена;" кто такъ начинаетъ, тотъ дойдетъ только до воображаемой имъ природы, и никогда не постигнетъ въ механизмѣ разумно-необходимаго условія жизни. Тамъ же опять мы читаемъ: разумъ та же абсолютная тожественность; абсолютная тожественность—все чтò ни есть; далѣе, азотъ названъ реальною ея формой, а она сама свѣтомъ, и когда взойдетъ свѣтъ, то темная основа его, сила тяготѣнія, убѣгаетъ во мракъ ночи! Всѣ тѣла суть метаморфозы (видоизводы) желѣза; полъ—корень животнаго, цвѣтъ — головной мозгъ растенія; тяжесть олицетворяется въ женскомъ полѣ, а свѣтъ — въ мужскомъ. Въ какомъ-то слѣпомъ опьяненіи, толпы учениковъ ринулись вслѣдъ за учителемъ: было вѣдь такъ весело и легко созидать себѣ природу путемъ игривыхъ аналогій вмѣсто того чтобы тщательно и подробно ее изслѣдовать. Въ гранитѣ блестнякъ есть растительное царство или водородный газъ, фельдшпатъ — животное царство или азотъ, кварцъ — царство ископаемыхъ или кислородъ, училъ Шубертъ, а Стеффенсъ видѣлъ въ металлахъ планеты, и въ алмазѣ—дошедшій до самосознанія кварцъ; Земля мерещилась ему какою-то исполинскою грезовщицей: окаменѣлости, говоритъ онъ, никогда и не были живыми; въ нихъ минеральное царство только грезитъ о животныхъ и растеніяхъ. Настежь отворились двери передъ сомнамбулизмомъ, духòвидствомъ, магіей, и впослѣдствіи Гёрресъ „философски" выводилъ самыя неимовѣрныя чудеса святыхъ. Но нельзя при всемъ томъ не признать, что искажен-

ная романтикой основная мысль тѣмъ не менѣе вдохновительно дѣйствовала на тогдашнихъ юношей и ставила новыя цѣли изслѣдованію, хотя и одѣвая въ фантасмагорію разумный всущности взглядъ на вещи. Окенъ, Бурдахъ, Карусъ, Эрстедъ, на шеллинговскомъ основаніи, все-таки пошли обдуманно и съ знаніемъ дѣйствительности впередъ.

Если въ природѣ предстаетъ намъ перевѣсъ безсознательнаго элемента, а въ духѣ — перевѣсъ сознательнаго, зато въ искусствѣ мы видимъ ихъ равновѣсіе, ихъ тожественность. Еще Шиллеръ взглянулъ на художника, на эстетическаго человѣка, какъ на совершеннаго, законченнаго, и призналъ въ прекрасномъ полное сліяніе реальнаго съ идеальнымъ; а Шеллингъ формулировалъ теперь культъ романтической поэзіи, указавъ на нераздѣльную совмѣстность сознательнаго и безсознательнаго какъ въ творчествѣ, такъ и въ наслажденіи искусствомъ, и усмотрѣвъ въ изящномъ примиреніе обѣихъ противоположностей: безконечное, переданное въ конечномъ, — вотъ что для него красота. Искусство для философа выше всего на свѣтѣ, потому что въ немъ какъ бы отворяется ему настежь святая святыхъ, гдѣ въ вѣчномъ и изначальномъ сочетаніи горитъ то яркое пламя, которое въ природѣ и въ исторіи порознено, раздѣлено. Въ его превосходной мюнхенской рѣчи объ отношеніи изобразительнаго искусства къ природѣ, онъ называетъ послѣднюю изначальною вѣчно-зиждущею могутой, дѣятельно порождающею всѣ вещи изъ самой себя; единичное держится тою силой, съ какою оно въ общемъ цѣломъ ограничиваетъ, какъ цѣлое же, само себя; жизненность — основа красоты, и въ искусствѣ удостовѣряемся мы наглядно, что всякая противоположность только нѣчто кажущееся, что любовь связуетъ собой всѣ существа и что одно чистое добро — корень и содержаніе всего творенья.

Отъ искусства Шеллингъ перешелъ къ религіи. Онъ читалъ рѣчи объ академическихъ ученыхъ занятіяхъ, геніально перенося здѣсь новыя идеи на всю область вѣдѣнія и поэтически-философскимъ взглядомъ на исторію и на весь нравственный міръ возвышая и вмѣстѣ углубляя нѣмецкое образованіе, чѣмъ онъ сильно подѣйствовалъ на все подроставшее тогда поколѣнье. Всилу высшаго умственнаго созерцанія усматриваетъ онъ вмѣстѣ съ Платономъ въ идеяхъ первообразы вещей, а въ цѣломъ — всеединый организмъ реальности, который вѣдѣніе излагаетъ потомъ въ общей связной системѣ частныхъ наукъ, такъ что всѣ единичныя познанія и всякій рѣшительно опытъ пріобрѣтаютъ цѣнность и значеніе только въ отношеніи къ цѣлому. Шеллингова фантазія и здѣсь набрасываетъ смѣлою рукой тотъ идеальный образъ, къ которому спокойное и осмотрительное изслѣдованіе стремится какъ къ отдаленной своей цѣли; онъ самъ и непосредственные его ученики думали что они уже окончательно и пришли къ ней. Въ исторіи онъ видѣлъ постоянно развертывающееся откровеніе абсолюта, великое зеркало мірового духа, вѣчную поэму божескаго замысла. Государство онъ считалъ за организмъ свободы; оно постольку и совершенно, поскольку каждый единичный членъ его есть вмѣстѣ средство для цѣлаго и цѣль для самого себя. Противоположность реальнаго съ идеальнымъ въ области религіи, — это эллинизмъ и христіанство. Какъ въ естественныхъ символахъ, лежалъ въ греческихъ миѳахъ умственный міръ, неразвернувшеюся еще почкой и не высказавшимся въ

субъектѣ; христіанство—откровенное уже таинство, здѣсь вѣчное сложило съ себя оболочку, и царство божіе явилось воочію. Это и выражаетъ основной догматъ троичности; идя по стопамъ Лессинга, Шеллингъ истолковываетъ его сообразно своей системѣ всеединства. Примиреніе отпавшаго отъ Бога конечнаго собственнымъ нарожденіемъ божіимъ въ конечности,—такова основная мысль христіанства; вочеловѣченіе божіе—дѣло вѣчное. Рожденный изъ сущности Отца всякому бытію, Сынъ божій есть, по мысли Шеллинга, само конечное, явившееся въ лицѣ страждущаго и судьбамъ времени подверженнаго Бога; въ вершинѣ этого богопроявленія, Іисусѣ Христѣ, замкнулся міръ конечности (какъ особый, самъ-по-себѣ сущій) и открылся міръ безконечности или господства духа надо всѣмъ. Во Христѣ открылось намъ значеніе міра, какъ вѣчнаго самораскрытія Творца; этимъ самымъ міръ возвращается къ своему первоначалу, Богъ вѣдаетъ себя въ насъ, какъ мы сознаемъ себя въ немъ. Когда конечное явно и дознано въ безконечномъ, а безконечное въ конечномъ, тогда христіанство просвѣтляется красотой и ясностію эллинства; небо воистину для насъ возродилось, и вѣчное Евангеліе возвѣщено намъ навсегда.

Въ кругу романтиковъ многократно заходила рѣчь о миѳологіи. Видѣли, какую крупную выгоду доставили поэзіи и изобразительному искусству Грековъ миѳы, будучи порожденнымъ фантазіей выраженіемъ идей ихъ о природѣ и исторіи; вотъ и задумали-было нешутя создать новую миѳологію для собственнаго обихода, — миѳологію, которая символически передавала бы воззрѣнія идеализма и философіи природы, доставляя тѣмъ поэзіи цѣлый міръ идеальныхъ обликовъ. При этомъ просмотрѣли только одно, что когда ужь есть сама по себѣ мысль, то совать ее въ изготовленную со стороны внѣшнюю оболочку, значитъ плодить попусту аллегоріи; просмотрѣли, что миѳологія была невольнымъ порожденіемъ народной души, а послѣдняя тѣмъ и выражала міръ идей, въ ней дремавшій, что облекала его въ такія явленія природы и исторіи, которыя особенно будили его и затрогивали на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему все дѣло и остановилось на одной затѣѣ сознательно создать новую миѳологію; но древняя выступила при этомъ въ изученіи на первый планъ, да сверхъ-того къ греческой и римской притянули еще восточную. Индійскія и персидскія религіозныя книги сдѣлались извѣстны ученымъ, Египетъ былъ можно-сказать открытъ вновь, и вслѣдъ за тѣмъ въ пестрой этой массѣ боговъ тотчасъ же почуяли единство коренныхъ, главныхъ созерцаній. Фридрихъ - Шлегель обучился въ Парижѣ санскритскому и написалъ свою книгу „О языкѣ, религіи и мудрости Индійцевъ", выступая и тутъ путепроложникомъ и возбудителемъ; А. В. Шлегель покорилъ эту область своему блестящему переводческому таланту; Гёрресъ самъ писалъ о миѳахъ древняго міра съ необыкновеннымъ богатствомъ фантазіи, а крёйцерова „Символика" ввела ихъ впѐрвые въ кругъ университетскихъ лекцій. Но она была еще связана пріемами тогдашней философіи природы, путавшей всилу излюбленныхъ аналогій самое разнородное содержаніе; она была связана тѣмъ представленіемъ, что будто бы жрецы, идя по стопамъ готовой уже восточной мудрости, построили для Грековъ миѳическіе облики съ тѣмъ чтобы постепенно воспитать чувственный народъ къ болѣе возвышеннымъ идеямъ. Но что съ тѣхъ поръ ученое изслѣдованіе обратилось съ критикой и осмотрительностью къ част-

ностямъ, стало разсматривать отдѣльные лики боговъ и богоученія отдѣльныхъ народовъ въ ихъ своеобразности, постигло, что̀ есть родственнаго у арійскихъ, у симитскихъ одноплеменниковъ, и что̀ у нихъ общечеловѣческаго, что наконецъ въ миѳообразованіи предстаетъ намъ теперь духовная эпоха юнаго еще человѣчества, какъ я излагалъ во второй главѣ перваго тома своей книги да и во всей вообще исторіи,—все это опять-таки медленно-зрѣющій плодъ тѣхъ же романтическихъ стремленій, благородное вино науки, отстоявшееся изъ ихъ мутнаго вначалѣ броженія. Штуръ, Велькеръ, Отфридъ и Максъ Мюллеръ, Преллеръ и Кунъ споспѣшествовали этому заодно съ философіею религіи Гегеля; самъ Шеллингъ всю жизнь свою трудился надъ философіей миѳологіи, которая, правда, опережена во многихъ частностяхъ историко-филологическимъ разысканьемъ, которая не свободна и отъ смѣлыхъ черезчуръ фантазій, но въ которой все-таки есть много глубокомысленнаго и упроченнаго навсегда. Тяга времени къ историческому элементу, къ исторической дѣйствительности и къ историческому развитію сильно овладѣла Шеллингомъ, и вотъ почему онъ дѣйствительно могъ заявлять притязаніе на проложеніе пути въ открытое поле объективной науки, какъ на свою задачу и на свой жизненный подвигъ.

Зольгера также можно назвать философомъ романтики. Безконечное развертывается передъ нимъ въ конечномъ для того чтобы непрестанно въ себя возвращаться, и иронія—вотъ тотъ высшій взглядъ, который паритъ надъ этимъ вѣчнымъ переливомъ бытія въ призрачность и призрачности въ бытіе; это именно то душевное настроеніе, которое видитъ во всѣхъ вещахъ откровеніе, но вмѣстѣ и скудное осуществленіе идеи, и если оно ту́житъ о погибели частнаго, то зато и ликуетъ о торжествѣ божественнаго, которое заявляетъ этимъ свою всемогущую безконечность.

Оба Шлегеля принесли въ прекрасныхъ историческихъ трудахъ должную дань новопробудившемуся историческому смыслу,—Августъ Вильгельмъ въ своихъ „Чтеніяхъ о драматическомъ искусствѣ и литературѣ“, Фридрихъ — въ своей „Исторіи древней и новой литературы“; послѣдній и здѣсь болѣе имѣлъ въ виду идеи, блисталъ геніальными, свѣтлыми взглядами, но при этомъ уже былъ очевидно связанъ стремленіями реставраціонной эпохи; первый же отличился зато бо̀льшимъ вкусомъ, бо̀льшей полнотою и ясностью. Самъ Тикъ попытался идти этою дорогой, хотя только въ статьяхъ о старинномъ англійскомъ театрѣ и о бурно-рьяной эпохѣ въ Германіи, изъ которыхъ одну предпослалъ переводу старо-англійскихъ піэсъ, а другую—сборнику сочиненій Ленца. Ему обязаны мы нѣмецкимъ Сервантесомъ, точно такъ же какъ Шлегелю нѣмецкимъ Шекспиромъ; сочувствуя по природѣ этимъ мастерамъ, они поняли своеобразный стиль ихъ и, какъ художники, съумѣли вѣрно передать его форму. Шлегель былъ въ правѣ назвать себя творцомъ правила и вмѣстѣ нагляднымъ его примѣромъ; по пути, который онъ проложилъ для Итальянцевъ и Испанцевъ, пошелъ далѣе Грисъ и далъ Нѣмцамъ Тасса, Аріоста, Кальдерона. Со временъ Фосса и Гердера вплоть до поэтическихъ переводовъ нашихъ дней нѣмецкая словесность пріобрѣла именно этимъ свой всеміpнолитературный характеръ, такъ что ни на одномъ языкѣ голоса̀ различныхъ народовъ не передаются во всей ихъ своеобразно-

сти такъ близко какъ на нашемъ; Рюкертъ, Гольцманъ, Шакъ преимущественно отомкнули намъ сокровища Востока; Тудихумъ, Видамъ, Доннеръ, Дройзенъ, Герцбергъ и множество другихъ сдѣлали доступною классическую древность; Зимрокъ разработалъ Средневѣковье, Гильдемейстеръ передалъ Байрона, Региcъ—Рабелѐ и Боярдо, Боденштедтъ — русскую поэзію; изъ поэтовъ младшаго поколѣнія не было начиная съ Фрейлиграта и Гейбеля почти ни одного, который бы удачнымъ воспроизведеніемъ не усвоилъ своему краю того или другого любимца чужихъ странъ. Языкъ нашъ много выигралъ отъ того въ гибкой всесторонности, и со временъ Лессинга и Гёте выучиться по-нѣмецки стало вдвое интереснѣе и важнѣе.

Всего отраднѣй повліяла романтика на живопись и на науку; изъ данныхъ ею побужденій обѣ воспользовались тѣмъ, что̀ было въ нихъ истинно, и присовокупили къ тому много новаго и прекраснаго отъ себя; но вначалѣ дѣйствіе ея на жизнь было вовсе не утѣшительно. Порываясь изъ чувственнаго разгула и ни на чемъ не основанной ироніи чтобы найдти какую-нибудь твердую точку опоры, Фридрихъ Шлегель думалъ обрѣсти ее въ католичествѣ; съ тѣхъ поръ переходы въ лоно римской церкви и надменное презорство къ протестантизму вошло въ моду у людей, считавшихъ себя аристократіей умниковъ. Такъ же точно общей свободѣ и равенству начали противопоставлять посословное расчлененіе средневѣкового феодализма; Адамъ Мюллеръ и Галлеръ озаботились возстановленіемъ государственной науки въ этомъ смыслѣ для той меттерниховской политики, которая послѣ достославнаго возстанія Германіи обманно лишила всѣхъ плодовъ его народъ. Тотъ свиду геніальный произволъ, для котораго все ни по чемъ, испортилъ клеймомъ чрезмѣрной угодливости и шатости превосходныя дарованія какого-нибудь Генца; сегодня этотъ человѣкъ въ пламенныхъ словахъ призывалъ Европу къ оружію противъ утѣснителя, а завтра отдавалъ свое перо на службу конгрессамъ, которые устроивались владыками въ явный ущербъ народнымъ правамъ. Передъ Рахелью онъ называетъ себя невинною душой, сохранившейся въ растлѣнной даже оболочкѣ, и однако тутъ же упрекаетъ ее, супругу Варнхагена, за то, что она въ былые дни „не отложила въ сторону всякій пошлый стыдъ и не употребила надъ нимъ насилія, чтобы сдѣлать его чудовищно-счастливымъ“, потомучто она—великій мужщина, а онъ — первая въ свѣтѣ женщина, и въ такомъ случаѣ было жесточайшею ошибкой то, что они не соединились между собой полной, совершенною любовью! Былъ ли онъ счастливъ среди раздольной жизни въ столицѣ Австріи? Куда завели его преступныя продѣлки, это всего лучше высказываютъ собственныя его письма къ упомянутой сейчасъ пріятельницѣ: „Какая однакожь постылая вещь жизнь! Ни что меня не восторгаетъ, я, напротивъ, остаюсь холоднымъ, пресыщеннымъ, насмѣшливымъ, проникнутымъ болѣе чѣмъ позволительно глупостью почти всѣхъ другихъ людей и своей собственной, не то чтобъ мудростью, а зоркостью, и внутренно чуть не дьявольски радующимся тому, что такъ-называемыя великія событія оканчиваются напослѣдокъ такъ смѣшно и жалко. Все пусто, вяло и разслаблено вокругъ меня и во мнѣ; прошлое какъ будто бы никогда мнѣ не принадлежало, а передъ будущимъ меня просто подираетъ морозъ“. Вотъ куда ведетъ направленье, которое просвѣщенію и очеловѣченію міра проти-

вопоставляетъ покорство передъ римскимъ владычествомъ, одушевленію нравственными цѣлями — иронію, свободѣ человѣка вообще — порабощеніе народа и наглость аристократическаго своеволія. Вотъ что возбудило мужественный гнѣвъ Руге и Эхтермейера, когда въ журналѣ „Галльскія Лѣтописи“ (Hallische Jahrbücher) они выпустили противъ запоздалыхъ романтиковъ знаменитый манифестъ, — при всей его неизбѣжной рѣзкости истинный подвигъ освобожденія и строгой, но спасительной расправы.

Какъ вредно для подроставшей молодежи было то, что помимо серьёзной школы мысли и изученія законченной въ себѣ художественной формы, она въ борьбѣ съ филистерствомъ навыкла видѣть геніальность и поэтичность въ эксцентрическомъ, отрывочномъ, причудливомъ какъ грезоподобный арабескъ, —это особенно оказалось на Клеменсѣ Брентано; отъ этого пострадалъ даже и Ахимъ фонъ-Арнимъ, гораздо болѣе ясная и дѣльная голова. Оба они ознаменовали собой возвратъ къ своему, родному, когда какъ нарочно въ самую пору чужевластія собрали нѣмецкія народныя пѣсни въ своемъ „Дивномъ рожкѣ мальчика“ (Des knaben Wunderhorn) и этимъ возбудительно повліяли на своенародность въ новѣйшей лирикѣ. Именно Брентано пропѣлъ не одну полную этого настроенья пѣснь, но онъ такъ же часто выдавалъ свой недостатокъ наглядной пластичности и положилъ начало скверной повадкѣ вдумчивое и милое содержаніе заканчивать вдругъ иронически гримасой. Впротивень дѣйствительному, которое разумно, и разумному, которое дѣйствительно, что̀ Гегель снова училъ теперь чествовать и познавать, поставили причудливыя выходки, произвольныя затѣи необузданной фантастики, готовой воскресить всѣ пустыя грезы суевѣрія и вдвинуть ихъ опять въ кругъ дѣйствительныхъ обликовъ, какъ бы на равныхъ съ ними правахъ. Такъ дочь цыганскаго царька, Изабелла, у Арнима, вырываетъ волшебный корень изъ-подъ висѣлицы своего безвинно повѣшеннаго отца, рѣжетъ изъ него карлика, Корнелія Непота, и тотъ у ней подростаетъ; къ этому присоединяется лежебокъ-ландскнехтъ, который семь лѣтъ жилъ неумытымъ и нечёсой для того чтобы отдѣлаться отъ союза съ чортомъ, и который встаетъ теперь изъ своей могилы, какъ скупецъ, которому не подсилу разстаться съ своими сокровищами и который поступаетъ въ слуги къ ихъ нынѣшнему владѣльцу; а въ третьихъ является Големъ, глиняная кукла, въ качествѣ двойника любовницы молодого Карла V-го, и вотъ такіе-то призраки движутся и дѣйствуютъ какъ вытные около послѣдней, около Вильгельма Оранскаго. Самъ авторъ разъ при случаѣ отзывается объ этомъ такъ: „Какъ напрасно мучитъ насъ иногда отношеніе къ тому или другому человѣку! Имѣй мы возможность вообразить себѣ что онъ мертвый, глыба земли, корень дерева, вся наша скорбь и весь нашъ гнѣвъ должны тотчасъ же исчезнуть, точно такъ же какъ и всякая печаль за наше время, знай мы наконецъ навѣрное, что мы все только грезимъ какъ во снѣ!“ Тутъ опять какъ будто бы кажется, что подобными превращеніями въ призрачныя фигуры авторъ хочетъ только аллегорически намекнуть на настоящую цѣну многихъ и многихъ личностей; но вотъ эти-то сумерки —въ литературѣ и бѣда: въ такого рода вещахъ никогда почти

не знаешь, хотятъ онѣ навести на васъ трагическій ужасъ, или только сатирически позабавить и разсмѣшить.

Клеменсъ Брентано (1777 — 1842) началъ романомъ Гедви, котораго самъ онъ назвалъ одичалымъ; героиня ратуетъ противъ морали брака, герой заноситъ въ свой дневникъ, что ему хотѣлось бы иногда помолиться въ развратномъ домѣ, а въ церкви посвистать, и что это сильно его огорчаетъ. Его трагедія „Основаніе Праги" и комедія „Понсе де-Леонъ" совершенно покидаютъ нѣмецкій стиль и вдаются во внѣшности по-англійски и по-испански, пускаются въ отрывочныя сцены, въ узорочные росчерки, въ чистую игру словъ, безъ расчлененнаго строя композиціи, безъ выработки твердыхъ характеровъ по цѣлесообразнымъ и общепонятнымъ мотивамъ. О своихъ романсахъ про чётки самъ онъ говорилъ, что ихъ припишутъ пожалуй какому-нибудь Данту, въ которомъ сидѣлъ Шекспиръ, а между тѣмъ все здѣсь ограничивается отголосками, напоминающими обоихъ поэтовъ, какъ впрочемъ ни глубокомысленна идея вывесть въ противоположность сатанинскому чародѣйству и свѣтской учености вѣру и любовь, облитыя утренней зарей поэзіи, какъ впрочемъ ни демонически-сильны, какъ ни иронически ѣдки, какъ ни миловидны и благозвучны многія частности; притомъ же этотъ задуманный-было эпосъ такъ и остался у него отрывкомъ. Поэтъ охотно и успѣшно пускается въ сказочную форму, и одинъ разъ, въ повѣсти „О бравомъ Каспарушкѣ и о пригожей Аннушкѣ", удалось ему замкнутое въ себѣ и округленное художественное произведеніе, въ которомъ только кое-что, зашедшее изъ темной стороны природы, жутко нарушаетъ свѣтлый бѣлый день; а впрочемъ народный тонъ схваченъ хорошо, мѣтко и благородно. „Мы ни чего не кормили кромѣ фантазіи, за то и она насъ позаѣла", сознается однажды самъ поэтъ; по другому его признанію мы можемъ выразиться объ немъ еще и такъ: его поэтическіе изливы похожи на колоритный слой, отдѣлившійся отъ опущенной въ воду пастелльной картины и всплывшій не на долго вверхъ; это, дѣйствительно, выраженіе его внутренняго чувства, онъ могъ бы, пожалуй, уловить его и опять, но сперва онъ глядитъ на него смѣючись, потомъ принимается плакать, слезы туманятъ и мутятъ всѣ формы, и противная мысль, что ловя такія расплывчатыя краски на бумагу можно развѣ только испестрить ее, мѣшаетъ ему приняться за дѣло, и онъ даетъ колоритному слою уплыть далѣе. Такъ и самъ онъ изъ круговорота свѣтской жизни вдругъ попалъ въ вестфальскій монастырь; тамъ онъ сидѣлъ у ногъ одной монахини, на тѣлѣ которой появлялись Христовы язвы и которая въ своихъ экстазахъ мнила переживать годы проповѣди Спасителя и его страданія; онъ записывалъ ея слова и увѣрялъ меня потомъ лично какъ не льзя серьёзнѣе, что штраусова пресловутая книга вышла тогда только для того, что бы подготовить вниманіе свѣта къ той исторіи Іисуса, которую онъ издастъ по достовѣрнымъ сообщеніямъ Анны Катерины Эммерихъ. Но онъ, какъ былъ, такъ и остался чудодѣемъ, который неожиданными скачками своихъ затѣй озадачивалъ и дразнилъ своихъ пріятелей-ультрамонтановъ, точно такъ же какъ и извѣстный Юстинъ Кернеръ не мало потѣшался своими „вейнсбергскими духами"; господствовавшій у обоихъ надо всѣмъ юморъ, романтическая ихъ иронія не отступались и тутъ отъ своихъ правъ, и они пускались иногда въ безподобныя шуточки надъ тѣмъ, за что крѣпко стояли другіе,

ослѣпляемые вѣрой или суевѣріемъ. Брентано великолѣпно владѣлъ языкомъ; но на бѣду своевольная игра слишкомъ часто портила какъ внутреннее содержаніе, такъ и внѣшнюю форму его произведеній.

Нравственно здоровъ и ясенъ умомъ былъ Ахимъ фонъ-Арнимъ (1784—1831), истый дворянинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова; онъ хотѣлъ чтобы благородство доказывалось чистотой сердечныхъ чувствъ и желалъ новѣйшему гражданству, чтобы каждый домъ освящался въ немъ духомъ семейности; для него самого въ земной жизни исполнилась прекрасная его молитва:

Дай мнѣ любовь и радость дай въ уста,
Чтобъ я тебя, Господь, землѣ повѣдалъ;
Здоровья мнѣ пошли, запасецъ и добра,
Да сердца чливости, да твердости душевной;
Пошли дѣтей такихъ, чтобъ стоили заботъ;
Враговъ ты отжени отъ очага родного;
Потомъ дай крылья мнѣ и кучку дай песку,
Такъ—холмикъ небольшой, на родинѣ лишь милой;
А крылья дай за тѣмъ, чтобъ тяжкій на подъемъ
Духъ легче могъ отъ міра оторваться.

По смерти его признано что онъ и Клейстъ превосходили всѣхъ романтиковъ пластическою силой; но еще менѣе Клейста создалъ онъ художественно-законченныхъ вещей. Золотая руда лежитъ у него подъ грудами щебня и выгорокъ, великолѣпнѣйшія сцены, прекраснѣйшіе облики стоятъ какъ-то въ одиночку, прихоть поэта вѣчно даетъ просторъ все новымъ и новымъ затѣямъ и помысламъ, а стройной, гармонической разработки нѣтъ какъ нѣтъ. У Арнима больше чѣмъ у кого-либо другого было средствъ для созданія нѣмецкой народной драмы,—это доказываютъ его Кукольныя комедіи, его мастерство переплетать сказаніе съ исторіей, это доказываетъ множество единичныхъ чертъ потрясающей серьёзности и чистѣйшей комики, даже юмора, умѣющаго сочетать ихъ воедино; къ сожалѣнію, онъ взялъ Тика себѣ въ образецъ, и оттого среди пестрой череды сценъ глупость и нелѣпица идутъ у него обокъ съ глубокомысленнымъ и могучимъ, нѣтъ строго-обдуманной композиціи, нѣтъ виннословной связи, эпическій и лирическій элементы, произвольно мѣшая всѣ формы, тѣснятся въ драматическій, а привидѣнія, чары, символы врываются въ дѣйствительную жизнь. Такъ мы видимъ у него это въ „Галле и Іерусалимѣ", такъ въ „Папессѣ Іоаннѣ". Тутъ кстати приходится гётево словцо: „Къ сожалѣнію, это бочка, на которую бочаръ позабылъ хорошенько набить обручъ,—ну вотъ она и потекла со всѣхъ сторонъ".

Эта же распущенность господствуетъ на бѣду и въ разсказахъ. Арнимъ умѣлъ затѣйливо схватить и поэтически употребить въ дѣло матерьялъ, предлагаемый современностью, но онъ никогда не начертитъ себѣ связнаго плана, его облики и входятъ какъ попало въ тѣ соединенія, какія случайно вынурнутъ изъ богатыхъ складовъ его опыта и вмѣстѣ изъ глубины живого его воображенья; отсюда и происходитъ, что то самое, что̀ сначала выступитъ такъ свѣжо, такъ ясно, такъ удовлетворительно, какъ напримѣръ задушевная жизнь въ полуразрушенномъ за̀мкѣ графини Долоресъ, послѣ вдругъ все перемутится, и въ общей путаницѣ уцѣлѣетъ только одно, —

поэтически-справедливая вѣра въ нравственный міропорядокъ, которою авторъ никогда не жертвуетъ ироніи. Лучшее произведеніе Арнима, „Блюстители короны", подобно лучшему созданію Тика, „Война въ Севеннахъ", такъ и осталось отрывкомъ. Но и тотъ и другой отворили въ Германіи дверь настоящему историческому роману и дали образцы его *. Въ обоихъ произведеніяхъ чудесное и романтическое вытекаетъ прямо изъ самого сюжета и поэты, среди игры своего воображенія, не теряютъ изъ виду главнаго дѣла. Тикъ—картины религіозно-возбужденныхъ, вѣрующихъ въ чудеса горцевъ Франціи, Арнимъ—картины нѣмецкаго быта при переходѣ изъ средневѣковья къ новому времени. Блюстители императорской короны хотятъ взять въ руки исторію, они оберегаютъ діадему Гогенштауфеновъ и думаютъ изъ ихъ потомковъ воспитать будущаго властителя, который бы обновилъ ихъ славу для родной земли; ихъ образы, просвѣтленные воспоминаніемъ, великолѣпно парятъ надъ настоящимъ, но послѣднее идетъ своимъ чередомъ, и изъ развалинъ хранившаго корону крѣпкаго за́мка выстраивается промышленное и ремесленное зданіе. Лютеръ и императоръ Максимильянъ, Кунцъ фонъ-деръ-Розенъ и герцогъ Ульрихъ Вюртембергскій проходятъ, гдѣ слѣдуетъ, сквозь вымышленный разсказъ о жизни Бертхольда; рыцарскій и городовой бытъ, реформація и крестьянская война должны были въ совокупной картинѣ онаглядить тогдашнюю Германію и реальнѣе и исторически вѣрнѣе чѣмъ сдѣлалъ это въ своемъ Офтердингенѣ Новалисъ. Тутъ столько искренняго простодушія, столько смѣшного въ жанровыхъ картинкахъ, столько задушевнаго и трогательно-высокаго въ идеальныхъ обликахъ, и надо всѣмъ этимъ какой-то повѣвъ дали, и въ этой дали какъ будто бы опять зеркало настоящаго! Поэтъ писалъ быстро, однимъ духомъ, но разборчивой критикѣ, урядливой рукѣ художника слѣдовало переработать это цѣлое; въ массѣ оставленнаго намъ матерьяла лучезарное, очаровательное лежало обокъ съ суровьемъ или съ самымъ обыденнымъ. На поэтическій талантъ свой, говоритъ другъ Арнима, Вильгельмъ Гриммъ, онъ смотрѣлъ какъ на родникъ, бьющій ключомъ изъ его груди и требующій вольнаго себѣ теченія. Ку́бокъ, какимъ онъ изъ него черпалъ, то выходилъ слишкомъ малъ и черезчуръ переполнялся, то слишкомъ великъ и не наполнялся до верху, но влага всегда была освѣжительна и чиста.

Къ Арниму пріурочиваемъ мы Фукѐ, къ Брентано — Э. Т. А. Гофмана. У Фукѐ дворянскій элементъ ведетъ прямо къ прославленію рыцарства и потомъ къ сладимо-набожному феодалистически-восторженному поклоненію Среднимъ Вѣкамъ; у Гофмана чудодѣйный юморъ доходитъ до демоническаго морока и съ досадою шутитъ надъ тѣмъ, что чорту непремѣнно нужно наложить свой хвостъ на все. Фукѐ и мечомъ и перомъ участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе, послѣ того какъ самъ воротился къ чистому германству, обработавъ драматически былину про Зигфрида по Эддѣ, правда безъ того сосредоточенія и безъ обдуманной мотивировки, какихъ новая художественная форма требуетъ для древне-эпическихъ вещей, но тѣмъ не менѣе

* Или, точнѣе сказать, образчики. Прим. перев.

грандіозно и смѣло посѣверному; Гейне мѣтко говоритъ: „Его Сигурдъ крѣпокъ какъ скалы Норвегіи и бурливъ какъ кипящее вокругъ нихъ море; у него столько же отваги какъ у сотни львовъ, и столько же смысла какъ у пары ословъ“, точно такъ же какъ про рыцарей, выводимыхъ въ „Волшебномъ перстнѣ“ и въ другихъ романахъ, онъ замѣчаетъ, что они всѣ изъ желѣза и души, но зато нѣтъ у нихъ ни плоти, ни смысла. Это было какое-то фантастическое рыцарство, смѣсь суровости сѣверныхъ витязей съ дворскою галантерейностью и съ пѣснями миннезенгеровъ. Прелестнѣйшимъ обновленіемъ средневѣкового повѣрья вышла у Фукѐ „Ундина“, истинно-поэтическая картина царства водныхъ фей.

Гофманъ былъ поочередно юристомъ, декораціоннымъ живописцемъ, директоромъ музыки, напослѣдокъ, живя въ Берлинѣ, день онъ проводилъ за актами каммергерихта, а вечеръ въ винномъ погребкѣ съ геніальнымъ актёромъ, Лудвигомъ Девріэнтомъ, и потомъ облики и грезы, представавшія ему среди виннаго разгула и опьянѣнія, передавалъ въ своихъ „Ночныхъ“ и „Фантастическихъ“ вымыслахъ. Онъ обладалъ зоркой наблюдательностью и богатымъ воображеніемъ; музыкантъ самъ, онъ мастерски владѣлъ настроеніемъ и былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ Моцарта; но у него нѣтъ гармоничности, онъ такъ и остается при рѣзкихъ диссонансахъ, и какъ иногда въ жару и въ облакахъ дыма намъ мерещатся странныя фигуры, такъ точно все строитъ передъ нимъ гримасу, стукальце у двери и какое-нибудь яблоко на столѣ, собака и котъ начинаютъ разговаривать, и обокъ съ человѣкомъ становится его жуткій, неповадный двойникъ; филистерство вездѣ дразнитъ и преслѣдуетъ неслыханная чертовщина, и сумасшедшій капельмейстеръ Крейслеръ подконецъ ужь не знаетъ и самъ, онъ ли играетъ своими чудными созданьями, или они имъ. Но Гофманъ при этомъ искусный разсказчикъ, онъ умѣетъ схватить и завлечь читателя; геніальныя искры остроумія такъ и сыплются вамъ прямо въ лицо. Онъ часто соприкасается съ Жанъ-Полемъ, съ которымъ и Вейсфлогъ думалъ потягаться въ добродушномъ юморѣ и въ идиллической комикѣ, и подобно ему хотѣлъ чтобы искусство зажигало въ человѣкѣ такую утѣху, которая освобождаетъ отъ всякаго земного страданія, отъ гнета повседневной жизни, какъ отъ грязныхъ нечистотъ, такъ что онъ радостно подымаетъ вверхъ голову и не только видитъ божественное, но и приходитъ съ нимъ въ соприкосновенье. Возбужденіе такой именно утѣхи, подъемъ на эту точку зрѣнія, гдѣ охотно вѣрится въ чудеса чисто-идеальнаго міра, гдѣ сближается съ ними человѣкъ и видитъ передъ собой просвѣтленными даже и явленія обиходной жизни, — вотъ что Гофманъ называлъ цѣлью поэзіи. Къ сожалѣнію, онъ ошибался въ выборѣ средствъ ея достигнуть; Гёдеке замѣтилъ прежде насъ: Убѣгая повседневнаго, онъ бросился въ объятія небывальщинѣ, фантастически изукрашалъ ее и считалъ потомъ за чистый идеалъ. Характеристичное обращалось у него въ карикатуру, онъ гнался за страннымъ и причудливымъ, сказочное смѣшивалъ съ обиходнымъ, глядя на одно съ наводящей ужасъ комической, а на другое—съ сатирической стороны, и ни мало не старался найдти идеальное въ предѣлахъ жизненной правды, естественныхъ законовъ, дѣйствительности. Онъ сильнѣе повліялъ на новую французскую романтику нежели на нѣмецкую литературу.

Остроумнымъ разсказчикомъ сталъ подконецъ и Тикъ, послѣ того какъ пріютился сперва въ Дрезденѣ, а потомъ въ Берлинѣ, и, въ качествѣ знаменитаго чтеца драматическихъ произведеній, собиралъ въ своихъ гостиныхъ то образованное и знатное общество, которое по испанскимъ и итальянскимъ образцамъ онъ началъ выводить теперь въ своихъ новеллахъ. Такъ муза его добралась напослѣдокъ до его собственной жизни, до его собственнаго времени, и противопоставила здравый человѣческій смыслъ всѣмъ ихъ заблужденіямъ и превратнымъ направленьямъ; правда, литературный и художническій разговоръ, который густо увивалъ драмы и сказки еще въ его „Фантазусѣ", черезчуръ втѣсняется у него и въ разсказъ; и даже тамъ, гдѣ онъ изображаетъ поэтовъ прошлаго, Шекспира и Камоэнса, они больше оглядываются передъ нами въ размышленіяхъ чѣмъ въ дѣятельности и характерѣ. Въ своихъ лучшихъ повѣстяхъ, какъ напримѣръ въ „Картинахъ", остается онъ вѣренъ своей теоріи, что должно освѣтить со всѣхъ сторонъ такой случай, который, какъ ни легко можетъ онъ произойдти, тѣмъ не менѣе однако единственъ и удивителенъ, и что въ душѣ дѣйствующихъ лицъ или въ событіяхъ долженъ наступить такого рода поворотъ, съ которымъ вмѣстѣ поворачивается вся исторія и идетъ къ неожиданному, но вполнѣ согласному съ характеромъ и обстоятельствами исходу. Самъ онъ теперь призналъ, что современныя отношенія, ихъ условія и особенности, на поэтическій глазъ, такъ же сподручны для поэзіи и изящной передачи, какъ сподручны были Сервантесу его время и обстановка; этимъ онъ самъ же и навелъ романтику на новѣйшій реализмъ.

Если мы обратимся теперь къ драматикамъ, то найдемъ, что Кальдеронъ съ его блестящимъ и полнымъ образовъ языкомъ и съ его новокатолическимъ суевѣріемъ сталъ для романтиковъ истинно роковымъ поэтомъ. Захарія Вернеръ, нѣсколькими отдѣльными сценами въ своемъ „Лютерѣ", въ своемъ „Аттилѣ" тотчасъ же доказалъ, что онъ былъ призванъ къ крупному въ исторической трагедіи, иди онъ только далѣе по шиллерову, всѣми теперь охаянному пути. Вмѣсто этого онъ начпнилъ разными мистико-ребяческими вздорами, вродѣ гіацинтовой Терезы и карбункульнаго Ѳеобальда, даже изображеніе Вормскаго сейма, и затѣялъ „погремушками сзывать народъ къ святынѣ", выводя со всѣмъ оперпымъ великолѣпіемъ на сцену адскія и небесныя явленія и дозволяя легендарнымъ чудесамъ смѣло попирать естественные законы. Онъ былъ сынъ сумасшедшей, которая воображала, что родила въ немъ Спасителя; долго метался онъ между дикимъ чувственнымъ разгуломъ и жалкимъ набожничаньемъ, грѣша только для того чтобъ было въ чемъ покаяться; изъ язычества, христіанства и масонства онъ состряпалъ себѣ въ „Сынахъ долины" какой-то идеальный католицизмъ, и когда потомъ бросилъ своего идола, перешелъ въ римское католичество и постригся въ монахи, то проповѣди его въ Вѣнѣ потѣшали знатную чернь грязными выходками и театральными гимнами во славу четкамъ или же проклятіями на еретиковъ. Якоби видѣлъ въ немъ одну изъ тѣхъ личностей, у которыхъ зазнамо и незавѣдомо серьёзное обращается въ шутку, а шутка въ серьёзъ, у которыхъ вся физіономія становится гримасой, и—можно прибавить къ этому—потому, что для пресыщенности все простое и здоровое кажется скучнымъ, и она гонится за тѣмъ, что поинтереснѣе. Вернера вконецъ

загубило то, что романтическою доктриной онъ укрѣпился въ своей шатости; видя гибель столь богатаго дарованія, невольно повторишь золотое слово Юліана Шмидта: Созерцанія, ощущенія, вдохновенія, все это даетъ для поэзіи сподручный матерьялъ, но форму и прочный складъ сообщаютъ ей только здравый человѣческій смыслъ и совѣсть; безъ этого регулятора или правила нельзя выдержать даже и самаго простого характера.

Вернеръ своимъ „Двадцать четвертымъ февраля" положилъ начало трагедіи рока, въ которой люди не дѣломъ собственной своей воли уготовляютъ себѣ неизбѣжную судьбу и гдѣ господствуетъ не нравственный міропорядокъ, а напротивъ слѣпой рокъ, наводимый на беременныхъ женщинъ заклятіемъ какой-нибудь нищей или же постигающій потомковъ за грѣхи ихъ праотцевъ,—рокъ, выполняющійся столь же нелогично, какъ и безпощадно, и притомъ тѣмъ согласнѣе съ суевѣріемъ, когда, напримѣръ, лопнувшія струны арфы возвѣщаютъ его заранѣе, или когда онъ совершается посредствомъ заржавѣвшихъ въ крови наслѣдственныхъ мечей. Вернеръ отличался жуткостію тона, настроенія; совмѣстникъ его, Мюлльнеръ,—искусствомъ театральной отдѣлки, которая ставитъ насъ передъ катастрофой непосредственно и все предшествующее, неизвѣстное конечно и виновному лицу, выводитъ на свѣтъ ни дать ни взять какъ изъ слѣдственныхъ актовъ, равно неожиданно и для него, и для насъ. Настоящій поэтъ разоблачаетъ передъ нами связь судьбы съ характеромъ, вины съ искупительною карой,—связь, которая такъ часто неясна для насъ въ житейскомъ быту; но эти роковыя трагедіи устраняютъ всякую разумную причинность: „почему такъ, откроется лишь тогда, когда мертвые воскреснутъ!" Когда и Гоувальдъ съ своимъ сантиментальнымъ краснорѣчіемъ пошелъ этою же дорогой, стараясь переплести трогательное съ ужаснымъ, мѣткія остроты Тика и Бёрне навели его опять на истинный путь,—на путь болѣе сроднаго ему пріятнаго и умнаго писательства для ранней молодежи. На ряду съ мюлльнеровой „Виной", „Прабабка" Грилльпарцера была самымъ пресловутымъ произведеніемъ этого разряда; привидѣнія, романтическій разбой и чувствительные помыслы все соединялось тутъ ради потрясающаго театральнаго эффекта.

Грилльпарцеръ (1790—1871) въ Вѣнѣ родился истиннымъ художникомъ; онъ выработался до свободы и гармонической ясности, примкнувши къ Гёте и Шиллеру, и по античному образцу началъ писать драмы, которымъ съумѣлъ придать и округленное единство и легкообозримое расчлененіе. Въ Австріи Матіасъ Коллинъ еще и прежде по слѣдамъ Корнеля и Шиллера взялся за героическіе сюжеты и чувствомъ удивленія къ величію старался поднять зрителя надъ страданіемъ и гибелью героя; Грилльпарцеръ гораздо теплѣе и богаче красками; но ставить его произведенія на ряду съ созданіями нашихъ классиковъ, значитъ не цѣнить по достоинству генія послѣднихъ; онъ не возвѣстилъ ни какихъ новыхъ міропросвѣтительныхъ идей, не открылъ ни какихъ новыхъ формъ искусства, но по проложенному великими поэтами пути шелъ съ истиннымъ талантомъ, съ умѣньемъ стройно уравновѣсить фантазію и художественныя требованья. Самъ онъ называлъ Вѣну Капуею для умовъ и душъ, и самъ же уклонился отъ наставшаго тамъ въ новѣйшую пору вольнаго теченія; онъ видѣлъ Австрію сосредоточенною въ станѣ Радецкаго, и дѣйстви-

тельно какая-то чаверь или хиль все-таки привилась къ нему отъ меттерниховской системы: вотъ почему онъ смогъ такъ живо изобразить въ своей повѣсти о бѣдномъ музыкантѣ то робкое укрывательство въ полутемные закоулки души, вотъ почему онъ пріобрѣлъ такую явную наклонность къ мутнымъ краскамъ, къ затаеннымъ настроеніямъ. Въ своей „Сафо" онъ съумѣлъ, подобно Гёте въ Ифигеніи, пропитать античный сюжетъ свѣжимъ новѣйшимъ чувствомъ и вывести судьбу изъ завѣтной глубины душевнаго настроенія; намъ въ то же время невольно припоминается Коринна г-жи Сталь, когда надѣленная высокимъ поэтическимъ талантомъ великодушная женщина идеализуетъ въ предметъ своей любви юношу, восторгающагося ея поэзіей и ея славой, и потомъ видитъ, какъ онъ обратился потомъ къ другой, простой и милой дочери природы; ея борьба съ обоими, и побѣда надъ своей собственной душой, ея скачекъ въ море, сочетали въ себѣ какъ не льзя драматичнѣе лирическіе и эпическіе элементы, и поэтъ умѣлъ полностильно передать здѣсь и страстность и вмѣстѣ граціозность. Въ „Медеѣ" онъ изобразилъ демонически-могучую женщину, которая впадаетъ въ вину изъ-за любви, а потомъ тщетно желала бы отступиться отъ чародѣйства и жить съ Ясономъ среди Эллиновъ; но его влечетъ къ себѣ дѣвственно-кроткая и чистая Креуза; Медею рѣшено изгнать, лишить ее дѣтей; тогда и ихъ и соперницу приноситъ она въ жертву своему оскорбленному измѣной сердцу и сама отдается на судъ дельфійскимъ жрецамъ. Въ волнахъ моря и любви, въ исторіи Геро и Леандра, балладный сюжетъ скорѣе только перевитъ думами и лирическими мелодіями нежели возведенъ въ подлинно-драматическое дѣйствіе. Зато въ „Счастіи и концѣ Оттокара" звѣзда поэта снова идетъ въ высоту, и ему удается обрисовать дюжіе мужскіе характеры подъ стать прежнимъ его героинямъ. Подобно Шиллеру сосредоточиваетъ онъ историческое содержанье въ твердыхъ и сильныхъ чертахъ одного главнаго дѣйствія, и въ наглядную противоположность съ заносчивымъ горделивымъ Чехомъ ставитъ простого, непоколебимаго въ своей честности и полагающаго силу въ правѣ, Рудольфа Габсбургскаго; Рудольфъ заслужилъ побѣды. Австрійцы не даромъ равняютъ эту драму съ „Принцемъ Гомбургскимъ" у Прусаковъ. Но „Вѣрнѣйшій слуга своему владыкѣ" покажется намъ, пожалуй, слишкомъ ужь холопомъ, лишеннымъ всякой мужественной гордости. „Сонъ та же жизнь" самымъ своимъ именемъ напоминаетъ Кальдерона; мысль вывесть въ пестрой чередѣ сценъ, по одному Вольтерову разсказу, сонъ Рустана, такъ же оригинальна, какъ и странна,—отважный рискъ, удавшійся однакожь поэту благодаря скачкамъ и символизму грезящей во снѣ фантазіи въ самомъ дѣйствіи, которое показываетъ честолюбцу силу и послѣдствія его страсти; но я не сочувствую тому, что изъ-за опасностей, къ какимъ ведетъ эта страсть, поэтъ предостерегаетъ отъ величія вообще и ищетъ счастія исключительно только въ мирномъ внутреннемъ затишьѣ; этимъ онъ отличается отъ геніальныхъ путепроложниковъ: для тѣхъ слава не пустякъ, Шиллеръ видитъ въ ней, напротивъ, высшее изъ житейскихъ благъ; они обладаютъ тѣмъ отважнымъ мужествомъ, котораго Грилльпарцеру слишкомъ недоставало и въ жизни, и въ поэзіи, но зато ему и легче нежели другимъ давалась вездѣ ясная мѣра.

Совсѣмъ иного десятка человѣкъ былъ Генрихъ фонъ-Клейстъ (1776—1811). Страсть къ величію, заодно съ скорбью о бѣдствіяхъ отечества, дѣй-

ствовала разрушительно на его физически-болѣзненную раздражительную природу. Это такой драматическій геній, который все переживалъ, все видѣлъ своими глазами, у котораго все переходило въ многотревожное дѣйствіе и каждая сцена магически увлекаетъ насъ въ своеобразное ея настроенье; характеры обрисованы реалистически вѣрно и однакожь озарены поэзіей; тамъ, гдѣ мастерство его выступаетъ все на чистоту, намъ кажется будто воскресъ нѣмецкій Шекспиръ; но, въ среду великолѣпнаго, вполнѣ соотвѣтственнаго природѣ и разуму, вдругъ врывается странное, противное, необычное, чудовищное, врывается жуткимъ, ужасающимъ образомъ, какъ нестройные крики притворнаго сумасбродства. Клейстъ былъ офицеромъ, а потомъ перешелъ въ гражданскую службу; философскія сомнѣнія боролись у него съ романтическою страстью къ чудесному; рано помышлялъ онъ о самоубійствѣ, хотѣлъ сперва умертвить Наполеона, а потомъ себя; впослѣдствіи одна больная пріятельница пожелала умереть отъ его руки, онъ исполнилъ ея просьбу и тутъ же застрѣлился самъ, какъ нарочно передъ столь желаннымъ для него народнымъ возстаніемъ. Въ „Семействѣ Шроффенштейнъ“, совсѣмъ наоборотъ тому, что мы видимъ въ Ромео и Юліи, любовь дѣтей выходитъ у него только трогательно-милымъ эпизодомъ посреди страшной ненависти отцовъ, въ которой мрачно отражается ложный романтическій взглядъ на судьбу человѣка. Какая противуположность между его „Пенфесилеей“ и его „Кетхенъ фонъ-Хейльброннъ“! Тамъ вполнѣ излились скорбь и блескъ его поэтической души, здѣсь—вся ея теплота и искренность; тамъ—дикая амазонка съ ея чувственною красотой, съ ея геройской гордостью, рѣшившая покорить себѣ въ бою великолѣпнѣйшаго изъ Эллиновъ; здѣсь—нѣмецкая мѣщаночка, увлеченная душевной любовью, слѣдуетъ за рыцаремъ, который выманиваетъ у ней тайны ея сердца, когда, уснувъ подъ бузиннымъ деревомъ, она бредитъ про него во снѣ. Но какъ противно, что графъ Веттеръ фонъ-Штраль готовъ ногами оттолкнуть отъ себя эту дѣвушку и даже хватается за бичъ, какъ гадка злая Кунигунда, и какъ нелѣпо выходитъ то, что грезы и лихорадочный бредъ приковываютъ любящихся одного къ другому, а графъ будто бы не видалъ еще между тѣмъ лица своей суженой, какъ нелѣпо что мѣщаночка должна подконецъ оказаться побочной дочерью императора! Многое, не будучи подражаніемъ, напоминаетъ здѣсь сонъ гётевскаго Гётца, и какой контрастъ съ этимъ простодушнымъ тономъ представляетъ блескъ и размашистость языка въ Пенфесилеѣ, не встрѣться тутъ того прискорбнаго недоразумѣнія, что дѣва-поляница убиваетъ милаго и терзаетъ зубами еще трепещущій его трупъ! Въ „Битвѣ Германа“ (Арминія) музою поэта является ненависть къ утѣснителямъ отечества, къ осоюзившимся съ ними нѣмецкимъ государямъ или къ тѣмъ женщинамъ, которыя отъ чужеземцевъ безъ ума. Онъ какъ будто бы хотѣлъ развеселиться и написалъ комедію „Разбитый кувшинъ“, гдѣ виновнымъ является самъ судья, и въ то время какъ онъ хочетъ выслѣдить вину у другихъ, путается въ собственной лжи и тѣмъ выдаетъ себя: все это задумано съ неподдѣльнымъ комизмомъ и выполнено какъ настоящій голландскій жанръ. Но изо всѣхъ клейстовыхъ драмъ пальма первенства остается за „Принцемъ Гомбургскимъ“. Тутъ создалъ онъ народную вещь, обезпечившую ему безсмертіе, хотя піэса могла появиться на сценѣ и въ печати только уже по его кончинѣ. Онъ указалъ путь,

какъ драматизировать нашу новѣйшую исторію, какъ въ колоритѣ времени и въ языкѣ слить индивидуальное и простодушное съ тѣмъ, что всегда и вездѣ полносильно и прекрасно. Центромъ выбралъ онъ человѣка, положившаго начало новому государству въ Германіи, великаго курфюрста въ Фербеллинской битвѣ; онъ выставилъ въ немъ ту смѣсь величія и кротости, солдатской силы и простонародной дюжести, и такъ хорошо, такъ достойно расположилъ вокругъ него его солдатъ, что вездѣ встрѣчаемъ мы свободнаго человѣка въ военномъ полукафтаньѣ и на службѣ, вездѣ выступаетъ передъ нами народное государство подъ ружьемъ. Драматическій конфликтъ переполняющаго сердце чувства и самовольнаго дѣйствія съ строгостью закона, съ служебной обязанностью, сталъ историческою былью въ походѣ Шилля, въ конвенціи Іорка; и Клейстъ ведетъ его къ уравновѣшивающему примиренію, какъ Шиллеръ въ „Боѣ съ дракономъ": юный герой, спасшій родную землю вопреки предписанію, одержавшій побѣду надъ врагомъ, сперва смотритъ на отвѣтственность свою легко, потомъ невольно ужасается грозящей ему смерти, но за тѣмъ ободряется, признаетъ всю важность закона, долженствующаго имѣть силу навсегда, возвеличить народъ и государство; онъ готовъ пасть его жертвою, и можетъ теперь къ своей чести и ко благу цѣлаго преспокойно остаться въ живыхъ. Проведи это Клейстъ во всей чистотѣ, какъ онъ выполнилъ битву, какъ обрисовалъ встрѣчу курфюрста съ старымъ полковникомъ Котвицемъ, всемірная литература обладала бы однимъ сокровищемъ больше! Но тутъ вторгается романтика съ своимъ ясновидѣньемъ и лунатизмомъ, принцъ грезитъ во снѣ о побѣдѣ и любовномъ счастіи: сплетенный имъ вѣнокъ подаетъ ему въ самомъ началѣ милая, и вотъ онъ послѣ того невнимателенъ къ распредѣленію ролей въ битвѣ, а потомъ визжитъ за свою жизнь, готовъ даже пожертвовать возлюбленной; такъ чисто-оперныя, начальныя и заключительныя картины, не смотря на свою прелесть среди „очаровательной лунной ночи", вносятъ въ главное содержаніе какую-то суматоху и муть, составляя такимъ образомъ неизлѣчимо-больное мѣсто драмы, тогда какъ впрочемъ быстрый созрѣвъ юноши въ разумнаго мужа, переходъ отъ восторженныхъ грезъ и рьяной самоувѣренности къ умѣнью владѣть собою и къ признанію необходимыхъ порядковъ въ истинно-великой и бодрой дѣятельности на пользу родного края, проведены здѣсь вполнѣ драматически. Спасительный подвигъ выставленъ въ блестящемъ видѣ передъ мертвымъ правиломъ, на мѣсто котораго является законъ, какъ живая нравственная воля и спасеніе отечества.

То же почти можно сказать и объ одной повѣсти Клейста: „Михаилъ Кольгаасъ", которая въ первой своей половинѣ дотого наглядна, дотого полна реальности, разсказана такъ просто и коротко въ обрѣзъ, какъ будто бы взята прямо изъ старой какой-нибудь хроники, и которая потомъ совсѣмъ неожиданно превращается въ романъ, кишащій цыганами и привидѣніями, вродѣ самыхъ пошлыхъ повѣстей, пишущихся по заказу мелкихъ книгопродавцевъ. Страсть отмщенія за претерпѣнную неправду бьетъ изъ души поэта и въ этомъ произведеніи; Клейстъ вѣритъ въ выведенныя имъ лица, они пропитаны собственной его кровію, до тѣхъ поръ пока далеки отъ нихъ мономанскія идеи и фантастичные призраки. Простой, скромный человѣкъ оскорбленъ въ своемъ правѣ, тщетно взываетъ онъ къ закону о покровительствѣ,

отчаивается въ порядкѣ, которымъ управляется свѣтъ и, чтобы добиться права, доходитъ до насильства и преступленія; онъ образумливается передъ сильною нравственною волей, право его возстановлено, но теперь обращаются противъ него въ отместку послѣдствія самоуправныхъ его поступковъ: все это выполнено очень хорошо и со стороны живописи души, и со стороны изображенія внѣшней обстановки; но тутъ и дѣйствительность и идея вдругъ впадаютъ въ болѣзненное, въ грезу, въ суевѣріе, и мы покидаемъ ихъ съ тою же грустью, съ какою смотримъ на самогò поэта, къ которому съ легкимъ только отступленіемъ мы готовы примѣнить слова одной изъ его драмъ:

Засохшій дубъ стоитъ упорно противъ бури,
А густолиственный лежитъ ужь на землѣ.
Не оттоголь, что вихрь въ кудрявую вершину
Вцѣпиться крѣпче могъ чѣмъ въ обнаженный стволъ?

Вскорѣ по смерти Клейста Арндтъ пропѣлъ съ истинно-народной свѣжестью свою пѣсню о старомъ Блюхерѣ: „Что̀ трубы затрубили? Гусары маршъ въ походъ!“ Онъ, да еще гимнастъ Янъ, были дюжими будильниками нѣмецкой народности. Штегеманъ сочинялъ пылкія патріотическія оды. Въ лицѣ Шенкендорфа какъ будто снова воскресъ одинъ изъ миннезенгеровъ, женственно-кроткій, рыцарственный, и при этомъ исполненный жара славить нѣмецкое гражданство. Онъ, какъ и всѣ лучшія души и умы, уповалъ на объединеніе родного края, не только независимаго отъ чужихъ, но свободнаго и во внутреннемъ своемъ домостроительствѣ. Но уже спустя два года, не болѣе, Уланду пришлось тужить: Спустись къ намъ теперь какой-нибудь духъ, пѣвецъ и герой вмѣстѣ, онъ тщетно сталъ бы распрашивать о плодахъ, какіе принесли народу возстаніе и борьба на жизнь и на̀ смерть,—онъ улетѣлъ бы прочь и на разставаніи сказалъ: „Да, безнадежно все у васъ. Но видѣлъ много я огнемъ горящихъ глазъ, и сердце не одно замѣтно трепетало!“ Побѣжденная Франція получила конституціонное устройство и осталась этимъ у всей Европы на виду, въ теченіе еще полувѣка сохранила за собой почипъ во всемірной исторіи; побѣдоносная Германія осталась разорванною на клочки и обреченною на жертву абсолютизму. Союзный сеймъ былъ только министерскимъ конгрессомъ, не болѣе, и вмѣсто того чтобъ окружить себя народнымъ представительствомъ, какъ требовали Варнхагенъ, В. Шульцъ, онъ вскорѣ упалъ до роли полицейскаго учрежденія противъ всѣхъ свободныхъ движеній германскаго духа. Вялостью и покоемъ, неизбѣжными послѣ крайняго напряженія всѣхъ народныхъ силъ, Меттернихъ воспользовался для безъидейной вполнѣ реакціи и крѣпко стоялъ на томъ, что такъ-какъ для Австріи не сподручно народное представительство, то не должны имѣть его и другія земли. Между тѣмъ государи Баденскій и Баварскій первые стали соревновать другъ другу въ дарованіи конституціонныхъ гарантій, а въ иныхъ краяхъ, какъ напримѣръ въ Вюртембергѣ, началась борьба за неотъемлемое старое право, въ пользу котораго раздался и поэтическій голосъ Уланда. Свѣжо, бодро, вольно, благочестиво! стало тогда девизомъ молодежи; какъ университеты съ ихъ одинаковымъ вездѣ устройствомъ и съ перезывами профессоровъ изъ одного въ другой составляли союзъ единенія для всего

германскаго народа, такъ точно и студенты хотѣли путемъ новой организаціи сомкнуться въ одну общегерманскую бурсу. Мысль племенной совокупности жила въ пѣсняхъ ихъ, которыя пѣли и собирали Карлъ и Л. А. Фолленъ, жила конечно только въ желаніяхъ и обѣтахъ, и если тутъ примѣшивалось иногда много фантастической романтики, то конечно всего скорѣе можно было извинить въ ней молодежь. Въ 1817-мъ году отпраздновала она юбилей реформаціи въ Вартбургѣ, и тотчасъ по этому поводу были заподозрѣны профессора̀ и студенты, даже такіе люди какъ Шлейермахеръ, Фрисъ и Арндтъ. Злосчастный поступокъ Занда противъ Коцебу, въ комъ онъ видѣлъ презорца и предателя юношескихъ идеаловъ, подалъ сподручный лозунгъ къ преслѣдованьямъ, къ тюремнымъ заключеньямъ. Бинцеръ, по поводу уничтоженія общегерманской бурсы, написалъ:

Построили, братья, красивый мы домъ,
Пріютомъ себѣ столь желаннымъ,
Укрылись съ надеждой на Бога мы въ немъ,
Недоступные бурямъ нежданнымъ.

Злодѣйствомъ назвали и этотъ нашъ шагъ,
Злодѣйствомъ—напрасно и ложно;
Только форму одну вѣдь легко разбить въ прахъ,
А любовь сокрушить невозможно.

Пусть развалится домъ, пусть строенье падетъ,
Нужды въ немъ, право, нѣтъ неотложной!
Тотъ же духъ, та же мысль сплошь во всѣхъ насъ живетъ,
И все Богъ намъ твердыней надежной.

Символъ желанной имперіи, черно-красно-золотую перевязь, носили потихоньку на груди, и отцы передавали сыновьямъ опороченный самовластіемъ завѣтъ стремиться быть членами единаго, сильнаго и свободнаго народа. На вопросъ: Какой у Нѣмца край родной? всегда звучалъ отвѣтъ Арндта: Нѣмецкая земля въ ея составѣ цѣломъ!

Никто не вошелъ въ нѣмецкій бытъ и не хранилъ любви къ свободѣ чище и вѣрнѣе Лудвига Уланда (1787 — 1862). Міросозерцаніе не было у него ни такъ богато, ни такъ глубоко̀ какъ у нашихъ классиковъ, онъ болѣе держался общепонятнаго и общенароднаго; его баллады о добромъ товарищѣ, о хозяйской дочкѣ стали прямо народными пѣснями, и если своимъ обращеніемъ къ міру былинъ и къ туземной природѣ онъ соприкасается съ романтиками, когда его пастушонки празднуютъ на горной высотѣ воскресенье, а потомъ проходятъ вереницей мимо за̀мка, гдѣ отъ души раскланивается съ ними королевская дочь, или когда онъ поетъ про Карла съ Роландомъ, про Плаксу Эбергарта, то въ формѣ этихъ стихотвореній, въ ея ясности, щепетной краткости, свѣжемъ совершенно складѣ, онъ, по духу, остается вѣренъ Гёте. Та же искренность чувства, та же любовь къ родинѣ дышетъ у него въ драматизованномъ романсѣ: Герцогъ Эрнстъ Швабскій, и въ расположенномъ къ среднесо̀словному люду Лудвигѣ Баварскомъ. Въ зрѣлые годы Уландъ мало писалъ стиховъ; онъ обратился къ научному изслѣдованію германскихъ миѳовъ и поэзіи, и то, что ему опостылили учебную дѣятельность,

кажется намъ, въ виду обнародованныхъ теперь лекцій его, однимъ изъ самыхъ непростительныхъ грѣховъ реакціонной политики: такъ сочувственно, съ такимъ живымъ пониманіемъ внутренняго смысла схватывали міръ туземныхъ сказаній и былинъ развѣ только братья Гриммы. За что онъ ни брался, онъ дѣлалъ все вполнѣ и цѣликомъ; крѣпкій складъ его благороднаго характера давалъ себя знать въ самоограниченіи его на поэтическомъ поприщѣ, а равно и въ единствѣ формы и содержанія его балладъ и пѣсенъ, благодаря чему его можно назвать классикомъ между романтиками. Такъ, онъ хотѣлъ чтобы едино и цѣльно было также его отечество, и сказалъ въ церкви св. Павла (во франкфуртскомъ народномъ собраніи) провидческое слово: Не быть надъ Германіей главы, которая не помазалась бы доброю каплей демократическаго елея!

Изъ друзей Уланда всѣхъ ближе къ нему стоялъ Густавъ Швабъ какъ поэтическій разсказчикъ, а Карлъ Майеръ напоминалъ ту силу вдумчивыхъ картинъ природы, какою Уландъ отличился въ своихъ весеннихъ пѣсняхъ. У Густава Фицера слышался отголосокъ шиллеровой поэзіи мысли, тогда какъ братъ его, Павелъ, обратился къ политикѣ и, въ перепискѣ двухъ Нѣмцевъ съ Ноттеромъ, провозглашалъ со стороны южной Германіи объединеніе родного края подъ водительствомъ Пруссіи, какъ нѣчто желанное и притомъ возможное. Полныя души мелодическія пѣсни пѣлъ Юстинъ Кернеръ; легко набросавъ въ своихъ „Путевыхъ тѣняхъ“ юмористическія картины жизни, сталъ онъ болѣе и болѣе углубляться въ грустную тоску по иномъ бытіи, по царству духовъ, которыхъ дѣятельное вліяніе на природу нашу завѣрили ему ясновидцы. Сказочными повѣстями, равно какъ и задушевно-серьёзною лирикой, сродни ему приходился на сѣверѣ Эйхендорфъ, который можетъ-быть еще чище схватывалъ и гармоничнѣе выработалъ птичій щебетъ народной пѣсни, но также былъ наклоненъ къ благочестивымъ размышленіямъ. Не менѣе музыкально, но съ веселой юношеской бодростью, раздавались у Вильгельма Мюллера пѣсни „Странствующаго валторниста“. Слишкомъ рано этотъ стихотворецъ былъ похищенъ у поэзіи и у науки; однакожь онъ успѣлъ показать путь, какъ, не смотря на цензурныя стѣсненія, подавленное у себя дома стремленіе къ свободѣ могло все-таки высказываться въ сочувствіи къ чуженароднымъ возстаніямъ. Его Греческія пѣсни подали восторженный и восторгающій вмѣстѣ голосъ всѣмъ друзьямъ возрожденія Эллады. Народная по формѣ и по содержанію, его лирика образуетъ переходный мостъ отъ Гёте къ Гейне, который, по собственному его признанію, многимъ одолженъ ему. И Шамиссо началъ свою дѣятельность среди романтиковъ, слагая то весело-ироническія, то ужасающія баллады; урожденный, но потомъ онѣмечившійся Французъ, онъ во время войны за освобожденіе остался собственно безъ родного края и могъ казаться себѣ тѣмъ же чѣмъ въ его сказкѣ былъ Шлемиль,—человѣкомъ безъ тѣни и потому не укореняющимся ни гдѣ; оттого, подобно Шлемилю, онъ сталъ путешественникомъ-естествовѣдомъ, а потомъ писалъ въ гордыхъ терцинахъ вѣскія повѣсти и въ свѣжихъ легкихъ риомахъ набрасывалъ живыя картинки отечественнаго быта. Этимъ онъ переводитъ насъ къ новѣйшему времени, точно такъ же какъ и Рюкертъ, ратовавшій противъ Французовъ и насмѣшкою и нешутя, а затѣмъ взростившій по примѣру „Западно-восточнаго дивана“ Гё-

те свои Западно-восточныя розы и подконецъ дотого сблизившійся съ Востокомъ, что онъ мастерски передалъ намъ произведенія арабской и персидской лирики. Пантеистическая тяга послѣднихъ дѣятельна и въ немъ самомъ. Мы живо ощущаемъ въ его „Веснѣ любви", въ его „Годовыхъ и домашнихъ пѣсняхъ", поэзію сватовства и семейное счастіе, страданіе и плачь о смерти дорогихъ сердцу; любовь научила его видѣть Бога во всемъ и все въ Богѣ; природу онъ одушевляетъ въ одинъ великій организмъ, и подобно тому какъ вянущій цвѣтокъ тихо испускаетъ у него жизнь въ благоуханіи, такъ въ одномъ изъ его стихотвореній выступаетъ передъ нами поэзія философіи природы:

Міръ — лилія, но только голубая,
Соборъ воистину таинственныхъ вещей:
Въ ней солнце — брачной чашей посрединѣ,
Тычинки же вокругъ — планетами стоятъ,
Готовыя вступить въ союзъ желанный.
На дивномъ и обширномъ строѣ лильи той
Чуть лѣпится нашъ духъ, какъ мотылёчекъ,
Крыломъ усталымъ тихо шевеля
И капельку росы отыскивая жадно.
Но вотъ повѣялъ божій духъ въ цвѣткѣ,—
Планеты къ солнцу наклонились разомъ,
Одна передъ другой стремяся въ глубину.
Едва игра любви тутъ зачалась святая,
Цвѣтокъ наполнился благоуханьемъ весь,
Какъ жертвеннымъ чудеснымъ ароматомъ,
Его въ себя впиваетъ мотылекъ,
И, упоенъ блаженствомъ, умираетъ *.

Послѣ того, какъ онъ успѣлъ вольно и смѣло воспроизвесть въ своемъ Гарири всѣ хитрости арабской рѣчи, у него обратилось въ привычку показывать виртуозность изложенія даже и на самыхъ простыхъ вещахъ, отчего выходитъ часто удивительный контрастъ между формою и содержаніемъ. Рюкертъ многое перелагалъ въ стихи, между прочимъ жизнь Іисуса. Но несравненно лучше этого, а также и его драмъ, вышла „Мудрость Брахмана", сборникъ прекраснѣйшихъ изреченій, разсказовъ, размышленій, зрѣлые и сочные плоды философскаго познанія, самая богатая содержаніемъ дидактическая поэма во всей новѣйшей литературѣ. „Свѣтскій молитвенникъ" Леопольда Шеффера ближе къ природѣ, свѣжѣе чувствомъ въ самоотдачѣ себя Всеединому, въ радованіи всѣмъ тѣмъ, что искреннее сердце и дорожащій красотою глазъ могутъ обрѣсти на усладу себѣ въ божьемъ мірѣ; зато Рюкертъ болѣе упираетъ на нравственный элементъ, онъ богаче плодотворными мыслями. Отъ обоихъ вѣетъ складомъ настоящей германской души: они хотятъ не наносить новыхъ ранъ, а исцѣлять прежнія, они берутъ на себя утѣшительную долю поэтическаго жречества.

Въ заключеніе надо еще упомянуть о двухъ женщинахъ, которыя, бывъ въ юности окружены романтикой, дожили до новѣйшей эпохи и опять-таки

* Подлинникъ въ формѣ прекраснаго сонета, которую слишкомъ трудно воспроизвесть.
Прим. перев.

увидѣли вокругъ себя ея молодежь,—женщинахъ, которыя, какъ Велледы нашихъ дней, дали пережить и намъ тотъ вѣщій, жрическій элементъ, который древніе Германцы чествовали въ женщинѣ: мы говоримъ о Рахели, урожденной Левинъ, женѣ Варнхагена, и о Беттинѣ, урожденной Брентано, женѣ Ахима фонъ-Арнимъ. Варнхагенъ нарисовалъ намъ цѣлую галерею портретовъ изъ общества, окружавшаго Рахель; она была болѣе самостоятельнымъ и болѣе возбуждающимъ средоточіемъ этого смѣнявшагося общества нежели дамы прежнихъ парижскихъ салоновъ: она стояла въ центрѣ жизни, опираясь на Бога и на вѣчность, и высказывала съ неуклонною правдивостью свои воззрѣнія на людей и дѣла; Гёте и Фихте постигли ее со всѣхъ сторонъ и многое раскрыли для ея понимапія; по біеніямъ собственнаго не удовлетвореннаго сердца чуяла она чего недостаетъ человѣчеству, и потому преимущественно говорила о соціальномъ положеніи, тогда какъ Беттина выманивала тайны природы у звѣздъ и у цвѣтовъ, возсоздавала себѣ міръ въ зеркалѣ фантазіи и, какъ упоенная богомъ пиѳія, прорицала такія слова, которыя истолковать себѣ предоставлялось самому уже свѣдущему. Такимъ образомъ, Рахель была философичнѣе, но не мастерица излагать; зато въ бесѣдѣ, въ письмахъ она озаряла молніей мысли въ отрывочныхъ предложеніяхъ или фразахъ; Беттина была музыкальнѣе даже и въ слогѣ, а благодаря наглядному созерцанію такой завершенной человѣчности, какая предстала ей въ лицѣ Гёте, она вдохновилась и къ художественному произведенію, впервые возвѣстившему культъ генія. Ея „Переписка Гёте съ ребенкомъ“ была встрѣчена восторженнымъ удивленіемъ, и была отложена въ сторону только тогда, когда оказалось, что это отчасти позднѣйшее уже измышленіе, какъ будто бы оно и съ самаго начала не выдавало себя за измышленную вещь; ожизнетвореніе поэзіи, или опоэтизація жизни, какъ требовала ихъ романтика, ни гдѣ не выполнены такъ чисто и прекрасно, какъ именно здѣсь; нити дѣйствительности переплетены въ истинно-художественное созданіе, и подобно тому какъ здѣсь г-жа Ратъ, какъ Бетховенъ, такъ точно и въ „Гюндероде“ * эта и многія другія интересныя личности изображены такъ, какъ по существу своему онѣ навсегда и останутся въ воспоминаніи народа. „Эта книга принадлежитъ Королю“—такъ озаглавлено сочиненіе, посвященное ею Фридриху Вильгельму IV-му; въ тонѣ искрометныхъ разговоровъ съ бѣсами, она обратилась къ политикѣ: государь, думала она, долженъ пробудить дремлющія силы, дать бдящимъ самый широкій просторъ, освободить міръ отъ предразсудковъ и суевѣрія; тяготы жизни, происходящія отъ бѣдности и преступленій должны быть облегчены, даже совершенно уничтожены. Тутъ встрѣчаются опять Рахель и Беттина: сердце беретъ таки свое точно такъ же въ умѣ первой, какъ и въ фантазіи другой; обѣ онѣ хотятъ такой религіи, при которой человѣчеству стало бы опять лучше, обѣ хотятъ такого склада общественности, гдѣ бы оно могло чувствовать себя счастливымъ. И въ то время какъ другіе романтики обращались къ прошлому, онѣ смотрѣли, напротивъ, въ будущность и давали для нея глу-

---

* Это—жизнеописаніе бывшей ея пріятельницы, также передовой женщины, но кончившей самоубійствомъ. Прим. перев.

бокомысленные намеки или же идеалы самые блестящіе. Беттина писала однажды такъ: „Развѣ исторія Колумба не убѣдительный призывъ божій человѣческому духу также поднять паруса и смѣло идти къ тому свѣту, который онъ себѣ пророчитъ и котораго непремѣнно желаетъ достичь? И, повѣрьте, онъ благополучно выйдетъ на берегъ, если только отдастся своей отвагѣ. Пріобрѣтаемое мужествомъ всегда истина, унываетъ же духъ всегда только отъ лжи. Всего отважнѣе самобытное мышленіе. Но забившись въ тѣсную пристань изъ боязни потерпѣть крушеніе, не познаешь никогда и Бога, царящаго въ открытомъ морѣ и надъ нимъ. Вѣдь вся исторія — символика, то-есть божій урокъ человѣку, и не будь этого, съ людьми не сбывалось бы, пожалуй, ровно ничего. Кто отважится самъ мыслить, тотъ самъ будетъ и дѣйствовать, значитъ—быть самимъ собой, а это и есть—жить въ Богѣ!"

Б. Романтики въ иностранной литературѣ.

Гёте сталъ во главу европейской литературы; оттого и нѣмецкая романтика дала другимъ краямъ существенный толчекъ, хотя, конечно мѣстами и безъ того, сродственныя условія вызвали за собой сродственныя явленья. Всего ближе у Датчанъ мы видимъ что культура постоянно была нѣмецкая; Баггесенъ тревожно колебался между Германіей и Даніей, между философіей и поэзіей. Эленшлегеръ писалъ понѣмецки свои чувствительныя, расплывчатыя драмы, а Норвежецъ Стеффенсъ свои геніальныя, но безурядныя повѣсти. Первый, и на родномъ впрочемъ нарѣчіи, обратился къ отечественной старинѣ и въ своей былинѣ про Ольгу (Helge) далъ по примѣру романтиковъ нѣсколько сѣверныхъ балладъ, а также трагедію на манеръ Грековъ и романическую повѣсть, но ему не удалось сообщить нравственный оборотъ отголоскамъ естественнаго миоа и граціозно ихъ овипословить. Гораздо успѣшнѣе Шведъ Тегнèръ обработалъ былину о Фритгіофѣ, хотя надо сказать, что взятый изъ суровой богатырской эпохи сюжетъ скорѣе пропитанъ и подслащенъ здѣсь новѣйшимъ строемъ чувства нежели возсозданъ въ первобытной своеобразности. Но прекрасное изложеніе въ благозвучно-чередующихся формахъ, сочетаніе поговорочной мудрости Эдды съ картинами душевныхъ настроеній и исторической обстановки, полными общечеловѣческой истины, пріобрѣли этому созданію множество читателей и дома, и у насъ; оно проникнуто чистымъ, благороднымъ характеромъ, гармоничная въ себѣ душа излила на него свою собственную умилительную кротость. Вѣрнѣе первобытности былъ въ сѣверныхъ своихъ драмахъ и Эленшлегеръ. Возбужденный имъ Грунтвигъ провелъ это направленіе еще далѣе не только какъ поэтъ, но и какъ историкъ, тогда какъ у Ингеманна отзывался больше только мягкій лирическій элементъ. Гейбергъ, отъ кальдероновской и тиковской манеры, перешелъ къ своенародной и реалистичной комедіи съ интереснымъ дѣйствіемъ и психологическою обрисовкой характеровъ. Бредаль пошелъ по стопамъ Гольберга, Г. Герцъ въ своей „Дочери короля Ренè" старался уловить поэзію милаго, изящнаго, сладкаго, подобно фантастически-любезничающему рыцарству дюссельдорфской художествен-

ной молодежи. Такъ часто дѣлаетъ и мечтательный элегикъ, Андерсенъ, который однакожь въ своемъ „Импровизаторѣ" написалъ и романъ съ привлекательными картинами души и съ южно-теплыми изображеніями природы; какъ вдумчивый и полный фантазіи сказочникъ, онъ сдѣлался притомъ любимцемъ ребяческихъ умовъ.

Въ Швеціи изъ-подъ правильнаго уровня французскаго стиля вдругъ высыпали смѣлыя импровизаціи Белльмана, какъ полевые дикіе цвѣты; но, правда, въ нихъ не мало и бурьяну.. Поэтъ умеръ въ кругу друзей за стаканомъ вина, изображая въ пѣснѣ свою жизнь и обращаясь съ прощальною строфой къ каждому изъ присутствующихъ. Торильдъ, въ качествѣ мыслителя и критика, вздумалъ вести свой народъ болѣе свободными путями и былъ за это высланъ изъ отечества. Но когда потомъ обратившійся вспять король Густавъ IV подвергся изгнанію и самъ, романтика таки-проложила себѣ дорогу среди молодежи, и союзъ Авроры въ Упсалѣ сыпалъ искрами ея ума въ журналѣ Фосфорусъ. Тутъ, какъ и въ Германіи, много было фантастически-туманнаго и шаткаго, много ясновидчества и привидѣній обокъ съ свѣжими естественными звуками и свѣтлыми проблесками мысли. Верховодецъ Аттербомъ (1790—1855) былъ ученикъ Шеллинга и отъ философіи природы перешелъ въ мечтательную мистику. Его аллегорически-былевая піэса: „Островъ блаженства"—пестрая смѣсь лирики съ метафизикой, бесѣды съ разсказомъ, но ему очень удались въ ней пѣсни, гдѣ, по образцу Шлегеля и Тика, переливаются въ человѣческую рѣчь разные голоса природы,—шелестъ вѣтра, мерцаніе звѣздъ, трели соловья. Въ стихотвореніяхъ Стагнеліуса мысленныя грезы гностиковъ вьются и рѣютъ вокругъ образовъ одичалой можно-сказать чувственности. Но обокъ съ этимъ Гейеръ, Тегнѐръ, Афцеліусъ нашли себѣ въ журналѣ Идуна подходящій ѳрганъ, и такъ-какъ они обратились къ отечественному и въ былинѣ и въ исторіи, то ихъ прозвали „готическою школой". Древнесѣверная важность и сила пріятно сказываются въ балладахъ Гейера; его „Исторія Швеціи", тщательностью розысканій и мастерствомъ изложенія, доставила ему европейскую славу, точно такъ же какъ епископу Тегнѐру — его поэма о Фритгіофѣ, вслѣдъ за которой надобно еще назвать его „Акселя" и его „Герду". Соблазняясь легкою производительностью, Альмквистъ разбросалъ свой богатый талантъ чуть не во всѣхъ возможныхъ формахъ и цвѣтооттѣнкахъ.

Своебытно и многообразно развилось новое направленіе въ Англіи. Подобно тому какъ всеуравнителямъ французской революціи Бёркъ могъ указать на самородный и многочленный разростъ англійскаго конституціоннаго строя, въ которомъ средневѣковой феодализмъ сочетался съ свободнымъ гражданствомъ, такъ точно и Шотландецъ Вальтеръ Скоттъ (1771—1832) путемъ поэзіи ввелъ Англичанъ въ туземную природу и въ отечественную исторію; онъ умѣлъ такъ тѣсно сочетать богатство фантазіи съ знающимъ вездѣ мѣру художническимъ смысломъ и съ живымъ сочувствіемъ къ реальной жизни, что могъ создать подлинный историческій романъ, отличающійся мѣстнымъ колоритомъ. Величайшій изъ французскихъ историковъ, Августинъ Тьерри, признаетъ это съ благодарностью; то же самое довольно ясно видимъ у Маколея и у Ранке, да и В. Г. Риль примыкаетъ съ своими

„Культурными сценами“ (Culturbilder) къ тому же Вальтеръ-Скотту. Послѣдній не только ввелъ читателей въ свое шотландское нагорье и въ видѣ соотвѣтственнаго фона къ дѣйствующимъ лицамъ обрисовалъ его горы, озера, лѣса и рощи съ ясной наглядностью и однакожь съ выдающимъ всегда мгновенное чувство освѣщеніемъ, но при томъ еще обнаружилъ тончайшее чутье къ особенностямъ различныхъ вѣковъ со стороны мысли и ощущенія, образа жизни, нравовъ, одежды, всѣхъ человѣческихъ учрежденій, и передавалъ все это такъ пластически-мѣтко, такъ колоритно, что отнынѣ, обокъ съ дипломатическими переговорами, битвами и смѣнами правителей, такая картина внутренняго быта сдѣлалась задачею и для историковъ, что характеры и поступки научились они понимать и цѣнить изъ духа прошлаго, изъ идей, чувствъ и стремленій, господствовавшихъ въ различные вѣка. Вальтеръ Скоттъ перевелъ Ленору Бюргера и гётева Гётца; это развязало ему самому языкъ, и послѣ того какъ, продолжая трудъ Перси, онъ собралъ народныя пѣсни въ югозападныхъ горахъ своей родины въ то самое время какъ арнимовъ „Дивный рожокъ мальчика“ распѣвалъ свои, В. Скоттъ сочинилъ „Пѣсню послѣдняго минстреля“, — цѣлый рядъ балладъ про схватки Шотландцевъ съ Англичанами въ томъ порубежномъ краѣ. За тѣмъ, въ „Мармейонѣ“ и въ „Рокби“ онъ обратился къ поэтической передачѣ историческихъ событій, а въ „Озерянкѣ“ * сростилъ съ судьбами родного края романтично-новеллистическую исторію души. Здѣсь очаровательные стихи его особенно прославляютъ природу мѣстности, когда охотникъ гонится въ горахъ за оленемъ, а подвечеръ приходитъ къ великолѣпному озеру Локъ-Катрейнъ, и тутъ молодая незнакомка провожаетъ его на одинокій островъ, гдѣ дикіе кельтійскіе горцы окончательно рѣшаются на борьбу съ саксонскими подолянами. Тутъ же слегка говорится о любви красавицы къ одному изъ смѣлыхъ бойцовъ и о томъ, какъ ухаживаютъ за ней другіе; гусляры и жрецы стараются воспламенить народъ, кровавый крестъ носятъ вездѣ съ шумомъ и гвалтомъ изъ волости въ волость. По предстательству озерянки чужакъ-охотникъ получаетъ свободный пропускъ; одинъ горецъ, у котораго онъ нашелъ себѣ пріютъ, повздоривъ съ нимъ слово за слово, скликаетъ изъ-за кустовъ и скалъ свой вооруженный людъ, а достигши границы, оба вызываютъ другъ друга на поединокъ, въ видѣ божія суда; шотландскій вождь падетъ, раненный на смерть. Народъ его также былъ разбитъ; отецъ озерянки хочетъ пожертвовать для него жизнію, а она старается спасти его съ помощью врученнаго ей охотникомъ кольца; кольцо даетъ ей доступъ къ королю Англіи, это и есть тотъ самый охотникъ; онъ возвращаетъ красавицѣ ея милаго и ея отца и примиряетъ Шотландію съ Англіей.

Но вотъ явился Байронъ, и Скоттъ, какъ стихотворецъ, долженъ былъ отступить на второй планъ; онъ почувствовалъ, что не нашелъ еще настоящаго своего поприща; онъ написалъ „Ваверлея“, и нашелъ его. Какъ для англійскихъ предшественниковъ его въ 18-мъ столѣтіи, главнымъ дѣломъ и для него было изображеніе характеровъ и нравовъ; но семейность и задушевность онъ умѣлъ соединить съ охотою къ похожденіямъ, съ юмористическими чертами; изъ одного общаго

* Прозванной у насъ не совсѣмъ порусски: Дѣвой озера. Прим. перев.

средоточія раскидывалъ онъ такой планъ, который объединительно связываетъ цѣлое и столько же интересуетъ, сколько удовлетворяетъ читателя; притомъ онъ переносилъ дѣйствіе въ опредѣленное всегда время и мѣсто, изображая и то и другое съ удивительной наглядностью и вѣрностью. Вальтеръ-Скоттъ сознаетъ очень хорошо, что сословіе и званіе придаютъ человѣку извѣстный пошибъ, который иногда усиливаетъ его своебытность, а иногда, напротивъ, перечитъ ей; онъ сознаетъ что при различной обстановкѣ времени и нравовъ проявляются во всей полнотѣ различные характеры и страсти, и умѣетъ сообразно этому выбирать ихъ; понятія и поступки каждаго лица обусловлены или мотивированы у него всемірноисторическимъ положеніемъ и образованіемъ народа, онъ рисуетъ намъ людей со всѣми ихъ странностями и грѣшками, однакоже такъ, что мы при этомъ не теряемъ изъ виду ядра истинно человѣческой природы, что и смѣясь надъ ними мы всегда готовы уважать ихъ. Вальтеръ-Скоттъ ввелъ въ моду страсть къ готическому, къ стариннымъ зàмкамъ, оружію, къ развалинамъ монастырей; онъ не пренебрегалъ и романтической приправы изъ цыганъ, астрологовъ, разбойниковъ, карликовъ и контрабандистовъ, не пренебрегалъ таинственными злодѣйствами и чудесными предчаяніями; особенно любитъ онъ живописать міръ феодальныхъ бароновъ, аристократіи, но съ равномѣрнымъ участіемъ останавливается и среди народа, и ядреные облики мужщинъ и женщинъ, которые онъ создалъ изъ сословія крестьянъ и мѣщанъ вплоть до того нищаго въ „Антикваріи“, что̀ смѣло можетъ подать руку гомеровскому Эвмею,—они до такой степени индивидуальны и типичны вмѣстѣ, что вполнѣ достойны того богатаго фантазіей взгляда знатока, съ какимъ Вальтеръ-Скоттъ поэтически онаглядилъ намъ какого-нибудь Людовика XI-го и Карла Смѣлаго, Іакова I-го, Марію Стуартъ и Елисавету. Онъ правъ, что не выбираетъ, на манеръ синечулочниковъ и синечулочницъ, строчащихъ для „легкаго чтенія“, сюжетомъ своего романа какое-нибудь великое историческое лицо, съ тѣмъ чтобы выдумать на него разныя любовныя похожденія; напротивъ, въ свой чисто вымышленный или почерпнутый изъ житейскаго опыта разсказъ, весь вращающійся на опредѣленномъ историческомъ фонѣ, и онъ вводитъ иногда при случаѣ героевъ или героинь исторіи и даетъ имъ повліять на личную судьбу частныхъ лицъ тѣмъ движеніемъ, какое ихъ дѣятельность производитъ въ общемъ положеньи міра. Самая слабая сторона у Вальтеръ Скотта обыкновенно любовь, которая, напротивъ, всегда составляетъ силу романистовъ; часто и композиція у него слабовата, но превосходны эпическое развитіе каждой сцены въ опредѣленной мѣстности и въ опредѣленное время, а также еще обрисовка характеровъ; сцены эти онъ умѣетъ притомъ располагать одну за другой по законамъ противоположности и постепеннаго усиленія.

Въ Ваверлеѣ, въ Антикваріи, Вальтеръ-Скоттъ началъ изображеніемъ такой культурной обстановки, которую ему не нужно было изучать изъ книгъ: онъ зналъ ее по юношескимъ впечатлѣніямъ и по живому еще тогда преданью; фономъ служатъ яковитскія смуты и борьбы за всю первую половину 18-го столѣтія. Потомъ идетъ онъ далѣе назадъ и описываетъ противоположности „стрижекъ“ и „кавалеровъ“, изувѣрныхъ пуританъ и своевольныхъ роялистовъ, и вездѣ относится къ нимъ, такъ же какъ и къ средневѣковью, съ гуманнымъ образованіемъ своего собственнаго времени, съ жи-

вымъ чувствомъ права и гражданской свободы. За тѣмъ слѣдуютъ елисаветинскія времена, а далѣе—картины изъ крестовыхъ походовъ; но эти уже слабѣе, тогда какъ на родной почвѣ въ „Айвенго" противоположности саксонства съ норманствомъ переданы какъ нельзя нагляднѣе, и живо представлены любимые облики народной былины, веселый лѣсной отшельникъ Тёкъ и удалецъ Робинъ-Гудъ. Такъ Вальтеръ Скоттъ дополнилъ въ романѣ шекспировскую поэтизацію патріотизма въ драмѣ. Изъ произведеній его, Антикварій отличается тонкимъ юморомъ, Ламмермурская невѣста—наводящимъ ужасъ мрачнымъ впечатлѣніемъ, Шотландскіе Пуритане (Old Mortality) мастерскою композиціей и характеристикой, Эдинбургская темница (Heart of Midlothian)—увлекательнымъ развитіемъ и яснымъ разрѣшеніемъ нравственной проблемы, Айвенго и Кенильвортъ удачнымъ сліяніемъ индивидуальнаго съ картиной времени и изобрѣтательнымъ богатствомъ фантазіи. Въ промежуткахъ такихъ превосходныхъ вещей, къ которымъ всякій воленъ прибавить еще другихъ своихъ любимцевъ, встрѣчаются и болѣе слабыя произведенія. Къ числу этихъ принадлежитъ Исторія Наполеона, а къ первымъ можно отнести литературныя характеристики англійскихъ разсказчиковъ. Вальтеръ-Скоттъ жилъ богатымъ помѣщикомъ въ своемъ имѣніи; поэтическимъ именемъ его были сперва Послѣдній Минстрель, потомъ Авторъ Верлея. Главный доходъ онъ получалъ отъ своего тайнаго соучастничества въ дѣлахъ одного книжнаго магазина. Когда послѣдній лопнулъ, онъ пришелъ въ большое затрудненіе, но и тутъ неутомимою авторскою дѣятельностью пріобрѣлъ возможность честно расплатиться за павшіе на его долю долги. Извѣстно на его счетъ словцо Тика: Вальтеръ-Скотту недостаетъ только бездѣлицы, но бездѣлица эта именно то, чѣмъ поэтъ отличается отъ непоэта. Что̀ это такое, Тикъ не высказалъ; но судъ всего читающаго міра и вліяніе Скотта на нѣмецкую, французскую, англійскую литературу ставятъ его во всякомъ случаѣ выше Тика, и рѣшительно въ первый рядъ занимательныхъ поэтовъ; многія истинно мастерскія характеристики свидѣтельствуютъ даже о такой силѣ и строгомѣрности фантазіи, которою онъ далеко опередилъ всѣхъ другихъ романтиковъ, сколько ихъ ни есть. Онъ не становился съ высокомѣрнымъ, чуждающимся всего обычнаго геніальничаньемъ внѣ общаго жизнесозерцанья, а напротивъ всегда держался въ его предѣлахъ, съ здравымъ человѣческимъ сердцемъ и умомъ, тогда какъ даже и у Байрона непріятно поражаютъ разныя далеко не здоровыя выходки. Свойственная Кельтамъ изобрѣтательность, питаемая страстью къ новостямъ и пересказамъ, достигла въ немъ вершины своего развитія, но сочеталась съ характерною правдивостью Германцевъ и съ ясностію формы, подлинно романскою. На челѣ его, конечно, не лежала, какъ у Шекспира, Гёте, Фидія или Бетховена, печать того верховнаго генія, который дѣйствуетъ на человѣчество новыми идеями, просвѣщая и вмѣстѣ освобождая; но для одной изъ задачъ своего времени, для оживленія историческаго смысла, онъ поработалъ какъ великій художникъ чуть не впереди всѣхъ и породилъ истинно классическія созданія. А такой знатокъ дѣла какъ Юліанъ Шмидтъ приписываетъ ему самое обширное вліяніе, какое выпало на долю кому бы то ни было изъ писателей 19-го вѣка; онъ называетъ его либеральнымъ въ отношеніи ко всякому историческому явленію и при этомъ твердымъ въ своей собственной совѣсти.

Какъ шотландское и англійское народное чувство обрѣло себѣ поэтическое выраженіе въ эпикѣ Вальтеръ-Скоттѣ, такъ точно ирландское нашло себѣ свое въ лирикѣ Томасѣ Мурѣ; но вмѣсто горделивой радости исторіею народа, явной у перваго, мы встрѣчаемъ здѣсь грустную жалобу, чуть что не заплачку. По признанію самого̀ Мура онъ имѣлъ въ виду выразить въ стихахъ трогательный языкъ музыки родного своего края. Такъ написалъ онъ тексты къ народнымъ напѣвамъ, свои „Ирландскія мелодіи". Онъ не изображаетъ событій, а развертываетъ только настроенья,—то скорбь объ упадкѣ и страдахъ отечества, то чувственную радость жизнью, и о сопостановкѣ этой самъ онъ говоритъ: „Тонъ строптивости, за которымъ слѣдуетъ унылое отчаянье, взрывъ страсти, распускающійся въ смиреніе, скорбь одной минуты, разлетѣвшаяся въ легкомысліи другой, вся эта романтическая смѣсь веселья и печали,—вотъ черты нашего характера, нашей исторіи, которыя отразились и въ нашихъ напѣвахъ". Аккорды тихой грусти, какъ напримѣръ въ Пѣснѣ о послѣдней розѣ, удаются ему лучше всего; правда, что мѣсто наивной народной пѣсни заступаетъ здѣсь риторичное искусство, но оно даетъ вызвучать гармонически и вполнѣ каждому ощущенію и всегда находитъ для него подобіе въ природѣ. Забавныя сатиры въ прозѣ, въ формѣ писемъ, обнаружили поэта съ другой совсѣмъ стороны. Потомъ въ своихъ „Греческихъ вечерахъ" онъ воспѣлъ славу Эллады, самый край, его исторію и искусство. Фридрихъ Шлегель говорилъ: На Востокѣ слѣдуетъ намъ искать самаго романтичнаго; и Новалисъ однажды воскликнулъ: Глотокъ, но полный вразъ глотокъ изъ свѣтлаго ключа всѣхъ красокъ яркихъ! Муръ приподнесъ его въ своей „Лала Рукъ". Индійскую царевну, отпускаемую невѣстой въ Бухару, сопровождаетъ пѣвецъ-потѣшникъ; разсказами, которые точитъ онъ ей на ростахахъ, онъ пріобрѣтаетъ себѣ ея любовь, и потомъ объявляется царственнымъ ея суженымъ. Лучшіе изъ обрамленныхъ такимъ образомъ романовъ (то-есть романическихъ картинъ) это Рай и Пери, это Огнепоклонники; первый полонъ вдумчивой нѣжности, послѣдній—страстнаго, огневого пыла. Феѣ Пери снова обѣщанъ утраченный ею рай, если она принесетъ такой даръ, который окажется драгоцѣннѣйшимъ; послѣ капли крови изъ сердца умирающаго защитника отечества, послѣ вздоха дѣвушки, не захотѣвшей пережить милаго друга, она приноситъ наконецъ подлинную драгоцѣнность: слезу разбойника, покаявшагося отъ молитвы ребенка. Вождю Огнепоклонниковъ послѣднюю геройскую борьбу на смерть услаждаетъ любовь дочери преслѣдующаго его врага; любящихся просвѣтляетъ гибель за идею.

Тогда какъ фантазія уносилась тутъ въ невѣдомую даль и съ блаженствомъ купалась въ диковинныхъ ея чудахъ, у другихъ поэтовъ она оставалась на родинѣ, ища поэтическаго содержанія и разоблачая красоту въ мѣстной природѣ, въ мелочныхъ на видъ событіяхъ повседневности. Поэтовъ этихъ называютъ „озерно̀ю школой", потомучто Вордсвортъ, Кольриджъ, Са̀ути проживали у комберлендскихъ и вестморлендскихъ озеръ и эти именно мѣстности избирали поприщемъ для своихъ стихотвореній; подобно этому уландовыхъ друзей называли „школою швабскихъ поэтовъ". То же погруженіе въ собственную жизнь господствовало и у тѣхъ и у другихъ. Еще одинъ схожій элементъ,—это очевидная связь съ тогдашнею нѣмецкою философіей природы, откуда исте-

кало такое же пантеистическое одушевленіе всего естества, какъ у Рюкерта и Шефера. А потомъ у Кольриджа и Вордсворта—возвращеніе къ унаслѣдованной церковной формулѣ, какъ у Фр. Шлегеля, и полное отпаденье отъ свободы у Саути, когда онъ сдѣлался придворнымъ поэтомъ. Кольриджъ, подобно А. В. Шлегелю, читалъ превосходные литературные курсы. На ряду съ жизненною правдой попадается у этихъ пѣвцовъ мѣстами фантастически-пестрое, элементъ ночныхъ пугалъ и привидѣній, а не то такъ излишнее преобладаніе вдумчивой мысли, какое напримѣръ обнаружилось въ двухъ знаменитыхъ (въ свое время) поэмахъ,—„Радости воспоминанія“ Роджерса и „Радости надежды“ Кембеля (Campbell), хотя и одѣтое въ картинные, благозвучные стихи, притомъ болѣе размашистое и не менѣе правильное чѣмъ у Попа или у Тидге въ его Ураніи.

Во Франціи литературный поворотъ насталъ уже съ низверженіемъ Робеспьера. Какъ скоро „Золотая молодежь“ накинулась на „безштанниковъ“ (санкюлотовъ), тотчасъ же противъ богинь разума выступили опять защитники христіанства, противъ уравнителей-теоретиковъ въ политикѣ—защитники средневѣковаго быта и исторической монархіи. Они не хотѣли уже видѣть верховной жизненной силы въ разсудкѣ или въ умѣ; душу и страсть цѣнили они выше, утверждая что драгоцѣннѣйшія блага даются намъ не путемъ математическихъ доказательствъ, а вознесеніемъ души къ вѣчному и его освѣщающимъ насъ откровеніемъ. Якобинскіе ужасы набрасывали свою тѣнь на предшествовавшія имъ философскія ученія 18-го вѣка. Чувство жизни неудержимо прорвалось наружу послѣ того какъ люди сбросили съ себя наконецъ смертельную боязнь; все такъ и устремилось къ чувственнымъ отрадамъ, любовныя похожденія заглушили собой политическій интересъ, прекрасныя женщины, каковы Тереза Кабаррю, Жозефина Богарнѐ, г-жа Рекамьѐ, растворили свои салоны. Подобно тому какъ изъ бурнорьянаго періода въ Германіи единящія нити незамѣтно переводятъ къ нѣмецкой романтикѣ, такъ точно идеалистическое внутреннее чувство и восторженность природою Руссо̀ отзываются опять у Шатобріана (1768—1848) во Франціи. „Республиканецъ по наклонности, приверженецъ Бурбоновъ по чувству долга и монархистъ всилу разумныхъ основаній“, онъ былъ загнанъ революціей въ первобытные сѣвероамериканскіе лѣса, а воротившись потомъ назадъ жилъ то въ бѣдности, то въ великолѣпномъ блескѣ, помогалъ на Веронскомъ конгрессѣ порабощенію Европы и однакожь веледушно говорилъ монархамъ истину прямо иногда въ лицо; суетный, падкій къ наслажденіямъ, среди жажды безконечнаго блаженства терзаемый чувствомъ своей собственной пустоты, наказанный за свою шатость и ненадежность міровою скорбію и отвращеніемъ къ само̀й жизни, онъ видитъ въ горечи вещей то средство, которое должно̀ отвадить насъ отъ „маніи существовать“, и все-таки однакожь хочетъ умереть среди сладострастія. Господство террора отмѣнило христіанскую вѣру, Наполеонъ снова вступилъ въ союзъ съ Церковью, Шатобріанъ обратился тогда къ задушевному чувству и, въ своемъ „Духѣ Христіанства“, съумѣлъ выставить послѣднее и его культъ со стороны красоты, сдѣлать то и другое предметомъ эстетическаго наслажденія. Зачѣмъ тутъ разумная ясность? Женщины же притомъ любятъ таинственное, пышность культа и его чудеса прямо говорятъ воображенію; католицизмъ умягчаетъ

гнѣвъ божій, ставя между величіемъ Господа и нашимъ ничтожествомъ избранную красоту, очаровательную женщину, которая вмѣстѣ и мать и дѣва, „черезъ отрадное лоно которой низошла Господня благодать, да сдѣлается она буде-можно еще прекраснѣе"! За тѣмъ послѣдовалъ историческій романъ „Мученики". Отъ діоклеціановыхъ гоненій на христіанъ, прославляемыхъ авторомъ среди мукъ и напастей, ведетъ онъ насъ ко временамъ Константина; но надъ ярко колоритнымъ изображеніемъ дѣйствительности паритъ чувственно-размалеванное небо, а внизу клокочетъ такая жь преисподняя и страшно вопіютъ бѣсы. Ту же романтическую помѣсь антично-миѳологическаго эпоса съ реалистично-поэтическою обдѣлкой природы и нравовъ дикарей, въ формѣ какъ-бы словно оссіановской прозы, представляютъ его „Натчесы",—поэма, сводящая христіанское небо съ богами Индѣйцевъ и въ ужасныхъ поистинѣ картинахъ перемѣшивающая сладострастіе и звѣрство, запахъ ладана и мертвой тли, страшныхъ пугалъ воображенія и отрадныя красы природы. Тутъ, въ видѣ эпизодовъ, вставлены произведенія шатобріановой юности, которымъ онъ обязанъ своей раннею славой, „Атала" и „Ренѐ". Первая — дитя любви одного Европейца съ Индіанкою, обреченная больною матерью Христу въ невѣсты; благородный Индѣецъ снискиваетъ ея любовь, она спасаетъ его отъ огненной смерти, и вотъ на пути съ нимъ, внимая любовнымъ мольбамъ его то подъ освѣжительно-пріютною тѣнью, то въ какомъ-нибудь укровѣ отъ бушующей грозы, она чувствуетъ что невсилахъ долго ему сопротивляться, и отравляется наконецъ для того, чтобы исполнить обѣтъ дѣвства, данный за нее матерью. Христіанскій священникъ напутствуетъ ее святымъ таинствомъ и тутъ же креститъ дикаря. Ренѐ принадлежитъ къ тѣмъ богатоодареннымъ натурамъ, которымъ жизнь становится въ тягость, потому что они только наслаждаются ни чего не дѣлая, слѣдуютъ только своимъ наклонностямъ, не зная что̀ такое повседневный долгъ; все частное кажется слишкомъ мелкимъ, слишкомъ ничтожнымъ для демоническаго ихъ сердца, которое понимаетъ, видите, одинъ только безконечный Богъ; свои донъ-жуанскія похоти прикрашиваетъ оно той неудовлетворенностью всѣмъ конечнымъ, которая охватываетъ духъ, направленный къ вѣчному и идеальному; это вертеровскіе, фаустовскіе элементы, но безъ очищенія и искупленья какія придалъ къ нимъ Гёте; это не томительная, какъ здѣсь, жажда новаго лучшаго времени, а напротивъ только мутная скорбь разочарованія. Если гармонически образовавшіяся личности своихъ „Рабочихъ годовъ" Гёте въ „Годахъ странствія" заставляетъ избирать какой-нибудь опредѣленный родъ занятій, то новѣйшіе міроскорбцы, вродѣ сеннанкурова Обермана, ни чего, напротивъ, такъ не боятся, какъ особеннаго въ жизни положенія съ срочными обязанностями по часамъ,—они думаютъ утратить этимъ свою вольную волю; но вѣдь пустая независимость сама же себя казнитъ нестерпимой скукой. Весь погруженный въ мечты, Ренѐ ищетъ одиночества и раздумываетъ о самоубійствѣ; сестрѣ удается спасти его, но томимая тайнымъ горемъ она вдругъ идетъ въ монахини. Когда онъ самъ остригъ ей волоса̀ и она лежитъ ужь подъ похороннымъ для міра покровомъ, онъ слышитъ ея молитву, — исповѣдь въ чувственной любви ея къ нему. Онъ уходитъ въ первобытные лѣса Америки, разсказываетъ тамъ свою исторію дряхлому уже любовнику Аталы и вовлекается потомъ въ борьбы

Натчесовъ. Предостерегающимъ увѣтомъ звучитъ то, что̀ говоритъ ему старикъ Шакта̀съ: „Я вижу въ тебѣ юношу, помѣшавшагося на химерахъ, которому все не по душѣ и который уклонился отъ общественныхъ обязанностей для того чтобы отдаться безполезнымъ грезамъ. Не сдѣлаешься великимъ умомъ только благодаря тому, что станешь смотрѣть на міръ съ ненавистливой точки зрѣнія". Но „Записки и письма" Шатобріана доказываютъ ясно, что въ Ренѐ онъ изобразилъ самъ себя.—Въ „Послѣднемъ Абенсеражѣ" испанскомавританская рыцарственность замираетъ у него въ элегію самоотверженнаго благородства.—Языкъ Шатобріана отъ прозаически-строгой правильности 18-го столѣтія перешелъ къ болѣе вольнымъ и нѣжнымъ отголоскамъ внутренняго чувства. Гораздо глубже и искреннѣй жилъ христіанскій духъ въ Сенъ-Мартенѣ, „неизвѣстномъ философѣ", ученикѣ нашего мистика Якова-Бёме. Рѣзче противопоставилъ атеистамъ и якобинцамъ католицизмъ и монархію Бональдъ, какъ будто бы ужь и не существовало на свѣтѣ ни чего третьяго. Онъ видѣлъ что-то сатанинское въ остроуміи, пробивающемся опять у Іосифа де-Местра, когда тотъ, напримѣръ, говоритъ, что съ небомъ можно примириться только кровью и что палачъ—краеугольный камень общества. Ле-Местръ любилъ озадачивать парадоксами, какъ Фр. Шлегель; онъ (иногда поистинѣ геніально) защищалъ преимущества аристократіи, суды надъ еретиками, папскую непогрѣшительность, которой верховныя рѣшенія необходимы будтобы уже и потому, что ими сберегается много времени и много денегъ.

Смутно-возвышенныя чувства, мечтательную восторженность, риторское любованіе собою въ описаніи своей собственной жизни видимъ мы и у романтическаго лирика, Ламартина (1790—1869); но благородство души; гармоничный смыслъ изящнаго и сочувствіе всему общечеловѣческому, ведутъ его болѣе и болѣе къ свободѣ и выдвигаютъ словомолвцемъ за народъ, къ сожалѣнію характеру его недостаетъ металлическаго закала гордостью, и онъ становится борзописцемъ изъ-за денегъ съ тѣмъ чтобы какъ-нибудь спасти наружный блескъ, безъ заботы ужь о внутреннемъ достоинствѣ. Юноша началъ своими поэтическими „Думами" (Méditations), которыя разомъ снискали ему славу; позже слѣдовали за этимъ „Религіозныя и поэтическія гармоніи". Теплое чувство природы, душевная любовь, жадно парящая къ идеальному и безконечному, не связанная ни какимъ догматомъ религіозность, обнаруживающая тягу души ввысь, и все это высказанное благозвучной рѣчью, которая подвышаетъ непосредственное чувство автора,—вотъ чѣмъ привлекъ онъ къ себѣ сердца сперва въ воинственно-матерьялистическую пору Наполеона, потомъ во время церковной и политической реставраціи. Если нѣтъ у него ни чего новаго и глубокаго въ идеяхъ, зато нѣтъ и ни чего страннаго, ни чего чудовищнаго; мелодично звучатъ вамъ общечеловѣческія настроенья, конечно не безъ блеска трескучихъ фразъ, которыя говорятъ объ исчезновеніи дневного свѣтила за оголенными осенью лѣсами, о безмолвномъ возжогѣ алебастровой лампы мѣсяца и о раскрышѣ звѣздной пелены небесъ только для того чтобы сказать, что было семь часовъ вечера! Потомъ Ламартинъ задумалъ и мірообъемлющую поэму, которая воспользовалась бы всѣми возможными поэтическими формами, и его „Жоселенъ", его „Паденіе Ангела" слывутъ за эпизоды этого обширнаго произведенія.

Въ первомъ передъ нами идиллія сельскаго священника, отдавшагося природѣ, но трагически волнуемаго столкновеніемъ чувственной любви и смѣлыхъ помысловъ съ духовными обѣтами; въ послѣднемъ дико-фантастическая смѣсь сладострастныхъ и наводящихъ ужасъ положеній, пересыпанныхъ немощной сантиментальностью. Его „Жирондисты" затронули революціонное броженіе и подготовили (въ свою очередь) 1848-й годъ; это—историческій романъ, полный блестящихъ характеристикъ и театральной декламаціи. Книга на нѣсколько недѣль поставила автора во главу народа; но мечтательному лирику не подсилу было вести его. Въ своихъ „Запискахъ" онъ не достигъ самопрославленія и прикрасы своихъ темныхъ сторонъ, черезчуръ уже пересоливши. Пусть почетомъ ему останется то, что онъ всегда служилъ человѣчности, которой прежде всего искалъ въ образованіи и облагороженіи внутренняго чувства, и что сердце его всегда билось горячо за людское благо.

Вліяніе нѣмецкой критики помогло Испанцамъ точно такъ же разорвать путы французской драмы, какъ они геройски свергли съ себя иго Наполеона. Мартинесъ де-ла-Роза, Бретонъ де-лосъ-Геррерось воротились опять къ національному стилю въ трагедіи и въ комедіи. У Итальянцевъ выступилъ Манцони подъ созвѣздіемъ Гёте и Вальтеръ-Скотта. Къ сожалѣнію папежскій туманъ омрачалъ тѣ религіозныя идеи, которыя онъ высказывалъ въ своихъ гимнахъ, и вредилъ даже тому патріотическому паѳосу, какимъ вообще одушевлены итальянскіе поэты и который дѣлаетъ ихъ соосновательями свободнаго отечества. Въ своемъ романѣ „Обрученные", равно какъ и въ своихъ драмахъ, Манцони далъ исторически-вѣрныя и необыкновенно наглядныя изображенія нравовъ и характеровъ, каковы напримѣръ въ первомъ картины чумы, мятежа, исторія монахини, но онъ развертываетъ ихъ передъ нами, какъ и сцены въ своихъ трагедіяхъ, одну вслѣдъ за другой, не объединяя ихъ органически ни какою идеей, ни какою виновсловной связью. Въ трагедіи „Графъ Карманьіола" онъ изображаетъ солдатчину 15-го столѣтія и столкновеніе своевольнаго наемника-героя съ государствомъ, у котораго онъ на жалованьи, а въ „Адельки"—низверженіе Карломъ Великимъ владычества Ломбардовъ въ Италіи, при чемъ не вспыхиваетъ ни одной искры любви къ родному краю, не раскрывается въ историческомъ событіи ни одной культурной мысли, царящей въ немъ какъ сила судьбы; свои чувства, свои размышленія влагаетъ онъ въ уста втиснутымъ со стороны хорамъ, на мѣсто того чтобы высѣкать ихъ озаряющіе огоньки прямо изъ самаго содержанія; надо отдать ему справедливость въ томъ, что обычную дотолѣ у Итальянцевъ риторику онъ замѣняетъ непосредственностью чувства, тепло и ясно бьющаго изъ души, и мастерски кристаллизуетъ въ словѣ и мужественную силу и мягкое соболѣзнованіе. За оду къ Наполеону сами Французы отдаютъ ему пальму первенства передъ Ламартиномъ и Викторомъ Гюго: эти богаче словами и контрастами, а онъ отличается ясностію плана. Манцони преклоняетъ чело передъ Всемогущимъ, который ни на комъ не ознаменовалъ своей творческой силы такъ явно, какъ на Бонапарте; поставивъ себя третейскимъ судьей между двумя ратовавшими столѣтіями, Наполеонъ умеръ самъ на дальнемъ берегу; но и на его тревожную грудь легло подконецъ успокоительно распятіе.

Изобразительное искусство. Корнеліусъ.

Романтическая доктрина привела къ самосознанію также и невольный внутренній позывъ нѣкоторыхъ молодыхъ художническихъ сердецъ; въ живописи принесла она прекраснѣйшіе плоды нежели въ самой поэзіи. Съ 1810-го года, юноши постепенно собрались въ Римѣ, и тамъ, въ покинутомъ монастырѣ Санъ-Изидоро, принялись осуществлять фантазіи „инока художолюбца". Тогдашнимъ академіямъ предоставили они вырисовку ихъ изученныхъ контрастовъ, ихъ блестящихъ колоритныхъ эффектовъ или рабскую копировку положеній и лицъ взятыхъ съ площади натурщиковъ, переряженныхъ въ еврейскій или греческій костюмъ. Они прежде всего хотѣли передавать то, что̀ чувствовали, во что̀ вѣровали сами; они гнались не за ловкостью руки, а больше за изобрѣтательностью и душевнымъ выраженіемъ, и пожалуй думали, что мысль, душа картины терпятъ прямой ущербъ отъ того, если успѣшно достигнутая вѣрность природѣ, если очаровательность колорита первыя бросаются въ глаза. Такая сдержанность, при простомъ и строго-нравственномъ образѣ жизни, заслужила имъ прозвище Назарянъ. Они увидѣли что непосредственнымъ примкновеніемъ къ вершинамъ итальянской живописи все-таки не дойдти до нихъ, не говоря уже о томъ чтобы ихъ превзойдти; поэтому они воротились къ первозачаткамъ христіанскаго искусства, къ Фіэзоле и старымъ Флорентинцамъ, съ тѣмъ чтобы оттуда уже добраться, слѣдуя этимъ путемъ далѣе, до собственныхъ манеры и искусства. Слабѣйшіе изъ учениковъ этой школы доискивались наивной прелести старыхъ мастеровъ въ ихъ недостаточной еще техникѣ и ребячески старались передразнить ее, но обладавшіе самостоятельною силой развернули по законамъ органическаго роста свой собственный, имъ принадлежащій стиль. Какъ въ само̀й Германіи горькая бѣда научила народъ молиться, такъ и они одушевились тогда новымъ и теплымъ повѣвомъ религіи; для нихъ стало ясно, что искусство должно̀ передавать то что̀ царитъ въ народной душѣ, они взялись опять за ветхозавѣтные и новозавѣтные сюжеты, какъ за первообразы человѣческихъ характеровъ и чувствъ, различныхъ судебъ и подвиговъ. Но многіе увлеклись пустой мечтою, что необходимо исповѣдывать средневѣковыя догматическія формулы, если хочешь создавать религіозныя произведенія по примѣру художниковъ той эпохи, и вотъ они перешли въ лоно католической Церкви, вмѣсто того чтобъ передавать вѣчное изъ сердца само̀й настоящей поры и въ ея именно смыслѣ. Мы конечно предоставляемъ всякому, а особенно какому-нибудь Овербеку, примкнуть къ тому богослужебному обряду и вѣроисповѣданію, которые наиболѣе его удовлетворяютъ; но мы уважаемъ Шнорра за рѣшимость его показать, что и въ протестантствѣ можно быть благочестивымъ. Друзья убѣдились далѣе въ томъ, что искусству положительно вредитъ служеніе одному частному удовольствію и вкусу; оно становится въ зависимость отъ него и отъ моды, стремится на нихъ угодить; и что, напротивъ, оно расширяется, ростетъ съ своими задачами, когда въ общественныхъ монументальныхъ работахъ передаетъ то что̀ дорого для всѣхъ, — истины религіи, подвиги историческихъ героевъ. Такъ

возникли въ домѣ Бартольди фрески изъ жизни Іосифа, гдѣ Корнеліусъ показалъ все свое мастерство; тутъ такъ и вѣетъ итальянской красотой отъ свойственной Германцу дюжей силы; таковы еще картины къ итальянскимъ поэтамъ въ виллѣ Màссими, гдѣ Корнеліусъ и Кохъ взяли на себя Данта, Шнорръ — Аріоста, Овербекъ — Тасса, и первые отличились величавою торжественностью, а послѣдній — идиллическою граціей и полной души простотой. Корнеліусъ и Шадовъ были призваны стать во главѣ нѣмецкихъ школъ живописи.

Овербекъ (1789—1869), оставшись въ Римѣ, остался и всѣхъ вѣрнѣе изначальной первобытности. Чистое чувство въ его композиціяхъ напоминаетъ Фіэзоле, наивная красота его фигуръ — пору рафàэлева ученичества у Перуджино. Ему не столько удается рѣшительность дѣйствія, сколько выраженіе благочестивой преданности, тихаго терпѣнія и выдержки, чистѣйшаго мира души. Въ такихъ скорѣе лирическихъ рисункахъ къ Евангелію онъ великій художникъ, и когда Іудеи высоко подымаютъ отпущеннаго имъ Варраву, а тотъ съ наглой гордостью глядитъ на безмолвнаго страдальца, Христа, то тутъ является у него несомнѣнно и творчество мысли, которое потомъ въ символическихъ композиціяхъ къ изображенію семи таинствъ выходитъ уже больше вдумчивою рефлекціей нежели дѣломъ своеобразно-великаго генія. * То же должно сказать и о богатой масляной картинѣ, изображающей торжество религіи въ искусствахъ, или какъ названо это въ одномъ шлегелевомъ стихотвореніи — союзъ Церкви съ искусствами. Планъ цѣлаго напоминаетъ Диспуту Рафаэля, но тутъ нѣтъ общей тяги всепроникающаго вдохновенія; напротивъ, живописецъ какъ будто хочетъ преподать слишкомъ уже по своèму всѣ подробности исторіи искусства, и обокъ съ благородными формами и разными милыми чертами впадаетъ въ непонятныя и чисто-внѣшнія аллегоріи.

Петръ Корнеліусъ (1783 — 1867) потерею отца былъ рано поставленъ на свои собственныя ноги; пламенное рвеніе сохранило его тогда искусству; онъ принужденъ былъ заниматься имъ для того чтобы вырабатывать хлѣбъ матери и семейству; но изготовлялъ ли онъ рисунки для календарей или расписывалъ церковныя хоругви, онъ дѣлалъ все это такъ, что прилагалъ къ любой задачѣ всѣ силы, всѣ старанія, и такимъ образомъ трудился вмѣстѣ и для искусства, и для себя. Въ начинавшуюся тогда эпоху самосознательнаго духа, сталъ онъ поэтомъ ея формъ, живопись его сдѣлалась видимымъ изображеніемъ мысли; преимущественно рисовальщикъ по природному дарованію, чтò онъ ни думалъ, ни говорилъ, онъ всего охотнѣе высказывалъ въ размашистыхъ линіяхъ. Онъ съ самаго начала тѣсно примкнулъ къ поэзіи, господствующему теперь искусству; однакожь его композиція къ шекспировой драмѣ Ромео и Юлія должна была служить не простой только иллюстраціей, но и самобытно передать внутреннее содержаніе сценъ. Впрочемъ патріотическое чувство восторжествовало у него надо всѣмъ другимъ, и

* Одна изъ этихъ композицій, «Таинство покаянія», выполнена Овербекомъ въ большомъ видѣ, по заказу графа Орлова-Давыдова, для картинной галереи Московскаго Публичнаго Музея, и она вполнѣ подтверждаетъ собою отзывъ автора. Прим. перев.

первымъ рѣшительнымъ его шагомъ къ общеизвѣстности была живописная обработка самаго глубокаго и самаго германскаго созданія, Гётева Фауста, за которымъ скоро послѣдовалъ отечественный эпосъ, Пѣснь про Нибелунговъ. Такъ и въ лицѣ Корнеліуса обратился къ самому себѣ германскій духъ, такъ и онъ принадлежитъ къ числу возбудителей нашего національнаго чувства и нашего прошлаго. Въ дюреровыхъ политипажахъ и гравюрахъ нашелъ онъ настоящую форму для сюжетовъ такого рода, такъ что казался вновь возрожденнымъ Дюреромъ, благодаря своеобразной силѣ и богатству фантазіи, благодаря отчетливости и опредѣленности линій, выражающихъ какъ подлинную суть предмета, такъ и живое чувство художника, благодаря, наконецъ, отсутствію всякой заботы о формальной красотѣ только изъ-за нея самой; она должна была являться сама собой и безъ этого, но какъ нарочно не появлялась среди угловатаго, неловкаго и слишкомъ иногда крутого. Между тѣмъ въ тюремной сценѣ Фауста, въ заглавномъ листѣ Нибелунговъ, благородство формы было уже добыто, настоящій художническій стиль завоеванъ, а въ замыслѣ Фауста и Мефистофеля, Дитриха и Хагена, сдѣлано нѣчто гораздо высшее,—созданы типы, давшіе этимъ характерамъ соотвѣтственный обликъ разъ навсегда.

Во время этой дѣятельности Корнеліусъ перешагнулъ за Альпы, съ тѣмъ чтобы поработать въ виду антика и произведеній Рафаэля и Микель-Анджело; онъ подружился съ Овербекомъ, будто Павелъ съ Іоанномъ, какъ сказалъ однажды король Лудвигъ Баварскій; и труды его доказали въ самомъ дѣлѣ, что онъ теперь стремился къ благородной мѣрѣ красоты. И тутъ онъ, подобно Гёте, представитель того германства, которое усвояетъ себѣ наслѣдіе древности, и для трудно поддающагося пластикѣ, внутренняго міра души и мысли, равно какъ и для обдѣлки упорной своеобразности личной жизни необходимо должно вышколиться и воспитать себя на ясной формѣ Итальянцевъ. Такъ поступилъ Корнеліусъ, но при этомъ онъ остался и Нѣмцемъ, и самимъ собой. Его, чуждаго зависти, истиннаго художника, добросовѣстнаго, восторженно преданнаго святому человѣка, Нибуръ предложилъ въ главы дюссельдорфской академіи, а король Лудвигъ Баварскій поручилъ ему изукрашеніе нѣкоторыхъ залъ мюнхенской Глиптотеки. Такъ пріѣзжалъ онъ съ лучшими учениками сюда лѣтомъ, а зимою училъ и рисовалъ въ Дюссельдорфѣ, доставляя юнымъ товарищамъ заказы на монументальныя работы и по нижнему еще Рейну, напримѣръ въ актовой залѣ боннскаго университета, въ судебной палатѣ въ Кобленцѣ и въ разныхъ замкахъ того края. Въ 1825-мъ году сдѣлался онъ директоромъ мюнхенской академіи. Король нашелъ въ немъ именно того человѣка, какой былъ ему необходимъ, который могъ быть твердымъ средоточіемъ и верховодцемъ всѣхъ его стремленій, имѣвшихъ общей цѣлью ту мысль, что архитектура, пластика и живопись должны дѣйствовать всѣ заодно съ тѣмъ чтобы идеи религіи, исторіи, поэзіи передать въ общедоступныхъ произведеніяхъ и этимъ уготовить искусству вліятельное положеніе въ общественномъ быту. Самъ мастеръ, примыкая къ архитектурѣ и онагляживая цѣль зданій въ ихъ изукрашеніи, закончилъ три циклическія работы, изъ которыхъ каждая представляетъ цѣлое во внутренней связи мастерски расположеннаго ряда картинъ и этимъ именно пріобрѣтаетъ мыслящему художнику невольное наше удивленье. Для Глиптотеки, достойно принявшей въ себя античныя статуи, взяты были сказа-

нія о греческихъ богахъ и герояхъ; глубина мысли и энергія характеристики восполняютъ здѣсь то, чего недостаетъ граціозности формы, * подобно тому какъ Фоссъ приблизилъ къ намъ Гомера силою и размашистостью выраженія даже и тамъ, гдѣ не смогъ передать наивной граціи греческой рѣчи. Корнеліусъ взялъ миѳологію не такъ какъ принимало ее Возрожденіе, не въ видѣ пестраго узора начертаннаго игривымъ воображеніемъ, но, согласно съ новѣйшею философіей, какъ полную фантазіи оформку религіозной истины: многочисленные боги, ихъ поступки и судьбы, это — олицетворенныя свойства Единаго, излученія его мощи, частные виды разнообразнаго его міровладычества; такъ сводчатый потолокъ представляетъ намъ дѣятельность божества въ царствѣ природы, а три боковыя картины по стѣнамъ онагляживаютъ намъ ее, какъ нравственный міропорядокъ, въ ея отношеніяхъ къ человѣчеству. Любовь—первое и высшее откровеніе міровой жизни; въ центрѣ свода держитъ она единительно стихіи, подъ которыми развертываются потомъ въ миѳологическихъ изображеніяхъ разныя времена года и разныя пòры дня. На боковыхъ стѣнахъ Корнеліусъ не могъ и не хотѣлъ состязаться съ греческими пластиками въ передачѣ отдѣльныхъ фигуръ боговъ; какъ живописецъ, онъ составилъ изъ нихъ группы, но не безъ обдуманнаго положенія, а напротивъ такъ, что извѣстное дѣйствіе становится для всѣхъ фигуръ группы живымъ центромъ: Ираклъ принимаетъ на Олимпѣ фіалъ безсмертія, Аріона сопровождаютъ морскіе боги, Орфей требуетъ Эвридики въ тартарѣ; въ первомъ случаѣ человѣческая доблесть заслуживаетъ себѣ небесный вѣнецъ, во второмъ — благодать боговъ спасаетъ человѣка, а въ послѣднемъ—его спасаетъ торжествующая надъ самòй смертію любовь. Переходная галерея изображаетъ намъ дѣло, вину и искупленіе, представленныя въ судьбѣ Промеѳея. Вторая зала посвящена богатырскому сказанію, Иліадѣ. Многія фигуры героевъ могутъ показаться здѣсь грубовато-дебелыми, но всякій конечно отдастъ справедливую дань цѣломудренно-милому выраженію объятій Пелея и Ѳетиды или могучему впечатлѣнію побоища за тѣло Патрокла; но какъ въ залѣ боговъ пальма первенства принадлежитъ тартару, такъ здѣсь—картинѣ разрушенія Трои: не одна только эсхилова Касандра, но и вся его трагедія вообще нашла себѣ здѣсь вполнѣ подходящее изображеніе.

За живописною передачею язычества послѣдовала передача христіанства въ церкви св. Лудвига: здѣсь Всеединый, какъ Отецъ, создаетъ міръ, какъ вочеловѣчившійся Сынъ спасаетъ его и судитъ, какъ Духъ Святой единитъ въ блаженствѣ всѣ вообще духи. Въ ликѣ Творца, который поднявъ длани, указываетъ путь солнцу и мѣсяцу, Зевсъ Фидія слитъ воедино съ Іеговой Микель-Анджело; мы видимъ здѣсь то, что̀ Гёте сказалъ въ (непереводимыхъ) словахъ: Wie das All mit Machtgeberde in die Wirklichkeiten brach. Картины знаменуютъ не столько субъективное чувство, сколько объективные догматы, хотятъ выставить въ полномъ свѣтѣ преимущественно мысль,

---

* Не льзя не возстать противъ этой ереси, прямо посягающей на сущность искусства: ни что не можетъ замѣнить въ немъ граціозной формы тамъ, гдѣ она требуется содержаніемъ. Это все равно, что хотѣть замѣнить умъ кротостью души, или знаніе дѣла—добрымъ намѣреньемъ. Подобныя замѣны всегда окажутся неудовлетворительны, такъ же точно въ искусствѣ, какъ и сплошь во всемъ другомъ. Прим. перев.

значеніе сюжета; показать, какъ цари, волхвы, пастыри, всѣ вмѣстѣ поклоняются Спасителю, какъ святой крестъ его водруженъ и среди коснѣющихъ, и среди кающихся, и среди просвѣтившихся сердецъ, — такова была цѣль художника. Страшный Судъ не представляетъ у него ни какого особо-избраннаго момента, а совокупляетъ разомъ ихъ всѣ и, своею ясной симметріей, своимъ смѣлымъ движеніемъ въ нижней части и благороднымъ спокойствіемъ въ верхнихъ, становится въ середину между средневѣковыми созданіями въ ихъ торжественной символичности и между драматически-захватывающими картинами Микель-Анджело и Рубенса. Я вижу въ немъ непрерывный подѣлъ добра и зла, совершающійся ежедневно и ежечасно въ совѣсти человѣчества передъ лицомъ Іисуса Христа, ту постоянную кару и то постоянное ублаженіе, какія несутъ сами въ себѣ порокъ и добродѣтель.

Въ 25-ти куполахъ и люнеттахъ ложъ передъ залами Пинакотеки Корнеліусъ передаетъ намъ исторію христіанской живописи. Исходной точкою служитъ для него декоративный арабескъ, къ нему присоединяются символическіе облики или группы, онагляживающіе собой направленіе, манеру, сюжеты каждаго живописца; потомъ—черты изъ его жизни, но и эти обдѣланы такъ, что вдумчивая игра фантазіи остается основнымъ характеромъ всѣхъ изображеній; часто въ стилѣ ихъ слегка отзывается своеобразность самихъ художниковъ. Корнеліусъ пускаетъ въ ходъ весь накопившійся запасъ языческой и христіанской символики и обогащаетъ его собственными удачными вымыслами. Граціи взнуздываютъ и убираютъ Пегаса; Геній человѣчества возноситъ къ небесамъ Искусство, поддерживающее на простертой рукѣ своей пламя жертвенника,—эти символы, подводя насъ къ нѣмецкой живописи, знаменуютъ собой цѣлое и вмѣстѣ собственную исповѣдь мастера.

Когда Корнеліусъ выполнилъ все порученное ему въ Мюнхенѣ, въ 1841-мъ году онъ былъ приглашенъ въ Берлинъ. Суровый повѣвъ критики, встрѣтившій тамъ нѣкоторыя неудачныя произведенія, вызвалъ всю его самосознательную силу, и подъ старость онъ пережилъ такую душевную весну, такую вторичную молодость, что какъ Фидій или какъ Раухъ старцемъ создалъ лучшее и значительнѣйшее изо всего, произведеннаго религіозной живописью въ новѣйшее время. Въ Англіи увидѣлъ онъ картоны рафаэлевскихъ ковровъ и скульптуры Парѳенона, а въ тѣхъ и другихъ—вполнѣ завершенный стиль, сліяніе естественной правды съ идеальностью. Уже эскизъ щита вѣры для принца Вельсскаго показалъ, какъ все это подѣйствовало на Корнеліуса. Но подлинно мастерскимъ его дѣломъ было опять большое циклическое созданіе для украшенія стѣнъ, долженствовавшихъ заключить въ себѣ усыпальницу Прусскаго царственнаго дома, вродѣ Кампосанто въ Пизѣ. Это — рядъ картинъ, представляющій всеобщія и высшія судьбы человѣчества по христіанскому міросозерцанью, могучее дѣйствіе божіей благодати впротивень грѣху, и здѣсь въ урочищѣ смерти подъемлющее насъ надъ страхами гибели къ радостной надеждѣ по слову Писанія: „Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда? Смерть—возмездіе грѣхамъ, а даръ Господень—вѣчная жизнь во Христѣ Іисусѣ“. Большія картины обрамлены меньшими и отъ сотворенія міра, отъ грѣхопаденія ведутъ насъ къ явленію на землѣ Христа, къ его смерти и торжеству надъ нею, къ наитію св. Духа и къ распространенію хри-

стіанства черезъ апостоловъ; ветхозавѣтные противни, греческіе миѳы сопровождаютъ ихъ въ видѣ арабесковыхъ намековъ на главную мысль и въ видѣ ея расширенія, а удивительныя одиночныя фигуры или группы, подобно междуактнымъ хоропѣніямъ, онагляживаютъ цѣль жизни, блаженство, обѣщанное нагорной проповѣдью всѣмъ скорбящимъ, миролюбцамъ, чистосердечнымъ. Четвертая стѣна должна, по слѣдамъ Откровенія Іоаннова, показать конецъ всего земного и переходъ къ вѣчному, и въ эскизахъ ея престарѣлый мастеръ смѣлымъ полетомъ фантазіи побѣдоносно состязался съ юношей еще Дюреромъ. И тутъ онъ вполнѣ сознавалъ, что живописцу не рука рисовать непосредственно вслѣдъ за поэтомъ, что любая картина иначе дѣйствуетъ въ словѣ, нежели когда представишь ее видимо въ пространствѣ; поэтому ни ноги ангела не являются у него подобными огненнымъ стрѣламъ, ни изъ очей Іисуса не пышетъ пламень, ни мечъ не сверкаетъ молніей изъ его устъ; Корнеліусъ схватываетъ чувства и помыслы, высказанные въ словахъ Іоанномъ, но передаетъ ихъ наново и вполнѣ свободно въ линіяхъ, достигая этимъ одинаковаго впечатлѣнья, причемъ насъ не смущаетъ ни какая чуждая на видъ странность, а напротивъ первоначальный смыслъ поэмы раскрывается передъ нами съ яснымъ величіемъ. Сокрушительная сила апокалиптическихъ всадниковъ тотчасъ же вездѣ стяжала создателю ихъ пальму первенства въ изображеніи страшно-возвышенныхъ сюжетовъ; но прекрасно въ своемъ родѣ и нисхожденіе небеснаго Іерусалима въ видѣ полной граціознаго величія разубранной невѣсты; не менѣе удачно въ эскизахъ разрушенія и гибели міра вышла, какъ въ благородно-стилизованныхъ жанрахъ, дѣятельная любовь, заслуживающая себѣ небо дѣлами милосердія; какъ утѣшительно потомъ здѣсь—равно какъ и въ ожиданіи страшнаго Суда,—что мѣсто ужаса заступаетъ торжественная важность, и что во Христѣ открывается искупительная благодать, когда онъ, судья живымъ и мертвымъ, приходитъ въ видѣ жениха, носителя мира и радостей! Когда Корнеліусъ получилъ почетное званіе доктора философіи, онъ назвалъ эти эскизы своею диссертаціей; они и въ самомъ дѣлѣ обличаютъ хорошо нашколеннаго мыслителя, который самосознательно овладѣлъ преданіемъ и уряжаетъ его въ прекрасно-расчлененное цѣлое по своей собственной идеѣ. По мало назвать ихъ диссертаціей: это величавая религіозная поэма, нѣчто вродѣ дантовой Божественной комедіи; мѣсто словеснаго догмата заняла здѣсь потрясающая сила внутренняго опыта, выступило свободно-разумѣемое духовное христіанство, которое помимо всѣхъ вѣроисповѣдныхъ розней представляетъ взорамъ нашимъ истину Откровенія съ ея чисто-человѣческой и нравственной стороны. Помыслы нашли себѣ подходящій обликъ въ исторіи или въ такихъ олицетвореніяхъ, которыя не только что должны знаменовать ихъ, но и подлинно проявляютъ вполнѣ ясно самою своей формою. И помыслы эти—вызванные требованіями совѣсти необходимые идеалы разума, какъ опредѣлила ихъ нѣмецкая философія: это именно Богъ, Свобода, Безсмертіе.

Корнеліусъ сталъ утреннею звѣздой новѣйшей нашей живописи, какъ Клопштокъ былъ утреннею звѣздой поэзіи; подобно послѣднему онъ крѣпко захватилъ всѣ три элемента культуры нашей разомъ, — родной нѣмецкій, христіанскій и античный; а творческой силы было у него больше чѣмъ у лирика: онъ успѣлъ воплотить свои мысли въ обширныхъ эпическихъ и дра-

матическихъ композиціяхъ, онаглядить въ исторіи человѣчества прямо божіи дѣла и такимъ образомъ среди борьбы и сутолоки нашей эпохи поставить лучезарною цѣлью идеалъ, къ которому должны мы вести жизнь неустанною работой. Направленный къ высокому и къ самой сути вещей, богатырь, изображающій богатырское, онъ явился въ эпоху духовной самосознательности не живописцемъ только для глазъ и чувства, но и собственно для духа; мало того: духовно-поэтическая сторона въ замыслѣ и изобрѣтеніи у него главное, безподобно задуманы его облики, удивительна постройка цѣлаго гармоніей частей и всѣхъ ритмомъ линій. Онъ отличается архитектонической строгостью, хочетъ дать только одно значительное, но зато уже вполнѣ; немногимъ сказать многое, на это онъ истинный мастеръ. Онъ нигдѣ не играетъ комедіи, онъ все беретъ взабыль; фигуры его не то что лишь кажутся святыми, полными скорби или мужества, онѣ дѣйствительно таковы отъ головы до ногъ. Менѣе удовлетворителенъ онъ въ лѣпкѣ, моделлировкѣ, слишкомъ иногда выдвигающей мелочныя формы, да и колоритъ часто остается у него терпокъ и негармониченъ, такъ что обыкновенно картоны дѣйствуютъ чище и полнѣе его картинъ *; очевидно, что онъ мыслитъ не въ краскахъ, а только въ формахъ, и потому рѣдко удается ему согласить съ линіями неподдающійся колоритъ. Онъ на столько гордъ, что не хочетъ угождать людямъ, предлагая имъ великое, на столько гордъ, что не хочетъ льстить внѣшнимъ чувствамъ возвышая духъ. Зато, какъ бы онъ ни смотрѣлъ на нихъ, всегда останется ихъ мѣсто, право и почетъ за чувствомъ формальной красоты и граціи, за шутливостью и юморомъ, за живою правдою выработки и за очаровательностью колорита. Но, съ другой стороны, справедливы и слова, какими Мельхіоръ Мейръ привѣтствовалъ связаннаго съ нимъ дружбой старца при возвращеніи его въ Мюнхенъ изъ Италіи:

Чтò изъ юдоли духа вѣчной
Къ намъ низошло, тому не стать
Себя шумихой украшать.
Нѣтъ, строгостію безупречной
Учить насъ призвано оно;
Ему зато и суждено
Давать двойное наслажденье,
Тѣмъ больше приносить отрадъ.
И ежели на первый взглядъ
Насъ этихъ обликовъ явленье
Подавитъ видомъ могуты
Гигантской, мы въ ея черты
Прекрасныя всмотрѣвшись долѣй,
Ей увлечемся поневолѣ.

Вокругъ Корнеліуса развернулась многосторонняя художническая жизнь. Генрихъ Гессъ руководилъ живописными работами на стѣнахъ часовни Всѣхъ Святыхъ и Базилики, и въ оконницахъ церкви Аукирхе. Не достигая искренности Овербека, ни силы Корнеліуса, онъ обличаетъ граждански-благородный духъ, не поражающій ни какимъ новымъ творчествомъ, но блюдущій и

* Нехорошая въ живописцѣ особенность. Прим. перев.

развивающій унаслѣдованное добро, и свѣжимъ колоритомъ придающій своимъ картинамъ отрадную гармоничность; работы эти не увлекаютъ насъ поэтическимъ пареньемъ ввысь, но удовлетворяютъ смыслъ и душу вполнѣ достойнымъ образомъ. Мастеру помогали въ нихъ Шраудольфъ, расписавшій шпейерскій соборъ въ такомъ же родѣ, и сверхъ-того Фишеръ и Рубенъ. Мы тутъ ясно видимъ, какъ выгодно художническое преданіе вліяетъ на талантъ, добросовѣстно и вѣрно держащійся путей, проложенныхъ геніемъ, и умѣющій воспользоваться открытыми имъ формами. Фишеровы росписныя оконницы въ кёльнскомъ соборѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія; онѣ конечно самыя полностильныя изъ новѣйшихъ произведеній по этой части.

Въ свѣтской области впереди всѣхъ шелъ Юлій Шнорръ, расписавшій въ королевскомъ замкѣ императорскія и нибелунгскія залы. Пріятная на взглядъ декорація напоминаетъ Джуліо Романо. Шнорръ знаетъ, что искусство должно схватить и передать значеніе предмета, но онъ любитъ миловидные облики и движенья и пускаетъ ихъ въ ходъ ради самихъ себя, такъ что побочныя фигуры часто наполняютъ у него передній планъ, а главныя стоятъ въ середнемъ, но всегда уже на самомъ видномъ мѣстѣ. Благородный, образованный духъ, для котораго священны вѣра, искусство, отечество, разливаетъ мѣру и ясность по всѣмъ его произведеньямъ. Средь императорскихъ обликовъ Рудольфъ, какъ основатель земскаго мира, стоитъ эпически-величаво впереди всѣхъ; другіе напоминаютъ собой знаменитые романы или новеллы. Въ обширныхъ композиціяхъ германской багатырской былины пущены въ ходъ типы Корнеліуса; въ политипажахъ къ Библіи чуть ли не лучше всего довольно-рѣдко затрогиваемые военные подвиги въ Ветхомъ Завѣтѣ и семейный бытъ въ книгѣ Товита.

Подроставшее поколѣніе художниковъ иллюстрировало нѣмецкихъ поэтовъ въ комнатахъ королевы и баварскую исторію подъ аркадами дворцоваго сада. Въ банкетномъ залѣ замка Петръ Гессъ показалъ себя настоящимъ батальнымъ живописцемъ, особенно тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Тирольской войнѣ, можно было выдвинуть на первый планъ одиночную схватку. Къ нему примкнули Монтенъ, Гейдекъ, Альбрехтъ Адамъ. Индивидуализирующая характеристика Петра Гесса повела къ жанру, и къ нему обратились Кирнеръ, Клейнъ, Бюркель, тогда какъ Фольцъ переходилъ бойко и талантливо отъ народной баварской жизни къ исторіи и обратно. Главное направленье школы хорошо выразилъ и Неэръ (Neher). Къ удачнѣйшимъ произведеніямъ мюнхенскаго искусства принадлежатъ пейзажныя фрески Роттмана, передающія итальянскую природу; къ нимъ впослѣдствіи присоединились его масляныя картины, изображающія Грецію. Какъ хорошіе рисовальщики, предшествовали ему Кохъ и Рейнгартъ въ Римѣ, и оба они охотно выбирали такой библейскій или миѳологическій стаффажъ, что впечатлѣніе самого ландшафта принимало оттого характеръ личнаго воплощенія или подобно словамъ либретто какъ будто бы сопровождалось музыкой; Роттманъ пренебрегъ для исторической живописи этимъ пособіемъ, такъ легко губящимъ единство интереса, и прежде всего держался земной пластики, размашистыхъ линій въ движеніи волнъ и въ формаціи горъ, а также и архитектуры, которая какъ будто бы сама собою выросла у него изъ земли. Онъ никогда не копируетъ,

а всегда компонуетъ, сочиняетъ, художественно передаетъ совокупное впечатлѣніе мѣстности въ идеальномъ воспроизведеньи. Особенно въ греческихъ ландшафтахъ призвалъ онъ къ себѣ на помощь поэзію освѣщенія, съ тѣмъ чтобы, такъ-сказать, въ смыслѣ риттеровской географіи, излагать природу въ связи съ культурною исторіей. Надъ равниною Элевзиса очаровательно простерто вѣщее какое-то настроенье, словно передъ нами, какъ передъ путниками, должно вдругъ открыться невѣдомое таинство; Делосъ лежитъ въ раннемъ блескѣ восходящаго дня, надъ бухтою Авлиды ярко играетъ солнце, а черезъ Мараѳонское поле вихрь проноситъ надвинувшую-было грозу. — Гейнлейнъ, Моргенштернъ, А. Циммерманнъ, Лёфлеръ, Бамбергеръ обработывали въ роттмановомъ смыслѣ туземный, восточный и испанскій ландшафтъ.

Въ декоративномъ арабескѣ помогалъ Корнеліусу Нёйрёйтеръ; исходя отсюда, онъ развертываетъ вдумчиво-поэтическій талантъ свой въ картушныхъ рисункахъ къ стихотворцамъ и въ масляныхъ картинахъ, которыя отрѣшаютъ дѣйствительность отъ тяготы земной въ легкой игрѣ мысли и въ затѣйливой плетеницѣ вьющихся растеній. Страсть къ иллюстраціи, къ рисункамъ для гравюръ и политипажей—чисто-нѣмецкая; уже въ реформаціонную эпоху была она принадлежностью Дюрера и Гольбейна въ отличіе отъ Итальянцевъ. По этой части Густавъ Кёнигъ далъ намъ пѣсни Лютера и его жизнь, а также и псалмы Давида; но любимцемъ и народа и знатоковъ сдѣлался въ особенности Лудвигъ Рихтеръ въ Дрезденѣ. Онъ прямо ввелъ искусство въ домашній кругъ, переложилъ съ живымъ чувствомъ и умѣньемъ въ линіи и дѣтскую пѣсенку и сказку, отразилъ съ милѣйшимъ плутовствомъ и искренней сердечностью какъ въ волшебномъ зеркалѣ и нѣмецкую семью, и весь мѣщанскій бытъ; и даетъ онъ вамъ назидательное и серьёзное, или вяжетъ въ новый пучекъ весенніе цвѣты,—все у него выходитъ неподдѣльно и граціозно.

Въ гордомъ одиночествѣ стоялъ Бонавентура Дженелли или Генелли (1795—1868) въ Мюнхенѣ, античной силы человѣкъ, вновь ожившій Карстенсъ, который всего охотнѣе пускался въ поэзію на образномъ языкѣ греческихъ миѳовъ и, въ смѣломъ полетѣ фантазіи, создавалъ типы своихъ фигуръ, ихъ одежды, не заботясь о мѣстѣ и о времени, великій больше пареніемъ своей мысли и геніальнымъ построеніемъ своихъ композицій нежели ихъ выполненіемъ, которое, правда, не безъ жесткостей и не безъ преувеличеній, но съ лихвою вознаграждаетъ за это серьёзнымъ направленіемъ къ существенному и восторженностью къ идеальному. Шакъ, первый, далъ ему случай показать себя въ масляныхъ картинахъ, изъ которыхъ Похищеніе Европы всѣхъ эффектнѣе по колориту, Шествіе Діониса подъ водительствомъ Геркулеса Музагета отличается самымъ смѣлымъ движеніемъ, а одинъ театральный занавѣсъ—самою полномысленною разительностію. Циклическіе рисунки, Жизнь вѣдьмы, Жизнь безпутника, раскрываютъ фантастическую изобрѣтательность въ такой полностильной передачѣ, которая ставитъ Дженелли передъ Гогартомъ, словно какого-нибудь Аристофана передъ Смоллетомъ. Даже и правду собственной художнической жизни онъ поэтично увилъ эллинскою символикой. Если онъ остался чуждъ толпѣ, то со стороны зна-

токовъ снискалъ себѣ высокое уваженіе и дѣйствовалъ на скульпторовъ и живописцевъ воспитывающимъ, возвышающимъ образомъ.

Прекрасно завершилъ въ наши дни романтику живописецъ Швиндъ (1804—1871); изобрѣтательный, остроумный, полный фантазіи какъ Тикъ, но при этомъ такой же истый Нѣмецъ, такой же ясный въ формѣ и добротный содержаніемъ какъ Уландъ, онъ стяжалъ пальму даже и въ эпоху реалистичности. Къ послѣднему Швиндъ подходитъ въ историческихъ народныхъ балладахъ, какими онъ передалъ исторію Тюрингена въ Вартбургѣ, а его св. Елисавета напоминаетъ собой чистѣйшія страницы изъ тиковой Геновефы. Онъ не стягиваетъ своего сюжета въ одинъ драматическій моментъ, дающій намъ вмѣстѣ заглянуть и въ прошлое и въ будущее, а охотнѣе разсказываетъ событія одно вслѣдъ за другимъ на простодушный манеръ какого-нибудь Бенодзо Гоццоли или Мемлинга, къ которымъ онъ близокъ также и живой миловидностью своихъ фигуръ, естественною граціей своихъ мотивовъ. Музыкальная душа, которая свое бьющее ключемъ обиліе мелодій гармонически излучаетъ въ формахъ и краскахъ, онъ нашелъ соотвѣтственную для себя задачу въ вѣнскомъ оперномъ театрѣ, гдѣ изобразилъ по Волшебной флейтѣ царство Ночи и Свѣта и воспрославилъ величайшихъ новыхъ музыкантовъ группами изъ ихъ твореній и намеками на свойственный каждому особый стиль. Настоящей его областью сдѣлалась народная сказка въ той плетеницѣ глубокомыслія съ фантастикой, гдѣ на нравственно-религіозномъ фонѣ миѳа разъигрывается потомъ внѣ себя отъ счастія веселое дѣтское воображенье. Здѣсь съумѣлъ онъ схватить самую суть и поэтически разработать ее въ циклѣ картинъ, которыя такъ опять и хочется сравнить съ пассажами симфоніи. Это особенно ясно въ Замарашкѣ, гдѣ крайне миловидно изображенъ этотъ безцѣнный для нѣмецкой души женскій ликъ, такъ свѣтло и чисто подымающійся изъ незаслуженнаго униженія и непризнанья. Но еще очаровательнѣе вышли Семь вороновъ, Мелузина. Художникъ заполонилъ всѣ сердца изобразивъ, какъ въ первой изъ этихъ сказокъ покорностью, трудомъ и безмолвіемъ разрѣшается заклятіе одного опрометчиваго слова, а во второй,—какъ проходятъ передъ нами счастіе и скорбь любви будто бы греза спящей въ ручьѣ русалки. Никогда ни кому не превзойти милой искренности и нѣжной чистоты той композиціи, гдѣ царевичъ выноситъ на рукахъ пряху изъ древеснаго дупла, а густые русые волоса такъ цѣломудренно прикрываютъ своими волнистыми прядями ея нагіе члены; никогда ни кому не превзойдти той геніальности пріема, какимъ въ подругахъ Мелузины слились вмѣстѣ обликъ и движенье у волнъ и у дѣвушекъ. Понадобись живой примѣръ того, какъ трогаетъ насъ само собой прекрасное, когда въ немъ гармонично разрѣшаются всѣ противоположности и мы свободно прозираемъ въ самую глубь человѣческой природы,—тутъ всякъ съ благодарностью укажетъ на эти безцѣнныя завѣты художнической души, умѣвшей шипами остроумія обороняться отъ противной дѣйствительности и своимъ веселымъ юморомъ обращать ее въ шутку и потѣху.

Предоставляя себѣ поговорить о Каульбахѣ впослѣдствіи, мы обратимся теперь въ Дюссельдорфъ, гдѣ Вильгельмъ Шадовъ (1789—1862) взялъ на себя начальство академіей. Самъ онъ обладалъ больше разборчивымъ не-

жели творческимъ чувствомъ формы, болѣе образованіемъ чѣмъ геніальностью; произведенія его хорошо задуманы, хорошо нарисованы, и написаны, но они васъ отнюдь не увлекаютъ; а въ старости онъ сталъ доктринёромъ того католицизма, который повелъ къ раздѣленію школы на „Новый Іерусалимъ" и „Альгамбру"; но сначала онъ былъ превосходнымъ учителемъ, правда не способнымъ наложить на учениковъ печать своего собственнаго таланта, ни увлечь ихъ на свои пути, но зато умѣвшимъ разпознать своеобразность каждаго, руководить ее и поставить на настоящую дорогу, такъ что первые же труды, съ которыми выступили въ свѣтъ Бендеманъ, Лессингъ, Гильдебрандъ, Зонъ, доставили имъ громкую извѣстность. Двумя условіями дюссельдорфская школа рознилась отъ мюнхенской. Тамъ живопись стояла въ одиночку, между тѣмъ какъ здѣсь она воздѣлывалась въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ пластикою и съ архитектурой; тамъ, стало-быть, спеціально-живописный элементъ, колоритъ, развился по преимуществу. Но если въ Мюнхенѣ выработался стиль исторической фрески и если учитель работалъ въ немъ съ учениками заодно, то Дюссельдорфцы при отсутствіи такихъ задачъ, должны были ограничиться станковой только живописью и угождать вкусу частныхъ любителей; почетъ и поощреніе находили они себѣ черезъ выставки и художественныя общества; имъ надо было стремиться къ пріятности, граціозности; они не могли самодовольно замкнуться въ терпкую строгость и спокойно ожидать зрителя, имъ приходилось идти къ нему навстрѣчу, заманивать его миловидностью. Оттого многія дюссельдорфскія картины подлаживались къ модному сантиментально-сладкому вкусу, съумѣли ему угодить, но зато при первомъ поворотѣ романтическаго направленія прожили очень недолго, и то лишь больше въ качествѣ узоровъ для дамскаго шитья; но по нимъ несправедливо судить о цѣлой школѣ, такъ-какъ лучшія ея силы умѣли себя поддержать и тутъ, или же освободились отъ своей односторонности и пошли впередъ вмѣстѣ съ жизнью. Неоспоримо, что высшая задача искусства—создавать такія произведенія, которыя, бывъ переданы гласности, становились бы общенароднымъ достояньемъ; и двое изъ талантливѣйшихъ Дюссельдорфцевъ, Дегеръ и Ретель, а потомъ Бендеманъ въ Дрезденѣ, доказали въ этомъ свою силу при первомъ удобномъ случаѣ; но вѣдь и домашняя жизнь, и повседневное сближеніе съ извѣстнымъ художественнымъ произведеніемъ также имѣютъ свое право, а потому похвальнымъ дополненіемъ къ корнеліусовскому направленію явилось то, что Дюссельдорфцы удовлетворяли и этому праву, что они искали, и притомъ не даромъ, изящной передачи, старались о тонкомъ выполненіи и, милою искренностью гармонической выработки, умѣли придать своимъ произведеніямъ идеальный ароматъ, печать истинной задушевности, чего не замѣнить ни какою ловкостью руки или сноровкой. Въ одномъ мастерскомъ разговорѣ Иммерманнъ поставилъ этимъ „дюссельдорфскимъ начинателямъ" прочный памятникъ, а Вольфгангъ Мюллеръ свѣжо и вѣрно описалъ дальнѣйшее развитіе, точно такъ же какъ Фёрстеръ въ Мюнхенѣ выступилъ литературнымъ представителемъ своихъ прежнихъ товарищей по искусству. Тамъ читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Боязнь живописныхъ глупостей была отличительною чертою школы. Примѣтою ей служитъ то, что мягкое, далекое, музыкальное, созерцательное, субъективное должно въ ней преобладать надъ сильнымъ, близкимъ, пластиче-

скимъ, дѣйственнымъ". Едва пробудился реализмъ, какъ отъ фантастичнаго рыцарства романтики, отъ благороднаго отрока и золотыхъ-дѣлъ-мастерской дочки, быстро перешолъ и Дюссельдорфъ къ правдивой передачѣ настоящаго въ ландшафтѣ и жанрѣ. Еще въ то время когда Лессингъ выражалъ свое собственное настроеніе по поводу смерти возлюбленной въ печальной царственной четѣ изъ баллады Уланда и въ Зимнемъ монастырскомъ кладбищѣ, а вслѣдъ за нимъ и другіе принялись угождать толпѣ разными изображеніями скорби, Шрёдтеръ впротивень имъ написалъ своихъ тужащихъ кожевниковъ, у которыхъ разливомъ рѣки унесло всѣ кожи, и его юморъ какъ-разъ излѣчилъ друзей отъ романической тоскливости.

Карлъ Фридрихъ Лессингъ, мужески-благородная, добротная натура, показалъ себя и въ исторической картинѣ и въ пейзажѣ реалистомъ въ гётевскомъ смыслѣ: онъ идетъ не отъ мысли, а отъ даннаго, но реальное для него не внѣшнее явленье, а нутродѣйственная душа вещей; онъ изучилъ природу и исторію для того, чтобы формы ихъ дѣлать выраженіемъ завѣтнаго своего чувства. Умышленно противопоставляетъ онъ ультрамонтскимъ кознямъ и продѣлкамъ свои картины Гуса и гуситовъ, своего Лютера. Онъ однакожь любитъ изображать не столько самую вершину дѣйствія или драматическаго конфликта, сколько подготовительную, а не то и послѣдственную внутреннюю работу, или же какой-нибудь онагляживающій духъ времени эпизодъ, причемъ онъ озабоченъ не только психологическою характеристикой, но также и вѣрностью костюма. — Талантъ Бендемана былъ болѣе направленъ къ идиллической сердечности, нежели къ энергичному величію; его скорбящіе Евреи, своей семейной группою, болѣе символически намекаютъ на народную жалобу и печаль, нежели выдаютъ историческій элементъ съ проторгающеюся его силою, какъ напримѣръ сдѣлалъ въ одномъ рисункѣ рано умершій Эберле; но восточность формъ въ предѣлахъ идеальнаго изящества передана у него превосходно. То же изящество царитъ и въ богатомъ циклѣ картинъ, которыми украшенъ дрезденскій замокъ. Но оно легко становится условнымъ, какъ напримѣръ у Зона и другихъ, тогда какъ у Дегера свойственное ему религіозное чувство произвело самые миловидные образа̀ мадонны новѣйшаго времени; въ штольценфельсской часовнѣ, въ церкви на холмѣ св. Аполлинарія, которыя онъ росписалъ вмѣстѣ съ Мюллеромъ и Иттенбахомъ, также господствуетъ лирическій, граціозный элементъ, но притомъ съ торжественнымъ, а въ изображеніи Страстей Христовыхъ — съ глубокопотрясающимъ оттѣнкомъ.

Свой бодрый и веселый духъ Адольфъ Шрёдтеръ обратилъ на винообильное Прирейнье и живо онаглядилъ фигуры Эйленшпигеля, Мюнхгаузена, Донъ-Кихота, а Хазенклеверъ изобразилъ нѣмецкую природу Іеронима Іобса еще удачнѣе нежели поэтъ Кортюмъ. Въ челѣ ландшафтной школы стоялъ энергическій и даровитый Вильгельмъ Ширмеръ, особенно извѣстный рисунками углемъ, гдѣ въ библейскихъ пейзажахъ онъ умѣлъ стройно согласить тонъ природы съ избраннымъ событіемъ. Когда онъ изображаетъ утро въ раю, когда Авраамъ вечеромъ хоронитъ подъ древними дубами Сару, когда Агарь съ Измаиломъ томятся жаждою въ степи, тутъ участіе пейзажа дѣйствительно намѣстѣ; но художникъ задается неразрѣшимою зада-

чею, когда въ ландшафтѣ же онъ хочетъ показать, какъ отъ рѣшимости принесть въ жертву сына Авраамъ доходитъ до сознанія, что для Бога достаточно уже и одной полной преданности воли со стороны отца. Упомяну здѣсь что Преллеръ въ Веймарѣ, съ большимъ удареніемъ въ классическую форму нарисовалъ пейзажи къ Одиссейѣ, гдѣ фигуры являются какъ бы идеальнымъ олицетвореніемъ мѣстности и представляютъ собой душу ландшафта. У Ширмера преобладаетъ музыкально-романтическій элементъ, у Преллера — антично-пластическій, передъ нимъ становится какъ-то гомерично на душѣ.

Изо всей римской братіи, чувствомъ колорита наиболѣе отличался Фейтъ, но зато онъ не былъ богатъ фантазіей; его пригласили во Франкфуртъ управлять Штеделевскимъ Институтомъ. Его Германія выражаетъ больше задушевности нежели энергической дѣятельности, но тѣмъ лучше она передаетъ тогдашнюю пору тайныхъ стремленій и ожиданій; его двѣ Маріи, стоящія съ тихой грустью и надеждою на разсвѣтѣ у запертой еще гробницы Спасителя, такъ полны настроенія, что религіозная поэзія романтики можетъ поставить къ нимъ въ противень развѣ только пѣсни Новалиса.—Ученикъ Овербека и Фейта, Штейнле, особенно отдался символичному; но если сегодня онъ дойдетъ до такой странности что положитъ Христа подъ виноградные тиски чтобы выдавить изъ него кровь въ видѣ Св. Причастія, то завтра же онъ способенъ очаровать насъ картиною къ шекспировой піэсѣ „Что вамъ угодно". Въ Вѣнѣ достойными представителями церковной живописи явились Фюрихъ и Куппельвизеръ. Первый началъ съ тиковой Геновефы, но въ Римѣ сдѣлался совершеннымъ богословомъ, доктринёромъ католичества, внѣ котораго онъ видитъ только пантеизмъ, а въ немъ одномъ находитъ мѣсто для искусства. Его муки идущаго на крестную смерть Спасителя полны даровитой силы, и не даромъ распространились они въ народѣ; его торжественное шествіе Христа вышло полною символической пышности процессіей, гдѣ догматизирующая ученость развернулась въ ущербъ свободной истинѣ и ея наглядной передачѣ.—Въ Берлинѣ романтика не нашла себѣ настоящаго пріюта. Карлъ Бегасъ, который склонялся къ ней въ своей Лорелеѣ, въ оплакивающемъ Іерусалимъ Христѣ, былъ гораздо значительнѣе въ качествѣ портретиста, гдѣ обокъ съ нимъ выступилъ Францъ Крюгеръ и сдѣлалъ военный парадъ портретною галереей современниковъ.

Зато процвѣла въ Берлинѣ скульптура. Благородная королева Луиза отправила Христіана Рауха (1777—1857) въ мастерскую старика Шадова, и скончалась въ то время, когда онъ уѣхалъ въ Римъ для дальнѣйшаго усовершенствованія; Торвальдсену предложили изваять ей надгробный памятникъ, а онъ указалъ на младшаго сверстника, который въ изображеніи усопшей такъ достойно выразилъ чувства своей благодарности и глубокаго уваженія. Умѣніе ясно постичь дѣйствительность и возвести индивидуальное въ его идеалъ было именно сильной стороною Рауха; обдумчивость перемогала у него фантазію; онъ показалъ, на что способенъ даровитый смыслъ, дѣлающій добросовѣстно и неуклонно свое дѣло. Ему удалось стать пластикомъ народности, когда онъ началъ съ созданія памятниковъ героямъ войны за освобожденье, когда въ Шарнгорстѣ онъ изобразилъ человѣка, погруженнаго въ думу о народномъ вооруженіи, въ Бюловѣ—упорно сопротивляющагося

воина, а въ Блюхерѣ—стремящагося впередъ бойца. Къ этому направленію примкнули Франке въ Галле, Дюреръ въ Нюренбергѣ, Максъ I Баварскій съ своими превосходными рельефами въ Мюнхенѣ; сюда же примкнули столь многочисленныя статуи и бюсты замѣчательнѣйшихъ современниковъ, тогда какъ, съ другой стороны, разныя Викторіи, изваянныя для Вальгаллы и эллински-прекрасныя помимо всякаго подражанья, онагляживаютъ то труднодобытую, то легкую, то мироносную побѣду. Подобно Фидію, Рàуху суждено было старцемъ создать обширнѣйшее свое произведеніе: памятникъ Фридриху Великому представляетъ намъ короля на конѣ надъ цоколемъ, окруженнымъ всѣми государственными людьми и воинами, которые дѣйствовали вмѣстѣ съ нимъ и подъ его державой; также мыслители и поэты, Кантъ и Лессингъ стоятъ тамъ въ непосредственной бесѣдѣ между собою, а рельефы поверхъ этихъ фигуръ передаютъ намъ дѣятельность героя въ миѳологическомъ стилѣ его времени, тогда какъ впрочемъ 18-й вѣкъ и самъ выступаетъ передъ нами со всей реалистичной свѣжестью.—Обокъ съ Рàухомъ, Рудольфъ Шадовъ и Вихманъ работали свои жанровыя вещи; полный фантазіи и тонко образованный какъ братъ его, поэтъ, Христіанъ Фридрихъ Тикъ ваялъ превосходные свои бюсты и лѣпилъ пластическія украшенія къ театру Шинкеля; подъ руководствомъ Рàуха образовалась та художническая молодежь, которая и пустила въ общій ходъ его здоровую, развивчивую и однакожь полную мѣры манеру.

Богатою изобрѣтательностью воображенія Шванталеръ въ Мюнхенѣ превосходитъ всѣхъ, но ему недоставало той необходимой для скульптуры выработки, благодаря которой красота вселенной сквозитъ въ каждомъ единичномъ произведеніи; да и множество заказовъ при королѣ Лудвигѣ,—фронтонное поле Вальгаллы съ побѣдою Арминія надъ Римлянами, статуи художниковъ надъ Пинакотекой, Христосъ съ апостолами по фасаду церкви св. Лудвига, украшеніе Пропилей, — все это невольно вело его къ декоративному, тогда какъ его собственное пристрастіе къ выработкѣ группъ проявлялось больше въ рельефахъ, которые, какъ напримѣръ походъ Барбароссы, миѳъ Афродиты, многократно выводятъ одну и ту же личность все въ новыхъ положеніяхъ и такимъ образомъ передаютъ ея исторію вполнѣ. Шванталеръ жилъ для самого себя въ рыцарской романтикѣ, и хорошо умѣлъ передать чисто-средневѣковые поэтическіе облики, каковы, напримѣръ, являющіеся въ Нибелунгахъ; онъ умѣлъ идеально олицетворить славянство въ статуяхъ Подѣбрада и Любуши, и если его колосальная Баварія не вполнѣ удовлетворяетъ пропорціями тѣла, то все же ликъ ея сіяетъ возвышенною граціей. Религіозною пластикой занялись Конрадъ Эбергардъ и Шѐнла́убъ, примыкая болѣе къ старинной нѣмецкой манерѣ.

Во Франціи Энгръ (Ingres)—сверстникъ нашему Корнеліусу, не съ такой какъ у послѣдняго силою творческой фантазіи, но зато съ болѣе тонкимъ чутьемъ къ выработкѣ. Полностильныя въ рисункѣ, холодныя и сухія въ колоритѣ, его мелкія композиціи пріятнѣе крупныхъ; его апоѳеозъ Гомера, сравнительно съ подобными произведеніями Каульбаха, поражаетъ отсутствіемъ живописнаго положенья, но его Стратоника, его Эдипъ передъ сфинксомъ—превосходныя картинки, и истинно-мастерскимъ созданіемъ, пол-

нымъ свѣжей, цѣломудренной красоты, должно назвать его „Источникъ“,— нагую дѣвушку, съ урною воды, у тѣнистаго утеса. Выросши на изученіи антика и Рафаэля, онъ также былъ направленъ къ поэтически и исторически-великому.—Итальянская народная жизнь, одинъ изъ любимыхъ предметовъ романтики, нашла себѣ своего живописца въ Леопольдѣ Роберѣ. Захваченные въ плѣнъ разбойники сидѣли тогда, и съ семействами, въ баняхъ Каракаллы въ Римѣ; тамъ изучилъ онъ формы и образъ чувствъ этого разряда людей и вслѣдъ за тѣмъ превзошелъ самъ себя и всѣ прежнія свои работы въ трехъ крупныхъ композиціяхъ. Праздникъ близъ Неаполя, Отбытіе венеціанскихъ моряковъ на ловлю кораллов и Косцы въ римской Кампаньи передаютъ намъ типъ трехъ разныхъ племенъ художнически-просвѣтленнымъ въ характеристичныхъ его линіяхъ, съ его дѣловой, серьёзной стороны, равно какъ и со всѣмъ неудержнымъ его весельемъ; облики индивидуальны и въ то же время полносильны вообще и навсегда, каждый изъ нихъ самъ по себѣ выразителенъ и каждый однакожь пріуроченъ къ какому-нибудь благоуряженному цѣлому и къ его общему настроенью. Тутъ жанръ восходитъ на высоту исторической картины: эти готовые на смерть рыбаки, эти великолѣпные Римляне передъ буйволами въ ихъ меланхолическомъ покоѣ, обличаютъ силу и способность къ возстанію въ народѣ, который скорбно помышлялъ тогда о лучшихъ дняхъ и которому суждено же было наконецъ опять найдти себѣ родину. Сравнительно съ нынѣшними реалистами и колористами у Робера, правда, еще отзывается школа Давида. Жертва неодолимой душевной тоски, онъ самъ пересѣкъ нить своего развитія.—Нѣмецкое вліяніе замѣтно у Ари Шеффера, у Ипполита Фландрена. Живописную фантазію перваго вызываютъ къ воспроизведенію поэты наши, Гретхенъ Гёте, Ленора Бюргера, уландовъ Графъ Эбергардъ; безъ драматической оживленности художникъ остается при одномъ замкнутомъ въ себѣ чувствѣ, сантиментальное далось ему лучше наивнаго. Ни кто не написалъ по Данту такъ хорошо какъ онъ Франческу Римини, проносящуюся съ своимъ возлюбленнымъ въ Аду передъ поэтомъ. Въ религіозной области онъ изображалъ Іисуса какъ утѣшителя бѣдствующихъ или въ противоположность Искусителю, а также Іудѣ, чисто-человѣчественнымъ, милосердымъ и вмѣстѣ полнымъ высоты, съ тѣломъ, насквозь просвѣтленнымъ душою; зять его, Ренанъ, нашелъ у него типъ для своего писательскаго изображенія.—Фландреневы композиціи параллельныхъ сценъ Ветхаго и Новаго Завѣта напоминаютъ овербековскія, хотя имъ и уступаютъ; тутъ живописецъ Орсель стоитъ выше его; но вполнѣ мастерскимъ произведеніемъ, далеко оставляющимъ за собой подобную же работу Фюриха, является рельефно-компонованный фризъ на базиликѣ свв. Викентія и Павла въ Парижѣ: съ одной стороны—апостолы, мученики отцы церкви, съ другой жены, всѣ подступающіе къ алтарю, къ Спасителю; простые, граціозные, свѣжо прочувствованные мотивы среди общаго всѣмъ глубокаго благоговѣнья, торжественный ходъ фидіевыхъ Панаоинеевъ, въ переводѣ на церковный языкъ, это такъ же близко къ недосягаемому, какъ въ своемъ родѣ скульптурные рельефы Торвальдсена и Шванталера.

Байронъ и его вліяніе на европейскую литературу.

Осьмнадцатый вѣкъ своей философской критикой уничтожилъ суевѣріе и пустыя, мечтательныя грезы, но онъ далеко не установилъ для общаго сознанія новаго удовлетворительнаго міросозерцанья; сомнѣніе подкопало религіозную вѣру въ прежнихъ ея основахъ, а попытка возстановить ее посредствомъ католической реставраціи романтиковъ не могла удовлетворить ума. Французская революція задумала освободить цѣлый міръ, и между тѣмъ сама подпала себялюбію военнаго самовластца; Европа возстала противъ его своеволія, но Меттернихи, лорды Кастельрè опутали побѣдоносную силу народа полицейскими обузами, когда, утомленная чрезмѣрнымъ напряженіемъ, она ощутила нужду въ отдыхѣ, въ покоѣ, а при малѣйшемъ пробужденіи жизни, ее спѣшили подавить. Тогда мука сомнѣнія въ душѣ человѣческой, тугà времени, жалкая доля существованія вообще нашли себѣ свое поэтическое выраженіе черезъ лорда Байрона въ поэзіи міровой скорби, въ сàтирѣ противъ всего выказнòго, всего низкаго, и въ призывѣ на бой для завоеванія себѣ лучшей, счастливѣйшей будущности *.

Джорджъ Байронъ (1788—1824), потомокъ норманнскаго аристократическаго рода, въ ранней юности—феодальный владѣлецъ древняго аббатства, пэръ Англіи, кумиръ женщинъ и вѣнчанный славою поэтъ, повидимому только и призванъ былъ къ тому, чтобы воспѣвать роскошь жизни, радость торжествующаго духа; но обокъ съ аполлоновской красотою, невольно привлекавшею къ нему сердца, природа надѣлила его роковымъ придаткомъ, покривленною ногой, которая сильно его огорчала, и вотъ демоническая страстность души правда вознесла его высоко надо всѣмъ пошлымъ, надо всѣмъ низменнымъ, но зато и не дала ему ни на чемъ спокойно остановиться; въ стремленіи къ свободѣ своей самобытно-геніальной личности, онъ не только желалъ себѣ „сороко-поповской“ силы чтобы воспѣть то суесвятство (cant), которое наружно подчиняется всѣмъ церковнымъ и общественнымъ правиламъ и выполняетъ всѣ обряды, блюдетъ всѣ формулы ради мірскихъ пользъ, какъ ни перечь они внутреннему настроенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ предался такой непомѣрной страсти къ наслажденіямъ, что ея излишества вскорѣ опостылили ему весь свѣтъ, а когда свѣтъ также поворотился къ нему спиною, его оскорбленное *я* выступило противъ него съ крайнимъ презорствомъ и явной ненавистью. Высоко-образованный и богато-надѣленный отъ природы, онъ ввелъ неограниченную субъективность и въ поэзію; но этотъ необузданный произволъ разбилъ всю жизнь его, и такъ-какъ, изображая самого себя, онъ всегда хотѣлъ являться интереснымъ и великимъ, то впалъ въ суетность подобно Руссò, и, подобно ему, въ борьбѣ противъ причудъ тогдашняго англійскаго общества, противъ внѣшней его благопристойности, личины внутренней порчи и пустоты, онъ былъ готовъ отдать на жертву и самую его сущность;

* Поэзія міровой скорби лежитъ въ основѣ христіанства, но въ немъ она соединяется съ утѣшительностью надмірныхъ упованій. Прим. перев.

его доброе вначалѣ сердце заразилось, какъ и сердце Руссо̀, гнилью атмосферы, среди которой онъ выросъ, и вмѣсто неослабной строгости къ самому себѣ, онъ пріобрѣлъ навыкъ разглядывать и раскрывать самыя мрачныя бездны души, ставить свой геніальный произволъ на мѣсто нравственнаго міропорядка. Такъ и онъ былъ самъ виною своего несчастія. Съ Руссо̀ дѣлилъ онъ еще любовь къ природѣ и къ свободѣ; первая служила ему освѣжительной и омывающей купальнею, а вторая возвратила первобытное благородство душѣ его; передовымъ бойцомъ за лучшую будущность человѣчества палъ онъ славно въ цвѣтѣ лѣтъ, помогая греческому возстанію, а романтично-удала̀я жизнь его озарилась блескомъ всеміpноисторическаго величія. Передъ его ни чѣмъ не ослѣпимымъ глазомъ всегда лежали мучительные вопросы и загадки бытія, глубоко глядѣлъ онъ въ язвы и пропасти, и насмѣшка са̀тиры надо всѣмъ превратнымъ, нелѣпымъ и гадкимъ чередовалась и переплеталась у него съ самымъ искренно-скорбнымъ сочувствіемъ къ напастямъ, постигающимъ всѣ живыя существа; его рьяное строптивое сердце не хотѣло ни чего знать объ отрадѣ, доставляемой самоотреченіемъ, орелъ лучше готовъ былъ разможжить себѣ крыло о желѣзные прутья своей клѣтки, нежели терпѣливо принимать выпавшій ему жребій подобно голубю. Нашелъ ли бы Байронъ успокоеніе и миръ, проживи онъ дольше? Его страданіе и борьба доказали еще разъ, что Гетё не напрасно выставилъ Вертера и Фа̀уста типами новаго времени; „міръ принадлежитъ царю безумныхъ!“ сказалъ однажды и Шиллеръ. Призваніемъ Байрона было именно вы̀сказать міровую скорбь.

Безъ дѣятельнаго призора и любви отца, безъ кровной обстановки изъ сестеръ и братьевъ, выросъ Байронъ у бездушной, своенравной матери. Передъ всѣми сверстниками отличался онъ въ ловкости ѣздить верхомъ, плавать, стрѣлять, биться на шпагахъ и ребячески гордился этимъ; но на душу ему налегла тѣнь, когда первая же полюбившаяся ему дѣвушка не захотѣла „хромоножки“; онъ предался дикимъ излишествамъ, потомъ задумалъ пожать лавръ ученическими опытами своей музы; тутъ остановила его справедливо-жесткая критика Брума, и тогда раздраженіе сдѣлало его поэтомъ въ са̀тирѣ „Англійскіе барды и шотландскіе рецензенты“. Онъ отвернулся отъ Англіи, проѣхалъ по Испаніи, по Греціи, воротился оттуда съ поэтическимъ дневникомъ, первыми пѣснями Чайльдъ-Гарольда, и 24-хъ лѣтъ о̀тъ роду былъ признанъ въ своемъ отечествѣ величайшимъ изъ современныхъ поэтовъ. Высшее общество обоготворило его и избаловало; поэтическіе разсказы: Абидосская невѣста, Корсаръ, Лара возбуждали все новое и новое удивленіе; тогда, чтобы избавиться отъ долговъ, онъ женился по расчету на Аннѣ Изабеллѣ Мильбанкъ; но она скоро покинула его съ маленькою дочкой, и большой свѣтъ накинулся на поэта, какъ на главнаго виновника: гордая собой добродѣтель, суесвятство, завистливая злорадность осуждали, позорили его наперевывъ. Если въ поэзіи онъ искалъ прекраснаго среди развалинъ загубленныхъ сердецъ, если онъ сообщалъ своимъ характерамъ особенную привлекательность, рисуя ихъ на темномъ фонѣ злодѣйствъ и страданій, и давалъ пищу мнѣнію, что изображаетъ въ нихъ самого себя, зато даже и гробъ его не пощадила клевета, будто свояченицу свою, Августу, онъ любилъ не такъ какъ бы слѣдовало. Въ 1816-мъ году онъ снова покинулъ Англію и пустился вверхъ по Рейну въ Швейцарію, а потомъ въ Венецію. Окончаніе Чайльдъ

Гарольда, трагедія Манфредъ, Мазеппа, начало Донъ-Жуана показываютъ намъ полноту его поэтической силы, а онъ между тѣмъ предался опять дикимъ чувственнымъ наслажденіямъ. Шестнадцатилѣтняя Тереза, вышедшая замужъ за стараго графа Гвиччіоли, вырвала его изъ этого разгула; она удалилась въ прежнюю свою семью, Гамба, и въ сообществѣ съ послѣднею Байронъ принялъ теперь участіе въ стремленіяхъ Италіи къ объединенію и освобожденью. Онъ печаталъ драмы изъ итальянской исторіи, потомъ издалъ Сарданапала и Каина. Далеко опереженный имъ Саути, ставъ изъ революціонера панегиристомъ реакціи, заклеймилъ его именемъ главы той сатанинской школы, которой созданія будто бы дышатъ духомъ Веліала въ своихъ сластолюбивыхъ картинахъ и щеголяютъ преступной гордостью Молоха въ своихъ мрачныхъ образахъ. Байронъ не только направилъ противъ этого свое „Видѣніе суда", но и начерталъ въ „Бронзовомъ вѣкѣ" великолѣпную сатиру на реакціонную политику того времени и на ея кумировъ, которымъ поклонялся его новый врагъ. А когда онъ принялся опять за Донъ-Жуана, то и въ немъ продолжалъ поэтическую кару. Тутъ онъ увидѣлъ пробужденіе народовъ, начиная отъ Андскаго хребта до Аоона, и ему захотѣлось помочь Грекамъ въ низверженіи турецкаго владычества: дѣломъ меча должно было завершиться дѣло пѣсни. Ни одинъ поэтъ не славилъ Греціи такъ восторженно какъ онъ; она была поприщемъ его поэтическихъ разсказовъ и она же освятила его жизнь поэтически-лучезарнымъ закатомъ. Онъ собралъ всѣ денежныя свои средства, вооружилъ бригаду Суліотовъ на свой счетъ, но тутъ смертельная болѣзнь поразила его на эллинской почвѣ, и онъ умеръ въ 1824-мъ году.

О сердце! замолчи! пора забыть страданья....
Уже любви ни въ комъ тебѣ не возбудить;
Но если возбуждать ее не въ состояньи,
Всё жь я хочу еще любить.

Такъ начинаются послѣднія его строки; волканическій пылъ души его зажигаетъ пламя погребальнаго костра, но и Спартанецъ, возвращавшійся съ боя на щитѣ, не былъ свободнѣе поэта; когда воспрянула Эллада, духъ его долженъ идти на битву во всей мужественной чистотѣ.

Иди, ищи того, что̀ часто въ нашей долѣ,
Не думая найдти, находятъ безъ труда—
Могилу воина; найди ее на полѣ
И успокойся навсегда!

Байронъ—величайшій лирикъ Англіи. Какъ глубоко-трогательно и мелодично становилась у него поэзіей его собственная судьба въ прощаніи съ женой, въ пѣсняхъ къ его свояченѣ, или въ томъ безподобномъ снѣ, гдѣ проходитъ передъ нимъ вся жизнь его, блаженство его несчастной юношеской любви, его странствованіе и роздыхъ среди развалинъ греческаго храма, и рѣсницы, полныя непролившихся еще слезъ, надъ глазами нѣкогда любимой имъ женщины; проходитъ передъ нимъ и то возвращеніе отъ алтаря, когда ликъ ея внезапно тѣснится между нимъ и новобрачной его женою, ея

помѣшательство, если можно назвать такъ полный грусти взглядъ, который вѣдь не что иное какъ телескопъ истины, снимающій съ вещей шумиху и разоблачающій міръ въ его наготѣ; наконецъ борьба и ненависть, которыя подливаютъ поэту каплю яду въ каждый кубокъ.

Онъ пережилъ, что всякому другому,
Пожалуй, смертный принеслобъ конецъ;
Сдружился онъ съ горами; со звѣздами
И съ духомъ жизни міра онъ бесѣды велъ;
И научили они его сокрытымъ силамъ
Дивныхъ чаръ своихъ, и передъ нимъ
Вся книга темной ночи развернулась,
Неслись къ нему изъ бездны голоса,
Невѣдомое чудно открывая.

Какъ нѣжно-трогательно и задушевно звучитъ грусть о погибшемъ народѣ въ его Еврейскихъ мелодіяхъ, и какъ могущественно раздается у него жалоба Тасса! Какъ чудно славитъ онъ греческіе острова, призывая ихъ къ освобожденію! Байронъ—лирикъ даже и въ своихъ драмахъ, въ своихъ поэтическихъ повѣстяхъ; онъ скуденъ дѣйствіемъ и характерами, но неистощимъ на образы, на ощущенія, на мысли. Онъ не мастеръ художественно провести тотъ или другой планъ; стихи его—импровизаціи въ порывѣ переполненнаго чувствомъ сердца или подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ окружающей обстановки; онъ отдается вольному ходу своей фантазіи, своего остроумія, но онъ всегда чернаетъ изъ самой глубины и поистинѣ удивителенъ въ нежданныхъ своихъ выходкахъ и затѣяхъ.

Въ Странствіи Чайльдъ-Гарольда главное — картины природы и размышленія, но такъ какъ дѣлаетъ то и другое Байронъ, самъ Лессингъ не исключилъ бы ихъ изъ святыни храма поэзіи. Средоточіемъ у него вездѣ живой человѣкъ; движенія души, ея борьбы, скорби и радости служатъ для всего основнымъ тономъ; ни море, ни пейзажъ никогда не описываются внѣшнимъ образомъ, они отражаются въ душѣ поэта и мы узнаемъ впечатлѣніе, какое они въ ней произвели, или же они прямой отблескъ его чувства, наглядный символъ его настроенія *. Какъ твердо и вѣрно обрисовываетъ онъ мѣстности, какія яркія беретъ краски; мы невольно ощущаемъ картины эти, потомучто поэтъ дѣлаетъ насъ соучастниками своихъ душевныхъ состояній. Въ Греціи и въ Италіи поетъ онъ только большія элегическія пѣсни, грусть настоящаго выходитъ у него въ противень великолѣпію дальней старины, когда онъ называетъ Римъ Ніобою народовъ, и тамъ, гдѣ онъ древле дѣйствовалъ, разставляетъ памятники великихъ мужей. Описываетъ онъ удаляющуюся среди Альповъ грозу,—и замирающій постепенно громъ рокочетъ звукомъ того

* Вспомните хоть эти двѣ строки простертому передъ нимъ морю:

One cannot gaze at it a minute,
Without a wish to be within it.

Нѣтъ мочи на него глянуть,
Безъ жажды въ глубь его нырнуть.

Прим. перев.

набата, который тревожно раздается въ душѣ Байрона даже и во время его сна, и онъ спрашиваетъ о ея цѣли и пути мчащуюся бурю:

Куда жь вы, бури, мчитесь? Или
Вы тѣ же, что̀ въ людской груди
Живутъ всегда? иль вы открыли
Себѣ пріюты, какъ орлы,
Въ вѣнцѣ заоблачной скалы?

И вотъ мирно спускаются вечерніе сумерки:

На зелени росинки слезъ
Благоухая проступаютъ,
И землю влагою поятъ
Росы серебряныя зерна,
И ихъ цѣлебный ароматъ
Земля глотаетъ благотворно,
И распускаетъ вновь цвѣты
Въ сіяньи вешней красоты.
О звѣзды! вы—цари эѳира!
У насъ у всѣхъ желанье есть
Въ сверканьи звѣздъ судьбину міра,
Народовъ будущность прочесть.
И хочетъ мысль необычайно
Взлетѣть до вашей высоты,
Вы—неразгаданная тайна!
Вы—лучъ небесной красоты!
И такъ васъ люди обожаютъ,
Что власти, счастью и уму,
Всему высокому, всему
Эмблемой васъ изображаютъ,
И люди вѣрили всегда,
Что есть у нихъ своя звѣзда.
Земля и небо молчаливы,
Чуть дышатъ, но еще не спятъ.
Такъ, затаивъ свои порывы,
Глядимъ и мы. Они молчатъ,
Какъ мы въ минуту размышленья....
Все жизнью вѣетъ: группы горъ,
Водъ убаюканныхъ просторъ...
Ни одного нѣтъ дуновенья,
Луча, иль лишняго листка,
Гдѣбъ жизнь природы не сказалась,
Гдѣ съ стебля каждаго цвѣтка
Одно бы имя не шепталось,
Не повторялось безъ конца:
То—имя Вѣчнаго Творца.

Это пантеистическое чувство природы, чувство единенія со всѣмъ живымъ открываетъ поэту и самое нутрò вещей, самое ихъ сердце, такъ что онѣ представляются ему одушевленными и самодѣятельными. То зàмокъ Драхенфельсъ смотритъ у него черезъ бурливый Рейнъ и обѣщаетъ урожай хлѣба и винограда; то слышимъ, что

Ужь тѣни горъ, любови полны,
Саламина лобзаютъ волны.

Или же поэтъ спрашиваетъ (въ самомъ началѣ Абидосской Невѣсты):

Кто знаетъ край далекій и прекрасный,
Гдѣ кипарисъ и томный миртъ цвѣтутъ,
И гдѣ они какъ призраки ростутъ
Суровыхъ дѣлъ и нѣги сладострастной?

Такъ точно у него и съ думами: мысль никогда не предлагается отвлеченно, она прямо брыжжетъ изъ чувственнаго созерцанія или изъ сердца поэта; она добыта съ боя душевною борьбой или же завѣрена самымъ дѣломъ и судьбиною; она пропитана завѣтною кровью того, кто съ глубокимъ чувствомъ высказываетъ ее въ мукѣ сомнѣнія или въ неутолимой жаждѣ свѣта и покоя. Такъ у него это въ Чайльдъ-Гарольдѣ, такъ точно и въ драмахъ. И особенно первая поэма своимъ неслыханнымъ успѣхомъ обязана еще тѣмъ огневымъ словамъ,'въ какихъ страсть лорда Байрона излила гнѣвъ свой противъ всего пошлаго и низкаго, противъ тиранніи и безумія, излила свою грусть надъ гибелью прекраснаго и великаго, и высказала весь восторгъ его къ природѣ и свободѣ.

И въ поэтическихъ разсказахъ сила страсти и лирическое ея выраженіе всегда перевѣшиваютъ у него эпическое развитіе характеровъ и событій. Герой обыкновенно—демоническая натура, мрачный, съ жуткимъ воспоминаніемъ о темныхъ дѣлахъ или съ горькими въ душѣ разочарованьями, и поэтъ явно рисовался тѣмъ, что читатели искали въ такихъ фигурахъ отраженій его собственной личности, онъ поблажалъ слухамъ о дѣйствительныхъ переживахъ, будто бы внушившихъ ему тотъ или другой сюжетъ и соотвѣтственное ему настроеніе. Всѣхъ блистательнѣе выполненъ Корсаръ, съ которымъ можно сопоставить Лару; Мазеппа вызвалъ общее удивленіе многоподвижнымъ дѣйствіемъ, Паризина—мастерской живописью души; тогда какъ одно позднѣйшее стихотвореніе „Островъ“ явилось прелестною идилліей счастливой любви на отдаленномъ океанѣ,—идилліей, о которой такъ охотно мечтали со временъ Руссо̀. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ выразительная сила языка не уступаетъ пылу чувства и прелести описанія; тонъ Байрона въ поэзіи сталъ верховоднымъ вообще.

Трагедіи его, смѣло выдержавшія судъ времени, суть точно такъ же драмы мысли, какъ Наоанъ и Фаустъ. Личность Байрона проглядываетъ и здѣсь въ его герояхъ; сердце, страдающее подъ гнетомъ помысловъ, муки духа въ вѣчной борьбѣ съ жизненными загадками, вотъ у него главное, дающее своеобразное значенье этимъ драмамъ. Самъ Гёте замѣтилъ что геніальный Бриттъ посвоему восприняль его Фауста и меланхолически высосалъ изъ него самую странную для себя пищу; Байронъ, говоритъ онъ, воспользовался подходящими для его цѣли мотивами на свой собственный ладъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не остался въ прежнемъ видѣ, но что этого рода преобразованіе именно и достойно удивленья. Въ Манфредѣ нѣтъ вѣдь всущности ни какого стремленія къ высшему; мы видимъ только заключеніе лежащаго позади насъ прошлаго въ словахъ: Не трудно умереть. Въ его юности была черта какого-то фаустовскаго величія:

Я думалъ стать въ числѣ людей великихъ
Хотѣлъ подняться—до чего?—не знаю—
До высоты, съ которой мнѣ, быть-можетъ
Случилось бы упасть, но пасть съ величьемъ.
Такъ водопадъ серебрянымъ потокомъ
Съ крутыхъ высотъ сбѣгая прямо въ бездны,
Въ ихъ глубины съ собой свой блескъ уноситъ,
А брызги пѣны, кверху поднимаясь,
Волнами незамѣтнаго тумана
Сливаются съ самими облаками....
Великое и грозное паденье!...

И Манфредъ вызываетъ духо̀въ, но онъ хочетъ не познанія, не наслажденія, а одного лишь — забвенія. Сердце его истекаетъ кровью отъ тайной раны, душа его стонетъ подъ гнетомъ невысказанной вины; драматически-эффектно то, что послѣдняя лежитъ вначалѣ подъ покровомъ, но за тѣмъ намъ слѣдовало бы наконецъ уяснить ее; однакожь и самый вопросъ о ней не поставленъ ясно, а не то что удовлетворительно разрѣшонъ, — даже и на словахъ, не говоря ужь о дѣйствіяхъ и судьбѣ героя. Драма представляетъ намъ Манфреда готоваго освободиться отъ душевной муки прыжкомъ въ бездну; встрѣчный охотникъ удерживаетъ его въ горахъ; онъ отказывается признать надъ собой власть князя бѣсовъ, Аримана; онъ отталкиваетъ отъ себя аббата съ утѣшеніями предлагаемыми церковью; онъ стропотно противустоитъ злымъ духамъ, окружающимъ одръ его смерти. Личность, въ полномъ чувствѣ собственной своей силы, становящаяся сама себѣ небомъ и адомъ въ своей глубинѣ, выходитъ поэтому идеальнымъ центромъ всей піэсы. Воля является непреоборимою. Ни какое въ мірѣ заступленіе не можетъ снять съ души чувство вины, ни какая будущая казнь такъ не безпощадна въ своемъ правосудіи, какъ самоосужденье.

Безсмертный гордый разумъ человѣка
Лишь самому себѣ даетъ отвѣты
За каждое движенье тайной мысли;
Добро и зло, послушныя разсудку,
Родятся въ немъ и въ немъ же умираютъ.
Отъ времени и мѣста не зависитъ
Свободный умъ; стряхнувъ оковы праха,
Условьями минутными не связанъ,
Въ самомъ себѣ умѣетъ находить онъ
Страданіе иль счастье....

Манфредъ во взрывахъ скорби идетъ еще дальше Гамлета:

Всѣ мы—
Игрушка времени и страха. Годы
Проходятъ передъ нами незамѣтно,
Но каждый годъ все что-нибудь уноситъ
Отъ насъ, и мы живемъ, скучая жизнью
И смерти опасаясь. Жизни иго
Насъ тяготитъ, то радостью больною,
То скорбью безконечной, то проклятьемъ
Въ прошедшемъ и грядущемъ; не имѣемъ
Мы настоящаго, и нѣтъ минуты,
Въ которую мы смерти не желалибъ,

Но предъ которой все-таки трепещемъ,
Боясь ея холодной мертвой ласки,
Хоть одного мгновенія довольно
Чтобъ кончить съ жизнью разомъ!
Кто могъ во все умомъ своимъ проникнуть,
Тотъ истину встрѣчаетъ воплемъ скорби,
И знаніе ему—не древо жизни.

Душевное состояніе Манфреда изложено мастерски, но ему недостаетъ примиренья *; его страданіе принимаемъ мы карой за его вину, но поэтъ не даетъ намъ ни какой надежды на то, чтобы жгучій огонь скорбей былъ огнемъ очистительнымъ; онъ оставляетъ насъ въ сумеркахъ тяжкаго сомнѣнья. Драма разъигрывается среди Альпъ; но всѣ картины ихъ превосходитъ всплывающее въ памяти Манфреда воспоминаніе о безподобной лунной ночи въ Колизеѣ, и кто хоть однажды прочелъ его въ Римѣ, у того сольется оно навѣки съ нагляднымъ впечатлѣніемъ.

Мистерія Каинъ начинается раннимъ утромъ уже внѣ райскихъ предѣловъ. Адамъ съ семействомъ молятся и приносятъ жертву, одинъ Каинъ молчитъ, потому будто бы, что ему нѐчего просить и нѐ за что благодарить. Онъ ясно видитъ красу міра, красу свѣтлыхъ звѣздъ на голубомъ небѣ, прелесть жены своей, Ады; тѣмъ для него прискорбнѣе, что все это должнò погибнуть; его отеческое сердце радостно бьется при поцалуѣ дѣтей, и однакожь онъ желалъ бы разможжить ихъ о скалу, лишь бы избавить отъ того бѣдствія, какое должны они терпѣть сами и передать въ наслѣдіе другимъ. Къ нему подступаетъ падшій ангелъ, Луциферъ, блистательный еще видомъ, но печальный; въ немъ есть демоническая прелесть зла, внушающая человѣку ужасъ и однакожь привлекательная, манящая; онъ, какъ и у Мильтона, гордый мятежникъ, не хотѣвшій служить Создателю, и вотъ онъ проповѣдуетъ теперь ту ложь, что одинъ успѣхъ рѣшаетъ, чтò право, чтò неправо, что побѣди онъ,—и его дѣло прослыветъ добромъ. Онъ не могъ отвѣчать: Да! на вопросъ Каина: Счастливъ ли ты? Онъ только указываетъ на общее горе жизни, и торжественно отрицается отъ принадлежности къ тѣмъ раболѣпнымъ духàмъ, которые готовы назвать зло добромъ, подлещаясь къ Богу. Каждое существо только и живетъ вѣдь насчетъ другого, болѣзнь и война лежатъ заклятіемъ на всякомъ бытіи: не доказательство ли это, что Богъ творитъ лишь для разрушенія?

Добро зла не рождаетъ; между тѣмъ —
Чтò сдѣлалъ онъ другого? Такъ пусть вѣчно
На тронѣ безпредѣльномъ и пустынномъ
Сидитъ онъ, создавая сонмы сферъ,
Чтобъ сдѣлать вѣчность менѣе тяжолой.
Пусть громоздитъ міры онъ надъ мірами,
Но въ безконечной власти будетъ онъ
Всё жь одинокъ и непонятенъ. Еслибъ
Онъ самого себя могъ сокрушить,
То это былобъ лучше. . . Но не можетъ.
Такъ пусть же вѣчно царствуетъ онъ, вѣчно
Распространяя горе. Духи, люди

* Да вѣдь это-то именно и составляетъ всю его особенность, его индивидуальную сущность. Прим. перев.

Страдаютъ, но сочувствіемъ своимъ
Другъ къ другу тѣ страданія смягчаютъ.

Такъ, на неопровержимомъ фактѣ мірского зла Луциферъ строитъ свои заключенія о мірозДателѣ, и сколько они ни ложны, послѣдній данный имъ оборотъ свидѣтельствуетъ о благородномъ сердцѣ поэта; сомнѣнія его не пустое легкомысліе, а напротивъ мучительная борьба ума, добивающагося истины. Развѣ Каинъ не несчастливъ отъ того, что̀ согрѣшили его родители? Это бремя лежитъ на душѣ его, и на основаніи этого Луциферъ вызываетъ его на сопротивленіе, на свободу. Сто̀итъ твердо захотѣть, внушаетъ ему искуситель, и Каинъ будетъ господствующимъ въ мірѣ средоточіемъ. Такъ воспитывается своевольство, которое тѣмъ и мнитъ заявить свою свободу, что ставитъ ни во что законъ. Каинъ отказываетъ въ поклоненіи Луциферу, какъ онъ не сгибаетъ колѣнъ и передъ Творцомъ; онъ не хочетъ такого счастія, которое бы его уничижало. Во второмъ дѣйствіи Луциферъ уноситъ его съ Земли въ мировое пространство; Земля для нихъ теперь только звѣздочка среди множества другихъ. Прекрасно высказываетъ Каинъ свое восхищеніе, очутившись въ высотахъ эѳира, гдѣ свѣтлые міры кружатъ въ безграничномъ отдаленіи; переполненный шумомъ безконечности, онъ желалъ бы умереть или познать вещи въ ихъ существѣ. Соревнуя Данте и Мильтону, поэтъ ведетъ насъ въ міръ тѣней, гдѣ въ жуткомъ неповадномъ полумракѣ рѣютъ схемы бывшихъ и будущихъ существъ, и Луциферъ развертываетъ страшную картину грѣховъ и напастей ожидающихъ Землю въ позднѣйшія времена. Снова ставится вопросъ о томъ, какъ можетъ быть дѣломъ радости вѣчное порожденіе пагубы и скорби. Змѣя ужалила овцу, и та жалобно заблѣяла; Адамъ положилъ на рану цѣлебную траву, и указалъ при этомъ, какъ изъ самаго зла происходитъ доброе; но не лучше ли же было бы овцѣ остаться неужаленной, нежели купить радость исцѣленія жесточайшею болью? Поэтъ не отвѣчаетъ на это, но онъ заканчиваетъ странствіе великолѣпной похвалой разуму и высказываетъ свое собственное убѣжденье:

Вамъ яблоко то вѣчно-роковое
Одинъ даръ добрый принесло, —
Вашъ разумъ; такъ себя не дайте жь
Угрозами въ слѣпую вѣру запугать,
Всѣмъ чувствамъ вопреки и внутреннимъ и внѣшнимъ;
Довѣрьтесь мысли и терпите зло;
Создайте міръ себѣ въ своемъ вы сердцѣ,
Когда міръ внѣшній вдругъ измѣнитъ вамъ;
Вы сблизитесь тогда съ духовною природой,
Свою жь преодолѣете вполнѣ.

Третій актъ—самая драматическая вещь, когда либо написанная Байрономъ; убійство Авеля развито здѣсь прямо изъ характеровъ и положеній, рѣчь и реплика не только что излагаютъ настроенія и помыслы но вмѣстѣ и ведутъ дальше самое дѣйствіе; овинословка на столько же умна, на сколько интересна. И вотъ, когда на свѣтѣ впервые появилась смерть, и мать проклинаетъ сына за братоубійство, вѣрна Каину остается одна любящая жена. Когда они съ ней ушли въ пустыню, онъ тужитъ по Авелѣ. Ада говоритъ:

Миръ ему! Каинъ: А мнѣ?—Гёте приводитъ отзывъ объ этомъ одной пріятельницы: все что̀ можно сказать религіознаго въ мірѣ заключено въ этихъ трехъ послѣднихъ словахъ мистеріи. Но вѣдь они такъ и остались вопросомъ, въ которомъ собственно лежитъ вся многотревожность зла, и который оставляетъ сомнительнымъ, будетъ или не будетъ примиренья.

Глубокимъ чувствомъ скорби проникнута и вся трагедія Сарданапалъ. Мы видимъ послѣдняго царя Ассиріи во всей его пышности и нѣгѣ согласно избранному имъ лозунгу: Ѣшьте, пейте, любитесь; все прочее не сто̀итъ ни чего. Но поэтъ облагороживаетъ своего героя и сближаетъ его съ нами человѣчески: Сарданапалъ хочетъ жить, да хочетъ чтобъ жилось и другимъ; онъ не хочетъ обоготворенія, не хочетъ воздвигать престола на трупахъ, пятнать кровью свою багряницу; какъ самъ онъ наслаждается бытіемъ, такъ пусть наслаждается и народъ. Но именно эта его кротость даетъ поблажку возмущенію, воины вступаютъ въ заговоръ съ жрецами, и тутъ Сарданапалъ заслуженно навлекаетъ себѣ роковую судьбу свою: онъ не хочетъ отказаться даже и отъ одного пира, не хочетъ ни одного часа помутить заботами, хотя бы дѣло шло о потрясеніи всей громадной державы. Его смерть, украшенная любовью Мирры, дѣйствуетъ примирительно.

„Донъ-Жуанъ—безгранично-геніальное созданіе, доходящее въ ненависти къ людямъ до крайняго жестокосердія, человѣколюбиво погружающееся въ глубь милѣйшихъ наклонностей и чувствъ, и такъ какъ мы уже достаточно знаемъ и цѣнимъ автора, да и не хотимъ чтобы онъ сталъ не самъ собой, то мы благодарно услаждаемся тѣмъ, что онъ дозволяетъ себѣ предлагать намъ, съ чрезмѣрною свободой, даже можно сказать съ дерзостью". Такъ отозвался о Донъ-Жуанѣ Гёте. Самъ Байронъ называетъ свою поэму сатирическимъ эпосомъ; она должна какъ въ вогнутомъ зеркалѣ отражать въ себѣ грѣшки времени, но отнюдь не прославлять порокъ. Какъ истинный поэтъ, обокъ съ картиной изолгавшагося, испорченнаго, извращеннаго общества, состоящаго по большой части изъ докучливыхъ и скучающихъ, которымъ все надоѣло, Байронъ выставляетъ нѣсколько отрадныхъ обликовъ райской красоты и чистоты, и всегда готовъ чуткимъ ухомъ подслушать музыку шумящаго потока или шелестящаго тростника и сдѣлать землю эхомъ сферъ небесныхъ. Основна̀я скорбь его поэзіи проглядываетъ и сквозь бойкія его шутки, которыя падаютъ не только на вещи и дѣла, но обрушиваются прямо и смѣло до дерзости на именитыя даже лица. Я иногда смѣюсь для того чтобы не плакать, признается онъ самъ; у него, правда, нѣтъ того кротко-примирительнаго юмора, который принимаетъ сердечное участіе даже и въ тѣхъ, надъ кѣмъ онъ шутитъ, и который въ людскихъ слабостяхъ и недостаткахъ всегда готовъ указать обратную сторону ихъ добрыхъ свойствъ; но священный пылъ на по̀льзу человѣческаго блага и достоинства, восторженное ратоборство за право и истину облагороживаютъ всѣ его шутки. Онъ самъ стоитъ на первомъ планѣ съ своей личностью и увиваетъ передаваемыя событія арабесками своихъ чувствъ и размышленій; такъ напримѣръ кровавая рѣзня при взятіи штурмо̀мъ Измаила подаетъ ему поводъ высказать все отвращеніе свое къ наступательной войнѣ, къ поголовнымъ бойнямъ и къ военнымъ наемникамъ; осушеніе одной слезы кажется ему болѣе славнымъ подвигомъ

нежели пролитіе цѣлаго моря крови. Истинная слава та, которая убираетъ мечъ свой миртами и направляетъ его только на тиранновъ. Ярко сіяетъ въ исторіи чистое имя Вашингтона, и всегда будетъ оно призывомъ на бой, пока не побѣдитъ свобода. Байронъ ведетъ юнаго Донъ-Жуана изъ Испаніи на Востокъ, потомъ въ Россію, потомъ въ Англію; онъ долженъ былъ явиться еще въ Германіи съ сантиментально-вертеровскою миной и затѣмъ кончить во французской революціи. Пестрою чередой проходятъ передъ нами любовныя приключенія, битвы и осады, бури и кораблекрушенія, и поистинѣ тотъ реализмъ, съ какимъ Байронъ описываетъ послѣднія, пользуясь для того матерьялами изъ книгъ и журналовъ, удивителенъ не менѣе богатой его изобрѣтательности на удачныя любовныя положенья. При этомъ онъ играетъ языкомъ какъ истинный виртуозъ и усиливаетъ комическое дѣйствіе остротъ своихъ, вяжущихъ крайне отдаленныя другъ отъ друга вещи причудливѣйшими риѳмами, въ которыхъ мастерски смыкаетъ въ одно стройное созвучіе самыя разнородныя и неподатливыя повидимому слова.

Наперекоръ свойственной Англичанкамъ чопорности, поэтъ, правда, охотно готовъ изобразить чувственную сторону любви; но Гервинусъ зашелъ слишкомъ ужь далеко, обвиняя его въ стремленіи сорвать съ любовной страсти (вѣчнаго предмета поэтическаго просвѣтленія) тотъ обманчивый покровъ, какимъ одѣваетъ ее притворство. Сатирикъ вѣдь имѣетъ право на односторонность, да онъ же притомъ вовсе не похотливъ и не легкомысленъ, такъ-какъ въ самыхъ щекотливыхъ даже случаяхъ онъ пользуется только комическою ихъ стороной, когда, напримѣръ, Донъ - Жуана, переодѣтаго дѣвушкой, продаютъ въ султанскій гаремъ, или когда онъ потѣетъ подъ одѣяломъ у соблазнившей его сладострастной Испанки, а она тутъ же читаетъ своему мужу и призваннымъ имъ свидѣтелямъ длинную проповѣдь за ложныя ихъ подозрѣнья; мало этого: скрывающаяся подъ личиной добродѣтели грубая чувственность получаетъ у него свой символъ въ привидѣніи монаха, у котораго изъ-подъ рясы выскользаетъ вдругъ полное и пышное тѣло герцогини. А впротивень этимъ женщинамъ (или скорѣе бабамъ), какими кротко-чистыми созданіями стоятъ милая, нравственная Аврора Реби, какъ неразвернувшаяся еще почка розана, или дитя природы, Гайдѐ, настоящая греческая островитянка, столь полная сердечной любви къ Донъ-Жуану въ приморскомъ гротѣ, ихъ убѣжищѣ! Развѣ въ блестящей своей фантазіи „Небо и Земля“ поэтъ не представляетъ ангеловъ, отступающихся отъ неба, спасающихъ изъ потопа своихъ возлюбленныхъ и летящихъ съ ними на дальнія звѣзды: „Только не плачьте вы о Землѣ, говорятъ они милымъ, тогда и намъ не будетъ жаль своего Неба!“ А развѣ нѣтъ въ Гяурѣ такихъ строкъ?

И впрямъ любви завѣтный жаръ
Есть неба свѣтлый, чистый даръ,
Есть искра яркая лучей
Лазурныхъ ангельскихъ очей,
Забвенье скорби и заботъ,
И духа на небо полётъ.
Молитва, какъ ты знаешь самъ,
Возноситъ душу къ небесамъ;
Въ любви же сами небеса
Нисходятъ въ душу какъ роса;

Въ ней лучъ Творца, въ ней славы слѣдъ,
Безсмертной жизни яркій свѣтъ *.

Трейтшке уподобилъ Байрона Мирабо: какъ этотъ, говоритъ онъ, оставлялъ за собой, всходя на трибуну, всю грязь частной своей жизни, такъ точно и Байронъ становился чище, когда муза дарила его посѣщеніемъ; но относительно его пессимизма не льзя конечно отрицать того, что въ міровой скорби слышится у него подчасъ равнодушіе пресыщенца, заранѣе вкусившаго всѣ наслажденія въ дикомъ юношескомъ разгулѣ. Истинно-потрясающая жалоба на тысячи разнообразныхъ страданій въ природѣ и въ душѣ, на растлѣнность всего людского племени звучитъ у него не жаждой примиренья и возврата въ лоно всемогущаго Творца, а скорѣе строптивымъ его обвиненіемъ, какъ будто бы онъ отнялъ у человѣка рай за то, что человѣкъ захотѣлъ быть не невольникомъ, а самостоятельнымъ и свободнымъ, какъ будто бы Богъ милосердъ только къ смиренной слабости, силу же всегда поражаетъ тревогой и напастью. Онъ чуетъ и указываетъ язву въ сердцѣ міра, онъ утратилъ дѣтски-цѣлостную вѣру въ Бога и безсмертіе, да не дошелъ и до такого философскаго міросозерцанья, которое могло бы принести ему утѣху и исцѣленіе; онъ на столько великъ, что не можетъ лгать ни передъ собой, ни передъ другими, онъ такъ искренно ненавидитъ всякую фальшь, что и не подумаетъ вызывать какую-нибудь обманчивую грезу счастія, въ то время какъ стоны дѣйствительности поражаютъ его слухъ и раздираютъ сердце, когда вся нравственная дрянь, мгновенное торжество свѣтскаго и церковнаго деспотизма, лежатъ у него передъ глазами, и самъ онъ чувствуетъ себя впутаннымъ въ многоразличныя заблужденія. Такъ сдѣлался онъ словомолвцемъ радикализма противъ Священнаго Союза съ его народоугнетательными конгрессами, „думавшаго возсоздать на Землѣ Троицу, какъ человѣкъ повторяется въ обезьянѣ“; а смерть поэта усилила сочувствіе къ нему вольнолюбивой молодежи до восторженности, и самъ старецъ Гёте пропѣлъ надъ гробовой его урною хвалебный гимнъ. Вѣдь Байронъ—Эвфоріонъ, сынъ Фауста и Елены (во второй части этой трагедіи). Монархія обузила новый духъ вмѣсто того чтобы руководить имъ; Италія и Германія были разорваны на крупныя и мелкія державы, а стремленіе народовъ къ единству, къ выростающей изъ него силѣ и независимости было заклеймено именемъ государственной измѣны; тогда гонимые патріоты стали надѣяться, что Богъ монархій наконецъ когда-нибудь да утомится, и охотно вѣрили пророчеству Байрона, что будущему историку прійдется говорить о престолахъ и государяхъ, какъ мы теперь говоримъ о костяхъ мамонта. Исключенныя отъ всякаго участія въ государствѣ, передовыя силы невольно были увлечены въ революціонную вражду, отрицавшую всѣ существующіе порядки, а въ виду крайняго равнодушія массъ необходимы были такія вулканическія натуры какъ Байронъ, и такія жгучія слова, какъ его. Какъ ни раздражался онъ тѣмъ, что и Англія стояла въ союзѣ за-

* Этотъ, равно какъ и всѣ почти приведенные нами другіе отрывки Байрона, заимствованы изъ его «Сочиненій въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля». Прим. перев.

одно съ тѣснившими и толкавшими назадъ, тамъ все-таки еще держалась парламентская конституція, въ которой на материкѣ отказывали всѣмъ кромѣ побѣжденныхъ Французовъ; оттого и вліяніе поэта на отечественную литературу было вовсе не такъ сильно какъ на иноземную, тѣмъ болѣе что и отъ природы онъ явился самымъ космополитскимъ изъ всѣхъ великихъ поэтовъ Англіи; вмѣсто того чтобъ трудиться у себя дома, при благоустроенномъ государственномъ организмѣ, въ качествѣ парламентскаго оратора, онъ лучше захотѣлъ шевелить скрытый огонь, быть глашатаемъ революціонныхъ идей въ Европѣ. Если поэзія его не смогла разрѣшить въ гармонію диссонансовъ міра, она должна была по крайней мѣрѣ изощрить оружіе на борьбу за свободу человѣчества, и этою-то непосредственно заданною искусству дѣйственностью въ пользу жизненныхъ цѣлей стоитъ онъ, какъ поэтъ и мыслитель, въ новомъ царствѣ духа, а осуществлять желанное это царство усердно помогаютъ послѣдователи Байрона.

Въ его смыслѣ писали преимущественно два вольные также изгнанника, одушевляемые непримиримою враждой ко всякому рабству и холопству, — Севеджъ Ландоръ (1775—1864), который своей ненависти къ первому Наполеону далъ еще ожить въ ювеналовскихъ стихахъ и противъ Наполеона третьяго, и рано погибшій Шелли (1792—1822), мечтательный пантеистъ, котораго преслѣдовали какъ безбожника, лишили даже права воспитывать его собственныхъ дѣтей, тогда какъ со всей преданностью любви онъ стремился только снять съ человѣчества гнетущія его оковы. Пропитанный нѣмецкою философіей и поэзіей, онъ противопоставляетъ идеалъ дѣйствительности, противупоставляетъ блаженную будущность скорбямъ и жалкимъ низостямъ настоящаго, уже и въ произведеніи своей молодости, „Царицѣ Мабъ", которая уноситъ одну человѣческую душу въ міровыя пространства и въ противоположность безумію и гнусности нашихъ бытовыхъ условій указываетъ ей въ лирико-дидактическихъ рапсодіяхъ видѣнія неба на землѣ. Его „Аласторъ" изображаетъ поэта, жаждущаго осуществленія своихъ грезъ и услаждающагося чувствомъ всеединой жизни. Его „Возстаніе Ислама" даетъ подъ восточною оболочкой противень европейской исторіи, одушевленнаго взмаха революціи, потомъ возвращенія религіознаго и политическаго гнета и наконецъ торжества истины и свободы, на которое онъ всегда уповалъ. „Освобожденный Промеѳей" продолжаетъ это въ гимническомъ пареніи, а потомъ Шелли, въ свою очередь, славитъ пробужденіе возставшихъ Грековъ. Байронъ, какъ живописецъ, несравненно выше его; Шелли — музыкальная натура по преимуществу. Однакожь совсѣмъ неожиданно онъ написалъ реалистическую трагедію „Беатриче Ченчи", которой трогательный образъ стоитъ среди страшныхъ злодѣйствъ и гнусностей, но къ сожалѣнію не имѣетъ настолько мужественнаго чувства правды, чтобы возвысить и себя и насъ надъ окружающими его ужасами. Въ эстетическомъ отношеніи всего удовлетворительнѣе его лирика и особенно ея перлъ, глубокомысленно-изящное стихотвореніе „Эпипсихидіонъ": плѣнной соловкѣ, заключенницѣ въ стѣнахъ монастыря, посылаетъ онъ пѣснь свою, какъ розанъ; хоть листъ ея и завялъ, говоритъ онъ, но не исчезъ еще ароматъ, не осталось лишь ни одного шипа, поранить имъ тебѣ сердце! Любовь воспѣвается здѣсь какъ душа міра. Хервегъ говоритъ о Шелли:

Духъ эльфа въ тѣлѣ человѣка,
Онъ искра чистая съ природы алтаря:
Вотъ почему его и гнали Англичане.
Насквозь дыханьемъ неба напоенъ,
Онъ проклятъ былъ отцомъ, зато любимъ женою,
И канулъ въ море свѣтлою звѣздою.

Всего сильнѣе подѣйствовалъ Байронъ на Славянъ. Россія, просвѣщеннымъ самодержавствомъ своихъ государей выведенная тогда изъ азіатской грубости, но не достигшая еще европейской цивилизаціи, обречена была видѣть своихъ стихотворцевъ примыкающими то къ французскимъ, то къ нѣмецкимъ образцамъ; но настоящій, громадный успѣхъ пріобрѣли впервые только Пушкинъ и Лермонтовъ, какъ рѣшительные послѣдователи Байрона. Съ какой-то смѣсью гнѣва и пресыщеннаго равнодушія изображаютъ они процессъ разложенія, наступившій еще до зрѣлости въ полуварварской, полувылощенной средѣ,

Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,—
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

Лермонтовъ по преимуществу лирикъ, но также и поэтическій разсказчикъ подобно Пушкину. Въ своихъ разсказахъ оба они придаютъ сколкамъ съ Байрона народно-русскій фонъ, обстановку туземныхъ обычаевъ и нравовъ. Онѣгинъ Пушкина примыкаетъ къ Донъ-Жуану, не достигая, конечно, ни его бьющаго ключомъ остроумія, ни его жизненнаго богатства; самъ онъ изображаетъ себя въ героѣ Танталомъ, какъ-бы воровски укравшимъ цивилизацію и несущимъ за то неизбѣжную кару, все начинающимъ и ни чего не доводящимъ до конца, такъ-какъ онъ всегда воображаетъ себѣ что ушелъ уже гораздо дальше, и тѣмъ болѣе о себѣ думаетъ, чѣмъ менѣе дѣлаетъ дѣла. Распространяющійся съ тѣхъ поръ нигилизмъ, который соединяетъ пессимистскій образъ мыслей съ эпикурействомъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, не помѣшалъ однакожь лучшимъ силамъ избирать для художественной передачи сюжеты уже чисто-русскіе и создавать такимъ образомъ въ поэзіи то прелестныя, то потрясающія картины жизни, какъ дѣлали напримѣръ Гоголь въ Мертвыхъ Душахъ, Аксаковъ въ Семейной Хроникѣ, Толстой въ историческомъ романѣ „Князь Серебряный". Ихъ всѣхъ оставилъ за собой Тургеневъ, воспитавшійся на Гёте и Гегелѣ; его повѣсти и разсказы глу-

бокомысленно и тонко отражаютъ въ себѣ черты высшихъ и низшихъ слоевъ русскаго общества, всегда сохраняя при этомъ и ароматъ поэтической идеальности. Байрона напоминаетъ здѣсь особенная сила автора въ описаніяхъ, которыя всегда полны думы и вмѣстѣ чрезвычайно отчетливы, а также замѣтная горечь, съ какою относится онъ къ дѣйствительности; дѣйствіе же и композиція у него сравнительно слабѣе.

Польша нашла поэтическое выраженіе для своей народности только тогда, когда, раздѣленная на части, перестала политически существовать. Тутъ соратникъ Косцюшка, Нѣмцевичь, написалъ свои историческія пѣсни, тутъ изъ рядовъ служившаго французской республикѣ легіона Домбровскаго раздалась извѣстная пѣснь: Еще Польша не погибла! Тутъ слово отечество стало общимъ лозунгомъ скорби, любви и надежды. Тутъ въ лицѣ Адама Мицкевича (1798—1855) выступилъ великій поэтъ, котораго собственная исповѣдь признала въ Байронѣ сокровенную связь, единящуя западную литературу съ Славянами; у нихъ-то созданные имъ типы воспроизводились въ многоразличнѣйшихъ формахъ и приняли возвышеннѣйшій видъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто (слишкомъ) всеобщей міровой скорби заступаетъ здѣсь грусть объ отечествѣ, „цѣнимомъ истинно лишь тѣмъ, кто потерялъ его совсѣмъ", а отъ ѣдкаго, разлагающаго сомнѣнія спасаетъ христіанская мистика, доходящая до мессіаническихъ упованій. Путемъ злосчастія, говоритъ Мицкевичъ, пріобрѣтаетъ родъ людской чувство братства, и любая истина—дитя скорбей... Его баллады, его Крымскіе сонеты, разсказы Конрадъ Валленродъ и Гражина носятъ на себѣ стиль британскаго генія, но у всѣхъ у нихъ родная почва, и патріотизмъ — то чувство, которое въ одной изъ этихъ поэмъ влечетъ мужчину, въ другой женщину къ геройскому самопожертвованію за отечество. Фаустъ Гёте и Манфредъ Байрона находятъ себѣ польскій противень въ драматическихъ отрывкахъ „Дзядовъ", тризны по предкамъ. По древнеязыческому обычаю, въ день поминовенія усопшихъ приготовляется трапеза для покойниковъ; ночною порой, въ полуразрушенной часовнѣ, вызываютъ ихъ заклинаніями,—тѣни тогда являются и бесѣдуютъ съ живыми людьми. Поэтъ Конрадъ, чья пылкая фантазія облетаетъ изъ темницы всѣ времена и пространства, — вотъ средоточіе всего: онъ узнаетъ отъ своихъ соузниковъ постигшія родной край бѣды и напасти; тутъ раздаются страшные вопли скорби и мщенія; подъ раздирающіе сердце звуки, юноша становится зрѣлымъ мужемъ; отъ грусти по утраченной дѣвичьей любви переходитъ онъ къ страданіямъ своего народа и человѣчества и, какъ Іовъ, препирается съ самимъ Богомъ въ вопросѣ о господствѣ его правосудія и благости въ исторіи всего міра. Вступая какъ бы нарочно въ соперничество и съ Донъ-Жуаномъ Байрона, Мицкевичь написалъ превосходный романъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ „Панъ Тадеушъ"; любовныя приключенія героя разъигрываются вначалѣ 1812-го года въ Литвѣ и даютъ поэту случай изобразить и край и людей съ необыкновенной свѣжестію юмора. Раздоръ двухъ польскихъ фамилій готовъ ужь перейдти въ открытую борьбу, но тогдашнія историческія обстоятельства вдругъ направляютъ ихъ противъ Россіи. Въ Литву вступаетъ легіонъ Домбровскаго, какъ передовой отрядъ наполеоновской арміи и служитъ патріотамъ опорой для подготовленнаго возстанія; влюбленные между тѣмъ соединяются въ надеждѣ возрожденія отчизны. Поляки

видятъ въ этой поэмѣ самое народное созданіе своей литературы, и хотя на нашъ (нѣмецкій) взглядъ многое въ ней можетъ показаться черезчуръ подробнымъ и не такъ привлекательнымъ, не льзя однакожь не признать, что нравы и характеры переданы необыкновенно ясно и вѣрно, и цѣлое превосходно округлено. *

Словацкій, въ полной паренія лирикѣ, далъ картину сущности и развитія славянскаго духа. Залѣскій расцвѣтилъ въ своихъ пѣсняхъ украинскія былины, а Мальчевскій, пользуясь однимъ волынскимъ сказаніемъ, разъигрывающимся среди степей и битвъ съ Турками, далъ намъ обликъ мужественной и готовой на патріотическія жертвы Польки, который и сдѣлалъ его „Марію" популярною въ высшей степени. Но всѣхъ ближе къ Мицкевичу подошли Гарчинскій и Красинскій. Первый для своего Вацлава беретъ краски изъ Фауста Гёте и Лары Байрона: герою, пропитанному древнею и новой философіей, опостылѣло поверхностное общество, опротивѣли его наслажденія, и онъ весь отдался думамъ о загадкахъ бытія; но вотъ въ мрачное его одиночество врываются звуки пѣсенъ и плясокъ крестьянъ, празднующихъ свѣтлое воскресенье; сначала досадно ему его ихъ счастіе, а потомъ онъ начинаетъ ему завидовать; когда же они принялись за патріотическія пѣсни, и музыкальные звуки и могущество словъ одолѣли его вконецъ. Онъ чувствуетъ, что онъ Полякъ, что у него есть обязанности къ родному краю. Онъ посвящаетъ ему и сердце и трудъ. Тогда новый день озарилъ мечтателя: Богъ живетъ въ сердцѣ человѣка, родное небо — хранительный сводъ его святынь, родная почва — помостъ его храма. „Понимаю тебя, о Боже! Ты требуешь жертвъ; жертвую тебѣ своимъ духомъ; буду, какъ народъ твой, голодать въ пустынѣ, лишь бы этимъ пособить отечеству; каждый помыслъ мой будетъ благочестивъ какъ гимнъ, въ молитвахъ стану я день и ночь плакать и бороться, лишь бы только спасти родину, спасти человѣчество!" Такъ поэтъ разрѣшаетъ сомнѣніе и горечь души работой для родного края и вѣрой въ человѣчество, которая миритъ его съ Божествомъ; каждый долженъ преодолѣвать скорбь свою отдачею себя цѣлому, каждый долженъ ставить тревожнымъ желаніямъ своимъ цѣль во благѣ народа; этимъ онъ соединится съ Богомъ, съ нравственнымъ порядкомъ на свѣтѣ и найдетъ миръ самому себѣ. Такъ байронизмъ является уже очищеннымъ, и есть здѣсь примиреніе какъ въ гётевскомъ Фаустѣ.—Красинскій въ своемъ „Иридіонѣ" изображаетъ борьбу христіанства съ языческимъ Римомъ, а въ „Небожественной Комедіи" онъ начерталъ идеально-фантастическую картину борьбы стараго общества съ новымъ въ настоящемъ и будущемъ. Романтическій графъ Генрихъ является здѣсь представителемъ средневѣковья, а ему, какъ верховодъ революціи и раціонализма, противодѣйствуетъ Панкрацъ; этотъ вламывается въ укрѣпленный замокъ съ своими ватагами, но тутъ является ему на вечернемъ небѣ Христосъ, и онъ, подобно Юліану, умираетъ съ восклицаніемъ: Ты побѣдилъ, Галилеянинъ! Такъ на христіанскую идею и на полное ея осуществленіе указывается здѣсь какъ на подлинное разрѣшеніе всей нашей политической и соціальной борьбы.

---

* Это прямо драгоцѣннѣйшая изъ жемчужинъ всей славянской поэзіи. Прим. перев.

Оба поэта, какъ и самъ Мицкевичъ, принадлежатъ царству духа по своимъ сочиненіямъ; однакожь все-таки замѣтно, что ни мысль Поляковъ, ни ихъ рѣчь, не прошли школу своебытной философіи; вездѣ преобладаетъ чувство, и фантазія раскрываетъ его содержаніе скорѣе въ символическихъ, грезоподобныхъ образахъ, нежели въ реальныхъ характерахъ и отчетливо ясныхъ мысляхъ.

Если мы обратимся теперь къ романскимъ народамъ, то увидимъ что съ возстаніемъ противъ Наполеона поэзія у Испанцевъ начала-было крѣпко отзываться народностью, но когда на мѣсто свободы въ возмездіе народу выпалъ государскій и поповскій гнетъ, онъ загубилъ надежды на новое оживленіе поэзіи, такъ какъ всѣмъ лучшимъ талантамъ достались на долю или тюрьма, или изгнаніе; когда подавленъ былъ опять и мятежъ 1820-го года, Англія предложила убѣжище несчастнымъ бѣглецамъ; образцами сдѣлались для нихъ тогда Скоттъ и Байронъ. Дома, подростающая молодежь собралась-было вокругъ Эспронседы, который, будучи ученикомъ Байрона, самъ основалъ тамъ союзъ Мирты, готовый взяться и за мечъ. Но правительство открыло замыселъ, и юношей всѣхъ упрятали въ монастырь или разослали въ ссылку. Когда исторіи приходится судить о такихъ духобойныхъ расправахъ, то она указываетъ въ нихъ одну изъ причинъ того бѣдствія, что Испаніи, при всей еще непотраченной даровитости ея народа, такъ трудно достичь спокойно-свободной жизни и до сихъ поръ.

Въ Италіи, какъ и въ Германіи, народное сознаніе было пробуждено литературой; въ Италіи, еще больше чѣмъ въ Германіи, принялись по низложеніи Наполеона возстановлять все негодное старьё, а это естественно увлекало вольнолюбивую молодежь въ безчисленные заговоры и возстанія, которые подавлялись кроволивствомъ. Альфіэріева ненависть къ тираннамъ стала теперь девизомъ молодого поколѣнія, и классически-образованный Леопарди (1798—1837) взялся за итальянскую канцону, обдѣлывая ее съ величавой свободой по пиндарову образцу, и вызывая прекрасные облики дальней старины, чтобы противопоставить ихъ жалкой дряни настоящаго; въ немъ, одержимомъ сверхъ-того и тѣлесной болѣзнью, бѣдствія отечества вылились въ безмѣрную міровую скорбь, которая побуждала его изображать ничтожество жизни, злую насмѣшку и всѣ напасти существованія съ столь многоразличныхъ сторонъ и въ такихъ потрясающихъ краскахъ, что самъ Шопенгауэръ (философъ совершеннаго отчаянія) не могъ достаточно имъ налюбоваться.

Отчизна! вижу я отъ дѣдовскихъ временъ
Ты сохранила арки, стѣны,
Картины, башни, рядъ колоннъ,
Все сберегла почти безъ перемѣны,
Лишь славы предковъ тѣни нѣтъ,
Нѣтъ блеска ратнаго, который
Ихъ увлекалъ на путь побѣдъ,
На путь съ врагомъ расправы скорой.

Такъ начинаетъ онъ скорбную пѣснь свою, и тужитъ, что Италія въ цѣпяхъ, въ кровавыхъ ранахъ, опустивъ къ колѣнямъ голову, сидитъ на голой землѣ съ полными слезъ глазами; онъ спрашиваетъ небо и землю, кто довелъ ее

до этой бѣды? И неужели нѣтъ у ней ни кого, кто бы защитилъ ее? Дайте мнѣ оружіе, говоритъ онъ, я иду биться, я паду одинъ, лишь бы только брызги моей крови зажгли какъ огневыя искры духъ Италіи. Когда выходитъ замужъ сестра его, онъ желаетъ въ брачной пѣснѣ, чтобы сыновья ея были ужь лучше несчастливы нежели трусы, а женщинамъ итальянскимъ ставитъ въ образецъ Виргинію. Онъ примыкаетъ къ Данту и восходитъ до высокаго паренія въ гимнѣ духовнымъ богатырямъ Италіи, съ которымъ обращается къ Анджело Маи, открывшему цицероновы книги о государствѣ. Но все тяжеле и тяжеле становится для него тотъ полный смутныхъ грезъ сонъ, который мы зовемъ жизнью, и гдѣ сплошной потокъ скуки лишь напрасно прерывается никогда неудовлетвореннымъ стремленіемъ къ счастію; онъ славитъ счастіе цвѣтка, безоглядно взросшаго на Везувіи: не клонитъ онъ головы ни передъ какимъ утѣснителемъ, да и не подымаетъ ея съ суетной заносчивостью къ небеснымъ звѣздамъ. Въ рѣчи, обращенной имъ къ самому себѣ, Леопарди сосредоточилъ въ вопль крайняго отчаянія все свое мрачное міросозерцанье: онъ говоритъ, что у него ужь нѣтъ не только надеждъ, но даже и никакихъ желаній, что бытіе наше — одна горькая тоска, міръ — грязь и ничего болѣе, что смерть — единственный даръ, какимъ надѣлила насъ судьба, что онъ, наконецъ, презираетъ природу, темную, злорадно терзающую насъ мощь, эту безпредѣльную ничтожность цѣлаго.

Ученикъ Байрона въ поэтическомъ разсказѣ, Беркетъ, поневолѣ бѣжалъ на чужбину, а Сильвіо Пеллико и другіе его товарищи просидѣли за восторженную любовь къ родному краю десять лѣтъ въ тюрьмахъ Австріи. Сильвіо написалъ трогательнѣйшую изъ итальянскихъ трагедій, „Франческа Римини". Основнымъ для нея тономъ послужило ему то настроеніе, въ какое привели автора безподобныя терцины Данта, поминающія въ Аду о счастіи, винѣ и скорбяхъ любви; онъ отступилъ отъ Данта въ томъ лишь смыслѣ, что дѣвственная душа его сохранила невинность и обоимъ любящимся. Паоло пылаетъ къ Франческѣ, но по несчастію убиваетъ брата ея на войнѣ и удаляется на чужбину; не подозрѣвая его чувствъ къ себѣ, она раздѣляетъ ихъ сама и только скрѣпя сердце рѣшается отдать руку его брату. Тогда онъ возвращается домой и находитъ свою милую женою брата; поэтъ такъ же наивно, какъ и художественно, доводитъ ихъ до невольнаго признанья. Вся вина ихъ въ томъ, что онъ не открылся ей въ своей склонности, а она приняла предложеніе другого, тѣмъ не менѣе на нихъ падаетъ подозрительная тѣнь, и оба становятся жертвой раздраженнаго брата и мужа. Въ тюрьмѣ утѣшительницею Пеллико была поэзія; но сколько ни удивлялся онъ Байрону въ пѣснѣ, сочиненной на его смерть, душа его успѣла преодолѣть и грозившее ей умопомѣшательство и сомнѣніе въ міродержавствѣ божіемъ, постоянно имѣя въ виду примѣръ Христа, побѣждающаго страданіемъ и смертію; съ патріотизмомъ онъ соединилъ истинную религіозность, и скорбнымъ описаніемъ своего узничества болѣе чѣмъ кто-либо другой расшевелилъ сердце народа и наполнилъ его своими мыслями, такъ что и онъ прямо принадлежитъ къ числу освободителей Италіи. Тоже можно сказать и о Никколини. Восторженное увлеченіе духовною и гражданскою свободой, правда, перевѣшивало у него поэтическую силу, и какой-нибудь Маренко превзошелъ его какъ драматургъ; но все же надобно признать, что трагедія его „Арнольдъ

Брешіанскій", въ своемъ діалогѣ и въ своихъ хорахъ, обращается съ прямымъ увѣтомъ къ Италіи стать на свои ноги, свергнуть чужевластіе и папскій гнетъ и завоевать себѣ свободу и величіе героической борьбою на жизнь и на̀ смерть.

Для основанія ново-романтической школы во Франціи Байронъ былъ такимъ же важнымъ ферментомъ, какъ и вліяніе Германіи, гдѣ въ особенности Гейне и Ленау родились поэтами подъ его можно-сказать звѣздою. Первый говоритъ о себѣ самъ, что великая міровая рознь прошла ему сквозь самое сердце, что онъ слишкомъ глубоко глянулъ въ строй мірозданія и оттого утратилъ всякую радость.

Насквозь я вижу каменной коры,
Что̀ домы и сердца людскія одѣваетъ:
Вездѣ все бѣдствія, обманы, низость, ложь;
На лицахъ мысли я еще читаю хуже.
Въ румянцѣ дѣвушки, краснѣющей съ стыда,
Я вижу трепетъ вожделѣнья тайный.
Вотъ гордый юноша, а что̀ на головѣ?—
Колпакъ дурацкій, пестрый, въ побрякушкахъ.
Не лица,—рожи я встрѣчаю на землѣ,
Какія-то болѣзненныя тѣни;
Не знаешь, право, что̀ передъ тобой:
Домъ сумасшедшихъ, иль больница просто.

Не обладая серьёзно-могучимъ паѳосомъ Байрона, Гейне стоялъ къ нему близко свойственною обоимъ противоположностью отрадно-искренняго чувства съ безпощаднымъ остроуміемъ, тогда какъ меланхолія Ленау совершенно лишена была юмора и перешла наконецъ въ помѣшательство. Онъ между прочимъ говоритъ:

Конечность жалкая! шумитъ твой волноходъ
Сквозь жизни лабиринтъ, не вѣдая покоя!
Потоки всѣ бѣгутъ къ тебѣ жь въ водоворотъ,
Нѣтъ для тебя нигдѣ плотины, ни устоя.
Идешь на прибыль съ каждымъ мигомъ ты,
Прибой валовъ все громче раздается;
Но люди есть, которыхъ глухоты
Ему, столь грозному, осилить не дается.
Уже подмыта береговъ стопа
Напоромъ буруна неистовымъ и ярымъ,
А дураковъ стоитъ на нихъ толпа,
Безсмертья грезою себя все тѣша даромъ.

О, кротко-сумрачная ночь, безмѣрно-сладкая, обильная мечтами,
На мнѣ свой темный глазъ останови!
Скрадь этотъ міръ своихъ потемокъ чудесами,
И вѣчно надо мной одна, одна плыви!

Однакожь у того и у другого вопль жалобы выходилъ прямо изъ народной души, служа ей кличемъ на бой за освобожденіе человѣчества, и между тѣмъ нація прошла тогда безъ вниманія мимо Шопенгауэра, не смотря на всю остроту и глубину мысли, съ какими онъ разоблачалъ „безполезную напасть" бытія, не смотря на блескъ изложенія, съ какимъ проповѣдовалъ онъ буддизмъ въ самой серединѣ Европы. Народъ все-таки чувствовалъ себя настолько еще здоровымъ, что могъ уповать на лучшіе дни и съ мужественнымъ идеализмомъ трудиться

для будущаго. Только послѣ того какъ не удалась первая попытка германской націи на новое государственное устройство, Шопенгауэръ нашелъ себѣ отголосокъ среди разладицы наступившей тогда опять безъидейной реакціи, и часто похмѣльная тошнота пресыщенія наряжалась въ философскую мантію, свысока поглядывая на тѣхъ кто не хотѣлъ вѣрить въ ничтожество земного міра. Мы чувствуемъ и познаемъ его недостаточность именно благодаря тому, что идеалъ для насъ не греза, а истина. Не будемъ обманывать себя насчетъ разорванности и муки земного существованія: Будда видѣлъ въ этомъ слѣдствіе грѣха, вины и вмѣстѣ покаянія; но онъ не пояснилъ намъ вопроса ближе. Если же мы станемъ искать объясненія, если захотимъ разогнать мракъ и отвѣчать на поднятые пессимизмомъ укоры, то должны будемъ прежде всего крѣпко ухватиться за нравственность, какъ за конечную цѣль жизни, и за ублаженіе духа отдачею имъ себя на службу ей, да потомъ сообразить и то, что свобода и любовь не могутъ же быть ни подарены намъ, ни присозданы какъ-нибудь со стороны, а непремѣнно должны стать дѣломъ нашего собственнаго духа. Но они предполагаютъ возможность инобытности, возможность нарушенія закона; они предполагаютъ противоборство, которое надобно преодолѣть: безъ борьбы нѣтъ и побѣднаго ликованія. Не льзя чтобы благость и любовь божіи захотѣли упраздненія той возможности, такъ-какъ она вѣдь необходимое условіе нравственности, заслуженнаго счастія и богоподобія. Но чрезъ самовольство, заблужденіе и извращеніе призванныхъ къ самобытности жизненныхъ побудовъ, что̀ именно и становится въ человѣкѣ грѣхомъ, въ міръ нашъ входятъ разладъ, скорбь и бѣдствіе, и реальный, дѣйствительный этотъ міръ въ самомъ дѣлѣ—міръ несовершенный, падшій, не такой какимъ бы слѣдовало ему быть. То, что̀ быть должно, стоитъ передъ глазами его всегдашнимъ увѣтомъ, идеаломъ, къ которому онъ долженъ стремиться повозможности; совершенство доступно для насъ только чрезъ самоусовершеніе, путь нашъ идетъ стало-быть изъ тѣсноты мрака и узъ къ простору свѣта и свободы. Не слѣдъ отрицать жизнехотѣнія, какъ учитъ Шопенгауэръ; страданіе существуетъ не для того, чтобы излѣчивать насъ отъ безумной падкости къ жизни, какъ утверждаетъ Шатобріанъ; но дѣло въ томъ, что при свѣтѣ любви мы должны освободиться отъ себялюбія и его пагубнаго омраченья. Земная жизнь наша — школа для вѣчности, земля только первоначальная родина духа; противленіе и страда должны возбудить его силу, его энергію, должны обратить его къ самому себѣ; стремленіе къ безконечному уноситъ его за предѣлъ земного. Искусство создаетъ ему образъ гармоническаго бытія, и онъ видитъ въ немъ поруку будущаго жизнезавершенія. Изъ глубины этого нравственнаго ѳеизма, который обосновывается теперь философіей, станетъ черпать утѣшеніе и отраду для человѣчества и поэзія, послѣ того какъ въ Байронѣ и его послѣдователяхъ она выдержала такую многоскорбную борьбу съ сомнѣньемъ. Мы нуждаемся теперь въ искусствѣ, съ которымъ намъ стало бы опять повадно и легко.

Исторія и языкознаніе.

Если, какъ мы не разъ уже замѣчали, въ первую половину нашего вѣка историческій смыслъ выступилъ характеристическимъ элементомъ образованія, то наука, которая ближе ему всѣхъ другихъ, первая и воспользовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что роскошный цвѣтъ поэзіи какъ нарочно предшествовалъ ея появленью; теперь ужъ и ученость, въ свою очередь, порывается къ изящной формѣ, и добытки ея изъ ученаго кабинета скоро переходятъ въ народное сознаніе. Савиньи обосновалъ новый взглядъ, стоя на своей специальной почвѣ права; онъ училъ, что оно возникаетъ и ростетъ, что оно не создается по произволенію, а необходимо порождается изъ народнаго духа, развиваясь вмѣстѣ съ нимъ, точно такъ же какъ нравы и языкъ. Оно развертывается въ обычаяхъ, символическихъ актахъ, судебныхъ приговорахъ изъ глубины общественнаго сознанія; при одинаковомъ уровнѣ культуры въ юный возростъ народовъ, всѣ принимаютъ участіе въ правѣ, какъ и въ народномъ пѣснотворствѣ; но по мѣрѣ того какъ появляется отдѣльно литература, какъ выступаютъ сами по себѣ ученые,—и право, въ свой чередъ, находитъ себѣ свои особые органы въ законодателяхъ и юристахъ, которые, сами будучи составною частью народа, въ своей области точнѣе выполняютъ и примѣняютъ къ дѣлу то, что живетъ въ душѣ всѣхъ родичей, всѣхъ одноплеменныхъ. Такъ Савиньи генетически разсматривалъ римское право, какъ постепенно назрѣвшее выраженіе этого великаго народа, такъ Яковъ Гриммъ и Эйхгорнъ указали теперь на древности и на развитіе права германскаго, которое въ первыхъ своихъ зачаткахъ является озареннымъ поэзіей, высказывается въ пестрыхъ ярко-цвѣтныхъ символахъ. Савиньи не признавалъ за нашимъ временемъ призванія къ законодательству и требовалъ прежде всего историческаго обслѣдованія права; тогдашнее поколѣніе привыкло видѣть въ римскомъ правѣ образецъ для юриста, какъ стихотворецъ видѣлъ для себя образецъ въ греческой поэзіи; оно научилось отличать полносильное и живое отъ отжилого и омертвѣвшаго и вырабатывать государственные уставы и законы сообразно требованіямъ настоящаго времени и народнымъ нравамъ. Эту мысль объ органическомъ ростѣ Нибуръ прослѣдилъ потомъ въ римской исторіи. Ему казалось немыслимо чтобы столь величественная система права могла возникнуть среди ватаги всякихъ разноплеменныхъ бродягъ; онъ выдѣлилъ историческій элементъ изъ былиннаго, легендарнаго, онъ подвергъ строгой критикѣ источники преданій, и на первый планъ выступили у него тогда дѣйствительныя народно-бытовыя условія. Такимъ же образомъ въ „Дорійцахъ" Отфрида Мюллера ликурговское законодательство явилось уже не дѣломъ единичнаго изобрѣтательнаго ума, а выраженіемъ особенности цѣлаго племени и его исторіи; оно обусловливалось типомъ древнѣйшихъ нравовъ и учрежденій съ одной стороны, и завоеваніемъ Пелопоннеса съ другой.

Если названныя нами ученые были всѣ противниками революціи, — зато Шлоссеръ своимъ металлически-звонкимъ голосомъ поддерживалъ стремленіе

къ духовной и политической свободѣ и написалъ Исторію древняго міра и Исторію 18-го столѣтія съ гнѣвнымъ раздраженіемъ противъ всего дурного, при чемъ онъ первый указалъ намъ путь, вводить, по образцу Вольтера, въ картину политическихъ событій черты нравовъ, науки и литературы. Тогда какъ у него вездѣ выдвигалась впередъ суровая до терпкости субъективность, Леопольдъ Ранке заботился, напротивъ, о соблюденіи ровной объективности, которая художественно выводила бы передъ нами характеры и поступки во всей ихъ своеобразности. Онъ избралъ для себя по преимуществу исторію новой эпохи, онъ обслѣдовалъ съ неутомимой ревностью государственные архивы, и тутъ донесенія посольствъ, особенно венеціанскія, доставили ему благонадежный матерьялъ, на основаніи котораго онъ могъ исправить и дополнить историковъ Возрожденія, имѣвшихъ болѣе въ виду эстетическое впечатлѣніе нежели вполнѣ удовлетворительную вѣрность. Мастеръ въ критикѣ источниковъ, онъ распространилъ ее черезъ свою школу на всѣ періоды, и подѣлъ между фактическимъ содержаніемъ и тѣмъ, что̀ принадлежитъ воспринимающей фантазіи единичнаго лица или цѣлаго народа, производился день ото дня тщательнѣй, день ото дня тщательнѣй частныя подробности выяснялись изъ общаго ихъ существа. Самъ Ранке умѣетъ рисовать психологически-тонкіе портреты немногими чертами своего серебристаго карандаша, а съ точки зрѣнія дипломата онъ даетъ истинно-неподражаемые очерки; не столько по характеру приходится ему инстинктивное движеніе массъ и грубоватая дюжесть пріемовъ народной дѣятельности; оттого картина папства послѣ реформаціи, картина французскаго королевскаго двора и политики государей въ реформаціонную эпоху, вышли у него гораздо нагляднѣе нежели напримѣръ Кромвелль или дебелые богатыри порывающейся впередъ Пруссіи.

Еще прежде чѣмъ подъ вліяніемъ Штейна Пертцъ началъ собирать источники германской исторіи, а школа Ранке обратилась къ подробному ихъ изученью, Луденъ написалъ въ патріотическомъ духѣ исторію Германіи, а Ра̀умеръ въ своихъ „Гогеншта̀уфенахъ“ далъ блестящую картину среднихъ вѣковъ въ смыслѣ (блаженной памяти) романтиковъ; въ настоящее время „Исторія императоровъ“ Гизебрехта представляетъ хорошій покамѣстъ выводъ изъ тѣхъ достопамятныхъ предварительныхъ работъ. Міросозерцаніе каждаго автора невольно оцвѣчиваетъ и освѣщаетъ самое его изложенье; его точка зрѣнія посво̀ему группируетъ предметы и особенно выдвигаетъ впередъ одну какую-нибудь сторону: такъ, Лео является консервативнымъ протестантомъ, Гуртеръ—папежски-настроеннымъ католикомъ; Дальманъ, Гервинусъ, Гёйсеръ писали исторію англійской и французской революціи, а также и новѣйшаго времени очевидно съ тѣмъ, чтобы политически просвѣщая и поджигая содѣйствовать величію и свободѣ отечества. Когда Зибель ясно разоблачаетъ передъ нами нити, привязывающія всю остальную Европу къ французской революціи, тогда и самая исторія послѣдней получаетъ иной совершенно видъ. Онъ стоитъ всѣхъ ближе къ Ранке своей критической проницательностью, онъ также полносоченъ и отчетливо ясенъ въ обрисовкѣ характеровъ *; не-

* И, замѣтимъ,—такъ же мало чутокъ къ инстинктивнымъ движеніямъ народныхъ массъ. Прим. перев.

льзя не пожелать, чтобы онъ далъ намъ краткую исторію Германіи, вродѣ его лекцій о крестовыхъ походахъ и его „Возстанія Европы противъ Наполеона". Рядомъ съ этими людьми стоятъ отличные изслѣдователи по исторіи отдѣльныхъ племенъ или народовъ новѣйшей эпохи, тогда какъ Максъ Дункеръ сводитъ опять воедино всѣ добытки по изысканіямъ древности, Моммсенъ съ геніальной смѣлостью старается приблизить къ намъ древнихъ Римлянъ, а Грегоровіусъ въ блестящихъ картинахъ онагляживаетъ средневѣковой городъ Римъ. Въ жизнеописательномъ искусствѣ пальму первенства стяжалъ Варнхагенъ, а въ послѣднее время еще Трейтшке и (недавно умершій) Штраусъ. Гервинусъ показалъ въ „Исторіи національной литературы" непрерывный общій токъ германскаго духоразвитія и тѣсную связь поэзіи съ житейскимъ бытомъ, тогда какъ главная сила Гиллебранда явилась въ эстетической оцѣнкѣ разныхъ отдѣльныхъ произведеній; Вилльмаръ съ сочувственной зоркостью написалъ удовлетворяющую народнымъ вкусамъ картину средневѣковой поэзіи, а Геттнеръ въ философскомъ и художническомъ духѣ постигъ 18-й вѣкъ какъ одно великое цѣлое, образуемое взаимнодѣйствіемъ литературъ англійской, французской и нѣмецкой; наконецъ строгая критика Юліана Шмидта, направленная противъ подростающихъ поэтовъ Германіи, нашла себѣ хорошее дополненіе въ Готшаллѣ, который обратилъ вниманіе на то, что̀ есть цѣннаго и въ новомъ. Шнаазе и Куглеръ, опираясь на частныя изслѣдованія Румора, Ваагена, Фёрстера, основали научную исторію искусства въ ея цѣломъ и вызвали на это поприще многочисленную толпу учениковъ. Карлъ Риттеръ сталъ творцомъ научной географіи, видящей въ свойствѣ почвы одно изъ коренныхъ условій той людской жизни, какая на ней развертывается. Въ этомъ же смыслѣ писалъ Фальмерайеръ свои „Восточные Отрывки", мастерское стилистическое произведеніе съ браннымъ предисловіемъ противъ Игнатія Тартуфіуса (лицемѣра благочестивой учености) въ Германіи. Изъ постоянныхъ изслѣдованій объ этой тѣсной связи края и его жителей, государства, религіи, искусства и нравовъ, возникла такъ-называемая культурная или бытовая исторія. Тутъ всѣмъ новопріобрѣтеннымъ матерьяломъ пользуются для своихъ художественныхъ картинъ Риль и Шерръ,—первый съ живымъ сочувствіемъ къ добротной и изящной сторонѣ человѣческаго быторазвитія, а второй, съ своимъ бойкимъ юморомъ и тяжелою на ударъ рукой, какъ сторонникъ рѣшительнаго движенія.

И во Франціи, подъ руководствомъ Гизо̀, принялись издавать помятники прошлаго, и на этой благонадежной основѣ даровитый Августинъ Тьерри́ сталъ набрасывать свои колоритныя частныя картины, то выводя въ нихъ борьбу изъ-за политическаго развитія какого-нибудь средневѣковаго города, то изображая возникновеніе какого-нибудь епископства, или житье-бытье той или другой семьи королевскаго рода Меровинговъ. Кельтійскіе, римскіе, франкскіе элементы, изъ которыхъ сложился особый народъ, ярко выступаютъ въ ихъ своеобразіи, равно какъ и противоположность древнихъ Бриттовъ, Саксовъ и Норманновъ, въ великолѣпной его книгѣ о завоеваніи Норманнами Англіи. Тутъ знакомимся мы со всей бытовою атмосферой, съ нравами и образомъ представленій, порождающими людскія дѣйствія; въ жалобныхъ плачахъ утѣсненныхъ и въ дикихъ боевыхъ пѣсняхъ желѣзнобронныхъ вторженцевъ мы становимся участниками всѣхъ ихъ ощущеній, и изъ рѣзкихъ

этихъ противоположностей все яснѣе и яснѣе выступаетъ передъ нами англійскій народъ. За нимъ слѣдовалъ Барантъ, самъ высказавшій, что цѣль его —снова возвратить самой исторіи ту привлекательность, какую занялъ у нея передъ тѣмъ историческій романъ. Этимъ же путемъ идетъ и исторія Франціи Мишелѐ *. Напротивъ того, Гизо̀ отъ наглядныхъ подробностей обращается ко всеобщимъ мыслямъ, осуществляющимся въ фактахъ, въ событіяхъ, и этимъ старается установить внутреннюю связь между послѣдними; онъ даетъ основныя черты европейской цивилизаціи, принимая Францію образчикомъ и съ французской собственно точки зрѣнья. По всей Франціи, какъ и по Германіи, распространились теперь историческія общества; но ранѣе и прямѣе нежели въ Германіи старались тамъ изложеніемъ исторіи подѣйствовать на политику. Явились вопервыхъ многочисленныя Записки наполеоновскаго времени и противопоставляли его славу жалкой бурбонской реставраціи, водворенной нашествіемъ иноземцевъ, ни чему не научившейся и ни чего не позабывшей. Потомъ стали восходить далѣе къ революціи и старались оправдать ее, заявлять идеи 1789-го года мѣроположными еще и до сихъ поръ. Два молодыхъ человѣка написали исторію революціи, и написали ее притомъ для всей Европы,—Миньѐ и Тьеръ. Миньѐ, въ небольшой, сжатой, но пропитанной содержаніемъ книгѣ изобразилъ громадный поворотъ отъ Мирабо̀ къ Наполеону, все преобразованіе общества на̀ново, какъ великій естественный процессъ, въ которомъ особенно выставилъ перевѣсъ силы вещей надъ человѣческимъ произволомъ, и тамъ, гдѣ привыкли видѣть только смуты безначалія или разгулъ кровавыхъ увлеченій, всѣ главныя событія явились вдругъ тѣсно между собой связанными и необходимыми актами великой трагедіи судьбы, а верховоды ея — только орудіями Провидѣнія; терроръ вывелъ логическія слѣдствія изъ данныхъ посылокъ и своею безоглядной энергіей спасъ Францію отъ вторженья иноземцевъ. Миньѐ обрисовалъ костякъ этого нарождающагося организма, и въ отчетливой соразмѣрности его изложенія все существенное выдвинулось ясно впередъ, а на ряду съ ходомъ общаго движенья, опредѣляемаго инстинктивнымъ стремленіемъ массъ, не было забыто и свободное, измѣнчивое участіе отдѣльныхъ личностей, ихъ ума или ихъ страсти. На послѣднее-то именно и обратилъ свой повѣствовательный талантъ Тьеръ, а своими обширными познаніями по части администраціи, финансовъ и воеустройства онъ воспользовался для того чтобы ознакомить читателей съ общими условіями блестящихъ событій, которыя излагалъ въ духѣ живѣйшаго сочувствія къ ихъ успѣшности, къ энергическимъ дѣйствіямъ и славѣ Французовъ, хотя конечно вызвалъ этимъ и нѣкоторыя необходимыя поправки съ иноземной стороны. Оба историка выступили поборниками церковной и гражданской свободы, явно намекая на то, что революція далеко еще не закончена; Гизо̀ притянулъ сюда аналогическое положеніе Англіи и провелъ между Стуартами и Бурбонами параллель, которая указывала на ожидающее послѣднихъ вторичное низверженье; въ герцогѣ Орлеанскомъ онъ провидѣлъ уже своего Вильгельма Оранскаго для Фран-

* Мѣстами слишкомъ ударяясь въ близкую иногда къ темной сплетнѣ анекдотичность.
Прим. перев.

ціи, и при восшествіи его на престолъ послѣ іюльскаго переворота всѣ нити переговоровъ по этому поводу Тьеръ можно-сказать держалъ въ своихъ рукахъ. Но ни самъ гражданинъ-король, ни министры его Гизо и Тьеръ не съумѣли разсредоточить (децентрализировать) Францію, пробудить въ ней земско-общинную жизнь и на основаніи послѣдней привлечь народъ къ самоуправленію. Картина десятилѣтія ихъ правительства, начертанная Луи Бланомъ, и романическая исторія жирондистовъ Ламартина принадлежали къ числу зажигательныхъ снарядовъ, воспламенившихъ огонь февральской революціи. Такъ исполнилось предсказаніе Рахели о французскомъ конституціонализмѣ, что черезъ него пройдутъ великія событія и обратятъ его въ дорожную свою пыль. И когда Тьеръ вздумалъ стать на наполеоновскую точку зрѣнія и въ своей „Исторіи консульства и имперіи" воспрославить его государственныя и военныя дѣла, онъ не только помогъ этимъ утвержденію и распространенію бонапартистской легенды, но и прямо проложилъ дорогу дядюшкину племяннику. Народъ, подѣленный на управляющихъ и управляемыхъ, и водимый подъ уздцы почином изъ Парижа, своими порывистыми движеніями правда даетъ сильные толчки развитію Европы, но и самъ безпрестанно колеблется между анархіей и деспотизмомъ. То, что Ланфрей безпощадно разрушилъ наполеоновскую легенду при Наполеонѣ III-мъ, опять-таки подготовило отложеніе отъ него французскаго народа. Справедливою ироніей судьбы явилось неожиданное событіе, что тотъ самый Тьеръ, который въ 1840-мъ году затянулъ опять кличъ о рейнской границѣ, въ 1871-мъ вынужденъ былъ подписать миръ, возвратившій намъ Альзацію и Лотарингію и рѣшительно отрѣзавшій Французовъ отъ Рейна. Послушаютъ ли они теперь увѣтовъ Токвилля и Лабуле и примутся ли созидать свободу снизу вверхъ путемъ самообладанія и самодѣятельности, вольнымъ разливомъ своебытной жизни по всѣмъ членамъ цѣлаго?

Блистательною точкой французской умственной жизни явилась та пора, когда вконцѣ двадцатыхъ годовъ Гизо, Кузенъ, Вилльменъ начали опять свои публичные курсы, закрытые передъ тѣмъ полиціей; послѣдній основалъ въ нихъ для своихъ соотечественниковъ научную исторію литературы, которая освѣщаетъ развитіе человѣческихъ идей изслѣдованіемъ поэтовъ и мыслителей и картиною взаимодѣйствія литературы съ общественнымъ бытомъ; особенно важно было его изложеніе 18-го столѣтія, когда Англія и Франція принялись работать заодно. Его недостаточное знакомство съ Германіей наверстали потомъ Сенъ-Маркъ-Жирарденъ и Кузенъ. Сентъ-Бёвъ выступилъ живописцемъ новоромантическаго движенія въ своихъ характеристикахъ, которыя не столько задавались критикой, не столько указывали пути и цѣли, сколько съ тончайшею психологическою смѣткою переносились въ самую индивидуальность поэтовъ и давали произведеніямъ ихъ выростать изъ ихъ собственной души такъ же естественно, какъ плоды ростутъ на деревьяхъ. Сначала онъ дѣлалъ это съ дружескою только похвальбой, но когда увидѣлъ что большинство новоромантиковъ принялись эксплуатировать дурныя наклонности эпохи и, пишучи безъ внутренняго призванья, выставлять иногда на видъ сущія нелѣпости только для того чтобъ казаться интересными и какъ-нибудь заинтересовать читателей, онъ въ своихъ „Понедѣльничныхъ

бесѣдахъ" сталъ очень ѣдко и однакожъ стилистически-граціозно разоблачать этотъ эгоизмъ и эту гонку за диковинными причудами.

Франціи свойственна вообше та отличительная черта, что ея ученые вмѣстѣ и хорошіе писатели, что основательныя ея головы думаютъ также и о пріятномъ изложеніи своихъ мыслей и добытковъ своего разысканья; это и доставило націи далеко за предѣлами края мѣроположное вліяніе на весь европейскій взглядъ на жизнь; во всеобщемъ къ себѣ сочувствіи Фуанція пожала плодъ многовѣковой умственной работы и своей способности придавать идеямъ ясную и понятную во всемъ свѣтѣ форму.

Въ Англіи Го̀лламъ подвелъ итогъ архивнымъ изученіямъ по исторіи конституціоннаго устройства. Маколей, который, какъ государственный дѣлецъ и ораторъ, съумѣлъ достичь значенія даже и на ряду съ Брумомъ и Робертомъ Пиллемъ, сначала въ качествѣ критика подготовился стать подлинно народнымъ историкомъ Англіи. Книги, за разборъ которыхъ онъ брался, подавали ему поводъ къ остроумнымъ и вполнѣ округленнымъ характеристикамъ, напримѣръ, Мильтона или Байрона, Маккіавелли или Клейва и Гастингса; онъ мастеръ на то, что̀ зовется у Англичанъ Essay (обстоятельный, дѣльный и всегда болѣе или менѣе блестящій очеркъ), причемъ онъ, правда, любитъ по-французски пустить пыль въ глаза антитезами. Его обзоръ англійской исторіи до возстановленія Стуартовъ превосходно излагаетъ общій ходъ развитія; потомъ изображаетъ онъ время Іакова I-го живѣйшими красками и со всѣхъ возможныхъ сторонъ, а учрежденіе конституціонной королевской власти Вильгельмомъ Оранскимъ съ прозорливостью государственнаго дѣльца и съ патріотической теплотою; разнородные пріемы Тьерри и Гизо̀, разнородные таланты Миньѐ и Тьера являются у него въ сочетаніи. Къ этому же стремится и Фра̀удъ *. Американцы Банкрофтъ и Прескоттъ соперничаютъ въ изображеніи своихъ туземныхъ событій, держась нѣмецко-философскаго воззрѣнія вмѣстѣ съ французскимъ умѣньемъ излагать. Передавая, одинъ, исторію сѣвера, другой—борьбу юга съ Испанцами, они, какъ истые сыны родного края, ввели во всемірную литературу и его, да и самихъ себя. Тутъ же должно назвать и Вашингтона Эрвинга, который сильнѣе въ художественномъ постиженіи дѣйствительности, нежели въ свободномъ поэтическомъ творчествѣ.—Чрезвычайно значительны, наконецъ, два Англичанина, Бѐкль и Карлейль. Первый ищетъ такихъ же законовъ для исторіи, какіе господствуютъ въ природѣ, онъ изслѣдуетъ естественныя условія человѣческаго общества и то, что̀ есть одинаковаго, равномѣрнаго въ его дѣйствіяхъ; ему хочется выяснить движеніе цѣлаго, какъ итога бездны мелкихъ силъ, и также опять общія соотношенія всѣхъ частностей; только въ умственномъ успѣхѣ видитъ онъ прогрессъ и только въ свободѣ явный признакъ его роста. Онъ задумалъ написать исторію цивилизаціи въ Англіи, но хотя и не дошелъ въ ней далѣе Вступленья, а все же далъ мастерскіе культурно-историческіе образцы въ своей картинѣ опекательства при Людовикѣ XIV-мъ, или господства односторонне-протестантскаго и

* Но съ явнымъ, чуть не романтическимъ пристрастіемъ къ старымъ, отжившимъ уже порядкамъ. Прим. перев.

католическаго богословія въ Шотландіи и въ Испаніи. Его сразила преждевременная смерть, тогда какъ Карлейль до глубокой старости горитъ на небосклонѣ Англіи свѣтлою еще звѣздою. Воспитанный на нѣмецкомъ идеализмѣ, ученикъ Гёте, началъ онъ прекрасными характеристиками, а потомъ въ своей геніальной книгѣ о геройствѣ и чествованіи героевъ доказалъ, какъ важны для развитія человѣчества въ исторіи великія личности, цѣльныя, правдивыя, сильныя волею натуры, которымъ ни по чемъ внѣшній блескъ и которыя понимаютъ вещи въ ихъ сущности. Издавъ съ примѣчаніями и поясненіями рѣчи и письма Кромвеля, онъ опровергнулъ взглядъ людей, видѣвшихъ въ религіозномъ и державно-могучемъ человѣкѣ лицемѣра, притворщика; потомъ нарисовалъ онъ Фридриха Вильгельма I-го и Фридриха II-го Прусскихъ. Еще прежде въ блещущихъ умомъ рапсодіяхъ онъ оглянулъ французскую революцію и подробно изобразилъ нѣкоторые ея дни съ эпическою можно-сказать ясностью. При этомъ сердце его вездѣ бьется для народнаго блага, онъ славитъ благодать труда, работа ли-то головы или рукъ, все равно; въ немъ видитъ онъ основу всего прекраснаго, всего достойнаго человѣка, чѣмъ наслаждаться призванъ каждый, безъ изъятія. Его безподобная книга „Прошлое и настоящее“ принадлежитъ сюда же и показываетъ, что мыслитель и историческій изслѣдователь неразрывно связанъ въ немъ съ поэтомъ. Карлейль любитъ смѣлое, неожиданное въ идеяхъ да и въ языкѣ, юморъ увлекаетъ его подчасъ къ страннымъ оборотамъ, его субъективность врывается то съ гнѣвомъ, то съ любовью въ самую среду изложенія, но она такъ своеобразно-благородна, что всякій этому невольно радъ и такъ же не хотѣлъ бы отказаться отъ подобнаго придатка, какъ напримѣръ въ „Исторіи драмы“ І. Л. Клейна или въ сочиненіяхъ пылкаго Шерра; оба эти Нѣмца сродни Карлейлю, равно какъ и Американецъ Эмерсонъ.

Въ Италіи Колетта, своей Исторіей Неаполя съ 1734-го по 1825-й годъ пріобрѣлъ прозвище новѣйшаго Тацита. Испанцу Льіоренте пришло писать свою Исторію инквизиціи за границей. Въ Польшѣ основателемъ новаго бытописанія явился Лелевель, столько же извѣстный твердостью своего патріотизма, какъ и обширной ученостью. И обокъ съ такими выдающимися людьми стоятъ въ Европѣ цѣлыя сотни другихъ, которые, кто изслѣдованіемъ и критикой матерьяла, кто художественнымъ изложеніемъ тѣхъ или другихъ частей, воздѣлываютъ поле исторіи и оплодотворяютъ свои ученія въ видахъ жизненной пользы. Даже разныя отдѣльныя науки нашли себѣ своихъ особыхъ историковъ, и нѣкоторыя отросли частной этой исторіи заинтересовали дотого, что иногда, какъ напримѣръ въ философіи, замедляютъ движеніе впередъ самой исторически-обработываемой науки: хотятъ, чтобы установка и рѣшеніе проблемъ основывались на полномъ изученіи прошлаго и совершались непремѣнно въ связи съ нимъ. Историческая дѣятельность существенно принадлежитъ къ знаменіямъ времени, и искусство, какъ оно уже и теперь начинаетъ это дѣлать, воспользуется его добытками.

Оживившійся историческій смыслъ прежде всего чрезвычайно двинулъ впередъ языкознаніе. Здѣсь путеположникомъ выступилъ Яковъ Гриммъ съ своей нѣмецкою грамматикой. Онъ не думалъ давать правилъ языку, да не хотѣлъ отвлекать ихъ и изъ нынѣшняго; онъ разсматривалъ нѣмецкую

рѣчь съ ея развитія изъ готской и англосаксонской черезъ все средневѣковье вплоть до нашихъ дней, и благоговѣйно подмѣчалъ законы ея измѣненій, слѣдя въ потокѣ времени постепенно слагающійся организмъ; онъ открылъ законъ перебоя звуковъ, благодаря которому этимологизація или производство словъ отъ корней и словосравненіе въ сродственныхъ языкахъ перестали быть игрою наугадъ и сдѣлались наукою: сами звуки въ поэтической душѣ Гримма одушевились собственною своей жизнью. Онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Вильгельмомъ также вышелъ изъ круга романтиковъ, но то что у послѣднихъ было грезою и произволомъ или мистикой, то вполнѣ выяснилось для него и пріобрѣло отвержденную форму благодаря самому многообъемчивому и прилежному изслѣдованію. Они тщательно собирали сказки и былины и передавали ихъ съ той задушевной искренностью и вѣрностью, благодаря которымъ можно было опознать въ нихъ обломки древнихъ вѣрованій. Къ обоимъ братьямъ присоединился Лахманнъ съ своимъ критически-зоркимъ взглядомъ и своимъ необыкновенно-тонкимъ чутьемъ, и такъ-то вотъ образовалась школа германистовъ, которая повела далѣе по пути самовразумленія, начавшагося еще до войнъ за независимость, по пути изслѣдованія народности, и сама явилась одною изъ дѣятельнѣйшихъ пружинъ для того, чтобы народная душа облеклась наконецъ и въ плоть истинно-народнаго государства. Извѣстно, что братья Гриммы, вмѣстѣ съ Гервинусомъ, Дальманомъ, Эвальдомъ, физикомъ Веберомъ и юристомъ Альбрехтомъ, были тѣми семью лицами, которыя, соблюдая вѣрность присягѣ, отказались нарушить конституцію въ Ганноверѣ,—подвигъ, много способствовавшій къ пробужденію Германіи отъ политическаго ея сна. Гервинусъ справедливо назвалъ Якова Гримма самою своеобразною фигурой въ ученомъ мірѣ нашего времени. „Въ этомъ царствѣ завистливой борьбы и мелочного соперничества стоитъ онъ безподобнымъ можно-сказать явленіемъ, почти совершенно недоступный нападкамъ по скромной и самоотверженной отдачѣ себя дѣлу, по дѣтской и столь однакоже возвышенной патріархальной простотѣ своего ума и сердца, по глубокой душевной привязанности ко всему отечественному, родному; въ теченіе долгой своей жизни часто случалось ему подвергаться непріятностямъ, помѣхамъ и обидамъ со стороны правительственныхъ властей и общественныхъ установленій, но онъ не запятналъ себя рѣшительно ни чѣмъ и достигъ самыхъ преклонныхъ лѣтъ, сохранивъ весь свѣжій блескъ юности.“

Для языковѣдѣнія рѣшительнымъ поворотомъ было открытіе Санскрита и необыкновеннаго богатства его формъ; и тутъ первый важный шагъ ступилъ Фридрихъ Шлегель; за тѣмъ Боппъ написалъ сравнительную грамматику индійскаго, персидскаго, греческаго, латинскаго и германскаго языковъ, указывая на ихъ сходства и различія, на то что̀ остается въ нихъ не измѣннымъ и что̀ измѣняется. Въ Англіи примкнулъ сюда Вильсонъ, во Франціи—Бюрнуфъ; симитскому Востоку посвятили свои дарованія Сильвестръ де-Саси и Эвальдъ, а Станиславъ Жюльенъ углубился въ область китаизма. Успѣли разобрать гіероглифы и клинообразныя письмена и составили грамматику языковъ, которымъ они принадлежали. И въ этой громадной массѣ матерьяла нашли себѣ свѣжую пищу новыя изслѣдованія такихъ людей какъ Штейнталь и Максъ Мюллеръ о сущности, началѣ и развитіи языка вообще.

Философія и Богословіе. Гегель и Шлейермахеръ.

„Понять то, что̀ есть, — вотъ задача философіи; ибо то что̀ есть, то и дѣйствительно, а что̀ дѣйствительно, то разумно. Когда философія примется за свою живопись темносѣрымъ по свѣтлосѣрому, значитъ—складъ жизни уже состарѣлся; минервина сова начинаетъ полетъ свой не прежде какъ только съ наступленьемъ сумерокъ". Этими словами Гегель (1770—1831) заявилъ о преобладаніи исторической тяги и въ его собственномъ мышленіи; ученіе его приняли даже за оправданіе всего существующаго, какъ оно есть, въ противоположность юношескимъ стремленіямъ къ свободѣ, которыхъ благороднаго словомолвца Фриса онъ обозвалъ вождемъ пустоголовщины за то, что тотъ требовалъ конституціи, взятой прямо изъ народнаго быта. При этомъ упускали изъ виду, что въ исторіи дѣйствительнаго и прочнаго только вѣдь и есть что движущаяся впередъ жизнь, постоянное развитіе, точно такъ же какъ въ природѣ важна не засохшая прошлогодняя листва, а свѣжая, развернувшаяся по веснѣ; позабыли что есть не одни вечернія, но такъ же и утреннія еще сумерки, сумерки разсвѣта. Самъ Гегель смогъ въ теченіе цѣлаго поколѣнія господствовать надъ нашимъ образованьемъ только потому, что въ лицѣ его новые помыслы нашли себѣ научное выраженіе, что онъ отстаиваетъ полноту исторической жизни противъ раціоналистовъ, и строгую дисциплину, выдержанную замкнутость систематическаго мышленія противъ романтиковъ, что духъ времени онъ доводилъ до яснаго сознанья; и именно любимый его пріемъ все строить изъ идеи, —пріемъ, часто вводившій его въ противорѣчіе съ фактическимъ, обличаетъ до чрезмѣрности въ немъ самомъ гражданскую его принадлежность царству свободнаго духа, стремящагося опредѣлить изъ самого себя весь міръ.

Гегель принесъ уже съ собой въ Іену планъ своей собственной системы мышленія, когда онъ соединился тамъ съ Шеллингомъ для изданія философскаго журнала и сталъ разработывать ученіе о тождествѣ первоначально съ нимъ заодно. Потомъ онъ написалъ геніальнѣйшую изъ своихъ книгъ, Феноменологію духа. Самосозерцающійся разумъ, какъ вѣдающая себя истина,— вотъ цѣль, къ которой онъ постепенно восходилъ отъ чувственнаго созерцанія и представленья, путемъ разсудка и его рефлекціи, путемъ права и нравственности, путемъ художническаго творчества и религіозной вѣры. Если предисловіе было уже манифестомъ противъ слишкомъ вольнаго разгула романтики, противъ легкой игры въ аналогіи, которой предавались такъ называемые философы природы, то въ текстѣ книги господствовалъ уже діаликтическій методъ, переходившій со ступени на ступень вслѣдъ за движеніемъ мысли, лежащимъ въ самомъ содержаніи. Такъ-какъ человѣчество тотъ же человѣкъ въ громаднѣйшемъ только объемѣ, то Гегель видѣлъ, разумѣется, соотвѣтствіе и въ ходѣ развитія обоихъ, и вмѣсто того чтобы приводить въ видѣ примѣра тотъ или другой фазисъ всемірной исторіи, онъ для изображенія извѣстной ступени развивающагося сознанія обыкновенно бралъ колоритъ того періода или того историческаго явленія, которыя могли почесться за классическій типъ этой ступени, и не называя по имени ни единаго лица,

онъ давалъ распознать въ своей картинѣ то греческій, то римскій духъ, то христіанство или французскую революцію, тамъ заставлялъ говорить софоклову Антигону, а здѣсь Племянника Рамò словами Дидерò. Это прекрасное сплетеніе психологіи съ философіей исторіи придаетъ цѣлому единственную въ своемъ родѣ очаровательность и представляетъ намъ мыслителя въ художественной попреимуществу атмосферѣ его юношескихъ дней.

Будучи ректоромъ гимназіи въ Нюренбергѣ, Гегель написалъ свою логику. Къ кантовой Критикѣ чистаго разума она должна была присовокупить и систему послѣдняго, изложить необходимыя опредѣленія и формы мысли въ ихъ общей внутренней связи и показать, что они полносильны не только въ нашемъ субъективномъ познаніи, но и въ самой объективности вещей, что они именно и составляютъ всеобщую истину и сущность; такъ-какъ не будь законы нашего мышленія въ то же время и законами міра, послѣдній остался бы для насъ непознаваемымъ. Категоріи разума суть такія формы, безъ которыхъ ни природа, ни духъ не могутъ ни существовать, ни мыслиться. Все понимаемое нами постигаемъ мы въ его сущности; оттого понятіе и есть самая суть вещей; не мы только судимъ, что есть растеніе, но сужденіе это лежитъ въ немъ самомъ, и каждый организмъ есть (сущее) умозаключеніе, въ которомъ взаимно обусловлены другъ другомъ начало и конецъ, въ которомъ единое держится среди многоразличія. Такими же точно мыслеопредѣленіями (нормами или категоріями мысли) выходятъ качество и количество, причина и дѣйствіе, единство и разность. Такимъ образомъ ученіе о мысли стало у Гегеля ученіемъ о бытіи, онтологія и метафизика сдѣлались логикой. И такъ-какъ единое не мыслимо для насъ безъ многаго, дѣйствіе—безъ причины, такъ-какъ мы различаемъ ихъ и тутъ же вмѣстѣ соотносимъ, такъ-какъ безконечное, внѣ котораго стояло бы на ряду съ нимъ конечное, ограничивалось бы послѣднимъ и было бы поэтому конечнымъ и само, то Гегель, поставивъ на мѣсто *я* всеобщее безличное мышленіе или отвлеченный самъ по себѣ разумъ, приписалъ послѣдній всѣмъ означеннымъ категоріямъ и понятіямъ какъ свойственную имъ самимъ силу, какъ ихъ собственное движеніе, влекущее ихъ перехватывать, переходить другъ въ друга, противополагать себѣ другое, инобытное и, обогатившись имъ, возвращаться потомъ въ себя опять; такъ думалъ онъ, все низшее должно было само собою упраздняться въ высшемъ (при чемъ подъ „упраздненіемъ" разумѣлась не простая лишь смѣна одного понятія другимъ, но и сохраненіе сути перваго въ послѣднемъ, какъ въ дальнѣйшемъ только его развитіи *) и такимъ образомъ чистое бытіе, которое въ своей совершенной неопредѣленности то же вѣдь ничто, идетъ развиваясь въ непрерывномъ потокѣ чрезъ самоосуществленіе или „становленье" (Werden),—гдѣ ничто ежемгновенно сопроникается съ бытіемъ,—къ опредѣленному существованію (Dasein), и по ступенямъ единства и разности, сущности и явленія, понятія и умозаключенья восходитъ до абсолютной идеи, которая, какъ вполнѣ завершенная система

---

* Упраздненіе, Aufheben, переводятъ у насъ часто словомъ «снятіе», но оно вовсе не передаетъ того смысла, какой для Гегеля заключался въ Aufheben.

Прим. перев.

всѣхъ мыслеопредѣленій, будто бы и есть уже разоблаченная сама въ себѣ истина или Богъ въ вѣчной своей сущности до сотворенія природы и конечныхъ духовъ. Такъ, самое понятіе должно было своевластно порождать изъ себя логическія формы и законы, которые были вмѣстѣ нормами вещей и опредѣленіями абсолюта. Тутъ не принималось въ расчетъ то, что мысль въ своей всеобщности не есть что-либо дѣйствительное сама собой, что она всегда вѣдь предполагаетъ субъектъ, мыслящую субъективность; между тѣмъ послѣдняя является у Гегеля только уже гораздо позже, когда идея изъ своей инобытности, изъ своей самоотчужденности въ природѣ, углубляется опять внутрь самой себя и приходитъ въ конечномъ духѣ къ ясному сознанію; такъ субъективность становится у него только моментомъ въ процессѣ развивающагося понятія, при чемъ послѣднее и его категоріи надѣляются самоподвижностью, и какъ бы собственная ихъ дѣятельность развертываетъ изъ чистаго мышленія все то, что философъ просто узналъ однакожь изъ наглядки и опыта. Тутъ поистинѣ величаво то, какъ пріурочиваются къ этой системѣ прежніе философы: Парменидъ, ставившій первоначаломъ чистое бытіе, Гераклитъ—непрерывное самоосуществленіе, Спиноза—субстанцію, Аристотель—нутродѣйственную цѣль,—всѣ они, равно какъ и многіе другіе, являются съ своими ученіями какъ необходимыя ступени организма той идеи, которая наконецъ въ лицѣ Гегеля понимаетъ себя во всей полнотѣ. Ему не удается показать, какъ различныя формы и опредѣленія логики требуютъ и вызываютъ другъ друга; они только безпрерывно мѣняются у него какъ оборотни, взаимно упраздняются, переходятъ одни въ другія, а потомъ всегда опять возникаютъ снова порозняясь изъ единства и всегда опять тонутъ въ его омутѣ: это—трудъ безъ цѣли и плода, діалектика — одно пустое движеніе безъ чего либо-движущагося въ самомъ дѣлѣ, и этотъ-то методъ или пріемъ выдается въ концѣ концовъ за абсолютное (за суть всей системы).

Та живо-схваченная имъ истина, что въ формахъ и законахъ мысли даны намъ вмѣстѣ формы и законы дѣйствительности, увлекла Гегеля проглядѣть здѣсь то, что хотя это и необходимо-мыслимыя опредѣленія всего сущаго, однакожь они тѣмъ не менѣе предполагаютъ содержаніе, которое находило бы въ нихъ обликъ себѣ и жизнь; онъ изъ нихъ самихъ сдѣлалъ все содержаніе идеи и понималъ природу и духъ только какъ проявленіе логическихъ формъ и опредѣленій. Логическая идея должна у него сама себя „отпустить" въ природу, овнѣшниться, и потомъ снова воротиться къ себѣ въ духѣ; природу называетъ онъ за тѣмъ инобытью идеи, или прямымъ отъ нея отпаденіемъ, не дѣлая однакожь этого перехода вразумительнымъ, понятнымъ; а тамъ, гдѣ она въ своемъ богатствѣ, въ своей полножизненной оригинальности посмѣвается наклееннымъ на нее систематическимъ ярлычкамъ, философъ толкуетъ о ея немощи строго выдержать форму понятія. Духъ называется у него потомъ отрицаніемъ природы и также доходитъ до своей истины только тогда, когда познаетъ себя моментомъ чистой идеи. Ея вѣчно-творящая и вѣчно-разлагающая опять дѣятельность все именно и порождаетъ въ своей неустанной измѣнчивости; безъ противорѣчія нѣтъ жизни, оно—истина всего сущаго и вмѣстѣ разложеніе его, да выдѣлится изъ него то высшее, что̀ лежало въ немъ изначально; тѣ же основные законы, та же самая діалектика господствуютъ вездѣ.

Гегель былъ величайшимъ систематикомъ изо всѣхъ нѣмецкихъ философовъ и обширностію познаній превосходилъ со времени Лейбница ихъ всѣхъ; природа, душа, право, искусство, религія, исторія, всѣ вошли духовно-возрожденныя въ Энциклопедію, которую онъ написалъ въ бытность свою профессоромъ въ Гейдельбергѣ и которую, прибывъ 1818-го года въ Берлинъ, разъяснялъ далѣе въ своихъ многопосѣщаемыхъ лекціяхъ по разнымъ областямъ вѣдѣнія. Этимъ онъ пріобрѣлъ день-ото-дня возроставшее вліяніе на всѣ отдѣльныя науки, и не смотря на то что шелъ обруку съ консервативною властью, все-таки провозгласилъ завѣтное слово современной свободы, — единодержавство разума, мыслящаго духа въ наукѣ вообще. Что все, чѣмъ было оно само по себѣ изначально, становится благодаря развитію тѣмъ же самымъ и для себя, что оно непремѣнно вызываетъ рознь и противоположность, потомъ преодолѣваетъ ихъ и такимъ образомъ раскрываетъ вполнѣ всю свою суть,—эту троечленность проводилъ онъ рѣшительно вездѣ въ ритмѣ цѣлаго и частностей: логика, философія природы, философія духа стояли у него тремя основными кряжами; самъ духъ вопервыхъ субъективенъ, поскольку онъ пробуждается въ своей тѣлесности (антропологія), поскольку образуетъ свое сознаніе (феноменологія), поскольку, какъ теоретическій, практическій и свободный, живетъ вообще только для себя; онъ объективенъ, поскольку обрѣтаетъ себѣ предметное бытіе въ правѣ, въ морали, въ семейномъ нравообычаѣ, въ обществѣ, въ государствѣ; онъ абсолютенъ, когда путемъ искусства, религіи и философіи сочетаваетъ въ одно идеальный элементъ съ реальнымъ, примиряетъ вѣчное и безконечное съ конечнымъ и временнымъ и познаетъ идею какъ истину всяческаго бытія. Если тутъ много есть выкроечнаго, шаблоннаго, зато тѣмъ легче оно запоминалось; все добытое эстетическимъ образованіемъ нашихъ классическихъ и романтическихъ поэтовъ, все вызванное на свѣтъ историческимъ разысканіемъ по части права и жизни государственной, по миѳологіи и искусству,—все это нашло себѣ свое мѣсто у Гегеля въ его архитектоникѣ духа. Особенно же не могъ онъ довольно нарадоваться эллинствомъ; эту отъ природу гармоническую юность людского племени прославлялъ онъ всегда съ жаромъ и краснорѣчиво.

Отдѣльно Гегель издалъ еще Философію права. То, что онъ выставилъ какое-то абстрактное право прежде государства, а въ промежутокъ между ними втискалъ нравственность, мораль,—было съ его стороны неоспоримо ошибкой; но его мѣткое раскрытіе, что государство есть вовсе не что либо произвольное или же необходимое какое-нибудь зло, а напротивъ положительное благо, организмъ нравственности,—это былъ немаловажный подвигъ. Гегель взялъ государство со стороны его самодержавія; за основу его принимаетъ онъ власть разума, осуществляющаго себя въ видѣ общеобязательной воли. Онъ, правда, противусталъ тогдашнимъ студенческимъ затѣямъ и либеральнымъ стремленіямъ, онъ держалъ сторону порядка, правительства, считалъ Пруссію за государство интеллигенціи на образецъ всѣмъ другимъ; но онъ столь же рѣзкими словами громилъ феодальныя поползновенья, какъ и легкомысленныхъ міроисправщиковъ, и когда для примиренія восточнаго единодержавства съ античною республикой онъ началъ развивать какъ государственный свой идеалъ конституціонную монархію съ гласнымъ судопроизводствомъ и съ участіемъ всего народа въ общественныхъ дѣлахъ, то вышелъ этимъ за предѣлы данныхъ

тогда условій и сдѣлался мѣроположнымъ для будущаго, которое нынѣ стало уже настоящимъ. Еще юношею начерталъ онъ проектъ устройства нѣмецкой имперіи, открывавшійся жалобой: Германія уже перестала быть государствомъ! Поэтому онъ желалъ націи какого-нибудь Тезея, который съ могучей силою связать ее въ одно цѣлое соединялъ бы настолько великодушія чтобы щадить и всѣ живучія своеобразности различныхъ племенъ; онъ требовалъ единства въ военныхъ и финансовыхъ порядкахъ, и самоуправленія въ общинахъ.

Владычество разума Гегель видѣлъ не только въ современной жизни государства, но точно также и во всей исторіи. Она не что иное какъ развитіе свободы: на Востокѣ свободенъ только одинъ,—властитель, въ древности свободны были только нѣкоторые,—полноправные граждане республикъ, въ новомъ, христіанско-германскомъ мірѣ свободны всѣ. Всегда совершается разумное, и все яснѣе сознается оно духомъ. Разумъ такъ хитеръ, что заставляетъ дѣйствовать въ свою пользу людскія страсти; послѣднія изводятся въ работѣ и приносятся въ жертву, а идея зато развивается и торжествуетъ. Исторія порождаетъ всѣ возможныя формы образованія, къ какимъ только способенъ духъ, и дополняетъ каждую изъ нихъ другою; философія признаетъ любую въ условныхъ ея правахъ; не такъ поступаетъ дѣятель въ сутолокѣ развитія: герой, призванный ввести въ жизнь какую-нибудь новую мысль, часто становится виновенъ своею насильственной борьбой противъ того, что покамѣстъ еще въ силѣ, но онъ въ то же время и органъ мірового духа, неослабно идущаго впередъ. Гегель такъ же охотно отдаетъ справедливость великимъ людямъ, напримѣръ Александру, Лютеру, какъ и сочувственно излагаетъ развитіе всеобщихъ идей въ потокѣ времени и ихъ неразрывную внутреннюю связность. Подобно Гердеру, беретъ онъ разные народы то со стороны взаимнаго восполненія ихъ одного другимъ, то въ ихъ послѣдовательной преемчивости, какъ звенья одного слагающагося организма человѣчества; для него, какъ и для Гердера, любой народъ самъ также въ свою очередь организмъ, и онъ слѣдитъ, какъ на основаніи своей особой жизненной идеи народъ видообразуетъ въ одно характерное цѣлое весь свой государственный строй и нравообычай, свое искусство и свою религію. Всего лучше дается ему изображеніе классической древности; но много превосходнаго и мѣткаго говоритъ онъ также о Востокѣ и о 18-мъ столѣтіи. И здѣсь пожалъ онъ то, что вызрѣло тогда благодаря времени, но онъ объединялъ это своей мыслью и освѣщалъ такимъ образомъ путь подроставшему поколѣнію.

Въ Эстетикѣ онъ услаждаетъ насъ бездною самыхъ утонченныхъ сужденій, хотя и безъ той строгой систематики, какую впослѣдствіи внесъ въ нее Фишеръ; особенно при обработкѣ каждаго искусства въ частности воспользовался Гегель всѣмъ, что подготовили прежде Лессингъ, Винкельманнъ, Гердеръ и романтики, но это не мѣшаетъ ему рѣзко возставать противъ излишествъ, какія дозволяли себѣ послѣдніе. Когда лекціи эти появились въ печати онѣ прямо стали школою эстетической критики и руководствомъ для современныхъ беллетристовъ.

Философія религіи шла у него отъ той мысли, что дѣло философіи не создавать новую какую-нибудь религію, а только понять существующую налицо; она при этомъ упускала изъ виду то вліяніе, какое ходъ зрѣлаго и сво-

боднаго мыслительства оказываетъ на развитіе народной вѣры; далѣе она слишкомъ уже принимала религію только въ смыслѣ вѣроученія и находила въ ней ту же самую истину въ формѣ представленья, какою философія обладаетъ въ формѣ понятія, — что̀ очевидно дѣлало первую теоретическою предступенью чистаго вѣдѣнія, тогда какъ, она идетъ на ряду съ нимъ самобытно и независимо, будучи по преимуществу дѣломъ сердца, настроеніемъ богоприсной любви, которая все относитъ къ вѣчному и въ немъ собственно живетъ и дышетъ. Правда, что и для Гегеля религія была единеніемъ человѣка съ Богомъ, сознаніемъ безконечнаго въ конечномъ, присутствіемъ неба на землѣ; „по этой области духа, говоритъ онъ, текутъ струи Леты, изъ которыхъ жадно пьетъ Психея (душа), куда она погружаетъ всѣ свои печали, гдѣ все что есть терпкаго и темнаго во временномъ бытіи превращается для нея въ какую-то сонную грезу и просвѣтляется яркимъ блескомъ Вѣчна̀го“. Гегелю принадлежитъ та заслуга, что какъ на существенное въ религіи онъ впервые указалъ на присность божескаго въ человѣческомъ и на обрѣтеніе себя конечнымъ въ безконечномъ; такъ противусталъ онъ рѣшительному подѣлу Бога съ міромъ, естественнаго съ сверхъестественнымъ и примкнулъ здѣсь къ патріархамъ германскаго умозрѣнія, преимущественно къ Экгарту, о которомъ мы подробнѣе говорили заканчивая свой третій томъ. И тутъ повелъ онъ дѣло вмѣстѣ исторически и философски; отъ грубаго первоначально фетишизма онъ перешелъ къ индійскому богообилію, къ персидскому культу свѣта и наконецъ къ Олимпу Грековъ, изображая миѳологіи различныхъ племенъ, на ряду съ единобожіемъ Евреевъ, какъ различныя ступени самой религіи, излагая обокъ съ іудействомъ истинное содержаніе язычества и сводя ихъ потомъ на христіанство, которое онъ представилъ абсолютною (окончательною) религіей. Подобно Лессингу и Шеллингу онъ объяснялъ догматъ троичности по своей собственной системѣ: Отецъ, говоритъ онъ, есть вѣчное существо, идея, проявляющаяся въ мірѣ; какъ это самооткровеніе онъ—Сынъ, а чрезъ сознаніе такого отношенія міръ единится съ Богомъ въ Духѣ. Вочеловѣченіе божіе—дѣло вѣчное, завершившееся и вполнѣ сознанное во Христѣ; такъ міръ и примиренъ въ немъ окончательно съ Богомъ. Гегель философски оправдывалъ догматъ, о который претыкались раціоналисты; но правовѣры замѣтили очень хорошо, что онъ перетолковываетъ его при этомъ посвоему. Да и не льзя же сверхъ-того было отрицать, что гегелевскій Богъ только въ человѣкѣ приходитъ къ самопознанію и что глубочайшіе нравственные переживы, — скорбь о грѣхѣ, искупленіе и спасеніе души человѣческой,—улетучиваются у него въ одинъ чисто-логическій процессъ.

Надо подконецъ упомянуть еще о томъ, что Гегель первый сталъ преподавать не исторію только философовъ, но исторію философіи въ самомъ дѣлѣ, что и здѣсь онъ излагалъ каждую систему какъ необходимое звено неразрывной цѣпи,—звено, то лишь дополняющее собой другія, то становящееся моментомъ высшей ступени мышленія; и хотя, въ угоду своей системѣ, онъ иногда съ натяжкой относился къ тому или другому философу, въ цѣломъ опять-таки слѣдуетъ признать его путепроложникомъ, и такія вещи какъ трудъ Целлера о древней философіи, какъ труды Фейербаха, Эрдманна, Куно Фишера о новѣйшей, всѣ рѣшительно поднялись на его плечахъ.

Вокругъ Гегеля собралась дружина ревностныхъ учениковъ, которые съ его именно точки зрѣнія въ „Лѣтописяхъ научной критики" судили и рядили обо всѣхъ важнѣйшихъ произведеніяхъ современности, внѣдряли его идеи въ различныя отросли наукъ, какъ напримѣръ Гансъ — въ правовѣдѣніе, Маргейнеке и Даубъ въ богословіе, Гото—въ ученіе объ искусствѣ, тогда какъ Розенкранцъ, живо и достолюбезно соревнуя многосторонности учителя, старался изложить его мысли общепонятнѣе для всѣхъ. Благоуспѣшнѣйшимъ дѣломъ первостепенныхъ учениковъ Гегеля было то, что по смерти его они издали полное собраніе его сочиненій, приложивъ тутъ много ума и много благоговѣнія къ усопшему. По убѣжденью этой школы, въ методѣ Гегеля лежитъ ключъ ко всѣмъ таинствамъ познанія, а система его—итогъ всякой истины и завершеніе всей философіи вообще; но современные ему мыслители достаточно показали, что и онъ смотрѣлъ на вселенную съ своей лишь исключительно точки зрѣнія, а потому и нуждался въ дополненіяхъ со стороны. Передъ цѣлымъ, а также и передъ діалектикой его моментовъ, элементъ индивидуальности никогда не достигаетъ у Гегеля полныхъ своихъ правъ и всегда приниженъ до степени преходящаго. Вотъ почему идеализму мысли, порождающей изъ себя и за тѣмъ воспринимающей опять все частное, Гербартъ противопоставилъ реализмъ изначальной множественности дѣйствительныхъ существъ, подобно тому какъ Лейбницъ выступилъ съ своими монадами противъ субстанціи Спинозы. Тамъ, гдѣ Гегель требовалъ для жизни противорѣчія, Гербартъ старался, наоборотъ, разрѣшить его, и тогда какъ тотъ строилъ міръ, исходя отъ единства своего начала, послѣдній началъ съ разныхъ напротивъ точекъ свои остроумныя изслѣдованія частнаго; онъ вообще поддерживалъ въ философіи духъ бойкой изслѣдовательности и оставилъ его въ наслѣдіе цѣлой школѣ, которая этимъ именно и поднялась, и изъ которой вышли такіе самостоятельные мыслители, какъ Лотце *, Лацарусъ, Штейнталь. Въ наукѣ не устояли ни его искусственно разлагающая и слагающая потомъ метафизика, ни его приложеніе математики къ нашимъ представленьямъ и мимовольной ихъ ассоціаціи въ душѣ; что онъ отстаивалъ душу, какъ реальное существо, котораго индивидуальность завѣряетъ себя въ нашемъ *я*, это останется неотъемлемымъ его добыткомъ, хотя приписываемая имъ ей безсложная простота съ слѣдующими за тѣмъ порушеніемъ и самовозстановленьемъ должна уступить мѣсто самородному богатству, развертывающемуся изъ первичной внутренней закладки, какъ изъ зерна. И когда, не только для индивидуальной нравственности, но и въ видахъ государственнаго общенія, Гербартъ къ идеѣ права неотложно притягиваетъ еще идею доброжелательства, то этимъ онъ вѣдь ратуетъ за человѣчность и требуетъ такого международнаго общенія для культурныхъ цѣлей, которое поистинѣ согласно съ христіанскимъ началомъ взаимной любви.

Дѣятельный разумъ внятенъ самому себѣ, но логическая идея сама по себѣ не дѣйственна и не дѣйствительна; она становится такою только какъ свойство извѣстнаго существа и какъ помыслъ личнаго непремѣнно духа. Правда,

---

* Самъ Лотце едва ли пріурочитъ себя безоговорочно къ гербартіанцамъ. На нашъ взглядъ, онъ гораздо больше—*современный* Лейбниціанистъ. Прим. перев.

Гегель рано уже дознаіъ, что главное здѣсь — понимать субстанцію субъектомъ; онъ внесъ въ спокойствіе спинозизма свое діалектическое движеніе, но единственно лишь въ процессѣ послѣдняго всплываютъ и опять тонутъ у него личности, только въ конечныхъ духахъ олицетворяется абсолютное начало. Но что оно само въ себѣ — сознаніе и воля, это высказалъ Францъ Баадеръ (1765—1841), и высказалъ не только на манеръ деистовъ вольномысленнаго просвѣщенія, но глубоко вчитавшись въ Якова Бёме и озаряя сочиненія его сочувственнымъ сердцемъ и умомъ, онъ пріобрѣлъ себѣ созерцаніе Бога Живого, который вмѣстѣ и естественная сила и духъ, который творчески порождаетъ вселенную и всю ее властительно проникаетъ своей мощью. Средоточіе всѣхъ тварей въ Богѣ, а окружность ихъ — въ многоразличіи тѣхъ свойствъ и силъ, которыми онѣ тѣсно вплетены одна въ другую; захотятъ онѣ окружность эту сдѣлать центромъ своей жизни, увлекаясь похотью и себялюбіемъ, тогда онѣ подпадаютъ злу, многотревожному лжебытію, кажущемуся только существованію, отъ котораго скорбь самоизвращенья нудитъ ихъ опять обратно къ Богу, всегда готовому искупить ихъ своей помощію и милостью и принять въ свое блаженство; его объявляющаяся намъ дѣятельность озаряетъ людей свѣтомъ и тѣмъ самымъ обусловливаетъ культурный прогрессъ какъ въ частности, такъ равно и въ цѣломъ. Люди вѣрятъ другъ другу, любятъ другъ друга, поскольку они вѣрятъ въ общее имъ Высшее Существо, поскольку они сами ему преданы. Баадеръ всего замѣчательнѣе былъ въ бесѣдѣ, гдѣ любой предметъ давалъ ему поводъ то и дѣло нырять въ глубину и брызгать оттуда цѣлою струей новыхъ мыслей и соображеній; поэтому онъ и издавалъ только случайно-вызванныя сочиненія, изъ которыхъ многія самъ онъ назвалъ „Дрожжами познанія", Fermenta cognitionis, а заглавіе одной изъ его статей, называющее молнію отцомъ свѣта, можно принять за вѣрную характеристику собственной его личности. Сродственный во многомъ съ Гаманномъ, онъ является и богаче и здоровѣе своего предшественника. Онъ охотно выставлялъ аналогію между познавательнымъ и дѣтороднымъ побудами, и блестящее его остроуміе любило объяснять физику и этику, игриво отражая ихъ одну въ другой. Онъ, впрочемъ, такъ и остался при мечтательныхъ воззрѣніяхъ романтической философіи природы; какъ католикъ, онъ принималъ церковные догматы безъ всякой критики, но толковалъ ихъ и проводилъ далѣе на свой собственный ладъ; методическій ходъ послѣдовательнаго развитія вовсе не былъ его дѣломъ: зародышами своей мысли бросалъ онъ безъ разбору во всѣ области знанія, но рѣшительно ни одной не обработывалъ въ связи. Смѣлыя произвольныя фантазіи, вродѣ напримѣръ допущенія такой первичной природы, которая стала временною, пространственною, матерьяльною только чрезъ отпаденіе духовъ, и въ которую благое начало искупительно вошло опять черезъ человѣка для окончательнаго ея возстановленія, — такія фантазіи не давали ему ни въ чемъ дойдти до подлинной научности; сверхъестественное, неестественное, естественное, все лежитъ у него вмѣстѣ какимъ-то перепутаннымъ моткомъ, а смѣсь схоластики съ вольною, смѣлою фантазіей порождаетъ изо всего этого самые диковинные и причудливые образы, всегда привлекательные цѣльностью какъ духовнаго, такъ и чувственнаго элемента, иногда классическіе по сочетанію ясности съ удивительною глубиной. Баадеръ ратовалъ заодно съ

романтиками противъ суши разсудочнаго просвѣщенья, которое называлъ преступленіемъ противъ человѣческаго ума; онъ возставалъ противъ революціи, и учрежденіе Священнаго союза состоялось не безъ его ревнительскихъ внушеній; но онъ хотѣлъ зато эволюціи (строго-прогрессивнаго развитія), свободнаго союза политики съ религіей, и вскорѣ мертвая неподвижность Церкви побудила его бросить противъ Рима перунъ молній и стремиться къ новой общей формѣ христіанства. Что Баадеръ сильно содѣйствовалъ повороту, совершившемуся въ Шеллингѣ, это вполнѣ доказалъ достойный ученикъ перваго, Гофманъ.

Шеллингъ, въ своемъ трактатѣ о свободѣ, также примкнулъ къ Якову Бёме и возвысился до ѳеистическаго воззрѣнія; но растерялся въ гностическихъ фантазіяхъ, и какъ прежде о природѣ, такъ теперь о Богѣ и его исторіи, задумалъ написать миѳологическую поэму, которую опять-таки выполнилъ прозою и считалъ потомъ за науку. Его новая, такъ-называемая „положительная“ философія видитъ въ миѳологіи не только уже стремленіе человѣчества онаглядить себѣ какъ-нибудь идею божества, видитъ въ христіанствѣ не одно только примиреніе людского рода съ Богомъ: нѣтъ, въ миѳологическихъ образахъ отражаются будтобы процессы самой божественной жизни, а въ крестной смерти Іисуса Христа разрѣшается напряженное состояніе божественныхъ потенцій; самъ Богъ борется съ міромъ, отчуждившимся его въ грѣхопаденіи, борется чтобы снова покорить его въ себѣ и стать Господомъ всего сущаго. Тутъ, главное,—нравственный элементъ, путь человѣческаго душеспасенія, —оттѣснено Шеллингомъ на задній планъ, а впередъ выдвинуты космическія отношенія только для того, чтобы мысленно построить ихъ по стародавнимъ церковнымъ догматамъ: онъ описываетъ намъ предвѣчные, доміровые акты самопорожденія Бога, безпространственный идеальный міръ и его отпаденіе, черезъ которое впервые только и сталось вещество со всѣми его недостатками и болями; въ драмѣ міровой исторіи даетъ онъ между прочимъ роль Сатанѣ, и грезы своего воображенія безоглядно смѣшиваетъ съ истинами разума. Но и подъ этой фантастической оболочкою сохраняетъ онъ то убѣжденіе, которое было благовѣстіемъ Гердера и Гёте, равно какъ и его собственной молодости, и которое онъ теперь высказываетъ такъ: „Что бытіе только у Бога, и что всякое бытіе есть лишь божіе, этой мысли не отнять ни у разума, ни у сердца; она живетъ и бьется во всѣхъ сердцахъ; даже косная, безжизненная философія Спинозы обязана тѣмъ могучимъ вліяніемъ, какое она всегда оказывала на души, и притомъ не на сухія, а именно на самыя религіозныя,—обязана единственно и вполнѣ той основной мысли, которая одна въ ней только вѣдь и есть“.

Далѣе, въ прямую противоположность Гегелю, Шеллингъ настаивалъ на томъ, что логическій элементъ далеко еще не все, и этого не льзя не вмѣнить ему въ заслугу. Чисто раціональная сторона логики заключаетъ въ себѣ только необходимыя для мысли формы и условія всякаго бытія, но подлинную дѣйствительность выводить изъ нихъ невозможно; понятіе говоритъ намъ, что̀ такое (по отношенію къ намъ и ко всему прочему) тотъ или другой существующій предметъ, но что онъ дѣйствительно (такимъ) существуетъ, этому учитъ только наглядка или опытъ. Сущее, какъ скоро оно

есть, не можетъ быть инымъ противъ того, какъ мы необходимо его мыслимъ. Но называть раціональное отрицательнымъ кажется мнѣ очень неудачною выходкой, которая еще усилилась въ односторонности этой тѣмъ, что Шеллингъ втянулъ теперь въ свою фактическую или положительную систему религіозное откровеніе, и притомъ не въ смыслѣ внутренняго опыта (душевнаго пережива), а въ видѣ заготовленныхъ уже изстари церковныхъ догматовъ. Но, какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ былъ указанъ настоящій путь, указана, какъ прежде и Кантомъ, необходимость совмѣстнаго дѣйствія идеи съ чувственной подмѣтою или наблюденіемъ *.

Если Гегель усматривалъ въ мірѣ столько разума, что дѣйствительное и разумное рѣшился выдать за одно, то, напротивъ, Шопенгауэръ высмотрѣлъ въ немъ столько безумія, скорби и напасти, что почиталъ его за худшій изо всѣхъ возможныхъ міровъ и первоначаломъ ему далъ слѣпую (то-есть безумную совсѣмъ) волю; умъ являлся у него потомъ только мозговымъ феноменомъ человѣческаго тѣла, а послѣднее само было актомъ (неразумной) воли. Шопенгауэръ богатъ своеобразными взглядами остраго ума, можно сказать великъ бойкостью и ясностью своего изложенія, и этимъ онъ увлекаетъ; но у него нѣтъ систематически-выдержанной связи, онъ безпрерывно колеблется между натурализмомъ и субъективнымъ идеализмомъ: міръ выходитъ у него то нашимъ представленіемъ, то продуктомъ слѣпой воли, ни чего не знающей ни объ немъ, ни о себѣ, и однакожь осуществляющей опять дальновиднѣйшія цѣли, такъ-какъ безоглядный мыслитель принимаетъ вѣдь платоновскія идеи за ступени волеосуществленія, не допуская ихъ при этомъ быть мыслями какого бы то ни было субъекта. Спасеніе находитъ онъ только въ отрицаніи воли жить, всякой жизненной хоти; онъ проповѣдуетъ индійское отреченіе отъ міра, буддизмъ, среди многодѣятельнаго и ненарадующагося дѣлу Запада. Онъ бранитъ, ругаетъ не только Гегеля, которому самъ служитъ дополнительнымъ противнемъ, онъ бранитъ также Фихте и Шеллинга, которымъ, равно какъ и Канту, самъ обязанъ лучшимъ, что̀ въ немъ есть. Вѣдь Шеллингъ, вначалѣ своего поприща, превозносилъ Фихте именно за то, что первоосновой философіи сдѣлалъ онъ самозаконность воли, которую Кантъ поставилъ только во главѣ практическаго разума; волѣніе онъ называлъ родникомъ самосознанья, и до Шопенгауэра еще писалъ: „Въ послѣдней и высшей инстанціи нѣтъ другого бытія, кромѣ воли; она въ природѣ повсемѣстно и вездѣ". Воля есть свободный, непредрасчислимый элементъ; поэтому ни какого порожденія ея не льзя логически вывесть изъ чистаго разума, а каждое приходится познавать опытомъ: это дѣйствительность и есть. Но если воля должна чего-нибудь хотѣть, то надо чтобы это было присуще ей въ представленіи **, а такимъ образомъ къ чисто-естественному побуду неизбѣжно привходитъ и умъ; сущность духа состоитъ поэтому изъ воли и разума.

* Съ этой стороны, Кантъ—истинный мудрецъ передъ всѣми своими преемниками.
Прим. перев.

** Эту мысль взялся разработать многочитаемый теперь Гартманъ, и онъ проводитъ ее съ блестящимъ иногда успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока идетъ по слѣдамъ строгаго естествознанія, но, при переходѣ въ собственно философскую область, онъ впадаетъ въ бо̀льшую еще непослѣдовательность и произвольность, нежели учитель его, Шопенгауэръ.
Прим. перев.

Между тѣмъ какъ Баадеръ и Шеллингъ, съ (недоступной человѣку) божественной точки зрѣнія возвѣщали въ прорицательномъ тонѣ мистики таинства предвѣчнаго бытія, Фрисъ выдвинулъ всесовершенное за предѣлы положительной науки, но допускалъ живое постиженіе его чувствомъ и болѣе или менѣе сильное предчаяніе въ земномъ. Краузе (1781—1831), съ свойственною ему ясной сообразительностью и осторожностью, дошелъ отъ самосвѣдѣнія до признанія въ духѣ нашемъ вѣчнаго существа, которое и старался потомъ опредѣлить согласно разуму. Онъ свободнѣе и методичнѣе Баадера, но зато многословнѣе и непривлекательнѣе въ изложеніи; трудность своей философской терминологіи онъ просто довелъ до нестерпимаго, чего никто не вправѣ себѣ дозволить. Первосущее, говоритъ онъ, лелѣетъ и посредствуетъ въ себѣ противоположность духа и природы; оно развертываетъ царства ихъ и даетъ имъ потомъ сочетаться въ человѣчествѣ; религія—побудъ человѣка возвысить свою жизнь до единобытности съ Богомъ. Въ земномъ человѣчествѣ Краузе видитъ впрочемъ только одинъ изъ членовъ племени духовъ, населяющихъ нашу солнечную систему, которая сама опять внѣдрена въ общій урядъ вселенной. Но конечное считаетъ онъ не за преходящій моментъ въ безконечномъ, но за самопребывающую часть въ членосоставѣ міра, который не внѣ Бога, а въ немъ самомъ; Богъ же—первичная самосознательная воля, переживающая сама себя во всемъ. Каждый человѣкъ изначально своеобразенъ; когда настанетъ его часъ, онъ выникаетъ изъ вѣчности въ исторію, чтобы образовать соотвѣтственный себѣ жизненный укладъ (Lebensgebilde). Краузе уясняетъ себѣ этимъ, какъ на ряду съ общими законами стоятъ и дѣйствуютъ индивидуальныя силы, какъ на ряду со всеобщимъ и разумно-необходимымъ существуютъ многоразличіе дѣйствительности и опытъ; отсюда у него и двоякій путь познанія, которымъ онъ идетъ въ аналитической и въ конструктивной частяхъ своей системы, когда въ первой отъ изслѣдованія нашего самосознанія и отъ простой чувственной подмѣты онъ восходитъ до идей, а въ послѣдней выводитъ міръ изъ вѣчнаго, изъ абсолюта. Въ идеальномъ первообразѣ человѣчества рисуетъ онъ картину совершеннаго порядка въ житейскомъ быту, гдѣ различные частные союзы пекутся о правѣ, религіи, искусствѣ и наукѣ, а въ общемъ союзѣ всего человѣчества поддерживается единство и согласіе. Къ сожалѣнію, Краузе повредилъ общедоступности и помѣшалъ распространенію своихъ ученій диковинною рѣчью, которую онъ выдавалъ за чисто нѣмецкую. Жизнь его была непрерывною борьбой за идеалъ, безъ всякаго признанія со стороны, кромѣ горсти восторженныхъ его слушателей, изъ числа которыхъ Леонгарди оказалъ истинную заслугу изданіемъ въ свѣтъ всего оставшагося послѣ учителя, а Аренсъ—разработкою правовѣдѣнія и политики.

Германія и въ 19-мъ вѣкѣ отстаиваетъ за собой роль верховодицы въ философіи, что одно долго и наверстывало ей политическое значенье. Въ Англіи Бентамъ старался принять участіе въ законодательствѣ своими совѣтами насчетъ необходимыхъ преобразованій, при чемъ онъ слѣдовалъ тому основному правилу, что государство должно не только предотвращать всякое зло и охранять право, но и распространять на возможно бо̀льшее число людей возможно бо̀льшее счастіе. Отъ начала пользы восходилъ онъ къ доблести, къ добродѣтели. Каждый ищетъ вѣдь благополучія, но хорошо-понимаемый интересъ

неизбѣжно ведетъ его къ дознанію, что его благо выигрываетъ отъ блага общаго, что умѣнье владѣть собою, справедливость, любовь—вѣрныя дороги къ истинному счастью. Такимъ образомъ начало пользы становится началомъ человѣчности. Джонъ Стьюартъ Милль, жаркій ревнитель свободы какъ для каждаго отдѣльнаго лица, такъ и для общества, совершилъ въ своей индуктивной логикѣ то, чего требовалъ, но чего не сдѣлалъ Бàконъ; онъ именно изложилъ тотъ методъ изслѣдованія, который отъ частнаго и отъ явленія восходитъ путемъ наблюденія и эксперимента ко всеобщему и къ законамъ.

Во Франціи іезуитское возстановленіе Церкви и грубая вѣра въ чудеса безпрерывно боролись съ легкомысленнымъ безвѣріемъ революціонной еще эпохи; люди съ характеромъ и достоинствомъ искали какой-нибудь опоры, какой нибудь точки общаго соглашенія, благодаря которому народъ пересталъ бы наконецъ перебрасываться изъ одной крайности въ другую, изъ анархіи въ деспотизмъ, и наоборотъ; они хотѣли примирить монархію съ народною свободой и крѣпко держались конституціи, они хотѣли отстоять за духомъ его право передъ чувственностью, хотѣли вѣрою въ нравственныя идеи возстановить сообразную съ нашею природой религіозность, которая ни мало не въ ущербъ независимости лично-дознаннаго убѣжденія. Они, подобно шотландскимъ философамъ, изъ которыхъ особенно руководилъ ихъ Ридъ, первоначально шли отъ здраваго человѣческаго смысла и отъ совѣсти; Кузенъ потомъ перешагнулъ къ Канту, къ Шеллингу, къ Гегелю; какъ переводчикъ или издатель Платона, Прокла, Абелярда, Декарта, онъ постоянно указывалъ на исторію философіи и старался сопоставить добытыя разными мыслителями истины. Движеніе это началъ собственно Менъ-де-Биранъ, непоколебимо державшійся за безспорный фактъ сознанія человѣкомъ своей свободы. Я свободенъ въ существѣ своемъ, потомучто я человѣкъ только благодаря собственной своей волѣ. Я хочу, и стало-быть я есмь. Какъ воля—начало движенія въ нашемъ тѣлѣ, такъ точно и всякая сила есть нѣчто духовное, а матерьяльный міръ—феноменъ, проявленіе внутреннихъ силъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Высшее благо то, когда воля наша вполнѣ отдастся волѣ божіей и найдетъ себѣ успокоеніе и миръ въ вѣчномъ источникѣ всякой силы и всякаго свѣта. Руойè-Коллàръ, основавшій конституціонный либерализмъ вмѣстѣ съ политикомъ Бенжаменъ Констаномъ, рѣшительно выступилъ противъ (сильнаго во Франціи) сенсуализма; онъ, подобно Канту, показалъ, что только благодаря основнымъ понятіямъ нашего ума входитъ порядокъ въ чувственныя впечатлѣнія и становится возможнымъ познаніе; силою своего личнаго нравственнаго настроенья увлекъ онъ къ признанію нравственныхъ идей и молодежь. Что ни какой народъ не можетъ быть свободенъ съ рабскою въ душѣ моралью, что для свободы необходимо ему овладѣть собственными похотьми, блюсти добро и право какъ святыню, соединять великія мысли съ благородствомъ чувствъ,—все это было вдохновительнымъ убѣжденіемъ рѣчей также и Кузена, въ которыхъ самыя возвышенныя и свѣтлыя изреченія древнихъ мудрецовъ онъ мастерски умѣлъ связать съ потребностями нынѣшняго образованія. Онъ при этомъ особенно выдвигалъ впередъ то, что истина, добро, изящество—такія идеи, которыя необходимо предполагаютъ личность мыслящую и волящую, что это принадлежности, аттрибуты субъекта, которыхъ субстанція въ абсолютномъ существѣ. Не на внѣшнемъ ав-

торитетѣ, а на изслѣдованіи человѣческой души, основывалъ онъ вѣрованіе въ сверхчувственное. Не выставляя ни какого рѣшительно новаго начала, Кузенъ, какъ живой посредникъ между германскимъ и французскимъ духомъ, благотворно дѣйствовалъ обиліемъ мыслей, какое пустилъ въ ходъ его эклектицизмъ; особенно дѣлалось это въ уважаемомъ самимъ Гёте журналѣ Globe, гдѣ Кузену успѣшно помогали Шарль Ремюза̀, Ампѐръ и другіе стремившіеся впередъ таланты, между тѣмъ какъ даровитый Жуффруа̀ отличался на поприщѣ строгой научности. На основаніи однѣхъ точныхъ наукъ построилъ Контъ свою „позитивную философію", которая не выходитъ за предѣлы даннаго, знаетъ одно естество, и не хочетъ вовсе знать ни божественнаго, ни идеаловъ.

Также и въ Италіи возникаютъ теперь основательные мыслители въ лицѣ Росмини, Джоберти, Маміани; опираясь на исторію философіи, стремятся они къ опосредствованію противоположностей, къ примиренію знанія съ религіозной вѣрой; должно, говорятъ они, равно пользоваться и чувственнымъ ощущеніемъ и разумомъ, какъ дѣятелями нашего познанія, но при добыткахъ самосознательной нашей силы не терять изъ виду и того, что̀ открывается намъ благодаря дѣйствію божественнаго и вѣчнаго. Въ недавнее еще время Гегель нашелъ себѣ сторонниковъ въ Неаполѣ, а Кра̀узе — въ Брюсселѣ и Мадридѣ. Нѣмецкій духъ врывается возбудительно и плодотворно здѣсь и тамъ.

Даже и во время полнаго господства кантовской философіи, среди бо̀льшей части богослововъ попрежнему осталась противоположность раціонализма съ супранатуралистическимъ ученіемъ; общимъ у нихъ былъ совершенный раздвой Бога съ міромъ; только супранатурализмъ полагалъ, что его Богъ дѣйствуетъ на міръ извнѣ, механически, путемъ чудесъ и откровеній, а раціонализмъ объяснялъ себѣ и тѣ и другія естественно, отвергалъ догматы, неясные для разсудочнаго его взгляда и ставилъ выше всего нравственность, но она у него явно отзывалась расчетомъ выгоды, пользой. Напротивъ того, романтики провозвѣстили теперь присутствіе Бога въ духѣ человѣческомъ, и изъ ихъ именно кружка вышелъ тотъ религіозный геній, который высказалъ для вѣры новаго времени вполнѣ обнадеживающее и освобождающее, а для богословія—преобразующее слово, виртуозъ въ жизни и въ мышленіи, Фридрихъ Шлейермахеръ (1768—1834). Набожность была материнскимъ лономъ, въ которомъ онъ росъ, сначала въ домѣ своего отца, а потомъ въ воспитательномъ заведеніи общины Моравскихъ Братьевъ; онъ всегда хранилъ ее въ святилищѣ души, но тѣмъ не менѣе смѣло вошелъ во всѣ сомнѣнія науки насчетъ преданія; діалектическая подвижность духа, отчетливость критическаго сужденія и летучее остроуміе были свойственны ему отъ природы, а Платонъ и Спиноза, Гёте и Фихте сдѣлались его наставниками; въ дружеской связи съ Фридрихомъ Шлегелемъ и рвущеюся впередъ поэтической молодежью, самъ постепенно очищаясь въ сердечныхъ борьбахъ, онъ совершилъ въ самомъ себѣ и для своего времени примиреніе образованности съ христіанствомъ, вѣры съ мыслію. Онъ говорилъ какъ человѣкъ о священныхъ тайнахъ человѣчества, когда выяснялъ образованнымъ людямъ, что то, что̀ они принимали за религію и чѣмъ сплошь пренебрегали, было

только одинъ мертвый осадокъ формулъ и обрядностей, тогда какъ сама религія есть тончайшая внутренняя жизнь и работа души, смыслъ и вкусъ къ безконечному; чувствомъ зависимости нашей отъ послѣдняго мы ощущаемъ его въ своемъ собственномъ существѣ; въ идеяхъ, равно какъ и въ совѣсти присущъ намъ Богъ, Единый во всемъ разнообразіи міра, явный намъ во вселенной, живой въ нашемъ духѣ,—въ стройномъ согласіи сердца и ума. Если человѣкъ не объединится съ вѣчнымъ въ непосредственномъ единствѣ созерцанія и чувства, онъ навсегда будетъ порозненъ отъ него и въ производномъ (отъ перваго) единствѣ сознанія. Набожность, какъ направленіе души къ божественному, не порождаетъ ни знанія, ни дѣловитости, а только сопровождаетъ ихъ, но съ нею не совмѣстны безнравственность и надменность. Къ чувству зависимости отъ безконечнаго Шлейермахеръ въ своихъ „Монологахъ" присоединилъ требованіе, чтобы каждый представлялъ собой человѣчность на особенно сродный ему ладъ, чтобы онъ и опредѣлялъ себя этимъ независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. „Неослабленнымъ хочу я донести духъ свой до позднѣйшихъ лѣтъ, пусть никогда не изведется у меня бодрое мужество, пусть тверда останется моя воля, жива фантазія, пусть никогда не погаснетъ во мнѣ огонь любви. Никогда не покажусь я себѣ старымъ, пока не буду совсѣмъ готовъ, и никогда не буду готовъ, потому что знаю къ чему обязанъ, и хочу того. Гдѣ бы я ни стоялъ, вездѣ да пылаетъ святое, мірообновительное пламя,—страшный увѣтъ для суевѣрныхъ рабовъ настоящаго, а для людей со смысломъ—свидѣтельство о властномъ надо всѣмъ духѣ. Да приблизится съ любовью и упованіемъ всякъ, кто принадлежитъ будущности, и пусть каждымъ дѣломъ, каждымъ словомъ смыкается тѣснѣй и ширится дальше прекрасный вольный союзъ заговорщиковъ имѣющихъ въ виду лучшіе для всѣхъ дни!" Къ этому примкнулъ еще „Рождественскій Праздникъ",—разговоръ, собирающій вокругъ праздничнаго стола различныя богословскія направленія, а также и стремленія многосторонней шлейермахеровой природы, мистику и критику, историческое и философское пониманіе Іисуса Христа.

Самъ Шлейермахеръ бодро стоялъ заодно съ лучшими людьми Германіи въ пору гнетущаго французскаго господства, онъ шевелилъ огонь народнаго одушевленія, онъ благословлялъ оружіе выступавшихъ на бой вольныхъ дружинъ. Народъ въ тяжелые эти дни проникся готовою на жертвы вѣрою въ вѣчное, и вмѣстѣ со многими другими Шлейермахеръ питалъ уже надежду, что противоположность между лютеранами и реформатами, давно преодолѣнная успѣхами общаго образованія, разрѣшится теперь и въ церкви евангелическимъ союзомъ. Фридрихъ Вильгельмъ III, вѣрный извѣчной политикѣ Прусскихъ королей, самъ трудился въ этомъ смыслѣ, но такъ-какъ съ единеніемъ исповѣданій онъ непремѣнно захотѣлъ связать новую литургію, да формулировалъ притомъ и самое единеніе, то вынудилъ этимъ Шлейермахера прямо заявить его взглядъ, что союзъ долженъ быть вполнѣ свободенъ и предоставлять на совѣсть общинъ и пасторовъ выборъ любого чисто-протестантскаго богослужебнаго обряда. Въ такомъ духѣ, устраняя всякую вѣроисповѣдную рознь, написалъ онъ свое „Христіанское вѣроученіе",—изложеніе религіозной жизни души въ крѣпко сомкнутой цѣпи мыслей, — по плану и постройкѣ художническое можно-сказать произведеніе, по содержанію не свя-

занное ни символическими формулами, ни буквою Писаній, но единственно лишь тѣмъ, что̀ каждый испыталъ въ глубинѣ собственной души; оно основано на чувствѣ невольной у всѣхъ зависимости, на скорби о грѣхѣ, на потребности искупленія и на снова пріобрѣтенномъ для насъ Христомъ усыновленіи Богу и объединеніи съ нимъ въ беззавѣтной любви. Подобно тому какъ въ своихъ „Рѣчахъ" Шлейермахеръ призывалъ каждаго среди конечности единиться съ безконечнымъ и быть вѣчнымъ въ любой данный мигъ, подобно тому какъ въ „Монологахъ" онъ утверждалъ, что для того чтобы быть въ царствѣ вѣчности сто̀итъ только устремить взоръ въ глубочайшіе тайники души, такъ же точно и здѣсь вѣра для него — жизнеобщеніе человѣка съ Богомъ, опосредствованное въ христіанствѣ Іисусомъ Христомъ, въ которомъ первообразъ человѣчества явился намъ исторически и богосознаніе открылось въ нравственной чистотѣ жизни. Мѣсто дѣйствующаго извнѣ Бога произвола и чудесъ заступаетъ у него Богъ всеобщаго міропорядка, властвующій въ природѣ и въ исторіи по нерушимымъ вовѣкъ законамъ. Религія различена отъ догматовъ, въ которыхъ прошлые вѣка излагали свои понятія о чувствѣ набожности; если мы будемъ держаться самого̀ этого чувства, тогда внѣшняя обстановка не должна слишкомъ насъ озабочивать, мы предоставимъ (управляемому Богомъ) потоку времени тѣ положенія и обряды, какими знаменуется это чувство въ разные вѣка̀, и сами поищемъ сообразной для себя формы. Заодно съ раціоналистами Шлейермахеръ требовалъ умственнаго усвоенія истины, заодно съ супранатуралистами онъ твердо стоялъ за то, что христіанство явилось какъ новое жизненное начало въ мірѣ прямо дѣломъ божественной любви; но человѣческая сторона дѣла, спасеніе именно нравственнымъ путемъ, преодолѣніе въ себѣ зла и единеніе души съ Богомъ,—вотъ что было для него средоточіемъ, а продолженіе образцовой жизни Іисуса вѣрнѣйшимъ путемъ искупленія. Если Гегель слишкомъ уже распускалъ религію въ одну лишь представительность познанья, то Шлейермахеръ, съ своей стороны, обезпечилъ ей надежный удѣлъ въ чувствѣ и глубокомъ душевномъ настроеніи, на ряду съ наукой и разсудочнымъ воззрѣніемъ. И если Гегель вездѣ слишкомъ выдвигалъ всеобщее передъ личнымъ и индивидуальнымъ и черезъ это повелъ къ обожествленію понятія, то Шлейермахеръ, какъ до него еще Лейбницъ, придалъ большой вѣсъ своеобразному и личному, ясно указалъ въ Этикѣ на то, что нравственность и нравственное общежитіе конечно стираютъ или преобораютъ черты ложной и себялюбивой индивидуальности, но зато осуществляютъ подлинную своеобразность и дополняютъ ее жизненнымъ содержаніемъ всего человѣчества.

Шлейермахеръ подвергалъ новозавѣтныя писанія безпредубѣжденной критикѣ и съ языковѣдной и съ фактической стороны. Къ нему вскорѣ примкнулъ Де-Ветте, и отсюда выросла цѣлая школа историческаго богословія, сообразно историческому смыслу времени, для котораго всего важнѣе научно выяснить себѣ происхожденіе и содержаніе библейскихъ книгъ, чтобы понять ихъ какъ звенья одного связнаго въ себѣ развитія. Обокъ съ діалектической подвижностью, стояли въ Берлинѣ субстанціальная могута Гегеля и дѣтское простодушіе Неандера, который вѣчно повторялъ, что христіанство вовсе не ученіе, не доктрина, а сама жизнь, и хотѣлъ, чтобы эта жизнь

познавалась въ церковной исторіи, а отнюдь не приносилась въ жертву какому-то безличному понятію (какъ у Гегеля). Такъ Берлинъ былъ средоточіемъ богословскихъ ученыхъ трудовъ и образовательнымъ пріютомъ для передовой молодежи всей Германіи. Рихардъ Роте, Вейсе, Бунзенъ дѣйствовали потомъ каждый посвоему, въ шлейермахеровскомъ же однако духѣ.

Въ то же время Мёлеръ и Дёллингеръ, Гёрресъ и Ганебергъ, въ Мюнхенѣ, задумали основать католическую науку, и даровитая умѣлость перваго, необыкновенная ученость и остроуміе второго, смѣлая фантазія и рьяность третьяго, и евангелическая кротость четвертаго вскорѣ увѣнчались для каждаго соотвѣтственнымъ успѣхомъ; но, къ сожалѣнію, тогда господствовало еще стремленіе отличаться ратоборствомъ противъ реформаціи и ея приверженцевъ и непремѣнно идти подъ хоругвію Рима. Только теперь начинаютъ постепенно сознавать, что Римъ не хочетъ ни какой самостоятельной науки, какъ бы она повозможности ни примыкала къ его преданіямъ, и что скорѣе только въ союзѣ съ свободными протестантскими элементами надобно искать сообразной настоящему формы христіанства. Притомъ Гёрресъ въ своей „Христіанской мистикѣ" проповѣдовалъ грубѣйшее суевѣріе въ монастырскія легенды, въ нелѣпѣйшія чудеса. И здѣсь романтика отчасти извелась на службѣ реакціоннымъ правительствамъ, отчасти сдѣлалась исходной точкою для новыхъ научныхъ розысканій. Обокъ съ односторонне-петровскою церковью Рима и съ односторонне-павловскою Виттенберга, Шеллингъ задумалъ-было создать іоанновскую, но предложенная имъ смѣсь миѳологизирующей фантазіи съ раціональною философіей, ни кого почти къ себѣ не приманила.

Во Франціи также писалъ противъ протестантизма Бональдъ съ цѣлію возстановить католичество. Схему троичности видѣлъ онъ во всѣхъ естественныхъ и общественныхъ вещахъ. Онъ отчаялся во внутренней силѣ истины: „Людей, говорилъ онъ, не убѣдишь словомъ быть справедливыми, ихъ надо къ тому принудить; правосудіе, это — борьба". Подобно Паскалю, молодой Ламеннѐ, при ненадежности всѣхъ человѣческихъ познаній, брошенъ былъ скептическимъ сомнительствомъ въ объятія религіознаго авторитета, а Ле-Местръ первый провозгласилъ, что за этотъ несомнѣнный авторитетъ и стало-быть за верховнаго рѣшителя во всѣхъ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ должно принимать папу. Но при этомъ онъ же, въ своихъ „Петербургскихъ вечерахъ" объявилъ міровой скорби Байрона, что человѣкъ, отпавъ отъ Бога, собственнымъ грѣхомъ порушилъ твореніе; онъ несетъ на себѣ вину всѣхъ смутъ и раздоровъ жалкой этой жизни, и для спасенія отъ нея нуждается въ молитвѣ, этомъ довѣрчивомъ обращеніи къ своему источнику, и въ божіей благодати. Такъ точно и Ламеннѐ въ безвѣріи и себялюбіи видѣлъ коренныя язвы, подтачивающія всѣ стороны современной дѣйствительности; но онъ хотѣлъ Церкви, какъ духовнаго владычества; бѣдная и свободная сама, должна она вступиться за народъ; но въ то время, какъ онъ обновлялъ такимъ образомъ проповѣдь Арнольда Брешіанскаго, Римъ торжественно отринулъ его отъ себя, защищаемая имъ свобода печати и совѣсти названа при этомъ мерзостной и даже прямо безумной. Онъ до тѣхъ

поръ всегда уважалъ авторитетъ, онъ далъ-было себя и тутъ склонить къ покорности, но потомъ вдругъ возсталъ со всѣмъ гнѣвнымъ пыломъ страстной своей природы и въ „Словахъ вѣрующаго" заговорилъ въ пророческомъ тонѣ, въ апокалиптическихъ видѣніяхъ о напасти настоящаго и о близкомъ разсвѣтѣ счастливой будущности, когда Евангеліе Іисуса, распятаго князьями и первосвященниками, избавитъ народъ отъ мірского и духовнаго насильства и приведетъ его къ свободѣ, равенству и братству. „Свяжи папство свое дѣло съ дѣломъ свободы, говоритъ Ламеннѐ, оно возстало бы въ новомъ опять блескѣ; но оно упустило рѣшительный этотъ мигъ, и должно теперь быть брошено къ груду мертвыхъ. Когда пробьетъ часъ побѣды новаго времени, одинокому первосвященнику останется одно, — окомёлкомъ своего изломаннаго креста выкопать себѣ въ тиши могилу." Пламенныя рѣчи Ламеннѐ содѣйствовали въ 1848-мъ къ сожженію французскаго престола; но самъ онъ всегда повторялъ, что только черезъ соблюденіе закона справедливости и любви, черезъ исполненіе заповѣдей божіихъ прійдетъ людямъ спасеніе. Онъ не былъ послѣдовательнымъ мыслителемъ, его „Очеркъ философіи" вышелъ недостаточнымъ произведеньемъ; могущество, мудрость и любовь были для него, какъ и для Абеларда, существенными опредѣленіями Творца, истиною Троицы; приближаться самоусовершеніемъ къ безконечному называлъ онъ задачею конечнаго. Іоаннъ Губеръ возводитъ его въ типъ тѣхъ людей, которые хотятъ помирить папство съ свободою и доказываютъ своей собственною судьбой несостоятельность подобныхъ стремленій; онъ раскрылъ при этомъ, какъ въ ученикѣ Руссо̀, Ламеннѐ, смѣна убѣжденій происходитъ только на поверхности: истина была для него существомъ вещей, истинно то, что въ любомъ духѣ завѣряетъ себя истиной; христіанство считалъ онъ вполнѣ соотвѣтственнымъ выраженіемъ для религіознаго первосознанія человѣчества. Если, думалъ онъ, римская Церковь покинула и предала дѣло народа и свободы, то этимъ она отрѣшилась отъ почвы, на которой выросла, и въ борьбѣ съ нею надлежало теперь снова провозвѣстить Евангеліе, какъ вѣчный законъ жизни нравственной и политической, возстановить каждаго въ его правахъ на земныя блага и духовныя, открыть каждому свободный путь къ благоденствію и образованью.

Научное Естествовѣдѣніе.

Когда, во вторую эпоху своего развитія, сознающій себя духъ отъ самоопредѣляющагося идеализма обратится къ реализму, жаждущему обнять все предметно-дѣйствительное и его именно содержаніемъ наполнить свое сознанье; тогда изслѣдованіе природы необходимо привлечетъ къ себѣ много лучшихъ силъ, тогда непремѣнно явятся и геніи, достославно подвизающіеся на этомъ пути для блага человѣчества. Однакожь при этомъ не только что цѣлью все-таки остается то, чтобы въ законахъ природы найдти опредѣленія разума, оказывающіяся всегда истинными и дѣйствительными, но и вполнѣ согласно коренному началу нашего періода мысль заявляетъ себя на дѣлѣ гос-

подствующимъ элементомъ и отстаиваетъ за собой починъ во всемъ, сознательно пересоздавая жизнь и вездѣ практически прилагая теорію на основаніи себя жь самой и добытыхъ ею научныхъ свѣдѣній. Мало того, что изслѣдователь необходимо долженъ знать, какой именно вопросъ хочетъ онъ предложить природѣ, такъ что стало-быть отчасти предчувствуетъ уже искомый отвѣтъ, вызывая естественныя явленія при такихъ условіяхъ, которыя заранѣе знаетъ и направляетъ по своей волѣ, или нарочно разобщая феномены и опредѣляя такимъ образомъ элементы изъ которыхъ возникаютъ болѣе сложныя явленія; мало этого, говоримъ мы: въ точности выясняя для себя факты, онъ приходитъ къ опредѣленіямъ величинъ, а прогрессъ въ томъ и состоитъ здѣсь исключительно, что къ добыткамъ наблюденія прилагается свободное созданіе чистаго разума, математика, которая на разумѣ же основываетъ всѣ доказательства своей истины. Прикладная математика становится механикой, и подобно тому какъ Ньютонъ положилъ начало новому изслѣдованью, примѣнивъ къ астрономіи столько же разумнонеобходимые, какъ и дознанные опытомъ естественные законы движенія, гнета и толчка, такъ точно физика и вслѣдъ за ней всякая естественная наука порывается къ славѣ такой же совершенно точности: если свѣтъ со всѣми его цвѣтами превращается въ дрожащія волны эѳира, если теплородъ уступаетъ мѣсто движущимся атомамъ, то это вѣдь прямое торжество математическаго, апріорнаго мышленія, которое обрѣтаетъ, узнаетъ себя въ данныхъ извнѣ фактахъ. Сама механика гонится одно время за своимъ философскимъ камнемъ въ „вѣчномъ движеніи“ (pergetuum mobile), она одерживаетъ мелкія торжества въ самодвигахъ или автоматахъ, механически пишущихъ или играющихъ на фортепьяно; но за тѣмъ она строитъ удивительныя машины, снимающія съ человѣка главную тяжесть работъ и ставящія на службу ему разныя естественныя силы, такъ что напримѣръ ткацкій станокъ самъ собою выполняетъ красивый узоръ, подкладываемый ему изобрѣтательнымъ художникомъ; Аристотель, какъ извѣстно, полагалъ, что какъ скоро это будетъ, тогда можетъ прекратиться рабство и откроется возможность вести достойное человѣка существованіе для всѣхъ. Знаніе — могущество: мы знаемъ какъ расширяется нагрѣтая до пара вода, мы умѣемъ воспользоваться этимъ, и человѣческая сила возросла отъ того въ милліоны кратъ. Но машино-строительной механикѣ прямо въ руки работала и химія. Не преслѣдуя уже мечты дѣлать золото, а употребляя то разлагающую, то единящую свою дѣятельность для того чтобы извѣдать составныя части сложныхъ тѣлъ и способы соединенія элементовъ (частей, принимаемыхъ за начальныя), она раскрыла совсѣмъ новые источники народнаго благосостоянія и чрезвычайно возвысила достатокъ и удобства какъ отдѣльныхъ лицъ такъ и цѣлыхъ народовъ, многія безполезныя прежде вещи дѣйствительно превратила въ золото. Это вліяніе науки на жизнь въ самомъ быстромъ обращеніи добытковъ первой на видимую пользу второй преимущественно знаменуетъ собой наше время. Изслѣдованія надъ гремучимъ серебромъ, произведенныя у Ге-Люссака студентомъ Юстомъ Либигомъ, доставляютъ германскому духу оружіе, которымъ онъ завоевалъ себѣ національное государство. Изслѣдованія надъ составными частями живого организма, производимыя и руководимыя въ лабораторіяхъ профессорами Либигомъ и Вёлеромъ, пока-

зываютъ не только кругооборотъ веществъ и взаимное соотношеніе между животнымъ и растеніемъ; но они въ то же время доставляютъ сельскому хозяйству двойныя жатвы, внося науку въ самыя вѣковѣчные пріемы земледѣлія и приводя въ раціональный видъ питаніе самогò даже человѣка. Вильгельмъ Гофманнъ изучаетъ различныя соединенія дегтя, подмѣчаетъ при этомъ блестящія свѣтовыя явленія, а теперь за весь чай привозимый изъ Китая Германія расплачивается отпускомъ анилиновыхъ красокъ. При своихъ оптическихъ изслѣдованіяхъ Гельмгольцъ устроиваетъ глазное зеркало, и тотчасъ же собирается вокругъ (знаменитаго офтальмолога) Грефе цѣлая толпа учениковъ, которая разноситъ благотворное это открытіе во всѣ части свѣта. Ни гдѣ наука не была въ такой степени общимъ достояньемъ, ни гдѣ труды различныхъ народовъ не велись такъ дружно далѣе впередъ. Начатое Итальянцами Вольтой и Гальвани продолжали Англичанинъ Фаредей, Датчанинъ Эрстедъ; они доказываютъ что магнитизмъ только извѣстная форма явленія того же электричества; НѣмецъГаусъ выясняетъ, что ея дѣятельность разлита по всей земной планетѣ, а другой Нѣмецъ, Дюбуа-Ремонъ, открываетъ ее и въ движеніяхъ человѣческихъ мышцъ. Зëммерингъ пользуется электрическимъ токомъ, какъ движущей силою, Американецъ Морзъ даетъ способы переписываться имъ въ даль, подводный электрическій канатъ связываетъ Америку съ Европой, и въ одинъ и тотъ же вечеръ Нѣмцы въ Синсиннати, Нѣмцы на Востокѣ и у себя дома радуются всѣ вмѣстѣ Седанскому торжеству. Такъ время и пространство преодолѣваются желѣзными дорогами и паровиками, вмѣстѣ съ торговымъ оборотомъ ускоряется и передача идей; люди сходятся между собой ближе и, за одно человѣческое поколѣніе, на дѣлѣ выполняется въ Германіи та пѣсня, какою молодой Карлъ Бекъ привѣтствовалъ первый локомотивъ въ Лейпцигѣ, говоря что онъ несетъ съ собой единство Германіи; „эти рельсы—узы брака, обручальныхъ колецъ рядъ! Кто обмѣниваться ими, кто въ союзъ вступить не радъ?“ Если же книжная печать дала средство единичному лицу говорить съ милліонами, такъ что могло образоваться общественное мнѣніе, и свободное народное государство заступить мѣсто городскихъ республикъ, опиравшихся на шумное вѣче горожанъ,—то теперь не только что произведенія всѣхъ странъ развозятся какъ нельзя быстрѣе, но открылось больше простора и самымъ личностямъ: онѣ все видятъ своими глазами, дѣйствуютъ сами непосредственно вездѣ.

Физіологъ Іоаннъ Мюллеръ, одинъ изъ первыхъ, настаивалъ на необходимости бросить грезы тогдашней философіи природы и взяться за трезвое наблюденіе, за отчетливое изученіе дѣйствительности, и вотъ на мѣсто сомнамбулизма въ медицину введены были физика и химія. Онъ дознаълъ что въ нашихъ нервахъ дѣйствуютъ прирожденныя имъ энергіи, благодаря которымъ беззвучныя и темныя сами по себѣ дрожанія воздуха, эѳира, атомовъ обращаются въ ощущенье звука, свѣта, теплоты; онъ такимъ образомъ оправдалъ критическую философію, и при обсужденіи фантастическихъ явленій духа указалъ на то, что въ метаморфозѣ такихъ явленій роль ходового колеса играетъ фантазія, но что формы ея согласны съ формами природы. Въ то время какъ химія подъ руководствомъ Либига изучала элементы, а также тѣ сочетанія и разложенья, какимъ подвергаются они въ жизненномъ процессѣ организма, Шлейденъ и Шваннъ нашли въ клѣточкѣ ту основную форму,

изъ которой происходитъ все органическое, изъ которой путемъ размноженія и преобразованій наростаютъ самыя многоразличные облики и формы. Теперь найдена была исходная точка для исторіи физіологическаго развитія, и умъ вскорѣ шагнулъ къ смѣлой мысли что все богатство формъ растительнаго и животнаго міра развернулось изъ простыхъ первичныхъ клѣточекъ, пожалуй даже изъ одной, путемъ многосторонняго подвышенія и разроста. У Гёте, у Гердера встрѣчались мы съ мыслію, которая была по душѣ и Канту, что подобно тому какъ единичный организмъ изъ простого, безсложнаго зачатка путемъ различныхъ преобразованій доходитъ до многосторонняго расчлененья, такъ точно изъ простого первоначально плана, черезъ развитіе однѣхъ частей и подборъ или поглощеніе другихъ, происходили подъ вліяніемъ внѣшняго міра и смотря по перемѣнѣ обстоятельствъ, разновидности тѣмъ не менѣе сродственныхъ между собой растеній и животныхъ, до тѣхъ поръ пока растеніе прочно отвердѣло наконецъ въ дерево, а животное развернулось въ человѣкѣ до высшей степени подвижности и свободы. Во Франціи Ламаркъ выводилъ сокращенье глазъ у крота изъ его пребыванія подъ землею, тогда какъ потребность гребли при плаваніи, говоритъ онъ, выростила лебедю перепонку между пальцами, а шея у него стала гибче и длиннѣе отъ поиска въ водѣ за пищею. Жоффруа Сентъ-Илеръ положительно утверждалъ противъ Кювьѐ, что переходъ изъ одного рода въ другой дѣло возможное, что роды и виды вовсе не твердо установленные предѣлы, а означаютъ въ царствѣ организмовъ только разныя ступени развитія. Дарвину принадлежитъ въ новѣйшее время та заслуга, что онъ открылъ даже и нѣкоторые способы этихъ переходовъ; самое заглавіе его книги обозначало ея цѣль: „О происхожденіи видовъ путемъ естествественнаго подбора или устой благопріятно поставленныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе.“ * Индивидуальность есть особенность, каждое живое существо своеобразно; легкія уклоненія отъ общей нормы, повстрѣчавшись въ обоихъ полахъ производителей, усиливаются, передаются по наслѣдству, наконецъ устанавливаются и этимъ образуютъ общій видъ. Такъ садовникъ выводитъ различные виды розановъ или капусты, голубиный охотникъ—разновидности трубастыхъ и зобатыхъ голубей. Половой выборъ сводитъ въ природѣ схожія между собою пары, а общее совмѣстничество, борьбу за существованіе переживаютъ тѣ только существа, которыя наиболѣе способны ихъ выдержать; великая наставница, нужда, побуждаетъ къ употребленію въ дѣло силы, она придаетъ изобрѣтательность, подвышаетъ наличныя способности противъ обыкновеннаго, и такимъ образомъ, мы видимъ передъ собой процессъ постоянно подымающагося вверхъ развитія. Самъ Дарвинъ говоритъ: „Такъ, изъ естественной борьбы, изъ голода и смерти, непосредственно выходитъ разрѣшеніе величайшей на свѣтѣ задачи,—порожденіе все высшихъ, все совершеннѣйшихъ существъ. Поистинѣ величественно то воззрѣніе, что зародышъ всяческой окружающей насъ жизни Творецъ вдохнулъ только въ немногія начальныя формы, пожалуй даже

* Мы думаемъ, что заглавіе было бы еще точнѣе, скажи авторъ: Образованіе нѣкоторыхъ видовъ путемъ естественнаго подбора и т. д. Въ послѣднее время марбургскій профессоръ Вигандъ подвергъ гипотезу Дарвина обстоятельной, строгой и во многомъ справедливой критикѣ. Прим. перев.

и всего лишь въ одну, и что между тѣмъ какъ планета наша вращается въ пространствѣ, повинуясь строгимъ законамъ тяготѣнія, въ то самое время изъ этого столь повидимому простого начала развился и развивается до сихъ поръ безконечный рядъ существъ все болѣе прекрасныхъ и совершенныхъ."

На помощь Дарвину подоспѣла геологія. Давно уже дознали, что въ различныхъ кряжахъ каменныхъ породъ погребены различные также роды животныхъ и растеній; установили притомъ и порядокъ, въ какомъ, начиная съ низу, за слизнями и раковистыми животными идутъ преимущественно рыбы, потомъ птицы и наконецъ млекопитающія; но Кювьѐ и другіе ученые говорили о періодахъ великихъ переворотовъ, когда будтобы погибалъ весь прежній міръ и изъ развалинъ его возникалъ опять другой, совершенно новый. Этому-то взгляду Лейель противопоставилъ теперь плодотворную идею, что тѣ же самыя силы, которыя дѣятельны еще и теперь и которыя помаленьку измѣняютъ нашу землю, дѣйствовали точно такъ же и отвѣка, что образованіе планеты нашей происходило и происходитъ непрерывно медленнымъ строго-законнымъ путемъ, и что окаменѣлые въ глубинѣ земной организмы суть лишь отдаленные предки нынѣшнихъ. Милліоны лѣтъ, которыхъ наука требуетъ для геологическихъ процессовъ, даютъ полный просторъ и постепенности органическаго развитія.

Во всякомъ случаѣ, какъ съ философской стороны указалъ на это Іоаннъ Губеръ, для естествовѣдѣнія, которое совсѣмъ-было разбилось на мельчайшія подробности, было очень полезно то, что ему пришлось обратить взглядъ и на единство, что опять проторглась въ сознаніе мысль о внутренней связи всѣхъ явленій въ системѣ міра. Но если одни видѣли здѣсь только дѣйствіе слѣпыхъ (безумныхъ) силъ, игру безцѣльной случайности и чисто лишь внѣшнихъ вліяній, то другіе выдвигали напротивъ впередъ внутреннюю образовательную силу организмовъ и, какъ Броннъ и Кёлликеръ,—всеобщій планъ мірозданія; Негели, съ своей стороны, заявилъ, что дѣло не ограничивается однимъ лишь приладомъ органическихъ существъ къ окружающей ихъ обстановкѣ, что дѣйствительно выступаютъ все богаче и выше организованныя образованія и что теорія полезности непремѣнно должна быть дополнена другимъ взглядомъ, который объяснительнымъ началомъ развитія поставилъ бы стремленіе къ усовершенью. Этотъ царящій въ природѣ законъ прогресса, дознаніе что жизнь есть постоянное восхожденіе, принадлежитъ къ числу самыхъ дорогихъ добытковъ естествовѣдѣнья; но при этомъ не надо забывать: понятіе совершенствованія—этическая категорія, нравственная норма, она предполагаетъ признаніе идеала и цѣли; толковать о мудрости и планѣ въ безсознательной природѣ, какъ дѣлаютъ очень многіе, значитъ прямо пустословить, подсовывать природѣ сущность духа, самосознающаго ума. Поэтому гораздо послѣдовательнѣе говоритъ Агассисъ, что въ основныхъ типахъ животныхъ и ихъ постоянно-прогрессивномъ развитіи все къ совершеннѣйшему и высшему вплоть до человѣка обнаруживается такой премудрый міровой планъ, что черезъ изслѣдованіе его духъ нашъ входитъ въ непосредственное единенье съ духомъ божіимъ, такъ-какъ именно тутъ открывается для насъ возможность слѣдить творческую мысль, даже передумывать ее въ своемъ собственномъ сознаніи. Но насъ все же ра-

дуетъ, что Дарвинъ (по крайней мѣрѣ отчасти) указалъ путь, какимъ все такъ естественно совершается въ природѣ, указалъ возможность происхожденія высшаго изъ низшаго, хотя мы положительно готовы утверждать, что не низшее порождаетъ высшее, не обезьяна человѣка, но что все одна и та же мощь цѣлаго пользуется и самыми низшими образованіями какъ ступенями для восхожденія все къ высшимъ и высшимъ. Понятіе организма (то-есть существенный его смыслъ) вѣдь именно и заключается въ самообразовательности, а потому создать готовый организмъ логически-невозможно; человѣкъ могъ первоначально возникнуть только зародышною клѣточкой; но не сообразнѣе ли съ истиной что эта клѣточка образовалась въ тѣлѣ самаго высоко-организованнаго животнаго, нежели что она прямо сложилась изъ неорганическаго вещества? И гдѣ же лучше могла она найдти необходимыя условія для своего медленнаго разроста, если не въ материнской утробѣ и не у материнской груди этого животнаго, которое слѣдственно и было органомъ для присной міру творческой дѣятельности божіей. Какъ въ исторіи, такъ точно и въ природѣ, все новое, великое, являющееся подспорьемъ цѣлому, происходитъ чрезъ совмѣстное дѣйствіе божественныхъ и индивидуально-творческихъ силъ. Творчество и развитіе вовсе не противорѣчатъ одно другому; слово: да будетъ! вѣчно звучитъ изъ божьихъ устъ, и всегда отвѣчаетъ ему міръ вновь и вновь возникающими образованьями. Природа нигдѣ неноситъ на себѣ печати чего-либо сдѣланнаго, смастереннаго кѣмъ-нибудь другимъ или извнѣ; особенно въ органическомъ царствѣ и въ исторіи она всегда явно самодѣльна; Вѣчное Существо даетъ вездѣ вольный ходъ жизненнымъ ключамъ и ставитъ индивидуальнымъ силамъ трудную, прекрасную задачу самоусовершенія и свободы. Механизмъ сцѣпленія причинъ и дѣйствій не нарушается нигдѣ, онъ неизбѣжная форма всего что̀ ни происходитъ, но въ его предѣлахъ и именно черезъ него осуществляется мысль или цѣль существъ, какъ прирожденная имъ ходовая сила, какъ свободная ихъ воля. Одинъ изъ главныхъ основателей теоріи развитія, К. фонъ-Бэръ, самъ же прекрасно высказалъ: „Земля только сѣменная гряда, на которой разростается духовное наслѣдіе человѣчества, и исторія природы не что иное какъ исторія все возростающихъ побѣдъ духа надъ веществомъ. Это—коренная мысль творчества; въ угоду ей и для ея достиженія оно даетъ исчезать и недѣлимымъ и цѣлымъ рядамъ производителей, всегда возводя настоящее на громадной подстройкѣ неизмѣримаго прошлаго".

Что масса вещества остается все одна и та же, сколько бы ни измѣнялись формы ея, что земные элементы, состоя вплоть до мельчайшихъ дробностей изъ однородныхъ вездѣ атомовъ, соединяются въ опредѣленныхъ только соотношеніяхъ, и какъ бы ни различны за тѣмъ были ихъ образы дѣйствія, все-таки сохраняютъ свою сущность,—это химія установила уже вполнѣ, когда Кирхгофу и Бунзену удалось выслѣдить и во вселенной тѣ же самыя коренныя вещества что̀ и на земномъ шарѣ. Они открыли это, разыскивая происхожденіе темныхъ полосъ, возникающихъ на цвѣтномъ спектрѣ при преломленіи свѣтового луча призмою. Этихъ полосъ нѣтъ тогда, когда лучъ отъ самаго своего источника вплоть до глаза не подвергся ни гдѣ поглощенію; но если свѣтящее тѣло снабжено атмосферою или если вокругъ раскаленной массы есть какой-нибудь сравнительно охлажденный слой, тогда свѣтъ по-

глощается ими, а въ спектрѣ заступаютъ его темныя фрауэнгоферовы линіи, и притомъ въ опредѣленныхъ только мѣстахъ, смотря по тому веществу, какимъ онѣ обусловлены. По нимъ-то названные выше изслѣдователи указали сперва, что въ солнечной атмосферѣ содержатся желѣзо, кальцій и натрій, а далѣе открыли новые еще земные элементы, и въ отдаленнѣйшихъ туманныхъ пятнахъ успѣли распознать газовыя массы кислорода и водорода.

Единство вселенной по отношенію къ ея веществу было теперь дознано. Элементарныя тѣла оказались неизмѣнными въ ихъ свойствахъ, но измѣняющимися смотря по смѣшенію и взаимному соотношенію ихъ между собою, а также и по распредѣленію въ пространствѣ. Распредѣленіе это совершается путемъ движенія, и въ немъ-то обнаружилась теперь общая основа всѣхъ рѣшительно силъ: темная доселѣ игра послѣднихъ въ природѣ выяснилась во всеобщій кругооборотъ движеній, которыхъ разумно-необходимые законы опредѣляются математикой. Что треніе постепенно прекращаетъ движеніе и что при этомъ производится теплота,—это давно уже было извѣстно; такъ же точно дѣлаемъ мы двигающею силой паръ, разогрѣвая воду; но теперь нѣмецкій врачъ Майеръ и англійскій механикъ Джуль ясно доказали, что рѣшительно ни одна сила не пропадаетъ даромъ, не теряется, что движеніе прямо обращается въ теплоту; теплота есть внутренно-ощущаемое движеніе, при треніи или толчкѣ движеніе цѣлой массы переходитъ въ дрожь мельчайшихъ частицъ, которыя мы зовемъ теплотой, а при порожденіи тепломъ ходовой силы движеніе атомовъ обращается въ движеніе цѣлой массы. На этомъ Гельмгольцъ основалъ законъ силосохранности. Необъятное богатство природы стало для насъ нагляднымъ въ своемъ единствѣ какъ строгозаконное цѣлое и со стороны силъ, стало будто въ зеркалѣ отраженнымъ обликомъ строгозаконной мысли нашего духа. Количество силы такъ же неизмѣнно (какъ и масса вещества), измѣняются только образы ея проявленія. Удалось производить теплотой электрическіе токи, а электрическимъ токомъ накаляется платиновая проволока; онъ разлагаетъ воду своимъ движеніемъ, а когда элементы ея, водородъ и кислородъ, соединятся снова, тогда въ процессѣ горенія развивается теплота, которую мы опять можемъ обратить въ рабочую силу. Дѣеспособность любой изъ силъ природы прекращается въ работѣ своей единственно лишь навидъ; подлинно же она получила только другой образъ дѣйствія, ни сколько при этомъ не возростая да и не убывая. Мышечная сила, съ какой подымаемъ мы камень, мощь, съ какою воспламененный порохъ гонитъ изъ жерла ядро, суть результаты химическаго процесса питанія, горѣнія, точно такъ же какъ и ходовая сила паровой машины; та же энергія движенія является здѣсь въ нашей рукѣ, а тамъ — въ дрожащихъ волнахъ эѳира и воздуха предстаетъ намъ свѣтомъ и звукомъ, или въ видѣ силы тяготѣнія вращаетъ одно около другого небесныя тѣла,—здѣсь порождаетъ химическое притяженіе атомовъ въ пѣнистой углекислотѣ шипучаго напитка, а тамъ въ магнитномъ компасѣ направляетъ кончикъ стрѣлки къ сѣверному полюсу или въ электрическомъ телеграфѣ мгновенно переноситъ наши мысли въ какую угодно даль; всѣ въ мірѣ измѣненія суть только переходы изъ одной формы въ другую того же все движенія, той же несущей ихъ безустанно силы. Движеніе солнечныхъ лучей порождаетъ своей теплотою на землѣ морскія теченія, вѣтры, подъемъ

вверхъ водяныхъ паровъ, которые, осаждаясь на горахъ, снова становятся водными потоками и возвращаются опять въ море; солнечные же лучи даютъ растенію силу выдѣлять кислородъ изъ выдыхаемой людьми и животными углекислоты и изъ воды, приготовлять изъ углерода и разныхъ его соединеній подходящую для насъ пищу, которую потомъ сожигаетъ опять кислородъ, поддерживая этимъ движеніе нашего жизненнаго процесса, и такимъ образомъ наша жизненная сила идетъ отъ солнца, котораго пылъ впервые зажегъ ее, когда чудовищная туманная масса въ пространствѣ планетной системы нашей стянулась въ одномъ средоточіи, а движущая сила притяженія обратилась въ теплоту, отъ которой исходятъ теперь снова всѣ многоразличныя движенія. Изъ этихъ-то именно движеній, смотря по раздраженіямъ какія производятъ они на наши нервы, всилу также и собственной энергіи послѣднихъ, субъективность наша порождаетъ ощущенія тепла и холода, свѣта и цвѣтовъ, запаховъ и звуковъ,—весь дивно-разнообразный міръ явленій, а искусство даетъ намъ наслаждаться гармоніей цѣлаго въ томъ или другомъ единичномъ образѣ, — въ статуѣ, картинѣ, поэмѣ, симфоніи.

Новоромантическая поэзія во Франціи.

Уже Дидерò и Руссò противопоставляли естественную правду и страсть все-таки натянутому вѣдь классицизму 17-го столѣтія, но возбужденное ими духовное движеніе обратилось тогда прежде всего па политику. Подъ военнымъ владычествомъ Наполеона Шатобріанъ и Ламартинъ затронули религіозную струну въ смыслѣ нѣмецкой романтики, г-жа Сталь прямо указывала на образецъ германскаго духа, и благодаря знакомству Французовъ съ Шекспиромъ, съ Шиллеромъ проложило себѣ путь то убѣжденье, что изъ шаблона прежней французской драмы надо наконецъ доработаться до бòльшей свободы, до болѣе живой непосредственности. Но еще и Лебрёнъ былъ того мнѣнія, что изъ Шиллеровыхъ выгорокъ можно отдѣлить чистое золото только тщательнымъ разборомъ, и публика ошикала переводъ шекспирова Отелло, представленный Альфредомъ де-Виньи́, за то что къ ея ужасу „носовой платокъ“ неоднократно упоминался на сценѣ. Во время реставраціи такъ-называемая „иммануловская“ школа стихотворцевъ восторженно отнеслась къ Библіи, къ средневѣковымъ сказаніямъ, къ легендамъ о святыхъ, „на все смотрѣла исключительно съ небесной высоты и видѣла и у колыбели и у гроба человѣка вѣчно стерегущаго ихъ ангела“; вскорѣ школа эта вызвала противъ себя другую, „сатанинскую“, которая смотрѣла на все изъ глуби ада, и каждый шагъ человѣка видѣла окруженнымъ бѣсами, призраками и ужасами“. Это отрицательное и скептическое направленіе усиливалось тѣмъ болѣе, чѣмъ безоглянѣе Бурбоны вооружали противъ себя оппозицію. Они истинно ни

чему не научились и ни чего не сумѣли позабыть. Шатобріанъ встрѣтилъ ихъ съ самой горячей преданностью, но они оттолкнули его какъ скоро онъ вздумалъ остерегать отъ опасностей абсолютизма; „онъ упалъ выше нежели прежде поднялся,“ пѣлъ тогда Викторъ Гюгò, и тѣ умы, которыхъ не умѣли ни руководить, ни уважить тамъ вверху, на ступеняхъ трона, стали теперь заодно съ другими совсѣмъ умами, которые снизу вели борьбу противъ іезуитизма и деспотическихъ позывовъ. Когда по умерщвленіи наслѣдника престола, вдова его герцогиня Беррійская все-таки разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, Гюгò опять еще воспѣлъ, что Богъ, самъ нѣкогда бывшій человѣкомъ, исполнилъ надежду героини матери, что для Франціи въ чудесномъ ребенкѣ явился новый спаситель; ребенокъ этотъ, король среди людей, говоритъ онъ, благодаря святому крещенію становится тѣмъ же, что̀ и всѣ мы, — человѣкомъ у ногъ Господа! И донынѣ онъ считается еще безъ вѣнца, жалости достойнымъ претендентомъ. Такъ и Готьè имѣлъ слабость сынка Наполеона III-го, Лулу, назвать маленькимъ бѣлокурымъ Іисусомъ, держащимъ въ рукѣ своей земной шаръ! (Excusez du peu!) Какъ этихъ стихотворныхъ фразёровъ ни мало не беретъ античное религіозное чувство ужаса передъ вызываемою ими Немезидой! Предчувствіе, охватившее меня при первомъ же чтеніи этихъ словъ, сбылось, и сбылось такъ скоро!

Во Франціи возмужало между тѣмъ то поколѣніе, которое росло подъ впечатлѣніями свободы и славы, а теперь, подъ слабымъ вовнѣ и реакціоннымъ внутри правительствомъ, чувствовало себя неловко, раздражалось; оно возвысило поэтическіе свои голоса, въ лицѣ Делавиня, Беранжè, Мери́ и Бартелеми́, противъ занятія края иноземными войсками, противъ Бурбоновъ, и принялось за то поклоненіе низвергнутому Наполеону, которое стало для Франціи можно-сказать роковымъ. Не поддался ему одинъ только Поль Луи Куррьè. Онъ воспиталъ свой стиль и свой умъ на Грекахъ, поневолѣ попалъ въ солдаты Наполеона, и отдѣлалъ въ своихъ „Письмахъ“ политику этого человѣка, котораго идеи были несравненно мельче его судьбы; онъ, по мнѣнію Куррьè, самъ захотѣлъ спуститься ниже, когда, будучи первымъ въ мірѣ полководцемъ, сталъ добиваться титула Величества и чести сѣсть средь коронованныхъ особъ, вмѣсто того чтобы подобно Цезарю возвести имя свое въ верховный титулъ. Поль Луи Куррьè въ мастерскихъ памфлетахъ стоялъ за народный обычай, за народныя права противъ мірского и духовнаго насилія, противъ наглаго холопства; необыкновенной наглядностью и округленностью своихъ картинъ онъ вполнѣ заслужилъ почетное имя поэта между публицистами, которое далъ ему Оппенгеймъ; своимъ юморомъ и своей пластическою силой онъ стоитъ выше сродственныхъ ему впрочемъ товарищей, Англичанина Юнія и Нѣмца Бёрне. Сочиненія, писанныя имъ на какой-нибудь дѣйствительный случай совершенство въ своемъ родѣ; это — въ прозѣ Беранжè. Онъ стоялъ на почвѣ здоровой народной жизни, тогда какъ въ Парижѣ скоро набрались люди, слонявшіеся безпріютно по театрамъ, кофейнямъ и распутнымъ домамъ и считавшіе встрѣчаемое ими тамъ общество за единственное и настоящее; по немъ рисовали они изображеніе всего человѣческаго рода и безпрестанно переходили отъ отчаянія къ самоуслажденію, отъ кощунства къ жаждѣ идеала, а не то — съ легкомысленною наглостью открыто предоставляли нравственность въ удѣлъ пошлякамъ и лгали безъ стыда о той любви,

съ какою прилѣпились бы они къ добру, къ красотѣ, къ истинѣ, будь все это дѣйствительно, а не одно лишь воображеніе простофиль, съ которыми не стать же на одну линію умнику. Ключъ къ болѣзни того времени, которую мы не въ правѣ здѣсь обойдти, далъ намъ одинъ геніальный Французъ въ своей „Исповѣди сына вѣка". Альфредъ де-Мюссè напоминаетъ въ этой книгѣ о безсонныхъ ночахъ матерей и дочерей въ то время, когда отцы и сыновья проливали кровь за славу императора. Воротившіеся по низложеніи его домой нашли жизнь безвкусною и пустою; королевская власть и Церковь были возстановлены, но въ нихъ уже ни кто не вѣрилъ, да онѣ не съумѣли и заслужить себѣ довѣрія разумною зоботой о народномъ благѣ; онѣ противу-стали свободной самоопредѣлительности въ мышленіи и волѣ, вмѣсто того чтобы именно воспитывать къ ней народъ. Недовольною стояла среди этого хаоса молодёжь, съ головой набитой разными безсвязными воспоминаніями и свѣдѣньями безъ всякой своеобразно-живой формы; ей по душѣ было безвѣріе, и она охотно рядилась въ гримаску несчастія тамъ, гдѣ ей просто лишь бывало скучно; не имѣя для ума и сердца ни какого другого содержанія, она отдалась ложной игрѣ въ любовь, колеблющуюся между сентиментальностью и развратомъ, при чемъ горячечнымъ возбужденіемъ и чрезмѣрнымъ раздраженьемъ въ исторіяхъ безнравственныхъ соблазновъ платилась она за печальный опытъ, что затасканная вконецъ душа не способна къ истинной любви, да ея и не достойна.

Относительно литературной формы Бёрне въ своихъ „Письмахъ изъ Парижа" говоритъ: „Въ литературѣ у Французовъ царствуетъ теперь санкюлотизмъ. Они не умѣютъ еще сочетать свободы съ порядкомъ; каждое правило для нихъ тиранство, притѣсненіе. Ни на чемъ не терпятъ они одежды, хотя бы сама природа позакрыла ею наготу. Старое французское искусство щеголяло въ фижмахъ; это было смѣшно, вредно для здоровья, противуестественно. Но вѣдь между фижмами и живой кожей все-таки обыкновенно есть что-нибудь еще; не надо обнажать искусства до рубашки. А они хотятъ его рѣшительно наголò; пускай себѣ,—можно и къ этому привыкнуть. Но сдирать кожу, это ужь, право черезчуръ! Между тѣмъ новѣйшіе французскіе драматурги сдираютъ ее со всего,—съ любви, съ ненависти, съ злодѣйства, съ несчастія, съ скорби и услады."

Въ духѣ новаго времени, оппозиція нашла своего главу и верховòда въ человѣкѣ, который провозгласилъ себя вмѣстѣ поэтомъ, пророкомъ, законодателемъ, который, какъ истый сынъ новой эпохи, сопровождалъ дѣло поэтическаго творчества теоріей; это былъ Викторъ Гюгò. На мѣсто старообычнаго академическаго идеала онъ поставилъ поэзію контраста, связывая въ пестрой чередѣ разительныхъ картинъ высокое съ гротескомъ, трагическое со смѣшнымъ, и совершенно освободилъ языкъ отъ правилъ, подѣлявшихъ слова на площадныя и благоприличныя*. Онъ самъ въ себѣ превозносилъ Дантона, разрушившаго ветхую бастиллію наборныхъ риѳмъ, разбившаго въ прахъ всѣ обходные словоизвивы, введшаго прямой и непосредственный способъ выраже-

* То же самое, за послѣднее тридцатилѣтіе, замѣтно совершилось и у насъ.
Прим. перев.

нія, возмутившаго площадную рѣчь противъ изысканной; и онъ дѣйствительно обновилъ этимъ французскую поэзію, смѣлыми яркими образами и олицетвореньями приблизительно возстановилъ первобытную картинность языка, но конечно черезчуръ ужь и сосредоточилъ всю сущность поэзіи въ этомъ наружномъ блескѣ рѣчи и стремился больше къ ослѣпительному нежели къ изящному. У него есть свойства великаго поэта, os magna sonaturum (громовѣщность) Горація, смѣлый размахъ и богатство фантазіи, обиліе и бойкость мысли и слова; но ему недостаетъ простого чутья истины и органической связи, и оттого онъ съ каждымъ днемъ больше впадаетъ въ надутую, напыщенную фразу, которой чрезмѣрность невольно перебрасывается въ комизмъ, какъ за послѣднее время стало уже для всѣхъ явно въ его громкихъ манифестахъ, такъ что строгой критикѣ пріидется пожалуй опять настаивать больше на отдачѣ должной справедливости старику, выдержавшему всю осаду Парижа, вѣрно стоявшему за свой народъ въ годину бѣдствія; а противъ укора въ политической измѣнчивости, въ переходѣ отъ восторженнаго легитимизма къ республикѣ, онъ смѣло можетъ отвѣчать: „Я выросъ“, J'ai grandi! Онъ охотно даетъ свой голосъ бѣдствующимъ, притѣсненнымъ въ утѣшеніе и ободренье. Вредъ, причиненный его гимнами въ честь великому Наполеону, старался онъ загладить своими гнѣвными и презорными рѣчами къ Наполеону крошкѣ; онъ и тутъ помогъ сложиться общественному мнѣнію, которое, не смотря на всѣ недостатки, на всѣ нелѣпости его произведеній все-таки опять поддалось мощи „его тысячеголосой души, которую самъ Богъ поставилъ полнозвучнымъ эхомъ въ центръ вселенной;“ поклоненіе, воздаваемое имъ самому себѣ, все же заставляетъ тысячи рукъ подыматься къ нему съ оиміамомъ.

Противъ скуки всего обычнаго и правильнаго, Викторъ Гюго̀ смѣло выводитъ въ поле необыкновенное, неслыханное; онъ раздражаетъ васъ отвратительнымъ и гнуснымъ къ тѣмъ бо̀льшему потомъ эстетическому наслажденію, и дѣйствуетъ вообще такъ, какъ будто бы противорѣчіе было подлинно истиной всего на свѣтѣ; „носительницею чистѣйшей, безкорыстнѣйшей любви выбираетъ онъ какъ нарочно продажную дѣвчонку, въ сердце неслыханной злодѣйки влагаетъ умилительнѣйшую материнскую нѣжность, бандитъ и отъявленный разбойникъ является у него представителемъ великихъ человѣчныхъ идей“, какъ мѣтко характеризуетъ его Павелъ Ли̇ндау. Можно было видѣть въ этомъ заблужденіе необузданной юношеской силы, когда своего „Гана Исландца“ онъ заставлялъ пить только человѣчью кровь да соленую морскую воду, и разъѣзжать на бѣломъ медвѣдѣ верхомъ какъ на конѣ; но вмѣсто того, чтобъ понемногу исправиться, поэтъ все больше вдавался въ прославленіе гнуснаго и отвратительнаго; жаба сдѣлалась любимымъ его животнымъ, уродство — главною опорой; Юліанъ Шмидтъ едва ли преувеличиваетъ говоря, что Виктору Гюго̀ предоставлено было сдѣлать чудовищность настоящимъ предметомъ поэзіи, прямо идеаломъ. Тамъ Квазимодо, глухой, горбатый, исполински-сильный звонарь церкви Нотръ-Дамъ, влюбленъ въ граціозную цыганочку. Здѣсь уродливый карло и придворный шутъ Трибулѐ, съ своей злорадною натурой кобольда и своей искренней любовью къ дочери, которую обезчещиваетъ король, и на трупѣ которой, запрятанномъ въ мѣшокъ, онъ прыгаетъ и скачетъ съ бѣшеными тѣлодвиженіями, думая что

топчетъ ногами ея растлителя. Тамъ лакей Руи Бласъ соблазняетъ королеву,—„червякъ, влюбившійся въ небесную звѣзду". Страстная куртизанка, которая въ свою очередь охвачена разъ истинною любовью и желала бы возстановить этимъ свою дѣвственность; юноша, полный міровой скорби и пресыщенія жизнью, съ мрачно-пылающимъ взглядомъ и дрожащею губой, хорошо знакомый намъ изъ Байрона,—это у него потомъ уже болѣе человѣческія фигуры. Самъ поэтъ теоретизируетъ такъ: „Съ какимъ угодно отвратительнымъ предметомъ свяжите религіозную мысль, и онъ сдѣлается святымъ..." Онъ дѣйствительно умѣетъ озадачить насъ смѣсью благороднѣйшаго съ самымъ низкимъ и пошлымъ, онъ умѣетъ подвергнуть пыткѣ нашу чувствительность, предъявляя всѣ орудія тѣхъ мукъ, какія угрожаютъ невинности; онъ съ какою-то сладострастной лютостью не можетъ довольно насытиться подробнымъ изображеніемъ ужасовъ, но чистой радости прекраснымъ нѣтъ у него и слѣда.

Однажды, въ историческомъ романѣ, Викторъ Гюгò, опять-таки подстать общей тягѣ времени, показалъ, что̀ способенъ онъ произвесть, соревнуя Вальтеръ-Скотту; тутъ онъ хорошо зналъ свой сюжетъ, — Парижъ подконецъ средневѣковья, — тутъ онъ взялъ за средоточіе готическую церковь Нотръ-Дамъ, и съ высоты великолѣпнѣйшаго этого зданія оглядывалъ вокругъ себя и развертывалъ въ живыхъ, пестрыхъ, полныхъ эффекта сценахъ все житье-бытье тогдашнихъ массъ, раскрывалъ душевную ихъ жизнь въ самыхъ противуположныхъ характерахъ; какъ ни наносилъ онъ при этомъ яркія черезчуръ краски, надобно сказать, что обокъ со многимъ страннымъ и чудовищнымъ тутъ выступаетъ бездна превосходныхъ фигуръ въ одеждѣ своего времени. Въ другихъ же случаяхъ поэтъ вовсе и не думаетъ что-либо порядкомъ изучить, онъ и въ исторіи ищетъ только диковиннаго, и вмѣсто того чтобъ изъ отдаленныхъ временъ, изъ чуждыхъ земель брать и воспроизводить то что̀ было въ нихъ чисто-человѣческаго, согласнаго съ вѣчными законами мысли и чувства, онъ напротивъ обобщаетъ анекдотически-странныя, чудовидныя черты, и какъ нарочно уродуетъ въ своихъ драмахъ историческаго Кромвеля, или выдуманныхъ имъ какихъ-то средневѣковыхъ Бургграфовъ на Рейнѣ, или наконецъ кастильское понятіе о чести въ своемъ Гернани. То, что трагедія эта проторглась на первостепенный „Французскій театръ" (Théatre français), рѣшило окончательно побѣду романтики. Объявленный изгоемъ сынъ герцога Арагонскаго пошелъ въ разбойники: онъ находитъ себѣ любовнаго соперника въ лицѣ и безъ того враждебнаго ему Карла V-го, и хочетъ умертвить его, заставши у своей милой, ограничивается однакожь на этотъ разъ пламенѣющимъ укоризной взглядомъ. Затѣянный имъ заговоръ открытъ, но Карлъ великодушно простилъ его, даже возвратилъ ему вмѣстѣ съ возлюбленной и герцогство. Но на свадебномъ пиру шныряетъ туда и сюда какое-то зловѣщее черное домино; вдругъ раздается звукъ рога, и переряженецъ могильнымъ голосомъ требуетъ отъ Гернани, чтобы онъ передъ наступленіемъ брачной ночи умертвилъ себя самъ, такъ-какъ онъ при одномъ спорѣ за честь далъ нѣкогда слово старику умереть по первому его вызову. Гернани выпиваетъ ядъ, молодая умираетъ отъ ужаса, а старикъ тутъ же закалывается на̀смерть.

Викторъ Гюгò всего выше какъ лирикъ; тутъ находимъ мы у него чистые

звуки безсмертной красоты, голосъ задушевнаго чувства обокъ съ поэзіею мысли и исторіи, великолѣпный колоритъ картинъ и вполнѣ соотвѣтственное имъ освѣщеніе,—все это въ короткихъ, легковязныхъ стихахъ или же, наоборотъ, въ длинныхъ и полнозвучныхъ, такъ что форма и нова, и какъ нельзя больше подходяща къ содержанію. Таковъ онъ въ своихъ „Восточныхъ стихотвореніяхъ“, Orientales, гдѣ особенно воспѣвается Греція и борьба за ея освобожденье, таковъ въ „Осенней листвѣ“ и во „Внутреннихъ голосахъ“, гдѣ собственное сердце поэта, задушевная жизнь его увлекаютъ насъ благороднымъ сочувствіемъ; таковъ еще въ „Разсвѣтныхъ пѣсняхъ и думахъ“, гдѣ глубокомысленно раздумываетъ надъ загадками человѣчества и вызываетъ на свѣтъ богатырей духа прежде жившихъ. „Легенда вѣковъ“ изображаетъ намъ въ картинахъ изъ сказаній и исторіи, изъ религіи и философіи движеніе человѣческаго рода отъ невѣжества и рабства къ свободѣ и свѣту, противопоставляя это утѣшительное слово поэзіи слишкомъ преогорченному пессимизму. Но и въ лирикѣ настоящія перлы приходится все же отбирать, такъ какъ и здѣсь блестящая трескотня словъ и пустозвонная риторика идутъ у него обокъ съ поэтически-изящнымъ выраженіемъ идеи; Виктору Гюго удается мѣтко попасть на мысль, но онъ всегда останется метафизическимъ мечтателемъ: онъ не доискивался истины какъ Шиллеръ путемъ серьёзнаго философскаго мышленія, онъ не созрѣлъ какъ Гёте въ самой жизни до ясной житейской мудрости; оттого узорчатой ткани его мысленныхъ симфоній недостаетъ не непосредственныхъ проблесковъ геніальности въ звукѣ и картинѣ, но удовлетворительной, гармонической законченности, въ чемъ сознается подконецъ и самъ Готтшалль, который, такъ же какъ всегда и я, отстаивалъ право и преимущества этого рода лирики и выставилъ можно-сказать въ полномъ свѣтѣ все величіе Виктора Гюго. Поэтъ рѣшительно не знаетъ мѣры: богатыри духа должны у него проходить передъ нами цѣлыми эскадронами, обремененные всей кладью школьной учености, какъ будто бы дѣло шло объ изготовленіи облегчающихъ память виршей для преподаванія исторіи, и притомъ каждый изъ богатырей непремѣнно принижаетъ другого или силится его затмить: „даже когда и Промееей тутъ налицо, довольно тебя, о Іовъ, чтобы навозная твоя куча переросла вышиной Кавказъ“. Такъ, уличныя и лѣсныя пѣсни Викторъ Гюго характеризуетъ стихомъ о фаянсовой вазѣ, украшенной личинами и цвѣточными арабесками, въ которую онъ посадилъ свѣжую розу. Величавый отъ природы, онъ никогда не теряетъ изъ виду что ни есть высшаго; онъ довольно ясно выдаетъ себя за Шекспира настоящей эпохи, за Наполеона поэзіи; онъ хочетъ возбуждать общее вниманіе, и успѣваетъ въ этомъ; онъ бьетъ на эффектъ, и это ему вполнѣ удается; роковымъ для него грѣхомъ является недостатокъ безпредубѣжденнаго чутья правды, преобладаніе у него фразы надо всѣмъ.

Еще болѣе Виктора Гюго зашелъ въ вопіющія, каррикатурныя крайности Готье (Gautier). У него мертвыя тѣла бесѣдуютъ съ точащими ихъ же самихъ червями; чѣмъ безумнѣе, тѣмъ прекраснѣй! было его лозунгомъ. Кротче, чище, сантиментальнѣе держалъ себя Альфредъ де-Виньи; онъ отчасти напоминаетъ Ламартина, онъ всего охотнѣе поддается возбуждающимъ грезу думамъ: звукъ рога въ одинокой лѣсной тиши наводитъ его на мысль о Роландѣ, и вотъ вся битва подъ Ронсеваллемъ проносится передъ его душой.

Если Викторъ Гюго̀ видитъ въ фантазіи дикаго коня, къ которому поэтъ крѣпко прикрученъ какъ Мазеппа, то Виньи́ смотритъ на поэтическій геній въ его противорѣчіи съ расчетливымъ матерьялизмомъ окружающей обстановки, какъ на несчастную жертву своего идеальнаго направленія и дарованья; его Чаттертонъ прямо трогательная вещь среди театрально-казистыхъ піэсъ другихъ романтиковъ. Образованный въ Германіи, восторженный чтитель гердеровыхъ Идей, Эдгаръ Кинѐ набросалъ въ своемъ Агасверѣ какъ бы поэтическую философію исторіи; потомъ на манеръ лирическихъ пѣсенъ написалъ онъ эпосъ про Наполеона, котораго возвелъ въ представители, заступники народа; а въ своемъ Промеѳеѣ онъ дѣлаетъ Іисуса Христа Спасителемъ и избавителемъ скованнаго узника черезъ торжество надъ Юпитеромъ и всѣмъ языческимъ Олимпомъ. Подобно тому какъ пантеистическое одушевленіе природы онъ довольно внѣшнимъ образомъ передаетъ въ разговорахъ между соборовъ и знаменъ, такъ точно хоръ его Промеѳея видитъ Бога и въ чашечкѣ розы и въ борьбѣ между народами, въ полномъ разгулѣ вакхической чувственности и въ самоотверженной скорби по умершихъ.

Если у Кинѐ мысль перевѣшиваетъ поэтическую силу, зато обильный запасъ послѣдней мы находимъ у Альфреда де-Мюссѐ, и въ своей лирикѣ, въ своихъ драматизованныхъ пословицахъ и разсказахъ развертываетъ онъ такую живость и оригинальность чувства и созерцанія, такую тонкую изобразительность, что вдвое приходится пожалѣть, зачѣмъ сюжетами ему служила развращенная столичная жизнь или просто безпутство легкомысленнѣйшихъ круговъ парижскаго общества,—сюжетами, которые онъ обдѣлывалъ самъ полуужасаясь ихъ растлѣнія, полуу слаждаясь ихъ обманчивымъ очарованьемъ. Съ горя отъ вѣроломной любви пускается онъ во всѣ излишества разгула, и то выставляетъ на видъ привлекательныя черты порока, то въ трогательныхъ звукахъ жаждущей тоски обращается къ потерянному раю, а потомъ опять безпощадно каррикируетъ то, что̀ есть для души святого и завѣтнаго. Онъ, какъ и сродственный ему Гейне, врагъ пошлости, врагъ пресыщенной добродѣтели, готовой на расчетъ морали; поэтому онъ часто хватается за анормное, пренебрегаетъ общечеловѣческимъ и даетъ полный разгулъ мгновеннымъ своимъ прихотямъ и затѣямъ. Какъ геніальному умнику дѣлить вѣру и упованіе народа? зачѣмъ ему покорно нести боли бытія? не лучше ли заглушать ихъ опьянѣніемъ на службѣ Вакху и Венерѣ? Въ поэтическихъ разсказахъ подражаетъ онъ Байрону съ тѣмъ чтобы перещеголять его яркою изобрѣтательностью, рѣзкой смѣной беззавѣтной преданности и горькоозлобленнаго презорства; онъ плачется на Вольтера и Дидеро̀, что они отняли у него вѣру, добродѣтель, а самъ вознаграждаетъ себя за утрату порочными удовольствіями, легкомысленными проказами. Одинъ изъ его героевъ долженъ быть вмѣстѣ и Фаустъ и Донъ Жуанъ; передъ самоубійствомъ, на которое онъ рѣшился изъ-за долговъ, ему хочется провести еще одну веселую ночку съ прелестницей, и вотъ онъ глубоко тронутъ, онъ готовъ исправиться, когда дѣвушка предлагаетъ ему на расплату свою золотое ожерелье. Самъ поэтъ признается въ стихотвореніи „Печаль“:

Утратилъ я и жизнь, и силу,
Свое веселье и друзей,
Утратилъ гордости я жилу,
Хоть собственно одной вѣдь ей

Таланта славою обязанъ.
Я былъ и къ истинѣ привязанъ,
Ее лишь только что узнавъ;
Но, видно, ужь таковъ мой нравъ,
Что съ чѣмъ я сблизиться успѣю,
Къ тому сейчасъ охолодѣю.
А вѣчна истина одна!
И кто бы ни побрезгалъ ею,
Тому вся жизнь какъ ночь темна
Останется. Благоговѣю,
Услышавъ этотъ божій гласъ,
Къ отвѣту всѣхъ зовущій насъ.
А мнѣ изъ благъ доступныхъ въ свѣтѣ
Одно лишь только и далось,
Что пролилъ нѣсколько я слёзъ,—
И драгоцѣнны жь слезы этѣ!

Противопоставимъ ему веселое дитя народа, Беранжѐ (1780—1857), въ которомъ игривый галльскій духъ воплотился со всѣмъ своимъ легкомысліемъ, со всей любезностью, съ летучей остротой, съ наивною граціей, но вмѣстѣ и съ опасной бойкостью, съ неудержимымъ часто разгуломъ; онъ не ищетъ ни чего отдаленнаго, страннаго, своеобразнаго, а довольствуется однимъ,—быть благозвучнымъ голосомъ народа и высказать въ пѣвучихъ стихахъ мѣткое словцо ко времени; такъ пѣсня его проникаетъ въ самые низшіе слои, такъ пріобрѣтаетъ онъ могучее вліяніе на судьбу родины; онъ можетъ похвалиться тѣмъ, что имъ пущена стрѣла, раздражившая Бурбоновъ до крайней реакціи и что именно онъ поставилъ порохъ для зарядовъ, которыми въ іюльскіе дни разрушенъ тронъ. Но какъ, живя съ самаго начала бодро и весело безъ лишнихъ потребностей, онъ былъ, доволенъ тѣмъ, что Богъ при рожденіи сказалъ ему: Будь ни чѣмъ! такъ и впослѣдствіи, когда друзья его вышли въ министры, онъ домогался отъ нихъ только одного, чтобъ они оставили его въ прежней простотѣ быта. Какъ для Ламеннѐ, такъ и для него, тюрьма сдѣлалась пріютомъ чести и славы, когда въ 1828-мъ году онъ, за свои стихи, былъ осужденъ къ девятимѣсячному заключенію; на зло Бурбонамъ онъ воспѣвалъ Наполеона, содѣйствовалъ распространенію бонапартовской легенды, бонапартопоклонства,—за это пришлось ему дожить до второй имперіи, которая даже полицейски распорядилась устроить пѣвцу торжественныя похороны. Духъ Рабелѐ, Мольера, Лафонтена и Вольтера низошелъ на Беранжѐ; онъ то самое въ лирикѣ, что̀ они были въ разсказѣ и драмѣ; стиль его естественъ и правиленъ, народенъ и полонъ вкуса, хотя и не вездѣ свободенъ отъ истертыхъ пошлостей, отъ ненужныхъ затычекъ и безцвѣтныхъ иногда оборотовъ. Онъ примыкаетъ къ народному пѣснопѣнію, которое въ общительной Франціи вовсе не какая-нибудь дума или мечта одинокаго сердца, а прямо общественная пѣсня, поддразнивающая, плутоватая, сдерживаемая и поддерживаемая припѣвомъ, которымъ замыкается каждая строфа, выражается настроеніе и смыслъ цѣлаго и крѣпко врѣзывается въ любую память. А на это именно и мастеръ Беранжѐ, все равно изливаетъ онъ ночью свое чувство въ желаніи, чтобы запѣли для него соловьи, или весело толкуетъ намъ о томъ, какъ хорошо живется въ двадцать лѣтъ подъ самой кровлею, на чердачкѣ, въ мансардѣ; все равно, требуетъ ли онъ должнаго

почета для сыновъ Франціи, или говоритъ своему отечеству послѣднее прости. Художественный тактъ идетъ у него всегда вровень съ веселыми выходками; ему предшествовалъ Дезожьѐ, да и послѣ него пѣли многіе, но пѣсня Беранжѐ все-таки по праву слыветъ опѣснившеюся французскою натурой, съ ея блестящими сторонами и ея слабостями; муза его любитъ забулдыжный бытъ, выступая противъ всякаго фарисейства съ своими шутками, съ своей чувственной веселостью, она рада идти наперекоръ существующимъ порядкамъ и разогнать всѣ заботы поцалуями и рюмочкой. Новыхъ положительно-зиждущихъ идей у Беранже конечно вовсе нѣтъ. Главную соль пикантныхъ его пѣсень видимъ мы, какъ думалъ и Ламартинъ, въ прозрачныхъ всегда намекахъ, въ злыхъ двусмысленностяхъ, въ междустрочныхъ киваніяхъ, которыя какъ будто такъ и носятъ на себѣ черты его лица: чистосердечный лобъ, блестящіе глаза, двусмысленный ротъ, веселыя щеки, плутовской взглядъ и какую-то полуулыбку съ пальцемъ на устахъ.

Послѣ іюльской революціи рядомъ съ Беранжѐ выступилъ авторъ полныхъ гнѣва ямбовъ, Барбьѐ,—выступилъ какъ болѣе мрачный Ювеналъ рядомъ съ шутливымъ Гораціемъ; онъ бичуетъ мѣстоискателей, вырвавшихъ у народа изъ-подъ рукъ добычу, которою онъ льстилъ себя въ борьбѣ; онъ ведетъ насъ въ литейную, гдѣ плавится бронза для статуи кумира, Наполеона, возносимаго Франціей на Вандомскую колонну послѣ того что онъ поработилъ страну, что вскочилъ на вольнаго коня въ сапогахъ со шпорами и безумно загонялъ его по всей Европѣ до тѣхъ поръ пока тотъ не упалъ совсѣмъ измученный. А кроткіе властители, а мудрецы, а проповѣдники чистой человѣчности,—кто скажетъ имъ спасибо? Народъ громоздитъ пирамиду тому, кто выдавливаетъ изъ него кровь вмѣстѣ съ потомъ страха и ужаса, подобно тому какъ безпутница беретъ себѣ въ любовники именно того, кто безпощадно наложилъ на нее желѣзную руку и пришибъ ее своимъ мощнымъ кулакомъ. А что такое Парижъ? Клокочущій котелъ вѣдьмъ, огнедышащая сопка, которая своей раскаленной грязью наводняетъ повременамъ цѣлый свѣтъ.

Болото, съ тысячью всегда отверзтыхъ пастей,
Всегда готовыхъ жадно поглотить
Хотя клочокъ той королевской власти,
Которую едва успѣли придушить.

Изображеніе такого общественнаго состоянія прямо повело къ кроваво-грязной литературѣ, такъ-какъ писатели для того чтобъ занять публику прибѣгали все къ сильнѣйшимъ и сильнѣйшимъ раздражающимъ средствамъ, все больше начиняли свои сочиненія приправой сластолюбія и жестокости, и дѣло доходило наконецъ дотого, что для оргій королевы въ Нельской Башнѣ (Tour de Nesle) еженочно ловили будто бы по̀ три молодца, а подъ утро топили ихъ въ морѣ, чтобы они какъ-нибудь не проговорились о дикомъ, неистовомъ безпутствѣ, и такимъ образомъ королева-мать стала, видите, любовницей и потомъ убійцей своего собственнаго сына! Къ подобному одичанію вкуса много содѣйствовалъ журнализмъ, совсѣмъ овладѣвшій романомъ для своихъ фёльетоновъ; тутъ главное было заканчивать каждый нумеръ под-

готовкой къ интересу слѣдующаго, тутъ приходилось ежедневно вновь возбуждать чувство, но идеи въ композиціи цѣлаго, послѣдовательности въ ходѣ происшествія, выдержки въ развитіи характеровъ не было ужь ни какой; да кто и оцѣнилъ бы ихъ въ поэтѣ при такомъ отрывочномъ, разсѣянномъ чтеніи? Александръ Дюма̀ (отецъ) и Евгеній Сю сдѣлались героями этой эпохи, и—сказать правду—благодаря несомнѣнному дарованію, дивно-богатой изобрѣтательности на сюжеты, которою кельтійскій элементъ заявилъ себя въ новоевропейской литературѣ и у Вальтеръ Скотта и у нихъ, точно такъ же какъ въ рыцарской поэзіи средневѣковья, съ тою только разницей, что они превзошли ее въ смѣломъ размахѣ и чудовищностяхъ настолько, насколько расширились съ тѣхъ поръ и жизнь и познанія. Акты уголовныхъ судовъ, записныя книжки врачей, историческіе анекдоты, матерьялизмъ и вѣра въ привидѣнія, вопли бѣдныхъ и утѣсненныхъ, а съ другой стороны утонченное сластолюбіе богачей и вельможъ,—все это и многое еще другое служитъ фантазіи поводомъ расходиться въ ярко-пестрыхъ картинахъ то страшныхъ ужасовъ, то пріятно щекочущаго чувственность раздолья. Послушаемъ, что осьмидесятилѣтній Гёте пишетъ къ Цельтеру: „Это — литература отчаянія. Чтобы подѣйствовать сразу, въ одинъ мигъ, они должны навязывать читателю противоположное тому, что̀ слѣдовало бы излагать на духовную пользу человѣку,—и читатель не знаетъ наконецъ, что̀ дѣлать и какъ быть. Доводить гнусное, жестокое, недостойное со всѣмъ низкимъ его отродьемъ до послѣдней возможности,—вотъ сатанинское ихъ дѣло. Можно и даже должно назвать это дѣломъ, занятіемъ; потому что въ основѣ лежитъ тутъ основательное изученье старины, прежнихъ бытовыхъ условій, замѣчательно перепутанныхъ столкновеній и невѣроятныхъ былей, а такихъ трудовъ не льзя же однако назвать ни пустыми, ни нехорошими“. Да оно было дѣломъ, предпріятіемъ и въ смыслѣ денежной наживы, какъ цѣли,—въ смыслѣ употребленія и эксплуатаціи чужихъ силъ на славу собственному имени, что̀ такъ мастерски устроивалъ въ особенности Дюма̀. Онъ началъ какъ драматургъ, и свое изученіе Шекспира, Гёте, Шиллера на дѣлѣ доказалъ тѣмъ, что вставлялъ изъ нихъ цѣлыя сцены въ свои произведенія; а эти, правда, полны такой страстности, которая замѣняетъ прежнюю салонную фразу естественностью, но вмѣстѣ и такой, которая совсѣмъ вытѣсняетъ ею нравы и нравственность. Его историческіе романы вовсе не соблюдаютъ исторической истины и подчиваютъ неслыханными невѣроятностями, но живой разсказъ увлекаетъ васъ отъ сцены къ сценѣ, и читатель радъ когда все это пройдетъ къ концу; онъ никогда уже въ другой разъ не заглянетъ въ эту книгу, а авторъ съ своей стороны позаботится о томъ, чтобы тотчасъ же всучить ему пару новыхъ. Евгеній Сю началъ страшными, ужасающими романами, въ которыхъ проповѣдывалъ теорію, что все наше спасеніе въ необузданности страстей, что благородная душа никогда такъ хорошо не заботится о бѣдствующихъ ближнихъ, какъ отдаваясь утонченному сластолюбію; онъ обнаружилъ извѣстнаго рода мастерство въ изображеніи оскомины, набиваемой безпутствомъ, и при этомъ замѣтилъ самъ, что тутъ подливать спирту или водки мало, а надобно бы угощать читателей наниткомъ изъ кончиковъ иголъ. Тутъ онъ написалъ „Парижскія тайны“. Онъ ведетъ насъ въ трущобы всякой сволочи, мошенники говорятъ у него на своемъ условномъ языкѣ, и посреди

всей этой тли и гнили распускается у него Маргаритка, отдающаяся пьянымъ ворамъ и убійцамъ, валяющаяся по ночамъ въ сточной канавѣ и сохраняющая при этомъ всю дѣвственную чистоту души; во всѣ эти дикія мерзости впутываетъ онъ нѣмецкаго владѣтельнаго князя съ тѣмъ чтобы здѣсь спасти послѣднее зерно остающагося еще добра, а тамъ—самовластно наказать злодѣйство. Въ „Вѣчномъ Жидѣ" онъ посадилъ іезуита Родена ядовитымъ паукомъ въ самый центръ той сѣти, которой таинственными нитями опутано все общество,—опутано чтобы водить его на помочахъ и сосать изъ него кровь при всякой возможности. Въ „Семи смертельныхъ грѣхахъ" онъ изобразилъ, какъ самое зло, при умѣстномъ или полезномъ его примѣненіи, обращается во благо человѣку; гнѣвонеистовецъ употребляетъ въ пользу свою страсть, какъ корсаръ, на службѣ отечеству, а развратница награждаетъ своими прелестями добрыхъ людей или же веселится съ дурными только тогда, когда Австрійскій герцогъ милуетъ плѣнныхъ Итальянцевъ или когда ростовщикъ сжигаетъ долговой вексель одной бѣдной раззорившейся семьи. Тутъ, правда, мутятся всѣ нравственныя понятія, и законы искусства соблюдены такъ же плохо какъ и законы природы и истины; но за то Сю изобрѣтаетъ такія фигуры, которыхъ не забудешь никогда, и сцены, полныя напряженнѣйшаго интереса; у него всегда есть живое сочувствіе къ напастямъ бѣдныхъ и притѣсненныхъ, и онъ всегда готовъ обнажить соучастіе общественныхъ учрежденій въ любомъ совершонномъ преступленіи; но счастіе онъ все-таки видитъ въ одномъ чувственномъ наслажденьи, и блистательный его талантъ гаснетъ въ грубомъ матерьялизмѣ, какъ блудячій огонь въ болотѣ. Въ былыя времена молодежь остерегали отъ излишняго чтенія романовъ, чтобы, набивъ себѣ фантазію благородными и полными чувства характерами, она не разочаровалась потомъ прозой жизни, не унывала при исполненіи будничныхъ обязанностей; а теперь міръ фантазіи часто гораздо хуже дѣйствительнаго, и чего добраго молодежь заранѣе утратитъ способность наслаждаться отрадами послѣдняго, приметъ свою пессимистскую пресыщенность за признакъ зрѣлаго ума; гдѣ нравственныя понятія писателей не держатся уже ни нравообычаемъ, ни вѣрой, а между тѣмъ не отвердились и не выяснились еще и философскимъ познаніемъ, тамъ проблематическое и уродливое возводится въ ложный идеалъ, — блудячій огонь, заманивающій въ глубь трясины, надъ которою онъ мелькаетъ.

Богатымъ удѣломъ Бальзака (1799 — 1850) былъ свободный и острый свѣтскій умъ, прозиравшій вещи въ глубину и разлагавшій женское въ особенности сердце на тончайшія его волокна; къ этому присоединялась чрезвычайно живая фантазія, доводившая поэта до бахвальства, и дѣлавшая его самого жертвою бахвальства другихъ. Въ его романахъ горькій скептическій взглядъ на жизнь мѣшается съ мистическими чудесами и мечтательными видѣніями, съ матерьялистическимъ суевѣріемъ, для котораго запахи—неполныя, недодуманныя мысли, ощущенія—дѣйствія газовъ, онъ мѣшается и съ вѣрой въ магію, которая умерщвляетъ, напримѣръ, соперницу тѣмъ, что вколачиваетъ гвоздь въ сердце восковой ея куклы, — съ вѣрою въ сомнамбулизмъ, будто бы отворяющій душѣ настежь двери неба. Такъ обратился онъ не къ настоящей, а къ фантастической наукѣ, и трагику болѣзненнаго, необычно-страннаго принялъ чуть не за всеобщій жребій человѣчества. „Комедіей людского рода" назвалъ онъ собраніе разсказовъ, въ которыхъ представилъ

домашнюю и политическую жизнь, въ Парижѣ и въ провинціи, въ войнѣ и въ мирѣ, и этимъ значительно поднялъ романъ нравовъ и характеровъ во французской литературѣ; достойный удивленія реалистъ въ передачѣ подробностей, не уступающій въ этомъ первѣйшимъ жанровымъ живописцамъ, становится онъ пессимистомъ во взглядѣ на жизнь, потомучто бездна испорченнаго, мелочнаго, пошлаго, представляемая именно порядочнымъ снаружи обществомъ, увлекаетъ его хоть и не къ презорному отрицанію всяческаго идеала, но все-таки однако къ скорбному раздраженію противъ такой дѣйствительности, которая слишкомъ ужь несообразна съ идеаломъ. Очень знаменательны слова его къ Жоржъ Сандъ: „Вы ищете человѣка, какимъ онъ долженъ быть, я беру его каковъ онъ есть. Я не обыкновененъ самъ, и люблю необыкновенныя натуры, но обыкновенныя больше тянутъ меня къ себѣ, и я пожалуй идеализую ихъ, но только въ обратномъ смыслѣ, — довожу до нравственнаго уродства, пересаливая дурныя ихъ стороны. Вамъ это вѣроятно будетъ неподсилу; такъ идеализуйте въ направленіи къ граціозному, къ изящному,—это настоящее женское дѣло.“ Что жизнь изводитъ сама себя, — вотъ мысль, излагаемая Бальзакомъ въ первой же философской его повѣсти: молодой безпутникъ находитъ у стараго Жида кожу, обладающую дивной силой тотчасъ же исполнять всякое желаніе хозяина, но при каждомъ желаніи она убываетъ; такъ-какъ Жидъ ровно ни чего не желалъ, то онъ и дожилъ съ ней до глубокой старости. Новый владѣлецъ требуетъ себѣ всѣхъ возможныхъ наслажденій, но съ ужасомъ видитъ исчезновеніе кожи и умираетъ въ мукахъ той безпредѣльной жажды желанія, которой она не можетъ больше утолить. Въ другомъ разсказѣ скупецъ, въ припадкахъ лунатизма, обкрадываетъ самъ себя и съ отчаянія доходитъ до самоубійства, такъ-какъ на яву никакъ не можетъ сообразить, куда же наконецъ дѣваются его сокровища. Одинъ изслѣдователь, пустясь въ научныя поиски за философскимъ камнемъ, забываетъ у него всѣ свои обязанности, раззоряется вконецъ и подвергаетъ химическому анализу слезы неутѣшной жены своей: геній, заключаетъ авторъ, ближайшій сосѣдъ порочности. Нажива, у Бальзака,—единственная мораль общества; для этого дѣлаются всѣ необходимыя пакости, какъ будто бы онѣ составляли долгъ; и потому Юліанъ Шмидтъ въ правѣ былъ сказать, что для него всѣ замкі загадочной жизни общества отпираются одной только воровскою отмычкой. Далѣе онъ бичуетъ тотъ предразсудокъ, будто все на свѣтѣ дозволительно генію, и позоритъ наклонность женщинъ къ интереснымъ преступникамъ съ байроновскимъ клеймомъ злодѣянія на мертвенно-блѣдномъ челѣ. Физіологію брака, половой любви, передаетъ онъ намъ съ какою-то противной смѣсью цинизма и мистики. Его живое чувство истины видитъ себя среди міра лжи, гдѣ добродѣтель—одно фарисейское лицемѣріе или дѣло чистаго расчета, гдѣ все себялюбіе и тщета; обильный нѣжнѣйшими въ подробностяхъ чертами, онъ похожъ на живописца, который хочетъ все болѣе и болѣе граціозными линіями, все болѣе и болѣе тонкими красками достигнуть высшаго идеала красоты, и который именно этимъ обращаетъ свою картину въ безобразную мазилку. Онъ манитъ и невольно увлекаетъ проблесками генія, безпощаднымъ трупоразсѣченіемъ такого общества, которое Богъ-вѣсть живо или нѣтъ; но намъ съ нимъ какъ-то жутко, неповадно. Заключимъ съ выше упомянутымъ нами нѣмецкимъ крити-

комъ: „У Бальзака бездна французскаго ума, esprit, но у него нѣтъ здраваго человѣческаго смысла; у него зоркій микроскопическій взглядъ на всѣ моменты земного существованія, но ему недостаетъ свободнаго взгляда, видящаго въ то же время и небеса".

Чистѣйшее чувство красоты, полнѣйшую вѣру въ идеалъ и неразрывно съ тѣмъ бьющее ключомъ творчество фантазіи находимъ мы въ новой Франціи у одной женщины; величайшій поэтъ здѣсь—поэтисса, Аврора Дюдеванъ, извѣстная подъ именемъ Жоржъ Сандъ (род. въ 1804). И она не свободна отъ недуговъ и заблужденій времени; и она обобщала заслуженныя и незаслуженныя напасти въ бытовыя условія, и, какъ Руссо̀, противопоставляла имъ и всѣмъ сомнѣніямъ ума вопіющія требованія сердца, идеализмъ его чувствъ, и если въ Запискахъ о своей жизни она не обнажила себя подобно ему, какъ къ сожалѣнію сдѣлала въ романѣ „Она и онъ" насчетъ Альфреда де-Мюссѐ и своихъ къ нему отношеній, зато тутъ едва ли не еще хуже то, какъ беззакрытно она выдаетъ любовныя похожденія своихъ предковъ, даже родной своей матери. Но зато рядомъ съ исчадіями многописательства создаетъ она подлинно-мастерскія произведенія, гдѣ такъ и купаетъ душу въ свѣжемъ и молодящемъ ключѣ природы, и противопоставляетъ условнымъ благоприличіямъ свѣта свободный художническій міръ, а разбитому, разорванному въ клочки обществу—здоровую, дюжую искренность простого народа. Зная, что республиканецъ Мишель де-Буржъ, что соціалистическій мыслитель Леру́, что религіозный революціонеръ Ламеннѐ увлекали ее въ кружки́ свои, мы, разумѣется, не должны ожидать отъ нея спокойной разсудительности тамъ, гдѣ въ огневыхъ словахъ своей рѣчи передаетъ она вопли угнетенныхъ или надежды человѣчества въ будущемъ; намъ часто прійдется противорѣчить слишкомъ рѣшительнымъ приговорамъ фантазіи, но зато всегда удивляться великому пламенному сердцу, которое въ нихъ высказывается. А что послѣ чувственныхъ заблужденій Индіаны, послѣ кощунствъ, мучительныхъ сомнѣній и вредныхъ доктринъ Леліи, глубочайшая суть души осталась у ней чиста, это доказываетъ Консуэло, не одной только нравственной самоувѣренностью дѣвственно-благородной натуры, которая проходитъ черезъ всѣ соблазны и посягательства, потомучто хочетъ любовно отдаться только тамъ, гдѣ можетъ вмѣстѣ уважать и заключить душевный союзъ навѣки; это особенно доказываетъ дивная мысль поставить превосходную пѣвицу между энтузіазмомъ къ искусству и благоустроеннымъ домашествомъ, между заботой объ учителѣ и о дорогомъ сердцу миломъ, — та мысль, что восторженно-чтимому ею Альберту она отказываетъ на время въ согласіи, пока чувствуетъ себя не довольно чистою отъ воспоминаній о прежнихъ недостойныхъ ея возлюбленныхъ и хочетъ напередъ совершенно прійдти въ себя въ одиночествѣ.

Родословное дерево этой женщины-поэта восходитъ черезъ маршала де-Сакса къ королю Августу Сильному и къ Аврорѣ Кёнигсмаркъ, и путемъ многоразличныхъ связей свободной любви ведетъ насъ въ военный лагерь, гдѣ среди веселой музыки, танцевъ и пѣнія одна парижская модистка даритъ возлюбленнаго офицера дочерью, которая подъ надзоромъ необузданной маменьки и вольномысленной бабушки ростетъ, не зная ни какой радости въ на-

стоящемъ смыслѣ, отдаваясь то восторженнымъ религіознымъ мечтамъ, то философскимъ изученіямъ, то веселымъ проказамъ, и выходитъ потомъ за мужъ за господина Дюдевана по расчету. Издержки въ домашнемъ ихъ хозяйствѣ значительно превышаютъ доходъ, между супругами нѣтъ сердечнаго согласія, и вотъ Аврора, будучи уже матерью двоихъ дѣтей, отправляется искать счастія въ Парижѣ; чтобы быть вольнѣе въ своихъ движеніяхъ, она одѣвается мужщиной, пишетъ общими силами съ однимъ пріятелемъ романъ, и изъ имени своего друга, Сандо̀, передѣлываетъ свое собственное литературное имя: Жоржъ Сандъ, когда въ 1832-мъ году она своею Индіаной наэлектризовала весь Парижъ и тотчасъ пріобрѣла себѣ европейскую знаменитость. Кромѣ вышеназванныхъ мыслителей и поэтовъ съ нею сближались музыканты Шопенъ и Листъ. Ея бракъ былъ расторгнутъ судебнымъ порядкомъ, и съ тѣхъ поръ она жила попеременно то у себя въ деревнѣ, то въ столицѣ. Драматическія произведенія ея не значительны; „Путевыя ея письма" превосходны по мастерскимъ картинамъ природы и по сердечнымъ изліяніямъ. Рисуя въ цѣлой чередѣ тендеціозныхъ романовъ всю пустоту, испорченность, превратность общественнаго быта огневыми красками, и изображая глубокій упадокъ того поколѣнія, для котораго нѣтъ ни чего выше денегъ, богатства, она въ страстномъ порывѣ доходитъ до восклицанія: „Бѣдныя женщины, бѣдное общество, гдѣ для сердца нѣтъ другой истинной и дѣйствительной радости кромѣ той, чтобы позабыть всякій долгъ и всякій разумъ!" Какъ будто бы возможна была истинная радость при такихъ условіяхъ! Мы не осердимся на нее за то, если она найдетъ менѣе грѣха въ вольномъ разгулѣ страсти помимо государственнаго порядка и церковнаго освященія нежели при отдачѣ себя женщиной въ законномъ бракѣ, заключенномъ безъ сердечнаго влеченія, безъ искренности, безъ общенія умовъ; но ея полемика никогда не идетъ въ глубь дѣла, никогда не ставитъ личной любви исходной точкою жизнеобщенія между мужемъ и женою, никогда не замѣщаетъ внѣшняго и кажущагося только брака супружествомъ истиннымъ, задушевнымъ. Не правда, что будто бы любовь становится тѣмъ болѣе благородной, христіанской, чѣмъ болѣе она обращается къ падшимъ, къ злодѣямъ, къ грѣшникамъ; вѣдь и тутъ страсть загорается вовсе не отъ присущаго имъ худа, а отъ того огня, того мужества, той положительной стороны, которая все-таки сохранилась въ нихъ, но только заблудилась; истинная любовь видитъ въ возлюбленномъ идеалъ своей собственной души, и чѣмъ этотъ идеалъ чище, тѣмъ любовь прекраснѣе и блаженнѣй. Не правда, что она будто бы притупляется, что перемѣна становится желанною или необходимой; для любящаго истинно любимая женщина всегда нова, и потеря ея глубоко-прискорбна, не вознаградима. Превосходно умѣетъ изобразить Жоржъ Сандъ, какъ въ глубинѣ человѣческой души, при всѣхъ ея заблужденіяхъ, всегда сохраняется нѣчто доброе и великое, и она не налюбуется этой явною печатью Бога, положенной имъ на свою тварь; но тутъ, къ сожалѣнію, близка опасность, что станутъ, пожалуй, находить интересными тѣхъ Тренморовъ, которые на галерной каторгѣ изъ игроковъ незамѣтно превращаются въ философы. Вообще же говоря, писательница ищетъ поэзіи контраста не столько въ характерахъ, сколько въ компоновкѣ цѣлаго, когда въ Индіанѣ цивилизаціи противопоставляетъ она идиллію лѣсного затишья, въ Консуэло веселому венеціанскому театру—мрачный за̀мокъ Бё-

мервальда съ его гуситскими воспоминаньями, легковѣрной чувственности—меланхолическую мечтательность; и она мастерица выдержать настроеніе этихъ картинъ, сохранить въ нихъ тотъ общій тонъ, которымъ такъ и проникнута или обвѣена малѣйшая подробность.

Въ Индіанѣ мы видимъ чувствительную, идеальную отъ природы женщину въ супружествѣ съ тупымъ самодуромъ; но зато она и изобрѣтательна на мелкія колкости, которыми безпрестанно его донимаетъ. Она попадаетъ въ сѣти свѣтски-привлекательнаго, но пустого и суетнаго аристократа, и хотя онъ впослѣдствіи ее бросилъ, она, по новому призыву съ его стороны, покидаетъ умирающаго мужа и летитъ къ милому въ Парижъ, а тотъ между тѣмъ успѣлъ ужь жениться; новобрачная указываетъ двери нежданой гостьѣ, а когда эта хочетъ броситься въ Сену съ отчаянья, ее спасаетъ Ральфъ своей твердой рѣшимостью умереть непремѣнно вмѣстѣ съ нею. Это—повторяющійся у романистки типъ невзрачнаго, флегматически-прозаичнаго навидъ, но внутренно глубокаго и благороднаго характера, который слѣдуетъ съ самоотверженной вѣрностью за непризнающею его милой и обыкновенно становится спасителемъ ея въ послѣдней крайности. Ральфъ счастливо живетъ потомъ съ Индіаной на островѣ Бурбонѣ, въ дали отъ свѣтской толкотни, которая противна ихъ идеальнымъ натурамъ; что Индіанѣ слѣдовало бы еще поплатиться за многія вины, этого вопроса авторъ не касается вовсе.—Въ Леліи изображено злополучіе высокой и богатой души, для которой идеалъ ея долженъ остаться недостижимымъ, такъ-какъ она ищетъ его только въ неопредѣленномъ безконечномъ, а отнюдь не въ формахъ данной дѣйствительности; разсказъ однакожь незначителенъ, и обокъ съ героиней и упомянутымъ нами Тренморомъ, сестра первой, куртизанка Пульхерія, является собственно лишь носительницей такихъ размышленій, которыя правда кружатъ около самыхъ высокихъ и глубокихъ по смыслу вещей, но сводятся къ превратнымъ и до крайности неяснымъ выводамъ. Сочинительница сама потомъ отвернулась отъ этого произведенія, „исчадія ужаснаго состоянія души"; тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ со стороны нѣмецкаго критика строгой укоризны за высокомѣріе нашего времени придумывать нелѣпыя проблемы и потомъ строптиво роптать на Бога за то, что онъ будто бы самъ не можетъ разрѣшить ихъ. „Спиридіонъ" и „Семь струнъ лиры" идутъ въ этомъ же направленіи мыслительной поэзіи; но отъ сомнѣнія и отчаянья они повертываютъ къ мистикѣ, къ мечтательной лирикѣ, которая при всемъ идеальномъ пареніи потрясающихъ своихъ звуковъ лишена необходимой въ художествѣ ясности. Жоржъ Сандъ болѣе поэтъ чѣмъ мыслительница; оттого свои авторскіе грѣхи и искупила она въ открытомъ ею для Франціи деревенскомъ романѣ, который превосходно обработала въ „Чертовой лужѣ", въ „Найденышѣ", въ „Маленькой Фадеттѣ" и другихъ. Это не подрумяненный, кокетливый сельскій бытъ, а напротивъ естественная правда, искренность, свѣжесть въ дѣйствіи, въ характерахъ, въ языкѣ, просвѣтляющій блескъ поэзіи пролитый на сущую дѣйствительность. Тутъ въ формѣ новеллъ явилась та же простонародная искренность и чистота чувства, какъ въ идиллической лирикѣ у Бризё (Brizeux). И это освѣженіе у ключа природы распространило свой повѣвъ и на романъ, въ которомъ Жоржъ Сандъ изобразила приключенія молодого французскаго ремесленника. На бѣду, соціалистическія теоріи и замашки играютъ здѣсь такую же дурную роль, какъ

и въ первыхъ ея произведеніяхъ; они не разрѣшаютъ жизненной загадки, а только ее путаютъ, и такимъ образомъ сбиваютъ съ толку умъ даже и тамъ, гдѣ поэзія вполнѣ удовлетворяетъ чувство. Но природа и культура примиряются между собой въ искусствѣ, въ художникѣ; и ни кто такъ любовно и очаровательно не рисовалъ художническихъ натуръ съ ихъ чистымъ идеализмомъ, съ ихъ заблужденіями и странностями, ни кто такъ не изображалъ священнаго жречества красотѣ обокъ съ суетной виртуозностью и съ падкостью на чувственные соблазны. Такъ, веледушная и полная чистой сердечности Консуэло останется безсмертнымъ всегда обликомъ и на сценѣ и въ жизни, и на ряду съ картиною театральнаго быта большихъ городовъ ея бѣгство и странствіе съ молодымъ Гайдномъ, — это драгоцѣннѣйшій перлъ французской литературы на поприщѣ идиллической романтики. Но женщина-поэтъ еще шире распускаетъ крылья своего генія, она даетъ намъ историческія картины изъ временъ Фридриха Великаго и Маріи Терезіи, мастерски выводитъ въ своемъ романѣ и ихъ самихъ, тогда какъ обокъ съ этимъ сокровенныя тайны душевной жизни съ ихъ чаяніями и грезами, съ религіозной восторженностью и фантастическою выработкою истины, рѣютъ и колеблются у ней туда и сюда на крайне узкомъ рубежѣ между помѣшательствомъ и геніальностью. Въ продолженіи этого романа, „Графинѣ Рудольштадтъ", слишкомъ ужь много занимаютъ мѣста тайные союзы 18-го столѣтія, особенно союзъ „Невидимокъ"; но превосходно выполнено то, въ какой раздвой чувства впадаетъ Консуэло, когда тотъ самый Альбертъ, котораго она считала мертвымъ и которому обручилась на смертномъ его одрѣ, глубоко уважая его умъ и добродѣтель, вдругъ встрѣчается ей выздоровѣвшимъ отъ своихъ восторженныхъ грезъ и подъ новымъ для нея видомъ Ливерани опять пріобрѣтаетъ ея сердце. Когда ей надо рѣшиться на выборъ между ними, и она все-таки сохраняетъ вѣрность своему Альберту, тутъ любовь идетъ ужь прямо обруку съ добродѣтелью, и любящіеся соединяются навсегда; такъ заключенъ наконецъ истинный, идеальный бракъ, и его-то, какъ подлиннаго блага будущности, авторъ хочетъ для свободнаго, равнаго, братски соединеннаго человѣчества. И это „навсегда", говоритъ подконецъ Консуэло, полносильно не для короткой только земной жизни, но и для вѣчности! Высокая смѣлачка, остерегаетъ ее провидица Ванда, такъ проси же у Бога безсмертія себѣ и своему милому въ награду за такую вѣрность. Да, отзывается на это Альбертъ, развѣ не награда упованіе: любиться великодушно и пылко здѣсь для того чтобы встрѣтиться тамъ снова, неразрывными половинами навѣкъ!

Я не могу перечислять всѣхъ романовъ Жоржъ Санда, какъ и всѣхъ другихъ романистовъ ея времени; упомяну только о серьёзномъ Эмилѣ Сувестрѣ, о безпутномъ Поль-де-Кокѣ, чтобы затѣмъ коснуться двухъ поэтовъ, у которыхъ среди бездны зазорныхъ, преувеличенныхъ, тяжкихъ для души вещей, мы находимъ и эстетически-удовлетворительное впечатлѣніе: я разумѣю Клода Тилье съ милымъ юморомъ его Дяди Бенжамена, и Проспера Меримѐ съ его утонченнымъ чутьемъ къ чужимъ народностямъ и его поэтическою формой, какъ онъ художнически доказалъ и то и другое въ своей „Гуслѣ", сборникѣ отголосковъ сербскихъ балладъ, и въ повѣсти „Коломба", превосходной картинѣ корсиканскаго кровомщенія. На театральной сценѣ также

кончилось наконецъ господство необузданной романтики, какъ и обстановочныхъ спектаклей Дюма̀; а между тѣмъ удержалась и до сихъ поръ разговорная драма Скриба, благодаря умной техникѣ въ постройкѣ піэсъ и блестящей ловкости въ діалогѣ. Онъ могъ сказать вмѣстѣ съ Беранжѐ, что самъ французскій народъ былъ его музою; со всѣхъ сторонъ изображалъ онъ общество въ своихъ нравоописательныхъ комедіяхъ, полныхъ умѣнья построить дѣйствіе, вести интригу, выставлять ясно и опредѣленно разные характеры, безъ восторженности и идеализма, но зато и безъ всякихъ вычуръ, на твердой основѣ обычныхъ формъ средняго сословія и его цивилизаціи. Ту остроумную болтовню, на какую подлинно мастера Французы, Жюль Жаненъ перенесъ въ газетный фѣльетонъ, чтобы умно и пріятно бесѣдовать съ публикой объ искусствѣ и литературѣ.

Литература движенія въ Германіи.

„Чтобы однимъ словомъ высказать все наше горе, всю бѣду, мы—эпигоны, послѣдыши, а потому и несемъ на себѣ то тяжкое бремя, которое ложится на̀ плечи всякому позднему рожденію. Великое движеніе въ царствѣ духа, предпринятое нашими племенами каждымъ изъ своихъ кущъ, доставило намъ бездну драгоцѣнностей, которыя и разложены теперь на рыночныхъ прилавкахъ. Безъ особеннаго усилія любая заурядная способность можетъ пріобрѣсть себѣ по крайней мѣрѣ мелкую размѣнную монету всякаго искусства и знанія. Но съ заемными идеями то же что̀ и съ заемными деньгами: кто легкомысленно хозяйничаетъ чужимъ добромъ, тотъ непремѣнно будетъ становиться все бѣднѣе. Для самой жалкой тщеты, для ничтожнѣйшихъ въ мірѣ мнѣній, для пустѣйшаго изъ сердецъ вездѣ легко найдти теперь самыя геніальныя и энергическія фразы“. Такъ говоритъ Карлъ Иммерманнъ (1796 — 1840), поэтъ, полный кряжевого, неподатливаго содержанія, которому трудно было пріискать себѣ вполнѣ соотвѣтственную форму; и тяжело чувствовалъ онъ отсутствіе того счастія, какимъ похвалялся Гёте, что германскій народъ былъ молодъ вмѣстѣ съ нимъ и что прежде его не нашлось высшихъ образцовъ, съ которыхъ критика могла бы взять масштабъ для вновь развивающагося поэта, тогда какъ напротивъ теперь потомкамъ такъ и суютъ въ носъ мастерскія созданія предшествующаго поколѣнія и вообще вошло въ моду пренебрежительно говорить о тѣхъ свѣжихъ силахъ, которыя, въ противоположность эпигонамъ, мы такъ же справедливо можемъ пожалуй назвать и „про̀гонами“, то-есть начинателями новаго художественнаго періода. Правда, что подобно тому какъ въ первую половину 18-го вѣка просвѣтительное вольномысліе ума перевѣшивало творческую фантазію, и послѣ Мольера и

Мильтона первымъ великимъ поэтомъ явился только уже Гёте, такъ точно и теперь историческому и реалистическому смыслу пришлось напередъ научиться изслѣдовать и понимать дѣйствительность, а потому на первомъ планѣ стоятъ труды по части естествознанія и науки духа, или по части политики, стремящейся создать общегерманское государство; они подготовляютъ матерьялъ для новой поэзіи, но вѣдь и поэтическія силы, право, ни въ чемъ не уступятъ тѣмъ, которыя предшествовали нашимъ классикамъ или пожалуй даже были имъ современны. Гервинусъ этого не признавалъ, когда въ заключеніе своей Исторіи нѣмецкой поэтической литературы выступилъ съ совѣтомъ оставить навремя поэзію въ покоѣ, рѣшительно дать ей отдохнуть; но и для политическихъ успѣховъ важны ставимые ею идеалы или то сатирическое зеркало, въ какомъ отражаетъ она современную ей гниль. Тутъ мы, конечно, не беремъ въ общій счетъ вялой „занимательной литературы" реставраціоннаго времени, точно такъ же какъ и гогенштауфенскихъ трагедій Раупаха не принимаемъ за поэзію исторіи; однакожь въ трагедіяхъ этихъ есть драматическое искусство, есть расчетъ на условія нынѣшней именно сцены,— расчетъ какого не было ни у Иммерманна, ни у Платена въ ихъ романтично-фантастическихъ зачаткахъ, такъ какъ первый усильно боролся съ чудовищнымъ, а второй серьёзничалъ изъ пустяковъ,—да не было его у нихъ даже и тогда, когда Иммерманнъ вздумалъ соревновать Шекспиру, а Платенъ въ своей литературной комедіи — Аристофану, какъ во время оно дѣлалъ Тикъ. Вмѣсто того чтобъ образовать себя въ столицѣ, среди общаго взаимодѣйствія поэта, актеровъ и публики, Иммерманнъ попытался художественно руководить провинціальную сцену въ Дюссельдорфѣ; но на это не достало денежныхъ средствъ. Съ „Трагедіею въ Тиролѣ", съ „Алексѣемъ" обратился онъ къ нашему времени, изобразилъ Андрея Гофера въ его наивно-вѣрующемъ героизмѣ, а Петра Великаго въ его крутой самодержавной власти,—перваго въ столкновеніи съ вѣроломною политикой, послѣдняго — въ борьбѣ съ собственнымъ своимъ сыномъ; и полная смысла картина народныхъ чувствъ въ первой піэсѣ, энергическая обрисовка характеровъ и трагически потрясающій конфликтъ во второй заставляютъ пожалѣть о томъ, что въ своемъ „Мерлинѣ" Иммерманнъ пустился въ романтическій міръ грезъ и, при всей мистической глубинѣ подробностей, не дошелъ до такой ясности въ цѣломъ, какой прежде всего требуетъ мыслительная поэзія, такъ-какъ вѣдь съ насъ мало еще видѣть борьбу духа изъ-за истины, намъ надо сверхъ того видѣть и самоё истину въ лицо. Въ его „Эпигонахъ", какъ романѣ, правда замѣтенъ образецъ Вильгельма Мейстера и повѣстей Тика; но то, какъ авторъ бросаетъ сатирическіе отсвѣты съ одной стороны на піэтизмъ, съ другой — на революціонныя затѣи, какъ онъ онагляживаетъ противоположность между феодальнымъ бытомъ и новѣйшею промышленностью,—это показываетъ стремленіе къ всесторонной справедливости и къ реалистическому пониманію настоящей жизни, которое мы въ правѣ назвать признакомъ новаго совсѣмъ искусства. Достигнувъ зрѣлаго мужества, онъ, благодаря счастливой любви, пережилъ такое нравственное очищеніе и такое внутреннее освобожденье, которыя надѣлили его новой молодостью; онъ могъ теперь разсмотрѣть зачатки дюссельдорфскаго искусства въ мастерскихъ „Разговорахъ между масками", и если ему не удалось вполнѣ выработать

своего душевнаго настроенія въ „Тристанѣ и Изольдѣ“, зато по крайней мѣрѣ въ „Мюнхгаузенѣ“ онъ создалъ такое произведеніе, которое принадлежитъ къ числу безсмертныхъ. Теперь, не связанный уже самъ лично разладицами времени, какъ столь многіе французскіе, да и нѣмецкіе поэты, но борьбою достигнувъ гармоніи въ своей собственной душѣ, онъ смѣло могъ сопоставлять между собою противоположности и указывать на разрѣшеніе и взаимное сопроникновеніе ихъ въ лучшемъ будущемъ. Все взятое съ вѣтру, облыжное, вздорное собрано въ Мюнхгаузеновыхъ росказняхъ въ старомъ зàмкѣ и противопоставлено здоровому, опирающемуся на добрый нравообычай крестьянскому быту мызниковъ; самъ мызный староста — одна изъ превосходно выполненныхъ характерныхъ фигуръ всей нѣмецкой поэзіи, его цѣльность развертывается иной разъ до предѣловъ трагизма, въ другой разъ—до забавнаго, онъ великъ въ своей ограниченности, этотъ носитель историческихъ воспоминаній, глядящій однако въ свободное уже время. И между двумя этими кругами вращаются бѣлокурая Лисбета и рядомъ съ нею швабскій графъ, примиряя въ себѣ природу съ образованіемъ, какъ это было идеаломъ Гёте и Шиллера; но совершенно-иммермановской особенностью является эта противоположность идилліи съ сàтирой, этотъ благородный реализмъ въ вѣрномъ изображеніи вестфальской народности, эта идеализація дѣйствительной жизни на прямо ужь нѣмецкій ладъ. Первый тонъ, взятый здѣсь для деревенской повѣсти, остался и донынѣ самымъ лучшимъ; притомъ, поэтъ, подобно Гёте въ Германѣ и Доротеѣ, не ограничился тѣснымъ кругомъ избраннаго имъ сюжета, но открылъ вездѣ прòгляди на свободную прекрасную человѣчность и ея идеалы. Въ книгѣ о его жизни нѣжная рука любви соорудила ему достойный памятникъ.

Если неподатливой натурѣ Иммерманна пришлось долго бороться съ формою, то умѣнье владѣть послѣднею было можно-сказать кровнымъ достояніемъ графа Августа Платена (1796—1835), ставшаго черезъ это во вражду и съ нимъ, и съ Гейне, у котораго перевѣшивали самородная легкость и прелесть лирики, тогда какъ художественная выработка и нравственно-высокое стремленіе къ совершенству отличаютъ безпощадно-позоримаго имъ сверстника, котораго заслугу онъ потомъ однакожь призналъ. Мало поставить его на ряду съ Рамлеромъ, Фоссомъ и Шлегелемъ, за даровитую силу и чистоту въ соблюденіи риѳмы и стихоразмѣра; надо принять въ расчетъ также внутреннюю форму въ организаціи самой мысли, въ постройкѣ цѣлаго стихотворенія, и если въ его одахъ, сонетахъ и газеляхъ кое-что покажется перехитреннымъ и выдѣланнымъ только изъ-за формальной красоты, то есть вѣдь бездна и такихъ вещей, гдѣ насъ восхищаетъ полное созвучіе чувства съ ритмомъ, òбраза съ мыслію, и именно такія просто-мелодическія стихотворенія какъ Wie rafft ich mich auf in der Nacht, in der Nacht, — Süsz ist der Schlaf am Morgen nach durchgeweinter Nacht, und alle meine Sorgen hab'ich zur Ruh gebracht, принадлежатъ вмѣстѣ съ „Гробницей у Бузенто“ къ настоящимъ перламъ нѣмецкой лирики. Не льзя, конечно, оправдать Платена въ любованіи самимъ собою и въ самохвальствѣ, а также и въ чрезмѣрной раздражительности; но онъ подлинно чувствовалъ всѣ скорби бытія въ раздробленномъ и придавленномъ тогда отечествѣ, и отъ негодованія дошелъ однажды до того, что воскликнулъ: Давно извѣстно, доли Нѣмца нѣтъ хуже въ мірѣ ничего! Какой

страстный пылъ горитъ въ мраморѣ его дикціи, когда онъ вступается за чужую утѣсненную народность, и какъ вдумчиво на ряду съ этимъ онагляживаетъ онъ намъ существенный характеръ газели:

Вонъ рѣетъ лилія въ водѣ, бѣлѣясь тамъ и сямъ;
Но, другъ, не думай чтобъ она вся отдалась волнамъ:
Крѣпка она на зыбкомъ днѣ корнями и стеблемъ,
И дума лишь качаетъ ей головку со цвѣткомъ.

На ряду съ пародистическою насмѣшкой своихъ комедій надъ модною тогда „роковою“ трагедіей, надъ чудовищностями и всякаго рода безвкусицей, какъ энергично отстаивалъ онъ дѣло искусства въ размашистыхъ „Парабазахъ“! Какимъ серьёзнымъ увѣтомъ звучало и звучитъ его слово противъ скороспѣлыхъ выскочекъ, щеголяющихъ внутренней разладицей и гнилью:

Для рѣчей передъ другими, надо самому созрѣть,
А кому не дастся зрѣлость, лучше ужь тому не пѣть;
Безъ гармоніи глубокой что̀ же выйдетъ за поэтъ?
Ей одной дана вѣдь сила на чарующій увѣтъ.

Красота, вотъ—тайна міра, насъ манящая все вновь!
Отними ее у жизни, съ ней исчезнетъ и любовь;
Все тогда погибнетъ разомъ, что̀ дышитъ, скорбитъ, живетъ,
И съ пѣвцомъ послѣднимъ вмѣстѣ звѣздъ угаснетъ хороводъ!

И не прямой ли это манифестъ противъ реакціонныхъ поползновеній романтики въ Церкви и въ государствѣ, когда, вспоминая Лютера и реформацію, онъ обращается къ Германцамъ съ словами:

Вы видѣли, видите тяжкій удѣлъ, постигшій упорство народовъ,
Не внявшихъ призыву подняться на Римъ и низвергнуть господство Ваала.
Хотѣлось бы имъ вольной воли теперь, но петля на шеѣ стянулась,
Власть папства и душу и умъ ихъ гнететъ. Вы жь, глядя на то истязанье,
Признательно славьте даръ предковъ благой, свершенный ихъ мужествомъ подвигъ!
Не вздумайте, братья, назадъ отступать, тоскуя по стари истлѣвшей!
Не слушайте вздоровъ, мужайтесь душой, и ноги впередъ направляйте,
Всегда правды ища, освѣжайтесь красой, гиль романтики смѣхомъ встрѣчайте.

Свобода и красота! Подъ двойнымъ этимъ созвѣздіемъ Платенъ явился образцомъ для подроставшей тогда поэтической молодежи, а вліяніе даннаго имъ примѣра строгой и ясной формы благотворно дѣйствуетъ у насъ и до сихъ поръ; Фрейлигратъ, Гейбель, Хервегъ подаютъ другъ другу руки, принося ему за то дань благодарности.

Царящее надо всѣмъ остроуміе, ироническій субъектъ, играющій и міромъ и своими собственными созданіями, то что̀ было идеаломъ юности Фридриха Шлегеля, — все это нашло себѣ живое обличіе въ Генрихѣ Гейне

(1799 —1856); и такъ-какъ оно обратилось теперь противъ романтики, то этимъ ознаменовалась пора ея саморазложенія; надъ развалинами попытокъ возстановить средневѣковье занялась уже заря новаго, свободнаго, эллински-яснаго дня. Здѣсь надо припомнить, какъ въ двадцатыхъ годахъ предержащимъ властямъ удалось воспользоваться потребностью пошловато-мирныхъ гражданъ въ отдыхѣ, въ покоѣ, какъ театральная публика проливала слезы передъ мягкосердечными роковыми трагедіями какого-нибудь Гувальда или услаждалась сахарной водицей Кла̀урена, пробавлялась вялыми статейками Дрезденской Вечерней Газеты, — надо все это припомнить, чтобы постичь дѣйствіе, какое произвели тогда „Путевые очерки“ Гейне, когда съ свѣжею отвагой своего студенческаго юмора онъ неожиданно вступилъ въ литературу, противопоставилъ поэзію природы и сердца опустѣвшему, заглохшему, истлѣвшему общественному быту, и возставая на него съ самымъ ѣдкимъ презорствомъ, развернулъ въ стихахъ и прозѣ чудную музыкальную прелесть, и граціозно-непринужденную рѣчь свою уснастилъ еще пряною приправой новофранцузской романтики. Онъ очаровалъ однихъ своею Горною идилліей, гдѣ далъ высказаться рыцарству духа въ уютной хижинѣ старика горнорабочаго передъ милою его дочкой, и въ то же время распотѣшилъ злорадство и падкость на скандалъ другихъ рьяной безоглядностью своихъ личныхъ выходокъ; онъ надѣлъ дурацкій колпакъ для того чтобы отшутиться отъ страданій закабаленнаго совсѣмъ народа, да тутъ же кстати и расшевелить его на дѣло, на какой-нибудь рѣшительный наконецъ шагъ. Такого остроумнаго писателя Германія не имѣла еще никогда, да и Европа не видала со временъ Вольтера; подобно ему, Гейне поднялъ кличъ свободы въ религіи и въ политикѣ, но онъ безъ разбора пускалъ въ ходъ все что̀ ни приходило ему на умъ, то попадая шуткою въ самое существо дѣла, то поражая читателей тѣмъ, что онъ дозволялъ ей сплошь все; онъ смѣло брался и за то, что̀ было ему подсилу, и за то, чего онъ не понималъ, слѣдуя только впечатлѣніямъ минуты, отдаваясь страсти произвесть во что бы ни стало ослѣпительный эффектъ. Онъ держался довольно плотоугодливаго пантеизма, отрадное чувство всеединой жизни противопоставлялъ дуализму тѣла и души, но онъ возстановлялъ первое или вообще вещество въ правахъ его не только тѣмъ, что доводилъ ихъ съ помощію нравственнаго идеала до высокой красоты, но равно и тѣмъ, что освобождалъ чувственность отъ всякой духовной сдержки и дѣлалъ своими музами продажныя иногда красоты. Въ Парижѣ онъ писалъ о новѣйшей нѣмецкой поэзіи и философіи съ блестящей, правда, легкостью, но зато и неосновательно, не дѣльно; самъ Докторъ Фа̀устъ выходилъ у него здѣсь „плясовою поэмой съ любопытными извѣстіями о дьяволахъ, вѣдьмахъ и стихотворномъ искусствѣ“; онъ касается величайшихъ идей, громаднѣйшихъ проблемъ человѣческаго духа, но только для того чтобъ распускать ихъ въ граціозный плясъ, дающій то красивую гармонію движенія, то сластолюбиво-суетную выставку какой-нибудь личности на показъ всему народу. Не найдешь у Гейне ни чего плоскаго, скучнаго, педантскаго, но слишкомъ много у него такихъ ракетъ и бураковъ, которые сверкнутъ на одинъ мигъ, а потомъ и погаснутъ. Онъ придумалъ выраженіе „тенденціозный медвѣдь“ для всѣхъ тѣхъ, кто простую неразвивчивость выдаетъ за твердый характеръ и отсутствіе таланта хочетъ наверстать оказа-

тельствомъ примѣрнаго образа чувствъ и мыслей; онъ насмѣялся надъ ними въ своемъ Атта Троллѣ, но собственныя его жизнь и творчество доказали вѣдь вполнѣ, что величіе художника должно опираться на величіе человѣка, если оно хочетъ достигнуть высшихъ степеней, и что не льзя создать ни одного крупнаго произведенія безупречной красоты помимо всякой нравственной сдержки и серьёзнаго прилежанія. Легкость литературнаго производства соблазняла его на легкомысліе, а крылатое остроуміе, которому всущности ни до чего не было дѣла, разрушило и для него лично все священное, всякую надежную опору въ жизни. Такъ и самъ онъ назвалъ себя (обреченнымъ гибели) отводнымъ карауломъ въ войнѣ за освобожденіе человѣчества.

Не спалъ я день и ночь, и до спанья ли было,
Какъ въ ставкѣ лагерной среди однополчанъ?
Храпѣнье громкое тотчасъ меня будило,
Едва на вѣжды мнѣ сходилъ дремы туманъ.

Почасту въ ночи тѣ брала меня и скука,
Бралъ подчасъ и страхъ — безстрашенъ лишь дуракъ; —
Ихъ свистомъ прогонять не новая вѣдь штука,
И пѣснь насмѣшки я свисталъ себѣ въ кулакъ.

„Я страдаю для блага всего человѣчества, я каюсь за его грѣхи, но тутъ же вмѣстѣ и наслаждаюсь ими“—такъ легкомысленно молвилъ онъ въ юности; но нравственный міропорядокъ не даетъ собой шутить, онъ поймалъ его на этомъ именно словѣ, и за вкушенные нѣкогда грѣхи бѣдный Гейне жестоко поплатился многолѣтними муками на одрѣ болѣзни. Но когда я стоялъ у этого одра, я не сомнѣвался въ увѣренности, что для болящаго вполнѣ уже выяснилась необходимость помощника и избавителя, Бога; — „у нашей матушки, Венеры Милосской, нѣтъ вѣдь даже и рукъ“! — говорилъ онъ тогда; не сомнѣваюсь, что онъ дѣйствительно предался волѣ божіей и душою уповалъ на то, что скорби настоящаго—только очистительный огонь для будущей лучшей жизни за гробомъ.

Его „Пѣсенникъ“ занимаетъ подлѣ лирики Гёте первое у насъ мѣсто. Онъ полный хозяинъ настроенія, основной тонъ внутренняго чувства звучитъ у него и въ ритмѣ стиха и въ каждой риѳмѣ, пѣсня будто выдохнута, гармонически вылита вся за одинъ разъ. Съ такою же увѣренностью кисти изображаетъ онъ состоянія человѣческой души и въ любомъ событіи, въ балладахъ про Лорелею, про двухъ гренадеровъ, про Господина Олафа, передавая ихъ прямо съ той умилительной искренностью, въ которой наивное простосердечіе народной пѣсни сливается въ одно съ прекрасной разработкою искусственной поэзіи. Онъ понялъ языкъ природы и сдѣлалъ его отголоскомъ своей собственной души; онъ подслушалъ тѣ ароматныя сказки, которыя втайнѣ нашептываютъ другъ другу розаны, онъ окунаетъ душу въ чашечку лиліи, да обратится запахъ ея въ пѣснь,—пѣснь боязно-сладкую, какъ первый поцалуй новобрачной; одѣтую снѣгомъ ель дѣлаетъ онъ символомъ своихъ душевныхъ грезъ и порывовъ, или выходитъ край морского берега чтобы въ шумномъ ревѣ бури внять громаднымъ аккордамъ творческой пѣс-

ни духа міра или привѣтствовать боговъ Греціи въ блѣднѣющихъ ликахъ облаковъ, прославлять въ яркомъ блескѣ вечерняго солнца на закатѣ лучи вѣчной, никогда не гаснущей любви, отраженіе мирнаго благовѣстія Христова. И даже въ этомъ гимническомъ пареніи онъ готовъ самое высокое обратить иной разъ въ гротескъ, вдругъ пробуждая себя отъ идеалистическихъ грезъ полной грубаго реализма остротою или среди сильнаго опьянѣнія видя въ стаканѣ вина весь свѣтъ, Турковъ съ Греками, Гегеля и Ганса, наконецъ, главное, образъ милой, ея ангельскую головочку на золотомъ фонѣ изъ рейнвейна! Такъ онъ первый изобрѣлъ и первый довелъ до совершенства юмористическую оду. Не менѣе геніаленъ онъ также и въ комико-сатиричной лирикѣ, и даже тамъ, гдѣ личныя его выходки доходятъ до отвратительной ругни, формальная ихъ сторона можно-сказать великолѣпна. Онъ въ правѣ называть Аристофана двоюроднымъ своимъ братцемъ, но перенося и на него данное Гёте послѣднему имя баловня грацій, мы не можемъ не пожалѣть, что у него не было серьёзнаго строя мыслей и чувствъ, не было довольно нравственнаго благородства *; свободный взглядъ, всегда готовая вспыхнуть острота, вездѣ бьющее ключемъ умственное богатство, граціозное движеніе въ легкой пляскѣ стиховъ свойственны ему наравнѣ съ греческимъ поэтомъ, и его „Зимняя сказка“ отражаетъ въ кривомъ зеркалѣ сатиры такую картину времени, которой впору потягаться съ аттическою комедіей.

Гейне пережилъ тотъ случай, что двѣ любящія души, не отыскавъ другъ друга во время, запутались потомъ въ вину и горе; „то старая ужь штука, но вѣкъ нова она, и съ кѣмъ ни приключится,—душа надломлена“. Онъ поэтизировалъ пережитое, онъ вылилъ свою скорбь въ мелодическихъ жалобахъ; но съ него недовольно было освободиться отъ нея такимъ изложеніемъ, онъ боролся съ мечтательнымъ своимъ чувствомъ, защищаясь отъ него остротой, самъ пародируя его безпощадно; онъ хотѣлъ спастись ироніей надъ самимъ собою, поднимая на смѣхъ любовную тоску и прерывая вдругъ сантиментальные изливы циническими грубостями. Что на минуту было въ своемъ правѣ, вытекая изъ особенности его дарованія, то часто, къ сожалѣнію, и у него и у многихъ его подражателей обращалось прямо ужь въ манеру чувствительно начинать, а оканчивать грязной шуткой, милѣйшее искажать гримасою и топтать въ грязь свое собственное чувство. Мало того, что прекраснодушную какую-нибудь фразу, преувеличенный идеализмъ, Гейне развертываетъ повидимому очень серьёзно для того чтобы потомъ прервать все это рѣзкимъ натуралистическимъ оборотомъ и разрѣшить въ пародію; даже и тамъ, гдѣ и самъ онъ носитъ въ душѣ стремленіе блуднаго сына къ родительскому дому, тоску изгнанника по отечеству, онъ хочетъ отшутиться отъ сердечной своей скорби и выставить вмѣстѣ съ нею на посмѣшище самого себя. Такъ въ особенности пѣсни страдной его эпохи отличаются смѣсью элегическаго элемента съ неопрятнымъ, и какая-то охота валяться въ грязи и прерывать грустный вначалѣ тонъ неждаными пикантностями какъ нарочно

* Напрасно жалѣть о несбыточномъ: исполнись желаніе автора, тогда Гейне не могъ бы вѣдь быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Прим. перев.

портитъ у него самыя потрясающія вещи площадными, дурно пахнущими выраженьями. „Пестрая ядовитая похлебка, которая отзывается кислой копустой, а пахнетъ флёръ д'оранжемъ,"—вотъ чѣмъ подчиваетъ онъ насъ; можно бы самого его назвать „звѣздой въ навозѣ", какъ онъ величаетъ разъ любовь въ своемъ „Романсеро".

Когда въ своемъ стилистически мастерскомъ произведеніи о Лудвигѣ Бёрне онъ живо изобразилъ послѣдняго и свелъ приравненіе его Лессингу на болѣе скромные размѣры, на сопостановку съ Англичаниномъ Газлитомъ и съ Французомъ Курьè, то онъ былъ тутъ гораздо правѣе, нежели допускали бёрневы поклонники. Оба были крещеные жиды и оба внесли въ нашу литературу ѣдкое жидовское остроуміе; терпя сугубый гнетъ, они тѣмъ болѣе возбуждались ко всесторонней освободительной ревности.

Бёрне (1786 — 1837) началъ какъ журналистъ и остался крѣпокъ впечатлѣніямъ минуты, требованіямъ текущаго дня, которымъ онъ отдавалъ свое рѣзкое перо, не имѣя самъ ни какой научной системы, но всегда готовый на бой и богатый мѣткими словечками. Все черпать изъ собственной жизни, подготовлять матерьялъ и расчищать просторъ для будущихъ крупнѣйшихъ художественныхъ организмовъ,—вотъ заслуга подобнаго направленія. Бёрне началъ съ театральныхъ критикъ, вездѣ выдвигая впередъ естественность, правду и политическую благонадежность; іюльская революція привела его въ Парижъ; отъ театральной сцены перешелъ онъ къ сценѣ міра и проповѣдовалъ республиканскій радикализмъ, уполномочивавшій народъ прогнать короля за то, если не приглянется хоть форма его носа; онъ старался возбудить Нѣмцевъ, позоря ихъ, забрасывая грязью, но онъ дѣлалъ это отъ многолюбящей, глубоко скорбящей души; онъ былъ страшнымъ для реакціи бухгалтеромъ всѣхъ ея низостей и нелѣпицъ; онъ былъ отрицательно-электрическимъ полюсомъ доктринèровъ реакціи, вродѣ Ярке и Шталя. Гервинусъ, сильно возстававшій на Бёрне, пока онъ былъ живъ, призналъ черезъ тридцать лѣтъ по его кончинѣ, что сколько бы ни унижали эту легкоподвижную литературу передъ серьёзными трудами германской науки въ лицѣ Гегеля и Шлейермахера, Савиньи и Гримма, все же надо будетъ согласиться, что среди великой борьбы и крупныхъ прогрессивныхъ стремленій времени безъ этихъ бойкихъ и задорныхъ застрѣльщиковъ тяжеловооруженная фаланга только поздно бы дошла до битвы, если бы когда-нибудь и дошла. Какъ при всемъ этомъ горячо билось сердце Бёрне за Германію, какъ глубоко его космополитизмъ коренился въ любви къ родному краю, это доказала его лебединая пѣснь: „Французоѣдъ Менцель", сильная выходка противъ національной ненависти, противъ гнусныхъ затѣй принести стремленья человѣчества къ свободѣ въ жертву народному чванству и самомнѣнію. Меланхолическій юморъ въ своемъ высшемъ художественномъ освященіи подаетъ здѣсь руку двумъ безцѣнно-веселымъ картинкамъ, написаннымъ Бёрне въ юности: Шуту въ Бѣломъ Лебедѣ и Нѣмецкой почтовой улиткѣ. Вольфгангъ Менцель, связанный съ Бёрне своимъ ограниченнымъ непризнаніемъ гётевскаго генія, но оказавшій пользу борьбой противъ ничтожества реставраціонной поэзіи, только въ недавнее время, будучи уже старикомъ, спасся отъ союза съ римскимъ поповствомъ тѣмъ участіемъ,

какое онъ принялъ въ политическомъ возрожденіи родного края. Любопытно знать, обрадовался ли бы этому возрожденію Бёрне въ томъ видѣ, въ какомъ оно послѣдовало? Примыкающій къ нему безоглядный радикализмъ все еще дуется забившись въ своемъ темномъ углу, или упорно продолжаетъ свои ни чѣмъ не угомонимыя натравы. Но критика — дѣло полезное, а отъ самодовольной увѣренности оборони насъ Богъ.

Подъ вліяніемъ Гейне и Бёрне выросли молодые писатели, которые, въ качествѣ бойкихъ журналистовъ, подвергали ежедневному обсужденію поэзію и науку, политику и освобожденіе плоти, распространяя мысли объ этомъ въ стихотвореніяхъ, критическихъ обзорахъ, характеристикахъ и возвѣщая наступленіе новой эпохи. Остроумный аристократъ, своеобразный искатель удовольствій, князь Пюклеръ, въ своихъ „Письмахъ покойника" изобразилъ англійское высшее общество и съ изысканной небрежностью наговорился тутъ обо всѣхъ и обо всемъ; его странствіямъ по бѣлу свѣту подражали въ меньшемъ только размѣрѣ студенчески-свѣжій Генрихъ Лаубе и вдумчивый Теодоръ Мундтъ, слѣдуя притомъ отчасти и образцу Гейне. Лаубе вытащилъ опять на свѣтъ забытаго тогда Гейнзе, и какъ Рубенсъ и Тиціанъ въ живописи старался водворить въ литературѣ чутье плоти при изображеніи колорита и тѣлосложенія женской красоты. Поэзія свободной любви снова должна была замѣнить собой пошловатую честность брака; при этомъ не обращалось, конечно, вниманія на то, что истинная любовь хочетъ не безпрестанныхъ перемѣнъ, а напротивъ—вѣчнаго и исключительнаго жизнеобщенія. Пантеизмъ Гегеля и Шлейермахера, безъ строгой мысли перваго, безъ религіознаго освященія второго, былъ разнесенъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, какъ всенародная уже теперь тайна великихъ завѣдомо умовъ. Лудольфъ Винбаргъ проповѣдовалъ съ пылкимъ энтузіазмомъ въ своихъ „Эстетическихъ походахъ" что прежде надо жизни просвѣтлиться красотой, государству и обществу сдѣлаться свободными и гармоничными, чтобы могло возникнуть новое искусство естественно свѣжимъ цвѣтомъ облагороженной дѣйствительности, возрожденнаго не на шутку гречества. Онъ посвятилъ свои лекція юной Германіи, въ противоположность старой и отжившей; а Союзный сеймъ, съ обычной своей неловкостью, сдѣлалъ изъ юной этой Германіи особую категорію, запретивъ не только прежнія сочиненія названныхъ здѣсь авторовъ, но и всѣ тѣ, какія они современемъ напишутъ. Это случилось въ то время, когда Менцель поссорился съ Гуцковомъ и обвинилъ его въ безвѣріи и безнравственности. Истое дитя Берлина, скороспѣлка, носившій и въ сердцѣ и на устахъ всѣ вопросы своего времени, полный остроты въ сужденіяхъ и охоты создавать поэтическіе облики, но все это подъ явнымъ господствомъ рефлекціи, Гуцковъ, обокъ съ своими выдающимися критическими статьями о живыхъ еще писателяхъ, вздумалъ издать письма Шлейермахера о „Луциндѣ" и предисловіе къ нимъ заключилъ чуть не атеистическимъ вздохомъ о горькой судьбѣ человѣка. Ко доктринерскимъ романамъ Луциндѣ и Леліи онъ присоединилъ свою скептически-настроенную Валли, которая выходитъ за нелюбимаго человѣка замужъ, но тѣмъ не менѣе показывается нагая своему милому, какъ Сигунь въ Титурелѣ; исповѣдь этого любовника относительно религіи и христіанства, исповѣдь въ смыслѣ Вольтера и Вольфенбютельскихъ Отрывковъ, вооружила героиню на самоубійство,—въ явное до-

казательство того, что легкомысленное отрицаніе было вовсе не по душѣ поэту и что самъ онъ писалъ изъ религіознаго рвенія въ истинѣ. Люди, тогда полицейски смѣшанные въ одну шайку, вскорѣ пошли совсѣмъ разными дорогами, и здѣсь—лирическіе поэты, а тамъ—свѣдущіе въ философіи и богословіи смѣлые мыслители продолжали борьбу за освобожденіе, тогда какъ въ политической области преимущественно Роттекъ и Велькеръ настаивали на конституціонной монархіи и на общенародныхъ правахъ. И опять многимъ германскимъ юношамъ пришлось подвергнуться изгнанію или же томиться въ тюрьмѣ за то одно, что они хотѣли добыть себѣ отечество; понадобился весь милый юморъ Фрица Рейтера для того, чтобы схватить веселую сторону и тюремной этой годины; такой самоотверженно-благородный патріотъ какъ Вейдигъ, среди мукъ инквизиціоннаго заточенія, перерѣзалъ себѣ жилы, и только уже въ сороковыхъ годахъ книга Вильгельма Шульца о его смерти дотого энергически вызвала народное къ нему чувство, что гласность судопроизводства и присяжные обратились въ настоятельное требованье.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Меттернихомъ, Цедлицъ увѣшалъ своими „Вѣнками мертвымъ" урны духовныхъ богатырей, и графъ Ауэрспергъ, подъ именемъ Анастасія Грюна, вложилъ въ уста австрійскому народу пресловутый вопросъ, обращенный къ особѣ элегантнаго министра: Смѣю ли я дозволить себѣ свободу быть свободнымъ? Отъ послѣдняго рыцаря Грюнъ обратился къ борьбѣ настоящей эпохи, отъ развалинъ прошлаго къ яркимъ картинамъ свѣтлой, мирно-прекрасной будущности, цвѣтущей весны человѣческаго рода. Въ „Прогулкахъ вѣнскаго поэта" съ восточнымъ обиліемъ блестящихъ ỏбразовъ то выводитъ онъ насъ въ вольную природу, то вводитъ опять въ общество, чтобы бросить цензору укоризненное слово, объявить войну всѣмъ тучнымъ и тощимъ попамъ и привѣтствовать въ лицѣ Весны богатыря свободы, этого веселаго мятежника, одолѣвающаго тирана Зиму, съ солнечными лучами въ рукахъ вмѣсто мечей, съ щегленкомъ и соловьемъ въ званіи литаврщиковъ. Розами обростаетъ у него самый крестъ, тогда какъ огнекровный Венгерецъ, Николай Лѐнау, скептически борется съ скорбями бытія, беретъ на свои плеча крестъ времени и изъ него хочетъ вызвать розу поэзіи. „Черношелкỏвою хоругвь твоя была, я жь поднялъ розовое знамя"—сказалъ объ немъ самъ Анастасій Грюнъ. Лѐнау — одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ элегиковъ; мысли и настроеніе слиты у него какъ не льзя тѣснѣе; сила одушевленія природы напоминаетъ миѳологическій языкъ юнаго человѣчества, когда гроза бичуетъ молніей бѣшеныхъ тучевыхъ коней, когда ликующее утро поднимаетъ золотой кубокъ — солнце, когда темное облако проходитъ по лицу неба грустнымъ помысломъ. Охотно водится онъ съ Цыганами родимой своей „пусты"; они поютъ ему дикія пѣсни, они учатъ его, какъ можно прокурить, проспать, проиграть на скрыпкѣ всю жизнь и за то презрѣть ее по крайней мѣрѣ втрое болѣе. Онъ утратилъ рай вѣры и любви, онъ тщетно искалъ внутренняго мира въ Америкѣ, онъ погибъ на противорѣчіи идеала съ дѣйствительностью, онъ сошелъ съ ума. Въ душѣ его спорили между собою Фаустъ и Донъ-Жуанъ; въ посвященныхъ имъ стихотвореніяхъ онъ выставилъ раздумчивый скептицизмъ обокъ съ неудержнымъ чувственнымъ разгуломъ, но не дошелъ ни до драматической композиціи, ни до

наглядной обрисовки характеровъ; только мѣстами невольно увлекаютъ насъ потрясающіе лирическіе изливы, которые всего значительнѣе и въ поэтическихъ его разсказахъ: Савонарола и Альбигойцы; это въ первомъ изъ нихъ —борьба глубокаго религіознаго чувства съ сластолюбивымъ міромъ языческой красоты, а въ послѣднемъ—борьба реформаторской ревности противъ поповской тираннiи. До ясности единаго въ себѣ міросозерцанія Лѐнау такъ и не дошелъ; онъ самъ это чувствовалъ и самъ пропѣлъ скорбные стихи:

Откуда въ наши дни унынья мракъ, кручина,
Недужный спѣхъ, тоска и сердца и ума?
Смерть на разсвѣтѣ, вотъ поистинѣ причина,
Что мало радостей, а нетерпѣнья тьма.
Такъ долго свѣта ждавъ,—нѣтъ, это неподсилу!—
Предъ самою зарей какъ разъ сойдти въ могилу.

Карлъ Бекъ въ своихъ „Ночахъ", Морицъ Гартманъ съ его „Чашей и Мечемъ" заняли средину между обоихъ знаменитыхъ предшественниковъ. Шарлотта Штиглицъ въ Берлинѣ добровольно принесла себя въ жертву чтобы освободить мужа отъ лишнихъ заботъ, вполнѣ предоставить его поэтическимъ лаврамъ, которыхъ онъ добивался въ своихъ „Картинахъ Востока" и въ Привѣтахъ съ германскихъ горъ (Bergesgrüsse). Полный мѣры и сдержанной силы выступилъ въ сѣверной Германіи Юлій Мозенъ; общую извѣстность пріобрѣли ему пѣсни Поляковъ; его философское глубокомысліе дало себѣ полный ходъ въ смѣлыхъ видѣніяхъ Рыцаря Вана (то-есть мечты), Агасвера; его „Картины въ Мхахъ" дышатъ свѣжимъ лѣснымъ ароматомъ; вотъ исповѣдь поэта въ самые тяжелые его дни:

Ты къ ордену пѣвцовъ германскихъ приписался,—
Такъ не ищи наградъ, ни лавровыхъ вѣнковъ!
Нашъ край родной самъ нищенкой остался,
Ты, сынъ его, узнай, почетъ отцу каковъ!
Меча ты хочешь, хочешь ранъ глубокихъ?—
На службѣ ихъ найдешь безъ поисковъ далекихъ,—
Смѣлѣе лишь впередъ!
Свобода не даритъ цѣпями золотыми,
Отечество не дастъ ни дома, ни двора,—
На голой спи землѣ съ заботами своими,
Подъ кровомъ божьяго небеснаго шатра!
Закинь подъ голову себѣ подушкой руки,
И бури пусть тебя во снѣ покоятъ звуки,
Но звуки гордые и силою полны!

Философское образованіе выработало боевыя, броскія словца для политическихъ требованій, и молодой восторженный поэтъ, Георгъ Хервегъ, въ своихъ „Стихотвореніяхъ живой души" (Gedichte eines Lebendigen), согрѣтыхъ пламенной жаждой дѣла, разнесъ эти словца въ народѣ съ риторическимъ паѳосомъ и звучнымъ вообще стихомъ; какъ Беранжѐ, онъ охотно повторяетъ извѣстные образы и мысли въ бойкомъ завершительномъ припѣвѣ. Тѣмъ же путемъ шелъ Робертъ Прутцъ, а „Космополитскій ночной сторожъ" Дингельштедта, „Неполитическія пѣсни" Гоффмана фонъ-Фаллерслебенъ обрати-

лись къ шутливой, остроумной сатирѣ, у перваго съ бо̀льшимъ блескомъ, а у второго съ задушевностью; тогда Хервегъ также сталъ дѣльнѣе, конкретнѣе и въ свою очередь примкнулъ къ веселымъ поэтическимъ пріемамъ. Въ то время какъ эти стихотворцы требовали простора для вольнаго полета души, стремленіе творческой фантазіи и неудержной жизненной силы увлекло Фрейлиграта въ раздолье аравійскихъ степей, въ первобытный лѣсъ Америки, на берегъ бушующаго моря; въ яркихъ краскахъ, въ искусствѣ владѣть словомъ соперничалъ онъ съ Викторомъ Гюго̀, новыя странно-звучащія риѳмы какъ-разъ подходили къ чужеземнымъ его о̀бразамъ, но и простыя, искренныя душевныя настроенія поэтъ умѣлъ высказывать ясно, коротко и мило. Когда онъ потомъ перешелъ на родную почву и вступилъ въ борьбу времени, то и тутъ держался предметнаго, нагляднаго, и сколь ни дико, ни рѣзко звучала пѣснь его среди революціонной грозы, онъ и въ изгнаніи остался вѣренъ союзу свободы съ изяществомъ, а по возвратѣ домой ему посчастливилось принесть въ даръ возрожденному отечеству собраніе своихъ стихотвореній вмѣстѣ съ мастерскими переводами и занять въ великую эту годину первое мѣсто среди поэтовъ Германіи. Тутъ подаетъ ему руку Эмануилъ Гейбель, который подъ заглавіемъ „Кличи глашатая" собралъ вмѣстѣ стихотворенія, которыми онъ сопровождаетъ современную исторію, съ благочестивымъ патріотическимъ духомъ уповая и требуя возстановленія германскаго императорства, единства и свободы народа, а потомъ славя съ пареніемъ псалмопѣвца, въ хоральномъ тонѣ, то благо, которое намъ наконецъ далось. Консервативный, вездѣ видящій добро, всегда указывающій на цѣль развитія духъ его стоялъ обокъ съ революціоннымъ пыломъ его сверстниковъ, и только когда оба направленія, взаимно дополняя другъ друга, стали дѣйствовать заодно, и твердая власть сомкнулась съ стремленіемъ къ свободѣ, въ дѣйствительности какъ и въ поэзіи могло совершиться что-нибудь крупное. Гейбель сперва началъ женственно нѣжно и кротко, какъ миннезенгеръ; искренность чувства, соотвѣтственные ему оглаживающіе образы, пѣвучесть и риторичность языка дѣйствовали у него собща, гармонически и стройно. Но онъ не остановился на этомъ, а перешелъ къ исторической лирикѣ, и далъ внутренней жизни великихъ людей прошлаго благородное выраженіе, тогда какъ Германнъ Линггъ глубоко и размашисто изображаетъ задушевное содержаніе цѣлыхъ эпохъ, настроеніе міровыхъ періодовъ и народовъ то болѣе въ видѣ пѣсенъ, то въ грандіозныхъ картинахъ великаго переселенія. Картины эти надо вылущить изъ риѳмованной прозы, въ которую онъ ихъ облекалъ по мѣрѣ возникновенія той или другой въ душѣ его, имѣя въ виду большой замкнутый въ себѣ эпосъ; но то, что̀ мимовольно выхо̀дитъ у него по вдохновенію, гораздо значительнѣй того, что̀ онъ дѣлаетъ съ художническимъ сознаніемъ *. Гейбель обратился также и къ лирикѣ мысли, возвѣщая свободную религіозность въ неутолимой жаждѣ философа, или высказывая въ полносодержательныхъ

* Не льзя не пожалѣть о поэтѣ, на котораго такъ вредно дѣйствуетъ художническое сознаніе! Мы думаемъ, что съ этимъ сознаніемъ обстоитъ у него не совсѣмъ благополучно. Прим. перев.

изреченьяхъ опыты своего поэтическаго стремленія. Съ самаго начала отличительнымъ даромъ его была мѣра; превзойденный сверстниками въ выраженіи противоположностей и въ разныхъ другихъ направленьяхъ, онъ отличается передъ ними равновѣсіемъ въ изящной серединѣ. Вдумчивый Робертъ Рейнике пѣлъ свои „Пѣсни живописца“, не нарадуясь красой божіей земли, а Эдуардъ Мёрике отражаетъ міръ въ спокойномъ зеркалѣ собственной души своей; мелодіи сердца безъ фразы звучатъ у него во всей чистотѣ, и онъ восхищаетъ васъ плутовскою граціей милѣйшаго, потомучто дышащаго любовью юмора, близкій въ этомъ къ живописцу Швинду, такъ же какъ подобно ему и онъ изъ романтики проросъ въ почву настоящаго, въ эпоху общечеловѣческаго образованья. Боденштедтъ создалъ себѣ въ Мирзѣ Шаффи́ носителя колкихъ остротъ при ясномъ вполнѣ добродушіи, лирическаго выразителя духа, столько же радующагося міромъ сколько и свободнаго отъ его узъ, передатчика нѣмецкой вдумчивости въ игрѣ пестрыхъ звуковыхъ формъ Востока.

Зимрокъ, успѣшно завершивъ романтическія стремленія своими переводами средневѣковыхъ стихотворцевъ, пріобрѣлъ себѣ пальму въ поэтическомъ разсказѣ свѣжею обработкой былины про Кузнеца Виланда; къ нему присоединился Кинкель съ своимъ „Стрѣлкомъ Оттономъ“ и съ „Антверпенскимъ кузнецомъ“. Редвицъ придалъ своей „Амарантѣ“ черезчуръ ужь средневѣковой набожническій тонъ, но впослѣдствіи возвысился до болѣе полносильныхъ звуковъ, когда вывелъ одного изъ мучениковъ нѣмецкаго буршеншафта пѣвцомъ новой Германской имперіи и славнаго ея основанія. Шеренбергъ въ своихъ Ватерло и Лейтенѣ съумѣлъ энергически и солдатски грубовато изобразить новѣйшія битвы съ ихъ дѣйствіемъ большими массами. Рейнскій пѣвецъ, Вельфгангъ Мюллеръ, кромѣ многихъ свѣжихъ пѣсенъ, далъ въ своей „Прогулкѣ по Рейну“ общую картину мѣстной природы, исторіи и искусства, подражая, конечно, байронову Чайльдъ-Гарольду, но съ бодрымъ и свѣтлымъ воззрѣніемъ на жизнь, съ здоровымъ содержаніемъ и отрадною вообще формой. Сильное, но болящее при этомъ сердце бьется въ стихотвореніяхъ Анетты фонъ-Дросте; она великая мастерица на подробности и индивидуализовку, и хорошо умѣетъ слить ужасъ съ ироніей; неповадность переходной эпохи, неудовлетворенная въ своихъ завѣтныхъ стремленіяхъ душа сказываются впрочемъ и здѣсь.

Швейцарецъ Цшокке въ своихъ прозаическихъ разсказахъ явно имѣлъ въ виду религіозно-нравственное образованіе народа; рядомъ съ его „Часами благочестивыхъ помысловъ“, его „Деревня золотодѣловъ“ и „Аламонтада“, его популярныя историческія книги дѣйствовали на умъ и сердце согрѣвая и просвѣщая. Шпиндлеръ, Рефусъ, Вилибальдъ Алексисъ, Генр. Кёнигъ пересадили занятый у Вальтеръ Скотта историческій романъ на нѣмецкую почву. Въ противоположность салонной новеллистикѣ Штернберга и графини Иды Ханъ-Ханъ, Бертхольдъ Ауэрбахъ и Мельхіоръ Мейръ, а также Швейцарцы Келлеръ и Іеремія Готтхельфъ, ознаменовали рѣшительный поворотъ къ реализму „деревенскими разсказами“, которые съ здоровой естественной свѣжестью изображаютъ туземную крестьянскую жизнь. Послѣдній отличается передъ всѣми другими непосредственною передачей живой

правды и нравственною силою, и поистинѣ удивителенъ въ своихъ идеально-прекрасныхъ женскихъ обликахъ, которые онъ такъ просто и естественно вноситъ въ суровую, иногда грубую даже обстановку, что, не смотря на прозаичность и консервативную тенденцію многихъ своихъ сочиненій, обнаруживаетъ въ себѣ этимъ настоящаго поэта. У его сверстниковъ художническій смыслъ создаетъ хорошо-округленныя повѣсти, разъигрывающіяся въ крестьянствѣ; трагическая страсть и веселое раздолье чередуются здѣсь въ привлекательныхъ ѣбразахъ. Вслѣдъ за ними явились мѣстные поэты чуть не въ каждомъ околоткѣ; всѣхъ извѣстнѣе стали Германъ Шмидтъ для баварскаго нагорья и Компертъ, въ Вѣнѣ, съ своими мастерскими разсказами изъ жидовской части города; въ изображеніи побыта Евреевъ не уступаетъ имъ берлинскій поэтъ Бернштейнъ, извѣстный журналистъ и естествовѣдъ. Сильсфильдъ (Постель) перенесъ, напротивъ, читателей за̀ море, въ сѣверную Америку, въ Мексику, чтобы оживить передъ ними край и людей въ рѣзко обрисованныхъ и ярко-оцвѣченныхъ картинахъ; онъ держится середины между путеописаніемъ и романомъ, но создаетъ облики и сцены, которыхъ не забудешь никогда, которые стоятъ передъ нами какъ рапсодіи новѣйшаго эпоса, а міросозерцаніе его широко и глубоко. Жизнь души въ затишьѣ природы тонко обрисовалъ своимъ серебрянымъ карандашомъ Адальбертъ Штифтеръ.

Драма развернулась въ чрезвычайномъ обиліи противоположностей: здѣсь, подъ вліяніемъ Шѐкспира, видимъ стремленіе къ энергической характеристикѣ, но также и явную наклонность къ пестротѣ, къ рѣзкой яркости, къ ужасному; тамъ, подъ наитіемъ Шиллера, — услажденіе гармоніей, равномѣрностію въ искусствѣ, но вмѣстѣ и пустоцвѣтный идеализмъ, болѣзненную чувствительность, декламаторскую фразу. Далѣе видимъ драмы для чтенія, безо всякаго вниманія къ потребностямъ сцены, или же сценическую технику безъ всякаго поэтическаго величія и освященья, а потомъ и справедливое желаніе авторовъ добиться представленія своимъ піэсамъ и успѣшное съ ихъ стороны стараніе угодить вкусамъ театральной публики. Историческій смыслъ требуетъ историческихъ сюжетовъ, теорія готова превозносить ихъ, но она при этомъ слишкомъ часто забываетъ, что насъ трогаетъ только общечеловѣческое, вѣчная исторія сердца, что историческій элементъ въ правѣ служить ей только одеждою, что собственно анекдотная сторона дѣла, костюмъ времени отдаленныхъ отъ насъ народовъ скорѣе мѣшаютъ сценическому дѣйствію, развлекая насъ своей странностью, такъ-какъ мы хотимъ тутъ вовсе не учиться, а наслаждаться, ищемъ не науки, а потрясенія и возвышенія души.—Сила безъ надлежащей мѣры, демоническіе порывы безъ владѣющей собою ясности, оттого, при нѣкоторыхъ превосходныхъ или потрясающихъ чертахъ, путаница или разноголосица въ цѣломъ, въ жизни точно такъ же какъ и въ художествѣ, — вотъ что было удѣломъ Граббе, его виною и судьбой, а потому Фрейлигратъ въ правѣ былъ сказать что для этого пылкаго ума пламя поэзіи обратилось въ проклятіе, печать генія въ позорное клеймо. Пристрастіе Виктора Гюго̀ къ отвратительно ужасному являлось тутъ непримиреннымъ обокъ съ сочувствіемъ ко всему исторически-великому и къ высокому благородству души; объ немъ можно сказать

его же собственными словами, что онъ стоитъ ногами въ вонючей грязи, а въ головѣ ютитъ орловъ парящихъ.

Сценою, особенно въ Берлинѣ, овладѣла ловкая на руку посредственность какихъ-нибудь Раупаха и Шарлотты Бирхфейферъ, все равно проявлялась ли она въ гогенштауфенскихъ трагедіяхъ, или въ трогательныхъ мѣщанскихъ піэсахъ. Выше стоялъ Гальмъ въ Вѣнѣ, соблюдавшій добытое французскимъ стилемъ единство замкнутой въ себѣ художественной формы; послѣ слишкомъ ужь мягковатыхъ тоновъ въ „Сынѣ пустыни", онъ, идя по стопамъ Шиллера, энергически создалъ въ „Равеннскомъ гладіаторѣ" такое произведеніе, которое можно признать за національный подвигъ. Бауэрнфельдъ блисталъ въ такъ-называемыхъ разговорныхъ піэсахъ, выводившихъ на сцену современное намъ общество. Бёйерле въ Вѣнѣ и Мальсъ во Франкфуртѣ создали для народной комедіи фигуры Стаберля, Гампельмана, забавно отражающія въ себѣ мелкое мѣщанство, тогда какъ Раймундъ пересадилъ фантастическую романтику волшебной сказки и комедіи въ трогательно-комическое изображеніе дѣйствительности и заставилъ ихъ съ милымъ юморомъ переливаться одна въ другую, для того чтобы какъ можно пріятнѣе вывести на сцену счастіе простого добродушія и благодать работы. Его „Король Альповъ", его „Мотъ"—народныя піэсы въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и притомъ піэсы сценическія, расчитанныя на представленье; Гёдеке справедливо ровняетъ ихъ съ грилльпарцеровыми и къ этому замѣчаетъ: „Вотъ два совершенные въ своемъ родѣ поэта; такой парочки Германія не видала послѣ ни одной."

Смѣлыя, могучія попытки дѣлалъ Хеббель, величаво заложенная поэтическая натура; онъ прошелъ школу гегелевской діалектитики и, наведенный ею на нравственныя проблемы, предпочтительно искалъ ихъ въ сферѣ половой жизни и супружества, но своимъ сознательнымъ отвращеніемъ отъ всего обычнаго и похожаго на фразу онъ былъ увлеченъ въ абнормное и перехитренное, будучи больше богатъ мыслями нежели мелодичностью, больше эпиграмматиченъ нежели лириченъ, болѣе страненъ нежели гармониченъ, но при этомъ ядренъ и могучъ въ пластикѣ характеровъ и выраженія, все равно рисуетъ онъ намъ столяра Антона въ мѣщанской обстановкѣ или Брунгильду сѣвернаго миѳа среди окружающихъ ее витязей. И Хеббель страждетъ въ свою очередь отъ того, что новое образованіе, утративъ наивную вѣру, прочную нѣкогда сдержку религіознаго преданія, не нашло еще вполнѣ довлѣющаго себѣ міросозерцанія въ духѣ, а не въ буквѣ христіанства, въ ясно сознанныхъ нравственныхъ началахъ; какъ начала эти мирятся съ механизмомъ природы и какъ могутъ одерживать надъ нимъ верхъ, стало теперь сомнительнымъ; такимъ образомъ нѣтъ того примиренія, какое поэтъ долженъ нести въ собственной душѣ, если хочетъ достичь его въ художественномъ созданіи, нѣтъ той волшебно-принудительной власти надъ сердцами народа, которая принадлежитъ не проблематичному, а вѣчноистинному, полносильному вездѣ и всегда. Что Шиллеръ твердо стоялъ на этомъ, вотъ чѣмъ обусловлено его величіе; новѣйшіе готовы смотрѣть на него свысока и любоваться психологическимъ реализмомъ Шекспира, но не замѣчаютъ при этомъ, что, при всей своей необычайности, произведенія послѣдняго всегда удовлетворяютъ со-

вѣсти человѣчества и нравственному міропорядку. Хеббель говоритъ: „О міръ, развѣ ты не пустой пузырь, вздутый ничтожествомъ, когда оно впервые дрогнуло, затрясясь отъ стужи?.. Меня беретъ ужасъ: я точно будто червь въ тлѣющемъ, гніющемъ тѣлѣ!" Какъ можетъ человѣчеству быть хорошо при такомъ искусствѣ, когда самъ художникъ то включаетъ и самого себя въ презираемый имъ міръ, то, обоготворяя свою личность, проклинаетъ его за то что онъ не соотвѣтствуетъ его идеалу, хотя этотъ идеалъ, задаваясь во что бы ни стало своеобразностью, выходитъ подчасъ только странною каррикатурой! „Не хорошо когда какой-нибудь народъ существуетъ исключительно одной литературой;"—это изреченіе богослова Гундесхагена въ книгѣ о нѣмецкомъ протестантизмѣ оказывается справедливымъ и тутъ.

Лàубе и Гуцковъ обратились къ сценѣ съ свойственной имъ даровитостью и съ явнымъ стремленіемъ производить театральный эффектъ, интересовать, занимать, озадачивать; Лàубе держался больше французской техники, Гуцковъ оставался болѣе вѣренъ нѣмецкой; но и онъ страдаетъ отъ тѣхъ сумерекъ, въ которыхъ нѣтъ ясной рѣшительности нравственныхъ мотивовъ и нравственнаго сужденія, и у него встрѣчаемъ софистику разсудка и страсти въ колеблющихся туда и сюда характерахъ, не твердыхъ собственно ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Лучшею изъ его драмъ можно назвать удачный починъ исторической комедіи въ піэсѣ „Косица и мечъ." Въ романѣ Шпильгагена насъ могутъ привлекать „загадочныя натуры", но передъ сценой мы требуемъ опредѣленнаго ощущенія, и всѣ тѣ новѣйшіе писатели, которые хотятъ стать выше идеи вины и возмездія, выше нравственнаго міропорядка, очевиднаго въ общепонятной всѣмъ поэтической справедливости, которые хотятъ умничаньемъ отдѣлаться отъ „категорическаго императива" (изначальной нормы нравственнаго), — всѣ такіе писатели должны наконецъ умудриться на свой собственный счетъ. Гейбелева Брунгильда, Маккавеи Оттона Лудвига, Агнеса Бернауская Мельхіора Мейра, не только хватаютъ зà сердце, но вмѣстѣ дѣйствуютъ возвышающимъ и примиряющимъ душу образомъ, потомучто авторы ихъ поняли что̀ такое судьба; а въ формѣ они примыкаютъ къ нѣмецкому стилю, отыскавшему середину между Шекспиромъ и французскими классиками. Этимъ стилемъ хорошо владѣютъ также Фрейтагъ и Гейзе, первый — въ образцовой комедіи, изображающей журналистовъ, а послѣдній какъ въ высокосвѣтской драмѣ, такъ равно и въ мѣщанской. Готтшалль обязанъ своими успѣхами критическому дознанію, что Шиллеръ — достойный подражанія поэтъ, что на проложенномъ имъ поприщѣ ростутъ свѣжіе еще лавры, не только для драмы, но и для полной мысли размашистой лирики.

Беллетристическое движеніе находило себѣ то отголосокъ, то новое подспорье въ научномъ. Когда Гегель напиралъ на разумность дѣйствительнаго, то въ этомъ находили оправданіе существующаго порядка вещей; Дàубъ и Маргейнеке, вслѣдъ его истолкованія св. Троицы, заключили союзъ съ ученіями церкви, и гордо смотрѣли тогда на запоздалыхъ послѣдователей кантовской школы, которые все еще не хотѣли усомниться въ своихъ сомнѣніяхъ. Тогда штрàусова „Жизнь Іисуса" разомъ порушила этотъ неблагонадежный миръ.... Вслѣдъ за тѣмъ онъ написалъ свою „Догматику", въ которой показалъ образованіе церковныхъ ученій и нападки, какимъ подвергались

они въ теченіе вѣковъ со стороны критики.... Гансъ, Розенкранцъ, Фишеръ уже начали тогда со вкусомъ разъяснять идеи Гегеля и вводить ихъ въ современные литературные журналы; теперь Руге и Эхтермейеръ сдѣлали „Галльскія Лѣтописи“ органомъ прогрессивнаго движенія поставивъ идею развитія во главѣ гегелевской системы и придавъ всѣмъ свободнымъ элементамъ небывалый прежде ходъ. Государство, по ихъ мнѣнію, должно было непремѣнно сдѣлаться конституціоннымъ, народъ долженъ требовать конституціи, какъ своего неотъемлемаго права. Цензура и полиція отважились-было еще разъ на борьбу; но весною 1848-го года выполнены были всѣ требованія, формулированныя верховодами общественнаго мнѣнія: народное представительство, свобода печати, гласное судопроизводство, суды присяжныхъ, право сходокъ для цѣлей общественнаго блага.

Въ области богословія Ф. Бàуръ и основанная имъ тюбингенская школа всесторонне изслѣдовали христіанскую древность и приложили историческую критику къ возведенію этой отросли науки на новыхъ совсѣмъ основаніяхъ, тогда какъ Лудвигъ Фёйербахъ хотѣлъ рѣшить главную загадку богословія тѣмъ что просто переименовалъ его въ антропологію: самъ человѣкъ, говорилъ онъ, возвеличиваетъ свое собственное существо до безконечности и противопоставляетъ его себѣ потомъ, какъ Бога, для удовлетворенія своихъ сердечныхъ желаній. На мѣсто всеобщаго понятія и его мнимаго саморазвитія Фейербахъ остроумно и до крайности смѣло поставилъ человѣческую субъективность во всей естественной ея свѣжести, поставилъ чувственную подмѣту дѣйствительнаго бытія на мѣсто отвлеченныхъ схемъ мысли. Въ Берлинѣ вошло тогда въ моду такъ-называемое преодолѣніе всѣхъ какихъ-бы то ни было точекъ зрѣнія: самъ Штраусъ, съ его миѳороднымъ сознаніемъ ранней христіанской общины, казался уже мистикомъ какому-нибудь Бруно Бауэру, считавшему евангелія просто за писательскія произведенія, за плодъ преднамѣреннаго вымысла; Фейербахъ, можно-сказать пламенѣвшій къ человѣчеству и его благу, представлялся мечтателемъ Максу Штирнеру, который въ своей книгѣ „Одиночка и его собственность“ провозгласилъ верховнымъ началомъ голый эгоизмъ чувственнаго бытія. Мертвецы мчались скоро. Карлъ Марксъ, ставшій послѣ главою „интернаціоналки“, написалъ критику критической критики противъ всего семейства шарлоттенбургскихъ Бауэровъ, изъ которыхъ старшій, Бруно, видѣлъ потомъ въ родной Германіи одинъ только удобрительный наземъ для міровой русской державы и перешелъ со всѣми своими въ реакціонную обитель Крестовыхъ газетчиковъ. Можетъ-быть теперь они уже стоятъ съ нами и за имперію подъ знаменемъ свободы духа!

О Фёйербахѣ, чьи слова такъ часто повторялись безъ провѣрки, я писалъ еще въ 1847 году въ книгѣ „Философское міросозерцаніе реформаціонной эпохи“: „Мы согласимся съ тѣмъ, кто скажетъ: Станьте ночью подъ открытымъ небомъ и подымите вверхъ голову, вы сперва почувствуете свѣтовыя возбужденія въ глазу, которыя энергіями вашихъ чувствъ превратятся въ ваши ощущенія, а послѣднія какъ бы ваша же собственная дѣятельность ставитъ внѣ себя, внѣ васъ. Но если бы вы потомъ дальше не замѣтили, что опытъ прочихъ вашихъ чувствъ и мыслящее соображеніе научаютъ васъ

различать субъективныя свѣтоявленія отъ объективныхъ наблюденій, и стали бы, напротивъ, утверждать, что дѣйствительно вы же своимъ зрѣніемъ внѣдряете въ пустое совсѣмъ небо эти созвѣздія, то мы сослались бы на астрономію, которая отыскала общій законъ для движеній, совершающихся и въ небѣ и съ самой Землею. Если же вы бы потомъ возразили: Да и разумъ вѣдь въ насъ самихъ, и именно то обстоятельство, что Кеплеръ и Ньютонъ усмотрѣли въ такъ-называемомъ звѣздномъ небѣ гармонію съ нашимъ познаніемъ, это самое и доказываетъ что астрономія есть только патологія, болѣзнесловіе человѣческаго глаза, который свои собственныя явленія принимаетъ за реальности, какъ вѣрующіе своихъ боговъ, — вы поступили бы тогда ни дать ни взять какъ Фейербахъ, съ тою разницей что ему пришлось бы еще сверхъ-того объяснить намъ, какимъ образомъ такія простыя вещи какъ ѣда, питье, омовеніе, сознанію вздумалось выразить въ диковинныхъ формахъ Причастія, Крещенія и одѣть свои представленія въ столь загадочную историческую оболочку". Между тѣмъ путь Фейербаха былъ однимъ изъ двухъ неизбѣжныхъ путей для выхода изъ гегелевскаго міра чисто-логическихъ понятій. Благодаря этому постепенно выяснилось для всѣхъ, что мысли сами по себѣ вовсе не реальности, но что онѣ необходимо предполагаютъ мыслящій духъ. Будь Богъ не самосознательнымъ существомъ, Фейербахъ имѣлъ бы тогда право сказать, что Онъ только помыслъ человѣка, не болѣе; но онъ возвелъ человѣческую субъективность въ абсолютъ, низведши ее въ то же время, какъ чувственное только существо, до скотской животности. Другимъ путемъ выхода изъ міра отвлеченныхъ понятій было дознаніе, что самый абсолютъ должно постичь какъ разумъ и волю, какъ самочувствующее и самосознательное существо, признать царство вѣчныхъ истинъ за міръ его идей, — природу и исторію за творческое его откровеніе, усмотрѣть конечный духъ возникающимъ и сущимъ только въ безконечномъ. Вотъ почему, въ своей вышеприведенной книгѣ задачею современности выставилъ я преодолѣніе (односторонностей) пантеизма и деизма, съ сохраненіемъ однакожь ихъ истины, и старался содѣйствовать рѣшенію этой задачи въ эстетикѣ, въ философіи религіи и исторіи. Тою же дорогой шли Вейсе, Фихте-сынъ, І. У. Виртъ и Зенглеръ. Они также хотятъ поддержать религіозныя влеченія души и затребы нравственности; самоподвижный ходъ всего личнаго духа, а не саморазвивчаго только понятія (какъ у Гегеля), идетъ сквозь всѣ логическія мыслеопредѣленія, и живыя въ немъ самомъ или оживляемыя имъ силы развертываются въ предѣлахъ всеобщихъ законовъ и наполняютъ формы ихъ обильнымъ содержаніемъ, котораго отнюдь не льзя вывесть логически и которое познается только опытнымъ путемъ. Свобода и нравственность не возможны ни въ логическомъ процессѣ, ни въ механизмѣ естественномъ, потомучто въ обоихъ царитъ чистая необходимость; а она даетъ лишь основаніе, неизбѣжныя условія для зиждущагося надъ нею идеальнаго міра. Обокъ съ сочиненіями Штрауса Вейсе выставилъ свою Жизнь Іисуса и Умозрительную догматику; онъ призналъ въ нихъ права отрицательной критики на устраненіе прежнихъ представленій, но зато и отстаивалъ истину ихъ содержанія, отстаивалъ личность божескаго духа и его примиреніе съ сущимъ въ немъ самомъ, только грѣховно отчуждившимся ему духомъ человѣческимъ, отстаивалъ возрожденіе конечнаго духа лю-

бовью въ безконечномъ. Съ меньшею увагой къ богословскому преданію и съ большею къ развитію естественныхъ наукъ написалъ Фихте-сынъ свою Этику, свою Антропологію, и основалъ имъ нравственный теизмъ. Идеально-реальный путь былъ лозунгомъ Вирта, который, подобно Фихте, признавалъ монады Лейбница, какъ вѣчныя основоположенія, коренящіяся въ существѣ абсолюта и порождающія міръ явленій въ своемъ развитіи; Богъ присущъ этому міру, но онъ въ то же время блаженно и самосознательно живъ въ самомъ себѣ. Ульрици выставилъ мыслепеобходимость формальнымъ началомъ философіи, которая опирается у него на выводы естествовѣдныхъ и историческихъ разысканій и дополняется идеями, рѣшительно необходимыми для ея объясненія. Въ обширныхъ сочиненіяхъ разсмотрѣлъ онъ въ этой общей связи Бога и природу, Бога и человѣка и старался опредѣлить съ научной строгостью, что̀ должно считать за вѣрно-дознанную истину, что̀ за гипотезу и что̀ за требованіе разума. Тренделенбургъ въ движеніи видѣлъ общую сторону бытія и мысли; цѣль осуществляетъ идеальное въ реальномъ; изъ міропознанія (путемъ косвеннаго вывода) заключаемъ мы о безусловномъ. Лацарусъ и Штейнталь самостоятельно разработали гербартово ученіе и, опираясь на внимательное разсмотрѣніе единичной души, обосновали въ своей народной психологіи изслѣдованіе общечеловѣческаго духа. Лотце исходитъ отъ того начала, что добро и блага существуютъ только для духо̀въ, что они и царящій въ нихъ Богъ собственно только и дѣйствительны; изъ внутреннихъ состояній или побытовъ нематеріальныхъ существъ происходитъ явленіе вещественнаго міра; механизмъ природы — основа и условіе жизни нравственной. Эстетическія изслѣдованія Цейзинга нашли въ такъназываемомъ „золотомъ подѣлѣ" пропорціональный законъ всего творенія, а въ изящномъ — вѣрную поруку за изначальное единство духа съ природой; присное само себѣ единство раскрывается въ обиліи безконечнаго, бытіе есть вѣчное самодвиженье. На ряду со всѣмъ этимъ, сгизнова поднялъ свое знамя матерьялизмъ и принялся повторять зады французской системы природы Но что безъ цѣлесообразно дѣйствующей силы, безъ идеальной мощи, стоящей далеко выше несознающаго ее единичнаго, невозможно объяснить себѣ міръ, что это несознаемое царитъ какъ во всемъ развитіи, такъ и въ инстинктѣ животныхъ, какъ въ образованіи языковъ, такъ и въ художественныхъ произведеніяхъ человѣческихъ, что для уразумѣнья міра не достаточно ни слѣпой воли, ни чистой мысли, что Гегеля и Шопенгауэра необходимо совокупить въ одно, — это остроумно показалъ Э. Гартманнъ; только несознаваемое для насъ онъ оставилъ безсознательнымъ и само въ себѣ, хотя впрочемъ назвалъ его ясновидящимъ *. Только тогда, когда абсолютное есть вмѣстѣ бездна естественной силы и всеуряжающій разумъ, вмѣстѣ (творческая) фантазія и (зиждущая) воля, когда оно однимъ словомъ — самость, только тогда вполнѣ завершается его понятіе и становится достаточнымъ для объясненія дѣйствительнаго міра.

---

* Вся система Гартманна держится на несшутительномъ по-нѣмецки грамматическомъ смѣшеніи несознаваемаго съ безсознательнымъ: подъ словомъ das Unbewusste можно одинаково разумѣть и то и другое. Прим. перев.

Исторія и реализмъ въ изобразительномъ искусствѣ.

Силою изобрѣтательности и внутренняго чувства достигли въ романтическую эпоху пальмы первенства Германцы Корнеліусъ, Овербекъ, Швиндъ; теперь ясностію замысла и вѣрною передачей дѣйствительности въ природѣ и въ исторіи надлежало удовлетворить реалистической тягѣ времени, и тутъ Французы рѣшительно пошли впереди всѣхъ. Смѣло идутъ они прямо къ дѣлу, заручившись преданіемъ доброй техники, и стараются объ одномъ — произвесть разительное первое впечатлѣнье; они достигли этого благодаря тому, что тономъ воздуха и освѣщенія, соотвѣтственнымъ сюжету и мысли, ясно выражаютъ настроенье цѣлаго; но тогда какъ въ нѣмецкія и англійскія картины часто приходится напередъ вглядѣться, и зато чѣмъ далѣе тѣмъ больше найдешь въ нихъ вдумчиваго и отраднаго, во французскихъ при повторительномъ обзорѣ слишкомъ часто замѣчаешь подъ блестящею игрою красокъ слабоватую, мелкоплавающую мысль. Французы первые въ новѣйшее время обратили вниманіе на тѣсную связь искусства съ промышленностью, и послѣдняя въ ихъ рукахъ захватила оттого всемірный рынокъ, одерживала побѣды на всѣхъ большихъ выставкахъ, а это побудило Англію и Германію прочностью и стилемъ своихъ издѣлій соперничать съ легкимъ изяществомъ и многоподвижнымъ вкусомъ романскихъ сосѣдей.

Противъ академическаго направленія Давида первый возсталъ Жерико̀ (Géricault) и проложилъ дебело-здоровому чувству жизни новый путь, на которомъ геніальный Евгеній Делакруа̀, во многомъ близкій къ Виктору Гюго̀, но гораздо крупнѣйшій его художникъ, умѣлъ проявить внутреннюю страсть въ стремительныхъ движеніяхъ и крайне выразительныхъ фигурахъ. И онъ не пренебрегъ приправы отвратительнымъ для подвышенія изящнаго, но точно такъ же на ужасное какъ и на милое онъ пролилъ такую дивную прелесть колорита, что послѣдній выходитъ у него идеально-просвѣтляющею художественною стихіей, все равно пишетъ онъ Данта въ Аду среди гнѣвонеистовыхъ или наказаніе святотатца Иліодора, Медею или Алжирянокъ, развертываетъ онъ передъ нами велелѣпіе Олимпа какъ въ луврской залѣ Аполлона или рисуетъ Свободу на іюльскихъ баррикадахъ въ видѣ напрягшей силы, окровавленной женщины, въ красной шапкѣ, какъ воспѣлъ ее Барбьѐ. Показать дрожаніе колоритныхъ тоновъ въ жаркомъ свѣтѣ Востока, темныя фигуры истыхъ Турковъ передъ бѣлесоватою стѣной, развернуть ясное какъ скло небо, было блистательнымъ дѣломъ Дека̀мпа (Descamp), до котораго не доходитъ Діазъ съ своей кокетливою свѣтотѣнью. По̀ль Деларошъ явился мастеромъ историческаго жанра, имѣя предпочтительно въ виду психологическую характеристику какого-нибудь Кромвеля, Ришельё, Мазарина и пользуясь въ сценахъ изъ ихъ жизни для блестящихъ бытовыхъ картинъ живописною стороной культурныхъ формъ, воспроизводимыхъ съ тщательной вѣрностью костюму; что̀ Тьерри́, что̀ Меримѐ

предначертали перомъ въ литературѣ, то мастерская кисть его выполнила съ необыкновенной свѣжестью красокъ на полотнѣ. Такъ и въ знаменитомъ „полукругѣ", гдѣ мѣсто раздачи наградъ въ парижской академіи художествъ онъ окружилъ соборомъ величайшихъ художниковъ, гораздо сильнѣе композиціи дѣйствуетъ на васъ прекрасная характеристика людей и ихъ одежды. По пути Делароша шли Флёри́, Коньѐ, Жеро̀мъ, тогда какъ Кутюръ заявилъ себя превосходнымъ послѣдователемъ Делакруа̀, величаво изобразивъ упадокъ Рима въ картинѣ пиршества, полной продуманнаго настроенья. Горацій Вернѐ выступилъ преимущественно живописцемъ французской славы, когда Лудовикъ Филиппъ посвятилъ Версальскій за̀мокъ ея увѣковѣченію. Свѣжій взглядъ на жизнь, ясный колоритъ, увѣренный въ себѣ рисунокъ, энергическое выраженіе господствуютъ въ его популярныхъ жанровыхъ картинкахъ наполеоновскихъ солдатъ, равно какъ и въ обширныхъ созданіяхъ, представляющихъ въ особенности столкновенія Востока съ Западомъ при завоеваніи Алжира. Мастерски передавая бытъ Бедуиновъ, онъ перенесъ ихъ нынѣшнюю обстановку на библейскихъ патріарховъ. Настоящими чудами по замыслу и выполненію выходятъ безподобныя кабинетныя картинки Мейсоньѐ. Бретонъ и Мильѐ въ своихъ картинахъ изъ жизни рабочаго народа, а Протѐ (Protais) въ военныхъ сценахъ, показываютъ что во Франціи не исчезла еще жила здоровыхъ истинныхъ талантовъ, хотя, говоря вообще, парижскій бытъ съ его неустанною гоньбой за наслажденіемъ и съ его легкоподвижностью, вѣчно предлагающей и требующей все чего-нибудь новаго, побуждаетъ и художниковъ отличиться чѣмъ бы то ни было и во что бы ни стало и заставить говорить о себѣ на выставкѣ, такъ что одушевленіе къ идеалу, ищущее благороднаго и прекраснаго безъ мысли о публикѣ, естественно отступаетъ на задній планъ передъ желаніемъ понравиться и озадачить. Тутъ безцеремонный натурализмъ Курбѐ угощаетъ насъ уличной грязью и пылью на каменобитцахъ и коровницахъ, а Дорѐ то выставляетъ мерзость гнусныхъ побродягъ, то въ противоположность имъ пейзажи изъ дантова Ада или эффектныя въ новѣйшемъ вкусѣ вещи изъ жизни Іисуса Христа. Кабанель пишетъ грѣхопаденіе такимъ образомъ, какъ будто бы все оно заключалось въ томъ, что Ева стала женой Адама, при чемъ остатки сладострастія еще борются у ней съ чувствомъ невольнаго стыда; а тамъ биржевые Сатиры похищаютъ нимфъ Большой Оперы (танцовщицъ). Но и тутъ опять свѣжее неподдѣльное чувство природы услаждаетъ насъ въ картинкахъ животныхъ Труаіона, Розы Бонёръ, а также море въ пейзажахъ Гюдена и лёдъ у Пуатевена; пейзажисты не ищутъ вслѣдъ за Швейцарцемъ Каламомъ могучихъ Альповъ и ихъ горныхъ озеръ, а углубляются въ деревья и мхи сосѣдняго фантенеблосскаго лѣса, они находятъ бездну красоты вездѣ и раскрываютъ преизбытокъ вселенной даже и въ томъ маломъ повидимому клочкѣ, который намъ передаютъ. Французы прозвали это paysage intime, своимъ домашнимъ пейзажемъ, и справедливо гордятся такими людьми какъ Каба̀, Дюпрѐ и Теодоръ Руссо̀, мастерами жизненной правды и поэтическаго настроенія, которые съ полнѣйшею любви вѣрностью передаютъ каждый колеблемый вѣтромъ стебелекъ, тогда какъ Добиньи́ стремится къ разительному общему впечатлѣнію, не углубляясь вдумчиво въ каждую подробность. Если всякій прогрессъ, всякая надежда въ будущемъ связаны не съ пересоленнымъ, соблазнительнымъ и глазоотводно-ловкимъ,

а съ цѣломудреннымъ, здоровымъ и просто полнымъ души, то эти пейзажи и такіе жанровые живописцы какъ Мейсоньè и Бретонъ знаменуютъ собою то направленіе, какое при возрожденіи общественной жизни и нравственности пожалуй всего скорѣе приметъ во Франціи искусство.

Въ Германіи нѣсколько крупныхъ историческихъ живописцевъ развилось изъ идеализма корнеліусовской эпохи. Въ сравненіи съ послѣднею, серьёзно, можно-сказать торжественно углубляющеюся въ свой сюжетъ, В. Каульбахъ обнаруживаетъ еще и геніальную субъективность, желающую показать на любомъ избранномъ предметѣ особенность своего міросозерцанія, парящую надъ матерьяломъ на крыльяхъ юмора и предоставляющую шуткѣ ея право. Этимъ, а равно и необыкновенной легкостью бьющаго ключомъ творчества, соприкасается онъ съ ироніею Гейне, тогда какъ чутье къ формальному совершенству въ ритмѣ линій напоминаетъ у него Платена, а свобода духа—пожалуй, ихъ обоихъ; но къ граціозному размаху линій въ юношескихъ его произведеніяхъ терпкій житейскій опытъ привнесъ потомъ горькую рѣзкость психологической характеристики въ Домѣ сумасшедшихъ, въ Преступникѣ изъ-за потерянной чести, пока въ Битвѣ Гунновъ мастеръ не показалъ на объемистой композиціи всей своей силы, умѣющей владѣть массами, соединяющей фигуры въ группы, ставящей группы въ контрастъ и во взаимное соотношеніе съ цѣлымъ, пока онъ не нашелъ здѣсь настоящей области своихъ сюжетовъ въ изображеніи былинъ, которыя какъ поэтическая философія исторіи возрождаютъ реальное въ свободномъ творчествѣ фантазіи, наглядно передаютъ намъ нутродѣйственныя духовныя силы и приводятъ въ мѣру и полностильность могучій тутъ обыкновенно фантастическій элементъ. Историко-философская сторона искусства особенно обнаружилась у него также въ Разрушеніи Іерусалима, гдѣ понадобилось отличить всемірно-историческое значеніе этого событія отъ гибели другихъ восточныхъ городовъ, павшихъ передъ оружіемъ Римлянъ. Мы видимъ его на среднемъ планѣ; и впереди, первосвященникъ, приносящій себя въ добровольную жертву со всею своей семьей, представляетъ конецъ древняго іудейства въ политической его самобытности, тогда какъ Агасверъ, преслѣдуемый бѣсами, знаменуетъ разсѣяніе Израиля, а ведомая ангелами христіанская семья—отрѣшеніе новой вѣры отъ стараго храма и переходъ ея въ міровую религію, тогда какъ въ облакахъ являются пророки въ томъ видѣ, какъ вызвалъ бы тѣни ихъ поэтъ, да узрятъ они собственными глазами свершеніе предвозвѣщеннаго ими суда божія. Къ обѣимъ этимъ картинамъ присоединились Раздѣленіе народовъ, Гомеръ, поющій Грекамъ свои пѣсни, тогда какъ поверхъ его передъ восторженнымъ художническимъ взоромъ Фидія несется къ дорійскому храму вся череда божественныхъ Олимпійцевъ; потомъ Крестоносцы передъ Іерусалимомъ и Соборъ богатырей духа реформаціоннаго времени, гуманисты, естествовѣды, поэты, художники вокругъ Лютера, — все это присоединилось къ первымъ на стѣнахъ лѣстницы новаго Берлинскаго Музея чтобы передать быторазвитіе человѣчества; въ промежуткахъ изображены великіе законодатели, символическія фигуры Былины и Исторіи, Поэзіи и Науки, а по расчленяющимъ сѣни пиластрамъ — геніальные арабески, которые наглядно представляютъ мысль, одушевляющую каждый народъ, и наконецъ поверхъ этого идетъ фризъ, гдѣ вся важность происходя-

щей внизу борьбы съ ея стремленьями, по манію отрадно-яснаго юмора, проносится передъ нами въ видѣ веселой дѣтской игры. Цѣлое можно назвать однимъ изъ созданій, знаменующихъ эру духа. Къ этому примыкаетъ еще Саламинская битва, и Неронъ, справляющій въ видѣ бога оргіи язычества, тогда какъ Петръ и Павелъ принимаютъ мученическую смерть. Съ другой стороны, сатирическій юморъ живописца безподобно развертывается въ Рейнеке Лисѣ, гдѣ животныя, при всей вѣрности природѣ, получаютъ однако человѣчно-физіономическое выраженіе, точно такъ же какъ и поэма придаетъ ихъ инстинктамъ и житью-бытью даръ слова и размышленія.

Каульбахъ вышелъ изъ мюнхенской школы, Ретель — изъ дюссельдорфской. Послѣдній соединялъ германскій элементъ, дюреровскую силу правды, характеристики, съ романскимъ, — съ полнымъ мѣры и мягкости размахомъ Итальянцевъ. Переходъ Аннибала черезъ Альпы, особенно картины изъ исторіи Карла Великаго въ залѣ ахенской городской думы, показываютъ его способность немногими фигурами высказывать смѣло и полно все что нужно; произведенія эти ясны въ построеньи группъ, полностильны при всей свободѣ индивидуальной жизни. Они указываютъ путь, какъ живописно обработывать германскую исторію. Ретель въ Пляскахъ Смерти примыкаетъ къ Гольбейну; событія 1848-го года нашли въ нихъ себѣ глубокомысленно-юмористическое отраженіе. Въ новѣйшее время Каульбахъ вывелъ такъ Наполеона и Александра Гумбольдта, изобразилъ папство и поповство съ рѣзкою или смѣющеюся ироніей. Ретель былъ особенный мастеръ на ужасное; фантазія его предпочтительно имъ услаждалась, и оно втянуло ее въ пропасть, когда онъ уже не могъ съ нимъ совладать.—Третьимъ крупнымъ историческимъ живописцемъ былъ Карлъ Раль въ Вѣнѣ. Изучая Венеціанцевъ, онъ вмѣстѣ съ колоритомъ усвоилъ себѣ отъ нихъ охоту схватывать реальную жизнь въ ея дюжести и богатой полнотѣ, и въ прыщущихъ силой, чувственно-прекрасныхъ фигурахъ любилъ давать выраженіе своей собственной личности. То что эскизы его для Оружейной палаты въ Вѣнѣ не были приведены въ исполненіе, останется клеймомъ, которое добровольно положила на себя реакція; полныя огня и силы картины битвъ, предводимыхъ героями, своей прекрасно-обдуманной композиціей, благородной символикой и высшимъ религіознымъ освященіемъ производятъ здѣсь въ цѣломъ истинно-великолѣпное впечатлѣніе. Для портика университетскаго зданія въ Аѳинахъ далъ онъ картины культурнаго развитія Эллиновъ, прообразующія въ то же время дѣятельность разныхъ факультетовъ, и показалъ себя здѣсь мастеромъ въ области мысли. — Четвертымъ выступаетъ Адольфъ Менцель въ Берлинѣ; напоминающій Голландцевъ, рембрантовскій какъ будто реализмъ свѣжо и геніально примѣнилъ онъ къ картинамъ изъ прусской исторіи, преимущественно изъ жизни Фридриха Великаго; все у него живо, индивидуально, и потому невольно васъ увлекаетъ; но чувство правды пересиливаетъ чувство красоты; отсюда и его предпочтеніе къ историческому жанру: вы видите героя вѣка играющимъ на своей флейтѣ или столующимъ съ французскими писателями. —Блескомъ и силой колорита отличаются фрески Гегенбауэра изъ вюртембергской исторіи въ королевскомъ замкѣ въ Штутгартѣ.

Когда въ 1830-мъ году Бельгія завоевала себѣ независимость, живопись

явилась тамъ выраженіемъ политическаго самосознанія народа, все-таки однако въ явной связи съ Франціей; Ваперсъ, де-Кайзеръ и Біэфвъ соревновали Галлѐ (Gallait) въ передачѣ туземной исторіи, отчасти не безъ оглядокъ на отечественное искусство какого-нибудь Рубенса и на великолѣпный его колоритъ. Галлѐ оберегся отъ пустой удали (бравуры), вошедшей въ моду вокругъ него, и своимъ примѣромъ побудилъ Лейса изобразить мастеровъ реформаціоннаго времени въ ихъ собственномъ стилѣ, побудилъ Гюффенса и Свентса принести дань уваженія нѣмецкому искусству и верховодцу его Корнеліусу, тогда какъ въ свою очередь бельгійскія картины расшевелили въ Германіи чувство колорита и реалистичности. Тамъ поднялъ свое знамя Карлъ Пилоти и основалъ цѣлую школу; психологическая характеристика, естественная правда жизни во внѣшнемъ явленіи, сила и гармонія красокъ стали ея девизомъ. Туснельда въ тріумфальномъ шествіи Германика, картины изъ жизни Валленштейна, Цезаря, Генриха VIII-го англійскаго, пріобрѣли ему годъ отъ года ростущую славу. Самъ мастеръ продолжаетъ еще подниматься въ своемъ творчествѣ, умѣя воспитывать другія индивидуальности, какъ учитель. Такъ, изъ школы его вышелъ Макартъ, геніальный колористъ, для котораго, правда, чары красокъ были до сихъ поръ главнымъ въ картинахъ, но который въ самомъ дѣлѣ производитъ ими изумительный эффектъ. Мы должны сверхъ-того упомянуть еще о Винтергальтерѣ въ Парижѣ и о Карлѣ Риделѣ въ Римѣ, какъ о восхваляемыхъ, и притомъ недаромъ, колористахъ.

Подобно тому какъ напередъ въ поэзіи, реалистическая тяга времени обобнаружилась и здѣсь вниканіемъ въ своенародную жизнь, и наша живопись заслуживаетъ полнѣйшей признательности за то, что пошла на это серьёзно и съ любовью, тѣ самымъ удовлетворяя нравственному призванію художества. Она углубилась въ душу народа, она отрыла кладъ нѣмецкой сердечности, и тѣмъ живымъ участіемъ, съ какимъ нашла для ней соотвѣтственно-пріятныя формы, помогла она народу порадоваться самимъ собой, уразумѣть свою собственную сущность. Мы назвали прежде Швинда и Лудвига Рихтера. Но нѣмецкіе жанристы не далеко уже отстали въ виртуозной умѣлости и въ технической законченности отъ голландскихъ мастеровъ: какой-нибудь Петтенкофенъ потягается съ ними, пожалуй, въ тонкости выполненія, и если изъ толпы даровитыхъ его сверстниковъ мы поименно приведемъ Іордэна, Якова Бекера, Энгубера, Мейергейма съ сыновьями, Кнѝуса и Вотьѐ, Шпицвега, Рамберга, Дефереггера, то увѣрены что и потомство не откажетъ имъ въ наградномъ вѣнкѣ. Рамбергъ, подобно Карлу Бекеру и Хагену, отличается изящными изображеніями высшаго круга, Энгуберъ — выработкою общепонятныхъ типовъ побродяги и судебнаго сторожа, кузнеца и портного, Кнаусъ—гармонической законченностью своихъ работъ. Многіе изъ этихъ художниковъ, примкнулись къ общеизвѣстнымъ поэтическимъ произведеніямъ: Рамбергъ — къ Герману и Доротеѣ Гёте, Вотьѐ—къ иммерманнову Мюнхгаузену и ауэрбаховой Босоножкѣ, Энгуберъ — къ разсказамъ Мельхіора Мейра, и въ числѣ этихъ иллюстрацій есть вещи можно-сказать первоклассныя.

Любовь въ природѣ побудила и пейзажистовъ изучать ее ревностнѣе прежняго, и если страстный свѣтолюбъ, Гильдебрандъ, объѣхалъ кругомъ Землю, чтобы добыть новые эффекты у жаркаго тропическаго освѣщенія, если Бамбергеръ

выбралъ себѣ поприщемъ Испанію, а Фрисъ—Италію, то все же родной край, сѣверная равнина, Рейнъ, міръ Альповъ, обработывались всегда съ новымъ и новымъ рвеніемъ. Назвавъ здѣсь Андрея и Освальда Ахенбаховъ, Гейнлейна, Моргенштерна, Циммерманна, Шлейха и Лира, мы можемъ присоединить къ нимъ столь же даровитыхъ звѣрописцевъ въ лицѣ Фольца, Адама, Бренделя, Коллера.

Церковная живопись отступила теперь на задній планъ. Реалистичность, съ какою въ недавнее время Гебгардъ взялся за новозавѣтные разсказы и объявилъ исконному шаблону самую рѣшительную войну, можно пожалуй поставить въ связь съ безпощадною критикой, которая и въ Библіи подъ покровомъ миѳа ищетъ только фактической дѣйствительности. Надо чтобы напередъ миръ водворился въ самой религіозной области, а безъ того искусство не удовлетворитъ въ ней новому міросозерцанью. Передъ идеализмомъ въ поэтическомъ замыслѣ преклоняется и Фёйербахъ, приводя въ поучительный увѣтъ красоту эпохи Возрожденія, которая также вѣдь народилась изъ самой жизни, хотя и была вышколена древностью. Когда побѣдоносное войско наше (на возвратномъ пути изъ Франціи) вступало въ Мюнхенъ, и кронпринцъ Германской имперіи торжественно привѣтствовалъ Баварскаго короля, тогда всѣ декоративныя картины исчезли передъ величавымъ впечатлѣніемъ дѣйствительности; „какъ полностильно, чуть не академично!" молвилъ тогда улыбаясь ваятель Цумбушъ Каульбаху. Историческая идеалистичность на реальномъ вполнѣ основаніи,—вотъ что представляется намъ цѣлью для искусства, которой пусть и останутся вѣрны Блейбтрёйи и Кампгаузены съ молодёжью развивающеюся вокругъ нихъ теперь подъ наитіемъ великолѣпныхъ впечатлѣній.

И въ Англіи, точно такъ же въ живописи какъ и въ романѣ, господствовалъ смыслъ къ характерамъ и ихъ основательной, вдумчивой или юмористической обрисовкѣ, оттѣсняя на второй планъ преобладающую у Французовъ гонѣбу за эффектными положеніями и за соотвѣтственною имъ стилевою обработкой. Истлекъ, подобно Леопольду Роберу, искалъ сюжетовъ для своей кисти въ Италіи, но Вильки, Лесли, Фриѳъ (Frith), Ѳедъ, Мёльриди умѣютъ находить ихъ у себя дома. Вальтеръ-скоттовскую манеру онагляживать историческій бытъ въ одеждѣ и правообычаѣ никто такъ всесторонне не воспроизводитъ въ англійской живописи какъ Голландецъ Тадема. Между звѣрописцами первое мѣсто занимаетъ Англичанинъ Лендсиръ своимъ геніальнымъ проникапіемъ въ таинственную глубь душевной жизни; его убитая на снѣжномъ полѣ лань, которую тщетно пытается пососать ея дѣтенышь, — эта лань, вмѣстѣ съ окрестнымъ пейзажемъ, — истинно хватающая за сердце элегія.

Берлинская школа Рауха настойчиво поддерживала историко-реалистичное направленіе въ скульптурѣ. Драке изваялъ Фридриха Вильгельма III-го въ Тиргартенѣ, простымъ, каковъ былъ этотъ король, на подножіи, прелестно онагляживающемъ жизнь въ раздольѣ свободной природы; произведеніе это снискало себѣ общую любовь и заставляетъ жалѣть о томъ, что въ другомъ памятникѣ условный этикетъ поставилъ короля, верхомъ на конѣ, во главу войнъ за освобожденіе, вмѣсто того чтобъ просто посадить его

рядомъ съ благородною королевой Луизой, онаглядить этимъ ихъ чистый, образцовый семейный бытъ и представить ее его добрымъ геніемъ. Король Вильгельмъ, въ видѣ конной статуи, былъ задуманъ и выполненъ для кёльнскаго моста такимъ бодрымъ силою и вмѣстѣ такимъ спокойнымъ, что въ немъ можно было предчувствовать Германскаго императора, и остается только пожалѣть объ одномъ, зачѣмъ произведеніе это поставлено слишкомъ высоко: теперь можно ясно различить почти только общій его очеркъ. Мы требуемъ отъ своего искусства правды и ясности. Шифельбейнъ, Блезеръ, Фишеръ, А. Вольфъ, Афингеръ создали много хорошихъ бюстовъ и памятниковъ, и статуи молодыхъ воиновъ на Дворцовомъ мосту въ Берлинѣ, сопровождаемыя Минервою или геніями Смерти и Побѣды, носятъ на себѣ ту высокую печать идеальности, съ которою намъ отнюдь не хотѣлось бы разстаться. В. Вольфъ и Кисъ отличились какъ звѣроваятели, а Рейнгольдъ Бегасъ держится живописнаго натурализма, соединеннаго съ оригинальнымъ чувствомъ. Но всѣхъ многостороннѣе развернулся Ритшель: идеальная красота въ берлинскомъ Оперномъ театрѣ, реалистично-разительное въ дрезденскомъ, религіозное чувство въ снятомъ со креста и оплакиваемомъ Матерью Спасителѣ (Pietà), разныя историческія изображенія слегка напоминающія стиль ихъ времени въ зданіи Лейпцигскаго университета были подготовительною его школою для памятниковъ Лессингу и Лютеру, въ которыхъ онъ такъ характерно и вѣрно, такъ величаво и гармонично воспроизвелъ и увѣковѣчилъ этихъ германскихъ богатырей духа, какъ они живутъ и будутъ жить въ народномъ сознаніи. Генель и Шиллингъ трудились обокъ съ нимъ и продолжаютъ до сихъ поръ трудиться какъ истинные носители внутренней силы, осуществляемой въ граціозной формѣ; назовемъ здѣсь генелевыхъ Рафаэля и Микель-Анджело, а изъ работъ Шиллинга — Поры дня и Памятникъ Шиллеру въ Вѣнѣ.

Романтическое направленіе Шванталера поддерживаетъ вѣнскій ваятель, Ферикорнъ, а въ Мюнхенѣ Виндманнъ и Бруггеръ обратились больше къ классическому, но въ послѣднее время бодро и весело зашевелился тамъ въ свою очередь натурализмъ, и умѣряя его линіею красоты, Крелингъ пользуется имъ съ большою изобрѣтательностью. Въ смыслѣ благороднѣйшаго Возрожденія работаетъ здѣсь Цумбушъ. Религіозная скульптура нашла въ Кноблѣ такого мастера, который примыкаетъ къ лучшимъ старонѣмецкимъ ваятелямъ; жаль что въ своемъ алтарѣ Богородицкой церкви (Frauenkirche) онъ долженъ былъ попортить красками и позолотой рѣзьбу по дереву превосходной работы.

Во Франціи Давидъ д'Анжѐ (d'Angers) и Барú обратились къ непосредственной дѣйствительности и прославились, первый — своими портретными бюстами современниковъ, другой — изваяніями животныхъ; натурализмъ, полный мысли и любви какъ въ замыслѣ, такъ и въ выполненіи, смягчается у Рюда школой классической древности. Прадьѐ умѣетъ съ игривымъ блескомъ схватить и передать чувственную красоту любого летучаго момента, а Клезенжѐ (собственно Клезингеръ) выставить въ очаровательномъ видѣ порывистую страсть. Въ эпоху второй имперіи произошло отсюда то блудное искусство, которое совсѣмъ уже забыло изреченіе древнихъ, что Прак-

ситель, изобразивъ Грацій нагими, одѣлъ ихъ однако цѣломудріемъ; для него главнымъ дѣломъ было выставить повиднѣй венеринъ холмъ, фигуры должны вывертываться и перегибаться такъ, чтобы достичь самаго вызывающаго похоть положенія. Прекрасно работаютъ изъ мрамора Итальянцы; ихъ виртуозность доходитъ до крайняго утонченія въ усиліяхъ выдать подъ покрываломъ черты самаго лица. Скульпторъ Тенерани, подобно Англичанину Гибсону, вѣрно держался пріемовъ Торвальдсена.

По части архитектуры Віоллѐ-лё-Дюкъ во Франціи и Шмидтъ въ Германіи воздѣлывали готику, тогда какъ Вертнеръ, Хюбшъ, Эйзенлоръ воспользовались романскими элементами для новаго круглодужнаго стиля; въ Берлинѣ, Персіусъ, Штракъ, Штюлеръ соблюдали шинкелево преданіе, а Бёттихеръ научно разъяснилъ эллинскую тектонику. Если Цибландъ въ Мюнхенѣ съ одинаковымъ успѣхомъ строитъ базилику и рядомъ съ нею выставочное зданіе въ коринѳскомъ стилѣ, а Ферстель въ Вѣнѣ къ готической Обѣтной церкви (Votivkirche) присоединяетъ блестящія палаццы во вкусѣ Возрожденія, то это показываетъ образованіе и свободу нашего времени въ умѣньи пользоваться добытками прошлаго на свой собственный, новѣйшій ладъ. Земперовы синагога, театръ и художественный музей въ Дрезденѣ сразу высказываютъ свое назначеніе уже основною своей формой; этимъ являются они истинными образцами для современности, которая начинаетъ опять выдвигать наружу матерьялъ построекъ и имъ эффектно дѣйствовать, употребляя въ дѣло то тесаный камень, то кирпичъ, смотря по тому, гдѣ приличнѣе ихъ видъ и цвѣтъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и здоровое конструктивное направленіе, особенно выдвигающее на глаза то, что значительно для ядра постройки; напротивъ, жалкою ошибкой оказались тѣ поддѣльные фасады, которыми вздумалъ-было щеголять въ Мюнхенѣ какой-то будто бы новоизобрѣтаемый архитектурный стиль, разоблачившій этимъ всю пустую свою ничтожность *. Земперъ и Гансенъ примыкаютъ къ Возрожденію; но какъ въ литературѣ мы научились различать греческое отъ римскаго, такъ и для нихъ первое въ чистотѣ его формъ служитъ главной, основной школою, исходною точкой для преобразованія антика согласно потребностямъ нашего времени и тѣмъ задачамъ, какія ставитъ оно искусству на сѣверѣ. Въ Берлинѣ, обокъ съ прекрасными чистыми постройками Хитцига и Кноблауха, отчасти уже слишкомъ развилась слабость къ прикрасамъ и шумихѣ. Отъ монументальныхъ сооруженій Берлина и Вѣны ожидаемъ мы много хорошаго, чѣмъ достойно заявитъ себя архитектоника настоящей эпохи.

Здѣсь упомянемъ еще только о томъ, какими многоразличными путями воспроизводства искусство дѣлаетъ общедоступными свои созданія. Гравюра и политипажъ разработываются наперебой у всѣхъ образованныхъ народовъ; въ Германіи прежде всего обратили при этомъ вниманіе на форму и рисунокъ, въ Англіи и во Франціи — на колоритъ и общій эффектъ. Къ этимъ двумъ способамъ размноженія присоединились гравировка на стали и новоизо-

* Эти фальшивые фасады стали въ новѣйшее время коегдѣ появляться и у насъ.
Прим. перев.

брѣтенная литографія, дешевизною наверстывавшія то, чего недоставало имъ со стороны нѣжности или отчетливости. Но фотографія, это воспроизведеніе дѣйствительной жизни, а равно и любого образца химически-механическимъ процессомъ, обезпечила художникамъ быструю и точную передачу и пріучила глазъ къ вѣрнѣйшему какъ въ зеркалѣ отраженію природы; въ портретѣ она вызываетъ теперь живописца (въ борьбѣ съ нею) на умѣніе схватить цѣлую уже личность и на гармоническую законченность; устраняя заурядныя произведенія бездушной кисти, она тѣмъ болѣе выдвигаетъ впередъ цѣнность настоящаго художества.

Современная музыка.

Моцартъ былъ изящнѣйшимъ представителемъ космополитизма 18-го столѣтія, а въ лицѣ Бетховена съ полносильнымъ для всего міра могуществомъ проторгся наружу собственно германскій духъ; послѣ войнъ за освобожденіе народное чувство, пробудившееся въ мелодіяхъ Карла Маріи фонъ-Вебера на пѣсни кёрнеровыхъ „Лиры и меча“, господствуетъ теперь и въ его операхъ, особенно въ „Волшебномъ стрѣлкѣ“; германская былина, германское чувство лѣса, мѣщанство съ его ограниченнымъ, но сердечнымъ привольемъ, и ко всему этому еще струя фантастичности; потомъ, въ Оберонѣ, поэзія эльфовъ и огонь искренной любви, неизмѣнной въ радости и въ горѣ, какъ чужеземный этотъ сюжетъ былъ усвоенъ намъ Виландомъ, и наконецъ въ „Преціозѣ“ выработка нѣмецкой оперетты (Singspiel), гдѣ вслѣдъ за обычной рѣчью чувство высказывается мѣстами и музыкой. Отличительной чертою веберовыхъ созданій можно вообще назвать то, что не будучи собственно замкнуты въ себѣ органически, они представляютъ много отраднаго въ частностяхъ, въ одиночку. Фаустъ Шпора уже и потому не могъ тягаться съ гётевскимъ, что сюжетомъ здѣсь духовныя борьбы, выразимыя только для слова; но даровитый на изображеніе природы, на обрисовку характеровъ, мастеръ ясной формы, этотъ музыкантъ былъ истиннымъ художникомъ даже и въ своей скрыпичной игрѣ, въ своихъ инструментальныхъ сочиненіяхъ. Веберова фантастичность перешла у Маршнера въ что-то неповадно-бѣсовское, а народный, пѣсенный его элементъ процвѣталъ въ Конрадинѣ Крейцерѣ и Лорцингѣ. Шнейдеръ, Гауптманнъ, Францъ Лахнеръ, Гиллеръ остались при классическомъ направленіи.

Сродный Моцарту Итальянскій элементъ нашелъ себѣ продолжателя въ Россини, сочинившаго „Севильскаго цырюльника“, прелюдію къ Женитьбѣ Фигаро по Бомаршé. Неистощимая пѣвучесть Итальянцевъ, ихъ страсть къ веселымъ, живымъ, легкимъ мелодіямъ, бьющее обильнымъ ключомъ богат-

ство звуковъ,—все это пришлось по душѣ поколѣнію, которому послѣ революціонныхъ войнъ хотѣлось отдохнуть и сколько можно насладиться жизнію; оно требовало не обрисовки характеровъ, а вообще пріятности, милаго щекотанія ушей, и вотъ Россини сдѣлался настоящимъ музыкантомъ реставраціи; но дѣло въ томъ, что онъ былъ имъ съ необыкновеннымъ талантомъ, съ очаровательною свѣжестью, шипя и пѣнясь какъ шампанское, вмѣстѣ покалывая и услаждая, тогда какъ у сантиментальнаго Беллини и у многоподвижнаго Донизетти его формы обратились въ ходячія фразы, предоставляющія пѣвцамъ располагать по собственному усмотрѣнію характеромъ Нормы, Ромео, вставляя его произвольно тамъ и сямъ въ регистры восходящихъ и нисходящихъ звуковъ. Музыканты писали благодарныя партіи для пѣвцовъ, для оркестра. Въ глазахъ высшаго общества оперныя примадонны заступили мѣсто знаменитыхъ воиновъ и государственныхъ дѣльцовъ, похотливое, пригладное замѣнило собой великое, и охотно готовы были убаюкать народный духъ въ однѣ чувственныя только грезы. Все это благопріятствовало такъ-называемой виртуозности, и въ скрыпичной игрѣ Паганини, въ фортепьянной игрѣ Листа она пережила величайшія свои торжества; въ послѣднемъ, равно какъ и въ Шопенѣ, нашла она также композистовъ, какъ нарочно угождавшихъ геніальной субъективности, желающей проявить въ игрѣ свое полное господство надъ инструментомъ.

Истинно художнической оказалась эта преобладающая субъективность у Шуберта; лирикъ подобно Гейне, Ленау и Платену, полный нѣжнаго чувства, силы и блеска выраженія, явился онъ завершителемъ музыкальной художественной пѣсни, которая не просто мелодически высказываетъ извѣстное настроеніе, но даетъ при этомъ просторъ и особенной своеобразности самого поэта, слѣдуетъ изъ строфы въ строфу за общимъ мыслеразвитіемъ, музыкально проникаетъ въ значеніе каждаго слова и на ряду съ пѣніемъ придаетъ самостоятельную выработку аккомпанименту, выговаривающему то, чего не досказало первое, что̀ изподтиха звучитъ въ душѣ, не прорываясь на языкъ, тогда какъ, съ другой стороны, въ извѣстныхъ мотивахъ и звуковыхъ фигурахъ, повторяющихся при каждой строфѣ вновь, единство цѣлаго опять-таки пронизываетъ собой всѣ перемѣнныя части. Такъ довершилъ онъ то, чему начало положили Рейхардтъ и Цельтеръ съ гётевскими пѣснями, а въ „Мюллеровскихъ пѣсняхъ“ неразрывно связалъ свое имя съ именемъ Вильгельма Мюллера. Такое стихотвореніе какъ „Лѣсной царь“ должно было увлечь къ музыкальной композиціи, и если уже Цумштегъ обработывалъ баллады Бюргера для домашней музыки въ видѣ маленькихъ драмъ, то Шубертъ, а вслѣдъ за нимъ и Лёве, примыкая къ новѣйшей поэзіи, создали мастерскія въ этомъ родѣ вещи. Не съ столь мечтательною глубиной, но зато съ классической ясностью, чистотою и округленностью содержанія и формы, напоминающими Гейбеля, воздѣлывалъ художественную пѣсню и Феликсъ Мендельсонъ, какъ для четырехъ мужскихъ голосовъ безъ аккомпанимента, такъ и для однихъ фортепьянъ въ новоизобрѣтенной имъ формѣ „безсловныхъ пѣсенъ“. Онъ можно-сказать великъ въ маломъ, тогда какъ для великихъ формъ Генделя и Баха у него оказалось не довольно силъ въ ораторіяхъ „Илія“ и „Павелъ“, а также и для формъ Бетховена въ симфоніи; но онъ всегда благороденъ и гармониченъ; счастливая вообще жизнь облегчила для

него гармонію; но тяжкая борьба, глубокое страданіе обыкновенно закаляютъ душу и освящаютъ ее для высшихъ цѣлей. Въ противоположность Мендельсзону Шуманнъ былъ всю жизнь свою неудовлетвореннымъ борцомъ, то въ сантиментальной нѣжности восторженно мечтая о Раѣ и Пери, или пускаясь въ „Странничество", то блуждая съ байроновымъ Манфредомъ въ лабиринтѣ сомнѣній, то опять въ финалѣ гётевскаго Фауста блаженно возносясь прямо къ небесамъ.

Уже и до іюльской революціи всѣ взоры устремлены были на Парижъ, а вслѣдствіе ея устремились туда тѣмъ болѣе; тамъ и музыка, повинуясь исторической тягѣ времени, стала въ большой оперѣ выводить историческія событія. Риль сравниваетъ эту историческую живопись мысли съ Каульбахомъ; я же въ преобладаніи поэтическаго духа и у него, и въ такъ-называемой „Музыкѣ будущности" у Вагнера, готовъ скорѣе видѣть признакъ того, что духовнѣйшее изъ искусствъ, поэзія, становится теперь верховоднымъ; а музыка и живопись, переступая свои исконныя границы, силятся соперничать съ нею, говорящей и рѣчистою. Символизовать въ звукахъ историческія явленія, музыкально выражать настроеніе протестантовъ и католиковъ въ эпоху религіозныхъ войнъ, или революціонные порывы итальянской народности, или наконецъ противоположность чувственной любви и религіознаго восторга въ нѣмецкомъ рыцарствѣ, — вотъ новая задача, навязанная оперѣ, и то, какъ она рѣшаетъ ее, хотя кажется мнѣ далеко не вполнѣ удовлетворительнымъ, но зато явно обнаруживаетъ противоположность французскаго духа съ германскимъ. Общимъ и тому и другому является одно, что большая опера, какъ расчитанная на блескъ и показъ піэса, должна привлекать толпу и вмѣстѣ изумлять ее чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ; оттого всѣ и спрашиваютъ другъ друга: видѣли вы эти оперы? а слушаютъ между тѣмъ охотнѣе Моцарта; взрывъ Везувія, восходъ электрическаго солнца, катанье на конькахъ, сцена подъ водой на Рейнѣ, прогулка боговъ по радугѣ и скачка Валкирій на облакахъ, все это такіе чисто-внѣшніе эффекты, на которыхъ сходятся въ Парижѣ и въ Мюнхенѣ Оберъ, Мейерберъ и Рихардъ Вагнеръ. Въ Парижѣ тексты писалъ Скрибъ и, по рецепту романтика Виктора Гюго, подготовлялъ для музыки самые яркіе контрасты, мучительно-интересныя положенія, сокрушительные эффекты массъ; сладострастіе должно мѣшаться съ ужасомъ,—въ Робертѣ Дьяволѣ мертвыя монахини встаютъ, напримѣръ, изъ гробовъ только для того чтобы выказать свое крайне кокетливое мастерство въ балетѣ; справа церковь божія, слѣва циркъ раскрываются передъ посѣтителемъ театра чуть не въ одно время, а оттого и музыкантамъ приходится воздѣлывать диссонансъ, въ особенности передавать гнусное, коль скоро оно нужно для выраженія характерныхъ вещей или для раздражительнаго дѣйствія на толпу, то грубую, то пресыщенную по горло. Трогательная молитва и на ряду съ ней дикая застольная пѣснь составляютъ чуть не необходимую принадлежность, надобны громъ выстрѣловъ, звонъ колоколовъ, гулъ органа; звуковые эффекты оркестра заглушаютъ мелодію, выступающіе массами хоры замѣняютъ собой многоголосное одновременное взаимнодѣйствіе различныхъ характеровъ и ощущеній. Россини поладилъ съ новымъ направленіемъ своимъ Теллемъ *, Оберъ доставилъ ему полное тор-

* Перекрещеннымъ у насъ, въ сороковыхъ годахъ, въ «Карлы Смѣлые». Прим. перев.

жество своей „Нѣмою въ Портичи“ или Фенелой, и опера его въ Брюсселѣ была сигналомъ къ сентябрьскому возстанію противъ Голландцевъ: она изображала неаполитанскую революцію Мазаніэлло, южноиталійскіе народные напѣвы придали ей національный колоритъ, и какъ пикантно дѣйствовала при этомъ нѣмая, какъ главное лице драмы! Мейерберъ, родившійся Евреемъ въ Берлинѣ, но воспитанный на нѣмецкій ладъ, нашелъ себѣ въ Парижѣ новое отечество, нашелъ гораздо удачнѣе Гейне и Бёрне, которые явились туда полубѣглецами, полуэнтузіастами свободы и не сдѣлали тамъ фортуны * подобно ему. Что они, что Мендельсзонъ, что Бендеманнъ вышли изъ еврейства, показываетъ до какой степени послѣднее эманципировалось подъ наитіемъ человѣчныхъ идей 18-го вѣка и какой пріобрѣло оно вѣсъ не только въ денежныхъ оборотахъ, но и въ умственномъ движеніи нашей части свѣта. Происхожденіе перестало быть препятствіемъ, скорѣе оно помогало. Господство такъ-называемыхъ эпигоновъ надъ открытыми геніемъ формами, надъ придуманными имъ разнообразными способами искусства, повело Мейербера къ смѣшенію всѣхъ стилей, которыхъ онъ не сплавилъ, не переработалъ въ какой-нибудь новый организмъ, но разборчиво, искусно и талантливо сопоставилъ рядомъ,—итальянскія кантилены, французскій умный разговоръ съ ритмически-выразительнымъ удареніемъ надъ всѣми особенностями частнаго, и при этомъ нѣмецкую однакожь постройку характеровъ. Онъ схватилъ задачу времени, но не съ цѣломудріемъ, не съ добросовѣстностью генія; для него это предметъ спекуляціи, говоритъ Брендель, и въ томъ же смыслѣ судитъ о немъ Риль: Мейерберъ обладаетъ всѣмъ необходимымъ для большой оперы искусствомъ, всей даровитостью, но онъ не можетъ работать въ угоду Богу, а только въ угоду окружающей толпѣ; у него нѣтъ всегда бодрой и чистой художнической совѣсти. Подъ ладъ къ направленію настоящей эпохи, онъ и сюжетомъ себѣ выбиралъ уже проблемы самыя высокія,—религіозную борьбу въ Гюгенотахъ, соціальный вопросъ въ Пророкѣ (Іоаннѣ Лейденскомъ), но разбросанныя мѣстами черты правды и величія онъ окружаетъ какою-то смутною, фиглярскою обстановкой; скудный у него потокъ мелодіи замѣняетъ онъ могучими гармоніями, сдерживая ихъ всегда въ мѣру для предположенной эффектности; сознательно преднамѣренная выдѣлка всегда перевѣшиваетъ у него самородное творчество, какъ и у Рихарда Вагнера, чьи произведенія также всѣ сводятся въ концѣ концовъ къ самопрославленію маэстро, но образуютъ впрочемъ болѣе гармоническое цѣлое. Вагнеръ также исходитъ отъ трескучей оперы, но умѣетъ обусловить кулисные эффекты содержаніемъ сюжета, его духомъ, что и даетъ ему возможность пользоваться ими осмысленно, умно; начальную точку развитія беретъ онъ положительно у Глука, и для того чтобы выразить въ музыкальной драмѣ существенно германскій складъ онъ съ достохвальной мѣткостью берется именно за древнія наши былины, предлагающія ему событія и характеры готовыми въ типически-ясныхъ формахъ, и ставитъ ихъ на мѣсто

---

* Мы нарочно оставляемъ нетронутымъ этотъ вопіющій галлицизмъ: пусть «дѣланіе фортуны» такъ и носитъ у насъ иноземный штемпель. Но для чего порусски говорятъ: сдѣлать шагъ или прыжокъ, сдѣлать предложеніе, докладъ, промахъ и т. д.—этого мы рѣшительно не понимаемъ. Прим. перев.

античныхъ сюжетовъ, бывшихъ подобнымъ же образомъ національными для греческихъ трагиковъ. Вагнеръ—поэтъ и самъ; онъ умѣетъ дать благородному сюжету драматическую форму при постройкѣ цѣлаго; недостатокъ поэтическаго богатства въ языкѣ наверстывается у него музыкой, углубляющей, поясняющей, внѣдряющей въ глубину души смыслъ и значеніе рѣчи, такъ же какъ въ свою очередь звуковые образы истолковываются словами. Онъ мастеръ владѣть инструментами, его великолѣпныя по колориту музыкальныя картины онагляживаютъ въ своемъ движеніи сюжетъ необыкновенно живо; когда я слышалъ въ концертѣ, подъ управленіемъ самого̀ Вагнера, огневыя чары Одина, осѣтившія Брунгильду, то вспышки пламени представлялись тогда внутреннему моему зрѣнію гораздо яснѣе нежели потомъ на сценѣ при содѣйствіи внѣшней обстановки. Если теперь онъ и его ученики видятъ въ музыкальной драмѣ художественное созданіе будущности, которымъ должны разрѣшиться не только поэзія и музыка, но и всѣ изобразительныя искусства вмѣстѣ, то это конечно ужь преувеличеніе; искусства ростутъ путемъ обособленія и удержатъ за собой свою самобытность навсегда, но какъ съ первоначала они заключались въ одномъ общемъ зародышѣ и возникли вмѣстѣ, такъ мы и впослѣдствіи увидимъ совокупное ихъ дѣйствіе и въ церковномъ богослуженіи и на театральной сценѣ. Новаго въ вагнеровскомъ измышленьи то, что онъ даетъ намъ музыкальную драму, въ которой вовсе нѣтъ разговорныхъ словъ обокъ съ распѣваемыми затѣмъ аріями и хорами, какъ было у Грековъ, а гдѣ поется все сплошь, но зато поэзія господствуетъ до такой степени, что музыка вполнѣ ей подчиняется, что тутъ совершенно устранены развитыя и законченныя въ себѣ мелодіи въ формѣ пѣсенъ и арій, устранены совокупныя партіи (ансамбли), въ которыхъ разомъ высказываются настроенія и стремленья разныхъ личностей,—устранены наперекоръ Моцарту, который обработывалъ ихъ такъ мастерски и, на нашъ взглядъ, осуществилъ этимъ въ музыкѣ тѣ высшія въ своемъ родѣ цѣли которыхъ ни какому другому искусству не достичь,—наперекоръ Моцарту, который прекрасно-округленныя многоголосныя партіи, при всей ихъ сладости и формальной граціи, умѣлъ довести до̀ такого превосходнаго выраженія характеровъ. Вагнеръ пренебрегаетъ ими, а также и повтореніями, которыя иногда такъ хороши и умѣстны въ музыкѣ, потомучто намъ иногда хочется снова прослушать то или другое движеніе звуковъ уже съ воспоминаніемъ и сознаніемъ его цѣли (еще не ясной для насъ въ первый разъ), потомучто возбужденное однажды чувство хочетъ вторично усладиться самимъ собою; Вагнеръ пренебрегаетъ всѣми этими чисто-музыкальными особенностями, потомучто поэзія не обладаетъ ими и ихъ не требуетъ; онъ называетъ оперу ошибкой, потому что средство выраженія, музыку, она будто бы дѣлаетъ цѣлью, а цѣль, драму, обращаетъ въ средство. Но высшая цѣль вездѣ прекрасное, а потому и въ музыкѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ музыкально-прекрасное, и то какъ достигали его Моцартъ и Бетховенъ доселѣ кажется мнѣ вершиною искусства, которой не унизитъ ни какая ложная теорія, которую превзойдти могъ бы одинъ лишь творческій подвигъ. При всемъ томъ не будемъ настолько узкосерды, чтобы не отдать полной справедливости тому, что̀ есть дѣйствительно своеобразнаго у Вагнера. Мнѣ кажется, ни какъ поэтъ, ни какъ музыкантъ, онъ не такой геній, чтобы

ровняться съ Гёте и Шиллеромъ или съ Моцартомъ и Бетховеномъ; но это богатый, мощный, самобытный талантъ, который нарѣдкость соединяетъ въ себѣ поэтическое и музыкальное дарованіе, а потому и умѣетъ сочетать ихъ такъ хорошо въ соотвѣтственное тому гармоническое произведенье, которое не легко конечно дастся кому-либо другому и несомнѣнно принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ созданій нашего времени. Онъ не хочетъ чтобъ его мелодіи возбуждали сами по себѣ вниманіе; онѣ дѣлаютъ это лишь въ той мѣрѣ, поскольку служатъ внѣшнимъ выраженіемъ чувства, обнаруживающагося въ словахъ; онъ нарочно разбиваетъ замкнутыя въ себѣ музыкальныя формы съ тѣмъ чтобы сдѣлать ихъ плавкими и лучше приноровить къ стиху, но онъ мастеръ и на мелодію, хотя завершаетъ ее рѣже чѣмъ бы намъ хотѣлось; утренняя пѣснь Пастуха и гимнъ Вольфрама вечерней звѣздѣ въ Тангейзерѣ, прощаніе Лоэнгрина съ лебедемъ и примыкающій сюда хоръ, весь третій актъ Мейстерзенгеровъ, начиная съ безподобнаго квинтетта вплоть до состязанія пѣвцовъ и до плясовыхъ напѣвовъ молодежи или до похвальбы Гансу Заксу, — все это истинные перлы, точно такъ же какъ и въ инструментальной музыкѣ — пробужденіе Весны и Любви въ „Предкахъ Зигфрида", поэтическія грезы Ганса Закса, борьба звуковъ несущихся изъ Венериной горы съ благочестивымъ хоромъ пилигримовъ въ увертюрѣ къ Тангёйзеру; высокое впечатлѣніе трагизма, просвѣтленіе возносящейся надъ скорбію души я рѣдко испытывалъ такъ непосредственно и живо какъ въ окончаніи Тристана при пѣснѣ Изольды и сопровождающемъ ее звукѣ арфъ. Но долгіе горестные вопли Тристана на его болѣзненномъ одрѣ, супружеская перебранка между Воданомъ и Фрейею въ „Кольцѣ Нибелунговъ", деревянныя попытки на шутливость и очень скучныя партіи въ первыхъ актахъ Мейстерзенгеровъ кажутся мнѣ совершенно неудачными, хотя авторъ и имѣлъ въ виду ихъ характерностью и контрастомъ усилить эффектъ другихъ мѣстъ. Стремленіе Вагнера основано на современномъ развитіи культуры, предоставляющемъ первенство духовнѣйшему изъ искусствъ, поэзіи; онъ старается возвести музыку въ слово мысли; не слѣдъ лишь его особеннаго пріема, имѣющаго полное свое право для него, выставлять за полносильный для всѣхъ на свѣтѣ или за высшій, тогда и мы охотно воздадимъ ему надлежащій почетъ, какъ бы ни трудно это было въ виду его собственныхъ замашекъ и обоготворенія его поклонниковъ.

Вторая французская имперія подготовила почву для оффенбаховской музыки, выросшей изъ французскаго водевиля и опошлившей Орфеемъ въ Аду и Еленой Прекрасною боговъ и героевъ классической древности, которыхъ она сдѣлала пародіями на современныя обстоятельства и личности. Тутъ императоръ подъ маской Юпитера выходитъ на любовныя приключенья, Аркадскій принцъ пьетъ Лету изъ пивной кружки, а какой-нибудь авгуръ понюхиваетъ табачку, чтобы выйдти изъ затрудненія; музыка между тѣмъ пускаетъ инструменты выплясывать канканъ, и въ остроумныхъ, намекающихъ, похотливыхъ пассажахъ хихикаетъ со всей развратностію пресыщенца; это — легкое, искрометное, безпрерывно покалывающее раздраженіе, фосфорный огонекъ, мерцающій надъ истлѣвшей гнилью; организмъ жизни разлагается вмѣстѣ съ организмомъ искусства, и это забавно ихъ атомамъ, они тѣшат-

ся щекоткой сладострастія, въ которой безслѣдно исчезаетъ самосознанье. Да, и на этотъ разъ не мѣшало грозѣ поочистить воздухъ.

Наши нѣмецкіе мастера, Веберъ, Шпоръ, Шубертъ, Шуманнъ, Мендельсзонъ и въ инструментальныхъ своихъ произведеніяхъ держались еще формъ великихъ предшественниковъ, высказывая свою душу въ сонатахъ и симфоніяхъ; то же можно замѣтить и объ Онсловѣ во Франкфуртѣ; всѣ они были въ этомъ учениками Бетховена и имѣли преимущественно въ виду его юность и мужество; созданія его тяжко омраченной старости, когда глухота благопріятствовала у него дерзновенному порыву характернаго выраженія, стали образцами для музыкантовъ будущаго, и Гекторъ Берліозъ открылъ череду новой программной музыки, которая должна изображать, правда ужь не переѣздъ изъ Мемеля въ Данцигъ какъ въ блаженное старое время „косы“, но напримѣръ такія вещи какъ кёйперовый и ліасовый пластъ Земли съ тогдашними ея животными, ихъ радостями и скорбями. Симфоническія произведенія Листа слишкомъ ужь богаты звуковой живописью, но въ его ораторіи „Елисавета“ она отличается благородною красотой. Можетъ статься, именно въ ораторіи лежитъ переходъ къ подлинной исторической оперѣ, которая безъ всякихъ кулисныхъ эффектовъ съумѣетъ передать намъ общее настроеніе крестовыхъ походовъ или реформаціи, противоположность язычества съ христіанствомъ въ Виттекиндѣ и Карлѣ Великомъ, и тому подобное.

Современная поэтическая дѣятельность.

Реализмъ нашей эпохи проявляется въ той прозаической поэзіи, которая рѣшительно имѣетъ за себя огромную массу читателей; правда, поютъ сверхъ-того и лирики, многочисленные какъ лѣсныя птицы, но немногіе изъ нихъ находятъ слушателей; предпочтительно въ романѣ ищутъ теперь зеркала жизни, и самые даже вопросы времени обсуждаются здѣсь писателями, бытовая картина эпохи рисуется съ различныхъ ея сторонъ. Впереди всѣхъ идетъ Англія. Тамъ преимущественно „синіе чулки“ изображаютъ намъ кругъ моднаго свѣта, и точкой отправленія берутъ обыкновенно анекдоты изъ болѣе или менѣе знатныхъ сферъ; тамъ люди, вродѣ байронова пріятеля Трилòни (Trelawney), въ своихъ путевыхъ приключеніяхъ присоединяютъ географическій романъ къ историческому, и фантазія писателей втягиваетъ въ свою область весь земной шаръ, не исключая и моря съ его особеннымъ матрозскимъ языкомъ, какъ дѣлаетъ напримѣръ капитанъ Маррьятъ въ своихъ морскихъ романахъ, тогда какъ Бенджаминъ д'Израэли, часто являющійся министромъ торіевъ, проповѣдуетъ въ остроумныхъ разсказахъ свою

политическую романтику. * Кардиналъ Вайзманъ въ своей мученицѣ, „Фабіолѣ", борется за католичество, а Кингсли въ своей „Ипатіи" совмѣщаетъ въ одну величаво-прекрасную картину Грековъ, Іудеевъ, Готовъ, философію и христіанство. Обрисовкою новѣйшихъ характеровъ, развитіемъ психологическихъ процессовъ отличался нѣкоторое время даже и у иноземцевъ Бёльверъ; свои собственныя тяжеловатыя антикварныя картины заставлялъ онъ забывать напряженнымъ дѣйствіемъ, и былъ при этомъ щедръ, пожалуй слишкомъ щедръ, на сентенціи и размышленья; а его манера избирать въ герои презирающихъ міръ мошенниковъ, обнаруживала вліяніе на него парижской литературы. Это же замѣтно потомъ въ ужасающей и потрясающей чувство новеллистикѣ у Коллинса и у миссъ Браддонъ. Отсюда, постепенно ее смягчая, Шарлотта Бронте выводитъ насъ въ семейный романъ, который преимущественно разработываютъ женщины. Зато двое мужщинъ, Теккерей(1811—1863) и Диккенсъ (Бозъ, 1812—70), примыкаютъ опять къ Стерну, Фильдингу и Свифту, и великіе подобно имъ идутъ по указанному Шекспиромъ пути изображенія характеровъ, реалистической отчетливости при идеализмѣ содержанія и цѣли, и при сопровождающемъ все это юморѣ. Взоръ ихъ проникаетъ сквозь благоприличную оболочку лицемѣрства, внутренней низости и пошлости, эгоизма и безсердечія въ обществѣ; Теккерей выводитъ намъ послѣднее въ „Ярмонкѣ тщеславія" (или Базарѣ житейской суеты), а Диккенсъ въ своихъ „Пиквикіанцахъ" изображаетъ житье-бытье средняго сословія такъ же забавно, какъ глубоко-трогательно въ „Оливерѣ Твистѣ" рисуетъ страданія утѣсненныхъ, бѣдняковъ. Къ сатирическому щелоку своего друга подливаетъ онъ однакожь мягчительнаго масла для ранъ, подливаетъ винца въ отраду тѣмъ, кто остался чистъ и совѣстливъ среди всѣхъ окружающихъ соблазновъ. Холодная, спокойная разсудительность у Теккерея, и затрогивающая читателя возбужденность у Диккенса, то, какъ самъ онъ втягивается въ сочувствіе и увлекаетъ за собой и насъ, — вотъ рѣзко отличающія ихъ примѣты. Какъ истый юмористъ, Диккенсъ видитъ все, и свѣтлую и темную сторону, трогательное и тутъ же смѣшное; тонъ, освѣщеніе его картинъ происходятъ прямо отъ точности колоритныхъ оттѣнковъ въ любомъ единичномъ фактѣ, отъ своеобразной вѣскости и полноты въ каждомъ частномъ явленіи. Онъ и въ повседневномъ умѣетъ отыскать диковинное, какую-нибудь странную черту души или наружности умѣетъ выставить такъ мѣтко и вѣрно, что мы тотчасъ же навсегда знакомимся съ любою его фигурой; не отступиться отъ здраваго человѣческаго разсудка даже и среди безумнаго разгула, не забыть смѣшного даже и среди добросовѣстнѣйшей дѣльности, дать проглянуть добродушію даже и среди самодурства,—на это онъ былъ мастеръ, но не менѣе того, если еще не болѣе, давалось ему демонически-ужасное, которое и у него, какъ у Шекспира, стоитъ всегда на службѣ нравственнаго духа, божескаго правосудія. Въ Копперфильдѣ онъ достигъ вершины своего таланта и создалъ такое произведеніе, которое среди юмористическихъ романовъ станетъ, пожалуй,

* Не держась ея, замѣтимъ, какъ скоро онъ у дѣлъ. Прим. перев.

на ряду съ романами Сервантеса и Жанъ Поля; * онъ далекъ отъ преизбыточной мечтательности Нѣмца, но далекъ также отъ высоты и глубины его помысловъ; зато онъ неизмѣримо превосходитъ его богатствомъ индивидуальной жизни, своеобразныхъ характеровъ! Впослѣдствіи онъ часто вдавался въ излишнія подробности, иногда случалось ему, на манеръ виртуозовъ, натягивать свои художественныя средства до ослѣпительно-яркихъ эффектовъ, до каррикатурныхъ сумасбродствъ; лихорадочный спѣхъ, быстродвижность вѣка желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ пересиливаютъ у него спокойствіе и ясность простой, вполнѣ свободной красоты; и этою своей стороной принадлежитъ онъ къ типамъ нашего времени. Вѣдь такъ часто, въ гоньбѣ за средствами жизни, позабываютъ теперь объ идеальной ея цѣли; неразуміе хочетъ даже и совсѣмъ замѣнить эту цѣль простой борьбою за существованіе, тогда какъ послѣдняя только вѣдь одинъ изъ рычаговъ первой, не больше.

Изъ современныхъ лириковъ Англіи исторія назоветъ поэта хлѣбныхъ законовъ, Элліота, и автора потрясающей пѣсни о рубашкѣ, Томаса Гуда, въ числѣ людей, помогавшихъ благороднымъ государственнымъ дѣльцамъ, вродѣ Роберта Пиля и Шафтсбѐри, вести борьбу за соціальныя реформы, за добытокъ бѣднымъ хлѣба и образованія. Женственно кротко и мило пѣла свои пѣсни Фелиція Гименсъ. Теннисонъ умѣлъ сочетать въ чистыхъ своихъ звукахъ живописную вдумчивость съ обиліемъ поучительныхъ мыслей; его лирика, его идиллическіе разсказы отличаются притомъ тщательною обдѣлкой. Онъ лавреатъ, то-есть придворный стихотворецъ такой королевы, которой семейная жизнь была вмѣстѣ и образцовою, и благословенной свыше, а потомъ въ самой скорби просвѣтлена еще замогильной вѣрностью: это характеризуетъ личность самого поэта. Ему недоступно сильное, могучее; содержаніе у него иногда скудно и идеализмъ формы какъ-то вялъ, но часто онъ полонъ вдумчивости, строгой мѣры, миловидности; изъ сутолоки и борьбы настоящаго Теннисонъ также смотритъ въ будущность всеуравновѣшивающаго примиренія,

Когда знамена всѣ поникнутъ тихо долу и смолкнетъ барабанный бой
Въ парламентѣ людского рода, на сеймѣ жизни всеземной.

Свинбѐрнъ смѣлѣе, раздумчивѣе и въ то же время чувственнѣе Теннисона; онъ, подобно Шелли, готовъ звучно выразить всѣ диссонансы умственной борьбы, всѣ разладицы свободы духа, не убѣгающей, а напротивъ ищущей сомнѣній.

Если изъ Англіи мы заглянемъ въ Сѣверную Америку, то увидимъ что тамъ достигли значенія только тѣ поэты, которые или подъ англійскимъ больше вліяніемъ, какъ напримѣръ Куперъ, или подъ нѣмецкимъ, какъ Лонгфелло̀, обратились къ передачѣ туземнаго, національнаго. Постичь себя и собраться въ своей собственной своеобразности, — вотъ великая задача

* Авторъ вѣроятно больше изъ патріотизма допустилъ крайне-смѣлую сопоставовку Жанъ-Поля съ Сервантесомъ. Прим. перев.

народовъ нашего времени,—задача, которую приходится рѣшать самосознательной уже волѣ, если національное единство не явилось заготовь самороднымъ произрастеніемъ; да и въ послѣднемъ случаѣ безъ самопознанія все же вѣдь не обойдтись. Настоящая бѣда современной Франціи въ томъ именно и состоитъ, что изъ-за тщеславныхъ или дышащихъ местью фразъ она все еще не можетъ прійдти къ самопознанію. И не даромъ нѣмецкая критика ратуетъ противъ той академической поэзіи, которая готова выводить съ блескомъ всѣ возможные сюжеты прошлаго и чужого въ позаимствованныхъ у той же чужи формахъ, и изъ-за этихъ школьныхъ упражненій не доходитъ до существенной задачи прійдтись по душѣ народу звуками его собственнаго сердца и помысла. Лонгфелло̀ не напрасно обращается къ художникамъ съ золотымъ можно-сказать увѣтомъ:

Ты, ораторъ, живописецъ или же нашъ братъ, поэтъ,
Помни: что̀ всего намъ ближе, того въ мірѣ лучше нѣтъ.

Его Эванджелина напоминаетъ Германа и Доротею; миръ семейной жизни стойтъ и у него въ противоположности съ тревогами войны; но на мѣсто счастливаго взаимнаго обрѣтенія другъ другомъ двухъ идеально-настроенныхъ душъ среди треволненій реалистически-изображеннаго міра ставитъ онъ многолѣтніе тщетные другъ за другомъ поиски двухъ разлученныхъ судьбой изгнанниковъ, пока наконецъ возлюбленный не умираетъ въ объятіяхъ своей суженой уже посѣдѣвшимъ старикомъ. Здѣсь онъ также воспользовался и гексаметромъ, тогда какъ въ пѣснѣ про Гайявату, посвященной индѣйству и его сказаніямъ, поэтъ создалъ чудесную подлинно форму, удивительно напоминающую финнскій эпосъ и какъ-нарочно вылитую по содержанію.—Романы Купера тоже всѣ вращаются на родной почвѣ, и герои ихъ разъигрываютъ свою роль въ достогласной войнѣ за независимость, или въ качествѣ поселенцевъ углубляются въ первобытные лѣса̀, полные ужасовъ и прелести; а не то самъ поэтъ становится разъищикомъ послѣднихъ Могиканъ, странствуя въ кожаныхъ чулкахъ посреди Индѣйцевъ. Такъ сдѣлался онъ даровитымъ ученикомъ Вальтеръ Скотта, восторженно преданнымъ подобно ему чести и величію отечества.

Во Франціи Наполеонъ III „спасъ общество", нарушивъ данную присягу и отважившись на убійственное насиліе; онъ испортилъ это общество и самого̀ себя тѣмъ, что слишкомъ ужь расчитывалъ на дурныя страсти, что хотя и успѣшно вторгался въ исторію съ ходячими идеями нынѣшняго вѣка, — съ національностью, съ правомъ народовъ самимъ располагать собою, съ свободою торговли, но зато безъ всякихъ нравственныхъ цѣлей съ высоты престола благопріятствовалъ азартной игрѣ счастія, на удалу́ю, и благодаря этому общимъ лозунгомъ во Франціи сдѣлались деньги и наслажденіе, а вовсе уже не какой-либо долгъ, и мгновенный успѣхъ сталъ для всѣхъ единственнымъ кумиромъ. Такимъ образомъ промышленное удальство вскорѣ зашло и въ литературу; тамъ перестали уже обращать вниманіе на высшую необходимость такой-то именно опредѣленной формы для такого-то или другого содержанія, а прямо вошло въ моду брать за одну и ту же идею или

исторію вмѣстѣ и плату отъ книгопродавца за романъ и свою долю въ театральномъ сборѣ за піэсу. Флоберъ принялся изображать общество на естествовѣдный вполнѣ ладъ, и всѣ, какъ въ предъидущую эпоху, находили интереснымъ искать священныхъ обликовъ именно въ грязи, совмѣщать свинство съ сантиментальностью, выводить героевъ совершающихъ преступленія изъ одного лишь бахвальства и превозносящихся этимъ, какъ чѣмъ-то удивительнымъ. Вообразите себѣ вонь парижскихъ клоакъ, усиленную и растворенную запахомъ выхухоля, мускуса и ладана, тогда, по справедливому замѣчанію Юліана Шмидта, вы получите понятіе объ атмосферѣ книги какого-нибудь Фейдо̀. Дюма̀ сынъ изображаетъ намъ камелію или простосказать куртизанку, которая любовью къ благородному юношѣ хочетъ искупить свою вину, воротить себѣ дѣвственность, а между тѣмъ продолжаетъ высасывать у богатыхъ благопріятелей всѣ средства на безумную роскошь и умираетъ отъ послѣдствій своего распутства. Тотъ же авторъ придумалъ названіе „полусвѣта“ (demi monde) для того особеннаго класса женщинъ, который безпрерывно колеблется между покупными за деньги красотками и такъ-называемымъ хорошимъ обществомъ. Онъ уподобляетъ принадлежащихъ къ этому классу сочнымъ и пріятнымъ на вкусъ грушамъ, которыя отложены у разнощика въ особую корзинку и продаются дешевле другихъ, потомучто на нихъ все-таки вѣдь есть черное пятнышко. „Такъ и у женщинъ полусвѣта есть въ прошлой жизни темное пятно; онѣ тѣсно примыкаютъ одна къ другой, для того чтобы это было какъ можно менѣе замѣтно, и съ тѣмъ же самымъ происхожденіемъ, съ тѣми же взглядами, съ тѣми же предразсудками какъ дамы хорошаго общества, онѣ однако не принадлежатъ уже къ нему и составляютъ собственно то, что̀ мы называемъ „полусвѣтомъ“, — міръ не то чтобы аристократическій, да и не то чтобъ среднесословный, но который носится по парижскому океану какъ пловучій островокъ, который вызываетъ, собираетъ и допускаетъ въ себя все падшее все выселившееся, все бѣжавшее съ котораго-нибудь изъ обоихъ материковъ (то-есть изъ аристократическаго и среднесословнаго круга), не считая тѣхъ случайныхъ кораблекрушенцевъ, что̀ приходятъ невѣсть съ какой стороны. Онъ полонъ замужнихъ женщинъ, которыхъ мужей никогда не видать. Онъ рѣшительно новѣйшаго происхожденья. Прежде не водилось такого прелюбодѣянія, какое мы здѣсь разумѣемъ. Супруги были менѣе щекотливы, и для того, что̀ нынче слыветъ прелюбодѣяніемъ, существовало другое, гораздо болѣе пошлое словцо̀, которое часто пускалъ въ ходъ Мольеръ и которое больше обдавало смѣхомъ мужа нежели осуждало виновную жену; но съ тѣхъ поръ какъ мужья, вооружившись кодексомъ, пріобрѣли право извергать изъ лона семьи жену, позабывшую свои обязанности, въ супружескихъ нравахъ произошелъ переворотъ, который и долженъ былъ повести къ созданію новаго совершенно міра; потомучто вѣдь что̀ же сталось со всѣми этими скомпрометированными, разводными, извергнутыми женами? Первая, очутившаяся въ такомъ положеніи, спѣшила скрыть свой позоръ и оплакивать свою вину въ глубочайшемъ одиночествѣ, какое только было ей доступно; но вскорѣ присоединилась къ ней другая, и когда онѣ увидѣли себя вдвоемъ, онѣ стали называть свой грѣхъ несчастіемъ, свое преступленіе ошибкой, и принялись взаимно извинять и утѣшать другъ друга. Когда ихъ

оказалось три, онѣ начали приглашать другъ друга къ обѣду; вчетверомъ онѣ пустились уже и въ кадриль. Вскорѣ сгруппировались въ одно цѣлое и эти женщины, и молодыя дѣвушки, поскользнувшіяся на первомъ шагу жизни, и фальшивыя вдовы, и фальшивыя замужнія жены, носящія имя человѣка, съ которымъ онѣ попросту живутъ, — однимъ словомъ всѣ женщины въ ложныхъ положеньяхъ, которымъ хочется увѣрить что и онѣ въ свое время были чѣмъ-то и не хочется казаться тѣмъ, что онѣ есть. Въ настоящую пору не совсѣмъ правильный этотъ міръ идетъ себѣ очень правильно, благополучно, и незаконное это общество особенно привлекаетъ къ себѣ молодежь; любовь тамъ легче нежели вверху и дешевле нежели внизу". Молодой Дюма̀, Ожьѐ, Сарду́, Фёльѐ распространили современную комедію нравовъ въ прозѣ изъ Парижа по всѣмъ рѣшительно европейскимъ краямъ. Въ среду комическихъ положеній и легкомысленнаго вообще діалога вставляется обыкновенно какая-нибудь трогательная исторія, какая-нибудь добродѣтельная фигура, которая и садится подконецъ за столъ, послѣ того какъ „порокъ уже вырвало отъ объяденья": надо же вѣдь удовлетворить хоть сколько-нибудь и нравственности. Но ни кто, при всемъ томъ, не станетъ оспоривать у Французовъ драматическаго умѣнья, искусства пустить въ ходъ любой сюжетъ. Они одни въ новѣйшее время обладаютъ въ Парижѣ тѣмъ дружнымъ совокупнымъ дѣйствіемъ автора, актёра, публики, которымъ овозможивается общій для всѣхъ стиль и непрерывное развитіе техники; тамъ не такъ какъ у насъ, каждый не думаетъ все переначинать сначала, не думаетъ быть своеобразнымъ рѣшительно во всемъ, все снова переиначить посво̀ему; тамъ, напротивъ, каждый старается быть приличнымъ, остроумнымъ, любезнымъ въ извѣстныхъ общепринятыхъ всѣми формахъ; оттого и умѣютъ они сценически построить дѣйствіе, выработать благодарныя роли для октеровъ, заинтересовать и пріятно занять публику. Понса̀ръ, который въ трагедіи, писанной завѣтнымъ александрійскимъ стихомъ, примыкалъ къ классикамъ Возрожденія, и въ своей римской „Лукреціи", въ своей „Шарлоттѣ Кордѐ" вывелъ двѣ чистыя и высокія женскія фигуры во всемірноисторическихъ событіяхъ, — Понса̀ръ, въ стихотворныхъ своихъ комедіяхъ отразилъ какъ въ зеркалѣ гоньбу за чувственнымъ счастьемъ, заразу биржевыхъ спекуляцій, и заклеймилъ ихъ строгимъ и благородныхъ приговоромъ. Если онъ, съ своей стороны, отливалъ содержаніе реальной жизни въ идеальную форму художественности, то секретарь Наполеона, Мока̀ръ, усердно трудился для тѣхъ театровъ, которые близко примыкаютъ къ цирку съ тѣмъ чтобы въ большихъ патріотическо-солдатскихъ піэсахъ развертывать пестрыя картины французской военной славы, гдѣ, обокъ съ историческими героями, точатъ свои балясы разные инвалиды, маркитантки и юное офицерьё. Знатные круги́ потѣшались между тѣмъ волшебными представленьями, въ которыхъ чуть не совсѣмъ нагія, или даже хуже чѣмъ нагія, танцовщицы привлекали къ себѣ взоры, соперничая съ чудесами театральныхъ машинистовъ. Наконецъ, по прежнему шелъ дитя французскаго ума, водевиль, — какой-нибудь поставленный на сцену каламбуръ или анекдотъ, изъ котораго выскакиваютъ не совсѣмъ скромные куплетцы въ четверостишіяхъ, какъ именно любитъ ихъ народъ; они поются очень бойко и свѣжо и перелетаютъ потомъ изъ устъ въ уста день, другой послѣ представленья. Если Ка̀лишъ остро-

умно воспроизводитъ это въ своей берлинской шуткѣ (Posse), если Вильбрандтъ обдѣлываетъ картинки нѣмецкихъ нравовъ съ тою же сценическою техникой, съ какой Французы умѣютъ поставить свою прелюбодѣйную комедію, то мы охотно привѣтствуемъ это явленіе какъ настоящее, живое взаимнодѣйствіе между двухъ сосѣднихъ народовъ.

Серьёзною оппозиціей противъ наполеонизма представлялись пѣсни рабочаго люда, представлялись деревенскіе разсказы двухъ Альзасцевъ, Эркмана и Шатріана, изображавшіе на ряду съ блестящимъ военнымъ господствомъ и его славою также и неблестящую сторону его бѣдствій и напастей; представлялъ, наконецъ, оппозицію и такой писатель какъ Лабулѐ, когда къ веселой шуткѣ въ своемъ сказочномъ романѣ „Принцъ-Пудель“ онъ присоединилъ требованіе общинной свободы, самоуправленія для всѣхъ общественныхъ союзовъ, разсредоточенія для Франціи и ея полнаго участія въ зарождающейся понемногу политической работѣ, которая одна способна вывесть націю изъ постояннаго колебанія между деспотизмомъ и анархіей, изъ противоположности между безвѣріемъ и поповствомъ. Ренанова „Жизнь Іисуса“ была граціозно-яснымъ, но конечно ужь смахивающимъ на романъ употребленіемъ добытковъ научной критики для художественно-исторической картины; но когда авторъ хочетъ предоставить народъ въ полное распоряженіе римской Церкви, лишь бы она, въ свою очередь, дозволила ученымъ идти ихъ дорогою, то намъ прійдется обождать для Франціи другого реформатора, который подлинно очистилъ бы религію и вмѣстѣ углубилъ бы образованье; а расходясь эти двѣ стихіи все дальше и дальше, какъ допускаетъ это Ренанъ, то не избѣжать паденія народу, не связанному внутренно ни какимъ общимъ міросозерцаньемъ.

Если мы заглянемъ теперь въ другіе романскіе края, то увидимъ, что въ Испаніи историческій и нравоописательный романъ расцвѣлъ благодаря таланту Фернанъ Кавальеро; подъ этимъ именемъ пишетъ дочь Нѣмца, Бёля фонъ-Фаберъ, поселившагося въ Кадиксѣ и женатаго на природной Испанкѣ. Она возстаетъ противъ современнаго образованія, потомучто оно не даетъ себѣ ни въ вѣрѣ, ни въ нравообычаѣ благонадежнаго и удовлетворяющаго сердце облика; она превозноситъ непоколебимыя церковныя формы и тотъ церковно-благочестивый духъ, который сообщилъ всему испанскому рѣшительный его отпечатокъ; повѣрья, поговорки народныя собираетъ она не въ ученыхъ какихъ-нибудь гербаріяхъ, — пастушонокъ передаетъ ихъ у нея деревенской дѣвочкѣ, стерегущей гусей, они слышатся прямо изъ устъ крестьянина.—Въ Италіи Гверацци поднялъ бичъ своей сàтиры въ романѣ, въ то самое время какъ обнажилъ и мечъ противъ чуждыхъ утѣснителей; онъ рѣшительно возсталъ противъ верховнаго господства папы; всѣ борьбы, страданія, надежды юной Италіи нашли себѣ въ немъ соотвѣтственные голосà, хотя, надо сказать правду, его муза слишкомъ ужь большая охотница до ужасовъ. Подвиги Гарибальди и поэтичнѣе и крупнѣе его стихотворныхъ произведеній. Но въ лицѣ Джусти Италія обладаетъ лирикомъ, подходящимъ и по манерѣ и по достоинству къ Французу Беранжѐ. Патріотическая скорбь и веселая вмѣстѣ шутка, сатирично-реалистическое отраженіе дѣйствительности въ художественно-обточенной формѣ, умѣнье всегда начисто

схватить отличительную именно черту и воспроизвесть родовой, вездѣ и всегда полносильный пошибъ въ индивидуальномъ,—вотъ что придавало его стихамъ никогда не допускавшимся въ печати, силу проникать въ глубину душъ и жить въ сердцѣ и памяти народа. Легкокрылая поэзія Джусти и броненосная проза Мадзини, этого безоглядтаго агитатора, который съ серьёзностью мыслители соединялъ пылкое политическое и религіозное рвеніе, возбуждаемое Маккіавелли и Савонаролой, проложили искусной политикѣ Кавура и саблѣ Гарибальди готовые пути, по которымъ они могли достичь единства и независимости Италіи. И да не забудетъ этотъ край достопамятнаго увѣта Мадзини: что духоборный матерьялизмъ не можетъ быть убѣжденіемъ свободнаго народа, для котораго необходимы нравственное самообладаніе, вѣра въ идеалы и ихъ вѣчное осуществленіе въ живомъ, вездѣсущемъ Божествѣ.

„Склонясь главой, но не сломясь", возстала теперь и Венгрія для пріобрѣтенія себѣ бо̀льшей самобытности, съ тою, конечно, разницей, что тутъ не могла, какъ въ Италіи, предъявить высшихъ своихъ правъ завоевателю извѣчная, старобытная культура; здѣсь вплоть до нашего времени царила естественная необразованность, — дворянскій и мужицкій элементъ безъ развито̀го среднесословнаго гражданства. Лирика и романъ сопровождали и въ Венгріи успѣшную политическую борьбу, которая наконецъ таки-достигла своей цѣли упорною выдержкой послѣ кровопролитнаго возстанія и не менѣе кровопролитнаго усмиренья. Вслѣдъ за любовными пѣснями Кисфалуди, основателемъ отечественной литературы во всѣхъ поэтическихъ ея формахъ слыветъ Вёрёшмартьи; но свѣжей геніальностью далеко превзошелъ его Александръ Петёфи въ своихъ пѣсняхъ, которыя онъ распѣвалъ какъ студентъ, солдатъ, странствующій комедіантъ, въ народномъ совершенно тонѣ и однакожь съ такою полновластной субъективностью, которая напоминаетъ даже Гейне. Въ немъ Венгрія нашла себѣ настоящій свой голосъ, дѣйствительная жизнь стала въ поэтической душѣ его (народною) мело̀діей. Болѣе пропитанный образованіемъ нашего времени, Эётвёшъ обратился къ нравоописательному роману; какъ новеллистъ, сто̀итъ на ряду съ нимъ Іокай. Оба они признаны и у насъ въ Германіи.

Въ Норвегіи Бьорнсчерне Бьорнсонъ писалъ трагедіи по древнимъ сѣвернымъ былинамъ, но сталъ гораздо выше въ своихъ полныхъ свѣжей силы мужицкихъ повѣстяхъ, которыхъ дюжее здоровье привлекаетъ насъ болѣе пошловатыхъ будничныхъ исторій Шведки Фредерики Бремеръ. Такъ и въ Скандинавіи замѣтно обращеніе къ своей собственной, и современной притомъ жизни *.

Именно съ тѣхъ самыхъ поръ какъ Бельгія и Голландія порознились политически, въ духовной жизни обѣихъ странъ дружно пробудились нижнегерманскія стихіи, и, не говоря уже о лирикѣ, охота къ изображенію народныхъ нравовъ и характеровъ проявилась здѣсь совмѣстничествомъ пера съ

* Едва ли нужно говорить, что это въ бо̀льшей еще степени распространилось въ послѣднее время и у насъ. Историческій романъ, какъ и историческая трагедія, даются намъ напротивъ очень плохо. Прим. перев.

кистью давно прославившихся жанристовъ въ юмористическихъ и вдумчивыхъ разсказахъ Леннепа, Консьянса и другихъ современниковъ. Въ связи съ наукою, которая обезпечила нижнегерманской рѣчи ея значеніе и почетъ и которая вообще видитъ въ каждой истинно-народной молви не испорченный только письменный языкъ, а напротивъ самородную основу, идущую обокъ съ художественно-обдѣланнымъ и установленнымъ литературой способомъ выраженія,—въ связи съ этой новорожденною наукой, появились одновременно въ Германіи лирикъ Клаусъ Гротъ съ своимъ „Квикборномъ“ и въ лицѣ Франца Рейтера юмористическій разсказчикъ съ такимъ наивнымъ взглядомъ на жизнь, съ такою задушевной искренностью и наглядною пластикой характеровъ, что онъ вполнѣ завоевалъ себѣ право гражданства въ середней и южной Германіи. Изъ поры французскаго нашествія, въ тѣсной рамкѣ исторіи, происходившей въ маленькомъ городкѣ всего лишь нѣсколько дней, съумѣлъ онъ дать символически-знаменательную картину, полную характерныхъ фигуръ, которыя онъ прекрасно выставилъ и съ серьёзной ихъ стороны, и съ комической. Но прямо мастерскимъ произведеніемъ можно назвать романъ его „Изъ времени моей жизни“ (Ut miner Stromtid); какъ онъ начинаетъ здѣсь глубокой грустью, и потомъ, въ противоположность многимъ реалистически-грубоватымъ и потѣшнымъ сценамъ, доходитъ чуть не до крайняго рубежа трагизма съ тѣмъ чтобы напослѣдокъ достичь веселаго, всепримиряющаго конца,—это понравилось намъ тѣмъ болѣе, что мы увидѣли здѣсь желаннаго себѣ союзника въ борьбѣ противъ чваннаго пресыщенья міромъ и противъ геніальнаго умничанья; нравственно-хорошее и чистое какъ въ лицахъ, такъ и въ событіяхъ, вышло тутъ на дѣлѣ истинно-поэтическимъ, невольно привлекающимъ сердца, и конечно какіе-нибудь рейтеровы Гаверманъ и Брезигъ, какъ характеры чисто-нѣмецкаго закала, вправѣ подать руку иммерманову сельскому старостѣ. Изъ деревенскаго разсказа тутъ выросъ уже цѣлый романъ, и даровитая душа, равно какъ и остроуміе поэта, развернулись гармонически не въ какихъ-нибудь обстановочныхъ только затѣяхъ, а именно въ самомъ содержаніи. Какъ отрадно увидѣть Рейтера рядомъ съ этими Фаустинами, которыя отрекаются въ монастырѣ отъ своего безпутнаго вольнодумства для того чтобы съ той же самой суетностью щеголять потомъ своимъ кумиропоклонствомъ папѣ,—рядомъ съ тѣми жалкими „небоборцами“, которые пьютъ шампанскимъ на погибель Вѣчному,—рядомъ съ послѣдователями Шопенгауэра, которые голосятъ о мукахъ вселенной, не успѣвши еще ни чего пережить въ своей собственной душѣ, и порываются къ нирванѣ, какъ къ уничтоженію, а вовсе не какъ къ блаженному покою, только потому, что они заранѣе опустошили себѣ душу безграничнымъ чувственнымъ наслажденіемъ! Подобныя же настроенія и стремленья высыпаютъ, какъ ни куда не годный бурьянъ, и въ лирикѣ; зато какъ пріятно тогда испить горной ключевой воды, что льется, напримѣръ, въ старобаварскихъ стихотвореніяхъ Кобелля, гдѣ въ пѣсняхъ и поговоркахъ онъ соперничаетъ съ женами альпійскихъ пастуховъ, съ охотниками, и вводитъ черты народнаго быта въ литературу народною же прямо и рѣчью. Искусный виртуозъ, онъ мастеръ играть на разныхъ инструментахъ, и для другого рода сюжетовъ умѣетъ попасть въ настоящій тонъ пожалуй и на пфальцскомъ еще діалектѣ.

Романъ также и на верхненѣмецкомъ языкѣ сдѣлался зеркаломъ времени, его культуры и стремленій. Гуцковъ выступилъ здѣсь первый съ своими „Рыцарями духа"; въ цѣлой чередѣ рвущихся на дѣло юношей и зрѣлыхъ людей удалось ему изобразить многоразличныя задачи и направленія, которыя влекутъ насъ за собою и среди которыхъ мы движемся; но когда дѣло доходитъ до того, чтобы ясно высказать цѣль ихъ человѣчнаго союза, — рѣшающее слово не является, и мы остаемся среди литературныхъ дилеттантовъ, все равно носятъ ли они на плечахъ царскую мантію или же простой рабочій зипунъ. Вся ширь существованія развертывается передъ нами въ пестрой чередѣ сценъ, художественное единство низведено при этомъ до простой сопостановки, которая, какъ здѣсь, такъ равно и въ его „Римскомъ волхвѣ", не даетъ намъ окинуть взглядомъ все разнообразіе картинъ католицизма на югѣ и на сѣверѣ, такъ чтобы получить отъ нихъ одно цѣлостное впечатлѣнье, хотя не льзя довольно надивиться богатой изобрѣтательности автора въ виду этой бездны вѣрно обрисованныхъ личностей и жизней. Въ противоположность этому, Фрейтагъ въ своемъ „Долженъ и имѣетъ" (Дѐбетъ и крѐдитъ) ограничился гораздо болѣе тѣснымъ кружкомъ; онъ обратился къ трудовой жизни народа, онъ противопоставилъ честную среднесословную дѣятельность безстыдной жидовской наживѣ и дворянству, погибающему отъ того, что оно хочетъ жать, гдѣ не сѣяло; если прежде наши лирики сплошь и рядомъ влагали въ уста Полякамъ свою собственную тоску по свободѣ, то въ картинѣ негоднаго польскаго хозяйства Фрейтагъ выставилъ теперь причину его распаденія. Объ идеалахъ жизни онъ не говоритъ; въ любомъ званіи, думаетъ онъ, главное — исполнять поденную свою обязанность. Тѣмъ не менѣе авторъ очевидно сочувствуетъ сидящему за конторкой геніальному джентльмену, Финку; но онъ заставляетъ своего рыцаря духа, какъ Гёте своего Вильгельма Мейстера, обратиться подконецъ къ регулярной дѣятельности. И все изложено у него съ такой веселою граціей, * какъ будто бы и разсказывалъ-то намъ это самъ Финкъ; притомъ внутренній организмъ романа округленъ во всей чистотѣ, и оттого произведеніе это превосходно въ своемъ родѣ и гораздо выше „Утраченной рукописи" того же автора, въ которой идеальная фигура Ильзы потемняетъ собой всѣхъ мужщинъ, и гдѣ, въ ихъ именно кругу, мы не находимъ творчески-философскаго духа на ряду съ школьной ученостью. Написанныя Фрейтагомъ картины изъ германской старины возводятъ добытки историческихъ розысканій до прозрачно-художественной ясности. — „Между небомъ и землею", такъ называется книга, на которой основано безсмертіе Оттона Лудвига; въ семьѣ кровельщиковъ переживаемъ мы здѣсь необыкновенно энергично нравственное заблужденіе и исправленье, потому что авторъ столько же твердъ въ идеальныхъ этическихъ понятіяхъ, сколько одаренъ способностью схватывать дѣйствительность зоркимъ глазомъ истиннаго реалиста. Та точная опредѣленность, которая относительно сюжета является лишь надлежащимъ ограниченіемъ, а относительно формы — строгою къ себѣ художественностью, дѣлаетъ этотъ романъ трагическимъ противнемъ къ роману „Долженъ и имѣетъ". — Между Фрейтагомъ и Гуцковомъ, какъ между двумя

* Не безъ утомительныхъ, однакожь, длиннотъ и скучныхъ повтореній. Прим. перев.

полюсами, благосклонность читателей подѣляютъ между собой Шпильгагенъ, Ауэрбахъ, Роденбергъ, Шюкингъ и Фанни Левальдъ, Максъ Рингъ и Оттонъ Мюллеръ, тогда какъ Павелъ Гейзе стоитъ рѣшительно первымъ по части повѣстей или новеллъ. Естественныя и историческія картины тѣсно связываютъ съ новеллою въ изображеніи странъ и людей Риль и Морицъ Гартманъ, Штейбъ и Пихлеръ, каждый въ своемъ родѣ искусно и удачно. Остроуміе, въ лицѣ Калиша и Павла Линдау, а также и ученыхъ сотрудниковъ „Кладдерадача", даетъ много рѣзкихъ и забавныхъ очерковъ современныхъ намъ личностей и дѣлъ,—очерковъ не уступающихъ лучшимъ юморескамъ Лихтенберга. Совершенно въ духѣ нашего времени, Гейзе идетъ обыкновенно отъ какой-нибудь психологической проблемы, и умѣетъ разрѣшить ее для полнаго фантазіи созерцанія мѣткимъ выборомъ характеровъ, нѣмецкой или итальянской атмосферы, общаго настроенія и освѣщенья; благородство души и образованность автора обнаруживаются во всѣхъ его произведеніяхъ и сдерживаютъ самую страсть всегда въ предѣлахъ надлежащей мѣры; такъ оно бываетъ по крайней мѣрѣ въ удачнѣйшихъ его повѣстяхъ, которыя своей кристаллически-ясной прозой ни въ чемъ не уступятъ стихотворнымъ новелламъ, все равно, хватаются ли онѣ съ привольнымъ юморомъ за новѣйшіе какіе-нибудь переживы, или, какъ напримѣръ въ „Теклѣ", обращаются къ христіанской древности и берутъ фономъ для цѣлой картины души разность христіанства отъ греческой философіи и отъ богослуженія язычниковъ, или же, наконецъ, выпрядаютъ изъ сонеттовъ Рафаэля милѣйшій разсказъ о любовныхъ страданіяхъ и радостяхъ. Въ новеллѣ всѣхъ ближе къ нему стоятъ Германъ Гриммъ и Вильбрандъ, а въ поэтическомъ разсказѣ мастеръ на художественную разработку, Грегоровіусъ, и еще Юлій Гроссе, замѣчательный богатствомъ фантазіи и пускающійся съ одинаковой легкостью на Западъ и на Востокъ, на античные и на новѣйшіе наши ритмы. И его лирика такъ же значительна по искренности чувства, по патріотическому одушевленію, какъ и по веселому настроенью. Чистый колокольный звонъ пробуждаетъ души въ пѣсняхъ Шторма къ предвѣчному. Фишеру, какъ пѣвчей птицѣ, всего повадиѣе на волѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Шакъ въ своихъ стихотвореніяхъ умѣетъ сочетать благородную скорбь съ запасомъ свѣтлыхъ мыслей и колоритнѣйшими описаніями. Шеффель удачно оживляетъ передъ нами прошлое серьёзно и шутя, въ стихахъ и въ прозаическомъ изложеніи; у Герца древнегерманскія былины даютъ отъ себя совершенно свѣжій цвѣтъ. Гамерлингъ началъ формальною только красотою въ своихъ „Думкахъ и любовныхъ напѣвахъ" (Sinnen und Minnen); настоящее жизненное содержаніе далось ему въ „Лебединой пѣснѣ романтики"; за тѣмъ повелъ онъ Агасвера въ нероновскій Римъ и соблазнился здѣсь на чудовищные контрасты съ эффектно яркимъ освѣщеніемъ. Если въ „Сіонскомъ царѣ" ему удастся поумѣрить тѣ излишества, какія онъ допустилъ при изображеніи Анабаптистовъ, и поставить цѣлое въ уровень съ очаровательнымъ началомъ и его таинственною лѣсною поэзіей, — мы пріобрѣтемъ тогда историческій эпосъ прочнаго достоинства. Такой именно эпосъ указывается, на мой взглядъ, въ будущемъ не только что ходомъ нашего романа, но и всѣмъ развитіемъ нашей поэзіи; послѣдняя, равно какъ и изобразительное искусство, исходя отъ вѣрнаго природѣ жанроваго реализма дой-

детъ до вѣрнаго жизни идеальнаго стиля, если только намъ суждено побороть всѣ противоположности времени величавымъ развитіемъ въ общественномъ быту и помирить ихъ въ одномъ цѣльномъ міросозерцаніи, равно справедливомъ къ духу и къ природѣ, къ небу какъ и къ землѣ.

Я долженъ припомнить здѣсь слова Мерка при первомъ появленіи гётевскаго Вертера, гдѣ чувство автора „одушевило неподражаемою поэзіей любую мѣстность и любую индивидуальность". „Пусть онъ будетъ и останется примѣромъ для нашихъ начинающихъ поэтовъ, говоритъ Меркъ, — примѣромъ именно въ томъ, чтобъ не отваживаться ни сочинять, ни передавать ни малѣйшей бездѣлицы, которой подлиннаго присутствія въ природѣ не подмѣтили они откуда-либо ясно и несомнѣнно, будь эта бездѣлица внѣ насъ или въ насъ самихъ, все равно. Кто не умѣетъ подмѣтить эпическаго и драматическаго духа въ самыхъ пошлыхъ сценахъ домашней жизни и перенесть на бумагу то что̀ есть тутъ подлежащаго изображенью, тотъ лучше и не пускайся въ неоглядныя сумерки той идеальной области, гдѣ будутъ рѣять передъ нимъ только изъ дали колеблющіяся тѣни никогда не вѣдомыхъ ему прежде героевъ, рыцарей, волшебницъ и царей. Если онъ достигъ уже зрѣлыхъ лѣтъ и составилъ себѣ свой собственный образъ мыслей, то въ произведеніяхъ своихъ онъ можетъ дать просквозить, въ видѣ свѣтлой надписи, тѣмъ искрамъ чувства и разсудливаго ума какія зажглись въ душѣ его при томъ или другомъ случаѣ; но если въ запасѣ его опытовъ нѣтъ у него ничего подобнаго, чѣмъ бы угостить насъ, то пусть лучше онъ и не выставляетъ напоказъ своихъ пошлостей и немудрыхъ правилъ". Это стало уже съ тѣхъ поръ общимъ мнѣніемъ, и не должно̀ забываться никогда; но что и дѣйствительное, возведенное въ его собственный идеалъ, что великіе, свѣтлые примиряющіе помыслы, а также и всѣ міродвижныя дѣла, могутъ передаваться поэзіей и онагляживаться изобразительнымъ искусствомъ, этотъ идеальный реализмъ остается и донынѣ задачей, на рѣшеніе которой мы уповаемъ въ будущемъ.

Ново-Германская имперія и нравственный міропорядокъ.

„Если прусское оружіе матерьяльно осуществило великую мысль единства Германіи, то этому предшествовала вѣдь подготовительная работа умственной дѣятельности, начавшаяся съ Лейбницемъ и продолжавшаяся вплоть до нашихъ дней. Этому содѣйствовали философы и поэты, бытописатели и критики, такъ что можно положительно сказать: возрожденіе Германіи есть собственно дѣло мысли и науки. Въ любой области человѣческаго знанія, въ любой формѣ поэтическаго творчества духовная Германія подго-

товляла новый политическій ея складъ. Наука и литература, исторія и философія дали германскому народу глубокое чувство собственной народности, научили его смотрѣть на самого себя, какъ на предназначеннаго къ великому историческому призванію, вмѣнили ему въ неотложную обязанность исполненіе этого призванья. То подлинно и составляетъ отличительный признакъ германскаго движенія, что оно сначала было дѣломъ духа, самосознательности, а потомъ, когда созрѣло уже послѣднее, оно обратилось въ дѣло матерьяльной силы. Идея предшествовала факту, какъ грому предшествуетъ молнія, и прежде чѣмъ Германцы сдѣлались матерьяльно-могущественнѣйшимъ народомъ въ Европѣ, они стали всѣхъ выше въ умственномъ образованіи: политическое первенство было дѣйствіемъ и слѣдствіемъ духовнаго. Кто живъ вѣрою въ значеніе духа на этомъ свѣтѣ, тотъ мало уповаетъ на прочность тѣхъ созданій, которыя являются плодомъ однихъ политическихъ и военныхъ замысловъ, безъ достаточной умственной и нравственной подготовки. Но тамъ, гдѣ народъ обладаетъ истинно національною, всѣми созданною и всѣмъ общею философіей, историкой, поэзіей, наукой, музыкой, гдѣ въ теченіе цѣлаго слишкомъ столѣтія непрерывно возростающимъ развитіемъ единство обосновалось въ области мышленія и познанья, тамъ пусть себѣ настанутъ Садова и Седанъ; они найдутъ распаханную уже почву, способную принесть здоровые плоды. Стало-быть ново-германская имперія вовсе не дитя насилія, какъ говорятъ безъ толку иные: это политическая отчеканка духовнаго образованія, это торжество продолжительной культурной работы, достигнутое — какъ въ царствѣ фактовъ одерживаются и всѣ вообще побѣды — употребленіемъ силы на службу идей.“

Я охотно предоставилъ здѣсь слово Итальянцу Чивинини, чтобы въ свидѣтельствѣ иноземца совокупить воедино все то, что идетъ у меня красною ниткой по цѣлому пятому тому моего сочиненія. Когда занялась заря новой эры духа, мысль должна была стать въ челѣ жизни и развитія, и такимъ образомъ, въ періодъ идеализма, наши поэты, наши философы, духовнымъ поднятіемъ народа, пробужденіемъ въ немъ сознанія, заложили основу тому, что въ періодъ реализма осуществилось общее задушевное желаніе, что возникло свободное германское союзное государство, что нами добыто наконецъ отечество. Что это совершилось помимо опасностей и ужасовъ внутренняго переворота, во время войны съ иноземнымъ врагомъ и путемъ мирнаго соглашенія, этимъ мы обязаны судьбѣ, вознаградившей народъ за то, что онъ не опьянѣлъ отъ побѣдъ и ратной славы, и даже середи военнаго разгара энергически взялся за внутренній политическій трудъ; такъ, новая имперія, возсоединивъ съ собой оторванные отъ нея члены, могла быть провозглашена, съ торжественнымъ привѣтствіемъ императору, въ томъ самомъ залѣ, гдѣ Лудовикъ XIV, на росписномъ потолкѣ, горделиво смотритъ на побѣжденную и униженную имъ Германію. Италія также поработала духомъ, а оттого прусская побѣда при Садовѣ помогла ей добыть Венецію, а Германская подъ Седаномъ—пріобрѣсти Римъ. Если, наконецъ, оба народа эти объединились одновременно, то да будетъ это имъ увѣтомъ на общую культурную работу, и прежде всего въ религіозной области,—увѣтомъ да вмѣстѣ и порукой за успѣхъ.

Оглянувшись въ своихъ воспоминаніяхъ назадъ, мы увидимъ что со времени іюльской революціи народное участіе гораздо менѣе поддерживало поэтовъ, нежели въ прежнее время. Надо всѣмъ взяла верхъ политика: Роттекъ, Велькеръ и Виртъ, Пфицеръ и Гагернъ, потомъ Дальманъ и Гервинусъ, Винке и Вальдекъ, Гекеръ, Блумъ и Лёве, наконецъ Гнейстъ и Ласкеръ, Трейтшке и Фёлькъ,—вотъ имена, гремѣвшія у насъ вездѣ; въ палатахъ и въ журналистикѣ руководили они напиравшимъ снизу движеніемъ, и тѣ требованія свободы, какія формулировало оно тогда, были однимъ разомъ побѣдоносно проведены мартовскимъ возстаніемъ, вслѣдъ за февральскою революціей въ Парижѣ,—проведено было и созваніе парламента во Франкфуртъ съ тѣмъ чтобы конституціонно организовать единство Германіи. Но прежде чѣмъ закончилось здѣсь обсужденіе основныхъ правъ, военная реакція снова одержала верхъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, и король Прусскій отказался тогда отъ германскаго императорства; онъ унизился въ Ольмюцѣ передъ Австріей и вступилъ въ союзъ съ поповствомъ, какъ будто бы оно было настоящею опорой трона и порядка въ обществѣ, а вовсе не хотѣло властвовать само. Но національная мысль работала по прежнему неустанно: Таможенный Союзъ, желѣзныя дороги сблизили дальнія разстоянія и расширили не одинъ товарный оборотъ, но и личныя сношенія между сѣверомъ и югомъ, университеты охраняли право, свободныхъ переходовъ и перезововъ изъ одного въ другой, и Баварскіе короли, сдѣлавъ Мюнхенъ прибѣжищемъ германскаго искусства и знанія, порушили этимъ заклятіе, державшее страну ихъ подъ іезуитскимъ вліяніемъ и поодаль ото всѣхъ другихъ; мы готовы вѣрить, что привлеченные тѣмъ на югъ сѣверные Нѣмцы содѣйствовали съ своей стороны къ объединенію родного края,—не даромъ же такъ часто и ожесточенно повторяютъ это ультрамонтанскіе партикуляристы въ Баваріи. Но и въ Пруссіи зашевелилось оскорбленное чувство чести и побудило одного изъ передовыхъ поборниковъ королевской власти противъ либерализма взять въ свои руки верховодство общегерманскимъ дѣломъ, въ званіи сперва посланника, а потомъ и министра, съ тѣмъ чтобы добыть подобающее мѣсто для Пруссіи. Такъ-какъ (новый) король Вильгельмъ также этого хотѣлъ, а министръ фонъ-Роонъ успѣлъ заготовить къ тому оружіе въ военной организаціи, то Бисмаркъ не таилъ уже болѣе ни отъ кого, что германскій вопросъ слѣдуетъ рѣшать не пѣснями и тостами, а, въ виду тогдашняго положенія, прямо оружіемъ и кровью; онъ росъ вмѣстѣ съ великими своими цѣлями и умѣлъ повести дѣла такъ, что сила Пруссіи вторично опять сомкнулась съ германскимъ духомъ. Мало того: такъ-какъ самъ онъ и его товарищи стояли въ консервативномъ лагерѣ, а мысль объединенія издавна шла отъ прогрессистовъ, то отрадная готовность обѣихъ сторонъ дѣйствовать въ рѣшительную минуту заодно явилась неоспоримымъ свидѣтельствомъ, что эта мысль стала общимъ для всѣхъ дѣломъ, для всѣхъ, одаренныхъ энергіей и здравымъ умомъ. Австрія, опираясь на Славянъ, Венгровъ, Итальянцевъ, производила на насъ задерживающее вліяніе настоящаго чужевластья; вліяніе это было сокрушено, но зато сдѣлалась возможна двоякая, какъ двуглавый орелъ, германская имперія: здѣсь—чисто-нѣмецкая въ союзномъ государствѣ, тамъ—духовно руководящая Востокъ нѣмецкимъ элементомъ, стоящимъ въ тѣснѣйшей идеальной и матерьяльной связи съ единокровными ро-

дичами; а раздѣлись Австрія на составныя свои части, для ея Нѣмцевъ заранѣе готовъ уже притягательный и кристаллизаціонный центръ. И вотъ, когда духовный и свѣтскій деспотизмъ на Тибрѣ и на Сенѣ объявили германскому народу войну чуть въ одинъ и тотъ же день, не захотѣли терпѣть самобытности нашего духа, установленія союзнаго государства Германіи, а задумали, напротивъ, наложить на разорванные и сокрушенные ея члены иго чуждой власти,—тогда единодушно возстали всѣ германскія племена, забыты были всѣ раздоры партій, съ радостной готовностью жертвовали они кровью и добромъ для спасенія чести, права и свободы; подъ ударомъ мощной ихъ руки распалось затѣянное Наполеономъ карточное зданіе, онъ лишился своего вѣнца, и у Пія IX-го свалилась съ головы свѣтская корона въ то самое время какъ онъ самовольно присвоилъ себѣ божественную непогрѣшительность. Тогда весь германскій народъ проникся возвышающимъ душу чувствомъ, что это не случай, а прямо божій судъ, что тутъ заявили свое могущество духовныя силы, что это побѣда нравственнаго міропорядка, видимое его торжество! Пусть спасительное дознаніе опытомъ того, что̀ требуется разумомъ и совѣстью, принесетъ такіе же плоды искусству и наукѣ, какіе нѣкогда принесло въ Элладѣ послѣ мараѳонской и саламинской битвъ! И да окрѣпнетъ то убѣжденіе, что для совершенія великихъ дѣлъ равно необходимы оба условія,—сила цѣлаго, проявляющаяся въ добротности его членовъ, въ единодушномъ образѣ чувствъ и мыслей, и при этомъ руководящій геній такихъ людей, какъ Бисмаркъ, оказавшійся столько же находчивымъ и смѣлымъ, сколько и непоколебимымъ въ желѣзной своей волѣ, такихъ какъ вооруженный наукою полководецъ Мольтке, умѣющій сперва сообразить, а потомъ разить, одержавшій три тѣмъ болѣе прекрасныя побѣды при Метцѣ, Седанѣ и Парижѣ, что вѣрный идеѣ человѣчности онъ только забралъ въ плѣнъ непріятельскія войска̀ и такимъ образомъ въ эру духа доказалъ преобладающее его вліяніе. Но имъ конечно помогалъ старикъ Кантъ своимъ „категорическимъ императивомъ": чувство долга было живодѣйственно въ нѣмецкой арміи. И такимъ образомъ право было въ силѣ, и сила въ правѣ. Мы извѣдали, мы пережили Бога въ исторіи, и одна изъ основныхъ мыслей моей книги подтвердилась на дѣлѣ. У насъ есть теперь германское отечество. То, что̀ я хотѣлъ выставить въ видѣ требованія и пожалуй въ видѣ предсказанья, когда задумалъ этотъ томъ и приступилъ къ его исполненію, то самое, къ своей сердечной радости, могу я привѣтствовать, какъ совершившійся уже фактъ, гораздо скорѣе и счастливѣе нежели мнѣ воображалось.

Но не все же, какъ водится обстоитъ вполнѣ благополучно! другой врагъ нашъ, Римъ, не преодолѣнъ еще внутренно въ сердцахъ многихъ милліоновъ, и онъ тотчасъ же заявилъ свою непріязнь Германской имперіи, тотчасъ собралъ вокругъ себя эгоистичныя сепаратистскія поползновенія и всѣхъ враговъ благоустроенной свободы. Но станемъ лучше вѣрить, что и это хорошо: видно, такова воля благого Провидѣнія, чтобы народъ нашъ не заснулъ преждевременно на лаврахъ и, въ дремотномъ отдохновеніи, не далъ вырвать у себя обманомъ плодовъ этой войны. Кто, послѣ вольномысленнаго просвѣщенія 18-го вѣка, могъ бы еще подумать, что папа присвоитъ себѣ божественную непогрѣшительность, что епископы, вопреки разуму и противорѣ-

чащимъ тому историческимъ свидѣтельствамъ, не будутъ настолько мужественны чтобы настоять на своемъ противленьи, что, отступясь отъ самобытнаго мышленія и независимой совѣсти, они зачастую преслѣдуютъ теперь дома то самое убѣжденіе, какое первоначально заявили въ Римѣ! А духовенство подчиняется ихъ вліянію. Это истинно печальный опытъ, это такое уничиженіе, которое, какъ перстень Поликрата, должно предостеречь Германію отъ всякой лишней гордыни.

Противуположность между безвѣрнымъ или равнодушнымъ ко всему сверхчувственному нынѣшнимъ образованіемъ и между замкнутостью христіанства въ такія формулы, съ какими не могутъ вполнѣ примириться ни разумъ, ни естественное и историческое знаніе нашего времени,—эта противуположность и та бездна, какую прорываетъ она между людьми вообще и между головою и сердцемъ каждаго въ частности, давно казались мнѣ глубочайшимъ недугомъ нашихъ дней и опаснѣйшею язвою нашей культуры. Нынѣ это становится очевиднѣе чѣмъ когда-нибудь. Незадолго до своей смерти Шлейермахеръ предусматривалъ приближеніе чего-то подобнаго и спрашивалъ друга своего, Люке: „Неужели узелъ исторіи долженъ развязаться тѣмъ, что христіанство пойдетъ обруку съ варварствомъ, а наука съ безвѣрствомъ? Многіе, конечно, станутъ тому содѣйствовать. Въ этихъ видахъ дѣлаются уже довольно дружно разныя подготовленія, и подъ ногами у насъ подымается та почва, откуда готовы выползть темныя личинки тѣсно замкнутыхъ религіозныхъ круговъ, которые объявятъ сатанинскимъ дѣломъ всякое изслѣдованіе, выступающее за предѣлъ стародавней буквы". Личинки потомъ выползли, а правительства, вмѣсто удовлетворенія справедливыхъ требованій народа, думали найдти себѣ надежную опору въ ультрамонтанахъ католической церкви и въ іерархическихъ правовѣрахъ протестантской; разумно-мыслящія духовныя лица были оттѣснены на задній планъ, молодежь старались какъ-нибудь приручить къ устарѣлымъ формуламъ, а съ другой стороны—поддерживать ту мысль, что будто бы пантеизмъ и матерьялизмъ, теоретически отрицающіе свободу, на дѣлѣ все-таки выходятъ исповѣдью всякаго свободнаго человѣка, который готовъ ниспровергнуть догматы, а въ государствѣ ставитъ всего выше право и народное добро. Какъ скоро Шталь, чью силу составляли христіанскія начала, а слабость—схоластическая ихъ формулировка, въ качествѣ словомолвца старо-дворянской партіи рѣшительно объявилъ, что и наука должна повернуть въ попятномъ направленіи, тогда для всѣхъ его противниковъ христіанство запечатлѣлось клеймомъ культуровраждебности, и вмѣсто того чтобъ начинать вѣру тамъ, гдѣ оканчивается для насъ положительное знаніе, съ тѣмъ именно, чтобы она дополняла его, сама на него опираясь, какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны считали ее за слѣпую преданность устарѣлымъ и отжившимъ представленіямъ, какъ будто бы отъ признанія этихъ представленій, а не отъ задушевнаго строя мыслей и чувствъ, не отъ нравственнаго возрожденія, зависѣло наше спасенье. Давно уже и я, и немногіе единомысленные со мной люди, не переставали повторять, что у насъ догматизмъ религіи неизбѣжно вызываетъ на себя догматизмъ безвѣрства; въ самомъ дѣлѣ, появилась бюхнерова „Сила и Матерія", гдѣ вовсе недоказанныя утвержденія Фогта и Молешотта приводились ни дать ни взять, какъ тексты церковныхъ Отцовъ и гдѣ

всенародно проповѣдывалось, что Богъ, свобода, безсмертіе, всѣ эти раціоналистическія идеи, сущая мечта; что Фейербахъ говорилъ не даромъ: человѣкъ то и есть, что̀ онъ ѣстъ; что дѣйствительно на свѣтѣ одно чувственное, что безъ фосфора нѣтъ мысли, и что поэтому мышленіе только фосфоресценція мозга, не болѣе. * Даже такой философскій критикъ, какъ Штра̀усъ, забылъ теперь (среди общаго увлеченія) что мысли и чувства не суть что-либо внѣшнее, объективное, что это внутреннія, субъективныя явленія, которыя необходимо предполагаютъ порождающую ихъ самость; и онъ сталъ выводить чувства изъ движенія атомовъ, а идеи—изъ колебаній мозга, **—выводить, разумѣется, въ однѣхъ только фразахъ, безъ малѣйшаго доказательства; онъ отрицалъ самосознательную волю въ верховномъ началѣ вселенной, но между тѣмъ хотѣлъ чтобы въ ней царили и разумъ и добро, тогда какъ не могутъ же они существовать сами по себѣ въ пустотѣ, да не могутъ и принадлежать безсамной матеріи съ ея (внѣшнимъ только) механизмомъ; они явно принадлежность духа (то-есть изначальнаго самочувствія и самосознанія). Но Штра̀усъ вовсе не вывелъ практическихъ слѣдствій своего застѣнчиваго матерьялизма; это сдѣлали безстыжіе герои „Коммуны", это дѣлаетъ та чернь, которой „борьбу за существованіе" теоретически подсунули на мѣсто любви, вѣры, совѣсти, и которая теперь ведетъ эту борьбу поджогами, убійствомъ и разбоемъ, которая слѣдуетъ только своимъ побужденіямъ, соединяетъ любострастіе съ жестокостью и услаждается своимъ существованіемъ до тѣхъ поръ, пока середи войны всѣхъ противъ всѣхъ не повстрѣчаетъ смертоносной пули. Уже ли недостаточно былъ громокъ и этотъ страшный поистинѣ увѣтъ? Не ужели и теперь не захотятъ еще разъ провѣрить эту теорію, вынужденную отрицать различіе между добромъ и зломъ, между истиной и ложью, такъ какъ вѣдь все у ней выходитъ естественно-неизбѣжнымъ разультатомъ слѣпыхъ только силъ и слѣпыхъ веществъ?

Съ другой, противоположной повидимому стороны мы встрѣчаемъ одинаковое презорство къ разуму и къ совѣсти.... Тѣ притязательные приговоры, какіе любому изъ римскихъ папъ доводилось когда-либо изрекать государствамъ и народамъ, все что̀ они когда-либо возвѣщали или возвѣстятъ какъ религіозное ученіе, должно тотчасъ же быть принято за вѣчную истину, и навѣки долженъ быть осужденъ тотъ, кто этого не приметъ! Такого рода безуміе, на которое образованные наши люди готовы только улыбнуться свысока, располагаетъ однакожъ хорошо устроенною черною ратью; вышколенная іезуитствомъ въ строгомъ послушаніи, распространяется она въ городахъ и селахъ по всѣмъ рѣшительно домамъ, и во всѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ водитъ вѣрующихъ на своихъ нитяхъ сообразно цѣлямъ, ею себѣ поставленнымъ. То что она заносчиво сбросила съ себя маску и враждебно противустала Германской имперіи вмѣсто того чтобы для вида примкнуть къ ней, а потомъ исподволь забрать ее въ свои руки, это можно сказать наше счастіе, это нудитъ насъ провести границу между государ-

* Какъ будто бы «фосфоресценція мозга», понятнѣе для человѣка, нежели сознаваемая имъ мысль!

** Въ послѣдней, прискорбной, своей книгѣ «Древняя вѣра и новая». Прим. перев.

ствомъ и Церковью, это выдвигаетъ на первый планъ свободное примиреніе образованности съ христіанствомъ въ религіи духа, самосознанія.

Честь и слава тѣмъ немногимъ членамъ католичества, которые не согнули колѣнъ передъ Вааломъ! Вѣрность католицизму въ исторической его наличности побудила Дёллингера возстать противъ новыхъ догматовъ; у него и у Фридриха заговорила историческая совѣсть нѣмецкаго ученаго, которая не могла допустить, чтобы непогрѣшительность папы возведена была въ вѣчную истину, въ полносильный всегда догматъ, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что одного папу осудили за ересь, что соборы становились выше папъ. Германская душа дрогнула въ Рейнкенсѣ, германское чувство права возстало у Шульте, германская мысль зашевелилась у Іоанна Губера и Фрошаммера, и совокупная дѣятельность разнообразныхъ этихъ силъ по крайней мѣрѣ держитъ раскрытою ту язву, которая грозитъ порчей всему организму нашего народа. Что ультрамонтанизмъ точно такъ же загубилъ бы германство, какъ загубилъ бы его и матерьялизмъ съ своими практическими послѣдствіями, это не нуждается уже ни въ какомъ новомъ доказательствѣ послѣ того, какъ ультрамонтаны такъ явно обнаружили свое намѣреніе завладѣть міромъ.

Въ видѣ отдаленной цѣли, Дёллингеръ и друзья его указываютъ намъ на возсоединеніе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Но этого не льзя достигнуть частнымъ только видоизмѣненьемъ догматовъ, тѣмъ чтобы католикъ немножко поступился въ чемъ-либо одномъ, а протестантъ немного переиначилъ зато другое свое положеніе; исходной точкою слѣдуетъ принять исторически вѣдомого намъ Христа и собственныя слова его *; эти слова и образцовая для насъ жизнь Спасителя опредѣлили отношеніе наше къ Богу, осуществили собой высшій нравственный идеалъ, любовь; можно удовлетвориться этимъ и вѣрить, что считай онъ необходимымъ что-нибудь бо́льшее, онъ, конечно, высказалъ бы это и положительно установилъ. Но для него главнымъ было душевное состояніе людей ему близкихъ, а соглашеніе съ возвѣщенною имъ религіозною истиной естественныхъ и историческихъ воззрѣній грядущихъ вѣковъ онъ предоставилъ дальнѣйшему развитію человѣческаго духа. И подлинно, если вѣра должна ублажить насъ, то какъ же каждому не испытывать ея ублажающей силы въ собственной душѣ своей?

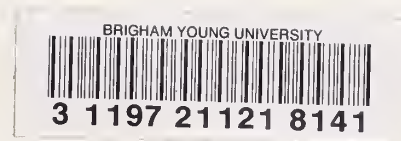
Но это именно вѣра въ нравственный міропорядокъ. Она — законъ свободы и безотмѣнно предполагаетъ послѣднюю: вѣдь доброта̀, любовь дѣйствительны въ свободномъ только духѣ, въ волѣ, опредѣляющей самоё себя. Поэтому нравственный міропорядокъ не такая неодолимая уже пуда, какъ порядокъ естественный и его косная необходимость, дающая основу и средства для главной цѣли жизни, для осуществленія добра; это не болѣе какъ обязанность, заповѣдь долга, которая слышна въ божескомъ голосѣ нашей совѣсти и отъ исполненія которой зависитъ наше спасенье. Мы можемъ уклоняться отъ нея и напрасно убивать время, пока печальный опытъ не научитъ насъ уму-разуму. Самосознанія и самоопредѣленія ни кто не мо-

* Авторъ судитъ, разумѣется, какъ протестантъ, и мы оставляемъ это на личной его отвѣтственности. Прим. перев.

жетъ даровать намъ, ни природа, ни самъ Богъ; только способность къ тому и другому — даръ божій, а осуществлять ее предоставлено намъ самимъ. Такъ выходимъ мы самозданными, и это именно печать высокой нашей чести, нашего богоподобія, но это вмѣстѣ и тяжкая ниспосланная намъ судьба, что мы не удовлетворяемъ изначально своему назначенію, какъ другія природныя существа, а потому неудовлетворены и сами; призванные къ самоусовершенію, мы должны выслужиться изъ этого недовольства, и изъ-за достиженія свободы подвергаемся ложной мечтѣ, грѣху, а также всѣмъ скорбямъ и бѣдствіямъ, какія влечетъ за собой заблужденіе самосильныхъ жизненныхъ побудовъ. Жизнь наша постоянное восхожденіе, но вмѣстѣ и путь страды; зато онъ ведетъ къ добру, ведетъ къ миру и блаженному совершенству, если мы поставимъ себя въ полное согласіе съ нравственнымъ міропорядкомъ. Вѣра въ нравственный міропорядокъ значитъ вѣра въ Бога живого, въ которомъ мы живемъ, движемся и есмы, въ Вѣчнаго, который все изъ себя развиваетъ и остается при себѣ во всемъ и надо всѣмъ, который отпускаетъ конечный духъ на волю и призываетъ его въ свободномъ съ нимъ союзѣ обладать царствомъ любви, царствомъ божіимъ, въ которое вступилъ самъ Христосъ, преодолѣвъ искушеніе и предавъ волю свою волѣ вѣчной, возстановивъ этимъ въ лицѣ своемъ для всего человѣчества то сознаніе сыновней связи съ Богомъ, которое родъ людской утратилъ грѣхомъ. Эта вѣра въ нравственный міропорядокъ дѣлаетъ насъ его членами, его самосознательными органами, подобно всѣмъ героямъ и мудрецамъ, всѣмъ великимъ творческимъ художникамъ, которыхъ произведенія мы и разсматривали въ этомъ именно свѣтѣ. Опираясь на эту вѣру, философствовали Лейбницъ, Кантъ и Фихте, сочиняли Лессингъ и Гердеръ, Гёте и Шиллеръ, писалъ кистью Корнеліусъ и ваялъ рѣзцомъ Ритшель, слагали мелодическій потокъ своихъ звуковъ въ гармонію Бетховенъ и Моцартъ; и какъ благодаря силѣ духа, благодаря названнымъ его героямъ, мы пріобрѣли себѣ земное отечество, такъ точно заявимъ здѣсь въ видѣ надежды и предсказанія, что, въ томъ же самомъ смыслѣ, народъ пріобрѣтетъ себѣ наконецъ общее бого-и міросозерцаніе, а съ нимъ вмѣстѣ и необходимое условіе новыхъ прекрасныхъ созданій поэзіи и искусства, какими расцвѣтетъ идеальный реализмъ.

ИЗДАНІЯ К. СОЛДАТЕНКОВА.

Аѳанасьева	Народныя Русскія сказки. 4 части Изд. 2.	6 р.
—	Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 3 части	8 р.
Берга	Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части.	2 р. 50 к.
—	Севастопольскій альбомъ (37 рисунковъ).	7 р.
Вейса	Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Т. I, Ч. 1 и 2-ая и Т. II, Ч. 1-ая. Пер. В. Чаева.	12 р.
Вольскаго	Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки крестьянами-собственниками.	2 р. 50 к.
Гартмана	Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, въ 2-хъ книгахъ. А. Козлова.	4 р. 50 к.
Геттнера	Исторія всеобщ. литерат. XVIII вѣка. Т. III, Кн. I. Перев. А. Пыпина и А. Плещеева.	2 р.
Грановскаго	Сочиненія. 2 части	2 р.
Ешевскаго	Сочиненія. 3 части.	6 р.
Забѣлина	Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи 1 и 2-ая части; за каждую	2 р.
—	Кунцово и древній сѣтунскій станъ	2 р.
Иеринга	Борьба за право. Перев. П. Волкова	75 к.
Кавелина	Сочиненія. 4 части.	5 р.
Карьера	Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Перев. Е. Корша.	16 р.
Ключевскаго	Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ.	2 р.
Кольцова	Стихотворенія. Изд. 6.	20 к.
Куглера	Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. Части I и II.	10 р.
—	Руководство къ исторіи живописи. Перев. Н. Васильева.	7 р.
Лотце	Микрокозмъ. 3 части. Перев. Е. Корша.	6 р. 50 к.
Любке	Исторія пластики. Перев. В. Чаева.	6 р.
Огарева	Стихотворенія. Изд. 3.	50 к.
Попова	Россія и Сербія. 2 части	4 р.
Рихтера	Вліяніе целлулярной патологіи	1 р.
Рѣшетникова	Сочиненія 2 части.	5 р. 50 к.
Тацита	Лѣтопись. 2 тома. Перев. К. Кронеберга.	1 р. 50 к.
Трачевскаго	Польское безкоролевье.	3 р.
Тэна	Чтеніе объ искусствѣ.	2 р.
Тренделенбурга	Логическія изслѣдованія. 2 части.	4 р.
Фета	Стихотворенія. 2 части	2 р.
Фрикена	Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I-я.	1 р.
Фюстель-Куланжъ	Гражданская община античнаго міра. Переводъ Е. Корша.	2 р. 50 к.
Чичерина	Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2 и 3; за каждую	3 р.
—	Нѣсколько современныхъ вопросовъ.	1 р.
—	О народномъ представительствѣ	3 р.
—	Областныя учрежденія	3 р.
—	Опыты по исторіи русскаго права.	1 р.
—	Очерки Англіи и Франціи	1 р.
Шекспира	Драматическія сочиненія. Перев. Н. Кетчера. Ч. 1—7-ая; за каждую.	1 р.
Шилова	Ключь или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи С. Соловьева. Съ 6-ю родословными таблицами.	3 р.


BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 21121 8141